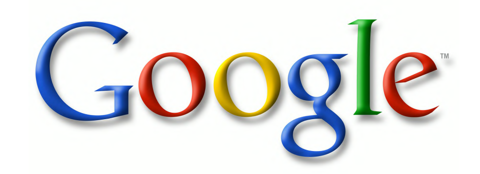


This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

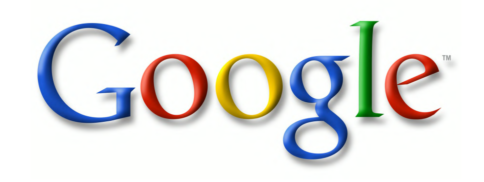
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`



Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

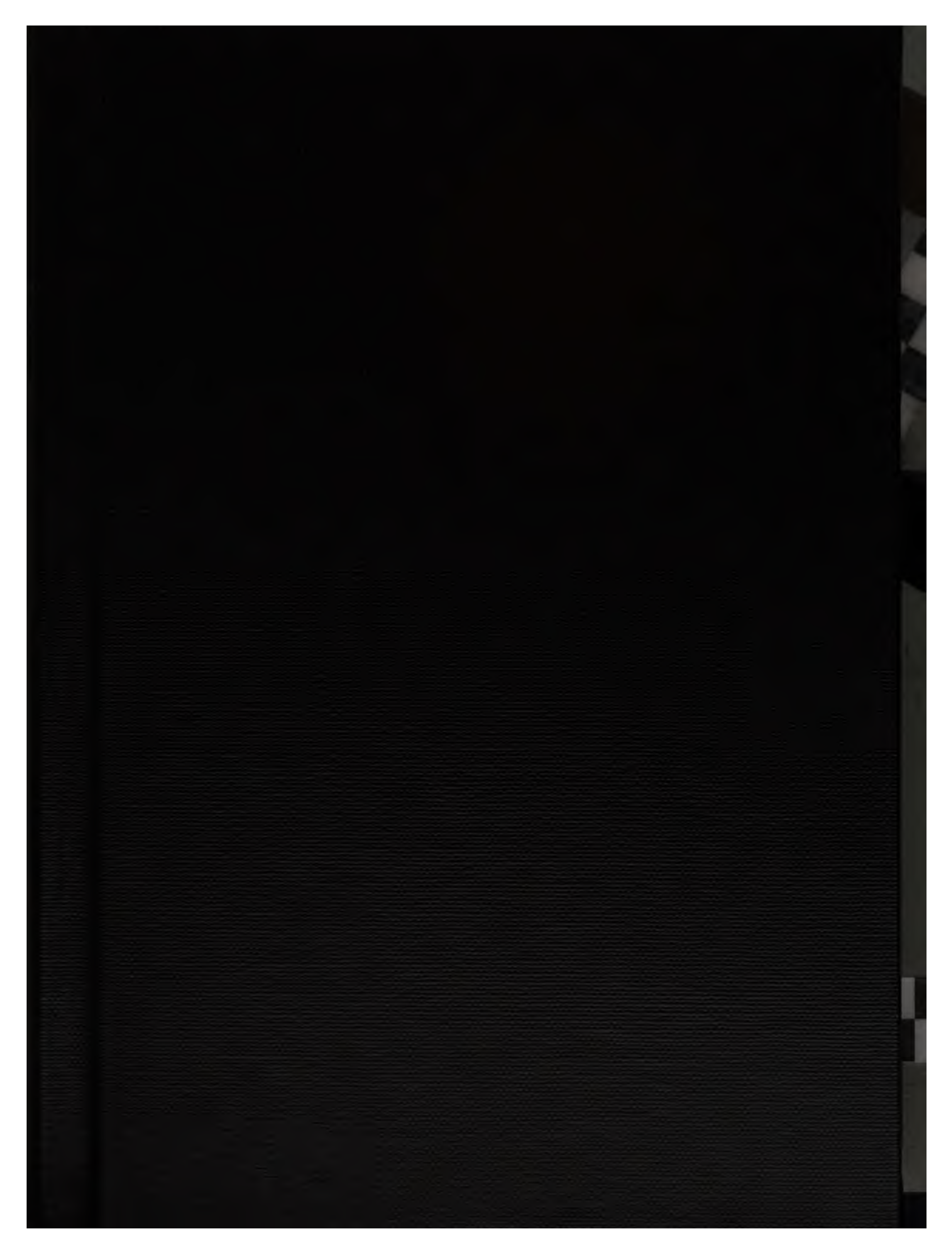
Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

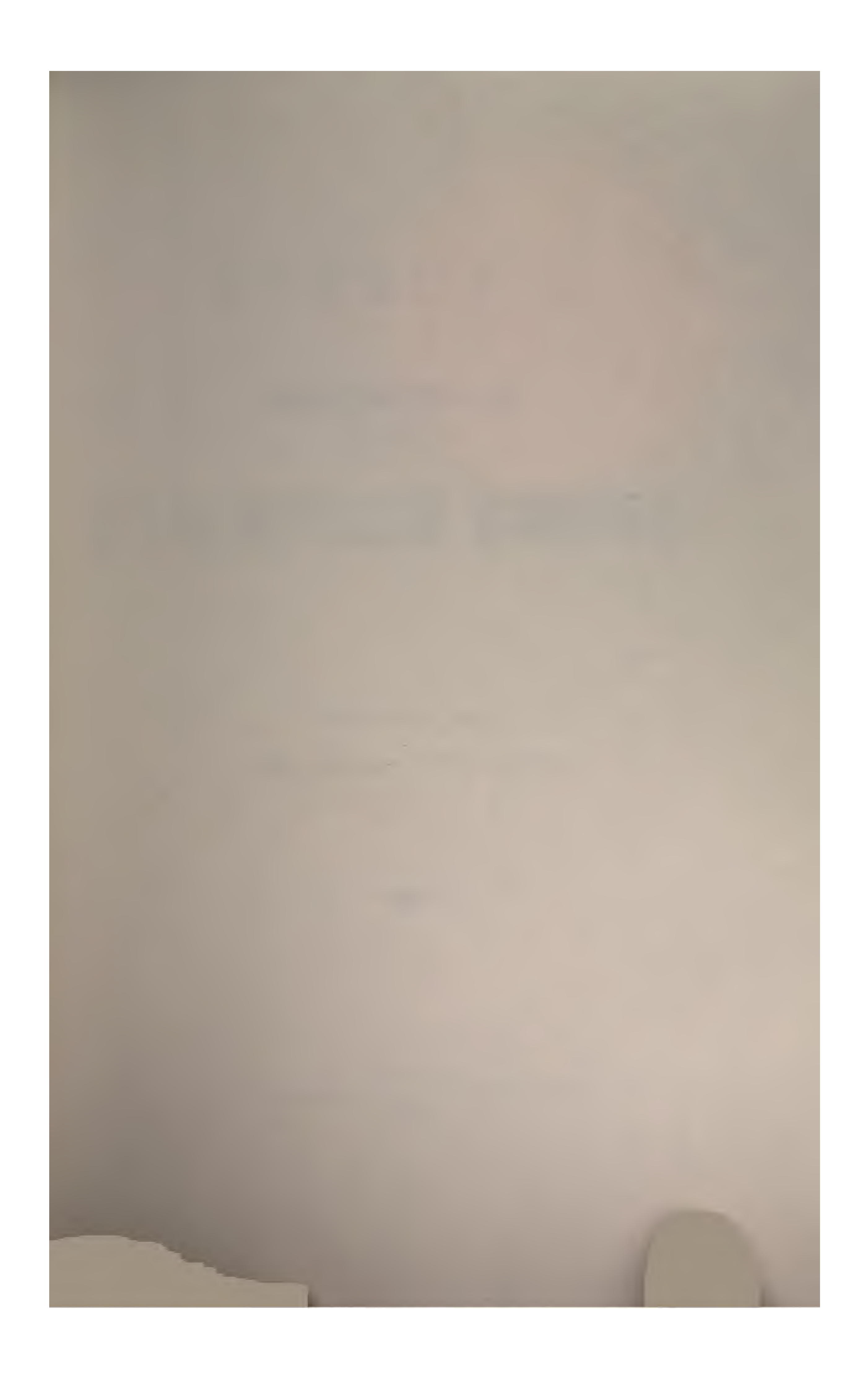
О программе Поиск кпиг Google

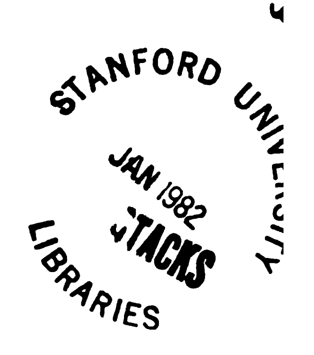
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES




STANFORD UNIVERSITY
JAN 1982
STACKS
LIBRARIES

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Выпускъ 24.

Съ 18-ю таблицами и 50-ю чертежами.

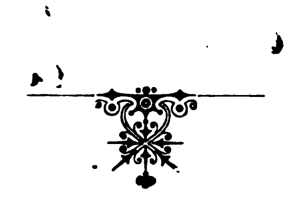
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40
1907.

Печатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

Библиотека АН СССР
Восточное отделение
2356/273

Н. В. Султановъ.

ОСТАТКИ
ЯКУТСКАГО ОСТРОГА
и
НѢКОТОРЫЕ ДРУГІЕ ПАМЯТНИКИ
ДЕРЕВЯННАГО ЗОДЧЕСТВА ВЪ СИБИРИ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1907.

82 60ST2 53 005 XL 2096

Bulletin de la Commission Impériale Archéologique.

24-ème livraison.

N. Soultanoff. Les ruines de la forteresse de Yakoutsk et quelques autres monuments de l'architecture en bois en Sibérie (av. 18 planches et 50 figures).

Остатки Якутскаго острога

и

нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ деревяннаго зодчества

въ Сибири.

(По архивнымъ даннымъ).

Источники:

1. Архивное дѣло Техническаго Строительнаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ 3-томахъ, № 287, 1869 года.
2. Архивное дѣло бывшаго Хозяйственнаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, № 607 и № 105, 1877—1879 гг.
3. Дѣло Императорской Археологической Коммиссіи № 246, 1900 года и другая переписка той же Коммиссіи.

„Корыстолюбивое невѣжество не уважаетъ остатковъ старины! Острожки и городки въ Сибири постепенно уничтожаются. Вѣроятно, придетъ время, когда мы тщетно будемъ искать слѣдовъ военной архитектуры нашихъ казаковъ завоевателей". (Н. Щукинъ. „Поѣздка въ Якутскъ". Спб. 1844 г.).

„Строжайше воспрещается разрушать остатки древнихъ замковъ, крѣпостей, памятниковъ и другихъ зданій древности, подъ отвѣтственностью за нарушеніе сего Губернаторовъ и мѣстной полиціи". (Уставъ Строительный, ст. 76).

I.

Въ 1683-мъ году, при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, былъ поставленъ въ городѣ Якутскѣ новый острогъ.

Остатки этого укрѣпленія существуютъ и въ настоящее время и состоятъ изъ четырехъ деревянныхъ башенъ и двухъ пряселъ такой-же стѣны (табл. V, VI, VII, VIII и IX). Они представляютъ собою едва-ли не *единственный* во всей Русской Имперіи образецъ нашего древняго деревяннаго

крѣпостного зодчества, ведущаго свое начало, по лѣтописнымъ даннымъ, отъ временъ Игоря и Ольги, а въ дѣйствительности—отъ временъ гораздо болѣе отдаленныхъ.

Не взирая на бури и на «сибирскія» непогоды, цѣлыхъ двѣсти двадцать лѣтъ простояли эти почтенные остатки древне-русской твердыни; и, быть можетъ, простояли-бы еще очень долго, если-бъ не появился новый врагъ, гораздо болѣе страшный, чѣмъ бури и непогоды.

Начиная съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, мѣстныя власти, во имя ложно понимаемаго городскаго «благообразія», начинаютъ дѣлать неоднократныя и весьма настойчивыя представленія о сломкѣ этихъ остатковъ. Императорская Археологическая Коммисія до сихъ поръ довольно успѣшно сопротивлялась подобному вандализму, но что будетъ дальше,—сказать трудно.

Поэтому, помня приведенныя въ эпиграфѣ слова Щукина, мы рѣшились закрѣпить память объ остаткахъ Якутскаго острога, хотя-бы въ археологической литературѣ.

Но, прежде чѣмъ разбирать самый памятникъ, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать краткій историческій обзоръ тѣхъ обстоятельствъ, которыя обусловливали его сооруженіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ прослѣдить его дальнѣйшую судьбу.

Еще задолго до Ермака русскіе были хорошо знакомы съ сѣверо-западною частью Сибири [1]).

Затѣмъ въ 1557-мъ году Иванъ Грозный послалъ двухъ атамановъ, Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева за Сибирь, на югъ, и снабдилъ ихъ дружественными грамотами къ государямъ тѣхъ народовъ, которыхъ имъ придется встрѣтить [2]). Эти смѣльчаки прошли всю Сибирь и Монголію, проникли за Китайскую стѣну и добрались до Пекина, откуда не только благополучно возвратились назадъ, но даже подали «доѣздъ по наказу своему» [3]), т. е., иными словами, докладъ о своемъ путешествіи. Такимъ образомъ уже въ половинѣ XVI-го вѣка русскіе имѣли письменныя свѣдѣнія о пути черезъ всю Сибирь до Пекина. Затѣмъ въ концѣ XVI вѣка Ермакъ покоряетъ часть Западной Сибири. Съ этихъ поръ русскіе съ неудержимою силою стре-

---

[1]) Собственно впервые русскіе познакомились съ Сибирью въ 1245—1247 г. во время путешествія на Амуръ къ великому хану Октаю князя Константина, сына великаго князя Ярослава II Всеволодовича, которому потомъ самому пришлось ѣхать туда-же на поклонъ къ новому хану Гаюку. Но мы знаемъ объ этомъ лишь какъ о голыхъ лѣтописныхъ фактахъ, и никакихъ записей о пройденномъ пути до насъ не дошло.

[2]) См. у Карамзина т. IX, гл. VI.

[3]) См. „Приложеніе къ Чертежной книгѣ Сибири". Спб., 1882 г., стр. 3.

мятся впередъ и въ теченіе полутораста лѣтъ захватываютъ ее всю: только океанъ полагаетъ преграду этому стихійному движенію.

Начатое при Грозномъ завоеваніе продолжалось и при его преемникахъ, но особенно много сдѣлалъ для Сибири Годуновъ.

Черт. 1. Городъ Пелымъ на Тавдѣ.
(По „Чертежной книгѣ Сибири“ Семена Ремезова, 1701 года).

«Мы, сыны Сибири, говоритъ Словцовъ—одинъ изъ основательнѣйшихъ историковъ Сибири,—должны въ лицѣ Бориса Ѳеодоровича Годунова чтить искуснаго хозяина, разумно и дѣятельно принявшагося за дѣло нашей родины, не смотря на худую славу, какую онъ наслѣдовалъ за изуродованіе Архангельской промышленности, при царственномъ зятѣ, чрезъ непомѣрное угожденіе вольностямъ Англійскаго торга [1]). Устроитель Сибири, сперва въ

[1]) Грамота 29 марта 1588 объ исключеніи англичанъ изъ таможенныхъ сборовъ въ Архангельскѣ. Акты Арх. Экспед., томъ I. (Ссылка Словцова).

качествѣ ближайшаго сановника, потомъ въ санѣ Государя, дабы безвозвратно связать Сибирь съ Россіею, развилъ въ теченіе 20-ти лѣтъ, отъ подошвы Урала къ Енисею, непрерывную прогрессію силъ, рядъ замковъ и городовъ, взаимно себѣ помогавшихъ, какъ рядъ редутовъ, надвое разрѣзавшихъ племена подозрительной вѣрности. Къ сѣверу очутились отдѣленными Вогулы, Остяки, частію Татары, Самоѣды, Тунгусы—племена въ идеѣ подданства движимыя, какъ ихъ стрѣлы, и также виляющія послѣ минуты направленія. Параллельная сѣверная линія, разъединивъ въ свою очередь однородцевъ и надзирая за ихъ расположеніями, совершенно съ сѣвера обезопасила главную просѣку водвореній».

«Съ картою въ рукѣ не лучше можно бы распорядиться. Укрѣпленія въ Обдорскѣ и на Тазѣ, заставы на западномъ берегу Оби со стороны Обдорска и другія заставы къ Енисею, по правилу подражанія позднѣе брошенныя, представляютъ въ Борисѣ Государя, умѣющаго раскидывать сѣть таможенную; въ самомъ дѣлѣ, если уже рѣшено, что между Сибирью и Россіею всѣ привозы и вывозы подлежатъ въ Верхотурьѣ пошлинѣ, то нѣтъ и побочныхъ дорогъ, кромѣ указной» [1]).

Черт. 2.
Кетскій острогъ на Кетѣ.
(По Ремезову).

И дѣйствительно мы видимъ, что въ короткій промежутокъ времени, съ 1585-го по 1601 г., т. е. въ періодъ властвованія Годунова, вся западная Сибирь покрывается сѣтью русскихъ остроговъ и крѣпостей. За это время были основаны Бѣлгородскій острогъ на Оби, Тюмень на Турѣ, Тобольскъ на Иртышѣ, Тавда на Лозвѣ, Березовъ на Сосвѣ, Пелымъ на Тавдѣ (черт. 1), Тара на Иртышѣ, Сургутъ на Оби, Обдорскъ на Полуи, Нарымъ на устьѣ Кета, Кетскій острогъ на Кетѣ (черт. 2), Верхотурье и Туринскъ на Турѣ, Мангазея между устьями Оби и Енисея, и наконецъ самымъ послѣднимъ Томскъ на Томи въ 1601-мъ году.

Мы не знаемъ плана, по которому дѣйствовало московское правительство въ это время, но во всякомъ случаѣ ясно, что оно дѣйствовало не наобумъ, что и совершенно правильно отмѣчаетъ Словцовъ, и о чемъ мы можемъ заключать также по аналогіи съ дѣйствіями того-же московскаго правительства во второй половинѣ XVII вѣка, планъ которыхъ выясняется найденнымъ г. Оглоблинымъ «Чертежнымъ описаніемъ Сибири».

---

[1]) Словцовъ. „Историч. опис. Сибири", часть 1, стр. 20—21.

«Это чертежное описаніе, говоритъ онъ, представляетъ найденная мною «роспись противъ чертежу» 1668 г. [1]) Вотъ начало ея:

«Роспись противъ чертежу... Сибирскихъ земель городомъ и острогамъ и слободамъ, и гдѣ межъ слободъ Тобольскаго и Верхотурскаго уѣздовъ построить какія крѣпости, и рѣки, и озера, и сколько гдѣ крѣпостей, по высмотру стольника и воеводъ Петра Ивановича Годунова съ товарищи, посадить драгунъ, и къ Китайскому государству ходъ, и Китайскіе городы, и рубежъ, и азбука—почему знать городы и остроги и слободы» и проч., «за свидѣтельствомъ всякихъ чиновъ людей», которые въ тѣхъ краяхъ бывали и тѣ страны «знаютъ подлинно» и т. д.

«Итакъ, помимо цѣли общаго географическаго описанія Сибири, заключаетъ онъ, чертежъ 176 (1668) года былъ составленъ и по спеціальному поводу, именно для описанія тѣхъ мѣстностей, гдѣ слѣдуетъ «построить крѣпости» и «посадить драгунъ» въ Тобольскомъ и Верхотурскомъ уѣздахъ, для защиты ихъ «отъ прихода воинскихъ людей». Объ этихъ спеціальныхъ цѣляхъ составленія чертежа 176 г. говорятъ 4-я и 5-я статьи «росписи», которыя отмѣчаютъ тѣ мѣстности, гдѣ назначено «быть драгуномъ» и проч. [2]).

А отсюда ясно, что при основаніи остроговъ московское правительство руководствовалось военно-стратегическими цѣлями для объясачиванья инородцевъ и покоренія края.

Съ 1601 года наступаетъ нѣкоторый перерывъ въ русскомъ строительствѣ въ Сибири, вплоть до 1617 года, что, впрочемъ, вполнѣ понятно, такъ какъ во второй половинѣ своего царствованія Годуновъ заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы удержаться на престолѣ; затѣмъ появляется Самозванецъ и наступаетъ «московская разруха», когда и самое владычество русскихъ въ Сибири было поколеблено, ибо инородцы стали волноваться и мѣстами нападать на русскія поселенія, узнавъ, что въ Москвѣ нѣтъ Царя.

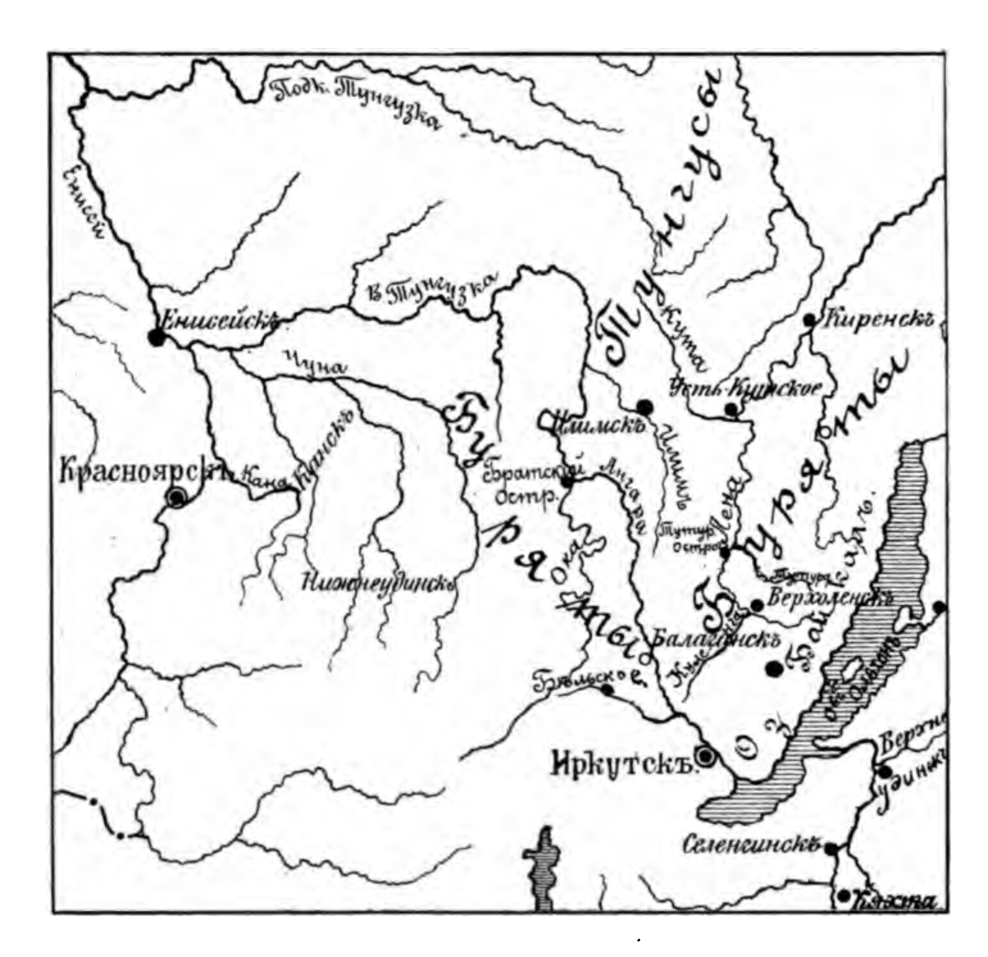
Но съ воцареніемъ Михаила Θеодоровича русскія дѣйствія въ Сибири принимаютъ прежній характеръ, хотя и не столь напряженный какъ раньше, ибо государство лишь медленно поправлялось отъ пережитаго погрома. Тѣмъ не менѣе, независимо отъ постройки дополнительныхъ остроговъ въ Западной Сибири, московское правительство продвигается понемногу впередъ и на востокъ и утверждаетъ свое господство въ верхнемъ концѣ средняго теченія Енисея.

---

[1]) Сибирск. приказа столбецъ № 867. (Ссылка г. Оглоблина).

[2]) См. Н. Оглоблинъ, Источники „Чертежной Книги Сибири“ Семена Ремезова (*Библіографъ* 1891 г., № 1).

Съ этою цѣлью оно основываетъ въ 1617 году Енисейскъ на Енисеѣ (черт. 3), два года спустя Маконскій острогъ на Кетѣ, правомъ притокѣ Оби, почти на параллели Енисейска, и затѣмъ въ 1627-мъ году Красноярскъ на устьѣ Качи, впадающей въ Енисей, подвигаясь, слѣдовательно, къ верховьямъ послѣд-



Черт. 3. Карта Бурятскаго края во второй половинѣ XVII вѣка.

няго, который такимъ образомъ становится въ концѣ 30-хъ годовъ XVII-го столѣтія русскою границею.

Но, конечно, Енисей не могъ удержать поступательнаго движенія русскихъ, и дѣйствительно мы видимъ, что уже въ слѣдующемъ году послѣ основанія Красноярска русскіе переходятъ Енисей и основываютъ Канскій острогъ, почти на параллели Красноярска, на р. Канѣ, правомъ притокѣ Енисея (черт. 3).

Такъ какъ все дальнѣйшее движеніе русскихъ совершается отдѣльными мелкими походами, направляемыми почти исключительно по теченіямъ рѣкъ,

а власть ихъ закрѣпляется съ помощью основанія въ покоренныхъ земляхъ крѣпостей, или по тогдашнему «остроговъ», то для болѣе яснаго уразумѣнія событій необходимо слѣдить за ними по картѣ, которую мы здѣсь и прилагаемъ (табл. I).

По отстройкѣ Енисейска начинается цѣлый рядъ походовъ на востокъ, которые однако не даютъ особенно ощутительныхъ итоговъ, ибо русскіе встрѣтили очень сильное сопротивленіе со стороны бурятъ. Тѣмъ не менѣе атаманъ Максимъ Перфильевъ основываетъ въ 1631-мъ году на правомъ берегу Ангары, противъ устья ея лѣваго притока Оки, Братскій острогъ [1]), отъ котораго до Лены было, по сибирски, что называется, рукой подать (черт. 3) [2]).

Оставляя въ сторонѣ мелкіе казацкіе набѣги, заканчивавшіеся лишь сборомъ ясака, мы перейдемъ теперь къ завоеванію бассейна Лены, которое началось съ похода атамана Галкина, посланнаго въ 1630-мъ году изъ Енисейска. Галкинъ пошелъ по Верхней Тунгускѣ въ ея лѣвый притокъ Илимъ и, поднявшись по немъ, перешелъ волокомъ въ р. Куту, лѣвый притокъ Лены. Здѣсь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ надо было переволакиваться съ Илима на Куту, онъ построилъ зимовье, которое переименовано было въ 1649-мъ году въ г. Илимскъ (черт. 3) [3]), и отправилъ своихъ людей для развѣдокъ и за ясакомъ вверхъ и внизъ по Ленѣ. Въ слѣдующемъ году онъ спустился по р. Куту и при устьѣ ея основалъ другое зимовье, которое послужило ядромъ будущаго Усть-Кутскаго острога [4]). На смѣну Галкина былъ присланъ въ 1632 г. боярскій сынъ сотникъ Бекетовъ, который поднялся сперва вверхъ по Ленѣ, но послѣ неудачной встрѣчи съ бурятами долженъ былъ вернуться назадъ и заложилъ Тутурскій острогъ [5]) при устьѣ Тутурки, праваго притока Лены. Послѣ этого онъ спустился далеко внизъ по Ленѣ и въ томъже 1632-мъ году заложилъ Якутскій острогъ (табл. I и черт. 4), который явился въ это время самымъ передовымъ мѣстомъ русскихъ поселеній на дальнемъ Сѣверо-востокѣ и сдѣлался тѣмъ средоточіемъ, изъ котораго распространилось русское владычество въ восточной Сибири.

По основаніи Якутска московское правительство, повидимому, долго не давало себѣ яснаго отчета объ его географическомъ положеніи, потому что

---

[1]) Нынѣ село Братское, въ Нижнеудинскомъ округѣ.
[2]) Обо всемъ этомъ подробно см. у Фишера и у В. К. Андріевича.
[3]) Теперь заштатный городъ Илимскъ.
[4]) Теперь Усть-Кутское село Киренскаго округа.
[5]) Теперь Тутурская слобода.

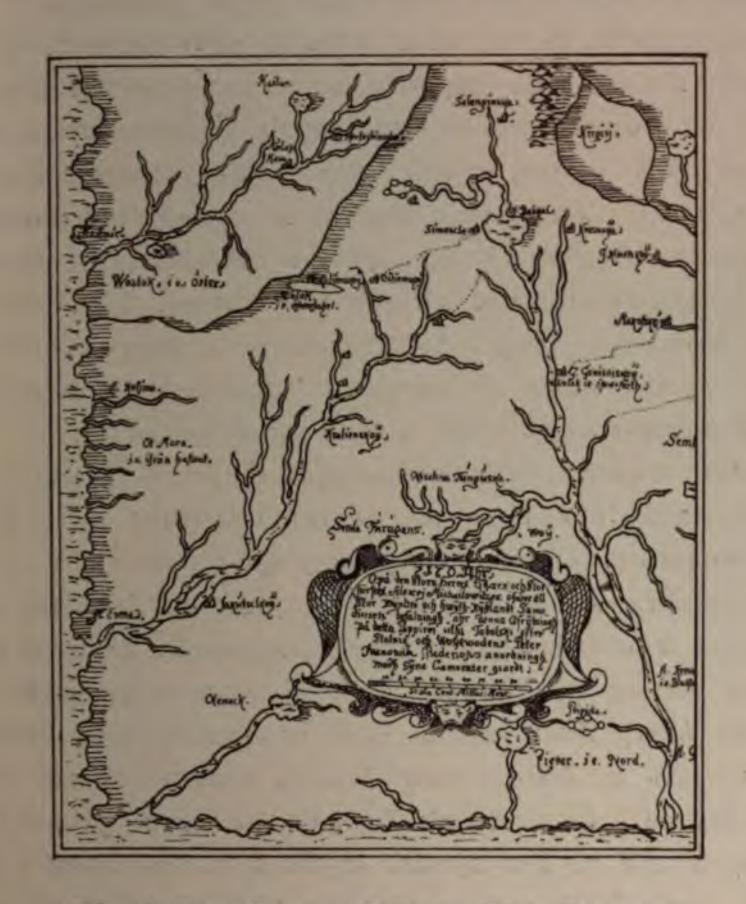
на первой общей картѣ Сибири, составленной въ 1668 году подъ наб
ніемъ стольника и Тобольскаго воеводы Петра Ивановича Годунова [1])
показанъ близь устьевъ Лены, т. е. почти у Ледовитаго океана (черт

Черт. 4. Г. Якутскъ въ самомъ концѣ XVII вѣка.
(По Семену Ремезову).

Въ картѣ этой съ перваго взгляда разобраться довольно трудно, за
при внимательномъ разсмотрѣніи, вопросъ разъясняется. Прежде все

[1]) Карта Годунова въ подлинникѣ намъ неизвѣстна и дошла до насъ т
въ копіи шведскаго „кондуктора фортификаціи" Іогансена Прютца, ко
скопировалъ ее въ 1669 году въ Москвѣ, въ свою бытность тамъ въ составѣ
скаго посольства (См. у Кордта, „Матеріалы по русской картографіи", в
серія, вып. 1, стр. 25). Эта карта была сперва напечатана А. А. Титовым
1890 г. (См. его „Сибирь въ XVII вѣкѣ"), а потомъ В. Кордтомъ въ 1906 г

замѣчаемъ внизу, направо надпись Ziever. j e. Nord, т. е. «Сѣверъ или Нордъ», а затѣмъ вверху чертежа въ верховьяхъ рѣки показано справа озеро, съ надписью «os. Baikal». Итакъ, если сѣверъ внизу, а Байкалъ на верху, то карта оказывается перевернутой низомъ вверхъ по сравненію съ



Черт. 5. Карта Восточной Сибири П. И. Годунова.
(По В. Кордту).

современной оріентировкой, въ чемъ, впрочемъ, страннаго ничего нѣтъ и что мы замѣчаемъ даже на многихъ старинныхъ европейскихъ картахъ, какъ напр. на картѣ Украйны Боплана 1650 г. [1]) и др. Тотъ-же пріемъ, какъ мы увидимъ далѣе, встрѣчается и гораздо позже, въ 1701-мъ году, въ «Чертежной картѣ Сибири» Тобольскаго сына боярскаго Семена Ремезова.

---

[1]) Есть въ изданіи Кордта,—вып. 1, табл. XXXII.

Въ предисловіи къ изданію этой книги, сдѣланномъ Императорской Археографической Коммиссіей [1]), совершенно справедливо замѣчено по этому поводу слѣдующее: «Сѣверъ полагается не по греческому обычаю, усвоенному нынѣ въ видѣ общаго правила, а по хранившемуся до XVI вѣка арабскому, внизу листа, или даже его положеніе измѣняется по произволу».

Переходя затѣмъ къ очертаніямъ морей на картѣ Годунова, мы видимъ, что истинный ихъ видъ былъ совершенно неизвѣстенъ ея составителямъ, вслѣдствіе чего они обозначали ихъ по предположенію и наивно располагали берега параллельно рамкѣ чертежа, причемъ Лена оказалась впадающей въ лѣвое море, т. е. въ Ламу или Охотское море, а не въ Ледовитый океанъ. А что слѣва предполагалось Охотское море, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что на берегу его написано: «Wostok j. e. Osters», и что въ него же показанъ впадающимъ Амуръ. Что-же касается до Якутска, то онъ помѣщенъ на чертежѣ налѣво отъ картуши съ надписью, недалеко отъ устьевъ Лены, гдѣ изображены два домика и написано: «Iakutscskoy».

Затѣмъ эта ошибка, очевидно, выясняется, ибо уже въ «Спискѣ съ чертежа Сибирскія земли 1672 года» мы читаемъ слѣдующее: «А отъ Якутскаго острогу, по Лѣнѣ рѣкѣ, внизъ до моря ходу три недѣли» [2]).

Поселившіеся въ Якутскѣ казаки получили въ 1635 году названіе «Якутскихъ» и съ этого времени стали предпринимать походы во всѣ стороны. Въ томъ-же году сотникъ Бекетовъ заложилъ Олекминскій острогъ на лѣвомъ берегу Лены, немного выше ея праваго притока Олекмы, примѣрно, верстахъ въ 500-хъ выше Якутска. Такимъ образомъ захвачено было все верхнее и среднее теченіе Лены, гдѣ было расположено пять остроговъ: Верхоленскій [3]), Усть-Кутскій, Киренскій [4]), Олекминскій и Якутскій (черт. 3 и табл. I). Но первоначально дѣла шли неудачно въ виду соперничества съ казаками другихъ остроговъ, напр. съ мангазейцами. Эти неурядицы не могли укрыться отъ зоркаго глаза московскаго правительства и побудили его образовать въ 1638-мъ году самостоятельное «Якутское воеводство», первыми воеводами котораго были стольники Петръ Головинъ и Матвѣй Глѣбовъ; они прибыли въ Якутскъ въ 1641 году и скоро водворили тамъ

---

[1]) Въ 1882-мъ году, иждивеніемъ П. И. Лихачева.

[2]) См. у Г. И. Спасскаго: „Списокъ съ чертежа Сибирскія земли 1672 году". („*Временникъ Имп. Моск. О-ва Ист. и Др. Росс.*", книга 3-я, 1849 г.).

[3]) Заложенъ въ 1641 г.

[4]) Заложенъ въ 1630 году; переименованъ въ острогъ въ 1665 году.

должный порядокъ. Въ составъ ихъ воеводства вошло все верхнее теченіе Лены и земли по рѣкамъ Илиму, Вилюю и Алдану (табл. I).

Прибытіе воеводъ благопріятно отразилось не только на упорядоченіи мѣстныхъ дѣлъ, но и на изученіи края и ознакомленіи съ нимъ московскаго правительства. Они не только составили подробный маршрутъ своего пути, но тотчасъ-же по прибытіи на мѣсто занялись изученіемъ страны.

Любопытныя свѣдѣнія мы находимъ въ этомъ отношеніи у Е. Е. Замысловскаго: «Въ 1640—1641 гг., говоритъ онъ, были составлены слѣдующія росписи: 1) «роспись противъ чертежю рѣкамъ и порогамъ отъ Енисейскаго острогу вверхъ до Лѣнскаго волоку, по которымъ шли на государеву службу на великую рѣку Лену въ Якутцкой острогъ изъ Енисейскаго острогу стольники и воеводы Петръ Головинъ, Матвѣй Глѣбовъ, дьякъ Еуѳимей Филатовъ, во 148 году, и сколько до которой рѣки судового ходу, и стороннимъ рѣкамъ, которые пали въ Тунгуску и въ Илимъ рѣку». 2) «Роспись противъ чертежу отъ Куты рѣки вверхъ по Лѣнѣ рѣкѣ и до вершины, и стороннимъ рѣкамъ, которые впали въ Лѣну рѣку, и сколько отъ рѣки до рѣки судового ходу, и пашеннымъ мѣстамъ и роспросные рѣчи тунгускаго князя Можеулка про Брацкихъ людей и про Тунгускихъ и про Ламу, и про иные рѣки».

Но этими росписями они не удовольствовались и въ томъ же 1641-мъ году тѣ же Ленскіе воеводы доносили царю о прінскахъ служивыми людьми новыхъ земель и о томъ, что они послали на Витимъ рѣку письменнаго голову Еналея Бахтеряева для ясачнаго сбору и прінску новыхъ землицъ, для серебряной, мѣдной и свинцовой руды и хлѣбной пашни. «Да ему жъ, государь, Еналею, велѣли мы, холопи твои, Витиму рѣкѣ и падучимъ въ нее стороннимъ рѣкамъ и Чибиру озеру и Шилкѣ рѣкѣ до устья, и какіе люди по тѣмъ рѣкамъ живутъ, и много ли ихъ, и серебряной рудѣ, и мѣдной, и свинцовой, въ которыхъ мѣстѣхъ тѣ руды есть, и проходъ въ Китайское государство, по распросу иноземцевъ, велѣли сдѣлать чертежъ и роспись» [1]).

Съ своей стороны московское правительство живо интересовалось Якутскимъ краемъ, доказательства чему мы находимъ у того-же Е. Е. Замысловскаго.

---

[1]) Тамъ же № 96, стр. 261. Въ приложеніяхъ къ статьѣ А. А. Гоздаво-Голомбіевскаго: „Опись чертежей, хранившихся въ разрядѣ во 2-й половинѣ XVII вѣка“, въ Описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. арх. минист. юстиціи, кн. VI, 1889 г., напечатаны 3 наказныя памяти, относящіяся къ первому времени воеводства Головина (1640 г.); въ нихъ предписывается каждому изъ посланныхъ составить чертежъ, см. стр. 29—35. (Ссылка Е. Е. Замысловскаго).

«Въ наказѣ Ленскимъ или Якутскимъ воеводамъ Василію Пушкину и Кириллу Супоневу и дьяку Петру Стеншину, 1644 года февраля 10-го, говоритъ онъ, объ управленіи тамошнимъ краемъ находимъ слѣдующее любопытное извѣстіе: «Да о томъ о всемъ и про весь свой высмотръ, что на Лѣнѣ рѣкѣ учинятъ, велѣно имъ столнику и воеводѣ Петру Головину съ товарищи отписати, и Лѣнѣ, Алдону, и Чаю, и Вилюю, и инымъ рѣкамъ, и новымъ землицамъ, которые по тѣмъ рѣкамъ провѣдаютъ, да и Лѣнскому острогу, каковъ они поставятъ, и прежнимъ острожкамъ и дорогамъ, которыми они на Лѣну рѣку изъ Енисейскаго острогу пойдутъ, роспись и чертежъ прислать къ государю къ Москвѣ. И столники и воеводы Петръ Головинъ въ прошломъ во 150 году писали къ государю царю и великому князю Михаилу Θеодоровичу всея Русіи, и прислали великой рѣкѣ Лѣнѣ и инымъ стороннимъ рѣкамъ только одинъ чертежъ съ Лѣнскаго волоку» [1]).

Благое дѣло изученія края Якутское воеводство продолжаетъ и въ слѣдующіе года, уже въ царствованіе Тишайшаго Государя Алексѣя Михайловича, что видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

«Въ наказѣ Якутскаго воеводы Димитрія Францбекова Ерофею Хабарову, 1649 года марта 6-го, о походѣ въ Даурскую землю говорится: и тобѣ Ерофейку, съ тою государевою ясачною и поминочною казною послать въ Якуцкой острогъ, сколько человѣкъ пригоже, и той государевѣ казнѣ ясачныя именныя книги и рѣкамъ чертежъ, и многоль по тѣмъ рѣкамъ людей живетъ, и какіе люди и о томъ отписать въ Якутцкой острогъ, въ съѣзжую избу къ воеводѣ Дмитрію Андреевичу Францбекову да къ дьяку Осипу Степанову».

Хабаровъ исполнилъ это порученіе, и въ отпискѣ къ царю Дмитрія Францбекова, 1650 года мая 26-го, находимъ слѣдующее извѣстіе: «А въ тѣхъ князь Лавкаевыхъ въ городахъ и въ улусѣхъ луги великіе и пашни есть, а лѣсы по той великой рѣкѣ Амурѣ темные большіе, соболя и всякаго звѣря много; и будетъ Богъ поручитъ твоимъ государскимъ счастіемъ аманатовъ, и тебѣ государю будетъ казна великая». «Да послали мы, холопи твои, ко государю его князь Лавкаевыхъ городовъ и земли чертежъ» [2]).

Отсюда ясно, что заброшенный на край свѣта *Якутскъ уже въ половинѣ XVII вѣка* несъ не одну ратную службу, но и другую великую службу, службу русскому просвѣщенію, и *вносилъ свои оклады* не только въ русскую,

---

[1]) См. Е. Е. Замысловскій, „Чертежи Сибирскихъ земель XVI—XVII вѣка“, стр. 341—343. *Ж. М. Н. П.* ч. CCLXXV, 1891 г., іюль.
[2]) См. ibid.

но и въ европейскую науку. Ниже мы увидимъ, что составитель знаменитой «Чертежной книги Сибири» Тобольскій боярскій сынъ Семенъ Ремезовъ пользовался всѣми росписями и чертежами своихъ предшественниковъ, а его книгой въ свою очередь пользовался голландскій ученый Витзенъ, сочиненіе котораго «О странахъ сѣверной и восточной Азіи и Европы» современники ставили такъ высоко, что считали его автора «новымъ Колумбомъ» и «открывателемъ сѣверо-восточнаго Свѣта».

Такимъ образомъ Якутскъ сталъ той средой, изъ которой русская власть широкою волною разлилась на югъ, на сѣверъ и на востокъ.

При изложеніи этихъ событій можно держаться одного изъ двухъ путей: хронологическаго или географическаго. Но первый изъ нихъ, въ данномъ случаѣ, является неудовлетворительнымъ, ибо представляетъ собою, въ силу самаго характера русскихъ завоеваній въ восточной Сибири, такую пеструю смѣсь личныхъ и географическихъ именъ, мелкихъ и крупныхъ событій и ихъ хронологическихъ датъ, что разбираться въ ней очень трудно; въ особенности если принять во вниманіе, что многія событія совершались одновременно и притомъ нерѣдко въ противоположныхъ концахъ этого огромнѣйшаго края.

Поэтому мы остановимся на географическомъ способѣ изложенія, такъ какъ, во 1-хъ, онъ позволяетъ распредѣлить событія по опредѣленнымъ мѣстностямъ, а во 2-хъ, исключаетъ болѣе или менѣе одновременность событій и тѣмъ даетъ возможность изложить ихъ въ послѣдовательной связи.

Руководствуясь этимъ, мы можемъ раздѣлить всѣ дѣйствія Якутскаго воеводства на пять частей:

1) Завоеваніе странъ, прилегающихъ къ сѣверо-западнымъ берегамъ Байкала.

2) Попытки утвердиться на Амурѣ.

3) Покореніе береговъ Ледовитаго океана на востокъ отъ устьевъ Лены.

4) Покореніе западнаго берега Охотскаго моря

и 5) завоеваніе Камчатки.

Начнемъ съ борьбы на югѣ. Тутъ русскимъ пришлось встрѣтиться съ воинственнымъ племенемъ бурятъ, около Байкала, и даже съ войсками богдыхана на Амурѣ. Поэтому ихъ успѣхи были здѣсь совсѣмъ иные, нежели въ борьбѣ съ дикими и сравнительно мирными сѣверно-сибирскими инородцами.

Бурятъ русскіе покоряли лишь съ большимъ трудомъ, а овладѣть Амуромъ имъ не удалось совсѣмъ, несмотря на безумную отвагу казаковъ и многочисленныя попытки, повторявшіяся болѣе сорока лѣтъ (1643—1684 г.).

Въ виду всего этого мы оставимъ въ сторонѣ попытки утвердиться на Амурѣ и сдѣлаемъ лишь краткій обзоръ дѣйствій Якутскаго воеводства на верховьяхъ Лены, гдѣ жили тунгусы и буряты.

Енисейскіе воеводы неоднократно пытались ихъ объясачить, но это имъ не удавалось. Такъ какъ съ учрежденіемъ самостоятельнаго Якутскаго воеводства верховья Лены были къ нему приписаны, то вновь прибывшіе воеводы немедленно приняли мѣры къ его закрѣпленію за русскою властью. Съ этою цѣлью въ 1641-мъ году снаряженъ былъ походъ подъ начальствомъ сына боярскаго Василія Власова съ отборными людьми. Побѣды Власова надъ бурятами заставили ихъ смириться, и главный изъ князей ихъ, Куршумъ, даже явился въ русскій станъ для принятія подданства.

Но ограничиться этимъ набѣгомъ Якутское воеводство, конечно, не могло и не хотѣло. Чтобы стать твердою ногою въ этомъ краѣ, необходимо было прибѣгнуть къ старому и уже испытанному средству, т. е. поставить тамъ острогъ.

И дѣйствительно, мы видимъ, что въ томъ-же 1641-мъ году мѣра эта приводится въ исполненіе.

Пятидесятникъ Мартынъ Васильевъ съ товарищами, въ 1641 году мая 30-го, былъ посланъ ленскими воеводами Петромъ Головинымъ и Матвѣемъ Глѣбовымъ «на государеву службу вверхъ Лены рѣки и велѣно имъ въ Братской землѣ на устьѣ Куленги поставить острожекъ». Мартынъ Васильевъ съ товарищами исполнили порученіе и августа 29-го извѣстили ленскихъ воеводъ о походѣ къ верховьямъ Лены и основаніи острога [1]).

Верхоленскій острогъ (черт. 3) [2]) дѣйствительно послужилъ опорою въ борьбѣ русскихъ съ бурятами. Три года спустя послѣ его основанія управлявшій имъ пятидесятникъ Курбатъ Ивановъ внезапно напалъ на бурятъ за Ангарой, разбилъ ихъ и вернулся съ богатой добычей назадъ.

Наружно смирившіеся буряты вскорѣ обнаружили свое вѣроломство, возстали въ 1644 году и, подступивъ къ острогу, держали запершихся въ острогѣ казаковъ въ осадномъ положеніи, едва не уничтоживъ совершенно въ 1646 году посланное воеводами подъ начальствомъ Бедарева къ острогу подкрѣпленіе до 130 человѣкъ.

Въ 1648-мъ г. возстаніе верхоленскихъ бурятъ сдѣлалось общимъ; они

[1]) См. у Замысловскаго, „Чертежи Сибирскихъ земель". *Ж. М. Н. П.*, іюнь 1891 г.

[2]) Теперь городъ Верхоленскъ Иркутской губ.

раззорили русскихъ поселенцевъ, поселившихся около острога, и намѣрены были двинуться къ Усть-Кутскому острогу, но 200 ч. промышленниковъ подъ началомъ московскаго дворянина Василія Нефедьева успѣли придти на помощь къ Верхоленскому острогу и, отразивъ бурятъ, положили конецъ возстанію.

Въ 1643-мъ году русскіе дошли до озера Байкала, а пятидесятникъ Курбатъ Ивановъ съ 75-ю промышленниками проникъ до острова Ольхона на оз. Байкалѣ [1]).

Такимъ путемъ шли завоеванія Якутскаго воеводства на югѣ, въ верховьяхъ Лены.

Теперь мы могли бы перейти къ его дѣйствіямъ на сѣверѣ, но предварительно должны сказать нѣсколько словъ о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ состоялось заложеніе Братскаго [2]) и Балаганскаго остроговъ [3]), потому что они находятся въ этомъ же краѣ и заключаютъ въ себѣ остатки древнихъ зданій, которые мы будемъ разсматривать ниже.

Среднее и верхнее теченіе Ангары уже издавна привлекало русскія силы, даже гораздо раньше основанія Якутска. Любопытный очеркъ этого движенія даетъ г. Ларіоновъ. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу: «Корыстные замыслы, слухи о богатыхъ серебряныхъ рудахъ на р. Ленѣ и вообще въ земляхъ бурятъ, богатый пушный ясакъ увлекали предпріимчивыхъ покорителей; и свѣдѣнія, имѣвшіяся о воинственности, большой военной силѣ, оружіи народовъ, обитавшихъ за рѣкою Енисеемъ, не удержали въ 1627 году Максима Перфильева рѣшиться съ 40 удалыми товарищами пуститься изъ Енисейска вверхъ по р. Верхней Тунгузскѣ (Ангарѣ) для объясаченія тамошнихъ народовъ. Попытка эта не обошлась ему дешево: хотя онъ и собралъ значительный ясакъ, но на обратномъ пути былъ настигнутъ тунгусами и въ сильной схваткѣ потерялъ много изъ своихъ товарищей ранеными и одного убитымъ, едва сохранивъ добычу».

«Затѣмъ въ 1629 г. воевода енисейскій Яковъ Хрипуновъ, уже по приказанію изъ Тобольска, самъ долженъ былъ отправиться для поисковъ серебряной руды въ земляхъ бурятъ. Поднявшись по Ангарѣ до устья р. Илима,

---

[1]) Записки и труды Иркутскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, съ пятью литографированными картами округовъ Иркутской губерніи. Изданo подъ редакціею члена-секретаря комитета Д. Д. Ларіонова. $18^{68}/_{69}$ г. Иркутскъ.

[2]) Братскій острогъ, теперь село Братское въ Нижнеудинскомъ округѣ, на Ангарѣ, при впаденіи въ нее слѣва р. Оки, примѣрно верстахъ въ 500-хъ на с.-з. отъ Иркутска.

[3]) Балаганскій острогъ, теперь гор. Балаганскъ въ Иркутской губ., на Ангарѣ, примѣрно верстахъ въ 200 на с.-з. отъ Иркутска (черт. 3).

отсюда Хрипуновъ пошелъ сухимъ путемъ вверхъ по Ангарѣ; но у устья р. Оки встрѣтилъ огромное скопище бурятъ, гдѣ, въ схваткѣ съ ними, хотя и остался побѣдителемъ, однако повернулъ назадъ, расположившись станомъ у устья Илима. Смерть Хрипунова разстроила предпріятіе и собранные люди спѣшили возвратиться по домамъ».

«Въ 1631 году Перфильевъ снова отправился по этому же пути, съ 2 пушечками и 80 казаками, для заложенія острога на этомъ пути. Доплывъ по р. Ангарѣ до Падунскаго порога, онъ остановился тутъ для постройки острога, не рѣшившись заложить его на устьѣ р. Оки, какъ было ему указано; и, построивъ острогъ нѣсколько ниже порога, назвалъ его «Братскимъ», который потомъ постепенно передвигали до самаго устья р. Оки (черт. 3)».

«Заложеніе Братскаго острога (1631 г.) есть краеугольный камень начала завладѣнія мѣстностью, занимаемой нынѣшней Иркутской губерніею».

«Подчиненіе же русскому владычеству племенъ, населявшихъ центръ этой губерніи и югъ, шло уже чрезъ Братскій острогъ. Въ 1654 году, по приказанію енисейскаго воеводы Пашкова, вышедшимъ изъ Братскаго острога сыномъ боярскимъ Дмитріемъ Фирсовымъ построенъ былъ въ самомъ центрѣ бурятскихъ стойбищъ на р. Ангарѣ «Балаганскій острогъ» (черт. 3). Подъ управленіемъ Фирсова, вліяніе Балаганскаго острога росло и распространялось между мѣстными племенами; и Фирсовъ началъ готовиться къ распространенію владычества русскихъ далѣе вверхъ по Ангарѣ; но поступившій на его мѣсто управитель Иванъ Похабовъ своимъ чрезмѣрнымъ корыстолюбіемъ и жестокостью довелъ покорныхъ бурятъ до того, что въ 1658 г. они возстали поголовно, убивъ собиравшихъ съ нихъ ясакъ, и бѣжали всѣ въ Монголію. Яковъ Тургеневъ, прибывшій на смѣну Похабова, не могъ уже поправить дѣла въ безлюдной странѣ и долженъ былъ только посылать розыскивать бѣглецовъ».

«Похабовъ же, отправленный за карауломъ въ Енисейскъ, бѣжалъ и явился въ Илимскій острогъ; снова вошелъ въ милость и въ 1661 году появился на берегахъ р. Иркута среди бурятъ, еще прежде имъ объясаченныхъ, и при впаденіи р. Иркута въ Ангару основалъ острогъ, назвавъ его «Иркутскимъ», на мѣстѣ котораго стоитъ въ настоящее время губернскій городъ Иркутскъ».

«Основаніемъ «Иркутскаго острога» разъ навсегда было закончено утвержденіе русской власти въ краѣ [1])».

---

[1]) Ibid. у Д. Д. Ларіонова.

Обратимся теперь къ завоеваніямъ на сѣверѣ [1]).

Первый походъ былъ предпринятъ въ 1632-мъ году, т. е. во время основанія Якутска, и направленъ на тунгусовъ Долгинскаго и Жиганскаго родовъ. Онъ очень удался, вслѣдствіе чего было устроено Жиганское зимовье на протокѣ Лены, теперь г. Жиганскъ, приблизительно въ 600 верстахъ ниже Якутска (табл. I).

Шесть лѣтъ спустя, т. е. въ 1638 году, сотникъ Ивановъ съ 50-ю енисейскими казаками пошелъ изъ Якутска разыскивать рѣку Яну, которая течетъ почти прямо на сѣверъ и впадаетъ въ Ледовитый океанъ верстахъ въ 300 (по прямой линіи) на востокъ отъ устьевъ Лены (табл. I). Онъ дошелъ до Верхоянскаго хребта, тянущагося справа отъ Лены, перешелъ его и открылъ верховья Яны. Вслѣдъ затѣмъ, верстахъ въ 500 восточнѣе, онъ открылъ также верховья Индигирки и объясачилъ жившихъ тамъ юкагировъ. Послѣ этого онъ самъ вернулся въ Якутскъ, а для укрѣпленія русской власти въ этихъ мѣстахъ оставилъ отрядъ въ 16 казаковъ.

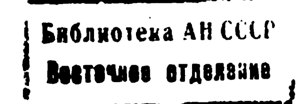
Эти смѣльчаки не долго просидѣли на мѣстѣ и спустились въ 1640 г. внизъ по Индигиркѣ; когда-же въ слѣдующемъ году къ нимъ пришла помощь изъ Якутска, они направились далѣе на востокъ [2]). Но дѣйствія ихъ выходятъ уже изъ предѣловъ разсматриваемаго нами сѣвернаго направленія, а потому мы оставимъ ихъ пока въ сторонѣ и обратимся къ болѣе раннимъ предпріятіямъ Якутскаго воеводства, направленнымъ къ покоренію восточныхъ земель и землицъ.

До прибытія самостоятельныхъ воеводъ, Якутскъ зависѣлъ отъ Енисейска, а потому, страдая малолюдьемъ, обусловливаемымъ постоянной разсылкой людей въ дальніе походы, просилъ помощи у енисейскихъ воеводъ, а тѣ обратились въ свою очередь къ главной сибирской власти – къ Томску. Вслѣдствіе этого Томскіе воеводы послали въ 1636-мъ году казака Дмитрія

---

[1]) Кромѣ вышеуказанныхъ трудовъ Оглоблина, Спасскаго, Замысловскаго и Ларіонова послѣдующій историческій очеркъ дѣйствій Якутскаго воеводства во второй половинѣ XVII столѣтія составленъ нами по трудамъ Фишера „Сибирская Исторія", Словцова „Историческое обозрѣніе Сибири", Андріевича „Исторія Сибири", Титова „Сибирь въ XVII вѣкѣ", Маныкина-Невструева „Завоеватели Восточной Сибири Якутскіе казаки", Миллера „Описаніе путешествій по Ледовитому океану", Крашенинникова „Описаніе земли Камчатки", Берха „Хронологическая исторія всѣхъ путешествій въ полярныя страны", Врангеля „Путешествіе по Сибири и Ледовитому морю", Оглоблина „Семенъ Дежневъ" и мн. др.

[2]) См. у Маныкина-Невструева, стр. 23.


Библиотека АН СССР
Восточное отделение

Копылова съ 50-ю товарищами, который въ слѣдующемъ-же году поднялся по р. Алдану, т. е. правому восточному притоку Лены. Онъ засталъ уже зимовья, основанныя раньше его на Усть-Алданѣ на Ленѣ, затѣмъ верстами 300 выше на Усть-Амгѣ, лѣвомъ притокѣ Алдана, и наконецъ на Усть-Маѣ, правомъ притокѣ Алдана, берущемъ свое начало изъ Джугджурскаго хребта, близъ Охотскаго моря. Но онъ ими не удовольствовался и отправилъ въ 1639 году на востокъ атамана Ивана Москвитина съ 30 человѣками казаковъ. Они поднялись вверхъ по Маѣ, перевалили черезъ Джугджурскій хребетъ, открыли верховья рѣки Ульи и спустились по ней къ Ламѣ или нынѣшнему Охотскому морю, которое казаки увидали здѣсь въ первый разъ. Рѣка Улья небольшая, длиной около 200 верстъ, течетъ на сѣверо-востокъ и впадаетъ въ море немного южнѣе нынѣшняго Охотска.

На устьѣ Ульи казаками было поставлено зимовье, изъ котораго они обслѣдовали въ 1640 году побережье Ламы на югъ до р. Уда, а на сѣверъ до Татуя, изъ коихъ первый впадаетъ въ Удскую губу на С.-З. отъ устья Амура, а второй въ море немного сѣвернѣе Охотска (табл. I).

Восемь лѣтъ спустя на р. Охотѣ, въ 3-хъ верстахъ выше ея устья, было основано казакомъ Семеномъ Шелковниковымъ зимовье, вмѣсто котораго годъ спустя, т. е. въ 1649 году, уже послѣ смерти Шелковникова, его спутники соорудили Косой острожекъ, давшій начало нынѣшнему Охотску, сыгравшему столь важную роль въ дѣлѣ покоренія Камчатки.

Такимъ образомъ русское владычество дошло до своего восточнаго предѣла и дальше ему итти здѣсь было некуда.

Почти одновременно съ дѣйствіями казаковъ на юго-востокѣ ихъ собратья на сѣверѣ также не дремали: казаки сотника Иванова, оставленные имъ на Индигиркѣ послѣ его отъѣзда въ Якутскъ, открыли въ 1638 году рѣку Колыму, бассейнъ которой былъ заселенъ юкагирами. Вслѣдствіе этого, нѣсколько лѣтъ спустя тамъ начинаетъ пускать корни русская власть, ибо уже въ 1644 году мы видимъ на Колымѣ три зимовья, изъ которыхъ Нижнеколымское было основано казакомъ Михаиломъ Стадухинымъ. Здѣсь русскіе узнали отъ юкагировъ о существованіи чукчей, съ которыми юкагиры были во враждебныхъ отношеніяхъ. Стадухинъ отправился въ Якутскъ и сообщилъ тамъ впервые объ этомъ еще невѣдомомъ народѣ. Тогда Якутскіе воеводы послали его въ 1647 году обратно, давъ ему новый отрядъ. Цѣлью посылки было выясненіе земель на востокъ отъ Колымы и наложеніе ясака на народцевъ сѣвернаго побережья.

Черезъ два года Стадухинъ прибылъ къ мѣсту назначенія и спустился на двухъ кочахъ [1]) въ море; изъ нихъ одинъ разбило бурею, а на другомъ онъ пошелъ на востокъ и обогнулъ Шелагскій мысъ, но изъ-за голодовки долженъ былъ вернуться назадъ.

Почти одновременно съ этимъ является знаменитый походъ Дежнева для розысканія р. Анадыра, которая считалась золотымъ руномъ.

О морскомъ походѣ Дежнева мы имѣемъ свѣдѣнія главнымъ образомъ изъ двухъ источниковъ:

1) Изъ статьи извѣстнаго академика XVIII вѣка Гергарда **Миллера** «Описаніе морскихъ путешествій по Ледовитому и Восточному морю, съ Россійской стороны учиненныхъ», гдѣ онъ сообщаетъ первыя извѣстія о Дежневѣ, добытыя имъ въ Якутскомъ архивѣ и извлеченныя изъ собственныхъ «отписокъ» этого неутомимаго казацкаго морехода [2]).

2) Изъ челобитныхъ того-же Дежнева и отписокъ Якутскихъ воеводъ объ его службѣ, открытыхъ въ Московскомъ архивѣ м-ва юстиціи г. Н. **Оглоблинымъ** и опубликованныхъ имъ въ его любопытнѣйшемъ изслѣдованіи «Семенъ Дежневъ (1638—1671)» [3]).

Дѣлая краткую сводку всѣмъ этимъ извѣстіямъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что морской походъ Дежнева сложился слѣдующимъ образомъ:

Въ 1648 году въ Нижнеколымскомъ острогѣ былъ задуманъ морской походъ съ промышленными цѣлями на р. Анадыръ, въ составъ участниковъ котораго входили промышленники и казаки. Во главѣ первыхъ стоялъ Ѳедотъ Алексѣевъ, приказчикъ московскаго купца Алексѣя Усова, а «начальными людьми» у казаковъ были устюжанинъ Семенъ Ивановъ Дежневъ и Герасимъ Анкудиновъ, причемъ первый еще въ предшествовавшемъ 1647 году былъ назначенъ правительственными властями Нижнеколымскаго острога для участія въ такомъ-же, впрочемъ, не удавшемся походѣ; при этомъ на него былъ возложенъ надзоръ за «государевой пользой» въ пути, въ виду чего онъ долженъ былъ собирать пошлину съ добычи и объясачивать инородцевъ. Очевидно, что и во второмъ походѣ его обязанности были тѣ же, и такимъ образомъ «служилое» значеніе дѣла Дежнева не подлежитъ никакому сомнѣнію; да и самъ онъ на него смотритъ такъ же, ибо проситъ потомъ въ Москвѣ у правительства жалованья за свою прошлую службу.

---

[1]) „Кочъ"—плоскодонное судно, около 12-ти саж. длиною, съ одной палубою; ходило на веслахъ и подъ парусами.

[2]) См. его „Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащіе."1785 г.

[3]) *Журналъ М. Н. Пр.*, ноябрь 1890 г.

Въ іюнѣ 1648 года Алексѣевъ и Дежневъ вышли въ море на шести кочахъ, имѣя съ собою девяносто человѣкъ казаковъ и промышленниковъ, и направились на востокъ.

Вскорѣ отъ нихъ отдѣлились три коча, дальнѣйшая судьба которыхъ въ точности не извѣстна, хотя есть темныя указанія, что люди съ нихъ попали на сѣверную оконечность Америки. Алексѣевъ и Дежневъ смѣло продолжали путь на трехъ оставшихся въ ихъ распоряженіи кочахъ и достигли въ концѣ августа «Большого Каменнаго» или Чукотскаго носа, а въ началѣ сентября вступили въ нынѣшній, тогда еще никому неизвѣстный, Берингов проливъ. Но съ этого времени неудачи начинаютъ разстраивать походъ. Во первыхъ, у Большого Каменнаго носа разбило одинъ кочъ, причемъ люди съ него были сняты и посажены на уцѣлѣвшія суда, а Анкудиновъ перешелъ на кочъ Алексѣева. Послѣ этого, 20-го сентября, гдѣ-то немного южнѣе носа они высадились на берегъ, но подрались съ чукчами, при чемъ Алексѣевъ былъ раненъ и Дежневъ сталъ единственнымъ начальникомъ похода.

Въ концѣ сентября начались страшныя бури, которыя и разлучили оба коча, послѣ чего Дежневъ уже болѣе не встрѣчался се своими спутниками, изъ коихъ Анкудиновъ и Алексѣевъ умерли потомъ отъ цынги, а остальные частію бѣжали, а частію были перебиты инородцами.

По разлученіи кочей положеніе дѣла еще ухудшилось. Послѣ Покрова, т. е. послѣ 1-го октября, бури продолжали свирѣпствовать и утлое суденышко Дежнева было ихъ игрушкою, пока наконецъ его не выбросило на берегъ гдѣ-то за Анадыромъ, а гдѣ—неизвѣстно.

Тогда Дежневъ съ 24-ю оставшимися у него людьми сухимъ путемъ пошелъ къ устью Анадыра, куда и добрался черезъ десять недѣль съ невѣроятными трудностями, потерявъ дорогою 12 человѣкъ отъ голода и холода [1]).

Въ слѣдующемъ, т. е. 1649 году, Дежневъ заложилъ Анадырское зимовье на среднемъ теченіи Анадыра, превратившееся потомъ въ острогъ того-же имени. Поднявшись затѣмъ вверхъ по рѣкѣ, онъ объясачилъ прибрежныхъ жителей, имѣя въ своемъ распоряженіи, какъ мы только что указали, всего двѣнадцать человѣкъ. Къ счастью, подоспѣла помощь съ запада: казакъ Семенъ Мотора пришелъ къ нему съ отрядомъ казаковъ и промышленниковъ въ апрѣлѣ 1650 года съ верховьевъ рѣки Анюя, впадающей справа въ устье Колымы. Онъ присоединился къ Дежневу для совмѣстныхъ дѣйствій.

[1]) Обо всемъ этомъ см. подробно у г. Оглоблина, „Семенъ Дежневъ" *Журн. М. Н. П.*, ноябрь 1890 г., стр. 249—258 и 270.

Вслѣдъ за Моторой двинулся казакъ Стадухинъ; но онъ дѣйствовалъ самостоятельно и, избравъ южное направленіе, достигъ верховьевъ р. Пенжины, а по ней добрался сухимъ путемъ до Пенжинской губы, омывающей съ запада сѣверную узкую часть Камчатки.

Въ 1652 году Дежневъ спустился къ устью Анадыра и нашелъ тамъ островъ со множествомъ моржей, гдѣ и запасся моржевымъ зубомъ. Послѣ этого онъ плавалъ по берегамъ Олюторовскаго моря и послалъ въ 1564 году въ Якутскъ подробную отписку о своемъ походѣ.

Таковы были подвиги Дежнева, по мнѣнію его перваго историка Миллера. То же самое. думаютъ вмѣстѣ съ Миллеромъ и иные историки, какъ напр. Фишеръ, Соловьевъ, Андріевичъ и др. Если это такъ, то Дежневу дѣйствительно принадлежитъ великая честь открытія пролива, соединяющаго Ледовитый океанъ съ Тихимъ, который въ такомъ случаѣ совершенно неправильно называется Беринговымъ: его, по всей справедливости, слѣдовало-бы назвать Дежневскимъ.

Впрочемъ не всѣ историки раздѣляютъ мнѣніе Миллера. Особенно суровый приговоръ Дежневу мы находимъ у Словцова, который называетъ его Миллеровскимъ «выведенцемъ» и говоритъ, что ему «немудрено было въ отпискахъ бахвалить съ дерзостью» [1]).

Точно также открытіе Дежневымъ морского прохода между Азіей и Америкой отрицалъ въ XVIII вѣкѣ англичанинъ Борней [2]). Впрочемъ, въ противовѣсъ имъ можно поставить мнѣнія Ломоносова, Крашенинникова [3]), Берха [4]), Врангеля [5]) и другихъ, вполнѣ согласныхъ съ Миллеромъ. Наконецъ послѣднее изслѣдованіе г. Оглоблина вывело, повидимому, этотъ вопросъ изъ области сомнѣній и рѣшило его окончательно въ положительномъ смыслѣ.

Какъ-бы то ни было, но, принимая во вниманіе, что Дежневъ дошелъ до устья Анадыра, а Стадухинъ—до Пенжинской губы, надо придти къ тому заключенію, что *Якутское воеводство* покорило къ половинѣ XVII столѣтія, т. е. къ началу царствованія Алексѣя Михайловича, русской власти всю сѣверо-восточную Азію, кромѣ Камчатки.

Но мы уже видѣли, что только одно море могло остановить казаковъ въ ихъ неудержимомъ стремленіи на востокъ, а потому вопросъ покоренія

[1]) Словцовъ, „Ист. Обозр. Сибири", часть I. стр. 104.
[2]) См. Burney, „Russian discoveries".
[3]) „Описаніе Камчатки" (1786 г.).
[4]) „Хронол. ист. всѣхъ путешествій въ полярныя страны" (1821).
[5]) „Путешествія по Сибири и Ледовитому морю" (1841 г.).

Камчатки былъ только вопросомъ времени, особенно если принять во вниманіе весьма удачное выраженіе Словцова, что якутское начальство, «вѣрное ясаку, какъ магнитная стрѣлка полюсу», продолжало производить развѣдки, «нѣтъ-ли гдѣ еще человѣческихъ гнѣздъ не объясаченныхъ?».

И дѣйствительно, покореніе Камчатки началось въ концѣ двойственнаго царствованія Петра и Іоанна, когда въ Анадырскій острогъ былъ отправленъ въ 1695 году пятидесятникъ Владиміръ Атласовъ.

Онъ послалъ сперва на предварительныя развѣдки казака Морозко съ 16-ю товарищами, который, немного не доходя до р. Камчатки, т. е. до средины полуострова, объясачилъ коряковъ и вернулся съ этимъ ясакомъ къ Атласову.

Если внимательно присмотрѣться къ подобнымъ походамъ, то невольно придется уплатить нравственный «ясакъ удивленія» мужеству, смѣлости и выносливости казаковъ. Возьмемъ хоть-бы тотъ-же походъ Морозко, имя котораго неизвѣстно никому, кромѣ небольшой горсточки лицъ, интересующихся исторіей Сибири. Вѣдь, въ сущности, какой громадный подвигъ онъ совершаетъ: только съ 16-ю товарищами онъ смѣло пускается въ дальній путь, къ совершенно неизвѣстному народу, проходитъ по крайне суровой и негостепріимной странѣ около 1200 верстъ въ одинъ конецъ [1]) и возвращается назадъ, какъ ни въ чемъ не бывало, да еще съ богатымъ ясакомъ въ рукахъ. Это-ли не подвигъ!

По возвращеніи Морозко въ 1697 году Атласовъ самъ пошелъ съ нимъ на р. Камчатку, съ несравненно болѣе значительными силами: съ нимъ было 120 человѣкъ казаковъ и юкагировъ. Онъ спустился къ Пенжинской губѣ и пошелъ западнымъ берегомъ полуострова, а Морозко послалъ на востокъ. Они затѣмъ снова сошлись на западномъ берегу верстахъ въ 600 ниже устья Пенжины и достигли верховьевъ Камчатки, гдѣ Атласовъ заложилъ Верхнекамчатскій острогъ, чѣмъ было положено первое основаніе русской власти въ Камчаткѣ. Послѣ этого Атласовъ съ богатымъ ясакомъ отправился въ Якутскъ, оставивъ въ острогѣ небольшой отрядъ казаковъ. Изъ Якутска Атласовъ былъ отправленъ съ этими добрыми вѣстями въ Москву, а Тобольскіе воеводы, «князь Черкаскій съ товарищи», послали о немъ слѣдующую отписку въ Сибирскій Приказъ:

«16-го декабря 1700 года явился въ Приказной Палатѣ *Якутской* казачей пятидесятникъ Володимеръ Отласовъ, который *по посылкѣ изъ Якутцкаго* былъ для прiиску иныхъ землицъ иноземцевъ, которые Тебѣ,

[1]) Отъ устьевъ Анадыра до р. Камчатки по прямой линіи около 1200 в.

великому государю, ясака не платили, а живутъ по Камчаткѣ и по инымъ рѣкамъ, подлѣ Пенжинскаго и Люторовскаго моръ (т. е. морей) разные языки» [1].

Но само собою разумѣется, что устроеніе одного острога не могло упрочить тамъ русской власти. И дѣйствительно, мы видимъ, что вся первая четверть XVIII вѣка проходитъ въ постоянныхъ казацкихъ походахъ на Камчатку, въ возстаніяхъ туземцевъ противъ русскихъ, а казаковъ противъ своихъ начальниковъ, причемъ кровь льется широкою рѣкою. Дѣла улучшаются лишь послѣ того, какъ въ 1717 году былъ найденъ туда болѣе удобный и краткій морской путь, вмѣсто страшно отдаленнаго сухого пути на Анадырскій острогъ, послѣ чего Охотскъ превратился въ портовый городъ.

Въ всемъ этомъ завоевательномъ движеніи *Якутскъ* занимаетъ выдающееся мѣсто и всѣ походы, не исключая и морскихъ, *направляются изъ него*. Дѣло его кончается лишь въ 1733 году, когда Охотскъ былъ сдѣланъ портовымъ городомъ и главнымъ мѣстомъ Камчатскаго управленія. Кромѣ Камчатки, Охотску было подчинено тогда все побережье Ламы отъ самаго южнаго Удскаго острога и включая самый сѣверный—Анадырскій острогъ.

Такимъ образомъ уже въ XVIII-мъ вѣкѣ была намѣчена нынѣшняя Приморская область.

Съ этого времени историческая и завоевательная роль Якутска кончается: онъ вступаетъ въ ровное обычное существованіе русскихъ областныхъ городовъ и живетъ, такъ сказать, «по послужному списку», на что будетъ указано ниже.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся личностяхъ, стоявшихъ во главѣ его управленія.

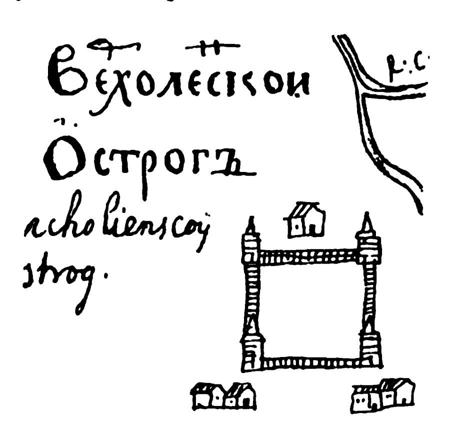
Несмотря на отдаленность Якутска отъ Москвы и крайне медленные способы сообщенія, зимой на саняхъ, а лѣтомъ на веслахъ по Ленѣ, его власти смѣнялись довольно часто. «Не считая управителей перваго 8-лѣтія, говоритъ Словцовъ, послѣ было воеводъ въ немъ 17 съ 1640 до 1717 г., начиная со стольника Головина до ландрата Ракитина. Послѣ Якутскъ поступилъ въ вѣдѣніе Иркутска». Это составитъ, замѣтимъ попутно отъ себя, въ среднемъ около 4½ лѣтъ на каждаго.

Изъ этихъ властей самыми замѣчательными были во 1-хъ основатель Якутска, умный и распорядительный стольникъ Бекетовъ, о которомъ Фишеръ говоритъ слѣдующее: «Бекетовъ прославился уже между бурятами у Ангары и

[1] См. Н. Оглоблинъ, „Источники Чертежной Книги Сибири“ Семена Ремезова. *Библіографъ* 1891 г., № 1-й, стр. 8.

Оки и Россійскому государству оказалъ великія услуги также на Ленѣ и черезъ хорошее свое поведеніе исполнялъ онъ возложенную на него надежду» [1]). Во 2-хъ первые воеводы Петръ Головинъ и Матвѣй Глѣбовъ, одинъ пріѣздъ которыхъ, помимо упорядоченія края, внесъ, какъ мы видѣли, столько свѣту въ его изученіе.

Затѣмъ выдаются смѣнившіе ихъ воеводы Василій Пушкинъ и Кирилла Суконевъ. Первый изъ нихъ, Василій Никитичъ Пушкинъ, былъ замѣшанъ въ дѣлѣ бояръ Романовыхъ и до своего воеводства, при Годуновѣ, былъ сосланъ въ Пелымъ [2]), а потомъ съ воцареніемъ Михаила попалъ въ воеводы [3]).



Черт. 6. Верхоленскій острогъ. (По Ремезову).

Они отстояли Верхоленскій острогъ (черт. 6) и усмирили бурятъ. Имъ-же было поручено, какъ мы видѣли раньше, изслѣдованіе края по притокамъ Лены.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ XVII столѣтія Якутскимъ воеводой былъ Димитрій Францбековъ. Онъ не только вторично выручилъ Верхоленскій острогъ, но и раззорилъ ангарскихъ бурятъ. При немъ же казакъ Хабаровъ двинулся на Амуръ [4]).

Изъ послѣдующихъ воеводъ можно указать на двоихъ: Андрея Барнышева и смѣнившаго его въ 1678 году Бибикова. Первый отличался необычайною свирѣпостью и казни при немъ не прекращались. При второмъ край вздохнулъ свободнѣе и городъ сталъ разростаться. Бибиковъ, кромѣ того, усилилъ городъ какъ военный пунктъ: сдѣлалъ новый частоколъ, прокопалъ глубже ровъ и обнесъ палисадомъ пять башенъ острога [5]).

Затѣмъ въ концѣ XVII столѣтія является въ Якутскъ воеводою Иванъ Приклонный, весьма важный для насъ въ томъ отношеніи, что при немъ былъ поставленъ въ 1683 году тотъ острогъ, остатки котораго дошли до нашего времени.

---

[1]) „Сибирская исторія“, стр. 356.

[2]) Куда былъ сосланъ также Иванъ Никитичъ Романовъ (Карамз. т. XI, гл. IX, стр. 61).

[3]) Андріевичъ, ч. I, стр. 136.

[4]) Ibidem.

[5]) См. Н. Латкина „Якутскъ“ (Слов. Брокгауза и Ефрона, 82 полутомъ).

Въ началѣ XVIII вѣка, какъ и слѣдовало ожидать, мы видимъ во главѣ Якутска нѣмца—Трауэрнихта, а въ 1717 году опять русскаго—Ракитина, но за то «ландрата».

Этотъ Трауэрнихтъ, повидимому, очень обрусѣлъ, потому что его звали Дороѳеемъ Аѳанасьевичемъ. «Съ Москвы, говоритъ вѣдомость 1701 года, въ Якутцкой отпущенъ воеводою стольникъ Дороѳей Аѳанасьевъ с. Траурнихтъ, да дьякъ Максимъ Романовъ» [1]).

Трауэрнихтъ получалъ неоднократныя порученія отъ центральнаго правительства по разслѣдованію племенъ и земель восточной Сибири и по отправкѣ военныхъ отрядовъ въ Камчатку.

Наконецъ послѣднимъ воеводою, заслуживающимъ вниманія, былъ полковникъ Елчинъ, который снарядилъ въ 1714 году первую морскую экспедицію въ Камчатку.

Въ XVIII вѣкѣ Якутскъ мало по малу теряетъ свое военное значеніе. Вокругъ все было покорено и усмирено; отъ Амура Россія отказалась, а не вполнѣ покоренная Камчатка была выдѣлена въ отдѣльное управленіе,—вотъ почему съ этого времени судьба его представляетъ собой лишь рядъ административныхъ мытарствъ. Въ XIX столѣтіи военное значеніе его падаетъ окончательно, и въ началѣ этого вѣка большая часть его крѣпостныхъ стѣнъ была разобрана. Наконецъ въ 1822 г. онъ былъ назначенъ областнымъ городомъ Якутской области, каковымъ остается до настоящаго времени.

Такимъ образомъ, начиная съ начала XVIII-го столѣтія, его дальнѣйшія судьбы можно просто прослѣдить по Полному Собранію Законовъ, что мы и попытаемся сейчасъ сдѣлать.

18-го Декабря 1708 г. именнымъ указомъ Петръ Великій раздѣлилъ всю Россію «для всенародной пользы» на 8 губерній, и тогда Якутскъ или «градъ Якуцкой» вмѣстѣ съ восемнадцатью прочими городами вошелъ въ составъ Сибирской губерніи [2]).

Въ 1733 году, т. е. въ царствованіе Анны Іоанновны, правительство нашло нужнымъ выдѣлить Камчатку изъ-подъ власти якутскаго начальства. Причины этого рѣшенія настолько любопытны и характерны, что мы приводимъ начало указа, изданнаго по этому случаю.

---

[1]) См. „Сибирскія города. Матеріалы для ихъ исторіи XVII и XVIII столѣтій". Нерчинскъ. Селенгинскъ. Якутскъ. Москва: 1886 г.

[2]) П. С. З. т. IV (1700—1725) и т. V (1713—1719). Причисленіе Якутска къ Сибирской губ., 2218—3380.

Вотъ оно:

«Извѣстно Намъ учинилось, что во отдаленныхъ Нашихъ Сибирскихъ владѣніяхъ въ якутскомъ вѣдомствѣ и на Камчаткѣ, какъ отъ Воеводъ, такъ и отъ посланныхъ для сбора съ ясашныхъ людей ясаку, Коммисаровъ и другихъ сборщиковъ чинится Нашимъ ясашнымъ подданнымъ, какъ въ платежѣ излишняго ясаку, такъ и отъ взятковъ многое разореніе, наипаче жъ приметками своими женъ и дѣтей отнимаютъ, и развозя перепродаютъ; того ради Мы, Императорское Величество, призирая ихъ ясачныхъ Княжцовъ и прочихъ всякаго народа и званія, домами и юртами живущихъ и кочующихъ, Всемилостивѣйше повелѣли сими Нашими печатными указами объявить имъ Княжцамъ и прочимъ ясачникамъ Нашу Высочайшую милость и призрѣніе, что отправлены и отправляются нарочные особливые знатные люди, сыщики, которымъ повелѣно въ вышеупомянутыхъ разореніяхъ и обидахъ не токмо жестоко розыскивать, но пущихъ разорителей и смертію казнить, а взятые съ нихъ лишніе сборы и пограбленныя ихъ имѣнія, сколько отыскано будетъ, возвращать; также, которые изъ нихъ ясачники неволею побраны и распроданы, изъ тѣхъ, кои не приняли вѣры Христіанской Греческаго исповѣданія и не крещены, отпустить въ прежнія мѣста, а которые и крестились, такимъ дается свободное житье въ городахъ и уѣздахъ между Христіанами собою и у кого хотятъ; а впредь для всегдашняго содержанія ихъ ясачныхъ людей въ порядкѣ и покоѣ безъ обидъ, выданы и объявлены имъ будутъ особливые публичные наказы, какъ съ ними въ сборѣ ясаку и впрочемъ должны Воеводы и Коммисары поступать. *А въ Охотскъ и всѣ Камчатскія и тамошнія жъ сѣверныя земли опредѣляются особою отъ Якутска командою, и будетъ главной командиръ жить для близости въ Охотскѣ*, и чтобъ они Княжцы и ясачные люди, видя такую Нашу Императорскаго Величества милость, жили въ своихъ мѣстахъ безъ боязни въ покоѣ, и платили бъ въ казну Нашу ясаку только то, что съ нихъ по ихъ обычаю положено, или впредь положится, безъ тягости, а лишнихъ никакихъ ясаковъ и взятокъ Воеводамъ, Коммисарамъ и сборщикамъ, кои они напредь сего съ нихъ своими вымыслами съ разореніемъ неволею брали, не давали» [1]).

Указъ этотъ окончательно лишилъ Якутскъ его прежняго назначенія— быть исходнымъ мѣстомъ завоевательнаго движенія на крайнемъ Востокѣ и свелъ его на мирную дорогу.

---

[1]) П. С. З. т. IX, стр. 131—132, № 6407, отъ 21 мая 1733 г.

Въ 1764-мъ году Сибирь была раздѣлена на двѣ губерніи, Сибирскую и Иркутскую, при чемъ Якутскъ вошелъ въ составъ послѣдней.

Въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины II, въ 1768 году, для оживленія розничнаго торга и удешевленія товаровъ сенатскимъ указомъ отъ 25-го іюня приказано было учредить въ Восточной Сибири ярмарки: первую въ Иркутскѣ, вторую въ Селенгинскѣ, а третью въ Якутскѣ «Третью ярмарку, говорится въ этомъ указѣ, учредить надлежитъ въ г. Якуцкѣ; время-жъ на то опредѣляется лѣтомъ іюня съ 1-го августа по 1-ое число, да зимою весь декабрь мѣсяцъ . . . » [1]).

Затѣмъ, изъ Высочайше утвержденнаго доклада Сената отъ 31-го января 1775 года [2]) мы узнаемъ, что въ томъ-же 1768 году Якутскъ былъ сдѣланъ «провинціальнымъ» городомъ, оставаясь попрежнему въ составѣ Иркутской губерніи [3]).

«Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ, говорится тамъ, даннымъ Сенату 1764 года октября 11 дня, повелѣно: по полученіи отъ Губернаторовъ о Губернскихъ, Провинціяльныхъ и Воеводскихъ Правленіяхъ и ихъ уѣздахъ росписаній и мнѣній, разсмотрѣть, гдѣ какому Правленію по нынѣшнимъ обстоятельствамъ быть, и которыя по неудобности отмѣнить, а вмѣсто оныхъ или Коммисарства учредить, или и вовсе безъ всякаго правленія оставить, . . . и что сверхъ того Сенатъ къ лучшему изобрѣсти можетъ, и все сіе къ апробаціи представить Вашему Императорскому Величеству. Сенатъ, разсматривая присланныя отъ Губернаторовъ, окромѣ Иркутскаго, о всѣхъ сихъ Правленіяхъ росписаніи и мнѣніи, *въ поднесенномъ 1768 года Генваря 11 дня* докладѣ представилъ учиненное имъ о городахъ положеніе на Высочайшую апробацію Вашего Императорскаго Величества а въ разсужденіи Иркутской Губерніи *упомянуто объ ономъ городѣ Якутскѣ, чтобъ въ ономъ учредить Провинціяльное Правленіе...*»

Изъ того-же доклада мы узнаемъ не только о дальнѣйшей судьбѣ Якутска, но также и нѣкоторыхъ иныхъ городовъ, древностей которыхъ мы будемъ касаться, какъ напр. Илимска, Балаганска и другихъ, слѣдовательно онъ для насъ вдвойнѣ любопытенъ. Изъ продолженія его мы видимъ, что Сенатомъ было приказано Иркутскому губернатору прислать «росписаніе о городахъ съ приложеніемъ о каждомъ своихъ примѣчаній и мнѣнія».

[1]) П. С. З. т. XVIII, стр. 695, № 13139, отъ 25-го іюня 1768 года.

[2]) П. С. З. т. XX, стр. 22, № 14242.

[3]) „Провинція“ въ XVIII-мъ вѣкѣ была среднею формою между „губерніей“ и „уѣздомъ“.

Объ итогахъ этого приказа мы получаемъ свѣдѣнія изъ слѣдующихъ словъ доклада: «Бывшій Иркутскій Губернаторъ Генералъ-Поручикъ Брилъ, собравъ изъ всѣхъ вѣдомства его городовъ потребныя для того свѣденія, и по разсмотрѣніи оныхъ обще съ Губернскою Канцеляріею, за необходимое почёлъ учредить вновь разныя Провинціяльныя, Воеводскія и Коммисарскія Правленія... Въ слѣдствіе чего, сообразуясь съ особливымъ Иркутской Губерніи положеніемъ, въ отвращеніе такихъ затрудненій полагаетъ: 1. Губернскимъ городомъ оставить по прежнему Иркутскъ, а *Провинціальными быть* пригороду Удинску и назначенному отъ Сената *городу Якутску*. 2. Изъ *Илимска*, за неудобностію тамъ мѣста, гдѣ всегда лѣтомъ водою заливаетъ, и по отдаленности его отъ принадлежащихъ къ оному жилищъ, Воеводское Правленіе перенесть въ Усть-Керенской острогъ и переименовать, а въ Илимскѣ оставить Коммисарство, да изъ числа земскихъ начальствъ въ двухъ же мѣстахъ, а именно: въ *Балаганскомъ острогѣ* и на рѣкѣ Алданѣ, съ названіемъ по сей рѣкѣ, учредить Воеводскія Канцеляріи. 3. . . . и напослѣдокъ въ смотрѣніе *Якутской Провинціи* поручить Коммисарства въ Ижигинскомъ, Верьхоянскомъ и въ Среднеколымскомъ зимовьяхъ, да въ Алекминскомъ острогѣ и въ Верховилюйской волости, также городъ Илимскъ, который нынѣ состоитъ съ Воеводскимъ Правленіемъ». Всѣ эти административныя преобразованія были необходимы, по мнѣнію Бриля, въ силу «отчасти малолюднаго, въ разсужденіи обширности Иркутской Губерніи, заселенія; отчасти же, что тамошніе жители, ради чрезмѣрной дальности, въ платежѣ Государственныхъ поборовъ и въ нарядахъ для доставленія изъ мѣста въ мѣсто казенныхъ надобностей, чувствуютъ великое отягощеніе, а иногда убѣгая дальныхъ переѣздовъ, и должной по правосудію законовъ помощи лишаются; сверьхъ того надлежитъ принять въ уваженіе и сіе обстоятельство, что за малоимѣніемъ жительствъ и дальнимъ одного отъ другаго разстояніемъ, не только медленность, но и сущая неудобность въ дѣлахъ произходитъ».

Сенатъ уважилъ его «резоны», а Императрица утвердила докладъ и такимъ образомъ дѣло было рѣшено.

Въ концѣ царствованія Екатерины былъ узаконенъ гербъ Якутска, а именно 26-го октября 1790 года удостоился Высочайшаго утвержденія докладъ Сената «О гербахъ городовъ Иркутскаго Намѣстничества», причемъ Якутску оставленъ его «старый» гербъ, который въ данномъ случаѣ былъ лишь «конфирмованъ» Государынею. Содержаніе его было таково: «Въ серебряномъ полѣ орелъ, держащій въ когтяхъ соболя» [1].

[1]) П. С. З., т. XXIII, стр. 174, № 16913, отъ 26-го октября 1790 года.

При Александрѣ I-мъ послѣдовали новыя административныя преобразованія: 22-го апрѣля 1805 года былъ изданъ Именной Указъ Сенату, по которому вся Иркутская губернія была раздѣлена на семь уѣздовъ, вмѣсто прежнихъ семнадцати, причемъ многолюднѣйшіе изъ нихъ были подраздѣлены на коммисарства.

Это преобразованіе не миновало и Якутска, который сдѣлался уѣзднымъ городомъ Иркутской губерніи; но такъ какъ условія, указанныя Брилемъ, повидимому, еще дѣйствовали, то въ немъ было учреждено «Областное Управленіе». Въ пунктѣ 5-мъ этого указа причины подобнаго преобразованія и самый строй его изложены такъ: «По великому пространству, раздѣляющему *Якутской край* отъ Главнаго Губернскаго Начальства, дабы доставить обывателямъ сего края болѣе удобности какъ въ судѣ и расправѣ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ ихъ къ Начальству, учредить въ городѣ Якутскѣ особенное Гражданское Правленіе, подъ именемъ Якутскаго Областнаго Правленія, которое соединять въ себѣ имѣетъ часть Полицейскую, Судную и Казенную. Правленію сему подчиненъ будетъ Якутскій край съ его Коммисарствами . . . Предсѣдатель сего Областного Правленія имѣетъ быть Главнымъ по гражданской части Начальникомъ сего края, непосредственно зависящимъ отъ Генералъ-Губернатора. Предсѣдатель, Совѣтникъ и Ассессоры сего Правленія имѣютъ быть опредѣляемы не иначе, какъ по представленію Генералъ-Губернатора въ Правительствующій Сенатъ» [1]).

Такимъ образомъ, въ силу чисто естественныхъ условій, постепенно возрастаетъ административное значеніе Якутска. Тѣмъ не менѣе невозможность управлять всею сѣверовосточною Сибирью исключительно изъ Иркутска давала себя чувствовать попрежнему, что, конечно, не могло укрыться отъ зоркаго глаза Сперанскаго, назначеннаго въ 1819 году Генералъ-Губернаторомъ Сибири.

Вслѣдствіе этого 22-го іюня 1822 года было утверждено созданное по его мысли «Учрежденіе для управленія Сибирскихъ Губерній».

Сибирь была раздѣлена на Западную и Восточную; въ составъ послѣдней вошла, какъ самостоятельная губернія, «Область Якутская». Она обнимала собою 5 округовъ: Якутскій, Олекминскій, Вилюйскій, Верхоянскій и Средне-Колымскій. Областнымъ городомъ былъ назначенъ Якутскъ [2]).

[1]) П. С. З. т XXVIII, стр. 1001, № 21726, отъ 22-го апрѣля 1805 года.
[2]) П. С. З. т. XXXVIII (1822—1823), стр 145. Назначеніе Якутска Областнымъ городомъ, 29125.

Наконецъ въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая I 1851 году, во главѣ Якутской области былъ поставленъ гражданскій гу наторъ, непосредственно подчиненный Генералъ-Губернатору и Глав Управленію Восточной Сибири [1]), т. е. учрежденъ порядокъ, дѣйствующ понынѣ.

Таковы были историческія судьбы Якутска, этого стараго передо русскаго стана на отдаленномъ и невѣдомомъ Сѣверовостокѣ Азіи, казацкаго оплота, цѣлыхъ сто лѣтъ (1632—1733) непоколебимо отстаи шаго славу русскаго оружія и силу русской власти, и этого орлинаго гн питомцы котораго, крѣпкіе и лютые, какъ сибирскіе морозы, покорили родинѣ болѣе четырехъ милліоновъ квадратныхъ верстъ!

Живыми свидѣтелями всѣхъ этихъ подвиговъ являются уцѣлѣвшія ба и стѣны Якутскаго острога. Этихъ воспоминаній достаточно, чтобы смот на нихъ съ благоговѣніемъ, какъ на народную святыню, независимо отъ археологическаго значенія.

Конечно, еслибы остатки эти принадлежали народу болѣе, чѣмъ почитающему свое историческое и народное достоинство, какъ напр. ан чанамъ или нѣмцамъ, надъ ними выстроили бы стеклянный колпакъ и дились бы ими, какъ свидѣтелями своей старой славы! А у насъ? Вл стремятся во что бы то ни стало уничтожить ихъ, а у города съ 7000 телей, съ двумя ярмарками, торгующими въ среднемъ на 2.000.000 руб. годъ, съ богатыми купцами-обывателями, не находится какой-нибудь сячи рублей, чтобы подвести снизу огнившіе вѣнцы, а сверху сдѣ тесовую крышу и тѣмъ спасти отъ гибели лучшее свое достояніе! Горьк памятникъ прошлой славы и обидно за современныхъ русскихъ людей!

Попытаемся теперь хоть на бумагѣ удержать для потомства до очертанія этихъ священныхъ и послѣднихъ остатковъ древне-русской тверд

[1]) Второе П. С. З., т. XXVI, № 25394.

II.

По свидѣтельству Словцова первый Якутскій острогъ, заложенный Бекетовымъ, стоялъ на правой сторонѣ Лены, ниже настоящаго мѣста на 60 верстъ, на горѣ Чабыдалѣ или Гимадаѣ [1]). Къ этому извѣстію Щукинъ добавляетъ [2]), что переносъ острога былъ сдѣланъ 10 лѣтъ спустя послѣ первоначальнаго построенія, къ урочищу Сай-Саръ, названному такъ по имени озера, и что названіе это значитъ «пріятная весна», названіе, прибавимъ мы отъ себя, довольно поэтичное для сибирскихъ дикарей. На этомъ новомъ мѣстѣ онъ стоитъ и до настоящаго времени.

Мѣсто, занимаемое городомъ, лежитъ на лѣвомъ протокѣ Лены, на равнинѣ, имѣющей около 60-ти верстъ длины, съ востока на западъ, и 10-ти верстъ въ ширину, съ юга на сѣверъ, и издалека охватывается лѣсистыми горами и множествомъ озеръ [3]). Рѣка разливается иногда верстъ на 10 и подъ городомъ запружена множествомъ острововъ. Это отлично видно на картѣ, приложенной у Сѣрошевскаго (черт. 7) [4]). Мастерскую картину Лены подъ Якутскомъ рисуетъ намъ Гончаровъ [5]).

Черт. 7. Лена подъ Якутскомъ. (По Сѣрошевскому).

«На другой день, при ясной и теплой

[1]) См. книга II, стр. 475. Любопытно, что Щукинъ увеличиваетъ разстояніе переноса до 70-ти верстъ (стр. 178), а Фишеръ опредѣляетъ его въ 15 верстъ; то же, вслѣдъ за нимъ, утверждаютъ Андріевичъ (стр. 66) и Маныкинъ-Невструевъ (стр. 16), а неизвѣстный авторъ статьи „Якутскій Спасскій монастырь“ сокращаетъ это разстояніе до 10-ти верстъ. Конечно, это не имѣетъ значенія, но нельзя было пройти молчаніемъ такого разногласія.

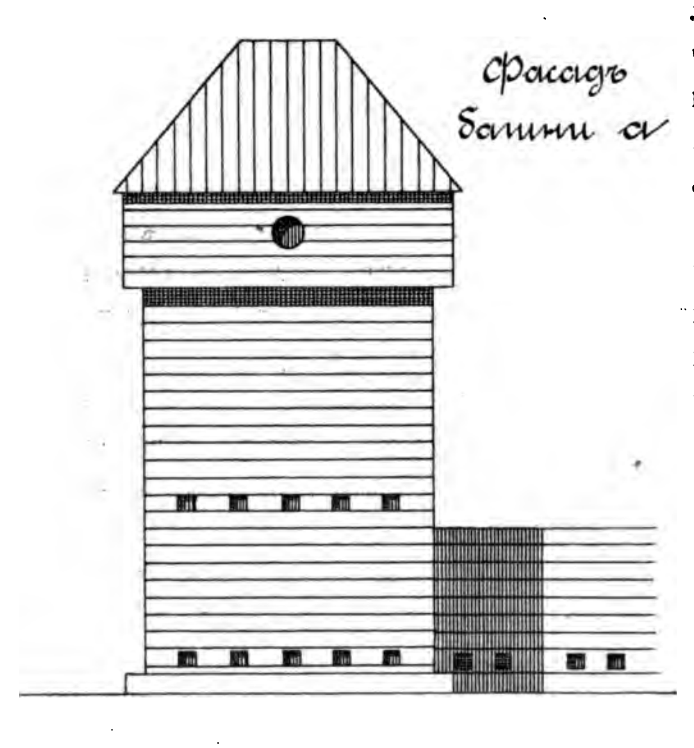
[2]) Стр. 178.

[3]) Словцовъ, книга вторая, стр. 115.

[4]) См. его „Якуты“, томъ I, Спб. 1896 г.

[5]) „Фрегатъ Паллада“, томъ второй, Спб. 1884, стр. 486—487.

погодѣ, я съ пятью якутами переправился черезъ Лену, т. е. черезъ узенькіе токи, раздѣлявшіе безчисленные острова.... Вдали уже сіяли главы церкв Якутскѣ..... У одного острова якуты вышли на берегъ и потянули лодку би вверхъ. Дотянувъ до конца острова, они сѣли опять и переправились уже не черезъ который узенькій протокъ и пристали къ берегу, прямо къ дерев лѣсенкѣ.... Нельзя ск чтобы было весело. Т выдумать печальнѣе ности. Съ лѣвой ст Лена—я уже сказалъ ка пески, кусты и луга; съ гой, къ Якутску — кусты и пески. Вдал всѣмъ этимъ, синѣютъ которыя, кажется, и вляли нѣкогда настоящ регъ рѣки. Якутскъ пост на огромной отмели видно по пространным скамъ, кустамъ и озер И теперь во время р Лена, говорятъ, доход города и заливаетъ о окрестныя поля».



Черт. 8. Сѣверная башня Якутскаго острога.
(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д. № 607 и № 105, 1877—79 гг.).

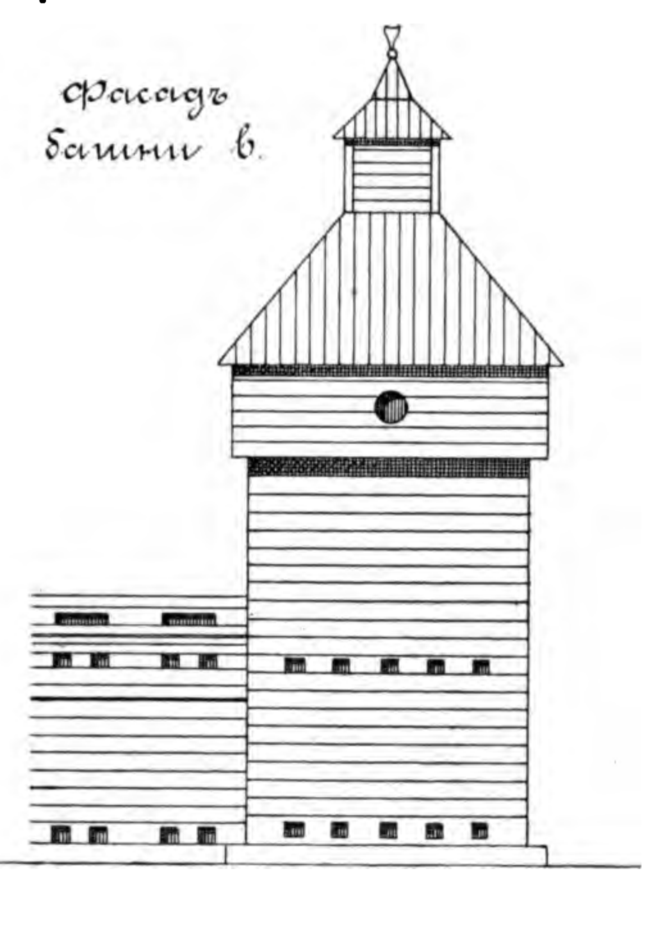
Нѣсколько далѣе чаровъ характеризует мый городъ, какъ «ку чернѣвшихъ отъ в одноэтажныхъ деревя домовъ», и добавляетъ, что въ немъ былъ *«единственный* каменный занимаемый земскимъ судомъ», и «остатки крѣпости, уцѣлѣвшей отъ вр покоренія области», въ видѣ «старинной, полуразрушенной стѣны и нѣскол башенъ».

Вотъ въ общихъ чертахъ внѣшній видъ Якутска и его окрестностей десять лѣтъ тому назадъ; того самаго Якутска, который имѣетъ столь в значеніе въ исторіи Сибири и въ срединѣ котораго доживаютъ свой

драгоцѣнные и едва-ли не единственные въ своемъ родѣ образцы древне-русскаго деревяннаго «городового дѣла».

Перейдемъ теперь къ ихъ изученію.

Первыя оффиціальныя данныя объ этихъ остаткахъ мы имѣемъ отъ 1870 года, въ видѣ чертежа общаго фасада стѣны, препровожденнаго въ Т.-С. Комитетъ М. В. Д. Якутскимъ Областнымъ Управленіемъ по приказанію Министра В. Д. [1]) Мы прилагаемъ здѣсь значительно уменьшенный снимокъ съ этого чертежа (табл. XI, черт. 1) и снимки отдѣльныхъ фасадовъ четырехъ башенъ (черт. 8, 9, 10 и 11) въ величину оригинала. Чертежъ этотъ былъ представленъ при самомъ коротенькомъ «отношеніи», гдѣ говорится только, что «эти зданія находятся въ полуразрушенномъ состояніи,—мѣръ-же къ сохраненію и исправному содержанію съ самаго основанія оныхъ принимаемо не было, а потому и особаго описанія не прилагается» [2]).



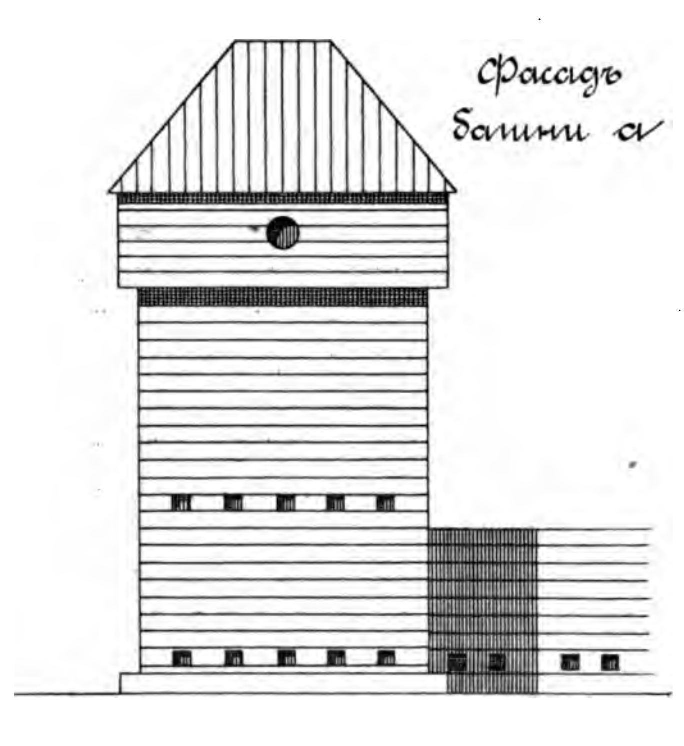
Черт. 9. Южная башня Якутскаго острога.
(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607 и № 105, 1877—79 г.).

Затѣмъ мы имѣемъ объ остаткахъ Якутскаго острога болѣе позднія оффиціальныя извѣстія.

[1]) Хотя это отношеніе Якутскаго Обл. Управленія было отправлено въ Т.-С. Комитетъ М. В. Д., но оно почему-то находится въ архивномъ дѣлѣ Хозяйственнаго Департамента, № 607 и № 105, о чемъ считаемъ долгомъ замѣтить для свѣдѣнія.

[2]) См. отношеніе Якутскаго Обл. Управленія отъ 31-го декабря 1870-го года, № 3653, въ архивномъ дѣлѣ Хозяйственнаго Д-та Мин. Вн. Дѣлъ, 1877—79 гг., № 607 и № 105.

погодѣ, я съ пятью якутами переправился черезъ Лену, т. е. черезъ узенькіе токи, раздѣлявшіе безчисленные острова.... Вдали уже сіяли главы церкв Якутскѣ..... У одного острова якуты вышли на берегъ и потянули лодку би вверхъ. Дотянувъ до конца острова, они сѣли опять и переправились уже не п черезъ который узенькій протокъ и пристали къ берегу, прямо къ деревя лѣсенкѣ.... Нельзя ска чтобы было весело. Т выдумать печальнѣе ности. Съ лѣвой ст Лена—я уже сказалъ ка пески, кусты и луга; съ гой, къ Якутску — кусты и пески. Вдал всѣмъ этимъ, синѣютъ которыя, кажется, и вляли нѣкогда настоящ регъ рѣки. Якутскъ пост на огромной отмели. видно по пространным скамъ, кустамъ и озер И теперь во время р Лена, говорятъ, доходи города и заливаетъ о окрестныя поля».



Черт. 8. Сѣверная башня Якутскаго острога.
(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д. № 607 и № 105, 1877—79 гг.).

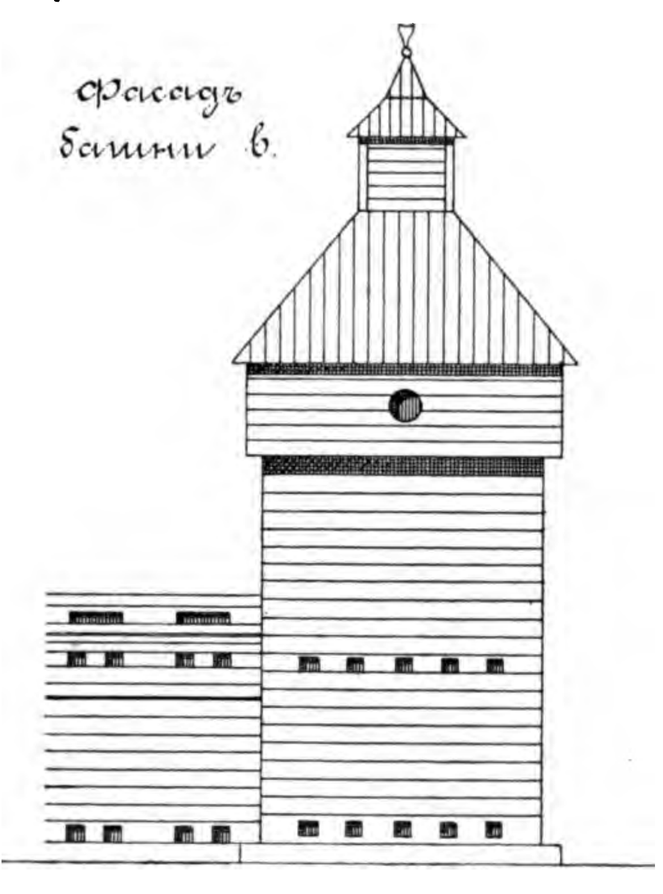
Нѣсколько далѣе чаровъ характеризует мый городъ, какъ «ку чернѣвшихъ отъ в одноэтажныхъ деревя домовъ», и добавляетъ, что въ немъ былъ «*единственный* каменный занимаемый земскимъ судомъ», и «остатки крѣпости, уцѣлѣвшей отъ вр покоренія области», въ видѣ «старинной, полуразрушенной стѣны и нѣскол башенъ».

Вотъ въ общихъ чертахъ внѣшній видъ Якутска и его окрестностей десять лѣтъ тому назадъ; того самаго Якутска, который имѣетъ столь в значеніе въ исторіи Сибири и въ срединѣ котораго доживаютъ свой

драгоцѣнные и едва-ли не единственные въ своемъ родѣ образцы древне-русскаго деревяннаго «городового дѣла».

Перейдемъ теперь къ ихъ изученію.

Первыя оффиціальныя данныя объ этихъ остаткахъ мы имѣемъ отъ 1870 года, въ видѣ чертежа общаго фасада стѣны, препровожденнаго въ Т.-С. Комитетъ М. В. Д. Якутскимъ Областнымъ Управленіемъ по приказанію Министра В. Д. [1]) Мы прилагаемъ здѣсь значительно уменьшенный снимокъ съ этого чертежа (табл. XI, черт. 1) и снимки отдѣльныхъ фасадовъ четырехъ башенъ (черт. 8, 9, 10 и 11) въ величину оригинала. Чертежъ этотъ былъ представленъ при самомъ коротенькомъ «отношеніи», гдѣ говорится только, что «эти зданія находятся въ полуразрушенномъ состояніи,—мѣръ-же къ сохраненію и исправному содержанію съ самаго основанія оныхъ принимаемо не было, а потому и особаго описанія не прилагается» [2]).



Черт. 9. Южная башня Якутскаго острога.
(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607 и № 105, 1877—79 г.).

Затѣмъ мы имѣемъ объ остаткахъ Якутскаго острога болѣе позднія оффиціальныя извѣстія.

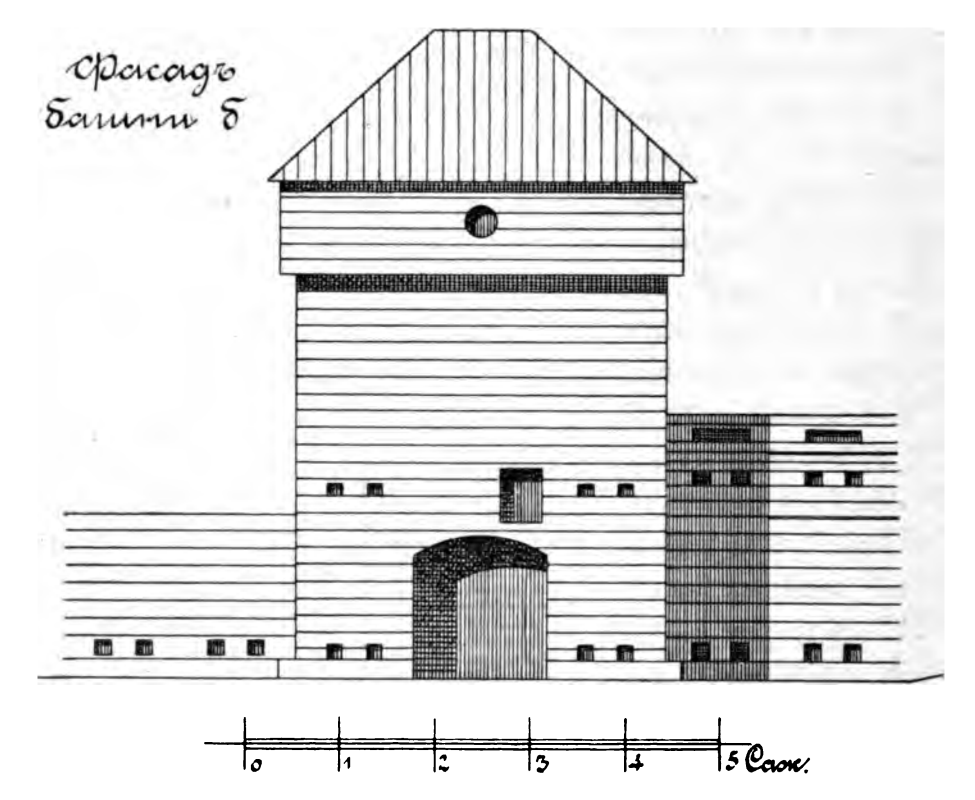
---

[1]) Хотя это отношеніе Якутскаго Обл. Управленія было отправлено въ Т.-С. Комитетъ М. В. Д., но оно почему-то находится въ архивномъ дѣлѣ Хозяйственнаго Департамента, № 607 и № 105, о чемъ считаемъ долгомъ замѣтить для свѣдѣнія.

[2]) См. отношеніе Якутскаго Обл. Управленія отъ 31-го декабря 1870-го года, № 3653, въ архивномъ дѣлѣ Хозяйственнаго Д-та Мин. Вн. Дѣлъ, 1877—79 гг., № 607 и № 105.

Они относятся къ 12-му декабря 1887-го года и заключаются въ отвѣтѣ секретаря Якутскаго Областнаго Комитета, г. А. Попова, на циркулярный запросъ Академіи Художествъ о памятникахъ древности въ Имперіи [1]).

Данныя, сообщаемыя имъ, настолько важны, что мы считаемъ нужнымъ привести ихъ здѣсь цѣликомъ.



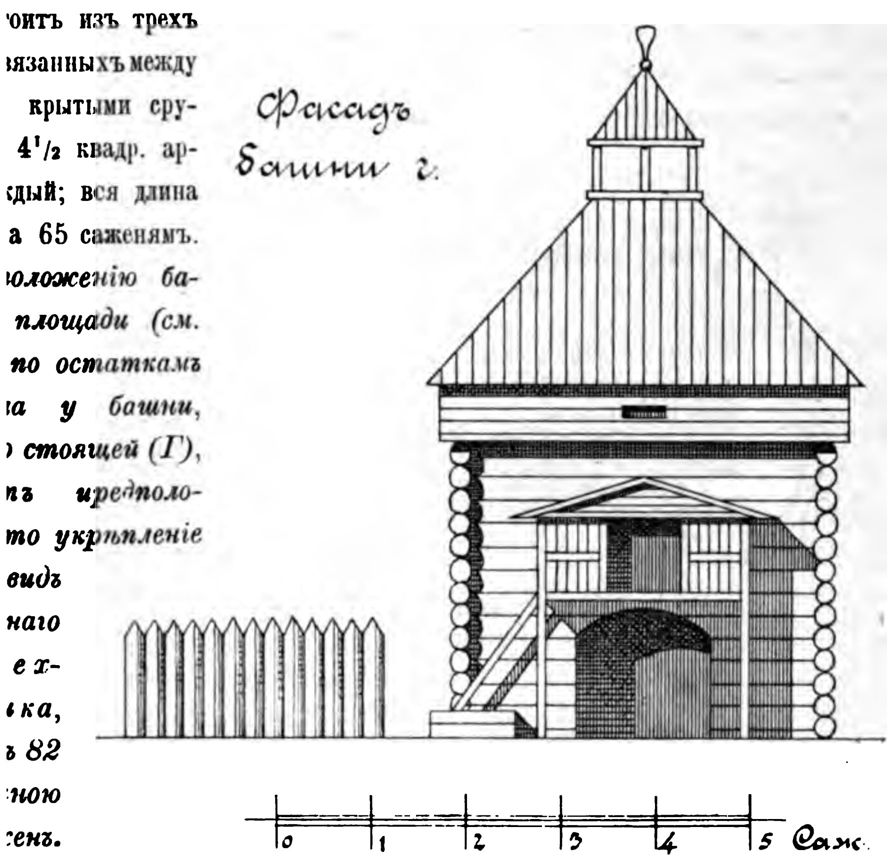
Черт. 10. Средняя башня Якутскаго острога.
(По даннымъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607 и № 105, 1877—79 г.).

«Изъ старыхъ городскихъ укрѣпленій, говоритъ онъ, сохранились въ гор. Якутскѣ четыре деревянныя башни—остатокъ древней крѣпости, построенной въ первой половинѣ XVII столѣтія казаками, завоевателями Восточной Сибири. Крѣпость находится въ самой западной части города и уцѣлѣвшимъ своимъ фасомъ выходитъ въ поле. Башни, равно и срубы, соединяющіе ихъ, построены изъ 6—7 вершковыхъ сосновыхъ бревенъ, первые въ присѣкъ, а послѣдніе въ обло. Высота стѣнъ двухъ крайнихъ башенъ (А и В) равн

[1]) Препровожденъ при отношеніи Якутскаго Обл. Статист. К-та отъ 22 декабря 1887 года, № 162. См. архивное дѣло Хозяйств. Д-та М. В. Д., № 607 № 105, 1877—79 г.

ıинъ, среднeй (Б) и отдѣльно стоящей (Г)—12 арш., высота крышъ :на [1]).

двухъ крышахъ (В и Г) сохранились наблюдательные или сто-постыı. Первыя двѣ башни (А и В) занимаютъ площадь въ 3 квадр. ıждая, другія двѣ (Б и Г)—по 4 кв. саж. Уцѣлѣвшій фасъ укрѣп-оитъ изъ трехъ язанныхъ между крытыми сру- $4^1/_2$ квадр. ар-дый; вся длина а 65 саженямъ. *юложенію ба- площади (см. по остаткамъ ıа у башни,) стоящей (Г), нъ предполо-то укрѣпленіе видъ наго е х- ıка, ъ 82 :ною :енъ.* 'ред-ıяхъ ıрота

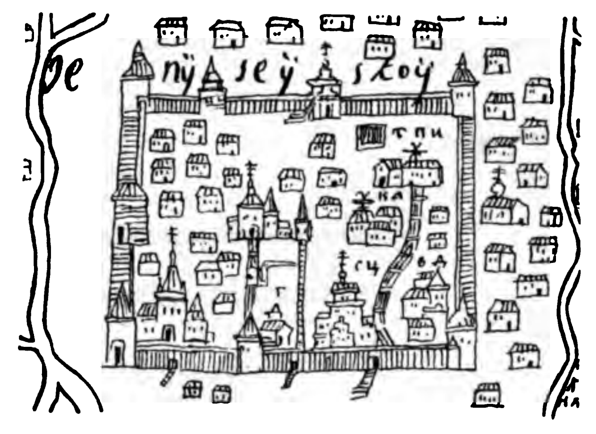


Черт. 11. Отдѣльная, восточная башня Якутскаго острога. (По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д. № 607 и № 105, 1877—79 г.).

на пролётъ, съ деревянными двухстворчатыми полотнищами, въ двухъ воротъ вовсе нѣтъ, а сдѣланы только низкіе ходы съ внутренней стороны я, причемъ въ одной изъ башенъ (А) виденъ ходъ и въ поле (вѣроятно ıокъ). Срубы соединены между собою подобными же ходами и кромѣ того, цаго сруба идетъ особый ходъ во дворъ укрѣпленія. Остатки галлереи, ой надъ срубами, видны только въ одномъ мѣстѣ (между башнями Б и В). галлерея крыта, трудно сказать, такъ какъ никакихъ слѣдовъ стропилъ

[1]) См. табл. IV.

или балокъ не оказывается. У одной башни (Г) сохранились надъ воротами два крытыхъ балкона; слѣды существованія такихъ балконовъ видны и у другой (Б). Раскатовъ на башняхъ, повидимому, не было, ружейныя же бойницы продѣланы въ стѣнахъ башенъ, срубовъ и галлерей, гдѣ въ два, гдѣ въ три яруса, въ башняхъ отъ 4 до 6 бойницъ въ ярусѣ, а въ срубахъ и галлереяхъ отъ 2 до 3-хъ. Внутри стѣнъ кладовыхъ, палатокъ и комнатъ не сохранилось; о погребахъ подъ башнями и о подземныхъ ходахъ ничего неизвѣстно. Укрѣпленіе не подвергалось никакой передѣлкѣ и, вообще, никогда не было возобновляемо.



Черт. 12. Городъ Енисейскъ. (По Семену Ремезову).

Для болѣе нагляднаго ознакомленія съ остатками укрѣпленія, приложенъ при семъ планъ и видъ его въ трехъ отдѣльныхъ фотографическихъ снимкахъ».

Планъ, приложенный къ отвѣту г. Попова, помѣщенъ у насъ на табл. IV, а снимки съ фотографій—на табл. V—IX [1]).

Вся прочая оффиціальная переписка сводится, какъ мы увидимъ далѣе, къ пожеланіямъ мѣстнаго начальства снести эти остатки и къ заботамъ Императорской Археологической Коммисіи объ ихъ сохраненіи.

Возвращаясь, затѣмъ, къ описанію г. Попова, мы видимъ, что, по его предположенію, Якутскій острогъ представлялъ собою «прямоугольникъ длиною 82 саж. и шириною 65 саж.», обозначенный на его планѣ (табл. IV).

Предположеніе это является весьма соблазнительнымъ, ибо очень многіе сибирскіе «остроги» и «города» построены по этому образцу, какъ напр., Енисейскъ (черт. 12), Балаганскъ (черт. 13), Илимскъ (черт. 14), Пелымъ (черт. 1) и разные другіе. Но три стѣны показаны на этомъ планѣ *пунктиромъ*, т. е. *предположительно*, и притомъ лишь на основаніи того соображенія, что башня *Г* (отдаленная) была симметрична башнѣ *Б* и что

[1]) Здѣсь невольно рождается вопросъ, откуда мы взяли *шесть* снимковъ, когда г. Поповъ говоритъ о *трехъ*? Объясняется это тѣмъ, что у него четыре снимка башенъ соединены на одной таблицѣ.

стѣна крѣпости представляла собою въ планѣ правильный прямоугольникъ. Слѣдовательно, принять это предположеніе за незыблемое основаніе нельзя. И дѣйствительно, обращаясь къ стариннымъ изображеніямъ Якутска, мы видимъ нѣчто иное.

Древнѣйшимъ изъ нихъ надо считать то, которое находится въ извѣстной «Чертежной Книгѣ Сибири», составленной въ 1701 году Семеномъ Ремезовымъ (черт. 4). Здѣсь мы видимъ во 1-хъ, внизу рисунка овальное мѣсто, обнесенное тыномъ, съ колокольней слѣва и нѣсколькими церквами внутри; во 2-хъ, въ срединѣ рисунка идетъ стѣна съ тремя башнями, изъ коихъ двѣ по концамъ, а одна по серединѣ; и наконецъ, въ 3-хъ, вверху рисунка, какъ-бы параллельно этой стѣнѣ, — вторая такая-же стѣна, но уже съ пятью башнями, изъ которыхъ одна высокая, съ орломъ,—по серединѣ, а остальныя четыре—по двѣ съ каждаго конца, причемъ крайнія показаны рублеными изъ дерева. Сзади этой стѣны идетъ, приблизительно полу восьмиугольникомъ, частоколъ, который охватываетъ собою, судя по характеру построекъ, повидимому, главную часть города.

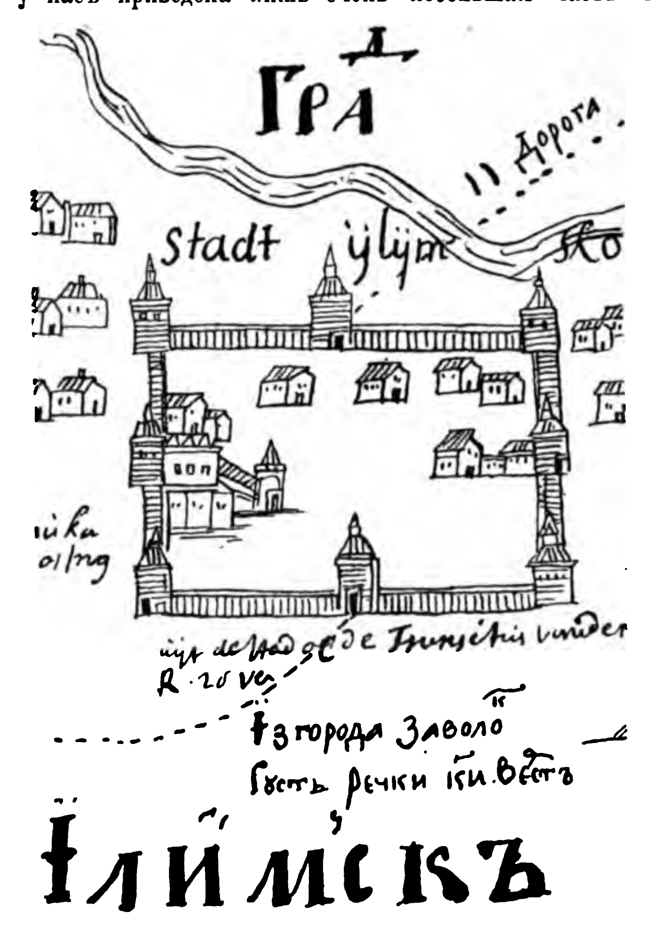
Черт. 13.
Балаганскій острогъ.
(По Семену Ремезову).

Итакъ, мы замѣчаемъ здѣсь три какъ-бы совершенно отдѣльныя части. Для опредѣленія этихъ частей весьма важно было-бы выяснить ихъ оріентировку по странамъ свѣта, принимая во вниманіе, что общепринятое теперь расположеніе картъ, съ сѣверомъ на верху, не соблюдалось въ XVII-мъ вѣкѣ, а Ремезовъ по образованію былъ, конечно, человѣкомъ XVII-го вѣка.

Съ правой стороны рисунка, по направленію сверху внизъ, показано теченіе р. Вилюя; въ правомъ нижнемъ углу рисунка, по направленію снизу вверхъ, обозначено теченіе р. Алдана; и наконецъ внизу рисунка идетъ нѣсколько вкось, съ протокомъ со стороны города, широкая Лена. Но на самомъ дѣлѣ Алданъ—правый протокъ Лены, а Вилюй—лѣвый; оба они при впаденіи въ Лену имѣютъ одно и то-же направленіе, по широтѣ, т. е. съ востока на западъ и наоборотъ. Лена, между ними, течетъ съ юга-востока на сѣверо-западъ (табл. I). Отсюда ясно, что если мы повернемъ рисунокъ Ремезова такъ, чтобы верхъ пришелся слѣва, а низъ—справа, то рѣки получатъ должное направленіе и чертежъ будетъ оріентированъ правильно (черт. 15).

При этомъ нижняя группа строеній окажется восточной, а верхняя—западной, что для насъ весьма важно, такъ какъ впослѣдствіи это поможетъ намъ разобраться, при дальнѣйшемъ изложеніи, въ частяхъ города, а здѣсь

мы считаемъ долгомъ оговориться, что наше опредѣленіе правильной оріентировки рисунка по теченію рѣкъ обусловлено тѣмъ обстоятельствомъ, что у насъ приведена лишь очень небольшая часть чертежа Ремезова; но если мы будемъ разсматривать таблицу 19-ю его атласа, гдѣ изображенъ Якутскъ, то сразу замѣтимъ, что устье Лены показано справа, а Пенжинская губа снизу чертежа, слѣдовательно онъ оріентированъ западомъ наверхъ, сѣверомъ направо, а востокомъ внизъ.



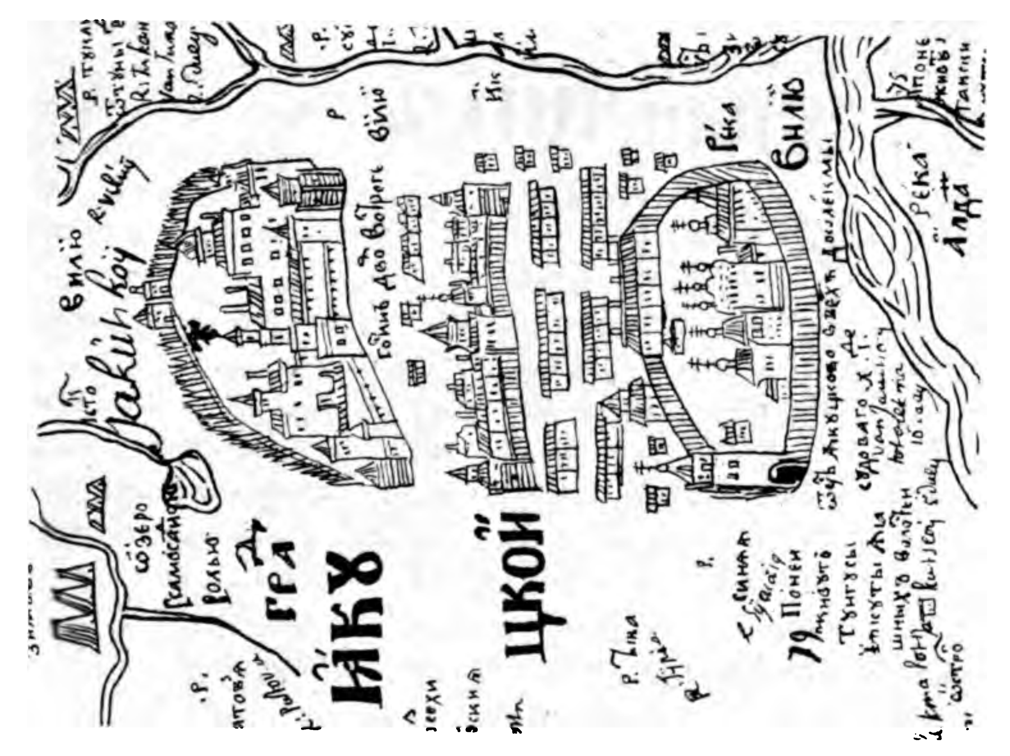
Черт. 14. Городъ Илимскъ.
(По Семену Ремезову).

Другое изображеніе, почти одновременное съ первымъ, мы видимъ въ сочиненіи Витзена о Сѣверной и Восточной Татаріи, хранящемся въ библіотекѣ Императорской Археологической Коммиссіи [1]) (табл. II, рис. 2).

Прежде чѣмъ говорить что-либо о Витзеновомъ изображеніи Якутска, скажемъ вообще нѣсколько словъ о рисункахъ, приложенныхъ къ его сочиненію. Въ рисункахъ этихъ мы должны различать, во 1-хъ, содержа-

[1]) Инв. кат. № 13555. «Noord en Oost Tartarye. Tweede deel: behelzende de Landschappen Georgia, Mengrelia, Cirkassia, Crim, Astakkia, Altin, Tingoesia, Siberia, en Samojedia» door Nicolaes Witsen. (Заглавнаго листа нѣтъ). Витзенъ (1641—1717), голландскій ученый и государственный человѣкъ, былъ въ Россіи вмѣстѣ съ голландскимъ посольствомъ въ 1664-мъ году, а затѣмъ находился въ личныхъ отношеніяхъ съ Петромъ Великимъ, который переписывался съ нимъ до отъѣзда за границу и даже гостилъ у него въ домѣ въ Голландіи. Матеріалы для своего огромнаго труда онъ лично собралъ въ Москвѣ, а затѣмъ пополнилъ его дополнительными сообщеніями многихъ лицъ, съ которыми онъ состоялъ въ перепискѣ, въ томъ числѣ съ Петромъ Великимъ и съ дьякомъ Сибирскаго Приказа голландцемъ Андреемъ Виніусомъ.

ніе, а во 2-хъ форму. Что касается до перваго, то оно, повидимому, основано на хорошихъ источникахъ, а потому обыкновенно ничего невѣроятнаго не представляетъ; но, что касается до формы, то, съ нашей современной точки зрѣнія, она ниже всякой критики: сходства съ изображаемымъ предметомъ или существомъ почти никакого! Такъ, напр., на рисункѣ стр. 669. у него изображены два якута: одинъ на лыжахъ, а другой въ саняхъ, запряженныхъ однимъ оленемъ; у перваго якута къ поясу привязана мчащаяся



Черт. 15. Г. Якутскъ въ самомъ концѣ XVII вѣка.
(По Семену Ремезову).

собака. Все это по существу совершенно естественно и возможно. Но посмотримъ, какъ это изображено въ смыслѣ формы. Сани, въ которыхъ сидитъ якутъ, — не легонькія олены нарты, а тяжелый длинный ящикъ, переходящій спереди въ завитокъ стиля Возрожденія. Олень и собака—не сѣверные сибирскіе олень и лайка, а красивый классическій олень и классическая-же борзая, съ какими обыкновенно изображались Діана на западныхъ гравюрахъ XVII—XVIII вв. Лицо якута на лыжахъ — чистѣйшаго голландскаго типа, а вмѣсто шеста у него въ рукахъ тирсъ съ классическими кедровыми шишками по концамъ!

Затѣмъ на рисункѣ стр. 660 у Витзена представленъ конный бу[
въ халатѣ и мѣховой шапкѣ, съ лукомъ и стрѣлами, но на таком[
точно конѣ, на какомъ сидитъ Константинъ Великій въ притворѣ х[
св. Петра въ Римѣ!

Наконецъ на рисункѣ стр. 643 у него изображена «монголь[
монахиня» (?) (Mugaelsche Nonne) съ четками въ рукахъ; но если снять
нея мѣховую шапку и жиденькую мѣховую оторочку ворота и косой [
то мы получимъ полнѣйшую голландскую женскую фигуру съ гравюры XVI

Черт. 16. Городъ Епанчинъ.
(По Семену Ремезову).

На этомъ мы пока остановимся, ибо приведенныхъ примѣровъ с[
шенно достаточно для выясненія нашей мысли.

Все это мы говоримъ совсѣмъ не съ тою цѣлью, чтобы критико[
Витзена, ибо нелѣпо предъявлять требованія XX-го вѣка къ писателю XVI[
Нѣтъ, мы просто хотимъ выяснить тотъ способъ, которымъ создава[
рисунки его книги.

Имѣя корреспондентовъ даже въ такихъ отдаленныхъ странахъ, [
Персія и Японія, онъ, очевидно, собиралъ возможно достовѣрныя свѣд[
которыя доставлялись ему или въ видѣ простыхъ описаній или, быть мож[
въ видѣ описаній съ набросками и чертежами; а затѣмъ какой-нибудь голл[

скій художникъ, конечно никогда не бывавшій въ описываемыхъ Витзеномъ странахъ, составлялъ иллюстраціи къ его книгѣ на основаніи данныхъ ему описаній или набросковъ. При этомъ онъ, разумѣется, пропускалъ ихъ черезъ свое собственое художественое міросозерцаніе и давалъ такія изображенія, какія онъ привыкъ видѣть у себя дома, въ Голландіи, на миѳологическихъ, историческихъ или бытовыхъ картинахъ. Выясненіе этого процесса для насъ чрезвычайно важно, ибо оно раскрываетъ способъ изображенія видовъ разныхъ сибирскихъ городовъ, находящихся въ сочиненіи Витзена.

Рис. 17. Городъ Епанчинъ.
(По Витзену).

Присматриваясь къ этимъ изображеніямъ, образцомъ которыхъ могутъ служить приводимые нами виды Якутска (табл. II, рис. 2) и Епанчина (рис. 17), мы замѣчаемъ прежде всего, что, несмотря на ихъ кажущуюся реальность, они вполнѣ условны: города у Витзена изображены «съ высоты птичьяго полета», т. е. такъ, какъ ихъ въ натурѣ никогда не увидишь. Чтобы увидѣть ихъ съ такой точки зрѣнія, надо или подняться на воздушномъ шарѣ, или взлѣсть по очень высокую гору. Но такъ какъ ни то, ни другое въ данномъ случаѣ не допустимо, то очевидно, что виды городовъ Витзена сдѣланы не съ натуры, а съ какихъ-то чисто условныхъ набросковъ, которымъ приданы только болѣе реальныя черты.

Присматриваясь затѣмъ къ характеру зданій, мы замѣчаемъ, что эти русскія на первый взглядъ башни, церкви и дома Якутска являются, въ сущности, голландскими. За примѣрами ходить недалеко: укажемъ хотя-бы на «домъ коменданта» (4), городской соборъ (1), домъ направо отъ «башенки съ боемъ и часами» (5) и т. д. Все это не русскія «шатровыя» постройки, а голландскія «шпилевыя». То же самое мы можемъ сказать и о прочихъ изображеніяхъ сибирскихъ городовъ у Витзена.

Эти соображенія невольно наводятъ на мысль, не имѣлъ-ли Витзенъ какихъ-либо русскихъ изображеній сибирскихъ городовъ, которыя и были ему «грамотно» перерисованы въ Голландіи? А если это такъ, то отъ кого онъ могъ ихъ получить?

Здѣсь уже самъ собой приходитъ на память его корреспондентъ Андрей Виніусъ, дьякъ Сибирскаго Приказа, которому Семенъ Ремезовъ, по царскому указу, представилъ составленный имъ «Чертежъ Сибирской земли». А равнымъ образомъ припоминается и то обстоятельство, что у Ремезова каждый городъ изображенъ условнымъ видомъ съ высоты птичьяго полета (черт. 1, 2, 4 и 13), и что на тѣхъ-же чертежахъ Ремезова мы видимъ *голландскій* переводъ *русскихъ* надписей (черт. 1, 4, 12 и др.).

Но если на чертежахъ Ремезова русскія подписи переведены на голландскій языкъ, то спрашивается, для чего-же? Очевидно—для отсылки въ Голландію. А если это такъ, то чертежи Ремезова могли послужить образцами для рисунковъ Витзена[1]). Значитъ, для рѣшенія этого вопроса надо только сравнить одни съ другими. Сдѣланное нами сравненіе дало поразительное подтвержденіе нашей догадки: Витзеновы изображенія Енисейска (стр. 666), Красноярска (ibid.), Березова (стр. 729), Нарыма (ibid.), Кузнецка (стр. 848), Туруханска или Новой Мангазеи (ibid.), Иркутска (стр. 757), Тары (стр. 823) и Епанчина (ibid.) составляютъ точнѣйшее повтореніе чертежей Ремезова. Въ доказательство приводимъ изображеніе города Епанчина у того и у другого (черт. 16 и рис. 17). Простого сравненія обоихъ рисунковъ достаточно, чтобы убѣдиться въ вѣрности нашего заключенія.

Но изображенія Верхотурья и Якутска у Витзена совсѣмъ не похожи на чертежи ихъ у Ремезова. Мы уже разбирали изображеніе Якутска въ Чертежной Книгѣ Сибири (черт. 4). Если обратимся теперь къ изображенію Витзена, то увидимъ совсѣмъ другое (табл. II, рис. 2): на правой сторонѣ рисунка стѣна

[1]) Въ своемъ «Введеніи» Витзенъ говоритъ, что для картъ ему служили пособіемъ «сибирскіе лубки съ описаніемъ земель. (См. у Кордта, втор. серія, стр. 25).

идетъ по тремъ сторонамъ прямоугольника, причемъ она имѣетъ девять башенъ, а затѣмъ къ этому прямоугольнику примыкаетъ круглая стѣна, которая охватываетъ остальную часть города и имѣетъ двѣнадцать башенъ. Это изображеніе не только противорѣчитъ первому, но идетъ гораздо дальше его, *ибо* даетъ такія подробности, о которыхъ въ первомъ и думать нечего, какъ *напр.* всѣ главнѣйшія постройки внутри, каковы соборъ, монастырь, домъ коменданта, тюрьма, цейхгаузъ (1, 2, 4, 6 и 9) и т. д.

Но которое-же изъ этихъ изображеній правильнѣе и кому изъ нихъ вѣрить? Витзену или Ремезову?

Для рѣшенія этого вопроса мы пока привели слишкомъ мало данныхъ. Къ Витзенову изображенію мы еще вернемся и тогда выяснимъ этотъ вопросъ, а теперь обратимся сперва къ третьему старинному изображенію Якутска на гравюрѣ XVIII вѣка, оттиснутому со старой доски изъ собранія Императорской Академіи Художествъ [1]) (табл. III, рис. 1 и 2).

Изображеніе это въ подлинникѣ слишкомъ велико ($42^1/_2$ сант. длины), почему и не могло умѣститься на предѣлахъ нашей таблицы, или-же вышлобы слишкомъ мелко, а потому его пришлось раздѣлить на двѣ части и правую сторону помѣстить отдѣльно (табл. III, рис. 2). Но одного взгляда на эти рисунки достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что лѣвый край рисунка втораго есть продолженіе праваго края рисунка перваго, и представить себѣ общую картину.

Здѣсь мы видимъ прежде всего реальное изображеніе города съ соблюденіемъ естественной перспективы: это несомнѣнно—видъ, рисованный умѣлымъ художникомъ съ натуры, причемъ русскій характеръ зданій соблюденъ вполнѣ, не исключая, напр., такихъ подробностей какъ «кресчатая бочка», которую мы замѣчаемъ въ лѣвой части рисунка 1-го подъ четвертой луковичной главой, считая слѣва вправо.

Затѣмъ мы замѣчаемъ въ этомъ изображеніи много аналогіи съ чертежомъ Ремезова (черт. 15), въ особенности если этотъ послѣдній оріентировать

---

[1]) Помимо разнаго рода гравюръ, собраніе это заключаетъ въ себѣ виды слѣдующихъ сибирскихъ городовъ: Верхотурья, Тары, Томска, Удинскаго острога, Туринска, Мангазеи, Кузнецка, Селенгинска, Нерчинска и Кяхтинской слободы (всѣ эти виды имѣютъ 32 сант. длины и 18 высоты); Тюмени, Илимска, Енисейска, Красноярска, Якутска и Пелыма (всѣ эти гравюры имѣетъ $44^1/_2$ сант. длины и 14 см. высоты). Коллекція эта является драгоцѣннѣйшимъ собраніемъ, ибо съ одной стороны представляетъ собою достовѣрныя изображенія разныхъ сибирскихъ городовъ XVIII вѣка, а съ другой увѣковѣчиваетъ тѣ изъ нихъ, которые нѣкогда играли важную роль въ дѣлѣ покоренія Сибири, а теперь сошли на нѣтъ и уже почти забыты русскими людьми, какъ напр. Мангазея.

какъ слѣдуетъ, т. е., въ данномъ случаѣ, положить на бокъ. Во 1-хъ восточной окраинѣ города мы видимъ группу зданій и церквей, обнесенн отдѣльною оградою (табл. III, рис. 2); во 2-хъ, въ значительномъ отдаленіи отт изображены первыя три башни, стоящія въ рядъ (ib. рис. 1, между мач правыхъ и среднихъ барокъ); и въ 3-хъ, еще нѣсколько дальше на за и въ западномъ концѣ города мы замѣчаемъ большую группу зданій съ ша выми покрытіями (рис. 1, слѣва), которая отвѣчаетъ верхней или запа группѣ построекъ на изображеніи Ремезова. Всматриваясь внимательнѣе эту группу, мы замѣчаемъ, что одни шатровыя покрытія ея принадле церквамъ, а другія—башнямъ, причемъ первыя ясно отличаются отъ вто| крестами, что даетъ намъ возможность опредѣлить число башенъ въ группѣ. Первую башню мы видимъ слѣва между мачтами двухъ лѣвыхъ ба (рис. 1); отъ нея идетъ вправо на горизонтѣ тынъ или частоколъ, кот закрывается группою зданій съ четырьмя шатрами, изъ коихъ самый н не имѣетъ креста: это *вторая* башня. Рядомъ съ нею стоитъ колоко а подлѣ нея низкій шатрикъ, который принадлежитъ *третьей* ба Наконецъ еще правѣе, за мачтами двухъ среднихъ барокъ, изображены цѣ *пять* шатровъ. Итого въ этой группѣ всего *восемь* башенъ.

Точно также *восемь* башенъ мы видимъ въ верхней оградѣ у Рем (рис. 4): *одна* башня посрединѣ съ орломъ: отъ нея направо на углу— башни; отъ нея налѣво на углу—*три* башни; наконецъ посрединѣ ч кола, немного правѣе орла главной башни,—еще *двѣ* башни. Итого *восемь* башенъ!

Все это показываетъ, что чертежъ Ремезова вѣренъ, а рисунокъ Ви невѣренъ, но не рѣшаетъ еще вопроса о размѣрахъ и дѣйствительномъ р ложеніи Якутской крѣпости, ибо нельзя-же въ самомъ дѣлѣ представить крѣпость, часть оборонительныхъ сооруженій которой представляли-бы с отдѣльно стоящія три башни, соединенныя прямою стѣною (черт. 4 и потому что всякое укрѣпленіе должно представлять собою убѣжище, *замкн и защищенное со всѣхъ сторонъ.*

Итакъ древнія изображенія Якутскаго острога и чертежи его оста не разрѣшаютъ поставленнаго нами вопроса. Такъ какъ мы не находим него графическаго отвѣта, попытаемся поискать его въ письменныхъ св тельствахъ и посмотримъ, что говорятъ о немъ историческія данныя.

Военный инженеръ Ѳ. Ласковскій одинъ изъ лучшихъ знатковъ др русскаго крѣпостного дѣла, сообщаетъ, впрочемъ безъ указанія источника,

«при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ оборонительная ограда Якутска состояла изъ *острога* съ башнями, окружавшаго посадъ, и *внутренней* ограды изъ деревянной рубленой стѣны съ 6-ю башнями» [1]).

Затѣмъ Словцовъ утверждаетъ, что «Якутскъ, еще въ то время, какъ стоялъ на степени города разряднаго или областного, обстроился *деревяннымъ четыреугольникомъ*, коего сторона продолжалась на 320 саж, съ 16 башнями, въ срединѣ же его включался *замокъ*, также деревянный, съ 6 башнями, и занималъ площадь въ 540 саж., съ каменнымъ помѣщеніемъ для воеводъ. Въ такомъ видѣ Якутскъ существовалъ и въ IV періодъ». (1742—1765 г.) [2]).

Видѣвшій въ 30-хъ годахъ остатки Якутскаго острога Щукинъ говорить слѣдующее объ его расположеніи: «*Она* (т. е. крѣпость), была *квадратная*, каждый бокъ ея имѣлъ 63½ сажени. По угламъ были башни въ нѣсколько этажей, а въ срединѣ ворота. . . . Вся крѣпость, на разстояніи ружейнаго выстрѣла, обнесена была высокимъ *частоколомъ* или палисадомъ съ воротами и башнями» [3]).

Наконецъ, въ наше время г. Латкинъ утверждаетъ, по тоже безъ указанія источника, что «въ 1678-мъ году воевода Бибиковъ обнесъ крѣпость новымъ частоколомъ, углубилъ ровъ, а пять башенъ на крѣпостныхъ стѣнахъ огородилъ палисадомъ» (?) [4]).

Позднѣйшее описаніе г. Попова (1887 г.) мы уже приводили (стр. 35).

Таковы свидѣтельства нашей исторической литературы, которыя не только разногласятъ между собою, но даже прямо противорѣчатъ другъ другу въ подробностяхъ, какъ напр. въ размѣрахъ; но за то нельзя отрицать у всѣхъ ихъ нѣкоторую одинаковость представленія объ общемъ расположеніи Якутскаго острога, что у Словцова и Щукина объясняется тѣмъ, что оба они «очевидцы» [5]). Тѣмъ не менѣе всѣ эти показанія, взятыя вмѣстѣ, не только не выясняютъ вопроса, а скорѣе затемняютъ его.

Положеніе казалось бы безнадежнымъ, если бы выходу изъ него не помогли

---

[1]) См. его „Матеріалы для исторіи инж. искусства въ Россіи“, часть I, Спб. 1858 г., стр. 30.

[2]) См. его „Истор. Обозр. Сибири“, книга вторая, стр. 115. Спб. 1844.

[3]) См. его „Поѣздка въ Якутскъ“, Спб. 1844, стр. 197—199.

[4]) См. его статью «Якутскъ» въ 82-мъ полутомѣ Энциклопед. Словаря Ефрона и Брокгауза.

[5]) „Въ 1815 г., говоритъ Словцовъ, еще разъ я видѣлъ башни и стѣны Якутскаго замка, и палаты воеводскія, превращенныя въ казначейство. Эти развалины описаны г. Щукинымъ въ поѣздкѣ въ Якутскъ 1833 г.“

какъ слѣдуетъ, т. е., въ данномъ случаѣ, положить на бокъ. Во 1-хъ, въ восточной окраинѣ города мы видимъ группу зданій и церквей, обнесенныхъ отдѣльною оградою (табл. III, рис. 2); во 2-хъ, въ значительномъ отдаленіи отъ нея изображены первыя три башни, стоящія въ рядъ (ib. рис. 1, между мачтами правыхъ и среднихъ барокъ); и въ 3-хъ, еще нѣсколько дальше на западъ и въ западномъ концѣ города мы замѣчаемъ большую группу зданій съ шатровыми покрытіями (рис. 1, слѣва), которая отвѣчаетъ верхней или западной группѣ построекъ на изображеніи Ремезова. Всматриваясь внимательнѣе въ эту группу, мы замѣчаемъ, что одни шатровыя покрытія ея принадлежатъ церквамъ, а другія—башнямъ, причемъ первыя ясно отличаются отъ вторыхъ крестами, что даетъ намъ возможность опредѣлить число башенъ въ этой группѣ. Первую башню мы видимъ слѣва между мачтами двухъ лѣвыхъ барокъ (рис. 1); отъ нея идетъ вправо на горизонтѣ тынъ или частоколъ, который закрывается группою зданій съ четырьмя шатрами, изъ коихъ самый низкій не имѣетъ креста: это *вторая* башня. Рядомъ съ нею стоитъ колокольня, а подлѣ нея низкій шатрикъ, который принадлежитъ *третьей* башнѣ. Наконецъ еще правѣе, за мачтами двухъ среднихъ барокъ, изображены цѣлыхъ *пять* шатровъ. Итого въ этой группѣ всего *восемь* башенъ.

Точно также *восемь* башенъ мы видимъ въ верхней оградѣ у Ремезова (рис. 4): *одна* башня посрединѣ съ орломъ: отъ нея направо на углу—*двѣ* башни; отъ нея налѣво на углу—*три* башни; наконецъ посрединѣ частокола, немного правѣе орла главной башни,—еще *двѣ* башни. Итого тоже *восемь* башенъ!

Все это показываетъ, что чертежъ Ремезова вѣренъ, а рисунокъ Витзена невѣренъ, но не рѣшаетъ еще вопроса о размѣрахъ и дѣйствительномъ расположеніи Якутской крѣпости, ибо нельзя-же въ самомъ дѣлѣ представить себѣ крѣпость, часть оборонительныхъ сооруженій которой представляли-бы собою отдѣльно стоящія три башни, соединенныя прямою стѣною (черт. 4 и 15), потому что всякое укрѣпленіе должно представлять собою убѣжище, *замкнутое и защищенное со всѣхъ сторонъ*.

Итакъ древнія изображенія Якутскаго острога и чертежи его остатковъ не разрѣшаютъ поставленнаго нами вопроса. Такъ какъ мы не находимъ на него графическаго отвѣта, попытаемся поискать его въ письменныхъ свидѣтельствахъ и посмотримъ, что говорятъ о немъ историческія данныя.

Военный инженеръ Ѳ. Ласковскій одинъ изъ лучшихъ знатковъ древнерусскаго крѣпостного дѣла, сообщаетъ, впрочемъ безъ указанія источника, что

«при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ оборонительная ограда Якутска состояла изъ *острога* съ башнями, окружавшаго посадъ, и *внутренней* ограды изъ деревянной рубленой стѣны съ 6-ю башнями» [1]).

Затѣмъ Словцовъ утверждаетъ, что «Якутскъ, еще въ то время, какъ стоялъ на степени города разряднаго или областного, обстроился *деревяннымъ четыреугольникомъ*, коего сторона продолжалась на 320 саж., съ 16 башнями, въ срединѣ же его включался *замокъ*, также деревянный, съ 6 башнями, и занималъ площадь въ 540 саж., съ каменнымъ помѣщеніемъ для воеводъ. Въ такомъ видѣ Якутскъ существовалъ и въ IV періодъ». (1742—1765 г.) [2]).

Видѣвшій въ 30-хъ годахъ остатки Якутскаго острога Щукинъ говоритъ слѣдующее объ его расположеніи: «*Она* (т. е. крѣпость), была *квадратная*, каждый бокъ ея имѣлъ 63½ сажени. По угламъ были башни въ нѣсколько этажей, а въ срединѣ ворота. . . . Вся крѣпость, на разстояніи ружейнаго выстрѣла, обнесена была высокимъ *частоколомъ* или палисадомъ съ воротами и башнями» [3]).

Наконецъ, въ наше время г. Латкинъ утверждаетъ, но тоже безъ указанія источника, что «въ 1678-мъ году воевода Бибиковъ обнесъ крѣпость новымъ частоколомъ, углубилъ ровъ, а пять башенъ на крѣпостныхъ стѣнахъ огородилъ палисадомъ» (?) [4]).

Позднѣйшее описаніе г. Попова (1887 г.) мы уже приводили (стр. 35).

Таковы свидѣтельства нашей исторической литературы, которыя не только разногласятъ между собою, но даже прямо противорѣчатъ другъ другу въ подробностяхъ, какъ напр. въ размѣрахъ; но за то нельзя отрицать у всѣхъ ихъ нѣкоторую одинаковость представленія объ общемъ расположеніи Якутскаго острога, что у Словцова и Щукина объясняется тѣмъ, что оба они «очевидцы» [5]). Тѣмъ не менѣе всѣ эти показанія, взятыя вмѣстѣ, не только не выясняютъ вопроса, а скорѣе затемняютъ его.

Положеніе казалось бы безнадежнымъ, если бы выходу изъ него не помогли

---

[1]) См. его „Матеріалы для исторіи инж. искусства въ Россіи", часть I, Спб. 1858 г., стр. 30.

[2]) См. его „Истор. Обозр. Сибири", книга вторая, стр. 115. Спб. 1844.

[3]) См. его „Поѣздка въ Якутскъ", Спб. 1844, стр. 197—199.

[4]) См. его статью «Якутскъ» въ 82-мъ полутомѣ Энциклопед. Словаря Ефрона и Брокгауза.

[5]) „Въ 1815 г., говоритъ Словцовъ, еще разъ я видѣлъ башни и стѣны Якутскаго замка, и палаты воеводскія, превращенныя въ казначейство. Эти развалины описаны г. Щукинымъ въ поѣздкѣ въ Якутскъ 1833 г."

нѣкоторыя другія литературныя данныя и, главнымъ образомъ, одинъ старинный планъ изъ архива Технически-Строительнаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а затѣмъ «Вѣдомости» и «Росписные списки» г. Якутска 1701 и 1759 гг.

Въ Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1873 г. напечатана статья неизвѣстнаго автора подъ заглавіемъ «Якутскій Спасскій монастырь» [1]). Въ ней есть слѣдующее крайне любопытное для насъ мѣсто: «Въ 1632-мъ году поставленъ былъ въ Якутахъ сотникомъ Петромъ Бекетовымъ *острогъ*, на мѣстѣ тѣсномъ и низменномъ, такъ что его каждую весну затопляло разливомъ воды при проходѣ рѣки, а потому въ 1643-мъ году, при воеводѣ Петрѣ Головинѣ, выше этого острога верстахъ въ 10-ти на Чеповомъ лугу построенъ *другой острогъ* съ 5-ю башнями, въ окружности 333 саж.; при немъ находились казенные амбары, воеводской домъ и двѣ церкви: во имя живоначальной Троицы и преподобнаго Михаила Маленна, но участь и этого острога была *не лучше перваго*. Въ 1683-мъ году, при воеводѣ Иванѣ Приклонскомъ, по грамотѣ блаженныя памяти Государя Ѳедора Алексѣевича, по челобитію городскихъ жителей построенъ на томъ-же лугу по р. Ленѣ выше стараго острога 580 саж. *новый городъ* о четырехъ стѣнахъ съ башнями, часть которыхъ видна у насъ и въ настоящее время. Тутъ построены были воеводскій дворъ, таможня, казенные амбары, гостиный дворъ и соборная церковь».

Таковы свѣдѣнія, сообщаемыя объ Якутскомъ острогѣ неизвѣстнымъ сотрудникомъ Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, которыя, какъ мы увидимъ далѣе, много содѣйствуютъ разъясненію нашего вопроса.

Что-же касается до стараго плана г. Якутска, хранящагося въ архивѣ Т.-С. Комитета М. В. Д. [2]), то онъ представляетъ весьма любопытныя данныя: съ одной стороны на немъ показаны карминомъ, въ линіяхъ, правильные кварталы Высочайше утвержденнаго плана города, а съ другой стороны нанесена съ натуры вся существующая крайне безпорядочная его деревянная застройка, какъ она сложилась историческимъ путемъ (черт. 18).

Ни числа, ни года, ни подписи его составителя на немъ нѣтъ, но мы всетаки-же можемъ съ увѣренностью сказать, что онъ составленъ въ началѣ XIX-го столѣтія, во 1-хъ, по виду бумаги, во 2-хъ, по характеру почерка надписей, и въ 3-хъ, по обозначенію вверху: «Планъ *уѣзднаго* города Якутска».

[1]) См. Прибавленіе къ Иркутскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ 1873 г., № 36, отъ 8 сентября, стр. 585—587. Статья эта провѣрена, въ смыслѣ документальности, въ епархіи въ Иркутскѣ, а потому заслуживаетъ полнаго довѣрія.

[2]) № 264.

Оставляя въ сторонѣ первые два признака, какъ болѣе или менѣе спорные, обратимся къ третьему, который въ данномъ случаѣ является документальнымъ: Якутскъ былъ «уѣзднымъ» городомъ лишь съ 1805-го по 1822-й годъ, слѣдовательно нашъ планъ могъ быть составленъ только въ этотъ семнадцатилѣтній промежутокъ времени, т. е. онъ относится къ первой четверти XIX-го вѣка.

Мы прилагаемъ здѣсь копію съ него въ уменьшенномъ масштабѣ (черт. 18) и выкопировку одной части (черт. 19) въ величину подлинника. Первая представляетъ собою полностью планъ Якутска, какимъ онъ былъ въ началѣ XIX вѣка, но безъ Высочайше утвержденнаго проекта урегулированія города, которое тогда было только что предположено къ осуществленію. Что-же касается до второй, то она является изображеніемъ плана самаго острога въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до начала XIX столѣтія.

Обращаясь затѣмъ къ старинымъ «описямъ» XVIII-го вѣка, мы читаемъ въ «Вѣдомости Сибирскимъ городамъ» 1701 года [1]) слѣдующее описаніе Якутскаго острога:

«Якуцкой городъ»

«По росписному списку 206 г. *новой рубленой* мѣрою въ длину и поперегъ съ поля по 60 саж. стѣна, а внутри въ городѣ по 57 саж. стѣна, крытъ въ одинъ тесъ; да въ томъ же городѣ на правомъ углу въ стѣнѣ церковь новая о дву службахъ, вверху и внизу олтари выпущены за городъ; а у города въ стѣнахъ 7 башенъ, въ томъ числѣ 2 башни проѣзжіе.

Около города *острогъ стоячій;* а по мѣрѣ того острогу отъ передней городовой стѣны къ востоку къ Лѣнѣ рѣкѣ и къ старому посаду до острожной стѣны 60 саж.; а отъ городовыхъ стѣнъ до острогу по 40 саж.; да въ томъ же острогѣ на углахъ и въ стѣнахъ 8 башенъ, въ томъ числѣ 2 башни проѣзжіе; да въ острогѣ жъ тайникъ водяной копаной не додѣланъ покрытъ землею» [2]).

Таковъ былъ видъ Якутскаго острога въ 206 (1698) году. Но жизнь брала свое и онъ, конечно, не могъ оставаться всегда въ такомъ состояніи. Дѣйствительно, спустя шестьдесятъ лѣтъ съ небольшимъ острогъ представляется уже въ значительно измѣненномъ видѣ:

---

[1]) По Сибирскому Приказу кн. № 1354, лл. 362—372 (Моск. Архивъ М-ва Юстиціи).

[2]) См. „Кунгуръ, Матеріалы для исторіи города XVII и XVIII столѣтія“. Москва 1886 г., стр. 110.

Черт. 18. „Планъ уѣзднаго города Якутска".

(По архивному плану Т.-С. Комитета М. В. Д., № 264).

„Описаніе примѣчательныхъ мѣстъ и строеній" [1]).

Церкви.

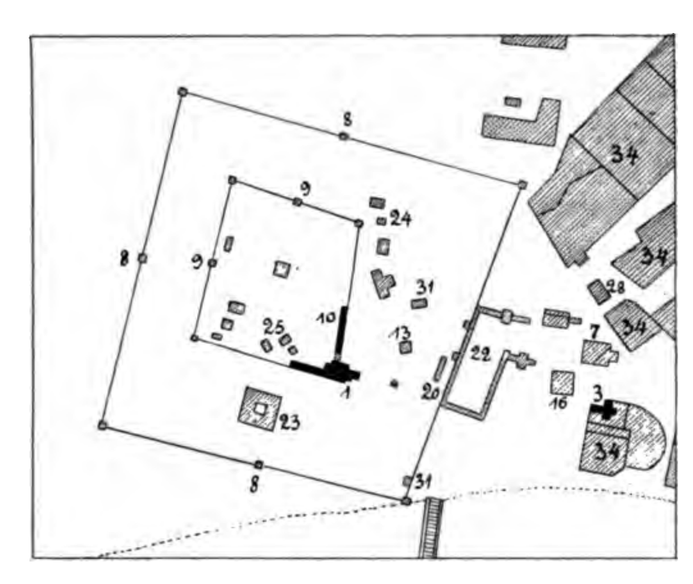
2. Спаской мужской монастырь каменной (Б).
4. Рожеству богоматери каменная.
5. Преображенія господня деревянная.
6. Иоанна предтечи деревянная.
7. Одигитрія богоматери деревянная.
8. Старая и вѣтхая о 8 башняхъ крѣпость, деревянная (А).
11. Областное правленіе помѣщено въ партикулярномъ домѣ.
12. Уѣздной судъ помѣщенъ въ партикулярномъ домѣ.
13. Земской судъ.
14. Градская полиція.
15. Правианское коммиссіонерство.
16. Городовой магистратъ и градская дума.
17. Почтовая кантора.
18. Уѣздное училище.
19. Провианскія магазеи
21. Винныя магазейны.
26. Городовой гошпитал
27. Военной лазаретъ.
29. Казачей полковой до
30. Торговой рынокъ.
32. Кузницы.
33. Судовая пристань.
32. Кирпичныя сараи [2]).

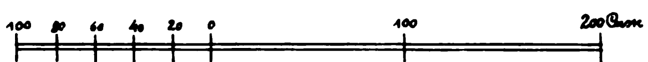
[1]) Приводимъ съ соблюденіемъ правописанія.

[2]) Пропущенные нумера описанія помѣщены подъ чертежемъ 19-мъ (стр

Вотъ какъ описываетъ его «Росписной списокъ» 1759-го года [1]):

«Росписной списокъ бытности въ Якуцкѣ воеводы коллеж. ассесора Десли по смѣнѣ его въ отдачу колл. асс. и воеводѣ г-ну Павлуцкому города, городовымъ ключамъ, канцеляріи и въ ней дѣламъ и протчаго казеннаго интереса по нижеписаннымъ званіямъ 1759 г.





Черт. 19. „Планъ уѣзднаго города Якутска“.

(По архивному плану Т.-С. Комитета М. В. Д., № 264).

„Описаніе примѣчательныхъ мѣстъ и строеній“ [2]).

1. Соборная каменная церковь воиня пресвятыя троицы.
3. Воиня святителя николая чудотворца каменная.
7. Одигитрія богоматери деревянная.
8. Старая ветхая о 8 башняхъ крѣпость, деревянная.
9. Замкъ внутри крѣпости о 6-ти башняхъ.
10. Уѣздное казначейство каменное.
13. Земской судъ.
16. Городовой магистратъ и градская дума.
20. Соляныя магазенны.
22. Гостиной дворъ.
23. Пороховой погребъ.
24. Тюремный острогъ съ гобвахтою.
25. Цейхгаузы.
28. Ротной домъ.
31. Питейные домы.
34. Обывательское строеніе.

Городъ деревянной рубленой ветхой, въ томъ числѣ заборъ рубленой въ лапу, въ немъ 5 башень, да 2 стѣны каменныя между канцеляріею и церковію каменною въ вышину по 2 саж. и по 2 арш., въ тѣхъ каменныхъ стѣнахъ 2 прикалитки; кругомъ того города мѣрою 211 саж., да 5 башень, изъ вышеписанныхъ башень на проѣзжей задней башнѣ образъ

[1]) Ibidem, стр. 128 и 131.

[2]) Приводимъ съ соблюденіемъ правописанія.

мѣстной на цкѣ Господа Вседержителя, а во оной проѣзжей баннѣ и у воротъ 2 засова желѣзныхъ большихъ съ ключами . . . .

. . . .

Кругомъ того города *острогъ деревянной* ветхой, а въ томъ острогѣ въ стѣнахъ и на углахъ 8 башень, въ томъ числѣ 2 проѣзжихъ, крыты тесомъ, кругомъ того острогу и съ башнями 558 саж».

Таковы данныя, представляемыя намъ не литературными повѣствователями и историками, а документами въ видѣ снятыхъ съ натуры подлинныхъ плановъ и оффиціальныхъ описей, сдѣланныхъ во время почти полной еще сохранности острога.

Попытаемся теперь съ ихъ помощью разобраться въ указанной уже нами путаницѣ противорѣчивыхъ показаній и выяснить окончательно прежнее устройство Якутской крѣпости.

Начнемъ со статьи о «Спасскомъ Якутскомъ монастырѣ». Указанія ея весьма существенны: изъ нея мы узнаемъ, что перенесенный въ 1642 (?) году на новое мѣсто Якутскій острогъ простоялъ лишь до 1683 года, послѣ чего, по просьбѣ гражданъ, былъ замѣненъ новымъ, о чемъ намъ не сообщаетъ ни одинъ изъ другихъ авторовъ и что, въ сущности, совершенно разъясняетъ дѣло.

На этомъ основаніи мы заключаемъ, что Якутскихъ остроговъ было собственно три:

Первый, основанный въ 1632 году сотникомъ Бекетовымъ на *правомъ* берегу Лены, на горѣ Чебыдалѣ.

Второй, перенесенный въ 1642 (?) году на урочище Сай-Саръ, на нынѣшнее мѣсто города на *лѣвомъ* берегу Лены.

И, наконецъ, *третій*, построенный въ 1683 году воеводою Иваномъ Приклоннымъ на Чеповомъ лугу, на 580 саженъ выше второго по теченію Лены.

Затѣмъ, на основаніи этихъ-же данныхъ, мы можемъ сдѣлать весьма важный для насъ и притомъ вполнѣ достовѣрный выводъ, что всѣ остатки Якутскихъ укрѣпленій, которые до насъ дошли, а равно и всѣ имѣющіяся у насъ изображенія и письменныя свидѣтельства относятся къ этому *третьему* острогу, потому что всѣ они—XVIII-го столѣтія и слѣдовательно *позже* 1683-го года, т. е. времени его сооруженія.

Обратимся теперь къ архивному плану Т.-С. Комитета (черт. 18).

На немъ мы видимъ прежде всего широкій протокъ Лены отъ 100 до

200 саж. шириною, названный здѣсь Леною [1]) и текущій съ юго-запада на сѣверо-востокъ. На высотѣ двухъ третей его части, показанной на планѣ, въ него впадаетъ слѣва другой узкій протокъ саж. 20 шириною, который отдѣленъ отъ перваго тремя песчаными отмелями.

По лѣвому берегу узкаго протока и по лѣвому-же берегу широкаго протока или Лены, ниже ихъ сліянія, расположенъ самый городъ, который имѣетъ около $2^{1}/_{2}$ верстъ длины и одной версты ширины. Въ немъ мы видимъ два главныхъ древнѣйшихъ пункта: въ восточномъ концѣ прямо противъ сліянія протоковъ, саженяхъ въ 150-ти отъ берега, мужской Спасскій монастырь (Б), основанный въ 1664-мъ году; и въ западномъ концѣ, въ 300-хъ саженяхъ отъ берега и въ полутора верстахъ отъ монастыря, выше по теченію, остатки стараго острога (А), которые и составляютъ предметъ нашего изслѣдованія. Такъ какъ изображеніе его на этомъ планѣ представляетъ новыя и притомъ, повидимому, достовѣрныя данныя [2]), то мы и приводимъ здѣсь это изображеніе въ самой точной выкопировкѣ (черт. 19).

Что-же мы видимъ на этомъ планѣ? Во-первыхъ, внутреннюю ограду трапецоидальной формы, близкой къ квадрату, съ пятью башнями, изъ коихъ три угловыхъ и двѣ среднихъ (9). Четвертая угловая была, по всей вѣроятности, сломана для постройки каменной соборной церкви во имя св. Троицы (1). Эта внутренняя ограда обнесена такой-же наружной, почти параллельной ей и тоже въ видѣ неправильнаго прямоугольника съ восемью башнями, изъ которыхъ также четыре угловыхъ и четыре среднихъ (8, 8, 8 и 22).

Вотъ данныя, которыя помогутъ намъ разобраться въ хаосѣ противорѣчивыхъ показаній.

Указаніе Ѳ. Ласковскаго относится къ острогу временъ царя Алексѣя Михаиловича. Но мы знаемъ, что при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ былъ выстроенъ въ 1683 году новый острогъ, остатки котораго продержались до настоящаго времени. Слѣдовательно показанія Ласковскаго, какъ относящіяся къ другому, болѣе древнему острогу, отпадаютъ сами собой.

[1]) Названіе на планѣ этого „протока“ *Леною* не вполнѣ понятно, ибо *теперь* Якутскъ стоитъ на протокѣ Лены—*Хатыстахъ* и притомъ довольно далеко отъ главнаго русла.

[2]) Достовѣрность ихъ подтверждается слѣдующимъ документомъ: въ Т.-С. К-тѣ имѣется другой совершенно такой-же планъ, только гораздо болѣе пострадавшій отъ времени, гдѣ Якутская крѣпость изображена совершенно такъ же. На немъ есть двѣ слѣдующихъ надписи: первая, внизу направо,—„Съ подлиннаго копировалъ геодезіи ученикъ Андрей . . .“ (дальше оторвано); и вторая посрединѣ чертежа, надъ рамкою: „*Свѣрилъ* Архитекторъ 8-го класса Антонъ Лосевъ“.

Равнымъ образомъ отпадаютъ свѣдѣнія, сообщаемыя г. Латкинымъ, ибо они относятся къ 1678 г., т. е. ко второму острогу, а не къ третьему, съ которымъ мы имѣемъ дѣло; кромѣ того, они касаются поправки (замѣна частокола) и особаго укрѣпленія отдѣльныхъ мѣстъ (палисадъ около пяти башенъ), а значитъ никакихъ общихъ указаній не даютъ.

Затѣмъ остаются свидѣтельства Словцова и Щукина. Что касается до перваго, то на этотъ разъ онъ, какъ будто, измѣняетъ себѣ: свое «Историческое обозрѣніе» онъ постоянно основываетъ на документальныхъ данныхъ, а здѣсь, повидимому, руководствуется какими-то невѣрными словесными сообще-

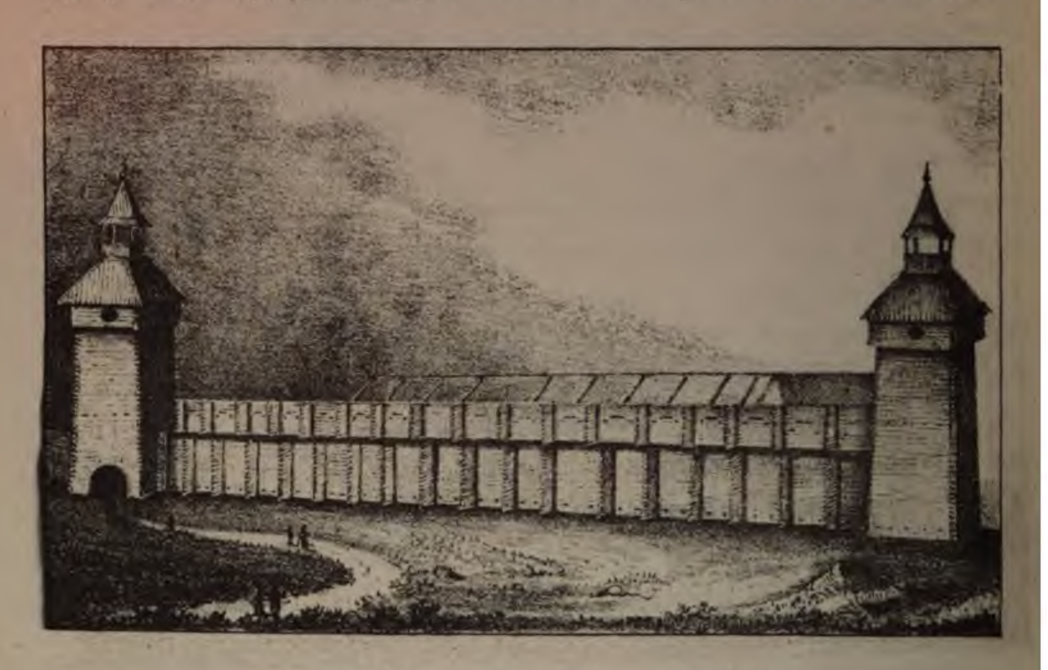


Рис. 20. Внѣшній фасадъ Якутской стѣны.
(По Щукину).

ніями и потому въ подробностяхъ значительно противорѣчитъ истинѣ. По его словамъ, Якутскій острогъ состоялъ изъ внѣшняго «четыреугольника», который имѣлъ 320 саж. въ сторонѣ и на стѣнахъ котораго возвышалось 16 башенъ; внутри этого прямоугольника было другое меньшее укрѣпленіе, «замокъ», какъ онъ его называетъ, съ 6-ю башнями, занимавшее площадь въ 640 саж. Такимъ образомъ «общее» расположеніе, имъ указываемое, не противорѣчитъ ни чертежу 19-му, ни «Вѣдомости 1701-го года», но когда обратимся къ подробностямъ,—увидимъ рядъ неточностей.

Если площадь внутренняго «замка» была 640 кв. саж., то сторона ея

должна приблизительно равняться $25^1/_2$ саж. [1]). Но длина существующей стѣны внутренняго «города» равна 64 саж., а по вѣдомости 1701 года — 60 саж. Взявши среднюю величину, т. е. 62 саж., получимъ приблизительно для него $62 \times 62 = 3.844$ квадр. саж., т. е. величину *въ шесть разъ* бо́льшую площади, указываемой Словцовымъ. Точно такъ-же спутано и число башенъ: по его словамъ выходитъ, что башенъ было всего 22, изъ коихъ 16 во внѣшней оградѣ и 6 во внутренней. Между тѣмъ на основаніи провѣреннаго плана Якутска мы знаемъ, что башенъ было *всего* 16, изъ которыхъ 8 было во внутренней оградѣ и 8 во внѣшней (черт. 19). Такимъ

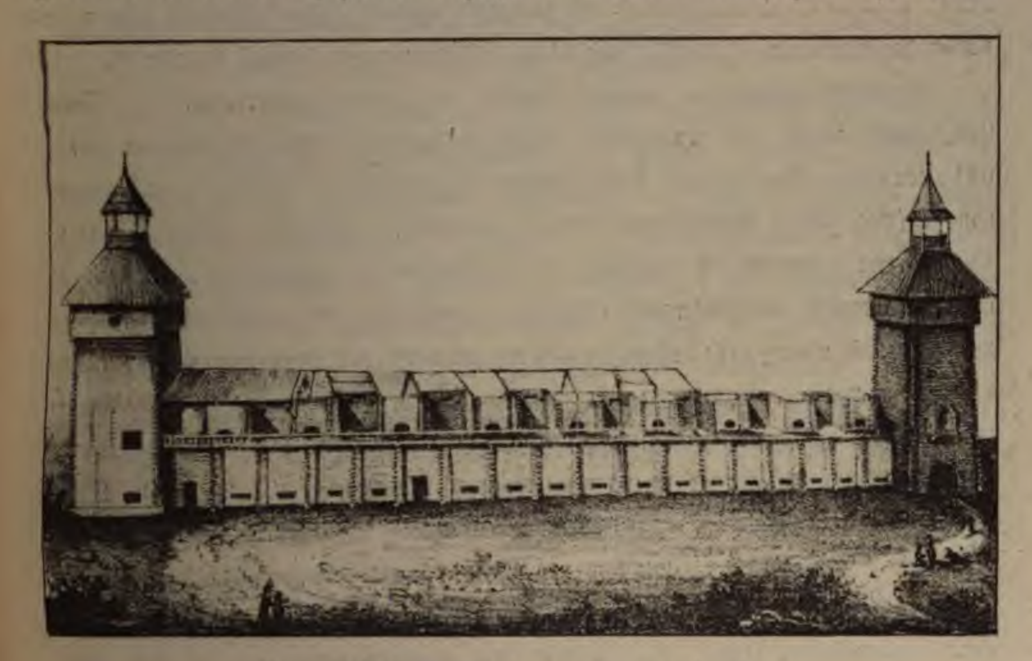


Рис. 21. Внутренній фасадъ Якутской стѣны.
(По Щукину).

образомъ 6 башенъ, о которыхъ *отдѣльно* говоритъ Словцовъ, входили въ число 16-ти, приписываемыхъ имъ только одной внѣшней оградѣ. Значитъ показанія его, какъ основанныя на невѣрныхъ данныхъ, также не слѣдуетъ принимать во вниманіе.

Остается свидѣтельство Щукина, который посвящаетъ Якутскому острогу два рисунка (рис. 20 и 21) и почти все XLI-ое письмо изъ своей «Поѣздки въ Якутскъ».

Подобно Словцову, онъ имѣетъ правильное представленіе объ общей формѣ острога, но сбивается въ подробностяхъ, что мы выяснимъ ниже.

[1]) Оставляя въ сторонѣ извлеченіе квадратнаго корня, мы заключаемъ это изъ того, что $25 \times 25 = 625$, а $26 \times 26 = 676$.

Описаніе Щукина, несмотря на всю его наивность и неумѣлость, полно такихъ любопытныхъ подробностей, что мы считаемъ нужнымъ привести его здѣсь цѣликомъ, поскольку оно относится непосредственно къ нашему вопросу.

«Якутскій городъ, говоритъ онъ, заложенъ въ 1632 году, на урочищѣ Гимадай, но спустя 40 лѣтъ перенесенъ на нынѣшнее мѣсто. Старая ли крѣпость разобрана и перенесена сюда, или построена новая, о томъ никто въ Якутскѣ не знаетъ; многія, однакожъ, задымившіяся и обожженныя бревна заставляютъ думать, что нынѣшняя крѣпость построена изъ стараго лѣса; а знаки, поставленные на каждомъ бревнѣ, какъ дѣлается при переноскѣ деревянныхъ строеній, еще болѣе убѣждаютъ къ этомъ мнѣніи [1]).

Крѣпость стоитъ на ровномъ мѣстѣ, въ верстѣ разстояніи отъ Лены. Она, какъ видно по остаткамъ, была квадратная, каждый бокъ ея имѣлъ 63½ сажени. По угламъ были башни въ нѣсколько этажей, а въ срединѣ ворота (рис. 20). Крѣпостныя стѣны построены срубами, длина каждому 1½ сажени, ширина 4 аршина 2½ четверти, а вышина 2½ сажени. Въ каждомъ срубѣ, съ внѣшней стороны, прорѣзаны два небольшія отверстія для стрѣлянія изъ ружей: слѣдовательно въ каждомъ изъ нихъ помѣщалось по два казака, которые *стрѣляли*, вѣроятно, *лежа или стоя на колѣняхъ*, судя по недальному разстоянію отверстій отъ земли. Срубы примыкаютъ одинъ къ другому и составляютъ нижнюю и главную стѣну, на которой сдѣлана другая стѣна, въ одно бревно толщиною, также съ отверстіями для стрѣлянія. Эта стѣна, вышиною въ сажень, подпирается со внутренней стороны небольшими бревенчатыми будками съ двумя амбразурами для наружныхъ выстрѣловъ (рис. 20). Будки эти простираются не во всю стѣну сплошь, но чрезъ срубъ. т. е. будка, потомъ простая стѣна, потомъ опять будка, и такъ далѣе. Длина каждой будки 5 аршинъ, вышина 1 саженъ и 2 четверти, ширина 2 аршина. Верхняя стѣнка виситъ надъ основаніемъ крѣпости на четверть аршина, для того чтобъ непріятеля, подошедшаго къ стѣнѣ, можно было обливать горячею водою, или бросать на него каменья. Наконецъ вся стѣна покрыта кровлею на два ската и со внутренней стороны имѣетъ галлерею. Высота стѣны вообще 3 саж. 2 четверти, толщина 4 аршина 2½ четверти. Какъ ворота, такъ и башни выдаются впередъ отъ стѣны на одну сажень и для перекрестнаго огня имѣютъ амбразуры. Въ нѣкоторыхъ

[1]) Это сообщеніе весьма важно, ибо указываетъ на то, что „второй" острогъ пошелъ или вполнѣ, или отчасти на постройку „третьяго". Пр. автора.

башняхъ сдѣланы подлазы, т. е. отверстія, въ которыя осажденные выходили на вылазку; а на сторонахъ, обращенныхъ въ поле, видно по четыре отверстія для ружейной стрѣльбы. Каждый бокъ башни въ 3 сажени. Ворота шириною въ $3\frac{1}{2}$ сажени; дверь въ нихъ сдѣлана изъ толстыхъ досокъ, съ калиткою, и закладывалась брусьями въ нѣсколько рядовъ. Вся крѣпость, на разстояніе ружейнаго выстрѣла, обнесена была высокимъ частоколомъ или палисадомъ съ воротами и башнями. Отъ этого укрѣпленія остались теперь только одни ворота. За палисадомъ, вѣроятно, стояли и пушки, потому что на главной стѣнѣ видны только отверстія для ружейныхъ дулъ. Достойно примѣчанія, что крѣпость построена хотя изъ лѣса очень тонкаго, но до сихъ поръ, т. е. болѣе двухъ сотъ лѣтъ, сохранилась» [1]).

Изъ этого описанія ясно, что въ общемъ представленіи объ Якутскомъ острогѣ Щукинъ еще ближе подходитъ къ истинѣ, нежели Словцовъ. Въ самомъ дѣлѣ, по его свидѣтельству «крѣпость» состояла изъ двухъ оградъ: одной внутренней, построенной «срубами», и другой внѣшней, образованной «высокимъ частоколомъ съ башнями и воротами», что совершенно вѣрно, какъ свидѣтельствуютъ намъ документальныя данныя. Но затѣмъ онъ неоднократно путается въ подробностяхъ. Такъ, напр., онъ утверждаетъ, что верхніе срубы или «будки», какъ онъ ихъ называетъ, имѣли длины 5 арш.; но вѣдь эти «будки», по его-же рисунку (рис. 21), были расположены надъ нижними срубами, т. е. имѣли поперечныя стѣны *общія*; какимъ-же тогда образомъ разстояніе между этими стѣнами могло быть внизу $1\frac{1}{2}$ саж. или $4\frac{1}{2}$ арш., а вверху 5?

Очевидная ошибка, обусловленная невѣрнымъ обмѣромъ и непониманіемъ азбучныхъ строительныхъ пріемовъ.

Или, напр., онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «Каждый бокъ башни въ 3 сажени. Ворота въ $3\frac{1}{2}$ саж. . . .». Странное, замѣтимъ отъ себя, сооруженіе, въ которомъ «ворота», т. е. «пролетъ», шире самого сооруженія! На чемъ-же оно тогда держалось? Но дѣло объясняется очень просто: на чертежахъ (черт. 10) и на модели ворота имѣютъ 4 аршина, что вполнѣ нормально.

Оставляя въ сторонѣ эти недочёты, мы должны сказать, что свидѣтельства Щукина, какъ очевидца и крайне добросовѣстнаго описателя, весьма важны для нашего вопроса: онъ сохранилъ намъ такую массу драгоцѣнныхъ подробностей, какой мы ни у кого не находимъ.

[1]) См. у него стр. 196—201.

Чтобы покончить съ письменными данными, намъ остается сравнить между собою самые документы, т. е., иными словами. провѣрить нашу точку отправленія.

Сравнивая выкопировку изъ архивнаго плана Т.-С. Комитета, № 264-й (черт. 19), съ «Вѣдомостью 1701 г.» и съ «Росписнымъ спискомъ 1759 года», мы находимъ, съ одной стороны, весьма точныя данныя, а съ другой стороны замѣчательное тожество ихъ показаній.

«Вѣдомость 1701 года» опредѣляетъ внѣшній діаметръ внутренняго укрѣпленія въ 60 саж., а внутренній—въ 57; разность между ними равна 3-мъ саженямъ. Что-же она означаетъ? Разумѣется, толщину *двухъ* стѣнъ. Но если толщина *двухъ* стѣнъ равна 3-мъ саженямъ, то толщина одной стѣны будетъ равна $1^1/_2$ саж., т. е. той толщинѣ, о которой свидѣтельствуетъ Щукинъ и которая показана на модели.

Затѣмъ «Вѣдомость» эта говоритъ о церкви въ одномъ изъ угловъ ограды, алтари которой выпущены за стѣну; и дѣйствительно, мы видимъ на планѣ (черт. 19) въ юго-восточномъ углу внутренней ограды церковь (1) съ алтарями, выступающими за линію стѣны.

Наконецъ она утверждаетъ, что «у города 7 башенъ». И это вѣрно, ибо ихъ несомнѣнно было 8, но на мѣстѣ юго-восточной башни была поставлена церковь и башенъ осталось 7. Насъ не должна удивлять замѣна башни церковью. Это, повидимому, практиковалось въ сибирскихъ городахъ, причемъ, вѣроятно, службу башни несла колокольня. По крайней мѣрѣ это не единственный примѣръ, потому что мы видимъ тотъ-же пріемъ и въ другихъ городахъ, напр., въ г. Епанчинѣ (рис. 16 и черт. 17), гдѣ церковь выходитъ бокомъ за линію ограды, а колокольня является надвратной башней. Что-же касается до разницы въ числѣ башенъ, которыхъ показано *пять* на планѣ и *семь* по «Вѣдомости», то это объясняется тѣмъ, что первый моложе второй на цѣлый вѣкъ, въ теченіе котораго, какъ мы это увидимъ далѣе, недостающія двѣ башни исчезли.

Перейдемъ теперь къ внѣшней оградѣ или къ «острогу». По свидѣтельству «Вѣдомости», отъ его стѣны до стѣны внутренняго укрѣпленія было съ трехъ сторонъ по 40 саж., а съ четвертой, восточной,—60 саж. Обращаясь къ плану, мы видимъ, что восточная стѣна дѣйствительно удалена отъ средняго укрѣпленія больше чѣмъ остальныя и что разстояніе между стѣнами на планѣ съ запада, сѣвера и востока вполнѣ отвѣчаетъ разстояніямъ, указаннымъ въ «Вѣдомости», т. е. равняются 40 с. на западѣ и сѣверѣ и

60-ти саж. на востокѣ; есть только маленькая разница въ разстояніи на югѣ, гдѣ показано 46 саж. вмѣсто 40 саж. Что-же касается до числа башенъ—8, то оно одинаково въ обоихъ документахъ, а слѣдовательно они оба вѣрны и лишь подтверждаютъ другъ друга.

Если мы обратимся къ «Росписному списку» 1759 года, то найдемъ въ немъ еще больше сходства съ планомъ, такъ какъ между ними по времени всего около полувѣка разницы.

Изъ «списка» видно, что къ 1759-му году оставалось всего только 5 башенъ; тѣ же 5 башенъ мы видимъ и на планѣ [1]). «Списокъ» говоритъ о двухъ «каменныхъ» стѣнахъ между церковью и канцеляріею; эти двѣ стѣны показаны и на планѣ съ западной и сѣверной стороны церкви (черт. 19,—1).

Наконецъ, общая длина стѣны также согласуется приблизительно въ обоихъ документахъ. На планѣ общая длина деревянной стѣны, кромѣ каменныхъ, выходитъ около 240 саж., а въ «спискѣ» длина той-же деревянной стѣны («городу») опредѣлена въ 211 саж., безъ башенъ; но длина этихъ послѣднихъ по фасаду опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

3-хъ угловыхъ [2]) — (3с. — 3с.) · 3 = 18 саж. [3])
и 2-хъ среднихъ = 4с. 4с. = 8 саж.
Всего 26 саж.

Откуда общая длина всего города будетъ:

211с. · 26с. = 237 с.,

что разнится отъ 240с. всего на 3 саж., которыя легко могли быть промѣрены.

Такимъ образомъ вѣрность всѣхъ этихъ документовъ взаимно подтверждается и принятое нами основаніе должно считать правильнымъ.

Обратимся теперь къ рисункамъ и попытаемся разобраться въ нихъ на основаніи приведенныхъ данныхъ.

На нашемъ достовѣрномъ планѣ № 264-й (черт. 18) мы видимъ на

[1]) Въ описаніи къ плану мы читаемъ: „Замкъ (замокъ?) внутри крѣпости о 6-ти башняхъ“. Это разнорѣчіе съ чертежемъ можетъ быть объяснено только желаніемъ объяснить въ описаніи его прежній видъ, причемъ мѣсто башни могло пойти въ счетъ за самоё „башню“.

[2]) Трехъ, а не четырехъ, ибо одна угловая замѣнена церковью.

[3]) Считаемъ длину фасадовъ угловыхъ башенъ въ 3 с. + 3 с. = 6 с., потому что, стоя на углу, онѣ *каждой* своей стороной увеличиваютъ общую длину стѣны на 3 саж.

восточномъ краю города Спасскій монастырь, а на западномъ – остатки с раго острога; между нимъ и монастыремъ, по прямой линіи, около 1½ вер или 750 саж.

Но мы знаемъ, что этотъ послѣдній или третій острогъ былъ поставл на 580 саж. *выше* по теченію Лены противъ второго или прежняго. Слѣ вательно второй острогъ находится между третьимъ острогомъ и мо стыремъ, на 580 саж. ближе къ этому послѣднему и въ 170 саж. отъ него. Отсюда ясно, что зрителю конца XVII — начала XVIII вѣка, с трѣвшему на городъ изъ-за рѣки, представлялась такая картина: на н вомъ концѣ города—монастырь; лѣвѣе его, въ 170-ти саж., могли б остатки стараго или второго острога; а еще лѣвѣе, въ 580 с. отъ эт послѣдняго, третій или послѣдній острогъ, который тогда былъ еще нов Между ними были разбросаны въ самомъ живописномъ безпорядкѣ сбѣгаю въ рѣкѣ [2]) обывательскіе дома.

Если мы обратимся теперь къ чертежу Ремезова и оріентируемъ какъ слѣдуетъ, т. е. расположимъ низомъ направо, а верхомъ налѣ то увидимъ совершенно ту же картину (черт. 15): справа будетъ монасты обнесенный частоколомъ, съ колокольней съ южной стороны; лѣвѣе буд стѣна съ тремя башнями или остатки *второго* острога; и наконецъ въ вомъ концѣ—новый острогъ. Эти остатки совершенно подобны тѣмъ, кото мы имѣемъ теперь отъ *третьяго* острога въ видѣ прямой стѣны съ тр башнями, идущей съ юга на сѣверъ.

Тѣмъ, что это *«остатки»* второго острога, объясняется та кажуща нелѣпость, на которую мы уже указывали и которая заключается въ то что это укрѣпленіе не имѣетъ *замкнутаго характера*. А что это дѣйст тельно было мѣсто стараго острога, лучше всего доказывается слѣдующі данными, находимыми на самомъ чертежѣ: у Ремезова за этой стѣной на сов шенно *свободной* площади начерчены домики и написано—*«гостинъ д востроге»*, т. е. «гостиный дворъ въ острогѣ» (ib.), а между тѣ «острога» вокругъ никакого нѣтъ, ибо по бокамъ открытая площадь. Ка же тогда объяснить эту надпись? Объясняется она очень просто: когда стѣ второго острога были большею частью разобраны, гостиный дворъ очути «внѣ» крѣпости, но, по старой памяти, назывался «въ острогѣ», что и

[1]) Ибо 750 с.—580 с.=170 саж.

[2]) Мы предполагаемъ это по плану № 264 (черт. 18): не былъ-же Якутс выстроенъ болѣе правильно въ XVII в., чѣмъ въ XIX-мъ.

писалъ Ремезовъ, составлявшій свой чертежъ не только по письменнымъ документамъ, но и по «опросамъ».

Наконецъ, налѣво мы видимъ замкнутую ограду съ *восемью* башнями и частоколомъ, которая и представляетъ собою *третій* острогъ. Такимъ образомъ вѣрность изображенія Ремезова можетъ считаться доказанной.

Обращаясь теперь къ академической гравюрѣ, мы видимъ то же самое: справа—монастырь (табл. III, рис. 2), а слѣва—башни крѣпости (рис. 1, ib.).

Подъ вопросомъ остается только одно: за что считать линію трехъ башенъ, которую мы видимъ между мачтами среднихъ и правыхъ барокъ? За остатки второго острога, показанные у Ремезова, или за три башни внѣшней восточной стѣны третьяго острога?

Послѣднее предположеніе надо считать болѣе вѣроятнымъ на основаніи слѣдующихъ соображеній.

1) Второй острогъ былъ въ 170 саженяхъ отъ монастыря и въ 580 отъ третьяго острога; между тѣмъ эти башни помѣщены какъ разъ наоборотъ, т. е. очень далеко отъ монастыря и очень близко къ третьему острогу.

2) Чертежъ Ремезова относится къ 1700—1701 гг., а академическая гравюра—ко *второй* половинѣ XVIII в. Если при первомъ остатки *второго* острога еще существовали, то во времена автора второй ихъ уже, конечно, не было.

3) До начала XIX вѣка уцѣлѣло тринадцать или четырнадцать башенъ [1]), которыя, очевидно, существовали и въ XVIII-мъ вѣкѣ, а слѣдовательно должны быть изображены на академической гравюрѣ. Но мы видимъ на ней всего одиннадцать башенъ. Это объясняется тѣмъ, что недостающія двѣ или три закрыты вслѣдствіе перспективы двумя высокими церквами и колокольней; если-же предположить, что правыя три башни третьему острогу не принадлежатъ, тогда недочётъ цѣлыхъ шести башенъ остается необъяснимымъ.

Всѣ эти данныя вполнѣ подтверждаютъ вѣрность чертежа Ремезова и вида академической гравюры, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно опровергаютъ достовѣрность рисунка Витзена (табл. II, рис. 2).

Въ 1-хъ, у него показана масса каменныхъ зданій, между тѣмъ какъ Якутскъ и въ началѣ XIX столѣтія ихъ не имѣлъ; по крайней мѣрѣ въ описи къ плану Т.-С. К-та отмѣчено лишь три каменныхъ церкви и каменное уѣздное казначейство (черт. 18). Кромѣ того, Гончаровъ, бывшій въ Якутскѣ въ началѣ

[1]) См. опись къ плану № 264 (черт. 18 и 19) и примѣчаніе 2 на стр. 51.

50-хъ годовъ, свидѣтельствуетъ, какъ мы уже видѣли выше, что въ это время тамъ былъ *всего одинъ* каменный домъ.

Во 2-хъ, тотъ-же планъ убѣждаетъ насъ въ существованіи двухъ оградъ, одной въ другой, а у Витзена представлены двѣ соединенныхъ ограды: правая прямоугольная, а лѣвая круглая.

Въ 3-хъ, Витзенъ изображаетъ крѣпость на берегу рѣки, а она отъ нея въ верстѣ.

Въ 4-хъ, у него монастырь (Het Clooster, 2) показанъ налѣво, а крѣпость (Het Casteel)[1]) направо, т. е. какъ разъ наоборотъ дѣйствительности.

Въ 5-хъ, мы знаемъ, что наибольшее число башенъ было 16, а у Витзена нарисована 21-я.

И, наконецъ, въ 6-хъ, у него даже невѣрно понято назначеніе зданій: такъ, напр., на его рисункѣ изображенъ гостиный дворъ (12), а въ объясненіи сказано—«гостинница съ лавками» («Gasthof vol Winkels»).

Все это показываетъ, что видъ Якутска у Витзена нарисованъ изъ головы на основаніи какого-то дурно понятаго описанія и никакой достовѣрности не имѣетъ, а потому никакимъ объяснительнымъ или дополнительнымъ матеріаломъ служить не можетъ.

Обратимся теперь къ позднѣйшимъ изображеніямъ XIX вѣка и разсмотримъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Всѣ они относятся, само собою разумѣется, къ остаткамъ третьяго острога.

Старѣйшими изъ нихъ являются рисунки Щукина, которые хотя и помѣщены во второмъ изданіи его писемъ 1844 года, но были сдѣланы очевидно въ 1833-мъ году. Рисунки эти, исполненные на глазъ, конечно отличаются нѣкоторою неточностью пропорцій, но за то весьма важны въ томъ отношеніи, что сохранили намъ, во 1-хъ, видъ крыши на стѣнѣ, а во 2-хъ— устройство верхнихъ срубовъ съ ея внутренней стороны (рис. 21). Такимъ образомъ рисунки Щукина вносятъ свою долю въ дѣло изученія прежняго вида Якутскаго острога.

Вторыми по времени являются чертежи, помѣщенные у Кипріанова [2]). Какъ ни мало имѣетъ научнаго значенія его чисто диллетантская книжка, впрочемъ по своему времени весьма удовлетворительная, но чертежи эти (табл. X) являются несомнѣнно серьезнымъ матеріаломъ.

---

[1]) Надпись не внизу, а на самомъ рисункѣ.

[2]) См. Valérien Kiprianoff, „Histoire pittoresque de l'architecture en Russie", St.-Pétersbourg 1864, pl. 39.

Не надо забывать, что Кипріановъ былъ инженеръ путей сообщенія, а Главное Управленіе Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій вѣдало тогда всей строительною частью въ государствѣ, и слѣдовательно въ рукахъ его могъ быть какой-либо точный оффиціальный чертежъ; поэтому изображеніе Якутскаго острога и отличается у него такимъ серьезнымъ характеромъ по сравненію съ другими, довольно слабыми рисунками частныхъ зданій. Его чертежи важны для насъ въ томъ отношеніи, что представляютъ собою полностью устройство верхняго хода или галереи съ внутренней стороны стѣны, чего мы въ другихъ изображеніяхъ не видимъ, не исключая рисунковъ Щукина.

Затѣмъ слѣдуетъ чертежъ, представленный въ 1877 г. въ Министерство В. Д. (табл. XI, черт. 1); по условіямъ нашего изданія мы даемъ его, какъ мы уже говорили, въ четвертую долю подлинника, но за то чертежи башенъ прилагаемъ въ томъ же масштабѣ (черт. 8, 9, 10 и 11). Чертежъ этотъ, несмотря на свое оффиціальное происхожденіе, отличается значительными неточностями; такъ, напр., вся длина стѣны показана на немъ всего въ 52 сажени, а самая стѣна изображена какъ-бы обшитой досками, а не бревенчатой. Прочія неточности мы оставляемъ въ сторонѣ.

Десять лѣтъ спустя, въ 1887-мъ году представляется отвѣтъ г. Попова [1]) съ приложеніемъ фотографическихъ снимковъ (табл. V—IX), которые являются, конечно, самыми документальными данными.

Предпослѣдними изображеніями Якутскаго острога являются рисунки, помѣщенные у Сѣрошевскаго [2]). Изъ нихъ одинъ представляетъ собою южную башню совершенно въ томъ видѣ, какъ она изображена на нашемъ снимкѣ (табл. VIII); а въ другой—общій видъ крѣпости, тоже совершенно подобный нашему (табл. V, рис. 2), хотя и взятый съ нѣсколько иной точки. Снимки эти ничего новаго не даютъ, но показываютъ впрочемъ, что состояніе острога въ 1896-мъ году было почти совершенно такое-же, какъ въ 1887-мъ году.

Послѣ этого, около трехъ лѣтъ тому назадъ, лѣтомъ 1904-го года поступила въ Императорскую Археологическую Коммисію превосходно исполненная модель, которая представляетъ, слѣдовательно, Якутскій острогъ въ его нынѣшнемъ состояніи.

Наконецъ, почти одновременно съ этимъ выходитъ въ свѣтъ книга г. П. Головачева «Сибирь» [3]), гдѣ на стр. 380 и 381 мы видимъ новые

[1]) См. Архивное дѣло Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607 и № 105, представл. Якутскаго Областнаго Статистическаго Комитета отъ 22 декабря 1887 года за № 162-мъ.

[2]) „Якуты“, томъ I, Спб. 1896 г., стр. 359 и 493.

[3]) П. Головачевъ. „Сибирь“. Природа. люди, жизнь. Москва. 1905.

снимки Якутскаго острога. Но въ «археологическомъ» отношеніи они не даютъ ничего новаго [1]), а лишь представляютъ собою послѣднія данныя относительно современнаго положенія его остатковъ, впрочемъ вполнѣ согласныя съ данными модели, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Таковы матеріалы, которые находятся въ нашемъ распоряженіи для изученія Якутскаго острога въ строительномъ и крѣпостномъ смыслѣ.

Попытаемся-же теперь выяснить всѣ его особенности въ обоихъ этихъ отношеніяхъ.

III.

Мы уже говорили, что по свидѣтельству письменныхъ памятниковъ исторія русскихъ деревянныхъ укрѣпленій начинается со временъ Игоря и Ольги, а на самомъ дѣлѣ начало ихъ относится ко временамъ гораздо болѣе отдаленнымъ.

Дѣйствительно, первое свидѣтельство нашихъ лѣтописей о «деревянномъ городѣ» на Руси мы встрѣчаемъ въ извѣстномъ повѣствованіи о мести Ольги древлянамъ. Вотъ подлинныя слова лѣтописи:

«Ольга же устремися со сыномъ своимъ на Искоростѣнь градъ, яко тѣ бяху убили мужа ея, и ста около града съ сыномъ своимъ, а Деревляне затворишась въ градѣ, и боряхусь крѣпко изъ града: вѣдаху бо яко сами убили Князя, и на что ся предати. И *стоя* Ольга *лѣто*, и не можаше взяти градъ, и умысли сице: посла ко граду, глаголюще: «Что хощете доседѣти, а вси гради ваши предашась мнѣ, и яшася по дань, и дѣлаютъ нивы своя и земли своя, а вы хощете измрети гладомъ, не имучись по дань».

[1]) То-же слѣдуетъ сказать и о рисункахъ, помѣщенныхъ въ прекрасной статьѣ г. Миллера — „Забытый край“ (Иллюстр. прил. къ *Нов. Вр.* №№ 10066—10080. 1904 г.), потому что они представляютъ собою лишь уменьшенное повтореніе снимковъ г. Попова.

Деревлянежъ рекоша: «Ради быхомъ здѣсь по дань: по хощеши мщати мужа своего». Рече же имъ Ольга: «Яко уже азъ мстила мужа своего, егда пріидоша къ Кіеву, и второе, и третье, когда сотворихомъ трызну мужу своему, а уже не хощу мстити, но хочу дань имати по малу, и смирившесь съ вами пойду прочь». Рекоша Деревляне: «Что хощеши у насъ? ради даемъ и медомъ и скорою». Она же рече имъ: «Нынѣ у васъ нѣсь меду ни скоры, но мала у васъ прошу: дадите ми отъ двора по три голуби, да по три воробьи: азъ бо не хощу тяжки дани возложити, якожъ мужъ мой, но сего у васъ прошу мала». Деревляне же ради бывше, собраша отъ двора по три голуби и по три воробьи, и послаша ко Ользѣ съ поклономъ. Ольга же рече имъ: «Се уже ся есте покорили мнѣ и моему дитяти, да идете въ градъ, а я заутра отступлю отъ града, и пойду во свой градъ». Деревляне же ради бывше, внидоша въ градъ, и повѣдаша людемъ и обрадовашась людіе въ градѣ. Ольга же раздая всемъ по голубю комуждо, а другимъ по воробью, и повелѣ къ коемуждо голубю и къ воробьеви привязывати цѣрь [1]) и обертывающи въ платки малы, ниткою перевязывати, и яко смерчесь, повелѣ Ольга пустити голуби и воробьи воемъ своимъ. И воробьевежъ и голуби влетѣша во гнѣзда своя; голуби въ голубятницы, воробьевежъ подъ застрѣхи, и тако возгорахуся голубятницы, ово клѣти, ово вежи, ово ли одрины, и не бѣ двора, иже не горяше, и не льзѣ гасити; вси бо дворы возгорѣшася, и побѣгоша людіе изъ града. И повелѣ Ольга воемъ своимъ имати я, якоже взя градъ и пожже, и старѣйшины же града изыма и прочая люди, овѣхъ изби, а другія предастъ работѣ мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань, и возложи дань тяжку, двѣ части дани идетъ къ Кіеву, а третья ко Вышеграду ко Ользѣ; бѣ бо Вышегородъ градъ Олженъ [2]).

Конечно, въ этомъ преданіи много баснословнаго, какъ на него и смотритъ, напр., Карамзинъ, но никто не мѣшаетъ намъ отдѣлить историческую основу отъ народнаго вымысла и воспользоваться этими данными.

---

[1]) Въ „Библіотекѣ Росс.“ (1767 г.), откуда мы приводимъ это мѣсто лѣтописи, слово „цѣрь“ пояснено словомъ „фитиль“. Карамзинъ замѣняетъ его выраженіемъ „трутъ съ сѣрою“, а С. Соловьевъ—словами „сѣра съ огнемъ“ (?); но для „фитиля“ нужно масло или сало, „трутъ съ сѣрою“ сами собою не загорятся, а „огонь“ привязать нельзя. Поэтому ни одно изъ этихъ объясненій не можетъ быть принято, и естественнѣе всего предположить, что Ольга приказала привязать къ птицамъ куски трута, подожженые и тлѣющіе со свободнаго конца.

[2]) «Лѣтопись Несторова съ продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 году». Спб. 1767, стр. 50 — 51. («Библіотека Россійская историческая. . .». Часть I).

Самымъ невѣроятнымъ представляется, разумѣется, зажженіе города съ помощью воробьевъ и голубей, которое могло быть создано народной фантазіей для вящшаго прославленія «хитрости» княгини Ольги.

Но съ другой стороны въ параллель ему мы можемъ привести «историческій» фактъ сравнительно недавняго времени, сомнѣваться въ которомъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія: мы знаемъ, что въ XVII-мъ вѣкѣ сибирск инородцы пытались иногда зажигать русскіе остроги, пуская въ нихъ стрѣ съ зажженнымъ трутомъ.

Замѣнимъ птицъ стрѣлами и получимъ первобытный боевой пріемъ X-го вѣка, повторяемый при одинаковыхъ условіяхъ въ XVII-мъ!.

Оставляя затѣмъ въ сторонѣ выдумку о хитрости Ольги, мы не имѣемъ никакихъ причинъ отвергать самую осаду Коростеня, а это фактъ для нас весьма важный, ибо Ольга стояла подъ нимъ безплодно цѣлое лѣто и в добавокъ едва-ли не съ лучшимъ войскомъ того времени, т. е. съ отборно дружиною, вскормленною походами Олега и Игоря и привыкшею громит самый Царьградъ. Слово «*затворишась*» показываетъ, что Искоростень был обнесенъ стѣною, а упоминаніе о вежахъ даетъ указанія на то, что в немъ были «башни». И эти укрѣпленія, т. е. стѣны и башни, были очен *сильны*, если цѣлая дружина лучшихъ воиновъ своего времени стояла под городомъ цѣлое лѣто и ничего не могла съ нимъ подѣлать!

Изъ какого-же матеріала были эти стѣны и башни?

Отвѣтъ мы находимъ въ томъ-же преданіи: самая басня о сожжен могла возникнуть только при томъ условіи, что городъ и его стѣны был сплошь деревянные, ибо только тогда онъ могъ быть сразу объятъ плам немъ: «вси-бо дворы возгорѣшася», говоритъ лѣтописецъ, у котораго въ э время очевидно рисовалось представленіе о городѣ «деревянномъ».

Въ этомъ смыслѣ мы, несомнѣнно, должны признать только что прив денное мѣсто лѣтописи за *первое* извѣстіе о нашихъ «деревянныхъ» кр постяхъ.

Но если во времена Ольги были уже столь «сильныя» крѣпости, т онѣ дошли до этой степени совершенства только постепенно, путемъ посл довательныхъ улучшеній, а значитъ появились гораздо ранѣе X-го вѣка Точныхъ указаній на время ихъ перваго появленія нѣтъ, но къ нем можно подойти съ помощью ряда историческихъ соображеній, которыя пр ведутъ насъ къ тому выводу, что *они были порождены торговлей*, ра вившейся въ VIII—IX вѣкахъ.

Крайне остроумныя соображенія дѣлаетъ по этому поводу В. О. Ключевскій; они убѣждаютъ насъ въ томъ, что среди разбросанныхъ дворовъ славянъ возникли сборные пукты, которые стали сперва мѣстами промышленнаго обмѣна, а потомъ превратились въ города. Когда-же нахлынувшіе съ востока кочевники стали угрожать ихъ торговлѣ, они стали вооружаться, ограждать себя стѣнами и заводить боевыя дружины [1]).

[1]) «Большая перемѣна произошла, говоритъ г. Ключевскій, въ экономическомъ быту восточныхъ Славянъ, разселившихся по Днѣпру, его притокамъ и далѣе къ сѣверу, въ области озера Ильменя. Своимъ низовымъ теченіемъ и лѣвыми притоками Днѣпръ потянулъ славянскихъ поселенцевъ къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Это торговое движеніе вызвало разработку естественныхъ богатствъ занятой поселенцами страны. Если мы представимъ себѣ нашу равнину въ томъ видѣ, какой она имѣла десять или одиннадцать вѣковъ тому назадъ, то легко можемъ раздѣлить ее на двѣ полосы, на сѣверо-западную лѣсную и юго-восточную степную. Восточные Славяне заняли преимущественно первую; самый городъ Кіевъ возникъ на рубежѣ между обѣими полосами. Эта лѣсная полоса своимъ пушнымъ богатствомъ и лѣснымъ пчеловодствомъ (бортничествомъ) и доставляла Славянамъ обильный матеріалъ для внѣшней торговли: мѣха, медъ, воскъ стали главными статьями русскаго вывоза.

Одно внѣшнее обстоятельство особенно содѣйствовало успѣхамъ этой торговли. Съ конца VII в. по южно-русскимъ степямъ стала распространяться новая азіатская орда Хозары; они скоро стали покидать кочевой бытъ и обращаться къ мирнымъ промысламъ. Раскинувшись на привольныхъ степяхъ по берегамъ Волги и Дона, Хозары основали средоточіе своего государства въ низовьяхъ Волги. Здѣсь столица ихъ Итиль скоро стала огромнымъ разноязычнымъ торжищемъ, гдѣ рядомъ жили магометане, евреи, христіане и язычники. Хозары покорили племена восточныхъ Славянъ, жившія близко къ степямъ, Полянъ, Сѣверянъ, Вятичей. Но хозарское иго доставляло покореннымъ большія экономическія выгоды. Съ тѣхъ поръ для нихъ, какъ данниковъ Хозаръ, были открыты степныя рѣчныя дороги, которыя вели къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Подъ покровительствомъ Хозаръ по этимъ рѣкамъ пошла бойкая торговля изъ Поднѣпровья. Мы встрѣчаемъ рядъ указаній на успѣхи этой торговли......
Есть и прямое указаніе на время, когда завязалась эта торговля. Въ области Днѣпра найдено множество кладовъ съ древними арабскими монетами, серебряными диргемами. Большая часть ихъ относится къ IX и X вѣку, ко времени наибольшаго развитія восточной торговли Руси. Но есть клады, въ которыхъ самыя позднія монеты не позже начала IX вѣка, а раннія восходятъ къ началу VIII вѣка; изрѣдка попадаются монеты VII вѣка и то лишь самыхъ послѣднихъ его лѣтъ. Эта нумизматическая лѣтопись наглядно показываетъ, что именно въ VIII вѣкѣ завязалась торговля Славянъ днѣпровскихъ съ хозарскимъ и арабскимъ востокомъ. Но этотъ вѣкъ былъ временемъ утвержденія Хозаръ въ южно-русскихъ степяхъ; ясно, что Хозары и были торговыми посредниками между этимъ востокомъ и русскими Славянами.

Слѣдствіемъ успѣховъ восточной торговли Славянъ было возникновеніе древнѣйшихъ торговыхъ городовъ на Руси. Повѣсть о началѣ Русской земли не помнитъ, когда возникли эти города: Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, Любечъ, Новгородъ и др. Въ ту минуту, съ которой она начинаетъ свой разсказъ о Руси, эти города являются уже значительными поселеніями. Но довольно бѣглаго взляда на географическое размѣщеніе этихъ городовъ, чтобы видѣть что они были созданы успѣхами внѣшней торговли Руси: большинство ихъ вытя-

Всѣ эти соображенія, несомнѣнно, доказываютъ, что у насъ издревле существовало сильно развитое деревянное зодчество, которому мы обязаны главнымъ образомъ сооруженіемъ городовъ нашихъ.

То же самое подтверждается и нѣсколько болѣе поздними свидѣтельствами лѣтописи: «Владиміръ», говоритъ лѣтопись, по возвращеніи изъ Корсуня «повелѣ рубити церкви и поставляти ихъ по мѣстомъ идѣже стояша кумиры». А затѣмъ, вскорѣ послѣ этого, найдя, что край около Кіева мало заселенъ, тотъ же Владиміръ «нача ставити городы по Деснѣ и по Встру и по Трубежеви и по Сулѣ и по Стугнѣ». Нѣтъ сомнѣнія, что эта обширная строительная дѣятельность не могла производиться привозными греческими мастерами, вызовъ которыхъ каждый разъ отмѣчаетъ лѣтописецъ, и если Владиміръ могъ повелѣть «ставить и церкви и грады», то только потому, что было кому повелѣть, т. е., иными словами, что въ его распоряженіи было множество людей знакомыхъ со строительнымъ дѣломъ. Кіевъ славился своею красотою не только въ Россіи, гдѣ онъ слылъ «матерью городовъ русскихъ», но и на Западѣ. Такъ, напр., Дитмаръ, епископъ Мерзебургскій, жившій въ концѣ X в. и началѣ XI в., говоритъ о немъ, что въ немъ 400 церквей, 8 торжищъ, а народу несмѣтная сила; а Адамъ Бременскій, во второй половинѣ XI в., называетъ его «соревнователемъ царьградскаго скипетра и славнѣйшимъ украшеніемъ Россіи».

нулось длинною цѣпью по главной рѣчной дорогѣ Днѣпра—Волхова. Возникновеніе этихъ большихъ торговыхъ городовъ было завершеніемъ сложнаго экономическаго процесса, завязавшагося среди Славянъ на новыхъ мѣстахъ жительства. Восточные Славяне разселялись по Днѣпру и его притокамъ разбросанными одинокими дворами. Съ развитіемъ торговли возникали среди этихъ дворовъ сборные пункты, мѣста промышленнаго обмѣна, куда сходились звѣроловы и бортники для торговли. Мелкіе сельскіе рынки тянули къ болѣе крупнымъ, возникавшимъ на особенно бойкихъ торговыхъ пунктахъ. Изъ этихъ крупныхъ рынковъ, служившихъ посредниками между туземными промышленниками и иностранными рынками, и выросли наши древнѣйшіе города по Днѣпру и его притокамъ. Города эти служили торговыми центрами и главными складочными пунктами для образовавшихся вокругъ нихъ промышленныхъ округовъ.

Съ начала IX вѣка хозарское владычество начало замѣтно колебаться. Причиной этого было то, что съ востока въ тылу у Хозаръ появились новыя орды Печенѣговъ. Въ первой половинѣ IX в. варвары прорвались сквозь хозарскія поселенія и распространились по южно-русскимъ степямъ. Есть указанія, что Печенѣги уже около половины IX вѣка успѣли придвинуться близко къ Кіеву, отрѣзывая среднее Поднѣпровье отъ черноморскихъ и каспійскихъ рынковъ. Хозарская власть, очевидно, уже не была въ состояніи оберегать русскихъ купцовъ на востокѣ. Главные торговые города Руси должны были сами взять на себя защиту торговли и торговыхъ путей. Съ этой минуты они начали вооружаться, *опоясываться стѣнами, вводить у себя военное устройство и запасаться ратными людьми*". („Кр. пос. по Русск. ист.", стр. 17—19. Москва. 1900).

Несомнѣнно, что этотъ блескъ города былъ созданъ русскими, а не византійскими руками, и что занесенное къ намъ византійское зодчество было для насъ новостью только потому, что оно было каменное, что подтверждается и лѣтописью; такъ, напр., повѣствуя подъ 1089-мъ годомъ о строительной дѣятельности епископа Ефрема въ Переяславлѣ и о томъ, что онъ «заложи городъ[1]) каменный и строеніе банное каменно», лѣтописецъ замѣчаетъ: «сего же не бысть прежде въ Руси». Слѣдовательно, это чужеземное строительное новшество застало уже у насъ сильно развитое гражданское зодчество и, по своей относительной слабости, весьма долго существовало съ нимъ рядомъ, не мѣшая ему развиваться и совершенствоваться вполнѣ самостоятельно. Все это, взятое вмѣстѣ, разумѣется, убѣждаетъ насъ въ правотѣ нашего второго предположенія и заставляетъ относить начало нашихъ деревянныхъ крѣпостей — «городовъ», по крайней мѣрѣ, къ IX-му вѣку.

Но если за «начало» ихъ слѣдуетъ принимать наши древніе города половины IX вѣка, то «концомъ» ихъ, несомнѣнно, является Якутскій острогъ исхода XVII вѣка, ибо вслѣдъ затѣмъ наступаетъ Петровская реформа, а вмѣстѣ съ нею приносятся къ намъ новые пріемы европейской фортификаціи, и наши средневѣковые «остроги» и «города» отходятъ въ область преданій.

И такъ, цѣлыхъ девять вѣковъ (IX—XVII) «деревянныя» стѣны оберегали русскія силы и закрѣпляли русскую власть въ покоряемыхъ странахъ. Любопытно было-бы выяснить, на много-ли они подвинулись впередъ, въ смыслѣ усовершенствованія обороны, за этотъ громадный промежутокъ времени и много ли должно быть разницы между стѣнами Коростеня и Якутска?

И. Е. Забѣлинъ путемъ сопоставленія лѣтописныхъ свидѣтельствъ съ данными, представляемыми нашимъ «деревяннымъ» зодчествомъ, пришелъ къ одному весьма важному выводу. «Остается одно очень вѣрное предположеніе, говоритъ онъ, что какъ бытовыя, такъ и художественныя, и по преимуществу, *строительныя формы*, при неизмѣняемости общихъ началъ жизни, точно также *существуютъ* неизмѣнно *цѣлые вѣка* и подвергаются лишь тѣмъ перемѣнамъ, которыя сами собою нарождаются изъ постепеннаго, послѣдовательнаго развитія самой жизни, т. е., *видоизмѣняются* въ частностяхъ, но никакъ *не въ основныхъ чертахъ*. Тѣмъ болѣе это соображеніе становится достовѣрнымъ въ отношеніи къ зодчеству, памятники котораго, сооружаемые даже изъ дерева, стоятъ не только по сту, но даже и по двѣсти лѣтъ и всегда

[1]) Т. е. „городскія стѣны“.

служатъ цѣлому ряду поколѣній завѣтными образцами для новыхъ сооруженій» [1]).

Повидимому, тотъ-же выводъ мы должны сдѣлать и относительно крѣпостныхъ оградъ. Оборонительныя особенности Якутскаго острога до того просты, первобытны и естественны и до того подсказаны условіями самой обороны, что врядъ-ли онѣ сильно разнятся отъ тѣхъ-же особенностей городскихъ оградъ X-го вѣка, тѣмъ болѣе, что и вооруженіе нападающихъ было почти то же: мечи или сабли, копья, стрѣлы и топоры, такъ какъ огнестрѣльнаго оружія у инородцевъ не было.

Къ тому-же выводу мы придемъ, если прослѣдимъ сооруженіе деревянныхъ стѣнъ по «лѣтописнымъ» даннымъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу Ѳ. Ласковскій:

«Начало употребленія деревянныхъ оградъ въ видѣ вѣнчатыхъ стѣнъ надобно отнести къ половинѣ IX столѣтія; обширные лѣса, покрывавшіе большую часть древней Россіи, составляли неистощимый матеріалъ для ихъ построенія; причемъ дубовый лѣсъ предпочитали всякому другому. Старинныя сказанія не оставили намъ положительныхъ свѣдѣній о частномъ расположеніи древнѣйшихъ деревянныхъ оградъ; извѣстно только, что стѣны рубили тарасами.

Основываясь на томъ, что деревянныя жилища Славянъ въ IX столѣтіи состояли изъ вѣнчатыхъ срубовъ, можно съ достовѣрностію заключать, что и деревянныя ограды сначала устраивались также изъ срубовъ или по тогдашнему, городней, одинъ возлѣ другого поставленныхъ. Въ позднѣйшее время мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ, хотя и весьма рѣдко, указанія на деревянныя ограды, составленныя изъ «городней».

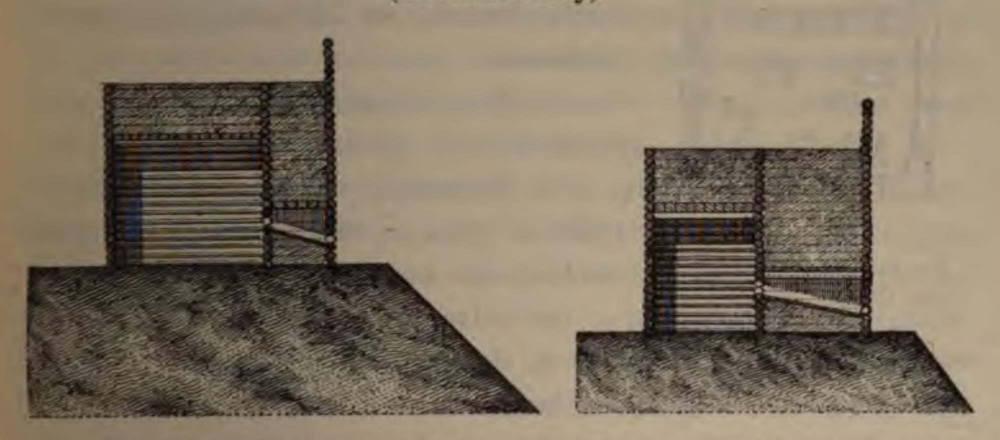
Длина срубовъ опредѣлялась величиною имѣвшагося подъ рукою лѣса; а глубина ихъ—тою толщиною стѣны, какая была необходима для помѣщенія и свободнаго дѣйствія войскъ. Срубы, составлявшіе бока ограды, имѣли видъ продолговатаго прямоугольника. Стѣны подобнаго устройства имѣли тотъ важный недостатокъ, что мѣста соединенія срубовъ подвергались наибольшему гніенію отъ дождя и снѣга, а потому представляли слабыя части ограды; при томъ каждый срубъ, составляя отдѣльную часть, получалъ съ теченіемъ времени не одинаковую осадку, что вредило прочности всей ограды и затрудняло самыя дѣйствія обороны. Нѣтъ сомнѣнія, что эти недостатки,

[1]) Ив. Е. Забѣлинъ, „Русское искусство". Москва, 1900 г., стр. 67.

еще и въ то время замѣченные, заставили нашихъ предковъ прибѣгнуть къ устройству стѣнъ *тарасами*.

Стѣны, рубленныя тарасами, состояли изъ двухъ вѣнчатыхъ стѣнъ, расположенныхъ параллельно между собою на толщину ограды: онѣ соединялись подъ прямымъ угломъ другими поперечными стѣнами, образуя глубокія клѣтки, которыя наполнялись землею и камнями. Участокъ деревянной

Черт. 22. Стѣна, рубленая „тарасами“ и засыпанная землею. (По Ласковскому).



Черт. 23. Разрѣзъ по линіи № 2. Черт. 24. Разрѣзъ по линіи № 1. (По Ласковскому).

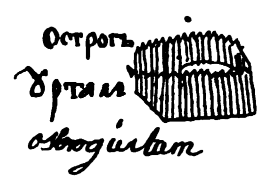
ограды между двумя поперечными стѣнами и составлялъ собственно *тарасу;* протяженіе его въ длину измѣнялось вообще между 3 и 4 саж. Участокъ ограды, имѣвшій, приблизительно, половинное протяженіе въ длину, получалъ названіе *полутарасы*. Въ старинныхъ городовыхъ описяхъ иногда принимали тарасъ за единицу при измѣреніи протяженія стѣны между двумя смежными башнями или, по тогдашнему, *прясла* стѣны» [1]). (Черт. 22, 23 и 24).

[1]) „Матеріалы для ист. инж. дѣла въ Россіи“, стр. 81—83.

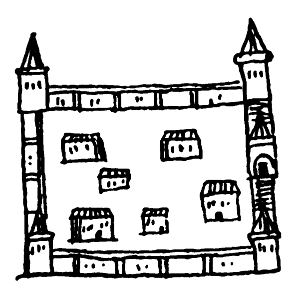
Отсюда ясно слѣдуетъ, что способъ устройства стѣнъ въ теченіи вѣ измѣнился только въ «частностяхъ», а не въ «общемъ», ибо стѣны рубл «тарасами» отличаются отъ стѣнъ изъ «городней» только тѣмъ, что ихъ ружныя продольныя стѣны—«цѣльныя».

Таково было начало и происхожденіе нашихъ «городовъ», т. е. нихъ деревянныхъ крѣпостныхъ оградъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію послѣдней стадіи ихъ развитія. *третьему* Якутскому острогу.



Черт. 25.
Острогъ Уртамъ.
(По Семену Ремезову).



Черт. 26.
Градъ Новая Мангазея.
(По Семену Ремезову).

Говоря до сихъ поръ объ Якутскѣ, объ укрѣпленномъ мѣстѣ, мы безразлично і вали его и острогомъ, и крѣпостью, и горо Но теперь, приступая къ изученію его, какъ ронительнаго сооруженія, мы должны разобр въ точномъ значеніи этихъ названій.

Присматриваясь къ изображеніямъ горс которыя мы видимъ въ Чертежной Книгѣ Сі Семена Ремезова, мы замѣчаемъ тамъ три укрѣпленій:

1) Мѣсто, огражденное тыномъ или ч коломъ (черт. 2, 13 и 25).

2) Укрѣпленіе, состоящее изъ замкі рубленой стѣны съ башнями (черт. 1, пр нижній уголъ, черт. 4—вверху и черт. 26)

и 3) Городокъ, огражденный тыномъ, леннымъ многими башнями (черт. 1, лѣвый верхній уголъ, и 12, 14 и

На чертежахъ Ремезова «рубленая» стѣна и стѣна изъ «частокола: казаны весьма различно: первая оставлена обыкновенно бѣлой и на ней т назначены точками или маленькими штрихами бойницы, какъ напр. на браженіи г. Пелыма (черт. 1, правый нижній уголъ, и черт. 26); тогда вторая всегда заштрихована вертикально для обозначенія тына (ibid. лѣв верхняя сторона и черт. 2, 6, 13, 14 и 16). Нельзя не замѣтить при э что тыновая ограда, какъ болѣе простая, преобладала въ сибирскихъ укр ніяхъ; по крайней мѣрѣ у Ремезова «рубленая» стѣна показана только въ городахъ: въ Пелымѣ (черт. 1), въ Новой Мангазеѣ (черт. 26) и въ Як (черт. 4, вверху, прямая стѣна). Кромѣ того, она несомнѣнно была явле позднѣйшимъ. И, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ мы ее видимъ?—Въ *третьемъ* Якут

острогѣ, сооруженномъ въ концѣ XVII вѣка, и въ *Новой* Мангазеѣ, построенной *послѣ* Старой, которая имѣла ограду изъ «частокола» [1]).

Надписи надъ укрѣпленіями перваго рода неизмѣнно называютъ ихъ «острогами», напр., «острогъ Уртамъ» (черт. 25), «острогъ Кецкой» (черт. 2), «Балаганской острогъ» (черт. 13) и т. д.

Когда эти «тыновыя» ограды усиливались *четырьмя* башнями, это не препятствовало имъ сохранять свое прежнее наименованіе, какъ мы видимъ на черт. 6-мъ, гдѣ прибавленіе угловыхъ башенъ не помѣшало Верхоленскому укрѣпленію называться «острогомъ».

Что-же касается до укрѣпленныхъ мѣстъ второй и третьей категоріи, то надписи неуклонно называютъ ихъ «градами», т. е. «городами». За примѣрами ходить недалеко: «градъ Илимскъ» (черт. 14), «градъ Епанчинъ» (черт. 16), «городъ (?) Енисейскъ» (черт. 12) и т. д. А отсюда ясно, что въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII-го вѣка тыновая ограда называлась «острогомъ», а рубленая стѣна и тыновая ограда со *многими* башнями - «городомъ».

Это подтверждается, между прочимъ, и другими документами, какъ, напр., рукописнымъ планомъ XVII вѣка Большого Тихвинскаго монастыря [2]), гдѣ на рву, проходящемъ около деревянной монастырской крѣпостной ограды, стоитъ надпись: «ровъ возлѣ города». Здѣсь слово «городъ» означаетъ, очевидно, самую стѣну, ибо внутри ея никакого города нѣтъ, а есть лишь монастырь.

Обращаясь затѣмъ къ тому виду укрѣпленій, гдѣ поселеніе обнесено тыномъ, усиленнымъ башнями, мы видимъ, что онъ представляетъ собою переходъ отъ «острога» къ «городу». Особаго названія таковая ограда не имѣла и, повидимому, одинаково именовалась «острогомъ», судя по нѣкоторымъ надписямъ Ремезова, называющаго тыновую ограду, усиленную башнями, также «острогомъ». Примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ служить у Ремезова изображеніе города Пелыма (черт. 1), гдѣ около тыновой ограды написано (слѣва вверху)— «кругомъ *острогъ* мѣрою 1020 саж.», а около рубленой стѣны (справа внизу)—«кругомъ мѣрою *городъ* 120 сажен.»

Ласковскій, за неимѣніемъ опредѣленнаго древняго слова, называетъ такія стѣны «тыновыми городскими оградами», но прибавляетъ, что въ лѣтописяхъ,—съ Воскресенскаго списка и Ипатьевской,—подобная тыновая ограда названа «*столпіемъ*» [3]).

---

[1]) См. въ атласѣ Ремезова листъ 12.

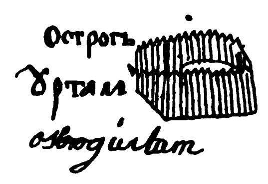
[2]) Хранится въ библіотекѣ монастыря подъ № 2248.

[3]) „Мат. для ист. инж. иск. въ Россіи", часть I, Спб. 1858, стр. 103–104.

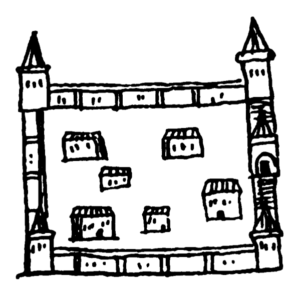
Отсюда ясно слѣдуетъ, что способъ устройства стѣнъ въ теченіи вѣковъ измѣнился только въ «частностяхъ», а не въ «общемъ», ибо стѣны рубленыя «тарасами» отличаются отъ стѣнъ изъ «городней» только тѣмъ, что ихъ наружныя продольныя стѣны—«цѣльныя».

Таково было начало и происхожденіе нашихъ «городовъ», т. е. древнихъ деревянныхъ крѣпостныхъ оградъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію послѣдней стадіи ихъ развитія,—къ *третьему* Якутскому острогу.



Черт. 25.
Острогъ Уртамъ.
(По Семену Ремезову).



Черт. 26.
Градъ Новая Мангазея.
(По Семену Ремезову).

Говоря до сихъ поръ объ Якутскѣ, какъ объ укрѣпленномъ мѣстѣ, мы безразлично называли его и острогомъ, и крѣпостью, и городомъ. Но теперь, приступая къ изученію его, какъ оборонительнаго сооруженія, мы должны разобраться въ точномъ значеніи этихъ названій.

Присматриваясь къ изображеніямъ городовъ, которыя мы видимъ въ Чертежной Книгѣ Сибири Семена Ремезова, мы замѣчаемъ тамъ три рода укрѣпленій:

1) Мѣсто, огражденное тыномъ или частоколомъ (черт. 2, 13 и 25).

2) Укрѣпленіе, состоящее изъ замкнутой рубленой стѣны съ башнями (черт. 1, правый нижній уголъ, черт. 4—вверху и черт. 26).

и 3) Городокъ, огражденный тыномъ, усиленнымъ многими башнями (черт. 1, лѣвый верхній уголъ, и 12, 14 и 16).

На чертежахъ Ремезова «рубленая» стѣна и стѣна изъ «частокола» показаны весьма различно: первая оставлена обыкновенно бѣлой и на ней только назначены точками или маленькими штрихами бойницы, какъ напр. на изображеніи г. Пелыма (черт. 1, правый нижній уголъ, и черт. 26); тогда какъ вторая всегда заштрихована вертикально для обозначенія тына (ibid. лѣвая и верхняя сторона и черт. 2, 6, 13, 14 и 16). Нельзя не замѣтить при этомъ, что тыновая ограда, какъ болѣе простая, преобладала въ сибирскихъ укрѣпленіяхъ; по крайней мѣрѣ у Ремезова «рубленая» стѣна показана только въ трехъ городахъ: въ Пелымѣ (черт. 1), въ Новой Мангазеѣ (черт. 26) и въ Якутскѣ (черт. 4, вверху, прямая стѣна). Кромѣ того, она несомнѣнно была явленіемъ позднѣйшимъ. И, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ мы ее видимъ?—Въ *третьемъ* Якутскомъ

острогѣ, сооруженномъ въ концѣ XVII вѣка, и въ *Новой* Мангазеѣ, построенной *послѣ* Старой, которая имѣла ограду изъ «частокола» [1]).

Надписи надъ укрѣпленіями перваго рода неизмѣнно называютъ ихъ «острогами», напр., «острогъ Уртамъ» (черт. 25), «острогъ Кецкой» (черт. 2), «Балаганской острогъ» (черт. 13) и т. д.

Когда эти «тыновыя» ограды усиливались *четырьмя* башнями, это не препятствовало имъ сохранять свое прежнее наименованіе, какъ мы видимъ на черт. 6-мъ, гдѣ прибавленіе угловыхъ башенъ не помѣшало Верхоленскому укрѣпленію называться «острогомъ».

Что-же касается до укрѣпленныхъ мѣстъ второй и третьей категоріи, то надписи неуклонно называютъ ихъ «градами», т. е. «городами». За примѣрами ходить недалеко: «градъ Илимскъ» (черт. 14), «градъ Епанчинъ» (черт. 16), «городъ (?) Енисейскъ» (черт. 12) и т. д. А отсюда ясно, что въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII-го вѣка тыновая ограда называлась «острогомъ», а рубленая стѣна и тыновая ограда со *многими* башнями - «городомъ».

Это подтверждается, между прочимъ, и другими документами, какъ, напр., рукописнымъ планомъ XVII вѣка Большого Тихвинскаго монастыря [2]), гдѣ на рву, проходящемъ около деревянной монастырской крѣпостной ограды, стоитъ надпись: «ровъ возлѣ города». Здѣсь слово «городъ» означаетъ, очевидно, самую стѣну, ибо внутри ея никакого города нѣтъ, а есть лишь монастырь.

Обращаясь затѣмъ къ тому виду укрѣпленій, гдѣ поселеніе обнесено тыномъ, усиленнымъ башнями, мы видимъ, что онъ представляетъ собою переходъ отъ «острога» къ «городу». Особаго названія таковая ограда не имѣла и, по-видимому, одинаково именовалась «острогомъ», судя по нѣкоторымъ надписямъ Ремезова, называющаго тыновую ограду, усиленную башнями, также «острогомъ». Примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ служить у Ремезова изображеніе города Пелыма (черт. 1), гдѣ около тыновой ограды написано (слѣва вверху)— «кругомъ *острогъ* мѣрою 1020 саж.», а около рубленой стѣны (справа внизу)—«кругомъ мѣрою *городъ* 120 сажен.»

Ласковскій, за неимѣніемъ опредѣленнаго древняго слова, называетъ такія стѣны «тыновыми городскими оградами», но прибавляетъ, что въ лѣтописяхъ,—съ Воскресенскаго списка и Ипатьевской,—подобная тыновая ограда названа «*столпіемъ*» [3]).

---

[1]) См. въ атласѣ Ремезова листъ 12.

[2]) Хранится въ библіотекѣ монастыря подъ № 2248.

[3]) „Мат. для ист. инж. иск. въ Россіи", часть I, Спб. 1858, стр. 103-104.

Въ планѣ Якутскаго острога (черт. 19) мы видимъ двѣ ограды: наружную—тыновую и внутреннюю—рубленую.

Щукинъ называетъ «крѣпостью» вторую, внутреннюю ограду, а Словцовъ и «Описаніе» къ плану (черт. 18 и 19) обозначаютъ этимъ словомъ первую, а вторую называютъ «замкомъ». Но ни то, ни другое названіе не вѣрно, ибо слово «крѣпость» употреблялось въ XVII вѣкѣ главнымъ образомъ въ смыслѣ отдѣльныхъ приспособленій для усиленія обороны цѣлаго, а «замокъ» означаетъ собой укрѣпленное жилище средневѣковаго феодала. Въ сущности-же разсматриваемое нами третье Якутское укрѣпленіе конца XVII вѣка представляло собою *«острогъ»*, *внутри котораго былъ расположенъ «городъ»*.

Правильность такого опредѣленія подтверждается «документальными данными: въ «Вѣдомости 1701 года» мы читаемъ: «Якутцкой *городъ* . . . . . Около города *острогъ* стоячій». То же повторяетъ «Росписной списокъ 1759 г.», гдѣ значится: «*Городъ* деревяной рубленой ветхой. . . . Кругомъ города *острогъ* деревянной ветхой». Слѣдовательно, предложенное нами наименованіе частей Якутскаго укрѣпленія оказывается вполнѣ правильнымъ.

Что-же касается до удержавшагося за нимъ названія «Якутскаго острога» вообще, то оно, конечно, является наслѣдіемъ первоначальнаго укрѣпленія, основаннаго Бекетовымъ и перенесеннаго потомъ на урочище Саі-саръ.

Разсмотримъ теперь общее оборонительное расположеніе Якутскаго острога и опредѣлимъ его относительное положеніе среди прочихъ сибирскихъ укрѣпленій. Превосходнымъ матеріаломъ въ этомъ случаѣ является атласъ Ремезова, на таблицахъ котораго помѣщены всѣ укрѣпленные города Сибири конца XVII столѣтія.

Чертежи эти представляютъ собою весьма обширный матеріалъ для сравненій. Мы приводимъ здѣсь наиболѣе типичные образцы, вполнѣ достаточные для нашихъ выводовъ (черт. 1, 2, 4, 6, 12, 13, 14, 16, 25 и 26).

Какъ первичную или простѣйшую форму мы можемъ разсматривать простой «острогъ», т. е. только замкнутую ограду изъ тына или частокола прямоугольной или круглой формы (черт. 2, 13 и 25). Дальнѣйшее развитіе этой формы заключается въ томъ, что она усиливается башнями (черт. 6), сохраняя прежнее свое названіе «острога». Затѣмъ для лучшей обороны частоколъ замѣняется рубленою стѣною и острогъ превращается въ «городъ» (черт. 25).

Такіе города и остроги были почти всегда прямоугольными, какъ мы можемъ судить по многимъ образцамъ у Ремезова (черт. 1, 12 и 16).

Кромѣ этихъ двухъ видовъ укрѣпленій, встрѣчаются еще, какъ мы уже говорили, укрѣпленныя поселенія смѣшаннаго типа, который заключается въ томъ, что «городъ» соединяется съ «острогомъ», при чемъ въ первомъ располагались наиболѣе важныя зданія и наиболѣе цѣнные запасы населенія, а второй окружалъ «посадъ», т. е. обыкновенные обывательскіе дома, примыкавшіе къ «городу». Это—самый сильный способъ укрѣпленія городовъ, который мы видимъ у Ремезова. Но «городовое дѣло» XVII-го вѣка въ Сибири, повидимому, на этомъ не остановилось, но пошло еще далѣе и сказало свое послѣднее слово въ постройкѣ третьяго Якутскаго острога: мы уже видѣли (черт. 19), что онъ состоялъ изъ «города», окруженнаго *со всѣхъ сторонъ* «острогомъ», тогда какъ во всѣхъ предыдущихъ примѣрахъ острогъ защищалъ посадъ и только *часть* «города», а затѣмъ этотъ послѣдній оставался открытымъ съ поля *съ двухъ* (черт. 1) или даже *съ трехъ сторонъ*, какъ, напр., въ Томскѣ [1]).

О превосходствѣ этого новаго расположенія въ оборонительномъ смыслѣ и говорить нечего. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что западные строители прибѣгали къ нему уже въ средніе вѣка [2]). Наши-же сибирскіе строители не примѣняли его раньше, вѣроятно, потому, что слишкомъ презирали безпорядочныя и плохо вооруженныя толпы своихъ враговъ. Что-же касается до самаго пріёма, то они его, несомнѣнно, знали, уже хотя-бы потому, что въ громадномъ масштабѣ онъ былъ примѣненъ въ Москвѣ, гдѣ стѣны Бѣлаго и Земляного города окружали двойнымъ кольцомъ Кремль и Китай-городъ.

Познакомившись съ общимъ расположеніемъ Якутскаго острога, разсмотримъ теперь подробно оборонительные и строительные пріемы его стѣнъ и башенъ на основаніи данныхъ, представляемыхъ снимками съ натуры (табл. V, VI VII, VIII и IX) и моделью, хранящеюся въ Императорской Археологической Коммиссіи (табл. XI, XII, XIII и XIV).

Здѣсь мы считаемъ нужнымъ оговориться, что сравненіе модели со снимками съ натуры показало ея замѣчательную точность, слѣдовательно данныя, ею представляемыя, безусловно можно считать документальными.

Мы начнемъ наше разсмотрѣніе со стѣнъ, какъ съ оборонительнаго сооруженія преобладающаго характера и притомъ наибольшаго протяженія.

---

[1]) См. въ атласѣ Ремезова, табл. 13.

[2]) См. E. Viollet le Duc, „Dictionnaire raisonné de l'archit. française". Tome III, page 98, fig. 14. Paris MDCCCLXXV.

Выяснимъ сперва тѣ требованія, которымъ должна удовлетворять такая деревянная крѣпостная стѣна. Они сводились, главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ условіямъ:

1) Стѣна должна быть достаточно устойчивой и прочной, чтобы нападающій непріятель не могъ сдѣлать мѣстнаго обвала или пролома, который открылъ-бы ему доступъ внутрь города.

2) Она должна быть удобною для живой обороны, т. е. для ея защитниковъ, которыхъ надо размѣщать такъ, чтобы они могли наиболѣе сильно поражать непріятеля, оставаясь въ то же время сами защищенными отъ дѣйствія его оружія.

и 3) Оборонительныя части ея должны быть устроены такъ, чтобы не только можно было поражать непріятеля издали, когда онъ еще подступаетъ къ крѣпости, но и отбивать его, когда онъ находится у самаго подножія стѣны и лѣзетъ на приступъ[1]).

Первое условіе соблюдено въ Якутской стѣнѣ въ томъ отношеніи, что она представляетъ собою не простой легко опрокидываемый заборъ, а состоитъ изъ устойчивыхъ срубовъ въ 1½ саж. длины и 1½ саж. ширины, причемъ наружныя и внутреннія стѣны этихъ срубовъ—общія и цѣльныя, схваченныя короткими поперечными (табл. XI, рис. 2); значитъ, иными словами, стѣны Якутскаго города срублены «тарасами». Такимъ образомъ опрокинуть эту стѣну нельзя, вслѣдствіе ея значительной устойчивости и общей связи по длинѣ. Что-же касается до связи въ углахъ, т. е. до соединенія стѣнъ съ башнями, то оно также не просто сдѣлано «въ притыкъ», а устроено очень прочно, причемъ часть бревенъ стѣны входитъ въ пазы, сдѣланные въ боку башни, а другія проходятъ насквозь его и закрѣпляются извнутри, какъ мы это ясно видимъ на модели (табл. XII, лѣвый бокъ башни). Прекрасное доказательство прочности этого соединенія мы находимъ на снимкѣ съ натуры у лѣвой, сѣверной башни (табл. VI): уцѣлѣвшія верхнія бревна крайняго прясла стѣны сошли со своей нижней опоры и провисли, но держатся на вѣсу только потому, что лѣвый ихъ конецъ врубленъ въ стѣну башни[2]).

---

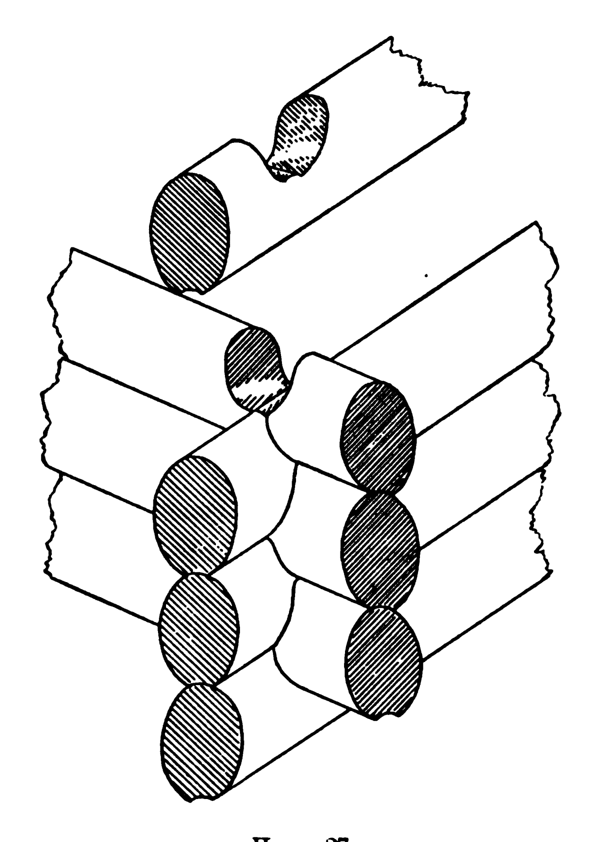
[1]) Не надо забывать, что предполагаемый противникъ, т. е., въ данномъ случаѣ сибирскіе инородцы, *ни артиллеріи, ни огнестрѣльнаго оружія не имѣли*.

[2]) То же самое мы видимъ на самомъ послѣднемъ снимкѣ Якутскаго острога на восточной сторонѣ сѣверной башни. См. П. Головачевъ, „Сибирь". Москва. 1905, стр. 381, рис. 92.

Рубка стѣнъ сдѣлана «въ обло», «съ остаткомъ», какъ это ясно видно и на снимкахъ съ натуры (табл. V, рис. 2, и табл. VIII) и на модели (табл. XI, рис. 2). Для неспеціалистовъ замѣтимъ, что рубкой «въ обло» называется такое соединеніе концовъ бревенъ между собою, при которомъ одно бревно входитъ на половину своей толщины въ выемку, сдѣланную въ другомъ бревнѣ (черт. 27), причемъ концы этихъ бревенъ выступаютъ за поверхность стѣны на 4 или 6 вершковъ и называются «остатками».

Такимъ образомъ, стѣна эта устроена достаточно прочно.

Конечно, странно было бы утверждать, что она была бы въ состояніи сопротивляться тѣмъ стѣнобитнымъ машинамъ, которыми, напр., татары разбивали стѣны Кіева, или какія примѣнялись при осадахъ замковъ въ средніе вѣка. Но не надо забывать, что эти «города» строились не противъ непріятеля, вооруженнаго всѣми познаніями тогдашняго инженернаго дѣла, а для защиты отъ безпорядочныхъ и вооруженныхъ только холоднымъ оружіемъ скопищъ сибирскихъ дикарей, которые могли лишь или прорубить себѣ проёмъ при приступѣ или просто опрокинуть стѣну, навалившись на нее живою массою. Вотъ для сопротивленія подобнымъ усиліямъ Якутская стѣна была достаточно прочна и устойчива; это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что Якутскій острогъ ни разу не былъ взятъ инородцами, несмотря на неоднократныя нападенія.



Черт. 27.
Рубка стѣнъ въ „обло" или „съ остаткомъ".

Высота нижней части стѣны до верхняго выступа—2 саж., а высота этого выступа или «облама»—1 саж. Эти размѣры мы опредѣляемъ по модели

и по чертежамъ Кипріанова (табл. X). Щукинъ утверждаетъ, что вышина нижней части 2½ саж., а всей стѣны — 3 саж. 2 четверти (?)[1]).

Повидимому, высоту въ 2 саж. надо считать болѣе правильной, такъ какъ на чертежахъ, представленныхъ въ Т.-С. Комитетъ М. В. Д. въ 1870 году Якутскимъ Областнымъ Управленіемъ (черт. 8, 9, 10 и 11 табл. XI, черт. 1), она показана всего 5 аршинъ[2]). Кромѣ того, секретарь Якутскаго Областнаго Статистическаго Комитета А. Поповъ, въ своемъ отвѣтѣ на запросы Академіи Художествъ, сообщаетъ, что стѣна эта срублена изъ 6-вершковаго лѣса[3]), а на снимкѣ съ натуры (табл. V, рис. 2) мы видимъ, что она имѣла отъ 16-ти до 17-ти вѣнцовъ. Умножая 6 вершковъ т. е. толщину бревна, на 16 или на количество вѣнцовъ, получимъ:

$$6 \text{ вершк.} \times 16 = 96 \text{ вершк.} = 2 \text{ саж.}$$

Отсюда ясно, что высоту стѣны, показанную на модели, надо считать болѣе правильной.

Если мы обратимся теперь къ длинѣ стѣны, то найдемъ еще болѣе разнорѣчивыя показанія, и надо только удивляться, какъ возможны такія грубыя ошибки при простомъ обмѣрѣ прямолинейной стѣны!

Вотъ свѣдѣнія, сообщаемыя объ ея длинѣ.

1) По даннымъ г. Попова «вся длина фаса равна» . . . 65 с.
2) По плану, приложенному къ его отвѣту (табл. IV), она равна 66 с.
3) По чертежамъ 1870 года (табл. XI, черт. 1). . . . . 52 с.
4) По чертежамъ Кипріанова. . . . . 52 с.
5) По «Вѣдомости 1701 года». . . . . 60 с.
6) По Щукину. . . . . 63½ с.
и 7) По архивному плану Т.-С. Комитета, № 264-й (черт. 19), лѣвая внутренняя стѣна имѣетъ около . . . . 80 с.

Данныя Словцова, какъ явно нелѣпыя, мы оставляемъ въ сторонѣ.

Итакъ, одни источники опредѣляютъ ея длину въ 52 саж., а другіе — въ 80 с. Разница такъ велика, что для рѣшенія вопроса остается, кажется, взять только среднее ариѳметическое! И, какъ это ни странно, мы получимъ при этомъ результатъ довольно близкій къ истинѣ:

$$\frac{65+66+52+52+60+63+80}{7} = \frac{438}{7} = 62^4/_7.$$

[1]) Стр. 197 и 198.

[2]) См. отн. Як. Обл. Управл. отъ 31-го декабря 1870 г., за № 3653. (Архивное дѣло Хозяйственаго Д-та М. В. Д. 1877—79 гг., № 607—№ 605).

[3]) Отн. Як. Обл. Ст. К-та отъ 22-го декабря 1877 г., за № 162 (ib.).

Дѣйствительно, Щукинъ пишетъ, что длина каждой тарасы или сруба равна $1^1/_2$ саж., что подтверждаетъ и г. Поповъ. Но на снимкѣ съ натуры (табл. V, рис. 1) мы видимъ, что каждая половина стѣны, между средней и боковой башнями, состоитъ изъ 18-ти тарасъ, а вся стѣна—изъ 36-ти тарасъ.

Слѣдовательно, длина *одной* только стѣны, безъ башенъ, будетъ:

$$1^1/_2 \text{ с.} \times 36 = 54 \text{ саж.}$$

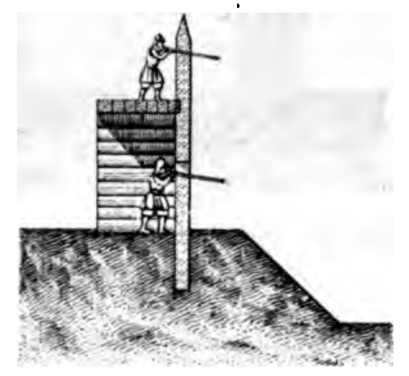
Но къ этому надо еще прибавить ширину двухъ угловыхъ башенъ, по 3 саж. каждая, и ширину средней башни, равную 4 саж., или

$$6 \text{ с.} + 4 \text{ с.} = 10 \text{ саж.}$$

А 54 с. + 10 с. = 64 саж., т. е. величинѣ очень близкой къ среднему пропорціональному.

Мы ее можемъ принять за вѣрную, такъ какъ она не много разнится отъ показанія г. Попова (65 саж.), описи 1701 года (60 саж. безъ выступовъ башенъ) и опредѣленія самаго Щукина (62½ саж.) [1]).

Внутренность каждой тарасы служила для помѣщенія защитниковъ, которые стрѣляли въ отверстія, продѣланныя въ наружной стѣнѣ и извѣстныя подъ названіемъ «подошвеннаго боя». Такихъ отверстій въ каждомъ отдѣленіи стѣны было два, что ясно видно на рисункѣ Щукина (рис. 20), на чертежахъ 1870 года (табл. XI, черт. 1 и черт. 8, 9 и 10 въ текстѣ) и на чертежѣ Кипріанова (табл. X, черт. 1). Судя по модели и по чертежамъ, *теперь* этотъ «подошвенный бой» расположенъ очень невысоко отъ земли, примѣрно на 1 арш. 4 вершка, изъ чего Щукинъ заключаетъ, что стрѣляли, вѣроятно, «лежа или стоя на колѣняхъ» (стр. 197). Но стрѣлять «лежа» черезъ бойницу, расположенную на 1 арш. 4 в. выше, можно только въ небо, а стрѣльба «съ колѣна»—необычна. Кромѣ того, на изображеніяхъ обороны у Ласковскаго и у Пальмквиста [2])

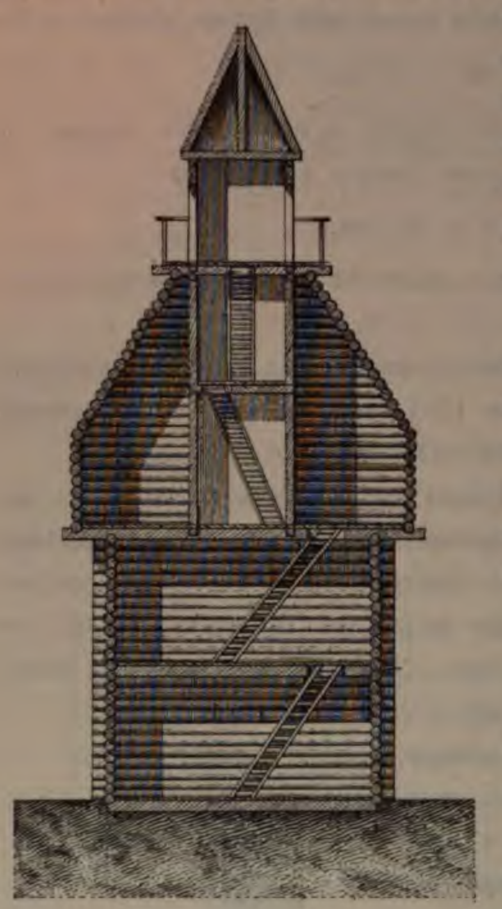


Черт. 28. Тыновая ограда. (По Ласковскому),

[1]) Но этимъ мы не считаемъ вопросъ окончательно рѣшеннымъ и оставляемъ его *открытымъ*, ожидая рѣшенія его отъ тѣхъ, болѣе насъ счастливыхъ изслѣдователей, которые будутъ обмѣрять памятникъ въ натурѣ.

[2]) Эрикъ Пальмквистъ, артиллерійскій капитанъ, былъ въ Москвѣ въ составѣ шведскаго посольства въ 1673 г. Онъ составилъ весьма любопытный альбомъ чертежей и рисунковъ подъ заглавіемъ „Nägre widh Sidste Kongl. Ambassaden

(черт. 28 и табл. XI, рис. 3) защитники стрѣляютъ *стоя;* поэтому намъ ка
вѣрнѣе предположить, что бойницы находились прежде выше, но затѣмъ спуст
ниже, вслѣдствіе «вростанія въ землю» древнихъ построекъ, что можно и до
поръ еще наблюдать въ старыхъ избахъ, у которыхъ окна чуть не на
Такое «вростаніе» объясняетс
одной стороны, сгниваніемъ ни
вѣнцовъ, положенныхъ прямо н
лю, безъ фундамента, а съ
стороны постепеннымъ механиче
наростаніемъ почвы въ древних
селіяхъ [1]).



Черт. 29. Проѣзжая башня г. Красноярска. (По Θ. Ласковскому).

Но съ другой стороны въ
ламѣ» бойницы помѣщены при
на той же вышинѣ: на черт
1870 года на уровнѣ 1 а
(черт. 9 и 10), а на модели
половинѣ четвертаго вѣнца, сл
тельно на слѣдующей высотѣ:

$3\frac{1}{2} \times 6$ в. = 21 в. = 1 арш.

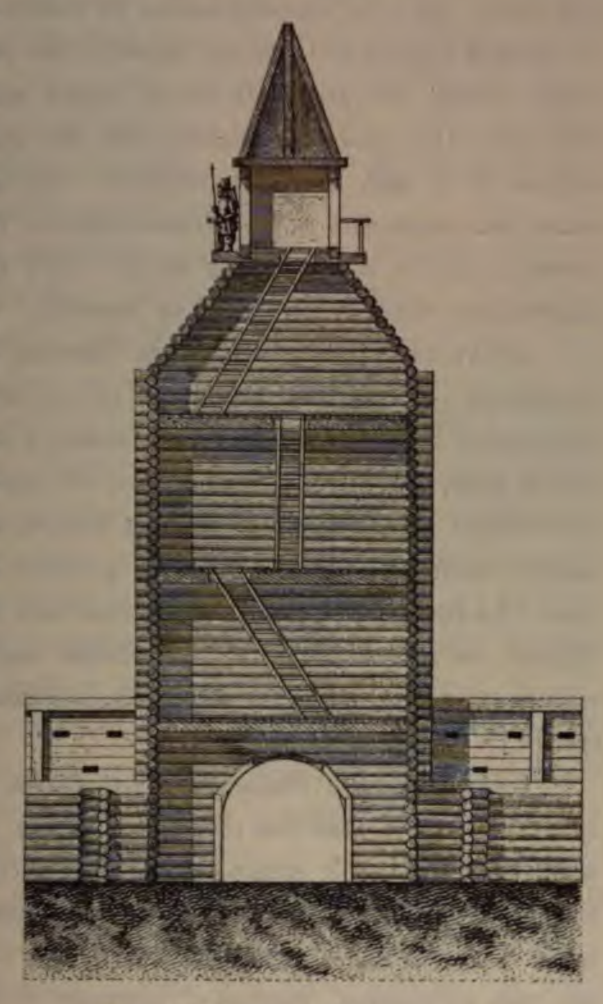
Полъ верхняго яруса
былъ сдѣланъ на одномъ уров
низомъ облама, какъ показа
Щукина (рис. 21). Вмѣстѣ съ
нельзя не принять въ разсч
такого соображенія: при ст
«съ колѣна» локоть *лѣвой*
опирается на колѣно *лѣвой* со
ноги, слѣдовательно при такомъ положеніи ружье получаетъ наиболѣе
дую опору, что было весьма *важно* при *тяжелыхъ* казацкихъ «самопал

till Tzaren Muskou giorde observationer over Ruszland . . . Anno 1674, т. е. „
торыя наблюденія, сдѣланныя при посольствѣ къ Московскому царю о Р
Альбомъ недавно изданъ шведскимъ правительствомъ. Эти оба автора —
военные, слѣдовательно на авторитетъ ихъ въ этомъ дѣлѣ можно положить

[1]) Оставляя въ сторонѣ базилику св. Климента въ Римѣ и другіе о
вѣстные въ литературѣ примѣры, мы утверждаемъ, на основаніи личныхъ
покъ, что почва въ московскомъ Кремлѣ, противъ Николаевскаго дворца, н
на *три* сажени.

Поэтому мы оставляемъ этотъ вопросъ *открытымъ* и полагаемъ, что рѣшеніе его возможно только путемъ изученія *самаго* памятника.

Тарасы соединены между собой и съ башнями, по свидѣтельству г. Попова, «низкими ходами»; ходы эти были, конечно, необходимы для прохода внутри всей стѣны и кромѣ того для того, чтобы защитники не были наглухо раздѣлены, а могли поддерживать взаимно другъ друга, собираясь туда, гдѣ грозила наибольшая опасность. Незначительная высота этихъ проходовъ какъ-бы подтверждаетъ нашу мысль, что стѣна «вросла въ землю»: ясно, что черезъ «высокій» проходъ сообщеніе легче, нежели черезъ «низкій»; нелѣпо-же дѣлать проходъ, чтобы «облегчить» сообщеніе, и въ то же время сдѣлать его «низкимъ», чтобы «затруднить» то же сообщеніе.



Черт. 30. Башня г. Красноярска. (По Ласковскому).

Намъ, быть можетъ, укажутъ на низкія двери избъ, но указаніе это здѣсь не можетъ имѣть мѣста: тамъ низкая дверь дѣлается для сохраненія тепла, а здѣсь ни о какомъ теплѣ и рѣчи быть не можетъ. Слѣдовательно, мы вправѣ предполагать, что эти проходы были прежде выше; хотя, съ другой стороны, нельзя отрицать и того обстоятельства, что казаки, привыкнувъ къ маленькимъ дверямъ-лазамъ жилищъ сибирскихъ инородцевъ, просто не имѣли потребности въ большихъ дверяхъ. Поэтому окончательное рѣшеніе этого вопроса приходится также ожидать отъ изслѣдованія памятника на мѣстѣ.

Съ внутренней стороны стѣны каждая изъ тарасъ имѣла прямоугольное отверстіе, что мы видимъ на модели (табл. XI, рис. 2) и на рисункѣ Щукина (рис. 21-й). Отверстія эти расположены на высотѣ 1½ арш. отъ земли и имѣютъ 1½ аршина ширины и 1 аршинъ высоты. Они, повидимому, служили для освѣщенія, потому что для входа внутрь тарасъ мы видимъ двери, какъ у Щукина (рис. 21), такъ и на модели (табл. XI, рис. 2), около 2 арш. 6 верш. высотою и 1 арш. 2 вершка шириною. Впрочемъ, въ случаѣ надобности можно было выскочить и въ свѣтовое отверстіе, хотя съ меньшимъ удобствомъ. Очевидно, что въ обычное время внутрь стѣны входили черезъ двери и затѣмъ направлялись боковыми проёмами по тарасамъ.

Затѣмъ вверху этой стѣны былъ балочный настилъ съ поломъ или такъ называемый «мостъ»; на модели мы его не видимъ (табл. XI, рис. 2); это объясняется тѣмъ, что онъ давно уже сгнилъ и провалился. Но что онъ непремѣнно былъ, мы заключаемъ изъ того, что иначе по стѣнѣ нельзя ходить, защитникамъ второго яруса не на чемъ было-бы стоять. Поэтому-то мы видимъ «мостъ» вездѣ на чертежахъ древнихъ русскихъ деревянныхъ башенъ и стѣнъ (черт. 29 и 30 и табл. XI, рис. 3). Кромѣ того, полъ очень замѣтенъ на изображеніи Щукина, во времена котораго онъ, очевидно, еще частію былъ цѣлъ, какъ это замѣтно на правой сторонѣ его рисунка, изображающаго задній фасадъ стѣны (рис. 21).

Стѣны, рубленыя «тарасами», заполнялись обыкновенно землею и камнями. Но въ XVI вѣкѣ это устройство должно было нѣсколько измѣниться, вслѣдствіе примѣненія новаго болѣе сильнаго способа обороны стѣны съ помощью обстрѣливанія лежащей впереди мѣстности «огнемъ въ нѣсколько ярусовъ». Съ этою цѣлью дѣлались въ стѣнѣ три горизонтальныхъ ряда бойницъ или такъ называемые «верхній», «средній» и «нижній» или «подошвенный бой». Для образованія «подошвеннаго боя» нѣкоторыя части тарасъ приходилось оставлять не засыпанными, образуя потолокъ изъ сплошного накатника, какъ это видно на черт. 23-мъ. А устройство «средняго боя» заставило совершенно отбросить въ сторону засыпку стѣнъ и дѣлать ихъ полыми или пустыми [1]), что мы и видимъ въ Якутскомъ острогѣ.

Это послѣднее устройство гораздо выгоднѣе въ смыслѣ обороны, нежели первое, ибо при немъ защитники помѣщаются въ каждой тарасѣ, а при засыпкѣ землею—черезъ тарасу (черт. 22), и слѣдовательно огонь обороны бу-

детъ *вдвое* слабѣе. Эти-же соображенія заставили, очевидно, сдѣлать полыми и якутскія стѣны, хотя мы видимъ въ нихъ всего только *два* боя: «подошвенный» — у низа стѣны и «верхній» — въ выступѣ (черт. 10 и табл. X).

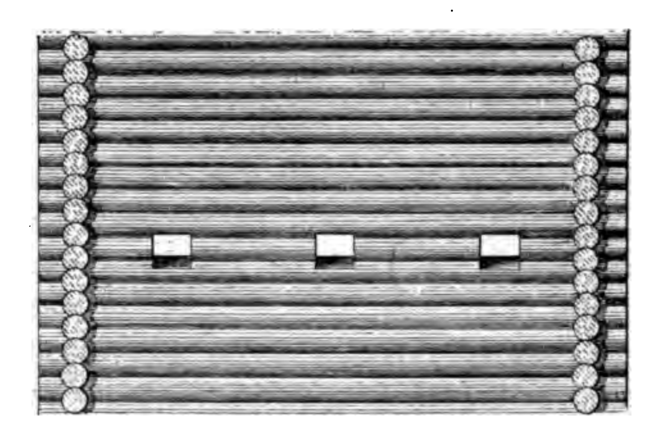
Выше пола или «моста» Якутской стѣны находился ея *второй* ярусъ, который былъ сдѣланъ иначе, чѣмъ нижній, потому что, независимо отъ устройства «верхняго» боя, въ немъ должны были быть налицо такъ называемыя «навѣсныя бойницы» для избіенія непріятеля у подошвы стѣны и, кромѣ того, свободный проходъ съ внутренней стороны стѣны.

Для достиженія этой цѣли устраивался на стѣнахъ такъ называемый «обламъ», т. е. выступающій впередъ брустверъ, закрывавшій защитниковъ и образовывавшій своимъ выступомъ «навѣсныя бойницы». Въ Якутскомъ «городѣ» этотъ «обламъ» очень хорошо виденъ на снимкахъ съ натуры (табл. V, рис. 2, правая дальняя половина стѣны, и табл. VIII) и на изображеніи у Щукина (рис. 20). Высота стѣнки «облама», какъ мы уже говорили, на Якутской стѣнѣ 1 саж., а выступъ впередъ для образованія навѣсныхъ бойницъ, по словамъ Щукина, «четверть аршина», считая, разумѣется, чистый промежутокъ безъ толщины стѣны. Стѣнка облама устроена весьма остроумно въ конструктивномъ отношеніи: подъ нее выпущены снаружи, изъ концовъ трехъ верхнихъ бревенъ поперечныхъ стѣнъ, такіе-же кронштейны, какіе мы видимъ на внутренней сторонѣ стѣны (табл. XI, рис. 2), съ выступомъ примѣрно въ 1 аршинъ. Затѣмъ на концы ихъ была поставлена стѣнка «облама». Но поставить её еще было мало: надо было затѣмъ удержать въ вертикальномъ положеніи и, кромѣ того, сдѣлать достаточно прочною относительно возможности обвала или разлома и наиболѣе доступною для живой обороны. Для достиженія этихъ цѣлей были введены *поперечныя* стѣны, которыя удерживали обламъ въ вертикальномъ положеніи и уничтожали всякую возможность обвалить его внизъ или опрокинуть назадъ. Эти стѣны расположены были надъ нижними поперечными стѣнами и доходили только до половины ихъ длины, чтобы оставить съ внутренней стороны ограды свободное мѣсто для кругового прохода (табл. XI, рис. 2). Но такъ какъ концы этихъ верхнихъ поперечныхъ стѣнъ нельзя было оставить свободными, то они попарно схвачены короткими продольными стѣнками, проходящими по средней линіи нижней части ограды, вслѣдствіе чего здѣсь постоянно чередуются впадины и срубы. Для большей прочности нижнія два бревна стѣнокъ по средней линіи сдѣланы сплошными, безъ перерыва (см. ib. и рис. 21). Во впадинахъ доступъ къ обламу является совершенно свободнымъ, а въ срубахъ онъ открывается черезъ отверстія, имѣющія одинъ

квадратный аршинъ и вытесанныя вверху по лучковой кривой; расположены эти отверстія на 12 вершковъ выше «моста», т. е. полового настила.

Такое устройство облама весьма практично и остроумно въ строительномъ отношеніи и представляетъ собою, повидимому, пріемъ совершенно новый, такъ какъ у Ласковскаго такого примѣра мы не находимъ.

Въ каждомъ изъ дѣленій облама мы видимъ три отверстія: двѣ бойницы парныя, образующія такъ называемый «верхній бой», и надъ ними одна продолговатая щелеобразная, служившая, вѣроятно, для скрытаго обзора непріятеля. (черт. 9, 10, рис. 20, табл. X и табл. XI, рис. 1).



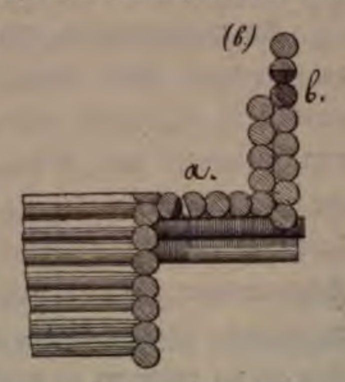
Черт. 31. Бойницы деревянныхъ стѣнъ.
(По Ласковскому).

Здѣсь нельзя умолчать о томъ обстоятельствѣ, что бойницы верхняго боя расположены также всего на 1 арш. отъ поверхности «моста» или пола стѣны, т. е. на той-же высотѣ, какъ и «подошвенный бой» надъ поверхностью земли, что какъ будто оправдываетъ предположеніе Щукина о «стрѣльбѣ съ колѣна». Во всякомъ случаѣ мы оставляемъ открытымъ вопросъ о томъ, «вросла-ли стѣна въ землю или нѣтъ», и ждемъ отвѣта на него отъ изслѣдователей на мѣстѣ.

По Ласковскому бойницы деревянныхъ стѣнъ, предназначавшіяся для ружейной стрѣльбы, имѣли $3^1/_2$ вершка высоты и отъ 7-ми до $10^1/_2$ вершковъ длины; отверстія дѣлались въ двухъ смежныхъ вѣнцахъ и отстояли другъ отъ друга не менѣе 2 арш. 4 вершк. и не болѣе 3 арш. (черт. 31). Въ Якутскомъ острогѣ эти бойницы очень подчеркнуты на чертежахъ (черт. 9 и 10 и табл. X, черт. 1) и едва замѣтны на снимкахъ съ натуры (табл. VIII). По-

[1]) Оставляемъ эту ширину на отвѣтственности Щукина.

этому мы воздерживаемся сказать что-либо определенное объ ихъ размѣрахъ въ данномъ случаѣ. Переходя затѣмъ къ навѣснымъ бойницамъ Якутскаго острога, мы допускаемъ предположеніе, что въ виду ихъ незначительной ширины—4 вершка—онѣ могли оставаться открытыми сплошь, такъ какъ при этомъ удобнѣе отражать непріятеля камнями, лить на него кипятокъ, расплавленную смолу и стрѣлять по нёмъ въ упоръ. Но Ласковскій полагаетъ, что промежутокъ этотъ застилался поломъ, въ которомъ для стрѣльбы оставлялись отверстія (черт. 32). Способы обороны верхняго яруса стѣны, защищенной обламомъ, показаны на черт. 33, въ текстѣ, и на рисункѣ 3-мъ таблицы IX-ой и вполнѣ ими объясняются.



Черт. 32. Разрѣзъ облама. *a* и *b* - бойницы. (По Ласковскому).

Затѣмъ вопросъ—какъ былъ устроенъ верхъ стѣны? Ни модель, ни снимки съ натуры не даютъ для этого никакихъ данныхъ, но г. Поповъ сообщаетъ, что «въ одномъ мѣстѣ, между башнями *б* и *в* (табл. IV), видны остатки галлереи, устроенной надъ срубами» [1]; а на изображеніи Щукина видны не только остатки стропилъ, но и часть крыши со столбами галлереи и перилами, уцѣлѣвшими у южной башни (рис. 21). Наконецъ, на чертежѣ Кипріанова мы видимъ все это полностью (таблица X, черт. 2-й). Кромѣ того, въ «Вѣдомости 1701 года» прямо сказано: «городъ... новой, рубленой.... *крытъ въ одинъ тесъ*». Отсюда мы заключаемъ, что устройство верхняго яруса ограды было слѣдующее: снаружи на кронштейнахъ шла стѣна облама, удерживаемая на своемъ мѣстѣ срубами половинной противу нижнихъ ширины и расположенными не сплошь, а черезъ тарасу. Съ внутренней стороны ограды на концахъ кронштейновъ были поставлены столбы галлереи, схваченные на высотѣ 1 саж., т. е. на высотѣ облама, продольной обвязкой, которая служила опорой для стропильныхъ ногъ двускатной крыши, въ родѣ того, какъ мы это видимъ на черт. 21 и 33.

Черт. 33. Разрѣзъ деревянной крѣпостной стѣны. (По Ласковскому).

[1]) См. его отвѣтъ на запросъ И. А. Х, стр. 34—36.

Пролёты между столбами были заняты перилами, а промежутокъ между этими послѣдними и срубами облама служилъ круговымъ проходомъ по стѣнѣ, сквозь башни.

Мы предполагаемъ, что столбы галлереи стояли на кронштейнахъ, а не на продольной стѣнѣ, потому что иначе не было никакого смысла дѣлать кронштейны съ внутренней стороны ограды, а между тѣмъ они были сдѣланы, въ чемъ убѣждаетъ насъ модель (табл. XI, рис. 2). У строителей острога не было лишняго времени, чтобы тратить его безъ смысла, слѣдовательно кронштейны были для столбовъ и перилъ. Предположеніе это подтверждается, кромѣ того, расположеніемъ пазовъ на боковой стѣнѣ башни, гдѣ верхній вертикальный пазъ внутренней стороны ограды также сходитъ съ отвѣса стѣны, какъ и обламъ. Если-же мы смѣряемъ по модели пространство между внутренней стѣной ограды и такой-же стѣной срубовъ облама, т. е. ширину мѣста, оставленнаго для прохода, то увидимъ, что оно имѣетъ всего около 2-хъ аршинъ, что и побудило уширить его, выдвинувши внаружу столбы галлереи на кронштейнахъ и увеличивъ такимъ образомъ проходъ на 8—10 вершковъ. Этотъ свѣсъ галлереи отлично виденъ на изображеніи Щукина (рис. 21), гдѣ подъ нею показана сильная падающая тѣнь (около лѣвой башни).

На наружномъ скатѣ кровли, вѣроятно, лежали такъ называемые «катки» или большія и тяжелыя бревна, которыя запасали на случай приступа и сбрасывали на непріятеля, когда онъ былъ уже у стѣнъ. Говоримъ «вѣроятно», ибо разсматриваемый нами «третій» Якутскій острогъ былъ построенъ въ 1683-мъ году, т. е. въ то время, когда русская власть широкою волною разлилась по краю и «внезапнаго» нападенія ожидать было нельзя; а слѣдовательно «катки» не зачѣмъ было держать постоянно; въ случаѣ-же надобности ихъ всегда можно было успѣть приготовить.

Чтобы покончить со стѣнами, надо рѣшить еще вопросъ, какъ на нихъ входили? Въ башняхъ мы видимъ двери, которыя вели на галлерею (табл. V, рис. 2-й, лѣвый бокъ средней башни, и табл. XII, тотъ же бокъ угловой башни). Если эти двери были единственными и выходили на галлерею, то всходить на галлерею приходилось такъ: надо было войти въ одну изъ дверей нижняго яруса, свернуть направо или налѣво, смотря по тому, гдѣ была ближайшая башня, войти въ нее, подняться по внутренней лѣстницѣ до уровня пола галлереи и выйти на нее черезъ боковыя двери башни. Врядъ-ли можно допустить, что этимъ кружнымъ путемъ должны были пользоваться защитники во время осады или, въ особенности, приступа, когда дорогá не только каждая

минута, но и каждая секунда. Поэтому вѣрнѣе предположить, что указанныя нами двери въ башняхъ служили главнымъ образомъ для сообщенія между двумя пряслами стѣны, раздѣленными башнями, и для кругового непрерывнаго хода вокругъ стѣнъ. Для входа же на стѣны были, вѣроятно, устроены въ разныхъ мѣстахъ открытыя наружныя лѣстницы, по которымъ можно было быстро вбѣгать на стѣны многимъ защитникамъ сразу. Само собою разумѣется, отъ этихъ лѣстницъ теперь не осталось уже никакихъ слѣдовъ. Но на мысль о существованіи ихъ наводятъ другія изображенія старорусскихъ укрѣпленій, напр. ограды Тихвинскаго монастыря, чертежъ которой помѣщенъ на монастырскомъ планѣ XVII вѣка [1]), хранящемся въ библіотекѣ монастыря подъ № 2264-мъ; или-же изданный Снегиревымъ [2]) древній чертежъ западнаго угла Красной площади въ Москвѣ, гдѣ близъ Воскресенскихъ воротъ показана наружная лѣстница для входа на стѣну Китая-города.

Перейдемъ теперь къ башнямъ. Изъ нихъ двѣ угловыя (табл. VI, VIII и XII) одинаковы, а двѣ остальныя (табл. VII, IX, XIII и XIV) похожи по формѣ, но не сходны въ подробностяхъ ни между собою, ни съ угловыми.

Начнемъ ихъ обзоръ съ правой угловой, такъ какъ она находится въ состояніи лучшей сохранности и удержала даже свою верхушку (табл. V, рис. 2, табл. VIII и XII). Относительно размѣровъ боковыхъ башенъ разногласій нѣтъ: всѣ источники одинаково указываютъ, что онѣ имѣютъ квадратъ въ планѣ, по *три* сажени въ сторонѣ, т. е. иными словами, представляютъ собою обычный девятиаршинный крестьянскій срубъ, удержавшійся и до нашего времени.

Что же касается высоты, то здѣсь показанія разнятся. Вотъ ея размѣры по разнымъ источникамъ:

1) По модели . . . . 4 саж. 2 арш.
2) По чертежамъ 1870 года . . . . 4 саж. 1 арш.
3) По чертежамъ Кипріянова (табл. X) . . . . . . 4 саж.
4) По свидѣтельству г. Попова . . . . 3 саж. 2½ арш.

Снова раждается вопросъ, которую-же изъ этихъ высотъ принять за вѣрную?.

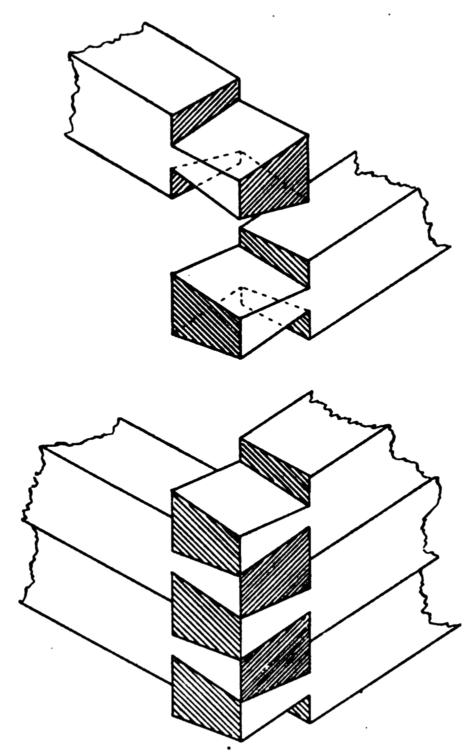
Повидимому, правда остается на сторонѣ модели: дѣйствительно, эта башня, какъ видно по снимку съ натуры (табл. VIII), имѣетъ сорокъ два вѣнца [3]). Если мы примемъ высоту модели, то толщина каждаго бревна будетъ $\frac{4 \text{ с. } 2 \text{ ар.}}{42} = 5^1/_3$ вершкамъ.

[1]) Приготовляется къ печати.
[2]) См. Русск. Стар., годъ шестой, стр. 132, изд. второе, Москва 1860 г.
[3]) Можетъ быть, ихъ въ натурѣ и больше, но на снимкѣ за травою не видно.

Если-же примемъ наименьшую высоту, т. е. 3 с. 2½ арш., то толщина бревна опредѣлится въ $\frac{3 \text{ с. } 2^1/_2 \text{ арш.}}{42}$ т. е., приблизительно, въ $4^1/_3$ вершка.

Но г. Поповъ утверждаетъ, что «башни построены изъ толстаго 6—7 вершковаго лѣса». Допустимъ, что онъ ошибся и опредѣлилъ на глазъ лѣсъ толще, чѣмъ слѣдуетъ; всетаки же вѣроятнѣе предположить, что онъ ошибся въ такомъ маломъ размѣрѣ на $^1/_2$ вершка, нежели на $1^1/_2$, и принять среднюю толщину бревна въ $5^1/_3$ вершковъ, при которой высота башни будетъ въ 4 саж. 2 арш.

Нижніе пять вѣнцовъ угловыхъ башенъ срублены «въ обло», съ «остаткомъ» (табл. VI, VIII и XII), вѣроятно для большей устойчивости, а всѣ остальные, лежащіе выше,—«въ лапу», т. е. съ обрѣзкою концовъ бревенъ на подобіе усѣченной пирамиды, какъ показано на черт. 34 [1]).



Черт. 34. Рубка „въ лапу".

При рубкѣ «въ лапу» стѣна заканчивается по угламъ вгладь и бревна «остатковъ» не имѣютъ.

Рубка башенъ «въ лапу» дѣлалась, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы углы были совершенно гладки и неудобны для влѣзанія въ время приступа. Рубка-же «въ обло съ остаткомъ» предоставила-бы въ этомъ отношеніи нападающему значительныя удобства.

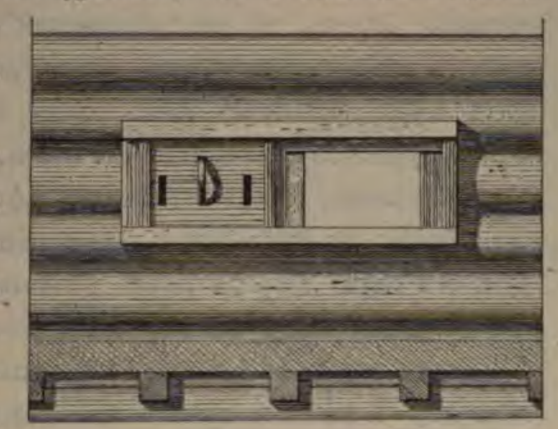
Г. Поповъ говоритъ, что «раскатовъ въ башняхъ, повидимому, не было», но съ этимъ нельзя согласиться, во-первыхъ, въ виду свидѣтельства Щукина, что башни были въ нѣсколько этажей, а во 2-хъ, по сравненію съ устройствомъ башенъ другихъ сибирскихъ городовъ (черт. 29 и 30). Да и, наконецъ, «мосты» должны были быть для размѣщенія живой обороны: вѣдь

---

[1]) Прилагаемъ этотъ чертежъ для читателей не спеціалистовъ; но, если этотъ строительный пріемъ не будетъ ясенъ изъ нашего чертежа, пусть читатель выдвинетъ ящикъ своего письменнаго стола и посмотритъ соединеніе его стѣнокъ въ углу: оно совершенно аналогично „рубкѣ въ лапу".

не могли-же защитники держаться на воздухѣ! Поэтому первый «мостъ» или полъ въ башняхъ долженъ находиться на высотѣ пола стѣнной галлереи, второй—на высотѣ «обламовъ» башенъ, а третій—подъ «вышкой».

Лицевой фасадъ башенъ выступаетъ впередъ противъ стѣны на одну сажень, что отлично видно на планѣ (табл. IV) и на перспективныхъ изображеніяхъ (табл. V, черт. 2). Это дѣлалось для того, чтобы съ башни было возможно стрѣлять въ бокъ, т. е. вдоль линіи стѣны, для пораженія непріятеля, когда онъ къ ней подойдетъ вплотную. На модели мы видимъ съ боковъ, т. е. въ тѣхъ стѣнахъ башенъ, въ которыя упираются стѣны ограды, бойницы, размѣщенныя на тѣхъ-же уровняхъ, что и бойницы лицевыхъ сторонъ, потому что и тѣ, и другія находятся въ зависимости отъ уровня одного и того-же пола.



Черт. 35. Отверстіе для орудій. (По Ласковскому).

Обламъ башни, т. е. верхняя выступная стѣнка, основанъ на угловыхъ кронштейнахъ, образованныхъ, каждый, концами трехъ верхнихъ бревенъ стѣны (табл. XII). Онъ имѣетъ совершенно то же назначеніе, что и при оградѣ, т. е. устроенъ для образованія навѣсныхъ бойницъ.

Но въ обламѣ башенъ мы замѣчаемъ съ каждой стороны по одному круглому отверстію, діаметромъ въ 12 вершковъ (табл. VI и XII), чего въ стѣнахъ не видно. Назначеніе ихъ объясняется изображеніемъ совершенно подобныхъ-же башенъ города Торжка XVII вѣка, которое мы видимъ у Пальмквиста (табл. XI, рис. 3): онѣ предназначались для дѣйствія «снаряда огнестрѣльнаго», т. е. для пушечной пальбы.

По поводу бойницъ этого рода Ласковскій говоритъ слѣдующее: «Отверстія для орудій, которыя были большею частію малыхъ размѣровъ, имѣли до 2½ ф. высоты [1]) и до 2 ф. [2]) длины; малая толщина деревянныхъ стѣнъ много содѣйствовала къ увеличенію обстрѣла орудій; въ каждомъ этажѣ башни помѣщалось только по одному орудію» [3]).

---

[1]) Около 1 арш. 1 в.
[2]) Около 14 вершковъ.
[3]) См. часть I, стр. 98.

На приложенномъ изображенiи (черт. 35) бойницы такого рода показаны у него въ видѣ «волоковыхъ» оконъ, т. е. оконъ, «заволакивавшихся» особыми щитами. Было-ли нѣчто подобное въ бойницахъ Якутскихъ башенъ, можно рѣшить только путемъ осмотра на мѣстѣ, ибо внутренней сторонь облама не видно ни на чертежахъ, ни на снимкахъ съ натуры.

Башня покрыта шатровой крышей съ вышкой. Скаты шатра довольн круты и образуютъ съ горизонтомъ уголъ въ 48° по модели, въ 50° п чертежу (черт. 8). Разница здѣсь такъ невелика, что вполнѣ объясняетс затруднительностью точнаго обмѣра стараго и покосившагося памятника.

Что-же касается до самаго строительнаго прiема, съ помощью котораг сооруженъ шатеръ, то онъ образованъ не стропилами, какъ-бы сдѣлал теперь, а срубленъ изъ бревенъ вѣнцами, какъ клѣть или изба, и предста вляетъ собою продолженiе стѣнъ башни, но только съуживающееся кверху Въ этомъ убѣждаютъ насъ, во 1-хъ, модель, внутри которой въ башняхъ эт рубка ясно видна, а во 2-хъ, примѣры другихъ однородныхъ формъ, каковы напр., башни въ Красноярскѣ, приведенныя у Ласковскаго (черт. 29 и 30) Срубы эти сверху покрыты тесомъ для болѣе быстраго стока дождевой вод и предохраненiя шатра отъ сырости.

Концы тесинъ на 1 арш. 12 вершк. свѣшиваются за плоскость стѣн (табл. XII). Концы ихъ красиво обдѣланы въ видѣ копiй, что представляет собою одинъ изъ немногихъ образчиковъ украшенiй, столь малочисленных въ этой исключительно «полезной» постройкѣ. Цѣльныя части тесинъ свѣ шиваются за стѣну на 12 вершковъ, а копья—на 1 арш., что прекрасн видно на среднемъ углу изображенiя башни (табл. XII). Копья эти на черте жахъ Якутскаго острога не показаны (черт. 8, 9, 10 и 11), что еще раз подтверждаетъ ихъ небрежность.

Надъ шатромъ расположена такъ называемая «дозорная вышка», пред назначенная для наблюденiя за приближающимся непрiятелемъ; размѣры ея разумѣется, обусловливаются ростомъ средняго человѣка: она имѣетъ 2 арш 12 вершковъ высоты и 1 саж. ширины съ каждой стороны, при 1 кв. саж площади пола. Между столбами сдѣланы перила обыкновенной полокотно высоты. Иногда такiя вышки дѣлались съ наружными балконами (черт. 29) но глухiя перила указываютъ на то, что такихъ балконовъ здѣсь никогд не было.

Вышка также покрыта шатрикомъ, скаты котораго еще круче скатов нижняго шатра; вокругъ шатрика идетъ такъ называемая «полка» или «по

лица», т. е. болѣе пологая часть крыши, которая, съ одной стороны, образуетъ навѣсъ и защищаетъ дозорщика отъ косого дождя, а съ другой стороны, уменьшаетъ скорость паденія водяной струи (табл. XII). Концы тесинъ точно также обдѣланы въ видѣ копій.

Замѣтимъ попутно, что крыша ограды была, конечно, обрѣзана по прямой линіи и такой обдѣлки концовъ не имѣла, ибо «катки», т. е. бревна, которыя скатывались съ нея на непріятеля, разумѣется, ихъ обломали-бы; подтвержденіе этого предположенія мы видимъ и на рисункѣ Щукина (рис. 20).

Выходъ на вышку былъ устроенъ въ видѣ люка, занимающаго одну четверть площади пола, т. е. 1½ квадратныхъ аршина, и прорѣзаннаго не посрединѣ, а къ одному углу.

Такъ какъ внутреннее устройство башни давно уже исчезло, то на модели оно не показано, и мы можемъ судить о немъ лишь по соотвѣтствующимъ примѣрамъ (черт. 29).

Черт. 36.
Казачья сторожевая вышка.
(По Далю).

Происхожденіе шатроваго верха съ дозорной вышкой русскихъ крѣпостныхъ башенъ весьма остроумно объяснено покойнымъ Л. В. Далемъ [1]): онъ выводитъ эти вѣнчанія изъ формы полевыхъ вышекъ, которые и теперь еще въ ходу у казаковъ (черт. 36). Дѣйствительно, сравнивая обѣ формы, мы замѣчаемъ полную аналогію.

Любопытно, что при украшеніи московскаго Кремля въ концѣ XVII-го столѣтія, надъ его каменными башнями постройки итальянскихъ мастеровъ XV вѣка были выведены русскими мастерами точно такіе-же каменные шатры съ дозорными вышками, вслѣдствіе чего эти башни представляютъ собою смѣсь формъ: снизу—онѣ итальянскія, а сверху—русскія.

Что касается до сѣверной угловой башни (табл. VI), то она совершенно одинакова съ южной, а потому объ ней распространяться особенно нечего; у нея только исчезла вышка, которая несомнѣнно была, что доказывается всѣми прочими изображеніями (черт. 20, 21 и табл. X). Но эта башня имѣетъ одну особенность, а именно маленькій наружный лазъ въ

[1]) См. его „Историческое изслѣдованіе памятниковъ русскаго зодчества". „*Зодчій*" 1873 г., стр. 5.

12 вершковъ ширины и столько-же высоты, прорѣзанный надъ нижнимъ вѣнцомъ, слѣдовательно у самой земли (см. табл. VI, внизу).

Щукинъ наивно предполагаетъ, что этотъ «лазъ» предназначался для «вылазокъ». Подобное предположеніе—явная нелѣпость: въ 1-хъ, «вылазки» производятся значительною частью гарнизона, настолько сильной, чтобы нанести существенный вредъ непріятелю или даже совсѣмъ его опрокинуть. Спрашивается, сколько же времени нужно «значительному» отряду, чтобы вылѣзти черезъ лазейку въ 12 вершковъ въ квадратѣ? Во 2-хъ, этотъ лазъ ведетъ изъ «города» въ «острогъ», т. е. въ промежутокъ между внутренней и внѣшней оградой. О какихъ-же тутъ вылазкахъ можетъ быть рѣчь? Не можетъ же гарнизонъ крѣпости дѣлать вылазки противъ самого себя! Поэтому скорѣе всего предположить, что этотъ лазъ служилъ для одиночныхъ сношеній «города» съ «острогами», когда, по требованіямъ ночного или военнаго времени, ворота были затворены и заложены брусьями.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію средней или «проѣзжей» башни (табл. V и VII и черт. 10).

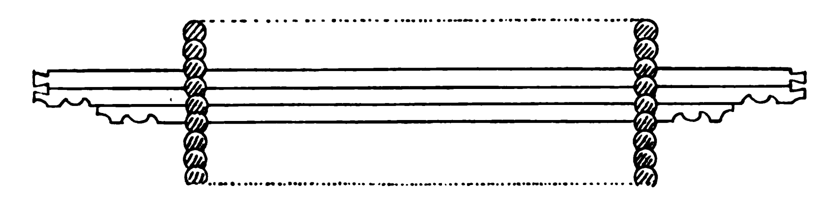
По общему пріему она совершенно повторяетъ угловыя башни, а потому мы его касаться не будемъ, а разберемъ только тѣ особенности, которыми она отличается отъ прочихъ. Первая ея особенность заключается въ томъ, что она не только «оборонительная», но и «проѣзжая», т. е. въ ней есть ворота, которыми обусловливается все остальное, т. е. большіе размѣры башни и оборонительные выступы извнутри и снаружи въ видѣ закрытыхъ балконовъ.

Ворота имѣютъ 4 аршина ширины и столько-же высоты. Они обдѣланы косяками, изъ коихъ два стоячихъ, по бокамъ, и два наклонныхъ верхнихъ, вытесанныхъ въ видѣ лучковой кривой (табл. VII).

Согласно приведенному уже нами свидѣтельству Щукина, ворота закладывались сзади «толстыми брусьями». Ширина башни равняется 4-мъ саженямъ, т. е. на 1 саж. шире угловыхъ. Это увеличеніе ширины сдѣлано какъ для того, чтобы части стѣны по бокамъ воротъ были большей ширины, такъ и для того, чтобы имѣть внутри больше простора при проходѣ войска. Въ вышину точно такъ же, какъ въ ширину, она больше боковыхъ на 1 сажень.

Такъ какъ ворота являются самымъ слабымъ мѣстомъ крѣпости, черезъ которое легче всего ворваться непріятелю, то для обороны ихъ всегда принимались особыя мѣры. Въ средніе вѣка надъ воротами устроивалось такъ называемое «мушараби», т. е. глухой выступающій балконъ, черезъ сквозной полъ котораго можно было избивать вламывающагося врага.

Отзвукъ такихъ мушараби мы находимъ и въ Якутскѣ: съ обѣихъ сторонъ башни надъ воротами были такіе-же выступы, о чемъ можно заключить по уцѣлѣвшимъ до настоящаго времени выступающимъ концамъ бревенъ и по сохранившимся выступамъ на отдѣльно стоящей башнѣ (табл. XIII и XIV). Такъ какъ эти выступы имѣли весьма значительный свѣсъ, то надо было сдѣлать подъ нихъ прочные кронштейны, т. е., иными словами, разрѣшить прежде всего строительный вопросъ. Рѣшенъ онъ былъ якутскими строителями весьма просто: какъ мы видимъ на модели (черт. 37), черезъ двѣ противолежащія стѣны башни были пропущены бревна длиною 6 саж., которые выступали вслѣдствіе этого на 1 саж. въ каждую сторону. Такихъ бревенъ было пропущено по три, одно надъ другимъ, съ каждой стороны балкона. Разстояніе между обоими выпусками равно двумъ саженямъ, слѣдовательно каждый балконъ имѣлъ двѣ сажени длины и одну



Черт. 37. Устройство кронштейновъ выступовъ башни.

ширины, т. е. представлялъ собою площадь въ двѣ квадратныхъ сажени. Нижнее бревно кронштейновъ немного короче двухъ верхнихъ, въ концахъ которыхъ видны слѣды «рубки въ лапу» (черт. 37), служившей для соединенія съ продольными, фасадными бревнами балкона, на которые опиралась его лицевая стѣна.

Бревна снизу обтесаны по нѣкоторому профилю, состоящему изъ кривыхъ полукруга и четверти круга и происходящему несомнѣнно отъ врубки «въ обло». Въ общемъ онъ представляетъ собою довольно прихотливую форму, какъ это видно на шаблонѣ (черт. 38), и является *вторымъ* образчикомъ украшенія въ постройкѣ острога, послѣ копьевидныхъ концовъ кровельнаго теса башенъ.

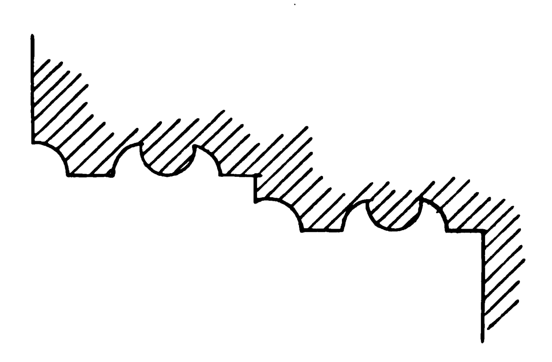
На эти балконы ведутъ изъ башни очень небольшіе дверные проёмы (табл. VII); дверь на наружный балконъ имѣетъ 1 арш. 10 вершк. высоты, а дверь на внутренній балконъ—1 арш. 14 вершк. высоты и 1 арш. 2 в. ширины.

Но пороги этихъ дверей расположены значительно выше пола балконовъ съ такимъ разсчетомъ, что верхняя перекладина колоды приходится на

высотѣ 2 арш. 10 вершк., слѣдовательно даетъ возможность входить почти не наклоняясь и лишь сильно поднимая ногу, чтобы перешагнуть высокій порогъ.

Выходы-же изъ башни на стѣны (табл. V, рис. 2, средняя башня) были значительно больше и имѣли 2 арш. 12 вершк. ширины и 2 арш. 4 в. высоты. Это объясняется тѣмъ, что черезъ башню на стѣну выходило гораздо большее число защитниковъ, нежели на оборонительные выступы воротъ.

Чтобы покончить съ разсмотрѣніемъ этой башни, намъ остается еще указать, что тесовая крыша ея покрыта по ребрамъ отдѣльными тесинами, чтобы предохранить верхніе торцевые концы кровельнаго тёса отъ гніенія, какъ это видимъ на модели.



Черт. 38. Шаблонъ кронштейна.

Намъ остается теперь лишь разсмотрѣть послѣднюю, стоящую отдѣльно башню, которая обозначена буквой *г* на планѣ г. Попова (табл. IV). Г. Поповъ полагаетъ, что она принадлежала той-же оградѣ, какъ и три остальныя башни; мы уже мелькомъ замѣтили по поводу этого предположенія, что оно невѣрно [1]). Приведемъ теперь соотвѣтствующія доказательства.

Мы уже видѣли, что Якутскій острогъ имѣлъ двѣ ограды: одну внутреннюю, въ видѣ рубленой стѣны, а другую внѣшнюю, состоявшую изъ частокола. Всѣ данныя говорятъ за то, что разсматриваемая нами башня принадлежала именно этой внѣшней оградѣ. На черт. 11-мъ, фасада башни *г* [2]), мы видимъ слѣва тынъ или частоколъ; то же самое мы замѣчаемъ и на ея фотографіи (табл IX). Итакъ, первыя три башни соединены между собою рубленою стѣною (табл. V), а башня *г* была соединена съ сосѣдними частоколомъ.

На это можно возразить, что стѣна могла быть сломана и что указанные нами остатки частокола могли быть позднѣйшаго происхожденія. Но мы находимъ опроверженіе этого предположенія въ самомъ памятникѣ: если къ башнѣ *г* нѣкогда примыкала стѣна, то она была бы срублена вмѣстѣ съ нею, какъ мы это отлично видимъ на модели и на фотографіи лѣвой угловой башни

[1]) Стр. 37.
[2]) См. планъ г. Попова: табл. IV.

(табл. VI); а въ такомъ случаѣ послѣ разборки стѣны на боку башни должны бы оставаться торцы обрубленныхъ бревенъ или вообще какіе-либо слѣды примыкавшей стѣны, которые мы такъ ясно видимъ на правой угловой башнѣ (табл. XII); между тѣмъ на лѣвой, этой первой башнѣ, которая вышла на фотографіи (табл. XIV), мы никакихъ слѣдовъ не замѣчаемъ: стѣна совершенно чистая и гладкая, что можетъ быть лишь въ томъ случаѣ, если около нея начиналась не стѣна, а забитый въ притыкъ частоколъ.

То же самое подтверждаютъ и древнія изображенія Якутска. На чертежѣ Ремезова (черт. 4 и 15) мы видимъ, что самую *западную* часть стѣны [1]), т. е. самую крайнюю въ смыслѣ конца города, составляетъ тынъ или частоколъ. А на академической гравюрѣ (табл. III, рис. 1) точно такъ же отъ лѣвой крайней башни, которая приходится тамъ между мачтами двухъ лѣвыхъ барокъ, направо по горизонту тянется частоколъ. Наконецъ, то-же самое утверждаетъ и Щукинъ: «Вся крѣпость, говоритъ онъ, на разстояніи ружейнаго выстрѣла обнесена была высокимъ частоколомъ или палисадомъ съ воротами и башнями. *Отъ этого укрѣпленія остались теперь только одни ворота*» [2]).

Но самое неоспоримое доказательство принадлежности разсматриваемой нами башни къ внѣшней оградѣ мы находимъ на планѣ Т.-С. К—та (черт. 19). Мы видимъ, что тамъ не показана средняя башня восточной стороны *внутренней* ограды, а слѣдовательно ея уже не было во время составленія плана; но за то показана средняя башня восточной стѣны внѣшней ограды, что подтверждается и описью плана, гдѣ упоминается, во 1-хъ, «замкъ внутри крѣпости о 6-ти башняхъ», а во 2-хъ, «старая и вѣтхая о 8-ми башняхъ крѣпость деревянная» (черт. 18 и 19). Отсюда мы заключаемъ, что въ началѣ XIX вѣка, т. е. во время составленія плана, въ «острогѣ» сохранились всѣ башни, а въ «городѣ» — не всѣ. Но спрашивается, если средней башни восточной стѣны ограды не было уже въ началѣ XIX столѣтія, то откуда-же она могла явиться въ 70-хъ годахъ того-же столѣтія, когда описывалъ Якутскій острогъ г. Поповъ? Очевидно, что башня *в* есть средняя башня восточной стѣны *внѣшней* ограды, которая была цѣла въ началѣ XIX вѣка.

Опредѣливъ ея мѣсто въ общемъ расположеніи острога, разсмотримъ теперь ея особенности. Башня эта (табл. IX) представляетъ собою въѣздъ въ острогъ, а потому и отличается полнѣйшимъ сходствомъ съ «проѣзжей» башней «города»

[1]) При его оріентировкѣ—*верхнюю*.
[2]) См. у Щукина, стр. 199.

(табл. VII). Та же ширина сторонъ, т. е. 4 саж., и тѣ-же выступы (балконы) съ обѣихъ сторонъ надъ воротами; только высота ниже: она равняется высотѣ угловыхъ башенъ «города» (табл. VI и VIII), вслѣдствіе чего башня имѣетъ очень приземистый видъ, что особенно замѣтно на снимкѣ съ натуры (табл. IX). Кромѣ того, она отличается большею сохранностью. Такъ, напр., на ней мы видимъ еще два выступа надъ воротами (табл. XIII и XIV). Затѣмъ, въ 70-хъ годахъ на ней была «дозорная вышка» (табл. IX), которая уцѣлѣла и до нашего времени [1]).

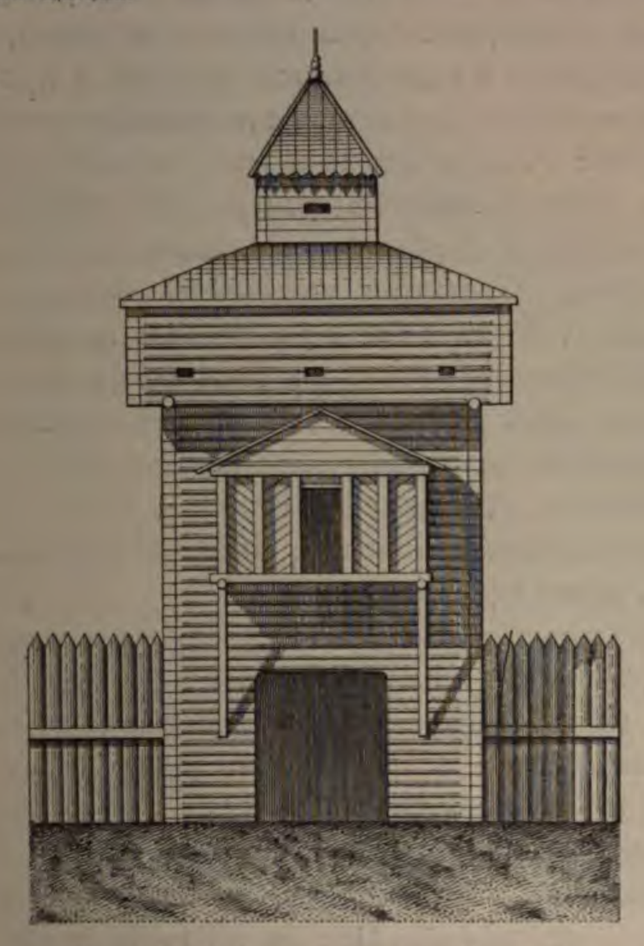
Наиболѣе любопытными частями башни являются ея надвратные выступы изъ коихъ одинъ обращенъ къ наружной сторонѣ ограды (табл. IX и XIV), а другой—ко внутренней (табл. XIII). Каждый изъ нихъ имѣетъ свое отдѣльное устройство.

Подъ эти выступы выпущено всего только *по два бревна*, что прекрасно видно на табл. XIV-й, а не по *три*, какъ въ средней башнѣ города (черт. 37) Это, по всей вѣроятности, объясняется тѣмъ, что выступы разсматриваемой нами «острожной« башни—легкіе, досчатые, какъ это видно по пазамъ на ея лицевыхъ стѣнахъ, обозначеннымъ на модели; пазы эти прекрасно видны на снимкѣ съ натуры (табл. VII). Въ нихъ входили обдѣланные шипами концы стѣнныхъ бревенъ выступа.

Внутренній выступъ (табл. IX и XIV) имѣетъ 3½ аршина высоты и покрытъ двускатной тесовой крышей. На подобіе старинныхъ сѣней жилыхъ домовъ онъ рубленъ «въ столбъ» и забранъ «въ косякъ», т. е. состоитъ изъ столбовъ, схваченныхъ сверху насадкою, промежутки между которыми заполнены досками, расположенными наклонно. Между столбами на высотѣ 1 арш 8 вершк. идетъ брусъ, который въ боковыхъ отдѣленіяхъ фасада поддерживается посрединѣ стойками. Ниже этого бруса, между стойками и столбами верхи косыхъ досокъ прикрыты горизонтальной доской, вырѣзанной по двумъ смежнымъ четвертямъ окружности (табл. IX). Это—обычный русскій пріемъ обдѣлки подоконныхъ стѣнокъ домовыхъ сѣней и церковныхъ папертей. Здѣсь онъ является *третьимъ* образцомъ украшенія послѣ концовъ кровельнаго теса и шаблона кронштейновъ. Щипецъ закрытъ также досками «въ косякъ» расположенными параллельно скатамъ крыши. Боковыя подраздѣленія были выше бруса, повидимому, забраны досками «стоймя», какъ мы можемъ заключить это на основаніи одной уцѣлѣвшей доски, которая видна на снимкѣ съ натуры (табл. IX). Какъ было закрыто среднее отдѣленіе, мы не знаемъ, иб

[1]) Головачевъ, „Сибирь“, стр. 380, рис. 91.

ни на модели (табл. XIV), ни на снимкѣ съ натуры никакихъ слѣдовъ этого не видимъ. Но, судя по аналогичнымъ примѣрамъ, напр. по башнѣ въ г. Илимскѣ, представленной у Ласковскаго (черт. 39), можно думать, что для удобства пораженія непріятеля оно закрывалось какими-нибудь съемными или створными щитами.



Черт. 39. Проѣзжая башня въ г. Илимскѣ.
(По Ласковскому).

Боковыя стѣнки наружнаго выступа были, вѣроятно, глухія и устроены на подобіе передней, но раздѣлены только на два, а не на три отдѣленія (табл. IX и XIV).

Подъ углами выступа стоятъ двѣ подпорки (табл. IX), подставленныя конечно впослѣдствіи, ибо такая хилая конструкція немыслима въ оборонительномъ сооруженіи: если-бы выступъ держался только на двухъ столбахъ, то непріятелю стоило ихъ подрубить, чтобы весь выступъ обвалился. Оче-

видно, слѣдовательно, что эти подставки подведены какимъ-нибудь сердобольнымъ обывателемъ, замѣтившимъ, что сгнившія выпускныя брёвна могутъ переломиться и тогда весь выступъ рухнетъ.

Противоположный наружный выступъ, т. е. обращенный къ посаду, мы видимъ только на модели (табл. XIII). Онъ имѣетъ тѣ-же размѣры въ длину что и балконъ съ внутренней стороны ограды, но въ ширину, какъ это ни странно, гораздо уже его и выдвигается всего на 1 саж. 8 в.; а между тѣмъ у «проѣзжей» башни города оба балкона имѣютъ одинаковые выступы (черт. 37).

Строительные пріемы въ немъ тѣ-же самые, что и во внутреннемъ выступѣ, т. е. брусчатый скелетъ съ промежуточными заполненіями, вверху въ щипцѣ, досчатыми, а въ стѣнахъ—изъ балясника. Эта отдѣлка очень красива и живописна, но несомнѣнно *позднѣйшаго происхожденія*: трудно себѣ представить, чтобы строители острога рѣшились заполнить обращенную къ непріятелю стѣнку балясинками, изъ коихъ каждую можно перешибить ударомъ кулака; кромѣ того, нельзя допустить, чтобы тонкій балясникъ не сгнилъ въ теченіе двухсотъ двадцати лѣтъ. Наконецъ, находясь снаружи и будучи предназначенъ для главной обороны воротъ, выступъ долженъ былъ вмѣщать наибольшее число защитниковъ, а слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ не могъ быть меньше внутренняго!

Но хотя балясникъ и поздній, всетаки-же мы должны считать его образцомъ украшенія, который здѣсь является *пятымъ* по счету. Затѣмъ скаты крыши этого выступа обшиты досчатыми полотенцами съ вырѣзными рубчиками на нижнемъ краѣ и съ криволинейнымъ срѣзомъ концовъ сверху. Это уже *шестой* образецъ украшеній.

Къ этому выступу-сѣнямъ, вѣроятно, вела наружная лѣстница, что мы заключаемъ по врубкѣ, которая ясно видна на правомъ «выпускномъ» концѣ нижняго бруса выступа (табл. XIII); въ эту врубку входила «лапа» (см. черт. 34) поперечнаго бруса, служившаго верхней ступенью лѣстницы. Кромѣ этой врубки никакихъ слѣдовъ больше не осталось.

Но если наше предположеніе вѣрно и если такая лѣстница существовала, то она во всякомъ случаѣ была позднѣйшаго происхожденія. Немыслимо допустить, чтобы съ *наружной* стороны тыновой ограды могла быть незащищенная лѣстница, которая открывала-бы непріятелю свободный проходъ внутрь башни, а слѣдовательно и внутрь самой крѣпости!

По поводу этого предположенія невольно раждается вопросъ: кому понадобилась эта передѣлка и зачѣмъ она была сдѣлана?

Какихъ-либо прямыхъ указаній ни въ одномъ изъ приведенныхъ нами источниковъ мы не нашли, но есть нѣкоторые косвенные намёки. Такъ, напр., изъ «Росписного списка 1759 года» мы узнаемъ, что со стороны базара, т. е. съ внѣшней стороны острога, на этой башнѣ былъ образъ Нерукотвореннаго Спаса съ отдѣльными образами Богоматери и Іоанна Крестителя по бокамъ [1]) или такъ называемый «Деисусъ»; а съ внутренней стороны, обращенной къ среднему укрѣпленію,—образъ «Богоматери Живоносной Источницы». Теперь этихъ образовъ, какъ видно на снимкахъ съ натуры, на башнѣ уже нѣтъ (табл. IX).

Затѣмъ изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Киренскимъ окружнымъ исправникомъ С. В. Поповымъ [2]), мы узнаемъ, что въ Спасской башнѣ г. Илимска находилась «дцка», на которой была прежде написана икона, очевидно, снятая снаружи и помѣщенная внутрь башни.

Все это, вмѣстѣ взятое, наводитъ на мысль, не было-ли чего-нибудь подобнаго въ Якутскѣ, т. е. не были-ли перенесены внутрь башни наружныя иконы, которыя указаны въ «Спискѣ» 1759 года, въ то время, когда башня эта утратила свое военное значеніе? Когда-же она превратилась такимъ образомъ въ часовню, то потребовался къ ней свободный доступъ, который и могъ быть устроенъ съ помощью наружной лѣстницы, расположенной съ *внѣшней* стороны острога, иными словами, *со стороны посада*, откуда больше всего шелъ народъ. При этомъ попутно могъ быть передѣланъ и самый фасадъ выступа, на которомъ старая «косая» заборка досками была замѣнена балясинами.

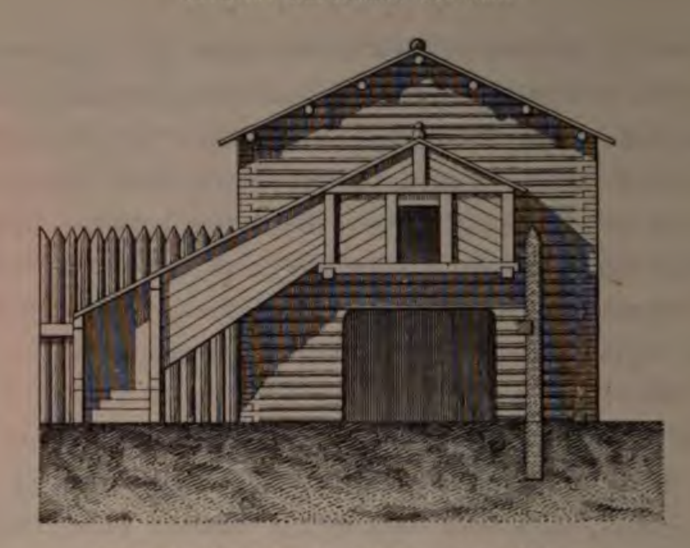
Конечно,—это одно только предположеніе, хотя и весьма правдоподобное, вѣрность котораго, разумѣется, можетъ быть провѣрена только на мѣстѣ.

Чтобы покончить съ разсмотрѣніемъ этой башни, остается рѣшить вопросъ, какъ-же была первоначально устроена лѣстница для всхода въ эти выступы? Отвѣтъ мы находимъ въ самыхъ памятникахъ и говоримъ: или съ внутренней стороны ограды, какъ, напр., въ Никольской башнѣ города Илимска (черт. 40), или внутри самой башни, какъ мы это видимъ въ Спасской башнѣ того-же города (табл. XV, черт. 1). Но который-же изъ этихъ способовъ былъ примѣненъ въ Якутскѣ? На это можетъ отвѣтить только изслѣдованіе памятника на мѣстѣ. Здѣсь мы можемъ, пока, установить лишь то

---

[1]) Это мѣсто „списка" будетъ приведено ниже (стр. 105).

[2]) Будутъ приведены ниже.



Черт. 40. Никольская башня въ г. Илимскѣ.
(По Ласковскому).

положеніе, что съ точки зрѣнія успѣшной «обороны» первое расположеніе гораздо выгоднѣе второго.

И дѣйствительно, представимъ, что лѣстница находится внутри башни и что непріятель уже вломился въ первыя, т. е. наружныя ворота. Что тогда будетъ съ защитниками выступа? Останутся-ли они въ выступѣ, или сбѣгутъ внизъ по лѣстницѣ внутрь башни, они все равно попадаютъ въ руки превосходныхъ силъ непріятеля и слѣдовательно обречены на гибель. А что будетъ съ ними, если лѣстница выходитъ черезъ задній выступъ внутрь ограды? Тогда защитники выступа могутъ сбѣжать по лѣстницѣ и присоединиться къ гарнизону, чтобы встрѣтить врага у внутреннихъ воротъ башни со стороны «города».

Разница въ положеніяхъ громадная: въ первомъ случаѣ они неизбѣжно являются плѣнниками, а во второмъ—свободными бойцами, усиливающими ряды защитниковъ. Слѣдовательно, второе устройство лѣстницы гораздо болѣе цѣлесообразно съ точки зрѣнія обороны. Но мы уже видѣли, что Якутскъ является самой совершенной изъ старыхъ сибирскихъ крѣпостей,—значитъ, намъ слѣдуетъ предположить въ немъ наилучшіе оборонительные пріемы, т. е., иными словами, считать болѣе вѣроятнымъ устройство наружной лѣстницы башни съ внутренней стороны ограды, какъ въ Никольской башнѣ г. Илимска (черт. 40).

Но, опять таки повторяемъ, этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только на мѣстѣ.

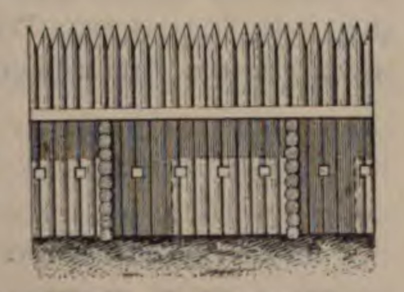
Изъ другихъ особенностей въ этой башнѣ мы должны указать на угло-

вые кронштейны облама и его среднія прямоугольныя отверстія, расположенныя со всѣхъ сторонъ (табл. XIV).

Кронштейны срублены изъ концовъ четырехъ бревенъ и потому гораздо прочнѣе башенныхъ кронштейновъ «города» (табл. VIII). Что-же касается до отверстій въ обламѣ, то они имѣютъ форму не круглую, какъ въ обламахъ «городовыхъ» башенъ, а прямоугольную, длиною около 1 арш. 4 вершк. и высотою около 1 арш. Они были окружены какой-то рамой, слѣды которой ясно видны и на снимкѣ съ натуры и на модели (табл. IX и XIII), но какая она была и для чего служила, сказать точно теперь врядъ-ли возможно, хотя, быть можетъ, она представляетъ собою слѣдъ обдѣлки такого «волокового» окна, образецъ котораго даетъ Ласковскій (черт. 35).

На этой-же башнѣ уцѣлѣла еще, какъ мы уже говорили, «дозорная вышка». Она особено любопытна по формѣ угловыхъ столбиковъ, которые вырѣзаны на подобіе вспученныхъ балясинокъ съ перехватами въ видѣ двойныхъ рѣзныхъ жгутовъ (табл. IX) и представляютъ собою форму весьма типичную для нашего деревяннаго зодчества и нерѣдко встрѣчаемую въ столбахъ нашихъ сѣверныхъ деревянныхъ церквей. Вышка заканчивалась сверху шпилёчкомъ или «тычкой» съ перехватомъ по срединѣ въ видѣ шарика (ib.). Эти двѣ формы, т. е. балясины и тычка, являются *двумя послѣдними* формами украшенія, которыя мы можемъ прибавить къ *шести* уже указаннымъ нами въ разныхъ частяхъ Якутскаго острога.

На чертежѣ этой башни мы видимъ слѣва остатки тына или частокола (черт. 11), замѣчаемые также на снимкѣ съ натуры (табл. IX). Это—остатки бывшей стѣны острога, которая теперь, судя по чертежу, имѣетъ около 4 арш. высоты. Но какою она была первоначально, какъ располагалась ея живая оборона, былъ-ли впереди ровъ, или нѣтъ и т. д., объ этомъ теперь ничего сказать нельзя. Поэтому намъ остается лишь привести аналогичные примѣры. У Ласковскаго изображено устройство стѣнъ и расположеніе живой обороны въ Илимскомъ острогѣ (черт. 28 и 41), причемъ впереди показанъ ровъ. Но ровъ этотъ, повидимому, не всегда дѣлался, ибо на изображеніи г. Пелыма (табл. II, рис. 1) мы рва не видимъ и частоколъ забитъ прямо въ ровное мѣсто. Во всякомъ случаѣ эти остатки частокола только под-



Черт. 41. Тыновая ограда съ внутренней стороны. (По Ласковскому).

тверждаютъ приведенныя нами выше описанія устройства *внѣшней* ограды Якутской крѣпости.

Таковы особенности Якутскаго «острога», какъ военно-оборонительнаго сооруженія. Изъ сдѣланнаго нами обзора мы можемъ заключить прежде всего, что онъ представляетъ собою типъ наиболѣе совершенный изъ всего того, что раньше строилось въ этомъ родѣ въ Сибири, по крайней мѣрѣ, поскольку мы можемъ судить по многочисленнымъ изображеніямъ Ремезова. Объ изображеніяхъ Витзена мы не говоримъ, такъ какъ они, за исключеніемъ Якутска и Верхотурья, представляютъ собою, какъ мы уже указывали, лишь грамотнѣе нарисованныя повторенія чертежей Ремезова. А затѣмъ является самъ собою и другой выводъ, что Якутскій острогъ вполнѣ соотвѣтствовалъ цѣли своего сооруженія, ибо его оборонительныя свойства настолько превышали силу нападенія того непріятеля, на котораго онъ былъ разсчитанъ, что онъ ни разу не былъ имъ взятъ.

Отсюда ясно, что строители его были люди, которые стояли на высотѣ своей задачи и съ весьма скромными средствами сумѣли достигнуть намѣченной цѣли.

Бо́льшаго-же отъ сооруженія исключительно «полезнаго» назначенія, конечно, и требовать нельзя!

Разсматривая до сихъ поръ Якутскій острогъ, какъ «крѣпость», мы постоянно имѣли въ виду слабаго противника, т. е. нестройныя орды сибирскихъ дикарей. Но заканчивая теперь его разсмотрѣніе въ «крѣпостномъ» смыслѣ, мы не можемъ не указать на то обстоятельство, что подобныя деревянныя укрѣпленія или «города» были настолько сильны, что могли сопротивляться не только дикарямъ, но и наилучшимъ европейскимъ арміямъ, располагавшимъ могучей артиллеріей. Такъ, напр., мы знаемъ, что въ началѣ XVII в. шведскія войска, посланныя Делагарди, несмотря на самыя отчаянныя усилія, не могли взять Тихвинскаго монастыря, обнесеннаго деревянной стѣною. Значитъ, такія крѣпости были не шутка!

IV.

Мы уже говорили, что въ началѣ XVIII вѣка военное значеніе Якутска падаетъ, а вмѣстѣ съ этимъ падаетъ и значеніе его «острога», который является затѣмъ уже совершенно безполезнымъ въ виду твердаго водворенія въ краѣ гражданской власти.

Мы прослѣдили исторію основанія острога и постепеннаго преобразованія его въ крѣпость того вида, остатки которой дошли до насъ. Любопытно поэтому прослѣдить теперь, если можно, постепенное видоизмѣненіе какъ его самого, такъ и его обстановки вплоть до того состоянія, въ которомъ онъ находится въ настоящее время.

Исполнить эту задачу возможно до извѣстной степени съ помощью тѣхъ письменныхъ данныхъ, которыя дошли до насъ отъ самаго начала и средины XVIII столѣтія и отъ первой четверти XIX столѣтія, а также на основаніи оффиціальныхъ данныхъ о состояніи острога въ послѣдней четверти XIX вѣка, имѣющихся въ дѣлахъ Императорской Археологической Коммиссіи.

Мы уже приводили показанія «Вѣдомости 1701 года» о внѣшней формѣ и состояніи острога на рубежѣ XVII и XVIII столѣтій, изъ которыхъ ясно видно, что въ 1698-мъ году Якутскій острогъ былъ, какъ и слѣдовало ожидать, еще въ полной исправности [1]).

Та же вѣдомость даетъ намъ весьма любопытную опись орудій и оружія, хранившагося тамъ въ это время.

Вотъ эта опись:

«Да въ городѣ и острогѣ наряду: пушка мѣдная вѣсомъ 19 пуд.; пушка мѣдная вѣс. 17 пуд. 20 фунт., ядромъ въ 4 фунта; пушка мѣдная вѣсъ 11 пудъ; пушка мѣдная вѣс. 11 пудъ безъ четв.; пушка мѣдная ядромъ въ пол.-4 фунта; пушка мѣдная полковая ядромъ въ 3 фунта безъ $^1/_4$; пушка мѣдная у ушей попорчена и роздута, ядромъ фунтъ съ $^1/_4$, и та пушка, по сказкѣ приказные избы старыхъ подъячихъ и Якуцкихъ людей старожиловъ, привезена въ Якуцкой въ прошломъ во 154 г. попорчена и роздута и нынѣ стрѣлять изъ неѣ невозможно, а починить въ Якуцкомъ некому; а тѣ 7 пушекъ въ станкахъ на колесахъ, да къ тѣмъ пушкамъ 300 ядеръ желѣзныхъ и каменныхъ;—16 пищалей гладкихъ Московской присылки, въ томъ числѣ 7 пищалей попорчены; 4 пищали гладкихъ Московской же присылки, 97 мушкетовъ съ замками, въ томъ числѣ 15 мушкетовъ безъ замковъ, и у тѣхъ мушкетовъ замки попорчены и стрѣлять изъ нихъ невозможно, а починить въ Якуцкомъ некому; карабинишко выстрѣлокъ; 5 обрывковъ пищальныхъ; 3 знамени тафтяныхъ и дорогильныхъ; 3 сабли старыхъ съ ножнами плохими; 6 пансырей колесчатыхъ старыхъ плохихъ; однѣ наручишки желѣзные плохіе; 6 шишаковъ старыхъ плохихъ; 4 барабана плохихъ.

---

[1]) См. стр. 47.

Зелейные казны: въ 5 бочкахъ, да въ лагунѣ 33 пуд. 24 фун. съ ½ фун. пороху пушечнаго и ручного, опричъ бочекъ и лагуна; 170 пуд. 4 фун. свинцу».

Шестьдесятъ два года спустя мы видимъ, что внѣшность Якутскаго острога уже значительно измѣнилась. Изъ приведеннаго нами выше свидѣтельства «Росписного списка 1759 года» явствуетъ [1]), что въ это время «рубленый городъ» сталъ ветхимъ, и кромѣ того часть его была замѣнена «рубленымъ въ лапу (?) заборомъ» и «двумя каменными стѣнами». Все это несомнѣнно показываетъ, что въ половинѣ XVIII вѣка «острогъ» утратилъ свое значеніе, но за то взяла перевѣсъ «Канцелярія», какъ гражданское учрежденіе, и работа перьевъ и бумаги смѣнила дѣло брони и пищалей.

Относящійся къ этому времени «Списокъ 1759 года» даетъ полную картину всего того, что находилось въ острогѣ, и даже того, что было внутри самыхъ зданій. Эти бытовыя подробности крайне любопытны: онѣ такъ жизненны и такъ характерны для своего времени, что мы считаемъ нужнымъ привести ихъ здѣсь полностью.

«Въ томъ же городѣ, говоритъ «Росписной списокъ 1759 года», въ городовой стѣнѣ отъ проѣзжихъ воротъ канцелярія; при ней сѣни и кладовая сборной ясашной и денежной казнѣ палата каменная, да при той же канцеляріи придѣлана судейская деревянная съ перерубомъ.

Въ судейской канцеляріи св. образовъ: Деисусъ съ окладомъ и съ гривенками сребренными въ деревянныхъ рамахъ; образъ Николая чуд. въ кіотѣ, окладъ риза небольшая сребренными (?) подъ золотомъ.

Да объявленныхъ въ прошломъ 754 г. отъ Якуцкой таможни св. иконъ: образъ Распятіе Господне въ рамахъ, вѣнецъ и гривна сребреные; обр. Пресв. Б—цы окладъ сребренной подъ золотомъ; обр. Казанскіе Б-цы вѣнецъ и гривна сребреные; обр. Спасителя Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, вѣнецъ и гривна сребреныя безъ позолоты; обр. архистр. Божія Михаила, да верх. ап. Петра и Павла, вѣнецъ и гривна сребреные; обр. Николая чуд. Мирликійскихъ, окладъ, вѣнецъ и гривна сребреные подъ золотомъ; обр. Прокопія и Іоанна Великоустюжскихъ чуд. вѣнцы на нихъ сребреные; обр. Іакова Персянина, вѣнецъ сребреной подъ золотомъ; обр. Нерукотвореннаго Спасителя Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, вѣнецъ и гривна сребреные въ кіотѣ; обр. Николая чуд. безъ окладу; у тѣхъ образовъ 2 лампады мѣдные, въ томъ

---

[1]) См. стр. 49.

числѣ одна жестяная на сапочкахъ (?) желѣзныхъ съ кистьми; обр. Пресв. Б—цы во имя Казанскія на холстѣ съ рамами, при немъ пелена кругомъ красной штофи, средина голубой голи, крестъ прозументу золотнаго.

2 патрета ветхихъ въ однехъ деревянныхъ рамахъ рисованіе по холсту, блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти гос. имп. Петра I-го и гос. имп-цы Екатерины Алексѣевны.

Столъ судейской, на немъ сукна краснаго 3 аршина съ половиною; на томъ же столѣ для покрыванія зерцала китайки красной нелощеной 3 аршина 3 чети; чернилица настольная оловянная большая; колокольчикъ мѣдной позывной; —столъ съ приписью подьячаго, на немъ сукна краснаго 2 арш. 2 верш.; сукна жъ краснаго ветхаго 4 арш. 13 верш.;—ящикъ въ немъ ея и. в. сребреныхъ печатей 2: одна гор. Якуцка воеводской канцеляріи, другая Якуцкой таможни; въ томъ же ящикѣ содержится вышеписанной кладовой казенной нолаты 3 ключа, пороховаго подвала 2 ключа; — зерцало новое на сдѣланномъ троеуголкѣ подъ олифою, по бокамъ рамы вызолоченные сдѣланные въ бытность коллежскаго ассесора и Якуцкаго воеводы Уара Еропкина въ 754 г., на немъ настольныхъ 3 указа писанные гладью: первой 722 г. апрѣля 17, 724 г. генваря 21, 22 чиселъ, на верху того зерцала на 1-й сторонѣ образы Бориса и Глѣба, на другой—Николая чуд., на 3-й—Деисусъ; оные указы въ рамахъ на верху орелъ мѣдной, и оной орелъ вызолоченъ.

Соборное уложенье ветхое Московской печати, состоявшееся 7151 г. генваря 7 д.;—копія съ таможенныхъ и кабацкихъ 207 г. ноября 12 д. статей въ переплетѣ и оклейкѣ . . . .
. . . . ;
Генеральный регламентъ, да военной уставъ съ процессами и съ пріуготовленіемъ къ маршу, полученные ноября 30 д. 758 г. при указѣ изъ Иркуцкой губ. канцеляріи въ одной книгѣ».

Мы сдѣлали значительное сокращеніе въ этомъ перечнѣ дѣлъ, ибо это все печатные документы XVIII вѣка, представляющіе собою весьма мало любопытнаго, въ родѣ «Печатной инструкціи Канцеляріи конфискаціи 730 года» или «Копіи съ Камеръ-Коллежскаго регламента безъ закрѣпы, въ которомъ 8 пункта не вписано» и т. п.

Но затѣмъ продолженіе описи, касающееся предметовъ домашняго обихода, опять полно интереса.

Вотъ оно:

«Ковшъ мѣдной обжигальной винной и при томъ клеймо желѣзное;—

5 подсвѣшниковъ мѣдныхъ, въ томъ числѣ 2 большихъ; двои щипцы — одни мѣдные, другіе желѣзные.

Въ оной судейской 7 окончинъ слудяныхъ, въ томъ числѣ 3 окончины обиты бѣлымъ желѣзомъ, а 4 простыхъ шитыхъ.

Въ перерубѣ подьяческой камерѣ св. образовъ: образъ Спасителевъ, вѣнецъ и гривна сребреные подъ золотомъ; обр. Николая чуд., окладъ по полямъ, вѣнецъ и гривна сребреные подъ золотомъ; обр. Богоматери, вѣнецъ и гривна подъ золотомъ; обр. Спасителевъ Нерукотворенной; обр. Ангела хранителя.

По подьяческимъ столамъ подсвѣшниковъ желѣзныхъ 12; шипцовъ желѣзныхъ 4.

Въ ономъ же перерубѣ 6 окончинъ слюденыхъ ветхихъ. Въ каменной подьяческой полатѣ: образъ Николая чуд. въ створахъ, окладъ по полямъ, вѣнецъ и гривна сребреные; обр. Николая чуд. съ житіемъ; 2 обр. въ томъ числѣ одинъ Казанскія Б-цы, другой Николая чуд. и прочихъ святыхъ; обр. Николая чуд.; обр. св. муч. Кирика и Улиты; распятіе литое изъ олова небольшое; обр. Петра ап. на полотнѣ; обр. Входа во Ерусалимъ, писанъ на полотнѣ, обои въ рамахъ. Во оной же каменной по повытьямъ желѣзныхъ подсвѣшниковъ 12, въ томъ числѣ одинъ двойной; шипцовъ желѣзныхъ трои; 8 окончинъ слюденыхъ ветхихъ.

Надъ дверьми сѣней образъ Спасителевъ Нерукотворенной за слюдою, пелена по краямъ красной камки, въ срединѣ отласъ черной, крестъ на томъ отласѣ изъ позументу золотого, подкладъ китайки лазоревой, лампада мѣди красной луженой съ кистью шелковой;—у тѣхъ сѣней однѣ двери желѣзныя, другія деревянныя».

Покончивъ съ внутреннимъ содержаніемъ «канцеляріи», «Списокъ» переходитъ къ другимъ зданіямъ острога.

У *кладовой палаты* 2 окна съ затворами желѣзными, съ воинной стороны двери желѣзныя, внутри двери рѣшетчеты деревянны; надъ дверьми той палаты образъ Богоматери Всѣхъ скорбящихъ, при немъ 3 вѣнца сребреные подъ золотомъ.

Въ томъ же городѣ казенной *воеводцкой домъ* деревянной ветхой, а въ томъ домѣ строенія 3 горницы небольшія; при нихъ 10 окончинъ слюдяныхъ; въ той же стопѣ мелкихъ избъ 4, въ томъ числѣ одна малая, въ нихъ никакихъ окончинъ не имѣется; оной домъ крытъ тесомъ, кругомъ крышка съ перилами.

Позади того двора *поварная изба*, вторая людская. Въ томъ же городѣ *Щетная изба*; въ ней образъ св. пророка Іоанна Предтечи обр. разныхъ ликъ мѣдной въ створахъ;—въ сѣняхъ чуланъ.

Караульная изба съ перерубомъ, а въ перерубѣ казенка; въ нихъ 2 печи, у нихъ задвижки желѣзныя; образъ Богоматери Знаменія поновленное, вѣнцы и гривенки сребреные въ створѣ; обр. Николая чуд. поновленной же, вѣнецъ и гривна сребряные въ створахъ.

Подлѣ караулки надъ проѣзжими воротами въ городовой крѣпости образъ Нерукотворенной, на другой сторонѣ образъ Ангела хранителя.

Кладовыхъ 4 анбара ветхіе, крышки новыя построены въ бытность полковника Жеребятникова, въ томъ числѣ 3 съ перилами».

Далѣе слѣдуетъ описаніе внѣшней ограды или собственно «острога», которое мы уже приводили [1]), а потому мы его пропускаемъ и переходимъ прямо къ описи образовъ и другихъ принадлежностей, находившихся на башняхъ.

«Изъ оныхъ на передней башнѣ къ базару, говоритъ «Списокъ», Нерукотворенной Спасителевъ мѣстной образъ, убрусъ камки красной, пелена по краямъ алой, въ срединѣ желтой камки, крестъ изъ позументу золотнаго;—при томъ же образѣ на особливыхъ цкахъ образа Богоматери и Іоанна Крестителя, при нихъ 3 лампады мѣдныхъ; — а на другой городовой сторонѣ образъ мѣстной Богоматери Живоносной Источницы, пелена камки желтой ветхая, въ срединѣ крестъ позументу золотнаго, ветхая жъ лампада жестяная; — у оной же башни въ воротахъ 2 засова желѣзныхъ и для запиранія 2 замка съ ключами, а одинъ большой, а у задней проѣзжей башни одинъ засовъ желѣзной съ замкомъ и съ ключемъ».

Затѣмъ «Списокъ» снова обращается къ другимъ зданіямъ.

«Возлѣ оной башни *караулка*, въ ней чуланъ съ печью; 4 анбара кладовыхъ, 2 угольныхъ; — одна кузница, въ ней 2 горна; одна наковальня, двое мѣхи.

Да сдѣланныя въ бытность воеводы полковника Жеребятникова *тюремныхъ 2 избы* съ перерубами, въ нихъ 4 печи, кругомъ ихъ стоячій новой острогъ.

Сверхъ того, внѣ того острогу стоящая *одна изба* съ перерубомъ пустая, которая перевезена для постройки щетной внутрь города.

Въ вышеписанной *судейской каморѣ* объявленныхъ изъ Якуцкой та-

[1]) См. стр. 49.

можни 6 гирь мѣдныхъ вѣсомъ 2 пуда, цѣна 40 руб.;—въ судейской же каморѣ въ особливомъ ящикѣ содержатся за печатью присутствующаго нѣкоторыя секретныя дѣла.

Соленые верхніе *магазеи* при берегу Лены рѣки числомъ 7 анбаровъ кругомъ ограда стоящая ветхая, за оградою караулки съ перерубомъ; нижні позадь Спаскаго монастыря въ полѣ числомъ 17 анбаровъ, кругомъ ограда лежачая, за оградою одинъ анбаръ, всего 18.

Аршинъ для мѣру рекрутъ за печатью Иркуцкой канцеляріи за скрѣпою г-на генералъ-маіора Вульфа.

Цейхаузъ выкладенъ изъ кирпича, въ которомъ содержится казенной порохъ и свинецъ и прочее» [1]).

Таково было состояніе Якутскаго острога въ половинѣ XVIII вѣка. Здѣсь нельзя обойти молчаніемъ того факта, что опись зданій, которую намъ даетъ «Списокъ» 1759 года, и перечень ихъ у Витзена (табл. II, рис. 2) довольно близко сходятся между собой.

Отсюда мы заключаемъ, что у Витзена было подъ руками хорошее описаніе Якутска, но не было вѣрнаго его изображенія, или онъ почему-то не довѣрялъ Ремезову, чертежъ котораго, какъ надо думать, у него былъ. Трудно себѣ представить, чтобъ онъ не имѣлъ Ремезовскихъ чертежей Якутска и Верхотурья, когда у него были всѣ остальные. Или, быть можетъ, художникъ-голландецъ въ нихъ просто не разобрался по ихъ необычности и сложности, которая, какъ мы видѣли, можетъ быть выяснена только съ помощью историческихъ данныхъ.

Дальнѣйшія свѣдѣнія о судьбѣ Якутскаго острога идутъ, повидимому, съ большими перерывами. Послѣ «Росписного списка 1759 года» письменныя извѣстія, какъ кажется, прекращаются вплоть до первой четверти XIX-го столѣтія, когда объ немъ писалъ Словцовъ, видѣвшій его въ 1815 году [2]). Оцѣнку сообщаемыхъ имъ свѣдѣній мы уже дали. Вскорѣ послѣ Словцова описываетъ Якутскій острогъ Щукинъ, давшій намъ *впервые* вполнѣ наглядное представленіе объ «устройствѣ» его стѣнъ. Мы уже воспользовались его данными, относящимися къ этому вопросу (стр. 45). Приведемъ теперь его слова, касающіяся «состоянія» острога и его зданій въ 30-хъ годахъ XIX вѣка.

«Изъ старинныхъ строеній, говоритъ онъ, существуютъ три анбара: въ одномъ изъ нихъ, гдѣ прежде, какъ примѣтно по множеству спицъ, вбитыхъ

---

[1]) Ib., стр. 130.

[2]) См. у него прим. къ стр. 45, ч. I.

въ стѣны, хранилась мягкая рухлядь, помѣщенъ теперь Архивъ. Кромѣ этихъ анбаровъ, есть еще каменный домъ, построенный, какъ гласитъ надпись надъ дверями, въ царствованіе Петра I-го, въ 1707 году, при Стольникахъ и Воеводахъ Шишкиныхъ. Въ немъ помѣщено Уѣздное Казначейство. Отъ воеводскаго дома остались однѣ только кучи кирпича.

Любопытный, осматривая остатки стѣнъ и башни, найдетъ ихъ разстрѣлянными пулями и дробью; это поведетъ его къ догадкамъ, не выдержала ли когда-нибудь крѣпость осады; или не была ли взята Якутами и выручена Русскими. Вотъ развязка: каждый житель Якутска, купивши винтовку или дробовикъ, идетъ пробовать оружіе свое за крѣпость и стрѣляетъ въ стѣну: такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ стѣна унизалась пулями и дробью.

Изъ стариннаго оружія не осталось въ крѣпости ни одной вещи: мѣдныя пушки проданы въ монастырь и употреблены въ колокола; прочее отправлено въ Охотскій портъ, или распродано. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ жителей показывали мнѣ патроны, набитые звѣриными и птичьими когтями. Вѣроятно, по недостатку въ свинцѣ, казаки стрѣляли и когтями.

Мнѣ сказывали, что на воротахъ крѣпости, и теперь еще стоящихъ, была гдѣ-то на столбѣ надпись, означающая, когда и кѣмъ построена Якутская крѣпость; но я тщетно искалъ любопытную надпись: вѣроятно бревно съ историческимъ свидѣтельствомъ нѣсколько дней согрѣвало избу здѣшняго жителя, а можетъ быть, ушло и на постройку клуба. Извѣстно только, что крѣпость заложена въ день Бориса и Глѣба, потому что въ этотъ день бывалъ прежде крестный ходъ около нея» [1]).

Послѣ извѣстій Щукина снова поступаетъ перерывъ вплоть до присылки въ 1870-мъ году чертежей по приказанію Министра В. Д. при отношеніи Якутскаго Областнаго Управленія, гдѣ, какъ мы уже говорили [1]), было сказано, что остатки острога *«находятся въ полуразрушенномъ видѣ; мѣръ же къ сохраненію* и исправному содержанію съ самаго основанія оныхъ *принимаемо не было,* а потому и особаго описанія здѣсь не прилагается» [2]).

Съ этого времени эти «остатки» начинаютъ составлять предметъ самыхъ непріятныхъ заботъ для мѣстнаго губернскаго начальства. Оно находилось въ этомъ случаѣ, буквально, въ безысходномъ положеніи: съ одной стороны

---

[1]) Н. Щукинъ. Поѣздка въ Якутскъ. 1844 г. Стр. 199, 200 и 201.

[2]) См. стр. 33.

нужно было, въ силу требованій Строительнаго Устава, поддерживать ихъ, какъ древнее зданіе, а съ другой стороны средствъ на это не было никакихъ. Поэтому нельзя и обвинять мѣстныя власти за ихъ горячее желаніе поскорѣй сломать уцѣлѣвшія башни и стѣны древняго острога, чтобы разъ навсегда вывести себя изъ затруднительнаго положенія, ибо острогъ этотъ дѣйствительно находился въ очень неприглядномъ состояніи. Вотъ что писалъ объ немъ Министру В. Д. Якутскій губернаторъ спустя семь лѣтъ послѣ представленія чертежей, т. е. въ 1877 году:

«Находящіяся въ городѣ Якутскѣ четыре старинныя деревянныя башни, оставшіяся отъ бывшаго укрѣпленія, пришли въ разрушеніе. Для поддержанія и исправленія этой древности я обращался въ Якутскую Городскую Управу, которая донесла мнѣ, что *городъ Якутскъ не имѣетъ средствъ на исправленіе и поддержаніе помянутыхъ башенъ*, а потому и на основаніи 183 ст. 1 ч. XII т. Уст. Строит. по продолженію 1863 года, проситъ потребную на это исправленіе сумму отнести на счетъ казны.

Вслѣдствіе сего, я поручилъ особой Коммиссіи освидѣтельствовать эти башни на предметъ ходатайства о поддержаніи ихъ.

Нынѣ названная Коммиссія представила ко мнѣ актъ, составленный 18 іюля сего года, изъ котораго видно, что башни эти, построенныя изъ дерева *съ досчатыми кровлями*, а *эти послѣднія* отъ времени *совершенно разрушились*, доски по большей части сгнили и спали, а потому и *стѣны* самыхъ башенъ *гніютъ и разрушаются. Галлереи* при башняхъ *находятся* совершенно *безъ крышъ; двѣ башни*, у коихъ нижніе вѣнцы сгнили, съ одной стороны *наклонились* и при большомъ вѣтрѣ угрожаютъ паденіемъ; у двухъ балконовъ, находящихся при башнѣ, не достаетъ стоекъ, а *двѣ* верхнія *терассы* двухъ *башенъ въ очень ветхомъ состояніи*. Для предупрежденія несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти отъ паденія бревенъ изъ галлерей, терассъ, досокъ съ крышъ, а также и отъ самихъ наклонившихся башенъ, при могущей случиться бурѣ,—слѣдуетъ кругомъ башенъ, на разстояніи 10-ти саженъ, построить барьеры, такъ, чтобы не могли приближаться къ нимъ люди и скотъ; барьеры построить въ два бруса, на протяженіи 250 саженъ, и подъ балконы башенъ подвести новыя стойки. Стоимость этихъ работъ обойдется около 600 рублей серебромъ.

А какъ нынѣ башни эти до такой степени пришли въ ветхость, что не возможно даже произвести ремонтировку ихъ, что и видно изъ прописаннаго акта, то и самую постройку барьера слѣдуетъ признать излишнимъ расходомъ казны, какъ

не достигающимъ цѣли сохраненія башенъ. Въ виду выше изложеннаго состоянія башенъ, не имѣющихъ никакого значенія въ архитектурномъ отношеніи, *имѣю честь почтительнѣйше просить разрѣшенія продать на сносъ находящіяся въ Якутскѣ и пришедшія въ разрушеніе четыре старыя деревянныя башни, и вырученныя отъ продажи деньги обратить по принадлежности въ казну* [1])».

Вслѣдствіе этого представленія Министромъ В. Д. было запрошено заключеніе Иркутскаго генералъ-губернатора съ просьбою прислать историческую справку объ Якутскомъ острогѣ.

Генералъ-губернаторъ отвѣтилъ ссылкой на статью Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей 1873 года, о которой мы уже говорили [2]), и присоединился къ мнѣнію Якутскаго губернатора, давъ слѣдующее заключеніе по этому вопросу: «Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что такъ какъ по заявленію Якутскаго Гражданскаго Губернатора упомянутыя башни невозможно поддерживать и онѣ не имѣютъ никакого значенія въ архитектурномъ отношеніи, то, согласно съ его мнѣніемъ, я полагалъ бы продать эти башни на сносъ» [3]).

Къ счастью, эти предположенія не успѣли почему-то осуществиться и дѣло затихло еще на двѣнадцать лѣтъ.

По шесть съ половиною лѣтъ тому назадъ Якутскій губернаторъ вошелъ съ новымъ ходатайствомъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію о сломкѣ стѣнъ и башенъ стараго острога, причемъ сообщилъ такія свѣдѣнія о немъ, на основаніи которыхъ слѣдуетъ заключить, что состояніе его въ это время значительно ухудшилось противъ прежняго. Вотъ что писалъ онъ:

«Въ городѣ Якутскѣ имѣется остатокъ древней крѣпости—четыре полуразрушенныя башни, фотографическіе снимки коихъ въ трехъ экземплярахъ и описаніе представлены при отношеніи Статистическаго Комитета отъ 22 декабря 1887 года за № 162. Пока эти башни находились за городомъ и представляли изъ себя менѣе опасности, мѣстная администрація не возбуждала ходатайства о сносѣ ихъ. Нынѣ же, когда городъ расширился и башни оказались стоящими вблизи самыхъ строеній собора, казначейства,

---

[1]) См. Архивное дѣло X-го Д-та М. В. Д. 1877—79 гг., № 607—№ 105. Представленіе Якутскаго губернатора отъ 9-го сентября 1877 года за № 2674.

[2]) См. стр. 46.

[3]) См. указ. дѣло, отношеніе Иркутскаго генералъ-губернатора отъ 14-го сентября 1878 г. за № 1528.

вновь выстроеннаго областного правленія и зданій частныхъ лицъ, эти остатки древности угрожаютъ не только своимъ паденіемъ, но и представляютъ изъ себя наибольшую опасность въ пожарномъ отношеніи, почему и представляется необходимымъ снести ихъ.

Принимая во вниманіе, что о башняхъ этихъ сообщалось Академіи Худо жествъ и онѣ, какъ остатокъ старины, находятся въ вѣдѣніи Археологическо Коммиссіи, я не беру на себя смѣлость отдать городскому управленію рас ряженіе о сносѣ ихъ, не испросивъ на это предварительнаго разрѣшенія Ко миссіи.

При этомъ докладываю, что *башни эти, не будучи ремонтируе десятки лѣтъ, сами собою пришли въ состояніе развалинъ* и потеря тотъ видъ древности, ради котораго стоило-бы ихъ поддерживать, *грозят* помимо пожара, *опасностью для проходящихъ, большинство лѣса ра хищено на топливо, а внутри ихъ накопились кучи навоза и мусо которые служатъ источникомъ заразы и зловонія;* у города же нѣ средствъ ни поддерживать, ни окарауливать ихъ.

Въ сихъ соображеніяхъ и принимая во вниманіе ходатайство Преосв щеннаго Никанора, Епископа Якутскаго и Вилюйскаго, отношеніями о 29 апрѣля и 15 іюня сего года, за №№ 2508 и 3166, о разрѣшеніи пост вить каменную видоподобную башнѣ часовню тамъ, гдѣ теперь находит центральная, угрожающая паденіемъ, башня, я имѣю честь покорнѣйше проси Коммиссію, въ виду опасности, которую представляютъ всѣ четыре башни, отказать увѣдомить меня въ самомъ непродолжительномъ времени, не встр чается ли препятствій къ сносу ихъ и постановкѣ, согласно ходатайству мѣ наго Преосвященнаго, въ память этой старины часовни» [1]).

Отвѣтъ Императорской Археологической Коммиссіи будетъ виденъ и дальнѣйшей переписки, а потому мы на немъ пока не останавливаемся. Но дѣлахъ Коммиссіи есть еще переписка Якутскаго губернатора съ мѣстны епископомъ по вопросу о сохраненіи остатковъ острога. Такъ какъ о имѣетъ значеніе въ дальнѣйшей судьбѣ памятника, то мы полагаемъ необх димымъ ее здѣсь привести.

Вотъ что писалъ владыкѣ въ 1904-мъ году губернаторъ:

«Ваше Преосвященство отношеніемъ отъ 11 іюля 1902 г. за № 40 изволили сообщить, что разборка и перестройка остатковъ древняго Якутск

---

[1]) См. дѣло Императорской Археологической Коммиссіи № 246-й, 1900 го Отношеніе Якутскаго губернатора отъ 14-го октября 1900 года за № 157.

города (башень—остатковъ крѣпости) для Васъ является совершенно невозможнымъ, при условіи соблюденія всѣхъ требованій, предъявленныхъ Императорской Археологической Коммиссіей, по недостатку средствъ. Далѣе Вами было указано, что безъ особаго разрѣшенія высшаго начальства и впредь до изысканія средствъ къ разборкѣ башень Вы приступить не можете.

Вашему Преосвященству угодно было принять упомянутые выше остатки, какъ древній памятникъ старины (покореніе Сибири) подъ свое покровительство.

Находя невозможнымъ оставить башни со стѣнами въ ихъ настоящемъ видѣ, по причинамъ, изложеннытъ Вашему Преосвященству еще бывшимъ Губернаторомъ въ 1902 г. за № 464, и предполагая возможнымъ снести ихъ, выполнивъ предъявленныя для сего условія Императорской Археологической Коммиссіей, тѣмъ не менѣе я останавливаюсь передъ этимъ въ виду нахожденій башенъ въ Вашемъ вѣдѣніи. Ввиду изложеннаго, я имѣю честь просить Ваше Преосвященство не отказать увѣдомить меня, изысканы ли къ настоящему времени средства для разборки и перестройки, указанныхъ выше, остатковъ древности Якутска, и въ отрицательномъ случаѣ, покорнѣйше прошу сообщить, не встрѣчается ли препятствій съ Вашей стороны къ сносу ихъ» [1]).

Въ отвѣтѣ своемъ преосвященный Никаноръ, хотя и отказался по неимѣнію средствъ отъ поддержанія остатковъ острога, тѣмъ не менѣе явился ревностнымъ защитникомъ старины и высказалъ такія сужденія, которыя заслуживаютъ самого горячаго сочувствія.

«По сношеніи моемъ съ мѣстнымъ Гражданскимъ Начальствомъ,—писалъ онъ въ отвѣтъ губернатору,—Городскимъ и Казачьимъ Управленіемъ, а также не безъ соглашенія съ нѣкоторыми изъ прочихъ лицъ мѣстнаго общества, упомянутые памятники Сибирской старины переданы въ вѣдѣніе Епархіальнаго Начальства. Какъ иниціаторъ этой передачи, я руководился, при этомъ, тѣми соображеніями, что: а) всякій памятникъ старины, безусловно, долженъ бережно храниться и предохраняться отъ разрушенія, въ приличномъ, при томъ, видѣ; б) упомянутые Якутскіе памятники не только не оберегались въ надлежащемъ ихъ видѣ, но, не имѣя, повидимому, никакого о нихъ попечителя и покровителя, даже расхищались (частями)».

Высказавъ эти соображенія, преосвященный въ третьемъ пунктѣ *в* сооб-

---

[1]) См. ibidem. Отношеніе Якутскаго губернатора отъ 29-го апрѣля 1904 года за № 6801.

щаетъ, что онъ не имѣетъ тѣхъ средствъ, на которыя разсчитывалъ прежде, и продолжаетъ свой отвѣтъ слѣдующимъ образомъ:

«За вычетомъ же 3-го изъ вышеуказанныхъ соображеній (а, б и в), я нахожу, что памятники могутъ состоять также и въ вѣдѣніи органовъ городскаго управленія или Казачьяго Войска или Статистическаго Комитета или Музея или, вообще, въ вѣдѣніи Гражданскаго Начальства и Археологическаго Общества. Посему я совершенно нынѣ отказываюсь отъ главнаго, единоличнаго и непосредственнаго завѣдыванія памятниками. О чемъ не премину сообщить и Археологическому Обществу.

Что касается препятствій къ разбору и сноскѣ, или перестройкѣ и переноскѣ остатковъ старой деревянной крѣпости, то лично, съ своей стороны, я таковыхъ препятствій имѣть не могу и не имѣю.

Но при этомъ прошу позволенія высказать слѣдующее;

1. Не выяснено,—предполагаемыя къ разбору и перестройкѣ башни и стѣны, состоя въ вѣдѣніи мѣстнаго Начальства, чью, по матеріалу своему, составляютъ имущественную собственность.

2. Главнымъ мотивомъ къ снесенію памятниковъ, повидимому, служитъ предполагаемая отъ нихъ опасность въ пожарномъ отношеніи. Но такъ какъ въ старомъ сооруженіи никакой нѣтъ топки, а таковая есть въ сосѣднихъ частныхъ, позднѣйшаго, чѣмъ башни, строенія, зданіяхъ и такъ какъ вблизи церковнаго и всякаго, болѣе или менѣе важнаго, казеннаго сооруженія, во избѣжаніе опасности ему въ пожарномъ и др. отношеніяхъ, едва ли законно строить частныя зданія,—то нельзя ли считать отвѣтственными въ явившейся пожарной опасности не строителей древняго государственнаго сооруженія, а строителей позднѣйшихъ, близкихъ къ нему, жилыхъ домовъ.

3. Въ случаѣ рѣшенія оставить часть памятниковъ едва-ли цѣлесообразнѣе предпочтеніе одиноко стоящей башни, такъ какъ она стоитъ очень сиротливо и посреди главной площади, не на границѣ.

Высказанное личное мнѣніе покорнѣйше прошу принять не какъ препятствіе къ предполагаемому предпріятію, поставляемое главнымъ блюстителемъ цѣлости памятниковъ, отъ чего я категорически отказался, а какъ частное мнѣніе любителя старины» [1]).

По полученіи отвѣта Коммиссіи Якутскій губернаторъ вошелъ къ ней съ новымъ представленіемъ въ томъ-же 1904-мъ году. Представленіе это весьма

---

[1]) См. ibid. Отношеніе епископа Якутскаго и Вилюйскаго отъ 30-го апрѣля 1904 года за № 461.

важно для исторіи памятника въ томъ отношеніи, что выясняетъ происхожденіе модели, хранящейся въ Императорской Археологической Коммиссіи, а равнымъ образомъ обсуждаетъ тѣ мѣры, которыя необходимы для того, чтобы закрѣпить всѣ его формы хотя бы на бумагѣ, въ видѣ чертежей.

«По поводу возбужденнаго вопроса, писалъ губернаторъ, о необходимости сноса остатковъ деревянной крѣпости г. Якутска, Археологическая Коммиссія сообщила, что *разрѣшаетъ разборку ихъ, если въ распоряженіи мѣстной власти не имѣется рѣшительно никакихъ способовъ къ ремонту сооруженія;* при этомъ потребовала выполненія слѣдующихъ условій:

1) Всѣмъ остаткамъ крѣпости должна быть изготовлена подъ наблюденіемъ архитектора точная деревянная модель, 3—4 аршина длины.

2) Должно быть составлено подробное техническое описаніе стѣны съ башнями и изготовленъ ея планъ со всѣми архитектурными деталями.

3) Должны быть изготовлены новые фотографическіе снимки въ большемъ масштабѣ.

Кромѣ того, Археологическая Комиссія желала удостовѣриться, нельзя ли перенести нѣкоторыя башни на другое мѣсто и дать имъ какое-нибудь практическое назначеніе, какъ напримѣръ отдѣлать подъ часовню.

Поддерживая вышеупомянутое ходатайство о необходимости сноса остатковъ крѣпости, имѣю честь сообщить, что *за отсутствіемъ какихъ-либо средствъ у мѣстной власти для охраненія ихъ отъ растаскиванія жителями, для содержанія въ порядкѣ и въ хорошихъ санитарныхъ условіяхъ, для укрѣпленія частей, грозящихъ въ настоящее время опасностью для проходящихъ въ случаяхъ ихъ обвала*, я пришелъ къ тому заключенію, что откладывать долѣе вопросъ о сломкѣ совершенно невозможно.

Въ 1901 году епископъ Якутскій и Вилюйскій возбудилъ ходатайство о передачѣ остатковъ древности въ его вѣдѣніе, для сохраненія хотя части этихъ памятниковъ. Ходатайство это было удовлетворено и башни были переданы по акту въ вѣдѣніе Его Преосвященства, при чемъ ему была препровождена и копія отношенія Археологической Комиссіи отъ 19-го декабря за № 1866 для выполненія условій, содержащихся въ этомъ отношеніи, на тотъ случай, если бы духовное вѣдомство признало нужнымъ разобрать башни. До настоящаго времени Его Преосвященство не принималъ рѣшительно никакихъ мѣръ по сохраненію, разборкѣ или переноскѣ сооруженій, и *они продолжали не только разрушаться, никѣмъ не поддерживаемыя, но растаски-*

ваться жителями на дрова. Кромѣ того, за это время скопилось внутри башенъ и стѣнъ значительное количество нечистотъ, такъ что они могутъ послужить источникомъ заразы.

30 Апрѣля 1904 года Его Преосвященство извѣстилъ меня за № 461, что онъ совершенно отказывается отъ завѣдыванія памятниками, за неимѣніемъ средствъ, и что препятствій не встрѣчаетъ къ разборкѣ и сноскѣ ихъ.

Относительно предъявленныхъ Археологической Комиссіей трехъ требованій имѣю честь сообщить:

1) Модели исполнены и будутъ одновременно высланы почтой. По заключенію и. об. областного инженера, онѣ по наружному виду вполнѣ воспроизводятъ дѣйствительность. Къ числу недостатковъ въ моделяхъ слѣдуетъ отнести слишкомъ малые размѣры ихъ, а потому и несоблюденіе нѣкоторыхъ деталей. Кромѣ того всѣ стѣны выполнены строго вертикальными, съ плотно пригнанными крышами, тогда какъ въ натурѣ они отклонились отъ вертикали. Модели эти исполнены однимъ изъ лучшихъ мастеровъ, который въ настоящее время уѣхалъ изъ Якутска. Лучшей модели, по мнѣнію областного инженера, невозможно сдѣлать руками якутскихъ мастеровъ, а потому придется или совершенно отказаться отъ мысли имѣть лучшую модель, или удовольствоваться имѣющейся.

2) Въ виду того, что модели могутъ не удовлетворить желаній Археологической Комиссіи, то:

а) будутъ исполнены детальные чертежи всѣхъ отдѣльныхъ соединеній и частей, подробные планы и разрѣзы;

б) сняты фотографіи

и с) сдѣлано подробное техническое описаніе.

По мнѣнію и. об. областного инженера, означенные чертежи, фотографіи и описаніе возможно выполнить только во время разборки сооруженій, занося на бумагу по мѣрѣ раскрытія отдѣльныхъ сопряженій: такъ, напр., врубокъ наружныхъ стѣнъ съ внутренними, наружныхъ съ наружными, врубокъ стропилъ, ригелей и т. д. Всѣ эти детали возможно уловить только по мѣрѣ постепенной разборки строеній.

Кромѣ того, значительно удешевится составленіе всѣхъ этихъ чертежей тѣмъ, что не потребуется ставить отдѣльные лѣса и подмостки, чтобы можно было забраться на верхъ подъ крышу для обмѣра и зарисовки деталей и снятія фотографій: возможно будетъ воспользоваться лѣсами, поставленными для разборки строеній.

По сдѣланному разсчету, разборка строеній, составленіе чертежей, фотографій и описаній обойдется съ постановкой лѣсовъ и разборкой строеній въ 250 руб.

Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе отсутствіе средствъ у мѣстной власти, имѣю честь *просить разрѣшенія* Археологической Комиссіи *на сносъ и продажу башенъ съ аукціоннаго торга съ тѣмъ, чтобы вырученная сумма пошла на возмѣщеніе расходовъ по составленію чертежей, фотографій и описанія.*

Въ виду необходимости выполнить всѣ эти работы въ текущій строительный сезонъ, покорнѣйше прошу сообщить отвѣтъ по телеграфу» [1]).

Въ дополненіе къ этому отношенію губернаторъ выслалъ 12-го мая 1904 года, какъ уже было сказано, въ Коммиссію модель. Съ отвѣтомъ губернатору Коммиссія рѣшила «обождать» до тѣхъ поръ, пока найдутся средства для поддержанія памятника.

Такъ прошелъ еще годъ,—башни и стѣны стояли попрежнему...

Въ мартѣ 1905-го года Якутскій губернаторъ снова обратился въ Коммиссію, повторяя отчасти тѣ-же пожеланія, но вмѣстѣ съ тѣмъ приводя и нѣкоторыя новыя соображенія.

Изложивъ сущность дѣла и содержаніе предыдущаго отношенія, губернаторъ продолжалъ такъ: «Отвѣта отъ Коммиссіи еще не получено, между тѣмъ, съ наступленіемъ весенняго времени, сопровождающагося здѣсь сильными вѣтрами, опасность разрушенія помянутыхъ ветхихъ построекъ увеличивается, а *по наступленію лѣта онѣ опять превратятся въ ночные притоны для разнаго городского сброда и въ мѣста въ теченіи долгихъ лѣтъ загрязнявшіяся и вновь загрязняемыя всевозможными нечистотами, а потому крайне вредныя для населенія города.*

Одна изъ этихъ башенъ находится на срединѣ Соборной площади, противъ каѳедральнаго собора и домовъ губернатора и областного управленія, и, представляя, вслѣдствіе разрушенія и ветхости, крайне дурной видъ, не даетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможности привести эту, единственную въ городѣ, площадь въ порядокъ и утилизировать ее подъ устройство предполагаемаго на ней сквера, въ которомъ городъ очень нуждается; остальныя три, еще болѣе обветшавшія и наклонившіяся, башни и часть разрушившейся и растасканной жителями крѣпостной стѣны находятся по другую сторону областного управленія и собора и представляютъ собою одну сторону вновь образовавшейся

[1]) Ibid. Отношеніе Якутскаго губернатора отъ 5-го мая 1904 г., № 7297.

улицы, проѣздъ по которой, въ виду ветхости башенъ, угрожающихъ паденіемъ, сдѣлался весьма опаснымъ. Причемъ нужно замѣтить, что именно эта улица и прилегающая къ ней часть города, въ силу мѣстныхъ условій, застраиваются вновь и разрастаются, и ближайшіе домохозяева усиленно ходатайствуютъ о сносѣ башенъ, угрожающихъ ихъ домамъ.

Такъ какъ ни у города, ни въ распоряженіи администраціи, какъ сообщалось уже Археологической Коммиссіи, нѣтъ средствъ ни на поддержку совершенно обветшавшихъ остатковъ Якутской крѣпости, ни на переносъ строеній на другое мѣсто, ни даже на охраненіе и содержаніе ихъ въ чистотѣ, а между тѣмъ постройки эти безусловно опасны и вредны, — то я всецѣло присоединяюсь, со своей стороны, къ заявленіямъ моего предмѣстника и считаю необходимымъ просить скорѣйшаго согласія Археологической Коммиссіи на продажу помянутыхъ построекъ на сносъ съ аукціоннаго торга, съ употребленіемъ вырученныхъ денегъ на составленіе желаемыхъ Коммиссіею фотографій, чертежей и описанія построекъ. Причемъ, въ виду наступающаго удобнаго для сноса построекъ времени, когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, является и наибольшая отъ нихъ опасность, прошу не отказать въ отвѣтѣ на настоящее отношеніе по телеграфу» [1]).

Въ отвѣтъ на это отношеніе послѣдовала отъ Коммиссіи такая телеграмма: «Мнѣніе Археологической Коммиссіи относительно сохраненія навсегда Якутскаго острога отправлено почтой».

Самое же «отношеніе», о которомъ говорится въ телеграммѣ, было слѣдующаго содержанія: «Вслѣдствіе отношеній ..... по вопросу о сломкѣ Якутскаго острога дѣло это подвергнуто было подробному обсужденію въ особомъ реставраціонномъ засѣданіи Императорской Археологической Коммиссіи 22-го декабря 1904 г., ... причемъ указано было на необходимость изыскать средства для поддержанія острога, какъ важнаго историческаго сооруженія. Вслѣдствіе сего Коммиссія постановила повременить отвѣтомъ на отношеніе Вашего Превосходительства отъ 5-го мая, въ надеждѣ изыскать сумму на поддержаніе острога. Нынѣ, въ виду новаго отношенія Вашего отъ 28-го марта сего года, Коммиссія считаетъ долгомъ увѣдомить, что Якутскій острогъ является *единственнымъ* образчикомъ деревянныхъ крѣпостныхъ сооруженій XVI—XVII в. не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, и что стоящая отдѣльно на площади башня не должна бы, казалось, мѣшать устройству сквера и много выиграетъ,

---

[1]) Дѣло Имп. Археолог. Коммиссіи. Отношеніе Якутскаго губернатора отъ 28-го марта 1905 г. за № 82.

ɩучи окружена зеленью, на подобіе башни Іоанны д'Аркъ въ гор. Руанѣ, ›уженной скверомъ и т. п.

Въ виду изложеннаго и на основаніи ст. 76 и 77 Уст. Строит. изд. 00 г. Императорская Археологическая Коммиссія имѣетъ честь покорнѣйше ›сить Ваше Превосходительство, не признаете ли возможнымъ сдѣлать распоженіе о поддержаніи временными подпорками остатковъ острога до полнаго нчанія военнаго времени, послѣ чего Коммиссіи можно будетъ возбудить ,атайство объ отпускѣ суммъ для содержанія острога въ исправномъ соянія» [1]).

Прошелъ еще годъ съ небольшимъ.

Башни и стѣны стояли попрежнему, но Якутскій губернаторъ счелъ кнымъ напомнить Коммиссіи объ ея обѣщаніи «возбудить ходатайство объ ускѣ суммъ для содержанія острога въ исправномъ состояніи».

Сдѣлавъ ссылку на отношеніе ея отъ 27-го іюля 1905 года, онъ такъ анчиваетъ свое сообщеніе: «Въ виду окончанія военныхъ дѣйствій и за мѣніемъ въ своемъ распоряженіи положительно никакихъ источниковъ на оизводство подобнаго рода расходовъ, вновь ходатайствую предъ Археологиской Коммиссіей объ отпускѣ средствъ, хотя бы на временное поддержаніе іенъ» [2]).

13-го января текущаго года онъ напомнилъ о своемъ ходатайствѣ [3]).

Тогда Коммиссія сообщила ему, что въ настоящее время приготовляется печати историческое и техническое изслѣдованіе объ Якутскомъ острогѣ, орое будетъ препровождено Министру В. Д. съ просьбою объ отпускѣ средствъ поддержаніе этого «знаменитаго» памятника, а теперь Коммиссія проситъ «принять всѣ зависящія отъ него мѣры для поддержанія острога» [4]).

На этомъ переписка пока и оканчивается [5]).

Въ дополненіе къ ней считаемъ долгомъ отмѣтить тѣ фактическія данныя современномъ состояніи острога, которыя даютъ намъ модель и послѣднія › изображенія.

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ib. Отнош. Якутск. губ. отъ 3-го іюня 1906 г., № 137.

[3]) Ib. Отнош. Якутск. губ. отъ 13-го января 1907 г., № 15.

[4]) Отнош. отъ 22-го марта 1907 г. за № 371.

[5]) Будемъ надѣяться, что новый Якутскій губернаторъ И. И. Крафтъ, челоѣкъ просвѣщенный и самъ дѣйствительный членъ Императорскаго С.-Петербургаго Археологическаго Института, не дастъ погибнуть послѣднимъ остаткамъ кутскаго острога и такъ или иначе найдетъ средства къ ихъ поддержанію.

На снимкахъ 1878 года мы видимъ полностью всѣ четыре башни (табл. V—IX), а ровно и оба прясла стѣны между башнями а, б и в (табл. IV), но на модели, исполненной въ 1904-мъ году, т. е. двадцать шесть лѣтъ спустя, одно прясло стѣны сдѣлано въ 18 тарасъ, или во столько же, сколько ихъ было всегда между башнями (табл. V); другое-же прясло сдѣлано всего въ 11 тарасъ, которыя идутъ постепенно уменьшаясь въ высотѣ, причемъ послѣдняя, одиннадцатая тараса имѣетъ всего пять вѣнцовъ. А отсюда ясно, что семь тарасъ за этотъ промежутокъ времени было «растаскано жителями», о чемъ, впрочемъ, свидѣтельствуютъ сами губернаторы.

По модели нельзя опредѣлить, какое прясло пострадало, южное или сѣверное. Но въ данномъ случаѣ ключъ къ рѣшенію загадки намъ даютъ самыя послѣднія изображенія острога, помѣщенныя у Г. П. Головачева[1]). На основаніи ихъ мы безошибочно можемъ заключить, что пострадало сѣверное прясло, расположенное между башнями а и б (табл. IV), и именно съ своего южнаго конца, такъ такъ на снимкѣ Головачева между нимъ и средней башней б (іb - виденъ большой промежутокъ.

Вотъ и все, что пока можно было сказать объ Якутскомъ острогѣ на основаніи архивныхъ и литературныхъ данныхъ.

Но, прежде чѣмъ разстаться съ нимъ, намъ необходимо намѣтить тѣ вопросы, которые должны быть разрѣшены при изслѣдованіи памятника на мѣстѣ.

Они сводятся главнымъ образомъ къ слѣдующему:

1) Какова истинная длина всей стѣны и каковы настоящіе размѣры всѣхъ уцѣлѣвшихъ частей острога, какъ-то: воротъ, дверей, лазовъ бойницъ и пр.

2) Сколько сгнило нижнихъ вѣнцовъ и насколько наросла земля около стѣнъ и башенъ.

3) Былъ или нѣтъ полъ въ нижнемъ ярусѣ стѣны.

4) Гдѣ были прочіе полы въ стѣнахъ и башняхъ.

5) Есть-ли слѣды наружныхъ лѣстницъ для всхода на стѣны извнутри «города».

6) Какъ былъ устроенъ всходъ въ надвратные выступы его средней проѣзжей башни.

7) Какъ былъ устроенъ всходъ въ надвратные выступы проѣзжей башни «острога».

8) Когда, кѣмъ и почему былъ передѣланъ ея внѣшній, восточный вы-

9) Какъ была образована оборона примыкавшей къ ней тыновой ограды.

10) Былъ или нѣтъ передъ тыномъ ровъ.

Вотъ вопросы, разрѣшенія которыхъ, въ дополненіе нашего труда, мы ждемъ отъ мѣстныхъ силъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію прочихъ памятниковъ древняго деревяннаго зодчества въ Прибайкальѣ.

V.

На основаніи архивныхъ данныхъ 70-хъ годовъ XIX-го столѣтія памятники древности сохранились еще въ слѣдующихъ населенныхъ мѣстахъ Прибайкалья: въ городахъ Илимскѣ и Балаганскѣ и въ селеніяхъ Братскомъ и Бѣльскомъ (черт. 3).

Начнемъ съ перваго, какъ съ мѣста наиболѣе богатаго остатками старины. Мы уже указывали на обстоятельства его основанія (стр. 7). Въ настоящее время бывшій «градъ Илимскъ» (черт. 14) представляетъ собою «заштатный городъ» Иркутской губ., Киренскаго округа, имѣющій видъ большого села.

Онъ расположенъ на правомъ берегу р. Илима и вытянутъ по одной улицѣ. На площади стоитъ Спасская церковь XVIII вѣка (1787 г.). Въ дѣлахъ Т.-С. Комитета М. В. Д. имѣется ея видъ, но мы его здѣсь не помѣщаемъ, потому что церковь эта лишена всякаго стиля, представляя собою плохое «деревянное» повтореніе западныхъ каменныхъ формъ того времени.

Несравненно болѣе любопытны уцѣлѣвшія башни его острога (табл. XV, рис. 1 и табл. XVI рис. 1.) и три древнихъ церкви: двѣ—Казанская и Введенская—въ самомъ городѣ (табл. XVII) и одна, Іоанна Предтечи,—въ 5 верстахъ отъ него, въ вѣковомъ лѣсу, на правомъ берегу Илима (табл. XVI, рис. 2).

Въ препроводительномъ «отношеніи» Иркутскаго Общаго Губернскаго Управленія [1]), при которомъ были присланы эти чертежи, говорится, что описаніе всѣхъ этихъ древнихъ построекъ помѣщено въ «Запискахъ и Тру-

---

[1]) Отъ 17-го сентября 1870 года. (Дѣло № 287, томъ I, 1869 г. Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д.).

дахъ Иркутскаго Губернскаго Статистическаго Комитета [1]). Дѣйствительно, мы находимъ тамъ весьма толковое, хотя, конечно не «спеціальное» описаніе составленное Киренскимъ окружнымъ исправникомъ С. В. Поповымъ [2]).

Кромѣ того, священникъ М. Сизой помѣстилъ въ Прибавленіи къ Иркутскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ 1883 года, №№ 4—6-й, довольно обстоятельную статью подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Заштатный городъ Илимскъ, его древніе памятники и нѣкоторыя черты изъ его прежней церковной жизни, достойныя примѣчанія».

Въ виду оффиціальнаго характера описанія г. С. Попова приводимъ его здѣсь безъ всякихъ измѣненій, оставляя за собой возможность пополнить его далѣе нѣкоторыми спеціальными замѣчаніями, а также данными, имѣющимися въ статьѣ о. Сизого.

Мы начнемъ съ башенъ, которыхъ, какъ видно на чертежѣ Ремезова, было восемь (черт. 14), а уцѣлѣло до 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія всего три (табл. XV, рис. 1, табл. XVI, рис. 1, черт. 39 и 40).

Вотъ, что говоритъ г. С. Поповъ по поводу Илимскихъ башенъ: «Въ городѣ Илимскѣ есть три старинныя башни: Спасская, Никольская и Знаменская; всѣ онѣ деревянныя четырехъ-угольныя и устроены въ видѣ высокихъ огороженныхъ дворовъ съ воротами на обѣ стороны. По настоящее время сохранилась хорошо только одна Спасская башня; она построена въ три этажа, два широкихъ и одинъ самый верхній узкій, законченный остро-

---

[1]) См. Выпускъ IV, Иркутскъ 1868—69, изд. подъ редакціей члена-секретаря Комитета Д. Д. Ларіонова.

[2]) Описаніе это было препровождено секретарю Иркутскаго Статистическаго Комитета, Д. Д. Ларіонову при слѣдующемъ письмѣ:

М. Г. Вслѣдствіе письма Вашего отъ 24 декабря, имѣю честь препроводить при семъ составленную мною записку объ имѣющихся въ г. Илимскѣ церквахъ и башняхъ.

Записка эта, конечно, не будетъ соотвѣтствовать Вашему ожиданію, но причиною бѣдности содержанія записки служитъ положительное отсутствіе даже и малѣйшихъ фактовъ для полнаго описанія требующихся. Сдѣлать пояснительнаго нагляднаго чертежа церквей и башенъ я не взялъ на себя. Что же касается свѣдѣній о замѣчательныхъ древностяхъ или памятникахъ г. Киренска, то имѣю честь сообщить Вамъ. что *въ г. Киренскѣ, кромѣ старинной деревянной Никольской церкви при монастырѣ* существующей, ничего другаго нѣтъ.

Въ г. Илимскѣ мнѣ доставлены двѣ серебряныя монеты изъ числа находимыхъ и въ настоящее время на берегу р. Илима, о которыхъ говорятъ, что онѣ были въ обращеніи при первоначальномъ завладѣніи Илимомъ. Монеты эти я при семъ имѣю честь препроводить къ Вамъ, на случай рѣдкости ихъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и т. д. 8 декабря 1868 г.

Степанъ Поповъ.

образно, на верху котораго прикрѣпленъ двуглавый орелъ. Положительныхъ свѣдѣній о времени постройки башенъ не имѣется; но полагать надо, что онѣ построены раньше 1679 года [1]), т. е. времени постройки Казанской церкви. По разсказамъ мѣстныхъ жителей старожиловъ, башни эти составляли центральные пункты укрѣпленія, обнесеннаго тыномъ, слѣды котораго виднѣются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города и теперь; а какъ Казанская церковь построена за Спасскою башнею, то никакъ не могло случиться, чтобы покорители тунгусовъ въ свое огражденіе, устроивъ укрѣпленіе съ башнями, устроили церковь внѣ укрѣпленія на явное разореніе враговъ. Къ этому же заключенію приводитъ и то обстоятельство, что при всѣхъ сохранившихся нынѣ башняхъ устроены были, какъ должно полагать, небольшія часовни по обѣимъ сторонамъ башенныхъ стѣнъ, имѣвшія видъ балконовъ. Назначеніе двухъ башенъ, т. е. Никольской и Знаменской, не понятно, потому что внутри ихъ на возвышеніи нельзя предполагать жилыхъ помѣщеній, а можно эти двѣ башни считать воротами для входа въ укрѣпленіе и выхода изъ него. Въ башнѣ же Спасской во второмъ этажѣ нужно считать существованіе главной часовни, такъ какъ тутъ сохранилась и теперь большая доска, на которой была написана икона, но какая это была икона, за совершеннымъ поврежденіемъ ея, опредѣлить нельзя; жители же, по преданію, объясняютъ, что она укрѣплена была по срединѣ втораго этажа; самый же верхній этажъ, составляющій очень небольшое помѣщеніе, вѣроятно, служилъ сторожевымъ пунктомъ, откуда производились наблюденія за инородцами; а изъ перваго этажа производилась стрѣльба по наступавшимъ на укрѣпленіе. Только одна Спасская башня и сохранила свой первоначальный видъ, и то потому, что была поддерживаема поправками, остальныя же двѣ совершенно разрушаются».

По поводу этого описанія считаемъ долгомъ замѣтить, что соображенія г. Попова относительно расположенія Казанской церкви можно считать совершенно правильными, если только она находилась внѣ крѣпостной ограды; точно также слѣдуетъ признать правильнымъ его заключеніе, что Никольская и Знаменская башни были только «воротами», ибо мы знаемъ, что крѣпостныя ворота никогда не дѣлались въ стѣнахъ, а всегда защищались

[1]) „Надо отнести ихъ постройку ко времени заложенія Илимскаго острога 1629—1631 годамъ, которому положилъ основаніе атаманъ Иванъ Галкинъ, выстроивъ сначала зимовье подъ названіемъ „Ленскаго Волока" и вскорѣ укрѣпленное и переименованное въ Илимскій острогъ". (Выноска г. Д. Д. Ларіонова).

башнями. Что же касается до крытыхъ балконовъ на обѣихъ сторонахъ Е шенъ, то мы уже выяснили ихъ оборонительное значеніе, а потому прин мать такіе балконы за часовни рѣшительно невозможно.

Точно также не можетъ быть и рѣчи о какой-либо «главной» часов во второмъ этажѣ Спасской башни. Присутствіе тамъ иконной «дцки», которой сошло отъ времени письмо, объясняется очень просто: надъ монаст скими и крѣпостными воротами у насъ всегда ставились иконы, чему е тысячи примѣровъ, начиная со Спасскихъ и Никольскихъ воротъ моск скаго Кремля. Была икона и надъ Спасскими воротами Илимскаго острога при томъ, очевидно, судя по названію башни,—Нерукотвореннаго Спаса; когда она «сошла» отъ времени, «дцку» ея, какъ предметъ священн убрали внутрь башни. Это предположеніе подтверждается свидѣтельство жителей, которые сообщили г. Попову, что «икона была укрѣплена срединѣ второго этажа», т. е. иными словами, надъ воротами.

Назначеніе вышки, которую онъ называетъ «третьимъ этажемъ», ни опредѣлено правильно.

Рисунки, приложенные къ указанному уже отношенію Ирк. Общ. Гу Упр., весьма наивны; они исполнены, конечно, какимъ-нибудь самоучкой, надо только радоваться, что хоть такой нашелся въ Илимскѣ. Подписи автор нѣтъ, а есть только обычная лаконическая помѣта: «Съ натурою вѣрн Засѣдатель П. Дьяконовъ». Но они подкупаютъ зрителя своимъ простод шіемъ и убѣждаютъ его въ своей правдивости. При разсматриваніи ихъ н вольно растетъ убѣжденіе, что составитель ихъ рисовалъ то, что видѣлъ п редъ глазами, а потому изображенія его, несмотря на неправильность рису ка, отличаются полною документальностью. Возьмемъ хоть-бы Спасску башню (табл. XV): мы видимъ на ней всѣ тѣ-же пріемы, которые мы пр слѣдили на башняхъ Якутскаго острога. Башня эта—квадратная въ план срублена въ лапу и имѣетъ вверху свѣшивающійся «обламъ». Крыша, покр вающая башню, настолько полога, что рисовальщику, стоявшему близ около башни, ея не было видно, вслѣдствіе чего дозорная вышка кажет какъ-бы стоящей на террасѣ. Вышка эта не открытая, какъ въ якутски башняхъ, а глухая и срублена въ лапу; въ ней есть только дозорныя око ца. Она покрыта шатровой крышей и увѣнчана большимъ двуглавы орломъ, о которомъ говоритъ еще Щукинъ. Относительно подобнаго устро ства вышки слѣдуетъ замѣтить, что если она гораздо лучше защищаетъ ч сового отъ сибирскихъ бурь и непогодъ, за то она несравненно менѣе пр

годна для наблюденія за окрестностями, а слѣдовательно менѣе отвѣчаетъ своему прямому назначенію.

Ворота и крытый выступной балконъ — совершенно такіе-же, какъ въ Якутскихъ башняхъ, но лѣстница на крытые балконы сдѣлана внутри башни, у правой отъ зрителя боковой стѣны, что, какъ мы уже говорили, менѣе удобно для защитниковъ.

Принимая во вниманіе это обстоятельство, а равно и устройство «глухой» вышки, слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что Якутскія башни представляютъ собою болѣе совершенный типъ въ крѣпостномъ отношеніи, нежели Илимскія.

Обращаясь затѣмъ къ Никольской башнѣ (табл. XVI), мы видимъ, что она уже совсѣмъ простая, такъ какъ вмѣсто дозорной вышки имѣетъ двускатую крышу, если только эта послѣдняя не является позднѣйшей передѣлкой. Во всякомъ случаѣ, для насъ представляется здѣсь любопытнымъ устройство наружнаго хода на крытый балконъ, слѣдовъ котораго мы не замѣчаемъ въ Якутскихъ «проѣздныхъ» башняхъ.

Что-же касается до описанія Илимскихъ башенъ у о. М. Сизого, то переносъ иконъ снаружи внутрь сбиваетъ съ толку и его и заставляетъ видѣть въ этихъ чисто крѣпостныхъ сооруженіяхъ — «башни-часовни», при чемъ, по своему незнакомству со старинными оборонительными пріемами, онъ считаетъ надвратные выступы принадлежностями «часовни»: «Съ восточной и западной стороны этого помѣщенія (второго этажа), говоритъ онъ, во всю ширину башни, на особыхъ выдавшихся отъ нея наружу балкахъ, независимо отъ самой башни, сдѣланы пристройки, крытыя сверху и по сторонамъ тесомъ, а съ лицевой стороны имѣющія открытыя окна [1]). Вотъ эти-то пристройки и служили мѣстомъ удовлетворенія религіозныхъ потребностей набожнаго русскаго населенія Илимскаго острога. Въ нихъ до сихъ поръ сохраняются мѣстночтимыя иконы Спаса Нерукотвореннаго, св. Николая и др. Жители города Илимска и теперь усердно чествуютъ находящіяся въ башняхъ иконы. При осмотрѣ башенъ я имѣлъ пріятный случай убѣдиться въ этомъ: предъ иконою Николая Чудотворца, находящеюся въ Никольской башнѣ, въ простомъ, сдѣланномъ изъ дерева и не окрашенномъ даже подсвѣчникѣ стояло нѣсколько обожженныхъ свѣчекъ изъ бѣлаго воска; очевидно, что горожане

[1]) Если эти пристройки были сдѣланы для «часовень», то зачѣмъ-же было въ нихъ дѣлать, замѣтимъ между прочимъ, огромныя и открытыя «окна», когда въ церквахъ они дѣлались маленькія и закрытыя?

все еще не забываютъ подражать доброму примѣру своихъ славныхъ г
дѣдовъ» [1]).

Все это—очень любопытныя подробности изъ современной жизни
шенъ, но совсѣмъ не доказательство основного положенія, ибо то-же самое м
быть и при *позднѣйшемъ* превращеніи башни въ часовню, когда она уже у
тила свое военное значеніе. Допустить-же первоначальное назначеніе баш
для обѣихъ цѣлей невозможно, во 1-хъ, по безпримѣрности такого случа
во 2-хъ по набожности старыхъ русскихъ людей, которые никогда не рѣ
лись-бы построить часовню съ тѣмъ, чтобы она потомъ была мѣстомъ я
боя. Правда, мы знаемъ случаи обороны въ соборахъ и церквахъ, но
явленія исключительныя, имѣвшія мѣсто лишь тогда, когда храмъ ока
вался *послѣднимъ* убѣжищемъ отъ врага!

Но затѣмъ, за исключеніемъ этого ошибочнаго предположенія, о. Си
сообщаетъ много любопытныхъ данныхъ въ видѣ фактическаго матері
Отъ него мы узнаемъ, что башня имѣетъ *четыре* этажа, изъ коихъ ниж
3-хъ саженной высоты, что въ каждомъ этажѣ, кромѣ верхняго, есть в
трення лѣстница и что навѣсныя бойницы облама приходятся въ трет
этажѣ. Ширина «навѣсныхъ бойницъ», или «щелей», какъ онъ ихъ на
ваетъ, «до полуаршина», а сами онѣ находятся на высотѣ около *полут
аршина* отъ уровня пола третьяго этажа, въ стѣнахъ котораго были та
бойницы для пораженія непріятеля изъ огнестрѣльнаго оружія.

Это *превышеніе навѣсныхъ бойницъ надъ поломъ* весьма замѣ
тельно, потому что онѣ вездѣ показаны на одномъ съ нимъ уровнѣ (ч
29, 33 и табл. XI, черт. 3).

Назначеніе вышки у о. М. Сизого опредѣлено совершенно вѣрно,
новаго ничего не даетъ, а потому его дальнѣйшія сообщенія о башняхъ
пока оставляемъ въ сторонѣ.

Изображенія этихъ обѣихъ башенъ мы видимъ у Ласковскаго (черт. 3
40), которыя сходны во всѣхъ своихъ частяхъ съ только что разобранн
нами рисунками, чѣмъ и подтверждаютъ ихъ достовѣрность. Разнятся
лишь пропорціями, что сейчасъ-же бросается въ глаза при совмѣстн
разсматриваніи, и тѣмъ, что на чертежѣ Ласковскаго нѣтъ почему-то
на Спасской башнѣ. Малый подъемъ крыши, на которой стоитъ дозор
вышка у этой башни (черт. 39), объясняетъ, почему этой крыши не в
на рисункѣ, доставленномъ изъ Иркутска (табл. XV, рис. 1).

[1]) См. № 3-й, стр. 74—75

Затѣмъ въ 5-й части «Путешествія Наслѣдника Цесаревича на Востокъ» [1]) мы видимъ изображеніе деревянной крѣпостной башни и около нея—направо—древнюю деревянную церковь. Подпись подъ этимъ рисункомъ гласитъ только «Изъ остатковъ старой допетровской Сибири», но полное сходство этой башни съ Илимской Спасской башней, а церкви — съ Илимской Казанской церковью (табл. XVII, рис. 1) заставляетъ думать, что тамъ изображенъ уголокъ города Илимска.

На Иркутскихъ рисункахъ около Спасской башни начерченъ низкій одноэтажный деревянный домикъ въ два окна, съ весьма плоской крышей (табл. XV, рис. 2). Такъ какъ по необычайной толщинѣ лѣса онъ конечно очень старый, а по формѣ своихъ оконъ, несомнѣнно, петровскаго времени, то мы полагали необходимымъ воспроизвести здѣсь кстати и его изображеніе.

Затѣмъ, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію церквей г. Илимска, считаемъ небезполезнымъ привести тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаетъ объ этомъ городѣ Щукинъ, потому что въ его время остатки древности были тамъ гораздо многочисленнѣе, чѣмъ теперь.

«Изъ старинныхъ зданій, говоритъ онъ, сохранилась (въ Илимскѣ) только часть острога или крѣпости и гостиный дворъ. Острогъ состоялъ изъ двойного частокола, съ тремя воротами. Частоколъ давно подгнилъ и упалъ, но ворота стоятъ еще, на нихъ держится огромный двуглавый деревянный орелъ. Крѣпость стояла на узкомъ берегу Илима и заднимъ бокомъ почти касалась горы, съ которой непріятель легко могъ забросать ее камнями. Старики наши, вѣроятно, понимали это, но презирали своихъ слабыхъ непріятелей, вооруженныхъ копьями и стрѣлами. Другая важнѣйшая причина построенія крѣпости на мѣстѣ, лишенномъ стратегическихъ выгодъ, была та, что здѣсь прекращался водяный путь и начинался волокъ на рѣку Куту. Слѣдовательно тутъ было складочное мѣсто всѣхъ припасовъ, слѣдующихъ въ Якутскъ и на Амуръ. Здѣсь скоплялся весь ясакъ, получаемый съ народовъ, обитающихъ по Ленѣ.

Старый гостиный дворъ обращенъ теперь въ частномъ домѣ въ анбаръ. Раздѣляется на два этажа, верхній выдается надъ нижнимъ навѣсомъ; на лицевой сторонѣ круглыя окна съ желѣзными рѣшетками. Въ нижнемъ этажѣ трое дверей» [2]).

---

[1]) См. Путешествіе Государя Императора Николая II на Востокъ (въ 1890—1891). Авторъ-издатель кн. Э. Э. Ухтомскій. Иллюстрировалъ Н. Н. Каразинъ. Спб. 1896. ч. 5, стр. 130.

[2]) „Поѣздка въ Якутскъ“, стр. 62—63.

Перейдемъ теперь къ Илимскимъ церквамъ.

Когда былъ построенъ первый храмъ въ Илимскѣ—неизвѣстно, но, по свидѣтельству о. М. Сизого, около нынѣшней Спасской церкви, о которой мы уже говорили, есть его слѣды съ восточной стороны въ видѣ огромной земляной насыпи и деревянной часовни съ тремя деревянными-же крестами.

Кромѣ того до насъ дошли отъ него, по словамъ того-же свидѣтеля, слѣдующіе священные предметы:

1) Евангеліе 1712 года — вкладъ воеводы Лаврентія Родіонова сына Ракитина.

2) Крестъ со святыми мощами, XVIII-го (?) вѣка,—вкладъ священника Петра Максимова

и 3) старинные оловянные сосуды, изъ коихъ на дискосѣ имѣется слѣдующая характерная для своего времени подпись: «Блюдо всемилостивѣйшаго Спаса Илимскаго острогу, церковное положеніе Богдана Денисовича Оладьина, человѣка его Дементія, Ананьина сына» [1]). Такимъ образомъ никому не извѣстное имя Б. Д. Оладьина сохранилось, благодаря вкладу его «крѣпостного»!

Обратимся теперь къ древнѣйшей изъ нынѣ существующихъ въ Илимскѣ церквей—Казанской Божіей Матери (табл. XVII, рис. 1). Вотъ что сообщаетъ о ней г. С. Поповъ:

«Подробнѣйшаго описанія, а въ особенности исторіи построенія церквей, въ заштатномъ городѣ Илимскѣ доставить нѣтъ возможности въ настоящее время потому, что въ архивѣ города Илимска никакихъ документовъ, касающихся построенія ихъ, не нашлось. Изъ клировыхъ же вѣдомостей видно, что самая древнѣйшая изъ церквей, построенныхъ въ приходѣ, принадлежащемъ городу Илимску, и въ самомъ городѣ находящихся, есть церковь Казанская, построенная по показанію клировыхъ вѣдомостей въ 1679 году [2]).

Церковь эта деревянная однопрестольная, низменная, одноэтажная, съ однимъ довольно большимъ куполомъ, покрыта тесомъ на два ската гладко, куполъ же околоченъ небольшими дощечками, вырѣзанными зубцами и нало-

---

[1]) Ирк. Еп. Вѣд. 1883 г. № 4, стр. 52—53.

[2]) Хотя церковь эта по клировымъ вѣдомостямъ и значится построенною ранѣе Спасской церкви, но есть уже вторая въ г. Илимскѣ. Первая церковь именовалась, какъ именуется и нынѣ главная приходская церковь, Спасскою и существовала гораздо ранѣе этого времени, какъ видно это изъ историческаго описанія Киренскаго Свято-Троицкаго монастыря, изданнаго въ Москвѣ въ 1841 году; но эта первая (Спасская) церковь была истреблена пожаромъ. (Прим. г. Попова).

женными одна на другую. По мѣстному выраженію подобная покрыша называется «лемяхомъ». На куполѣ крестъ желѣзный золоченый; но крестъ этотъ относится постройкою къ недавнимъ временамъ.

Окна въ храмѣ квадратныя, мѣрою не больше аршина, въ нихъ вмѣсто стеколъ вдѣлана слюда; въ западной стѣнѣ по обѣимъ сторонамъ входной двери имѣются подобія оконъ, также задѣльныя слюдою, мѣрою въ вышину до полуторыхъ четвертей, а въ ширину по стѣнѣ около полуторыхъ саженъ. Особой паперти нѣтъ, а замѣняетъ ее рѣшетчатое крыльцо. Внутреннее расположеніе раздѣлено на пять отдѣленій: алтарь, мѣсто для клира (по мѣстному преданію и для воеводы), отдѣленіе для мущинъ, отдѣленіе для женщинъ и самая церковь; отдѣленія, назначенныя для мущинъ и женщинъ, отгорожены глухою переборкою, составленною изъ иконъ, писанныхъ въ ростъ человѣка, живопись иконъ на обѣихъ сторонахъ переборки. Потолокъ храма украшенъ иконами, писанными на полотнѣ, и, судя по стилю живописи, надо предполагать, что вся иконопись древняя и относится ко времени построенія самаго храма [1]). Въ правомъ отдѣленіи храма находится икона Божіей Матери, писанная на полотнѣ. Эту икону мѣстные жители именуютъ Казанскою; но по рисунку слѣдуетъ именовать ее Тихвинскою. Вся утварь въ церкви ветхая, но относится ли къ древностямъ или вызвана только крайностью по бѣдности прихода, положительно сказать нельзя, по невозможности опредѣлить это по надписямъ или какимъ-либо документамъ. Еще есть двѣ шитыя шелками и золотомъ иконы, бывшія какъ должно предполагать на хоругвяхъ; но дѣйствительно ли это были хоругви, положительно удостовѣрить нельзя, потому что нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей считаютъ ихъ знаменами, занесенными еще казаками при первоначальномъ появленіи ихъ на Илимѣ для покоренія и объясаченія инородцевъ».

Описаніе это даетъ очень много любопытнаго, въ особенности относительно внутренняго устройства. Скажемъ нѣсколько словъ объ архитектурныхъ особенностяхъ этой церкви по весьма понятной причинѣ пройденныхъ молчаніемъ г. Поповымъ.

Сколько можно судить по рисунку, Казанская церковь состоитъ изъ высокаго четырехугольнаго сруба, составляющаго восточную часть храма, къ которой примыкаетъ широкая и низкая западная трапеза, съ крылечкомъ на западной сторонѣ.

---

[1]) Бывшій въ Илимскѣ священникъ Корнаковъ пояснилъ, что вся иконопись, въ Казанской церкви находящаяся, есть старообрядческая. (Прим. г. Попова).

Восточный срубъ возвышается примѣрно на 1 саж. (9 вѣнцовъ) крышею трапезы и покрытъ двускатою крышею; въ верхней трети покрытіе переходитъ въ крышу «бочкой», обращенную лицомъ на запа на ребрѣ бочки поставлена луковичная головка на тонкой шеѣ. Та путемъ выдѣлена въ уборномъ смыслѣ главная восточная или алт часть храма. Луковичная главка и верхъ бочки покрыты деревянной череп обрѣзанной въ нижнемъ концѣ съ обѣихъ сторонъ сходящимися «зубчатк обыкновенно съ тремя прямоугольными уступами съ каждой стороны, рая на мѣстѣ называется «лемехомъ».

Восточныя боковыя части крыши трапезы не заканчиваются за в ной ея стѣной, но идутъ далѣе вплоть до восточной стѣны алтаря и крываютъ собою входящіе углы, образованные боковыми стѣнами алт части и трапезной. Что находится въ сѣверномъ углу, на рисункѣ не н но въ южномъ углу сдѣлана лѣстница, какъ это можно заключить по на нымъ периламъ, которая ведетъ въ восточную часть церкви, т. е. въ а или къ воеводскому мѣсту, что вполнѣ возможно. Можетъ быть, даже устроено такъ: съ одной стороны была лѣстница для воеводы и его с а другая для духовенства, такъ какъ изъ описанія г. С. Попова очев что воеводское мѣсто было въ этой части храма. Но, какъ это ни ст на рисункѣ ни на восточной сторонѣ трапезы, ни на южной сторонѣ а входной двери *не показано,* а нарисованы лишь *два окна.* Это можно яснить только ошибкою въ рисункѣ, ибо зачѣмъ-же дѣлать лѣстницу, по ней никуда нельзя попасть? Очень страннаго вида были окна въ зап стѣнѣ, если только г. С. Поповъ не ошибся въ ихъ размѣрахъ: вершковъ вышины и полторы сажени ширины, т. е. ширина въ двѣна разъ болѣе высоты? Да вѣдь это какія то горизонтальныя щели, каких въ прочихъ памятникахъ или вовсе не встрѣчаемъ, или встрѣчаем иной пропорціи, какъ напр. на башнѣ-часовнѣ въ г. Балаганскѣ (табл.] рис. 2) [1])! Впрочемъ и самъ г. С. Поповъ называетъ ихъ не «окнам «подобіемъ оконъ». Во всякомъ случаѣ, мы оставляемъ на его отвѣтствен точность этихъ размѣровъ.

Очень любопытно внутреннее устройство трапезы: подобно древ стіанскимъ базиликамъ она была разбита на три нефа, отдѣленныхъ

---

[1]) Нѣчто подобное мы видимъ также въ рисункахъ нашихъ сѣверных винныхъ церквей, представленныхъ за самое послѣднее время въ Академію жествъ.

отъ друга не колоннами, а «глухими» переборками, украшенными съ обѣихъ сторонъ «иконами, писанными въ ростъ человѣка» (?) [1]), причемъ правый нефъ предназначался для мужчинъ, а лѣвый для женщинъ.

Раздѣленіе половъ въ церкви и до сихъ поръ еще встрѣчается во многихъ глухихъ мѣстностяхъ Россіи: не только по селамъ, но даже и по городамъ въ церкви мужчины становятся на право, а женщины на лѣво. Но особенно строго это соблюдается у старообрядцевъ. Поэтому раздѣленіе трапезы на три части глухими переборками въ связи съ указаніями священника Карнакова на «старообрядческую» иконопись заставляетъ предполагать, что церковь эта была сооружена старообрядцами, которыхъ въ Сибири всегда было достаточно.

Относительно внутренняго убранства церкви много любопытныхъ подробностей сообщаетъ о. М. Сизой.

Вотъ распредѣленіе росписи въ трапезѣ, согласно его описанію:

Наружная стѣна.	*Женское отдѣленіе.*	Перегородка.		*Мужское отдѣленіе.*	Перегородка.	Наружная стѣна.
	Лѣвая сторона перегородки:	Правая сторона перегородки:	*Плафонъ:*	Лѣвая сторона перегородки:	Правая сторона перегородки:	
	Свв. Варвара и Параскева.	Свв. Іоаннъ Златоустъ, Григорій Богословъ, Василій Великій и Николай Чудотворецъ.	Господь Саваоѳъ. Спаситель.	Свв. Филиппъ, Петръ, Іона и Алексѣй.	Свв. Борисъ, Глѣбъ и Александръ Невскій.	
			Входъ.			

Въ основу этой росписи, какъ видно изъ ея схемы, положена извѣстная руководящая идея: въ плафонѣ, соотвѣтствующемъ небу, помѣщены Господь Саваоѳъ и Іисусъ Христосъ. Далѣе, на перегородкахъ, въ среднемъ нефѣ, мы

[1]) Трудно понять, что этимъ хочетъ сказать описаніе: то-ли, что это иконы *не* „поясныя", или то, что фигуры написаны въ *натуральный* ростъ человѣка?

видимъ справа — святителей Русской церкви до никоновскаго времени, Петра, Алексія, Іону и Филиппа, а слѣва—отцовъ Вселенской церкви, Іоанна Златоустаго, Григорія Богослова, Василія Великаго и Николая Чудотворца, изъ коихъ первый и третій—творцы обѣихъ нашихъ восточныхъ литургій.

Въ правомъ, мужскомъ отдѣленіи святые князья русскіе, и притомъ князья воины, которые, очевидно, особенно чтились нашими казаками завоевателями: Борисъ, Глѣбъ и Александръ Невскій. Въ лѣвомъ женскомъ отдѣленіи свв. великомученицы Варвара и Параскева, имена коихъ весьма часто встрѣчаются въ нашемъ народѣ.

Какъ изображенъ Господь Саваоѳъ, о. М. Сизой не упоминаетъ, но если на персяхъ у Бога-Отца изображенъ Св. Духъ, то здѣсь на лицо имѣются всѣ три ипостаси Св. Троицы, и тогда роспись потолка будетъ вполнѣ понятна. Совмѣстное-же изображеніе только Бога-Отца и Бога-Сына, безъ Святого Духа, является совсѣмъ не обычнымъ.

Затѣмъ, конечно, рождается вопросъ, къ какому времени относится эта роспись? Вопросъ рѣшался бы очень просто, если бы можно было имѣть подъ руками хотя-бы фотографіи. Къ крайнему нашему сожалѣнію, таковыхъ въ Археологической Коммисіи не имѣется и въ нашемъ распоряженіи находятся лишь данныя, сообщенныя г. С. Поповымъ и о. М. Сизымъ.

По ихъ свидѣтельствамъ, образа писаны «на полотнѣ» и, кромѣ того, въ плафонѣ изображенъ Господь «Саваоѳъ».

Эти два признака указываютъ, повидимому, на ихъ сравнительно позднее происхожденіе, ибо наши древнія иконы писались обыкновенно на доскахъ, а отдѣльные священные лики, фигуры и событія—прямо на стѣнахъ, а не на полотнѣ, *набитомъ на рамахъ*; Бога-же Саваоѳа стали писать у насъ лишь во второй половинѣ XVII-го столѣтія. Но г. С. Поповъ, очевидно на основаніи указаній мѣстнаго духовенства, утверждаетъ, что, «судя по стилю *живописи*», надо предполагать, что «вся *иконопись* древняя» и относится ко времени построенія самаго храма. Кромѣ того, священникъ Корнаковъ пояснилъ ему, что вся эта иконопись «есть старообрядческая» [1]). Свящ. М. Сизой о времени происхожденія всѣхъ этихъ образовъ ничего не говоритъ, но несомнѣнно, быть можетъ даже противъ своей воли, подтверждаетъ ихъ «старообрядческое» происхожденіе, хотя, конечно, по цензурнымъ и административно-полицейскимъ условіямъ своего времени онъ не рѣшается этого сказать прямо. За то въ одномъ мѣстѣ онъ сообщаетъ, что на перегородкахъ укрѣплены писа-

[1]) См. прим. къ стр. 127-ой.

ныя на полотнѣ иконы *до-никоновской живописи* (!?) [1]); а въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ слѣдующее: «И замѣчательно еще то, что митр. Филиппъ и св. Алексѣй написаны съ поднятою правою рукою и такимъ сложеніемъ пальцевъ на ней: большой, мизинецъ и безъимянный, вмѣстѣ стоя, соединены оконечностями; указательный и средній, стоя вмѣстѣ, расположены отдѣльно отъ первыхъ. Хотя такое сложеніе и напоминаетъ благословляющую руку священно-пастыря, но далеко не тождественно съ нею» [2]).

Эти крайне осторожныя слова о. М. Сизого показываютъ только, что онъ *не могъ* сказать того, что видѣлъ передъ глазами. Вѣдь описанное имъ сложеніе десницы есть ничто иное, какъ «двуперстіе», столь горячо отстаиваемое старообрядцами; поэтому «старообрядческое» происхожденіе образовъ несомнѣнно. Но это ни на волосъ не подвигаетъ вопроса о времени ихъ написанія. Мы даже не можемъ сказать, какіе они,—«иконописные» или «живописные»,—ибо и г. С. Поповъ и о. М. Сизой, какъ неспеціалисты, очевидно, эти понятія путаютъ: первый пишетъ, что «судя по стилю *живописи*, вся *иконопись* древняя», а второй толкуетъ о какой-то «до-никоновской» *живописи*! Одно изъ двухъ: или «иконопись», или «живопись», и эти термины для спеціалиста сразу рѣшаютъ вопросъ. Тутъ же все сбито въ одну кучу, а потому данныхъ для рѣшенія вопроса нѣтъ.

Что же касается до домысла о. М. Сизого, что образа эти писаны не въ Илимскѣ, а присланы издалека, ибо самое изображеніе на полотнѣ обличаетъ ихъ доставку, съ этимъ можно только согласиться. Въ самомъ дѣлѣ переслать писанную на полотнѣ икону весьма легко: для этого стоитъ только проложить ее съ лица масляной бумагой, накатать обратной стороной на скалку и зашить сперва для чистоты въ полотно, а потомъ въ кожу для защиты отъ сырости, и тогда она никакой пересылки не боится; можно везти хоть на вьюкахъ, причемъ и самая цилиндрическая форма упаковки совсѣмъ не громоздка и очень удобна для укладки. Тогда какъ икона на «дскѣ», въ особенности большая, требуетъ громоздкаго ящика и самаго тщательнаго укрѣпленія въ немъ доски, чтобы не получилось въ дорогѣ царапинъ и потёртыхъ мѣстъ. Кромѣ того ящикъ иначе какъ «гужомъ» везти нельзя, причемъ на дурномъ проселкѣ, да еще въ распутицу, его всегда можно случайно разбить. Но если этотъ домыселъ о. М. Сизого вѣренъ, то съ другимъ его предположеніемъ никакъ согласиться нельзя: онъ полагаетъ, что всѣ эти иконы «по заказу

[1]) См. у него стр. 54.
[2]) Ib. стр. 55.

писались въ Тобольскѣ, гдѣ въ то время существовала иконописная школ при митрополичьемъ дворѣ». Самъ же онъ описываетъ *двуперстое* сложен десницъ у этихъ иконъ; какъ же можно допустить, чтобы при ***митрополичьемъ дворѣ*** было допущено «двуперстіе»! Да вѣдь это дѣло совершенно не возможное. Поэтому вѣрнѣе предположить, что эти образа были написаны в XVIII вѣкѣ въ Москвѣ, гдѣ было всегда много богатѣйшихъ старообрядцев которые, конечно, были готовы придти на помощь «своему» храму, хотя б и въ отдаленномъ Прибайкальѣ. На XVIII-же вѣкъ указываютъ, во 1-хъ образа на полотнѣ и на «подрамкахъ», во 2-хъ, изображеніе Саваоѳа въ пл фонѣ и, въ 3-хъ, одно выраженіе о. М. Сизого, которое опредѣляетъ скор «живопись», чѣмъ «иконопись». «Къ тому же, говоритъ онъ, самая живо пись иконъ ***принадлежитъ довольно искусной кисти*** »[1]). Врядъ ли он выразился бы такъ объ «иконномъ» письмѣ. Впрочемъ, все это только од предположенія, и окончательнаго рѣшенія вопроса мы ждемъ отъ мѣстных археологическихъ силъ, ибо, въ свою очередь «живопись» никакъ не вяжет со «старообрядчествомъ».

Кромѣ этихъ свѣдѣній объ украшеніи трапезы, о. М. Сизой сообщает въ качествѣ очевидца, и другія подробности о внутреннемъ устройствѣ храм которыя мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь для полноты картины.

«Въ отдѣлѣ старцевъ [2]), говоритъ онъ, поражаетъ размѣрами икона Божі Матери Троеручицы, писанная на холстѣ, безъ всякихъ украшеній, въ ра простой работы; выш. икона $2^3/_4$ арш., шир. около 3 арш.; устоемъ подъ не служитъ простая деревянная лавка; предъ иконой стоитъ нехитрой рабо деревянный некрашеный подсвѣчникъ. Трапеза отдѣляется отъ церкви собствен деревянною рѣшеткой, въ срединѣ которой устроена дверь для входа и выхо Эта часть весьма незначительна по своимъ размѣрамъ. Она, если не бра во вниманіе едва замѣтнаго возвышенія, замѣняющаго солею и амвонъ, ши 5 арш., длин. около 2 арш., съ особо устроенными по ту и другую сторо дверей небольшими скамеечками. Эта часть назначалась въ свое время д воеводы, его семьи и близкихъ къ нему людей чиновныхъ. Этимъ объясняют сравнительно ничтожные размѣры ея; это же даетъ поводъ предполагать, ч описываемая церковь построена была однимъ изъ воеводъ, которому, въ ви его особой попечительности о распространеніи храмовъ Божіихъ, и дана бы привилегія пользоваться особымъ помѣщеніемъ въ храмѣ. Иконостасъ сам

[1]) Ib. стр. 57.

[2]) Такъ онъ называетъ „правое“ отдѣленіе.

простой работы: онъ составленъ изъ двухъ досчатыхъ некрашеныхъ рамъ и двухъ иконъ, находящихся въ нихъ: св. Іоанна Устюжскаго[1]) въ ростъ человѣка и образа Нерукотвореннаго Спаса, очень искусно вышитаго на шелковомъ платѣ шелкомъ, золотою и серебряною мишурою, въ квадратѣ $1^1/_2$ арш. По сторонамъ плата также искусно вышитъ текстъ тропаря образу. На верхней части плата находятся девять шелковыхъ петель, сдѣланныхъ, очевидно, съ тою цѣлью, чтобы удобно было посредствомъ шнура, или тонкой палки, вѣшать его. Въ такомъ именно видѣ находится онъ прикрѣпленнымъ и теперь по правую сторону царскихъ вратъ. Нижняя часть плата украшена нѣсколькими, сдѣланными изъ шелка же, кистями. Царскія врата имѣютъ въ ширину около аршина (?), въ высоту $2^1/_2$ арш., створки сдѣланы изъ простыхъ досокъ, закругленныхъ сверху: внизу онѣ не доходятъ до пола около 2 четв. Въ алтарѣ, такъ же какъ и въ трапезѣ, весь потолокъ укрытъ изображеніями на холстѣ, надъ св. крестомъ находится изображеніе Господа Саваоѳа. Св. престолъ въ $^3/_4$ арш. въ квадратѣ и жертвенникъ того же размѣра. На юго-восточной стѣнѣ алтаря, около горняго мѣста, находится другая вышитая золотомъ икона — Знаменія Божіей Матери; она почти во всемъ похожа на икону Нерукотвореннаго Спаса, только немного меньше ея, безъ петель и кистей» [1]).

Въ этомъ описаніи прежде всего бросается въ глаза разногласіе его со свѣдѣніями, сообщаемыми г. С. Поповымъ относительно образа Богоматери въ правомъ отдѣленіи храма.

Г. С. Поповъ говоритъ, что мѣстные жители именуютъ ее «Казанской», а *по рисунку* ее слѣдуетъ именовать «Тихвинской»; а о. М. Сизой называетъ ее «Троеручицей», хотя и оговаривается, что «нѣкоторыми» она принимается за «Казанскую».

Это разногласіе тѣмъ страннѣе, что если возможно еще спутать по нѣкоторому сходству изображенія иконъ Казанской и Тихвинской Божіей Матери [2]),

[1]) Это какъ бы наводитъ на мысль о „казакахъ- устюжанахъ“; не забудемъ, что самъ знаменитый Дежневъ былъ родомъ изъ Устюга. На то же предположеніе наводитъ и слѣдующее сообщеніе г. Ровинскаго: „Рѣзьба въ иконостасѣ, говоритъ онъ, и разныя живописныя украшенія указываютъ, что тутъ работали хорошіе мастера; извѣстно, что тамъ (въ Илимскѣ) жили отличные серебряки, *вышедшіе изъ Устюга*, изстари славившіеся своею работою подъ чернью“. (См. его статью „Между Леной и Ангарой“, въ *Извѣст. Вост.-сиб. Отд. Географ. О-ва.* Ноябрь 1871 г., стр. 11—12). Прим. автора.

[2]) Хотя сходство это очень незначительно и между обѣими иконами есть большая разница: на Тихвинской иконѣ изображеніе *ниже пояса;* Іисусъ Христосъ *сидитъ* на лѣвой рукѣ Богоматери; у Нея написаны *обѣ ручки*, а у Предвѣчнаго Младенца *обѣ ножки*; тогда какъ на Казанской иконѣ—изображеніе *полокотное;* Іисусъ Христосъ *стоитъ* около лѣваго плеча Приснодѣвы; ни *ручекъ* Ея, ни

то это уже совершенно невозможно относительно Троеручицы, такъ какъ, во 1-хъ, лико Ея обращено въ противную сторону (влѣво), а во 2-хъ, она имѣетъ такой рѣзко характерный признакъ, какъ *три* ручки: одну лѣвую и двѣ правыхъ.

Подробности, сообщаемые въ описанiи о. М. Сизого о шитомъ образѣ Нерукотвореннаго Спаса, повидимому, подтверждаютъ преданiе, что онъ былъ прежде казацкимъ знаменемъ: подвѣсныхъ образовъ въ иконостасахъ мы не знаемъ, да и, кромѣ того, на иное назначенiе этого образа указываютъ нижнiя кисти. Что же касается до подобнаго же образа Знаменiя, у котораго нѣтъ ни петель, ни кистей, то вѣдь онѣ могли быть и отпороты при его новомъ назначенiи.

Описанiе царскихъ вратъ важно въ томъ отношенiи, что указываетъ способъ навѣски нашихъ древнихъ царскихъ дверей, створы которыхъ нерѣдко бывали ниже роста человѣка: эти створы просто приподнимались на пол аршина отъ полу.

Наконецъ обращаютъ на себя вниманiе малые размѣры престола и жертвенника — $^3/_4$ аршина въ квадратѣ, тогда какъ теперь престолъ дѣлается обыкновенно 1¼ или 1½ арш. въ сторонѣ, что объясняется, конечно, сравнительной роскошью и большими размѣрами современной церковной утвари, а въ особенности огромными размѣрами Евангелiй, пошедшими у насъ въ ходъ главнымъ образомъ съ половины XVIII столѣтiя.

Что касается до общихъ размѣровъ этого храма, то, по свидѣтельству того же г. Ровинскаго, онъ такъ невеликъ, что снаружи можно руками достать до крыши, а внутри высокiй человѣкъ можетъ коснуться головою потолка. Очевидно, впрочемъ, что это относится только къ западной, низкой трапезѣ.

Время его основанiя онъ относитъ, вопреки приводимому г. Поповымъ показанiю клировыхъ вѣдомостей, почему то къ 1676-му году, а не къ 1679-*му*, что впрочемъ, не существенно.

Этими замѣчанiями мы полагаемъ возможнымъ закончить разборъ тѣхъ свѣдѣнiй, которыя мы имѣемъ о Казанской Илимской цѣркви.

Введенская церковь Илимска (табл. XVII, рис. 2) нѣсколько напоминаетъ Казанскую по внѣшнему виду, но существенно отличается отъ нея внутреннимъ устройствомъ.

ножекъ Спаса—Младенца *не видно*. Такимъ образомъ все сходство обоихъ изображенiй сводится къ одному только общему повороту лика Богоматери въ одну и ту же сторону,—въ правую.

[1]) № 4, стр. 55-56.

Вотъ что сообщаетъ объ ней г. С. Поповъ:

«Кромѣ Казанской церкви къ Илимскому приходу принадлежатъ: церковь, находящаяся въ двухъ верстахъ отъ города Илимска, также деревянная, построенная, какъ свидѣтельствуютъ клировыя вѣдомости, въ 1693 году. Она имѣетъ два купола и два престола, одинъ во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, а другой во имя Святителя и Чудотворца Николая, алтари совершенно равные и раздѣлены бревенчатою стѣною. Наружныя стѣны церкви сложены изъ толстаго и длиннаго лѣса, и самое зданіе довольно высоко. Внутри церковь раздѣлена на два отдѣленія капитальною стѣною, но не глухою, потому что сдѣланы въ ней отверстія на подобіе большихъ оконъ. Потолокъ въ церкви уже передѣланъ, полъ же перестланъ только въ передней половинѣ. Около клиросовъ поставлены два большихъ деревянныхъ креста, замѣчательныхъ своею массивностью; мѣрою они до двухъ саженъ въ вышину. На крестѣ, поставленномъ около праваго клироса, съ лицевой стороны изображено красками Распятіе, а на оборотной Архангелъ Гавріилъ [1]); затѣмъ передъ этимъ крестомъ находится деревянный раскрашенный на подобіе парчи подсвѣчникъ съ надписью «7193 [2]) года Февраля въ 20-й день»; на крестѣ же, утвержденномъ у лѣваго клироса, съ лицевой стороны изображено Распятіе, а на сторонѣ оборотной вырѣзана славянскими буквами надпись слѣдующаго содержанія: «лѣта 7193, Апрѣля въ день [3]) поставилъ сей Святый и животворящій крестъ Господень стольникъ и воевода Илья Андреевичъ Змѣовъ».

По внѣшности своей Введенская церковь еще проще Казанской: поставлены рядомъ два сруба одинаковой ширины, изъ которыхъ западный—низкій и короткій, а восточный — высокій и длинный, и покрыты каждый отдѣльной двускатой крышей; на крышѣ восточнаго сруба поставленъ небольшой квадратный срубикъ, покрытый «бочкой», повернутой поперёкъ главной оси зданія, а на бочкѣ двѣ одинаковыхъ луковичныхъ главки, которыя символизуютъ, какъ мы увидимъ далѣе, сущность внутренняго устройства этого храма.

Размѣры церкви не велики: въ длину она имѣетъ около 5 саж., а въ ширину 4 саж. Болѣе, по рисунку, никакихъ особенностей не замѣтно, но

«Съ западной стороны храма, говоритъ онъ [1]), во всю ширину его, устроена досчатая крытая галерея, замѣняющая собою нынѣшнюю паперть. Входъ въ галерею открываетъ довольно длинная узкая лѣстница, одинъ конецъ которой утвержденъ на землѣ, а другой, на высотѣ нѣсколькихъ аршинъ отъ нея, соединяется съ самою галереею. Съ обѣихъ сторонъ лѣстницы укрѣплены деревянныя перила. Надъ лѣстницею, на подобіе балдахина, возвышается тесовая крыша, имѣющая, въ соотвѣтствіе лѣстницѣ, наклонное положеніе».

Эта лѣстница подобна совершенно той, которую мы видимъ у храма Рождества Іоанна Предтечи (табл. XVI, рис. 2). Такъ какъ помѣщенный у насъ рисунокъ ц. Введенія — 1870 года, а статья о. М. Сизого — 1883-го, то можно предполагать, что эта паперть позднѣйшаго происхожденія.

Кромѣ того, относительно наружности вида церкви онъ замѣчаетъ, что она имѣетъ «лишь немного» обыкновенныхъ, т. е. позднѣе устроенныхъ оконъ, а всѣ остальныя—маленькія, «волоковыя». Наконецъ, первоначальные кресты храма были деревянные, обитые жестью, которые хранились въ немъ еще въ 1883-мъ году.

Внутри церковь раздѣляется на три части: трапезу, собственно церковь и алтарь. Первая помѣщается въ болѣе низкой западной пристройкѣ. Въ капитальной стѣнѣ, отдѣляющей ее отъ высокой, собственно церковной части, прорѣзано дверное отверстіе и два другихъ по бокамъ на подобіе оконъ, для болѣе удобнаго слушанія богослуженія. Въ высокой части храма, съ западной стороны, помѣщается самая церковь, а восточная ея половина раздѣлена на двѣ равныя части бревенчатой стѣной, вслѣдствіе чего образуются два совершенно равныхъ алтаря.

Это дѣленіе восточной части на *два* алтаря и заставило помѣстить «бочку» поперёкъ конька, ибо только при этомъ условіи каждый алтарь будетъ имѣть свою главу. Такимъ образомъ верхняя надстройка не только дѣлаетъ свое дѣло въ уборномъ отношеніи, но и строго логична въ символическомъ смыслѣ; эти двѣ главки *рядомъ* «во очію» знаменуютъ два рядомъ стоящихъ

касается до «деревяннаго подсвѣчника, раскрашеннаго на подобіе парчи», то это, очевидно, такъ называемая «поклонная», «тощая» или «поставная» свѣща, которая попадается еще въ нашихъ старыхъ церквахъ. Она обыкновенно представляетъ собою большой цилиндрическій подсвѣчникъ, примѣрно вершковъ 5 въ діаметрѣ, высотою около $1^1/_4$ аршина, расписанный пестрымъ орнаментомъ; внизу онъ оканчивается металлической подставкой, а наверху увѣнчивается металлическимъ же фигурнымъ колпакомъ со вставными гнѣздами для свѣчей [1]). Такія свѣчи ставились, по большей части по обѣту, передъ мѣстными иконами, въ качествѣ неугасимой лампады.

Чтобы покончить съ внутреннимъ устройствомъ церкви, воспользуемся деталями, сообщаемыми о. М. Сизовымъ о прежнемъ ея отопленіи. Онѣ тѣмъ цѣннѣе для насъ, что въ настоящее время отопленіе передѣлано, а потому слѣды прежняго уже исчезли: но устройство его крайне любопытно, ибо оно показываетъ, *съ чѣмъ могли мириться* первые русскіе обитатели Сибири!

Въ старой московской Руси, въ зависимости отъ способа отопленія, избы раздѣлялись на «черныя» и «бѣлыя». Это дѣленіе и до сихъ поръ удержалось въ Россіи, потому что и теперь еще во многихъ захолустьяхъ существуютъ такъ называемыя «курныя» избы. Разница между ними заключается въ томъ, что въ «бѣлой» избѣ дѣлается печь съ трубою, а въ «черной» или «курной» избѣ устраивается очагъ прямо на полу или печь безъ трубы и дымъ выходитъ въ открытую дверь или въ отверстіе въ потолкѣ, какъ въ самоѣдскомъ чумѣ [2]). Затѣмъ, по свидѣтельству поляка Маскевича [3]), бывшаго въ Кремлѣ во времена «московской розрухи», большія палаты отапливались тамъ особыми печами, помѣщавшимися въ подвалахъ и подававшими вверхъ тепло каналами и отдушинами. Слѣдовательно въ XVII вѣкѣ русскіе были знакомы также съ «духовымъ» отопленіемъ. Отопленіе трапезы Введенской церкви представляло собою странную смѣсь «духового» отопленія съ «курнымъ». Вотъ что пишетъ по этому поводу о. М. Сизой:

---

[1]) Рис. см. у Солнцева, «Древн. Росс. Гос.», т. I, табл. 72, у Н. Симакова, «Русск. орнаментъ», табл. 21, и у Шохина, «Сборн. очерк. и детал рис. русск. стар. построекъ», табл. 28.

[2]) Для читателей, не видавшихъ курной избы, позволяемъ себѣ указать на сочиненіе г. А. О. Heikel'я—„Rakennukset Teremisseilla, Mordvalaisilla, Virolaisilla ja Juomalaisillja". Helsingissa, 1887 („Постройки черемисовъ, мордвы, эстовъ и финновъ"). Хотя эта книга на финскомъ, конечно, малодоступномъ языкѣ, но рис стр. 11, 12, 13, 14 и др. даютъ полное представленіе о „курной" избѣ.

[3]) См. въ сборникѣ Устрялова — «Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ», т. V, стр. 69.

«Въ настоящее время *трапеза имѣетъ совсѣмъ другой видъ, чѣмъ прежде. Находящаяся въ ней печь устроена была иначе*, нежели какъ теперь: *она помѣщалась подъ поломъ и совсѣмъ не имѣла трубы.* Во время топки весь дымъ шелъ въ трапезу, и только потомъ, въ прорубленное въ верхней части стѣны окно, мало-по-малу выходилъ наружу. Такой способъ топки, отъ осаждавшейся на стѣны и потолокъ трапезы сажи дѣлалъ ихъ совершенно черными — лоснящимися. Во избѣжаніе прохода дыма во внутреннія отдѣленія храма, имѣвшіяся въ поперечной стѣнѣ двери и окна во время топки наглухо закрывались. Когда, по окончаніи топки, дыма не оставалось въ трапезѣ, — «куталась [1]) печка», открывались двери и окна, такимъ образомъ, нагрѣвались и остальныя части храма» [2]).

Итакъ, по идеѣ (обогрѣваніе *снизу*) это отопленіе «духовое», а по исполненію (*безъ трубы*) — «курное». Трудно себѣ представить болѣе варварскій способъ обогрѣванія храма Божьяго, но онъ весьма любопытенъ въ смыслѣ опредѣленія степени «нетребовательности» покорителей и первыхъ просвѣтителей сибирскихъ инородцевъ, а потому мы должны быть благодарны о. М. Сизому за то, что онъ сохранилъ для насъ эти характерныя подробности.

Въ заключеніе намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ о годѣ основанія описываемой церкви.

Г. С. Поповъ приводитъ запись клировыхъ вѣдомостей, по которой она основана въ 1693-мъ году. Но годъ этотъ кажется весьма страннымъ въ виду того, что крестъ воеводы Змѣева поставленъ въ 1685 году. Поэтому надо думать, что запись клировыхъ вѣдомостей невѣрна и годъ въ ней поставленъ наобумъ. Повидимому, гораздо болѣе правъ г. Ровинскій, который относитъ основаніе церкви, хотя и безъ указанія источника, къ 1673 году [3]) и считаетъ *её самой древней въ городѣ* и стоящей въ предѣлахъ *перваго* острога. «Первоначально, говоритъ онъ, Илимскъ былъ построенъ выше по Илиму на одну версту, гдѣ теперь нѣсколько дворовъ и никакихъ признаковъ стараго острога, называемаго по преданію «верхнимъ», *но есть церковь самая старая изъ существующихъ тамъ*: именно отъ 1673 года, во имя Введенія во храмъ».

Не считаемъ возможнымъ обойти молчаніемъ того значенія для края Введенской и Казанской Илимскихъ церквей, которое такъ опредѣляетъ г. Ровин-

---

[1]) Очевидно—«закрывалась».

[2]) № 5, стр. 65.

[3]) См. его статью „Между Леной и Ангарой" въ „*Извѣстіяхъ Восточно-сибирскаго отдѣла Географическаго О-ва*" (Ноябрь, 1871, стр. 10).

скій: «Замѣчательно, что эти церкви послужили прототипомъ для нѣкоторыхъ церквей по Ленѣ, гораздо позднѣйшаго времени—даже въ деталяхъ внутренней орнаментировки».

Обратимся теперь къ третьей и послѣдней церкви города Илимска, о которой говоритъ г. С. Поповъ (табл. XVI, рис. 2).

Вотъ что онъ объ ней сообщаетъ: «Другая церковь, также принадлежащая къ Илимскому приходу, находится на такъ называемой заимкѣ въ 6-ти верстахъ отъ города, въ лѣсу; церковь эта также одноэтажная; построена, какъ значится по клировымъ вѣдомостямъ, въ 1707 году, во имя Рождества Предтечи и Крестителя Господня Іоанна. Архитектурой она сходна съ церковью, находящеюся въ слободѣ, исключая только того, что однопрестольная, а вслѣдствіе этого и съ однимъ куполомъ».

Въ отношеніи своего зодчества церковь эта представляетъ собою верхъ безыскуственности и простоты: это въ сущности обыкновенная изба, съ западной стороны которой пристроена паперть въ видѣ крытаго крыльца, а на крышѣ устроена не менѣе первобытная главка; нижняя часть ея, или постаментъ, по своей общей формѣ,—такая же изба, только маленькая, поставленная поперекъ нижней или главной избы. Этотъ постаментъ по коньку своей крыши увѣнчанъ крохотною луковкою на очень тонкой шеѣ.

Оба сруба, и нижній большой, и верхній маленькій, срублены «безъ остатка»,—«въ лапу», что ясно видно на рисункѣ.

Церковь имѣетъ два окна съ южной стороны и двѣ двери съ паперти: одну съ запада, а другую съ сѣвера. Паперть охватываетъ церковь съ боковъ и заканчивается у алтарей. Полъ ея приподнятъ надъ уровнемъ земли на два аршина, что объясняется, конечно, толстымъ зимнимъ слоемъ снѣга. Относительно внутренности церкви заимствуемъ у о. М. Сизого нѣкоторыя подробности, о которыхъ умалчиваетъ г. С. Поповъ.

«Клиросъ въ церкви, пишетъ о. Сизой, одинъ правый. У клироса на пьедесталѣ утверждено рѣзное изображеніе на крестѣ Христа Спасителя, съ таковыми же изображеніями по сторонамъ Божіей Матери и Евангелиста Іоанна. Иконостасъ самой простой работы, незатѣйливо сколоченный изъ досокъ и балокъ, на которыхъ также просто укрѣплены мѣстныя иконы, писанныя на холстѣ. Изъ иконъ останавливаютъ на себѣ вниманіе икона Спасителя по правую сторону царскихъ вратъ и икона Божіей Матери по лѣвую. Та и другая *древней живописи, весьма схожей съ нынѣшней, такъ называемой суздальскою.* На св. престолѣ до сихъ поръ сохраняется деревянная дарохранительница съ

«Въ настоящее время *трапеза имѣетъ совсѣмъ другой видъ, чѣ* *прежде. Находящаяся въ ней печь устроена была иначе*, нежели ка теперь: *она помѣщалась подъ поломъ и совсѣмъ не имѣла трубы.* В время топки весь дымъ шелъ въ трапезу, и только потомъ, въ прорубленно въ верхней части стѣны окно, мало-по-малу выходилъ наружу. Такой способ топки, отъ осаждавшейся на стѣны и потолокъ трапезы сажи дѣлалъ ихъ со вершенно черными — лоснящимися. Во избѣжаніе прохода дыма во внутренні отдѣленія храма, имѣвшіяся въ поперечной стѣнѣ двери и окна во время топк наглухо закрывались. Когда, по окончаніи топки, дыма не оставалось въ тра пезѣ, — «куталась [1]) печка», открывались двери и окна, такимъ образомъ, на грѣвались и остальныя части храма» [2]).

Итакъ, по идеѣ (обогрѣваніе *снизу*) это отопленіе «духовое», а п исполненію (*безъ трубы*) — «курное». Трудно себѣ представить болѣе варварскі способъ обогрѣванія храма Божьяго, но онъ весьма любопытенъ въ смысл опредѣленія степени «нетребовательности» покорителей и первыхъ просвѣтителе сибирскихъ инородцевъ, а потому мы должны быть благодарны о. М. Сизом за то, что онъ сохранилъ для насъ эти характерныя подробности.

Въ заключеніе намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ о годѣ осн ванія описываемой церкви.

Г. С. Поповъ приводитъ запись клировыхъ вѣдомостей, по котор она основана въ 1693-мъ году. Но годъ этотъ кажется весьма страннымъ виду того, что крестъ воеводы Змѣева поставленъ въ 1685 году. Поэто надо думать, что запись клировыхъ вѣдомостей невѣрна и годъ въ ней пост вленъ наобумъ. Повидимому, гораздо болѣе правъ г. Ровинскій, котор относитъ основаніе церкви, хотя и безъ указанія источника, къ 1673 году и считаетъ *её самой древней въ городѣ* и стоящей въ предѣлахъ *перваго* остро «Первоначально, говоритъ онъ, Илимскъ былъ построенъ выше по Илиму на од версту, гдѣ теперь нѣсколько дворовъ и никакихъ признаковъ стараго остро называемаго по преданію «верхнимъ», *но есть церковь самая старая и существующихъ тамъ*: именно отъ 1673 года, во имя Введенія во храмъ

Не считаемъ возможнымъ обойти молчаніемъ того значенія для края Вв денской и Казанской Илимскихъ церквей, которое такъ опредѣляетъ г. Ровин

---

[1]) Очевидно--«закрывалась».

[2]) № 5, стр. 65.

[3]) См. его статью „Между Леной и Ангарой" въ „*Извѣстіяхъ Восточно сибирскаго отдѣла Географическаго О-ва*" (Ноябрь, 1871, стр. 10).

скій: «Замѣчательно, что эти церкви послужили прототипомъ для нѣкоторыхъ церквей по Ленѣ, гораздо позднѣйшаго времени—даже въ деталяхъ внутренней орнаментировки».

Обратимся теперь къ третьей и послѣдней церкви города Илимска, о которой говоритъ г. С. Поповъ (табл. XVI, рис. 2).

Вотъ что онъ объ ней сообщаетъ: «Другая церковь, также принадлежащая къ Илимскому приходу, находится на такъ называемой заимкѣ въ 6-ти верстахъ отъ города, въ лѣсу; церковь эта также одноэтажная; построена, какъ значится по клировымъ вѣдомостямъ, въ 1707 году, во имя Рождества Предтечи и Крестителя Господня Іоанна. Архитектурой она сходна съ церковью, находящеюся въ слободѣ, исключая только того, что однопрестольная, а вслѣдствіе этого и съ однимъ куполомъ».

Въ отношеніи своего зодчества церковь эта представляетъ собою верхъ безыскуственности и простоты: это въ сущности обыкновенная изба, съ западной стороны которой пристроена паперть въ видѣ крытаго крыльца, а на крышѣ устроена не менѣе первобытная главка; нижняя часть ея, или постаментъ, по своей общей формѣ,—такая же изба, только маленькая, поставленная поперекъ нижней или главной избы. Этотъ постаментъ по коньку своей крыши увѣнчанъ крохотною луковкою на очень тонкой шеѣ.

Оба сруба, и нижній большой, и верхній маленькій, срублены «безъ остатка»,—«въ лапу», что ясно видно на рисункѣ.

Церковь имѣетъ два окна съ южной стороны и двѣ двери съ паперти: одну съ запада, а другую съ сѣвера. Паперть охватываетъ церковь съ боковъ и заканчивается у алтарей. Полъ ея приподнятъ надъ уровнемъ земли на два аршина, что объясняется, конечно, толстымъ зимнимъ слоемъ снѣга. Относительно внутренности церкви заимствуемъ у о. М. Сизого нѣкоторыя подробности, о которыхъ умалчиваетъ г. С. Поповъ.

«Клиросъ въ церкви, пишетъ о. Сизой, одинъ правый. У клироса на пьедесталѣ утверждено рѣзное изображеніе на крестѣ Христа Спасителя, съ таковыми же изображеніями по сторонамъ Божіей Матери и Евангелиста Іоанна. Иконостасъ самой простой работы, незатѣйливо сколоченный изъ досокъ и балокъ, на которыхъ также просто укрѣплены мѣстныя иконы, писанныя на холстѣ. Изъ иконъ останавливаютъ на себѣ вниманіе икона Спасителя по правую сторону царскихъ вратъ и икона Божіей Матери по лѣвую. Та и другая *древней живописи, весьма схожей съ нынѣшней, такъ называемой суздальскою.* На св. престолѣ до сихъ поръ сохраняется деревянная дарохранительница съ

нѣсколькими помѣщеніями, крашеная. Какъ въ алтарѣ предъ св. престоломъ такъ и въ самой церкви предъ мѣстными иконами всѣ подсвѣчники деревянные сохранившіеся, навѣрно, съ самаго построенія храма. Храмъ освѣщается семью небольшими окнами, въ которыя, вмѣсто стеколъ, вдѣлана слюда. Вѣнчающі церковь куполъ, съ утвержденнымъ на немъ крестомъ, устроенъ совершенн такъ же, какъ и у предыдущихъ храмовъ. Для совершенія божественно литургіи при храмѣ имѣется св. антиминсъ, священнодѣйствованный митрополитомъ тобольскимъ Филоѳеемъ въ 1704 году» [1]).

По поводу этого описанія считаемъ долгомъ замѣтить, что если въ очерк Введенской церкви о. М. Сизой какъ будто даетъ поводъ предполагать, чт подъ словомъ «живопись» онъ подразумѣваетъ письмо западнаго характер то здѣсь оказывается, что «живописью» онъ называетъ также и «иконопись» что явствуетъ изъ слѣдующаго его опредѣленія письма мѣстныхъ иконъ: «т и другая древней живописи, весьма схожей съ нынѣшней, такъ называемо суздальской». Это выраженіе, несомнѣнно, показываетъ, что мы здѣсь имѣем дѣло съ «иконописью». Вмѣстѣ съ тѣмъ это выраженіе наводитъ на сомнѣн относительно Введенской церкви: не иконопись-ли и тамъ? А потому, повто ряемъ, вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ только или на мѣстѣ, или пр сылкой фотографій въ Археологическую Комиссію, что, конечно, крайне жел тельно. Если же тамъ «иконопись», то въ связи съ «двуперстіемъ» э обстоятельство только подтверждаетъ нашу догадку о происхожденіи икон изъ Москвы, какъ изъ главнаго центра старообрядчества. Желательно бы так имѣть и фотографіи древней утвари этихъ церквей. Особенно должны бы любопытны шитые образа и большая свѣча Введенской церкви и деревянн подсвѣчники съ такой же крашеной дарохранительницей. Первые, ка произведенія развитого русскаго искусства XVII столѣтія, а вторыя—по перв бытности своей формы. Можетъ быть, ихъ изображенія и станутъ когда-нибу достояніемъ русской науки.

Мы уже упоминали вскользь о главной Спасской церкви г. Илимск рисунковъ которой не помѣстили въ виду того, что сравнительно болѣе позд формы ея XVIII вѣка лишены народнаго характера и потому мало любопытн Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ небезполезнымъ привести здѣсь свѣдѣні сообщаемыя о ней г. С. Поповымъ.

«Наконецъ, 4-я церковь, пишетъ онъ, находящаяся въ самомъ горо

[1]) См. № 5, стр. 68—69.

Илимскѣ невдалекѣ отъ церкви Казанской, именуется Спасскою, и есть главная церковь прихода; построена она въ 1783 году. Наружный видъ Спасской церкви представляетъ уже новѣйшій стиль. Она имѣетъ четыре купола, обитые жестью; на куполахъ желѣзные вызолоченные кресты; покрыта и обита тесомъ, двухэтажная; въ нижнемъ этажѣ два престола, а въ верхнемъ одинъ. Внутреннее расположеніе церкви въ первомъ этажѣ раздѣлено на два отдѣленія; въ верхнемъ же раздѣленія нѣтъ. Въ первомъ отдѣленіи, со входа въ нижній этажъ, около стѣнъ и на правой сторонѣ при колоннахъ, подкрѣпляющихъ потолокъ, устроены скамьи; а со входа на паперть верхней церкви по сѣверной и южной сторонамъ устроены перила, поддерживаемыя какъ съ той, такъ и съ другой стороны четырьмя деревянными колоннами. Окна въ нижнемъ этажѣ изъ слюды съ желѣзными рѣшетками, а въ верхнемъ стеклянныя. Живопись въ нижней церкви древняя, а въ верхнемъ этажѣ позднѣйшихъ временъ. Верхняя церковь расписана историческими картинами ветхаго и новаго завѣта, которыя писаны, какъ видно изъ находящейся въ алтарѣ на правой стѣнѣ надписи, въ 1815 году — «усердіемъ купца Авива Козлова, писалъ А. С.».

Кромѣ того онъ сообщаетъ также нѣкоторыя свѣдѣнія объ утвари Илимскихъ церквей. Хотя мы о нихъ уже говорили, но для полноты приводимъ также и его слова. Вотъ они: «Изъ числа церковной утвари въ городѣ Илимскѣ обращаютъ на себя вниманіе: оловянные подъ чернью «потиръ и дискосъ» съ остальными принадлежностями, до жертвенника относящимися; въ особенности замѣчательна по своей формѣ «лжица», но къ которому времени слѣдуетъ отнести построеніе этихъ сосудовъ, по неимѣнію на нихъ надписей, съ точностью опредѣлить нельзя. Евангеліе въ листъ величиною, крупной славянской печати 1703 года съ серебряною отдѣлкою и такою же надписью 1721 года; надпись на немъ слѣдующая: «Сіе Святое Евангеліе строено въ Илимску раденіемъ воеводы Лаврентія Родіонова сына Ракитина, вѣсу сребра два фунта и десять золотниковъ. Работалъ Никита Яковлевъ, лѣта отъ Адама»....

«Есть серебряный напрестольный крестъ со вложенными въ оный мощами Святыхъ угодниковъ, построенный, какъ значится въ надписи на крестѣ, священникомъ Петромъ Максимовымъ [1]) году Апрѣля. На всѣхъ существующихъ въ г. Илимскѣ церквахъ прежде кресты были деревянные, обитые жестью.

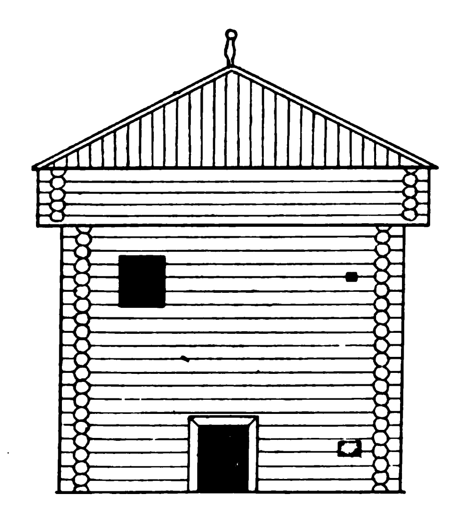
[1]) Годовъ по нечеткости вырѣзки ихъ на крестѣ и Евангеліи нельзя разобрать. *(Прим. г. С. Попова).*

Кресты эти сохраняются по настоящее время и замѣчательны своею массив-ностью, но не имѣютъ на себѣ никакихъ украшеній».

Таковы свѣдѣнія, сообщенныя г. С. Поповымъ объ Илимской старинѣ. Какъ ни скромно оцѣниваетъ онъ въ письмѣ къ г. Ларіонову [1]) составленное имъ описаніе, но мы должны подчеркнуть его значеніе, какъ свидѣтельства очевидца, и во всякомъ случаѣ помянуть этотъ трудъ добрымъ словомъ: онъ [illegible] далъ намъ любопытный матеріалъ объ Илимскихъ храмахъ за тринадцать лѣтъ до появленія почтенной статьи о. М. Сизого.

VI.

Кромѣ Илимска, остатки древности находятся въ «Братскомъ острогѣ», который представляетъ собою теперь Братское село Нижнеудинскаго округа Иркутской губерніи. Объ основаніи его мы уже говорили [2]). Онъ былъ не сразу поставленъ на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ, а передвигался нѣсколько разъ. Сначала острогъ этотъ былъ заложенъ въ 8-ми верстахъ отъ устья Оки; затѣмъ его перенесли на полдня пути вверхъ по Ангарѣ и построили при большомъ порогѣ Падунѣ. Въ 1648 году онъ былъ снова перенесенъ на



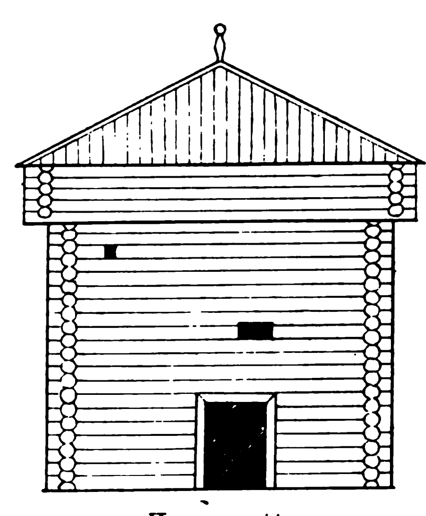
Чертежъ 42. Фасадъ башни въ Братскомъ острогѣ. (По документамъ дѣла Т.-С. К-та М. В. Д. 1869 года, № 287, т. I).

Чертежъ 43. Планъ къ чертежу 42-му. *a*—печь.

[1]) См. стр. 120.

[2]) Стр. 7. При указаніи мѣста острога мы опустили подробности, полагая ихъ ввести здѣсь, что и исполняемъ теперь.

о и поставленъ хоть и не при самомъ устьѣ Оки, но противъ вомъ берегу Ангары, въ видахъ большей безопасности отъ напа-. Затѣмъ, когда буряты нѣсколько поуспокоились, по распоряженію воеводы Аѳанасія Пашкова, Братскій острогъ былъ перенесенъ въ ia нижній протокъ устья Оки, одится и въ настоящее время Слѣдовательно, уцѣлѣвшія въ ревнія башни (черт. 42, 43, абл. XVIII, рис. 1) относятся у, а не ко времени его перво-основанія въ 1631 году. На-вое онъ, какъ извѣстно, по-нахожденія своего въ землѣ вое названіе которыхъ казаки а русскій ладъ и прозвали ихъ



Чертежъ 44.
Фасадъ башни Братскаго острога.
(По документамъ дѣла Т.-С. К-та М. В. Д. 1869 г., № 287, т. I).

бщихъ указаній о Братскомъ ющихся у разныхъ истори-, имена которыхъ мы уже , мы находимъ свѣдѣнія объ башняхъ какъ въ офиціаль-ентахъ, такъ въ литератур-икахъ, именно въ двухъ отно-утскихъ губернаторовъ и въ тнаго изслѣдователя старины тникова, о которыхъ мы ке; а равнымъ образомъ и щеніи приставу 3-го стана аго уѣзда, копія съ котораго дѣлахъ Археологической Ком-

Чертежъ 45.
Планъ къ чертежу 44-му.
а—печь.

ѣшее изображеніе Братскаго острога мы видимъ точно также у рт. 46). Первоначально острогъ представлялъ собою прямоугольникъ башнями по угламъ. Такъ какъ чертежъ Ремезова былъ сдѣ-

---

ʳ Андріевича ч. I, стр. 62.
17.

ланъ въ самомъ концѣ XVII столѣтія, а нынѣ существующія башни от сятся къ 1654 году, то онѣ именно и изображены въ атласѣ къ «Черте ной книгѣ Сибири». Въ настоящее время башни эти находятся на угла церковнаго погоста, расположеннаго на холмѣ, среди села, что вполнѣ понят острогъ, какъ и всякое другое укрѣпленіе, долженъ былъ стоять на вы комъ мѣстѣ, или, въ данномъ случаѣ, на холмѣ. Когда жители собрались строить храмъ, то они очевидно поставили его, какъ свою единственную с тыню и драгоцѣнность, подъ защиту стѣнъ острога, т. е. внутри е когда же населеніе возросло, оно окружило свои жильёмъ острогъ, ставшій такимъ образомъ це ромъ поселка.

Братцкой Острогъ

Чертежъ 46.
Братскій острогъ.
(По Ремезову).

Затѣмъ наступили мирныя времена, остр остался безъ поддержки и нѣкоторыя части исчезли; мѣсто его естественно обратилось въ «ц ковный погостъ», а обѣ уцѣлѣвшія башни очу лись по угламъ (табл. XVIII, рис. 1). Что же сается до оріентировки башенъ, то она опредѣляе слѣдующимъ сообщеніемъ г. Воротникова [1]).

«Въ углахъ церковнаго погоста, говоритъ о съ южной и съ западной стороны находятся башни; къ нимъ примыка церковная рѣшетчатая деревянная ограда, башня на *западномъ* углу церковнаго крыльца отстоитъ на 17²/₃ саж., а отъ южнаго 11 саж. М этихъ башенъ пролегаетъ улица по направленію отъ Ю.-В. къ С.-З., на ваемая въ Братскѣ Заднею улицею».

Отсюда ясно, что древній Братскій острогъ былъ оріентированъ не странамъ свѣта, а произвольно, что, впрочемъ, вполнѣ понятно.

Первые чертежи Братскихъ башенъ (черт. 42—45) были доставле въ М—во Вн. Д. въ 1870 г., вмѣстѣ съ чертежами Якутскаго острога, отношеніи Иркутскаго губернатора, въ которомъ о нихъ было сказано с дующее: «Башни, существующія въ Братскомъ селеніи, Нижнеудинскаго окру построены изъ лиственничнаго лѣса средняго размѣра, четырехугольныя, имѣю 8 арш. въ ширину и 10 въ вышину. Время постройки этихъ башенъ, всей вѣроятности, совпадаетъ съ основаніемъ въ 1646 г. Братскаго остр

[1]) См. его статью: „О древнихъ башняхъ въ с. Братскомъ“ (Памятная книж Иркутской губ. 1881 г., стр. 152—156).

(нынѣ селеніе) казакомъ Перфильевымъ по распоряженію Енисейскаго воеводы» [1]).

Эти краткія строки даютъ намъ весьма существенныя указанія: съ одной стороны относительно матеріала, изъ котораго сооружены башни, съ другой стороны относительно ихъ размѣровъ. Что же касается до сообщаемыхъ историческихъ свѣдѣній, то они невѣрны, ибо, какъ мы уже указывали, башни относятся ко временамъ *послѣдняго* переноса острога, т. е. къ 1654 году, а не къ 1646.

Затѣмъ имѣются весьма недавнія свѣдѣнія о Братскомъ острогѣ, относящіяся къ 1904 году. Сообщены они были Иркутскимъ губернаторомъ, который въ отвѣтъ на запросъ Археологической Коммиссіи прислалъ фотографію западной башни (табл. XVIII, рис. 1), присовокупляя, что подробное описаніе Братскаго острога было помѣщено въ №№ 225, 232, 242 и 248 [1]) «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1902 годъ г. Воротниковымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ прислалъ и дополнительныя свѣдѣнія, полученныя отъ автора этого описанія [2]).

Свѣдѣнія, сообщаемыя г. Воротниковымъ въ № 225 «Иркутскихъ Вѣдомостей», относятся непосредственно къ Братскому острогу, а потому мы ими воспользуемся ниже. Что же касается «дополнительныхъ» его свѣдѣній [3]), то они къ острогу никакого отношенія не имѣютъ, слѣдовательно, несмотря на то значеніе, которое они имѣютъ для исторіи православія въ этомъ краѣ, намъ не нужно ихъ касаться. Въ этомъ «дополненіи» любопытно только указаніе на тотъ способъ, которымъ г. Воротниковъ собиралъ свои свѣдѣнія.

«Описаніе Братскаго Острога, говоритъ онъ, напечатанное въ №№ 225, 233, 242 и 248 «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1902 годъ, составлялось мною съ 1862 года, по свѣдѣніямъ, добытымъ разными путями: чрезъ разспросы стариковъ, большею частью грамотныхъ; нѣкоторые грамотѣи записывали разныя событія на своихъ книгахъ — псалтиряхъ, часословахъ и др., я пользовался этими матеріалами; независимо этого я пользовался разными отрывочными свѣдѣніями изъ книгъ и газетъ по исторіи Сибири, пользовался выписками изъ «Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», касающимися, иногда,

---

[1]) См. Дѣло Т.-С. К—та, № 287-й, т. I, 1869 г., отношеніе и. д. Иркутскаго губернатора отъ 17-го сент. 1870 г. за № 4216 и при немъ „Описаніе памятниковъ древности, наход. въ Иркутской губ.“

[2]) См. Дѣло Имп. Археолог. Коммиссіи 1904 года за № 92, отношеніе Иркутскаго г—ра отъ 17 сентября 1904 года за № 17011.

[3]) Ib. Сообщеніе г. Иннокентія Воротникова приставу 3-го стана Нижнеудинскаго уѣзда.

здѣшней мѣстности; такимъ образомъ, къ напечатанному въ «Иркутских Губернскихъ Вѣдомостяхъ» описанію, пока, я ничего болѣе сообщить не могу могу добавить къ описанію моему развѣ еще замѣтку о Братской Пустынѣ за время управленія Иркутскою епархіей святителя Иннокентія (1728 г.), п оплошности моей не вошедшую въ вышесказанное описаніе» [1]).

Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ г. Воротниковымъ о самомъ острогѣ, мы вос пользуемся лишь тѣми, которыхъ не приводили еще изъ другихъ источников Вотъ, что онъ сообщаетъ объ остаткахъ острога:

«На двухъ углахъ церковной ограды на Ю. и З. стоятъ старинны деревянныя башни, въ стѣнахъ которыхъ устроены дыры и окна; въ них есть и печи, битыя изъ глины, прочности которыхъ, какъ и самыхъ башен нельзя не удивляться, принимая во вниманіе почти трехсотлѣтнее ихъ суще ствованіе; на третьей башнѣ колокольня. Старые жители Братска сказывал что между башнями былъ устроенъ тынъ и пали, а потомъ уничтожены замѣнены деревянною рѣшетчатою оградой. Кромѣ того, старожилы указыва вѣковую лиственницу, стоявшую недалеко отъ острога, у которой сходили шаманы для совѣщаній и жертвоприношеній, и мѣсто это для бурятъ бы священное. Подробныхъ свѣдѣній объ основаніи острога не сохранилос Извѣстно только, что онъ построенъ Енисейскимъ воеводствомъ двадцать годами раньше Иркутска, слѣдовательно въ 1630 году (?). Съ начала построен своего онъ находился верстахъ въ двухъ отъ того мѣста, гдѣ въ настояще время существуетъ; перенесенъ же на нынѣшнее послѣ перваго сраженія с бурятами около 1680 г. Первоначальными жителями острога были одни казак На мѣстѣ стараго острога, какъ его зовутъ обыкновенно, и понынѣ видн слѣды огородныхъ грядъ, погребовъ, домовыхъ основаній и т. п., поросшихъ уж кустарникомъ и лѣсомъ. Мѣстность эта ожидаетъ изслѣдованій и правильны раскопокъ».

Сообщивъ затѣмъ о нападеніи бурятъ на одинъ изъ первыхъ остроговъ легенду о придуманной ими хитрости и наконецъ о тѣхъ страшныхъ усиліях которыя русскіе должны были сдѣлать, чтобы отбить врага, г. Воротниковъ пр должаетъ такъ: «Послѣ того русскіе переселились на нынѣшнее мѣсто и, опасая вторичнаго нападенія, построили небольшое укрѣпленіе, состоящее изъ *тре* деревянныхъ башенъ, которыя и понынѣ существуютъ; двѣ четырехугольн по 8 арш. въ ширину и длину и 10 арш. въ вышину; третья 10 арш.

[1]) Всѣ дополнительныя свѣдѣнія посвящены этой пустынѣ.

діаметрѣ и 24 арш. вышины; эта послѣдняя была у нихъ сторожевою. Впослѣдствіи на ней сдѣлана надстройка, въ которой устроена колокольня приходской церкви. Башни были окружены рогатками и тыновымъ заборомъ въ 2 с. вышиной. Въ *срединѣ своего укрѣпленія* русскіе построили деревянную церковь, которая въ 1840 году за ветхостью была сломана и вмѣсто ея построена новая, деревянная же, очень красивой наружности. Въ тепломъ придѣлѣ мѣстныя иконы въ иконостасѣ *старинной живописи*, освящены, какъ утверждали старожилы, св. Иннокентіемъ I, епископомъ Иркутскимъ, а самый иконостасъ перевезенъ сюда изъ Иркутскаго каѳедральнаго собора. Въ лѣтнемъ придѣлѣ храма *есть икона Спаса Нерукотвореннаго образа, оставшаяся отъ казаковъ, завоевателей Братска;* а въ ризницѣ хранится старинное Евангеліе временъ царя Алексѣя Михаиловича».

Къ этому можно еще добавить тѣ свѣдѣнія, которыя г. Воротниковъ сообщаетъ въ упомянутой уже выше его статьѣ [1]) о внѣшности башенъ: «Цвѣтъ ихъ почти черный отъ времени и дѣйствія солнечныхъ лучей; въ бревнахъ башенныхъ стѣнъ во многихъ мѣстахъ видны слѣды топора, что, какъ свидѣтельствуетъ преданіе, означаетъ то, что молодежь здѣшняя вырубала находившіяся въ стѣнахъ свинцовыя пули».

Затѣмъ нужно отмѣтить также данныя, сообщаемыя имъ о полахъ: «Внутренность башни раздѣляется на два этажа одинаковымъ (одноряднымъ) деревяннымъ поломъ; снизу вверхъ внутри башни хода нѣтъ, а чтобы попасть вверхъ, то нужно поставить лѣстницу, по которой и влѣзать въ верхній этажъ башни черезъ большое окно, находящееся съ боку въ стѣнѣ. Въ нижнемъ этажѣ башенъ нѣтъ пола, а въ верхнемъ потолка».

Разстояніе между башнями на чертежѣ, присланномъ въ М—во В. Д., показано въ 24 сажени.

Вотъ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о Братскомъ острогѣ. Намъ остается теперь только въ нихъ разобраться немного съ помощью рисунковъ и чертежей.

На основаніи чертежа Ремезова, въ достовѣрности котораго нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, мы знаемъ, что Братскій острогъ состоялъ изъ четырехугольной тыновой ограды съ четырьмя башнями по угламъ. Что же касается до утвержденія г. Воротникова, что онъ имѣлъ *три* башни, то это объясняется, конечно, очень давнимъ уничтоженіемъ четвертой, чего поэтому и не помнятъ старожилы. Очень жаль, что въ документахъ Археологической Коммиссіи нѣтъ генеральнаго плана погоста, потому что съ его

[1]) См. стр. 145.

помощью можно бы рѣшить первый вопросъ, насколько вѣрно преданіе объ обращеніи одной изъ башенъ въ колокольню, а попутно съ нимъ и второй — оставлена ли она была на своемъ мѣстѣ, или перенесена на новое?

Извѣстіе о томъ, что башни были окружены «рогатками и тыновымъ заборомъ», весьма вѣроятно, ибо это одинъ изъ способовъ затруднять подступъ къ башнямъ, который между прочимъ былъ примѣненъ, какъ мы уже видѣли, къ башнямъ второго Якутскаго острога воеводою Бибиковымъ [1]). Равнымъ образомъ справедливы указанія на тынъ между башнями, потому что они сходятся съ изображеніемъ Ремезова.

Преданіе о лиственницѣ и святости мѣста для бурятъ весьма любопытно; оно какъ бы указываетъ на то обстоятельство, что русскіе съ умысломъ выбрали это мѣсто: они хотѣли подчеркнуть бурятамъ свою рѣшимость стоять твердою ногою въ краѣ.

Размѣры, показанные въ «отношеніи» губернатора, у г. Воротникова и на чертежахъ, сходятся между собою, слѣдовательно могутъ быть приняты за вѣрные. Къ этому считаемъ долгомъ присовокупить, что высота въ 10 арш. показана отъ земли до вершины пирамидальной крыши; что высота башни до облама — 2 саж. 6 вершк., а высота облама — 1 арш. 6 вершк.; свѣсъ его — 10 вершк., а кронштейны, какъ видно на снимкѣ съ натуры (табл. XVIII, рис. 1), образованы выступомъ только одного бревна. Крыши башенъ сдѣланы въ видѣ низкаго шатра, высота котораго равняется одной четверти ширины основанія. Такія крыши назывались встарину «колпакомъ». Онѣ крыты тесомъ; концы его, черезъ тесину, обрѣзаны въ видѣ копій. Стѣны рублены «съ остаткомъ». Толщина бревенъ 5 вершк., ибо высота стѣны до облама 2 саж. 6 вершк., а вѣнцовъ на снимкѣ съ натуры и на чертежахъ 20 штукъ, откуда толщина бревна опредѣлится такъ:

$$\frac{2 \text{ саж. } 6 \text{ вершк.}}{20} = \frac{102}{20} = 5^{1}/_{10} \text{ вершка.}$$

Печи въ башняхъ, которыя показаны на планахъ (черт. 43 и 45) и упоминаются г. Воротниковымъ, очевидно, позднѣйшаго происхожденія. Вѣроятно, послѣ уничтоженія острога башни были обращены въ жильё, напр. въ церковную сторожку или въ помѣщеніе для какого-нибудь одинокаго пономаря, и тогда потребовались печи.

Хронологическія данныя, сообщаемыя г. Воротниковымъ, нѣсколько расходятся съ данными, которыя мы находимъ у историковъ Сибири, но свѣ-

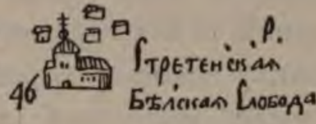
[1]) См. стр. 24.

дѣнія о слѣдахъ перваго острога и о нѣкоторыхъ памятникахъ старины въ нынѣшней позднѣйшей церкви Братскаго острога могутъ служить путеводной нитью для будущаго изслѣдователя и съ этой точки зрѣнія имѣютъ свое значеніе.

Намъ остается теперь упомянуть еще объ остаткахъ старины въ городѣ Балаганскѣ и Бѣльскомъ селеніи.

Мы уже сообщали свѣдѣнія о построеніи Балаганскаго острога (черт. 3 и 13) [1]). Онъ былъ основанъ въ 1654 году и, находясь на Ангарѣ, на половинѣ разстоянія между Братскимъ острогомъ и озеромъ Байкаломъ, имѣлъ большое значеніе въ смыслѣ удержанія края въ русскихъ рукахъ. Балаганскимъ онъ былъ названъ, какъ полагаетъ В. К. Андріевичъ [2]), по имени сосѣдняго бурятскаго племени «балаготовъ». Древнѣйшее его изображеніе мы находимъ у Семена Ремезова (черт. 13).

Въ его же округѣ, въ Черемховской волости, на р. Бѣлой лежитъ Бѣльская слобода (черт. 3), острогъ которой былъ основанъ, по нѣкоторымъ источникамъ, въ 1691 году; но, судя по тому, что у того же Ремезова она показана безъ острога (черт. 47), надо думать, что онъ былъ основанъ нѣсколько позже.



Черт. 47.
Бѣльская слобода.
(По Семену Ремезову).

Свѣдѣнія объ остаткахъ древности въ г. Балаганскѣ и въ Бѣльской слободѣ мы находимъ въ томъ же отношеніи Иркутскаго губернатора, гдѣ сообщается и о Братскомъ острогѣ [3]).

«Въ Балаганскомъ округѣ, говорится тамъ, находятся три памятника древности, а именно:

1) въ Балаганскѣ: а) деревянная башня, подъ которой въ настоящее время устроены ворота церковной ограды. (Табл. XVIII, черт. 2). По народному преданію башня эта построена въ 1634 г., т. е. во время водворенія въ Балаганскѣ боярскаго сына Дмитрія Фирсова съ казаками, воевавшими съ бурятами и возвращавшимися вверхъ по рѣкѣ Ангарѣ по покореніи Братскаго острога; но преданіе это едва ли справедливо, такъ какъ означенная башня по своему устройству не могла служить никакою защитою во время военныхъ дѣйствій; правильнѣе же другое преданіе, что башня эта построена на мѣстѣ сгорѣвшей деревянной церкви, ибо оно подкрѣпляется тѣмъ, что въ ней донынѣ находится икона Спасителя, поставленная потомками казаковъ, водворившихся въ

помощью можно бы рѣшить первый вопросъ, насколько вѣрно преданіе о обращеніи одной изъ башенъ въ колокольню, а попутно съ нимъ и второй — оставлена ли она была на своемъ мѣстѣ, или перенесена на новое?

Извѣстіе о томъ, что башни были окружены «рогатками и тыновымъ заборомъ», весьма вѣроятно, ибо это одинъ изъ способовъ затруднять подступ къ башнямъ, который между прочимъ былъ примѣненъ, какъ мы уже видѣли и къ башнямъ второго Якутскаго острога воеводою Бибиковымъ [1]). Равнымъ образомъ справедливы указанія на тынъ между башнями, потому что они сходятся съ изображеніемъ Ремезова.

Преданіе о лиственницѣ и святости мѣста для бурятъ весьма любопытно: оно какъ бы указываетъ на то обстоятельство, что русскіе съ умысломъ выбрали это мѣсто: они хотѣли подчеркнуть бурятамъ свою рѣшимость стоять твердою ногою въ краѣ.

Размѣры, показанные въ «отношеніи» губернатора, у г. Воротникова и на чертежахъ, сходятся между собою, слѣдовательно могутъ быть приняты за вѣрные. Къ этому считаемъ долгомъ присовокупить, что высота въ 10 аршин показана отъ земли до вершины пирамидальной крыши; что высота башни до облама — 2 саж. 6 вершк., а высота облама — 1 арш. 6 вершк.; свѣсъ его — 10 вершк., а кронштейны, какъ видно на снимкѣ съ натуры (табл. XVIII, рис. 1), образованы выступомъ только одного бревна. Крыши башенъ сдѣланы въ видѣ низкаго шатра, высота котораго равняется одной четверти ширины основанія. Такія крыши назывались встарину «колпакомъ». Онѣ крыты тесомъ; концы его, черезъ тесину, обрѣзаны въ видѣ копій. Стѣны рублены «съ остаткомъ». Толщина бревенъ 5 вершк., ибо высота стѣны до облама 2 саж. 6 вершк., а вѣнцовъ на снимкѣ съ натуры и на чертежахъ 20 штукъ, откуда толщина бревна опредѣлится такъ:

$$\frac{2 \text{ саж. } 6 \text{ вершк.}}{20} = \frac{102}{20} = 5^1/_{10} \text{ вершка.}$$

Печи въ башняхъ, которыя показаны на планахъ (черт. 43 и 45) и упоминаются г. Воротниковымъ, очевидно, позднѣйшаго происхожденія. Вѣроятно, послѣ уничтоженія острога башни были обращены въ жилье, напр. въ церковную сторожку или въ помѣщеніе для какого-нибудь одинокаго пономаря, и тогда потребовались печи.

Хронологическія данныя, сообщаемыя г. Воротниковымъ, нѣсколько расходятся съ данными, которыя мы находимъ у историковъ Сибири, но свѣ-

[1]) См. стр. 24.

.я о слѣдахъ перваго острога и о нѣкоторыхъ памятникахъ старины въ гѣшней позднѣйшей церкви Братскаго острога могутъ служить путеводной ью для будущаго изслѣдователя и съ этой точки зрѣнія имѣютъ свое значеніе.

Намъ остается теперь упомянуть еще объ остаткахъ старины въ городѣ лаганскѣ и Бѣльскомъ селеніи.

Мы уже сообщали свѣдѣнія о построеніи Балаганскаго острога (черт. и 13) [1]. Онъ былъ основанъ въ 1654 году и, находясь на Ангарѣ, на ловинѣ разстоянія между Братскимъ острогомъ и озеромъ Байкаломъ, имѣлъ ьшое значеніе въ смыслѣ удержанія края въ русскихъ рукахъ. Балаганимъ онъ былъ названъ, какъ полагаетъ В. К. Андріевичъ [2], по имени ѣдняго бурятскаго племени «балаготовъ». Древнѣйшее его изображеніе мы ходимъ у Семена Ремезова (черт. 13).

Въ его же округѣ, въ Черемховской волости, на Бѣлой лежитъ Бѣльская слобода (черт. 3), острогъ горой былъ основанъ, по нѣкоторымъ источникамъ, 1691 году; но, судя по тому, что у того же Ремеа она показана безъ острога (черт. 47), надо мать, что онъ былъ основанъ нѣсколько позже.

Черт. 47.
Бѣльская слобода.
(По Семену Ремезову).

Свѣдѣнія объ остаткахъ древности въ г. Балаганскѣ и въ Бѣльской ободѣ мы находимъ въ томъ же отношеніи Иркутскаго губернатора, гдѣ общается и о Братскомъ острогѣ [3].

«Въ Балаганскомъ округѣ, говорится тамъ, находятся три памятника евности, а именно:

1) въ Балаганскѣ: а) деревянная башня, подъ которой въ настоящее емя устроены ворота церковной ограды. (Табл. XVIII, черт. 2). По народному еданію башня эта построена въ 1634 г., т. е. во время водворенія въ Баланскѣ боярскаго сына Дмитрія Фирсова съ казаками, воевавшими съ бурятами и звращавшимися вверхъ по рѣкѣ Ангарѣ по покореніи Братскаго острога; но еданіе это едва ли справедливо, такъ какъ означенная башня по своему тройству не могла служить никакою защитою во время военныхъ дѣйствій; авильнѣе же другое преданіе, что башня эта построена на мѣстѣ сгорѣвшей евянной церкви, ибо оно подкрѣпляется тѣмъ, что въ ней донынѣ нахося икона Спасителя, поставленная потомками казаковъ, водворившихся въ

---

[1] См. стр. 16 и 37.
[2] См. стр. 74.
[3] См. ссылку на стр. 145.

помощью можно бы рѣшить первый вопросъ, насколько вѣрно преданіе объ обращеніи одной изъ башенъ въ колокольню, а попутно съ нимъ и второй — оставлена ли она была на своемъ мѣстѣ, или перенесена на новое?

Извѣстіе о томъ, что башни были окружены «рогатками и тыновымъ заборомъ», весьма вѣроятно, ибо это одинъ изъ способовъ затруднять подступы къ башнямъ, который между прочимъ былъ примѣненъ, какъ мы уже видѣли, къ башнямъ второго Якутскаго острога воеводою Бибиковымъ [1]). Равнымъ образомъ справедливы указанія на тынъ между башнями, потому что они сходятся съ изображеніемъ Ремезова.

Преданіе о лиственницѣ и святости мѣста для бурятъ весьма любопытно; оно какъ бы указываетъ на то обстоятельство, что русскіе съ умысломъ выбрали это мѣсто: они хотѣли подчеркнуть бурятамъ свою рѣшимость стоять твердою ногою въ краѣ.

Размѣры, показанные въ «отношеніи» губернатора, у г. Воротникова и на чертежахъ, сходятся между собою, слѣдовательно могутъ быть приняты за вѣрные. Къ этому считаемъ долгомъ присовокупить, что высота въ 10 арш. показана отъ земли до вершины пирамидальной крыши; что высота башни до облама — 2 саж. 6 вершк., а высота облама — 1 арш. 6 вершк.; свѣсъ его — 10 вершк., а кронштейны, какъ видно на снимкѣ съ натуры (табл. XVIII, рис. 1), образованы выступомъ только одного бревна. Крыши башенъ сдѣланы въ видѣ низкаго шатра, высота котораго равняется одной четверти ширины основанія. Такія крыши назывались встарину «колпакомъ». Онѣ крыты тесомъ; концы его, черезъ тесину, обрѣзаны въ видѣ копій. Стѣны рублены «съ остаткомъ». Толщина бревенъ 5 вершк., ибо высота стѣны до облама 2 саж. 6 вершк., а вѣнцовъ на снимкѣ съ натуры и на чертежахъ 20 штукъ, откуда толщина бревна опредѣлится такъ:

$$\frac{2 \text{ саж. } 6 \text{ вершк.}}{20} = \frac{102}{20} = 5^1/_{10} \text{ вершка.}$$

Печи въ башняхъ, которыя показаны на планахъ (черт. 43 и 45) и упоминаются г. Воротниковымъ, очевидно, позднѣйшаго происхожденія. Вѣроятно, послѣ уничтоженія острога башни были обращены въ жильё, напр. въ церковную сторожку или въ помѣщеніе для какого-нибудь одинокаго пономаря, и тогда потребовались печи.

Хронологическія данныя, сообщаемыя г. Воротниковымъ, нѣсколько расходятся съ данными, которыя мы находимъ у историковъ Сибири, но свѣ-

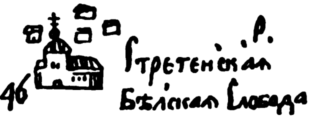
[1]) См. стр. 24.

ія о слѣдахъ перваго острога и о нѣкоторыхъ памятникахъ старины въ гѣшней позднѣйшей церкви Братскаго острога могутъ служить путеводной ью для будущаго изслѣдователя и съ этой точки зрѣнія имѣютъ свое значеніе.

Намъ остается теперь упомянуть еще объ остаткахъ старины въ городѣ лаганскѣ и Бѣльскомъ селеніи.

Мы уже сообщали свѣдѣнія о построеніи Балаганскаго острога (черт. и 13) [1]. Онъ былъ основанъ въ 1654 году и, находясь на Ангарѣ, на ловинѣ разстоянія между Братскимъ острогомъ и озеромъ Байкаломъ, имѣлъ ьшое значеніе въ смыслѣ удержанія края въ русскихъ рукахъ. Балаганимъ онъ былъ названъ, какъ полагаетъ В. К. Андріевичъ[2], по имени ѣдняго бурятскаго племени «балаготовъ». Древнѣйшее его изображеніе мы содимъ у Семена Ремезова (черт. 13).

Въ его же округѣ, въ Черемховской волости, на Бѣлой лежитъ Бѣльская слобода (черт. 3), острогъ горой былъ основанъ, по нѣкоторымъ источникамъ, 1691 году; но, судя по тому, что у того же Ремеа она показана безъ острога (черт. 47), надо мать, что онъ былъ основанъ нѣсколько позже.



Черт. 47.
Бѣльская слобода.
(По Семену Ремезову).

Свѣдѣнія объ остаткахъ древности въ г. Балаганскѣ и въ Бѣльской ободѣ мы находимъ въ томъ же отношеніи Иркутскаго губернатора, гдѣ общается и о Братскомъ острогѣ [3].

«Въ Балаганскомъ округѣ, говорится тамъ, находятся три памятника евности, а именно:

1) въ Балаганскѣ: а) деревянная башня, подъ которой въ настоящее емя устроены ворота церковной ограды. (Табл. XVIII, черт. 2). По народному еданію башня эта построена въ 1634 г., т. е. во время водворенія въ Баланскѣ боярскаго сына Дмитрія Фирсова съ казаками, воевавшими съ бурятами и звращавшимися вверхъ по рѣкѣ Ангарѣ по покореніи Братскаго острога; но еданіе это едва ли справедливо, такъ какъ означенная башня по своему тройству не могла служить никакою защитою во время военныхъ дѣйствій; авильнѣе же другое преданіе, что башня эта построена на мѣстѣ сгорѣвшей ревянной церкви, ибо оно подкрѣпляется тѣмъ, что въ ней донынѣ нахоится икона Спасителя, поставленная потомками казаковъ, водворившихся въ

[1] См. стр. 16 и 37.
[2] См. стр. 74.
[3] См. ссылку на стр. 145.

Балаганскѣ, и б) каменный церковный памятникъ на площади у лавокъ;
построенъ въ 1728 г., съ разрѣшенія Преосвященнаго Иркутскаго Инноке
на мѣстѣ упраздненной церкви (по народному преданію сгорѣвшей).

2) Черемховской волости въ Бѣльскомъ селеніи находится деревян
башня, построенная, какъ говоритъ преданіе, лѣтъ за 150 въ память б
бы нашествія монголовъ на Бѣльскій острогъ. Башня эта имѣетъ два эт
съ перилами наверху для хода; во второмъ этажѣ ея со всѣхъ сторонъ по
окна величиною каждое не болѣе двухъ четвертей аршина». (Черт. 48, 49 и 50

Изображеніе Ремезова (черт. 13) ясно показываетъ намъ, что Б
ганскій острогъ представлялъ собою простѣйшій типъ сибирскаго укрѣп
въ видѣ прямоугольника, обнесеннаго частоколомъ, въ которомъ никак
башенъ не было. Слѣдовательно это изображеніе опровергаетъ выше приведе
преданіе, въ которомъ, впрочемъ, сомнѣвается и самый оффиціальный источн
Поэтому правильнѣе допустить второе предположеніе о происхожденіи ба
Рисунокъ, приложенный къ «отношенію», исполненъ отъ руки, въ больш
масштабѣ, свинцовымъ карандашемъ и сдѣланъ настолько наивно, что н
пришлось его нѣсколько поисправить для помѣщенія въ этомъ трудѣ, а им
оказалось необходимымъ добавить лѣвую боковую стѣнку паперти, прот
которой приходится лѣстница. (Табл. XVIII, рис. 2). Часовня эта дѣйс
тельно очень похожа на нижнюю часть острожной башни, но во всяк
случаѣ крайне пострадала отъ перестройки. Шпиль, съ шаромъ наверху,
крышѣ и николаевскій орелъ съ Императорской короной и горизонтально
простертыми крыльями, разумѣется, позднѣйшаго происхожденія.

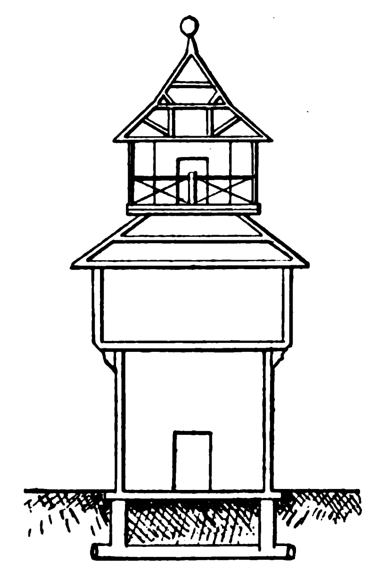
Что же касается до «церковнаго памятника 1728 года», то хотя
рисунокъ, замѣтимъ попутно,—очень плохой, и имѣется въ дѣлѣ Т.-С. К
тета № 287, но онъ не представляетъ собою ничего достойнаго вниманія
потому мы оставляемъ его въ сторонѣ.

Единственный памятникъ старины въ Бѣльской слободѣ (черт. 48),
годаря своей вышкѣ, относится къ типу такъ называемыхъ «дозорныхъ»
«сторожевыхъ» башенъ. По чертежу эта башня имѣетъ слѣдующіе размѣры: 2
въ квадратѣ въ планѣ, 2 саж. высоты до облама; обламъ высотою 1 саж.; пе
крыша 2 арш., круговой балконъ вышки 1 саж. и шатеръ вышки 1
1 арш.; общая высота отъ земли до верху шарика 6 саж. 1 арш. Слѣд
тельно эта башня значительно меньше Якутскихъ башенъ и больше Братск

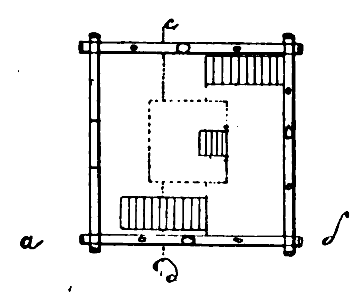
[1]) Ib. См. Описаніе памятниковъ древности, находящихся въ Иркут
губерніи, показанныхъ на прилагаемыхъ чертежахъ.

Устройство ея совершенно подобно дозорнымъ башнямъ Якутскаго острога. Отличіе заключается лишь въ томъ, что вышка сдѣлана рубленой, а сторожевой балконъ устроенъ вокругъ нея снаружи (черт. 48), подобно тому, какъ мы это видимъ на башняхъ Красноярска (черт. 29 и 30). Такое устройство

Черт. 48.
Башня въ Бѣльскомъ селеніи Иркутской губ.
(По документамъ дѣла Т.-С. К-та М. В. Д. 1869 года, № 287, т. I).



Черт. 49.
Разрѣзъ къ чертежу 48-му.



Черт. 50.
Планъ къ чертежу 48-му.

лучше открытой вышки, ибо часовой можетъ отъ времени до времени прятаться въ нее отъ непогоды, а равнымъ образомъ скрыться отъ непріятельскихъ стрѣлъ.

Въ чертежахъ Бѣльской башни особенный интересъ представляетъ собою разрѣзъ (черт. 49). На немъ не только видно три «моста» или пола башни,—первый «наземный», второй у облама и третій у вышки,—но даже показано устройство фундамента. По чертежу мы можемъ заключить, что въ землю были врыты «лежни», въ которые врѣзаны «стулья» [1]), а на нихъ уже основаны

[1]) Короткія вертикальныя бревна по бокамъ.

стѣны башни. Если при этомъ лежни опущены ниже уровня грунтовыхъ вод-
чѣмъ они обезпечены отъ гніенія, а относительно «стульевъ» тоже принят-
мѣры предосторожности противъ гніенія, то такой фундаментъ очень прочен
и хорошъ для легкой деревянной постройки и несомнѣнно предохраняетъ е
отъ осѣданія и того наклоненія въ сторону, которое мы видимъ въ Якутских
башняхъ (табл. VI и VIII) и на которое указываютъ въ своихъ отношеніях
губернаторы, какъ на признакъ близкаго ихъ разрушенія.

Въ планѣ башни (черт. 50) показаны три лѣстницы, но въ виду их
отсутствія на разрѣзѣ способъ пользованія ими выяснить нельзя: вѣроятн
двѣ, короткая и длинная, вели на «мостъ» облама, какъ болѣе приподнятыѣ
а одна большая—на вышку. Но расположеніе ихъ въ планѣ такъ странн
что, повторяемъ, способъ ихъ пользованія точно опредѣлить нельзя.

Что касается до времени основанія башни, то преданіе, приводимое в
отношеніи губернатора, весьма вѣроятно: 150 лѣтъ до 1870 года есть не чт
иное, какъ 1720 годъ. Изъ чертежа Ремезова мы знаемъ, что въ 1701 год
въ Бѣльской слободѣ башенъ не было, слѣдовательно она могла быть основан
только *послѣ* этого времени. Затѣмъ набѣгъ монголовъ въ началѣ XVIII вѣк
также весьма вѣроятенъ: западный конецъ Монголіи и теперь приходится в
какихъ-нибудь 250 верстахъ на югъ отъ Бѣльской слободы, а двѣсти лѣт
тому назадъ былъ, разумѣется, еще ближе; Кяхтинскій-же договоръ, опредѣливш
нашу границу съ Монголіей и заключавшій въ себѣ статьи касательно погра
ничныхъ споровъ и грабежей, былъ заключенъ лишь въ 1728 году. Слѣдова
тельно ничто не противорѣчитъ приведенному выше преданію объ основан
Бѣльской башни.

Въ заключеніе не можемъ не указать, что въ дѣлѣ бывшаго Хозяйстве
наго Д—та М. В. Д. за № 607 и № 605 есть еще слѣдующія свѣдѣн
относящіяся къ памятникамъ древности Якутской области и заключающія
въ отвѣтахъ на неоднократно уже указанный нами запросъ Академіи Худ
жествъ.

Свѣдѣнія эти относятся къ Колымскому и Вилюйскому округамъ, т.
къ сѣверной и западной части Якутской области (табл. I).

По словамъ и. д. Колымскаго окружнаго исправника, г. В. Карзин
въ Вилюйскомъ округѣ «имѣется одна полуразвалившаяся деревянная баш
какъ остатокъ древняго Средне-Колымскаго острога, находящаяся нынѣ
чертѣ ограды мѣстнаго Покровскаго собора. Башня эта срублена прост

рубкою въ четыре стѣны изъ мѣстнаго тонкаго лиственичнаго лѣса въ два яруса, съ миніатюрными прорубками для ружейныхъ стволовъ. Имя зодчаго этой башни неизвѣстно. Пространство, занимаемое башнею, равно 6 кв. арш. (?) Высота же башни отъ ея основанія до верхней оконечности крыши 10 арш. 2½ вершка».

«Постройку этой башни, по мѣстному преданію, относятъ къ первому появленію въ Колымскомъ округѣ первыхъ казаковъ завоевателей Сибири, т. е. къ 1640 годамъ» [1]).

Свѣдѣнія, сообщаемыя Вилюйскимъ окружнымъ исправникомъ, г. В. Шухардинымъ, нѣсколько болѣе подробны и касаются одной башни, старой церкви и туземныхъ народныхъ украшеній. Вотъ его подлинный отвѣтъ:

«Въ округѣ есть небольшого размѣра курганы, но таковые по наружному своему виду ничего особеннаго не представляютъ и подъ ними, по мнѣнію обывателей, находится ледъ».

«Въ Сунтарскомъ улусѣ, не въ далекомъ разстояніи отъ мѣстечка «Крестяхъ», сохранилась деревянная башня, построенная казаками. Преданіе говоритъ, что въ этой мѣстности явилось первое поселеніе русскихъ завоевателей, вступившихъ въ тотъ край, который составляетъ въ настоящее время Вилюйскій округъ, и самое названіе «Крестяхъ» производятъ отъ слова крестъ, такъ какъ русскіе, избравъ эту мѣстность, поставили здѣсь крестъ. Башня эта по своему виду и устройству, будто бы, не отличается ничѣмъ отъ тѣхъ, которыя находятся въ г. Якутскѣ, но несравненно меньше размѣромъ. Изъ старыхъ деревянныхъ построекъ въ округѣ сохранилась только церковь, построенная, какъ говорятъ, лѣтъ двѣсти тому назадъ протоіереемъ Поповымъ, посвященнымъ въ протоіереи святителемъ Иннокентіемъ Иркутскимъ. Церковь эта находится въ Сунтарскомъ улусѣ. По времени постройки это была первая церковь въ округѣ. Въ настоящее время въ ней не происходитъ службы вслѣдствіе ея ветхости; колокольня ея уже обрушилась до половины. Въ этой церкви находились иконы, представляющія интересъ по древности письма. Часть этихъ иконъ и по настоящее время остается въ ней, а часть перенесена въ новую церковь.

У инородцевъ находили берестяныя женскія украшенія, которыя надѣвались на шею или грудь (въ родѣ малороссійскихъ монистъ или тѣхъ украшеній изъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ, которыя носятъ татарскія женщины). Нарядъ этотъ представляетъ иногда довольно тонко и искусно вырѣзанныя

[1]) Отвѣтъ отъ 29 іюля 1887 года.

изъ бересты фигуры—круглыя, овальныя, четвероугольныя, нанизанныя на нитку. Эти берестяныя украшенія въ настоящее время замѣняются металлическими»[1]).

Приводя всѣ эти свѣдѣнія, мы, конечно, разсматриваемъ ихъ не какъ «археологическій матеріалъ», а лишь какъ «свидѣтельскія показанія» для будущихъ изслѣдователей. При этомъ считаемъ нужнымъ оговориться, что приведенныя нами свѣдѣнія сообщены двадцать лѣтъ тому назадъ, но что вѣрно для 1887 года, то можетъ быть совершенно невѣрно для 1907 года, а потому вполнѣ возможно, что отъ этихъ памятниковъ уже нѣтъ болѣе и слѣда; но теперь онъ останется по крайней мѣрѣ въ нашей археологической литературѣ.

Таковы свѣдѣнія, которыми можно располагать, на основаніи «архивныхъ» данныхъ, относительно древнихъ памятниковъ Восточной Сибири. Мы, конечно, далеки отъ мысли, что ими исчерпывается «все», и намъ остается только пожелать, чтобы мѣстныя силы поскорѣе взялись за дѣло и ознакомили русскую науку съ уцѣлѣвшими тамъ остатками древнерусской жизни.

Н. Султановъ.

С.-Петербургъ,
16-го мая 1907 года.

1) Отвѣтъ отъ 15-го сентября 1887 г.

КАРТА
СѢВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗІИ.
Второй половины XVII вѣка.

Составлена по документальнымъ даннымъ.
съ показаніемъ рѣкъ и остроговъ,
упоминаемыхъ въ „Описаніи остатковъ Якутскаго острога“.

1. Видъ города Пелыма.
(По академической гравюрѣ второй половины XVIII вѣка).

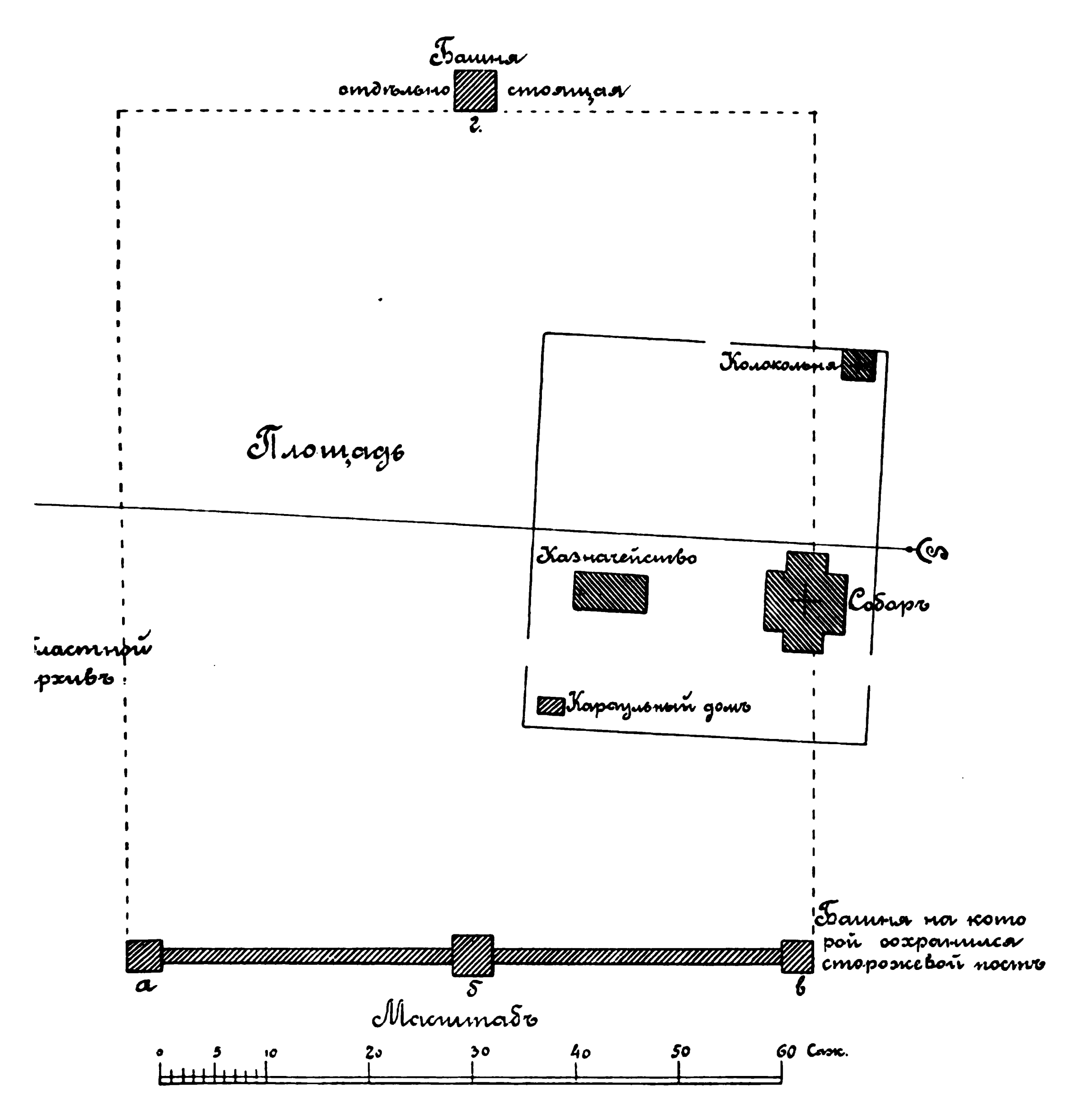
2. Видъ Якутска.
(По Витзену).

1. Соборъ.
2. Монастырь.
3. Зданіе суда.
4. Домъ коменданта.
5. Крѣпостныя ворота и башенка съ часами и боемъ.
6. Арестантскій домъ.
7. Амбары.
8. Колодецъ въ крѣпости.
9. Цейхгаузъ.
10. Дома для канцелярскихъ служителей.
11. Проѣздныя ворота и башня.
12. Гостинница съ лавками.
13. Церковь въ городѣ.

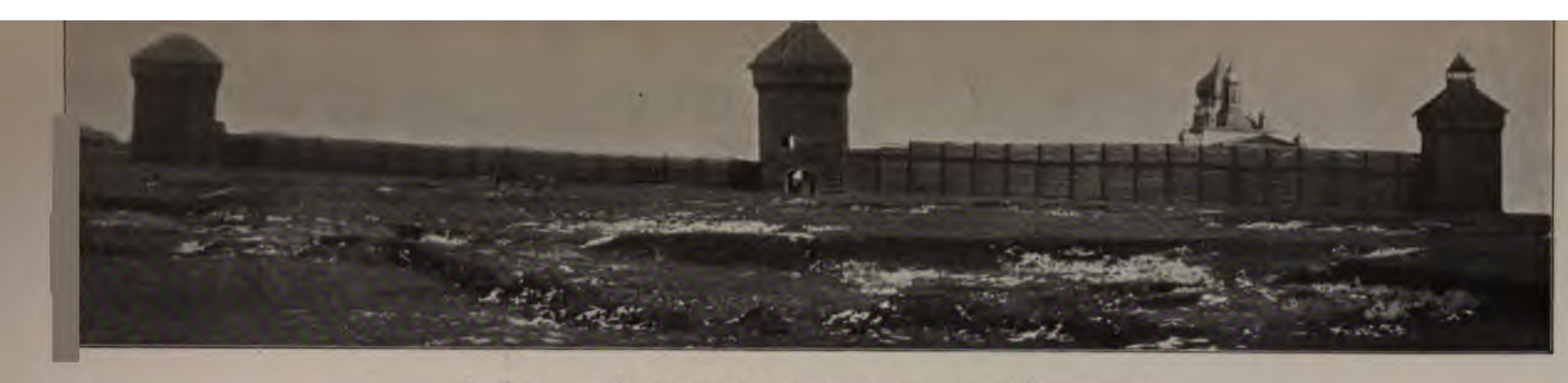
1. Видъ Якутска съ юго-западной стороны.
(По академической гравюрѣ второй половины XVIII вѣка).

2. Продолженіе того-же вида.
(Восточный конецъ города).

Планъ остатковъ древней крѣпости въ г. Якутскѣ

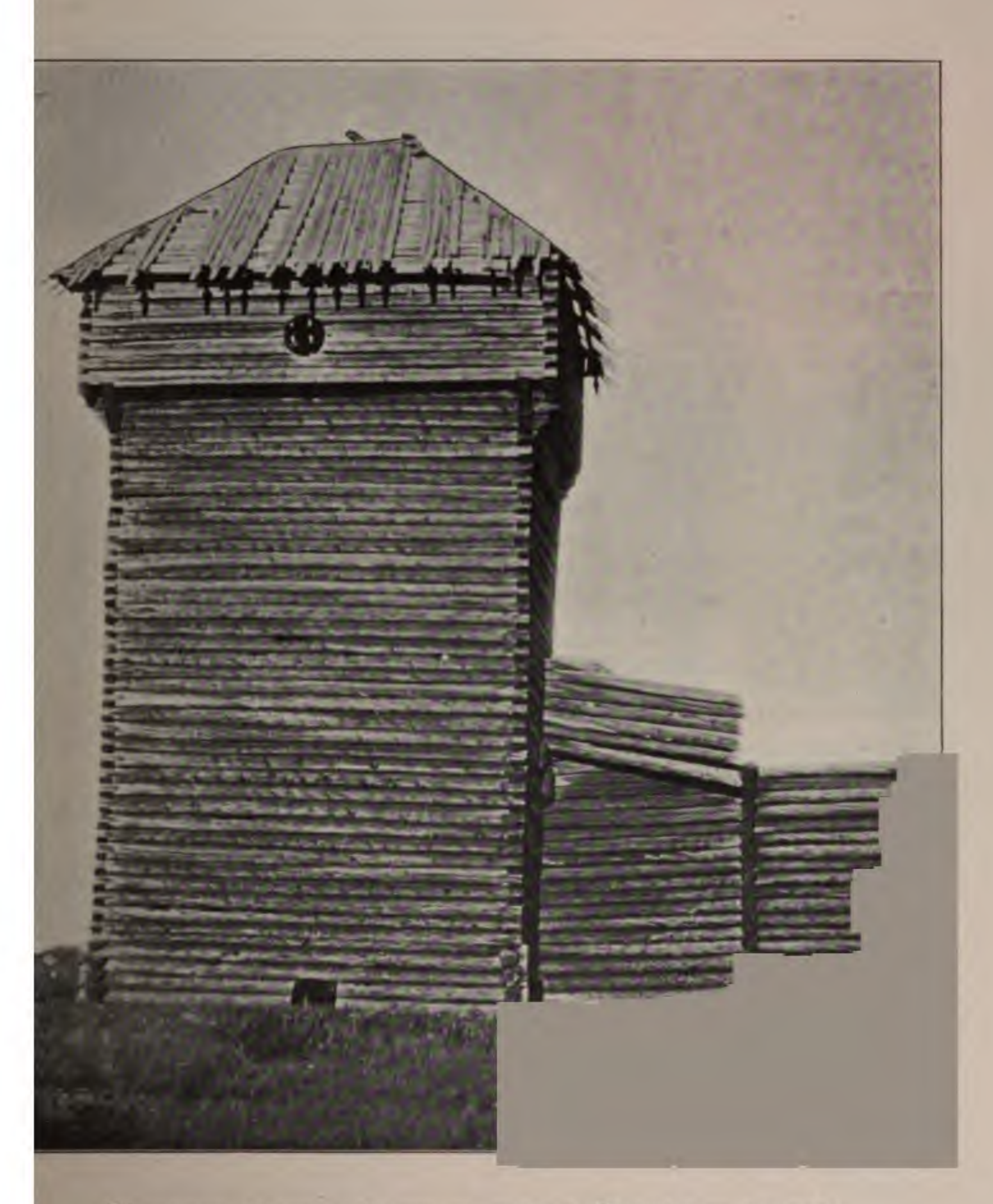


(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607 — № 105, 1877—79 г.г.).



1. Остатки Якутскаго „города“ съ *внѣшней* стороны.
(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607—№ 105, 1877—79 г.г.).

2. Перспективный видъ остатковъ Якутскаго „города“ съ *внѣшней* стороны.
(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607—№ 105, 1877—79 г.г.).



Сѣверная угловая башня остатковъ Якутскаго острога.

(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607—№ 105, 1877—79 г.г.).

Средняя башня остатковъ Якутскаго острога съ наружной стороны.

(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607—№ 105, 1877—79 г.г.).

Отдѣльная, восточная башня остатковъ Якутскаго острога.
(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607—№ 105, 1877—79 г.г.).

1. Наружный фасадъ Якутскаго острога.

(По Кипріанову).

2. Внутренній фасадъ Якутскаго острога.

(По Кипріанову).

1. Внѣшній фасадъ остатковъ Якутскаго острога.
(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 507—№ 105, 1877—1879 гг.).

2. Стѣна Якутскаго „города“ съ внутренней стороны.
(По модели Императорской Археологической Коммиссіи).

3. Разрѣзъ башни и стѣны г. Торжка.
(По Пальмквисту).

Отдѣльная, восточная башня Якутскаго острога. Фасадъ внутренней, западной стороны.

(По модели Императорской Археологической Коммиссіи).

1. Спасская башня заштатнаго города Илимска.

(По документамъ дѣла Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д., № 287, т. I, 1869 года).

2. Старинный домъ у Спасской башни въ заштатномъ городѣ Илимскѣ.

(По документамъ дѣла Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д., № 287, т. I, 1869 года).

1. Никольская башня заштатнаго города Илимска.
(По документамъ дѣла Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д., № 287, т. I, 1869 года.).

2. Церковь Іоанна Предтечи заштатнаго города Илимска.
(По документамъ дѣла Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д., № 287, т. I, 1869 года).

1. Казанская церковь заштатнаго города Плимска.

(По документамъ дѣла Технико-Строительнаго Комитета М. В. Д., № 287, т. I, 1869 года)

2. Введенская церковь заштатнаго города Илимска.

(По документамъ дѣла Технико-Строительнаго Комитета М. В. Д., № 287, т. I, 1869 года).

1. Западная башня Братскаго острога.

(По документамъ Императорской Археологической Коммиссіи).

2. Часовня въ г. Балаганскѣ.

(По документамъ дѣла Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д., № 287, т. I, 1869 года).

(Akad Sor
VII-45
6

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Выпускъ 25-й.

Съ 5 табл. и 128 рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ. Моховая, 40.
1907.

Печатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Bulletin de la Commission Impériale Archéologique.

25-ème livraison

Table des matières.

имп. Констанція (324—361) и латинскою надписью, указывающею на 34
по Р. Х. Такъ какъ главные предметы, найденные въ склепахъ 1904 г., прин
лежатъ къ такъ называемымъ готскимъ издѣліямъ, то эту отрасль древняго ю
лирнаго искусства можно теперь смѣло датировать III и IV вѣками по Р. Х.

Фресковая живопись оказалась лишь въ катакомбѣ № 161.

Раскопки отчетнаго года имѣютъ еще то значеніе, что ими опредѣл
отчасти границы огромнаго пантикапейскаго кладбища, состоящаго изъ под
ныхъ семейныхъ склеповъ, извѣстныхъ подъ названіемъ катакомбъ. Восточ
границей этого некрополя оказалась Госпитальная улица, поднимающаяся
С. къ Ю. по сѣверной покатости горы Митридата, южной—Константинов
улица (катакомба, въ которой въ 1891 г. найдено извѣстное серебряное б
съ изображеніемъ имп. Юстиніана[2]), находится недалеко отъ южнаго руб
этого некрополя), а сѣверную границу кладбища составляетъ Эспланадная ул
При разслѣдованіи этой улицы въ 1902 г. и въ отчетномъ году не най
ни одной катакомбы, но во дворѣ № 17 на углу Эспланадной и Шлагбаум
улицъ оказалась небольшая катакомба (№ 180), самая крайняя съ юж
стороны некрополя. Эта полоса съ нѣсколькими рядами безчисленныхъ к
комбъ тянется съ небольшими перерывами отъ Госпитальной улицы вплоть
вала, спускающагося отъ Золотаго кургана къ полотну желѣзной дороги.

Въ отчетномъ году разслѣдованы еще холмъ на 2-й Нагорной ул
находящійся за западнымъ угломъ 2-й Подгорной улицы, и та часть почт
дороги, которая находится у подошвы горы Митридата, между углами 2-
3-ей Подгорныхъ улицъ. Въ первомъ некрополѣ (№№ 1—6, 11, 22 и
встрѣчалось погребеніе двухъ разныхъ эпохъ (въ однѣхъ гробницахъ находи
чернолаковая и краснолаковая посуда и автономныя монеты гор. Пантика
въ другихъ—стеклянные сосуды), въ гробницахъ другого некрополя попада
въ большомъ количествѣ монеты боспорскихъ царей, царствовавшихъ въ
III вв. по Р. Хр.

Окончено также разслѣдованіе Шлагбаумской улицы; остался не раз
дованнымъ только уголъ Константиновской улицы, гдѣ выдается въ Шлагб
скую ул. старый домикъ, нарушающій правильность улицы.

Работы, произведенныя въ 1904 г. на Глинищѣ и на Корецкомъ ху

---

[1]) Правильность этой датировки подверждается также керченской нахо
1895 г., составившей предметъ весьма интересной статьи Э. Р. фонъ-Ште
«Къ вопросу о происхожденіи Готскаго стиля предметовъ ювелирнаго искусс
(*Зап. Одесскаго общ.* т. XX, 1897, стр. 1—15).

[2]) Матеріалы по археологіи Россіи, № 8. Спб. 1892.

носили характеръ случайности: открытыя тамъ гробницы обнаруживались при планировкѣ улицъ или при рытьѣ ямъ для посадки деревьевъ; нѣкоторыя были раскопаны въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ начиналась ночная работа кладоискателей.

I. Гробницы, открытыя на Митридатовой горѣ.

(Съ 9 января по 6 марта и со 2 іюля по 31 декабря).

№ 1. При планировкѣ 2-й Нагорной улицы городскіе рабочіе случайно напали на каменный ящикъ дл. 0,44 м., шир. 0,31, глуб. 0,37, оріентированный съ З. на В. Ящикъ, находившійся на глубинѣ 1,25 м. подъ вершиною небольшого холма, былъ сложенъ изъ 4 тщательно обтесанныхъ плитъ, поставленныхъ ребромъ на материкѣ, и былъ покрытъ разбитымъ на двѣ части камнемъ; дно ящика было земляное. Восточная и западная стѣнки имѣли 0,16 м. толщины, южная и сѣверная — 0,20 м. Въ серединѣ ящика стоялъ большой простой глиняный сосудъ (выс. 0,325 м.), у котораго еще въ древности была отбита ручка; сосудъ болѣе чѣмъ на половину былъ наполненъ жжеными костями, а отверстіе его было закрыто каменнымъ кружкомъ (толщ. 0,02 м., діам. 0,10 м.), залитымъ съ одной стороны гипсомъ. Въ ю.-з. углу ящика стоялъ двуручный сосудикъ съ множествомъ рельефныхъ капель на туловищѣ (рис. 1), въ с.-з. углу—чернолаковый сосудъ съ воронкообразнымъ отверстіемъ. Весь ящикъ до верху былъ наполненъ мягкою землею, смѣшанною съ пескомъ.

Рис. 1 (1/2).

№ 2. Тамъ же. На глубинѣ 1,77 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 2,14 м., шир. 0,57, глуб. 0,59. Въ лѣвой рукѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ Ю., найдена бронзовая монетка (Бурачковъ XXI, 131); въ ногахъ, въ с.-з. углу гробницы, двуручная краснолаковая чашечка, у которой еще въ древности была отбита одна ручка.

№ 3. Тамъ же. На глубинѣ 1,40 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,15 м., шир. 0,61, глуб. 0,80. Возлѣ головы костяка, лежавшаго головою на Ю., найдены мѣдныя серьги, совершенно испорченныя ржавчиной,

имп. Констанція (324—361) и латинскою надписью, указывающею на 344 по Р. X. Такъ какъ главные предметы, найденные въ склепахъ 1904 г., принадлежатъ къ такъ называемымъ готскимъ издѣліямъ, то эту отрасль древняго ювелирнаго искусства можно теперь смѣло датировать III и IV вѣками по Р. X.[1]

Фресковая живопись оказалась лишь въ катакомбѣ № 161.

Раскопки отчетнаго года имѣютъ еще то значеніе, что ими опредѣлен отчасти границы огромнаго пантикапейскаго кладбища, состоящаго изъ подзе ныхъ семейныхъ склеповъ, извѣстныхъ подъ названіемъ катакомбъ. Восточн границей этого некрополя оказалась Госпитальная улица, поднимающаяся С. къ Ю. по сѣверной покатости горы Митридата, южной—Константиновск улица (катакомба, въ которой въ 1891 г. найдено извѣстное серебряное бл съ изображеніемъ имп. Юстиніана[2]), находится недалеко отъ южнаго рубе этого некрополя), а сѣверную границу кладбища составляетъ Эспланадная ули При разслѣдованіи этой улицы въ 1902 г. и въ отчетномъ году не найд ни одной катакомбы, но во дворѣ № 17 на углу Эспланадной и Шлагбаумск улицъ оказалась небольшая катакомба (№ 180), самая крайняя съ юж стороны некрополя. Эта полоса съ нѣсколькими рядами безчисленныхъ ка комбъ тянется съ небольшими перерывами отъ Госпитальной улицы вплоть вала, спускающагося отъ Золотаго кургана къ полотну желѣзной дороги.

Въ отчетномъ году разслѣдованы еще холмъ на 2-й Нагорной улиц находящійся за западнымъ угломъ 2-й Подгорной улицы, и та часть почтово дороги, которая находится у подошвы горы Митридата, между углами 2-й 3-ей Подгорныхъ улицъ. Въ первомъ некрополѣ (№№ 1—6, 11, 22 и 23 встрѣчалось погребеніе двухъ разныхъ эпохъ (въ однѣхъ гробницахъ находилас чернолаковая и краснолаковая посуда и автономныя монеты гор. Пантикапея въ другихъ—стеклянные сосуды), въ гробницахъ другого некрополя попадалис въ большомъ количествѣ монеты боспорскихъ царей, царствовавшихъ въ I— III вв. по Р. Хр.

Окончено также разслѣдованіе Шлагбаумской улицы; остался не разсл дованнымъ только уголъ Константиновской улицы, гдѣ выдается въ Шлагбау скую ул. старый домикъ, нарушающій правильность улицы.

Работы, произведенныя въ 1904 г. на Глинищѣ и на Корецкомъ хутор

---

[1]) Правильность этой датировки подверждается также керченской находк 1895 г., составившей предметъ весьма интересной статьи Э. Р. фонъ-Штер «Къ вопросу о происхожденіи Готскаго стиля предметовъ ювелирнаго искусств (*Зап. Одесскаго общ.* т. XX, 1897, стр. 1—15).

[2]) Матеріалы по археологіи Россіи, № 8. Спб. 1892.

носили характеръ случайности: открытыя тамъ гробницы обнаруживались при планировкѣ улицъ или при рытьѣ ямъ для посадки деревьевъ; нѣкоторыя были раскопаны въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ начиналась ночная работа кладоискателей.

I. Гробницы, открытыя на Митридатовой горѣ.

(Съ 9 января по 6 марта и со 2 іюля по 31 декабря).

№ 1. При планировкѣ 2-й Нагорной улицы городскіе рабочіе случайно напали на каменный ящикъ дл. 0,44 м., шир. 0,31, глуб. 0,37, оріентированный съ З. на В. Ящикъ, находившійся на глубинѣ 1,25 м. подъ вершиною небольшого холма, былъ сложенъ изъ 4 тщательно обтесанныхъ плитъ, поставленныхъ ребромъ на материкѣ, и былъ покрытъ разбитымъ на двѣ части камнемъ; дно ящика было земляное. Восточная и западная стѣнки имѣли 0,16 м. толщины, южная и сѣверная—0,20 м. Въ серединѣ ящика стоялъ большой простой глиняный сосудъ (выс. 0,325 м.), у котораго еще въ древности была отбита ручка; сосудъ болѣе чѣмъ на половину былъ наполненъ жжеными костями, а отверстіе его было закрыто каменнымъ кружкомъ (толщ. 0,02 м., діам. 0,10 м.), залитымъ съ одной стороны гипсомъ. Въ ю.-з. углу ящика стоялъ двуручный сосудикъ съ множествомъ рельефныхъ капель на туловищѣ (рис. 1), въ с.-з. углу—чернолаковый сосудъ съ воронкообразнымъ отверстіемъ. Весь ящикъ до верху былъ наполненъ мягкою землею, смѣшанною съ пескомъ.

Рис. 1 (1/2).

№ 2. Тамъ же. На глубинѣ 1,77 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 2,14 м., шир. 0,57, глуб. 0,59. Въ лѣвой рукѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ Ю., найдена бронзовая монетка (Бурачковъ XXI, 131); въ ногахъ, въ с.-з. углу гробницы, двуручная краснолаковая чашечка, у которой еще въ древности была отбита одна ручка.

№ 3. Тамъ же. На глубинѣ 1,40 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,15 м., шир. 0,61, глуб. 0,80. Возлѣ головы костяка, лежавшаго головою на Ю., найдены мѣдныя серьги, совершенно испорченныя ржавчиной,

имп. Констанція (324—361) и латинскою надписью, указывающею на 34
по Р. Х. Такъ какъ главные предметы, найденные въ склепахъ 1904 г., прин
лежатъ къ такъ называемымъ готскимъ издѣліямъ, то эту отрасль древняго ю
лирнаго искусства можно теперь смѣло датировать III и IV вѣками по Р. Х

Фресковая живопись оказалась лишь въ катакомбѣ № 161.

Раскопки отчетнаго года имѣютъ еще то значеніе, что ими опредѣл
отчасти границы огромнаго пантикапейскаго кладбища, состоящаго изъ под
ныхъ семейныхъ склеповъ, извѣстныхъ подъ названіемъ катакомбъ. Восточ
границей этого некрополя оказалась Госпитальная улица, поднимающаяся
С. къ Ю. по сѣверной покатости горы Митридата, южной—Константинов
улица (катакомба, въ которой въ 1891 г. найдено извѣстное серебряное бл
съ изображеніемъ имп. Юстиніана [2]), находится недалеко отъ южнаго руб
этого некрополя), а сѣверную границу кладбища составляетъ Эспланадная ул
При разслѣдованіи этой улицы въ 1902 г. и въ отчетномъ году не най
ни одной катакомбы, но во дворѣ № 17 на углу Эспланадной и Шлагбаум
улицъ оказалась небольшая катакомба (№ 180), самая крайняя съ юж
стороны некрополя. Эта полоса съ нѣсколькими рядами безчисленныхъ ка
комбъ тянется съ небольшими перерывами отъ Госпитальной улицы вплоть
вала, спускающагося отъ Золотаго кургана къ полотну желѣзной дороги.

Въ отчетномъ году разслѣдованы еще холмъ на 2-й Нагорной ул
находящійся за западнымъ угломъ 2-й Подгорной улицы, и та часть почто
дороги, которая находится у подошвы горы Митридата, между углами 2-
3-ей Подгорныхъ улицъ. Въ первомъ некрополѣ (№№ 1—6, 11, 22 и
встрѣчалось погребеніе двухъ разныхъ эпохъ (въ однѣхъ гробницахъ находи
чернолаковая и краснолаковая посуда и автономныя монеты гор. Пантика
въ другихъ—стеклянные сосуды), въ гробницахъ другого некрополя попада
въ большомъ количествѣ монеты боспорскихъ царей, царствовавшихъ въ
III вв. по Р. Хр.

Окончено также разслѣдованіе Шлагбаумской улицы; остался не раз
дованнымъ только уголъ Константиновской улицы, гдѣ выдается въ Шлагб
скую ул. старый домикъ, нарушающій правильность улицы.

Работы, произведенныя въ 1904 г. на Глинищѣ и на Корецкомъ ху

---

[1]) Правильность этой датировки подверждается также керченской нахо
1895 г., составившей предметъ весьма интересной статьи Э. Р. фонъ-Ште
«Къ вопросу о происхожденіи Готскаго стиля предметовъ ювелирнаго искусс
(*Зап. Одесскаго общ.* т. XX, 1897, стр. 1—15).

[2]) Матеріалы по археологіи Россіи, № 8. Спб. 1892.

носили характеръ случайности: открытыя тамъ гробницы обнаруживались при планировкѣ улицъ или при рытьѣ ямъ для посадки деревьевъ; нѣкоторыя были раскопаны въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ начиналась ночная работа кладоискателей.

I. Гробницы, открытыя на Митридатовой горѣ.

(Съ 9 января по 6 марта и со 2 іюля по 31 декабря).

№ 1. При планировкѣ 2-й Нагорной улицы городскіе рабочіе случайно напали на каменный ящикъ дл. 0,44 м., шир. 0,31, глуб. 0,37, оріентированный съ З. на В. Ящикъ, находившійся на глубинѣ 1,25 м. подъ вершиною небольшого холма, былъ сложенъ изъ 4 тщательно обтесанныхъ плитъ, поставленныхъ ребромъ на материкѣ, и былъ покрытъ разбитымъ на двѣ части камнемъ; дно ящика было земляное. Восточная и западная стѣнки имѣли 0,16 м. толщины, южная и сѣверная—0,20 м. Въ серединѣ ящика стоялъ большой простой глиняный сосудъ (выс. 0,325 м.), у котораго еще въ древности была отбита ручка; сосудъ болѣе чѣмъ на половину былъ наполненъ жжеными костями, а отверстіе его было закрыто каменнымъ кружкомъ (толщ. 0,02 м., діам. 0,10 м.), залитымъ съ одной стороны гипсомъ. Въ ю.-з. углу ящика стоялъ двуручный сосудикъ съ множествомъ рельефныхъ капель на туловищѣ (рис. 1), въ с.-з. углу—чернолаковый сосудъ съ воронкообразнымъ отверстіемъ. Весь ящикъ до верху былъ наполненъ мягкою землею, смѣшанною съ пескомъ.

Рис. 1 (1/2).

№ 2. Тамъ же. На глубинѣ 1,77 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 2,14 м., шир. 0,57, глуб. 0,59. Въ лѣвой рукѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ Ю., найдена бронзовая монетка (Бурачковъ XXI, 131); въ ногахъ, въ с.-з. углу гробницы, двуручная краснолаковая чашечка, у которой еще въ древности была отбита одна ручка.

№ 3. Тамъ же. На глубинѣ 1,40 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,15 м., шир. 0,61, глуб. 0,80. Возлѣ головы костяка, лежавшаго головою на Ю., найдены мѣдныя серьги, совершенно испорченныя ржавчиной,

на шеѣ стеклянныя бусы, на лѣвой рукѣ обломанный мѣдный браслетъ утолщенными концами, мѣдное кольцо съ шишечками на поверхности, жел чатая буса изъ зеленой пасты и множество разсыпавшихся бусъ изъ лигн Въ ногахъ стояли краснолаковые (terra sigillata): чашка, двуручный сосуд и одноручный сосудъ.

№ 4. Тамъ же. На глубинѣ 1,50 м. земляная подбойная гробница, з женная съ Ю.-В. одной хорошо обтесанной плитой. Длина могилы 1,63 шир. 0,46, глуб. 0,40. Возлѣ ногъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго голо къ Ю.-З., найденъ краснолаковый сосудъ съ одной ручкой и обломки «ме ской» чашки. Во рту мѣдная монета, совершенно разъѣденная ржавчиной. насыпи гробницы найдено фрагментированное терракоттовое изображеніе обезья сидящей возлѣ большого сосуда [1]).

№ 5. Тамъ же. Въ насыпи раззоренной гробницы найдена разбитая крас лаковая чашка съ рельефными разводами, похожая по формѣ и отчасти и орнаменту на чашку, найденную въ 1901 г. въ Ольвіи (*Извѣстія И. Арх. Комм.*, вып. 8, стр. 51, рис. 51).

№ 6. Тамъ же. Подбойная земляная гробница съ каменнымъ заклад съ З. Длина гробницы 1,55 м., шир. 0,45, дно на глубинѣ 1,41 м. На лѣ рукѣ костяка, лежавшаго головою на Ю., найдены два желѣзныхъ перстня б камней, совершенно испорченные ржавчиной; возлѣ головы, съ правой сторо стоялъ одноручный краснолаковый сосудикъ простой формы и безъ всяк украшеній.

№ 7. На углу Эспланадной и Госпитальной улицъ. На глубинѣ 2,1 подбойная земляная гробница съ каменнымъ закладомъ съ Ю. Длина м 1,98 м., шир. 0,81, выс. 0,49. На правой рукѣ костяка, обращеннаго г къ В., найденъ простой гладкій мѣдный браслетъ, возлѣ головы—двѣ п серьги (браслетъ и серьги были разломаны на мелкіе куски). Съ лѣвой с возлѣ головы костяка стоялъ одноручный стеклянный сосудъ.

№ 8. Тамъ же, противъ хаты № 12. На глубинѣ 2,18 м. з гробница, покрытая досками и мелкимъ камнемъ, дл. 1,58 м., ши глуб. 0,67. Въ ногахъ сильно истлѣвшаго костяка, лежавшаго голово найдена краснофигурная энохоя съ изображеніемъ сидящей женщин щенной лицомъ влѣво, съ виноградной кистью въ правой рукѣ и предметомъ въ лѣвой; слѣва отъ женщины изображена собачка, съ

[1]) Подобное изображеніе найдено въ 1901 г. въ Ольвіи (*Изв. Имп.*. вып. 8, табл. IV, рис. 1).

одноручный сосудъ. Рисунокъ покрытъ накладными красками: руки женщины окрашены въ свѣтлокрасный цвѣтъ; длинный хитонъ ея, украшенный двумя рядами бѣлыхъ точекъ,—голубой; собачка, стулъ и предметъ, находящійся въ лѣвой рукѣ женщины, — бѣлые. Тутъ же найденъ черный глиняный сосудикъ съ двумя ручками, прикрѣпленными къ обѣимъ сторонамъ желобка, по которому стекаетъ выливаемая вода. Въ правой рукѣ костяка найденъ клѣтчатый лекиѳъ, усѣянный бѣлыми точками, въ лѣвой нѣсколько обломковъ такого же лекиѳа и чернолаковый лекиѳъ съ красною пальметкою. Въ насыпи гробницы найдена бронзовая монетка съ треножникомъ Аполлона и крыломъ грифона (Бурачковъ XXI, 131).

Рис. 2 (1/3). Рис. 3 (1/3). Рис. 4 (2/3).

№ 9. Тамъ же. Покрытая досками гробница на той же глубинѣ, дл. 1,86 м., шир. 0,75, глуб. 0,57. Стѣнки ящика сдѣланы изъ сырцовыхъ плитокъ (0,62 × 0,57 × 0,12 м.), поставленныхъ на ребро въ два ряда на материкѣ. Въ гробницѣ оказались два костяка, лежавшіе рядомъ головами на С.-В. Въ правой рукѣ остова, лежавшаго возлѣ с. стѣнки, найдена распавшаяся алабастрида, въ ногахъ—двѣ краснофигурныя энохои и пиксида; на одной энохоѣ (рис. 2) изображены двое юношей и летящій эротъ, на другой (рис. 3)—двѣ дѣвушки и гусь. Крышка пиксиды украшена изображеніемъ свиньи (рис. 4); внизу на крышкѣ нацарапана буква Ω, а на днѣ греческое названіе животнаго, которое изображено на крышкѣ (ΥС). Возлѣ лѣваго плеча остова, лежавшаго вдоль южной стѣнки, найденъ большой клѣтчатый лекиѳъ (выс. 0,12 м.), въ обломкахъ, въ ногахъ — два такихъ же флакона меньшихъ размѣровъ и 75 игральныхъ костей, изъ коихъ четыре обозначены цифрами Θ, Ι, ΔΙ и Μ.

№ 10. Тамъ же. На глубинѣ 1,30 м. земляная гробница, покрытая до сками, дл. 1,60 м., шир. 0,53, глуб. 0,48. Костякъ лежалъ головою на З. слѣва отъ головы найденъ стеклянный сосудъ безъ ручекъ.

№ 11. На 2-й Нагорной улицѣ. На глубинѣ 1,45 м. земляная гробница покрытая досками, дл. 1,95 м., шир. и глуб. 0,71 м. Въ ногахъ костяка, ле жавшаго головою на В., найдены низкая краснолаковая чашка (діам. 0,14 м. и обломки большой мѣдной фибулы простого типа, на груди ромбовидная брошк съ плохо сохранившейся эмалью, на лѣвой рукѣ гладкій мѣдный браслетъ.

№ 12. На Эспланадной улицѣ, противъ дома № 12. На глубинѣ 2,25 м земляная подбойная гробница съ досчатымъ закладомъ съ Ю., дл. 1,82 м шир. 0,64, глуб. 0,94. У праваго плеча костяка, лежавшаго головою къ В найденъ простой глиняный сосудикъ съ отпавшей ручкой, возлѣ таліи двѣ брон зовыя пряжки.

№ 13. Тамъ же. Земляная подбойная гробница, заложенная необтесан ными камнями съ С. Длина могилы 1,93 м., шир. 0,69, глуб. 0,94. На груд костяка, обращеннаго головою на В., найдена большая фибула такъ называе маго готскаго стиля, возлѣ головы слѣва—стеклянный сосудъ безъ ручекъ.

№ 14. Тамъ же. Земляная подбойная гробница дл. 2,37 м., шир. 0,5 выс. 0,74; отъ свода подбоя до поверхности земли 0,83 м.; заложена съ плитою и неотесанными камнями. Костякъ лежалъ головою на В. Возлѣ голов слѣва, стоялъ стекл. сосудъ безъ ручекъ; по обѣимъ сторонамъ черепа найден бронзовыя серьги съ кубиками, на шеѣ множество бисера и бусъ разныхъ цвѣтовъ и изъ разнаго матеріала. Весьма интересны 26 сердоликовыхъ бус украшенныхъ бѣлымъ орнаментомъ въ видѣ буквы «ж». Возлѣ шеи найден еще разломанное бронз. зеркало съ желѣзною ручкою, къ концу которой был прикрѣплена пронизь изъ синей массы; ручка совершенно испорчена ржавчиной. Н груди и возлѣ таліи найдены двѣ одинаковыя бронз. фибулы простой формы, в обломкахъ. На обѣихъ рукахъ были надѣты гладкіе бронз. браслеты. На право рукѣ оказался бронз. перстень съ выкрошившейся эмалью, у таліи—облом желѣзнаго ножа, слѣва отъ ногъ—остатки бронз. оправы деревянной шкатулк а справа—глин. сосудикъ съ одной ручкой. По всей одеждѣ костяка (истлѣвшей лежали мелкіе кусочки золота до того тонкаго, что нельзя было взять ихъ въ рук

№ 15. Тамъ же. Простая грунтовая гробница, покрытая камнями. Ящик гробницы, высѣченный въ материкѣ, подъ насыпью въ 2 м. толщины, был необыкновенно глубокъ—2,88 м.; съ западной стороны вели къ подошвѣ е ступеньки, высѣченныя въ насыпи и въ материкѣ. Длина могилы 2,46 м

шир. 0,72. Въ головахъ костяка, обращеннаго головою къ В., найденъ разбитый стекл. сосудъ безъ ручекъ, а между ступнями—желѣзная пряжка и 15 костяныхъ заостренныхъ съ одного конца палочекъ съ зарубками; отъ трехъ изъ нихъ остались ничтожные обломки.

№ 16. Тамъ же. На глубинѣ 1,88 м. простая грунтовая гробница дл. 1,23 м., шир. 0,44, глуб. 0,33. На шеѣ дѣтскаго костяка, лежавшаго головою на В., найдены 3 большія бусы (одна изъ синяго стекла съ выкрошившимися полосками и тремя глазками, одна изъ стекловидной композиціи краснаго, синяго, бѣлаго и чернаго цвѣтовъ, одна изъ черной пасты), а за головой простой черный горшокъ изъ глины съ отбитой ручкой. На рукахъ были надѣты два бронзовые браслета.

№ 17. Тамъ же. Земляная подбойная гробница, заложенная плитами съ Ю. Длина могилы 1,22 м., шир. 0,43; дно обвалившейся гробницы находилось на глубинѣ 0,60 м. На шеѣ дѣтскаго костяка, лежавшаго головою къ В., найдено 14 бусъ (одна изъ янтаря, 2 изъ красной пасты, остальныя изъ стекла разныхъ цвѣтовъ), на обѣихъ рукахъ по два гладкихъ бронз. браслета, на правой ногѣ такой же браслетъ.

№ 18. Тамъ же. На глубинѣ 1,50 м. простая земляная гробница дл. 1,14 м., шир. 0,31, глуб. 0,37. На шеѣ дѣтскаго костяка, лежавшаго головою на В., найдены бусы изъ янтаря и стекла разныхъ цвѣтовъ, на рукахъ по гладкому мѣдному браслету.

№ 19. Тамъ же. Подъ насыпью въ 2 м. толщины глубокій земляной ящикъ длиною 1,82 м., шир. 0,62, глуб. 2,61; оріентированъ съ З. на В. На днѣ ящика оказались 3 костяка: одинъ лежалъ на серединѣ ямы, а другіе нѣсколько ниже, въ подбойныхъ гробницахъ, высѣченныхъ въ боковыхъ стѣнкахъ ямы. Эти гробницы были заложены тонкими (0,07 м.), съ обѣихъ сторонъ тщательно отесанными плитами. Длина южной гробницы 2,42 м., шир. 0,73, высота подбоя 0,54; длина сѣверной 2,61 м., шир. 0,66, высота 0,56. Въ южной гробницѣ лежалъ мужской скелетъ, въ сѣверной — женскій. Всѣ три костяка лежали головами на В. При среднемъ найдена только простая бронзовая пряжка возлѣ таліи. Въ ногахъ мужского остова, лежавшаго въ подбойной гробницѣ, оказался желѣзный ножъ (дл. 0,175 м.), въ головахъ краснолаковая чашка съ неяснымъ изображеніемъ на днѣ; въ чашкѣ лежала баранья кость. Возлѣ праваго плеча этого же костяка стоялъ стеклянный сосудъ безъ ручекъ. Въ сѣверной гробницѣ найдены слѣдующія вещи: на рукахъ по гладкому бронзовому браслету, возлѣ черепа 2 большія бронз. серьги съ восьмигранными

украшеніями на концахъ, возлѣ таліи и на лѣвомъ плечѣ по бронз. позолоченной фибулѣ т. н. готскаго стиля, возлѣ пояса, слѣва, желѣзный ножъ и стекл. сосудъ безъ ручекъ, возлѣ кисти правой руки краснолаковая чашка съ клеймомъ въ видѣ креста съ 4 вдавленными кружочками, за головой 10 цѣльныхъ и 5 распавшихся костяныхъ палочекъ, подобныхъ найденнымъ въ гробницѣ № 15. Въ насыпи этой гробницы найдены 2 мѣдныя монеты царей Ѳоѳорса и Рискупорида VI. Это обстоятельство говоритъ въ пользу предположенія, что вещи т. н. готскаго стиля нужно относить къ концу III и къ первой половинѣ IV вѣка по Р. Хр.

№ 20. Тамъ же. Земляная подбойная гробница съ каменнымъ закладомъ съ С., длиною 2,30 м., шир. 0,66. Вершина подбоя находится на глубинѣ 2,50 м., высота его—0,67 м. На правой рукѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найденъ распавшійся желѣзный перстень безъ камешка, на обѣихъ рукахъ по гладкому бронзовому браслету, на груди бронз. фибула въ видѣ самострѣла, въ головахъ стекл. одноручный сосудикъ.

№ 21. Тамъ же. Раззоренная земляная подбойная гробница; среди разбросанныхъ костей найдено 7 бусъ и подвѣска, изображающая лежащаго льва.

№ 22. На 2-й Нагорной улицѣ. На глубинѣ 1,86 м. дѣтская гробница, высѣченная въ скалѣ и покрытая тонкими плитами. Длина могилы 1,36 м., шир. 0,45, глуб. 0,53. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою на В., найдены стекл. бальзамарій, черный глиняный горшокъ безъ ручекъ и разбитая краснолаковая чашка съ двумя рядомъ выдавленными ступнями.

№ 23. Тамъ же. На глубинѣ 1,10 м. земляная подбойная гробница, заложенная мелкими камнями съ З. Длина могилы 2,18 м., шир. 0,72, высота подбоя 0,56 м. У праваго локтя костяка, лежавшаго головою на Ю., найденъ шарообразный стекл. сосудъ безъ ручекъ съ высокимъ горломъ, расширяющимся кверху на подобіе воронки, въ ногахъ желобчатая буса изъ синей пасты.

№ 24. На Шлагбаумской улицѣ. На глубинѣ 1,21 м. земляная гробница, покрытая плитами. Длина гробницы 2,08 м., шир. 0,51, глуб. 0,85. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою на В., найдены стекл. бальзамарій, распавшееся круглое бронз. зеркало и одноручный краснолаковый сосудъ съ орнаментомъ въ видѣ двухъ вѣтокъ со слѣдами бѣлой краски; возлѣ кисти лѣвой руки листочки тонкаго золота, серебряное кольцо и 15 бусъ изъ аметиста, халцэдона, сердолика, горнаго хрусталя, янтаря, лигнита и стекловидной композиціи: изъ этихъ бусъ былъ, по всей вѣроятности, составленъ браслетъ. На груди найдены 2 бусы изъ разноцвѣтной пасты и подвѣска изъ голубой массы, возлѣ

головы—2 плетеныя золотыя серьги, обломанная серебр. булавка съ рѣзнымъ альмандиномъ въ золотой оправѣ, кусочки листоваго золота и золотая бляшечка.

№ 25. На углу Шлагбаумской и Институтской улицъ. На глубинѣ 0,68 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,99 м., шир. 0,63, глуб. 0,84. На груди костяка, обращеннаго головою къ В., найдено раздавленное на мелкіе кусочки мѣдное зеркало и 3 бусы изъ лигнита и синей пасты, въ ногахъ краснолаковый одноручный сосудикъ и обломки такой же чашки безъ всякихъ клеймъ и украшеній.

№ 26. Тамъ же. На глубинѣ 1,19 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 2,07 м., шир. 0,82, глуб. 0,71. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою на Ю., найдены распавшійся стекл. бальзамарій и стекл. одноручный сосудъ.

№ 27. Тамъ же. На глубинѣ 1,40 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,96 м., шир. 0,80, глуб. 1,01. Въ головахъ и въ ногахъ костяка, лежавшаго головою на В., были сдѣланы поперекъ гробницы углубленія для ножекъ гроба или саркофага. Отъ таліи костяка до шеи и на лбу найдено 28 золотыхъ листочковъ съ крючечками, лежащихъ въ рядъ. Возлѣ таліи серебряная пряжка, 2 бронзовыхъ колечка (одно распалось на мелкіе кусочки), сильно окисленная мѣдная монета, точильный брусокъ и перержавѣвшій желѣзный ножъ въ деревянныхъ ножнахъ; бронзовыя кольца были, по всей вѣроятности, прикрѣплены къ поясу, и на нихъ, можетъ быть, висѣли ножны съ желѣзнымъ ножомъ. Возлѣ лѣваго колѣна найденъ стекл. бальзамарій, на лѣвой рукѣ — бронз. кольцо съ какимъ-то камешкомъ, въ ногахъ — разбитый стаканъ изъ зеленаго стекла съ остатками красокъ съ внѣшней стороны: на днѣ была изображена бѣлой и розовой красками звѣзда, обведенная кругомъ точекъ, на стѣнкахъ вѣтки и, кажется, двѣ птицы. Роспись стакана сильно пострадала оттого, что окислившаяся поверхность стекла стала отваливаться. На разбитомъ стаканѣ лежали обломки краснолаковаго одноручнаго сосуда съ бѣлымъ орнаментомъ на горлѣ и на туловищѣ. За разбитыми сосудами, возлѣ западной стѣнки гробницы лежала груда жженыхъ дѣтскихъ костей, среди которыхъ найдены бусы, привѣски, краснолаковый сосудъ съ одной ручкой, 2 фрагментированныя терракотты, изображающія мальчика въ фригійской шапкѣ, опирающагося на овальный щитъ, и женщину, стоящую возлѣ колонны, съ птицей въ правой рукѣ, 2 поломанныя серебр. сережки и нѣсколько простыхъ астрагаловъ, испорченныхъ огнемъ.

№ 28. Тамъ же. На глубинѣ 0,94 такая же гробница дл. 1,28 м., шир. 0,38, глуб. 0,57. Дѣтскій костякъ лежалъ головою на В. Возлѣ лѣвой руки его найдены разломанное бронз. колечко и 6 бусъ изъ стекловидной разно-

цвѣтной и голубой пасты. Слѣва возлѣ ноги, между колѣномъ и пяткою лежали два бальзамарія, одинъ (сверху обломанный) изъ синяго стекла, другой изъ желтоватаго. Въ ногахъ найдены обломки гладкаго краснолаковаго сосуда съ одной ручкой.

№ 29. На углу Шлагбаумской и Константиновской улицъ. На глубинѣ 0,41 м. простая земляная гробница дл. 1,64 м., шир. 0,52, глуб. 0,35. На груди истлѣвшаго костяка, лежавшаго головою на С.-В., найдены бусы изъ коралла, янтаря и черной пасты и продолговатая бронз. пластинка неизвѣстнаго назначенія, на обѣихъ рукахъ—по два бронзовыхъ браслета, изъ коихъ одинъ украшенъ простымъ орнаментомъ на утолщенныхъ концахъ, въ ногахъ—клинокъ желѣзнаго ножа. Посуды не было.

№ 30. На почтовой дорогѣ. Земляная гробница, покрытая плитами, съ которыхъ дождемъ смыта вся земля. Длина гробницы 1,86 м., шир. 1,45, глуб. 0,27. На лѣвой рукѣ костяка, лежавшаго головою на С., найдено кольцо изъ желтаго стекла съ тремя свѣтложелтыми глазками, въ ногахъ — стекл. бальзамарій и бронз. игла.

№ 31. На Шлагбаумской улицѣ. На глубинѣ 1,96 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,63 м., шир. 0,47, глуб. 0,49. На шеѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на Ю., найдены бусы изъ красной пасты и стекла, на груди бронз. зеркальце (діам. 0,065 м.) съ истлѣвшей деревянной ручкой, которая однимъ концомъ доходила до середины зеркала, на правой рукѣ—гладкій мѣдный браслетъ и серебряное кольцо, на лѣвой—обломки двухъ мѣдныхъ браслетовъ и бронз. перстень безъ камешка.

№ 32. Тамъ же. На глубинѣ 2,15 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 2,34 м., шир. 0,46, глуб. 0,42. Возлѣ таліи костяка, обращеннаго головою на З., найдены 2 бронзовыя пряжки, возлѣ кисти лѣвой руки клинокъ желѣзнаго ножа, возлѣ локтя той же руки 3 пары бронзовыхъ украшеній съ заклепками, кажется, отъ истлѣвшей деревянной шкатулки. Среди этихъ украшеній найдено разломанное на двѣ части, хорошо выточенное костяное коромысло отъ вѣсовъ, дл. 0,115 м. Возлѣ локтя правой руки оказалась костяная вещица въ видѣ рога съ вырѣзкою и отверстіемъ на одномъ концѣ; можетъ быть, это была рукоятка, на которой вѣшались вѣсы при употребленіи.

№ 33. На почтовой дорогѣ. Простая земляная гробница на глубинѣ 0,20 м., дл. 1,88, шир. 0,56, глуб. 0,49. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою на З., найденъ разбитый стекл. бальзамарій.

№ 34. Тамъ же. На глубинѣ 0,30 м. земляная гробница, покрытая пли-

тами, изъ коихъ одна оказалась надгробіемъ съ надписью римскаго времени: Χρήστη, γυνή Κουσσοῦ, χαῖρε [1]). Длина гробницы 1,94 м., шир. 0,56, глуб. 0,60. Въ ногахъ костяка, лежавшаго головою на В., найдены обломки одноручнаго стекл. сосудика, такой же стаканъ съ серебристою окисью, стекл. бальзамарій и глин. лампочка безъ всякихъ изображеній; на обѣихъ рукахъ по бронз. браслету, на шеѣ 16 бусъ изъ синяго стекла, возлѣ головы обломки простыхъ серебр. серегъ.

№ 35. Тамъ же. На глубинѣ 0,70 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,89 м., шир. 0,59, глуб. 0,50. Въ ногахъ костяка, лежавшаго головою на С.-В., найдены 2 стеклянные сосуда, разсыпавшіеся въ мелкій песокъ, и костяная спица неизвѣстнаго назначенія, возлѣ лѣвой руки стекл. бальзамарій, на лѣвой рукѣ золотой перстень съ сердоликомъ, украшеннымъ грубымъ изображеніемъ стоящей Аѳины съ копьемъ и щитомъ. Возлѣ головы не найдено ни бусъ, ни серегъ.

№ 36. Тамъ же. На глубинѣ 0,28 м. земляная подбойная гробница съ каменнымъ закладомъ съ З. Длина могилы 1,17 м., шир. 0,39, выс. 0,38. Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на С., найдены обломки высокой краснолаковой чашки съ двумя ручками и стекл. бальзамарій, на обѣихъ рукахъ по гладкому бронзовому браслету, возлѣ лѣвой руки серебр. перстенекъ съ гладкимъ круглымъ стеклышкомъ и обломки свинцовой четыреугольной рамки (0,055 × 0,06 м.) съ круглымъ проломомъ и трехугольнымъ простымъ орнаментомъ по угламъ, на шеѣ 5 стекл. бусъ, изъ коихъ 4 распались на мелкіе кусочки.

№ 37. Тамъ же. Земляная подбойная гробница съ каменнымъ закладомъ съ В., на глубинѣ 0,39 м. Длина могилы 1,14 м., шир. 0,42, выс. 0,27. На шеѣ костяка, обращеннаго головою къ С., найдено 7 бусъ изъ бронзы, синяго стекла и разноцвѣтной композиціи, на груди разломанная простая бронз. фибула, на лѣвой рукѣ обломки бронз. браслета, въ ногахъ 2 глиняныхъ сосудика: одинъ простой одноручный, другой—краснолаковый двуручный.

№ 38. Тамъ же. На глубинѣ 0,49 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,86 м., шир. 0,57, глуб. 0,55. По всей гробницѣ были разбросаны кусочки листового золота; въ ногахъ костяка, лежавшаго головою къ С., найдены обломки стеклянныхъ стакана и сосуда съ одной ручкой.

№ 39. На продолженіи Госпитальной улицы, противъ дома № 46. Покрытая досками земляная гробница дл. 1,78 м., шир. 0,53, глуб. 0,71. Ящикъ гроб-

[1]) Надпись издана въ *Извѣстіяхъ Имп. Арх. Комм.*, вып. 14, стр. 131, № 52.

ницы, вырытой частью въ насыпи, частью въ материкѣ, находился на глубинѣ 0,78 м. Возлѣ таліи костяка, обращеннаго головою на З., найдена мѣдная пряжка, продолговатая буса изъ чернаго стекла съ бѣлыми полосками и обломки костяной палочки неизвѣстнаго назначенія, возлѣ кисти лѣвой руки разломанный клинокъ желѣзнаго ножа, на обѣихъ рукахъ по мѣдному браслету, возлѣ головы золотыя серьги въ видѣ большихъ гладкихъ колецъ и круглая сердоликовая буса. Посуды не оказалось.

№ 40. На Почтовой дорогѣ. На глубинѣ 1,28 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,15 м., шир. 0,77, глуб. 1,05. Въ ногахъ совершенно истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на В., найдены стеклянные разбитый одноручный сосудъ и цѣльный бальзамарій, на лѣвой рукѣ желѣзный перстень, сильно поврежденный ржавчиной, въ головахъ краснолаковая лампочка.

№ 41. Тамъ же. На глубинѣ 0,47 м. такая же гробница дл. 2,40 м., шир. 0,97, глуб. 1,43. Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, лежавшаго головою на В., найдены стеклянные: 2 бальзамарія, большой одноручный сосудъ и пронизь отъ веретена, корытце изъ синеватаго камня (0,075 × 0,05 × 0,032 м.) неизвѣстнаго назначенія, на лѣвой рукѣ два испорченные ржавчиною перстня безъ камешковъ, на груди обломки мѣдной фибулы простѣйшаго типа. Костякъ лежалъ въ истлѣвшемъ деревянномъ гробѣ, который ясно выдѣлялся въ землѣ, наполнявшей гробницу.

№ 42. Тамъ же. На глубинѣ 1,19 м. такая же гробница, дл. 1,55 м., шир. 0,54, глуб. 1,07. На шеѣ костяка, обращеннаго головою на В., найдены большія бусы изъ бронзы и цвѣтной пасты, на правой рукѣ мѣдный браслетъ съ утолщенными концами, въ правой рукѣ мѣдная монета Рискупорида I (Бурачковъ XXVI, 88), возлѣ таліи мѣдная пряжка простой формы и двѣ такія же фибулы, изъ которыхъ одна была раздавлена на мелкія части, въ ногахъ обломки простого глинянаго сосуда и 12 простыхъ костяныхъ астрагаловъ, изъ коихъ одинъ былъ больше остальныхъ.

№ 43. Тамъ же. На глубинѣ 1,33 м. такая же гробница, дл. 1,50 м., шир. 0,45, глуб. 1,05. Въ ногахъ дѣтскаго костяка, обращеннаго головою на В., найдены обломки стекл. стакана, грубое терракотовое изображеніе Коры, мѣдная пряжка простой формы и клинокъ желѣзнаго ножа длиною 0,12 м., на лѣвой рукѣ 3 мѣдныхъ браслета, на правой—одинъ, возлѣ правой руки стекл. сосудъ безъ ручекъ, въ кисти этой же руки плохо сохранившаяся бронз. монета Котиса I (Бурачковъ XXVII, 112), возлѣ таліи другая мѣдная пряжка и такая же пронизь.

№ 44. Тамъ же. На глубинѣ 1,50 м. такая же гробница дл. 2,14 м., шир. 0,64, глуб. 1 м. Костякъ лежалъ головою на В. Возлѣ правой ноги его, ниже колѣна, стояли простой глиняный одноручный сосудъ, краснолаковый одноручный сосудъ и такая же чашка діам. 0,19 м. Въ ногахъ найдена разломанная бронзовая пряжка простого типа.

№ 45. Тамъ же. На глубинѣ 1,22 м. такая же гробница дл. 2,32 м., шир. 0,68, глуб. 0,61, покрытая огромными плитами изъ мѣстнаго известняка, толщ. 0,32 м. Подъ плитами была, какъ и во всѣхъ прочихъ могилахъ этого некрополя, пустота. Замѣтно двойное погребеніе: одинъ костякъ лежалъ въ полномъ порядкѣ, а жженыя кости другого были разбросаны по всей гробницѣ. На головѣ костяка, лежавшаго in situ, найдены золотые листочки отъ погребальнаго вѣнка, на груди бронз. фибула простой формы, возлѣ таліи 2 такія же пряжки одинаковой формы, но разной величины (всѣ бронзовыя вещи распались на мелкія части), въ правой рукѣ желѣзный ножъ въ истлѣвшихъ кожаныхъ ножнахъ, въ лѣвой—желѣзная пластинка неизвѣстнаго назначенія и въ ногахъ обломки стекляннаго одноручнаго сосуда и такого же бальзамарія.

№ 46. Тамъ же. Земляная подбойная гробница, заложенная досками съ В., дл. 2,25 м., шир. и выс. 0,77; сводъ подбоя находился на глубинѣ 0,87 м. На груди истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на Ю., найдена бронз. фибула простой формы, на правой ногѣ бронз. браслетъ; въ ногахъ лежали одна на другой двѣ мѣдныя монеты: царя Риметалка (Бурачковъ XXIX, 188) и автономная съ головою Пана и льва (Бурачковъ XX, 70), бронз. буса и точильный брусокъ.

№ 47. Тамъ же. На глубинѣ 0,36 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 2,16 м., шир. 0,55, глуб. 0,50. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою на В., найдены обломки одноручнаго сосуда изъ бѣлаго непрозрачнаго стекла, разсыпавшагося въ порошокъ; между кистями обѣихъ рукъ обломки стакана изъ такого же стекла, на лѣвой рукѣ перстень изъ синяго стекла, украшенный головкой Медузы изъ желтой пасты, на груди обломки бронз. фибулы простого типа.

№ 48. Тамъ же. Земляная подбойная гробница съ досчатымъ закладомъ съ З. Длина гробницы 2,31 м., шир. 0,48, высота подбоя 0,48 м.; сводъ подбоя находился на глубинѣ 1,50 м. Въ гробницѣ находились, кажется, два костяка, но кости ихъ были до того уничтожены желѣзистою почвою, что нельзя было замѣтить, гдѣ и какъ онѣ лежали. Ничтожные остатки черепа свидѣтельствовали, что одинъ костякъ лежалъ головою на Ю. Почти на

серединѣ гробницы найдена фибула въ видѣ круглой брошки съ желтою и зеленою эмалью; кружокъ зеленой эмали украшенъ бѣлыми розетками. Возлѣ сѣверной стѣнки гробницы стояли въ рядъ стекл. бальзамарій, двуручный дѣтскій рожокъ изъ глины и такой же одноручный сосудикъ.

№ 49. Тамъ же. На глубинѣ 2,02 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,29 м., шир. 0,88, глуб. 1,35. Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на В., найдены обломки одноручнаго стекл. сосуда и 2 такіе же бальзамарія, въ обѣихъ рукахъ по одному раздавленному бальзамарію изъ простого стекла, возлѣ правой руки 2 бронзовыя заклепки неизвѣстнаго назначенія, на груди мѣдная булавка (дл. 0,055 м.), сходная по формѣ съ нашими булавками, и мѣдная спица, на шеѣ продолговатыя бусы изъ лигнита.

Рис. 5.

№ 50. Въ жженой гробницѣ, открытой тамъ же, среди костей найдена бронзовая пряжка ажурной работы со знакомъ (рис. 5) Подобный знакъ встрѣчается на пряжкѣ, найденной въ 1891 г въ Керчи графомъ А. А. Бобринскимъ, на Керченской уздечкѣ, изданной въ Древностяхъ Босфора Киммерійскаго табл. XXIX, № 4, на двухъ плитахъ, найденныхъ въ Тамани и на танаидской плитѣ, изданной В. В. Латышевымъ въ Матеріалахъ по археологіи Россіи, вып. 9, стр. 63, № 2.

№ 51. Тамъ же. На глубинѣ 0,25 м. земляная, покрытая досками гробница дл. 1,95 м., шир. 0,53, глуб. 0,50. Костякъ лежалъ головою къ В. Съ лѣвой стороны отъ него, отъ головы до таліи, лежалъ клинокъ желѣзнаго меча дл. 0,76 м.; деревянная рукоятка истлѣла; сохранилась большая пронизь изъ халцедона, служившая верхушкой рукоятки. На лѣвой рукѣ выше локтя былъ надѣтъ толстый бронз. браслетъ; возлѣ таліи найдена большая бронз. пряжка, въ ногахъ другія двѣ пряжки меньшихъ размѣровъ и бронз. наконечникъ ремня. Рядомъ съ пряжками лежали обломки стекл. бальзамарія и мѣдная монета, совершенно испорченная окисью.

№ 52. Тамъ же. На глубинѣ 0,31 м. такая же гробница дл. 1,86 м., шир. 0,65, глуб. 0,47. Въ лѣвой рукѣ костяка, обращеннаго головою на В., найденъ желѣзный наконечникъ копья дл. 0,44 м., возлѣ таліи бронз. пряжка простой формы, въ ногахъ раздавленный стекл. бальзамарій.

№ 53. Тамъ же. На глубинѣ 1,32 м. такая же гробница дл. 2,12 м. шир. 0,58, глуб. 0,57. На правомъ плечѣ совершенно истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдена мѣдная фибула, испорченная окисью металла возлѣ таліи 2 такія же пряжки и наконечникъ ремня, возлѣ кисти правой руки

мѣдная нечеткая монета, въ ногахъ разбитые стеклянные одноручный сосудъ и бальзамарій, а также бронзовые пряжка и наконечникъ ремня.

№ 54. Тамъ же. На глубинѣ 1,44 м. такая же гробница дл. 2,07 м., шир. 0,64, глуб. 0,71. На лѣвой рукѣ истлѣвшаго костяка, лежавшаго головою на В., найденъ распавшійся бронзовый перстенекъ съ рѣзнымъ сердоликомъ, украшеннымъ грубымъ изображеніемъ стола или алтаря, въ ногахъ обломки стекляннаго сосудика безъ ручекъ.

№ 55. Тамъ же. На глубинѣ 1,84 м. такая же гробница дл. 1,94 м., шир, 0,71, глуб. 0,72. На головѣ костяка, обращеннаго головою къ В., найдены кусочки листоваго золота, возлѣ таліи бронз. пряжка простого типа, въ ногахъ сосудикъ безъ ручекъ изъ бѣлаго стекла и обломки простыхъ стеклянныхъ бальзамарія и одноручнаго сосуда.

№ 56. Тамъ же. Разграбленная въ давнее время земляная гробница, покрытая плитами; оріентирована съ В. на З. Среди разбросанныхъ по всей гробницѣ костей найдены гладкій браслетъ и простая пряжка изъ бронзы.

№ 57. Тамъ же. На глубинѣ 0,06 м. земляная гробница, покрытая досками и мелкими камнями, дл. 1,85 м., шир. 0,56, гл. 0,65. На лѣвой рукѣ костяка, лежавшаго головою къ В., найдены 2 разломанныхъ серебр. перстня съ отпавшими вмѣстѣ съ оправою стеклышками, въ ногахъ раздавленная краснолаковая чашка съ двумя ручками, возлѣ головы 3 бусы изъ янтаря, зеленаго стекла и желтой пасты (всѣ три распались на мелкія части).

№ 58. Тамъ же. На глубинѣ 0,12 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,85 м., шир. 0,52, глуб. 0,58. Возлѣ таліи истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на С.-В., найдена бронзовая пряжка простого типа, въ ногахъ клинокъ желѣзнаго ножа, стекл. стаканъ и такой же бальзамарій.

№ 59. Тамъ же. На глубинѣ 0,79 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 2,03 м., шир. 0,61, глуб. 0,57. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою на В., найдено 8 бронзовыхъ монетъ, изъ которыхъ двѣ совершенно уничтожены окисью металла; на 6 уцѣлѣвшихъ экземплярахъ изображена Афродита, сидящая на креслѣ, влѣво; всѣ, кромѣ одной, перечеканены; на одномъ экземплярѣ съ трудомъ читается имя Рискупорида II (211—228 г. по Р. Хр.), на двухъ—Котиса III (227—233), на трехъ—Ининѳимея (234—239)[1]. Рядомъ съ монетами найдены два стекл. бальзамарія и двѣ бронз. пряжки. На

---

[1]) См. Гр. Спасскій, Прибавленіе къ сочиненію подъ заглавіемъ: Босфоръ Киммерійскій (М. 1850), табл. III, №№ 38 и 39; Бурачковъ, Общій каталогъ монетъ, табл. XXXII, №№ 278 и 295.

головѣ костяка лежали кусочки тонкаго золота, въ головахъ раздавленные одно-ручный сосудъ и стаканъ изъ простого стекла. Въ насыпи гробницы найденъ бронз. футлярчикъ съ ушками по бокамъ.

№ 60. Тамъ же. На глубинѣ 0,25 м. такая же гробница дл. 1,98 м., шир. 0,63, глуб. 0,43. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою къ В., найденъ разбитый стекл. бальзамарій, мраморная плиточка (0,11 × 0,075 м.) съ лежащей на ней бронзовой палочкой, служившей, по всей вѣроятности, для растиранія румянъ, на безыменномъ пальцѣ лѣвой руки широкое серебряное кольцо, на головѣ кусочки тонкаго золота, возлѣ черепа нѣсколько бусъ изъ желтой пасты.

№ 61. Тамъ же. На глубинѣ 0,06 м. такая же гробница, дл. 1,82 м., шир. 0,53, глуб. 0,45. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою на Ю., найдены обломки стекл. одноручнаго сосуда, такой же цѣльный стаканъ, бальзамарій изъ простого стекла, 2 бронз. пряжки простого типа, лигнитовая буса и 8 мѣдныхъ монетъ: 1 экз. перечеканенной александрійской монеты съ бюстомъ императрицы Криспины и изображеніемъ стоящей Фортуны съ рогомъ изобилія въ лѣвой рукѣ (Mionnet, VI, стр. 346 и 347), 1 монета царя Рискупорида II, 3—Котиса III, 1—Савромата III (229—232 по Р. Хр.) и 2—Рискупорида III (233—234 по Р. Хр.) [1]. На шести изъ этихъ монетъ изображена Афродита, сидящая на тронѣ, влѣво, три перечеканены (ср. выше описаніе гробницы № 59). Возлѣ таліи костяка оказалась большая пряжка и наконечникъ ремня изъ бронзы.

№ 62. Тамъ же. На глубинѣ 0,71 м. такая же гробница дл. 1,99 м., шир. 0,55, глуб. 0,43. На шеѣ костяка, обращеннаго головою на В., найдены бусы изъ сердолика, янтаря, лигнита, стекла и пасты разныхъ цвѣтовъ, на груди бронзовое зеркало діам. 0,06 м. съ большимъ рельефнымъ знакомъ (рис. 6). На правой рукѣ выше локтя былъ надѣтъ большой бронз. браслетъ, выше кисти—другой; рядомъ лежалъ бронз. игольникъ. Въ ногахъ костяка найдены 4 желѣзныхъ орудія: большой ножъ, наконечникъ копья, большое долото и сѣкира. На уступахъ гробницы лежали обломки простого глинянаго горшка, цѣльный глиняный сосудъ безъ поливы, съ отверстіемъ въ видѣ трилистника, желѣзныя ручки и такой же замокъ отъ шкатулки въ обломкахъ.

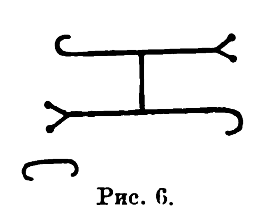


Рис. 6.

№ 63. Тамъ же, противъ д. № 21. На глубинѣ 0,23 м.

[1] Бурачковъ, Кат. табл. XXXI, 272; XXXII, 303, 308; Спасскій, Босфоръ Киммерійскій, табл. V, 16, 19.

земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,22 м., шир. 0,57, глуб. 0,62. Возлѣ ногъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на В., съ правой стороны найденъ глин. одноручный сосудъ, въ ногахъ 2 желѣзные ножа, испорченные ржавчиной, бронзовая и желѣзная пряжки (послѣдняя распалась на мелкія части), въ правой рукѣ мѣдная монета царя Ининѳимея съ изображеніемъ Афродиты [1]).

№ 64. Тамъ же. На глубинѣ 1,20 м. земляная гробница, наполненная до верху землею, покрытая плитами, дл. 2,12 м., шир. 0,64, глуб. 0,67. Въ гробницѣ оказались 2 костяка, лежавшіе головами на В. Почти во всю длину ящика лежалъ большой скелетъ женщины, а слѣва отъ него, отъ кисти лѣвой руки до ногъ—дѣтскій костякъ. Возлѣ головы большого остова найдены 2 золотыя плетеныя серьги, 4 золотыя рубчатыя трубочки, 11 бусъ (1 золотая, 7 сердоликовыхъ, 3 стеклянныя) и множество зеленаго бисера, на лѣвой рукѣ серебр. перстень съ неяснымъ изображеніемъ, въ ногахъ 2 разсыпавшіеся въ порошокъ сосуда изъ бѣлаго стекла, одноручный сосудъ и стаканъ. Возлѣ головы дѣтскаго костяка оказалась желѣзная шкатулка съ ключемъ, испорченная ржавчиной, съ 3 серебряными перстнями и парой бронз. серегъ, изъ коихъ одна разломалась. Справа отъ дѣтскаго костяка стоялъ глин. сосудикъ съ одной ручкой. На обѣихъ рукахъ было по одному бронз. браслетику (одинъ разломанъ), въ ногахъ бронз. пряжечка, 2 такихъ же колокольчика (одинъ испорченъ окисью металла), дѣтскій рожокъ и бальзамарій изъ стекла. По всему мѣсту, которое занималъ дѣтскій костякъ, лежали бусы изъ сердолика, стекла и пасты разныхъ цвѣтовъ.

№ 65. Тамъ же, между домами №№ 19 и 21. На глубинѣ 0,33 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 1,89 м., шир. 0,58, глуб. 0,53. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою на В., найдены обломки простого глиняннаго сосуда съ одной ручкой, на лѣвой рукѣ бронз. кольцо, украшенное 4 розетками, на шеѣ бусы изъ халцедона, сердолика, стекла и темной пасты, возлѣ черепа 2 серебр. серьги, изъ которыхъ одна распалась на мелкія части. За головой найдены обломки стекляннаго бальзамарія.

№ 66. Тамъ же. На глубинѣ 0,71 м. такая же гробница дл. 1,92 м., шир. 0,67, глуб. 0,52. Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдены обломки краснолаковаго одноручнаго сосуда и 2 такія же чашки, на лѣвой рукѣ разломанное бронз. кольцо, на груди бронз. фибула, возлѣ головы листокъ золота, разломанныя бронз. серьги и 19 бусъ изъ сердолика, янтаря и стекла.

---

[1]) Кёне, Описаніе музеума кн. Кочубея, II, табл. XIX, 108.

№ 67. Тамъ же. На глубинѣ 0,45 м. земляная гробница, покрыта плитами, дл. 1,21 м., шир. 0,60, глуб. 0,29. Въ ногахъ дѣтскаго костяка обращеннаго головою къ В., найдена простая глиняная энохоя, въ право рукѣ бронз. иголка.

№ 68. На Госпитальной улицѣ. Въ лѣвой стѣнѣ дромоса, ведущаго в первую изъ катакомбъ, ограбленныхъ 24 іюня 1904 г. [1]) кладоискателями, н глубинѣ 3,46 м. оказалась подбойная гробница, высѣченная въ скалѣ, дл. 0,83 м шир. 0,37, выс. 0,29. Гробница была заложена мелкимъ камнемъ. Кости д того истлѣли, что нельзя было опредѣлить направленія, въ какомъ лежал костякъ. Кромѣ простыхъ костяныхъ астрагаловъ, лежавшихъ возлѣ сѣверно стѣнки гробницы, ничего не найдено.

№ 69. Въ томъ же дромосѣ съ противоположной стороны найдена така же гробница дл. 0,99 м., шир. 0,37, выс. 0,54. При совершенно истлѣвшем костякѣ въ гробницѣ ничего не оказалось.

№ 70. На той же улицѣ, противъ стѣны, отдѣляющей дома №№ 38 и 40. На глубинѣ 1,40 м. дѣтская земляная подбойная гробница, заложенна плитами съ В. Длина могилы 1,23 м., шир. 0,37, выс. 0,42. За голово костяка, въ ю.-з. углу гробницы, внѣ деревяннаго гроба, выкрашеннаго снаруж въ желтый цвѣтъ, стоялъ простой черный одноручный сосудъ, украшенны простымъ орнаментомъ изъ прямыхъ черточекъ.

№ 71. Тамъ же. На глубинѣ 1,72 м. простая земляная гробница дл. 2,33 м., шир. 0,73, глуб. 0,48. Въ ногахъ костяка, лежавшаго головою къ С.-В., найденъ простой двуручный сосудъ изъ черной глины.

№ 72. Тамъ же. На глубинѣ 1,74 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 1,71 м., шир. 0,64, глуб. 0,50. Въ правой рукѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ Ю.-В., найдены мелкіе обломки чернолаковаго лекиѳа съ черными пальметкаии, въ лѣвой—разломанный желѣзный наконечникъ копья, въ ногахъ, съ лѣвой стороны, прекрасно сохранившійся киликъ на низкой подставкѣ, покрытый густымъ ярко блестящимъ лакомъ.

№ 73. На почтовой дорогѣ. Простая земляная гробница безъ обычныхъ уступовъ, дл. 2,04 м., шир. 0,52, глуб. 0,85 (отъ поверхности земли до дна могилы). Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдены обломки простого глинянаго одноручнаго сосуда, а на лѣвой рукѣ бронз. перстенекъ съ овальнымъ сердоликомъ, на которомъ нацарапаны едва замѣтныя буквы ТН.

---

[1]) См. *Изв. Имп. Арх. Ком.*, вып. 17. стр. 115 слл.

№ 74. Тамъ же. Дѣтская земляная гробница дл. 1,22 м., шир. 0,43, глуб. 0,53 (отъ дна до поверхности земли). На груди истлѣвшаго костяка, лежавшаго головою къ В., найдены колокольчикъ и простая фибула изъ бронзы, на рукахъ по гладкому бронз. браслету, въ ногахъ раздавленный простой глин. одноручный сосудъ и терракотовый односторонній бюстъ богини съ серьгами въ ушахъ и въ діадемѣ, отъ которой съ обѣихъ сторонъ свѣшиваются рельефныя оливковыя вѣтки.

№ 75. Тамъ же. Простая земляная гробница дл. 2,03 м., шир. 0,55, глуб. 0,46 (отъ поверхности земли до дна). На шеѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдено 5 граненыхъ бусъ изъ сердолика, 2 изъ янтаря, одна изъ бронзы и одна изъ бѣлой массы, на лѣвой рукѣ 2 бронз. перстня, одинъ гладкій, другой съ плохо сохранившеюся эмалью (разломанъ на мелкія части), въ ногахъ, возлѣ западной стѣнки гробницы, 2 простыхъ глин. сосуда, одинъ съ одной ручкой, другой съ двумя.

№ 76. Тамъ же. Простая земляная гробница дл. 1,85 м., шир. 0,62, глуб. 0,32 (отъ поверхности земли до дна). Въ ногахъ совершенно истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на Ю.-В., найдены краснолаковая чашка и одноручный простой глин. сосудикъ, возлѣ таліи 2 простыя бронз. пряжки, изъ которыхъ одна раздавлена на мелкія части.

№ 77. Тамъ же. На глубинѣ 0,77 м. простая земляная гробница дл. 2,19 м., шир. 0,54, глуб. 0,50, съ истлѣвшимъ костякомъ, обращеннымъ головою къ В. Въ ногахъ его найденъ раздавленный стекл. стаканъ, маленькая обломанная пряжка, наконечникъ ремня и дужка неизвѣстнаго назначенія, возлѣ таліи пряжка и наконечникъ ремня (обѣ пряжки, наконечники и дужка—бронзовые), на груди обломки простой мѣдной фибулы, возлѣ лѣваго плеча стекл. бальзамарій.

№ 78. Тамъ же. На глубинѣ 1,52 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,04 м., шир. 0,64, глуб. 0,46. Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на В., найдены обломки стеклянныхъ одноручнаго сосуда и стакана, возлѣ таліи 2 мѣдныя пряжки неодинаковой величины и такой же наконечникъ ремня, принадлежащій къ большой пряжкѣ, подъ тазомъ обломанная стекл. пластинка неизвѣстнаго назначенія, на лѣвой рукѣ разломанное серебр. кольцо, на шеѣ 3 золотыя трубочки и 4 бусы изъ сердолика и синей пасты, возлѣ черепа обломки гладкихъ серебр. серегъ. Кромѣ этихъ вещей, въ гробницѣ найдены среди костей другого остова, сдвинутыхъ въ кучу возлѣ западной стѣнки, бронзовое кольцо и оправа неизвѣстнаго назначенія,

бронз. браслетикъ, распавшаяся буса изъ разноцвѣтной массы, обломки бров
зеркала и желѣзнаго замка.

№ 79. Тамъ же. Простая земляная гробница дл. 2,08 м., шир. 0,6
глуб. 1 м. (отъ поверхности земли до дна). Въ ногахъ костяка, обращенна
головой къ В., найдены обломки стекляннаго одноручнаго сосуда, такого
стакана, краснолаковой чашки и цѣльная стекл. баночка, на лѣвой рукѣ
перстня: золотой съ остатками выкрошившейся бѣлой пасты, серебряный
гладкимъ гранатомъ, бронзовый съ сердоликомъ, украшеннымъ грубымъ изоб
женіемъ вѣтки, и желѣзный съ рѣзнымъ сердоликомъ, на которомъ изображе
какое-то животное, кажется, рыба. На груди лежали 2 разломанныя бро
фибулы и бронз. зеркальце діам. 0,05 м. На шеѣ найдены 5 золотыхъ трубоче
и 14 бусъ изъ сердолика, янтаря, желтаго стекла и лигнита, на лбу глад
кружокъ изъ листоваго золота, возлѣ черепа гладкія серебряныя серьги.

№ 80. На Госпитальной улицѣ. На глубинѣ 3 м. простая земляная гр
ница дл. 1,85 м., шир. 0,73, глуб. 0,46 м. Въ правой рукѣ костяка, леж
шаго головою къ В., оказался «финикійскій» алабастръ изъ синяго стекла
желтыми и бѣлыми полосками, покрытый серебристою окисью, а возлѣ прав
плеча—разбитый чернофигурный лекиѳъ съ изображеніемъ фигуры, сидящ
между двухъ большихъ глазъ [1]); на плечахъ лекиѳа изображены два листоч
плюща и пѣтухъ.

№ 81. Тамъ же. Гробница, высѣченная на глубинѣ 4,30 м., въ западн
стѣнкѣ дромоса, ведущаго въ разграбленную въ древнее время катаком
дл. 1,27 м., шир. 0,64, выс. 0,42. Гробница не была ничѣмъ заложена.
ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ С.-В., стоялъ стекл. од
ручный сосудъ, возлѣ праваго плеча—стаканъ изъ желтаго стекла.

№ 82. Тамъ же, на холмѣ противъ д. № 41. На глубинѣ 4,48
простая земляная гробница дл. 1,92 м., шир. 0,59, глуб. 0,41. Въ нога
истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., въ правомъ углу гробни
стояла простая глиняная амфора выс. 0,46 м.; по всей гробницѣ были разб
саны обломки двухъ чернофигурныхъ лекиѳовъ (удалось склеить); на одно
изъ нихъ изображены три черныя пальметки, на другомъ—двѣ фигуры, сидя
въ креслѣ лицомъ къ запряженной тройкою колесницѣ, на которой стоятъ дру
двѣ фигуры.

[1]) Подобные „глаза“ встрѣчаются на вазѣ, изданной въ *Отчетѣ Имп. А*
Ком. за 1866 г., на стр. 148. См. S. Reinach, Répertoire des vases peints,
стр. 31, 203 и 322; H. Walters—C. Smith, Catalogue of the greek and etrus
vases, II, стр. 14 и III, табл. 1.

№ 83. Тамъ же, противъ 1-го Кладбищенскаго переулка. На глубинѣ 3,55 м. высѣченная въ скалѣ и покрытая правильно и тщательно обтесанными плитами гробница дл. 2,22 м., шир. 0,62, глуб. 0,49. Между пятками истлѣвшаго костяка, лежавшаго головою къ В., найдена простая алабастрида съ поврежденнымъ вѣнчикомъ и отбитою ручкою.

№ 84. Тамъ же. На глубинѣ 4,58 м. высѣченная въ скалѣ подбойная гробница съ досчатымъ затворомъ съ З., дл. 1,62 м., шир. 0,45, выс. 0,46. За головой костяка, возлѣ южной стѣнки гробницы, стояли 2 стеклянные сосуда: большой безъ ручекъ и миніатюрный одноручный.

№ 85. Тамъ же, противъ фонаря, стоящаго между домами №№ 38 и 40. На глубинѣ 2,17 м. земляная подбойная гробница дл. 1,96 м., шир. 0,66, выс. 0,50. Была заложена мелкими камнями съ С. Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найденъ стеклянный раздавленный сосудъ безъ ручекъ и маленькій одноручный сосудикъ, возлѣ таліи желѣзная пряжка, сильно поврежденная ржавчиной, на шеѣ 12 бусъ изъ янтаря и стекла четырехъ цвѣтовъ: синяго, зеленаго, сѣраго и чернаго.

№ 86. Тамъ же, противъ дома № 40. На глуб. 2,30 м. земляная подбойная гробница дл. 1,94 м., шир. 0,94, выс. 0,79. Была заложена неправильно отесанными плитами съ С. На шеѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдено 11 простыхъ бусъ изъ стекла съ позолотою и безъ позолоты, изъ красной и разноцвѣтной пасты, въ головахъ простой черный одноручный сосудъ на высокой ножкѣ, имѣющей видъ опрокинутой чашки; внѣшняя поверхность ножки раздѣлена косыми черточками на неправильные четыреугольники.

№ 87. Тамъ же. На глубинѣ 2,93 м. земляная подбойная дѣтская гробница съ каменнымъ закладомъ съ С., дл. 1,06 м., шир. 0,49, выс. 0,46. На обѣихъ рукахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдено по одному бронзовому браслетику, на шеѣ 8 янтарныхъ и 3 продолговатыя стеклянныя бусы, возлѣ черепа пара золотыхъ сережекъ и за головой стеклянный сосудъ безъ ручекъ.

№ 88. Тамъ же, противъ дома № 40. Простая земляная гробница, разграбленная въ древнее время. Среди костей, лежавшихъ въ безпорядкѣ на днѣ гробницы, найдена обломанная бронз. пряжка съ головой хищной птицы, украшенная синими стеклышками.

№ 89. Тамъ же. На глубинѣ 2,81 м. земляная подбойная гробница, заложенная плитами съ З., дл. 2,05 м., шир. и глуб. 0,50. Въ головахъ истлѣв-

бронз. браслетикъ, распавшаяся буса изъ разноцвѣтной массы, обломки зеркала и желѣзнаго замка.

№ 79. Тамъ же. Простая земляная гробница дл. 2,08 м., шир. глуб. 1 м. (отъ поверхности земли до дна). Въ ногахъ костяка, обращ головой къ В., найдены обломки стекляннаго одноручнаго сосуда, тако стакана, краснолаковой чашки и цѣльная стекл. баночка, на лѣвой р перстня: золотой съ остатками выкрошившейся бѣлой пасты, серебрян гладкимъ гранатомъ, бронзовый съ сердоликомъ, украшеннымъ грубымъ и женіемъ вѣтки, и желѣзный съ рѣзнымъ сердоликомъ, на которомъ изобр какое-то животное, кажется, рыба. На груди лежали 2 разломанныя фибулы и бронз. зеркальце діам. 0,05 м. На шеѣ найдены 5 золотыхъ тру и 14 бусъ изъ сердолика, янтаря, желтаго стекла и лигнита, на лбу г кружокъ изъ листоваго золота, возлѣ черепа гладкія серебряныя серьги.

№ 80. На Госпитальной улицѣ. На глубинѣ 3 м. простая земляная ница дл. 1,85 м., шир. 0,73, глуб. 0,46 м. Въ правой рукѣ костяка, шаго головою къ В., оказался «финикійскій» алабастръ изъ синяго сте желтыми и бѣлыми полосками, покрытый серебристою окисью, а возлѣ п плеча—разбитый чернофигурный лекиѳъ съ изображеніемъ фигуры, си между двухъ большихъ глазъ [1]); на плечахъ лекиѳа изображены два ли плюща и пѣтухъ.

№ 81. Тамъ же. Гробница, высѣченная на глубинѣ 4,30 м., въ за стѣнкѣ дромоса, ведущаго въ разграбленную въ древнее время ката дл. 1,27 м., шир. 0,64, выс. 0,42. Гробница не была ничѣмъ заложен ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ С.-В., стоялъ стекл. ручный сосудъ, возлѣ праваго плеча—стаканъ изъ желтаго стекла.

№ 82. Тамъ же, на холмѣ противъ д. № 41. На глубинѣ 4, простая земляная гробница дл. 1,92 м., шир. 0,59, глуб. 0,41. Въ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., въ правомъ углу гро стояла простая глиняная амфора выс. 0,46 м.; по всей гробницѣ были р саны обломки двухъ чернофигурныхъ лекиѳовъ (удалось склеить); на изъ нихъ изображены три черныя пальметки, на другомъ—двѣ фигуры, с въ креслѣ лицомъ къ запряженной тройкою колесницѣ, на которой стоятъ двѣ фигуры.

---

[1]) Подобные „глаза“ встрѣчаются на вазѣ, изданной въ *Отчетѣ Им Ком.* за 1866 г., на стр. 148. См. S. Reinach, Répertoire des vases pei стр. 31, 203 и 322; H. Walters—C. Smith, Catalogue of the greek and e vases, II, стр. 14 и III, табл. 1.

№ 83. Тамъ же, противъ 1-го Кладбищенскаго переулка. На глубинѣ 3,55 м. высѣченная въ скалѣ и покрытая правильно и тщательно обтесанными плитами гробница дл. 2,22 м., шир. 0,62, глуб. 0,49. Между пятками истлѣвшаго костяка, лежавшаго головою къ В., найдена простая алабастрида съ поврежденнымъ вѣнчикомъ и отбитою ручкою.

№ 84. Тамъ же. На глубинѣ 4,58 м. высѣченная въ скалѣ подбойная гробница съ досчатымъ затворомъ съ З., дл. 1,62 м., шир. 0,45, выс. 0,46. За головой костяка, возлѣ южной стѣнки гробницы, стояли 2 стеклянные сосуда: большой безъ ручекъ и миніатюрный одноручный.

№ 85. Тамъ же, противъ фонаря, стоящаго между домами №№ 38 и 40. На глубинѣ 2,17 м. земляная подбойная гробница дл. 1,96 м., шир. 0,66, выс. 0,50. Была заложена мелкими камнями съ С. Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найденъ стеклянный раздавленный сосудъ безъ ручекъ и маленькій одноручный сосудикъ, возлѣ таліи желѣзная пряжка, сильно поврежденная ржавчиной, на шеѣ 12 бусъ изъ янтаря и стекла четырехъ цвѣтовъ: синяго, зеленаго, сѣраго и чернаго.

№ 86. Тамъ же, противъ дома № 40. На глуб. 2,30 м. земляная подбойная гробница дл. 1,94 м., шир. 0,94, выс. 0,79. Была заложена неправильно отесанными плитами съ С. На шеѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдено 11 простыхъ бусъ изъ стекла съ позолотою и безъ позолоты, изъ красной и разноцвѣтной пасты, въ головахъ простой черный одноручный сосудъ на высокой ножкѣ, имѣющей видъ опрокинутой чашки; внѣшняя поверхность ножки раздѣлена косыми черточками на неправильные четыреугольники.

№ 87. Тамъ же. На глубинѣ 2,93 м. земляная подбойная дѣтская гробница съ каменнымъ закладомъ съ С., дл. 1,06 м., шир. 0,49, выс. 0,46. На обѣихъ рукахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдено по одному бронзовому браслетику, на шеѣ 8 янтарныхъ и 3 продолговатыя стеклянныя бусы, возлѣ черепа пара золотыхъ сережекъ и за головой стеклянный сосудъ безъ ручекъ.

№ 88. Тамъ же, противъ дома № 40. Простая земляная гробница, разграбленная въ древнее время. Среди костей, лежавшихъ въ безпорядкѣ на днѣ гробницы, найдена обломанная бронз. пряжка съ головой хищной птицы, украшенная синими стеклышками.

№ 89. Тамъ же. На глубинѣ 2,81 м. земляная подбойная гробница, заложенная плитами съ З., дл. 2,05 м., шир. и глуб. 0,50. Въ головахъ истлѣв-

бронз. браслетикъ, распавшаяся буса изъ разноцвѣтной массы, обломки бро[н]
зеркала и желѣзнаго замка.

№ 79. Тамъ же. Простая земляная гробница дл. 2,08 м., шир. 0,6
глуб. 1 м. (отъ поверхности земли до дна). Въ ногахъ костяка, обращенна
головой къ В., найдены обломки стекляннаго одноручнаго сосуда, такого
стакана, краснолаковой чашки и цѣльная стекл. баночка, на лѣвой рукѣ
перстня: золотой съ остатками выкрошившейся бѣлой пасты, серебряный
гладкимъ гранатомъ, бронзовый съ сердоликомъ, украшеннымъ грубымъ изоб[ра]
женіемъ вѣтки, и желѣзный съ рѣзнымъ сердоликомъ, на которомъ изображе[н]
какое-то животное, кажется, рыба. На груди лежали 2 разломанныя брон[з.]
фибулы и бронз. зеркальце діам. 0,05 м. На шеѣ найдены 5 золотыхъ трубочек
и 14 бусъ изъ сердолика, янтаря, желтаго стекла и лигнита, на лбу гладк[ій]
кружокъ изъ листоваго золота, возлѣ черепа гладкія серебряныя серьги.

№ 80. На Госпитальной улицѣ. На глубинѣ 3 м. простая земляная гро[б]
ница дл. 1,85 м., шир. 0,73, глуб. 0,46 м. Въ правой рукѣ костяка, лежа
шаго головою къ В., оказался «финикійскій» алабастръ изъ синяго стекла
желтыми и бѣлыми полосками, покрытый серебристою окисью, а возлѣ прав[аго]
плеча—разбитый чернофигурный лекиѳъ съ изображеніемъ фигуры, сидящ[ей]
между двухъ большихъ глазъ [1]); на плечахъ лекиѳа изображены два листоч[ка]
плюща и пѣтухъ.

№ 81. Тамъ же. Гробница, высѣченная на глубинѣ 4,30 м., въ западн[ой]
стѣнкѣ дромоса, ведущаго въ разграбленную въ древнее время катаком[бу,]
дл. 1,27 м., шир. 0,64, выс. 0,42. Гробница не была ничѣмъ заложена. [Въ]
ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ С.-В., стоялъ стекл. од[но]
ручный сосудъ, возлѣ праваго плеча—стаканъ изъ желтаго стекла.

№ 82. Тамъ же, на холмѣ противъ д. № 41. На глубинѣ 4,48
простая земляная гробница дл. 1,92 м., шир. 0,59, глуб. 0,41. Въ нога[хъ]
истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., въ правомъ углу гробни[цы]
стояла простая глиняная амфора выс. 0,46 м.; по всей гробницѣ были разб[ро]
саны обломки двухъ чернофигурныхъ лекиѳовъ (удалось склеить); на одно[мъ]
изъ нихъ изображены три черныя пальметки, на другомъ—двѣ фигуры, сидя[щія]
въ креслѣ лицомъ къ запряженной тройкою колесницѣ, на которой стоятъ дру[гія]
двѣ фигуры.

---

[1]) Подобные „глаза" встрѣчаются на вазѣ, изданной въ *Отчетѣ Имп. А[рх.] Ком.* за 1866 г., на стр. 148. См. S. Reinach, Répertoire des vases peints, стр. 31, 203 и 322; H. Walters—C. Smith, Catalogue of the greek and etrus[can] vases, II, стр. 14 и III, табл. 1.

№ 83. Тамъ же, противъ 1-го Кладбищенскаго переулка. На глубинѣ 3,55 м. высѣченная въ скалѣ и покрытая правильно и тщательно обтесанными плитами гробница дл. 2,22 м., шир. 0,62, глуб. 0,49. Между пятками истлѣвшаго костяка, лежавшаго головою къ В., найдена простая алабастрида съ поврежденнымъ вѣнчикомъ и отбитою ручкою.

№ 84. Тамъ же. На глубинѣ 4,58 м. высѣченная въ скалѣ подбойная гробница съ досчатымъ затворомъ съ З., дл. 1,62 м., шир. 0,45, выс. 0,46. За головой костяка, возлѣ южной стѣнки гробницы, стояли 2 стеклянные сосуда: большой безъ ручекъ и миніатюрный одноручный.

№ 85. Тамъ же, противъ фонаря, стоящаго между домами №№ 38 и 40. На глубинѣ 2,17 м. земляная подбойная гробница дл. 1,96 м., шир. 0,66, выс. 0,50. Была заложена мелкими камнями съ С. Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найденъ стеклянный раздавленный сосудъ безъ ручекъ и маленькій одноручный сосудикъ, возлѣ таліи желѣзная пряжка, сильно поврежденная ржавчиной, на шеѣ 12 бусъ изъ янтаря и стекла четырехъ цвѣтовъ: синяго, зеленаго, сѣраго и чернаго.

№ 86. Тамъ же, противъ дома № 40. На глуб. 2,30 м. земляная подбойная гробница дл. 1,94 м., шир. 0,94, выс. 0,79. Была заложена неправильно отесанными плитами съ С. На шеѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдено 11 простыхъ бусъ изъ стекла съ позолотою и безъ позолоты, изъ красной и разноцвѣтной пасты, въ головахъ простой черный одноручный сосудъ на высокой ножкѣ, имѣющей видъ опрокинутой чашки; внѣшняя поверхность ножки раздѣлена косыми черточками на неправильные четыреугольники.

№ 87. Тамъ же. На глубинѣ 2,93 м. земляная подбойная дѣтская гробница съ каменнымъ закладомъ съ С., дл. 1,06 м., шир. 0,49, выс. 0,46. На обѣихъ рукахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдено по одному бронзовому браслетику, на шеѣ 8 янтарныхъ и 3 продолговатыя стеклянныя бусы, возлѣ черепа пара золотыхъ сережекъ и за головой стеклянный сосудъ безъ ручекъ.

№ 88. Тамъ же, противъ дома № 40. Простая земляная гробница, разграбленная въ древнее время. Среди костей, лежавшихъ въ безпорядкѣ на днѣ гробницы, найдена обломанная бронз. пряжка съ головой хищной птицы, украшенная синими стеклышками.

№ 89. Тамъ же. На глубинѣ 2,81 м. земляная подбойная гробница, заложенная плитами съ З., дл. 2,05 м., шир. и глуб. 0,50. Въ головахъ истлѣв-

шаго костяка, возлѣ южной стѣнки гробницы, найденъ разбитый стекл. сосудъ безъ ручекъ, въ правой рукѣ бронз. фибула въ формѣ самострѣла, 6 бусъ изъ стекла и разноцвѣтной композиціи, разломанный клинокъ желѣзнаго ножа, шляпка бронз. гвоздя и мѣдная монета послѣдняго Рискупорида (303—341 г. по Р. Хр.): на одной сторонѣ бюстъ царя, вправо, съ надписью ΒΑCΙΛΕ . . . . . ΟΡΙC, а на другой—изображеніе Константина В., съ цифрой, отъ которой сохранилась только буква X [1]).

№ 90. Тамъ же, противъ угла Константиновской улицы. На глубинѣ 4,27 м. земляная подбойная гробница дл. 1,80 м., шир. и глуб. 0,42; заложена камнями съ Ю. Возлѣ праваго плеча совершенно истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдены два краснолаковые сосуда (terra sigillata) весьма плохой сохранности и желѣзное долото, расширяющееся книзу, на правой сторонѣ груди разломанная желѣзная фибула простого типа.

№ 91. На углу 2-го Кладбищенскаго переулка и продолженія Госпитальной улицы. На глубинѣ 2,67 м. высѣченная въ скалѣ, покрытая плитами гробница дл. 1,70 м., шир. 0,56, глуб. 0,59. Въ правой рукѣ костяка, обращеннаго головою къ В., оказался «финикійскій» разноцвѣтный сосудъ съ двумя ручками, покрытый красивою серебристою окисью.

№ 92. На углу 2-го Эспланаднаго переулка и продолженія Госпитальной улицы. На глубинѣ 1,60 м. высѣченная въ скалѣ и покрытая досками и мелкими камнями гробница дл. 1,66 м., шир. 0,56, глуб. 0,50. Въ правой рукѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на В., найденъ чернолаковый лекиѳъ безъ пальметокъ, въ ногахъ обломки одноручнаго глинянаго сосудика съ остатками неяснаго рисунка, желѣзный клинокъ ножа и глиняная пронизь.

№ 93. Тамъ же. На глуб. 1,60 м. высѣченная въ скалѣ гробница, покрытая досками, дл. 1,84 м., шир. 0,59, глуб. 0,32. Въ головахъ хорошо сохранившагося костяка, возлѣ восточной стѣнки гробницы, найденъ одноручный сосудъ изъ желтой глины съ черными полосками [2]), слѣва отъ головы другой одноручный сосудъ выс. 0,13 м. съ отверстіемъ въ видѣ трилистника, съ коричневыми полосками по туловищу, по ручкѣ и внутреннему краю отверстія.

№ 94. Тамъ же. На глубинѣ 1,11 м. высѣченная въ скалѣ гробница, западная часть ея была разграблена и разрушена посредствомъ мины, проведенной кладоискателями изъ противоположнаго двора. Нижняя часть костяка

---

[1]) Спасскій, Босфоръ Киммерійскій, стр. 107 и табл. VI, № 22.

[2]) Такіе же сосуды изображены въ *Отчетѣ Имп. Археолог. Комм.* за 1898 г., стр. 18, рис. 17, въ *Извѣстіяхъ Комм.*, вып. 14, стр. 27, рис. 62 и др.

до пояса была выброшена, но грудная клѣтка и хорошо сохранившійся черепъ остались на мѣстѣ. За головой остова, обращенной къ В., найдены обломки бронз. зеркала, діам. 0,14 м., въ лѣвомъ углу лекиѳъ съ четырьмя черными фигурами: въ серединѣ сражаются копьями два воина со щитами и въ высокихъ шлемахъ, по сторонамъ стоятъ двѣ зрительницы. Такъ какъ лицо и ноги одного борца были покрыты бѣлой краской, то можно предположить, что на сосудѣ было изображено единоборство Геракла и Ипполиты [1]).

№ 95. Во 2-мъ Эспланадномъ переулкѣ. На глубинѣ 2,24 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 0,80 м., шир. 0,40, глуб. 0,31. Во рту истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ С.-В., найдена мѣдная монета царя Ининѳимея (234—239 по Р. Хр.) съ изображеніемъ Астарты, сидящей на тронѣ съ высокой спинкой, съ одной звѣздой впереди (буквы В нѣтъ). Возлѣ таліи костяка оказались обломки бѣлаго стекляннаго сосудика.

№ 96. Тамъ же. Раззоренная въ древнее время гробница. Среди костей, лежавшихъ въ безпорядкѣ на днѣ гробницы, найдены два сосуда: разбитый киликъ, покрытый густымъ чернымъ лакомъ, и одноручный сосудикъ изъ желтой глины съ коричневыми полосками.

№ 97. На продолженіи Госпитальной улицы. На глубинѣ 1,80 м. высѣченная въ скалѣ и покрытая плитами гробница, дл. 2,02 м., шир. 0,61 (въ ногахъ)—0,66 (въ головахъ), глуб. 0,62. Возлѣ праваго плеча истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдена алабастрида, попорченная съ одного бока.

№ 98. Тамъ же. Подбойная гробница, высѣченная въ правой скалистой стѣнѣ дромоса, ведущаго съ С. въ катакомбу, открытую на углу продолженія Госпитальной улицы и 2-го Эспланаднаго переулка. Гробница, находящаяся на глубинѣ 1,83 м., имѣла дл. 2,06 м., шир. 0,81, выс. 0,73. Была заложена камнями. Слѣва возлѣ головы истлѣвшаго костяка, лежавшаго головою къ Ю., найдены обломки стекл. стакана, на груди одноручный стекл. сосудъ и возлѣ правой руки мѣдная монета, совершенно испорченная окисью.

№ 99. Во 2-мъ Кладбищенскомъ переулкѣ, противъ дома № 15. На глубинѣ 1,60 м. земляная гробница, покрытая досками и мелкими камнями, дл. 1,95 м., шир. 0,64, глуб. 0,33. Въ правой рукѣ совершенно истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на В., найденъ лекиѳъ (выс. 0,14 м.) съ тремя чернолаковыми

---

[1]) См. S. Reinach, Répertoire des vases peints, I, стр. 256, рис. 1. Весьма похожій рисунокъ съ одинаковою трактовкою падающаго воина изданъ тамъ же, II, стр. 254, рис. 3.

пальметками, а въ углу, возлѣ правой ноги костяка,—простая глиняная амфора, раздавленная тяжестью земли.

№ 100. Тамъ же. На глубинѣ 2,20 м. земляная подбойная гробница дл. 1,09 м., шир. 0,54, глуб. 0,64, заложенная камнями съ В. Возлѣ праваго плеча истлѣвшаго дѣтскаго костяка, обращеннаго головою на Ю., стояли желтоватый стекл. стаканъ съ 5 синими точками и такой же сосудикъ безъ ручекъ. Въ ногахъ найдено 17 стеклянныхъ бусъ разной величины и формы.

№ 101. Въ переулкѣ, соединяющемъ Госпитальную улицу съ продолженіемъ ея. На глубинѣ 3,10 м. высѣченная въ скалѣ и покрытая досками гробница шир. 0,95 м., глуб. 0,42; длину опредѣлить было невозможно, потому что восточный конецъ гробницы вмѣстѣ съ головой костяка былъ отрѣзанъ строителями дромоса катакомбы, оріентированнаго съ С. на Ю. Въ правой рукѣ дѣтскаго костяка оказался поврежденный внизу алабастръ изъ разноцвѣтнаго «финикійскаго» стекла, въ лѣвой—раздавленная простая алабастрида. Тутъ же найдена глиняная вещица, похожая на сосудикъ безъ ручекъ, вѣроятно, дѣтская игрушка или часть сосуда, котораго въ гробницѣ не оказалось.

№ 102. Тамъ же. На глубинѣ 4,88 м. высѣченная въ скалѣ гробница дл. 1,85 м., шир. 0,54 (въ ногахъ)—0,69 (возлѣ головы), глуб. 0,47. Ящикъ гробницы былъ покрытъ съ восточной стороны, гдѣ находилась голова покойника, плитою, а въ серединѣ и съ западной стороны досками. Въ лѣвомъ углу гробницы, за головой истлѣвшаго костяка, найдены обломки глин. лекиѳа, на шеѣ бронз. вещица, похожая на шляпку гвоздя, выше кисти правой руки бронз. зеркало, діам. 0,15 м., въ кисти той же руки двуручный «финикійскій» сосудикъ, хорошей сохранности, изъ синяго стекла съ бѣлыми и желтыми полосками.

№ 103. На углу Госпитальнаго переулка и Госпитальной улицы. На глубинѣ 4,26 м. земляная, покрытая досками гробница дл. 1,13 м., шир. 0,55, глуб. 0,38. Возлѣ лѣваго колѣна дѣтскаго костяка, обращеннаго головою на В., найденъ лекиѳъ, покрытый блестящимъ черным лакомъ съ графитовымъ отблескомъ и украшенный по всему туловищу вдавленными горизонтальными и отвѣсными черточками.

№ 104. Рядомъ, но глубже на 0,62 м. высѣченная въ скалѣ и покрытая плитами гробница дл. 1,55 м., шир. 0,40 (въ ногахъ)—0,48 (возлѣ головы), глуб. 0,42. Возлѣ локтя правой руки истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., лежалъ лекиѳъ съ 3 черными пальметками, а возлѣ праваго плеча—бѣлый «финикійскій» алабастръ съ темнокоричневыми полосками. Оба сосудика

лежали параллельно съ ручными костями, тѣсно прилегая къ нимъ, и были обращены доньями на З.

№ 105. Тамъ же. На глубинѣ 4,26 м. высѣченная въ скалѣ гробница дл. 1,25 м., шир. 0,52, глуб. 0,39. Такъ какъ грунтъ былъ мягокъ и слабъ, то стѣны гробницы были выложены камнемъ; надъ гробницей были положены два ряда тонкихъ плитъ. Возлѣ праваго локтя костяка, обращеннаго головою на В., найденъ одноручный глиняный сосудикъ (выс. 0,10 м.) весьма плохой сохранности: вѣнчикъ сосудика обломанъ, черный лакъ сильно стертъ. На верхушкѣ головы оказалась желтая буса изъ «финикійскаго» стекла съ синими и бѣлыми глазками и въ правомъ углу, за головою костяка, 23 простыхъ астрагала, изъ коихъ одинъ просверленъ во всѣхъ трехъ направленіяхъ, а другой снабженъ двумя параллельными дырочками, просверленными рядомъ во всю ширину кости.

№ 106. Тамъ же. На глубинѣ 4,26 м. вырытая въ мягкомъ материкѣ дѣтская гробница со стѣнками, построенными изъ мелкаго камня, покрытая плитами. Длина ящика 0,91 м., шир. 0,32, глуб. 0,27. Выше кисти правой руки истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на В., найденъ киликъ на низкой ножкѣ, покрытый чернымъ густымъ лакомъ, на правомъ плечѣ бронз. игла и на правой рукѣ такой же браслетъ.

№ 107. Рядомъ съ предыдущей гробницей, на той же глубинѣ, земляная гробница, покрытая досками, дл. 1,71 м., шир. 0,58, глуб. 0,55. Подъ лѣвой рукой, вдоль лѣваго бока истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на В., лежало желѣзное остріе копья длиною 0,49 м., сильно поврежденное ржавчиною, на кисти той же руки желѣзный перстень. По краямъ гробницы были разбросаны обломки двуручнаго «финикійскаго» сосудика изъ синяго стекла съ бѣлыми и желтыми поясками.

№ 108. Тамъ же. На глубинѣ 4,67 м. высѣченная въ скалѣ, покрытая плитами гробница дл. 1,73 м., шир. 0,57, глуб. 0,40. Возлѣ праваго локтя хорошо сохранившагося остова, обращеннаго головою на В., найденъ краснофигурный лекиѳъ съ изображеніемъ крылатой Ники возлѣ алтаря [1]).

№ 109. Тамъ же. На той же глубинѣ такая же гробница дл. 1,86 м., шир. и глуб. 0,63. Истлѣвшій костякъ, обращенный головою къ В., лежалъ вплотную возлѣ сѣверной стѣнки гробницы. Всѣ вещи, найденныя при костякѣ, лежали влѣво отъ него: возлѣ лѣваго плеча желтый сосудикъ (выш. 0,15 м.)

---

[1]) См. статью Б. В. Фармаковскаго: Die Funde in Südrussland im Jahre 1904 (*Arch. Anzeiger* 1905, 2, стр. 61).

съ красноватыми полосками на туловищѣ, горлышкѣ и ручкѣ, возлѣ локтя лѣвой руки разбитый на три части чернолаковый лекиѳъ и возлѣ кисти той же руки бронз. стрѣлка.

№ 110. Тамъ же. На глубинѣ 4,67 м. такая же гробница дл. 1,70 м., шир. 0,64, глуб. 0,48. Замѣтно двойное погребеніе. Кости перваго покойника лежали въ кучѣ возлѣ восточной стѣнки могилы, за головой второго костяка, лежавшаго въ порядкѣ. Подъ костями перваго найдены обломки бронз. зеркала діам. 0,15 м.

№ 111. Тамъ же. На той же глубинѣ гробница такого же типа дл. 1,71 м., шир. 0,55, глуб. 0,46. Въ правой рукѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на В., оказался лекиѳъ безъ пальметокъ, покрытый блестящимъ чернымъ лакомъ, а на лѣвой рукѣ желѣзный перстень, сильно поврежденный ржавчиною.

№ 112. Тамъ же. На глубинѣ 2,94 м. такая же гробница дл. 1,79 м., шир. 0,55, глуб. 0,56. Въ правой рукѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ С.-В., найденъ арибаллъ, покрытый блестящимъ чернымъ лакомъ съ графитовымъ отблескомъ.

№ 113. На Госпитальной улицѣ, между домами №№ 37 и 41, найденъ дромосъ катакомбы, начинающійся съ С. и снабженный крутыми ступеньками (*А*, см. планъ на рис. 7); въ лѣвой стѣнѣ дромоса было прорублено отверстіе *Б* въ т. н. «пашенную» яму *В*, служившую когда-то для ссыпки и храненія хлѣба. Это огромная яма, напоминающая своей формой пиѳосъ съ усѣченнымъ дномъ; нижняя часть ея высѣчена въ материкѣ, а верхняя—въ древней насыпи, которая состоитъ изъ земли, смѣшанной съ мелкими камнями, черепками посуды, амфорными ручками, обломками большихъ черепицъ, разными костями и проч. Вверху ямы виднѣется круглое отверстіе, закрытое гладкою плитою. Высота ямы 2,28 м., діаметръ дна 2,35 м. На полу ямы, возлѣ сѣверо-восточной стѣнки лежалъ въ истлѣвшемъ деревянномъ гробу (*а*) костякъ головою на Ю.-В.; въ ногахъ его, въ материковой стѣнѣ ямы было сдѣлано небольшое углубленіе (*б*), въ которомъ стоялъ небольшой одноручный сосудикъ изъ потрескавшагося стекла (выс. сосуда 0,11 м.). Возлѣ ногъ костяка найдены 2 простыя бронз. пряжки, возлѣ таліи — третья пряжка изъ того же металла, украшенная птичьей головкой, въ правой рукѣ желѣзный

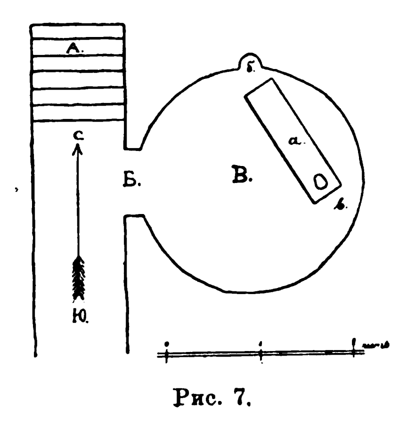


Рис. 7.

ножикъ въ деревянныхъ ножнахъ, съ истлѣвшей костяной ручкой. За головой скелета въ пунктѣ *в* найдены обломки большаго стекл. сосуда безъ ручекъ, раздавленнаго отвалившеюся частью стѣны.

№ 114. Въ правой стѣнѣ того же дромоса, на глубинѣ 3,69 м., высѣчена подбойная гробница дл. 1,59 м., шир. 0,52, выс. 0,42, заложенная съ В. плитами и мелкими камнями. Возлѣ южной стѣнки гробницы, за головою совершенно истлѣвшаго костяка, лежалъ на боку стекл. сосудъ безъ ручекъ (выс. 0,14 м.) и за нимъ кучка астрагаловъ, числомъ 60, безъ буквъ или другихъ знаковъ. Возлѣ головы костяка найдена гладкая серебряная серьга въ видѣ колечка, утолщающагося на концахъ, и 7 бусъ изъ янтаря и стекла синяго и зеленаго цвѣтовъ, на обѣихъ рукахъ по одному бронз. браслету (браслетъ на правой рукѣ нѣсколько больше бывшаго на лѣвой), возлѣ правой руки желѣзный ножъ въ истлѣвшихъ деревянныхъ ножнахъ.

№ 115. Тамъ же, между домами №№ 35 и 41. Древняя земляная гробница, перерѣзанная дромосомъ катакомбы. Въ гробницѣ возлѣ восточной стѣны остался одинъ черепъ и за нимъ обломки лекиѳа съ черными фигурами, изображающими Діониса, трехъ женщинъ и сидящаго юношу, играющаго на лирѣ [1]).

№ 116. На Шлагбаумской улицѣ, противъ д. № 15. На глубинѣ 1,50 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,86 м., шир. отъ 0,57 (въ ногахъ) до 0,66 (въ головахъ), глуб. 0,55. Возлѣ лѣваго плеча хорошо сохранившагося костяка, лежавшаго головою на В., найденъ двуручный сосудикъ изъ бѣлаго «финикійскаго» стекла съ темнокоричневыми полосками и зигзагами, на груди разломанная бронзовая игла, въ ногахъ острое желѣзное шило и маленькая пирамидка изъ зеленоватаго стекла на проволокѣ, отъ которой сохранился лишь ничтожный кусочекъ.

№ 117. На Госпитальной улицѣ. На глубинѣ 1,16 м. каменная гробница съ землянымъ поломъ, покрытая отчасти плитами (подъ ногами костяка), отчасти досками (надъ головой). Длина могилы 2,15 м., шир. 0,66, глуб. 0,44. Возлѣ праваго плеча истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на Ю., найдена стекл. бутылка выш. 0,24 м., возлѣ таліи распавшіяся желѣзная и бронзовая пряжки, въ лѣвой рукѣ клинокъ желѣзнаго ножа.

№ 118. На Шлагбаумской улицѣ. На глубинѣ 1,50 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,66 м., шир. 0,58, глуб. 0,39, оріентированная съ В. на З. Гробница была перерѣзана поперекъ другой гробницей, имѣвшей

[1]) См. ук. статью Б. В. Фармаковскаго, стр. 60.

съ красноватыми полосками на туловищѣ, горлышкѣ и ручкѣ, возлѣ локтя руки разбитый на три части чернолаковый лекиѳъ и возлѣ кисти той же бронз. стрѣлка.

№ 110. Тамъ же. На глубинѣ 4,67 м. такая же гробница дл. 1,' шир. 0,64, глуб. 0,48. Замѣтно двойное погребеніе. Кости перваго поко лежали въ кучѣ возлѣ восточной стѣнки могилы, за головой второго ко лежавшаго въ порядкѣ. Подъ костями перваго найдены обломки бронз. з діам. 0,15 м.

№ 111. Тамъ же. На той же глубинѣ гробница такого же типа дл. 1, шир. 0,55, глуб. 0,46. Въ правой рукѣ истлѣвшаго костяка, обращ головою на В., оказался лекиѳъ безъ пальметокъ, покрытый блестящимъ че лакомъ, а на лѣвой рукѣ желѣзный перстень, сильно поврежденный ржав

№ 112. Тамъ же. На глубинѣ 2,94 м. такая же гробница дл. 1,' шир. 0,55, глуб. 0,56. Въ правой рукѣ истлѣвшаго костяка, обращ головою къ С.-В., найденъ арибаллъ, покрытый блестящимъ чернымъ л съ графитовымъ отблескомъ.

№ 113. На Госпитальной улицѣ, между домами №№ 37 и 41, н дромосъ катакомбы, начинающійся съ С. и снабженный крутыми ступе (*А*, см. планъ на рис. 7); въ лѣвой стѣнѣ дромоса было прорублено от *Б* въ т. н. «пашенную» яму *В*, служившую когда-то для ссыпки и хр хлѣба. Это огромная яма, напоминающая своей формой пиѳосъ съ усѣче дномъ; нижняя часть ея высѣчена въ материкѣ, а верхняя—въ древней н которая состоитъ изъ земли, смѣшанной съ мелкими камнями, черепками п амфорными ручками, обломками большихъ черепицъ, разными костями и Вверху ямы виднѣется круглое отверстіе, закрытое гладкою плитою. ямы 2,28 м., діаметръ дна 2,35 м. На полу ямы, возлѣ сѣверо-вос стѣнки лежалъ въ истлѣвшемъ деревя гробу (*а*) костякъ головою на Ю.-В.; гахъ его, въ материковой стѣнѣ ямь сдѣлано небольшое углубленіе (*б*), въ ромъ стоялъ небольшой одноручный со изъ потрескавшагося стекла (выс. 0,11 м.). Возлѣ ногъ костяка найдены стыя бронз. пряжки, возлѣ таліи — пряжка изъ того же металла, укра птичьей головкой, въ правой рукѣ же

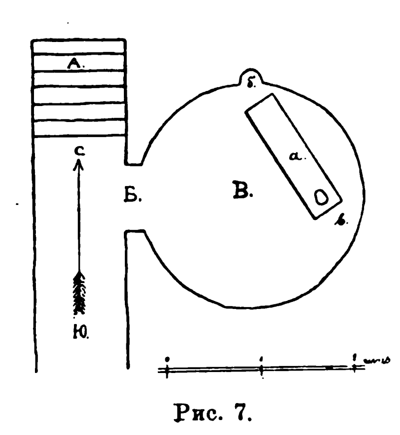


Рис. 7.

ножикъ въ деревянныхъ ножнахъ, съ истлѣвшей костяной ручкой. За головой скелета въ пунктѣ *в* найдены обломки большаго стекл. сосуда безъ ручекъ, раздавленнаго отвалившеюся частью стѣны.

№ 114. Въ правой стѣнѣ того же дромоса, на глубинѣ 3,69 м., высѣчена подбойная гробница дл. 1,59 м., шир. 0,52, выс. 0,42, заложенная съ В. плитами и мелкими камнями. Возлѣ южной стѣнки гробницы, за головою совершенно истлѣвшаго костяка, лежалъ на боку стекл. сосудъ безъ ручекъ (выс. 0,14 м.) и за нимъ кучка астрагаловъ, числомъ 60, безъ буквъ или другихъ знаковъ. Возлѣ головы костяка найдена гладкая серебряная серьга въ видѣ колечка, утолщающагося на концахъ, и 7 бусъ изъ янтаря и стекла синяго и зеленаго цвѣтовъ, на обѣихъ рукахъ по одному бронз. браслету (браслетъ на правой рукѣ нѣсколько больше бывшаго на лѣвой), возлѣ правой руки желѣзный ножъ въ истлѣвшихъ деревянныхъ ножнахъ.

№ 115. Тамъ же, между домами №№ 35 и 41. Древняя земляная гробница, перерѣзанная дромосомъ катакомбы. Въ гробницѣ возлѣ восточной стѣны остался одинъ черепъ и за нимъ обломки лекиѳа съ черными фигурами, изображающими Діониса, трехъ женщинъ и сидящаго юношу, играющаго на лирѣ[1]).

№ 116. На Шлагбаумской улицѣ, противъ д. № 15. На глубинѣ 1,50 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,86 м., шир. отъ 0,57 (въ ногахъ) до 0,66 (въ головахъ), глуб. 0,55. Возлѣ лѣваго плеча хорошо сохранившагося костяка, лежавшаго головою на В., найденъ двуручный сосудикъ изъ бѣлаго «финикійскаго» стекла съ темнокоричневыми полосками и зигзагами, на груди разломанная бронзовая игла, въ ногахъ острое желѣзное шило и маленькая пирамидка изъ зеленоватаго стекла на проволокѣ, отъ которой сохранился лишь ничтожный кусочекъ.

№ 117. На Госпитальной улицѣ. На глубинѣ 1,16 м. каменная гробница съ землянымъ поломъ, покрытая отчасти плитами (подъ ногами костяка), отчасти досками (надъ головой). Длина могилы 2,15 м., шир. 0,66, глуб. 0,44. Возлѣ праваго плеча истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на Ю., найдена стекл. бутылка выш. 0,24 м., возлѣ таліи распавшіяся желѣзная и бронзовая пряжки, въ лѣвой рукѣ клинокъ желѣзнаго ножа.

№ 118. На Шлагбаумской улицѣ. На глубинѣ 1,50 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,66 м., шир. 0,58, глуб. 0,39, оріентированная съ В. на З. Гробница была перерѣзана поперекъ другой гробницей, имѣвшей

[1]) См. ук. статью Б. В. Фармаковскаго, стр. 60.

направленіе съ Ю. на С. Въ первой гробницѣ, среди костей, сдвинутыхъ въ кучу возлѣ восточной стѣны, найдены обломки двуручнаго «финикійскаго» сосудика изъ бѣлаго стекла съ темнокоричневыми полосками, во второй—простой глиняный сосудъ безъ ручекъ. Костяка во второй гробницѣ вовсе не оказалось.

№ 119. Тамъ же. На глубинѣ 2,59 м. земляная подбойная гробница, дл. 1,27 м., шир. 0,79, выс. 0,27; была заложена плитами съ С.-В. На правой рукѣ истлѣвшаго дѣтскаго костяка, обращеннаго головою на С.-З., оказался бронз. браслетикъ, возлѣ головы съ лѣвой стороны глиняный одноручный сосудикъ, украшенный грубымъ изображеніемъ вѣтки, на которой кое-гдѣ сохранились слѣды бѣлой краски.

№ 120. Тамъ же, противъ дома № 15. На глубинѣ 1,54 м. простая земляная гробница дл. 1,20 м., шир. 0,42, глуб. 0,40. На правой рукѣ дѣтскаго костяка, обращеннаго головою на Ю.-З., оказался бронз. браслетъ, а на шеѣ 17 бусъ изъ оникса, стекла и разноцвѣтной композиціи. Посуды въ гробницѣ не было.

№ 121. Тамъ же. На глубинѣ 2,12 м. земляная подбойная гробница дл. 1,91 м., шир. 0,60, выс. 0,51; была заложена плитами съ В. У лѣваго локтя истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на С., найденъ обломанный костяной гребень, украшенный 15 бронзовыми заклепками, у лѣваго плеча одноручный краснолаковый сосудикъ на низкой ножкѣ.

№ 122. Тамъ же, противъ дома № 17. На глубинѣ 1,24 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,08 м., шир. 0,58, глуб. 0,45. Въ правой рукѣ костяка, лежавшаго головою къ В., оказалась мѣдная монета, совершенно испорченная окисью металла, возлѣ таліи разломанная желѣзная пряжка съ бронзовымъ щиткомъ, за головой съ лѣвой стороны шарообразный стекл. сосудъ безъ ручекъ, съ высокимъ горлышкомъ (выс. сосуда 0,17 м.).

№ 123. Тамъ же. На глубинѣ 1,50 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 1,90 м., шир. 0,71, глуб. 0,40. Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на Ю.-В., найдены обломки желѣзнаго ножа, возлѣ лѣваго плеча шарообразный стекл. сосудъ съ высокимъ горломъ безъ ручекъ (выс. сосуда 0,17 м.).

№ 124. Тамъ же. На глубинѣ 1,30 м. такая же гробница дл. 1,85 м., шир. 0,75, глуб. 0,30. На правой рукѣ совершенно истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ Ю.-В., найденъ испорченный ржавчиной желѣзный браслетъ, возлѣ лѣвой руки обломки желѣзнаго острія копья и 30 стрѣлокъ: 29 бронзовыхъ и одна желѣзная.

№ 125. Тамъ же. На глубинѣ 1,35 м. такая же гробница дл. 1,40 м., шир. 0,63, глуб. 0,35. Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на В., найдены обломки простого глинянаго одноручнаго сосуда, въ правой рукѣ чернолаковый арибаллъ съ красной пальметкой, на шеѣ 3 синія бусы съ бѣлыми глазками (двѣ бусы на серебряной проволокѣ), возлѣ головы бронзовая игла.

№ 126. Тамъ же. Въ насыпи гробницы, раззоренной въ древности, найдены обломки коринѳскаго арибалла съ изображеніемъ птицъ и какихъ-то чудовищъ. По формѣ сосудъ напоминаетъ арибаллъ, изданный у Rayet et Collignon, Histoire de la céramique grecque, стр. 57, рис. 32.

№ 127. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ предыдущей могилы найдена на глубинѣ 0,50 м. гробница, вырытая въ насыпи, дл. 1,96 м., шир. 0,56, глуб. 0,44, съ вещами совершенно другого періода: на груди костяка, обращеннаго головою къ С., оказались двѣ бронз. фибулы т. н. готскаго стиля, на шеѣ 5 бусъ изъ синяго и зеленаго стекла, возлѣ рукъ сложенныя вмѣстѣ бронз. серьги съ маленькими шестигранниками, наполненными бѣлой массой.

№ 128. Тамъ же, противъ д. № 21. На глубинѣ 1,50 м. простая земляная гробница дл. 1,71 м., шир. 0,61, глуб. 0,35. Возлѣ головы истлѣвшаго костяка, обращенной на В., найдено 5 глиняныхъ сосудиковъ: облупившаяся чернолаковая чашечка на высокой ножкѣ, съ нацарапанными подъ ножкой буквами Δ I H, низенькая чашечка безъ ножки, съ одной ручкой, 2 почти одинаковыхъ одноручныхъ сосудика съ горизонтальными полосками на туловищѣ и вѣнчикѣ (на днѣ одного изъ нихъ нацарапаны цифры I Г), наконецъ обломки страннаго сосуда изъ черной глины, похожаго на чайникъ: лейка хорошо сохранилась, но двѣ боковыя ручки отбиты и крышки не оказалось.

№ 129. Тамъ же, противъ калитки двора № 15. На глубинѣ 1,10 м. дѣтская гробница, высѣченная въ материковой скалѣ и покрытая плитами. Длина могилы 0,99 м., шир. 0,37, глуб. 0,35. Между кистями рукъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на С., найденъ простой двуручный глин. сосудикъ (выс. 0,09 м.), возлѣ правой ноги разбитый стекл. одноручный сосудъ и во рту мѣдная монета царя Ѳоѳорса съ обозначеніемъ 595 года боспорской эры (= 298 г. по Р. Хр.).

№ 130. Въ 1-мъ Кладбищенскомъ переулкѣ. На глубинѣ 3 м. земляная гробница дл. 1,81 м., шир. 0,88, глуб. 0,46, оріентированная съ В. на З. Гробница была въ древности раззорена, а вещи, находившіяся при костяхъ, выброшены. Въ насыпи надъ самой гробницей найдены чернолаковая рюмка съ

тремя черточками, нацарапанными на туловищѣ и внизу на ножкѣ, одноручный сосудикъ рѣдкой формы изъ желтой глины, украшенный внутри и снаружи черными и красными полосками и орнаментомъ, состоящимъ изъ двухъ рядовъ листиковъ трилистника, гладкое золотое кольцо, обломки алабастриды и нѣсколько простыхъ астрагаловъ.

№ 131. Тамъ же. На глубинѣ 3,50 м. земляная гробница дл. 2,03 м., шир. 0,85, глуб. 0,56. У праваго плеча истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на Ю.-В., найденъ одноручный сосудикъ изъ желтой глины, украшенный черными полосками по туловищу, на ручкѣ и по краямъ вѣнчика [1]), на лѣвой рукѣ желѣзный перстень, въ той же рукѣ «финикійскій» алабастръ прекрасной сохранности изъ синяго стекла съ голубыми и желтыми полосками. Въ ногахъ костяка стояла прислоненная къ серединѣ стѣнки гробницы простая глиняная амфора выс. 0,51 м. съ написанными красной краской большими буквами ЕХ.

№ 132. Рядомъ съ предыдущей гробницей, на той же глубинѣ, высѣченная въ скалѣ и покрытая плитами гробница дл. 1,96 м., шир. 0,64, глуб. 0,59. Возлѣ лѣваго плеча истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ Ю.-В., найдены обломки одноручнаго глинянаго сосудика такой же формы, какъ сосудики въ гробницахъ №№ 93 и 131.

№ 133. Тамъ же. На глубинѣ 3 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 1,72 м., шир. 0,67, глуб. 0,65. Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., въ лѣвомъ углу гробницы стояла простая глиняная амфора (выс. 0,48 м.); на правомъ плечѣ найдена бронзовая игла.

№ 134. Рядомъ, на той же глубинѣ, земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,87 м., шир. 0,62, глуб. 0,57. Возлѣ лѣваго плеча истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ С.-В., найдено разломанное желѣзное орудіе неизвѣстнаго назначенія, въ видѣ согнутаго въ оваль прута, заостреннаго съ обоихъ концовъ; орудіе это нельзя считать ножницами, потому что на немъ нѣтъ никакого острія: это былъ круглый желѣзный прутъ, имѣющій вездѣ, кромѣ концовъ, одинаковую толщину.

№ 135. Тамъ же, на глубинѣ 3 м., земляная гробница, покрытая досками, дл. 1,06 м., шир. 0,82, глуб. 0,64. Въ ногахъ дѣтскаго скелета, обращеннаго головою къ В., найдены чернолаковый рожокъ съ бронзовой вороночкой и красноватый одноручный сосудикъ съ темными полосками на туловищѣ, ручкѣ и вѣнчикѣ.

---

[1]) Сосудъ похожъ по формѣ на сосудики, изданные въ *Извѣстіяхъ Имп. Арх. Комм.*, вып. 8, табл. V, рис. 16; вып. 14, стр. 27, рис. 62. Ср. описаніе гробницы № 93.

№ 136. Тамъ же. На глубинѣ 4,24 м. высѣченная въ скалѣ и покрытая плитами гробница длиною 1,79 м., шир. 0,58, глуб. 0,57. На груди костяка, обращеннаго головою на З. (sic!), найдена золотая подвѣсочка, изображающая разъяреннаго льва, въ правой рукѣ распавшаяся алабастрида, на безыменномъ пальцѣ лѣвой руки три кольца: въ серединѣ желѣзное, съ боковъ золотые перстенекъ и колечко, возлѣ колѣнъ скорлупа гусинаго яйца съ косточками гусенка внутри, а возлѣ пятокъ серебряное колечко неизвѣстнаго назначенія и чернолаковый арибаллъ, украшенный съ передней стороны краснымъ пояскомъ и рядомъ черныхъ точекъ. По всей гробницѣ были разбросаны обломки «финикійскаго» двуручнаго сосудика изъ синяго стекла съ желтыми и бѣлыми полосками.

№ 137. Тамъ же. На глубинѣ 3 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,72 м., шир. 0,65, глуб. 0,54. Возлѣ лѣваго локтя костяка, лежавшаго головою къ В., найденъ чернолаковый арибаллъ съ горизонтальнымъ краснымъ пояскомъ, украшеннымъ двумя рядами черныхъ точекъ, возлѣ праваго локтя бронзовый наконечникъ стрѣлы, въ ногахъ простая глиняная амфора выс. 0,49 м. съ черными полосками на краю плечъ и на горлѣ; судя по глинѣ, полной бѣлыхъ блестящихъ крупинокъ, амфора была привезена съ острова Ѳасоса.

№ 138. На углу Эспланадной улицы и продолженія Госпитальной. На глубинѣ 1,98 м. построенная въ насыпи каменная гробница, покрытая досками, дл. 1,97 м., шир. 0,49, глуб. 0,35. На лѣвой рукѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на З., найдены 2 бронзовые браслета, возлѣ головы гладкая золотая сережка и 3 бусы изъ сердолика, чернаго стекла и бѣлаго стекла съ позолотою.

№ 139. Тамъ же. На глубинѣ 1,04 м. простая земляная гробница дл. 2,01 м., шир. 0,42, глуб. 0,34. Возлѣ таліи костяка, обращеннаго головою на С.-В., найдена толстая мѣдная пряжка, въ ногахъ 2 кусочка кремня, продолговатое огниво, раковина, кабаній клыкъ, 2 пронизи изъ темной пасты и мѣдная монета послѣдняго Рискупорида съ орломъ [1]).

№ 140. Во дворѣ В. Глѣбова, на углу Госпитальной улицы и 1-го Кладбищенскаго переулка. На глубинѣ 5,30 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,82 м., шир. и выс. 0,54. Возлѣ кисти и вдоль правой руки костяка, обращеннаго головою на В., найдены обломки «финикійскаго» алабастра изъ синяго стекла съ желтыми и бѣлыми полосками.

№ 141. Тамъ же. На глубинѣ 5,36 м. высѣченная въ скалѣ и покрытая плитами гробница дл. 1,83 м., шир. 0,58, глуб. 0,53. Въ правой рукѣ истлѣв-

[1]) Б. Кене, Описаніе музеума кн. Кочубея, II, табл. XX, № 194.

шаго костяка, обращеннаго головою къ В., найденъ краснофигурный ариб
съ изображеніемъ какого-то животнаго.

№ 142. Тамъ же. На глубинѣ 5,36 м. такая же гробница дл. 1,7
шир. 0,55, глуб. 0,48. Костякъ лежалъ головою къ С.-В. Возлѣ правой
его, между ребрами и локтемъ, лежалъ отверстіемъ къ головѣ «финикій
алабастръ изъ чернаго стекла, украшенный сверху донизу бѣлыми и жел
полосками.

№ 143. На Эспланадной улицѣ, во дворѣ Ильина (домъ № 17). На
бинѣ 2,69 м. дѣтская земляная гробница, покрытая досками, дл. 0,7
шир. 0,44, глуб. 0,38. Влѣво за головой истлѣвшаго костяка, возлѣ вост
стѣнки гробницы, стоялъ чернолаковый канѳаръ съ каннелюрами на туло
и съ кружкомъ на днѣ, состоящимъ изъ черточекъ; на канѳарѣ лежало ч
лаковое блюдце съ 9 пальметками на днѣ.

№ 144. Тамъ же. На той же глубинѣ каменная гробница, покрытая
тами, дл. 1,92 м., шир. 0,52, глуб. 0,64. Въ гробницѣ лежали рядомъ 2
шенно истлѣвшіе костяка, головами къ Ю. На черепѣ костяка, лежавшаго
западной стѣнки, найдено простое глиняное блюдо весьма грубой отдѣлки,
0,33 м., а въ ногахъ—простой одноручный глиняный сосудъ (выс. 0,2
Возлѣ правой кисти другого костяка найдены клѣтчатый арибаллъ коричн
цвѣта, усѣянный бѣлыми точками, и 16 бронз. стрѣлокъ; въ ногахъ—к
прекрасной сохранности, покрытый блестящимъ чернымъ лакомъ; на днѣ
оттиснуты 4 пальметки, окруженныя кружкомъ изъ черточекъ. На шеѣ это
костяка найдены 4 бусы въ видѣ трубочекъ изъ зеленой пасты, на
остатки тонкой матеріи, похожей на кружева, на тѣлѣ, въ особеннос
ножныхъ костяхъ, толстая матерія коричневаго цвѣта.

II. Катакомбы, открытыя на сѣверной покатости Митридатовой

(Съ 10 по 15 іюля и съ 5 августа по 31 декабря).

№ 145 (1). Противъ угла Госпитальной улицы и 1-го Кладбище
переулка. На глубинѣ 10,31 м. въ дромосѣ, имѣющемъ 0,99 м. ши
найдены гладкій, ровный карнизъ и подъ нимъ арка дл. 1,12 м., шир.
выс. 0,96, ведущая въ катакомбу самаго обычнаго типа съ тремя лежа
по тремъ стѣнкамъ и небольшой нишей вправо отъ входа. Длина камер
входа до центральной лежанки) 2,27 м., шир. 2,23, выс. въ серединѣ
Центральная лежанка, имѣющая 2,23 м. ширины, 1,28 м. глубины и 0,79 м.
находится на высотѣ 0,82 м. надъ поломъ камеры. Лежанка, высѣчен

правой стѣнѣ склепа на разстояніи 0,67 м. отъ пола, имѣетъ шир. 2,18 м., глуб. 1,22 м. и выс. 0,79 м. Лѣвая лежанка имѣетъ шир. 2,22 м., глуб. 0,78 м. и выс. 0,65 м.; высѣчена въ толщѣ почвы на разстояніи 0,77 м. надъ поломъ. Вправо отъ входа, на разстояніи 0,39 м. отъ арки устроена небольшая ниша шир. 0,38 м., выс. 0,47, глуб. 0,23. На стѣнахъ катакомбы нѣтъ ни росписи, ни надписей. Склепъ оказался ограбленнымъ въ древнее время; четырехугольная каменная плита, закрывавшая входъ въ катакомбу, была сдвинута съ мѣста. При тщательномъ пересмотрѣ лежанокъ, покрытыхъ тонкимъ слоемъ истлѣвшихъ костяковъ и деревянныхъ гробовъ, найдены только одна золотая буса ажурной работы и разбитый стеклянный стаканъ, оставленные грабителями на правой лежанкѣ. Но подъ низкимъ порогомъ входа оказался тайникъ, не замѣченный хищниками вслѣдствіе того, что мѣсто надъ нимъ засыпалось землею, когда грабители проникали изъ дромоса въ камеру. Тайникъ состоитъ изъ четырехугольнаго углубленія, прилегающаго длинной стороной къ порогу, и имѣетъ 0,57 м. длины, 0,22 м. ширины и 0,21 м. глубины. Въ тайникѣ найдены слѣдующія вещи:

Рис. 8 (1/3).

1) серебряное блюдо (рис. 8) діам. 0,235 м., съ изображеніемъ императора Констанція (324—361 по Р. Хр.) и латинскою надписью D(omini) n(ostri) Constanti Augusti votis XX;

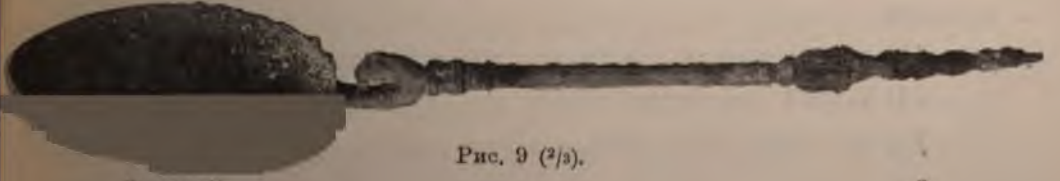


Рис. 9 (2/3).

2) серебряная ложка (рис. 9) длиною 0,21 м.;

3) серебряная ложка на кольцѣ (рис. 10), съ птичьей головкой
концѣ и съ лицомъ бородатаго мужчины, остриженнаго въ скобку, на

4) золотой вѣнокъ съ изображенiемъ императора Гордiана (23
и надписью вокругъ бюста M. ANT. ΓΟΡΔΙΑΝΟCΑΥΓ (рис. 11);

5) золотая пластинка съ ноженъ меча;

6) украшенiе рукоятки кинжала, состоящее изъ трехъ золотых
изъ которыхъ одна украшена была съ лицевой стороны пятью красн
лышками (рис. 12); нынѣ одного стеклышка не хватаетъ;

Рис. 10 (2/3).

Рис. 11 (н. в.).

Рис.

7) другое такое же украшенiе безъ стеклышекъ;

8) третье такое же украшенiе, состоящее изъ двухъ частей;

9) верхушка рукоятки кинжала въ видѣ большой пронизи съ
гранатами въ золотой оправѣ;

10) четыре такiя же пронизи безъ гранатовъ;

11) кружокъ изъ халцедона съ отверстiемъ по серединѣ, отъ руко

12) золотая пластинка съ 4 сирiйскими гранатами отъ ножен
или меча;

13) золотая пряжка, украшенная альмандиномъ;

14) золотой наконечникъ ремня;

15) пять серебряныхъ позолоченныхъ наконечниковъ отъ ремн

16) два серебряные наконечника ремня;

17) золотая индикація съ неяснымъ изображеніемъ;

18) гладкій золотой браслетъ, утолщенный на концахъ;

19) пять гранатовъ въ золотой оправѣ, гранатъ безъ оправы, золотая пластиночка, пять золотыхъ украшеній;

20) серебряный позолоченный умвонъ (рис. 13*а* и *б*) съ серебряной рукояткой и съ серебряными позолоченными гвоздями;

21) другой серебряный позолоченный умвонъ съ серебряной рукояткой и 13 вызолоченными гвоздями;

22) поломанная серебряная фибула;

23) серебряная ручка сосуда (самого сосуда не оказалось);

Рис. 13*а* (½).

Рис. 13*б* (½).

24) серебряныя удила, украшенныя золотыми пластинками съ сирійскими гранатами;

25) 14 частей разныхъ удилъ; къ одной изъ нихъ присталъ серебряный позолоченный колокольчикъ;

26) 9 позолоченныхъ колокольчиковъ;

27) два бронзовыхъ украшенія въ видѣ птицы, кажется, отъ сѣдла;

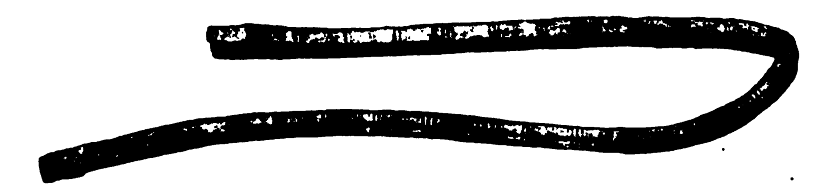


Рис. 14 (½).

28) два длинныхъ серебряныхъ украшенія (дл. 0,74 м.), составлявшія, кажется, ободъ сѣдла (рис. 14);

29) 8 пряжекъ и 9 колецъ изъ серебра и мѣди;

30) 31 экз. вызолоченныхъ пуговицъ, 8 позолоченныхъ подвѣсокъ въ видѣ бубенчиковъ и кольцо;

31) обломки разныхъ украшеній неизвѣстнаго назначенія;

32) три золотыя двойныя бусы.

Найденныя вещи лежали въ тайникѣ въ большомъ безпорядкѣ; выше всѣхъ находилось серебряное блюдо, на которомъ лежали обѣ ложки; ниже были положены въ рядъ оба умвона, а подъ ними остальныя вещи. Золотой вѣнокъ съ изображеніемъ императора Гордіана и золотыя пластинки съ ноженъ были до того скомканы, что въ началѣ нельзя было опредѣлить, что они представляютъ изъ себя.

№ 146 (2). На Госпитальной улицѣ, на склонѣ холма противъ воротъ дома № 41, на незначительной глубинѣ 2,25 м. оказался входъ, ведущій съ западной стороны въ катакомбу. Между дромосомъ и склепомъ высѣченъ въ толщѣ почвы корридоръ, имѣющій обычную форму арки, дл. 0,97 м., шир. 0,6[illegible] выс. 0,85. Катакомба замѣчательна своимъ конусообразнымъ потолкомъ съ круглымъ отверстіемъ вверху, закрытымъ плитою, какъ въ Царскомъ и Мелекъ-Чесменскомъ курганахъ. Ключъ свода находится надъ поломъ склепа на высотѣ 3,10 м. Видно, что катакомба устроена на мѣстѣ прежней хлѣбной ямы, какихъ на этомъ мѣстѣ встрѣчается очень много (ср. выше описаніе гробницы № 113); прибавленъ только дромосъ съ аркою, пробитою въ боку ямы, и устроены лежанки и ниши. Противъ входа и слѣва отъ него высѣчены въ желтоватомъ слоѣ материка, на разстояніи 0,59 и 0,46 м. отъ пола, двѣ лежанки. Главная лежанка противъ входа имѣетъ 2,48 м. ширины и 0,97 м. глубины; потолокъ ея непосредственно соединяется съ общимъ потолкомъ всей катакомбы. Лѣвая лежанка, съ особымъ потолкомъ, имѣетъ шир. 1,51 м., глуб. 0,49 м. и выс. 0,58 м. Камера катакомбы, не считая лежанокъ, имѣетъ 1,83 м. длины (отъ входа до главной лежанки) и 2,59 м. ширины. Кромѣ лежанокъ, въ стѣнахъ склепа устроены еще три ниши: одна въ углу, вправо отъ входа

(шир. 0,60 м., выс. 0,62, глуб. 0,27), другая подъ главной лежанкой (шир. 0,25 м., выс. 0,38, глуб. 0,18); въ той же южной стѣнѣ, въ уровень съ поломъ катакомбы, высѣчена ниша, подобная нишѣ катакомбы, открытой въ 1872 г. и изданной В. В. Стасовымъ (выс. 0,77 м., шир. 0,52, глуб. 0,50). Вещи, оказавшіяся въ склепѣ, лежали не на своихъ мѣстахъ, потому что въ катакомбу сверху и черезъ отверстіе, образовавшееся надъ лѣвой лежанкой, проникало множество воды, составлявшей по временамъ лужу, по которой носились доски гробовъ и посуда. Весь полъ катакомбы былъ покрытъ слоемъ высохшей грязи толщиною въ 0,15 м. и больше. Сейчасъ за четырехугольной плитой, которою былъ закрытъ входъ въ катакомбу, найдены три стекл. сосуда, перевернувшіеся вверхъ дномъ. Только въ нишѣ надъ главною лежанкою, куда, благодаря большому разстоянію отъ пола, не достигала вода, остались 3 сосуда (распавшійся простой глиняный сосудъ съ одной ручкой, простой такой же сосудикъ безъ ручекъ и гладкій стеклянный стаканъ). Золотыя серьги и бусы найдены in situ около совершенно истлѣвшаго черепа, лежавшаго на главной лежанкѣ, возлѣ южной стѣнки. На этой же лежанкѣ найдены еще разбитый сосудикъ изъ чернаго стекла и двѣ маленькія фибулы изъ бронзы. Всѣ остальныя вещи лежали въ грязи на полу катакомбы.

Вотъ перечень вещей, найденныхъ въ катакомбѣ:

1) пара золотыхъ серегъ въ видѣ маленькихъ амфоръ, привѣшенныхъ къ кольцамъ; серьги одинаковы по формѣ, но различны по величинѣ и работѣ;

2) пять золотыхъ бусъ, изъ коихъ 4 имѣютъ форму тройной трубочки;

3) обломанный сосудикъ изъ чернаго стекла съ бѣлымъ орнаментомъ;

4) шесть одноручныхъ стекл. сосудовъ;

5) шесть стекл. сосудовъ безъ ручекъ;

6) четыре стакана изъ желтаго стекла;

7) простой глиняный одноручный сосудъ (распался на мелкія части);

8) простой глиняный сосудикъ безъ ручекъ;

9) четыре бронзовыя фибулы;

10) двѣ бронзовыя пряжки;

11) два браслетика изъ бронзы и

12) двѣ большія терракотовыя пронизи.

По характеру стекла, по формѣ фибулъ и пряжекъ можно судить, что и эта катакомба относится къ III—IV вв. по Р. Хр.

№ 147 (3). На той же улицѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ къ В. отъ склепа № 145 найденъ новый дромосъ, ведущій съ С. въ катакомбу, которая оказа-

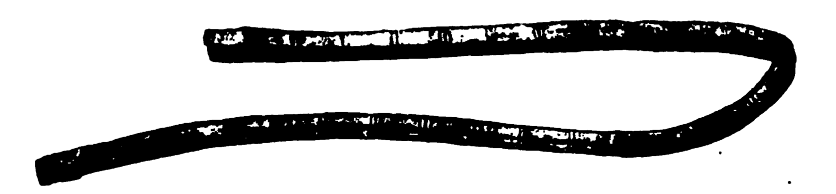


Рис. 14 (¼).

28) два длинныхъ серебряныхъ украшенія (дл. 0,74 м.), составлявш кажется, ободъ сѣдла (рис. 14);

29) 8 пряжекъ и 9 колецъ изъ серебра и мѣди;

30) 31 экз. вызолоченныхъ пуговицъ, 8 позолоченныхъ подвѣсокъ въ ви бубенчиковъ и кольцо;

31) обломки разныхъ украшеній неизвѣстнаго назначенія;

32) три золотыя двойныя бусы.

Найденныя вещи лежали въ тайникѣ въ большомъ безпорядкѣ; выше всѣ находилось серебряное блюдо, на которомъ лежали обѣ ложки; ниже были по. жены въ рядъ оба умвона, а подъ ними остальныя вещи. Золотой вѣнокъ изображеніемъ императора Гордіана и золотыя пластинки съ ноженъ были до т скомканы, что въ началѣ нельзя было опредѣлить, что они представляютъ изъ се

№ 146 (2). На Госпитальной улицѣ, на склонѣ холма противъ ворс дома № 41, на незначительной глубинѣ 2,25 м. оказался входъ, ведущій западной стороны въ катакомбу. Между дромосомъ и склепомъ высѣченъ толщѣ почвы корридоръ, имѣющій обычную форму арки, дл. 0,97 м., шир. 0,(выс. 0,85. Катакомба замѣчательна своимъ конусообразнымъ потолкомъ круглымъ отверстіемъ вверху, закрытымъ плитою, какъ въ Царскомъ и] лекъ-Чесменскомъ курганахъ. Ключъ свода находится надъ поломъ скл на высотѣ 3,10 м. Видно, что катакомба устроена на мѣстѣ прежней хлѣб ямы, какихъ на этомъ мѣстѣ встрѣчается очень много (ср. выше описа гробницы № 113); прибавленъ только дромосъ съ аркою, пробитою въ бо ямы, и устроены лежанки и ниши. Противъ входа и слѣва отъ него высѣчев въ желтоватомъ слоѣ материка, на разстояніи 0,59 и 0,46 м. отъ пола, д лежанки. Главная лежанка противъ входа имѣетъ 2,48 м. ширины и 0,97 глубины; потолокъ ея непосредственно соединяется съ общимъ потолкомъ все катакомбы. Лѣвая лежанка, съ особымъ потолкомъ, имѣетъ шир. 1,51 м., глу(0,49 м. и выс. 0,58 м. Камера катакомбы, не считая лежанокъ, имѣетъ 1,83 длины (отъ входа до главной лежанки) и 2,59 м. ширины. Кромѣ лежанок въ стѣнахъ склепа устроены еще три ниши: одна въ углу, вправо отъ вхо

ір. 0,60 м., выс. 0,62, глуб. 0,27), другая подъ главной лежанкой (шир. 5 м., выс. 0,38, глуб. 0,18); въ той же южной стѣнѣ, въ уровень съ юмъ катакомбы, высѣчена ниша, подобная нишѣ катакомбы, открытой въ 72 г. и изданной В. В. Стасовымъ (выс. 0,77 м., шир. 0,52, глуб. 0,50). щи, оказавшіяся въ склепѣ, лежали не на своихъ мѣстахъ, потому что въ акомбу сверху и черезъ отверстіе, образовавшееся надъ лѣвой лежанкой, оникало множество воды, составлявшей по временамъ лужу, по которой носиь доски гробовъ и посуда. Весь полъ катакомбы былъ покрытъ слоемъ вышей грязи толщиною въ 0,15 м. и больше. Сейчасъ за четырехугольной итой, которою былъ закрытъ входъ въ катакомбу, найдены три стекл. сосуда, ревернувшіеся вверхъ дномъ. Только въ нишѣ надъ главною лежанкою, куда, агодаря большому разстоянію отъ пола, не достигала вода, остались 3 сосуда аспавшійся простой глиняный сосудъ съ одной ручкой, простой такой же судикъ безъ ручекъ и гладкій стеклянный стаканъ). Золотыя серьги и бусы йдены in situ около совершенно истлѣвшаго черепа, лежавшаго на главной жанкѣ, возлѣ южной стѣнки. На этой же лежанкѣ найдены еще разбитый судикъ изъ чернаго стекла и двѣ маленькія фибулы изъ бронзы. Всѣ осталья вещи лежали въ грязи на полу катакомбы.

Вотъ перечень вещей, найденныхъ въ катакомбѣ:

1) пара золотыхъ серегъ въ видѣ маленькихъ амфоръ, привѣшенныхъ ъ кольцамъ; серьги одинаковы по формѣ, но различны по величинѣ и работѣ;

2) пять золотыхъ бусъ, изъ коихъ 4 имѣютъ форму тройной трубочки;

3) обломанный сосудикъ изъ чернаго стекла съ бѣлымъ орнаментомъ;

4) шесть одноручныхъ стекл. сосудовъ;

5) шесть стекл. сосудовъ безъ ручекъ;

6) четыре стакана изъ желтаго стекла;

7) простой глиняный одноручный сосудъ (распался на мелкія части);

8) простой глиняный сосудикъ безъ ручекъ;

9) четыре бронзовыя фибулы;

10) двѣ бронзовыя пряжки;

11) два браслетика изъ бронзы и

12) двѣ большія терракотовыя пронизи.

По характеру стекла, по формѣ фибулъ и пряжекъ можно судить, что и а катакомба относится къ III—IV вв. по Р. Хр.

№ 147 (3). На той же улицѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ къ В. отъ склепа 145 найденъ новый дромосъ, ведущій съ С. въ катакомбу, которая оказа-

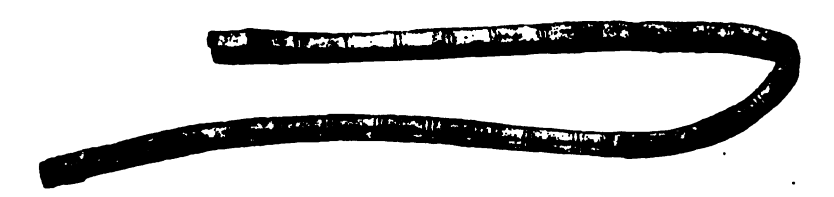


Рис. 14 (¼).

28) два длинныхъ серебряныхъ украшенія (дл. 0,74 м.), составляві кажется, ободъ сѣдла (рис. 14);

29) 8 пряжекъ и 9 колецъ изъ серебра и мѣди;

30) 31 экз. вызолоченныхъ пуговицъ, 8 позолоченныхъ подвѣсокъ въ в бубенчиковъ и кольцо;

31) обломки разныхъ украшеній неизвѣстнаго назначенія;

32) три золотыя двойныя бусы.

Найденныя вещи лежали въ тайникѣ въ большомъ безпорядкѣ; выше вс находилось серебряное блюдо, на которомъ лежали обѣ ложки; ниже были по жены въ рядъ оба умвона, а подъ ними остальныя вещи. Золотой вѣнокъ изображеніемъ императора Гордіана и золотыя пластинки съ ноженъ были до т скомканы, что въ началѣ нельзя было опредѣлить, что они представляютъ изъ се

№ 146 (2). На Госпитальной улицѣ, на склонѣ холма противъ вор дома № 41, на незначительной глубинѣ 2,25 м. оказался входъ, ведущій западной стороны въ катакомбу. Между дромосомъ и склепомъ высѣченъ толщѣ почвы корридоръ, имѣющій обычную форму арки, дл. 0,97 м., шир. 0, выс. 0,85. Катакомба замѣчательна своимъ конусообразнымъ потолкомъ круглымъ отверстіемъ вверху, закрытымъ плитою, какъ въ Царскомъ и лекъ-Чесменскомъ курганахъ. Ключъ свода находится надъ поломъ скл на высотѣ 3,10 м. Видно, что катакомба устроена на мѣстѣ прежней хлѣбі ямы, какихъ на этомъ мѣстѣ встрѣчается очень много (ср. выше описа гробницы № 113); прибавленъ только дромосъ съ аркою, пробитою въ бо ямы, и устроены лежанки и ниши. Противъ входа и слѣва отъ него высѣче въ желтоватомъ слоѣ материка, на разстояніи 0,59 и 0,46 м. отъ пола, лежанки. Главная лежанка противъ входа имѣетъ 2,48 м. ширины и 0,97 глубины; потолокъ ея непосредственно соединяется съ общимъ потолкомъ в катакомбы. Лѣвая лежанка, съ особымъ потолкомъ, имѣетъ шир. 1,51 м., гл 0,49 м. и выс. 0,58 м. Камера катакомбы, не считая лежанокъ, имѣетъ 1,83 длины (отъ входа до главной лежанки) и 2,59 м. ширины. Кромѣ лежано въ стѣнахъ склепа устроены еще три ниши: одна въ углу, вправо отъ вх

ир. 0,60 м., выс. 0,62, глуб. 0,27), другая подъ главной лежанкой (шир. 25 м., выс. 0,38, глуб. 0,18); въ той же южной стѣнѣ, въ уровень съ помъ катакомбы, высѣчена ниша, подобная нишѣ катакомбы, открытой въ 72 г. и изданной В. В. Стасовымъ (выс. 0,77 м., шир. 0,52, глуб. 0,50). щи, оказавшіяся въ склепѣ, лежали не на своихъ мѣстахъ, потому что въ такомбу сверху и черезъ отверстіе, образовавшееся надъ лѣвой лежанкой, оникало множество воды, составлявшей по временамъ лужу, по которой носись доски гробовъ и посуда. Весь полъ катакомбы былъ покрытъ слоемъ вымшей грязи толщиною въ 0,15 м. и больше. Сейчасъ за четырехугольной итой, которою былъ закрытъ входъ въ катакомбу, найдены три стекл. сосуда, реревернувшіеся вверхъ дномъ. Только въ нишѣ надъ главною лежанкою, куда, лагодаря большому разстоянію отъ пола, не достигала вода, остались 3 сосуда распавшійся простой глиняный сосудъ съ одной ручкой, простой такой же судикъ безъ ручекъ и гладкій стеклянный стаканъ). Золотыя серьги и бусы йдены in situ около совершенно истлѣвшаго черепа, лежавшаго на главной жанкѣ, возлѣ южной стѣнки. На этой же лежанкѣ найдены еще разбитый судикъ изъ чернаго стекла и двѣ маленькія фибулы изъ бронзы. Всѣ остальныя вещи лежали въ грязи на полу катакомбы.

Вотъ перечень вещей, найденныхъ въ катакомбѣ:

1) пара золотыхъ серегъ въ видѣ маленькихъ амфоръ, привѣшенныхъ ъ кольцамъ; серьги одинаковы по формѣ, но различны по величинѣ и работѣ;

2) пять золотыхъ бусъ, изъ коихъ 4 имѣютъ форму тройной трубочки;

3) обломанный сосудикъ изъ чернаго стекла съ бѣлымъ орнаментомъ;

4) шесть одноручныхъ стекл. сосудовъ;

5) шесть стекл. сосудовъ безъ ручекъ;

6) четыре стакана изъ желтаго стекла;

7) простой глиняный одноручный сосудъ (распался на мелкія части);

8) простой глиняный сосудикъ безъ ручекъ;

9) четыре бронзовыя фибулы;

10) двѣ бронзовыя пряжки;

11) два браслетика изъ бронзы и

12) двѣ большія терракотовыя пронизи.

По характеру стекла, по формѣ фибулъ и пряжекъ можно судить, что и та катакомба относится къ III—IV вв. по Р. Хр.

№ 147 (3). На той же улицѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ къ В. отъ склепа № 145 найденъ новый дромосъ, ведущій съ С. въ катакомбу, которая оказа-

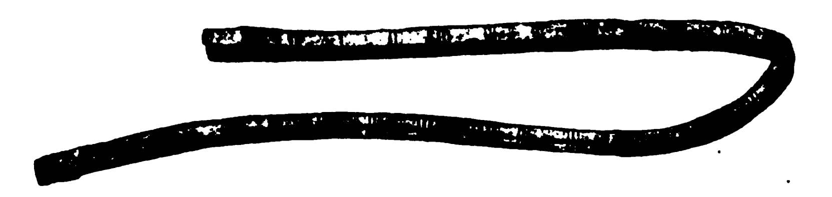


Рис. 14 (¼).

28) два длинныхъ серебряныхъ украшенія (дл. 0,74 м.), составлявш кажется, ободъ сѣдла (рис. 14);

29) 8 пряжекъ и 9 колецъ изъ серебра и мѣди;

30) 31 экз. вызолоченныхъ пуговицъ, 8 позолоченныхъ подвѣсокъ въ ві бубенчиковъ и кольцо;

31) обломки разныхъ украшеній неизвѣстнаго назначенія;

32) три золотыя двойныя бусы.

Найденныя вещи лежали въ тайникѣ въ большомъ безпорядкѣ; выше вс находилось серебряное блюдо, на которомъ лежали обѣ ложки; ниже были по жены въ рядъ оба умвона, а подъ ними остальныя вещи. Золотой вѣнокъ изображеніемъ императора Гордіана и золотыя пластинки съ ноженъ были до т скомканы, что въ началѣ нельзя было опредѣлить, что они представляютъ изъ се

№ 146 (2). На Госпитальной улицѣ, на склонѣ холма противъ вор дома № 41, на незначительной глубинѣ 2,25 м. оказался входъ, ведущій западной стороны въ катакомбу. Между дромосомъ и склепомъ высѣченъ толщѣ почвы корридоръ, имѣющій обычную форму арки, дл. 0,97 м., шир. 0, выс. 0,85. Катакомба замѣчательна своимъ конусообразнымъ потолкомъ круглымъ отверстіемъ вверху, закрытымъ плитою, какъ въ Царскомъ и лекъ-Чесменскомъ курганахъ. Ключъ свода находится надъ поломъ скле на высотѣ 3,10 м. Видно, что катакомба устроена на мѣстѣ прежней хлѣбн ямы, какихъ на этомъ мѣстѣ встрѣчается очень много (ср. выше описан гробницы № 113); прибавленъ только дромосъ съ аркою, пробитою въ бо ямы, и устроены лежанки и ниши. Противъ входа и слѣва отъ него высѣчен въ желтоватомъ слоѣ материка, на разстояніи 0,59 и 0,46 м. отъ пола, д лежанки. Главная лежанка противъ входа имѣетъ 2,48 м. ширины и 0,97 глубины; потолокъ ея непосредственно соединяется съ общимъ потолкомъ вс катакомбы. Лѣвая лежанка, съ особымъ потолкомъ, имѣетъ шир. 1,51 м., глу 0,49 м. и выс. 0,58 м. Камера катакомбы, не считая лежанокъ, имѣетъ 1,83 длины (отъ входа до главной лежанки) и 2,59 м. ширины. Кромѣ лежанок въ стѣнахъ склепа устроены еще три ниши: одна въ углу, вправо отъ вхо

ир. 0,60 м., выс. 0,62, глуб. 0,27), другая подъ главной лежанкой (шир. 25 м., выс. 0,38, глуб. 0,18); въ той же южной стѣнѣ, въ уровень съ юмъ катакомбы, высѣчена ниша, подобная нишѣ катакомбы, открытой въ 72 г. и изданной В. В. Стасовымъ (выс. 0,77 м., шир. 0,52, глуб. 0,50). ци, оказавшiяся въ склепѣ, лежали не на своихъ мѣстахъ, потому что въ :акомбу сверху и черезъ отверстiе, образовавшееся надъ лѣвой лежанкой, оникало множество воды, составлявшей по временамъ лужу, по которой носи- :ь доски гробовъ и посуда. Весь полъ катакомбы былъ покрытъ слоемъ вы- кшей грязи толщиною въ 0,15 м. и больше. Сейчасъ за четырехугольной итой, которою былъ закрытъ входъ въ катакомбу, найдены три стекл. сосуда, ревернувшiеся вверхъ дномъ. Только въ нишѣ надъ главною лежанкою, куда, агодаря большому разстоянiю отъ пола, не достигала вода, остались 3 сосуда аспавшiйся простой глиняный сосудъ съ одной ручкой, простой такой же судикъ безъ ручекъ и гладкiй стеклянный стаканъ). Золотыя серьги и бусы йдены in situ около совершенно истлѣвшаго черепа, лежавшаго на главной жанкѣ, возлѣ южной стѣнки. На этой же лежанкѣ найдены еще разбитый судикъ изъ чернаго стекла и двѣ маленькiя фибулы изъ бронзы. Всѣ осталь- ія вещи лежали въ грязи на полу катакомбы.

Вотъ перечень вещей, найденныхъ въ катакомбѣ:

1) пара золотыхъ серегъ въ видѣ маленькихъ амфоръ, привѣшенныхъ ь кольцамъ; серьги одинаковы по формѣ, но различны по величинѣ и работѣ;

2) пять золотыхъ бусъ, изъ коихъ 4 имѣютъ форму тройной трубочки;

3) обломанный сосудикъ изъ чернаго стекла съ бѣлымъ орнаментомъ;

4) шесть одноручныхъ стекл. сосудовъ;

5) шесть стекл. сосудовъ безъ ручекъ;

6) четыре стакана изъ желтаго стекла;

7) простой глиняный одноручный сосудъ (распался на мелкiя части);

8) простой глиняный сосудикъ безъ ручекъ;

9) четыре бронзовыя фибулы;

10) двѣ бронзовыя пряжки;

11) два браслетика изъ бронзы и

12) двѣ большiя терракотовыя пронизи.

По характеру стекла, по формѣ фибулъ и пряжекъ можно судить, что и :а катакомба относится къ III—IV вв. по Р. Хр.

№ 147 (3). На той же улицѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ къ В. отъ склепа 145 найденъ новый дромосъ, ведущiй съ С. въ катакомбу, которая оказа-

лась расхищенной въ древнее время. Въ западной стѣнѣ дромоса была высѣч
подбойная гробница, описанная выше подъ № 81. Находившаяся на огром
глубинѣ 11,36 м. катакомба представляетъ изъ себя обычный типъ склепа
тремя лежанками по тремъ стѣнамъ и небольшими нишами по обѣимъ ст
намъ отъ входа. На стѣнахъ нѣтъ ни фресокъ, ни надписей. Размѣры ка
комбы слѣдующіе: длина арки 1,13 м., шир. 0,70, выс. 1,09; длина кам
(отъ арки до центральной лежанки) 2 м., шир. 2,23, выс. въ серединѣ 1,
Ширина центральной лежанки 2,24 м., глубина 1,14, выс. 0,87; ширина пра
лежанки 2 м., глуб. 1,21, выс. 0,86; шир. лѣвой лежанки 2,06 м., глуб. 1
выс. 0,93. Ниши, высѣченныя по обѣимъ сторонамъ входа на разстоя
0,34 м. отъ арки, имѣютъ каждая 0,35 м. высоты, 0,25 м. ширины и 0,1
глубины. Грабителями оставлены въ склепѣ слѣдующія вещи: 1) гранатъ въ
лотой оправѣ, служившій, повидимому, украшеніемъ рукоятки кинжала; 2) пря
съ остаткомъ матеріи; 3) бронзовый ключъ; 4) двѣ янтарныя и двѣ стекл
ныя бусы; 5) пять золотыхъ украшеній съ одежды и 6) стоявшая въ пра
нишѣ возлѣ входа глиняная лампадка, при свѣтѣ которой, вѣроятно, работ
древній грабитель. Гранатъ въ оправѣ и форма золотыхъ бляшекъ ясно ука
ваютъ на то, что ограбленная катакомба относится къ тому же IV в.
Р. Хр., какъ и всѣ прочія катакомбы, открытыя въ этомъ году на Госпита
ной улицѣ.

№№ 148 и 149 (4, 5). Тамъ же, противъ дома № 41, двѣ ряд
устроенныя катакомбы обычнаго типа, безъ росписи и надписей, ограблен
въ древности. Въ первой изъ нихъ найдены два стекл. сосуда безъ ручек
большое мраморное блюдо (діам. 0,64 м.), разбитое на 5 частей; обло
блюда были разбросаны по всей катакомбѣ, наполненной до половины зем

№ 150 (6). Тамъ же, между домами №№ 41 и 11. Въ дромосѣ, им
щемъ направленіе съ З. къ В., на глубинѣ 9,05 м. открыта арка дл. 0,71
шир. 0,84, выс. 1,08, образующая входъ въ катакомбу, полъ которой леж
на 0,26 м. ниже порога. Внутреннее пространство катакомбы въ самомъ ш
комъ мѣстѣ, отъ правой лежанки къ лѣвой, имѣетъ протяженіе 3,65 м.,
входа до центральной лежанки 2,08 м.; высота потолка въ серединѣ кам
1,81 м. Въ склепѣ устроены 3 лежанки по тремъ стѣнамъ и 4 неболь
ниши, изъ которыхъ 2 высѣчены по обѣимъ сторонамъ отъ входа и 2 спр
и слѣва отъ центральной лежанки. Центральная лежанка имѣетъ 1,98 м. шири
1,32 м. глубины и 0,98 м. высоты; устроена на разстояніи 0,95 м. отъ п
камеры. Лѣвая лежанка, высѣченная ниже, на высотѣ 0,60 м., имѣетъ ш

1,95 м., глуб. 0,70 м. и выс. 0,71 м. Правая, находящаяся на разстояніи 0,91 м. надъ поломъ склепа, имѣетъ шир. 1,91 м., глуб. 1,65 м. и выс. 0,98 м. Размѣры четырехъ нишъ слѣдующіе: ниша, углубленная въ стѣнѣ вправо отъ входа,—шир. 0,47 м., выс. 0,53, глуб. 0,20; устроенная слѣва отъ входа—шир. 0,38 м., выс. 0,41, глуб. 0,20. Ниши, высѣченныя по обѣимъ сторонамъ центральной лежанки, по величинѣ и формѣ почти одинаковы: при одинаковой ширинѣ (0,43 м.) и глубинѣ (0,22 м.) правая ниша на 0,04 м. выше другой, имѣющей выс. 0,46 м.

Склепъ оказался расхищеннымъ въ древности. Въ землѣ, покрывавшей толстымъ слоемъ полъ камеры, и среди истлѣвшихъ деревянныхъ гробовъ и костяковъ, валявшихся въ полномъ безпорядкѣ на всѣхъ трехъ лежанкахъ, найдены только 2 бронзовыхъ щитка отъ замковъ, сильно поврежденныхъ окисью металла, и золотая бусочка въ видѣ рубчатой трубочки.

№ 151 (7). Тамъ же, противъ д. № 41. Въ дромосѣ, высѣченномъ въ скалѣ съ З., на глубинѣ 8,92 м. устроена подъ ровнымъ и гладкимъ карнизомъ арка дл. 0,61 м., выс. 1,04, шир. 0,68; порогъ входа возвышается на 0,17 м. надъ поломъ камеры. Длина комнаты отъ порога до центральной лежанки — 2,50 м., шир. 2,16 м., наибольшая высота (въ серединѣ) 1,30 м. Центральная лежанка имѣетъ шир. 2,01 м., глуб. 1,33 м. и высоту 0,73 м.; находится на разстояніи 0,86 м. отъ пола катакомбы. Въ задней стѣнкѣ лежанки, какъ разъ противъ арки, устроена небольшая ниша шир. 0,34 м., выс. 0,35, глуб. 0,19. Правая лежанка, высѣченная на разстояніи 0,66 м. надъ поломъ склепа, имѣетъ шир. 2,28 м., глуб. 0,73 м. и выс. 0,89 м.; во внутренней ея стѣнкѣ устроена тоже ниша шир. 0,31 м., выс. 0,38, глуб. 0,17. Лежанка, углубленная въ лѣвой стѣнѣ катакомбы на разстояніи 0,75 м. надъ поломъ, имѣетъ шир. 2,10 м., глуб. 1,28 м. и выс. 0,73 м. Катакомба оказалась совершенно ограбленной въ древнее время.

№ 152 (8). Тамъ же, противъ дома № 40. На глубинѣ 5,19 м. разграбленная въ древнее время катакомба обычнаго типа, съ тремя лежанками по тремъ стѣнамъ. Оріентирована съ С. на Ю. Арка, составляющая входъ изъ дромоса въ склепъ, имѣетъ дл. 0,74 м., шир. 0,85 и выс. 1,13. Центральное пространство или камера склепа имѣетъ выс. 1,60 м. (въ серединѣ), шир. 2,05 м. (отъ правой лежанки до лѣвой) и дл. 2,19 м. (отъ арки до центральной лежанки). Правая лежанка, углубленная въ толщѣ почвы на высотѣ 0,73 м. надъ поломъ, имѣетъ шир. 2,04 м., глуб. 0,86 м. и выс. 0,88 м. Лѣвая лежанка, находящаяся на разстояніи 0,84 м. отъ пола склепа, имѣетъ дл. 2,23 м., шир. 1,16 м.

и выс. 0,84 м. Наконецъ, центральная лежанка, высѣченная въ южной склепа на высотѣ 0,84 м. надъ поломъ, имѣетъ дл. 2,12 м., шир. 1,2 выс. 0,87 м. Въ южной стѣнкѣ лѣвой лежанки сдѣлана небольшая ниш и выс. 0,36 м., глуб. 0,15 м.; такая же ниша высѣчена и въ западной центральной лежанки (шир. 0,39 м., выс. 0,30, глуб. 0,13). Катакомб завалена почти до половины своей высоты землею, сверхъ которой л (головою на Ю.-В.) совершенно истлѣвшій костякъ покойника, похорон здѣсь послѣ разграбленія склепа. Возлѣ таліи этого костяка найдены 2 б бронзовыя пряжки т. н. готскаго стиля, съ головами птицъ, украшенныя

Рис. 15*а* (1/3).

Рис. 15*б* (1/3).

лышками, на правой рукѣ одинъ, а на 2 бронзовые гладкіе браслета, на груд правой и съ лѣвой сторонъ, 2 большія лапчатыя фибулы со вставленными сте ками и на шеѣ 6 бусъ изъ янтаря и На лѣвой лежанкѣ, недалеко отъ ко лежавшаго почти на серединѣ склепа, 3 стекл. сосуда безъ ручекъ. Въ черной наполнявшей катакомбу, найдено мног бросанныхъ костей остововъ, которые были похоронены до расхищенія с между прочимъ, оказалось здѣсь 5 че (черепъ вышеупомянутаго костяка, лежа поверхъ земли, совершенно истлѣлъ) которыхъ только два настолько сохран что удалось ихъ снять, по крайней съ одной стороны. Въ землѣ среди найдены слѣдующія вещи: 1) бронзова падка съ обломаннымъ крестомъ (рис. и распавшаяся на 3 составныя подставка ея на трехъ ножкахъ (рис. 2) бронз. пряжка съ головою птицы, шенная 16-ю розовыми стеклышками, н нающими своимъ цвѣтомъ гранаты; 3) скій бронз. браслетъ; 4) золотая буса в двойной трубочки и 15 стекл. бусъ р цвѣтовъ; 5) дѣтская золотая серьга; 6

простыя бронзовыя и одна желѣзная пряжки; 7) 11 желѣзныхъ стрѣлокъ и 8) два желѣзныхъ ножа. Бронзовая лампадка и низъ подставки ея найдены подъ правой лежанкой, остальныя же части подставки — приблизительно въ серединѣ катакомбы.

№ 153 (9). Рядомъ съ предыдущимъ склепомъ, почти на той же глубинѣ найдена другая катакомба обычнаго типа, почти до потолка заваленная такой же черной землею, какъ и № 152. Такъ какъ оба склепа были соединены между собою пробоемъ, сдѣланнымъ въ желтоватой толщѣ земли, то само собою напрашивалось предположеніе, что рядомъ находится третья катакомба, изъ дромоса которой грабители выносили сюда черную землю. Однако продолжать разслѣдованіе въ этомъ направленіи (Ю.-З.) оказалось невозможнымъ въ виду того, что въ потолкѣ виднѣлись опасныя трещины; приходилось опасаться, что послѣ расчистки катакомбы потолокъ обрушится, какъ это уже замѣчалось въ нѣкоторыхъ керченскихъ склепахъ.

№ 154 (10). На Госпитальной улицѣ, противъ воротъ дома № 38 найденъ дромосъ шириною въ 0,70 м., достигающій возлѣ входа въ склепъ глубины въ 5,68 м. Арка, составляющая входъ въ катакомбу, имѣетъ дл. 0,89 м., шир. 0,69 м. и выс. 1,10 м. Центральное пространство катакомбы имѣетъ 2,31 м. длины и ширины, а высоту посреди склепа, гдѣ сводообразный потолокъ достигаетъ наибольшей вышины,—1,88 м. Входъ въ склепъ пробитъ приблизительно въ серединѣ западной стѣны и былъ закрытъ четыреугольной плитой изъ мѣстнаго плотнаго известняка. Въ трехъ остальныхъ стѣнахъ устроены лежанки, вырѣзанныя въ материковой землѣ. Центральная лежанка имѣетъ шир. 2,19 м., глуб. 1,08 и выс. 0,93; правая—шир. 2,30 м., глуб. 1,14 м. и выс. 1,08 м.; лѣвая—шир. 2,40 м., глуб. 1,16 м. и выс. 0,80 м. Лежанки устроены не на одинаковой высотѣ надъ поломъ катакомбы: центральная находится на высотѣ 0,79 м., правая—на высотѣ 0,91, лѣвая—на высотѣ 0,74. Кромѣ лежанокъ, въ склепѣ устроены 3 маленькія полукруглыя ниши, въ которыхъ ставились сосуды и лампадки. Ниша, высѣченная въ восточной стѣнкѣ правой лежанки, имѣетъ шир. 0,22 м., глуб. 0,18 м. и выс. 0,27 м.; ниша, устроенная вправо отъ входа, почти на одинаковомъ разстояніи отъ входа и отъ правой лежанки, имѣетъ шир. 0,35 м., глуб. 0,25 м. и выс. 0,44 м.; ниша, сдѣланная влѣво отъ входа, въ той же западной стѣнѣ склепа, имѣетъ шир. 0,26 м., глуб. 0,24 м. и выс. 0,38 м.

Въ склепѣ найдено 11 деревянныхъ гробовъ: 4 стояли на полу катакомбы, по 2 на лѣвой и на центральной лежанкахъ и 3 на правой лежанкѣ. Всѣ

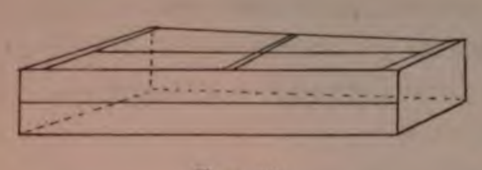
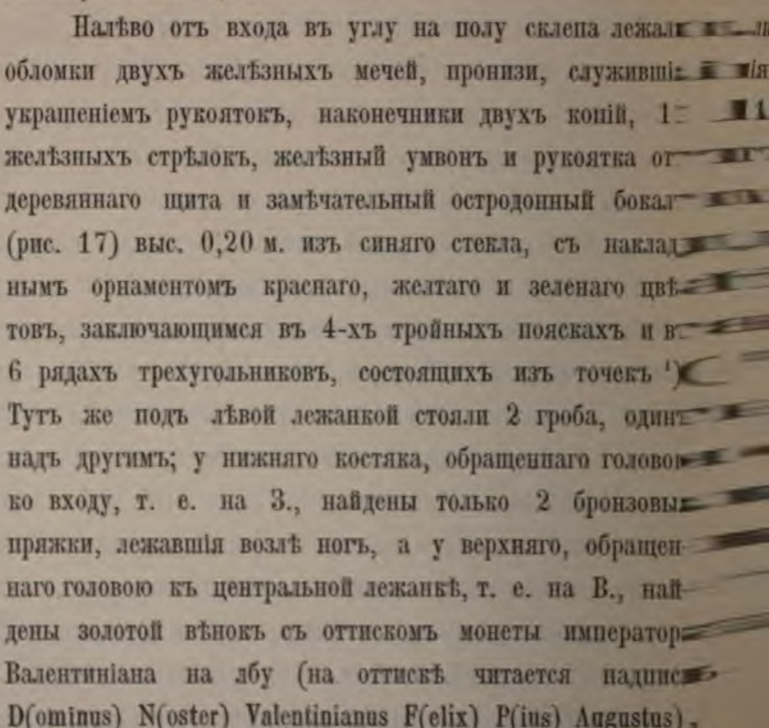


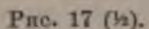
Рис. 16.

гробы были поставлены параллельно другъ къ другу вдоль склепа отъ входа по направленію къ центральной лежанкѣ или вдоль лежанокъ; только на правой лежанкѣ, въ ногахъ двухъ костяковъ, лежавшихъ въ ширину лежанки, стоялъ поперекъ дѣтскій гробикъ, выдаваясь немного съ лежанки въ центральное пространство склепа. Всѣ гробы истлѣли и превратились въ порошокъ темно-коричневаго цвѣта; только одинъ, стоявшій на правой лежанкѣ, сохранился настолько, что удалось срисовать его форму и опредѣлить размѣры. Этотъ гробъ (рис. 16) имѣлъ форму ящика, расширяющагося возлѣ головы костяка, съ отвѣсными сторонами и съ горизонтальной прямой крышкой. Длинныя стороны гроба состояли изъ двухъ узкихъ досокъ, прибитыхъ желѣзными гвоздями къ цѣльнымъ короткимъ сторонамъ; дно было сдѣлано изъ одной доски, а крышка — изъ двухъ половинъ, соединенныхъ въ серединѣ и по концамъ деревянными поперечными планочками, которыя были прибиты къ крышкѣ тоже желѣзными гвоздями. Гробъ имѣлъ дл. 1,97 м., шир. отъ 0,25 (возлѣ ногъ) до 0,53 (возлѣ головы) и выс. 0,34 м.



Налѣво отъ входа въ углу на полу склепа лежали обломки двухъ желѣзныхъ мечей, пронизи, служившія украшеніемъ рукоятокъ, наконечники двухъ копій, 1[...] желѣзныхъ стрѣлокъ, желѣзный умвонъ и рукоятка отъ деревяннаго щита и замѣчательный остродонный бокалъ (рис. 17) выс. 0,20 м. изъ синяго стекла, съ накладнымъ орнаментомъ краснаго, желтаго и зеленаго цвѣтовъ, заключающимся въ 4-хъ тройныхъ поясахъ и въ 6 рядахъ трехугольниковъ, состоящихъ изъ точекъ [1]). Тутъ же подъ лѣвой лежанкой стояли 2 гроба, одинъ надъ другимъ; у нижняго костяка, обращеннаго головою ко входу, т. е. на З., найдены только 2 бронзовыя пряжки, лежавшія возлѣ ногъ, а у верхняго, обращеннаго головою къ центральной лежанкѣ, т. е. на В., найдены золотой вѣнокъ съ оттискомъ монеты императора Валентиніана на лбу (на оттискѣ читается надпись D(ominus) N(oster) Valentinianus F(elix) P(ius) Augustus),

Рис. 17 (½).



[1]) См. уп. статью Б. В. Фармаковскаго, стр. 60.

4 золотыя бусы въ видѣ тройныхъ трубочекъ на шеѣ, 2 большія посеребренныя фибулы изъ бронзы т. н. готскаго стиля, безъ камешковъ, на груди [1]), большая обломанная пряжка возлѣ таліи и 5 круглыхъ золотыхъ бляшекъ, которыя были пришиты къ длинному платью покойника въ рядъ, на одинаковомъ разстояніи, отъ пояса до ногъ. Платье было сдѣлано изъ матеріи темнокоричневаго цвѣта съ параллельными складочками, имѣвшими направленіе отъ головы до ногъ. Возлѣ пятокъ этого же костяка найдены 2 обломка деревяннаго гребня. Войдя въ катакомбу, я замѣтилъ у этого костяка еще слѣдующее интересное явленіе: вся голова вмѣстѣ съ золотымъ вѣнкомъ и грудь были покрыты тонкимъ и прозрачнымъ, какъ паутина, покрываломъ, которое при первомъ прикосновеніи къ нему распалось. Рядомъ съ предыдущими двумя гробами, по правую сторону, стояли еще 2 гроба съ костяками, обращенными головою на В. У средняго костяка, лежавшаго противъ входа, оказались только двѣ бронз. пряжки на ногахъ, а у крайняго—большая бронз. пряжка возлѣ таліи и двѣ такія же возлѣ ногъ. Внѣ истлѣвшаго деревяннаго гроба, въ которомъ лежалъ этотъ костякъ, слѣва отъ его головы, найдены три костяныя пластинки неизвѣстнаго назначенія и бронз. пряжечка; на верхней упавшей доскѣ этого же гроба лежали три посеребренныя украшенія съ зубчатыми краями неизвѣстнаго назначенія.

На центральной лежанкѣ лежали въ деревянныхъ гробахъ 2 совершенно истлѣвшіе костяка головами на Ю. Подъ обоими гробами были подложены тонкіе плоскіе камни для того, чтобы гробы стояли ровно и чтобы сырость не проникала въ нихъ. У костяковъ оказались только бронз. пряжки возлѣ таліи и 2 такія же пряжечки на башмакахъ.

На лѣвой лежанкѣ лежали тоже два совершенно истлѣвшіе костяка, обращенные головами на В. На шеѣ костяка, лежавшаго на краю лежанки, найдены 4 золотыя бусины въ видѣ 4 соединенныхъ трубочекъ, на груди поломанная бронз. фибула съ тремя шариками изъ цвѣтной массы въ серебряной оправѣ, на лѣвой рукѣ серебр. перстень съ гладкимъ краснымъ альмандиномъ, возлѣ таліи и возлѣ ногъ 3 бронзовыя пряжки. У кисти правой руки лежало нѣсколько распавшихся въ порошокъ волошскихъ орѣховъ. У другого костяка найдены возлѣ таліи двѣ поврежденныя пряжки, изъ коихъ одна вся, другая отчасти сдѣлана изъ серебра, а возлѣ правой руки—сильно окислившаяся мѣдная монета. Въ ногахъ этихъ двухъ костяковъ найдены бронз. зеркальце дл. 0,05 м., стекл.

[1]) Подобныя фибулы изображены въ статьѣ барона де-Бая: La bijouterie des Goths en Russie. Paris 1892, стр. 2.

одноручный сосудъ и 4 стакана: 2 безъ всякихъ украшеній, одинъ с синими крапинками и самый большой—съ синимъ пояскомъ, состоящимъ из неправильныхъ четырехугольниковъ.

На краю правой лежанки стоялъ вышеупомянутый уцѣлѣвшій гробъ с женскимъ остовомъ, обращеннымъ головою къ В. Возлѣ истлѣвшаго череп найдены пара золотыхъ серегъ, украшенныхъ янтаремъ и маленькими сердо ликами, 2 стеклянныя бусочки съ позолотою и 4 двойныя золотыя трубочкі на правомъ плечѣ бронзовая, сильно испорченная окисью фибула с круглымъ золотымъ щиткомъ, украшеннымъ янтаремъ и сердоликомъ, и с золотою пластинкою; на лѣвой рукѣ золотой перстень съ гладкимъ сердоликом и на башмакахъ 2 обломанныя бронзовыя пряжки. Покойница была одѣта в длинное платье изъ гладкой шелковистой матеріи коричневаго цвѣта, разсыпаі шейся при первомъ прикосновеніи; только на ножныхъ костяхъ сохранилась небольшая часть ткани. У костяка, лежавшаго рядомъ вдоль южной стѣнь оказались только серебряныя уховертка и зубочистка, привѣшенныя къ колечк Въ ногахъ обоихъ костяковъ поперекъ лежанки стоялъ, какъ уже выше сказано совершенно истлѣвшій гробикъ съ дѣтскимъ костякомъ; возлѣ кисти право руки его найдено нѣсколько волошскихъ орѣховъ.

Во всѣхъ трехъ нишахъ найдены сосуды: въ нишѣ, находившейся над головами костяковъ, похороненныхъ на правой лежанкѣ, стоялъ сосудъ без ручекъ и 2 стакана изъ желтаго стекла, налѣво отъ входа одноручный сосуд стаканъ и глиняная лампадка съ грубымъ изображеніемъ мужского бюст направо отъ входа найдены въ нишѣ стекл. одноручный сосудъ, стекл. тарелі на подставкѣ, имѣющая діам. 0,215 м., и простой глиняный сосудикъ без ручекъ. Въ этой же нишѣ, впереди посуды, стоялъ почернѣвшій цвѣтокъ и вѣтка, которая при первомъ прикосновеніи распалась.

Кромѣ перечисленныхъ вещей, въ склепѣ найдены: 3 желѣзныхъ нож серебряныя, бронзовыя и желѣзныя вещицы неизвѣстнаго назначенія, кремеі для высѣканія огня, множество лавровыхъ листьевъ, изъ которыхъ были сдѣлан подушки, находившіяся подъ головами костяковъ, и обломки стекл. стакана с синими точками и чашечки на низкой ножкѣ.

№№ 155, 156 (11, 12). Справа отъ тропинки, проходящей по восточно покатости продолженія Госпитальной улицы или балки Щукина, открыты і небольшомъ одна отъ другой разстояніи двѣ катакомбы обычнаго типа, без росписи и надписей. Обѣ оказались расхищенными и въ древнее, и въ ново время.

№№ 157—161 (13—17). За угломъ домика № 12, отдѣляющаго Госпитальную улицу отъ продолженія ея, открыта группа пяти катакомбъ обычнаго типа, соединенныхъ между собою грабительскими пробоями и расхищенныхъ нѣсколько разъ какъ въ древнее, такъ и въ новое время; у трехъ катакомбъ дромосы устроены съ З., у двухъ съ С. Въ послѣднемъ изъ этихъ склеповъ, имѣющемъ входъ съ С., верхній и боковые края центральной лежанки украшены вѣтками виноградной лозы, написанными красною краскою, и черными ягодами. Кромѣ того, здѣсь изображены черной краской 11 птичекъ, изъ которыхъ 7 помѣщены слѣва отъ лежанки, 3 справа и одна на серединѣ карниза, надъ лежанкою [1]).

№ 162 (18). Въ нѣсколькихъ саженяхъ къ З. отъ предыдущихъ катакомбъ оказался дромосъ глуб. 8,16 м., ведущій съ С. въ катакомбу, ограбленную въ древнее время. Арка, впереди которой стояла четырехугольная плита изъ мѣстнаго известняка, отодвинутая грабителями отъ входа, имѣетъ дл. 1,01 м., шир. 0,91 м. и выс. 1,29 м. Внутреннее пространство катакомбы имѣетъ дл. 2,43 м. (отъ арки до центральной лежанки), шир. 2,21 м. и выс. 1,75 м. (въ серединѣ склепа). Въ катакомбѣ устроены только двѣ лежанки, одна противъ входа, другая съ лѣвой стороны, въ восточной стѣнкѣ склепа. Правая стѣна осталась нетронутою, вѣроятно, по той причинѣ, что здѣсь очень слабый и мягкій грунтъ. Кажется, что мастеръ, сооружавшій эту катакомбу, имѣлъ намѣреніе устроить усыпальницу гораздо бо́льшихъ размѣровъ, но что вышеуказанная причина помѣшала ему въ этомъ. Входъ въ катакомбу находится не въ серединѣ стѣны, какъ то обыкновенно бываетъ, но ближе къ западной стѣнѣ, которая осталась безъ лежанки. Ширина центральной лежанки 1,93 м., глуб. 1,20 м., выс. 0,88 м.; ширина лѣвой—отъ 1,75 м. (съ края) до 1,64 (возлѣ задней стѣны), глуб. 1,94 м., выс. 0,70 м.; обѣ лежанки устроены на разстояніи 0,86 м. отъ пола склепа. Кромѣ лежанокъ, въ катакомбѣ высѣчены двѣ ниши: одна слѣва отъ входа, другая въ восточной стѣнкѣ центральной лежанки. Ширина первой ниши 0,32 м., выс. 0,35 м., глуб. 0,16 м.; ширина другой

Рис. 18 (1/2).

[1]) См. уп. статью Б. В. Фармаковскаго, стр. 60.

0,31 м., выс. 0,34 м., глуб. 0,18 м. Въ расхищенной катакомбѣ дены 3 бронз. браслета, 3 такіе же наконечника отъ ремней, обломки б пряжки, нѣсколько пронизей изъ кости и какой-то твердой массы, нѣск обломковъ остродоннаго бокала изъ зеленоватаго стекла (рис. 18) съ ефными украшеніями.

№ 163 (19). На Продолженіи Госпитальной улицы, за с.-з. угломъ № 13. Въ дромосѣ шир. 0,99 м., имѣющемъ направленіе съ С., на глу 5,68 м. найдена подъ гладкимъ карнизомъ арка дл. 0,58 м., шир. 0,71 выс. 1,36 м. Большой четырехугольный камень, закрывавшій входъ, былъ с обломанъ, что предвѣщало, что склепъ окажется расхищеннымъ. Камера с обычнаго типа имѣетъ дл. 2,04 м. (отъ арки до центральной лежа шир. 1,99 м. и глуб. 1,54 м. (на серединѣ). По тремъ стѣнамъ склепа блены 3 лежанки, боковыя почти на одинаковой высотѣ надъ поломъ (и 0,85 м.), центральная нѣсколько выше (0,95 м.). Ширина централ лежанки 2,01 м., глуб. 1,09, выс. 0,69; ширина правой 1,67 м., глуб. 1 выс. 0,70; ширина лѣвой 1,65 м., глуб. 1,12, выс. 0, 57. Въ стѣ склепа устроено, сверхъ этого, еще 6 небольшихъ нишъ: 2 по обѣимъ с намъ входа, 2 въ южной и западной стѣнкахъ центральной лежанки одной въ южныхъ стѣнкахъ боковыхъ лежанокъ. Ихъ размѣры слѣду ширина 0,21 м., 0,24 (у трехъ нишъ), 0,26 и 0,33; высота 0,29 м., (у трехъ) и 0,35 (у двухъ); глубина 0,14 м., 0,16 (у двухъ), 0,17 (у двухъ) и 0,18. Катакомба была разграблена въ древности и наполнена п до половины высоты черною землею, подобно катакомбѣ № 152. Пов этой земли, приблизительно подъ серединой свода, лежали два костяка голо къ Ю. и ногами ко входу склепа. Возлѣ таліи костяка, лежавшаго ближ лѣвой лежанкѣ, найдена бронз. пряжка съ птичьей головой, а на лѣвой серебр. браслетъ съ рельефными львиными головками на расширяющихся кон возлѣ таліи другого остова, лежавшаго какъ разъ противъ входа, найдена шая бронз. пряжка т. н. готскаго стиля съ двумя птичьими головами, лѣвой рукѣ серебр. браслетъ съ рельефными бараньими головками на кон Отъ перваго погребенія при тщательной переборкѣ всей земли, наполня склепъ, найдены обломанная золотая пластинка съ гранатовой инкрустац 3 маленькіе граната разныхъ формъ въ золотой оправѣ; эти золотыя были покрыты ржавчиной, такъ какъ служили, по всей вѣроятности, укр ніемъ ноженъ или рукоятки ножа, кинжала или меча. По всей катакомбѣ разбросано множество стеклянной посуды, разбитой древними грабителями.

№ 164 (20). Во 2-мъ Кладбищенскомъ переулкѣ, недалеко отъ угла Продолженія Госпитальной улицы, противъ дома № 13 открыта катакомба обычнаго типа со входомъ съ С., разграбленная нѣсколько разъ какъ въ древнее, такъ и въ недавнее время. Катакомба была почти до потолка завалена землею; стеклянная посуда была древнимъ грабителемъ разбита и разбросана по всему склепу; кости остововъ также лежали въ полномъ безпорядкѣ. Вещей не найдено.

№ 165 (21). На углу Продолженія Госпитальной улицы и 2-го Эспланаднаго переулка найдена катакомба, полъ которой находился на глубинѣ 6,84 м. (см. планъ на рис. 19). Арка *Б*, ведущая изъ дромоса *А* (ширина его 0,71 м.) въ склепъ съ сѣверной стороны, имѣетъ дл. 1,02 м., шир. 0,79 и выс. 1,16 м. Входное отверстіе катакомбы было закрыто четырехугольной плитой изъ плотнаго раковистаго известняка. Находящаяся за аркою катакомба, оріентированная съ С. на Ю., представляетъ собою обширную комнату шир. 2,86 м. (отъ правой лежанки до лѣвой), дл. 2,58 м. и выс. 1,83 м. Въ ней по тремъ стѣнамъ устроены 3 лежанки: одна прямо противъ входа (шир. 2,36 м., глуб. 1,24, выс. 1,15, выс. отъ пола 0,96 м.), другая съ правой стороны (шир. 2,15 м., глуб. 1,27, выс. 0,95, выс. отъ пола 0,94 м.), третья съ лѣвой (шир. 2,24 м., глуб. 1,18, выс. 0,88, выс. отъ пола 1 м.). Въ сѣверной стѣнѣ катакомбы, по обѣимъ сторонамъ входа, и въ южной внутренней стѣнѣ центральной лежанки устроены 3 полукруглыя ниши (*В*); ниша вправо отъ входа имѣетъ шир. 0,42 м., выс. и глуб. 0,20 м.; ниша, устроенная влѣво отъ входа, почти на томъ же разстояніи отъ арки, имѣетъ шир. 0,40 м., выс. 0,38, глуб. 0,19; ниша, высѣченная въ южной стѣнѣ центральной лежанки, противъ входа въ катакомбу, имѣетъ шир. 0,42 м., выс. 0,41 м., глуб. 0,22 м. Весь полъ склепа и всѣ три лежанки были покрыты тонкимъ слоемъ морскихъ раковинъ. На полу лежали три костяка, на центральной и на лѣвой лежанкахъ—по два, на правой—три. Всѣ костяки и деревянные гробы, въ которыхъ они лежали, совершенно истлѣли.

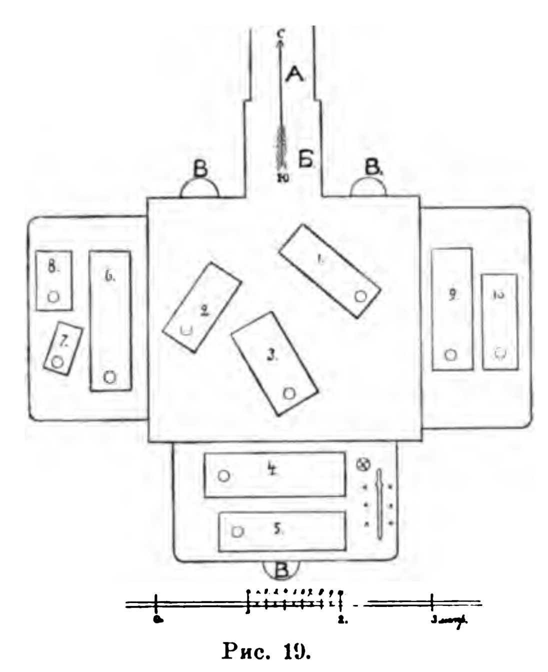


Рис. 19.

1) Возлѣ праваго уха перваго костяка, лежавшаго на полу склепа, най денъ бронзовый щитокъ отъ замка деревянной шкатулки, на правомъ плечѣ разломанная серебр. фибула, возлѣ праваго локтя деревянныя ножны безъ кинжала, обтянутыя кожей и охваченныя сверху и въ серединѣ двумя сильно окислившимися бронзовыми кольцами, въ ногахъ двойная серебр. трубочка неизвѣстнаго назначенія, разломанная фибула, подобная лежавшей на правомъ плечѣ скелета, 3 обрывка мѣдной цѣпочки, состоящей изъ двойныхъ звеньевъ и глиняный сосудикъ безъ ручекъ, покрытый непрочной черной поливой и укра шенный черточками.

2) На шеѣ второго, дѣтскаго костяка оказались гладкая золотая гривна и двѣ большія разноцвѣтныя бусы, изъ которыхъ одна распалась.

3) Возлѣ ногъ третьяго костяка найдены 4 бронз. пряжки почти одина ковой формы и 3 наконечника ремней; подъ центральной лежанкой одна бронз. пряжка; тутъ же стоялъ черный глиняный сосудикъ съ распавшимся дномъ по формѣ, величинѣ, лаку и орнаменту весьма похожій на сосудъ, найденный возлѣ перваго костяка. Возлѣ таліи остова оказались 2 простыя бронз. пряжки и одна позолоченная, на обоихъ плечахъ по обломанной серебр. фибулѣ. По обѣимъ сторонамъ костяка лежали 2 желѣзныхъ кинжала въ деревянныхъ ножнахъ и разломанная четырехугольная пряжка изъ серебра. На обломк сильно истлѣвшей доски гроба, возлѣ груди костяка, найдена кожаная по лоска съ золоченымъ тисненымъ орнаментомъ, имѣющимъ сходство съ сѣменами подсолнечника. На истлѣвшихъ доскахъ гроба найдены такія же украшенія с зубчатымъ краемъ, какъ и въ катакомбѣ № 154.

Кромѣ перечисленныхъ вещей, на полу катакомбы найдены еще бронзовы щитокъ отъ замка (въ правомъ углу подъ центральной лежанкой), бронзова серьга и такой же браслетъ (подъ лѣвой лежанкой).

4) На краю центральной лежанки лежалъ женскій остовъ головою къ З одѣтый въ длинное платье, воротъ и рукава котораго были украшены 55 золо тыми круглыми бляшками; можно было хорошо замѣтить, какъ рядъ этихъ бляшекъ тянулся вокругъ всей шеи костяка; на рукавахъ бляшки лежал кучками, изъ чего можно заключить, что онѣ были нашиты здѣсь не рядами какъ на воротѣ, а отдѣльными группами. Возлѣ шеи остова найдены, кром бляшекъ, 2 двойныя золотыя бусы. Въ ногахъ стояла шкатулка, сплетен ная изъ деревянныхъ полосокъ и обтянутая внутри и снаружи кожей, д около 0,19 м., шир. 0,12, выс. 0,065. По бокамъ ея былъ четырехугольны ажурный орнаментъ изъ кожи, а на длинныхъ сторонахъ—по два трехугол

ныхъ украшенія тоже изъ кожи, пришитыя нитками, чтобы орнаментъ ярко выдѣлялся; подъ нею была подложена какая-то свѣтлая ткань или кожа. На крышкѣ шкатулки находился бронзовый замочекъ. Внутри шкатулки найдены разныя принадлежности женскаго туалета: деревянный гребешокъ съ ажурными буквами съ обоихъ концовъ (на одной сторонѣ ясно видны буквы ΘΕΙ, быть можетъ, Θεοφίλη), на гребешкѣ бронз. зеркальце діам. 0,07 м. въ кожаномъ чехлѣ съ тисненымъ позолоченнымъ орнаментомъ на лицевой сторонѣ, костяная коробочка для румянъ, 2 маленькія бронз. фибулы разныхъ формъ съ остатками матеріи, бронз. щипчики и желѣзный ножикъ въ деревянныхъ ножнахъ, покрытыхъ кожей съ позолотою и сѣтью такихъ же украшеній, какія виднѣются на ремнѣ, найденномъ возлѣ костяка № 3.

5) Рядомъ съ женскимъ костякомъ былъ положенъ мужчина съ золотымъ погребальнымъ вѣнкомъ на головѣ, съ шестью листиками и съ оттискомъ неизвѣстной монеты царя Савромата (?) безъ всякой надписи. Возлѣ таліи костяка найдены 2 бронзовыя пряжки, на башмакахъ такія же пряжечки. Въ ногахъ лежали подпруга и большое сѣдло изъ дерева и кожи, украшенное по краямъ гвоздиками съ позолоченными шляпками и серебр. украшеніями. Подъ сѣдломъ найденъ хорошо сохранившійся желѣзный мечъ дл. 0,865 м. съ приставшими къ нему двумя наконечниками стрѣлъ; отъ деревянной рукоятки сохранились только незначительные слѣды. Кромѣ того подъ сѣдломъ оказались 3 серебр. позолоченные колокольчика и бронз.пряжка съ остаткомъ кожанаго ремня.

6) У костяка, лежавшаго на краю правой лежанки, найдены 2 бронзовыя фибулы на груди, разломанный гладкій серебр. браслетъ и бронз. зеркало (діам. 0,06 м.) въ кожаномъ чехлѣ безъ орнамента возлѣ правой руки и черный глиняный сосудъ безъ ручекъ за головою.

7) На шеѣ дѣтскаго костяка, лежавшаго на той же лежанкѣ, оказалась гладкая золотая гривна, на правой рукѣ обломки бронз. браслета. У другого дѣтскаго костяка, лежавшаго тутъ же, ближе къ сѣверной стѣнкѣ, ничего не найдено.

8) У остова, лежавшаго на краю лѣвой лежанки, найдены возлѣ таліи 2 бронз. пряжки и желѣзный ножъ въ деревянныхъ ножнахъ, обтянутыхъ кожею.

9) У костяка, лежавшаго рядомъ съ предыдущимъ, оказались на груди 2 одинаковыя фибулы съ остаткомъ кожи (одна фибула распалась на нѣсколько частей).

Кромѣ вышеупомянутыхъ глиняныхъ сосудовъ, въ катакомбѣ найдена еще слѣдующая посуда: въ нишѣ влѣво отъ входа стеклянный сосудъ безъ ручекъ,

выс. 0,24 м., такой же одноручный сосудъ выс. 0,15 м. и маленькій сосуд изъ темной глины безъ ручекъ и всякой отдѣлки; третій стекл. сосудъ с одной ручкой, стоявшій въ этой нишѣ, превратился въ кучку мелких кусковъ. Въ нишѣ, высѣченной въ сѣверной стѣнѣ, направо отъ входа стояли одноручный стекл. сосудъ выс. 0,305 м., такой же сосудъ выс 0,15 м. и 2 стекл. стакана. На лѣвой и на правой лежанкахъ найдено п стеклянному сосуду безъ ручекъ, выс. 0,24 м. На центральной лежанк лежалъ на боку опрокинутый стекл. сосудъ съ отбитой ручкой и кучка стекл отъ распавшагося сосудика. Въ нишѣ, устроенной въ южной стѣнкѣ центрально лежанки, найденъ одноручный стекл. сосудъ, распавшійся на множество мелких кусочковъ; рядомъ съ нимъ лежали 2 желѣзныхъ ножа, изъ которыхъ один былъ въ деревянныхъ ножнахъ.

№ 166 (22). Черезъ пробой, сдѣланный, по моему распоряженію, въ с.-і углу лѣвой лежанки предыдущаго склепа, проникли мы въ сосѣднюю катакомбу оказавшуюся расхищенною въ новое время. Входъ въ нее былъ сдѣланъ съ С.-В отъ западной покатости Продолженія Госпитальной улицы, отъ усадьбы, в которой когда-то жилъ мѣщанинъ Щукинъ, пользовавшійся этимъ склепомъ в качествѣ погреба [1]). Въ склепѣ устроены двѣ лежанки, противъ арки и слѣ отъ входа, и нѣсколько нишъ.

№№ 167—169 (23—25). На Продолженіи Госпитальной улицы, къ Ю.-] отъ угла 2-го Эспланаднаго переулка, противъ калитки углового дома обнар жены 3 катакомбы обычнаго типа, ограбленныя въ древнее время и заваленнь почти до потолковъ землею и щебнемъ. Дромосы всѣхъ трехъ склеповъ устроен съ С. При пересмотрѣ земли, наполнявшей катакомбы, найдены слѣдующія вещ не замѣченныя грабителями: золотой перстень съ гладкимъ аметистомъ, 2 дво ныя золотыя бусинки, 9 круглыхъ золотыхъ бляшекъ и 2 кусочка листова золота, два серебряныя позолоченныя украшенія съ серебряными заклепкам разломанная серебряная пряжка и 15 бусъ изъ халцедона, сердолика, стек и разноцвѣтной композиціи.

№ 170 (26). Во 2-мъ Кладбищенскомъ переулкѣ, противъ д. № 1 Катакомба обычнаго типа съ тремя лежанками, съ дромосомъ съ С.; ограблеі въ древнее и въ новое время.

№ 171 (27). Тамъ же, противъ д. № 17. На глубинѣ 3 м. катаком обычнаго типа съ тремя лежанками по тремъ стѣнамъ и двумя нишами воз

[1]) По имени этого Щукина улица до сихъ поръ болѣе извѣстна подъ назв ніемъ „Щукина балка“.

входа, устроеннаго съ С. Плита, закрывавшая входъ, была отодвинута съ мѣста. Замѣтно двойное погребеніе. Первые костяки были ограблены и кости ихъ сдвинуты въ кучу. Отъ перваго погребенія осталось въ слоѣ песку, лежавшемъ на правой и центральной лежанкахъ, 26 золотыхъ бляшекъ, вѣроятно, не замѣченныхъ грабителями, гладкій сердоликъ, 2 стеклянныя бусы и стеклышко въ видѣ пуговицы; сверхъ того, на полу катакомбы найдено множество костяныхъ пластинокъ неизвѣстнаго назначенія. Впослѣдствіи въ этомъ склепѣ были погребены 3 покойника, одинъ на лѣвой лежанкѣ головою къ Ю. и два на полу, головами къ С.-В.; при нихъ ничего не найдено. Обычной стеклянной посуды тоже не оказалось.

№ 172 (28). Тамъ же, противъ двора д. № 17. На глубинѣ 10,65 м., въ дромосѣ, имѣющемъ направленіе съ С. на Ю., оказалась арка катакомбы, ограбленной въ новое время посредствомъ пробоя, сдѣланнаго изъ сосѣдняго склепа; въ землѣ, наполняющей ее почти до потолка, попадались кусочки антрацита.

Отъ этой катакомбы, подъ южнымъ рядомъ домовъ всего 2-го Кладбищенскаго переулка тянется къ З. рядъ катакомбъ, подвергавшихся много разъ ограбленію какъ въ древнее, такъ и въ новое время.

№№ 173, 174 (29, 30). Тамъ же, между домами №№ 15, 16 и 17, на глубинѣ 3 м. открыты двѣ катакомбы съ дромосами съ С.; въ ю.-в. углу первой катакомбы сдѣланъ пробой въ с.-з. уголъ второй. Въ одномъ склепѣ оказались три лежанки, въ другомъ—двѣ. Обѣ катакомбы были расхищены въ древнее время. Въ первой, среди разбросанныхъ костей нѣсколькихъ остововъ, найдены серебр. пряжка, бронз. зеркальце діам. 0,05 м., такой же колокольчикъ, желѣзный ножикъ, 7 желѣзныхъ стрѣлокъ, стекл. буса, покрытая бѣлою окисью, и продолговатая костяная пластина неизвѣстнаго назначенія.

№ 175 (31). На Продолженіи Госпитальной улицы, противъ дома № 35. Въ южной короткой стѣнкѣ дромоса, имѣющаго направленіе съ С. къ Ю., на глубинѣ 6,12 м. найдена арка дл. 1 м., шир. 1,04, выс. 1,33; четырехугольная плита, закрывавшая входъ въ катакомбу, и каменная подпорка ея были сдвинуты съ мѣстъ. Камера склепа, для которой арка служила входомъ, имѣла въ длину (отъ арки до центральной лежанки) 2,07 м., шир. 2,61 м., наиб. выс. (въ серединѣ склепа) 1,73 м. Въ трехъ стѣнахъ были устроены 3 лежанки и по обѣимъ сторонамъ входа 2 небольшія ниши; на лѣвой лежанкѣ стоялъ каменный столбъ, служившій, вѣроятно, подпоркой потолка, который соорудителю склепа казался непрочнымъ. Ширина центральной лежанки 2,01 м., глуб. 1,11, выс. 0,95; ширина правой 1,99 м., глуб. 1,17, выс. 0,96; ширина лѣвой 2,04 м.,

глуб. 1,01 м., выс. 0,86. Лежанки были высѣчены въ толщѣ почвы не одинаковой высотѣ надъ поломъ катакомбы: боковыя были устроены на р стоянiи 0,76 м. отъ дна склепа, а средняя—на высотѣ 0,94 м. Ниша, вы бленная вправо отъ входа, имѣетъ шир. 0,40 м., выс. 0.48 и глуб. 0, другая—шир. 0,42 м., выс. 0,49, глуб. 0,29. Замѣтно двойное погребе Прежнiе покойники были ограблены, а 4 новыхъ похоронены по два на пр лежанкѣ и на полу склепа, подъ боковыми лежанками, головами на Ю. костякахъ, лежавшихъ на полу, ничего не найдено. Возлѣ талiи костяка, пок шагося на краю правой лежанки, оказалась бронз. пряжка, сильно поврежде окисью металла, а подъ ногами обломки бронз. зеркальца, быть можетъ, при лежавшаго одному изъ прежнихъ костяковъ; возлѣ лѣвой руки лежала цѣл бронз. пряжка, возлѣ правой обломанныя серебряныя пластинки неизвѣст назначенiя. На лѣвой рукѣ костяка, лежавшаго рядомъ, найденъ желѣ клинокъ ножа, въ ногахъ бронз. пряжка простѣйшаго типа. Вправо отъ в въ слоѣ земли оказались слѣдующiя вещи, принадлежавшiя первымъ ограб нымъ костякамъ: 6 золотыхъ украшенiй съ серебряными заклепками и съ натовой инкрустацiей, вѣроятно, отъ пояса, 9 золотыхъ бляшекъ, зол буса въ видѣ тройной рубчатой трубочки, кусочекъ листоваго золота, сере ная пряжка, буса изъ голубого стекла и выточенная изъ кости вещица н вѣстнаго назначенiя.

№ 176 (32). Тамъ же, въ нѣсколькихъ шагахъ къ Ю.-З., оказался н дромосъ, у котораго удалось открыть начало и конецъ. Въ дромосѣ, имѣю дл. 4,26 м. и шир. 0,88 м., высѣчены въ материкѣ крутыя и узкiя ступе выс. 0,36 м., шир. 0,20. Въ южной короткой стѣнѣ этого корридора, на бинѣ 9,94 м. пробита арка дл. 1,25 м., выс. 1 м., шир. 0,83 м., служ входомъ въ катакомбу обычнаго типа, съ тремя лежанками по тремъ стѣ и 5 небольшими нишами, изъ коихъ 2 устроены по сторонамъ входа, т въ восточной стѣнкѣ центральной лежанки, четвертая въ южной стѣнкѣ п лежанки и пятая въ простѣнкѣ между центральной и правой лежанками планъ на рис. 20). Камера склепа имѣетъ шир. 2,19 м. (отъ правой леж до лѣвой), дл. 2,56 м., наиб. выс. (посреди склепа) 1,75 м. Арка проби на самой серединѣ сѣверной стѣны: отъ правой лежанки она отстоитъ на 0,7 а отъ лѣвой на 0,60 м. Лежанки устроены не на одинаковой высотѣ поломъ склепа: центральная на высотѣ 0,87 м., правая — 0,60 м., лѣв 0,83 м. Ширина центральной лежанки 2,16 м., глуб. 0,63, выс. 0,87; ш правой—2 м., глуб. 1,66 м., выс. 0,60 м.; ширина лѣвой лежанки 2 м.,

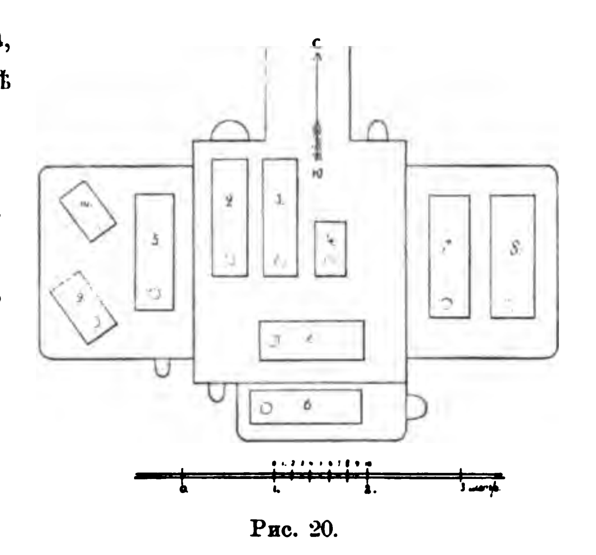


Рис. 20.

1,07 м., выс. 0,80 м. Ниша, углубленная въ сѣверной стѣнѣ справа отъ входа, имѣетъ шир. 0,46 м., выс. 0,34 м. и глуб. 0,21 м.; ниша слѣва отъ входа имѣетъ шир. 0,23 м., выс. 0,42 м. и глуб. 0,22 м.; ниша надъ центральной лежанкой — шир. 0,31 м., выс. 0,32 м., глуб. 0,20 м. Ширина ниши, устроенной надъ правой лежанкой. 0,18 м., выс. 0,36 м., глуб. 0,21 м.; ширина ниши, углубленной въ простѣнкѣ вправо отъ центральной лежанки, 0,18 м., выс. 0,20, глуб. 0,11. Въ катакомбѣ оказалось 10 человѣческихъ костяковъ и скелетъ какого-то животнаго, кажется, осла; на полу лежали 4 костяка, на центральной лежанкѣ одинъ, на правой три, на лѣвой два; скелетъ осла лежалъ подъ лѣвой лежанкой. Всѣ человѣческіе костяки покоились въ истлѣвшихъ деревянныхъ гробахъ.

Возлѣ перваго костяка, лежавшаго подъ центральной лежанкой, оказались 2 бронз. бусы въ видѣ двойныхъ трубочекъ, обтянутыя золотомъ, распавшееся на мелкія части бронз. зеркальце и простая желѣзная пряжка, совершенно испорченная ржавчиной. Возлѣ остова № 2, лежавшаго подъ правой лежанкой, найдены: обломанная костяная пластинка неизвѣстнаго назначенія, 2 серебр. позолоченныхъ украшенія, 2 серебр. заклепки съ позолоченными шляпками, большая серебр. пряжка (возлѣ таліи) и 2 серебр. пряжечки (возлѣ ногъ). Возлѣ таліи третьяго костяка лежала серебр. пряжка. При костякѣ № 4 ничего не найдено. За спиной животнаго, подъ лѣвой лежанкой, стоялъ черный глин. сосудикъ съ косыми черточками, нацарапанными острымъ орудіемъ. Въ правомъ углу склепа, подъ центральной лежанкой, найдены желѣзныя стрѣлы, такой же ножъ и рукоятка отъ щита; самый щитъ, весь изъ дерева, истлѣлъ. За головою костяка № 7, лежавшаго на краю лѣвой лежанки, стоялъ одноручный стекл. сосудъ съ десятиграннымъ туловищемъ (выс. 0,20 м.), на правой лежанкѣ подъ нишей, за головой костяка № 5, два стекл. сосуда безъ ручекъ, почти одинаковой высоты. Возлѣ остальныхъ костяковъ ничего не оказалось. Въ нишѣ, высѣченной въ сѣверной стѣнѣ катакомбы, влѣво отъ арки,

стоялъ гладкій одноручный сосудъ изъ зеленоватаго стекла (выс. 0,17 м.); въ нишѣ надъ центральной лежанкой—глин. лампочка съ бюстомъ, обращеннымъ влѣво; въ нишѣ надъ правой лежанкой — такая же лампочка и простой глин. сосудикъ безъ ручекъ (выс. 0,075 м.). Въ разныхъ мѣстахъ катакомбы, въ землѣ подъ гробами оказались остатки истлѣвшихъ костяковъ, что ясно указываетъ на то, что здѣсь были похоронены раньше другіе покойники. Среди костей первыхъ костяковъ найдены слѣдующія вещи: золотое украшеніе, имѣющее форму буквы М; серебряная позолоченная шляпка гвоздя, имѣющая форму луны; 6 серебр. украшеній съ гвоздиками (два разломаны); серебр. кольцо; такой же четыреугольный щитокъ; бронз. щипчики, гвоздикъ и двѣ пряжки; пронизи изъ синяго стекла, бѣлой массы и глины и кремень для высѣканія огня.

№№ 177, 178 (33, 34). На перекресткѣ 2-го Кладбищенскаго переулка и продолженія Госпитальной улицы найдены 2 разграбленныя въ древнее время катакомбы съ дромосами, имѣющими направленіе съ С. на Ю. Грабителями оставлены въ первомъ склепѣ слѣдующія вещи: 1) 5 золотыхъ украшеній съ перегородчатой инкрустаціей, вѣроятно, отъ рукоятки меча; одно украшеніе имѣетъ форму птичьей головки; 2) 4 серебряные гвоздика съ золотыми шляпками, въ которыя вставлены гранаты (найдены на кускѣ сильно истлѣвшаго дерева, похожемъ на рукоятку кинжала или ножа; большіе гвоздики были вбиты въ дерево съ одной стороны, маленькіе — съ другой, на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга); 3) золотая треугольная бляшечка съ одежды; 4) серебряная оправа съ узкимъ золотымъ плетеніемъ съ нижняго конца деревянныхъ ноженъ меча; 5) четыре серебряныя планочки съ двумя гвоздиками каждая, неизвѣстнаго назначенія (на нихъ были замѣтны слѣды трухлаго дерева); 6) двѣ серебряныя пряжки и такой же наконечникъ ремня; 7) скарабей изъ голубоватой пасты съ какими-то знаками; 8) костяная пирамидка, украшенная вдавленными кружочками, и 9) такая же крышечка шкатулки.

№ 179 (35). На Шлагбаумской улицѣ, противъ калитки дома № 16, обнаруженъ дромосъ катакомбы, имѣющій направленіе съ С.-З. на Ю.-В., шир. 0,75 м., глуб. 4,57 м. Въ концѣ дромоса, подъ выдающимся карнизомъ, высѣчена арка, ведущая съ С.-З. въ катакомбу; длина арки 0,82 м., шир. 0,62, выс. 0,98 (см. планъ на рис. 21). Въ трехъ стѣнахъ катакомбы, имѣющей шир. 2,47 м., дл. 2,64 м. и выс. 1,70 м., высѣчены три лежанки слѣдующихъ размѣровъ: центральная лежанка, находящаяся на высотѣ 0,94 м.

стоялъ гладкій одноручный сосудъ изъ зеленоватаго стекла (выс. 0,17 м.); нишѣ надъ центральной лежанкой—глин. лампочка съ бюстомъ, обращенны влѣво; въ нишѣ надъ правой лежанкой — такая же лампочка и простой гл сосудикъ безъ ручекъ (выс. 0,075 м.). Въ разныхъ мѣстахъ катакомбы, землѣ подъ гробами оказались остатки истлѣвшихъ костяковъ, что ясно у зываетъ на то, что здѣсь были похоронены раньше другіе покойники. Сре костей первыхъ костяковъ найдены слѣдующія вещи: золотое украшеніе, им ющее форму буквы М; серебряная позолоченная шляпка гвоздя, имѣющ форму луны; 6 серебр. украшеній съ гвоздиками (два разломаны); сере кольцо; такой же четыреугольный щитокъ; бронз. щипчики, гвоздикъ и д пряжки; пронизи изъ синяго стекла, бѣлой массы и глины и кремень д высѣканія огня.

№№ 177, 178 (33, 34). На перекресткѣ 2-го Кладбищенскаго переу и продолженія Госпитальной улицы найдены 2 разграбленныя въ древнее вре катакомбы съ дромосами, имѣющими направленіе съ С. на Ю. Грабителя оставлены въ первомъ склепѣ слѣдующія вещи: 1) 5 золотыхъ украшеній перегородчатой инкрустаціей, вѣроятно, отъ рукоятки меча; одно украше имѣетъ форму птичьей головки; 2) 4 серебряные гвоздика съ золоты шляпками, въ которыя вставлены гранаты (найдены на кускѣ сильно истл шаго дерева, похожемъ на рукоятку кинжала или ножа; большіе гвозд были вбиты въ дерево съ одной стороны, маленькіе — съ другой, на о наковомъ разстояніи другъ отъ друга): 3) золотая треугольная бляше съ одежды; 4) серебряная оправа съ узкимъ золотымъ плетеніемъ съ н няго конца деревянныхъ ноженъ меча; 5) четыре серебряныя планочки двумя гвоздиками каждая, неизвѣстнаго назначенія (на нихъ были замѣт слѣды трухлаго дерева); 6) двѣ серебряныя пряжки и такой же наков никъ ремня; 7) скарабей изъ голубоватой пасты съ какими-то знака 8) костяная пирамидка, украшенная вдавленными кружочками, и 9) такая крышечка шкатулки.

№ 179 (35). На Шлагбаумской улицѣ, противъ калитки дома № обнаруженъ дромосъ катакомбы, имѣющій направленіе съ С.-З. на Ю. шир. 0,75 м., глуб. 4,57 м. Въ концѣ дромоса, подъ выдающимся к низомъ, высѣчена арка, ведущая съ С.-З. въ катакомбу; длина арки 0,82 шир. 0,62, выс. 0,98 (см. планъ на рис. 21). Въ трехъ стѣнахъ катако имѣющей шир. 2,47 м., дл. 2,64 м. и выс. 1,70 м., высѣчены три лежа слѣдующихъ размѣровъ: центральная лежанка, находящаяся на высотѣ 0,94

надъ поломъ склепа, имѣетъ шир. 1,98 м., глуб. 1,20 м. и выс. 0,72 м.; правая — шир. 2,02 м., глуб. 1,19 м. и выс. 0,74 м. (высѣчена на высотѣ 1,03 м. надъ поломъ); лѣвая, устроенная на высотѣ 0,81 м.,—шир. 2,12 м., глуб. 0,67 м. и выс. 0,56 м. По обѣимъ сторонамъ входа и центральной лежанки устроены по двѣ ниши. Ниша направо отъ входа имѣетъ шир. 0,36 м., глуб. 0,24 м. и выс. 0,41 м.; ниша, устроенная слѣва,—шир. 0,27 м., глуб. 0,22 м. и выс. 0,33 м. Ниша направо отъ центральной лежанки—шир. 0,28 м., глуб. 0,24 м. и выс. 0,40 м.; ниша слѣва—шир. 0,29 м., глуб. 0,23 м. и выс. 0,37 м.

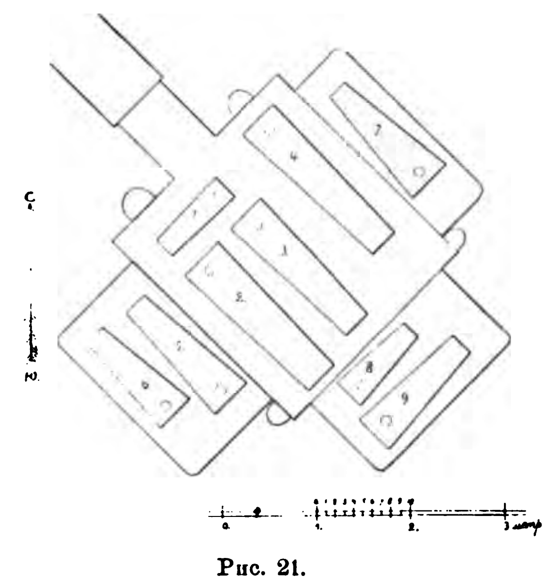


Рис. 21.

1) Дѣтскій костякъ въ совершенно истлѣвшемъ гробу. По яснымъ слѣдамъ истлѣвшаго дерева можно было опредѣлить длину и ширину гроба, который былъ въ головахъ на 0,05 м. шире, чѣмъ въ ногахъ (дл. 0,91 м., шир. 0,27—0,32 м.). На поясѣ этого костяка найдены 4 пряжки изъ бронзы и серебра, возлѣ головы обломанная серебр. пряжка и янтарная буса.

2) Костякъ лежалъ въ истлѣвшемъ деревянномъ гробу дл. 1,75 м., шир. 0,37—0,48 м. (въ головахъ шире). Возлѣ праваго и лѣваго плеча найдены 2 бронз. фибулы, въ ногахъ разноцвѣтная буса изъ краснаго стекла съ желтыми глазками и неправильными кружочками бѣлаго и голубого цвѣтовъ. Тутъ же стоялъ бронз. стаканчикъ, въ которомъ найдены бронз. щипчики и волошскій орѣхъ, разъѣденный червями.

3) У третьяго костяка, лежавшаго также на полу склепа, найдена разломанная бронз. гривна на шеѣ и совершенно испорченный окисью бронз. браслетъ на правой рукѣ. Размѣры этого гроба нельзя было опредѣлить, потому что вода, проникшая вмѣстѣ съ землею въ склепъ, сдвинула истлѣвшія доски съ ихъ первоначальныхъ мѣстъ; форма гроба, по всей вѣроятности, не отличалась отъ формы прочихъ гробовъ.

4) Костякъ въ деревянномъ гробу дл. 1,85 м., шир. 0,28—0,43, выс. 0,32. Возлѣ таліи костяка найдены 2 бронз. пряжки различныхъ формъ и

стоялъ гладкій одноручный сосудъ изъ зеленоватаго стекла (выс. 0,17 м.); в нишѣ надъ центральной лежанкой—глин. лампочка съ бюстомъ, обращенным влѣво; въ нишѣ надъ правой лежанкой — такая же лампочка и простой глин сосудикъ безъ ручекъ (выс. 0,075 м.). Въ разныхъ мѣстахъ катакомбы, в землѣ подъ гробами оказались остатки истлѣвшихъ костяковъ, что ясно указываетъ на то, что здѣсь были похоронены раньше другіе покойники. Среди костей первыхъ костяковъ найдены слѣдующія вещи: золотое украшеніе, имѣющее форму буквы М; серебряная позолоченная шляпка гвоздя, имѣющая форму луны; 6 серебр. украшеній съ гвоздиками (два разломаны); серебр. кольцо; такой же четыреугольный щитокъ; бронз. щипчики, гвоздикъ и д[illegible] пряжки; пронизи изъ синяго стекла, бѣлой массы и глины и кремень д[ля] высѣканія огня.

№№ 177, 178 (33, 34). На перекресткѣ 2-го Кладбищенскаго переулка и продолженія Госпитальной улицы найдены 2 разграбленныя въ древнее время катакомбы съ дромосами, имѣющими направленіе съ С. на Ю. Грабителями оставлены въ первомъ склепѣ слѣдующія вещи: 1) 5 золотыхъ украшеній с перегородчатой инкрустаціей, вѣроятно, отъ рукоятки меча; одно украшеніе имѣетъ форму птичьей головки; 2) 4 серебряные гвоздика съ золотыми шляпками, въ которыя вставлены гранаты (найдены на кускѣ сильно истлѣвшаго дерева, похожемъ на рукоятку кинжала или ножа; большіе гвоздики были вбиты въ дерево съ одной стороны, маленькіе — съ другой, на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга); 3) золотая треугольная бляшка съ одежды; 4) серебряная оправа съ узкимъ золотымъ плетеніемъ съ нижняго конца деревянныхъ ноженъ меча; 5) четыре серебряныя планочки съ двумя гвоздиками каждая, неизвѣстнаго назначенія (на нихъ были замѣтны слѣды трухлаго дерева); 6) двѣ серебряныя пряжки и такой же наконечникъ ремня; 7) скарабей изъ голубоватой пасты съ какими-то знаками; 8) костяная пирамидка, украшенная вдавленными кружочками, и 9) такая же крышечка шкатулки.

№ 179 (35). На Шлагбаумской улицѣ, противъ калитки дома № 16, обнаруженъ дромосъ катакомбы, имѣющій направленіе съ С.-З. на Ю.-В., шир. 0,75 м., глуб. 4,57 м. Въ концѣ дромоса, подъ выдающимся карнизомъ, высѣчена арка, ведущая съ С.-З. въ катакомбу; длина арки 0,82 м., шир. 0,62, выс. 0,98 (см. планъ на рис. 21). Въ трехъ стѣнахъ катакомбы, имѣющей шир. 2,47 м., дл. 2,64 м. и выс. 1,70 м., высѣчены три лежанки слѣдующихъ размѣровъ: центральная лежанка, находящаяся на высотѣ 0,94 м.

надъ поломъ склепа, имѣетъ шир. 1,98 м., глуб. 1,20 м. и выс. 0,72 м.; правая — шир. 2,02 м., глуб. 1,19 м. и выс. 0,74 м. (высѣчена на высотѣ 1,03 м. надъ поломъ); лѣвая, устроенная на высотѣ 0,81 м.,—шир. 2,12 м., глуб. 0,67 м. и выс. 0,56 м. По обѣимъ сторонамъ входа и центральной лежанки устроены по двѣ ниши. Ниша направо отъ входа имѣетъ шир. 0,36 м., глуб. 0,24 м. и выс. 0,41 м.; ниша, устроенная слѣва,—шир. 0,27 м., глуб. 0,22 м. и выс. 0,33 м. Ниша направо отъ центральной лежанки—шир. 0,28 м., глуб. 0,24 м. и выс. 0,40 м.; ниша слѣва—шир. 0,29 м., глуб. 0,23 м. и выс. 0,37 м.

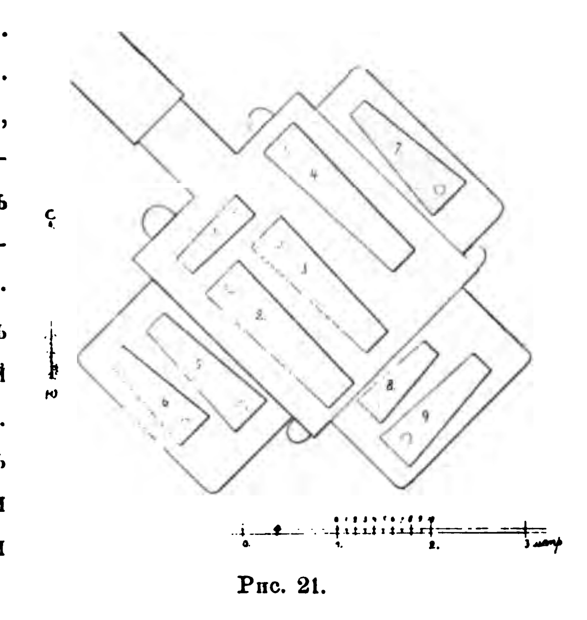


Рис. 21.

1) Дѣтскій костякъ въ совершенно истлѣвшемъ гробу. По яснымъ слѣдамъ истлѣвшаго дерева можно было опредѣлить длину и ширину гроба, который былъ въ головахъ на 0,05 м. шире, чѣмъ въ ногахъ (дл. 0,91 м., шир. 0,27—0,32 м.). На поясѣ этого костяка найдены 4 пряжки изъ бронзы и серебра, возлѣ головы обломанная серебр. пряжка и янтарная буса.

2) Костякъ лежалъ въ истлѣвшемъ деревянномъ гробу дл. 1,75 м., шир. 0,37—0,48 м. (въ головахъ шире). Возлѣ праваго и лѣваго плеча найдены 2 бронз. фибулы, въ ногахъ разноцвѣтная буса изъ краснаго стекла съ желтыми глазками и неправильными кружочками бѣлаго и голубого цвѣтовъ. Тутъ же стоялъ бронз. стаканчикъ, въ которомъ найдены бронз. щипчики и волошскій орѣхъ, разъѣденный червями.

3) У третьяго костяка, лежавшаго также на полу склепа, найдена разломанная бронз. гривна на шеѣ и совершенно испорченный окисью бронз. браслетъ на правой рукѣ. Размѣры этого гроба нельзя было опредѣлить, потому что вода, проникшая вмѣстѣ съ землею въ склепъ, сдвинула истлѣвшія доски съ ихъ первоначальныхъ мѣстъ; форма гроба, по всей вѣроятности, не отличалась отъ формы прочихъ гробовъ.

4) Костякъ въ деревянномъ гробу дл. 1,85 м., шир. 0,28—0,43, выс. 0,32. Возлѣ таліи костяка найдены 2 бронз. пряжки различныхъ формъ и

обломанный желѣзный ножъ въ истлѣвшихъ деревянныхъ ножнахъ, обтянутыхъ кожей, а возлѣ ступней—2 бронз. пряжечки. Въ ногахъ костяка, въ лѣвомъ углу комнаты, подъ центральной лежанкой стояли 3 глин. сосудика: одноручный краснолаковый сосудъ, распавшійся простой горшочекъ безъ ручекъ, изъ черной глины, и маленькій одноручный сосудикъ съ горизонтальными желобками.

На полу склепа найдены еще слѣдующія вещи: подъ правой лежанкой, за боковой доской второго гроба,—распавшійся стеклянный шарообразный сосудъ безъ ручекъ и 2 черныхъ глин. сосудика грубой отдѣлки; подъ той же лежанкой, за южной доской перваго гроба,—черный сосудъ съ прямой ручкой, съ тремя тройными полосками на туловищѣ и на горлѣ, выс. 0,19 м., разбитый одноручный сосудъ изъ простого стекла и стекл. сосудъ съ косыми желобками по туловищу, выс. 0,15 м.; въ правомъ углу подъ центральной лежанкой—прислоненный къ углу, истлѣвшей деревянной рукояткой вверхъ, желѣзный мечъ дл. 0,82 м.

5) У костяка, лежавшаго на краю правой лежанки, найденъ только бронз. браслетъ на правой рукѣ.

6) Возлѣ лѣваго бока костяка, лежавшаго рядомъ съ предыдущимъ, найденъ широкій мечъ, дл. 0,77 м., и большая пронизь изъ бѣлой массы, служившая, по всему вѣроятію, верхушкою и украшеніемъ рукоятки меча. Возлѣ таліи этого костяка оказались 4 бронз. пряжки и желѣзное кольцо. Возлѣ задней стѣны правой лежанки стояли краснолаковая чашка и распавшаяся деревянная миска съ остатками проволоки, которою сосудикъ этотъ былъ въ древности скрѣпленъ.

7) Справа отъ костяка, лежавшаго на лѣвой лежанкѣ, найденъ распавшійся на нѣсколько кусковъ широкій мечъ, дл. 0,93 м., съ остатками истлѣвшихъ деревянныхъ ноженъ и рукоятки, а также пронизь изъ халцедона, лежавшая возлѣ верхушки рукоятки меча; возлѣ таліи костяка найдены 2 бронзовыя и одна серебряная пряжки, возлѣ ногъ двѣ бронзовыя пряжечки.

8) Возлѣ таліи дѣтскаго остова, лежавшаго справа на краю центральной лежанки, найдена маленькая бронз. пряжка, а возлѣ ногъ—большая.

9) Возлѣ таліи костяка, лежавшаго вдоль задней стѣнки той же лежанки, оказалась разломанная серебр. пряжка, а возлѣ правой ноги, ниже колѣна, цѣльная серебр. пряжка.

Въ нишѣ направо отъ входа стоялъ большой глин. одноручный сосудъ и закоптѣлый горшокъ съ двумя ручками. Въ лѣвой нишѣ возлѣ входа посуды не было. Въ нишѣ съ правой стороны отъ центральной лежанки стояли 3 стакана, изъ которыхъ одинъ при первомъ прикосновеніи разсыпался. Въ нишѣ

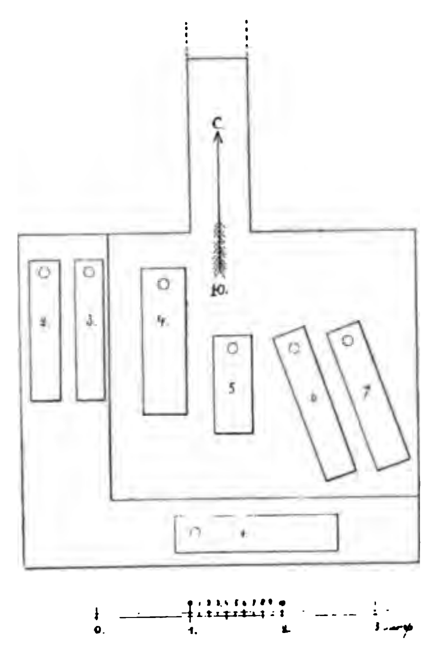


Рис. 22.

другой стороны стояли стекл. баночка рельефнымъ орнаментомъ и распавшіеся клянные стаканъ и шарообразный сосудъ ъ ручекъ. Другая баночка съ рельефнымъ наментомъ, глиняная лампочка съ бюстомъ затаго мужчины и обломки деревянной ски, скрѣпленной по краямъ мѣдными астинками, найдены на центральной лежанкѣ, въ ногахъ дѣтскаго костяка.

№ 180 (36). Во дворѣ Л. Коваленко, углу Эспланадной и Шлагбаумской улицъ, № 17. На глубинѣ 3,74 м. найдена подъ жнимъ слоемъ мягкой скалы небольшая такомба со входомъ съ С., заложеннымъ тыреугольной плитой изъ мѣстнаго известка (см. планъ на рис. 22). Длина арки 32 м., шир. 0,65, выс. 0,59. Ширина й катакомбы (отъ западной стѣнки до восточной) 3,21 м., длина (отъ входа южной стѣны) 2,80 м., наибольшая высота потолка, имѣющаго форму неправильнаго свода,—1,29 м. Вдоль южной и западной стѣнъ устроены на высотѣ 14 м. надъ поломъ катакомбы двѣ лежанки; лежанка подъ южной стѣной ѣетъ шир. 3,21 м. и глуб. 0,70 м., другая—шир. 2,10 м. и глуб. 0,95 м. шъ для посуды и лампочекъ въ катакомбѣ не оказалось. Росписи и надписей стѣнахъ нѣтъ.

Въ катакомбѣ было погребено семь покойниковъ, лежавшихъ въ истлѣвіхъ деревянныхъ гробахъ: одинъ на лежанкѣ противъ входа, 2 на лежанкѣ оль западной стѣны и 4 на полу.

Первый костякъ совершенно распался, такъ что только по множеству стлѣвшихъ костей можно было догадаться, что онъ лежалъ головою на З. За ловой остова въ ю.-з. углу стоялъ большой стекл. сосудъ безъ ручекъ, съ сширяющимся кверху горломъ. За обращенными къ С. головами двухъ истлѣвихъ костяковъ, лежавшихъ на другой лежанкѣ, найдены краснолаковое блюдо, м. 0,23 м., и стекл. сосудъ безъ ручекъ. Возлѣ таліи костяка, лежавшаго дъ западной лежанкой, тоже головою на С., найдена желѣзная пряжка прой формы, совершенно испорченная ржавчиной, а за головой его стекл. сосудъ ъ ручекъ. У костяка, лежавшаго рядомъ съ предыдущимъ, тоже головою

къ С., ничего не найдено. Остальные 2 костяка, лежавшіе на полу, головами къ С.З., были, судя по найденнымъ вещамъ, женскіе. У перваго, лежавшаго ближе ко входу, найдены на рукахъ 2 мѣдные браслета, изъ коихъ одинъ украшенъ змѣиными головками на концахъ, и въ головахъ стекл. сосудъ безъ ручекъ. Возлѣ другого костяка найдены слѣдующія вещи: на шеѣ 7 бусъ изъ цвѣтного стекла и янтаря, на правомъ и лѣвомъ плечахъ 2 большія бронз. фибулы «готскаго» стиля, возлѣ таліи большая бронз. пряжка съ птичьей головкой, вся покрытая остатками ткани, на правой рукѣ серебр. браслетъ, на лѣвой—мѣдный, за головой бронз. цилиндрическая баночка съ серебряной конусообразной крышкой, подвѣска въ видѣ крокодила съ глазами изъ розоваго стекла, пряжка и наконечникъ ремня изъ бронзы, серебряныя и мѣдныя украшенія съ пояса, частью цѣльныя, частью въ обломкахъ, серебряная вещица, состоящая изъ длинныхъ трубочекъ, неизвѣстнаго назначенія, и 4 янтарныя бусы. За головами послѣднихъ двухъ костяковъ, влѣво отъ входа, стояли 3 стекл. сосуда безъ ручекъ, которые, кромѣ одного, оказались разбитыми отвалившеюся частью мягкой стѣны.

III. Гробницы, открытыя на Глинищѣ.

№ 181 (1). Противъ воротъ дачи Д. Сerганиди, на берегу бухты. На глубинѣ 0,81 м. простая земляная гробница дл. 2,03 м., шир. 0,52, глуб. 0,28 м. Возлѣ праваго локтя костяка, обращеннаго головою къ Ю., внутри истлѣвшаго деревяннаго гроба, ясно выдѣлявшагося въ землѣ, найдена простая глин. чашка безъ всякихъ украшеній; въ головахъ, справа отъ костяка, внѣ гроба, стоялъ простой глин. одноручный сосудъ.

№ 182 (2). Возлѣ Карантиннаго шоссе, противъ дачи А. Сименовой. На глубинѣ 0,48 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,95 м., шир. 0,98, глуб. 0,75. Въ головахъ костяка, возлѣ южной стѣнки гробницы, найдена бронз. пряжка простого типа, такой же наконечникъ ремня и бронз. игла въ костяномъ четырехгранномъ футлярчикѣ, дл. 0,07 м., стѣнки котораго украшены геометрическимъ орнаментомъ, состоящимъ изъ 6 квадратиковъ (на каждой сторонѣ) съ обѣими діагоналями. На шеѣ остова оказались 4 простыя бусы, на правой рукѣ бронз. браслетъ съ головками какого-то животнаго на обоихъ концахъ. Посуды въ гробницѣ не найдено.

№ 183 (3). Тамъ же. На глубинѣ 0,95 м. земляная подбойная гробница дл. 1,35 м., шир. 0,52, выс. 0,86; была заложена досками съ В. Въ

ахъ совершенно истлѣвшаго костяка, лежавшаго головою къ Ю., найденъ :нолаковый сосудъ съ одной ручкой, безъ всякихъ украшеній.

№ 184 (4). Въ степи за Глинищемъ, возлѣ т. н. Собачьяго кургана. На бинѣ 1 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 1,88 м., шир. 0,67, 5. 0,57. У лѣваго локтя остова, обращеннаго головою къ В., найдена большая бастрида (выс. 0,21 м.), у праваго плеча — обломки другой, меньшихъ разовъ, во рту бронзовая монета съ головою Пана и переднею частью грифона рачковъ XX, 88).

№ 185 (5). На 5-й Продольной улицѣ, противъ дома № 55. На глубинѣ г. земляная подбойная гробница дл. 1,95 м., шир. 0,67, выс. 0,57; была эжена досками съ В. Во рту истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ найдена мѣдная монета, совершенно испорченная окисью, возлѣ правой и деревянная палочка дл. 0,095 м., съ остатками мѣдной оправы, неизтнаго назначенія.

№ 186 (6). Въ Тюремномъ переулкѣ. На глубинѣ 1,25 м. земляная гробца, покрытая досками и мелкими камнями, дл. 1,97 м., шир. 0,64, глуб. 0,76. лѣ головы костяка, обращенной къ С.-В., найдены двѣ гладкія серебр. серьги стой формы (обѣ распались на мелкія части), возлѣ лѣвой руки 2 серебр. стня, украшенныхъ одинъ бирюзой, другой—рѣзнымъ сердоликомъ съ женю головкою, множество зеленаго бисера, бусы изъ черной пасты, 6 золотыхъ чатыхъ трубочекъ и бронз. браслетъ, въ ногахъ обломки истлѣвшей деренной шкатулки съ желѣзными замкомъ и ключикомъ, возлѣ шкатулки обломки стого стекл. бальзамарія.

№ 187 (7). Тамъ же. На глубинѣ 1,50 м. гробница, покрытая плитами, 2,25 м., шир. 0,90, глуб. 1,68; оріентирована съ В. на З. Ограблена въ внее время Возлѣ западной стѣнки гробницы найдено блюдечко изъ красиваго енаго стекла.

№ 188 (8). Тамъ же. На глубинѣ 1,13 м. земляная гробница, покрытая сками, дл. 1,93 м., шир. 0,55, глуб. 0,69. Возлѣ лѣвой руки истлѣвшаго стяка, лежавшаго головою на В., найдены 2 бронз. монеты Савромата I урачковъ XXVIII, 159, 165), возлѣ таліи такая же пряжка простѣйшаго типа. суды въ гробницѣ не оказалось.

№ 189 (9). Тамъ же. На глубинѣ 1,55 м. земляная гробница, покрытая итами, дл. 2,25 м., шир. 0,56, глуб. 0,87. На груди костяка, обращеннаго ловою къ С.-В.., лежали гладкій золотой кружокъ и разломанная бронзовая була, возлѣ таліи большая бронз. пряжка; слѣва отъ костяка, вдоль тѣла,

отъ локтя почти до ступни лежалъ желѣзный мечъ (дл. 0,95 м.), распавшійся на мелкія части, обхваченный за рукоятку пальцами лѣвой руки; возлѣ меча найдены 2 бронз. и одна серебр. пряжки простой формы и большая янтарная пронизь, служившая украшеніемъ деревянной рукоятки. На лѣвой рукѣ оказался желѣзный перстень съ рѣзнымъ сердоликомъ, украшенный грубымъ изображеніемъ крысы. Справа отъ костяка лежалъ желѣзный кинжалъ дл. 0,36 м. Въ ногахъ найдены обломки одноручнаго стекл. сосуда и такой же цѣльный стаканъ.

№ 190 (10). Тамъ же. Земляная подбойная гробница дл. 1,95 м., шир. 0,50, съ дномъ на глубинѣ 1,50 м.; была заложена съ Ю. досками и обломками большихъ простыхъ амфоръ. На шеѣ костяка, обращеннаго головою къ В., найдена желобчатая буса изъ синей пасты, на лѣвой рукѣ 2 перстня: желѣзный безъ камешка и серебряный съ круглымъ краснымъ стеклышкомъ; въ ногахъ одноручный краснолаковый сосудикъ.

№ 191 (11). На берегу Керченской бухты, между макаронной фабрикой Д. Серганиди и Карантинной слободкой. На глубинѣ 1,78 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,28 м., шир. 0,65, глуб. 1,09. По остаткамъ истлѣвшаго дерева видно, что гробъ стоялъ въ деревянномъ, выкрашенномъ въ бѣлый цвѣтъ, саркофагѣ, который, однако, не былъ украшенъ рельефными изображеніями изъ гипса или глины, какъ то обыкновенно бываетъ. Возлѣ таліи истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдена бронз. пряжка и разломанный клинокъ желѣзнаго ножа, на лѣвой рукѣ желѣзный перстень, испорченный ржавчиной, и въ ногахъ разбитый стекл. сосудъ съ одной ручкой.

№ 192 (12). На 1-й Аджимушкайской улицѣ. На глубинѣ 0,98 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,22 м., шир. 0,73, глуб. 1,29. Костякъ лежалъ въ деревянномъ гробу, поставленномъ въ такомъ же саркофагѣ, головою на В. Саркофагъ былъ украшенъ 8 деревянными колонками, на что указываютъ полукруглыя гипсовыя украшенія со слѣдами розовой краски, составлявшія базы колонокъ. Такихъ украшеній оказалось 8, по 4 съ каждой длинной стороны; одно раздавлено на мелкія части, а остальныя хорошо сохранились. Весь саркофагъ былъ, сверхъ того, обмазанъ гипсомъ, вслѣдствіе чего земля, прилегавшая къ стѣнкамъ его, оказалась покрытой тонкимъ бѣлымъ слоемъ. Возлѣ таліи костяка найдены бронзовые наконечникъ ремня и пряжка, въ ногахъ обломки тонкаго стекл. одноручнаго сосуда.

№ 193 (13). На берегу бухты, возлѣ база городской скотобойни. На глубинѣ 1,40 м. такая же гробница дл. 2,35 м., шир. 0,95, глуб. 1,70. На

шеѣ и возлѣ лѣвой руки костяка, лежавшаго въ истлѣвшемъ деревянномъ саркофагѣ головою на В., найдены бусы изъ лигнита, на лѣвой рукѣ гладкое кольцо изъ желтаго стекла, въ ногахъ 11 бальзамаріевъ (10 изъ толстаго зеленоватаго стекла, одинъ изъ простого) и раздавленный одноручный сосудъ изъ простого стекла. Тутъ же лежали 2 мѣдныя монеты, покрытыя толстымъ слоемъ окиси (одна изъ нихъ, кажется, Рискупорида I: Бурачковъ XXVI, 87), бронз. пряжка и разломанный желѣзный ножъ. По всей гробницѣ валялись распавшіяся на мелкіе куски гипсовыя украшенія съ саркофага.

№ 194 (14). На 1-й Аджимушкайской улицѣ. На глубинѣ 1,02 м. простая земляная дѣтская гробница дл. 1,14 м., шир. 0,51, глуб. 0,41. На шеѣ костяка, лежавшаго головою на С., найдены распавшіяся стекл. бусы съ позолотою, на груди разломанные мѣдные браслетъ и фибула, а также множество бусинокъ изъ зеленой пасты. Судя по пальцамъ, лежавшимъ тутъ же, правая рука лежала на груди. На лѣвой рукѣ найденъ простой мѣдный перстенекъ, совершенно изъѣденный окисью металла.

№ 195 (15). Тамъ же. На глубинѣ 1,15 м. дѣтская земляная гробница, покрытая плитами, дл. 0,90 м., шир. 0,52, глуб. 0,42. На шеѣ костяка, обращеннаго головою на Ю.-В., найдены 5 большихъ бусъ (одна изъ зеленоватаго стекла, съ желобками, 2 изъ зеленой пасты, 2 изъ лигнита), на груди помятая золотая индикація съ обычнымъ изображеніемъ гермы и съ крестообразными знаками, обломки бронз. пластиночки съ неяснымъ рельефнымъ изображеніемъ, въ ногахъ множество зеленаго бисера и подвѣска изъ голубой пасты, изображающая фаллосъ.

№ 196 (16). Тамъ же. На глубинѣ 0,70 м. такая же гробница дл. 1,37 м., шир. 0,43, глуб. 0,41. Въ могилѣ лежалъ скорченный костякъ на правомъ боку; кисть правой руки была подъ головою, обращенною на С.-В., а кисть лѣвой — на груди. Возлѣ черепа, съ лѣвой стороны, лежали обломки гладкой серебр. серьги, на груди большая мѣдная фибула простѣйшаго типа.

№ 197 (17). На той же улицѣ, противъ дома № 39, во время планировки улицы найдены на глубинѣ 0,36 м. рядомъ стоящія простая урна съ 4 ручками, закрытая дномъ глинянаго сосуда, и чернолаковая пелика, закрытая краснолаковой чашкой и наполненная жжеными костями, среди которыхъ найденъ гладкій золотой кружокъ. На этомъ сосудѣ изображены: А) два эфеба въ гиматіяхъ, обращенные другъ къ другу лицомъ; одинъ изъ нихъ держитъ въ правой рукѣ киликъ, другой—въ правой рукѣ энохою, въ лѣвой—палку; Б) играющая на двойной флейтѣ дѣвушка, отъ которой удаляется вправо нагой эфебъ [1]).

[1]) Относительно стиля см. ук. статью Б. В. Фармаковскаго, стр. 61.

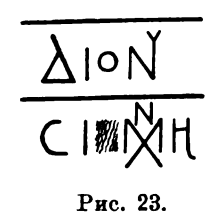


Рис. 23.

Пелика была въ древности разбита на двѣ части, а затѣмъ скрѣплена 10-ю свинцовыми скобками; подставка сосуда повреждена. Подъ вѣнчикомъ пелики нацарапана буква М и подъ нею N. На днѣ краснолаковой чашки съ внѣшней стороны нацарапаны буквы ΘΕΟ. Простая урна съ 4 ручками имѣетъ точно такую же форму, какъ сосудъ изображенный у Макферсона, Antiquities of Kertch, стр. 73, и была наполнена одними жжеными костями. Между двумя ручками, подъ вѣнчикомъ сосуда написана черной краской надпись (рис. 23): Διονυσί[ου] μνή[μη].

№ 198 (18). Въ городскомъ дворѣ, находящемся между Карантинной и 1-й Аджимушкайской улицами. На глубинѣ 2,80 м. каменная гробница с земляным дномъ, дл. 2,11 м., шир. 0,69, глуб. 0,66. Костякъ, лежавшi въ деревянномъ гробѣ головою на В., былъ одѣтъ въ истлѣвшую одежду с множествомъ вотканныхъ тонкихъ золотыхъ нитокъ. Слѣва отъ костяка лежал разломанный на 3 части желѣзный мечъ дл. 0,84 м., съ ничтожными остатками истлѣвшихъ деревянныхъ ноженъ съ бронз. оправой на концѣ и подъ рукояткой возлѣ меча найдены 2 бронзовыя и 2 желѣзныя пряжки, совершенно испор ченныя ржавчиной. Возлѣ праваго бока костяка лежали 13 бронз. пластинок съ заклепками, служившихъ, вѣроятно, украшеніемъ пояса. На мечѣ и с правой стороны отъ костяка оказалось 8 узкихъ золотыхъ пластинокъ съ выби тымъ орнаментомъ, состоящимъ изъ крестовъ и столбиковъ; по формѣ пласти нокъ видно, что это были украшенія ремня, на которомъ висѣлъ мечъ. На лѣвой рукѣ костяка найденъ серебр. перстень съ сердоликомъ, на котором вырѣзано грубое изображеніе колонки, а возлѣ правой руки одноручный стекл сосудъ, суживающійся кверху, и разбитый стекл. стаканъ.

№ 199 (19). На 1-й Аджимушкайской улицѣ. На глубинѣ 1,73 м., зем ляная подбойная могила, дл. 1,34 м., шир. 0,49, выс. 0,69, съ досчатым закладомъ съ Ю. На груди истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на В. найдена разломанная бронз. фибула простого типа, возлѣ правой руки обломк терракотовой маски, 6 простыхъ астрагаловъ, желѣзный ножикъ, раковина разбитый стекл. сосудикъ, въ ногахъ красивый стекл. сосудикъ безъ ручек и рядомъ съ нимъ гладкій мѣдный браслетъ.

№ 200 (20). Тамъ же, противъ дома № 1. На глубинѣ 1,93 м. землянa гробница, покрытая плитами, дл. 1,87 м., шир. 0,63, глуб. 0,43. Въ ногах истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдены простой глин. одно ручный сосудъ, обломки простой глин. чашки, діам. 0,19 м., на низкой под

ставкѣ, сильно окисленныя мѣдныя пластиночки неизвѣстнаго назначенія, разломанный желѣзный ножикъ и хорошо сохранившаяся монета царя Фарсанза съ годомъ N Ф = 550 босп. эры = 253 по Р. Хр. [1]).

№ 201 (21). Въ городскомъ дворѣ между Карантинной и 1-й Аджимушкайской улицами. Дѣтская гробница, огороженная камнями, дл. 0,55 м., шир. и глуб. 0,28. Глубины, на которой находилась могила, нельзя было опредѣлить, потому что городскіе рабочіе нѣсколько разъ снимали надъ нею землю, необходимую для засыпки впадинъ на 1-й Аджимушкайской улицѣ. Возлѣ шеи костяка, обращеннаго головою къ Ю.-В., найдено ожерелье, состоящее изъ простыхъ лигнитовыхъ и стеклянныхъ бусинокъ, и обломки гладкихъ мѣдныхъ сережекъ.

№ 202 (22). Тамъ же. Простая грунтовая гробница дл. 0,90 м., шир. и глуб. 0,42 м. На шеѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдено ожерелье изъ простыхъ стеклянныхъ бусъ, на лѣвой рукѣ бронз. браслетъ, въ ногахъ краснолаковый сосудикъ съ двумя ручками на низкой подставкѣ, на которой снизу нацарапано слово ХАРА.

№ 203 (23). Тамъ же. На глубинѣ 1,61 м. земляная подбойная гробница, дл. 1,44 м., шир. и выс. 0,70 м., съ досчатымъ закладомъ съ Ю. На лѣвой рукѣ костяка, обращеннаго головою къ В., найденъ гладкій бронз. браслетъ съ расширяющимися концами, въ ногахъ разбитый стекл. бальзамарій.

№ 204 (24). За Карантинной слободкой, противъ воротъ Новаго карантина. На глубинѣ 0,84 м. дѣтская земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,20 м., шир. 0,38, глуб. 0,61. Въ правой рукѣ костяка, обращеннаго головою къ В., найденъ раздавленный стекл. рожокъ, возлѣ праваго плеча краснолаковый сосудикъ безъ ручекъ, плохой сохранности, и 5 простыхъ костяныхъ астрагаловъ.

№ 205 (25). Въ городскомъ дворѣ между Карантинной и 1-й Аджимушкайской улицами. Раззоренная въ древнее время могила. Среди разбросанныхъ костей найдены обломки одноручнаго глинянаго сосуда изящной формы съ рельефнымъ растительнымъ орнаментомъ на плечахъ и четыре терракотовыхъ фигурки (лучшая безъ головы).

№ 206 (26). Тамъ же. На глубинѣ 1,60 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,11 м., шир. 0,70, глуб. 0,96. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою къ В., справа стоялъ простой глин. одноручный сосудъ, слѣва стекл. бальзамарій. Слѣва, возлѣ колѣна, найдены свинцовая крышечка неизвѣстнаго

---

[1]) Г. Спасскій, Босфоръ Киммерійскій, табл. VI, № 7.

[2]) О значеніи этого слова см. *Извѣстія Имп. Арх. Комм.*, вып. 10, стр. 85.

назначенія и обломки желѣзнаго меча, совершенно испорченнаго ржавчи
Возлѣ таліи оказались мѣдные пряжка и наконечникъ ремня. Возлѣ лѣ
бока, подъ мечомъ, лежали: мѣдная монета Рискупорида I (Бурачковъ X
88), разломанный клинокъ желѣзнаго ножа и кусокъ точильнаго бруска.

№ 207 (27). На 1-й Аджимушкайской улицѣ, противъ дома №
Недалеко отъ мѣста, гдѣ найдена чернолаковая урна съ жжеными кос
(№ 197), оказалась жженая гробница дл. 2,29 м., шир. 0,68, глуб. 0,
(отъ поверхности улицы до дна). Въ золѣ, наполнявшей гробницу, стѣнки ко
были сильно обожжены, найдено нѣсколько кусочковъ листоваго золот
костей не оказалось. Можно предположить, что кости сожженнаго въ э
мѣстѣ покойника были сложены въ одномъ изъ сосудовъ, найденныхъ въ
ницѣ № 197.

№ 208 (28). На хуторѣ Корецкаго, возлѣ дачи А. Васильева, на Ср
улицѣ. На глуб. 1,50 м. простая земляная гробница, перерѣзанная др
Обѣ гробницы оказались дѣтскими. Въ первой, имѣвшей шир. и глуб. 0,4
отъ костяка, обращеннаго головою къ В., осталась нетронутой только ни
часть до таліи; возлѣ ногъ его найдены простая глин. энохоя и краснола
блюдечко съ тремя концентрическими кругами на днѣ, съ ободкомъ, укра
нымъ растительнымъ орнаментомъ (діам. блюдца 0,085 м.), а на лѣвой
разломанный бронз. перстенекъ. Въ другой гробницѣ найдены только обл
дѣтскаго серебр. браслетика.

№ 209 (29). Возлѣ острога, налѣво отъ Карантиннаго шоссе, при р
ямъ для деревьевъ открыта на глубинѣ 1,22 м. земляная гробница, покр
досками, дл. 2,05 м., шир. 0,50, глуб. 0,55. Возлѣ головы костяка,
щенной къ В., найдены обломки гладкихъ серебр. сережекъ, на лѣвой
поломанное серебр. колечко, между ступнями испорченная сыростью гл
чашечка изъ красной глины (terra sigillata), въ ногахъ одноручный сосуд
простого стекла и разбитый стаканъ изъ бѣлаго стекла.

№ 210 (30). Тамъ же. На глубинѣ 1,75 м. земляная гробница, покр
плитами, дл. 2,27 м., шир. 0,88, глуб. 1,29 м. Возлѣ таліи костяка,
щеннаго головою на С.-В., найдена бронз. пряжка простѣйшаго типа, на
разломанная бронз. фибула. Въ насыпи гробницы, надъ плитами, найдена си
стертая мѣдная монета Савромата I (Бурачковъ XXVIII. 160).

№ 211 (31). Тамъ же. Земляная подбойная (обвалившаяся) гробни
досчатымъ закладомъ съ С.-В. Длина могилы 2,03 м., ширина 0,52; дн
глубинѣ 2,55 м. Возлѣ лѣвой руки костяка, обращеннаго головою къ К

найдена бронз. монета, совершенно уничтоженная окисью металла, и обломки желѣзнаго ножа, возлѣ таліи бронз. пряжка, такой же наконечникъ и 2 звена отъ бронз. цѣпочки неизвѣстнаго назначенія.

№ 212 (32). За тюрьмой въ безыменномъ переулкѣ, соединяющемъ Предѣльную улицу съ Тюремнымъ переулкомъ. На глубинѣ 1,39 м. земляная гробница, покрытая плитами разной толщины, изъ которыхъ одна оказалась надгробіемъ въ видѣ женскаго бюста съ надписью: Ναὶς μήτηρ Θεοδώρου, χαῖρε [1]. Длина могилы 2,05 м., шир. 0,50, глуб. 0,57. На правой рукѣ костяка, обращеннаго головою къ В., найдено 8 большихъ бусъ изъ разноцвѣтной композиціи и зеленаго стекла, гладкое бронз. кольцо, желѣзная пряжка, совершенно испорченная ржавчиной, и обломокъ точильнаго бруска, возлѣ лѣваго колѣна обломки желѣзнаго ножа, въ ногахъ стекл. бальзамарій и одноручный краснолаковый сосудикъ съ поврежденнымъ вѣнчикомъ.

№ 213 (33). Тамъ же. Земляная подбойная (обвалившаяся) гробница съ каменнымъ закладомъ съ Ю., дл. 1,50 м., шир. 0,53, глуб. до подошвы 1,66 м. Впереди заклада въ насыпи найдена мѣдная монета съ отверстіемъ для подвѣшиванія, совершенно испорченная окисью. На шеѣ костяка, обращеннаго головою къ В., найдено ожерелье изъ бусъ: 14 сердоликовыхъ, 7 стеклянныхъ и 9 изъ пасты синяго, голубого, бѣлаго и желтаго цвѣтовъ. На рукахъ было надѣто по гладкому мѣдному браслету. Въ ногахъ оказалось 26 простыхъ астрагаловъ, обломанный астрагалъ изъ голубоватаго стекла, 2 шляпки отъ пуговицъ изъ синяго и бѣлаго стекла, обломки двуручной краснолаковой чашки, 2 совершенно распавшіяся терракотовыя фигурки, мѣдный гвоздикъ отъ гроба и 20 мѣдныхъ монетокъ другой эпохи: 5 экз. съ бюстомъ Геракла и шапками Діоскуровъ безъ звѣздочекъ (Бурачковъ XXII, 182), 1 — со звѣздоносными шапками Діоскуровъ (Б. XXI, 137), 5—съ изображеніемъ Паллады въ шлемѣ (Б. XXII, 176); остальныя совершенно стерты, но, судя по величинѣ и вѣсу, принадлежатъ къ одному изъ вышеупомянутыхъ типовъ. Среди монетокъ стоялъ глиняный одноручный сосудикъ съ отбитой ручкой, покрытый бѣлой поливой и украшенный на плечахъ черными черточками, лучеобразно расходящимися отъ горла.

№ 214 (34). Въ степи, за богадѣльней Золотарева. На глуб. 1,50 м. земляная подбойная гробница съ досчатымъ закладомъ съ С., дл. 2,09 м., шир. 0,52, выс. 0,81 м. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою на З., найдены двѣ краснолаковыя чашки.

---

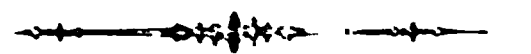
[1]) Надпись издана В. В. Латышевымъ въ *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 14, стр. 130, № 50.

№ 215 (35). Въ безыменномъ переулкѣ за острогомъ. Рядомъ съ гробні
№ 213 открытъ земляной склепъ съ дромосомъ съ З. Входъ былъ закр
нѣсколькими узкими, тщательно обтесанными камнями. Склепъ, подошва кото
находилась на глубинѣ 2,35 м., имѣлъ дл. 1,76 м. и шир. 1,70 м. На і
подъ землею обвалившагося потолка, лежали вдоль сѣверной и южной стѣ
склепа 2 костяка, обращенные головами къ В. Между ихъ головами, в
восточной стѣнки склепа, стояли разбитые одноручный стекл. сосудъ, такой
стаканъ и бальзамарій. У костяка, лежавшаго вправо отъ входа, най
2 разломанные мѣдные браслета, по одному на каждой рукѣ, и на шеѣ бр
подвѣсочка въ видѣ алтаря. У другого скелета оказался на правой |
мѣдный браслетъ, на лѣвой мѣдный перстенекъ съ грубымъ изображен
козерога на сердоликѣ, возлѣ черепа обломки двухъ гладкихъ мѣдныхъ сер

№ 216 (36). Противъ воротъ Новаго карантина. На глубинѣ 1,2
земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,36 м., шир. 0,72, глуб. 0
По всей гробницѣ были разбросаны гипсовыя базы колонокъ и кружочки, отч
выкрашенные въ розовый цвѣтъ. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою къ
найдены 2 стекл. бальзамарія.

№ 217 (37). Въ степи, за богадѣльней Золотарева. На глубинѣ 1,5
дѣтская земляная гробница дл. 1,10 м., шир. 0,36, глуб. 0,37. Судя по ист
шему дереву, попадавшемуся въ насыпи, гробница была покрыта досками.
шеѣ костяка, обращеннаго головою къ В., оказалась сильно окисленная мѣ
гривна изъ двухъ сплетенныхъ проволокъ съ разными подвѣсками и нани
ными на прутъ гривны бусами изъ голубой и разноцвѣтной пасты; одна
подвѣсокъ представляетъ собою небольшую бронз. герму, другая — кусо
какой-то бѣлой массы, обтянутой проволокой. Возлѣ таліи костяка най
простая мѣдная пряжка, возлѣ правой руки и въ ногахъ 2 стекл. бальзама
изъ коихъ одинъ оказался разбитымъ.

В. Шкорпилъ.



Отчетъ о раскопкахъ въ Херсонесѣ Таврическомъ въ 1905 году.

I. НЕКРОПОЛЬ.

I. Раскопки у Карантинной бухты и выше, на мѣстѣ нынѣшняго монастырскаго скотнаго двора.

(Продолженіе раскопокъ 1896, 1897, 1901 и 1902 гг.).

а) Приморскій участокъ.

Здѣсь разслѣдованы 6 катакомбъ и 3 вырубныя гробницы, расположенныя между восточной стѣной монастырскаго скотнаго двора и Карантинной бухтой, на узкой береговой полосѣ (см. планъ на табл. I). Катакомбы эти были съ незапамятныхъ временъ на виду у всѣхъ, проходящихъ береговой тропинкой, не имѣли затворовъ и были на половину занесены иломъ, а во время высшаго морского уровня заливались водой. При разслѣдованіи ихъ въ отчетномъ году воду пришлось отливать, а вынутую грязь съ истлѣвшими костями складывать на берегу и промывать на грохотѣ, установленномъ на 4-хъ столбикахъ въ водѣ. Столь трудная работа, производившаяся при раскопкахъ впервые, дала хорошіе результаты.

№ 1636 [1]). Катакомба трапеціевидная грубой работы, 2,70 — 2,84 м. глуб., 2,26 м. шир. и 1,46 м. выш., съ 3-мя нишами-койками въ 3-хъ сторонахъ и съ выходомъ, 0,62 × 0,62 м., на С.-В. Въ правой стѣнѣ надъ нишей грабительскій проломъ ведетъ въ сосѣднюю катакомбу **№ 1645**. Катакомба частью обрушилась отъ сырости и затоплена моремъ. Плита затвора была на своемъ мѣстѣ. Въ вынутой и промытой землѣ ничего не найдено.

№ 1637. Тоже, 2,70 — 2,79 м. глуб., 2,79 м. шир. и 1,59 м. выш. съ 2-мя нишами-койками въ 2-хъ сторонахъ и съ выходомъ, 0,53×0,62 м., на С.-В. Оштукатурена цемянкой. Передняя часть обрушилась; морская вода,

---

[1]) Счетъ погребеній ведется отъ начала раскопокъ.

заливала катакомбу до самыхъ коекъ. Въ выкинутой землѣ найдены: 3
зовыя малыя монеты, повидимому, сыновей императора Константина Вели
плохой сохранности; золотая овальная подвѣска, 0,008 × 0,005 м., съ
клымъ гладкимъ сердоликомъ и съ 2-мя ушками съ противоположныхъ
ронъ; индикація изъ плотнаго листа золота, прямоугольная, 0,026 × 0,01
съ оттиснутой головкой вправо; лампочка глиняная красивой формы, удл
ная, украшенная выпуклымъ изображеніемъ бѣгущаго вправо кабана,
жденная; такая же лампочка съ выпуклымъ изображеніемъ бѣгущаго влѣво
внутри вѣночка изъ полушарій, сильно пострадавшая отъ сырости; 6 про
1 сердоликовая въ видѣ 14-гранника, 2 синяго стекла той-же формы, старате
работы, 2 пастовыя мозаичныя удлиненныя и 1 синей пасты большая кр
рубчатая; бляшка бронзовая круглая, 0,035 м. діам., отъ внутренняго
ларчика съ 4-мя болтиками и ушкомъ.

№ 1638. Тоже, 3,19 м. глуб., 2,57 — 2,75 м. шир. и 1,50 — 1,
выш., съ 2-мя нишами-койками въ правой и задней стѣнахъ и съ хо
0,66 × 0,53 м., на С.-В. Въ лѣвой стѣнѣ грабительскій проломъ веде
сосѣднюю катакомбу № 1639. Передняя
катакомбы обрушилась; морская вода выст
до самыхъ коекъ. Въ вынутой и промытой
найдены: 3 бронзовыя монеты дохристіан
Херсонеса (Бурачковъ, табл. 16, №№ 96,
и 111), всѣ плохой сохранности; 2 бронз
неты колоніальныя со стертыми надписями:
родатая голова императора и быкъ вправо, б)
императора и стоящій воинъ; 11 бронз. м
императоровъ: Максиміана II, сыновей Ко
тина Великаго 5 экз., Валентиніана I-го 2
Θеодосія Великаго 2 экз. и одна неразбор
того-же времени. — Ожерелье извѣстной уже ф
состоящее изъ цѣпочки, оканчивающейся
комъ и имѣющей 10 звеньевъ изъ золотой
волоки, на 4-хъ изъ которыхъ сохран
продолговатыя лигнитовыя пронизи, и изъ
подвѣсокъ въ видѣ золотыхъ овальныхъ мед
новъ, 0,016 × 0,009 и 0,007 × 0,005 м
большей изъ которыхъ вставленъ сердолик

Рис. 1 (2/3).

Рис. 2 (н. в.).

вырѣзаннымъ вглубь мужчиной, погоняющимъ козла, а въ меньшей 8-гранный аметистъ (рис. 1).—Пара золотыхъ серегъ въ видѣ круглаго щитка, 0,013 м. діам., украшеннаго рѣзнымъ бордюромъ; камни или стекла выпали и не разысканы; на 3-хъ проволочныхъ подвѣсочкахъ находились удлиненныя пронизи изъ зеленой пасты, изъ коихъ уцѣлѣли 2, по одной на каждой серьгѣ; типъ серегъ не новый (рис. 2).—Перстенекъ дѣтскій изъ золотой бляшки, 0,004—0,008 м. шир., въ гнѣздѣ камня или стекла не оказалось.—Три трубочки изъ плотной золотой бляшки для ношенія на груди заклинаній: одна 0,02 м. дл. и 0,005 м. діам., съ 2-мя ушками, и двѣ въ 0,012 и 0,009 м. дл. и 0,005 м. діам., съ однимъ ушкомъ по серединѣ (трубочки съ однимъ ушкомъ еще не встрѣчались).—4 бляшки съ дырочками для пришиванія: въ видѣ раковины съ 7-ю дырочками и въ видѣ полушарій съ 2-мя дырочками, одна малая и двѣ средней величины.—5 индикацій изъ тончайшаго листового золота съ оттиснутыми слабо замѣтными головками.—4 золотыхъ листка овальной формы для закрыванія рта, 0,066×0,022 м., 0,055 × 0,023 м., 0,048 × 0,025 м. и 0,042 × 0,025 м. и 4 золотыхъ пронизи въ видѣ рубчатыхъ трубочекъ 0,01—0,013 м. дл.—Обломки отъ 11-ти стеклянныхъ сосудовъ: большого шаровиднаго, украшеннаго пересѣкающимися кругами, большого съ красивымъ сплюснутымъ въ видѣ розетки горломъ, графиновиднаго изъ толстаго стекла, 2-хъ обыкновеннаго вида изъ зеленаго стекла и 6-ти бальзамаріевъ съ плоскимъ дномъ; 2 глиняныя двуручныя чашечки.—Лампочки: 2 съ поднятыми носиками и ручками, 4 безъ украшеній, самаго распространеннаго типа, 5 украшенныхъ рубчиками и полушаріями и 2 малыя, крайне грубой работы.—Бронзовые: разрушенный окисью сосудикъ съ дужкой, браслетъ дѣтскій съ тупыми концами, серьга съ утолщеніемъ въ видѣ 14-гранника съ одного конца, серьга въ видѣ тонкаго гладкаго кольца, 2 фибулы большія массивныя, подобныя изображеннымъ у Альмгрена (табл. 8-я, № 190), 2 пряжки поясныя, совершенно одинаковыя, пронизь спиралевидная изъ полукруглой проволоки, подобная находимымъ въ курганныхъ раскопкахъ (сохранилось 7 оборотовъ).—Двѣ шашки римской эпохи изъ чернаго и зеленаго стекла въ видѣ кружковъ, гладкихъ съ одной и выпуклыхъ съ другой стороны, часть костяной ручки отъ ножа, кружокъ костяной съ дырочкой по серединѣ, неизвѣстнаго назначенія, кабаній клыкъ съ дырочкой для ношенія, виноградныя зерна, 20 амфоровидныхъ

Стекл. сосуды

фибулы

подвѣсокъ изъ янтаря, пронизь отъ браслета лигнитовая прямоугольная, 0,005 × 0,004 × 0,002 м., съ двумя дырочками, украшенная рубчиками (такія пронизи часто встрѣчаются на участкѣ у монастырскихъ огородовъ, гдѣ «крестный храмъ»).—Пронизи отъ ожерелій, 41 разновидность по формѣ и матеріалу, а именно: 18 янтарныхъ кружковъ неправильной формы, 6 пастовыхъ мозаичныхъ круглыхъ большихъ, 1 халцедоновая круглая большая; сердоликовыя: 4 въ видѣ 14-гранниковъ, 2 удлиненныя, 2 круглыя; лигнитовыя: 8 въ видѣ шестерни красивой формы, одна въ видѣ трубочки 0,036 м. дл., одна той-же формы 0,006 м. дл., съ перехватомъ, одна въ видѣ 2-хъ пирамидокъ, соединенныхъ основаніями; изъ синяго стекла: 32 въ видѣ 14-гранниковъ средней величины старательнаго исполненія, 92 той-же формы, но мелкихъ, 3 чечевицевидныхъ, одна въ видѣ конусиковъ, соединенныхъ основаніями, одна въ видѣ плоскаго овала, одна круглая, 6 въ видѣ рубчатыхъ трубочекъ, 94 отлитыхъ изъ соединенныхъ круглыхъ пронизей числомъ отъ 2 до 8; зеленаго стекла: 7 въ видѣ 6-гранныхъ трубочекъ, 9 въ видѣ гладкихъ круглыхъ трубочекъ средней величины, 30 той-же формы мелкихъ, 3 въ видѣ конусиковъ, соединенныхъ основаніями, 10 такихъ-же, но нѣсколько иной формы, 10 грушевидныхъ, 2 круглыхъ; золотистаго стекла: 25 отлитыхъ изъ соединенныхъ круглыхъ пронизей, числомъ отъ 2 до 6, одна удлиненная рубчатая, одна въ видѣ малаго кружка съ бѣлыми и синими полосками, 25 изъ разноцвѣтнаго стекла мелкихъ, какъ бисеръ; изъ пасты: 13 въ видѣ плоскихъ кружковъ чернаго цвѣта, 2 въ видѣ трубочекъ того-же цвѣта, 2 той-же формы, но тонкія, зеленаго цвѣта, быть можетъ подвѣски отъ описанныхъ выше золотыхъ серегъ, одна боченковидная того-же цвѣта, одна малая круглая рубчатая того-же цвѣта, 5 той-же формы, но чернаго цвѣта, 2 въ видѣ сплюснутыхъ трубочекъ краснаго цвѣта, 2 въ видѣ конусиковъ, соединенныхъ основаніями, того-же цвѣта и 1 такая-же зеленаго цвѣта.

№ 1639. Катакомба прямоугольная хорошей работы, 3,19 м. глуб., 2,84 м. шир. и 1,77 м. выш., съ 3-мя койками-нишами въ 3-хъ стѣнахъ съ выходомъ, 0,62 × 0,62 м., на С.-В. Углы у потолка скруглены. Катакомба мѣстами обрушилась и залита до коекъ морской водой. Два грабительскихъ пролома изъ лѣвой и правой нишъ ведутъ въ сосѣднія катакомбы №№ 1638 и 1640. Въ вынутой грязи ничего не найдено.

№ 1640. Катакомба трапецієвидная крайне грубой работы, 2,84 м. гл., 3,15—3,57 м. шир. и 1,51 м. выш., съ 2-мя нишами-койками въ лѣвой и задней стѣнахъ и съ выходомъ, 0,66 × 0,66 м., на С.-В. Передняя часть обру-

шилась; катакомба, подобно предыдущей, залита водой до нишъ. Изъ правой стѣны грабительскій проломъ ведетъ въ катакомбу № 1639. Въ вынутой грязи ничего не найдено.

№ 1641. Катакомба неправильной формы, грубой работы, повидимому не оконченная, 0,86 м. гл., 0,95 м. шир. и 1,51 м. выш., безъ нишъ и съ выходомъ, 0,62 × 0,75 м., на С.-В. Внутри ничего не найдено.

№ 1642. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,04 × 0,75 × 0,62 м., грубой работы, съ 2-мя остовами, головами на Ю.-В., при которыхъ ничего не найдено. Верхнихъ плитъ не имѣла.

№ 1643. Тоже, старательной работы, 1,86 × 0,66 × 0,57 м., безъ верхнихъ плитъ и съ разбросанными костями, при которыхъ ничего не найдено.

№ 1644. Тоже, грубой работы, 2,00 × 0,62 × 0,57 м., незакрытая и безъ остова.

б) Внутри скотнаго двора.

№ 1645. Катакомба трапеціевидная грубой работы, 3,99 м. глуб., 3,28—3,99 м. шир. и 1,60 м. выш., съ 5-ю нишами-койками, по два одна надъ другой въ правой и задней стѣнахъ и одной въ лѣвой стѣнѣ, и съ выходомъ, 0,62 × 0,64 м., на С.-В. Грабительскій проломъ надъ лѣвой нишей ведетъ въ сосѣднюю катакомбу № 1636. Катакомба превращена монастыремъ въ колодецъ для надобностей скотнаго двора.

№ 1646. Катакомба неправильной формы ямообразная, повидимому не оконченная, 1,06 м. гл., 2,48 м. шир. и 3,55 м. наибольшей выш. до ямовиднаго дна, безъ нишъ и съ выходомъ, 0,57 × 0,66 м., на С.-В. Частью обрушилась и залита водой. Содержала множество костей, между которыми было 30 череповъ. Сверху найдена бронзовая печать овальной формы, 0,017 × 0,013 м., со стержнемъ въ 0,01 м. выш., оканчивающимся ушкомъ. На печати вырѣзаны 4 греческія буквы (ΞΘΚΝ), по двѣ въ двухъ строкахъ, раздѣленныхъ чертой, а ниже, также подъ чертою, годъ—1788. Сверху вырѣзанъ крестикъ съ расширенными концами, слѣва 2 крестика простѣйшаго вида и справа 2 грифончика грубаго исполненія. Печать, какъ видно, относится къ первымъ годамъ русскаго владычества въ Тавридѣ. Въ это время, вѣроятно, въ Херсонесѣ еще жило нѣсколько семействъ грековъ,—быть можетъ послѣднихъ крымскихъ Готовъ.

№ 1647. Катакомба трапеціевидная грубой работы, 3,68 м. глуб., 3,06 — 3,28 м. шир. и 1,64 — 1,73 м. выш., съ 3-мя нишами-койками въ

3-хъ стѣнахъ, съ выходомъ, 0,57 × 0,62 м., на С.-В. и съ кам
лѣстницей изъ 3-хъ ступенекъ. Залита водой до коекъ. Въ вынутой и п
той грязи найдены: 4 бронзовыя монеты Херсонеса дохристіанской
(Бурачковъ №№ 104[1], 108, 109 и 120), очень плохой сохранности; 1
зовая колоніальная съ бюстомъ императора Элагабала и воиномъ, на
повреждены; 1 бронзовая стертая, повидимому пантикапейская; 1 сереб
императора Антонина Пія, сильно стертая, съ дырочкой для ношенія; 16
монетъ: императора Константина Великаго 1 экз., его сыновей 9 экз., Ю
тиніана I-го 1 экз., Өеодосія Великаго 2 экз. и Аркадія 3 экз.; серьга
тая проволочная дѣтская съ щиткомъ изъ той-же, намотанной въ кру
проволоки; такая-же серьга миніатюрная (0,006 м. діам. внутри); 2 инди
изъ тончайшаго золотого листка съ неразборчивыми оттисками; сердоли
геммы изъ перстней: овальная, 0,015 × 0,012 м., съ вырѣзаннымъ ор
раздирающимъ зайца; 6-гранная, 0,013 × 0,01 м., съ вырѣзаннымъ ор
держащимъ въ клювѣ вѣнокъ, по бокамъ стойки съ поперечинами; 8-гра
0,009 × 0,009 м., также съ вырѣзаннымъ орломъ съ вѣнкомъ въ к
кувшинъ глиняный въ 0,19 м. выш. съ одной ручкой и красивымъ, спл
тымъ въ видѣ розетки, горломъ; такой-же кувшинъ въ 0,16 м. выш., у
раго горло приспособлено для выливанія только на одну сторону, а не на
какъ у предыдущаго; 8 глиняныхъ лампочекъ: 2 украшенныя рубчика
полушаріями, 4 обычнаго типа безъ украшеній и 2 малыя безобразной ра
бронзовые: фибула въ видѣ ажурной 7-лепестковой розетки, сломанная (
Альмгрена т. 8-я, № 187), пряжка поясная ажурная красивой формы, 2 п
простѣйшаго вида, 2 подвѣски,—одна въ видѣ топорика, другая въ видѣ ажу
бубенца, ушко котораго на половину обломано, перстень характерной для
ской эпохи формы; 2 кувшиновидныя подвѣски изъ янтаря; пронизи я
ныя: 23 въ видѣ плоскихъ кружковъ неправильной формы и 2 въ видѣ т
чекъ, сердоликовыя: 4 въ видѣ плоскихъ 14-гранниковъ, одна круглая бо
и 2 такія-же малыя, 95 лигнитовыхъ въ видѣ мелко нарѣзанныхъ круг
трубочекъ, пастовыя: 2 мозаичныя круглыя, 1 мозаичная удлиненная бол
8 черныхъ круглыхъ гладкихъ, 4 черныхъ малыхъ рубчатыхъ, 24 сѣ
(потерявшихъ первоначальный цвѣтъ) круглыхъ мелкихъ, 7 такихъ-ж
овальныхъ, 2 зеленыя круглыя рубчатыя и 1 такая-же въ видѣ кр
трубочки, стеклянныя: 5 синихъ въ видѣ 14-гранниковъ, 2 зеленых

[1]) Варіантъ: быкъ обращенъ вправо.

видѣ гладкихъ трубочекъ, 8 темнозеленыхъ въ видѣ винтообразныхъ трубочекъ и 8 круглыхъ мелкихъ разноцвѣтныхъ.

№ 1648. Гробница земляная съ одиночнымъ остовомъ головой на Ю.-В., при которомъ найдены разбитый глиняный одноручный кувшинчикъ въ 0,14 м. выш. и остатки сильно истлѣвшей матеріи краснокоричневаго цвѣта.

№ 1649. Катакомба трапецiевидная хорошей работы, 2,84 — 2,97 м. глуб., 2,75 — 3,01 м. шир. и 1,68 м. выш., съ нишей-койкой въ задней стѣнѣ и съ малыми арковидными удлиненными нишами у самаго потолка въ сторонахъ, по три въ каждой, и съ выходомъ, 0,57 × 0,66 м., на С.-В. Передняя сторона сильно выгнулась внутрь. Плита затвора имѣла неправильную форму и была поэтому расклинена брусковиднымъ обломкомъ, повидимому отъ мраморнаго гробика-урны, съ частью крупной греческой надписи[1]). На полу лежало въ 2 яруса много истлѣвшихъ деревянныхъ гробовъ, изъ которыхъ лучше сохранились 3 верхнихъ, особенно одна изъ крышекъ, у которой сгнилъ лишь уголъ одной доски. Въ вынутой землѣ найдены: серьга золотая проволочная обыкновеннаго типа, 2 пряжки поясныя бронзовыя, перстень бронз. съ высокимъ щиткомъ въ видѣ конуса основаніемъ вверхъ, съ вырѣзаннымъ конькомъ грубой работы, 2 сломанные стекл. плоскодонные бальзамарія грубой работы, 6 распавшихся отъ сырости глиняныхъ одноручныхъ кувшинчиковъ, изъ коихъ одинъ рубчатый, чашечка глиняная одноручная поврежденная, такая-же чашечка малая (0,065 м. выш.), грубой работы, 20 глиняныхъ лампочекъ, болѣе или менѣе поврежденныхъ, начиная отъ хорошо исполненныхъ и превосходно обожженныхъ ранне-римской эпохи и до крайне грубыхъ: одна большая свѣтлоглиняная съ глубокимъ углубленіемъ конусовидной формы, украшенная лучеобразно рубчиками, въ центрѣ отверстіе для масла, обнесенное двойнымъ кругомъ, сверху выпуклый вѣнокъ изъ мелкихъ овальныхъ листиковъ, а снизу штампованное имя мастера: ЄСВΗΡΟΥ (вм. СЄΒΗΡΟΥ); украшенныя выпуклыми изображеніями: Геракла, поражающаго палицей льва, идущаго влѣво голаго мужчины съ поднятой правой рукой, бородатой головы влѣво, льва влѣво и амфоры впереди, кабана влѣво, раковины, розетки изъ 4-хъ остроконечныхъ и 4-хъ двойныхъ округленныхъ лепестковъ (2 экз.); лампа очень рѣдкой формы въ видѣ низкаго широкаго одноручнаго кувшинчика, слегка поврежденная; лампочка съ приподнятыми носикомъ и ручкой, 8 лампочекъ, украшенныхъ рубчиками и пупышками, и 2 лампочки малыя, крайне грубой работы.

[1]) Издана В. В. Латышевымъ въ *Изв. И. Арх. К.* в. 18, стр. 120, № 31.

№ 1650. Гробница, вырубленная въ скалѣ 1,15 × 0,88 × 0,88 м., хорошей работы, съ остовомъ лошади головою на С.-З. Была закрыта плитой и составляла какъ-бы одно цѣлое съ длиннымъ ходомъ, 3,55 × 1,15 × 0,35 — 1,77 м. гл. Въ гробницѣ найдены: 2 бронзовыхъ кольца съ пластинками, съ приставшими къ нимъ частями желѣзныхъ удилъ, и 3 очень большія круглыя халцедоновыя пронизи, служившія, вѣроятно, украшеніемъ уздечки.

№ 1651. Катакомба кубовидная хорошей работы со слабокоробовымъ сводомъ, 2,22 × 2,22 м. и 1,68 м. выш., съ 3-мя прямоугольными малыми нишами подъ самымъ потолкомъ въ 3-хъ стѣнахъ, кромѣ передней, и съ ходомъ, 0,66 × 0,66 м., на С.-В. Съ лѣвой стороны скерху имѣется грабительскій проломъ, чрезъ который катакомба старательно расхищена, при чемъ затворъ остался нетронутымъ.

№ 1652. Тоже, 2,70 м. гл. и шир. и 1,60 м. выш., съ 2-мя нишами-койками въ 2 яруса въ лѣвой и правой сторонахъ и съ одной въ задней сторонѣ подъ самымъ потолкомъ и съ выходомъ, 0,57 × 0,57 м., на С.-В. Передняя часть катакомбы обрушилась. Въ лѣвой нишѣ лежалъ остовъ головой на Ю.-З., а на полу южной части въ углу—другой остовъ, головой на Ю.-В.; лѣвая рука его была отброшена, правая прижата къ груди, лѣвая нога изогнута, а правая вытянута, что производило впечатлѣніе, какъ будто трупъ былъ врошенъ въ катакомбу безъ погребенія. Въ вынутой землѣ найдены: подвѣска въ видѣ виноградной кисти изъ зеленой пасты, 6 круглыхъ рубчатыхъ пронизей изъ того-же матеріала и глиняный игрушечный шарикъ.

№ 1653. Гробница земляная, всего лишь на 0,54 м. ниже уровня почвы, съ остовомъ, изголовьемъ на Ю., съ рѣзко деформированнымъ небольшимъ черепомъ, сохранившимъ слѣды сильнаго прижизненнаго поврежденія. При остовѣ найдена одна малая бронз. монета императора Констанція II (355—361), превосходной сохранности.

№ 1654. Тоже, съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., при которомъ найдены: лампочка глиняная, украшенная выпуклой розеткой о 10-ти округленныхъ лепесткахъ, и мисочка въ 0,66 м. выш. и 0,11 м. діам. сверху, въ ро

№ 1657. Тоже, грубой работы, 1,33 × 0,48 × 0,53 м., съ остовомъ въ томъ-же положеніи. Въ гробницѣ ничего не найдено.

№ 1658. Тоже, хорошей работы, 1,86 × 0,48 × 0,26 м., перегороженная поперекъ черепицей. Съ одной стороны черепицы найденъ костякъ взрослаго въ скорченномъ положеніи, головой на Ю.-З., съ руками, какъ-бы обхватившими колѣни, и съ сильно поджатыми ногами. Въ отгороженной части гробницы были кости ребенка. При костяхъ ничего не найдено.

№ 1659. Тоже, грубой работы, 1,77 × 0,57 × 0,57 м. Остова не оказалось.

№ 1660. Гробница дѣтская, сложенная изъ плитняка прямо на скалѣ, 0,88 × 0,40 × 0,40 м., съ остовомъ головой на Ю.-З., у ногъ котораго найдены 3 бронзовыя, совершенно стертыя, римскія монеты съ дырочками для ношенія и 5 колокольчиковидныя бронзовыя подвѣски, часто встрѣчаемыя въ погребеніяхъ.

№ 1661. Катакомба неправильной формы въ видѣ многоугольника, 3,99 м. наиб. гл., 3,15 м. наиб. шир. и 2,30 м. наиб. выш., съ нишей-койкой въ лѣвой стѣнѣ, съ подпорнымъ столбомъ прямоугольнаго сѣченія, имѣющимъ снизу базу, и съ выходомъ, 0,62 × 0,57 м., на С.-В. Наполовину обрушилась. Кромѣ костей, ничего не найдено.

№ 1662. Катакомба, рядомъ съ обширнѣйшей въ Херсонесѣ катакомбой № 1663, трапеціевидная, грубой работы, 2,84 м. гл., 2,88 — 3,06 м. шир. и 1,68 м. выш., съ коробовымъ потолкомъ, съ 3-мя нишами-койками въ 3-хъ сторонахъ, и съ арочнымъ ходомъ, 0,62 × 0,62 м., на С.-В. Лѣвый бокъ и потолокъ сильно пострадали при сооруженіи корридора вышеупомянутой обширной катакомбы. Внутри было скучено огромное количество костей, сверху которыхъ лежалъ каменный крестъ-надгробіе изъ мѣстнаго известняка, съ греческой надписью христіанской эпохи [1]). Подъ костями, въ тонкомъ наслоеніи болѣе ранняго погребенія, найдены: 6 бронзовыхъ монетъ Херсонеса дохристіанской эпохи (Бурачковъ, табл. 16, №№ 108 – 3 экз., 111—1 экз., 118 – 1 экз. и 120, но съ 2-мя контрмарками одинаковаго содержанія, 1 экз.), бронз. монета одного изъ послѣднихъ боспорскихъ царей, разрушенная окисью, и 5 сильно стертыхъ бронз. монетъ римскихъ императоровъ 4-го в. по Р. Х.; золотые: медальонъ овальный, 0,015 × 0,011 м., съ широкимъ рубчатымъ ушкомъ, украшеннымъ съ лицевой стороны чрезвычайно характернымъ выпуклымъ изображеніемъ нападающей Артемиды, какъ на бронзовыхъ херсонесскихъ

[1]) Надпись издана въ *Изв. И. Арх. Комм.* вып. 18, стр. 124, № 39.

монетахъ римской эпохи, не оставляющимъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ
что это работа мѣстнаго мастера (рис. 4); перстень изъ широкой бляшки с
овальнымъ сердоликомъ, на которомъ вырѣзанъ орелъ, сидящій на шарѣ
такой-же перстень поврежденный, съ блѣднымъ сердоликомъ въ видѣ усѣчен
ной пирамидки; пара серегъ распространеннаго типа, состоящихъ изъ прово
лочнаго кольца и щитка въ видѣ полушарія съ рубчатымъ буртикомъ; на вер
шинѣ щитка одной серьги уцѣлѣло припаянное круглое миніатюрное гнѣзд
но безъ камня; пара серегъ примитивнаго устройства въ видѣ гладкихъ полу
шарій изъ тонкой бляшки съ крючкомъ снизу; серьга, состоящая изъ прово
лочнаго колечка и овальнаго щитка, обнесеннаго рубчатымъ буртиком
(камень или стекло выпали и не разысканы); сережка дѣтская миніатюрная
того-же типа, какъ и описанная первая пара, но безъ буртика вокругъ щитка
кристаликъ граната, оправленный въ прочную золотую проволоку съ ушком
для подвѣшиванія (встрѣчается впервые, см. рис. 3); пронизь боченковидная

Рис. 3 (н. в.).

Рис. 4 (н. в.).

Рис. 5 (н. в.).

Рис. 6 (н. в.).

подобная 6-ти найденнымъ въ катакомбѣ № 1170 въ 1901 г.; прониз
лигнитовая въ видѣ малаго кружка съ ободкомъ изъ тонкой золотой бляшки
листикъ овальный для закрытія рта покойника, 0,05 × 0,023 м.; 9 ма
лыхъ индикацій изъ тончайшаго золота съ неразборчивыми изображеніями
2 геммы овальной формы: темнокоричневой яшмы, 0,018 × 0,014 м., съ вырѣ
занной женской головкой влѣво (рис. 5), и большая изъ свѣтлаго сердолика
0,02 × 0,015 м. и 0,006 м. выш., съ превосходной рѣзьбой (рис. 6): п
сторонамъ двѣ фигуры въ ростъ въ длинныхъ одеждахъ, опирающіяся одно
рукой на посохъ и протягивающія другую руку впередъ; между фигурам
ниже протянутыхъ рукъ, лошадка влѣво съ подстриженной гривой, сверху непо
нятное изображеніе; часть ожерелья изъ 12-ти пронизей: 6 овальной форм
въ сѣченіи, изъ аметиста, и 6 въ видѣ 14-гранниковъ изъ сердолика; брон
зовые: браслетъ съ острыми концами, разломанный, 2 фибулы большія масси
ныя, фибула малая разломанная, пряжка поясная простѣйшаго вида; желѣ
ные: пряжка большая, разрушенная ржавчиной, клинокъ ножа разломанный

кресало поврежденное; костяное шильце, 0,045 м. дл., простѣйшей формы; 3 глиняныя лампочки, украшенныя выпуклыми изображеніями: бѣгущей вправо собаки, орла и розетки изъ 4-хъ завитковъ восточнаго характера въ видѣ полумѣсяца, съ отверстіемъ для масла въ центрѣ розетки [1]); лампочка малая безъ украшеній, античной формы, въ видѣ низкаго одноручнаго кувшинчика, и 7 лампочекъ съ характерными рубчиками и пупышками; 2 глиняныхъ одноручныхъ кувшинчика; чашечка одноручная свѣтлой глины, украшенная снизу ободкомъ изъ оваловъ, а по сторонамъ 4-мя пальметками, исполненными бѣлой краской; чашечка одноручная темноглиняная; мисочка красноглиняная въ видѣ цвѣточнаго горшечка; 6 бальзамаріевъ: 3 съ плоскимъ дномъ, 0,05, 0,11 и 0,12 м. выш., 2 съ круглымъ дномъ, 0,055 и 0,06 м. выш., и одинъ съ острымъ дномъ, 0,062 м. выш.; пронизи: 1 халцедоновая круглая малая, сердоликовыя: 4 малыя въ видѣ конусиковъ, соединенныхъ основаніями, 2 продолговатыя гладкія и одна 6-гранная: янтарныя: одна на подобіе пряслица, 6 въ видѣ малыхъ кружковъ неправильной формы; 2 пастовыя мозаичныя парныя большія удлиненныя, 0,045 м. дл. и 0,015 м. нар. діам., 44 пастовыхъ круглыхъ разной величины; изъ синяго стекла: 4 въ видѣ плоскихъ кружковъ, но съ дырочкой не въ центрѣ, а по горизонтальной оси, 2 чечевицевидныя, 4 въ видѣ высокихъ конусиковъ, соединенныхъ основаніями, 8 такихъ-же низкихъ, 3 въ видѣ 14-гранниковъ, 6 въ видѣ малыхъ амфорокъ (въ 3-хъ ушко обломано), 3 продолговатыя сучковатыя, 9 такихъ же прямоугольной формы, 8 такихъ же 6-гранныхъ, 2 круглыя и 33 круглыхъ, мелкихъ какъ бисеръ.

№ 1663. Катакомба самая обширная изъ всѣхъ, обнаруженныхъ въ Херсонесѣ. Кѣмъ и когда она была открыта—неизвѣстно. Составитель отчета можетъ только засвидѣтельствовать, что съ 1879 года помнитъ ее открытою и служащею хлѣвомъ для монастырскихъ коровъ. Катакомба неправильной формы, многоугольная, 6,84 м. наиб. гл., 8,28 м. наиб. шир. и 1,95 м. наиб. выш., безъ нишъ, съ 6-ю подпорными столбами прямоугольнаго сѣченія, подобно колоннамъ расширяющимися снизу и суживающимися сверху и имѣющими подобіе капителей. Отъ сырости и своеобразнаго примѣненія катакомба сильно пострадала и частью обрушилась. Справа у передней стѣны сквозь материковую скалу въ 0,80 м. толщ. прорублено для притока воздуха круглое отверстіе въ 0,31 м. діам. Въ катакомбу ведетъ корридоръ, 5,23 м. дл., 0,97—1,51 м. шир. и 0,75—1,51 м. выш., съ входомъ, 1,33×1,73 м., на С.-В.

[1]) Это уже 4-й экземпляръ лампочекъ такой формы.

№ 1664. Гробничка земляная съ дѣтскимъ остовомъ головою на С.—В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1665. Катакомба трапецієвидная хорошей работы, 2,39 м. глуб., 3,01 — 3,24 м. шир. и 1,64 м. выш., съ 3-мя нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ и съ ходомъ, 0,66 × 0,62 м., на востокъ. Внутри катакомбы болѣе или менѣе уцѣлѣли 8 гробовъ позднѣйшаго погребенія: на 3-хъ койкахъ по одному большому, кромѣ того, на средней койкѣ еще 2 малыхъ, на полу у лѣвой стѣны одинъ большой и рядомъ малый и наконецъ у задней стѣны, ближе къ правой, одинъ большой. Въ лѣвой стѣнѣ у задняго угла на вышинѣ 0,70 м. отъ пола, въ углубленіи скалы стояла in situ красноглиняная рубчатая лампочка, повернутая носикомъ къ зрителю. Затворъ былъ найденъ на мѣстѣ и катакомба уцѣлѣла отъ профессіональныхъ грабителей «счастливчиковъ», но при позднѣйшихъ погребеніяхъ (повидимому, въ византійскую эпоху, судя по хорошо сохранившимся гробамъ) часть золотыхъ украшеній могла быть похищена. На полу катакомбы лежали совершенно истлѣвшія кости остововъ болѣе ранняго погребенія, при которыхъ найдены 14 бронзовыхъ монетъ Херсонеса временъ элевѳеріи (Бурачковъ №№ 102, тоже, но нѣсколько меньше, толще и иного чекана, 104, 105, но иного чекана, 106, 108—4 экз., изъ коихъ одинъ варіантъ съ оленемъ слѣва, 110, 112, 114, того-же типа, но съ несоразмѣрно большой головой, тоже, но съ головой Аполлона влѣво въ растрепанномъ вѣнкѣ, варіантъ, къ сожалѣнію, очень плохой сохранности), 1 колоніальная бронз. монета впервые встрѣчаемой величины, 0,04 м. діам., сильно поврежденная окисью, съ изображеніемъ съ одной стороны бюста императора Гордіана III вправо, съ сокращенной неразборчивой греческой надписью, и съ другой воина вправо, съ поднятымъ копьемъ, защищающагося большимъ щитомъ; у воина на головѣ красивый шлемъ, ниже щита носъ корабля, а вокругъ слѣды надписи; тоже, 0,027 м. діам., сильно поврежденная, съ изображеніемъ съ одной стороны обращенныхъ другъ къ другу бюстовъ императоровъ Септимія Севера и Каракаллы и съ другой всадника вправо съ поврежденной греческой надписью вокругъ; 3 серебряныя римскія монеты плохой сохранности Элагабала, Юліи Павлы и Юлія Филиппа I. На основаніи найденныхъ монетъ время нижнихъ погребеній, къ которымъ относятся также всѣ золотыя украшенія, опредѣляется 2-ой половиной III-го в. по Р. Х.

Рис. 7 (н. в.).

Рис. 8 (н. в.).

Золотые: медальонъ круглый, 0,022 м. діам. (рис. 7), часто встрѣчаемаго въ Херсонесѣ типа, въ видѣ золотой рамочки, украшенной ажурно вырѣзанными овами, внутри которой вставлена бронзовая римская монета, обтянутая листовымъ золотомъ, которое на лицевой сторонѣ пробито, при чемъ сквозь отверстіе выступила окись мѣди. На одной сторонѣ монеты бюстъ императора Каракаллы, а на другой—прыгающій левъ, съ латинскими надписями вокругъ.—Пара серегъ также обычнаго типа, въ видѣ овальнаго золотаго щитка, украшеннаго грубымъ вѣночкомъ съ камнемъ въ видѣ женской головки, вырѣзанной изъ голубоватаго халцедона [1]; колечко массивное съ разрѣзомъ съ одной и съ утолщеніемъ съ другой стороны, продѣтое въ другое колечко изъ 8-ми шариковъ и наглухо запаянное; пряжечка, быть можетъ, отъ обуви, ажурно вырѣзанная изъ плотной золотой пластинки въ видѣ двухъ «С», обращенныхъ одинъ къ другому, 0,02 × 0,013 м. (рис. 8); 2 индикаціи изъ тончайшаго листоваго золота съ неразборчивыми изображеніями; листикъ изъ плотнаго золота овальный, 0,06 × 0,034 м., для закрытія рта, въ видѣ сжатыхъ губъ, украшенный 2-мя штампованными пальметками и крестиками; обрывокъ золотой ткани; гемма сердоликовая овальная, 0,014 × 0,01 м., съ изображеніемъ идущаго вправо Меркурія съ кадуцеемъ, въ петасѣ и съ буквами ЕР въ обратную сторону, какъ на печати; тоже, 0,005 — 0,008 × × 0,007 × 0,01 м., съ изображеніемъ пожатія 2-хъ рукъ (союза); перстень изъ чернаго стекла характерной сдавленной формы, съ круглымъ гладкимъ щиткомъ; пьедесталъ изъ кости выш. 0,035 м. въ видѣ 8-гранной тумбы съ двойными карнизиками сверху и снизу, квадратнаго сѣченія, 0,024 × 0,024 и 0,026 × 0,026 м., и съ 4-мя ножками, внутри вертикальное сквозное отверстіе, 0,011 — 0,017 м. діам.; пластинка костяная овальная, 0,05 × 0,035 м., украшенная 3-мя двойными кружками съ точкой по серединѣ; съ 2-хъ сторонъ средняго украшенія просверлены 2 отверстія въ 0,005 м. діам.

Къ болѣе позднимъ погребеніямъ должны быть отнесены: 7 бронзовыхъ монетъ императоровъ Галерія-Максиміана II, Максимина II—2 экз., Константина Великаго, Константина II, Ѳеодосія Великаго и супруги его Флакциллы, 4 желѣзные клинка отъ ножей, разрушенные ржавчиной, часть большого желѣзнаго дверного ключа, колокольчикъ бронзовый конической формы, 0,045 м.

[1] Такія-же серьги, но съ подвѣшенными на цѣпочкахъ бусками, были найдены въ 1903 г. въ богатой гробницѣ № 1492, по сосѣдству съ «крестнымъ» храмомъ.

№ 1664. Гробничка земляная съ дѣтскимъ остовомъ головою на С.—В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1665. Катакомба трапецiевидная хорошей работы, 2,39 м. глуб., 3,01 — 3,24 м. шир. и 1,64 м. выш., съ 3-мя нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ и съ ходомъ, 0,66 × 0,62 м., на востокъ. Внутри катакомбы болѣе или менѣе уцѣлѣли 8 гробовъ позднѣйшаго погребенiя: на 3-хъ койкахъ по одному большому, кромѣ того, на средней койкѣ еще 2 малыхъ, на полу у лѣвой стѣны одинъ большой и рядомъ малый и наконецъ у задней стѣны, ближе къ правой, одинъ большой. Въ лѣвой стѣнѣ у задняго угла на вышинѣ 0,70 м. отъ пола, въ углубленiи скалы стояла in situ красноглиняная рубчатая лампочка, повернутая носикомъ къ зрителю. Затворъ былъ найденъ на мѣстѣ и катакомба уцѣлѣла отъ професciональныхъ грабителей «счастливчиковъ», но при позднѣйшихъ погребенiяхъ (повидимому, въ византiйскую эпоху, судя по хорошо сохранившимся гробамъ) часть золотыхъ украшенiй могла быть похищена. На полу катакомбы лежали совершенно истлѣвшiя кости остововъ болѣе ранняго погребенiя, при которыхъ найдены 14 бронзовыхъ монетъ Херсонеса временъ элевеерiи (Бурачковъ №№ 102, тоже, но нѣсколько меньше, толще и иного чекана, 104, 105, по иного чекана, 106, 108—4 экз., изъ коихъ одинъ варiантъ съ оленемъ слѣва, 110, 112, 114, того-же типа, но съ несоразмѣрно большой головой, тоже, но съ головой Аполлона влѣво въ растрепанномъ вѣнкѣ, варiантъ, къ сожалѣнiю, очень плохой сохранности), 1 колонiальная бронз. монета впервые встрѣчаемой величины 0,04 м. дiам., сильно поврежденная окисью, съ изображенiемъ съ одной стороны бюста императора Гордiана III вправо, съ сокращенной неразборчивой греческой надписью, и съ другой воина вправо, съ поднятымъ копьемъ, защищающагося большимъ щитомъ; у воина на головѣ красивый шлемъ, ниже щита носъ корабля, а вокругъ слѣды надписи; тоже, 0,027 м. дiам., сильно поврежденная, съ изображенiемъ съ одной стороны обращенныхъ другъ къ другу бюстовъ императоровъ Септимiя Севера и Каракаллы и съ другой всадника вправо съ поврежденной греческой надписью вокругъ, 3 серебряныя римскiя монеты плохой сохранности Элагабала, Юлiи Павлы и Юлiя Филиппа I. На основанiи найденныхъ монетъ время нижнихъ погребенiй, къ которымъ относятся также всѣ золотыя украшенiя, опредѣляется 2-ой половиной III-го в. по Р. Х.—

Рис. 7 (н. в.).

Рис. 8 (н. в.).

Золотые: медальонъ круглый, 0,022 м. діам. (рис. 7), часто встрѣчаемаго въ Херсонесѣ типа, въ видѣ золотой рамочки, украшенной ажурно вырѣзанными овами, внутри которой вставлена бронзовая римская монета, обтянутая листовымъ золотомъ, которое на лицевой сторонѣ пробито, при чемъ сквозь отверстіе выступила окись мѣди. На одной сторонѣ монеты бюстъ императора Каракаллы, а на другой—прыгающій левъ, съ латинскими надписями вокругъ.—Пара серегъ также обычнаго типа, въ видѣ овальнаго золотаго щитка, украшеннаго грубымъ вѣночкомъ съ камнемъ въ видѣ женской головки, вырѣзанной изъ голубоватаго халцедона [1]); колечко массивное съ разрѣзомъ съ одной и съ утолщеніемъ съ другой стороны, продѣтое въ другое колечко изъ 8-ми шариковъ и наглухо запаянное; пряжечка, быть можетъ, отъ обуви, ажурно вырѣзанная изъ плотной золотой пластинки въ видѣ двухъ «С», обращенныхъ одинъ къ другому, 0,02 × 0,013 м. (рис. 8); 2 индикаціи изъ тончайшаго листоваго золота съ неразборчивыми изображеніями; листикъ изъ плотнаго золота овальный, 0,06 × 0,034 м., для закрытія рта, въ видѣ сжатыхъ губъ, украшенный 2-мя штампованными пальметками и крестиками; обрывокъ золотой ткани; гемма сердоликовая овальная, 0,014 × 0,01 м., съ изображеніемъ идущаго вправо Меркурія съ кадуцеемъ, въ петасѣ и съ буквами ЕР въ обратную сторону, какъ на печати; тоже, 0,005 — 0,008 × × 0,007 × 0,01 м., съ изображеніемъ пожатія 2-хъ рукъ (союза); перстень изъ чернаго стекла характерной сдавленной формы, съ круглымъ гладкимъ щиткомъ; пьедесталъ изъ кости выш. 0,035 м. въ видѣ 8-гранной тумбы съ двойными карнизиками сверху и снизу, квадратнаго сѣченія, 0,024 × 0,024 и 0,026 × 0,026 м., и съ 4-мя ножками, внутри вертикальное сквозное отверстіе, 0,011 — 0,017 м. діам.; пластинка костяная овальная, 0,05 × 0,035 м., украшенная 3-мя двойными кружками съ точкой по серединѣ; съ 2-хъ сторонъ средняго украшенія просверлены 2 отверстія въ 0,005 м. діам.

Къ болѣе позднимъ погребеніямъ должны быть отнесены: 7 бронзовыхъ монетъ императоровъ Галерія-Максиміана II, Максимина II—2 экз., Константина Великаго, Константина II, Θеодосія Великаго и супруги его Флакциллы, 4 желѣзные клинка отъ ножей, разрушенные ржавчиной, часть большого желѣзнаго двернаго ключа, колокольчикъ бронзовый конической формы, 0,045 м.

[1]) Такія-же серьги, но съ подвѣшенными на цѣпочкахъ бусками, были найдены въ 1903 г. въ богатой гробницѣ № 1492, по сосѣдству съ «крестнымъ» храмомъ.

выш., съ ушкомъ, поврежденный, 5 бронзовыхъ колецъ разнаго діаметра отъ сбруи, браслетъ бронзовый дѣтскій съ острыми концами, ключикъ бронзовый прямой съ кольцомъ, фибула бронзовая, подобная серебряной, описанной у Альмгрена (т. 8, № 187), наконечникъ бронзовый въ видѣ 12-гранника, 0,025 × 0,025 м., со сквознымъ отверстіемъ въ 0,01 м. діам., неизвѣстнаго назначенія.—Посуда стеклянная: 2 бальзамарія синяго стекла круглодонные, 0,045 м. выш., найденные на полкѣ задней стѣны, въ изголовьѣ; бальзамарій высокій (0,18 м.), съ широкимъ плоскимъ дномъ и съ перехватомъ; куски отъ такого-же бальзамарія; куски отъ бальзамарія крайне грубой работы; бальзамарій въ 0,17 м. выш., поврежденный, тонкое горло котораго достигаетъ 0,13 м., а низъ въ видѣ полушарія—только 0,04 м. выш. и діам.—Посуда глиняная: 2 кувшина одноручные въ 0,19 м. выш., найденные въ изголовьяхъ правой и лѣвой нишъ; кувшинчикъ одноручный въ 0,125 м. выш., стоявшій въ изголовьѣ задней ниши; 2 такихъ-же кувшинчика въ 0,14 и 0,15 м. выш.; кувшинчикъ почти шаровидный, 0,145 м. выш., съ короткимъ горломъ и одной ручкой (всѣ 4 на полу); тоже въ 0,14 м. выш., рубчатый и съ горломъ въ видѣ розетки; такой-же въ 0,15 м. выш. (эти 2 кувшинчика грубой работы, повидимому византійской эпохи, лежали у большаго гроба); рубчатая чашечка 0,08 м. выш. безъ ручекъ, найденная на полу; 6 чашечекъ съ одной ручкой обычнаго типа, лежавшія по одной на 3-хъ койкахъ и 3 на полу; 2 такія-же чашечки разбитыя; чашечка въ 0,1 м. выш. съ 2-мя ручками, разбитая; тоже 0,06 м. выш. (всѣ найдены на полу).—18 лампочекъ: 1 фаллическаго сюжета, лежавшая на полу, 2 выпукло украшенныя бѣгущей вправо собакой и двуручной вазой, 2 съ поднятыми ручками и носиками, найденныя на лѣвой и задней полкахъ, 1 въ видѣ низкаго широкаго кувшинчика съ одной ручкой, лежавшая на полу, 9 украшенныхъ рубчиками, лучеобразно исходящими изъ центра, пупышками и завитками (найдены: одна въ природномъ углубленіи лѣвой стѣны, уже упомянутая, 2 на лѣвой полкѣ, одна на задней и 5 на полу), и 3 малыя безобразнаго вида, изъ коихъ одна лежала на лѣвой полкѣ и 2 на полу.—Подвѣски: 19 янтарныхъ кувшиновидныхъ, изъ коихъ нѣкоторыя имѣютъ красивый малиновый цвѣтъ, прозрачны и прочны, но большинство какъ бы сдѣланы изъ желтыхъ мелкозернистыхъ крупинокъ и очень хрупки.—Пронизи: цилиндрическая 0,017 м. дл. и 0,01 м. діам., исполненная мозаичнымъ способомъ въ видѣ 3-хъ параллелограммовъ изъ красныхъ, желтыхъ и бѣлыхъ прямоугольниковъ съ голубыми промежутками (по видимому, это та-же разноцвѣтная стекловидная масса, изъ которой приготовлялась стѣнная мозаика въ

стіанскихъ храмахъ), 8 круглыхъ и 4 удлиненныя мозаичныя, изъ коихъ имѣютъ 0,04 м. дл. и 0,02 м. діам.; пастовыя одноцвѣтныя: 2 блѣднозеленыя глыя рубчатыя, 48 черныхъ круглыхъ, 2 такія же рубчатыя, 14 сѣрыхъ терявшихъ свой цвѣтъ) круглыхъ; янтарныя: 2 большія въ видѣ пряслицъ, нь хорошей сохранности, 2 въ видѣ большихъ овальныхъ кружковъ дырочкой у конца, 5 въ видѣ малыхъ кружковъ; лигнитовыя: одна въ ѣ малаго плоскаго кружка и 7 въ видѣ пирамидокъ, соединенныхъ ованіями; халцедоновыя: 2 большія и одна малая, круглыя; сердоликовыя: а круглая малая и одна въ видѣ конусиковъ, соединенныхъ основаніями; клянныя: синяго цвѣта 8 малыхъ въ видѣ 14-гранниковъ, одна большая -же формы, 15 въ видѣ конусиковъ, соединенныхъ основаніями, 2 той-же мы низкія широкія, одна въ видѣ трубочки, составленной изъ 5 пронизей, а въ видѣ 6-гранной трубочки, одна въ видѣ плоскаго кружка; зеленаго та: 4 въ видѣ круглыхъ трубочекъ, 3 такія же, но очень тонкія, 2 большія глыя и одна въ видѣ плоскаго кружка; золотистаго цвѣта 8, составленныхъ кдая изъ 2 круглыхъ пронизей; чернаго цвѣта: 3 въ видѣ круглыхъ трубо- ъ, 8 въ видѣ рубчатыхъ трубочекъ, 4 чечевицевидныя, 5 составленныхъ каждая 3-хъ гладкихъ пронизей и 10 составленныхъ каждая изъ 2-хъ рубчатыхъ.

№ 1666. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 1,55 × 0,48 × 0,53 м., бой работы, съ остовомъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1667. Тоже, 1,55 × 0,48 × 0,48 м., съ остовомъ въ томъ-же оженіи, при которомъ также ничего не найдено.

№ 1668. Тоже, 2,04 × 0,57 × 0,62 м. съ остовомъ головой на С.-В., ногахъ котораго найденъ глиняный одноручный кувшинчикъ въ 0,19 м. выш.

№ 1669. Тоже дѣтская, 1,20 × 0,44 × 0,44 м., грубой работы. Въ , кромѣ костей, ничего не найдено.

№ 1670. Катакомба трапецієвидная грубой работы, 2.57 м. глуб., 2.57— 8 м. шир. и 1,68 м. выш., безъ нишъ, съ ходомъ, 0,75 × 0,75 м., на В. Передняя часть потолка обрушилась. Плита затвора лежала сбоку. Внутри акомбы, кромѣ скученныхъ костей, ничего не найдено.

№№ 1671 и 1672. Гробницы земляныя, разграбленныя, съ одиночными вами головой на Ю.-В.

№ 1673. Тоже. Одиночный остовъ съ рѣзко деформированнымъ, распав- ся черепомъ лежалъ изголовьемъ на Ю. При немъ найдены: разрушенная сью бронз. монета, стеклянный плоскодонный бальзамарій въ 0,14 м. выш. подвѣски изъ зеленой пасты въ видѣ грубо исполненныхъ фигурокъ.

деформиров. чер

[illegible] въ томъ-же положенiи, при которомъ [illegible]

[illegible] 0,10 м. выш., кувшинчикъ глиня[illegible]

[illegible] глиняная двуручная 0,08 м. выш[illegible]

[illegible] изъ зеленой пасты, 4 лигнитовыя въ[illegible]

[illegible] круглыхъ изъ золотистаго стекла.

[illegible] въ томъ-же положенiи, при которомъ

[illegible] херсонесская монета очень хорошей сохран[illegible]

[illegible] окрасившая въ зеленый цвѣтъ передние зуб[illegible]

[illegible] у ногъ глиняный одноручный кувшинч[illegible]

[illegible] сплюснутымъ въ видѣ розетки.

[illegible] съ остовомъ изголовьемъ на В., при которомъ

[illegible] изъ черной пасты малыя круглыя рубчатыя, 2 ян[illegible]

[illegible] плоскихъ кружковъ, 30 изъ золотистаго стекла мел[illegible]

[illegible] удлиненныхъ сучковатыхъ, рѣдко встрѣчаемой фо[illegible]

[illegible] съ раздавленной небольшой глиняной двуручной ур[illegible]

[illegible] ничего не найдено.

№ [illegible] Амфоровидный остродонный глиняный сосудъ въ 0,84 м. вы[illegible]

[illegible] съ 2-мя ручками. Верхъ у начала ручекъ былъ умышл[illegible]

[illegible] положенъ остовъ ребенка ножками внизъ. Амфора ле[illegible]

[illegible] на З. [1])

№ [illegible] Гробница, вырубленная въ скалѣ, 1,86 × 0,48 × 0,40

[illegible] разграбленная.

№ [illegible] Тоже грубой работы, 1,95 × 0,62 × 0,62 м., съ осто[illegible]

[illegible] на Ю., при которомъ ничего не найдено.

№ [illegible] Тоже хорошей работы, 1,92 × 0,44 × 0,44 м., съ 2-мя [illegible]

[illegible] головой на Ю. и дѣтскимъ, у ногъ его, головой на С. У [illegible]

[illegible] стояли 2 глиняные остродонные бальзамарiя безъ ручек[illegible]

[illegible] кувшинчикъ темноглиняный поврежденный и 2 сердоликовыя

[illegible] круглая и удлиненная.

№ 1682. Тоже, грубой работы, 1,55 × 0,48 × 0,48 м., съ осто[illegible]

[illegible] на С.-З., при которомъ найдены бальзамарiй стекл. плоскодонны[illegible]

[illegible] красноглиняная, украшенная выпуклымъ изображенiемъ орла.

№№ 1683—1686. Тоже, съ одиночными остовами головой на С.-З., [illegible]

которыхъ ничего не найдено.

[1]) Подобныя амфоры съ отбитыми верхами, съ дѣтскими остовами вну[illegible] были находимы и ранѣе.

№ 1687. Гробница земляная съ остовомъ головой на В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1688. Тоже, съ остовомъ головой на Ю., при которомъ найдены: серебряный раздавленный медальонъ съ овальной агатовой геммой 0,017 × 0,012 м., на которой вырѣзанъ юноша-ваятель, наклонившійся надъ небольшой гермой, опустивъ лѣвую руку и поднявъ правую, въ которой держитъ рѣзецъ, и у ногъ 2 раздавленныя красноглиняныя урны съ жжеными костями.

№ 1689. Тоже, съ остовомъ головой на С., при которомъ найдены: бронзовая монета, распавшаяся при очисткѣ, и 10 пронизей изъ разноцвѣтнаго стекла, мелкихъ какъ бисеръ.

№ 1690. Тоже, съ остовомъ головой на Ю., при которомъ найдены кусочки румянъ, кругслодонный малый бальзамарій и 5 мелкихъ круглыхъ пронизей изъ разноцвѣтнаго стекла.

№ 1691. Тоже, съ остовомъ въ томъ-же положеніи, при которомъ ничего не найдено.

№ 1692. Тоже, дѣтская, съ остовомъ головой на З., при которомъ ничего не найдено.

№№ 1693 и 1694. Двѣ урны красноглиняныя кувшиновидныя одноручныя, раздавленныя. Между жжеными костями ничего не найдено.

№№ 1695—1697. Три гробницы, вырубленныя въ скалѣ, 2,13×0,53 × 0,62, 2,00 × 0,57 × 0,57 и 2,04 × 0,57 × 0,57 м., съ одиночными остовами изголовьемъ на З., С.-З. и З., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1698. Тоже, грубой работы, 2,13 × 0,62 × 0,66 м., съ остовомъ головой на Ю.-З., при которомъ ничего не найдено.

№№ 1699 и 1700. Двѣ гробницы, вырубленныя въ скалѣ, соприкасающіяся подъ прямымъ угломъ, 1,95 × 0,62 × 0,66 и 2,13×0,62 × 0,66 м., грубой работы, съ остовами изголовьемъ на С.-В. и Ю.-В., при которыхъ ничего не найдено.

№№ 1701 и 1702. Тоже, грубой работы, сходящіяся подъ прямымъ угломъ, 1,95 × 0,62 × 0,57 и 1,95 × 0,62 × 0,68 м., съ одиночными остовами, соприкасающимися ногами, изголовьемъ на Ю.-З. и Ю.-В. При женскомъ остовѣ гробн. № 1701 найдены: бальзамарій стекл. плоскодонный 0,18 м. выш., хорошей работы, и глин. одноручный кувшинчикъ (оба у ногъ), а при мужскомъ остовѣ второй гробницы въ изголовьѣ—бронз. херсонесская монета (Бурачковъ, табл. 16, № 97).

№№ 1703 и 1704. Двѣ урны красноглиняныя, одна съ 3-мя ручками, дру-

гая одноручная кувшиновидная, обѣ раздавленныя. Между жжеными костями ничего не найдено.

№№ 1705 и 1706. Двѣ земляныя гробницы съ остовами головой на С.-З., при которыхъ ничего не найдено.

№№ 1707 и 1708. Тоже, съ остовами головой на Ю.-В.

№ 1709. Урна красноглиняная кувшиновидная одноручная. Между жжеными костями найденъ серебр. перстень съ круглымъ гладкимъ щиткомъ.

№ 1710. Урна красноглиняная двуручная, раздавленная. Между жжеными костями ничего не найдено.

№№ 1711 и 1712. Двѣ гробницы, вырубленныя въ скалѣ, 2,30 × 0,66 × 0,53 и 2,13 × 0,66 × 0,62 м., съ остовами головой на Ю.-В., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1713. Урна красноглиняная кувшиновидная съ одной ручкой. Между жжеными костями ничего не найдено.

№ 1714. Катакомба круглой формы, крайне грубой работы, 3,19 м. діам. и 1,51 м. наиб. выш., безъ нишъ, съ ходомъ, 0,71 × 0,88 м., на С.-В. Была завалена землей, по вынутіи которой остововъ не оказалось.

№№ 1715—1717. Три земляныя гробницы съ остовами изголовьемъ на В. Въ средней найдены: сильно стертая бронз. монета одного изъ раннихъ боспорскихъ царей, повидимому, Савромата II, глиняная краснолаковая тарелка и 6 круглыхъ пронизей: 3 лигнитовыя и 3 стеклянныя, потерявшія первоначальный цвѣтъ.

№№ 1718 и 1719. Двѣ земляныя гробницы съ остовами на С.-З., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1720. Земляная гробница съ остовомъ на Ю.-В., при которомъ найдены: бронзовая херсонесская монета (Бурачковъ, табл. 15, №№ 55—57) плохой сохранности, тарелочка чернолаковая 0,11 м. діам. и 0,03 м. выс., съ розеткой и граффито снизу, и кувшинчикъ глиняный одноручный красивой формы.

№ 1721. Тоже, съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., при которомъ найдены пара серебряныхъ витыхъ серегъ и миніатюрный глиняный чернолаковый расписной кувшинчикъ.

№ 1722. Тоже, съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1723. Урна красноглиняная кувшиновидная съ одной ручкой, раздавленная. При жженыхъ костяхъ найдены 2 бронзовыя растрескавшіяся монеты и бронзовый наконечникъ стрѣлы.

№ 1724. Гробница, сложенная изъ черепицъ, 0,49 × 0,40 × 0,03 м., по 5 въ продольныхъ сторонахъ, по одной въ изголовьѣ и въ ногахъ и 8 въ двускатной крышѣ, положенныхъ по длинѣ. При остовѣ головой на В. ничего не найдено.

№ 1725. Тоже, раздавленная, съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., при которомъ найденъ глиняный узкогорлый бальзамарій безъ ручекъ.

№ 1726. Урна глиняная амфоровидная двуручная, съ пяткой вмѣсто обычнаго заостреннаго конца, раздавленная. Между жжеными костями ничего не найдено.

№№ 1727 и 1728. Двѣ земляныя гробницы съ одиночными остовами изголовьемъ на С.-З., при которыхъ найдено по красноглиняной тарелкѣ съ фабричной маркой въ видѣ штампованной ступни по серединѣ и во второй бронз. херсонесская монета (Бурачковъ, табл. 16, № 117).

№ 1729. Земляная гробница съ остовомъ на С.-З., при которомъ найдены бронз. серьга и херсонесская монета (Бурачковъ, табл. 15, № 69).

№ 1730. Тоже, съ женскимъ остовомъ, изголовьемъ на Ю.-З., при которомъ найдены: ключъ желѣзный прямой 0,08 м. дл., колечко бронзовое и пронизь кремневая малая круглая.

№№ 1731 и 1732. Двѣ земляныя гробницы съ одиночными остовами, при которыхъ ничего не найдено.

№№ 1733—1736. Четыре земляныя гробницы съ одиночными остовами, въ первыхъ трехъ изголовьемъ на Ю.-З., а въ послѣдней—на С.-З., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1737. Катакомба пещеровидная очень грубой работы, служившая зимой монастырю для загона скота, 4,61 м. наиб. глуб., 11,09 м. наиб. шир. и 1,68 м. выш., съ 3-мя нишами въ правой стѣнѣ и съ ходомъ, 1,42 × 1,60 м., на С.-В.

№ 1738. Урна свѣтлоглиняная античной формы съ тремя ручками, обставленная 4-мя плитками и закрытая плиткой. При жженыхъ костяхъ ничего не найдено.

№ 1739. Гробница, грубо вырубленная въ скалѣ, 2,04 × 0,62 × 0,62 м. При истлѣвшихъ костяхъ, повидимому, отъ нѣсколькихъ остововъ найдены: 10 бальзамаріевъ стекл. плоскодонныхъ и одинъ круглый, 4 бальзамарія въ кускахъ, 2 кусочка листоваго золота, 20 пронизей, въ томъ числѣ 6 лигнитовыхъ: 2 въ видѣ астрагаловъ, одна въ видѣ 14-гранника, 2 въ видѣ плоскихъ кружковъ и 1 въ видѣ гладкой трубочки, 1 сѣрой пасты круглая рубчатая, 11 изъ

Тр. XVI, 115

Тр. XV, 69

1/2

8/8

синяго стекла въ видѣ малыхъ конусиковъ, соединенныхъ основаніями, и 2 янтарныя въ видѣ плоскихъ кружковъ и бронзовая херсонесская монета (Бурачковъ, табл. 16, № 89).

№№ 1740 и 1741. Гробницы, вырубленныя въ скалѣ, 2,13 × 0,62 × 0,62 и 2,13 × 0,57 × 0,62 м., съ остовами на С.-В., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1742. Урна глиняная амфоровидная двуручная, съ пяткой вмѣсто заостреннаго конца, подобная № 1726, раздавленная. Между жжеными костями ничего не найдено.

№№ 1743—1747. Пять земляныхъ гробницъ съ одиночными остовами изголовьемъ: въ № 1744 на С.-В., въ остальныхъ на С.-З., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1748. Тоже, съ остовомъ головой на С.-З., при которомъ найдены: лампочка глиняная, украшенная выпуклымъ стоящимъ Эротомъ, поврежденная, бронз. пряжка въ видѣ большого кольца и бронз. римская неразборчивая монета.

№№ 1749—1751. Три земляныя гробницы съ одиночными остовами изголовьемъ: въ первой и во второй на С.-З. и въ послѣдней на С.-В., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1752. Гробница земляная съ остовомъ изголовьемъ на З., при которомъ найдены кувшиновидная стеклянная подвѣска и 12 пастовыхъ круглыхъ пронизей, потерявшихъ свой первоначальный цвѣтъ.

№№ 1753 и 1754. Двѣ земляныя гробницы съ остовами изголовьемъ на С.-З., при которыхъ ничего не найдено.

№№ 1755—1757. Три земляныя гробницы съ остовами изголовьемъ на С.-З., при которыхъ найдены: въ первой двѣ бронзовыя херсонесскія монеты (Бурачковъ, табл. 16, № 108) плохой сохранности, во второй бронз. поясная пряжка простѣйшаго вида, сломанный желѣзный перстень и части бронзоваго замочка отъ ларчика и въ послѣдней стекл. плоскодонный бальзамарій.

№№ 1758—1761. Четыре гробницы, вырубленныя въ скалѣ, съ одиночными остовами изголовьемъ въ первыхъ трехъ на С.-З., при которыхъ найдены: въ первой сломанный бронз. перстень и бронз. стертая римская монета съ дырочкой для ношенія; во второй сломанная бронз. фибула, желѣзный клинокъ отъ малаго ножа и 8 пронизей: 7 пастовыхъ мозаичныхъ круглыхъ и одна стеклянная ромбовидная; въ третьей кувшинчикъ глиняный одноручный съ красивымъ горломъ въ видѣ розетки. Въ послѣдней гробницѣ при остовѣ, лежавшемъ головой на Ю.-З., ничего не найдено.

№№ 1762—1765. Четыре земляныя гробницы съ одиночными остовами изголовьемъ: въ первой на С.-З., при которомъ ничего не найдено, во второй на Ю.-В. и въ двухъ послѣднихъ на С.-З., при которыхъ найдены: во второй 3 бальзамарія стеклянные плоскодонные (изъ нихъ 2 разбитые), въ третьей глиняная разбитая лампочка безъ украшеній, желѣзный разломанный перстень съ сердоликомъ, на которомъ вырѣзанъ муравей, и бронз. херсонесская монета очень плохой сохранности (Бурачковъ, табл. 16, № 107, съ контрмаркой, изображенной тамъ же подъ № 120) и въ четвертой 2 бронз. херсонесскія монеты очень плохой сохранности (Бурачковъ, табл. 16, №№ 102 и 117).

№ 1766. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,13 × 0,57 × 0,57 м., съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., при которомъ найденъ глиняный узкій и короткій кувшинчикъ съ ручкой сверху.

№№ 1767—1775. Девять земляныхъ гробницъ съ одиночными остовами изголовьемъ: въ первой на Ю.-З., въ №№ 1768—1772 и 1774 на З. и въ №№ 1773 и 1775 на С.-З., при которыхъ ничего не найдено.

№№ 1776—1780. Пять гробницъ, вырубленныхъ въ скалѣ, 1,95 × 0,57 × × 0,57, 2,30 × 0,62 × 0,62, 2,04 × 0,60 × 0,66 и двѣ послѣднія по 2,13 × × 0,62 × 0.57 м., съ остовами изголовьемъ: въ №№ 1776 и 1780 на Ю.-З., №№ 1777 и 1778 на С.-З. и № 1779 на Ю.-В., при которыхъ ничего не найдено.

№№ 1781—1784. Четыре земляныя гробницы съ одиночными остовами изголовьемъ: въ первой и послѣдней на З. и въ двухъ среднихъ на С.-З. Въ гробницѣ № 1782 найдены серебряная серьга въ видѣ простого колечка и 23 пронизи: 19 овальной формы изъ темнаго стекла съ 6-ью бѣлыми продольными полосками на каждой и 4 изъ потерявшаго свой цвѣтъ стекла, мелкія какъ бисеръ, съ уцѣлѣвшими обрывками проволоки.

№ 1785. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,13 × 0,57 × 0,62 м., съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., при которомъ найдены сломанная серебр. серьга въ видѣ гладкаго колечка и сломанная стекл. подвѣска въ видѣ полумѣсяца.

№№ 1786—1788. Три земляныя гробницы съ одиночными остовами изголовьемъ: въ первой на Ю.-З., а въ двухъ послѣднихъ на С.-З. Въ гробницѣ № 1788 найдены бронз. серьга простѣйшаго вида и бронз. малая монета одного изъ сыновей Константина Великаго, плохой сохранности.

№ 1789. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,13 × 0,57 × 0,57 м., хорошей работы, съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., при которомъ найдены: бальзамарій глиняный узкогорлый безъ ручекъ, мисочка мутнолаковая и бронзовая боспорская монета Миѳрадата (Бурачковъ, табл. 24, № 22), плохой сохранности.

№№ 1790—1807. **Восемнадцать земляныхъ гробницъ съ одиноч** остовами изголовьемъ: въ **№№** 1790, 1794 и 1806 на С., въ **№№** 1791—1 1799, 1800, 1803 и 1807—на С.-З., въ **№** 1801—на Ю., въ **№№** 1 1802, 1804 и 1805 — на Ю.-В. и въ **№№** 1795 — 1797 на З. дены: въ гробницѣ № 1790 бронзовая херсонесская монета (Бурачковъ, таб. № 108), въ № 1791 бальзамарій темноглиняный узкогорлый безъ ру 0,19 м. выш., съ 3-мя обручами, исполненными бѣлой краской, въ № три бронзовыя херсонесскія монеты (Бурачковъ, табл. 16, №№ 96, и 113) и въ № 1801 кувшинчикъ глиняный миніатюрный, расписанн клѣтку. Въ остальныхъ гробницахъ ничего не найдено.

№ 1808. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,00 × 0,57 × 0,57 м., бой работы, съ остовомъ изголовьемъ на В., при которомъ найденъ глин чайниковидный сосудикъ.

№ 1809. Гробница земляная съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., которомъ ничего не найдено.

№ 1810. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,00 × 0,57 × 0,57 м., г работы, съ остовомъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№№ 1811—1813. Три земляныя гробницы съ одиночными осто въ первой и послѣдней изголовьями на З., а въ № 1812—на Ю.-В., при рыхъ ничего не найдено.

№ 1814. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,13 × 0,57 × 0,62 м., бой работы, съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ найдены няный одноручный кувшинчикъ и 4 круглыя пастовыя пронизи: одна моза и три потерявшія цвѣтъ.

№№ 1815—1822. Восемь земляныхъ гробницъ съ одиночными ост изголовьями: въ №№ 1815 и 1816 на З., въ №№ 1817, 1819 и 18 на Ю.-В. и въ №№ 1818, 1820 и 1821—на С.-З. При остовахъ найден № 1819 пять круглыхъ пастовыхъ пронизей, потерявшихъ свой цвѣт № 1820 кольцо желѣзное, приставшее къ косточкѣ пальца, и въ № глиняный одноручный кувшинчикъ и бронзовая штопальная иголка.

№ 1823. Амфора красноглиняная безъ верха съ жжеными костями, съ рыми лежали глиняные: миніатюрный бальзамарій и маленькая одноручная ча

№№ 1824—1827. Четыре земляныя гробницы съ одиночными ост изголовьями: въ первой на Ю.-В., во второй на В. и въ двухъ послѣднихъ на При остовахъ найдены: въ № 1826 тарелка красноглиняная, украшенная г пованной розеткой изъ 4-хъ пальметокъ, и въ № 1827 темноглиняная та

№№ 1828 и 1829. Двѣ гробницы, вырубленныя въ скалѣ, грубой работы, 2,13 × 0,57 × 0,57 м., съ остовами изголовьемъ на Ю.-В., при которыхъ ничего не найдено.

№№ 1830—1833. Четыре земляныя гробницы съ одиночными остовами, въ 3-хъ первыхъ на Ю.-В. и въ послѣдней на Ю., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1834. Урна красноглиняная кувшиновидная съ одной ручкой, раздавленная, съ жжеными костями, между которыми ничего не найдено.

№№ 1835—1873. Тридцать девять земляныхъ гробницъ съ одиночными остовами изголовьями: въ № 1835 на С., въ №№ 1844, 1846—1849, 1851—1854, 1857—1864, 1868—1873 на С.-З., въ № 1836 на Ю.-З., въ №№ 1837—1843, 1845, 1850, 1855 и 1856 на Ю.-В., въ №№ 1865 и 1866 на З. и въ № 1867 на В. При остовахъ ничего не найдено.

№ 1874. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,02 × 0,57 × 0,62 м., грубой работы, съ остовомъ изголовьемъ на С.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1875. Тоже, 2,04 × 0,58 × 0,62 м., съ остовомъ изголовьемъ на В., при которомъ найдены 5 малыхъ бронзовыхъ монетъ, совершенно разрушенныхъ окисью, бронзовый наконечникъ стрѣлы и глиняный горшочекъ крайне грубаго исполненія, подобный находимымъ въ скиѳскихъ погребеніяхъ.

№№ 1876—1883. Восемь земляныхъ гробницъ съ одиночными остовами изголовьями: въ №№ 1876—1878, 1881—1883 на С.-З., въ № 1880 на Ю. и въ 1879 на Ю.-В., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1884. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,02 × 0,57 × 0,62 м., грубой работы, съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., при которомъ найдены бронзовая херсонесская монета греческаго періода (Бур. т. 14, №№ 33—35) и раздавленная темноглиняная тарелка.

№ 1885. Катакомба квадратная въ планѣ, хорошей работы, 2 м. длины и ширины и 1,64 м. выш., съ 3-мя нишами-койками въ видѣ мелко-углубленныхъ ящиковъ, старательно оштукатуренныхъ, съ волнистымъ слабо обработаннымъ потолкомъ и съ ходомъ, 0,53 × 0,80 м., на С.-В. Плита затвора, оказавшаяся на мѣстѣ, была вставлена вплотную въ выбранные пазы. Хотя катакомба и найдена не тронутою грабителями, но внутри не оказалось ни костей, ни вещей, ни даже земли. Возможно поэтому думать, что она была только приготовлена для продажи какой-нибудь «погребальной конторой» [1].

[1] Такія катакомбы уже были встрѣчены въ 1888 и 1889 годахъ, а также графомъ А. С. Уваровымъ въ 1853 г. См. „Извлеч. изъ всеподд. отчета объ археолог. розысканіяхъ въ 1853 г.", стр. 129—173. „О раскопкахъ близъ Симферополя и Севастополя".

№№ 1844 1845 1853 1854 1859 1860 1870 старые вырубл. скалы (стр. 11…)

1876 и 1877 … вырубл. скалы (стр. 12…)

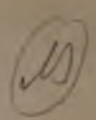
…греч. монеты

№№ 1886—1888. Три земляныя гробницы съ одиночными остовами ловьемъ на З., Ю.-З. и С.-З., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1889. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,00 × 0,57 × 0,57 м., работы, съ остовомъ лошади, при которомъ найдены 2 бронзовыхъ колы пряжекъ простѣйшаго вида.

№ 1890. Гробница земляная съ одиночнымъ остовомъ изголовьемъ при которомъ найдены тарелка чернолаковая съ нацарапанной снизу б пряжка поясная бронзовая красивой формы и бронзовая херсонесская греческаго періода (Бурачковъ, табл. 15, № 68).

№ 1891. Катакомба трапецієвидная грубой работы, 2,04 м. глуб., 2 2,48 м. шир. и 1,51—1,68 м. выш., съ волнистымъ потолкомъ, со с штукатурки стѣнъ, съ 3-мя нишами-койками, по одной въ 3-хъ стѣна съ ходомъ, 0,62 × 0,80 м., на С.-В. Въ катакомбѣ лежали 13 остово правой койкѣ 3, изголовьемъ на Ю.-З., на средней 3, обращенныхъ на на лѣвой одинъ изголовьемъ на Ю.-З. и на полу 7, изъ коихъ 2 дѣ у правой стѣны, обращенныхъ на Ю.-З. Остатковъ деревянныхъ гроб найдено, но попадались куски истлѣвшихъ тканей и небывало большое чество почернѣвшихъ личинокъ червей, уничтожившихъ трупы правой Здѣсь при первомъ съ краю остовѣ, у ногъ, лежали остатки сандалі вѣрнѣе, мягкихъ башмаковъ; при другихъ двухъ остовахъ ничего не на Въ средней нишѣ лежали 2 остова снизу и одинъ сверху наискось съ ломанными ножными костями ниже колѣнъ. Кусочки ткани попадались и а въ лѣвомъ углу у ногъ были скучены древесные угли, хорошо сохранив При остовѣ въ лѣвой нишѣ ничего, кромѣ кусочковъ ткани, не найде полу у правой стѣны лежали 3 остова взрослыхъ и 2 дѣтскихъ. У 2-і стѣны остова (женщины, судя по ниже перечисленнымъ вещамъ) были правая рука у локтя и обѣ ноги у пятокъ, расходясь въ колѣняхъ. При найдены: браслетъ бронзовый массивный съ необычайно расширенными занными концами, пара серегъ въ видѣ простыхъ бронзовыхъ колечекъ ломанная бронзовая подвѣска въ видѣ стремени, куски кожаныхъ санд 122 пронизи: 5 боченковидныхъ стеклянныхъ, окрашенныхъ на подобіе 3 янтарныя неправильной формы, 10 синяго стекла въ видѣ рубчатых бочекъ, 8 такихъ-же гладкихъ, 7 золотистаго стекла круглыхъ, соедине по 2—3 вмѣстѣ, 77 такихъ-же средней величины ординарныхъ и 12 ме какъ бисеръ, съ остатками проволоки, на которой онѣ были нанизаны. (ребенка въ скорченномъ положеніи лежалъ съ краю, считая отъ входа,



рой — надъ головами двухъ остововъ. У крайняго къ стѣнѣ остова сохранились куски ткани и кожаной обуви. У лѣвой стѣны лежали рядомъ 2 остова изголовьемъ на Ю.-З., причемъ у перваго отъ входа лѣвая рука была откинута въ сторону. При нихъ ничего не найдено.

№№ 1892 и 1893. Двѣ земляныя гробницы съ одиночными остовами изголовьемъ на В. и З., при которыхъ ничего не найдено.

№№ 1894—1900. Семь гробницъ, вырубленныхъ въ скалѣ, съ одиночными остовами изголовьемъ: въ первыхъ 6-ти на С.-З. и въ послѣдней на Ю.-В. Въ гробницѣ № 1894 найдены 6 кусочковъ тончайшаго листового золота и 3 круглыя пронизи изъ зеленой пасты и въ гробницѣ № 1896 браслетъ бронзовый раздвижной.

№№ 1901—1908. Восемь земляныхъ гробницъ съ одиночными остовами изголовьемъ: въ первыхъ двухъ на З. и въ послѣднихъ шести на С.-З. Только въ гробницѣ № 1901 найдены серебряная серьга въ видѣ гладкаго колечка и пастовая пронизь въ видѣ плоскаго кружка.

№№ 1909—1913. Пять гробницъ, вырубленныхъ въ скалѣ, съ одиночными остовами изголовьемъ: въ № 1909 на Ю.-В., въ №№ 1910 и 1911 на С., въ № 1912 на С.-В. и въ № 1913 на С.-З. Въ гробницѣ № 1910 кости остова были разбросаны и при нихъ ничего не оказалось, въ остальныхъ 4-хъ гробницахъ найдены: въ № 1909 небольшой темноглиняный шарикъ (0,015 м. діам.), въ № 1911 краснолаковая мисочка и бронзовая херсонесская монета (Бурачковъ, табл. 16, № 89), въ № 1912 два глиняныхъ узкогорлыхъ бальзамарія и въ № 1913 три бронз. херсонесскія монеты греческаго періода, на двухъ изъ коихъ вполнѣ сохранились имена Діагора и Клемитада, III в. до Р. Х. (Бурачковъ, табл. 14, № 38—40). Еще одно изъ безспорныхъ доказательствъ, что здѣсь, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ городомъ, находился некрополь древнегреческой эпохи, могилами котораго, вырубленными въ скалѣ, пользовались послѣдующія поколѣнія, до послѣднихъ временъ существованія Херсонеса.

№№ 1914 и 1915. Двѣ черепичныя гробницы, 2,13 × 0,62 × 0,62 и 2,04 × 0,62 × 0,62 м., изъ черепицъ небольшого размѣра, раздавленныхъ землей безъ клеймъ, съ одиночными остовами изголовьемъ на З. и С.-В. Въ № 1914 найдены 3 узкогорлыхъ бальзамарія: глиняный и 2 стеклянные плоскодонные въ 0,13 м. выш.

№ 1916. Гробница, сложенная на скалѣ изъ разнохарактерныхъ камней 2,04 × 0,62 × 0,62 м., съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

Въ № 1938—бронз. херсонесская монета очень плохой сохранности (Бурачковъ, табл. 16, № 103).

№ 1939. Урна красноглиняная раздавленная съ жжеными костями, между которыми найдены кусочки золотого вѣнчика съ крючечками для завязыванія.

№№ 1940 и 1941. Двѣ гробницы, вырубленныя въ скалѣ, 1,86 × 0,44 × × 0,46 и 1,68 × 0,44 × 0,48 м., съ одиночными остовами изголовьемъ на С.-В. и Ю.-В. Въ первой найдены глиняная тарелка подъ графитовымъ лакомъ и бронз. херсонесская монета (Бурачковъ, табл. 15, № 67. На хорошихъ экземплярахъ этой рѣдкой монеты читаются имена Пиѳіона и Промаѳіона). Во второй гробницѣ, плотно закрытой плитами, найденъ лишь желѣзный перстень, приставшій къ косточкѣ пальца.

№ 1942. Гробница, сложенная въ видѣ ящика изъ красноглиняныхъ черепицъ, 0,93 × 0,44 × 0,57 м., внутри которой стояли 2 глиняныя урны: двуручная, раздавленная справа, съ жжеными костями и желѣзнымъ перстнемъ, и низъ большой остродонной амфоры съ костячкомъ младенца. Сверху, въ сильно скорченномъ положеніи, лицомъ внизъ, лежалъ остовъ взрослаго человѣка, обращенный на В., съ черепомъ, порубленнымъ мечомъ въ 5 мѣстахъ. Къ сожалѣнію, уцѣлѣла только верхняя часть черепа, которая собрана изъ кусковъ. Погребеніе производитъ впечатлѣніе крайней поспѣшности и даетъ право думать, что въ гробницу положенъ сверху воинъ, павшій въ бою. На двухъ обломкахъ черепицъ имѣются именныя печати астиномовъ; одна слабо оттиснута и не читается, на другой хорошо сохранилась надпись: Παταίκου ἀστυνό[μου]. Σινωπί[ων]. Справа изображенъ бодающій быкъ.

№ 1943. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,13 × 0,62 × 0,62 м., грубой работы, съ двумя остовами, одинъ надъ другимъ, головами на Ю. При верхнемъ остовѣ ничего не найдено, а при нижнемъ, лежавшемъ въ деревянномъ гробѣ, у лѣвой руки стояла на ребрѣ буролаковая тарелка 0,21 м. діам., украшенная 3-мя свѣтлокоричневыми кругами и съ нацарапанной снизу на донышкѣ монограммой изъ буквъ ПАР, у правой руки лежала бронз. херсонесская монета греческаго періода (Бурачковъ, табл. 15, № 68) и у ногъ были разбросаны 10 желѣзныхъ гвоздиковъ съ широкими коническими шляпками, подобныхъ найденнымъ въ гробницѣ № 1924.

№ 1944. Гробница, мелко вырубленная въ скалѣ, 1,86 × 0,57 × 0,53 м., доложенная черепицами, поломанными на куски, и закрытая черепицами. На одномъ обломкѣ уцѣлѣла именная печать астинома Діонисія съ вѣнкомъ справа. Одинъ остовъ лежалъ изголовьемъ на Ю.-В.; при немъ найдены: бронз. монета,

разрушенная окисью, желѣзный перстень, разбитая мутнолаковая тарелочка, укр-шенная по ободку вѣночкомъ, исполненнымъ густо наложенной желтой краской и 28 желѣзныхъ гвоздей, подобныхъ найденнымъ въ гробницахъ №№ 1924 и 194..

№ 1945. Гробница, вырубленная въ скалѣ, по старательной работѣ зани-мающая первое мѣсто на описываемомъ участкѣ некрополя, 1,86×0,62×0,44 м. закрытая тесанными плитами и, несомнѣнно, не тронутая грабителями, съ 2-мя остовами изголовьемъ на Ю.-В., при которыхъ ничего не найдено. Остовы лежали безъ деревянныхъ гробовъ.

№№ 1946—1948. Три земляныя гробницы съ одиночными остовами изголовьемъ: въ двухъ первыхъ на Ю.-З. и въ послѣдней на Ю.-В. Въ гроб-ницѣ № 1948 ничего не оказалось; въ № 1946 найдены два глиняныхъ узкогорлыхъ бальзамарія безъ ручекъ, 0,095 м. выш., и въ № 1947 брон. монета, распавшаяся при очисткѣ, и 10 свинцовыхъ трилистниковъ съ кри-чечкомъ на мѣстѣ стебля, которые часто встрѣчаются въ древнегреческихъ гробницахъ и признаются нѣкоторыми за принадлежности для завивки волос.

№№ 1949 и 1950. Двѣ гробницы, вырубленныя въ скалѣ, грубо работы, 1,68 × 0,48 × 0,40 и 1,60 × 0,48 × 0,40 м., съ одиночным остовами изголовьемъ на Ю.-В. и Ю.-З., при которыхъ ничего не найден.

№ 1951. Катакомба трапеціевидная крайне грубой работы, 2,21 м. гл 1,60 — 1,86 м. шир. и 1,51 м. выш., съ 3-мя нишами въ 3-хъ сторонах въ видѣ мелкихъ ящиковъ и съ ходомъ, 0,66 × 0,62 м., на Ю.-В. Снаруж у самого входа лежалъ перебитый на двѣ части каменный надгробный крест съ греческою надписью [1]). Затворъ оставался не тронутымъ, но въ катакомб проникло много земли черезъ проломъ сверху изъ гробницы № 1952. Катакомб была до самого потолка завалена костями, между которыми, равно какъ и в старательно просѣянной землѣ, ничего не найдено. По условіямъ мѣстност несомнѣнно выясняется, что эта грубая катакомба сооружена позже цѣла ряда верхнихъ гробницъ и что упомянутый проломъ произошелъ во врем самой работы вслѣдствіе несоразмѣрно тонкаго потолка.

№ 1952. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,13 × 0,44 × 0,40 м. грубой работы, съ двумя остовами, одинъ надъ другимъ, изголовьемъ на Ю., пр которыхъ найдены бронз. монета, разрушенная окисью, и бронз. колечк

№ 1953. Гробница, мелко и грубо вырубленная въ скалѣ, 1,86 × 0,44 × 0,40 м., съ двумя остовами, взрослаго головой на Ю. и дѣтскимъ, поло-женнымъ между ногами перваго, въ томъ-же направленіи. При нихъ найден

[1]) Издана В. В. Латышевымъ въ *Изв. Имп. Арх. Комм.* в. 18, стр. 123, № 3

бронз. монета, изображенія и надписи которой совершенно стерты, съ неразборчивой контрмаркой, и 5 круглыхъ мелкихъ пастовыхъ пронизей, потерявшихъ первоначальный цвѣтъ.

№ 1954. Гробница, мелко вырубленная въ скалѣ, 1,60 × 0,48 × 0,40 м., съ остовомъ изголовьемъ на Ю., при которомъ найдены 4 малыя бронз. херсонесскія монеты греческой эпохи съ изображеніемъ звѣзды и львиной головки (Бурачковъ, табл. 15, №№ 70—71).

№ 1955. Тоже, превосходнаго исполненія, 1,86 × 0,48 × 0,44 м., съ остовомъ ребенка изголовьемъ на Ю., при которомъ найдены: бальзамарій черноглиняный плоскодонный безъ ручекъ, 0,14 м. выш., украшенный 3-мя поясками, сдѣланными бѣлой краской, тарелка черноглиняная въ 0,205 м. діам. и 0,03 м. выш., украшенная внутри штампованной розеткой въ видѣ 4-хъ пальметокъ внутри вѣночка изъ черточекъ, кубокъ малый (0,055 м. выш.) глиняный буролаковый, неровно обожженный, украшенный бѣлымъ вѣночкомъ, несомнѣнно положенный въ гробницу съ одной только ручкой (другая была отбита раньше), 2 чашечки глиняныя одноручныя круглодонныя, подобныя нынѣшнимъ «Ванька-встанька», 0,06 и 0,065 м. выш. и 0,075 и 0,09 м. діам. Вся посуда мѣстнаго производства, сдѣланная по древнегреческимъ образцамъ. Еще найдены: 4 подвѣски въ видѣ миніатюрныхъ коралловыхъ амфорокъ, 5 пронизей разной величины сучковатыхъ, очень рѣдкой формы, изъ мутно-желтой пасты, 2 пронизи сердоликовыя круглыя малыя, правильно обточенныя, 2 такія-же овальныя малыя, также старательной работы, 35 пронизей мелкихъ круглыхъ изъ стекла, потерявшаго свой цвѣтъ и прочность, составныя части двухъ красивыхъ стеклянныхъ пронизей, впервые встрѣчаемой формы, 4 каннелированныхъ полушарія въ 0,012 м. діам. изъ прозрачно-коричневаго стекла и 2 тонкихъ промежуточныхъ кружка того-же діаметра, зубчатыхъ, изъ стекла иной окраски, потерявшей первоначальный цвѣтъ, перстень стеклянный, совершенно одинаковой формы съ массивнымъ золотымъ перстнемъ съ вырѣзанной сидящей Аѳиной, найденнымъ въ 1899 г. въ склепѣ № 1012; щитокъ его овальный съ округленной впадиной, куда могъ вставляться камей; распавшійся дѣтскій бронз. браслетъ, 4 разломанныя серебряныя сережки въ видѣ гладкихъ колецъ и бронз. монета, разрушенная окисью.

№ 1956. Тоже, 1,06 × 0,44 × 0,44 м., съ дѣтскимъ остовомъ изголовьемъ на Ю., при которомъ найдены 2 круглыя пастовыя мозаичныя пронизи и миніатюрная чернолаковая двуручная остродонная амфорка, 0,07 м. выш. и 0,03 м. наиб. діам.

№ 1957. Катакомба трапецiевидная хорошей работы, 1,91 м 1,60 — 1,73 м. шир. и 1,46 — 1,64 м. выш., съ 3-мя нишами-я снабженными аркосолiями, и съ ходомъ, 0,53 × 0,63 м., на В. Часть слѣва обрушилась, затвора не оказалось и множество остововъ ле: безпорядкѣ; при нихъ ничего не найдено.

№ 1958. Гробница, вырубленная въ скалѣ, хорошей работы, × 0,57 × 0,53 м., съ остовомъ изголовьемъ на С.-В., при которомъ не найдено.

№ 1959. Гробница земляная съ двумя остовами, одинъ надъ изголовьями на Ю.-В. При нижнемъ остовѣ найдены 40 круглыхъ пронизей изъ потерявшаго свой цвѣтъ стекла.

№ 1960. Гробница, вырубленная въ скалѣ, грубой работы, дл. шир. 0,62 — 1,24, выс. 1,77 м., сильно уширенная въ основанiи, съ округ боками продольныхъ стѣнъ. При разбросанныхъ костяхъ найдены: 3 г лампочки безъ украшенiй, обычнаго типа, и одна темноглиняная чашечки съ блюдцемъ, съ ручкой и съ трубочкой, выходящей изъ блюдца, большой бронзовый браслетъ съ змѣиными головками, разл браслетъ дѣтскiй проволочный, 3 пряжечки бронзовыя отъ обуви, па зовыхъ разломанныхъ серегъ съ 14-гранными пронизями изъ бронз подвѣска въ видѣ кольца съ широкимъ ушкомъ, желѣзко отъ не ножа, 7 пронизей: 1 круглая рубчатая изъ зеленой пасты, 1 янтар форменная, изъ синяго стекла: одна въ видѣ плоскаго кружка, видѣ 6-гранной трубочки и 2 малыя круглыя, 1 большая круглая и пасты, кувшинчикъ глиняный одноручный, 2 такiя-же чашечки и 4 б монеты: Савромата II съ бюстомъ императора и всадникомъ, Херсонеса элевѳерiи (Бурачковъ табл. 16, № 108) и 2 греческiя, совершенно Черепа были деформированы, но совершенно истлѣли и сохранить ихъ залось возможнымъ.

№ 1961. Гробница земляная съ остовомъ изголовьемъ на Ю. которомъ найдены: золотая дѣтская серьга проволочная, 2 золотыя чивыя индикацiи и 24 пронизи изъ синяго стекла, мелкiя какъ бисе

Здѣсь, въ ю.-з. углу нижняго скотнаго двора, на самой возв точкѣ выходящей наружу скалы, обнаружены остатки фундаментовъ и зданiя, сложенныхъ изъ бута, плитъ, кусковъ греческой черепицы тектурныхъ фрагментовъ греческой эпохи съ красивымъ орнаментом

дами раскраски, обезображенныхъ известью, щедро употребленной въ кладку. Какъ видно изъ старинныхъ плановъ Севастополя и его окрестностей, на этомъ мѣстѣ находился карантинъ. Очевидно, онъ былъ выстроенъ изъ остатковъ древнихъ зданій Херсонеса и изъ надгробныхъ плитъ и памятниковъ нынѣ разслѣдуемаго некрополя.

Изъ вынутыхъ изъ кладки древнихъ остатковъ заслуживаютъ упоминанія слѣдующіе: большой кусокъ дорическаго карниза изъ твердаго известняка, 0,80 м. наиб. длины, 0,60 м. наиб. выш. и 0,40 м. шир., украшенный съ лицевой стороны террасовидными площадками въ 0,10 м. шир., съ каплями снизу, 2 куска средней величины дорическихъ карнизовъ изъ того-же матеріала съ остатками художественно исполненнаго растительнаго орнамента, малая круглая капитель изъ того-же матеріала въ видѣ опрокинутаго усѣченнаго конуса, украшенная глубоко вырѣзанными овами, сильно поврежденная, обломанный со всѣхъ сторонъ кусокъ мраморной надгробной стелы съ рельефнымъ изображеніемъ и частью латинской надписи [1]), обломанный со всѣхъ сторонъ кусокъ плиты изъ очень твердаго мраморовиднаго сѣраго известняка, также съ рельефнымъ изображеніемъ и сильно поврежденною греческою надписью [2]), верхняя часть надгробной стелы изъ того-же матеріала съ уцѣлѣвшими выпуклыми изображеніями возлежащаго мужчины съ вѣнкомъ въ поднятой правой рукѣ, сидящей въ ногахъ женщины и обычной на подобныхъ памятникахъ небольшой стоящей фигуры въ лѣвомъ углу.

№ 1962. Гробница земляная дѣтская съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1963. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,30 × 0,57 × 0,80 м., грубой работы, съ разбросанными костями, при которыхъ ничего не найдено.

№ 1964. Гробница квадратной формы (0,50 × 0,50 × 0,35 м.), сложенная изъ каменныхъ плитъ и содержащая глиняную урну грубой, но античной работы, 0,30 м. выш., съ 3-мя ручками: большой вертикальной и 2-мя малыми горизонтальными (ушами), симметрично расположенными. Въ урнѣ между жжеными костями найдена бронз. монета Херсонеса греческаго періода, плохой сохранности. См. у Бурачкова т. 15, №№ 33—35 [3]).

[1]) Издана въ *Изв. Имп. Арх. К.*, в. 18, стр. 117, № 27.

[2]) Издана тамъ-же, стр. 119, № 30.

[3]) Такая-же урна въ 0,28 м. выш. была найдена на этомъ-же участкѣ некрополя въ 1901 г. въ гробницѣ № 1155. См. *Изв. Имп. Арх. Ком.* в. 4, с. 57, рис. 54.

№ 1965. Гробница вырубленная въ скалѣ, 2,04 × 0,53 × 0,66 м., 2-мя остовами, одинъ надъ другимъ, изголовьемъ на Ю.-В., при которы ничего не найдено.

№ 1966. Тоже, очень грубой работы, 1,60 × 0,48 × 0,31 м., съ ост вомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1967. Квадратное углубленіе, вырубленное въ скалѣ, 0,62×0,62×0,44 в въ немъ найдены жженыя кости, разбитая краснолаковая тарелка и 36 сви цовыхъ трилистниковъ съ крючечкомъ (ср. выше № 1947).

№ 1968. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 1,77 × 0,44 × 0,53 в хорошей работы, съ раздавленной красноглиняной одноручной урной съ жжены костями, при которыхъ ничего не найдено.

№№ 1969 и 1970. Гробницы земляныя съ одиночными остовами изг ловьемъ на С.-З.. при которыхъ ничего не найдено.

№ 1971. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 1,77 × 0,57 × 0,57 м., остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ найдены: перстень желѣзн разломанный, 2 бронз. херсонесскія монеты (Бурачковъ, т. 16, № 91) и круглыхъ пронизей изъ стекла, потерявшаго свой первоначальный цвѣтъ.

№ 1972. Тоже, хорошей работы, 2,21 × 0,57 × 0,44 м., съ остово изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ найдены: красноглиняный одноручн кувшинчикъ, стеклянный круглодонный бальзамарій и бронзовая поясная пряж простѣйшаго вида.

№ 1973. Тоже, 1,82 × 0,57 × 0,48 м., съ двумя остовами изголовье на Ю., при которыхъ найдены: 2 миніатюрныя золотыя пронизи въ видѣ ру чатыхъ трубочекъ, 11 пронизей изъ зеленой египетской пасты круглыхъ руб тыхъ разной величины и 2 желѣзныхъ перстня, разрушенныхъ ржавчиной.

№ 1974. Гробница земляная съ 2-мя остовами, взрослаго и ребен изголовьемъ на Ю.-В., при которыхъ найдены: бронзовый дѣтскій брасле съ острыми концами и 11 круглыхъ мелкихъ пронизей изъ разноцвѣтна стекла.

№ 1975. Тоже съ одиночнымъ остовомъ изголовьемъ на Ю.-З., пр которомъ найдена бронз. херсонесская монета (Бурачковъ, т. 16, № 96).

№ 1976. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,04 × 0,45 × 0,53 м очень грубой работы, съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ниче не найдено. Сверху стояла надгробная плитка изъ мѣстнаго известняка в формѣ человѣческой головы и начала плечъ, очень грубой работы. Эти памят ники относятся къ древнегреческой эпохѣ.

№ 1977. Гробница земляная съ остовомъ изголовьемъ на С.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1978. Тоже, съ 2-мя остовами, одинъ надъ другимъ, изголовьями на С.-В., при которыхъ найдены: желѣзный разломанный перстень и 2 круглыя большія пронизи изъ стекла молочнаго цвѣта.

№ 1979. Гробница, сложенная изъ каменныхъ плитъ въ 2 ряда, украшенныхъ рустами, 2,00 × 0,55 × 0,62 м., закрытая 3-мя плитами: 2-мя большими по краямъ и узкой по срединѣ. При женскомъ остовѣ, обращенномъ на Ю.-В., найдены: въ изголовьѣ глиняная чернолаковая поврежденная тарелка, 0,15 м. діам. и 0,025 м. выш., пара серегъ изъ тонкой золотой проволоки и 4 круглыя рубчатыя пронизи изъ зеленой египетской пасты. У пояса: 2 бронз. херсонесскія монеты греческаго періода, плохой сохранности (Бурачковъ, т. 14, № 21), бронзовая, повидимому, греческая монета со стертыми отъ употребленія изображеніями, кусочекъ сѣры и обломокъ серебряной штампованной бляшки съ головкой Афродиты, подобной найденной въ 1896 году въ гробницѣ № 630. У ногъ глиняный узкогорлый бальзамарій безъ ручекъ, 0,25 м. выш., и обломки разрушенныхъ сыростью 3-хъ терракотовыхъ фигуръ: 1) сидящаго мужчины съ зайчикомъ въ правой поднятой рукѣ, на котораго бросается собачка, отстраняемая лѣвой рукой (рис. 9), 2) танцующей женщины, отъ которой уцѣлѣлъ лишь кусокъ снизу, и 3) голубя, сидящаго на кругломъ поломъ пьедесталѣ, къ которому онъ прикрѣплялся проволочкой съ помощью 4-хъ дырочекъ, 2-хъ въ птицѣ и 2-хъ въ пьедесталѣ [1]).

Рис. 9 (1/3).

№ 1980. Урна красноглиняная кувшиновидная одноручная, съ жжеными костями, при которыхъ ничего не найдено.

№ 1981. Гробница земляная съ одиночнымъ остовомъ изголовьемъ на З., при которомъ найденъ стеклянный плоскодонный бальзамарій.

[1]) Эта интересная гробница перенесена на площадь музея, гдѣ собраны представители разныхъ типовъ древнихъ погребальныхъ сооруженій Херсонеса.

№ 1965. Гробница вырубленная въ скалѣ, 2,04 × 0,53 × 0,66 м., 2-мя остовами, одинъ надъ другимъ, изголовьемъ на Ю.-В., при котор ничего не найдено.

№ 1966. Тоже, очень грубой работы, 1,60 × 0,48 × 0,31 м., съ ос вомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1967. Квадратное углубленіе, вырубленное въ скалѣ, 0,62 × 0,62 × 0,44 въ немъ найдены жженыя кости, разбитая краснолаковая тарелка и 36 св цовыхъ трилистниковъ съ крючечкомъ (ср. выше № 1947).

№ 1968. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 1,77 × 0,44 × 0,53 хорошей работы, съ раздавленной красноглиняной одноручной урной съ жжень костями, при которыхъ ничего не найдено.

№№ 1969 и 1970. Гробницы земляныя съ одиночными остовами из ловьемъ на С.-З.. при которыхъ ничего не найдено.

№ 1971. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 1,77 × 0,57 × 0,57 м., остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ найдены: перстень желѣз разломанный, 2 бронз. херсонесскія монеты (Бурачковъ, т. 16, № 91) и круглыхъ пронизей изъ стекла, потерявшаго свой первоначальный цвѣтъ.

№ 1972. Тоже, хорошей работы, 2,21 × 0,57 × 0,44 м., съ остов изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ найдены: красноглиняный одноруч кувшинчикъ, стеклянный круглодонный бальзамарій и бронзовая поясная пря простѣйшаго вида.

№ 1973. Тоже, 1,82 × 0,57 × 0,48 м., съ двумя остовами изголовье на Ю., при которыхъ найдены: 2 миніатюрныя золотыя пронизи въ видѣ ру чатыхъ трубочекъ, 11 пронизей изъ зеленой египетской пасты круглыхъ рубч тыхъ разной величины и 2 желѣзныхъ перстня, разрушенныхъ ржавчиной.

№ 1974. Гробница земляная съ 2-мя остовами, взрослаго и ребен изголовьемъ на Ю.-В., при которыхъ найдены: бронзовый дѣтскій брасле съ острыми концами и 11 круглыхъ мелкихъ пронизей изъ разноцвѣтна стекла.

№ 1975. Тоже съ одиночнымъ остовомъ изголовьемъ на Ю.-З., п которомъ найдена бронз. херсонесская монета (Бурачковъ, т. 16, № 96).

№ 1976. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,04 × 0,45 × 0,53 очень грубой работы, съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ниче не найдено. Сверху стояла надгробная плитка изъ мѣстнаго известняка формѣ человѣческой головы и начала плечъ, очень грубой работы. Эти пам ники относятся къ древнегреческой эпохѣ.

№ 1977. Гробница земляная съ остовомъ изголовьемъ на С.-В., при кото-
ръ ничего не найдено.

№ 1978. Тоже, съ 2-мя остовами, одинъ надъ другимъ, изголовьями на
В., при которыхъ найдены: желѣзный разломанный перстень и 2 круглыя
ьшія пронизи изъ стекла молочнаго цвѣта.

№ 1979. Гробница, сложенная изъ каменныхъ плитъ въ 2 ряда, укра-
нныхъ рустами, 2,00 × 0,55 × 0,62 м., закрытая 3-мя плитами: 2-мя
ьшими по краямъ и узкой по срединѣ. При женскомъ остовѣ, обращен-
ъ на Ю.-В., найдены: въ изголовьѣ глиняная чернолаковая поврежденная
елка, 0,15 м. діам. и 0,025 м. выш., пара
егъ изъ тонкой золотой проволоки и 4
глыя рубчатыя пронизи изъ зеленой еги-
ской пасты. У пояса: 2 бронз. херсонесскія
неты греческаго періода, плохой сохран-
ти (Бурачковъ, т. 14, № 21), бронзовая,
видимому, греческая монета со стертыми
ъ употребленія изображеніями, кусочекъ
ы и обломокъ серебряной штампованной
шки съ головкой Афродиты, подобной най-
ной въ 1896 году въ гробницѣ № 630.
ногъ глиняный узкогорлый бальзамарій безъ
чекъ, 0,25 м. выш., и обломки разрушен-
хъ сыростью 3-хъ терракотовыхъ фигуръ:
сидящаго мужчины съ зайчикомъ въ правой

Рис. 9 (1/3).

днятой рукѣ, на котораго бросается собачка, отстраняемая лѣвой рукой
ис. 9), 2) танцующей женщины, отъ которой уцѣлѣлъ лишь кусокъ снизу,
3) голубя, сидящаго на кругломъ поломъ пьедесталѣ, къ которому онъ
икрѣплялся проволочкой съ помощью 4-хъ дырочекъ, 2-хъ въ птицѣ и
хъ въ пьедесталѣ [1]).

№ 1980. Урна красноглиняная кувшиновидная одноручная, съ жжеными
стями, при которыхъ ничего не найдено.

№ 1981. Гробница земляная съ одиночнымъ остовомъ изголовьемъ на
при которомъ найденъ стеклянный плоскодонный бальзамарій.

[1]) Эта интересная гробница перенесена на площадь музея, гдѣ собраны
дставители разныхъ типовъ древнихъ погребальныхъ сооруженій Херсонеса.

№ 1982. Тоже, съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., при которомъ ничего не найдено.

№ 1983. Гробница земляная, выложенная большими черепицами, поломанными на куски, 1,95 × 0,53 × 0,44 м., съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., при которомъ лежала глиняная тарелка подъ темнокоричневымъ лакомъ.

№ 1984. Гробница земляная дѣтская съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ найдены бронз. колечко и 2 круглыя пронизи: рубчатая и гладкая изъ полинявшаго стекла.

№ 1985. Тоже, съ остовомъ изголовьемъ на С., при которомъ найдены: бронз. разрушенная окисью монета, бронз. подвѣска въ видѣ трехугольника съ углубленіемъ для эмали и съ несоразмѣрно большимъ ушкомъ, такая же подвѣска въ видѣ небольшого колокольчика, сосудикъ сѣроглиняный остродонный безъ ручекъ, глиняная одноручная чашечка и 5 стеклянныхъ пронизей: 2 плоскія овальныя и 3 въ видѣ гладкихъ трубочекъ.

№ 1986. Тоже, съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1987. Тоже, съ остовомъ въ томъ-же направленіи, при которомъ въ ногахъ найденъ глиняный одноручный кувшинчикъ съ красивымъ горломъ, сплюснутымъ въ видѣ розетки.

№ 1988. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 1,60 × 0,44 × 0,48 м., съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1989. Тоже, 1,86 × 0,57 × 0,57 м., съ 2-мя остовами, изголовьями на Ю.-В. и С.-З., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1990. Гробница земляная съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1991. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 1,68 × 0,44 × 0,44 м., грубой работы, съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1992. Тоже, той-же грубой работы и тѣхъ-же размѣровъ, съ остовомъ изголовьемъ на Ю., при которомъ найдены: бронзовая монета со стертыми изображеніями и съ контрмаркой въ видѣ буквы Δ въ кружкѣ, стеклянный плоскодонный бальзамарій и глиняная лампочка, украшенная выпуклой человѣческой головой съ длинными волосами въ видѣ локоновъ и съ рожками.

№ 1993. Тоже, очень грубой работы, 1,86 × 0,62 × 0,44 м., съ остовомъ изголовьемъ на Ю., при которомъ ничего не найдено.

№ 1994. Гробница земляная съ остовомъ ребенка изголовьемъ на С.-В., при которомъ найдены: бронзовая греческая монета со стертыми изображеніями

и съ контрмаркой съ видѣ головы Ермія, колечко бронзовое гладкое, пара бронзовыхъ серегъ простѣйшаго вида, браслетъ бронзовый съ острыми концами и 8 стеклянныхъ пестрыхъ мелкихъ сучковатыхъ пронизей, оригинальной и очень рѣдко встрѣчаемой формы.

№ 1995. Гробница земляная съ остовомъ ребенка изголовьемъ на В., при которомъ найдены: бронзовый зубчатый медальонъ, бронзовое колечко и костяная ручка съ дырочкой отъ игрушечнаго колокольчика.

№ 1996. Тоже, съ остовомъ ребенка изголовьемъ на С.-В., при которомъ найдены глиняная тарелка и лампочка рѣдкой формы въ видѣ одноручнаго приплюснутаго кувшинчика.

№ 1997. Тоже, съ остовомъ взрослаго въ томъ-же направленіи, при которомъ найдены въ ногахъ глиняныя одноручная чашечка и мисочка, подобная нынѣшнимъ цвѣточнымъ горшечкамъ.

№№ 1998—2000. Три земляныя гробницы съ одиночными остовами, въ первой на С.-В., въ остальныхъ на З., при которыхъ ничего не найдено.

№№ 2001—2005. Пять земляныхъ гробницъ съ одиночными остовами изголовьемъ: въ №№ 2001, 2003 и 2004 на С.-З., въ № 2002 на В. и въ № 2005 на Ю.-В. Въ № 2002 найдены: стеклянный плоскодонный бальзамарій, глиняная одноручная чашечка, костяной точеный шарниръ отъ ларчика и 4 пастовыя круглыя пронизи, потерявшія свой первоначальный цвѣтъ.

№№ 2006—2013. Восемь гробницъ, вырубленныхъ въ скалѣ: № 2006 въ 2,13 × 0,62 × 0,62 м., съ остовомъ на С.-З., при которомъ ничего не найдено; № 2007 - въ 2,04 × 0,57 × 0,57 м., съ остовомъ въ томъ-же направленіи, при которомъ найдены 8 кусочковъ тончайшаго листового золота и бронзовое колечко; № 2008—въ 2,13 × 0,57 × 0,62 м., съ 2-мя остовами, взрослаго и ребенка, изголовьями на С.-З., при которыхъ найдены: бронз. херсонесская монета (Бурачковъ, т. 16, № 89), перстень желѣзный, разрушенный ржавчиной, и 5 пастовыхъ пронизей: 2 круглыя, 2 овальныя, вдавленныя по серединѣ, и одна въ видѣ 14-гранника; № 2009—въ 2,13 × 0,57 × 0,57 м., съ остовомъ на С.-В., при которомъ найдены: бронз. монета одного изъ послѣднихъ боспорскихъ царей, очень плохой сохранности, кувшинчикъ глиняный одноручный, бронз. колечко и 3 пастовыя круглыя пронизи, потерявшія свой первоначальный цвѣтъ; №№ 2010—2013 въ 2,13 × 0,57 × 0,62 м., съ одиночными остовами изголовьемъ на С.-В., Ю.-В., С.-В. и С.-З., при которыхъ ничего не найдено. Гробницы №№ 2010—2012 вырублены въ видѣ буквы П.

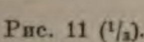


Рис. 11 ($^1/_2$).

Рис. 12 ($^1/_2$).

интересныя терракоттовыя фигуры: 1) молодая женщина, 0,20 м. выш. (рис. 10), задрапированная въ гиматій, при чемъ открытою осталась только часть лица съ опущенными внизъ глазами; на ногахъ остроконечные мягкіе башмаки. Работа высоко-художественная [1]. 2—3) Два полыхъ поясныхъ изображенія Коры (рис. 11), лицомъ къ зрителю, 0,20 м. выш. и 0,15 м. наиб. шир., съ руками, поддерживающими груди. Работа художественная. Обѣ фигуры слѣланы по одной формѣ [2]. 4) Обнаженный крылатый геній (рис. 12), 0,13 м. выш. и 0,07 м. наиб. шир. Фигура сильно поврежденная, нѣкоторыхъ кусковъ недостаетъ [3]. На всѣхъ статуэткахъ сохранились слѣды бѣлой и голубой красокъ.

№ 2027. Тоже, но грубой работы, 2,00 × 0,60 × 0,60 м., съ остовомъ изголовьемъ на Ю., при которомъ ничего не найдено.

№№ 2028—2032. Пять земляныхъ гробницъ съ одиночными остовами изголовьемъ на С.-З., при которыхъ ничего не найдено.

№ 2033. Катакомба трапеціевидная грубой работы, 1,77 м. глуб., 1,42 — 1,33 м. шир. и 1,60—1,42 м. выш., съ волнистымъ не отдѣланнымъ потолкомъ, съ 3-мя нишами-койками, по одной въ каждой стѣнѣ, кромѣ перед-

---

[1]) Похожая статуэтка была найдена въ Ѳеодосіи и описана въ «*Музей Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн. Терракотты*». Вып. I, т. 8, № 1.

[2]) Похожій бюстъ найденъ въ Смирнѣ и описанъ въ ук. изд., вып. 2, т. 3, № 1.

[3]) Подобенъ найденнымъ: 1) въ склепѣ № 1012 въ 1899 г. (описанъ въ *Изв. Имп. Арх. Комм.* в. 1, стр. 7, рис. 5) и 2) въ насыпи некрополя, по сосѣдству со скотнымъ дворомъ, въ 1897 г. (описанъ въ *Отч. Имп. Арх. Комм.* за 1897 г., стр. 42. № 14, безъ рисунка).

ней, и съ ходомъ, 0,75 × 0,52 м., на З. На правой койкѣ лежали рядомъ два остова, головами на З.; у крайняго къ стѣнкѣ найденъ массивный бронз. браслетъ съ тупыми концами. На лѣвой и на задней койкахъ также лежали по два остова рядомъ, головами на З. и на Ю., но при нихъ ничего не найдено. На полу, ближе къ лѣвой стѣнкѣ, лежали рядомъ 3 остова, головами на З., при которыхъ также ничего не найдено. Затворъ находился на своемъ мѣстѣ. Этотъ фактъ, а также положеніе остововъ доказываютъ, что катакомба не была разграблена.

№ 2034. Гробница земляная съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№№ 2035—2037. Три гробницы, вырубленныя въ скалѣ, 2,00×0,60 × 0,60 м., съ одиночными остовами изголовьемъ на Ю., при которыхъ ничего не найдено.

№№ 2038—2042. Пять земляныхъ гробницъ съ одиночными остовами изголовьемъ на В. Въ гробницѣ № 2040 при остовѣ найдена бронз. херсонесская монета со стертыми отъ употребленія изображеніями и надписями и съ контрмаркой въ видѣ стоящей Артемиды (см. у Бурачкова т. 16, № 120).

№ 2043. Урна красноглиняная кувшиновидная одноручная съ жжеными костями, между которыми ничего не найдено.

№ 2044. Урна свѣтлоглиняная амфоровидная съ 2-мя ручками, съ отбитымъ верхомъ, съ жжеными костями, между которыми ничего не найдено.

№ 2045. Гробница земляная съ остовомъ изголовьемъ на Ю., при которомъ ничего не найдено.

№ 2046. Гробница, сложенная изъ черепицъ средней величины, раздавленныхъ землей, съ остовомъ изголовьемъ на Ю., при которомъ найдены: тарелка глиняная чернолаковая, 0,19 м. діам., съ нацарапанными снизу монограммами, блюдце глиняное подъ графитовымъ лакомъ, 0,085 м. діам. и 0,025 м. выш., съ нацарапанной снизу буквой X, и бальзамарій темноглиняный въ 0,19 м. выш. съ 3-мя обручами, сдѣланными бѣлой краской.

№ 2047. Тоже, одинаковаго устройства съ предыдущей, съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., при которомъ найдены: большая бронз. монета Амиса съ изображеніями головы вправо и пегаса, сильно поврежденная, желѣзный перстень, разрушенный ржавчиной, и глиняная чашечка грубой работы, съ 2-мя горизонтально расположенными ручками.

№№ 2048—2050. Три гробницы, вырубленныя въ скалѣ, съ одиночными остовами изголовьемъ на С.-З., при которыхъ ничего не найдено.

№ 2051. Урна красноглиняная амфоровидная двуручная съ отбитымъ верхомъ, подобно урнѣ № 2044, съ жжеными костями, между которыми ничего не найдено.

№ 2052. Катакомба кубовидная хорошей работы, 2,04 × 2,04 м. и 1,68 м. вышины, съ 3-мя нишами-койками, по одной въ каждой стѣнѣ, кромѣ передней, причемъ ниша лѣвой стѣны срѣзана при сооруженіи катакомбы № 2053, поглотившей описываемую. Ходъ, 0,62 × 0,62 м., обращенный на С.-З., не тронутъ и остался съ замазанной цемянкою каменной плитой. Какъ и слѣдующая, котакомба эта найдена наполненною человѣческими костями, между которыми найдены: браслетъ бронзовый, необыкновенно массивный, съ заостренными концами; такой-же браслетъ, но съ расширенными, отвѣсно обрѣзанными концами; 2 браслета бронзовые дѣтскіе съ острыми концами; 4 серьги бронзовыя въ видѣ гладкихъ колецъ: одна съ подвѣской въ видѣ язычка отъ колокольчика, одна съ подвѣской въ видѣ пирамидки изъ шариковъ и 2 безъ подвѣсокъ; 2 колокольчика бронзовые конической формы, поврежденные; подвѣска (?) бронзовая въ видѣ 4-конечнаго крестика, 0,025 × 0,025 м., съ округленными концами, образующими кружки, въ центрѣ которыхъ, а равно и въ центрѣ большого срединнаго кружка просверлены дырочки; 5 пронизей: 2 пастовыя съ глазками круглыя большія, 1 такая-же малая, 1 такая-же удлиненная большая и 1 янтарная неправильной формы большая; 4 бронзовыя монеты: Романа I, литая въ Херсонесѣ (см. у Орѣшникова, изд. 1905 г., т. 9, № 36), 2 восточныя и большая, 0,03 м. діам., со стертыми изображеніями и надписями и съ 6 просверленными дырочками, повидимому, императора Маврикія съ буквой Н.

№ 2053. Катакомба трапецієвидная грубой работы, 5,05—5,14 м. глуб., 7,82 м. шир. и 1,77—1,51 м. выш., безъ коекъ, но съ 2-мя большими ящиками, 0,73 м. выш., по обѣимъ сторонамъ входа, отгороженными стѣночками, снизу вырубленными изъ материковой скалы, а сверху сложенными изъ штучнаго камня. По бокамъ входа въ стѣнѣ выдолблены двѣ арковидныя ниши для урнъ. Ходъ, 0,62 × 0,71 м., обращенный на С.-В., приспособленъ въ видѣ дверной коробки для закладыванія его плитой и для перекладины, какъ въ калиткахъ городской стѣны. Потолокъ волнообразный, небрежно стесанный, мѣстами обрушился. По длинѣ катакомбы, для поддержанія потолка, оставлена часть стѣны изъ скалы, имѣющей видъ перегородки съ 3-мя арками, отдѣляющей переднюю часть катакомбы отъ ящиковидной задней. Во время сооруженія этой катакомбы, въ углу правой стѣны невольно образовался про-

... № 2055, который былъ старательно ... у лѣвой стороны ящика, встрѣтивъ ... ...санную выше, углубились въ скалу ... ниши и такимъ образомъ пріобщили ... катакомбѣ, интересной и по величинѣ ... ...мное количество человѣческихъ костей. ... древностей не найдено, за исключеніемъ ... ...ально расширенными тупыми концами, ... катакомбѣ № 2052, и нижней части бо... ...ы, какія употреблялись въ Херсонесѣ ... катакомбы, соединенныя въ одну большую, ... это доказываютъ также всѣ перечисленные ... «братской могилой» во время как...

...енная въ скалѣ, 2,13 × 0,53 × 0,53 м. ... катакомбы № 2053, не закрытая плитами и ... найдены глиняный кувшинчикъ съ 2-мя ру... ... въ видѣ рубчатыхъ трубочекъ.

... ...ьная, раздѣленная простѣнкомъ на два ... ... 2,04 м. глуб., 1,37 — 2,00 м. шир. ... ... м. глуб., 2,21 — 2,74 м. шир. и 1,64 м — ... ...-мя нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ боль... ...57 × 0,57 м., на С.-З. Только въ двухъ ... изголовьемъ на Ю.-В. и С.-В. При жен... ...еннымъ украшеніямъ, найдены: серебряная ... служившая подвѣской; бронзовая монета ... массивная, хорошей сохранности, съ бюстомъ ... съ Аѳины и частью надписи ΕΛΕΥΘΕΡ съ ... ...енная и служившая подвѣской; 2 трубочки ... низкопробнаго золота, 0,036 и 0,022 м. дл. и ... съ 3-мя ушками, запаянная съ обоихъ кон... ... помятая и съ отпавшимъ съ одного конца ... тончайшаго листоваго золота съ оттиснутыми ... бюстами вправо; 3 прямоугольныхъ листка ... ...аго листоваго золота, 2 гладкіе и одинъ со слѣ... ...: штофикъ стеклянный, 0,12 × 0,035 × 0,35 м.,

бальзамарій стеклянный плоскодонный, 0,14 м. выш.; другой бальзамарій кругло-донный, 0,10 м. выш.; ларчикъ деревянный, наполовину сохранившійся, выдолбленный изъ цѣльнаго куска, 0,15 × 0,08 × 0,07 м., съ выдвижной крышкой; гребень деревянный, 0,075 × 0,055 м., подобный нынѣшнимъ; часть деревяннаго веретена, 0,10 м. дл., съ надѣтымъ деревяннымъ пряслицемъ, 0,022 м. діам.; замочекъ бронзовый внутренній отъ ларчика, поврежденный; подвѣски: 1 янтарная въ видѣ человѣческой головы съ плечами, очень грубой работы, какъ большинство янтарныхъ издѣлій, находимыхъ въ Херсонесѣ; ушко сверху отломано; 7 янтарныхъ кувшиновидныхъ разной величины; костяная пластинка, 0,03 × 0,01 × 0,01 м., дважды обмотанная серебряной проволокой, съ ушкомъ; пронизи: 9 сердоликовыхъ въ видѣ малыхъ 14-гранниковъ, 48 янтарныхъ въ видѣ кружковъ неправильной формы разной величины, изъ золотистаго стекла 19 круглыхъ малыхъ и 3 въ видѣ гладкихъ трубочекъ, 11 изъ красной пасты въ видѣ конусиковъ, соединенныхъ основаніями; изъ синяго стекла: 7 круглыхъ рубчатыхъ малыхъ, 7 въ видѣ рубчатыхъ трубочекъ, 38 въ видѣ низкихъ конусиковъ, соединенныхъ основаніями, 7 круглыхъ малыхъ, соединенныхъ по 2 — 3 вмѣстѣ, 8 чечевицевидныхъ малыхъ, 4 въ видѣ плоскихъ кружковъ, 17 овальныхъ малыхъ, 7 въ видѣ гранныхъ трубочекъ и 23 круглыхъ, мелкихъ какъ бисеръ.

При второмъ остовѣ, повидимому мужскомъ, найдена лишь одна бронз. херсонесская монета (Бурачковъ, т. 16, № 116).

На полу стояли 9 деревянныхъ истлѣвшихъ гробовъ съ крышками на два ската: въ правомъ отдѣленіи 2, параллельно стѣнѣ, изголовьями на Ю.-В., и въ лѣвомъ отдѣленіи 7, изъ нихъ 5 въ рядъ, параллельно передней стѣнѣ, изголовьями на Ю.-В., и 2 поверхъ нижнихъ гробовъ, изголовьями на С.-В. и на Ю. На крышкахъ гробовъ, въ изголовьяхъ, было положено по одной бронз. херсонесской монетѣ временъ элевѳеріи (Бурачковъ, т. 16, № 108—2 экз., № 110—2 экз., № 114—3 экз. и № 120—2 экз.), всѣ хорошей сохранности. Этотъ интересный фактъ оказалось возможнымъ установить только благодаря сравнительно хорошей сохранности гробовъ, особенно ихъ верхнихъ частей. Внутри трехъ гробовъ при остовахъ, какъ будетъ указано въ своемъ мѣстѣ, были также положены херсонесскія монеты того-же времени, а въ 6-ти гробахъ монетъ внутри не оказалось.

При остовахъ въ гробахъ найдены: въ ближайшемъ къ входу, въ правой половинѣ, 2 бронз. херсонесскія монеты временъ элевѳеріи (Бурачковъ, т. 16,

[illegible] сохранности, пряжка поясная бронзовая въ видѣ [illegible] выдвинутымъ впередъ язычкомъ и желѣзный клинокъ [illegible] въ слѣдующемъ рядомъ: бронз. херсонесская монета [illegible] т. 16, № 116), хорошей сохранности, 5 большихъ [illegible] круглая, такая же удлиненная и 3 изъ синяго [illegible] —Въ лѣвой половинѣ, въ нижнихъ гробахъ, въ ближай- [illegible] стеклянный, бальзамарій стеклянный круглодонный и [illegible] украшенная рубчиками и пупышками. Въ слѣдующемъ [illegible] монета (Бурачковъ, т. 16, № 103) очень плохой [illegible] глиняные одноручные и перстень серебряный безъ [illegible] гробахъ, кромѣ монетъ, лежавшихъ сверху, ничего [illegible] Въ 5-мъ: бальзамарій стекл. плоскодонный, чашечка глиняная [illegible] клинокъ ножа. Изъ двухъ гробовъ, стоявшихъ сверху, [illegible] въ стѣнѣ найдена бронзовая прямоугольная массивная пряжка, [illegible] ничего не найдено.

[illegible] въ разныхъ мѣстахъ катакомбы, найдены глиняные [illegible] чашечка одноручная съ круговою надписью, сдѣланною бѣлой краской: [illegible]ΦΡΑΙΝΟΥ. 10 чашечекъ одноручныхъ обычнаго типа, 2 мисочки, [illegible] одноручные и 5 лампочекъ, украшенныхъ рубчиками и пупышками.

№№ 2056—2061. Шесть земляныхъ гробницъ съ одиночными остовами [illegible] въ 2-хъ первыхъ и 2-хъ послѣднихъ на Ю., въ №№ 2058 и [illegible] на Ю.-В. Въ гробницѣ № 2056 найденъ красноглиняный бальзамарій [illegible] м. выш., безъ ручекъ, а въ гробницѣ № 2057: мисочка красноглиняная, [illegible] м. діам. и 0,05 м. выш., греческой эпохи, и кувшинчикъ свѣтлогли- [illegible] 0,12 м. выш., грубой работы, съ высоко поднятой ручкой, на которой [illegible] головка собаки.

№ 2062. Катакомба трапецієвидная грубой работы, съ выгнутой полукру- [illegible] передней стѣной, 2,00 м. глуб., 1,68—2,13 м. шир. и 1,60 м. выш., [illegible] 3-мя нишами койками, по одной въ 3-хъ стѣнахъ, кромѣ передней, и съ [illegible] 0,75 × 0,62 м., на С.-З. Вслѣдствіе рыхлости скалы потолокъ обва- [illegible]. Подобно ранѣе описаннымъ катакомбамъ №№ 2052 и 2053, была [illegible] остовами. Здѣсь найдены: серьга грубой работы изъ золотой прово- [illegible] 3 бронзовыхъ серегъ въ видѣ гладкихъ колецъ, 1 фибула бронзовая [illegible] рвломанная, пряжка поясная бронзовая, 2 трубочки бронзовыя для [illegible] повреждённыя, 8 пронизей: 2 пастовыя мозаичныя круглыя, [illegible] большая неправильной формы, 5 синяго стекла: 1 овальная, 2 въ

ѣ малыхъ 14-гранниковъ и 2 круглыя малыя; кувшинъ глиняный, 0,15 м. п., одноручный, плохо обожженный и очень грубой работы, монета бронзо- малая (0,01 м. діам.) тонкая, со стертыми изображеніями и надписями, видимому, римская императорская IV-го в., и кусокъ полевого шпата.

№№ 2063 и 2064. Двѣ земляныя гробницы съ одиночными остовами оловьемъ на Ю., при которыхъ ничего не найдено.

№ 2065. Гробница черепичная разрушенная, съ остовомъ изголовьемъ Ю., при которомъ ничего не найдено.

№ 2066. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,02 × 0,57 × 0,62 м., бой работы, съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не йдено.

№№ 2067—2069. Три земляныя гробницы съ одиночными остовами оловьемъ на Ю., при которыхъ ничего не найдено.

№№ 2070—2073. Четыре гробницы, вырубленныя въ скалѣ, 2,00 × 0,57 × 0,57 м., съ одиночными остовами: въ первыхъ 3-хъ изголовьемъ Ю., а въ послѣдней на Ю.-В. При остовѣ въ гробницѣ № 2072 найденъ ьшой желѣзный перстень, разрушенный ржавчиной.

№№ 2074 и 2075. Двѣ земляныя гробницы съ одиночными остовами головьемъ на Ю.-В., при которыхъ ничего не найдено.

№ 2076. Катакомба кубовидная грубой работы съ обрушившимся потол- мъ, 2,04 × 2,04 и 1,60 м. выш., съ 3-мя нишами-койками, по одной въ ждой стѣнѣ, кромѣ передней, и съ ходомъ, 0,62 × 0,64 м., на С.-В. Кости жали разбросанныя на полу. Въ вынутой и просѣянной землѣ найдены: очень дкая бронзовая херсонесская монета съ монограммой, выясненной въ трудѣ Л. Бертье-Делагарда: «Значеніе монограммъ на монетахъ Херсонеса»[1]), елка буролаковая разбитая, тарелка глиняная нелаковая, съ фабричной кой по серединѣ въ видѣ штампованной розетки изъ 4-хъ пальметокъ, и лѣзный клинокъ ножа.

№ 2077. Катакомба трапеціевидная крайне грубой работы, съ выгнутой укругомъ передней стѣной, съ волнистымъ, слабо обработаннымъ, потол- мъ, 1,77 м. глуб., 1,95—2,13 м. шир. и 1,60—1,68 м. выш., съ 3-мя шами-койками, по одной въ каждой стѣнѣ, кромѣ передней, и съ ходомъ, 66 × 0,93 м., на Ю.-З. Плита затвора не найдена. Всѣхъ остововъ въ катакомбѣ ло 9: три на полу, при которыхъ ничего не найдено, и 6 на койкахъ, по на каждой, при которыхъ найдены: часть деревяннаго гребня, украшеннаго

[1]) *Зап. Нумизм. Отд. И. Р. Арх. Общ.* т. I, стр. 69, № 8.

Рис. 14 (н. в.).

(рис. 14); такъ какъ сохранилось только 11 звеньевъ и 7 пронизей, то ясно, что ожерелье было положено въ саркофагъ въ сильно поврежденномъ видѣ; трубочка золотая для храненія заклинаній, 0,015 м. дл. и 0,01 м. діам., съ 2-мя ушками, задѣланная по концамъ; 2 индикаціи изъ тонкаго листового золота, оттиснутыя съ римской императорской монеты; перстень серебряный массивный, обычной приплюснутой формы, съ овальной геммой изъ коричневой яшмы съ вырѣзанной двуликой бородатой головой на подобіе головы Януса; перстень желѣзный разломанный; кристаликъ граната, подобный оправленному въ золото, найденному въ катакомбѣ № 1662 (см. выше стр. 76, рис. 4); лампочка глиняная, украшенная выпуклыми рубчиками сверху и звѣздочкой снизу, и 7 бронзовыхъ херсонесскихъ монетъ: Бурачковъ, т. 16, №№ 89, 102, 105 (но съ быкомъ, спокойно идущимъ вправо, съ поднятой головой), 114, 117 и 118 (2 экз.), всѣ плохой сохранности.

№ 2080. Катакомба прямоугольная, грубой работы, 3,48 м. глуб., 3,04 м. шир. и 1,62 м. выш., съ подпорнымъ столбомъ квадратнаго сѣченія, съ 3-мя нишами-койками съ округленными боками, по одной въ каждой стѣнѣ, кромѣ передней, съ обрушившимся потолкомъ и съ ходомъ, 0,57 × 0,57 м., на С.-З. При разбросанныхъ костяхъ ничего не найдено.

№ 2081. Тоже, 2,70 м. глуб., 2,08 м. шир. и 1,60 м. выш., съ 3-мя нишами-койками, по одной въ каждой стѣнѣ, кромѣ передней, съ обрушившимся потолкомъ и съ ходомъ, 0,57 × 0,58 м., на Ю.-З. При разбросанныхъ костяхъ также ничего не найдено.

№ 2082. Тоже, 2,26 м. глуб., 2,04 м. шир. и 1,60 м. выш., съ 3-мя нишами-койками, по одной въ каждой стѣнѣ, кромѣ передней, съ обрушившимся потолкомъ и съ ходомъ, 0,57 × 0,57 м., на С.-В. При разбросанныхъ костяхъ найдены: бальзамарій стеклянный плоскодонный, 0,06 м. выш., пронизь изъ синяго стекла малая въ видѣ 14-гранника и бронзовый крестикъ-тѣльникъ, 0,025 × 0,015 м., повидимому очень поздній.

№ 2083. Тоже безформенная пещеровидная, крайне грубой работы, 5,75 м. глуб., 2,13 — 3,55 м. шир. и 1,68 м. выш., безъ нишъ и хода, съ провалившимся потолкомъ. Внутри не оказалось даже костей.

Въ с.-з. сторонѣ нижняго скотнаго двора, какъ это видно на прилагаемомъ планѣ (табл. 1), отъ катакомбы № 2082 и до стѣны бывшаго известковаго сарая, на протяженіи 40 м. материковая скала отвѣсно срублена въ болѣе или менѣе прямомъ направленіи, на разной глубинѣ, въ зависимости отъ подъема или паденія скалы, при чемъ повреждены: ходъ въ катакомбу 2062, сѣверная часть катакомбы 2076, сѣверная ниша катакомбы 2081 и ходъ въ катакомбу 2082. По мнѣнію опытныхъ въ этомъ вопросѣ рабочихъ, мы имѣемъ здѣсь передъ собой древнюю каменоломню, которая, полагаю, могла возникнуть только въ римскую эпоху, во время расширенія городской территоріи, вызвавшаго необходимость утолщенія цѣлымъ поясомъ городской оборонительной стѣны и сооруженія впереди ея дополнительной стѣны именно въ этой южной части городища, которая, какъ выяснили раскопки послѣднихъ лѣтъ, занимала въ стратегическомъ отношеніи, въ римскую и византійскую эпохи, особенно важное положеніе, повидимому, укрѣпленнаго лагеря. Изъ плана раскопокъ, помѣщеннаго въ Отчетѣ Имп. Археолог. Комм. за 1897 г. стр. 91, видно, какая масса камня потребовалась для усиленія древнѣйшей оборонительной стѣны греческой эпохи.

Перечисленныя выше поврежденія 4-хъ катакомбъ, причиненныя каменоломнею, и рядъ позднихъ земляныхъ гробницъ (№№ 1844, 1845, 1853, 1854, 1859, 1860, 1870, 1876 и 1877, съ одиночными остовами безъ вещей), сложенныхъ въ земляной насыпи, образовавшейся уже впослѣдствіи на мѣстѣ каменной траншеи, доказываютъ, что добываніе здѣсь камня могло производиться только послѣ сооруженія поврежденныхъ этой работой катакомбъ,— слѣдовательно не въ древнегреческую и, повидимому, даже не въ ранне-римскую эпохи,—что оно имѣло временное значеніе, и поэтому образовавшаяся въ скалѣ длинная узкая выемка была тогда-же засыпана землей, и что въ византійскую эпоху эта новая насыпь, судя по найденнымъ въ ней землянымъ могиламъ, перечисленнымъ выше, составляла продолженіе некрополя у Карантинной бухты. Къ сожалѣнію, какъ въ этихъ 9 гробницахъ, такъ и въ сосѣднихъ съ ними съ юга не найдено не только какихъ-либо украшеній, но и монетъ, которыя могли-бы датировать ихъ происхожденіе, а такъ какъ относить ихъ къ древнегреческой эвохѣ, по приведеннымъ уже соображеніямъ, совершенно невозможно, въ римскую-же эпоху полное отсутствіе въ гробницахъ находокъ, особенно монетъ, составляетъ исключеніе и считается признакомъ ихъ разграбленія, то въ пользу византійскаго происхожденія этихъ земляныхъ гробницъ въ новой насыпи мы имѣемъ еще одно доказательство

Площадь монастырскаго скотнаго двора, разслѣдованная до скалы въ отчетномъ году, ограничивается съ 3-хъ сторонъ,—сѣверной, южной и восточной,—высокой каменной стѣной, а съ западной малымъ верхнимъ дворомъ, доходящимъ до военнаго шоссе, и составляетъ 665,28 кв. саж.

Какъ часть некрополя, ближайшая къ южному участку оборонительной стѣны и къ той именно мѣстности городища, которая была заселена раньше другихъ, полоса эта представляетъ большой научный интересъ, такъ какъ служила некрополемъ,—какъ видно изъ описанія гробницъ и перечня находокъ,—съ самаго основанія города и до покоренія Тавриды русскими. Ея скалистая почва, какъ показываетъ прилагаемый планъ, вся источена, какъ муравейникъ, семейными склепами и одиночными гробницами, вырубленными по всѣмъ направленіямъ и часто въ два яруса. На незначительной, сравнительно, площади въ четверть десятины обнаружено *448* разнохарактерныхъ погребеній, а именно:

35 семейныхъ склеповъ, названныхъ въ отчетѣ катакомбами. Изъ нихъ: 3 съ 5-ю нишами-койками, 20 съ 3-мя, 3 съ 2-мя, 2 съ одной нишей-койкой и 7 безъ нишъ-коекъ, но одна изъ нихъ (№ 2053) имѣетъ на полу два ящика, частью вырубленные въ скалѣ, а въ стѣнѣ двѣ малыя ниши для урнъ;

118 гробницъ, вырубленныхъ въ скалѣ;

1 квадратное углубленіе въ скалѣ съ жжеными костями;

3 гробницы ящиковидныя, сложенныя: одна изъ плитъ, украшенныхъ рустами (№ 1979), одна изъ обыкновенныхъ гладкихъ плитъ (№ 1660) и одна изъ разнохарактернаго камня (№ 1916);

1 каменный саркофагъ (№ 2079);

12 гробницъ, сложенныхъ изъ древнегреческихъ черепицъ, изъ коихъ нѣкоторыя, на основаніи именныхъ печатей астиномовъ, относятся къ 4-му в. до Р. Х.;

256 гробницъ, вырытыхъ въ верхнемъ наслоеніи земли, ниже котораго идетъ материковая скала съ вырубными склепами и гробницами;

22 урны глиняныя съ жжеными костями и съ остовами младенцевъ. Распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 4 красивой античной формы съ 3-мя ручками (одна была обложена черепицами, № 1964), 10 кувшиновидныхъ съ одной ручкой и 2 той-же формы съ двумя ручками и 6 амфоръ съ отбитымъ верхомъ.

Въ насыпи некрополя на мѣстѣ скотнаго двора при рас
найдены слѣдующія древности:

1. Памятники епиграфическіе:

1) Осколокъ мраморной плиты, 0,065 м. наиб. дл., 0,035 м. на
и 0,017 м. толщ., съ частью 4-хъ буквъ въ 0,015 м. выш. въ одной
отъ греческой надписи римской эпохи.

2) Нижній лѣвый уголъ мраморнаго надгробія съ частью гречес
писи римской эпохи [1]).

3) Верхняя часть прямоугольной надгробной плиты изъ мѣстнаго
няка съ вполнѣ сохранившеюся древнегреческов надписью [2]).

4) Правая сторона мраморной надгробной плиты съ частью
ной греческой надписи римской эпохи [3]).

232 амфорныя ручки съ именными печатями херсонесскихъ аст
въ томъ числѣ съ хорошо сохранившимися именами 187 и съ отд
буквами отъ именъ 45.

Нахожденіе здѣсь столь значительнаго количества амфорныхъ ру
именами мѣстныхъ астиномовъ объясняется непосредственнымъ сос
печей для обжиганія амфоръ, уничтоженныхъ во время расширенія го
римскую эпоху. Съ другой стороны большой фланговой башни, у самого
между стѣнами, были открыты въ 1900 г. и самые остатки печей и
ство амфорныхъ ручекъ [4]).

Кромѣ того, найдено 18 ручекъ съ надписями и 31 съ моног
относимыхъ къ неизвѣстнымъ греческимъ колоніямъ.

2 обломка отъ большихъ древнегреческихъ черепицъ съ именны
тями астиномовъ, одинъ Синопы, другой неизвѣстной колоніи [5]).

2. Монеты: a) Херсонеса: α) греческаго періода 6 экз. (Бу
т. 14, №№ 29—35 и т. 15, №№ 54—57).

β) византійскаго періода 9 экз. отъ Юстиніана до Романа II (
ковъ, т. 9, №№ 1—3, 20, 22, 29, 35 и т. 10, №№ 44, 51, 52)

b) Другихъ греческихъ колоній—5 экз., всѣ очень плохой сох
(одного изъ послѣднихъ боспорскихъ царей, Синопы, Амиса, коло

[1]) Издана В. В. Латышевымъ въ *Изв. И. А. Комм.* в. 18, стр. 1
[2]) См. тамъ-же, № 24.
[3]) См. тамъ-же, стр. 117, № 26.
[4]) См. *Изв. И. Арх. Комм.* в. 2, стр. 18 сл.
[5]) Надписи и монограммы на ручкахъ и черепицахъ будутъ изданы

0,029 м. д., *лиц.* бюстъ императора вправо со слѣдами надписи, *об.* Зевсъ влѣво съ неразборчивой надписью, и неизвѣстной греческой колоніи).

c) Римскихъ и византійскихъ императоровъ—10 экз.

3. Статуи и части ихъ, мраморныя: 1) средняя часть, безъ оконечностей, мужской статуи хорошаго исполненія изъ бѣлаго греческаго мрамора, прислоненной къ плитѣ (рис. 15); лѣвая рука у локтя была приставная. Наиб. размѣры: выш. 0,62, шир. 0,40 и толщ. 0,20 м. Обломокъ сильно источенъ морскими животными, а къ правому плечу

Рис. 15 (1/10).

пристала часть устрицы, изъ чего видно, что онъ долгое время пролежалъ въ морѣ. — 2) Ступня лѣвой ноги въ сандаліи, натур. вел., съ частью плиты.

4. Посуда глиняная: чернолаковая тарелка обычной формы, поврежден- буролаковый сосудикъ въ видѣ чайника (верхъ коричневаго цвѣта украшенъ черной звѣздой); краснолаковая чашечка разбитая съ недостающими сбоку кусками, красивой легкой формы, безъ ручекъ, 0,07 м. выш. и 0,08 м. діам. сверху, украшенная вокругъ выпуклыми листиками и стрѣлками; 339 обломковъ разной посуды, безъ слѣдовъ рисунковъ и орнамента.

Лампочки: 1) рѣдкой формы въ видѣ чашечки, 0,045 м. выш. и 0,09 м. діам., съ трубкой по серединѣ, 0,06 м. выш. и 0,05 м. діам. въ верхней расширенной части, съ отверстіемъ, соединяющимъ снизу трубку съ чашечкой, и съ ручкой сверху, соединяющей края трубки и чашечки; 2) украшенная выпуклымъ изображеніемъ гладіатора, поврежденная; 3) украшенная выпуклыми загадочными знаками, быть можетъ, готская; 4) безъ украшеній, обычной формы, римской эпохи; 5) часть лампочки простой глины, но античной формы, съ круто-поднятой ручкой и съ началомъ отбитой прямой расширяющейся ножки (рѣдкій видъ); 8 обломковъ отъ лампочекъ: 1 античной формы удлиненный, 1 такой-же, но съ ручкой сбоку въ видѣ малаго ушка, 1 такой-же безъ ручки и съ отверстіемъ посрединѣ для насаживанія на подставку, 1 такой-же безъ ручки, красивой удлиненной формы, сѣроглиняный, и 4 краснолаковые римской эпохи.

Въ насыпи некрополя на мѣстѣ скотнаго двора при раско: найдены слѣдующія древности:

1. Памятники епиграфическіе:

1) Осколокъ мраморной плиты, 0,065 м. наиб. дл., 0,035 м. наиб и 0,017 м. толщ., съ частью 4-хъ буквъ въ 0,015 м. выш. въ одной с отъ греческой надписи римской эпохи.

2) Нижній лѣвый уголъ мраморнаго надгробія съ частью греческоі писи римской эпохи [1]).

3) Верхняя часть прямоугольной надгробной плиты изъ мѣстнаго і няка съ вполнѣ сохранившеюся древнегреческою надписью [2]).

4) Правая сторона мраморной надгробной плиты съ частью 4- ной греческой надписи римской эпохи [3]).

232 амфорныя ручки съ именными печатями херсонесскихъ астин въ томъ числѣ съ хорошо сохранившимися именами 187 и съ отдѣл буквами отъ именъ 45.

Нахожденіе здѣсь столь значительнаго количества амфорныхъ руче именами мѣстныхъ астиномовъ объясняется непосредственнымъ сосѣд печей для обжиганія амфоръ, уничтоженныхъ во время расширенія горс римскую эпоху. Съ другой стороны большой фланговой башни, у самого і между стѣнами, были открыты въ 1900 г. и самые остатки печей и м ство амфорныхъ ручекъ [4]).

Кромѣ того, найдено 18 ручекъ съ надписями и 31 съ моногра относимыхъ къ неизвѣстнымъ греческимъ колоніямъ.

2 обломка отъ большихъ древнегреческихъ черепицъ съ именными тями астиномовъ, одинъ Синопы, другой неизвѣстной колоніи [5]).

2. Монеты: а) Херсонеса: α) греческаго періода 6 экз. (Бура т. 14, №№ 29—35 и т. 15, №№ 54—57).

β) византійскаго періода 9 экз. отъ Юстиніана до Романа II (Ор ковъ, т. 9, №№ 1—3, 20, 22, 29, 35 и т. 10, №№ 44, 51, 52).

b) Другихъ греческихъ колоній—5 экз., всѣ очень плохой сохра (одного изъ послѣднихъ боспорскихъ царей, Синопы, Амиса, колоніа

[1]) Издана В. В. Латышевымъ въ *Изв. И. А. Комм.* в. 18, стр. 116,
[2]) См. тамъ-же, № 24.
[3]) См. тамъ-же, стр. 117, № 26.
[4]) См. *Изв. И. Арх. Комм.* в. 2, стр. 18 сл.
[5]) Надписи и монограммы на ручкахъ и черепицахъ будутъ изданы от

0,029 м. д., *лиц.* бюстъ императора вправо со слѣдами надписи, *об.* Зевсъ влѣво съ неразборчивой надписью, и неизвѣстной греческой колоніи).

c) Римскихъ и византійскихъ императоровъ—10 экз.

Рис. 15 (1/10).

3. Статуи и части ихъ, мраморныя: 1) средняя часть, безъ оконечностей, мужской статуи хорошаго исполненія изъ бѣлаго греческаго мрамора, прислоненной къ плитѣ (рис. 15); лѣвая рука у локтя была приставная. Наиб. размѣры: выш. 0,62, шир. 0,40 и толщ. 0,20 м. Обломокъ сильно источенъ морскими животными, а къ правому плечу пристала часть устрицы, изъ чего видно, что онъ долгое время пролежалъ въ морѣ. — 2) Ступня лѣвой ноги въ сандаліи, натур. вел., съ частью плиты.

4. Посуда глиняная: чернолаковая тарелка обычной формы, поврежденбуролаковый сосудикъ въ видѣ чайника (верхъ коричневаго цвѣта украшенъ черной звѣздой); краснолаковая чашечка разбитая съ недостающими сбоку кусками, красивой легкой формы, безъ ручекъ, 0,07 м. выш. и 0,08 м. діам. сверху, украшенная вокругъ выпуклыми листиками и стрѣлками; 339 обломковъ разной посуды, безъ слѣдовъ рисунковъ и орнамента.

Лампочки: 1) рѣдкой формы въ видѣ чашечки, 0,045 м. выш. и 0,09 м. діам., съ трубкой по серединѣ, 0,06 м. выш. и 0,05 м. діам. въ верхней расширенной части, съ отверстіемъ, соединяющимъ снизу трубку съ чашечкой, и съ ручкой сверху, соединяющей края трубки и чашечки; 2) украшенная выпуклымъ изображеніемъ гладіатора, поврежденная; 3) украшенная выпуклыми загадочными знаками, быть можетъ, готская; 4) безъ украшеній, обычной формы, римской эпохи; 5) часть лампочки простой глины, но античной формы, съ круто-поднятой ручкой и съ началомъ отбитой прямой расширяющейся ножки (рѣдкій видъ); 8 обломковъ отъ лампочекъ: 1 античной формы удлиненный, 1 такой-же, но съ ручкой сбоку въ видѣ малаго ушка, 1 такой-же безъ ручки и съ отверстіемъ посрединѣ для насаживанія на подставку, 1 такой-же безъ ручки, красивой удлиненной формы, сѣроглиняный, и 4 краснолаковые римской эпохи.

Посуда стеклянная: обломокъ нижней части чашки или с
сплошь украшенный выпуклымъ чешуйчатымъ орнаментомъ, какъ на
скихъ кубкахъ; 2 куска отъ горла (0,135 м. діам. сверху) очень бо
сосуда изъ тонкаго стекла; 26 обломковъ: 7 донышекъ, 5 горлъ, 2 р
12 бочковъ.

5. ***Хозяйственныя орудія и инструменты***: 4 оселка съ ды
для ношенія у пояса; 3 оселка безъ дырочекъ; обломокъ отъ бро
ключа.—Каменнаго вѣка: скребокъ кремневый прямоугольный, 0,028 × 0
половина каменнаго молотка съ тупымъ концомъ, не полированнаго.

6. ***Сбруя:*** 2 подвѣски въ видѣ длинныхъ узкихъ расширенныхъ
бовыхъ пластинокъ съ несоразмѣрно большимъ прямоугольнымъ ушкомъ для

7. ***Рыболовство***: иголка бронзовая для вязанія сѣтей, 0,22 м. д

8. ***Наряды, украшенія, принадлежности туалета:*** браслет
зовый большой съ тупыми концами; такой-же браслетъ малый; перстен
зовый съ овальнымъ щиткомъ, на которомъ вырѣзанъ крылатый геній (с
саніе гробницъ №№ 1012 и 2026); 8 пряжекъ поясныхъ бронзовыхъ:
ненная узкая съ завитками въ видѣ змѣиныхъ головокъ, 2 прямоу
плоскія, безъ украшеній, 2 овальныя съ сильнымъ утолщеніемъ съ одн
роны и 3 въ видѣ простыхъ круглыхъ колецъ съ массивными яз
3 кольца бронзовыхъ разной величины, повидимому отъ поясныхъ п
пряжка поясная желѣзная, сильно поврежденная; 2 перстня желѣзны
одному пристала косточка отъ пальца); подвѣска къ ожерелью въ видѣ ус
пирамидки изъ синяго стекла; гребень костяной прямоугольный, 0,055 × 0
рѣдкій, поврежденный, съ дырочкой по серединѣ для подвѣшиванія;
костяная круглая, 0,023 м., съ заостренной ручкой въ 0,08 м. длин
вица костяная круглая, 0,023 м. діам., плоская, съ широкимъ ок
нымъ ушкомъ-ножкой, поврежденная; раковинка овальная съ 2-мя ды
снизу, служившая пуговицей; обломки костяной точеной коробочки.

9. ***Строительныя части зданій***: 18 черепицъ большихъ дре
ческихъ, безъ клеймъ: 0,67×0,51×0,03 м.—11 шт. и 0,51 × 0,39 × 0,0
7 штукъ.

10. ***Матеріалъ для издѣлій***: 4 кусочка сѣры.

11. ***Надгробія безъ эпитафій***: а) древнегреческой эпохи: 4
гробія малыя изъ мѣстнаго известняка въ видѣ греческаго порти
выпуклой головой и началомъ плечъ внутри; 1 надгробіе малое той-же
но безъ головы внутри портика; 5 обломковъ красивыхъ фронтоно

Рис. 16 (ок. 1/3).

стелъ изъ мѣстнаго известняка; часть стелы изъ того-же матеріала, украшенная 2-мя выпуклыми розетками, мечомъ и лукомъ,—распространенный видъ въ древнѣйшую эпоху; 44 верхнія части малыхъ составныхъ надгробій, напоминающія голову съ началомъ плечъ, изъ мѣстнаго известняка; 23 нижнія прямоугольныя плитки изъ того-же матеріала съ прямоугольными углубленіями для вышеописанныхъ головообразныхъ вставокъ; плитка, подобная предыдущимъ, но съ 2-мя прямоугольными углубленіями для верхнихъ вставокъ.— б) Римской эпохи: надгробіе мраморное грушевидной формы, 0,30 м. выш., 0,13 м. наиб. шир. и 0,07 м. наиб. толщ., съ выпуклымъ пояснымъ изображеніемъ мужчины, лицомъ къ зрителю (рис. 16). Повидимому, это часть большой надгробной стелы, стесанная въ нынѣшнемъ ея видѣ и приспособленная въ болѣе позднее время.—Осколокъ мраморной стелы, 0,02 м. толщ., съ уцѣлѣвшею частью выпуклаго изображенія женщины, облокотившейся на лѣвую руку; тоже, 0,025 м. толщ., съ уцѣлѣвшею частью выпуклаго изображенія сидящей собаки съ поднятой кверху головой; справа слѣды человѣческой фигуры.

12. Древности невыясненнаго назначенія: предметъ бронзовый, имѣющій форму нынѣшняго стального пера, 0,07 м. дл. и 0,009 м. діам. въ широкомъ мѣстѣ трубки, служившей для надѣванія на ручку; конецъ, къ сожалѣнію, отломанъ; сдѣланъ изъ бляшки, которая въ одной половинѣ согнута въ трубку и удерживалась на заклепкѣ.—Двѣ крышечки изъ круглой тонкой бронзовой бляшки: 0,031 м. діам., съ малымъ, но прочнымъ ушкомъ посрединѣ, и 0,032 м. дл., съ дырочкой по серединѣ, сквозь которую пропущенъ пробойчикъ съ кольцомъ, 0,015 м. внутр. діаметра.

2. Раскопки съ южной стороны „крестнаго храма“.

(Продолженіе раскопокъ 1902, 1903 и 1904 гг. См. планъ на табл. II).

№ 2084. Ходъ размѣровъ 1,77 × 0,80 × 0,71 м., въ начатую, но брошенную катакомбу, съ одной ступенькой, обращенный на Ю.

№ 2085. Ходъ трапецiевидный, 1,51 × 0,80 × 1,24 м., безъ ступе обращенный на С.-З.

№ 2086. Катакомба трапецiевидная грубой работы, 3,06 м. 2,97 — 3,37 м. шир. и 1,51 — 1,68 м. выш., съ 4-мя нишами-койкам 2 яруса въ боковыхъ стѣнахъ, съ малой арковидной нишей въ углу п стѣны, съ нишей въ видѣ аркосолія въ задней стѣнѣ, съ слабо-об таннымъ потолкомъ и съ ходомъ, 0,53 × 0,62 м., на Ю.-З. Стѣны со нишами и потолокъ старательно оштукатурены, при чемъ въ штука употреблены известь, песокъ и солома. По гладко отполированной ш туркѣ всюду шла роспись, отъ которой, къ сожалѣнію, сохранились немногіе куски. Особенно пострадалъ отъ сырости потолокъ, штукатурка раго продолжаетъ отпадать. Катакомба была въ свое время показана Бертье-Делагарду, а въ августѣ 1906 г. осмотрѣна Предсѣдат Императорской Археологической Коммиссіи графомъ А. А. Бобринск но съ особеннымъ вниманіемъ ея фрески были изслѣдованы професс М. И. Ростовцевымъ. В. Н. Ротомъ сдѣланы точные снимк краскахъ на калькѣ съ уцѣлѣвшихъ остатковъ фресокъ, а чертежн М. И. Скубетовымъ представленъ проектъ реставраціи нѣкоторыхъ ч фресокъ и къ нему краткая пояснительная записка (см. ниже въ приложеніи

Для выясненія устройства катакомбы и ея росписи прилагаются: спективный видъ катакомбы, 11 листовъ снимковъ въ краскахъ на ка 2 фотографич. снимка (аркосолія и куска штукатурки съ отпавшей фр на которомъ видна солома), рисунокъ реставрированныхъ частей фрес пояснительная записка В. Н. Рота къ составленнымъ имъ снимкамъ [1]).

Въ вынутой и просѣянной землѣ, которая проникла въ катаком перемѣшалась съ разбросанными костями, найдены: золотая проволочная с съ петелькой, золотое колечко, утолщенное по серединѣ, отъ пряжечки, пр золотая шаровидная, пряжка поясная бронзовая съ уцѣлѣвшими оста наложеннаго золота, половина крестика-тѣльника изъ тонкой бронзовой стинки, 0,013 × 0,01 м., 4 пронизи: 1 сердоликовая круглая малая, 1 красной пасты такая-же и 2 лигнитовыя въ видѣ гранныхъ трубочекъ, нецъ 5 бронзовыхъ римскихъ императорскихъ монетъ: Валентиніана I—2 Θеодосія Великаго—2 экз. и Аркадія—1 экз.

№ 2087. Тоже, 2,84 м. глуб., 2,66—2,75 шир. и 1,68—1,64 съ 6-ю двухъярусными нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ, кромѣ пере

[1]) [Хранятся въ архивѣ Коммиссіи. *Ред.*].

и съ ходомъ, 0,62 × 0,62 м., на С.-З. Мѣстами обрушилась. Плита затвора была лишь прислонена. Внутрь проникла земля, въ которой найдены: серьга золотая проволочная дѣтская, 3 золотыя пронизи въ видѣ рубчатыхъ трубочекъ, 2 лампочки глиняныя (одна съ поднятыми носикомъ и ручкой, другая малая, крайне грубой работы), 2 бронзовыя массивныя поясныя пряжки простѣйшаго вида, часть костяной ручки, украшенной художественной рѣзьбой, 74 лигнитовыя пронизи отъ двухъ браслетовъ въ видѣ уже неоднократно встрѣчавшихся небольшихъ прямоугольныхъ пластинокъ, украшенныхъ съ лицевой стороны рубчиками, съ 2-мя дырочками для нанизыванія, 52 пронизи изъ синяго стекла мелкія какъ бисеръ, 10 пронизей изъ того-же матеріала въ видѣ малыхъ 14-гранниковъ, 3 пронизи изъ того-же матеріала круглыя рубчатыя, 16 бронзовыхъ монетъ: 4 херсонесскія временъ элевѳеріи (Бурачковъ, т. 16, №№ 103, 108 и 115), одна Рискупорида III, одна неизвѣстной греческой колоніи, 0,023 м. діам., со стертыми изображеніями и надписями и съ контрмаркой въ видѣ мужской головы вправо, поврежденной просверленною дырочкою, и 10 римскихъ императорскихъ очень плохой сохранности, изъ коихъ 6 малыхъ, повидимому, сыновей Константина Великаго.

№ 2088. Тоже, пещеровидная, небрежной работы, 2,21 м. наиб. глуб., 2,84 наиб. шир. и 1,51 выш., съ 3-мя нишами-койками: въ правой стѣнѣ одной большой и въ лѣвой двумя малыми, одна надъ другой, и съ гробницей, вырубленной въ подошвѣ, 1,60 × 0,48 × 0,48 м. Большая ниша старательно оштукатурена. Ходъ, 0,62 × 0,71 м., обращенный на С.-З., былъ безъ затвора и катакомба наполнилась землей, въ которой найдены: фибула большая желѣзная простѣйшаго вида, пряжка поясная желѣзная, 2 пряжки поясныя бронзовыя грубой работы и 5 бронзовыхъ римскихъ императорскихъ монетъ: одна Валентиніана I, одна Ѳеодосія Великаго и 3 того-же времени, но со стертыми изображеніями и надписями.

№ 2089. Тоже, подобная предыдущей, но очень грубой работы и безъ нишъ, 3,37 м. наиб. глуб., 3,90 м. наиб. шир. и 1,74 м. выш., съ ходомъ 0,62 × 0,62 м., на З. Въ проникшей землѣ найдены: пряжка поясная бронзовая большая прямоугольная, съ заклепками для прикрѣпленія ремня, пряжка малая того-же устройства, но съ длиннымъ клювовиднымъ язычкомъ, шашка изъ чернаго стекла круглая, обычной формы, и 4 малыя круглыя пронизи изъ синяго стекла.

№ 2090. Тоже, овальная, крайне грубой работы, 0,93 м. глуб., 1,33 шир. и 0,95 выш., безъ нишъ и съ ходомъ, 0,57 × 0,57 м., на Ю., повидимому не оконченная; остововъ не оказалось.

въ 3-хъ стѣнахъ, подобными обнаруженнымъ въ катакомбахъ №№ 1505 и 2120, со слабо-коробовымъ потолкомъ и съ ходомъ, 0,66 × 0,84 м., на С. Въ правой стѣнѣ выдолблена у задняго угла выемочка для лампы. Ступенька для спуска въ катакомбу сдѣлана изъ древнегреческой профилированной надгробной стелы изъ желтоватаго известняка. Кромѣ земли и разбросанныхъ костей ничего не найдено.

№ 2102. Тоже, но грубой работы, 2,39 м. гл., 2,66 — 2,30 м. шир. и 2 м. выш., съ 3-мя нишами койками въ 3-хъ стѣнахъ, со слабо обработаннымъ потолкомъ и съ ходомъ, 0,66 × 0,62 м., на С. Сильно пострадала отъ сырости и имѣетъ сквозной проломъ надъ лѣвой нишей. Была наполнена землей, въ которой ничего не найдено.

№ 2103. Тоже, 2,97 м. гл., 2,92 — 3,10 шир. и 1,73 — 1,64 выш., съ 6-ю двухъярусными нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ, со слабо обработаннымъ, мѣстами обрушившимся, потолкомъ и съ ходомъ, 0,57 × 0,57 м., на С.-В. Плиты затвора не оказалось и въ катакомбу проникла земля, въ которой найдены: лампочка глиняная съ поднятыми носикомъ и ручкой, лампочка малая безобразная, вся покрытая копотью, камень метательный малый, медальонъ-подвѣска бронзовый зубчатый, 4 пронизи синяго стекла: 1 въ видѣ гладкой трубочки, 1 въ видѣ 14-гранника и 2 круглыя гладкія и 5 бронз. императорскихъ монетъ: Валентиніана I, Θеодосія Вел., Аркадія и 2 того-же времени очень плохой сохранности.

№ 2104. Тоже, прямоугольная, грубой работы, 2,04 м. гл., 1,86 шир. и 1,73 × 1,64 выш., съ 3-мя нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ, со слабо обработаннымъ потолкомъ и съ ходомъ, 0,53 × 0,62 м., на С.-В. Грабительскій проломъ изъ передняго угла правой стѣны ведетъ въ сосѣднюю катакомбу № 2105. Служила ночлежнымъ домомъ для безпріютнаго люда. Стѣны и потолокъ покрыты копотью.

№ 2105. Тоже, но трапецiевидная, крайне грубой работы, 2,13 м. гл., 1,77 — 2,13 шир. и 1,68 выш., съ 3-мя нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ и съ ходомъ, 0,53 × 0,62 м., на С.-В. Передняя сторона выдалась полукругомъ внутрь. Изъ лѣвой ниши грабительскій проломъ ведетъ въ сосѣднюю катакомбу № 2104. Въ проникшей въ катакомбу землѣ найдены: 3 бальзамарія стеклянные плоскодонные, 0,05 — 0,06 м. выш., и 4 бронз. римскія императорскія монеты: Θеодосія Великаго 2 экз., Аркадія и Флакциллы по одному экз., всѣ хорошей сохранности.

№ 2106. Тоже, 2,02 м. гл., 2,04 — 2,48 шир. и 1,55 выш., съ 5-ю

нишами-койками: въ лѣвой и задней стѣнахъ по 2, одна надъ д
и въ правой стѣнѣ одной, со слабо обработаннымъ потолкомъ и съ х
0,62 × 0,57, на С.-В. Плиты затвора не оказалось, кости и земля
скучены отдѣльно и катакомба старательно разграблена.

№ 2107. Тоже, 2,75 м. гл., 2,48 — 4,12 шир. и 1,60 выш., с
нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ, съ необработаннымъ потолкомъ
ходомъ, 0,53 × 0,62 м., на В. Передняя сторона обрушилась, вслѣдстві
въ катакомбу проникла земля, въ которой найдены: 5 пронизей изъ
стекла: 2 въ видѣ гладкихъ трубочекъ, 1 въ видѣ плоскаго кружка
видѣ 14-гранника и 1 мелкая, какъ бисеръ; серьга бронзовая въ видѣ
съ 14-гранной пронизью и 4 бронзовыя монеты: греческая, 0,028 м.
совершенно стертая, херсонесская временъ элевѳеріи, неизданный ва
(нападающая Артемида — голова Аполлона въ вѣнкѣ, обращенная влѣво
вправо, какъ на всѣхъ экземплярахъ этого типа, 0,025 м. діам.), и и
торовъ Константина II и Валентиніана I.

№ 2108. Тоже, грубой работы, 2,21 м. глуб., 2,00 — 2,13 м.
1,90 — 1,77 выш., съ 3-мя нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ, съ 2-мя
прямоугольными нишами для урнъ въ передней стѣнѣ по обѣимъ сто
хода и съ одной такой-же нишей, вырубленной посерединѣ стѣны
койки, и съ ходомъ, 0,53 × 0,53 м., на В. Вслѣдствіе рыхлости скал
входа была вставлена каменная рама, вырубленная изъ цѣльной плиты.
комба старательно разграблена.

№ 2109. Тоже, 2,75 м. гл., 2,66 — 2,75 шир. и 1,64 выш., с
нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ и съ ходомъ, 0,57 × 0,62 м., на
Плита затвора была разбита и катакомба наполнена землей, въ которо
дены: лампа свѣтлоглиняная, украшенная полушаріями и выпуклыми зап
15 пронизей: 1 мозаичная круглая, 1 такая-же удлиненная, 1 изъ
стекла въ видѣ 14-гранника, 1 изъ зеленой пасты круглая рубчатая и
синяго стекла въ видѣ рубчатыхъ трубочекъ; бронз. херсонесская моне
головой Аполлона влѣво, подобная найденной въ катакомбѣ № 2107,
сохр., и 5 римскихъ императорскихъ монетъ: Каракаллы—Константин
2 экз. и Констанція II—2 экз.

№ 2110. Тоже, 2,21 м. глуб., 2,13 — 2,30 шир. и 1,82 — 1,68
съ 3-мя нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ, со слабо обработаннымъ пот
и съ ходомъ, 0,62 × 0,62 м., на С.-В. Надъ входомъ для укрѣпленія
скалы вложена каменная перекладина. Катакомба старательно разгра

Кости оказались собранными въ правомъ углу, а просѣянная земля—скученной посерединѣ.

№ 2111. Тоже, 3,81 м. глуб., 2,84 — 3,10 м. шир. и 1,86 — 1,63 м. выш., съ 6-ю двухъярусными нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ и ходомъ, 0,57 × 0,62 м., на С.-В., укрѣпленнымъ по бокамъ 2-мя плитами, на подобіе дверной коробки. Потолокъ волнообразный, необработанный, передняя и задняя стѣны вогнуты внутрь полукругомъ и въ верхней части ихъ выдолблено 5 выемочекъ для лампочекъ. Катакомба старательно разграблена.

№ 2112. Тоже, 2,11 гл., 3,11 — 3,37 шир. и 1,86 — 1,42 выш., съ 6-ю двухъярусными нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ, со слабо обработаннымъ потолкомъ, съ выгнутой наружу полукругомъ передней стѣной и съ ходомъ, 0,57 × 0,62, м., на С. Плиты затвора не оказалось и внутрь проникла земля, въ которой найдены: куски отъ двухъ деревянныхъ гребней, 2 разбитыхъ стеклянныхъ плоскодонныхъ бальзамарія, колокольчикъ бронзовый безъ язычка, пряжка поясная бронзовая простѣйшаго вида и 15 бронзовыхъ монетъ: 8 малыхъ сыновей Константина Великаго, очень плохой сохр., Ѳеодосія Великаго 3 экз., Аркадія 2 экз., Гонорія, Флакциллы, Льва I, Анастасія и Юстиніана I по одному экземпляру.

№ 2113. Тоже, 2,75 м. гл., 2,66 — 3,01 шир. и 1,86 — 1,68 выш., съ 6-ю двухъярусными нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ, съ волнообразнымъ потолкомъ и съ ходомъ, 0,57 × 0,57 м., на С.-В. Подобно предыдущей, оказалась безъ затвора и наполненною землей, въ которой найдены: бронзовый крестикъ-тѣльникъ, 0,02 × 0,015 м., съ сильно расширенными концами, лампочка глиняная малая, крайне грубой работы, 10 пронизей: 1 халцедоновая большая круглая, 1 янтарная въ видѣ плоскаго кружка и 8 изъ синяго стекла круглыхъ малыхъ и 10 бронзовыхъ монетъ римскихъ императоровъ: Криспа, Констанція II (2 экз.), Валентиніана I, Ѳеодосія Великаго (3 экз.), Аркадія, Гонорія и Флакциллы.

№ 2114. Тоже, 3,32 м. гл., 3,24 — 2,84 шир. и 1,91 — 1,55 выш., съ 4-мя нишами-койками, по 2 одна надъ другой, въ лѣвой и задней стѣнахъ и одной въ видѣ ящика въ правой стѣнѣ, которая была заставлена 5-ю плитами, изъ коихъ одна найдена на своемъ мѣстѣ, 2 лежали на полу, а остальныхъ двухъ въ катакомбѣ не оказалось. Потолокъ обработанный, передняя часть его выгнута полукругомъ; ходъ, 0,62 × 0,75 м., обращенъ на С. Подобно катакомбѣ № 2086, была расписана фресками, отъ которыхъ сохранились самые ничтожные остатки, такъ какъ катакомба долгое время простояла безъ

нишами-койками: въ лѣвой и задней стѣнахъ по 2, одна надъ другой, и въ правой стѣнѣ одной, со слабо обработаннымъ потолкомъ и съ ходомъ, 0,62 × 0,57, на С.-В. Плиты затвора не оказалось, кости и земля были скучены отдѣльно и катакомба старательно разграблена.

№ 2107. Тоже, 2,75 м. гл., 2,48 — 4,12 шир. и 1,60 выш., съ 3-мя нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ, съ необработаннымъ потолкомъ и съ ходомъ, 0,53 × 0,62 м., на В. Передняя сторона обрушилась, вслѣдствіе чего въ катакомбу проникла земля, въ которой найдены: 5 пронизей изъ синяго стекла: 2 въ видѣ гладкихъ трубочекъ, 1 въ видѣ плоскаго кружка, 1 въ видѣ 14-гранника и 1 мелкая, какъ бисеръ; серьга бронзовая въ видѣ кольца съ 14-гранной пронизью и 4 бронзовыя монеты: греческая, 0,028 м. діам., совершенно стертая, херсонесская временъ элевѳеріи, неизданный варіантъ (нападающая Артемида—голова Аполлона въ вѣнкѣ, обращенная влѣво, а не вправо, какъ на всѣхъ экземплярахъ этого типа, 0,025 м. діам.), и императоровъ Константина II и Валентиніана I.

№ 2108. Тоже, грубой работы, 2,21 м. глуб., 2,00 — 2,13 м. шир. и 1,90 — 1,77 выш., съ 3-мя нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ, съ 2-мя малыми прямоугольными нишами для урнъ въ передней стѣнѣ по обѣимъ сторонамъ хода и съ одной такой-же нишей, вырубленной посерединѣ стѣны задней койки, и съ ходомъ, 0,53 × 0,53 м., на В. Вслѣдствіе рыхлости скалы для входа была вставлена каменная рама, вырубленная изъ цѣльной плиты. Катакомба старательно разграблена.

№ 2109. Тоже, 2,75 м. гл., 2,66 — 2,75 шир. и 1,64 выш., съ 3-мя нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ и съ ходомъ, 0,57 × 0,62 м., на С.-В. Плита затвора была разбита и катакомба наполнена землей, въ которой найдены: лампа свѣтлоглиняная, украшенная полушаріями и выпуклыми запятыми, 15 пронизей: 1 мозаичная круглая, 1 такая-же удлиненная, 1 изъ синяго стекла въ видѣ 14-гранника, 1 изъ зеленой пасты круглая рубчатая и 11 изъ синяго стекла въ видѣ рубчатыхъ трубочекъ; бронз. херсонесская монета съ головой Аполлона влѣво, подобная найденной въ катакомбѣ № 2107, плохой сохр., и 5 римскихъ императорскихъ монетъ: Каракаллы—Константина II—2 экз. и Констанція II—2 экз.

№ 2110. Тоже, 2,21 м. глуб., 2,13 — 2,30 шир. и 1,82 — 1,68 выш., съ 3-мя нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ, со слабо обработаннымъ потолкомъ и съ ходомъ, 0,62 × 0,62 м., на С.-В. Надъ входомъ для укрѣпленія рыхлой скалы вложена каменная перекладина. Катакомба старательно разграблена.

Кости оказались собранными въ правомъ углу, а просѣянная земля—скученной посрединѣ.

№ 2111. Тоже, 3,81 м. глуб., 2,84 — 3,10 м. шир. и 1,86 — 1,63 м. выш., съ 6-ю двухъярусными нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ и ходомъ, 0,57 × 0,62 м., на С.-В., укрѣпленнымъ по бокамъ 2-мя плитами, на подобіе дверной коробки. Потолокъ волнообразный, необработанный, передняя и задняя стѣны вогнуты внутрь полукругомъ и въ верхней части ихъ выдолблено 5 выемочекъ для лампочекъ. Катакомба старательно разграблена.

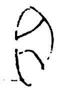
№ 2112. Тоже, 2,11 гл., 3,11 — 3,37 шир. и 1,86 — 1,42 выш., съ 6-ю двухъярусными нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ, со слабо обработаннымъ потолкомъ, съ выгнутой наружу полукругомъ передней стѣной и съ ходомъ, 0,57 × 0,62, м., на С. Плиты затвора не оказалось и внутрь проникла земля, въ которой найдены: куски отъ двухъ деревянныхъ гребней, 2 разбитыхъ стеклянныхъ плоскодонныхъ бальзамарія, колокольчикъ бронзовый безъ язычка, пряжка поясная бронзовая простѣйшаго вида и 15 бронзовыхъ монетъ: 8 малыхъ сыновей Константина Великаго, очень плохой сохр., Ѳеодосія Великаго 3 экз., Аркадія 2 экз., Гонорія, Флакциллы, Льва I, Анастасія и Юстиніана I по одному экземпляру.

№ 2113. Тоже, 2,75 м. гл., 2,66 — 3,01 шир. и 1,86 — 1,68 выш., съ 6-ю двухъярусными нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ, съ волнообразнымъ потолкомъ и съ ходомъ, 0,57 × 0,57 м., на С.-В. Подобно предыдущей, оказалась безъ затвора и наполненною землей, въ которой найдены: бронзовый крестикъ-тѣльникъ, 0,02 × 0,015 м., съ сильно расширенными концами, лампочка глиняная малая, крайне грубой работы, 10 пронизей: 1 халцедоновая большая круглая, 1 янтарная въ видѣ плоскаго кружка и 8 изъ синяго стекла круглыхъ малыхъ и 10 бронзовыхъ монетъ римскихъ императоровъ: Криспа, Констанція II (2 экз.), Валентиніана I, Ѳеодосія Великаго (3 экз.), Аркадія, Гонорія и Флакциллы.

№ 2114. Тоже, 3,32 м. гл., 3,24 — 2,84 шир. и 1,91 — 1,55 выш., съ 4-мя нишами-койками, по 2 одна надъ другой, въ лѣвой и задней стѣнахъ и одной въ видѣ ящика въ правой стѣнѣ, которая была заставлена 5-ю плитами, изъ коихъ одна найдена на своемъ мѣстѣ, 2 лежали на полу, а остальныхъ двухъ въ катакомбѣ не оказалось. Потолокъ обработанный, передняя часть его выгнута полукругомъ; ходъ, 0,62 × 0,75 м., обращенъ на С. Подобно катакомбѣ № 2086, была расписана фресками, отъ которыхъ сохранились самые ничтожные остатки, такъ какъ катакомба долгое время простояла безъ

затвора, доступная для грабителей и для рѣзкихъ атмосферныхъ вліяній. Как и вышеупомянутая, она была осмотрѣна сначала А. Л. Бертье-Делагардомъ, затѣмъ графомъ А. А. Бобринскимъ и проф. М. И. Ростовцевымъ. В. Н. Ротомъ сняты на калькѣ въ краскахъ сохранившіеся куски фресокъ на потолкѣ, а чертежникомъ М. И. Скубетовымъ составлены проектъ реставраціи нѣкоторыхъ частей и краткая пояснительная записка (см. ниже въ приложеніи 2-мъ).

Задѣлка правой ниши плитами, покрытыми росписью, доказываетъ, что погребенное здѣсь лицо пользовалось въ христіанскую эпоху особымъ уваженіемъ. Поэтому приходится крайне сожалѣть, что не посчастливилось обнаружить эту катакомбу въ нетронутомъ грабителями видѣ, въ какомъ иногда, хотя очень рѣдко, встрѣчаются на этомъ участкѣ некрополя катакомбы римской эпохи.



Въ вынутой и старательно просѣянной землѣ найденъ лишь обломокъ гипсоваго кружка, 0,025 м. толщ. и 0,075 м. діам., съ выпуклыми крестами, съ расширенными концами съ обѣихъ сторонъ, съ орнаментомъ вокругъ и съ отверстіемъ, 0,011 м. діам., для насаживанія на древко.

№ 2115. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 1,24×0,53×0,26 м., грубой работы, не покрытая плитами, съ разбросанными костями, при которыхъ ничего не найдено.

№ 2116. Тоже, 2,04×0,62×0,62 м., также не покрытая, съ разбросанными костями отъ двухъ остововъ, при которыхъ ничего не найдено.

№ 2117. Тоже, необычайно грубой работы, 2,04 × 0,93 × 1,11 м., также не покрытая, съ разбросанными костями, при которыхъ ничего не найдено. Правая продольная стѣна выдолблена въ основаніи для боковаго погребенія.

№ 2118. Тоже, грубой работы, 2,00 × 0,62 × 0,51 м., съ 2-мя продольными нишами-койками, съ грабительскимъ проломомъ изъ лѣвой ниши въ катакомбу № 2119 и съ разбросанными костями, при которыхъ найдены: лампочка глиняная очень грубой работы; 16 пронизей: 3 пастовыя мозаичныя большія круглыя, 3 такія же удлиненныя, одна изъ зеленой пасты большая круглая рубчатая и 9 изъ синяго стекла круглыхъ гладкихъ малыхъ; браслетъ бронз. съ расширенными тупыми концами; пряжка поясная бронзовая массивная, простѣйшаго вида, и 5 бронзовыхъ монетъ: Рискупорида III и 4 римскихъ императоровъ IV в. по Р. Х., очень плохой сохранности.

№ 2119. Катакомба безформенная крайне грубой работы, 1,15 м. глуб 1,51 наиб. шир. и 1,55 выш., безъ нишъ, повидимому не оконченная, съ граби

тельскимъ проломомъ изъ гробницы № 2118 и съ ходомъ, 0,53 × 0,66 м., на С.-В. Внутри не оказалось даже костей.

№ 2120. Тоже, трапецiевидная, посредственной работы, 2,13 м. глуб., 1,68—1,95 шир. и 1,73 выш., съ 3-мя нишами въ видѣ ящиковъ въ 3-хъ стѣнахъ, съ обработаннымъ потолкомъ, мѣстами обрушившимся, и съ ходомъ, 0,62 × 0,80 м., на С.-В. Найдена безъ затвора и старательно разграбленной.

№ 2121. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 1,95×0,57×0,75 м., грубой работы, не покрытая, съ разбросанными костями, при которыхъ ничего не найдено.

№ 2122. Тоже, 1,90 × 0,53 × 0,57 м., также не покрытая плитами и съ разбросанными костями, при которыхъ найдены: распавшiйся серебряный крестикъ-тѣльникъ, обрывокъ бронз. лампадной цѣпи и бронз. херсонесская монета императора Юстинiана I. Здѣсь передъ нами несомнѣнно христiанское погребенiе, относящееся, судя по монетѣ, къ VI вѣку по Р. Хр.

№ 2123. Тоже, 1,95 × 0,57 × 0,62 м., съ провалившимися внутрь плитами и съ разбросанными костями, при которыхъ найдены: 7 большихъ пронизей отъ браслета въ видѣ рубчатыхъ полушарiй изъ темнозеленаго стекла, съ 2-мя дырочками; пронизь халцедоновая круглая большая; серьга въ видѣ бронзоваго гладкаго колечка; пуговица бронзовая массивная бубенчиковидная и 5 бронзовыхъ монетъ: одна херсонесская временъ элевѳерiи (Бурачковъ, т. 16, № 110) и 4 малыя очень плохой сохранности, повидимому сыновей Константина Великаго.

№ 2124. Тоже, хорошей работы, оштукатуренная розовой цемянкой, 1,60×0,62×0,71 м., не покрытая плитами, съ сильно истлѣвшими костями, при которыхъ найдены: 2 глиняныхъ поврежденныхъ блюдца на высокихъ ножкахъ, 7 глиняныхъ лампочекъ, украшенныхъ пупышками и рубчиками, и обломки металлическаго зеркала.

№ 2125. Катакомба трапецiевидная грубой работы, 1,95 гл., 1,77—1,95 шир. и 1,68 м. выш., съ 3-мя нишами койками въ 3-хъ стѣнахъ, съ грубообработаннымъ киркой потолкомъ, со слабо выгнутой впередъ входной стѣной и съ ходомъ, 0,62×0,80 м., на С.-В. Найдена безъ затвора, старательно разграбленною.

По сосѣдству съ катакомбами №№ 2101 и 2102 обнаруженъ величественный колодецъ цилиндрической формы сверху и грушевидной снизу, старательно вырубленный въ скалѣ, 1,15—2,22 м. дiам. и 7,27 м. глубины, съ проточной водой, 1,06 м. глуб., и съ отдѣльнымъ къ нему крутымъ ступенчатымъ ходомъ, потолокъ котораго волнообразными выемками въ скалѣ при-

способленъ для удобнаго спуска. Внизу лѣстница выходитъ на площадку съ прорубленнымъ арковиднымъ окномъ для черпанія воды изъ колодца. Это по- втореніе приспособленія, обнаруженнаго въ 1902 г. внутри крипты подъ «крестнымъ» храмомъ. Въ колодцѣ имѣются выемочки для ногъ, повидимому

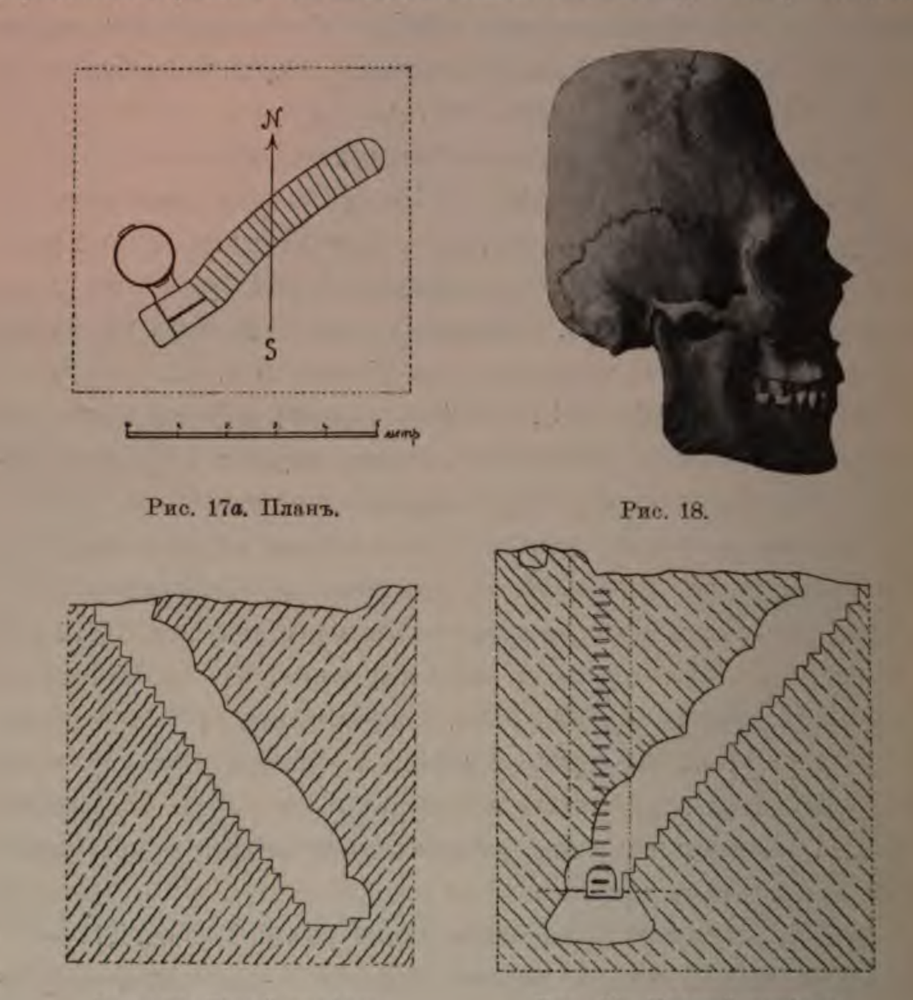


Рис. 17*а*. Планъ.

Рис. 18.

Рис. 17*б*. Лѣвый профиль.

Рис. 17*в*. Правый профиль.

вырубленныя при его сооруженіи. Всѣ детали показаны на особыхъ рисункахъ (рис. 17 *а*—*в*), а анализъ воды, признанной севастопольскимъ городскимъ химикомъ А. К. Годзишевскимъ негодною для употребленія, при семъ прилагается [1]). Въ землѣ, наполнявшей колодецъ и ходъ, отъ которыхъ на поверхности не оставалось ни малѣйшихъ признаковъ, были найдены кости животныхъ и людей и большой рѣзко деформированный черепъ (рис. 18).

---

[1]) См. приложеніе 3-е.

На этомъ же участкѣ некрополя, но съ лѣвой стороны городской дороги, по сосѣдству съ раскопками 1890 г., при распланировкѣ площадки военнымъ вѣдомствомъ для постройки каменнаго сарая для храненія пожарныхъ инструментовъ, была обнаружена интересная катакомба.

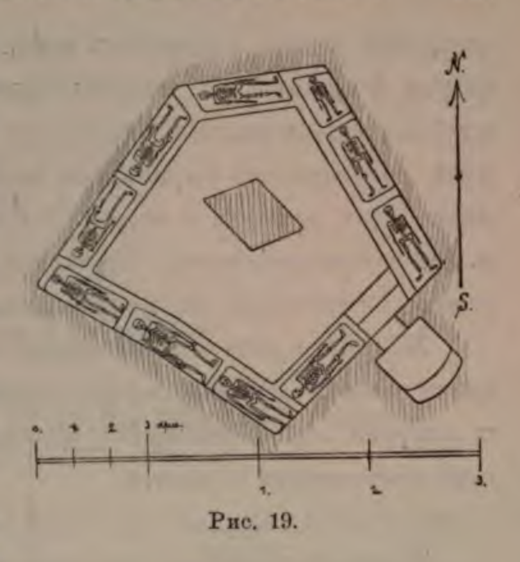


Рис. 19.

№ 2126. Катакомба пятиугольная грубой работы, 4,70 м. глуб., 3,01—5,23 м. ширины и 1,60 м. выш., со сплошной нишей-скамьей, 0,74 м. выш. и 0,76 шир., идущей по всѣмъ 5-ти сторонамъ и раздѣленной на 10 перегороженныхъ приливчиками, какъ-бы отдѣльныхъ коекъ, 0,08 м. глуб., съ подпорнымъ столбомъ въ средней части, ромбовиднаго горизонтальнаго сѣченія, съ ровнымъ, обработаннымъ гранной киркой потолкомъ и съ ходомъ, 0,66×0,75 м., на Ю.-В. Затворъ находился на своемъ мѣстѣ, но былъ только прислоненъ, не замазанъ и подпертъ приваленными камнями. Во всѣхъ 10 отдѣленіяхъ лежало по одному остову, какъ показано на детальномъ планѣ (рис. 19), но только при 5-ти остовахъ были найдены нижепоименованныя украшенія.

У перваго справа отъ входа: 2 бронзовыя серьги въ видѣ массивныхъ колецъ съ такими же 14-гранниками; у перваго слѣва отъ входа: 2 большія желѣзныя пряжки, сильно поврежденныя ржавчиной, повидимому отъ сбруи; у слѣдующаго, рядомъ: пронизь золотая въ видѣ рубчатой трубочки, 2 фибулы бронзовыя малыя, простѣйшей формы, и 2 бронзовыя пряжечки отъ обуви; у 3-го слѣва: 2 бронзовыя малыя пружинныя фибулы, 4 бронзовыя небольшія пряжки, изъ коихъ 2 парныя, впервые встрѣчаемой формы и не выясненнаго назначенія (рис. 20), и 2 пластинки изъ низкопробнаго серебра (рис. 21), украшенныя цвѣтной эмалью, сильно поврежденной, помѣщенной въ золотыхъ перегородкахъ; пластинки слу-

Рис. 20 (н. в.).

Рис. 21 (н. в.).

жили, быть можетъ, украшеніемъ пояса. Наконецъ, у послѣдняго слѣва остова найдена большая бронз. поясная пряжка простѣйшаго вида. Остовы мало истлѣли, деформированныхъ череповъ не было, на койкахъ лежали обрывки ткани, но совершенно отсутствовали обломки дерева и гвозди отъ гробовъ, а также посуда, лампочки и монеты. Катакомба не была тронута грабителями и въ нее не проникла земля. Разслѣдована же она черезъ проломъ скалы въ потолкѣ, происшедшій во время планировки площадки для постройки сарая.

№ 2127. Справа отъ катакомбы обнаружена въ землѣ урна въ видѣ красноглиняной двуручной амфоры, раздавленная, съ жжеными костями, вмѣстѣ съ которыми лежала поврежденная красноглиняная лампочка, украшенная выпуклымъ изображеніемъ гладіатора.

Въ насыпи некрополя у крестнаго храма найдены: 3 маленькихъ обломка отъ мраморныхъ плитъ съ нѣсколькими буквами отъ надписей [1]) и небольшой деформированный черепъ безъ нижней челюсти, которая не разыскана.

На этомъ участкѣ некрополя въ отчетномъ году обнаружено 44 экз. разнородныхъ погребеній, а именно:

24 катакомбы, изъ коихъ: 6 съ 6-ю нишами-койками, 1 съ 5-ю нишами-койками, 1 съ 4-мя нишами-койками и съ одной ящиковидной (съ остатками фресокъ), 1 съ 4-мя нишами-койками, съ малой арковидной нишей и съ нишей въ видѣ аркосолія (съ остатками фресокъ), 7 съ 3-мя нишами-койками, 1 съ 3-мя нишами-койками и съ гробницей, вырубленной въ полу, 1 съ 3-мя нишами-койками, съ 2-мя малыми для урнъ и съ одной въ задней нишѣ, 2 съ 3-мя нишами въ видѣ ящиковъ, 1 со сплошной скамьей, раздѣленной приливчиками какъ бы на 10 коекъ, и 3 безъ нишъ.

9 гробницъ, вырубленныхъ въ скалѣ, изъ коихъ: 2 съ 2-мя боковыми продольными нишами-койками, 1 съ одной боковой продольной нишей-койкой и 6 безъ нишъ, 7 гробницъ земляныхъ, 1 урна въ видѣ красноглиняной двуручной амфоры и 3 брошенныхъ хода въ проектированныя катакомбы.

---

[1]) Изданы въ *Изв. И. А. Комм.* в. 18, стр. 120—121, №№ 32, 34 и 35.

II. ГОРОДИЩЕ.

I. Раскопки въ юго-западной части монастырской усадьбы.

(Продолженіе раскопокъ 1902–1904 г.).

Въ отчетномъ году окончено разслѣдованіе юго-западной части акрополя и дальнѣйшія раскопки внутри монастырской усадьбы временно прекращены. Съ 1906-го года раскопки будутъ перенесены на обширную площадь южнаго некрополя, вслѣдствіе предпринимаемыхъ здѣсь военнымъ вѣдомствомъ большихъ работъ, вызываемыхъ постройкой казармъ и офицерскихъ флигелей для переводимаго въ Херсонесъ одного батальона Севастопольской крѣпостной артиллеріи.

Въ самомъ юго-западномъ углу монастырской усадьбы обнаружено большое зданіе *B*, не вполнѣ выясненнаго назначенія (см. планъ на табл. III). Толстыя стѣны его сложены изъ бутоваго камня на извести и оштукатурены внутри цемянкой. Съ Ю.-З. въ зданіе входилъ водобѣгъ въ видѣ вырубленнаго въ скалѣ канала, проходящаго внизъ подъ половой настилъ изъ каменныхъ плитъ. Съ этой стороны зданія, имѣющаго несомнѣнную связь съ цѣлой системой построекъ (предположительно термъ), открытыхъ въ 1898 г. нѣсколько западнѣе, на мѣстѣ нынѣшняго караульнаго помѣщенія, предѣльная стѣна не обнаружена, такъ какъ она попала подъ монастырскую ограду, но та часть зданія, которая имѣла каменный полъ, отдѣлена болѣе тонкой поперечной стѣной (0,64 м. толщ.), не связанной съ продольными стѣнами. Вышина сохранившихся стѣнъ 0,80—1,42 м., со скатомъ съ Ю.-З. на С.-В. Ширина зданія, по наружному обмѣру, 6,43 м., длина его, до пересѣченія съ монастырской оградой, сѣверной стѣны 14,22 м. и южной 14,93 м., толщина стѣнъ: продольныхъ 0,88 и 1,02 м. и поперечныхъ 0,64 и 0,80 м. Съ сѣверной стороны зданія, вплотную съ его стѣной, проложенъ второй водобѣгъ, съ вѣткой къ нему, состоящій изъ цемянковаго канала, обставленнаго каменными плитами. Проходя вдоль всего зданія, каналъ, на половинѣ длины послѣдняго, сообщается вѣткой съ подпольемъ, причемъ въ точкѣ развѣтвленія и въ концѣ водобѣга

отвѣсно вставлено по гончарной трубѣ. Трубы въ такомъ-же положенiи бы[illegible] найдены и въ сосѣднемъ зданiи термъ, открытомъ въ 1898 г. Эти водобѣ[illegible] обогнувъ зданiе *B* вдоль стѣнъ съ внутренней стороны по цемянковымъ кан[illegible] ламъ, выходили сквозь восточную поперечную стѣну наружу и соединялись [illegible] главнымъ коллекторомъ водостока, проходившаго по ближайшей широкой ули[illegible] ведущей къ городскимъ воротамъ. Интересное изданiе имѣло хорошо сохран[illegible] шiйся плитный полъ, который перенесенъ на площадь склада древностей, та[illegible] какъ монастырь не далъ разрѣшенiя на сохраненiе зданiя, расположеннаго [illegible] черномъ дворѣ, за конюшней. Рис. 22 изображаетъ это зданiе послѣ его око[illegible]-

Рис. 22.

чательной расчистки (двое рабочихъ стоятъ съ ю.-з. стороны зданiя, у входа водобѣга). Не выясненную особенность зданiя составляютъ выдолбленныя въ половыхъ плитахъ вдоль продольныхъ стѣнъ луночки, 0,17 м. дiам. и 0,08 м. глуб., соединенныя канальчикомъ въ 0,06 м. шир., и соотвѣтствующiя имъ квадратныя углубленiя, 0,17 × 0,17 и 0,31 м. глуб., въ продольныхъ стѣнахъ, на вышинѣ 0,53 м. отъ линiи пола. Такихъ луночекъ и квадратныхъ отверстiй имѣется съ каждой стороны по 15-ти, что указываетъ на ихъ несомнѣнную связь. По мнѣнiю проф. М. И. Ростовцева и инженера Н. I. Третескаго, зданiе это могло быть общественнымъ отхожимъ мѣстомъ, на что, кромѣ его характерныхъ деталей и обилiя пропущенной внутрь воды,

и его изолированное положеніе у оборонительной стѣны, по бли-
скихъ термъ.

итный полъ уложено нѣсколько камней изъ построекъ древнегрече-
Въ болѣе позднее время и это зданіе раздѣлило общую участь
несскихъ построекъ ранней эпохи: въ немъ заложили дверь въ
ольной стѣнѣ, разобрали плитный полъ въ западномъ углу съ той-же
вырубили въ скалѣ пашенную яму *м*, 1,77 × 1,77 × 1,06 м., а
ью, захвативъ часть ея, и ямой сложили изъ плитъ усыпаль-
)4 × 1,06 × 1,02 м., содержавшую множество костей.

этимъ зданіемъ и оборонительной стѣной сохранились части двухъ
г цемянковаго, одного типа съ ранѣе описанными, пропущеннаго
у, и *в*, древнѣйшаго, сложеннаго изъ цѣльныхъ каменныхъ жоло-
— 1,11 м. дл., 0,66 м. шир., 0,31 м. выш. и 0,22 — 0,35 м. діам.
(изображенъ на рис. 23). Водоотводъ византійской эпохи, выпу-
озь городскую
руженъ также
ву съ скла-
стей, у самаго
дома, а древ-
менные водо-
и найдены у
ны въ 1898,
1903 годахъ,
инъ изъ нихъ,
рской гостин-
ке проходилъ
боронительную

томъ угловомъ
монастырской
аниченномъ съ
въ оградой и
роны широкой
ружено 23 жи-
щенія верхняго
часть главной

Рис. 23.

улицы, направляющейся на западъ, къ юго-западнымъ городскимъ воротам
помѣщеніи № 1 обнаружена квадратная пашенная яма *л*, 1,95×1,95×1.
полъ и стѣны которой оштукатурены цемянкой. Помѣщенія поздне-визант
эпохи отличаются убогой кладкой изъ мелкаго бута, сложеннаго какъ-
уличной грязи.

Сосѣдняя съ этимъ участкомъ улица, служившая соединеніемъ горо,
воротъ *Ж* съ главной продольной улицей, прерывающейся съ С.-В о(
стымъ морскимъ берегомъ и остатками базилики, играла видную роль въ
тійскую эпоху, на что, кромѣ ея положенія, указываетъ и ширина ея въ 7
равная ширинѣ главной улицы. Выходящій на эту улицу узкой стороной
талъ съ храмомъ, открытымъ въ 1897 г., и интересными большими зд
обнаруженными въ 1903 и 1904 годахъ, имѣлъ болѣе раннюю ограду,
занную на планѣ, поверхъ которой были построены позднѣйшія жилыя
щенія, снесенныя при раскопкахъ и показанныя на планѣ, приложенно
отчету за 1903 г. При этомъ выяснилась вся величина расположенн
лѣвомъ углу квартала часовни базиличной формы, часть которой *а* был
сана въ 1903 г. [1]). Длина часовни составляетъ 17,78 м., ширина 6,
Въ 4-хъ усыпальницахъ притвора *к* и одной впереди порога, кромѣ мно
костей, ничего не найдено. Отъ часовни до проѣзда къ храму, открыто
1897 г., вся сторона ограды застроена съ внутренней стороны помѣп
№№ 24—29, квадратной формы, сложенными на извести, съ водостока
4-хъ изъ нихъ, выходящими на улицу и соединяющимися съ гла
коллекторомъ. Назначеніе этихъ помѣщеній, относящихся къ ранне-визан
эпохѣ, не выяснено. Проѣздъ къ храму, къ сожалѣнію, не могъ быть
дованъ, такъ какъ онъ застроенъ старой монастырской гостинницей. Бла
предупредительной любезности преосвященнаго Иннокентія, была разслѣ
до скалы главная продольная улица древняго города на всемъ протяже
конюшни до главнаго жилого корпуса, несмотря на то, что эти ра(
производимыя въ самомъ центрѣ монастыря и на значительной гл
несомнѣнно нарушали порядки монастырской жизни.

При разслѣдованіи улицы выяснены слѣдующіе интересные факты:
сѣверной стороны, у самой монастырской кухни, на скалистой подошвѣ у
4 камня съ рустами отъ внутренней облицовки городской оборонит
стѣны *А*, благодаря чему можно было возстановить ея направленіе (на
лагаемомъ планѣ отмѣчено пунктиромъ).

[1]) См. *Изв. И. Арх. Комм.*, в. 16, стр. 45.

2) Водобѣгъ *е*, проходящій въ 0,35 м. отъ скалы, состоящій изъ цемянковаго канала яйцевидной формы, подобнаго обнаруженному въ 1893 г. въ ю.-з. оконченности городища, по близости главныхъ воротъ [1]). Водоводъ этотъ проходилъ черезъ очистительный колодецъ *ж*, сложенный въ видѣ ящика изъ каменныхъ плитъ на прочной цемянкѣ (рис. 24 *а*—*в*).

3) Небольшая часть поздне-византійскаго плитнаго водостока *д*.

4) Второй подопроводъ *з* изъ рубчатыхъ гончарныхъ трубъ, уложенныхъ по поверхности скалы (рис. 25). На упомянутомъ выше участкѣ городища, близъ главныхъ воротъ, въ 1893 г. былъ также открытъ трубный водопроводъ. Въ недалекомъ будущемъ возможно будетъ связать всѣ эти обнаруженные раскопками отдѣльные куски.

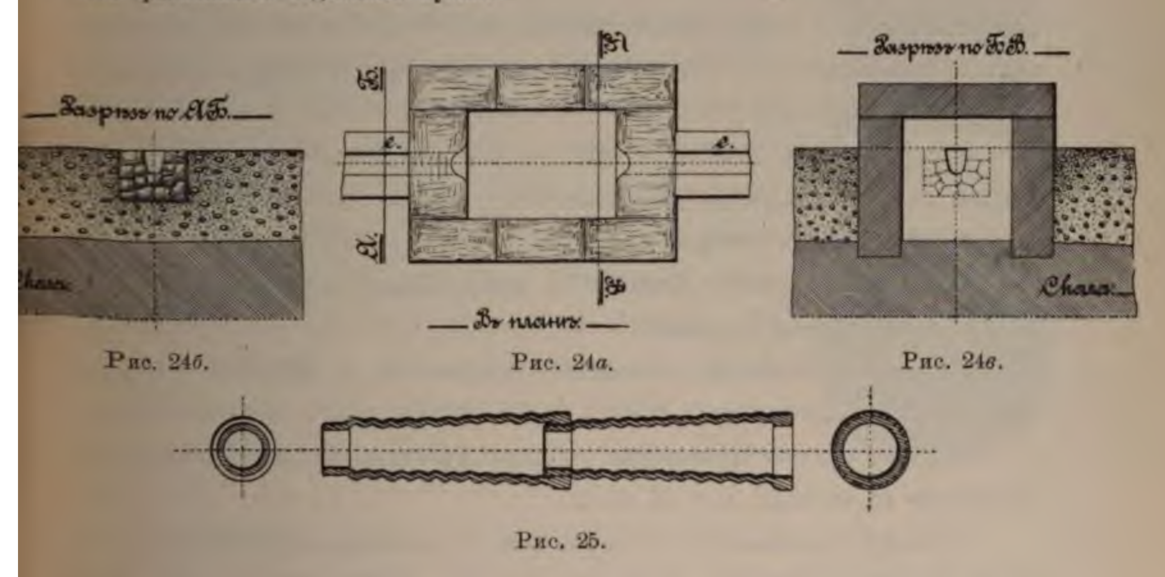


Рис. 24*б*. Рис. 24*а*. Рис. 24*в*.

Рис. 25.

5) Усыпальница *и*, сложенная изъ бутоваго камня и захватившая третью часть этой главной улицы Херсонеса, что указываетъ на эпоху полнѣйшаго упадка города, къ которой она относится. Кромѣ множества костей, въ усыпальницѣ найдены: дѣтскій браслетъ изъ темнозеленаго стекла, 0,04 м. вн. діам., шнурокъ, вѣроятно отъ крестика-тѣльника, въ видѣ плоскаго жгута 0,004 м. шир., и 4 малыя бронзовыя бубенчиковидныя пуговки.

6) Противъ воротъ *п*, которыя вели въ кварталъ съ интереснымъ большимъ зданіемъ *Г*, описаннымъ въ отчетѣ за 1903 г. [2]), и которыя въ болѣе

[1]) См. *Отч. Имп. Археолог. Комм.* за 1893 г., с. 58, рис. 37, ошибочно изображающій водостокъ вершиной внизъ.

[2]) *Изв. И. Арх. Комм.* в. 16, стр. 46 сл.

позднее время были заложены стѣной изъ бутоваго камня, обнаружены противоположной стороны вторыя ворота *н* и двѣ калитки *о—о*, въ раз разстояніи отъ воротъ.

Будущія раскопки акрополя должны быть передвинуты на вост Было-бы крайне необходимо разслѣдовать до скалы проѣздъ въ монастырь, городской стороны прямоугольной башни, открытой въ 1904 г., и боль площадь, которая предназначалась раньше для стоянки экипажей. Посл уже нѣсколько лѣтъ не допускаются внутрь монастыря и останавлива впереди св. воротъ, а поэтому небольшая раскопка на этой площади нарушил монастырскіе порядки гораздо менѣе, чѣмъ разрѣшенная преосвященнымъ И кентіемъ раскопка главной улицы, доходившая до самой парадной лѣстн жилого корпуса. А между тѣмъ результаты такого разслѣдованія въ центр номъ пунктѣ акрополя могутъ быть очень важны для выясненія топогр древнѣйшаго Херсонеса.

При раскопкахъ отчетнаго года въ юго-западномъ углу монастыр усадьбы найдены слѣдующія древности:

I. Памятники эпиграфическіе:

а) Амфорныя ручки съ именами и монограммами [1]): 11 родосских 10 изъ неизвѣстныхъ городовъ.

б) Обломокъ черепицы съ именемъ Архептолема и эмблемою въ колоса и стебля пшеницы.

в) Два глиняныя грузила для рыболовныхъ сѣтей въ видѣ усѣченн пирамидокъ съ буквами А и М сбоку.

г) Посуда съ именами и монограммами: α) донышко буролаковаго с гада, типа «мегарскихъ» чашекъ, съ штемпелемъ ΚΙΡ—ΒΕΙ [2]); β) де обломковъ разной посуды съ graffiti.

д) Лампочки: 1) лампочка безъ ручки, украшенная розеткой въ цвѣтка шиповника, съ вдавленнымъ неразборчивымъ именемъ мастера. – 2) почка черноглиняная поврежденная (недостаетъ ручки и конца носика), кр ной формы, съ расширеннымъ носикомъ и вторымъ маленькимъ отверсті рядомъ съ большимъ, для наливанія масла, украшенная сверху по сторон рельефнымъ вѣночкомъ съ розетками по концамъ. Снизу имя мастера ΑΣΚ ΠΙΑΔΟΥ выпуклыми буквами въ 0,004 м. выш. въ 2-хъ строкахъ. На

няныхъ лампочкахъ античнаго періода, находимыхъ въ Херсонесѣ, это имя встрѣчается впервые.

е) Предметы наряда и туалета: 1) подвѣска костяная, выпиленная изъ пластинки, 0,004 м. толщ., съ лицевой полированной стороны украшенная выпуклой розеткой въ видѣ цвѣтка шиповника и выпуклой гладкой рамкой, 0,004 м. шир., съ прочнымъ ушкомъ сверху (рис. 26). На оборотной неполированной сторонѣ, въ верхнемъ лѣвомъ отъ зрителя углу, сохранилась часть вырѣзанной, слабо замѣтной надписи: ΑΧΙΛ.... Найдена въ нижнемъ наслоеніи городища.—2) Перстень бронзовый грубой работы съ гладкимъ расширеніемъ вмѣсто щитка, на которомъ внутри квадрата изъ точекъ вырѣзана неясная монограмма.

Рис. 26 (2/3).

ж) Гиря въ видѣ бронзоваго точенаго кружка, вѣсомъ 305,7 гр., 0,062 м. діам. и 0,014 м. толщ., съ буртикомъ на обѣихъ сторонахъ, изъ коихъ нижняя не имѣетъ ни надписи, ни украшеній, а верхняя (лицевая) украшена слабо вырѣзанными вѣночкомъ простѣйшаго вида, во всю величину круга, крестикомъ съ сильно расширенными концами, изъ коихъ нижняго не видно, и подъ нимъ еле замѣтными двумя буквами. На мѣстахъ крестика и буквъ, стершихся отъ долгаго употребленія, въ болѣе позднее время тупымъ инструментомъ врѣзаны тѣ-же изображенія, но крайне грубо (рис. 27).

Рис. 27 (1/2).

II. *Монеты.*

а) Херсонесскія: всего 192, въ томъ числѣ греческаго періода 8 (Бурачковъ, табл. XIV, №№ 8, 11—12, 20, 21, 30; табл. XV, №№ 54—57 и 68), римскаго періода 18 (Бур. т. XVI, №№ 90, 97, 102, 106, 108, 110, 112, 114, 117 и 118 и 2 неизданныхъ варіанта: 2 экз. подобныхъ Бур. № 103, но меньшей величины и очень грубаго чекана, и 1 экз. варіанта къ Бур. № 115, меньшей величины, иного типа и со звѣздою справа) и византійскаго періода, отъ Юстиніана I до Василія II,—166 (у Орѣшникова, табл. VIII, №№ 1—3, 6, 7, 10—12; табл. IX, №№ 13—16, 18—27, 29, 33, 35—37; табл. X, №№ 44, 45, 47, 48, 51, 52, 57—59).

б) Прочихъ колоній Понта Евксинскаго 10, въ томъ числѣ: пантикапейская 1 (Бур. т. XX, 71), Савромата II—одна (Бур. XXX, 225), послѣднихъ боспорскихъ царей 6 (очень плохой сохр.), агриппійская 1 (Бур. XXIII, 1) и синопская одна.

позднее время были заложены стѣной изъ бутоваго камня, обнаружены съ противоположной стороны вторыя ворота *н* и двѣ калитки *о—о*, въ разномъ разстояніи отъ воротъ.

Будущія раскопки акрополя должны быть передвинуты на востокъ. Было-бы крайне необходимо разслѣдовать до скалы проѣздъ въ монастырь, съ городской стороны прямоугольной башни, открытой въ 1904 г., и большую площадь, которая предназначалась раньше для стоянки экипажей. Послѣдніе уже нѣсколько лѣтъ не допускаются внутрь монастыря и останавливаются впереди св. воротъ, а поэтому небольшая раскопка на этой площади нарушила-бы монастырскіе порядки гораздо менѣе, чѣмъ разрѣшенная преосвященнымъ Иннокентіемъ раскопка главной улицы, доходившая до самой парадной лѣстницы жилого корпуса. А между тѣмъ результаты такого разслѣдованія въ центральномъ пунктѣ акрополя могутъ быть очень важны для выясненія топографіи древнѣйшаго Херсонеса.

При раскопкахъ отчетнаго года въ юго-западномъ углу монастырской усадьбы найдены слѣдующія древности:

I. Памятники эпиграфическіе:

а) Амфорныя ручки съ именами и монограммами [1]): 11 родосскихъ и 10 изъ неизвѣстныхъ городовъ.

б) Обломокъ черепицы съ именемъ Архептолема и эмблемою въ видѣ колоса и стебля пшеницы.

в) Два глиняныя грузила для рыболовныхъ сѣтей въ видѣ усѣченныхъ пирамидокъ съ буквами А и М сбоку.

г) Посуда съ именами и монограммами: *α*) донышко буролаковаго сосудика, типа «мегарскихъ» чашекъ, съ штемпелемъ ΚΙΡ—ΒΕΙ [2]); β) девять обломковъ разной посуды съ graffiti.

д) Лампочки: 1) лампочка безъ ручки, украшенная розеткой въ видѣ цвѣтка шиповника, съ вдавленнымъ неразборчивымъ именемъ мастера. – 2) Лампочка черноглиняная поврежденная (недостаетъ ручки и конца носика), красивой формы, съ расширеннымъ носикомъ и вторымъ маленькимъ отверстіемъ, рядомъ съ большимъ, для наливанія масла, украшенная сверху по сторонамъ рельефнымъ вѣночкомъ съ розетками по концамъ. Снизу имя мастера ΑΣΚΛΗΠΙΑΔΟΥ выпуклыми буквами въ 0,004 м. выш. въ 2-хъ строкахъ. На гли-

---

[1]) [Будутъ изданы впослѣдствіи. *Ред.*].

[2]) См. о немъ замѣтку В. Л. въ *Изв. И. Арх. Комм.* в. 4, стр. 141.

ляныхъ лампочкахъ античнаго періода, находимыхъ въ Херсонесѣ, это имя встрѣчается впервые.

е) Предметы наряда и туалета: 1) подвѣска костяная, выпиленная изъ пластинки, 0,004 м. толщ., съ лицевой полированной стороны украшенная выпуклой розеткой въ видѣ цвѣтка шиповника и выпуклой гладкой рамкой, 0,004 м. шир., съ прочнымъ ушкомъ сверху (рис. 26). На оборотной неполированной сторонѣ, въ верхнемъ лѣвомъ отъ зрителя углу, сохранилась часть вырѣзанной, слабо замѣтной надписи: ΑΧΙΛ.... Найдена въ нижнемъ наслоеніи городища.—2) Перстень бронзовый грубой работы съ гладкимъ расширеніемъ вмѣсто щитка, на которомъ внутри квадрата изъ точекъ вырѣзана неясная монограмма.

Рис. 26 (2/3).

ж) Гиря въ видѣ бронзоваго точенаго кружка, вѣсомъ 305,7 гр., 0,062 м. діам. и 0,014 м. толщ., съ буртикомъ на обѣихъ сторонахъ, изъ коихъ нижняя не имѣетъ ни надписи, ни украшеній, а верхняя (лицевая) украшена слабо вырѣзанными вѣночкомъ простѣйшаго вида, во всю величину круга, крестикомъ съ сильно расширенными концами, изъ коихъ нижняго не видно, и подъ нимъ еле замѣтными двумя буквами. На мѣстахъ крестика и буквъ, стершихся отъ долгаго употребленія, въ болѣе позднее время тупымъ инструментомъ врѣзаны тѣ-же изображенія, но крайне грубо (рис. 27).

Рис. 27 (1/2).

II. *Монеты*.

а) Херсонесскія: всего 192, въ томъ числѣ греческаго періода 8 (Бурачковъ, табл. XIV, №№ 8, 11—12, 20, 21, 30; табл. XV, №№ 54—57 и 68), римскаго періода 18 (Бур. т. XVI, №№ 90, 97, 102, 106, 108, 110, 112, 114, 117 и 118 и 2 неизданныхъ варіанта: 2 экз. подобныхъ Бур. № 103, но меньшей величины и очень грубаго чекана, и 1 экз. варіанта къ Бур. № 115, меньшей величины, иного типа и со звѣздою справа) и византійскаго періода, отъ Юстиніана I до Василія II,—166 (у Орѣшникова, табл. VIII, №№ 1—3, 6, 7, 10—12; табл. IX, №№ 13—16, 18—27, 29, 33, 35—37; табл. X, №№ 44, 45, 47, 48, 51, 52, 57—59).

б) Прочихъ колоній Понта Евксинскаго 10, въ томъ числѣ: пантикапейская 1 (Бур. т. XX, 71), Савромата II—одна (Бур. XXX, 225), послѣднихъ боспорскихъ царей 6 (очень плохой сохр.), агриппійская 1 (Бур. XXIII, 1) и синопская одна.

в) Другихъ греческихъ городовъ (еще не опредѣленныхъ) 4 и не подда-щихся опредѣленію вслѣдствіе сильнаго разрушенія окисью 32.

г) Римскихъ и византійскихъ императоровъ 237, въ томъ числѣ силь-попорченныхъ 122.

III. *Печати свинцовыя подвѣсныя*: 1) 0,025 м. діам., разломанная. Ликъ святого старца и часть поврежденной надписи. На другой сторонѣ повре-жденная надпись въ 4-хъ строкахъ, начинающаяся крестикомъ: ЕПІІ.—.АСПА.—ЕПІТА--С..ТI.—2) 0,02 м. діам. Изображенія святыхъ въ ростъ на обѣих-сторонахъ. Надписи стерлись.

IV. *Статуи, статуэтки и части ихъ*: а. Мраморныя: обломок-средней части женской статуи средней величины.—Обломокъ ноги въ колѣн и нѣсколько выше, въ натур. величину.—Обломокъ руки у локтя, средне-величины.

б. Терракоттовая головка мужская уродливая, свинообразная, въ остро-конечной шапкѣ.

V. *Посуда*.

а. *Глиняная*. Часть донышка чернолаковой тарелки превосходной глин и работы, съ розеткой въ видѣ быстро вращающагося колеса. Съ оборотн-стороны работа также безукоризненна. Во время покрытія лакомъ, вмѣстѣ с нимъ присталъ къ донышку тончайшій волосокъ отъ кисти.—Обломки о-чернолаковыхъ сосудовъ: отъ блюдъ 20, канѳаровъ 4, киликовъ 3, тарело-14, блюдцевъ 12, не выясненныхъ формъ 28.—Обломки отъ буролаковы-сосудовъ: отъ блюдъ 6, отъ сосудовъ невыясненныхъ формъ 26.—Облом-отъ краснолаковыхъ сосудовъ: кусокъ сосуда изъ «terra sigillata», вперв-встрѣчаемой формы, на подобіе нынѣшнихъ салатниковъ, со сплюснуты-углами, каннелированный внутри, съ красивымъ бордюромъ. Напоминаетъ оп-санный въ Отч. Импер. Археолог. Комм. за 1897 г., с. 41, рис. 253, на-денный въ гробницѣ № 1008.—132 обломка безъ штампованныхъ украшен-.

Простая нелаковая: вазочка миніатюрная, 0,06 м. выш., безъ руче-грубой работы; блюдце на высокой ножкѣ; крышка отъ амфоры для вма-ванія, обычнаго вида.

Поливная византійской эпохи: днище блюда восточнаго происхожденія с изображеніемъ на коричневомъ фонѣ выпуклой блѣднозеленой птицы, сидяще на деревѣ, внутри двойнаго круга; обломокъ блюда съ уцѣлѣвшей свинцово-скобкой, служившей скрѣпленіемъ разбитыхъ частей; 70 обломковъ отъ разно-цвѣтной посуды безъ изображеній.

Лампочки: украшенныя выпуклыми изображеніями: головы Геліоса; гермы; льва, идущаго влѣво (2 экз.); быка, идущаго вправо; кабана, бѣгущаго влѣво; сидящаго орла; раковины (2 экз.).—7 лампочекъ, украшенныхъ рубчиками и пупышками.—Лампочка малая, крайне грубой работы.—2 лампочки безъ украшеній, обычной формы, римской эпохи.—18 обломковъ отъ лампы изъ мягкой свѣтлой глины подъ темнокоричневымъ лакомъ, необыкновенно большого размѣра (0,126 м. наруж. діам.), съ отвѣсно поднятой высокой и, судя по остаткамъ, красивой орнаментированной ручкой. Собрать хотя-бы часть не удалось.

Куски лампочекъ древнегреческаго періода: отъ чернолаковыхъ обычнаго типа 2; тоже, но съ отверстіемъ въ видѣ трубы по серединѣ, для надѣванія на стержень, 2.—Отъ буролаковыхъ: съ отверстіемъ по серединѣ 1; тоже, но съ удлиненнымъ расширеннымъ носикомъ 2; тоже, но съ ручкой сбоку 1.—10 кусковъ отъ лампочекъ римской эпохи безъ украшеній.

б) Стеклянная. Ручка отъ очень большого сосуда изъ толстаго стекла.—Донышко большого флакона, 0,08 м. діам.—Часть (0,07 м. дл.) или полой ручки, впервые встрѣчаемой формы, или изогнутаго носика сосуда изъ толстаго стекла.—Обломковъ отъ флаконовъ и бальзамаріевъ: 15 отъ ножекъ, 3 отъ горлъ, 5 отъ ручекъ и 5 отъ бочковъ.—18 ножекъ отъ сильно расширенныхъ сосудиковъ византійской эпохи, быть можетъ, лампадокъ.

в) Мраморная: 8 кусковъ отъ мраморныхъ ступокъ.—Пестикъ изъ бѣлаго мрамора, сильно поврежденный.

VI. *Хозяйственныя орудія, инструменты, приборы.* Половина большого желѣзнаго плотницкаго молотка. Сохранилось отверстіе для ручки и раздвоенная сторона для выдергиванія гвоздей.—Сѣчка желѣзная прямая, 0,15 м. дл., расширяющаяся до 0,07 м.—Жерновъ каменный нижній отъ мельницы съ ручнымъ приводомъ.—Замочекъ висячій бронзовый, впервые встрѣчаемой формы, съ выдвижнымъ механизмомъ.—Поврежденная половина висячаго бронз. замочка въ видѣ козлика.—2 бронз. ключа съ короткой бородкой и большимъ кольцомъ, не складные.—Ключъ бронз. простѣйшаго устройства въ видѣ прямого стержня, 0,075 м. дл., украшеннаго въ верхней половинѣ кружками съ дырочкой по серединѣ и имѣющаго съ одной стороны ушко для кольца, а съ другой—отмычку въ формѣ T въ поперечномъ сѣченіи.—2 обломка отъ бронз. ключей.—Колечко бронз. удлиненное, на заклепкѣ, съ надѣтыми ключикомъ, 0,045 м. дл., и проверткой.—Гвоздь бронз., 0,13 м. дл., съ круглой шляпкой.—2 оселка съ дырочками для ношенія у пояса и 2 безъ дырочекъ.—Половина каменнаго заостреннаго молотка.

VII. *Оружіе*. Сильно поврежденная нижняя часть бронзовой рукоятк меча, 0,06 м. шир. въ основаніи. Судя по уцѣлѣвшей дырочкѣ для заклепки верхняя часть рукоятки была изъ дерева или кости.—Наконечникъ бронзовый отъ ноженъ меча, слабо заостренный, напоминающій наконечникъ, найденный въ 1903 г. Наиб. дл. 0,07 м., наиб. шир. 0,04 м. Украшенъ съ обѣихъ сто ронъ головкой, окруженной растительнымъ орнаментомъ.—4 бронзовыхъ нако нечника отъ стрѣлъ (изъ нихъ 2 со шпорой).—3 малыхъ метательныхъ камня.

VIII. *Сбруя*. Бубенчикъ бронзовый овальный приплюснутый, рубчатый 0,033 м. дл. и 0,022 м. наиб. шир., съ ушкомъ.—Бубенчикъ обычной формы гладкій. Ушко отломано.

IX. *Рыболовство*. Грузилъ для сѣтей въ видѣ глиняныхъ усѣченныхъ пирамидокъ съ различными штампованными изображеніями 18. — Такихъ-же но съ слабыми признаками штампованныхъ изображеній, 16.—Съ оттиснутымъ знакомъ X, какъ на рустовыхъ камняхъ облицовки оборонительной стѣны южнаго участка, 3. — Безъ признаковъ штампованныхъ изображеній 75, изъ коихъ 28 найдены въ одномъ мѣстѣ, въ наслоеніи нижняго города.—Грузило глиняное чечевицевидное, снизу срѣзанное, съ 2-мя дырочками и съ штампо ванной головкой Ермія, хорошаго исполненія. — Грузилъ глиняныхъ приплю нутыхъ съ 2-мя дырочками 8, коническое одно и одно въ видѣ прямоугольнаго столбика. Всѣ относятся къ древнегреческой эпохѣ: — Грузилъ римской и византійской эпохъ: глиняныхъ цилиндрической формы 18 и въ видѣ узкихъ пластинокъ съ продольнымъ желобкомъ и съ дырочками по концамъ 2.—Гру зилъ свинцовыхъ массивныхъ въ видѣ колецъ 8.

X. *Рукодѣлія*. Игла костяная штопальная, 0,12 м. дл., съ удлиненнымъ ушкомъ, позеленѣвшая отъ приставшей бронзы.—Шильце костяное миніатюр ное, 0,04 м. дл., простѣйшаго вида.—Наперстокъ бронзовый безъ дна.—Пря слица: 4 изъ обожженной глины, 2 изъ краснаго шифера и одно изъ сѣраго шифера.

XI. *Игры*. Шашка круглая плоская, 0,02 м. діам. и 0,004 м. толщ. вырѣзанная изъ центральной части чернолаковаго сосудика и имѣющая, бла годаря коричневому фону съ двойнымъ чернымъ кругомъ и точкой по сере динѣ, видъ нынѣшней шашки. — 4 шарика изъ обожженной глины, безъ пу стоты. — Ручка костяная съ дырочкой для подвѣшиванія игрушечнаго коло кольчика.—Донышко (0,062 м. діам.) отъ черноглиняной тарелки, старательно обломанное и превращенное въ игрушку.

XII. *Наряды, украшенія, принадлежности туалета*. Перстень брон зовый малый, сквозь гладкій щитокъ котораго поперекъ продѣлано отверстіе

рямоугольной формы, 0,001 × 0,002 м., неизвѣстнаго назначенія.—Пряжка оясная бронзовая съ ажурно вырѣзанными крестомъ и полумѣсяцемъ. — Заонка бронзовая грибовидная, 0,022 м. діам. и 0,02 м. выш. — 2 бляшки ронзовыя отъ пояса въ видѣ штампованнаго жучка и такая же бляшка, крашенная выпуклой головкой въ оригинальномъ головномъ уборѣ (рис. 28).—опоушка бронзовая.—63 обломка отъ разноцвѣтныхъ и разной формы стекянныхъ браслетовъ.—3 вставки стеклянныя, одна круглая и двѣ овальныя, зъ медальона и перстней.—Вставка стеклянная овальная изъ перстня, приявшая вслѣдствіе разрушенія окраску ртути, съ углубленной расивой женской головкой вправо.—Подвѣска изъ зеленой пасты ь видѣ круглаго медальона, 0,022 м. діам., съ выпуклымъ зображеніемъ женскаго лица варварскаго типа, съ шейнымъ бручемъ и ожерельемъ изъ большихъ круглыхъ пронизей. Петля верху имѣетъ видъ сжатой орлиной лапы. – Застежка костяная ь видѣ палочки, 0,05 м. дл., украшенной кружками съ точкой о серединѣ, на подобіе нынѣ употребляемыхъ вмѣсто крючка а часовыхъ цѣпочкахъ. — Ложечка костяная круглая мелкая очная, 0,02 м. діам., съ короткой заостренной ручкой 0,065 м. дл.), нѣсколько поврежденной.—Пластинка костяная, тъ ларчика или коробочки, выгнутая, съ 4-мя дырочками для крѣпленія, украшенная двойными кружками съ точкой по серединѣ, соединенными въ видѣ зубцовъ тройными линіями.

Рис. 28 (2/3).

Рис. 29 (1/3).

XIII. *Церковныя древности.* Крестъ бронзовый массивный ъ расширяющимися концами, украшенными шариками, на рѣзомъ пьедесталѣ, имѣющемъ снизу углубленіе, 0,018 м. гл. и дл. 0,01 м. шир., а сзади несоразмѣрно большой крючокъ. Вышина креста съ пьедесталомъ 0,145 м., наиб. шир. 0,05 м. (рис. 29).—Часть одной половины бронзоваго энколпіона грубой работы, съ вырѣзанной глубь звѣздой о 4-хъ лучахъ, съ углубленіемъ, 0,01 м. діам., въ центрѣ, овидимому, для выпавшаго украшенія въ видѣ розетки, для укрѣпленія второй по серединѣ углубленія просверлена сквозная дырочка. — 3 обломка тъ бронзоваго паникадила, состоявшаго, судя по уцѣлѣвшимъ кускамъ, ъ круглой, украшенной продырявленными фестонами, полосы, 0,02 м. шир. 0,23 м. внѣшн. діам., соединявшейся со второй внутренней узкой и гладкой полосой въ видѣ круга, 0,11 м. діам., съ 4-мя меньшими кружками, 0,032 м. діам., расположенными въ наименьшемъ разстояніи 0,05 м.

одинъ отъ другого. Отъ центра круга шли въ видѣ радіусовъ 4 полосы въ 0,01 м. шир., къ которымъ прикрѣплены 4 прочныхъ ушка для цѣпей. По срединѣ помѣщалась или надпись, или монограмма. Все отлито изъ одного куска.—Украшеніе отъ паникадила въ формѣ плоскаго бронзоваго блюдца въ видѣ розетки, 0,01 м. выш. и 0,085 м. діам., о 8-ми округленныхъ лепесткахъ, со стержнемъ; 0,003 м. діам., по серединѣ каждаго. Одинъ лепестокъ обломанъ. Въ центрѣ круглое отверстіе, 0,006 м. діам. Внутренняя сторона украшена двумя двойными кругами, исполненными циркулемъ.—2 обломка отъ массивной бронзовой львиной головы очень грубой работы, съ отверстіями по обѣимъ сторонамъ пасти для укрѣпленія кольца. Быть можетъ, отъ входныхъ дверей храма. — Кружокъ бронзовый массивный, 0.06 м. діам., отъ подсвѣчника. — Обломокъ кровельной черепицы съ выпуклымъ четырехстороннимъ съ расширяющимися концами крестомъ внутри выпуклаго круга, 0,085 м. діам. Это уже 3-й обломокъ такихъ черепицъ, кромѣ имѣющихся въ монастырскомъ складѣ древностей.

XIV. *Строительныя части храмовъ и зданій.* Капитель изъ желтоватаго известняка выш. 0,13 м., древнегреческая, впервые встрѣчаемой формы, снизу въ видѣ удлиненнаго восьмигранника, 0,23 м. наиб. дл. и 0,14 м. наиб. шир., сверху въ видѣ удлиненнаго прямоугольника, 0,30 м. дл. и 0,20 м. шир. Верхъ и низъ соединены откосами съ раздѣляющимъ гладкимъ карнизикомъ. На узкомъ ребрѣ основанія вырѣзана вглубь сложная рабочая марка.—Кусокъ карниза изъ твердаго мѣстнаго известняка, 0,32 м. наиб. дл., 0,24 м. наиб. шир. и 0,48 м. выш., съ уцѣлѣвшимъ выпуклымъ, художественно исполненнымъ, изображеніемъ грифона съ львиной головой и ласкающей его женщины съ завитками вмѣсто ногъ (рис. 30).—Куски дорическихъ карнизовъ: а) изъ желтоватаго известняка, б) изъ бѣлаго мрамора съ красивымъ буртикомъ, в) изъ терракотты съ выпуклымъ орнаментомъ и слѣдами краски.— Львиная головка древняго стиля изъ мѣстнаго известняка, 0,08 м. дл. до шеи, 0,11 м. выш. и 0,10 м. шир., съ раскрытой пастью, которая переходила въ расширяющееся отверстіе квадратнаго сѣченія, 0,03 × 0,03 м., у начала шеи, прикрѣплявшейся къ чему-то съ помощью залитого свинца.

Рис. 30 (1/10).

Въ юго-восточномъ углу чернаго двора, за монастырской конюшней, найдены зарытыми на незначительной глубинѣ, несомнѣнно въ болѣе позднее время, многочисленныя мраморныя части храма, быть можетъ, отъ расположенной по близости большой базилики, раскопанной сначала Крузе и дослѣдованной Императорской Археологической Коммиссіей въ 1889 г., внутри которой въ колодцѣ также были сложены разновидные обломки мраморовъ. Вотъ перечень найденныхъ въ отчетномъ году матеріаловъ. Капитель малая, снизу квадратная, сверху въ видѣ удлиненнаго прямоугольника, украшенная съ одной стороны выпуклымъ крестомъ грубой работы.—Кусковъ: колоннъ круглыхъ гладкихъ большихъ 32, среднихъ 12, малыхъ 34, тонкихъ 2, каннелированныхъ 2; капителей рѣзныхъ 7; базъ простѣйшей формы 8; карнизовъ гладкихъ большихъ 8; карнизиковъ тонкихъ старательнаго исполненія, подобныхъ найденнымъ при дослѣдованіи баптистерія, 10; рѣзной рѣшетки 5; плитъ иконостасныхъ орнаментированныхъ 40; плитъ половыхъ, полированныхъ съ одной стороны: большихъ кусковъ 36, среднихъ 159, малыхъ 98; плитъ тонкихъ 32 и безформенныхъ кусковъ отъ частей неизвѣстнаго назначенія 124. Всего кусковъ разной формы и величины, кромѣ цѣльной капители, 609.

XV. *Матеріалъ для издѣлій*: 3 небольшие слитка бронзы и 2 отпиленныя верхушки оленьихъ роговъ.

XVI. *Надгробія безъ эпитафій.* Обломокъ верхней части сучковатой палицы изъ бѣлаго греческаго мрамора, 0,16 м. наиб. дл. и 0,06—0,07 м. діам., съ кольцевиднымъ выступомъ въ тонкомъ концѣ и стержнемъ въ сторону, 0,06 м. діам., вырубленнымъ изъ одного куска и обломаннымъ на длинѣ 0,04 м. Надгробія въ видѣ мраморныхъ палицъ Иракла были найдены въ 1902 и 1903 годахъ.—Стела изъ степного твердаго известняка прямоугольной формы, 0.86 м. выш., 0,30—0,32 м. шир. и 0,17 м. толщ., украшенная сильно выпуклыми круглымъ щитомъ съ ободкомъ и характерными мечомъ и лукомъ, какъ на стелѣ, изображенной въ *Отч. Импер. Арх. Комм. за 1892 г.*, с. 109, № 66. Сверху выемка для прямоугольной мраморной вставки съ именемъ погребеннаго. Служила строительнымъ матеріаломъ въ византійскую эпоху (рис. 31).

Рис. 31 (1/9).

XVII. *Рога, кости, окаменѣлости.* Рогъ дикой козы, сильно поврежденный.—Бивень кабана.—Кусокъ окаменѣлаго дерева, 0,16 м. дл., 0,05 м. шир. и 0,02 м. толщ. Согнутъ дугообразно и производитъ впечатлѣніе части обшивки судна.

XVIII. *Древности невыясненнаго назначенія.* Стержень бронзовый, 0,055 м. дл., квадратнаго поперечнаго сѣченія, 0,012 × 0,012 м., спиленный съ одного конца въ видѣ восьмигранника съ углубленіемъ въ 0,01 м. діам. и 0,015 м. глуб. Съ противоположныхъ концовъ сдѣланы насѣчки I и II. Ширина полосы восьмигранника 0,005 м. Съ другого конца углубленіе тѣхъ-же размѣровъ, а въ трехъ смежныхъ сторонахъ 3 сквозныя дырочки: круглая 0,002 м. діам., овальная 0,007 × 0,004 м. и круглая, соединенная съ овальной, одинаковыхъ размѣровъ съ первой. По серединѣ одной изъ сторонъ просверлены 2 дыры рядомъ, 0,01 м. діам., изъ коихъ одна сквозная, а другая 0,012 м. глубины. Къ послѣдней съ сосѣдней стороны ведетъ такая-же дыра того же діаметра.—Ручка бронзовая массивная, 0,125 м. дл. и 0,045 м. наиб. шир., по концамъ обломанная, составленная изъ двухъ полуколецъ и напоминающая нынѣшнія откидныя ручки у ящиковъ комодовъ и буфетовъ.—Часть массивной бронзовой дужки, украшенной фантастической головкой. — Часть бронзовой ручки отъ сосуда (?), съ выпуклой головкой. — Ушко бронзовое массивное, прикрѣплявшееся съ помощью свинца. — Кольцо свинцовое плоское съ малымъ сквознымъ отверстіемъ. — Тоже, выпиленное изъ рога, 0,027 м. наруж. и 0,017 м. внутр. діам. и 0,016 м. выш., съ двумя симметрично расположенными дырочками 0,006 м. діам. — Колечко костяное плоское 0,022 м. діам., окрашенное въ зеленый цвѣтъ лежавшей вмѣстѣ бронзой. Внутреннее отверстіе овальное, 0,005 × 0,004 м., съ незначительными врѣзами одинъ противъ другого, какъ-бы для того, чтобы надѣтое колечко не могло вращаться.— 6 костяныхъ плоскихъ колецъ отъ 0,01 до 0,022 м. наружн. діам. — Пирамидка костяная приплюснутая, 0,023 м. выш., 0,012 м. шир. у основанія и 0,007 м. толщ., съ дырочкой сверху. — Пластинка костяная прямоугольная, 0,025 × 0,02 × 0,003 м., съ дырочкой по серединѣ. — Палочка костяная точеная, 0,08 м. дл. и 0,008 — 0,01 м. діам., пустая внутри, съ 2-мя симметрично расположенными дырочками у верхняго края. — Часть стеклянной витой палочки 0,075 м. дл. и 0,006 м. діам., съ изгибомъ. — Часть цилиндра изъ твердаго чернаго камня, 0,033 м. діам. и 0,075 м. длины.

II. Раскопки у Карантинной бухты.

(Продолженіе раскопокъ 1899 г.).

Вся береговая полоса юго-восточной части Херсонесскаго городища, гра-
цы которой составляютъ: бухта, оборонительная стѣна, начинающаяся отъ
ты у скотнаго двора и идущая, послѣ поворота у большой фланговой башни,
св. воротъ, далѣе монастырская ограда, отдѣляющая виноградникъ, и на-
ецъ береговая оборонительная стѣна, выходящая къ бухтѣ на площади
ада древностей,—по соглашенію съ военнымъ вѣдомствомъ, которое отчу-
етъ отъ монастыря обширную площадь городища и некрополя, остается въ
номъ распоряженіи Императорской Археологической Коммиссіи. Такимъ обра-
ъ, раскопки въ этой части городища, игравшей, несомнѣнно, видную роль
всѣ эпохи жизни Херсонеса, могутъ производиться безпрепятственно.

Начало раскопкамъ въ этой мѣстности «коммерческаго порта и базара
вняго города» было положено въ 1899 г., когда были обнаружены ворота
уголъ большого зданія греческой эпохи и разслѣдована узкая полоса вдоль
ронительной стѣны, до башни *Г* (см. планъ на табл. IV) верхняго византійскаго
слоенія. Въ отчетномъ году работы начаты отъ упомянутой башни и велись
направленію къ бухтѣ. Эта башня (10,17 м. нар. діам.) была фланговой
древнѣйшую греческую эпоху, а стѣна, соединяющая ее съ другой флан-
ой башней *З* у бухты, *составляла юго-восточную границу Херсонеса.*
шня внутри забита мелкимъ камнемъ, залитымъ глиной, лицевая-же сторона
тоитъ изъ штучныхъ камней, украшенныхъ рустами и уложенныхъ попе-
ѣнно: одинъ длинный къ центру, другой рядомъ по окружности. Съ раз-
дованной до подошвы внѣшней стороны кладка башни уцѣлѣла на вышинѣ
55 м., считая отъ уровня моря, при чемъ характерная рустовая кладка
внегреческой эпохи сохранила 8 рядовъ и имѣетъ слабый уклонъ, сужи-
сь кверху, до начала 5-го ряда, а затѣмъ идетъ отвѣсно. На нѣкоторыхъ
ицовочныхъ камняхъ сохранились рабочія мѣтки въ видѣ греческихъ буквъ
монограммъ. Башня эта, подобно другимъ круглымъ башнямъ Херсонеса,
жившимъ всѣмъ эпохамъ, была также усилена утолщеніемъ: въ углу, со-
влявшемъ предѣльную точку древнѣйшаго города, до уровня византійскаго
ріода, былъ сложенъ на извести изъ бутоваго камня поясъ *В*, до 1,68 м.
щ., продолженный по направленію древней оборонительной стѣны на сѣ-
ро-западъ. Рис. 32 изображаетъ уголъ послѣ удаленія упомянутаго пояса
олщенія *В*, подъ которымъ оказалась превосходная древнегреческая кладка.

Рис. 32

Съ противоположной стороны, въ территоріи расширеннаго города, башня на всей длинѣ была усилена поясомъ B^1, который у калитки *а*, возведенной надъ погребенной уже въ это время греческой калиткой *б*, доведенъ былъ до скалистой подошвы, съ употребленіемъ въ облицовку многихъ фрагментовъ древнегреческихъ зданій, карнизовъ, частей архитрава и зубчатниковъ коринѳскаго ордера, изъ плотнаго желтоватаго, гладко прочищеннаго известняка. О всѣхъ этихъ памятникахъ будетъ подробно сказано по окончаніи раскопки въ этой части городища. Утолщеніе B^2, также доведенное до скалы, имѣющее видъ подпорнаго столба и сооруженное послѣ утолщенія B^1, къ облицовкѣ котораго оно примкнуто, заканчивало собственно усиленіе башни *Г*, такъ какъ поясъ B^3, съ лѣстницей *н* изъ штучнаго камня, сложенъ на культурномъ наслоеніи, состоящемъ изъ битой черепицы и разныхъ отбросовъ, и предназначался для площадки съ лѣстницей на башню, подобной имѣющейся у большой фланговой башни *Е*, открытой раскопками 1900 г.

Другая круглая, также фланговая, восточная приморская башня *З*, той-же эпохи, соединялась съ башней *Г* стѣной *А* въ 3,77 м. толщ. и 28,44—30,58 м. протяженія, считая отъ точекъ прикосновенія съ окружностью башни,—совершенно одинаковаго характера прочной и красивой кладки съ рустами, какая обнаружена на участкахъ, открытыхъ въ 1899 и 1904 годахъ. На узкихъ рустовыхъ камняхъ сохранилась рабочая мѣтка въ видѣ буквы **N**, повторенная 4 раза. Башня эта сохранила только одинъ рядъ кладки надъ уровнемъ моря, и поэтому діаметръ ея въ 11,37 м. слѣдуетъ считать діаметромъ нижней расширенной части. Въ стѣнѣ *А*, на разстояніи 14,79 м. отъ башни *Г*, была сооружена калитка *ι*,

шир., съ помостомъ
енныхъ плитъ, подъ
ь проходилъ плитный
ь з, 0,80 м. шир.
і. выш., тотъ самый,
былъ обнаруженъ въ
у древнегреческихъ
прошелъ выше до-
ускавшейся къ во-
и относится, такимъ
, къ ранне-римской
Въ водостокѣ этомъ,
мой калиткой, была
бронзовая херсонес-
ета, изданная у Бу-
на т. XVI, № 103.
литки и водостока со
новаго, расширеннаго
нъ на рис. 33. Къ
вела хорошо укатан-

Рис. 33.

сированная улица въ 3,41 м. шир. и 1,15 м. выше уровня моря.
тійскую эпоху часть калитки до современнаго въ то время уровня
ложена, верхняя часть расширена до 3,32 м. и представляла свод-
орота, служившія для сообщенія съ добавочною частью города. Пока-
на планѣ стѣна, отрѣзывающая отъ воротъ узкое пространство *д*,
я къ самому позднему времени, когда ворота были уже разрушены
ены убогой калиткой. Калитка *г* сооружена, повидимому, послѣ раз-
евнѣйшей греческой оборонительной стѣны, которая составляла пре-
черту перваго города и поэтому могла и не имѣть именно здѣсь
необходимость которой явилась лишь впослѣдствіи, съ расшире-
рода площадью, доходившею до монастырскаго скотнаго двора. А
къ оборонительная стѣна *А* уцѣлѣла у калитки большею частью
вышинѣ отъ одного до двухъ рядовъ кладки, то вопросъ о томъ,
здѣсь въ древнѣйшую эпоху калитка и гдѣ именно, остается откры-
езспорно лишь одно, что съ расширеніемъ города и возстановленіемъ
азрушенной оборонительной стѣны въ римскую и византійскую

эпохи, — по мнѣнію авторитетныхъ лицъ, для помѣщенія здѣсь гарнизона, — новая часть города не могла оставаться безъ сообщенія съ старой, такъ какъ калитка *б*, открытая въ 1900 г., служила для сообщенія новой части только съ внѣшней территоріей. Калитка *г* сохранила на вышинѣ 1,06 м. отъ линіи порога, съ лѣвой стороны, считая отъ стараго города, вырубку для ввода дверного бруса, подобную имѣющейся въ калиткѣ *б*, расположенной съ западной стороны башни *Г*. Другая башня *З* обнаружена въ крайне разрушенномъ видѣ; морская вода обглодала и обезформила облицовочные камни ея. Надъ башней прошли сверху какъ возстановленная въ римскую эпоху оборонительная стѣна *А*, такъ и добавочная стѣна A^3, съ выступами и столбами изъ штучнаго камня, повидимому, стратегическаго назначенія. У начала башни отъ главной стѣны *А* отдѣляется, подъ угломъ въ 93°, береговая оборонительная стѣна A^2 въ 1,77 м. шир., старательно сложенная изъ бутоваго камня на извести съ облицовочными плитами, большею частью взятыми изъ древнегреческой стѣны. На открытомъ въ этомъ году участкѣ въ 18,93 м. длины стѣна эта сохранилась на вышинѣ до 2,13 м. и имѣетъ 3 прямоугольныхъ сквозныхъ отверстія для пропуска къ бухтѣ водосточныхъ каналовъ. Это и есть та самая стѣна, которая была обнаружена въ 1895 г. внутри монастырской ограды на полосѣ, занятой въ томъ году подъ виноградникъ.

Изъ остатковъ построекъ, обнаруженныхъ со стороны стѣны *А*, обращенной къ старому городу, къ древнѣйшей эпохѣ относятся только столбы *в—в*, повидимому, отъ навѣсовъ, уцѣлѣвшіе на своихъ мѣстахъ, подобные открытымъ въ этомъ же году по близости склада древностей (см. ниже гл. III). Остальныя постройки, показанныя на планѣ, относятся къ римской и византійской эпохамъ, такъ-же какъ и 2 поглощательныхъ колодца *и* и *і* и 3 раздавленныхъ пиѳоса. Вся площадка у колодцевъ и пиѳосовъ была вымощена плитнякомъ. Невыясненнымъ является направленіе гончарнаго водопровода *ж*, идущаго наискось, мимо калитки *г*, ниже уровня шоссированной дороги, отъ котораго обнаружены въ цѣломъ видѣ 13 трубъ волнообразной поверхности, 0.54 м. дл. и 0,065—0,09 м. внутр. діаметра. Со стороны стѣны, обращенной къ новому городу, древнегреческихъ построекъ не обнаружено, если не относить къ этой эпохѣ большую яму *п*, вырубленную въ скалѣ, съ небольшимъ запасомъ извести.

Жилыхъ помѣщеній позднѣйшей эпохи открыто: въ старомъ городѣ 7 и въ новомъ 8, при чемъ въ помѣщеніи № 9 были найдены 2 базы коринѳскаго ордера изъ мѣстнаго известняка, старательно выточенныя, но сильно поврежденныя.

Входившая изъ стараго города въ ворота улица обнаружена и въ новомъ городѣ, съ водосточнымъ каналомъ снизу. У начала проулка найденъ зарытымъ въ землѣ большой грушевидный пиѳосъ хорошей сохранности, 1,24 м. выш., который удалось перенести въ складъ древностей.

При раскопкахъ въ этой части городища найдены слѣдующія древности:

I. *Памятники эпиграфическіе:*

1) Оббитый со всѣхъ сторонъ кусокъ мраморной плиты съ 3-мя буквами отъ верхней строки латинской надписи [1]).

2) Обломанный съ 3-хъ сторонъ, кромѣ лѣвой отъ зрителя, кусокъ толстой мраморной плиты съ частью греческой надписи византійской эпохи [2]); найденъ по близости башни *Г*.

3) Осколокъ отъ мраморной плиты, 0,06 м. наиб. дл., 0,03 м. наиб. шир. и 0,018 м. толщ., съ частями 6-ти буквъ, 0,017 м. выш., отъ греческой надписи римской эпохи въ 2-хъ строкахъ.

4) Отесанное съ строительными цѣлями съ 3-хъ сторонъ, кромѣ нижней, надгробіе изъ ноздреватаго, сильно вывѣтрившагося известняка, со слѣдами латинской надписи [3]).

5) Обломанное сверху надгробіе изъ желтоватаго известняка съ выступомъ снизу для укрѣпленія и съ частью крупной латинской надписи, сильно пострадавшей отъ сырости [4]). Найдено у оборонительной стѣны.

6) Большихъ размѣровъ мраморный параллелепипедъ съ крупной, сильно пострадавшей отъ сырости латинской надписью [5]).

7) Плита известковая, повидимому, часть карниза, 0,34 м. шир., 0,26 м. выш. и 0,10 м. наиб. толщ., съ нацарапанными крестами, знаками и греческими буквами и съ вырѣзанной внизу двухстрочной, предположительно армянской, надписью.

8) Три амфорныя ручки съ именами астиномовъ [6]).

9) Пять глиняныхъ грузилъ для рыболовныхъ сѣтей въ видѣ усѣченныхъ пирамидокъ съ вдавленными именами, монограммами и буквами.

10) Посуда съ надписями: 1) обломокъ днища превосходно исполненной краснолаковой тарелки съ низкимъ крутымъ ободкомъ и штампованнымъ име-

[1]) Надпись издана В. В. Латышевымъ въ *Изв. И. Арх. Комм.* в. 18, стр. 121, № 36.

[2]) См. тамъ же № 37.

[3]) Издана М. И. Ростовцевымъ въ *Изв.* в. 23, стр. 19, № 4.

[4]) Издана В. В. Латышевымъ въ *Изв.* в. 18, стр. 118, № 28.

[5]) Издана М. И. Ростовцевымъ l. c., стр. 5 сл., № 2.

[6]) [Будутъ изданы впослѣдствіи. *Ред.*].

немъ мастера РΟΥΦΟС въ 2-хъ строкахъ.—2) Днище краснолаковой тарелки съ штампованной надписью AMAR внутри вдавленнаго круга въ 0,03 м. діам.—3) Такое же днище съ неполною двухстрочною надписью внутри вдавленнаго круга въ 0,06 м. діам.—4) Донышко чернолаковаго канѳара съ нацарапанной буквой А.—5) Осколокъ сосуда подъ свѣтложелтой поливой съ коричневыми полосами и частью вдавленной, покрытой коричневой краской, греческой надписи, отъ которой сохранились буквы PINI.—6) Донышко свѣтлополивной миски, снизу буквы ΘЄΟ.—7) Осколокъ тарелки или блюдца подъ желтой поливой, съ вдавленной восточной надписью, покрытой коричневой краской.

Рис. 34 (½).

Рис. 35 (½).

11) Кресты и образки съ надписями: 1) Почти половина круглаго плоскаго терракоттоваго штампа (рис. 34), 0,10 м. діам. и 0,15 м. толщ., ровнаго съ обѣихъ сторонъ и имѣющаго съ лицевой стороны вдавленныя изображенія четырехконечнаго, слегка расширяющагося, креста, каждая сторона котораго раздѣлена на 6 прямоугольныхъ клѣтокъ съ × внутри. Въ центрѣ креста, внутри круглаго медальона въ 0,015 м. діам. — вдавленный крестикъ съ сильно расширенными концами. Въ углахъ между сторонами круглые медальоны, 0,015 м. діам., съ выпуклымъ + по серединѣ, изъ коихъ сохранились 2 въ уцѣлѣвшей половинѣ. Внутри каймы въ 0,01 м. шир. красивая ранне-византійская вдавленная надпись: . . . . . . ΑΤΝΑΠΑΙΔΑΙΧΑΤΑΠΑ. Надпись вдавлена справа налѣво для того, чтобы на оттиснутомъ предметѣ читалась въ обычномъ направленіи слѣва направо.

2) Разломанная половина бронзоваго энколпіона (рис. 35), 0,07×0,046 м., съ массивнымъ ушкомъ на шарнирѣ и съ грубо вырѣзаннымъ внутрь изображеніемъ благословляющаго святаго, съ надписью надъ головой: ΜΕΘΟ[διος ?].

II. *Монеты.*

а) Херсонесскія: α) Греческаго періода 63, изъ которыхъ большинство издано у Бурачкова (табл. XIV, №№ 8, 11 — 14, 20, 21, 29, 30 — 35, 37—

[1]) Напоминаетъ терракоттовый штампъ съ изображеніемъ св. Фоки, найденный въ 1896 г. См. *Отч. Импер. Археолог. Комм. за 1896 г.*, стр. 71, рис. 315.

40, 51—57, 64—71, 76, 79), но встрѣтились и неизданные у него варіанты: 1) къ № 11, отличающаяся большей величиной, очень плохой сохранности; 2) тоже серебряная, 0,21 м. діам., съ именемъ Μοίριος; 3) 5 экз. варіанта къ № 11: бюстъ Артемиды въ башенной коронѣ вправо, сзади контрмарка въ видѣ сучковатой палицы, а на одномъ экземплярѣ еще вторая контрмарка въ видѣ звѣзды; изображенія и надписи стерты, но на одномъ экз. замѣтенъ лукъ; діам. 0,012—0,015 м.; 4) 2 экз. варіанта къ № 64, отличающагося меньшей величиной.—β) Римскаго періода 69 (Бур. табл. XVI, 89—91, 96, 97, 99, 100 102—106, 108—115, 117, 118, 120), въ томъ числѣ варіанты: 1) къ № 97, отлич. меньшей величиной; 2) къ № 102, тоже меньшей величины; 3) къ № 103—меньшей величины и крайне грубой работы; 4) къ № 103: быкъ изображенъ спокойно идущимъ.—γ) Византійскаго періода, отъ Юстиніана I до Василія II, 331 экз. (по каталогу Орѣшникова, табл. VIII, №№ 1—3, 11—14, 18—23, 25—29, 33, 35—37, 40, 43—45, 47—49, 51, 52, 57—59; больше всего найдено монетъ Романа I—109 экз. и Василія I—68 экз.).

б) Прочихъ колоній Понта Евксинскаго 51, въ томъ числѣ ольвійская 1 (Бур. т. IV, 65), керкинитидская 1 (обычнаго типа, очень плохой сохр.), пантикапейскихъ 3 (Бур. XIX, 32—1 экз. и XXII, 148—2 экз.), кесарійская 1 (Бур. XXIII, 1*e*), агриппійская 1 (Бур. XXIII, 1*f*), синопскихъ 3, боспорскихъ царей 6 и неразборчивыхъ 35.

в) Разныхъ другихъ греческихъ городовъ 121, въ томъ числѣ сильно разрушенныхъ окисью и не поддающихся опредѣленію 112.

г) Римскихъ и византійскихъ императоровъ 483, въ томъ числѣ сильно или совершенно стертыхъ 229.

д) Хановъ Крыма и Золотой орды серебряныхъ 2 и бронзовыхъ 42.

е) Русскихъ монетъ времени императора Александра I: серебряная 1 (20 коп. 1814 г.) и мѣдныхъ 38 (2 коп. 1811—1823 гг.). Находка здѣсь этихъ монетъ объясняется существованіемъ въ данное время карантина на мѣстѣ нынѣшняго монастырскаго скотнаго двора.

III. *Изваянія.* Часть мраморнаго льва средней величины (рис. 36), употребленнаго въ кладку византійской стѣны въ качествѣ строительнаго матеріала, для чего были уничтожены всѣ выдающіяся оконечности; ноги ниже колѣнъ и хвостъ были отбиты, а голова, повернутая влѣво отъ зрителя, стесана. Левъ былъ изображенъ въ лежачемъ положеніи и, судя по повороту головы, служилъ украшеніемъ воротъ или общественнаго зданія. Размѣры: наиб. длина отъ отрубленной передней части головы до отбитаго хвоста — 1,15 м., наиб.

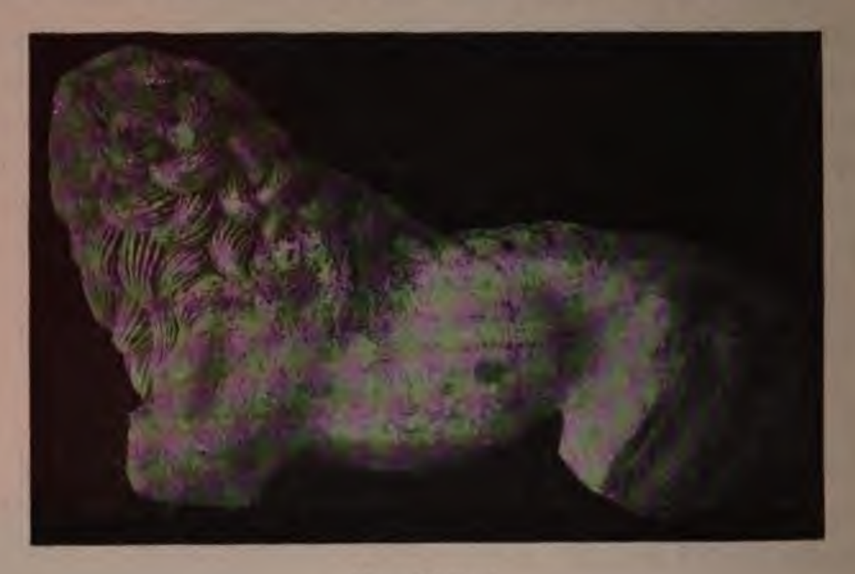


Рис. 36 (1/12).

ширина. 0,30 м., вышина: у поднятой головы 0,67 м. и наименьшая 0,40 м. [1]).

IV. *Посуда.* а) Глиняная: 20 обломковъ отъ чернолаковыхъ блюдъ (4), тарелокъ (6), блюдцевъ (2), канѳаровъ (2), киликовъ (2) и неопредѣленныхъ формъ (4); 29 обломковъ отъ буролаковыхъ блюдъ (3) и посуды другихъ формъ (26). Краснолаковая: часть тарелки съ штампованнымъ изображеніемъ идущаго вправо льва (недостаетъ головы) и 34 обломка отъ посуды разныхъ формъ.

Простая, нелаковая: 1) верхняя часть сосуда грубой работы, неизвѣстнаго назначенія. Сверху расположено блюдце, 0,11 м. діам., подобное тѣмъ блюдцамъ на высокихъ ножкахъ, которыя часто находятся въ гробницахъ римской эпохи. Утверждено оно на спинѣ голубя (клювъ отбитъ) 0,12 м. дл., тѣло котораго ажурно прорѣзано симметрично расположенными 2-мя треугольниками и 2-мя полукругами; ниже уцѣлѣла часть расширяющагося горла, прорѣзаннаго сквозными дырочками и треугольниками [2]). Вышина обломковъ: большаго—0,17 и малаго—0,14.—2) Обломокъ черноглиняннаго полированнаго блюда, 0,27 м. діам., 0,01—0,015 м. толщ. стѣнокъ и лишь 0,035 м. выш., съ отвѣсными краями.— 3) Ковшъ овальный, $0,09 \times 0,08$ и 0,05 м. наиб. выш. и часть ручки въ

[1]) Левъ, обезображенная передняя часть котораго была найдена въ 1894 г. въ противоположной юго-западной части городища, былъ значительно бóльшихъ размѣровъ и вышина его у поднятой головы до отбитыхъ ногъ составляла 0,98 м.

[2]) Такой же обломокъ, но меньшей величины и болѣе грубый, былъ найденъ въ 1888 г.

0,04 м. дл. Встрѣчается впервые.—4) Четыре обломка пиѳоса, скрѣпленные 2-мя массивными свинцовыми скобами.

Поливная византійской эпохи: 1 осколокъ блюда, 0,05×0,04×0,01 м., тождественный съ большимъ обломкомъ, найденнымъ въ Херсонесѣ и описаннымъ у de-Bock: «Poterie vernissée du Caucase et de la Crimée», p. 212, type II, № 8. Уцѣлѣли часть шеи и головы лошади, нѣсколько дополняющія рис. 8 де-Бока, по мнѣнію котораго всадникъ могъ изображать св. Георгія.—2) Днище миски мѣстнаго производства. Глина, полива и исполненіе низкаго качества. На мутножелтомъ фонѣ расплывшееся изображеніе копчика, сдѣланное кистью черной краской.—3) Осколокъ отъ блюда, 0,008 м. толщ. стѣн., восточнаго происхожденія, съ контурнымъ изображеніемъ шеи коня съ уздечкой и нагрудникомъ на свѣтложелтомъ фонѣ.—4) Тоже, 0,006 м. толщ. стѣн., блѣдножелтаго фона съ уцѣлѣвшей частью рогатой головы фантастической птицы или змѣи.—5) Обломокъ мисочки, снаружи зеленой, внутри темнокоричневой поливы, съ уцѣлѣвшей слабо выпуклой, уродливой человѣческой головкой, лицомъ къ зрителю, подъ желтой поливой, и впереди улетающей птицы.—6) Обломокъ днища блюдца восточнаго происхожденія, съ уцѣлѣвшей частью контурнаго изображенія птицы на свѣтложелтомъ фонѣ.—7) Обломокъ днища блюда подъ темнозеленой поливой грубой работы. Уцѣлѣли 2 слабо выпуклыя птицы, на подобіе пингвиновъ, изъ цѣлаго ряда сидѣвшихъ вокругъ центральнаго изображенія, повидимому, креста изъ 4-хъ тонкихъ перекладинъ съ шарами по концамъ. — 9) Обломокъ боковой части миски подъ желтой поливой внутри и безъ поливы снаружи, мѣстнаго производства. Уцѣлѣлъ контуръ головы и шеи копчика. — 9) Днище миски подъ блѣдножелтой поливой съ расплывшимся изображеніемъ гуся, зеленой и черной окраски.—3297 обломковъ разноцвѣтной поливной посуды безъ признаковъ изображеній людей и животныхъ.

Лампочки: 1) чернолаковая обычной формы безъ ручки, съ заостреннымъ носикомъ; 2) нелаковая, красивой античной формы, безъ ручки, съ длиннымъ носикомъ и ушкомъ сбоку; 3) свѣтлоглиняная римской эпохи, украшенная выпуклой розеткой о 6 двойныхъ лепесткахъ; 4) такая же, украшенная выпуклыми загадочными знаками; 5) большая низкая, украшенная выпуклымъ цвѣткомъ и линейнымъ ободкомъ вокругъ, изломаннымъ въ видѣ треугольниковъ; 6—7) 2 лампочки, украшенныя выпуклыми пупышками и рубчиками; 8) лампочка съ поднятыми кверху носикомъ и ручкой; 9) часть лампы крайне грубой работы изъ необожженной глины, напоминающей такъ называемую «скиѳскую» посуду. Лампа имѣла продолговатую форму, не менѣе 0,13 м. дл., 0,04 м. выш. и 0,01 м.

Рис. 36 (1/12).

ширина. 0,30 м., вышина: у поднятой головы 0,67 м. и наименьшая 0,40 м. [1]).

IV. ***Посуда.*** а) Глиняная: 20 обломковъ отъ чернолаковыхъ блюдъ (4), тарелокъ (6), блюдцевъ (2), канѳаровъ (2), киликовъ (2) и неопредѣленныхъ формъ (4); 29 обломковъ отъ буролаковыхъ блюдъ (3) и посуды другихъ формъ (26). Краснолаковая: часть тарелки съ штампованнымъ изображеніемъ идущаго вправо льва (недостаетъ головы) и 34 обломка отъ посуды разныхъ формъ.

Простая, нелаковая: 1) верхняя часть сосуда грубой работы, неизвѣстнаго назначенія. Сверху расположено блюдце, 0,11 м. діам., подобное тѣмъ блюдцамъ на высокихъ ножкахъ, которыя часто находятся въ гробницахъ римской эпохи. Утверждено оно на спинѣ голубя (клювъ отбитъ) 0,12 м. дл., тѣло котораго ажурно прорѣзано симметрично расположенными 2-мя трехугольниками и 2-мя полукругами; ниже уцѣлѣла часть расширяющагося горла, прорѣзаннаго сквозными дырочками и трехугольниками [2]). Вышина обломковъ: большаго—0,1[illegible] и малаго—0,14.—2) Обломокъ черноглинянаго полированнаго блюда, 0,27 м. діам., 0,01—0,015 м. толщ. стѣнокъ и лишь 0,035 м. выш., съ отвѣсными краями.— 3) Ковшъ овальный, $0,09 \times 0,08$ и 0,05 м. наиб. выш. и часть ручки [illegible]

[1]) Левъ, обезображенная передняя часть котораго была найдена въ 1894 г. въ противоположной юго-западной части городища, былъ значительно большихъ размѣровъ и вышина его у поднятой головы до отбитыхъ ногъ составляла 0,98 м.

[2]) Такой же обломокъ, но меньшей величины и болѣе грубый, былъ найденъ въ 1888 г.

0,04 м. дл. Встрѣчается впервые.—4) Четыре обломка пиѳоса, скрѣпленные 2-мя массивными свинцовыми скобами.

Поливная византійской эпохи: 1 осколокъ блюда, 0,05×0,04×0,01 м., тождественный съ большимъ обломкомъ, найденнымъ въ Херсонесѣ и описаннымъ у de-Bock: «Poterie vernissée du Caucase et de la Crimée», p. 212, type II, № 8. Уцѣлѣли часть шеи и головы лошади, нѣсколько дополняющія рис. 8 де-Бока, по мнѣнію котораго всадникъ могъ изображать св. Георгія.—2) Днище миски мѣстнаго производства. Глина, полива и исполненіе низкаго качества. На мутножелтомъ фонѣ расплывшееся изображеніе копчика, сдѣланное кистью черной краской.—3) Осколокъ отъ блюда, 0,008 м. толщ. стѣн., восточнаго происхожденія, съ контурнымъ изображеніемъ шеи коня съ уздечкой и нагрудникомъ на свѣтложелтомъ фонѣ.—4) Тоже, 0,006 м. толщ. стѣн., блѣдножелтаго фона съ уцѣлѣвшей частью рогатой головы фантастической птицы или змѣи.—5) Обломокъ мисочки, снаружи зеленой, внутри темнокоричневой поливы, съ уцѣлѣвшей слабо выпуклой, уродливой человѣческой головкой, лицомъ къ зрителю, подъ желтой поливой, и впереди улетающей птицы.—6) Обломокъ днища блюдца восточнаго происхожденія, съ уцѣлѣвшей частью контурнаго изображенія птицы на свѣтложелтомъ фонѣ.—7) Обломокъ днища блюда подъ темнозеленой поливой грубой работы. Уцѣлѣли 2 слабо выпуклыя птицы, на подобіе пингвиновъ, изъ цѣлаго ряда сидѣвшихъ вокругъ центральнаго изображенія, повидимому, креста изъ 4-хъ тонкихъ перекладинъ съ шарами по концамъ. — 9) Обломокъ боковой части миски подъ желтой поливой внутри и безъ поливы снаружи, мѣстнаго производства. Уцѣлѣлъ контуръ головы и шеи копчика. — 9) Днище миски подъ блѣдножелтой поливой съ расплывшимся изображеніемъ гуся, зеленой и черной окраски.—3297 обломковъ разноцвѣтной поливной посуды безъ признаковъ изображеній людей и животныхъ.

Лампочки: 1) чернолаковая обычной формы безъ ручки, съ заостреннымъ носикомъ; 2) нелаковая, красивой античной формы, безъ ручки, съ длиннымъ носикомъ и ушкомъ сбоку; 3) свѣтлоглиняная римской эпохи, украшенная выпуклой розеткой о 6 двойныхъ лепесткахъ; 4) такая же, украшенная выпуклыми загадочными знаками; 5) большая низкая, украшенная выпуклымъ цвѣткомъ и линейнымъ ободкомъ вокругъ, изломаннымъ въ видѣ трехугольниковъ; 6—7) 2 лампочки, украшенныя выпуклыми пупышками и рубчиками; 8) лампочка съ поднятыми кверху носикомъ и ручкой; 9) часть лампы крайне грубой работы изъ необожженной глины, напоминающей такъ называемую «скиѳскую» посуду. Лампа имѣла продолговатую форму, не менѣе 0,13 м. дл., 0,04 м. выш. и 0,01 м.

толщ. стѣнокъ, вылѣпленныхъ отвѣсно, и представляла открытый низкій челноковидный сосудъ, отгороженный въ концѣ для фитиля. Встрѣчается впервые.— 10) Кусокъ чернолаковой лампы необычайно большой величины (0,06 м. выш.), надѣвавшейся на стержень; 11) половина лампы въ видѣ низкаго подсвѣчника простѣйшей формы, съ ручкой сбоку и съ круглымъ отверстіемъ у начала трубки [1]; 2 обломка краснолаковыхъ лампочекъ римской эпохи, безъ украшеній.

б) Стеклянная: часть днища чашки, 0,07 м. діам. и 0,01 м. толщ. снизу, съ выпуклыми лучеобразными рубчиками съ внѣшней стороны и съ остаткомъ восточнаго орнамента внутри, исполненнаго красной, бѣлой и золотой красками; работа небрежная.—7 обломковъ отъ сосудовъ разныхъ формъ (3 ножки, 2 ручки и 2 боковыя части); 15 ножекъ отъ сильно расширяющихся сосудиковъ, напоминающихъ нынѣшнія большія винныя рюмки.

в) Бронзовые: кружокъ въ 0,085 м. діам., повидимому, донышко сосуда, съ 72-мя просверленными дырочками, 0,003 м. діам.—Лампочка сильно поврежденная, съ удлиненнымъ носикомъ и кольцевидной ручкой, прикрѣпленной вертикально. Овальное отверстіе для масла, судя по отвѣсному ободку и уцѣлѣвшей дырочкѣ (одной изъ двухъ, въ которыхъ былъ шарниръ), закрывалось откидной крышкой.

г) Мраморные: кусокъ большой чаши хорошей работы изъ бѣлаго греческаго мрамора; 3 куска отъ ступокъ изъ проконнесскаго мрамора; пестикъ изъ бѣлаго мрамора, сильно поврежденный.

д) Каменный кусокъ чаши, 0,05—0,55 м. толщ. стѣн., изъ полированнаго мелкозернистаго красноватаго гранита.

V. *Хозяйственныя орудія, инструменты, приборы*: 2 каменныхъ куранта для растиранія красокъ; желѣзный клинокъ ножа; половина роговой ручки отъ ножа, 0,12 м. дл. и 0,025 м. наиб. шир., украшенная вырѣзанными вглубь черточками и завитками (сохранилось 6 сквозныхъ дырочекъ, 0,003 м. діам., и одна овальная, 0,015 м. дл. и 0,01 м. наиб. шир.); 2 оселка безъ дырочекъ для ношенія у пояса; половина каменнаго молотка съ тупымъ концомъ; ключъ бронз. съ короткой бородкой и большимъ кольцомъ; ключъ такого же устройства желѣзный; ключъ бронз. складной; массивное кольцо, 0,04 м. нар. діам., имѣющее съ одной стороны овальный выступъ съ вырѣзанной птичкой, служившій печатью, а съ противоположной разрѣзъ съ 2-мя стержнями, удерживающими подвѣшанный кривой ключъ, 0,033 м. дл., съ бородкой, 0,025 м. дл., повидимому, для секретнаго замка, судя по имѣющимся

[1] См. *Отч. Имп. Арх. Комм.* за 1896 г., стр. 6, строки 20—22, и *Изв. Имп. Арх. Комм.* в. 4, с. 35.

ымъ поперечнымъ выступамъ, 4-мъ дырочкамъ и клювовидному концу; часть ѣпленія въ видѣ желѣзнаго болта громадной величины; шляпка прямоуголь- формы имѣетъ 0,08 м. дл. и 0,065 м. шир., а часть уцѣлѣвшаго болта— 24 м. дл. Найденъ у оборонительной стѣны.

VI. *Оружіе*: 22 метательныхъ камня отъ баллистъ.

VII. *Рыболовство*: 4 большихъ бронзовыхъ крючка для крупной рыбы; бронзовыя иглы, 0,17 м. и 0,22 м. дл., для вязанія сѣтей; 5 грузилъ для ей въ видѣ усѣченныхъ пирамидокъ, украшенныхъ штампованными изобра- іями: голой женщины у прялки, двухъ женщинъ, стоящихъ одна противъ гой, голаго мужчины, что-то несущаго впереди и на спинѣ, и голаго мужчины согнутомъ положеніи; такое же грузило со слѣдами штампованнаго изо- женія; 2 грузила той же формы со вдавленнымъ изображеніемъ двой- о креста; 86 грузилъ такой же формы, но безъ штампованныхъ изобра- ій; 2 такихъ же грузила большей величины, приплюснутыя и съ 2-мя очками; 6 грузилъ изъ обожженной глины шаровидныхъ; 28 грузилъ ци- дрической формы; 2 грузила въ видѣ узкой пластинки съ продольнымъ юбкомъ и съ дырочками по концамъ; 5 грузилъ свинцовыхъ, въ видѣ мас- зныхъ колецъ.

VIII. *Рукодѣлія*: шильце костяное, 0,085 м. дл., по серединѣ укра- нное головкой въ видѣ еловой шишки; 7 пряслицъ изъ обожженной глины 4 пряслица изъ краснаго шифера.

IX. *Игры*: 2 шашки костяныя точеныя, подобныя нынѣшнимъ, визан- іской эпохи; 5 малыхъ глиняныхъ шариковъ безъ пустоты; шарикъ-погре- шка глиняный, 0,035 м. діам., съ 4-мя сквозными дырочками.

X. *Наряды, украшенія, принадлежности туалета*. Золотыя: рьга проволочная, витая, самаго распространеннаго вида; часть такой же ьги съ колечкомъ для подвѣски, встрѣчаемая впервые.—Бронзовые: фибула видѣ мухи, подобная изданной бар. де-Бай въ «Note sur des bijoux bar- res en forme de mouches», p. 11; перстень большой съ 6-угольнымъ оскимъ щиткомъ, съ грубой неразборчивой вырѣзкой; трубочка для храненія клинаній, 0,02 м. дл., задѣланная съ помощью вырѣзанныхъ зубчиками нцовъ, но безъ ушковъ; подвѣска въ видѣ человѣческой фигурки, 0,02 м. ш., грубой работы, съ отломанным ушкомъ; розетка изъ бронз. бляшки, 0,04 м. ам., о 4-хъ округленныхъ листьяхъ съ штампованными, расположенными одна утри другой, двумя розетками. Контуры этихъ трехъ розетокъ состоятъ изъ пуклыхъ ободковъ, средняго гладкаго и двухъ внѣшнихъ изъ мелкихъ полу

шарій. Внутренняя розетка украшена по серединѣ и по 4-мъ сторонамъ большими полушаріями во всю величину поля. Сзади уцѣлѣла часть приспособленія для укрѣпленія. Встрѣчается впервые.—16 пуговицъ дутыхъ круглыхъ изъ листовой бронзы, 0,027 м. діам. Относятся къ очень позднему времени, быть можетъ, ко времени существованія на этомъ мѣстѣ карантина.—Стеклянные 80 обломковъ разноцвѣтныхъ и разной формы браслетовъ.—Гемма сердоликовая овальная (0,013 × 0,011 м.), съ вырѣзанной нападающей собакой влѣво.—Костяныя: булавка въ 0,12 м. дл. поврежденная, украшенная сверху рукой грубой работы; пластинка трехугольная съ 2-мя прямыми и одной сферической сторонами, безъ дырочекъ для прикрѣпленія, съ гладкой каймой и съ вырѣзанной птицей, которая за недостаткомъ мѣста изображена съ откинутой назадъ головой [1]).

XI. *Церковныя древности*: крестъ бронзовый, сильно поврежденный 0,05×0,03 м., о 4-хъ концахъ, изъ коихъ верхній и боковые раздваиваются и заканчиваются кружками, а изъ нижняго поднимаются вѣтви, соединяющіяся съ боковыми концами. Форма эта нерѣдко встрѣчается на мраморныхъ и каменныхъ памятникахъ. Бывшій снизу стержень отломанъ [2]).—Разломанная на 2 части половина большого бронзоваго энколпіона, 0,085×0,075 м., выпуклыя изображенія котораго по серединѣ и по концамъ разрушены окисью.—Половина малаго гладкаго бронзоваго энколпіона, 0,035 × 0,025 м.—Крестикъ-тѣльникъ бронзовый, 0,02×0,017 м., съ квадратнымъ щиткомъ по серединѣ и съ шариками по концамъ. Одного мастера съ описаннымъ у Б. И. Ханенко на т. XVII № 182.—Такой же, но выпуклый крестикъ внутри квадрата.—Тоже, 0,02×0,02 м. съ расширенными концами, грубой работы. Ушко отломано.—Крестикъ проволочный, 0,035 × 0,02 м., четырехконечный, съ округленными концами и съ широкимъ ушкомъ. Встрѣчается впервые.—Тоже, 0,02 × 0,017 м., четырехконечный, съ перекрестьями по концамъ и съ квадратнымъ щиткомъ по серединѣ украшеннымъ съ обѣихъ сторонъ 5-ю полушаріями, старательной работы.—Звено бронзовое массивное, 0,015 м. дл., отъ лампадной цѣпи, поврежденное.—Застежка въ видѣ узкой бронзовой пластинки, 0,062 м. дл. и 0,007 м. шир. круглой по серединѣ, съ ажурно вырѣзанными внутри кружка: четырехконечнымъ равностороннимъ крестикомъ и 4-мя дырочками по угламъ (рис. 37).—

---

[1]) Такая же птица, но влѣво, на костяной пластинкѣ изображена въ *Изв. Имп. Арх. Комм.* в. 4, с. 38, рис. 41.

[2]) Крестъ со стержнемъ былъ найденъ уже въ 1892 г. См. *Отч. Имп. Арх. Комм.* за 1892 г., с. 17. Въ собраніи Б. И. Ханенко, т. IV, № 46, также описано бронзовое распятіе съ остаткомъ стержня.

Кусокъ мраморной ступки, 0,24 м. нар. діам. и 0,09 м. выш., съ уцѣлѣвшими 2-мя выступами-ручками, на одной изъ которыхъ вырѣзанъ четырехконечный равносторонній крестъ, 0,03 × 0,03 м.— 2 пуговицы бронзовыя бубенчиковидныя.

Рис. 37 (½).

XII. *Строительныя части храмовъ и зданій*: 4 базы мраморныя большія, снизу квадратныя, сверху круглыя, обычной простѣйшей формы; 2 обломка мраморныхъ орнаментированныхъ плитъ алтарной преграды; 2 куска отъ гладкихъ мраморныхъ карнизовъ; 5 обломковъ отъ мраморныхъ частей неизвѣстнаго назначенія; обломанный со всѣхъ сторонъ кусокъ мраморной плиты, 0,20 м. наиб. выш. и шир. и 0,06 м. наиб. толщ., съ уцѣлѣвшей частью выпуклой гермы, 0,19 м. выш., 0,07 м. шир. въ плечахъ и 0,04 м. снизу. Голова сверху отбита, недостаетъ также нижней части. Борода имѣетъ прямоугольную форму и коротко подстрижена, а на плечи спускаются двѣ толстыя косы. Сзади головы перекладина, соединяющаяся съ правой стороны съ остаткомъ какого-то выпуклаго изображенія, продолжающагося и въ лѣвую сторону, гдѣ плита, къ сожалѣнію, обломана у самой фигуры.—Капитель мраморная превосходной сохранности, впервые встрѣчаемаго вида, сверху квадратная (0,60××0,60 м.), снизу у колонны въ видѣ прямоугольника (0,38×0,31 м.), украшеннаго по сторонамъ завитками, являющимися подражаніемъ завиткамъ іоническаго ордера. Діаметръ круглой выемки для установки на колонну 0,28 м. Квадратный верхъ исполненъ карнизообразно, а лицевая сторона капители обозначена красивымъ выпуклымъ крестомъ съ расширяющимися концами. Найдена у оборонительной стѣны. — Капитель мраморная малая, снизу круглая, сверху въ видѣ узкаго удлиненнаго прямоугольника, украшенная 2-мя выпуклыми крестами. — Тоже, изъ сѣроватаго мрамора, большая, высокая, въ видѣ усѣченнаго конуса, 0,66 м. діам. сверху, 0,44 м. діам. снизу и 0,40 м. выш., украшенная двумя выпуклыми, сильно поврежденными крестами съ развѣтвленіями и двумя розетками. Сверху 2 углубленія: посерединѣ круглое и сбоку квадратное.—Части мозаичнаго пола христіанскаго храма, пока не обнаруженнаго: кругъ, 0,05 м. діам. и 0,02 м. толщ., изъ темнозеленаго мрамора съ свѣтло-зелеными пятнами, и 3 восьмигранника изъ бѣлаго мрамора, 0,11 × 0,11 м. и 0,03 м. толщ.—4 кирпича размѣровъ 0,32×0,16×0,03 м. -- 2 куска толстыхъ оконныхъ стеколъ.

XIII. *Матеріалъ для издѣлій:* 2 куска смолы, быть можетъ, для окраски подводной части судовъ; кусокъ толстаго оленьяго рога съ 2-мя развѣтвленіями; 2 отпиленныя верхушки оленьихъ роговъ.

XIV. *Кости*: 4 бивня дикихъ свиней.

XV. *Древности невыясненнаго назначенія.* Трубка изъ обожж глины, 0,08 м. выш., имѣющая видъ гладко срѣзаннаго горла отъ ку византійской эпохи, 0,015 м. толщ. стѣнокъ снизу и 0,028 м. діам., сплюснутая въ формѣ розетки о 4-хъ округленныхъ лепесткахъ, при то стѣн. 0,004 м. Подобныя трубки уже встрѣчались въ верхнемъ наслоеі родища и ихъ имѣется нѣсколько экземпляровъ въ монастырскомъ склад хранятся древности изъ раскопокъ до 1888 г. Сквозное продольное отт то есть отсутствіе дна, затрудняетъ выясненіе назначенія этихъ труб Костяное приспособленіе на подобіе коромысла, но только иного назн 0,13 м. дл., 0,055 м. выш. по серединѣ и 0,013 м. по концамъ и 0, діам. верхняго и 0,02 м. нижняго отверстія.

III. Раскопки между казематомъ крѣпостной артиллеріи и скл древностей, на берегу бухты.

(Продолженіе раскопокъ 1892, 1894—1896, 1903 и 1904 годовъ).

Произведеннымъ здѣсь въ отчетномъ году дослѣдованіемъ, заключа въ углубленіи, частью до материковой скалы, частью до горизонта м воды, вполнѣ закончены раскопки юго-восточной оконечности городища. П на прилагаемомъ планѣ (табл. V) потребовалось показать раскопки не только отчетнаго года, но и производившіяся въ 1892, 1894—1896, и 1904 годахъ.

Раскопки, предпринятыя съ цѣлью дослѣдованія до скалы береговс ронительной стѣны A^2, обнаруженной раньше только въ верхнемъ нас для выясненія вопроса, служила ли эта стѣна, подобно главной оборон ной, также всѣмъ 3-мъ эпохамъ исторіи Херсонеса, или сооружена въ позднее время, были начаты сзади бывшаго караульнаго дома военна домства. Въ этомъ мѣстѣ, какъ видно на планѣ, приложенномъ къ гл. 1 чета за 1903 г. (*Изв. Имп. Арх. Комм.* в. 16, табл. 1), стѣна ве города повернула подъ тупымъ угломъ къ западу, образуя улицу. У ве этого угла, при углубленіи до скалы обнаружена, пока на ширинѣ древнѣйшая береговая стѣна A^4, сложенная изъ бута на глинѣ и обли ная съ внѣшней стороны штучнымъ, а съ внутренней (городской) пр нымъ камнемъ; она сохранилась на вышинѣ 1,84 м., при ширинѣ 2 Направленіе этой стѣны не совпадаетъ съ направленіемъ стѣны, идущ площади склада древностей: она уклоняется внутрь города на 0,84 м

чемъ не свернула, подобно поздней стѣнѣ A^2, влѣво, но направилась на С.-З.,— явленіе, пока необъяснимое. Та часть этой стѣны, которая находилась выше уровня византійской эпохи, разобрана и употреблена на сооруженіе сосѣдней стѣны, свернувшей на З., по направленію бухты, что доказываютъ красивые облицовочные камни съ рустами греческой эпохи, заложенные въ верхнюю стѣну. Въ это же время древнѣйшая стѣна была поглощена проложенной здѣсь улицей верхняго города. У южнаго угла этой, пока загадочной, стѣны A^4 беретъ начало обширный, повидимому, навѣсъ прямоугольной формы, съ уцѣлѣвшими на своихъ мѣстахъ 5-ю каменными столбами *е—е*, квадратнаго го-

Рис. 38.

ризонтальнаго сѣченія, подобными описаннымъ въ главѣ II-й отчета (рис. 38). У второго, ближайшаго къ прощади, тупого угла, сквозь береговую стѣну A^2 проходитъ, пересѣкая сверху наискось упомянутый навѣсъ, водосточный каналъ съ 2-мя развѣтвленіями *ж—ж*, сложенный на культурномъ наслоеніи древнѣйшаго города изъ разнохарактернаго камня на извести, съ цемянковой обмазкой внутри. Вокругъ сохранились остатки вымостки въ видѣ площадки. Это уже третій, обнаруженный раскопками, водостокъ, пропущенный изъ города наружу сквозь оборонительную стѣну, не считая выхода сквозь стѣну, спеціально для нечистотъ, изъ отхожаго мѣста у башни, сосѣдней съ юго-восточнымъ угломъ монастырской ограды.

Далѣе береговая стѣна A^2, направляясь къ бухтѣ черезъ нынѣшнюю пло-

щадь склада древностей, на участкѣ отъ ближайшаго тупого угла на протяженіи 36,98 м. сохранилась на вышинѣ 3,63 м., считая отъ выступившей наружу морской воды, на всемъ же остальномъ протяженіи сохранилась только ниже уровня площади. Отъ точки c^1 до c^2, на протяженіи 15,28 м., низко сломанная стѣна въ 2,66 м. толщ. сохранила несомнѣнные признаки древнѣйшаго происхожденія въ видѣ облицовочныхъ камней старательной работы и одинаковыхъ размѣровъ, въ 2 ряда отъ уровня моря. Отъ точки c^2 береговая стѣна, приближаясь къ бухтѣ, сворачиваетъ на С.-В., по направленію къ морю, образуя башневидное закругленіе большого радіуса, напоминающее такое же закругленіе у той же бухты, при выходѣ къ ней главной оборонительной стѣны у монастырскаго скотнаго двора, обозначенное лит. *Д* на планѣ на стр. 91- *Отчета Имп. Арх. Коммиссіи* за 1897 г. Всѣ облицовочные камни этого закругленія, сохранившіеся только на вышинѣ двухъ рядовъ кладки, имѣютъ характерные вырубы для связи между собою. Закругленіе это въ болѣе позднее время усилено граннымъ утолщеніемъ *а—а*, примкнутымъ къ его лицевой сторонѣ, подобно утолщенію, описанному въ гл. II отчета. У выхода къ бухтѣ водостока *в* (уже 4-го, проходящаго изъ города сквозь оборонительную стѣну) теряются дальнѣйшіе слѣды стѣны A^4, которая, несомнѣнно, какъ и на противоположномъ участкѣ у караульнаго домика военнаго вѣдомства, была разобрана по причинѣ измѣненія направленія береговой стѣны въ римско-византійскую эпоху, на что ясно указываютъ остатки большой прямоугольной башни *К*, частью разрушенной моремъ, какъ это показано на планѣ, и примкнутой безъ связи къ упомянутому закругленію. Такой же прямоугольной башней, какъ выяснили раскопки 1906 г., заканчивалась оборонительная стѣна, описанная въ гл. II отчета, составлявшая границу между старымъ и новымъ, расширеннымъ городомъ. Далѣе отъ башни къ морю, какъ видно на планѣ, уцѣлѣли фундаменты береговой стѣны, не одинаковой толщины, изъ большихъ отесанныхъ камней, съ вырубами для связи. Протяженіе сохранившейся части стѣны, разслѣдованной до самаго ея оборваннаго конца, составляетъ 27,73 м. Гдѣ находилась фланговая башня, отъ которой стѣна сворачивала на соединеніе съ той ея частью, которая была открыта раскопками 1891 г. у высоко-обрывшагося берега, впереди часовни № 8,—рѣшить невозможно, такъ какъ значительная береговая полоса унесена моремъ. Во всякомъ случаѣ, направленіе этой стѣны показано неточно на планѣ, приложенномъ къ послѣднему труду А. Л. Бертье-Делагарда «О Херсонесѣ» [1]), что объясняется прежде

[1]) *Изв. И. Арх. Комм.* в. 21, табл. I.

временнымъ опубликованіемъ свѣдѣній о юго-восточной части городища, до окончанія здѣсь раскопокъ, когда еще не были обнаружены ни прямоугольная башня *К*, ни дальнѣйшее направленіе береговой стѣны. Ниже водостока *в* находился плитный помостъ *г*, слѣва отъ котораго, подъ прямымъ угломъ съ башней, шла къ городу стѣна *д* въ 1,33 м. толщ., сложенная на извести, а впереди находилась большая пашенная яма *б*, 3,86 × 3,35 × 2,13 м., сложенная изъ бута, при неодинаковой толщинѣ стѣнокъ, что объясняется ея устройствомъ послѣ сооруженія стѣны *д* и помоста *г*. Стѣны прочно оштукатурены мелкозернистой цемянкой, а полъ выложенъ изъ большихъ прямоугольныхъ кирпичей, 0,72 × 0,59 × 0,045 м., впервые встрѣчаемой величины.

На дослѣдованной площади юго-восточной оконечности городища обнаружено, кромѣ навѣса *е—е*, 13 помѣщеній: 8 древнегреческой (I—VIII) и 5 римско-византійской (№№ 1—5) эпохъ. Въ помѣщеніи II найдены гончарная печь *з*, прямоугольная яма *и*, вырубленная въ скалѣ для приготовленія глины, какая была открыта въ 1900 г. съ наружной стороны оборонительной стѣны, и арковидная ниша *і* въ скалистой стѣнѣ. Въ помѣщеніи VII сохранились остатки интересной печи *н* въ видѣ свода старательной работы, съ каменной лѣстницей, корридорчикомъ и отдѣленіемъ, быть можетъ, служившимъ складомъ. Въ помѣщеніи VIII съ выходомъ на улицу, которая, слѣдовательно уже существовала въ древнѣйшую эпоху, обнаружено въ нижнемъ наслоеніи 4 мусорныхъ колодца *о—о*, цилиндрической формы, обложенныхъ камнемъ, и 6 раздавленныхъ желобчатыхъ пиѳосовъ *п—п*, яйцевидной формы, а нѣсколько выше—еще 9 раздавленныхъ гладкихъ пиѳосовъ *р—р*, грушевидной формы, заключавшихъ въ себѣ мелкую соленую рыбу. Въ помѣщеніи № 2 верхняго города обнаруженъ небольшой грушевидный колодецъ *к*, вырубленный въ скалѣ, оштукатуренный цемянкою и обложенный сверху плитами, 1,46 м. діам. сверху и 2,61 снизу и 2,13 м. глубины, а въ помѣщеніи № 3 оказалось 3 выруба въ скалѣ, повидимому, для установки пиѳосовъ, *л—л*, и малый поглотательный колодецъ *м*, 0,66 м. діам., цилиндрической формы.

При разслѣдованіи въ отчетномъ году юго-восточной оконечности городища найдены нижеописанныя древности.

I. *Памятники эпиграфическіе*:

11 амфорныхъ ручекъ съ надписями, въ томъ числѣ 5 ѳасосскихъ и 6 съ именами астиномовъ; 2 обломка кровельныхъ черепицъ съ именами астиномовъ.

Грузила для сѣтей въ видѣ усѣченной пирамидки изъ обожженной а) съ вдавленной сбоку монограммой -Н-; б) съ штампованными головой, праваго плеча и крыла сзади и съ очень мелкой неясной надписью ХР(снизу, въ овальномъ углубленіи сбоку пирамидки.

Верхъ краснолаковой мисочки съ нацарапанною частью имени ΘΗC обломокъ отъ верхней части большой амфоры, 0,015 м. толщ. стѣн., съ нацарапанной неразборчивой надписи, 0,015 м. выш. буквъ; нижняя отбитая до начала горла, 0,17 м. дл. и 0,05 м. наиб. діам., высока каго сосудика безъ ручекъ, грубой работы; сбоку, въ 0,04 м. отъ н края, внутри вдавленнаго трехугольника 0,012 × 0,012 × 0,009 м., пованная неразборчивая надпись.

Половина «абраксасъ-геммы», по опредѣленію проф. геологіи Сокс изъ обсидіана, съ уцѣлѣвшими на половину, вырѣзанными вглубь изс ніями съ обѣихъ сторонъ египетскихъ божествъ съ звѣриными головам разборчивыхъ греческихъ надписей въ разныхъ направленіяхъ, при чемъ на скошенномъ обрѣзѣ вокругъ возстановляется такъ: ΑΒΛΑΝ/ΑΘΑΝ и читается одинаково какъ слѣва вправо, такъ и справа влѣво. Выш. 0 наиб. уцѣл. шир. 0,015 и толщ. 0,005 м. Найдена на мѣстѣ свалки изъ вагонетокъ.

II. *Монеты.*

1. Херсонесскія: а) Греческаго періода 18 (Бурачковъ, табл. XIV, 12, 14, 20, 21, 30—35, 37—40; XV, 51—57, 64, 65, 68), в числѣ одинъ неизданный варіантъ къ № 64, отличающійся меньшей ной, очень плохой сохранности. — б) Римскаго періода 18 (Бур. XV 90, 97, 102 — 105, 108, 112, 114 и 117), въ томъ числѣ варіа № 103, меньшей величины и крайне грубой работы (3 экз.) и не опи у Бур. экземпляръ малой величины: *лиц.* бюстъ Зевса направо, *об.* на щая Артемида. — в) Византійскаго періода 91 (у Орѣшникова, табл №№ 1—3, 13, 14, 18—23, 25, 26; IX, 33, 35, 36; X, 45, 47— 52, 57—59).

2. Послѣднихъ боспорскихъ царей 2 экз. (очень плохой сохранно

3. Разныхъ греческихъ городовъ 29, въ томъ числѣ сильно раз ныхъ окисью и не поддающихся опредѣленію 26.

[1]) Грузило съ надписью у штампованнаго изображенія, найденное в сонесѣ, описано проф. В. К. Мальмбергомъ въ „Матер. по археол. Росс с. 29—30, № 30, съ рисункомъ.

4. Римскихъ и византійскихъ императоровъ 171, въ томъ числѣ сильно сглаженныхъ 90.

Рис. 39.

III. *Изваянія*. 1) Ножки обнаженнаго ребенка высокохудожественнаго исполненія, изъ бѣлаго греческаго мрамора (рис. 39); ребенокъ лежалъ въ живописной позѣ на плитѣ въ 0,03 м. толщ., обломанной со всѣхъ сторонъ. У правой ножки отбита ступня, а у лѣвой повреждены пальцы. Длина обломка 0,20 м., шир. 0,10 м., наибольшая выш. 0,09 м.—2) Средняя часть, 0,19 м. выш., мраморной статуи средней величины, хорошей работы.—3) Половина мраморной львиной лапы въ натуральную величину, художественнаго исполненія.

IV. *Посуда*. а) Глиняная. Чернолаковая: 20 черепковъ со слѣдами живописи; 146 обломковъ безъ признаковъ живописи: отъ блюдъ 25, отъ кратеровъ 3, отъ канѳаровъ 11, отъ киликовъ 23, отъ тарелокъ 21, отъ блюдцевъ 5, отъ солонокъ (предположительно) 2 и не опредѣленныхъ формъ 56.—Буролаковая: 3 обломка такъ назыв. «мегарскихъ чашекъ» съ штампованными изображеніями: а) гладкій край въ 0,013 м. шир., ниже рядъ красивыхъ розетокъ (уцѣлѣли 4) между узкими буртиками, еще ниже мчащіяся вправо биги, управляемыя Эротами (уцѣлѣли 2) и затѣмъ остріе лепестка отъ большой розетки; б) сверху бордюръ въ видѣ цѣпи изъ летящихъ влѣво утокъ (уцѣлѣли 3), снизу бордюръ изъ овъ и стрѣлокъ между ними (уцѣлѣли 5 овъ и 4 стрѣлки), а промежутокъ занятъ бѣгущимъ юношей, двумя утками и большой птицей; в) прыгающій влѣво зайчикъ. — 4 черепка такой же посуды, украшенные однимъ растительнымъ орнаментомъ.—Часть вазочки съ орнаментомъ въ видѣ плющеваго вѣночка изъ густо наложенной свѣтлокоричневой краски. Ручка украшена выпуклыми изображеніями: сверху тирса съ лентами, сбоку головы вакханки.—5 черепковъ, украшенныхъ орнаментомъ растительнаго характера свѣтлокоричневаго цвѣта, при чемъ стебли и завитки исполнены рѣзцомъ.—10 обломковъ отъ блюдъ и 46 отъ посуды другихъ формъ.—Краснолаковая: 159 обломковъ отъ посуды разныхъ формъ.

Простая, не лаковая: 12 ручекъ отъ сосудовъ, украшенныхъ штампован-

ными изображеніями: мужской бородатой головы вправо, женской головки вправо, головки собаки—по одному экземпляру и сучковатой палицы 9 экз.— Крышка амфорная для вмазыванія, обычной формы.

Лампочки: нелаковая, красивой античной формы, безъ ручки, съ длиннымъ носикомъ и съ ушкомъ сбоку, украшенная сверху пупышками и рубчиками. Куски: чернолаковый обычнаго вида 1; тоже, но съ трубовиднымъ отверстіемъ по серединѣ, 2; такихъ-же буролаковыхъ 2. Римской эпохи краснолаковыхъ, безъ украшеній 4.

б) Стеклянная: 18 обломковъ отъ посуды разныхъ формъ: ножекъ 6, горлъ 5, ручекъ 3 и боковыхъ частей 4; ножекъ отъ сильно расширяющихся сосудовъ, напоминающихъ нынѣшнія большія винныя рюмки, 5.

V. *Хозяйственныя орудія и инструменты*: жерновъ отъ ручной мельницы; оселокъ съ дырочкой для ношенія у пояса и другой безъ дырочки.

VI. *Оружіе*: 6 метательныхъ камней отъ баллистъ.

VII. 6 *грузилъ* для сѣтей въ видѣ усѣченныхъ пирамидокъ изъ обожженной глины съ штампованными изображеніями: головки Артемиды вправо съ завязанными въ узелъ волосами (2 экз.), Психеи и Эрота, коня вправо, птицы вправо, сосуда съ крышкой; 6 такихъ-же грузилъ со слѣдами штампованныхъ изображеній и 40 безъ слѣдовъ изображеній; 4 грузила изъ обожженной глины цилиндрической формы.

VIII. *Рукодѣлія*: 4 пряслица изъ обожженной глины и 2 изъ краснаго шифера.

IX. *Игры*: 3 шарика изъ обожженной глины, безъ пустоты, малые.

X. *Наряды, украшенія, принадлежности туалета*: 20 обломковъ разноцвѣтныхъ и разной формы стеклянныхъ браслетовъ.

XI. *Строительныя части храмовъ и зданій*: верхнее украшеніе тонкой колонки изъ бѣлаго греческаго мрамора въ видѣ красивой розетки; базочка мраморная, снизу квадратная, 0,11 × 0,11 м., сверху круглая, 0,10 м. діам.; 8 кусковъ древнегреческой окрашенной штукатурки: 6 краснаго и 2 голубого цвѣта; 10 обломковъ толстыхъ оконныхъ стеколъ.

XII. *Запасы продовольствія*: рыба соленая, находившаяся внутри 15-ти раздавленныхъ рубчатыхъ яйцевидныхъ пиѳосовъ древнегреческой эпохи.—Яйцо куриное высохшее.

XIII. *Кости*: 2 бивня дикихъ свиней.

Рис. 40 (1/6).

IV. Случайныя находки.

1) Обломокъ лѣвой стороны мраморной плиты съ сохранившимися 5-ю [illegible]вами отъ греческой надписи римской эпохи [1]). Найденъ М. И. Скубето[illegible]ъ у южнаго участка оборонительной стѣны, по близости большой фланго[illegible] башни.

2) Обломанный со всѣхъ сторонъ кусокъ очень толстой мраморной плиты [illegible] остатками греческой надписи римской эпохи въ 5-ти строкахъ [2]). Вынутъ [illegible] И. Скубетовымъ изъ стѣны «Уваровской» базилики.

3) Карнизъ изъ бѣлаго мрамора, 0,69 м. дл., 0,23 м. шир. и 0,12 м. [illegible]., украшенный глубокими овами и пальметками художественной работы и [illegible]восходной сохранности (рис. 40). Вынутъ М. И. Скубетовымъ изъ уличной [illegible]ны справа отъ баптистерія, въ которую обломокъ былъ вставленъ заднею [illegible]роною наружу, такъ что рѣзьба была скрыта.

4) 3912 кусочковъ смальты, разноцвѣтной и со слѣдами впущеннаго зо[illegible]а и серебра, сброшенныхъ съ берега вмѣстѣ съ землей изъ «Уваровской» [illegible]илики во время раскопокъ 1853 г. и выкинутыхъ моремъ: синей и голу[illegible]—1539, зеленой разныхъ оттѣнковъ—818, красной—730, желтой—495, [illegible] слѣдами впущеннаго золота и серебра—330.

[illegible] Древности, найденныя въ окрестностяхъ во время плантажныхъ [illegible]олевыхъ работъ и пріобрѣтенныя покупкою отъ торговца Л. Гончарова.

1) 5 серебряныхъ херсонесскихъ монетъ: а) бюстъ юнаго Иракла—суч[illegible]атая палица, сверху ΧΕΡ, снизу ΜΟΙΡΙΟΣ. Превосх. сохр. Не издана.— [illegible] 3 съ бюстомъ Артемиды въ башенной коронѣ съ одной и съ стоящимъ [illegible]немъ съ другой стороны, всѣ съ разными именами: Мириса, Аполлонида и

---

1) Изданъ въ *Изв. И. Арх. Комм.* в. 18, стр. 120, № 33.
2) Изданъ тамъ же, стр. 118, № 29.

Діотима. Съ послѣднимъ именемъ не издана. Превосходной сохр. — в) Бюстъ Артемиды въ вѣнкѣ — Артемида, поражающая оленя, снизу ΧΕΡ, справа ΜΕΝΕΣΤΙ... Повреждена съ краю. Съ этимъ именемъ, повидимому, не издана.— 2) 4 бронзовыя херсонесскія монеты превосх. сохр.: а) Артемида, поражающая оленя, снизу ΧΕΡ. Бодающій быкъ, снизу ΕΥΔΡΟΜΟΥ. — б) Бюстъ Аѳины въ шлемѣ— прыгающій грифонъ, сверху ΧΕΡ, снизу ΑΠΟΛΛΟΔΩΡΟΥ.—в) 2 экземпляра временъ элевѳеріи, варварскаго типа: бюстъ Аполлона—нападающая Артемида [1]). 3) 9 глиняныхъ двуручныхъ амфоръ, изъ коихъ 4 имѣютъ штампованныя именныя печати: темноглиняная на горлѣ: ΑΠΟΛΛ.ΝΙΟ/ΗΡΑΚΛΕΙΔΑ; свѣтлоглиняная на горлѣ-же: ΚΑΛ/ΔΙΑ (въ 2 строкахъ, во 2-й справа налѣво); красноглиняная на ручкѣ: птица, справа ΘΑΣΙΩΝ; свѣтлоглиняная на горлѣ: виноградная кисть и неясная надпись вокругъ. Остальныя 5 амфоръ свѣтлоглиняныя, безъ именныхъ печатей. — 4) Канѳаръ чернолаковый малый, хорошей сохранности. — 5) Блюдечко чернолаковое съ нацарапанной снизу буквой А. — 6) Такое-же блюдечко безъ буквъ. — 7) Солонка (предположительно) чернолаковая. — 8) 2 тарелки краснолаковыя. — 9) Лампочка краснолаковая, украшенная выпуклой головкой. — 10) Кувшинчикъ краснолаковый рубчатый съ красивой ручкой.—11) Тоже желтоватой глины, безъ ручекъ, грубой работы.—12) Тоже темноглиняный, низкій и широкій, съ 2-мя ручками.— 13) Чашечка глиняная нелаковая, съ одной ручкой.— 14) Штемпель овальный, 0,05 × 0,04 м., съ ободкомъ и съ слѣдами надписи $\substack{\cdots\,\omega\text{I}\\ \cdots\,\text{NN}}$, помѣщавшійся сбоку большого стекл. сосуда.—15) Тоже въ 0,03 × 0,027 м., съ неясной выпуклой надписью; тоже отъ стекляннаго сосуда.—16) 5 стеклянныхъ шашекъ древнегреческаго періода, разрушенныхъ разслоеніемъ, подобныхъ найденнымъ въ 1899 г. въ склепѣ № 1012.—17) 5 стеклянныхъ круглыхъ выпуклыхъ вставокъ изъ медальоновъ.—18) 12 пряслицъ изъ краснаго шифера разной величины.—19) 4 подвѣски въ видѣ стеклянныхъ дельфинчиковъ, грубой работы.— 20) 6 кувшиновидныхъ подвѣсокъ изъ синяго и зеленаго стекла.—21) Горшокъ глиняный, 0,11 м. выш., т. наз. «скиѳской» посуды.—22) 159 пронизей отъ ожерелій: 30 пастовыхъ мозаичныхъ круглыхъ, разной величины; 12 такихъ же, но удлиненной формы; 30 изъ разноцвѣтнаго стекла круглыхъ; 28 изъ синяго стекла малыхъ круглыхъ; 46 изъ золотистаго стекла, той же формы величины; 8 изъ синяго стекла въ видѣ гладкихъ трубочекъ и 5 изъ того-же матеріала, кубовидной формы.

[1]) Всѣ серебряныя монеты и бронзовая съ бюстомъ Аѳины поступили въ Императорскій Эрмитажъ, который призналъ ихъ очень рѣдкими и цѣнными.

Въ отчетномъ году расширенъ складъ древностей постройкой на площади, въѣзда, большого каменнаго навѣса, крытаго черепицей (рис. 41), для хра-ія пиѳосовъ, водопроводныхъ трубъ, кирпичей и тѣхъ мелкихъ древностей ростепеннаго значенія, которыя не помѣщаются въ главномъ зданіи склада. омѣ того сооружены капитальныя желѣзныя ворота, запирающіяся на ночь.

К. Косцюшко-Валюжиничъ.

Рис. 41.

Проектъ реставраціи фресокъ въ склепѣ № 2086.

При открытіи катакомбы замѣтны были слабыя очертанія, отъ праваго угла передней стѣны къ лѣвому углу задней, гирлянды чернаго цвѣта изъ лавра съ вплетенными красными трилистниками. Такія діагонали шли, вѣроятно, отъ всѣхъ угловъ къ центру потолка, гдѣ еще уцѣлѣли слѣды двойного круга, внутри котораго могъ быть изображенъ вѣнокъ, подобный имѣющемуся въ катакомбѣ № 2114. Аркосолій задней стѣны былъ окаймленъ лентой съ перевязями, съ подвѣшенными по концамъ кипарисовыми шишками, по 2 съ каждой стороны, а внутри вся площадь была занята виноградной лозой съ гроздьями, но безъ листьевъ. Лента мѣстами блѣднорозовая, оттѣненная красной муміей, мѣстами блѣднозеленая, оттѣненная сажей. Стебель виноградной лозы исполненъ темной охрой, усики красной муміей, ягоды сѣрыя, обведенныя сажей, съ чернымъ очкомъ по серединѣ, причемъ лѣвая сторона лозы, состоящая изъ 4-хъ кистей, изображала черный, а правая, съ тѣмъ же количествомъ кистей, красный виноградъ. По обѣимъ сторонамъ свода аркосолія сохранились слѣды двухъ птицъ, вѣроятно голубей, изъ которыхъ правый сидитъ на вѣткѣ, а лѣвый идетъ вправо. По полю разбросаны розовые лепестки шиповника. Съ наружной стороны аркосолія, по самой кромкѣ, изображена гирлянда, начинающаяся съ лѣвой стороны бантомъ, обведеннымъ красной муміей, и обрывающаяся съ правой стороны, перевитая въ трехъ мѣстахъ широкой полосатой лентой бѣлаго, розоваго и блѣднозеленаго цвѣтовъ. Гирлянде хотѣли придать рельефный видъ, при этомъ листья наружной стороны покрыты блѣднозеленой краской, а внутри на сѣромъ фонѣ симметрично изображены красные трехлистники. Въ правомъ углу сохранились слѣды, повидимому кедра съ шишками и сидящимъ хохлатымъ голубемъ и съ корабликомъ сверху, какіе изображены на половой мозаикѣ базилики, открытой въ 1889

ѣ лѣвомъ углу изображенъ рогъ изобилія коричневаго цвѣта съ выступаю-
щими растеніями съ черными ягодами и съ сидящимъ голубемъ съ рябой
рудкой, держащимъ въ клювѣ масличную вѣтвь, подобно изображенію въ ка-
акомбѣ № 1494, открытой въ 1903 г. Боковыя стѣны, какъ правая, такъ
 лѣвая, были расписаны одинаково, причемъ лѣвая сохранилась лучше. Свер-
у по кромкѣ ниши второго яруса, по всей длинѣ, шла такая же перевитая
ентой гирлянда, какъ и вокругъ аркосолія, а по угламъ, у начала ниши,
зображены 2 горящія свѣчи, слабо суживающіяся кверху, блѣдножелтаго
юна, оттѣненныя коричневой краской. Въ углахъ, у свѣчи, сохранились слѣ-
ы деревца съ зелеными листьями и круглыми плодами, обведенными красной
уміей по желтому полю. На нижней полкѣ, въ мѣстахъ, гдѣ на верхней изо-
ражены свѣчи, имѣются два прямоугольника съ бѣлой рамой, обведенной
ерной краской, а внутри раздѣланной подъ мраморъ, съ красными разводами
о желтому полю. У входа съ правой стороны сохранился орнаментъ въ видѣ
рямоугольника съ блѣдно-коричневой рамой, внутри котораго по угламъ вве-
ены 4 трехугольника съ двойной черной каймой, раздѣланные подъ бѣлый
раморъ сѣрыми разводами. Внутренній параллелограммъ также раздѣланъ подъ
раморъ красными разводами по желтому полю, причемъ въ центрѣ введенъ
ѣлый кругъ съ коричневыми каймами, внутри раздѣланный также подъ мра-
іоръ, темнозелеными разводами по блѣднозеленому фону. Съ лѣвой стороны
ода такой же орнаментъ, но плохой сохранности. Снизу надъ поломъ со
сѣхъ сторонъ проведена широкая черная кайма, мѣстами хорошо сохранив-
шаяся. Въ двухъ нишахъ боковыхъ стѣнъ сохранились слѣды растительнаго
рнамента, повидимому шиповника.

М. Скубетовъ.

Проектъ реставраціи фресокъ въ склепѣ № 2114.

Всѣ стѣны, ниши и потолокъ были оштукатурены известью, а мѣстами розовой цемянкой съ крупными зернами кирпича и по гладкой поверхности, по свѣжей штукатуркѣ, расписаны фресками. На потолкѣ, въ пересѣченіи діагоналей, соединяющихъ 4 угла, введены 2 круга, прорѣзанные въ штукатуркѣ, 0,65 м. наиб. діам. и 0,065 м. разстоянія одинъ отъ другого. Образуемое этими кругами кольцо было раздѣлено на 8 частей, изъ коихъ 4, симметрично расположенныя по діагоналямъ, изображали ленту, а 4 промежуточныя—вѣнокъ изъ густо расположенныхъ листьевъ лавра. Въ центрѣ кольца была помѣщена монограмма Христа и по бокамъ первая и послѣдняя буквы греческаго алфавита. Діагонали до соединенія съ лентой кольца изображали гирлянды изъ лавра, исполненныя черной краской по сѣрому фону, оттѣненныя блѣднозеленой краской и перевязанныя лентой, раздѣленной коричневыми полосками на 3 части, изъ коихъ средняя коричневая, а боковыя красныя, украшенныя зубцами, бѣлыми по коричневому и желтыми по красном полю. Кольцо съ вѣнкомъ и лентой и діагонали однохарактерны во всѣхъ деталяхъ. Въ углахъ потолка діагонали эти заканчиваются бантами двоякаго рисунка: въ переднихъ углахъ въ видѣ листьевъ аканта, контурно исполненныхъ чернымъ по бѣлому, а въ заднихъ углахъ въ видѣ пальметъ. Монограмма Христа и буквы по бокамъ были контурно исполнены краснымъ по желтому, причемъ красный кружокъ съ точкой обозначалъ центръ кольца. Слѣды фресокъ сохранились еще на правой и передней стѣнахъ и внутри ниши ящика, а также на плитахъ, поставленныхъ на ребро, которыя закрывали нишу со стороны катакомбы. На правой стѣнѣ, внутри удлиненнаго прямоугольника, раздѣленнаго широкой красной полосой на 3 прямоугольныхъ поля, изображены: въ крайнемъ отъ задней стѣны—деревцо съ шишками и круглыми п

и краснаго и желтаго цвѣта, въ нижнемъ —панель подъ мраморъ, съ крас-
ги разводами по желтому полю, а верхнее поле, т. е. 5 плитъ, закрывавшихъ
гу, изображало 5 деревцевъ съ круглыми плодами, похожими на яблоки.
передней стѣнѣ сохранились только слабые слѣды фресокъ, дающіе воз-
:ность видѣть лишь немногія детали. Справа отъ входа замѣтна часть муж-
й фигуры въ ростъ, лицомъ къ зрителю, отъ которой уцѣлѣли лѣвая сто-
а (безъ головы) и обѣ ноги. Одежда короткая, перепоясанная, обшлагъ на
авѣ уцѣлѣвшей руки оторочень коричневыми полосами, обувь на ногахъ
ая-то безформенная, на подобіе нашихъ валенокъ. Рисунокъ исполненъ
ичневой краской съ бѣлыми проблесками по желтому полю. Справа отъ
й фигуры, на поперечной стѣнѣ ниши изображенъ, повидимому, павлинъ,
щій вправо, съ употребленіемъ желтаго, краснаго и коричневаго цвѣтовъ.
продольной стѣнѣ той же ниши былъ изображенъ лавровый вѣнокъ съ
:томъ и лентами, съ употребленіемъ блѣднозеленаго, блѣднокоричневаго,
летоваго и сѣрозеленаго цвѣтовъ, причемъ шишки оставлены бѣлыми.

М. Скубетовъ.

1. Изслѣдованіе воды изъ колодца, прилегающаго къ южной стѣнѣ „крестнаго храма“, открытаго въ 1902 г.

Въ литрѣ воды найдено:	Милиграмовъ.
Плотнаго остатка	800,0
Убыль при прокаливаніи.	75,0
Потребовалось для окисленія органическихъ веществъ кислорода	1,0
Хлора	380,0
Сѣрной кислоты	45,0
Азотной кислоты	0,5
Азотистой кислоты и амміака	0,0
Кремневой кислоты	9,0
Окиси желѣза и аллюминія	1,0
Окиси кальція	120,0
Окиси магнія	32,0
Калія (въ видѣ хлористаго калія)	55,0
Натрія (въ видѣ хлористаго натрія)	304,0
Фосфорной кислоты	0,25

Такимъ образомъ въ водѣ оказалось увеличеніе плотнаго остатка 800 милигр., вмѣсто допустимаго въ 500 м. въ литрѣ. Увеличеніе это об словливается значительнымъ содержаніемъ хлористаго натрія въ 304 милиг тогда какъ высшей нормой принято считать содержаніе въ литрѣ 30 м. хло ра, что соотвѣтствуетъ 50-ти милигр. хлористаго натрія. Содержаніе въ во большаго количества хлористыхъ соединеній можетъ быть или вслѣдствіе соо щенія ея съ морскою водою, или вслѣдствіе прохожденія ея черезъ загрязнен ную мочею почву.

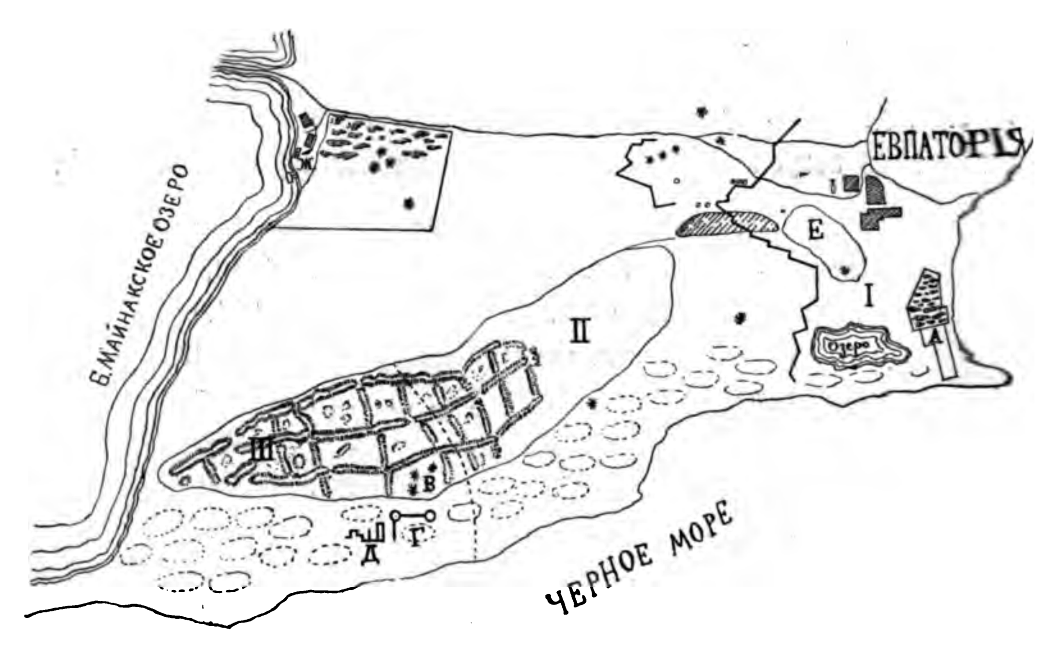
слѣдованіе воды изъ 2-го колодца, открытаго въ 1905 г. при пкахъ некрополя съ южной стороны того же „крестнаго храма“.

Одинъ литръ воды содержитъ:	Милиграмовъ.
Плотный остатокъ	1020,0
Потеря при прокаливаніи	204,0
Потр. для окисл. орган. вещ. кислорода	6,33
Окиси кальція	177,0
Окиси магнія	27,0
Окиси желѣза и аллюминія	слѣды.
Хлора	495,0
Сѣрной кислоты	54,0
Азотной кислоты	0,5
Азотистой кислоты	0,0
Хлористаго калія	176,0
Хлористаго натрія	271,0
Кремневой кислоты	20,0

Жесткость общая — 16,2 град., постоянная — 14,2 гр.

Зода сама по себѣ—мутная, даже при отстаиваніи, содержащая много поэтому для употребленія не пригодная.

А. Годзишевскій.



I—III. Части пространства отъ Карантина до Біюкъ-Майнакскаго озера.
А. Карантинъ.
В. Три кургана.
Г. Слѣды крѣпостной стѣны и башни.
Д. Остатки фундаментовъ.
Е. Мѣсто раскопокъ 1895—97 гг.
Ж. Мѣсто раскопокъ 1895 г. (гдѣ была найдена плита съ изобр. Геракла). Непосредственно ниже—мѣсто раскопокъ 1897 г.

Раскопки въ окрестностяхъ Евпаторіи.

Пространство къ западу отъ Евпаторіи, отъ такъ называемаго Карантина до Біюкъ-Майнакскаго озера, представляетъ собою чрезвычайно интересное мѣсто для археологическихъ изысканій, такъ какъ здѣсь найдено древнее поселеніе.

Занимаясь въ теченіе многихъ лѣтъ изслѣдованіемъ топографіи этой мѣстности и раскопками въ ней, мы собрали довольно большой и интересный матеріалъ, дающій возможность точно опредѣлить, гдѣ было само поселеніе и его кладбище. Это тѣмъ болѣе легко было сдѣлать, что каждая найденная нами или другими лицами вещь, гробница, фундаменты и пр. наносились въ теченіе многихъ лѣтъ на подробную карту, которая и дала возможность опредѣлить, гдѣ было поселеніе и гдѣ кладбище.

Древнее поселеніе лежало по восточному берегу Майнакскаго озера и по берегу моря, а кладбище—ближе къ городу, между Карантиномъ, землянымъ валомъ, оставшимся послѣ Севастопольской войны, и дорогой на Майнакъ. Будущему изслѣдователю предстоитъ еще очень большая, трудная, но и крайне интересная работа произвести систематическое изслѣдованіе мѣста поселенія по

берегу моря; тамъ все пространство занесено сыпучими песками, тогда какъ древнее кладбище занято теперь дачными участками, начало коимъ положено въ 1894 году.

Дѣлать топографическое описаніе мѣстности мы не будемъ, такъ какъ оно съ достаточною подробностью дано нами въ статьѣ: «Матеріалы по археологіи Евпаторійскаго уѣзда» [1]). Здѣсь мы прямо переходимъ къ описанію находокъ, сдѣланныхъ на этомъ пространствѣ при нашихъ раскопкахъ въ 1896 и 1897 гг. [2]).

I. Раскопки 1896 года.

Раскопки, произведенныя нами по порученію Императорской Археологической Коммиссіи лѣтомъ 1896 г. [3]), были сосредоточены въ двухъ пунктахъ: 1) около Майнакскаго озера и грязелѣчебницы и 2) въ ближайшей къ Евпаторіи части пространства отъ Карантина до Майнакскаго озера, тамъ, гдѣ въ предыдущіе годы [4]) были обнаружены нами слѣды кладбища, принадлежащаго, судя по найденнымъ вещамъ, къ первымъ вѣкамъ до Р. Х.

Само поселеніе, судя по найденнымъ фундаментамъ съ многочисленными слѣдами зданій, находилось вблизи озера, но ближе къ морю. Пространство это покрыто массою черепковъ, между которыми попадаются предметы различныхъ эпохъ, начиная съ каменной культуры и кончая греческими терракоттами и бронзовыми обломками статуэтокъ.

Раскопки, произведенныя вблизи Майнакскаго озера, были неудачны. Многочисленные фундаменты, открытые здѣсь нами лѣтомъ 1895 года, съ признаками несомнѣнной древности [5]), были тогда раскопаны только частью, такъ какъ они были обнаружены въ концѣ предпринятой нами археологической экскурсіи и, за неимѣніемъ времени, часть изслѣдованія ихъ была отложена на лѣто 1896 года. Но каково же было наше удивленіе, когда, отправившись на раскопки въ 1896 г., мы не нашли даже и слѣдовъ фундаментовъ! Пробныя

---

[1]) Н. Ф. Романченко. Матеріалы по археологіи Евпаторійскаго уѣзда. *Зап. Имп. Русск. Арх. Общ.* Новая серія, томъ VIII, вып. I и II, стр. 219—236.

[2]) Здѣсь же замѣтимъ, что вещи изъ нашихъ раскопокъ 1896 г. переданы Имп. Арх. Коммиссіею въ Имп. Эрмитажъ, а изъ раскопокъ 1897 г.—въ музей Имп. Одесскаго Общества исторіи и древностей.

[3]) Краткій отчетъ объ этихъ раскопкахъ напечатанъ въ *Отчетѣ Имп. Арх. Комм.* за 1896 г., стр. 70.

[4]) См. наши статьи: 1) Къ вопросу о древнемъ поселеніи вблизи Евпаторіи *Археолог. Изв. и Замѣтки* 1894 г., № 1, стр. 9—15, и 2) Матеріалы по археологіи Евпаторійскаго уѣзда (см. выше прим. 1).

[5]) См. *Зап. Имп. Русск. Арх. Общ.* 1. с., стр. 227.

раскопки были неудачны, а изъ разспросовъ управляющаго грязелѣчебницею оказалось, что при устройствѣ на этомъ мѣстѣ парка и приготовленіи для него почвы былъ извлеченъ весь камень, имѣвшійся въ землѣ, и сложенъ въ видѣ забора, длиною около 100 саж., толщиною отъ 2 до 3 арш. и высотою въ 2 арш.[1]). Это указываетъ, какое громадное количество камня заключалось въ фундаментахъ древнихъ построекъ. Мѣстные обыватели отзывались, что имъ рѣшительно ничего неизвѣстно о какихъ-либо находкахъ при извлеченіи камня.

Раскопки въ ближайшей части къ Евпаторіи были болѣе благопріятны. Мы производили ихъ на пространствѣ E (см. планъ на рис. 1), гдѣ въ прошлые годы было открыто нами древнее кладбище, которое, судя по найденнымъ въ немъ вещамъ, должно быть отнесено къ первымъ вѣкамъ до Р. Х. Въ настоящее время это кладбище по своему внѣшнему виду ничего особеннаго не представляетъ: это довольно ровная поверхность, прежде совершенно голая, а съ 1893 года эксплуатируемая подъ виноградники и плантажи. Съ этого же времени вся эта площадь, разбитая на участки, стала застраиваться частными дачами и засаживаться садами.

Мы начали раскопки съ пробныхъ. На значительномъ пространствѣ такъ называемаго мною древняго кладбища, на разстояніи приблизительно около 2 м., были сдѣланы небольшія ямки, глубиною не болѣе 1,40 м., въ шахматномъ порядкѣ, при величинѣ площади ямки около 0,70 или 0,35 м., въ зависимости отъ грунта. Въ болѣе интересныхъ пунктахъ, гдѣ показывались, напр., зола, уголь, обломки амфоръ, чернолаковые кусочки и пр., мы производили раскопку сплошной траншеей. Что касается пространства, занимаемаго этимъ древнимъ кладбищемъ, то, судя по всѣмъ извѣстнымъ мнѣ находкамъ, оно занимаетъ площадь въ 10—12 десятинъ. Площадь эта удалена на 250 саж. (532 м.) отъ моря и на 200 саж. (425 м.) отъ Карантина и Евпаторійскаго залива.

При раскопкахъ 1896 года намъ не удалоть найти каменныхъ гробницъ, быть можетъ отчасти потому, что камень при рытьѣ плантажей былъ извлекаемъ копателями земли, такъ какъ онъ цѣнится здѣсь очень высоко, а извлеченіе его не представляетъ никакого труда, такъ какъ глубина гробницъ почти нигдѣ не превосходитъ 1,40 м. отъ поверхности земли.

При раскопкѣ сплошной траншеей мы наткнулись на костякъ № 1 (см. планъ на рис. 2), который лежалъ въ направленіи съ З. на В., головою на В. Руки были вытянуты по корпусу, ноги протянуты. Въ головахъ находился одинъ камень, хорошо обтесанный и довольно правильной, прямоугольной формы,

[1]) Т. е. вынуто камня отъ 43 до 66 кубическихъ саженей.

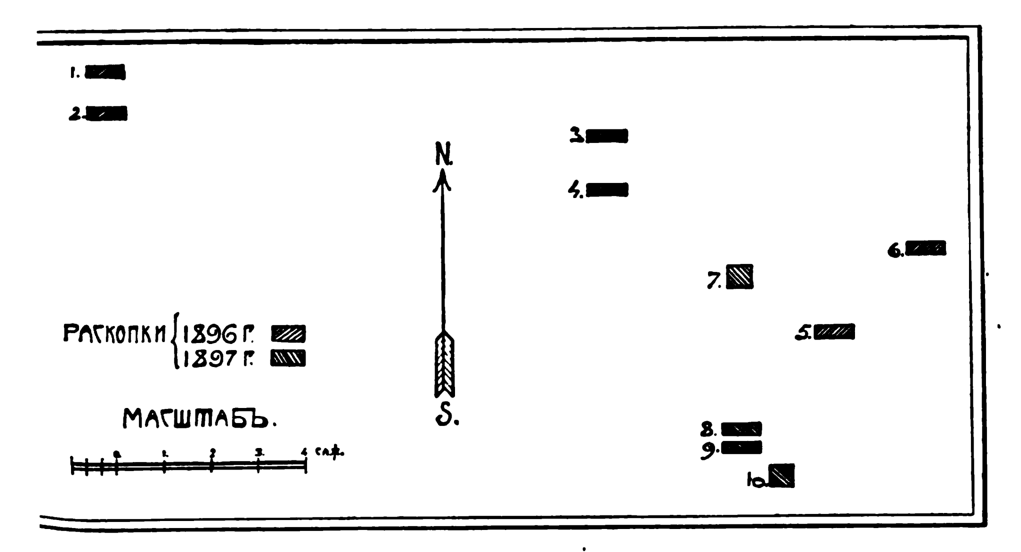


Рис. 2.

ириною 0,70 м., выш. 0,60 м., толщ. 0,21 м. Въ ногахъ остова, съ лѣвой го стороны, найдены двѣ прекрасно сохранившіяся амфоры, а въ правой рукѣ— ѣдный заржавленный кружокъ въ родѣ монеты, опредѣлить которую оказалось вершенно невозможнымъ. Скелетъ очень плохо сохранился, такъ что невоззжно было извлечь ни одной кости, такъ же какъ и черепа, хотя по сохравшимся зубамъ можно опредѣлить, что скелетъ принадлежалъ взрослому ловѣку, имѣвшему уже зубы мудрости.

Почти рядомъ съ этимъ скелетомъ, въ разстояніи 1,75 м. отъ него Ю., найденъ второй скелетъ (рис. 2, № 2), расположенный параллельно рвому. Этотъ скелетъ лежалъ на глубинѣ всего лишь 1,05 м. отъ поверхсти земли, въ направленіи съ З. на В., головою на В., лицомъ на З. Расположеніе рукъ и ногъ было такое-же, какъ у костяка № 1. Около ногъ, ь правой стороны, найдена одна большая амфора, а въ головахъ, нѣсколько ѣвѣе, — обломокъ верхней части надгробной стелы выш. 0,62 м., шир. ,35 и толщ. 0,11 м. Стела сдѣлана изъ отличнаго известковаго камня (такъ азываемаго инкерманскаго), очень тщательно отдѣлана и имѣетъ суживаюуюся верхушку точно такой же формы, какъ у стелы съ надписью 'Αμβατίας τᾶς 'Ηροδότο», найденной тамъ же на участкѣ г-на Синицына [1]).

Недалеко отъ этой гробницы,—около 21 м. къ В.,—найденъ третій костякъ ис. 2, № 3), но безъ гробницы, хотя около костяка внизу, вровень съ имъ, найдены довольно правильно обтесанныя плиты длиною около 0,70 м.,

[1]) См. *Изв. И. Арх. К.* в. 10, стр. 19.

раскопки были неудачны, а изъ разспросовъ управляющаго грязелѣчебницею оказалось, что при устройствѣ на этомъ мѣстѣ парка и приготовленіи для него почвы былъ извлеченъ весь камень, имѣвшійся въ землѣ, и сложенъ въ видѣ забора, длиною около 100 саж., толщиною отъ 2 до 3 арш. и высотою въ 2 арш. [1]). Это указываетъ, какое громадное количество камня заключалось въ фундаментахъ древнихъ построекъ. Мѣстные обыватели отзывались, что имъ рѣшительно ничего неизвѣстно о какихъ-либо находкахъ при извлеченіи камня.

Раскопки въ ближайшей части къ Евпаторіи были болѣе благопріятны. Мы производили ихъ на пространствѣ *E* (см. планъ на рис. 1), гдѣ въ прошлые годы было открыто нами древнее кладбище, которое, судя по найденнымъ въ немъ вещамъ, должно быть отнесено къ первымъ вѣкамъ до Р. Х. Въ настоящее время это кладбище по своему внѣшнему виду ничего особеннаго не представляетъ: это довольно ровная поверхность, прежде совершенно голая, а съ 1893 года эксплуатируемая подъ виноградники и плантажи. Съ этого же времени вся эта площадь, разбитая на участки, стала застраиваться частными дачами и засаживаться садами.

Мы начали раскопки съ пробныхъ. На значительномъ пространствѣ такъ называемаго мною древняго кладбища, на разстояніи приблизительно около 2 м., были сдѣланы небольшія ямки, глубиною не болѣе 1,40 м., въ шахматномъ порядкѣ, при величинѣ площади ямки около 0,70 или 0,35 м., въ зависимости отъ грунта. Въ болѣе интересныхъ пунктахъ, гдѣ показывались, напр., зола, уголь, обломки амфоръ, чернолаковые кусочки и пр., мы производили раскопку сплошной траншеей. Что касается пространства, занимаемаго этимъ древнимъ кладбищемъ, то, судя по всѣмъ извѣстнымъ мнѣ находкамъ, оно занимаетъ площадь въ 10—12 десятинъ. Площадь эта удалена на 250 саж. (532 м.) отъ моря и на 200 саж. (425 м.) отъ Карантина и Евпаторійскаго залива.

При раскопкахъ 1896 года намъ не удалоть найти каменныхъ гробницъ, быть можетъ отчасти потому, что камень при рытьѣ плантажей былъ извлекаемъ копателями земли, такъ какъ онъ цѣнится здѣсь очень высоко, а извлеченіе его не представляетъ никакого труда, такъ какъ глубина гробницъ почти нигдѣ не превосходитъ 1,40 м. отъ поверхности земли.

При раскопкѣ сплошной траншеей мы наткнулись на костякъ № 1 (см. планъ на рис. 2), который лежалъ въ направленіи съ З. на В., головою на В. Руки были вытянуты по корпусу, ноги протянуты. Въ головахъ находился одинъ камень, хорошо обтесанный и довольно правильной, прямоугольной формы,

[1]) Т. е. вынуто камня отъ 43 до 66 кубическихъ саженей.

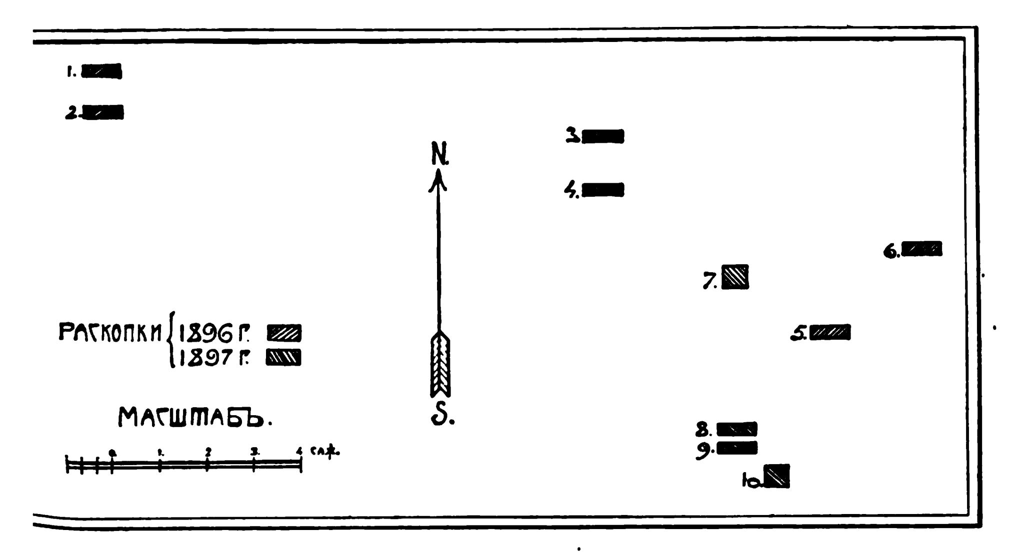


Рис. 2.

шириною 0,70 м., выш. 0,60 м., толщ. 0,21 м. Въ ногахъ остова, съ лѣвой го стороны, найдены двѣ прекрасно сохранившіяся амфоры, а въ правой рукѣ— ѣдный заржавленный кружокъ въ родѣ монеты, опредѣлить которую оказалось)вершенно невозможнымъ. Скелетъ очень плохо сохранился, такъ что невоз- ожно было извлечь ни одной кости, такъ же какъ и черепа, хотя по сохра- ившимся зубамъ можно опредѣлить, что скелетъ принадлежалъ взрослому ɜловѣку, имѣвшему уже зубы мудрости.

Почти рядомъ съ этимъ скелетомъ, въ разстояніи 1,75 м. отъ него ɜ Ю., найденъ второй скелетъ (рис. 2, № 2), расположенный параллельно ɜрвому. Этотъ скелетъ лежалъ на глубинѣ всего лишь 1,05 м. отъ поверх- ости земли, въ направленіи съ З. на В., головою на В., лицомъ на З. Рас- оложеніе рукъ и ногъ было такое-же, какъ у костяка № 1. Около ногъ, ь правой стороны, найдена одна большая амфора, а въ головахъ, нѣсколько ѣвѣе, — обломокъ верхней части надгробной стелы выш. 0,62 м., шир. ,35 и толщ. 0,11 м. Стела сдѣлана изъ отличнаго известковаго камня (такъ азываемаго инкерманскаго), очень тщательно отдѣлана и имѣетъ суживаю- цуюся верхушку точно такой же формы, какъ у стелы съ надписью 'Αμβατίας τᾶς 'Ηροδότου», найденной тамъ же на участкѣ г-на Синицына [1]).

Недалеко отъ этой гробницы,—около 21 м. къ В.,—найденъ третій костякъ рис. 2, № 3), но безъ гробницы, хотя около костяка внизу, вровень съ имъ, найдены довольно правильно обтесанныя плиты длиною около 0,70 м.,

[1]) См. *Изв. И. Арх. К.* в. 10, стр. 19.

шир. 0,35 и толщиною около 0,35. Отдѣльные камни встрѣчены съ боку, въ головахъ и ногахъ, что даетъ поводъ предположить, что костякъ былъ положенъ въ каменной гробницѣ, но камень изъ нея былъ вынутъ и употребленъ въ дѣло, какъ строительный матеріалъ (см. рис. 3). Положеніе костяка (дл. его 1,69 м.) то же, что и предыдущаго, т. е. головою на В.; руки положены были по корпусу, а ноги вытянуты прямо. Къ сожалѣнію, костякъ плохо сохранился, такъ что невозможно было его извлечь. У ногъ съ правой

Рис. 3.

Рис 5 (н. в).

Рис. 4 (1/2).

Рис. 6 (1/2).

стороны костяка найдены остатки женскаго терракоттоваго бюста со слѣдами раскраски, конца VI или начала V в. до Р. Х. (рис. 4), а у лѣваго плеча—серебряный витой аграфъ того же времени (рис. 5) [1]).

Почти рядомъ съ этимъ костякомъ, въ 2,13 м. къ Ю. найденъ костякъ № 4 (см. рис. 2) въ томъ же положеніи, какъ и предыдущій: руки положены по корпусу, ноги вытянуты. Костякъ плохо сохранился, такъ что кости обращались въ прахъ при выниманіи. Вблизи костяка у ногъ, съ правой стороны, найдены остатки женскаго терракоттоваго бюста конца VI в. или начала V вѣка до Р. Х. (рис. 6). У лѣваго плеча, такъ же какъ и у преды-

[1]) Всѣ опредѣленія сдѣланы покойнымъ Г. Е. Кизерицкимъ.

дущаго костяка, лежалъ одинъ серебряный аграфъ, а у ногъ справа найденъ второй аграфъ у стоявшаго въ ногахъ кувшина, который плохо сохранился и былъ разбитъ, какъ видно по излому, еще въ древности. При разборѣ черепковъ оказались среди нихъ обломки многочисленныхъ терракоттовыхъ головокъ и женскихъ бюстовъ, разбитыхъ, судя по излому, также въ древности; въ числѣ ихъ были и такія, какія были найдены при предыдущемъ костякѣ, со слѣдами раскраски. Однихъ частей съ носами было найдено 11 штукъ. Составить изъ обломковъ цѣлую головку или бюстъ не удалось, такъ какъ многихъ частей не хватало.

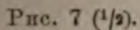


Рис. 7 (1/2). Рис. 8 (2/3).

Въ 10,65 м. къ Ю.-В. найденъ плохо сохранившійся костякъ № 5 (см. рис. 2), расположенный съ З. на В., головою на В. У ногъ справа найдено изображеніе фигуры богини съ діадемою и мантіею, покрывающею голову (рис. 7); въ обѣихъ рукахъ богиня держитъ гранатовыя яблоки [1]); фигура—V в. до Р. Х., дорическаго происхожденія. У ногъ слѣва найдены 2 большія амфоры.

Въ 4,25 м. къ С.-В. отъ костяка найдена отдѣльно женская головка V в. до Р. Х. [2]) Вблизи ея были найдены тесаные камни въ безпорядкѣ. При изслѣдованіи этихъ камней ничего другого не было найдено, но по характеру ихъ расположенія можно было смѣло заключить, что эти камни представляли собою остатки разграбленной каменной гробницы, такъ какъ намъ удалось

[1]) Cp. Monuments grecs, publiés par l'association pour l'encouragement des études grecques en France. 1873, pl 2, № 2, — buste de terre cuite trouvé à Thèbes (безъ гранатныхъ яблокъ).

[2]) Рисунокъ этой головки уже помѣщенъ въ *Отчетѣ Имп. Археолог. Коммиссіи* за 1896 г., стр. 70, рис. 312 (=Альбомъ рисунковъ, помѣщ. въ отчетахъ, рис. 302).

Рис. 9 (²/₃).

Рис. 10 (¹/₂).

тутъ же найти одну бедряную человѣческую кость (см рис. 2, № 6). При дальнѣйшей сплошной раскопкѣ здѣсь были найдены обломки амфоръ, разбитыхъ еще въ древности. Нѣсколько далѣе на Ю., среди другой неправильно сложенной груды камней найдена женская головка изъ необожженной глины IV вѣка до Р. Х., аттическаго происхожденія, и плоское блюдо, исправленное спайкою въ древности, что видно по остаткамъ четырехъ отверстій. Затѣмъ найдены отдѣльно 2 женскія головки,—одна съ уборомъ на головѣ (рис. 8), а другая съ повязкою (рис. 9).

При дальнѣйшей раскопкѣ на этомъ пространствѣ найдены обломки амфорнаго горла съ тремя ручками, горло съ монограммою HP. и горло со слѣдами надписи.

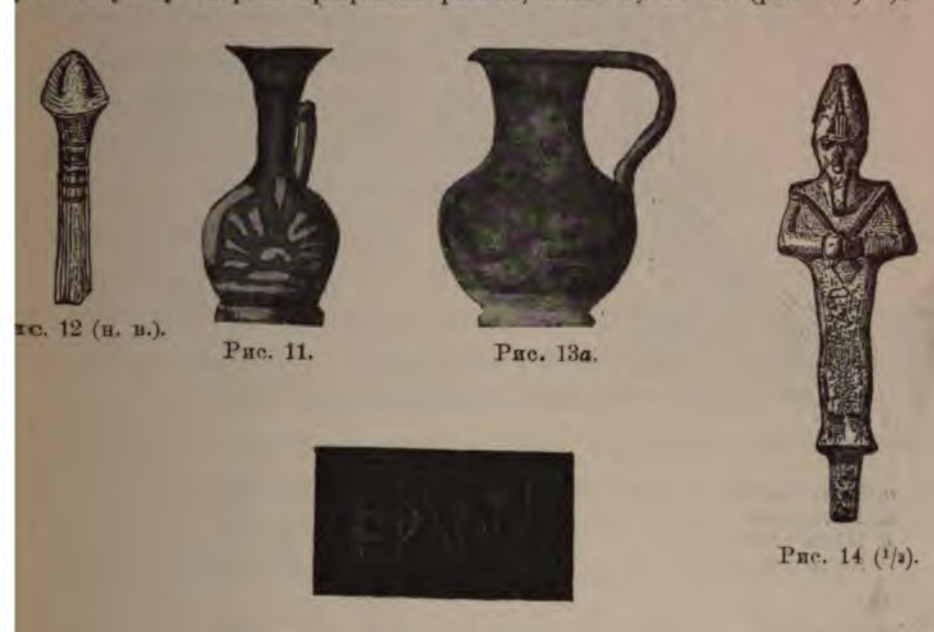
Въ 106 м. къ Ю. при пробной раскопкѣ наткнулись на камень, что дало намъ поводъ заняться сплошной раскопкой этого мѣста. Оказалось, что камень находится въ головахъ костяка, расположеннаго съ В. на З., головою на В.; въ ногахъ съ лѣвой стороны стояли 2 амфоры, которыя были разбиты при раскопкѣ. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи вблизи этого костяка ничего не обнаружено, но въ разстояніи около 8,50 м. къ В. найдена терракоттовая статуэтка раздѣвающейся женщины (рис. 10) съ ѳиміатеріемъ сбоку. По опредѣленію Г. Е. Кизерицкаго, терракотта относится ко II вѣку до Р. Х.

Изъ случайныхъ вещей, найденныхъ здѣсь, но ближе къ морю, отмѣтимъ слѣдующія: 1) фрагментъ статуэтки, быть можетъ Аѳины, отъ котораго сохранились часть драпировки и овальный щитъ съ головою Медузы по серединѣ и съ головками пуговокъ вокругъ (II в. до Р. Х.); 2) одноручный арибаллъ III вѣка до Р. Х. (рис. 11); 3) бронзовое кольцо съ изображеніемъ орла на капители, III вѣка до Р. Х.; 4) бронзовое кольцо съ изображеніемъ мужчины передъ ѳиміатеріемъ; 5) бусы варварскаго характера; 6) бронзовый обломокъ аграфа (рис. 12) и 7) амфорная ручка съ именемъ астинома. Кромѣ того, при раскопкахъ найдены отдѣльно слѣдующія вещи: небольшой глиняный одноручный кувшинчикъ съ сильно потертою черною поливою (рис. 13*а*) и съ graffito, нацарапаннымъ острымъ инструментомъ и содержащимъ, быть можетъ, неудачно воспроизведенное имя Гермеса (рис. 13*б*) [1]),

[1]) Рисунокъ graffito былъ уже помѣщенъ въ *Отчетѣ И. Арх. Комм.* за 1896 г., стр. 71, рис. 314 (=Альбомъ, рис. 304).

ть черной поливной чашки, обломокъ акротерія и два одноручныхъ ипина.

Изъ случайно найденныхъ здѣсь вещей намъ удалось пріобрѣсти брон-ую статуэтку Озириса прекрасной работы, выш. 0,155 м. (рис. 14) [1]).



ис. 12 (н. в.). Рис. 11. Рис. 13*а*. Рис. 14 (1/2).

Рис. 13*б*.

II. Раскопки 1897 года.

Раскопки, произведенныя мною лѣтомъ 1897 года [2]), были сосредоточены, по имѣру прошлыхъ лѣтъ, въ двухъ пунктахъ: 1) вблизи города, на такъ назы-эмомъ мною древнемъ кладбищѣ (рис. 1, Е), и 2) вблизи Б.-Майнакскаго ера, гдѣ предыдущими изслѣдованіями до 1896 года констатировано древнее селеніе. Предварительныя раскопки вблизи озера и изслѣдованіе мѣстности кругъ него указали намъ, что мѣстность эта крайне интересна въ археоло-ескомъ отношеніи. При изслѣдованіи самаго берега озера, начиная отъ гря-ѣчебницы до купальни (см. планъ на рис. 15), то пробными, то сплош-ми раскопками, мы были поражены тѣмъ, что земля эта оказалась сплошь ыпною, съ массою битыхъ черепковъ, какъ черныхъ поливныхъ, такъ и

1) Извѣстны случаи находокъ египетскихъ древностей въ г. Николаевѣ рсонской губ.) и на о. Березани. См. *Извѣстія Имп. Арх. Комм.*, приб. къ ь. 2, стр. 35.

2) Краткій отчетъ объ этихъ раскопкахъ см. въ *Отчетѣ Имп. Арх. Комм.* 1897 г., стр. 39.

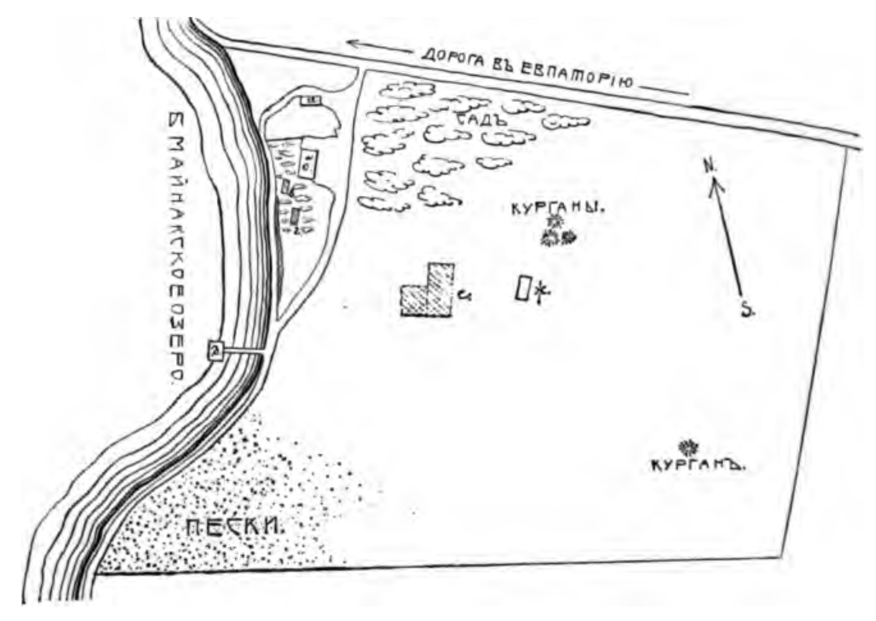


Рис. 15 [1]).

а, Грязелѣчебница.
б. Гостинница.
в. Мѣсто раскопокъ 1895 г. (=*ж* на планѣ рис. 1).
г. Мѣсто раскопокъ 1897 г.
д. Купальня.
е. } *ж*. } Фундаменты, открытые въ 1897 г.

обыкновенныхъ, съ многочисленными обломками отъ амфоръ и большихъ чистыхъ камней и съ массою золы, угля и пр. Ясно, что нынѣшняя линія берега представляетъ собою древній, не измѣнившійся берегъ. Здѣсь же былъ найденъ нами черный поливной обломокъ сосуда съ рисункомъ въ видѣ листочковъ, обломокъ отъ расписной вазы съ изображеніемъ двухъ мужскихъ головъ, терракоттовое пряслице и обломокъ терракоттовой головки съ уборомъ.

На В. отъ этого мѣста, въ 25 м. отъ берега озера и въ 21 м. отъ мѣста находки въ 1895 г. плиты съ изображеніемъ отдыхающаго Геракла [2]), обнаруженъ былъ фундаментъ, положенный на материкѣ въ 2 ряда, изъ правильно тесанныхъ камней, прямоугольной формы, слѣдующихъ размѣровъ: длина 12,80 м., шир. 6,40 м., толщ. 0,53 м. (см. рис. 15, п. *г*).

Въ 213 м. къ В. отъ озера, ближе къ городу, около 1490 м. отъ моря, обнаруженъ цѣлый рядъ фундаментовъ, то едва обрисовывающихся надъ поверхностью земли, то скрывающихся подъ нею. Площадь этихъ фундаментовъ (см. рис. 15, п. *е*) при изслѣдованіи оказалась имѣющею до 270 кв. м. Съ цѣлью

[1]) На рисункѣ невѣрно поставлена стрѣлка, указывающая направленіе дороги въ Евпаторію: ее слѣдовало поставить направо отъ надписи, остріемъ на В.

[2]) *См. Записки Имп. Археолог. Общ.*, томъ VIII, вып. 1 и 2 (новая серія), стр. 225, рис. 58.

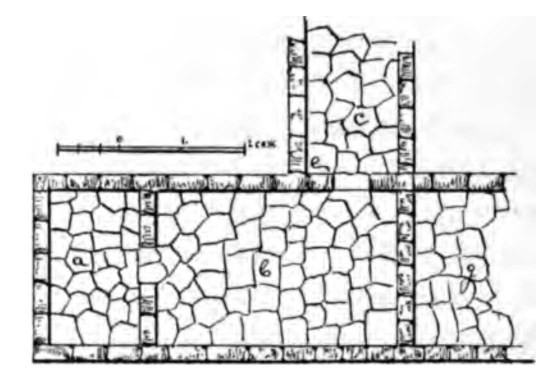


Рис. 16.

нія древности фундамен-
)ю была произведена рас-
)лѣе выдающихся и инте-
изъ нихъ. При изслѣдо-
бнаружилось, что кладка
іта, окружающая помѣще-
16), состоитъ изъ 4 отдѣ-
, *b*, *c*, *d*), удивительно
а, съ соблюденіемъ пере-
сложена изъ продолгова-
итъ мѣстнаго известковаго камня хорошаго качества, отличной тески;
литами совершенно не обнаружено раствора, такъ что кладка произ-
на сухо». Полъ этихъ помѣщеній плитный; между помѣщеніями *a* и *b*
имѣются отверстія для дверей шириною 0,85 м. При снятіи половыхъ
которыя были хорошо притесаны одна къ другой, оказалось, что онѣ
ожены на материкѣ. Въ щели между поломъ и стѣною (въ пунктѣ *e*)
йдена терракоттовая головка отличной работы. При дальнѣйшей самой
ой раскопкѣ этихъ стѣнъ и очисткѣ ихъ отъ земли, а также при
сего пола ничего найдено не было.

льнѣйшую раскопку этихъ фундаментовъ мы отложили до будущаго
виду того, что мѣстность эта находится въ отдаленіи отъ жилья, и
ыло надѣяться, что до будущаго года фундаменты сохранятся. При-
вшій при раскопкахъ 86-лѣтній старикъ татаринъ говорилъ мнѣ, что
нитъ еще, какъ лѣтъ 65 тому назадъ «стѣны этихъ фундаментовъ
ись надъ поверхностью земли, и у татаръ существуетъ преданіе, что
ки жилищъ какого-то народа, который жилъ до прихода татаръ въ Крымъ».
сколько далѣе на В., въ пунктѣ *ж* (см. рис. 15) нами обнаруженъ
тъ длиною около 10 м. и шириною 7,80 м. (рис. 17 и 18),

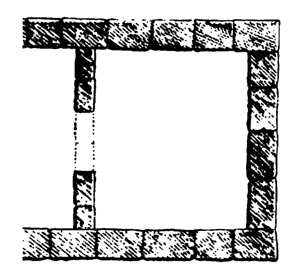


Рис. 17.

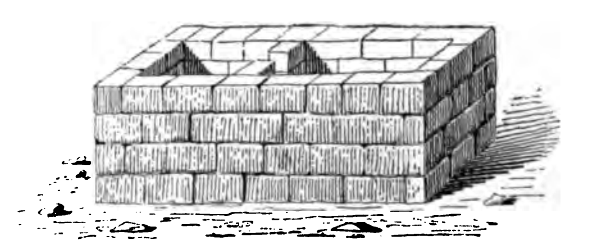


Рис. 18.

положенный на материкѣ. Фундаментъ этотъ отличался удивительною правильностью кладки камней; камень—мѣстный песчаникъ, очень плотный и самой тщательной обдѣлки и тески. Длина нѣкоторыхъ камней доходила до 1,05 м. при ширинѣ въ 0,53 м. Глубина подошвы фундамента отъ поверхности земли равнялась 1,60 м. Фундаментъ имѣлъ поперечную стѣнку болѣе тонкую, чѣмъ наружную, а именно въ 0,44 м. Пола здѣсь никакого не обнаружено.

Сопоставляя эти вновь открытые фундаменты, сложенные на сухо изъ большихъ тесанныхъ камней, съ находками 1895 года, мы невольно приходимъ къ заключенію, что древнее поселеніе было сосредоточено вблизи Майнакскаго озера, которое въ то время, вѣроятно, было заливомъ. На берегу этого чрезвычайно удобнаго залива и отчасти моря и было расположено интересующее насъ поселеніе. Жаль, что хорошій камень въ этой мѣстности очень цѣнится, и едва его замѣтятъ надъ поверхностью земли, какъ тотчасъ же извлекаютъ.

Раскопки, произведенныя нами на пространствѣ древняго кладбища, увѣнчались довольно благопріятными результатами. Мы продолжали въ отчетномъ году изслѣдованія съ того мѣста, гдѣ остановились въ 1896 году. При копаніи сплошной траншеей мы натыкались на обломки амфоръ, кувшинчиковъ и пр. разбитыхъ еще въ древности, что видно по излому. Земля во многихъ мѣстахъ была перерыта; толщина ея до материка (сплошной скалы) здѣсь почти нигдѣ не превосходитъ 1,42 м. (рѣдко 1,60 м.). При копаніи сплошной траншеей нами въ одномъ мѣстѣ цѣлины была замѣчена рыхлая, мягкая земля. Раскапывая это мѣсто (см. рис. 2, № 7), мы наткнулись на прямоугольную плиту длиною 1,25 м., шир. 0,98 и толщ. 0,15. Подъ нею оказалось квадратное помѣщеніе, выложенное изъ чисто тесанныхъ камней въ 4 ряда (рис. 19) - внутри коего стоялъ сосудъ съ тремя ручками (гидрія), покрытый до половины землею; отверстіе его было закрыто пробкой изъ необожженной обыкновенной глины. Пола въ этомъ помѣщеніи не было и сосудъ стоялъ прямо на материкѣ (скалѣ). Внутри кувшина оказались зола, пепелъ, небольшія обгорѣлыя кости отъ неполнаго дѣтскаго костячка и вѣнокъ, втиснутый въ кувшинъ. Вѣнокъ состоялъ изъ оловяннаго ободка, къ которому были прикрѣплены на бронзовыхъ золоченыхъ проволокахъ бронзовые же золоченые листья и глиняныя золоченыя ягодки и цвѣты. Листья имѣли форму листьевъ плюща (рис. 20

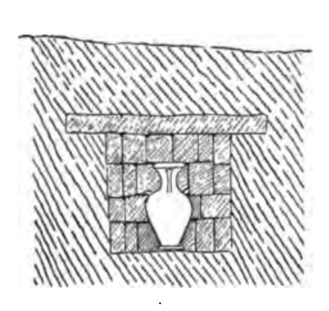


Рис. 19.

большинство ихъ оказалось помятыми. Подобнаго рода погребеніе съ трупосожженіемъ встрѣчено нами здѣсь впервые. Въ большинствѣ случаевъ гробницы, найденныя какъ въ этомъ году, такъ и ранѣе, были обложены плитами.

Рис. 20 (1/1).

Такая гробница (рис. 2, гробница № 8) оказалась въ 6,40 м. къ Ю. отъ описаннаго погребенія съ кувшиномъ. Въ ней былъ обнаруженъ очень плохо сохранившійся костякъ, лежавшій въ направленіи съ З. на В.; положеніе рукъ опредѣлить не было возможности вслѣдствіе крайне плохой сохранности костяка. Въ головахъ найдены 2 ряда камней, сбоку часть камней, составлявшихъ продольную стѣнку гробницы, въ ногахъ также одинъ отлично обтесанный камень. Очевидно, что скелетъ лежалъ въ прямоугольной гробницѣ, которая въ цѣлости не сохранилась. Въ ногахъ остова съ лѣвой стороны найденъ небольшой черный поливной сосудъ въ родѣ чайника [1]).

Почти параллельно этой гробницѣ найденъ плохо сохранившійся костякъ № 9; въ ногахъ его съ лѣвой стороны оказались 2 большія амфоры, разбитыя еще въ древности, а справа около таза—черная поливная чашечка. Вблизи найденъ одноручный кувшинъ, закрытый свинцовой пластинкой (рис. 21), въ которомъ были кости и золотая привѣска въ видѣ подковки [2]). Сверху кувшинъ былъ закрытъ одною плитою размѣрами $0,71 \times 0,49$ м. Кувшинъ былъ настолько плохъ, что его нельзя было вынуть.

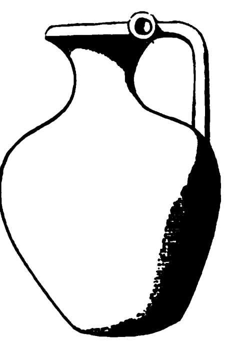


Рис. 21 (ок. 1/8).

Изъ отдѣльныхъ вещей нами здѣсь найдены: терракоттовый кувшинъ, 2 плоскіе свѣтильника съ очень большими отверстіями по срединѣ, разбитый черный поливной сосудъ и пр. Случайно мы нашли на поверхности земли бронзовую бляшку съ ушкомъ (амулетъ) и пріобрѣли бронзовую статуэтку женщины съ высокимъ уборомъ на головѣ, найденную здѣсь же счастливчикомъ [3]).

Въ дополненіе къ отчету о раскопкахъ 1896—97 гг. мы считаемъ не лишнимъ приложить рисунки найденныхъ на изслѣдуемомъ нами пространствѣ вблизи Евпаторіи и еще неизданныхъ двухъ кратеровъ, изъ коихъ одинъ

[1]) Ср. *Извѣстія Имп. Археолог. Комм.*, вып. 9, стр. 87, рис. 11.

[2]) Подобная золотая привѣска найдена въ Херсонесѣ. См. *Отчетъ Импер. Археолог. Комм.* за 1896 г., стр. 174, рис. 545 (=Альбомъ, рис. 593).

[3]) Рисунокъ ея уже помѣщенъ въ *Отчетѣ Имп. Арх. Коммиссіи* за 1897 г., стр. 74, рис. 171 (=Альбомъ, рис. 301).

найденъ въ 1893 году вблизи гробницы ребенка (рис. 22*а* и 22*б*) [1]), а другой случайно найденъ въ ограбленной древней могилѣ въ 1890 г. и пріобрѣтенъ нами въ 1893 году у счастливчика (рис. 23). Кромѣ того, считаемъ полезнымъ помѣстить: 1) изображеніе крылатой фигуры съ высокимъ уборомъ на головѣ, IV в. до Р. Х. (рис. 24); такихъ фигуръ здѣсь найдено

Рис. 22*а* (1/4).

Рис. 22*б* (1/4).

Рис. 23.

Рис. 24.

Рис. 25 (1/4).

двѣ: одна въ 1893 г., а другая въ 1895 г.—2) Снимокъ съ плоской терракотты (рис. 25), изображающей полуфигуру (почти до колѣнъ) одѣтой женщины, которая лѣвой рукой держитъ покрывало, а правой алавастръ. По характеру работы можно отнести эту фигурку къ III в. до Р. Х.—3) Изображеніе палестрической сцены на лекиѳѣ, найденномъ въ 1895 г. (рис. 26*а*—*в*).—

[1]) Н. Ф. Романченко. Къ вопросу о древнемъ поселеніи вблизи Евпаторіи. *Археолог. Изв. и Замѣтки* 1894 г., № 1. Перечисляемыя ниже вещи описаны тамъ же и въ *Зап. И. Р. Арх. Общ.* т. VIII, в. 1 и 2, стр. 234 сл.

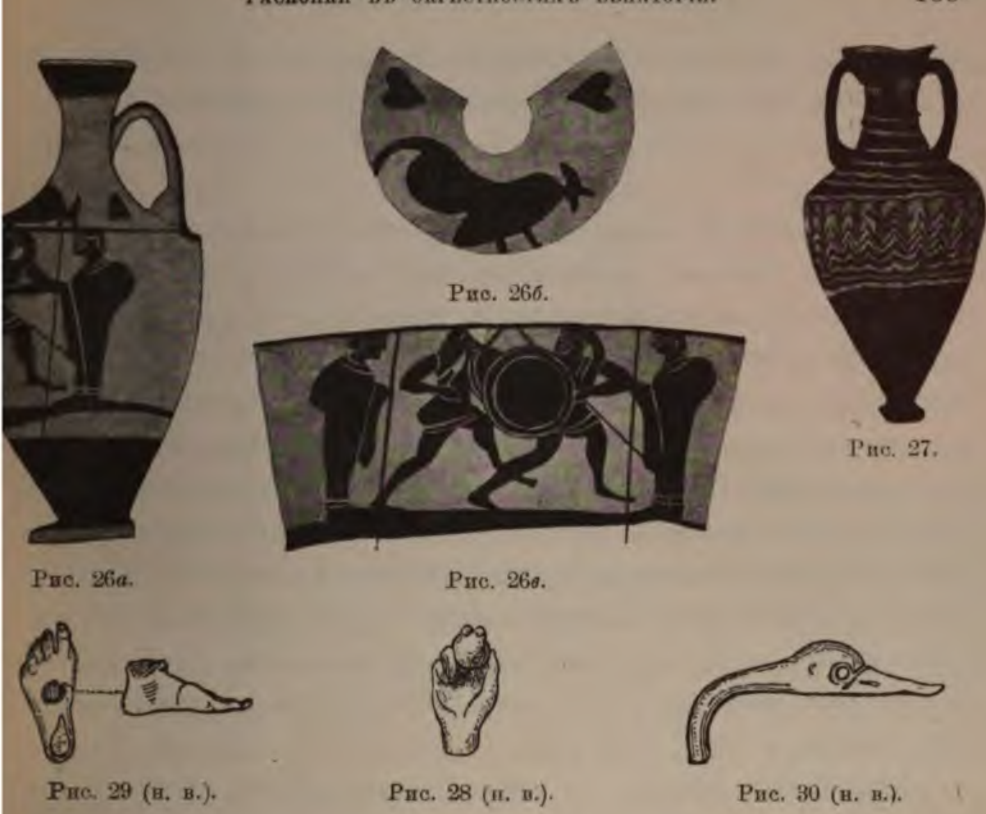


Рис. 26б. Рис. 27. Рис. 26а. Рис. 26в. Рис. 29 (н. в.). Рис. 28 (н. в.). Рис. 30 (н. в.).

4) Изображеніе стекляннаго сосуда въ формѣ амфоры синяго цвѣта съ разво- дами, найденнаго въ 1893 г. (рис. 27).—5) Изображеніе ручки, держащей яблоко, отъ бронз. статуэтки превосходной работы (рис. 28).—6) Изображеніе бронз. ножки прекрасной работы, также отъ статуэтки (рис. 29) и 7) изо- браженіе утиной головки, вѣроятно, отъ ручки сосуда (рис. 30).

Изъ случайно поступившихъ въ Императорскую Археологическую Коммис- сію находокъ вблизи Евпаторіи на изслѣдуемыхъ нами мѣстахъ можно указать на слѣдующія находки 1902 г.: терракоттовую статуетку женщины безъ го- ловы [1]), терракоттовую женскую головку [2]) и 4 амфорныхъ ручки съ клеймами, въ томъ числѣ одна ѳасосская, одна херсонесская и двѣ съ именами астино- мовъ и орломъ, клюющимъ рыбу.

Въ 1903 году на участкѣ И. В. Синицына, при случайной раскопкѣ, на глубинѣ 1,06 м., надъ истлѣвшимъ костякомъ найдена плита изъ бѣлаго известняка съ полуовальнымъ верхомъ, точно такой же формы, какъ найден- ная нами въ 1896 г. (см. выше стр. 175), но съ надписью IV в. до Р. Х.:

[1]) См. *Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи* за 1902 г., стр. 133, рис. 230.
[2]) Тамъ же, рис. 231.

Ἀμβατίας τᾶς Ἡροδότο(υ). Она особенно интересна въ томъ отношеніи, что представляетъ собою первый эпиграфическій памятникъ, найденный здѣсь [1]).

Въ дополненіе къ изложенному замѣтимъ, что, посѣщая въ теченіе многихъ лѣтъ Евпаторію, занимаясь раскопками и слѣдя за всѣми дѣлаемыми вблизи этого города находками, мы имѣли возможность хорошо ознакомиться съ мѣстностью и добытыми предметами. Особое вниманіе было обращено нами на находимыя монеты: здѣсь по преимуществу попадаются автономныя Херсонесскія и Керкинитидскія [2]) монеты. Почти всѣ Керкинитидскія и большинство Херсонесскихъ монетъ, находящихся въ нумизматическихъ коллекціяхъ, поступили туда именно изъ мѣстъ вблизи Евпаторіи, лежащихъ отъ Карантина до Б.-Майнакскаго озера. При этомъ считаемъ долгомъ замѣтить, что найденныя здѣсь монеты отличаются особой великолѣпной черной патиной, которая образуется на бронзовыхъ монетахъ, стрѣлкахъ и др. бронзовыхъ издѣліяхъ при долгомъ нахожденіи ихъ въ пескѣ. Мы смѣло беремся въ цѣломъ рядѣ монетъ отличить монету, найденную вблизи Евпаторіи.

Здѣсь найдена въ 1893 году монета Керкинитиды новаго, неизвѣстнаго до сихъ поръ типа, описанная мною въ замѣткѣ: «Къ вопросу о древнемъ поселеніи вблизи Евпаторіи» [3]). Въ 1897 году былъ найденъ еще новый типъ монеты Керкинитиды, который издается здѣсь впервые (рис. 31). *Æ. Лиц.* голова Геракла вправо; *об.* орелъ на молніи, внизу надпись съ именемъ города KAPKINI, сверху надъ орломъ HPON, начало имени чиновника. Начертаніе Καρκινῖτις уже встрѣчалось въ нумизматикѣ этого города [4]). Изображенія же обѣихъ сторонъ встрѣчаются на монетахъ этого города впервые, какъ и имя чиновника [5]).

Керкинитидскія монеты, находимыя исключительно на пространствѣ отъ Карантина до Б.-Майнакскаго озера, и изслѣдованія, производившіяся нами въ теченіе долгихъ лѣтъ, приводятъ меня безповоротно къ рѣшенію, что здѣсь

---

[1]) Издана В. В. Латышевымъ въ *Извѣстіяхъ Имп. Арх. Комм.* в. 10, стр. 19, № 13 (съ рисункомъ плиты и снимкомъ надписи).

[2]) Имя города на нѣкоторыхъ монетахъ написано черезъ A, какъ писали Геродотъ и Гекатей, а на прочихъ черезъ E, какъ писали другіе авторы и какъ это имя писалось въ надписяхъ (см. Latyschev, IosPE. I, № 185, v. 20).

[3]) *Арх. Изв. и Замѣтки* 1894, № 1.

[4]) См. А. В. Орѣшниковъ. Матеріалы по древней нумизматикѣ Черноморскаго побережья (М. 1892), табл. I, № 1. Н. Ф. Романченко. Къ вопросу о древнемъ поселеніи вблизи Евпаторіи. *Арх. Изв. и Замѣтки.* 1894, № 1.

[5]) Мнѣ извѣстно шесть монетъ такого типа.

лежалъ городъ *Керкинитида*, который ученые тщетно искали въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, мы считаемъ вопросъ о мѣстонахожденіи Керкинитиды поконченнымъ и вполнѣ увѣрены, что дальнѣйшія раскопки здѣсь дадутъ еще много новаго и интереснаго матеріала по исторіи сего города. Академикъ В. В. Латышевъ на изданной въ 1906 году картѣ «Pontus Euxinus et Caucasus aetate Romana» [1]) помѣстилъ Керкинитиду именно на мѣстѣ нашихъ раскопокъ около Евпаторіи и тѣмъ подтвердилъ мнѣніе, высказанное имъ въ 1904 г. [2]).

Говоря о г. Керкинитидѣ, нельзя миновать вопросъ о рѣкѣ Ипакиріи, о которой Геродотъ при перечисленіи рѣкъ, текущихъ въ Скиѳіи, говоритъ (IV, 15): «Шестая рѣка Ипакирій, которая беретъ начало изъ озера и, протекая среди земли Скиѳовъ - кочевниковъ, впадаетъ въ море около города Керкинитиды, оставляя вправо Полѣсье и такъ называемый Ахилловъ Бѣгъ» [3]). За эту рѣку, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ принять Донгузлавское озеро, отдѣляющееся узкою наносною полосою отъ Чернаго моря и лежащее верстахъ въ 25 съ С.-З. отъ Евпаторіи. Форма озера сильно удлиненная,—въ длину оно имѣетъ 25 верстъ при ширинѣ мѣстами менѣе 200 саж.; берега, за исключеніемъ приморской части, круты и скалисты. Если ѣхать по немъ на лодкѣ верстъ на 20 кряду, то положительно не вѣрится, что это озеро, а думается, что рѣка. Нѣкоторые изслѣдователи (Нейманъ, Десимони, Бурачковъ, Кречетовъ) уже пришли къ заключенію, что Ипакирій есть не что иное, какъ нынѣшнее Донгузлавское озеро.

Н. Романченко.

Рис. 31 (н. в.).

---

[1]) Извѣстія древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ. Томъ II, вып. 2.

[2]) См. *Извѣстія Имп. Арх. Коммиссіи*, вып. 10. В. В. Латышевъ, Эпиграфическія новости изъ южной Россіи, стр. 19, прим. къ № 13 (см. выше стр. 185), гдѣ сказано: «Нерѣдко находимыя здѣсь Керкинидскія монеты заставляютъ насъ согласиться съ мнѣніемъ г. Романченка, что именно здѣсь, въ ближайшихъ окрестностяхъ Евпаторіи, слѣдуетъ искать древнюю Керкинитиду. Новая находка на участкѣ г. Синицына можетъ служить подтвержденіемъ этого предположенія, и въ издаваемомъ нами надгробіи Амбатіи слѣдуетъ, кажется, видѣть первый эпиграфическій памятникъ исчезнувшаго города».

[3]) Ипакирій упоминается еще Геродотомъ въ IV, 47 при перечисленіи скиѳскихъ рѣкъ, доступныхъ для судовъ.

Могильникъ VI—VII в. въ Черноморской области.

Туапсинскій научно-промышленный музей, основанный энергіею А. Д. Бѣляева, увѣдомилъ Имп. Археологическую Коммиссію о находкахъ, собранныхъ въ 1905 г. въ имѣніи г-жи В. М. Безкровной близъ сел. Новомихайловскаго, Черноморской губ., и отчасти разошедшихся чрезъ рабочихъ въ разныя руки, а отчасти поступившихъ къ владѣльцу. Начальникъ Новороссійскаго порта полковникъ А. И. Безкровный, отвѣчая на запросъ Коммиссіи, сообщилъ, что вещи найдены при планировкѣ мѣстности для устройства дачи, что онѣ могутъ быть уступлены Коммиссіи, что тутъ же имѣются слѣды древней крѣпости или монастыря и есть подземный ходъ и что онъ готовъ къ услугамъ Коммиссіи, если бы послѣдняя предприняла осмотръ мѣстности или раскопки на ней. Дача носитъ названіе «Старая крѣпость», по-черкесски «Дузу-кале». Вещи найдены при костякахъ.

Предлагаемъ описаніе вещей, доставленныхъ въ распоряженіе Коммиссіи г. Безкровнымъ. Онѣ разнообразны и относятся, по крайней мѣрѣ, къ тремъ культурамъ.

I. Вещи Юстиніановской культуры, VI—VII в., наиболѣе любопытныя по богатству и новизнѣ и представляющія главный интересъ коллекціи:

1) Золотой, грубо-тисненый выпуклый крестъ съ ушкомъ (рис. 14). Орнаментъ въ видѣ лопастей съ глазками, соединенныхъ выпуклыми углами. Обратная сторона сглажена помощью припайного листка; по срединѣ ея круглое отверстіе, удобное для вкладыванія въ крестъ какихъ-нибудь мелкихъ предметовъ.

2) Обломокъ мѣднаго креста того же орнамента.

3) Связка бусъ лигнитныхъ и стеклянныхъ. Первыя имѣютъ видъ боченочковъ и низкихъ цилиндровъ съ коническими концами (рис. 15, внутри), всѣ весьма тщательной работы; вторыхъ немного.

4) 23 маленькія мѣдныя трубочки, свернутыя изъ ленты, двухъ величинъ—1,2 и 1,7 сант. На концахъ два углубленныя кольца.

5) Пара пышныхъ серебряныхъ позолоченныхъ серегъ, состоящихъ изъ колецъ и двухъ подвижныхъ подвѣсокъ (рис. 4 и 13). Кольца продолговатыя фигурныя, съ глазками, украшенными чернью; съ боку шипъ съ бусой и жемчужинкой, внизу—зажимъ для подвѣски; средина подвижная въ горизон-

тальномъ направленiи; усикъ былъ длиннѣе, чѣмъ сохранился, и вкладывался концомъ въ специальное отверстiе на нижней половинѣ серьги. Подвѣска сложена изъ трехъ стержней съ нанизанными на нихъ въ перемежку серебряными бусинками (боченкообразными) и жемчугомъ и изъ двухъ крупныхъ бусъ.

6) Пара серебряныхъ серегъ съ несохранившимися подвѣсками, давно извѣстной формы съ двумя бусами и зажимомъ (рис. 1).

7) Двѣ пары литыхъ серебряныхъ позолоченныхъ серегъ того же типа, съ фиксированными подвѣсками (рис. 2 и 3), и часть одной такой же не позолоченной.

8) Массивная мѣдная поясная пряжка съ ажурною пластиною (рис. 8 и 16), обычнаго типа. Орнаментъ растительный, на иглѣ имитацiя камня, на оборотѣ 3 высокiя массивныя ушка.

9) Мѣдный крючокъ на витомъ стержнѣ, висящемъ на колечкѣ, вѣроятно, зубочистка.

10) Какой-то туалетный или рукодѣльный мѣдный инструментъ въ видѣ стержня, длиною 13,5 сант. Посрединѣ четырехгранное утолщенiе для захватыванiя пальцами.

11) Пара массивныхъ серебряныхъ браслетовъ съ звѣриными головками на концахъ (рис. 11 и 12). Головы, скорѣе всего, змѣиныя, тупыя, съ орнаментомъ по переносью; въ четырехъ мѣстахъ кольцеобразные перехваты съ орнаментами, подражающими шерсти или чешуѣ. Всѣ орнаменты позолочены.

12) Два широкiе стеклянные круглые браслета, прiятнаго синяго цвѣта (рис. 9).

13) Серебряный фигурный перстень съ высокой наставкой, на которой вырѣзана непонятная монограмма (рис. 17 и 18).

14) Маленькiй серебряный позолоченный флакончикъ на тонкой серебряной цѣпочкѣ (рис. 5 и 10). Закрывается крышечкой съ ушкомъ; цѣпочка проходила, вѣроятно, чрезъ всѣ три ушка. Очень интересенъ орнаментъ флакончика, растительный, въ видѣ сложнаго листа изъ трехъ и двухъ паръ лопастей и одной лопасти наверху, закручивающейся влѣво или вправо.

15) Маленькiй стеклянный флакончикъ, блѣднаго зеленовато-желтаго цвѣта (рис. 7).

16) Стеклянный граненый графинчикъ, лучшая вещь собранiя (рис. 6). Грани шейки прямыя, чешуйки вогнутыя, очень удобныя для захватыванiя. Цвѣтъ великолѣпный свѣтлосинiй. Стекло толстое; высота около 0,16 м.

17) Мѣдная выпуклая бляшка, относящаяся, повидимому, къ той же культурѣ. Носитъ слѣды позолоты. Орнаментъ растительный.

18) Три серебряныя ажурныя бляшки или наконечника, позолоченныя и украшенныя чернью (рис. 19). Бляшки можно относить къ данному времени по аналогiи съ техникой серьги рис. 4 и по орнаменту.

19) Серебряныя ножны съ какимъ-то желѣзнымъ предметомъ внутри (рис. 20 и 23), позолоченныя. Орнаментъ на одной сторонѣ выпуклый изъ

Рис. 1 (н. в.).

Рис. 2 (2/3).

Рис. 3 (3/4).

Рис. 4 (н. в.).

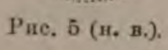


Рис. 5 (н. в.).

Рис. 6 (1/2).

Рис. 7 (3/4).

Рис. 8 (н. в.).

Рис. 9 (2/3).

Рис. 10 (н. в.).

Рис. 11 (2/3). Рис. 12 (2/3). Рис. 13 (н. в.). Рис. 14 (н. в.). Рис. 15 (2/3). Рис. 16 (3/4).

Рис. 17 (н. в.). Рис. 18 (3/1). Рит. 19 (н. в.).

Рис. 20 (3/4). Рис. 21 (н. в.). Рис. 22 (2/3). Рис. 23 (3/4).

петель и узловъ, а на другой гладкій, сходный съ узоромъ флакончика рис. 10.
Ножны висѣли на цѣпочкѣ рис. 5 (которая, можетъ быть, неправильно пририсована къ флакончику, тогда какъ принадлежитъ ножнамъ).

20) Небольшой серебряный наконечникъ сходнаго орнамента.

II. Ко времени IX—X в. могутъ быть относимы:

1) Нижняя половина извѣстнаго двойного флакончика Лядинскаго и Саltовскаго типа (Ляд. мог. стр. 28, рис. 15).

2) Мѣдный, довольно длинный костылекъ, съ копоушкой на одномъ концѣ.

3) Мѣдный, сравнительно крупный бубенчикъ, съ двумя выпуклыми перехватами.

III. Наконецъ, въ собраніи имѣются вещи черкесско-абхазскія XIV—XV в., именно:

1) Связка бусъ стеклянныхъ, лигнитныхъ, хрустальныхъ и иныхъ. Бусы вообще извѣстныхъ золото-ордынскихъ типовъ и не представляютъ ничего новаго.

2) Серебряные круглые бубенчики: 23 незолоченыхъ и 13 позолоченныхъ.

3) Двѣ мѣдныя позолоченныя бляшки съ камнями.

4) Четыре серебряныя и одно желѣзное круглыя колечки.

5) Три серебряныя бляшки въ видѣ тройныхъ колецъ.

6) Четыре серебряные обломка отъ разныхъ подѣлокъ.

7) Два мѣдные наперстка.

8) Обломки двухъ стеклянныхъ графиновъ.

9) Поломанныя желѣзныя ножницы.

10) Пара желѣзныхъ крючковъ или грабелекъ.

IV. Вещи неопредѣленнаго времени:

1) Серебряная ажурная подвѣска, скорѣе всего черкесская (рис. 21).

2) Серебряный перстень съ выпавшей широкой наставкой.

3) Три мѣдные браслета, тонкіе; изъ нихъ два витые (рис. 22).

4) Три темные стеклянные браслета, сломанные, изъ нихъ два съ гранями (рис. 15).

5) Два каменныя и два глиняныя «пряслица».

6) Костяная подѣлка въ формѣ булавки.

7) Часть кольчуги изъ мелкихъ колечекъ, скрѣпленныхъ на гвоздь.

Новомихайловскій могильникъ открываетъ собою рядъ могильниковъ VI—VII в. тамъ, гдѣ до сихъ поръ находимы были лишь незначительные слѣды данной культуры. Въ 1907 г. его осмотрѣлъ А. А. Миллеръ, вскрывшій близъ Туапсе другой могильникъ той-же поры. Послѣдуютъ, конечно, и дальнѣйшія открытія.

А. Спицынъ.

— НАВѢСЪ ДЛЯ СКОТА. —

—Дорога въ монастырь—

Арх. Ком.

ИЗВѢСТІЯ

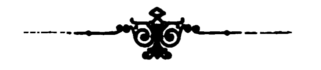
ИМПЕРАТОРСКОЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Выпускъ 26.

(Вопросы реставраціи, вып. 1).

Съ 110 рисунками.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1908.

Печатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Bulletin de la Commission Impériale Archéologique.

26-ème livraison.

Table des matières.

Pages.

Протоколы реставраціонныхъ засѣданій Императорской Археологической Коммиссіи.

Согласно Высочайшему повелѣнію отъ 11 марта 1889 г. (Собраніе узак. и распоряж. правит. 1889 г., № 43), реставрація монументальныхъ памятниковъ древности должна быть производима по предварительному соглашенію съ Императорскою Археологическою Коммиссіею и по соглашенію ея съ Императорскою Академіею Художествъ. По порядку, установившемуся въ практикѣ Археологической Коммиссіи и утвержденному Министромъ Императорскаго Двора 31 октября 1890 г., поступающіе въ Коммиссію проекты разсматриваются ею съ участіемъ спеціалистовъ отъ Императорской Академіи Художествъ, делегатовъ со стороны вѣдомствъ, ходатайствующихъ о реставраціи, т. е. главнымъ образомъ Св. Синода и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а также и другихъ компетентныхъ лицъ, приглашаемыхъ Коммиссіею.

Перечни дѣлъ, разсматривавшихся въ этихъ засѣданіяхъ, обычно называемыхъ реставраціонными, доселѣ печатались въ ежегодныхъ «Отчетахъ» Коммиссіи, начиная съ 1894 года. Нынѣ Императорская Археологическая Коммиссія, желая обратить въ общее пользованіе цѣнный научный матеріалъ, поступающій къ ней при обсужденіи реставраціонныхъ вопросовъ, сохранить въ печати мнѣнія и заключенія спеціалистовъ, принимавшихъ участіе въ обсужденіи этихъ вопросовъ, и дать возможность интересующимся лицамъ слѣдить за положеніемъ и ходомъ въ Россіи дѣла охраны старинныхъ памятниковъ зодчества, постановила печатать in extenso протоколы своихъ «реставраціонныхъ» засѣданій, начиная со 2-й половины 1907 года. Кромѣ текущихъ протоколовъ, въ выпускахъ «Извѣстій», посвященныхъ «Вопросамъ реставраціи», предполагается помѣщать и архивные матеріалы Коммиссіи аналогичнаго содержанія, а также, по мѣрѣ возможности, отдѣльныя статьи по вопросамъ реставраціи и изслѣдованія по древней архитектурѣ. Археологическая Коммиссія однако предвидитъ, что отсутствіе спеціальныхъ средствъ на это изданіе не позволитъ поставить его такъ широко, какъ это было бы желательно въ интересахъ дѣла.

Въ реставраціонныхъ засѣданіяхъ, происходящихъ подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Коммиссіи графа А. А. Бобринскаго или, въ случаѣ его отсутствія, Товарища Предсѣдателя В. В. Латышева, принимаютъ участіе штатные члены Коммиссіи: Н. И. Веселовскій, А. А. Спицынъ, Б. В. Фармаковскій и П. П. Покрышкинъ (членъ-докладчикъ), сверхштатные: М. П. Боткинъ, Н. В. Покровскій и Н. В. Султановъ, представители вѣдомствъ: Г. И. Котовъ, А. Н. Померанцевъ, М. Т. Преображенскій, Е. А Сабанѣевъ и М. А. Чижовъ.

Засѣданіе 3 октября 1907 г.

I. Архангельской губ., Кемскаго у., с. Шуярѣцкое. Деревянная Николаевская церковь 1595 г.

(Рис. 1).

Рис. 1. Шуярѣцкая Николаевская церковь 1595 г.

Доложены: 1) Отношеніе Архангельской духовной консисторіи отъ 18 августа 1907 г., въ коемъ значится: «Громадный шатеръ храма, куполъ и прочая кровля его требуютъ основательнаго ремонта. Крестъ необходимо замѣнить новымъ, тонкія оконныя рамы исхудали и едва удерживаютъ стекла. Средствъ на ремонтъ ни у церкви, ни у прихожанъ не имѣется».

2) Смѣта на ремонтъ храма, въ суммѣ 680 руб.

3) Фотографическіе снимки съ церкви, исполненные В. А. Плотниковымъ и снимокъ В. В. Суслова (Памятники древн.-русскаго зодчества, вып. VI, текстъ).

Церковь признана весьма цѣнною въ архитектурномъ отношеніи, особенно же по крестообразному плану. Разъяснено, что св. Синодъ не имѣетъ суммъ на ремонтъ храмовъ и что сборы на церковныя нужды въ предѣлахъ епархіи могутъ быть разрѣшаемы епархіальною властью.

Постановлено: просить св. Синодъ не отказать ассигновать необходимую сумму на ремонтъ Шуярѣцкой церкви, въ видѣ исключенія, или же принять иныя зависящія мѣры къ удовлетворенію ходатайства прихода.

II. Виленской губ., Дисненскаго у., с. Старо-Шарково. Деревянная Успенская церковь 1639 г., основанная кн. Сапѣгою.

(Рис. 2—4).

Доложены: 1) Дѣло о постройкѣ новой церкви въ с. Старо-Шарковѣ вмѣсто пришедшей въ ветхость старой, начатое въ 1905 г. Узнавъ изъ газетъ (Моск. Вѣд. 1906 г., № 250) объ опасности, угрожающей храму, Археологическая Коммиссія вступила въ переписку съ Литовскою духовною консисторіею и отправила на мѣсто для ознакомленія съ памятникомъ своего сочлена П. П. Покрышкина, который нашелъ, что, несмотря на нѣкоторый архитектурный интересъ церкви, разборка ея неизбѣжна.

2) Ходатайство священника церкви отъ 25 сентября 1907 г. о разрѣшеніи разборки церкви осенью 1907 г., въ которомъ указывается, что церковная усадьба вся заливается въ весеннее половодье, кромѣ площадки церкви и причтовыхъ строеній, и излагается предположеніе, что церковь могла бы быть перенесена въ многолюдную деревню Григоровщину, отстоящую отъ села на 11 верстъ, на что потребенъ расходъ въ 1000 руб.

Признано, что церковь не имѣетъ особаго архитектурнаго значенія и что наиболѣе интересныя части ея — хоры и звонница. По вопросу о пере-

Рис. 2 и 3. Старо-Шарковская Успенская церковь 1639 г.

Рис. 4. Иконостасъ въ Старо-Шарковской церкви.

несеніи церкви на новое мѣсто Н. В. Покровскій высказалъ, что у прихода, при настойчивомъ требованіи, найдутся для того средства, а М. Т. Преображенскій, сомнѣваясь, чтобы они оказались, предложилъ просить св. Синодъ, не найдетъ ли онъ возможнымъ принять это дѣло на свое попеченіе, въ виду отдаленности д. Григоровщины отъ настоящаго храма и въ разсчетѣ, что со временемъ здѣсь можетъ возникнуть новый приходъ. Н. В. Султановъ замѣтилъ, что старыя деревянныя церкви при перенесеніи ихъ на другое мѣсто утрачиваютъ древній видъ, какъ это наглядно доказывается, напр., церковью въ Геѳсиманскомъ скиту, перенесенною туда изъ села Подсосенья, близъ Троице-Сергіевой лавры.

Постановлено: разборку церкви разрѣшить и возбудить ходатайство предъ Св. Синодомъ объ отпускѣ 1000 р. на перенесеніе церкви въ д. Григоровщину.

III. Г. Вологда. Градская Николаевская Глинковская церковь 1676 г.

(Рис. 5 и 6).

Доложены: 1) Отношеніе Вологодской дух. консисторіи отъ 23 августа 1907 г. съ препровожденіемъ дѣлопроизводства по вопросу о расширеніи этой церкви, изъ котораго извлекаются:

а) Прошеніе въ консисторію причта и старосты церкви, съ заключеніемъ

Рис. 5 и 6. Вологодская Николаевская Гаинковская церковь 1676 г.

мѣстнаго благочиннаго отъ 12 ноября 1906 г. «Наша нижняя церковь малопомѣстительна и очень низка. Своды ея начинаются почти отъ пола, и притомъ недалеко отъ иконостаса двѣ низкія арки съ большимъ столбомъ посрединѣ, изъ-за которыхъ богомольцамъ, стоящимъ за арками, ничего не слышно и не видно (см. рис. 6). Своды по многимъ причинамъ опустить нельзя. Поэтому мы имѣемъ намѣреніе приспособить верхнюю холодную церковь въ теплую и расширить ее, обративъ паперть, ризницу и мѣсто, занимаемое лѣстницею, въ церковь, съ устройствомъ центральнаго отопленія въ подвалѣ трапезы теплой нижней церкви такъ, что однимъ отопленіемъ будутъ нагрѣваться обѣ церкви, а для входа въ верхнюю церковь сдѣлать каменную двухъэтажную пристройку. Но прежде составленія плана и смѣты желали бы мы знать, не будетъ ли препятствій на эти предполагаемыя перестройки со стороны Археологической Коммиссіи». Посему излагается просьба, не будетъ ли благоволено поручить Вологодской постоянной церковно - археологической коммиссіи осмотрѣть храмъ и дать свое заключеніе. Передѣлка должна коснуться части храма, уже перестроенной въ 1862 г.

б) Заключеніе Постоянной Коммиссіи любителей исторіи и древностей при Вологодскомъ древнехранилищѣ отъ 30 декабря 1906 г., что, по всей вѣроятности, отъ Археологической Коммиссіи не будетъ замедленія въ разрѣшеніи, если ей будутъ доставлены нужные фотографическіе снимки и техническія соображенія относительно прочности стѣнъ, фундамента и пр.

в) Актъ осмотра церкви, 9 февраля 1907 г., составленный губернскимъ инженеромъ В. Альберти, причтомъ и старостой и гласящій, что проектъ пристройки весьма цѣлесообразенъ и что предполагаемыми работами ничѣмъ не искажаются древнія части храма, который впрочемъ «и не представляетъ собою археологической старины». Никакихъ техническихъ соображеній о прочности церкви въ актѣ не заключается.

г) Проектъ расширенія церкви въ 8 форматахъ, составленный г. Альберти, и 4 фотографическіе снимка съ ея внѣшняго и внутренняго устройства. По проекту, кромѣ прибавленія подвальнаго помѣщенія для устройства отопленія, предполагается выдвинуть предъ фасадомъ колокольни пристройку для лѣстницъ, шириною болѣе 2-хъ саж., съ отдѣльнымъ небольшимъ куполомъ; планъ верхняго этажа церкви расширяется на три помѣщенія, для чего въ стѣнахъ колокольни проектируются широкія арки.

Н. В. Султановъ и А. Н. Померанцевъ обратили вниманіе на крайнюю нецѣлесообразность проекта, указавъ, что было бы несравненно удобнѣе перенести

колокольню впередъ (если низъ ея не древнiй), а площадку ея обратить въ помѣщенiе храма.

Постановлено: увѣдомить причтъ, что къ исполненiю проекта не имѣется препятствiй, но указать на его нецѣлесообразность.

IV. Вятской губ., Орловскаго у., с. Истобенское. Николаевская церковь 1686 г.

(Рис. 7).

Доложены: 1) Отношенiе Вятской дух. консисторiи отъ 16 мая 1907 г. съ представленiемъ на утвержденiе проекта переустройства Николаевской церкви с. Истобенскаго Орловскаго у., въ 6 форматахъ, и 2 фотографическихъ снимка. Консисторiя указываетъ на то, что расширенiе храма вызывается дѣйствительною необходимостью, такъ какъ оба этажа его тѣсны и низки.

2) Письмо священника Николаевской церкви о. Н. Добровольскаго отъ 8 августа 1907 г. къ одному изъ членовъ Имп. Арх. Коммиссiи съ дополнительными свѣдѣнiями къ проекту, гдѣ между прочимъ сообщается: «Да и самая колокольня, по мнѣнiю большинства прихожанъ, не поставлена въ должное

Рис. 7. Истобенская Николаевская церковь 1686 г.

соотвѣтствіе съ церковью, какъ по размѣрамъ, такъ и по устойчивости [1]), а частью и по стильности. Такъ какъ колокольня приставлена непосредственно къ храмовому корпусу, то въ храмѣ испытывается утѣсненіе для богомольцевъ нашего немалаго прихода, значительно восполняемаго въ базарные и торговые дни иноприходными». Лѣстница очень крута и построена изъ дерева, какъ и полъ въ верхнемъ этажѣ. Отсюда затрудненія при подъемѣ вверхъ и небезопасность въ пожарномъ отношеніи. Прихожане уже давно заняты мыслью о расширеніи церкви, на что и было получено благословеніе преосвященнаго Алексія. «Прихожане замѣтно съ расположеніемъ относятся къ сему дѣлу и ждутъ не дождутся начала реставраціи».

3) По проекту переустройства Никольской церкви предполагается:

a) соединить оба этажа церкви въ одинъ, повысивъ полъ;

b) расширить церковь двумя придѣлами къ трапезѣ (въ вышину одного этажа) и переносомъ колокольни, при чемъ трапезное помѣщеніе и придѣлы соединяются между собою высокими и широкими арками, по одной на каждую стѣну;

c) заложить барабанъ купола;

d) провести паровое отопленіе съ устройствомъ подвальнаго помѣщенія для топки впереди трапезы.

4) Заявленіе священника Добровольскаго о томъ, что если бы не разрѣшено было расширеніе церкви, то онъ просилъ бы дать ему указанія, какъ можно было бы переложить позднюю пристройку къ колокольнѣ съ разсчетомъ получить удобную лѣстницу вверхъ, сторожку, палатку, болѣе удобный ходъ на колокольню и расширеніе верхней церкви на помѣщеніе колокольни. О. Добровольскій желалъ бы также знать, не будетъ ли разрѣшено поднять шпиль колокольни, для увеличенія ея вышины, вынуть по ряду кирпичей изъ оконъ нижняго этажа, а также устроить хоры на чугунныхъ столбахъ въ верхнемъ этажѣ церкви.

5) Разсмотрѣны два проекта переустройства упомянутой пристройки, представленные П. П. Покрышкинымъ, одинъ съ устройствомъ лѣстницы кругомъ колокольни и другой съ устройствомъ ея отдѣльно съ западной стороны церкви.

Церковь по своимъ художественнымъ достоинствамъ вызвала общее одобреніе. Высказано, что высокія открытыя лѣстницы въ сѣверномъ климатѣ невозможны. Возбужденъ вопросъ о ширинѣ дверей въ отношеніи къ площади помѣщенія храма и указано, что спеціальныхъ узаконеній по этому поводу не суще-

[1]) При звонѣ „по-вся" очень примѣтно, по качающимся паникадиламъ и лампадамъ, нѣкоторое движеніе храмового корпуса.

ствуетъ, но принята норма—1 арш. на 250 человѣкъ; для Истобенской церкви ширина хода въ 1 саж. признана достаточною.

Постановлено: въ расширеніи церкви отказать, принять проектъ устройства хода въ верхній этажъ кругомъ колокольни, взамѣнъ существующей пристройки, въ увеличеніи размѣровъ шпиля колокольни отказать, какъ и въ выборкѣ ряда кирпичей изъ оконъ, на устройство хоровъ въ верхней церкви потребовать проектъ, указать на возможность пониженія уровня пола въ нижнемъ этажѣ церкви, отопленіе разрѣшить.

V. Московской губ., Можайскаго у., с. Сивково. Преображенская церковь 1687 г.

(Рис. 8).

Доложены: 1) Старое дѣлопроизводство по вопросу о расширеніи этой церкви, построенной и освященной патріархомъ Іоакимомъ. Въ 1902 г. причтъ

Рис. 8. Сивковская Преображенская церковь 1687 г.

обратился въ Импер. Московское Археологическое Общество съ просьбою о расширеніи церкви и въ 1904 г. получилъ отъ него разрѣшеніе расширить сѣверный придѣлъ, съ условіемъ, чтобы алтарь не загораживалъ окно къ западу отъ сѣверной двери. Однако, послѣ осмотра церкви, произведеннаго архитекторомъ В. Ивановымъ, Общество поспѣшило отмѣнить свое разрѣшеніе, предложивъ расширить храмъ съ западной стороны (Древности, т. XX, в. 2, стр. 152). Въ 1905 г. проектъ расширенія церкви, чрезъ св. Синодъ, поступилъ на разсмотрѣніе Имп. Археологической Коммиссіи, которая также не утвердила его, основываясь на заключеніи своего сочлена П. П. Покрышкина, осмотрѣвшаго церковь и признавшаго ее весьма цѣнною въ архитектурномъ и художественномъ отношеніи. Это маленькая, первоначально домовая церковь патріарха Іоакима, келья коего живописно возвышается надъ южнымъ придѣломъ. Въ стѣнахъ храма имѣются «голосники».

2) Прошеніе причта и старосты церкви отъ 15 октября 1907 г. съ препровожденіемъ проекта устройства духового отопленія въ церкви, съ цѣлью ея улучшенія.

Н. В. Султановъ предложилъ устроить одну широкую арку для соединенія храма съ трапезною, взамѣнъ предположенныхъ трехъ узкихъ. Н. В. Покровскій указалъ на роковую необходимость разрѣшать въ древнихъ храмахъ соединеніе трапезъ арками съ церковью и вообще ихъ расширеніе въ виду роста приходовъ. А. А. Спицынъ замѣтилъ, что съ ростомъ приходовъ растутъ и ихъ средства, а это дѣлаетъ возможнымъ сооруженіе новыхъ храмовъ взамѣнъ существующихъ старыхъ, и что данная церковь, какъ келейная, никакъ не можетъ служить приходской. Обращено вниманіе на весьма нехудожественный видъ существующаго покрытія церкви.

Постановлено: увѣдомить, что къ устройству отопленія въ Сивковской церкви не имѣется препятствій и что было-бы желательно привести покрытіе церкви въ болѣе соотвѣтственный характеру церкви видъ, съ особаго на то разрѣшенія Имп. Археологической Коммиссіи.

VI. С.-Петербургъ. Троицкій соборъ на Петербургской сторонѣ 1703 и 1756 г.

Доложены отношенія гражданскаго инженера Н. Ф. Романченко отъ 15 сентября и 2 октября 1907 г. съ эскизнымъ проектомъ устройства придѣла на южномъ концѣ солеи, гдѣ помѣщается большихъ размѣровъ кіотъ.

Н. В. Султановъ указалъ, что минимальную глубину удобнаго алтаря необхо-

димо принять въ 7 арш., хотя, по замѣчанiю М. Т. Преображенскаго, имѣются алтари всего до 4 арш. глубины. Въ общемъ проектъ признанъ искажающимъ памятникъ. А. А. Спицынъ высказалъ предположенiе, не можетъ ли быть устроенъ придѣлъ въ границахъ существующаго алтаря, въ виду его хорошихъ размѣровъ.

Постановлено: признать проектъ требующимъ исправленiй и предложить причту, не найдетъ ли онъ возможнымъ представить новый проектъ съ устройствомъ алтаря въ предѣлахъ существующаго.

VII. Архангельской губ., Шенкурскаго у., с. Березницкое. Деревянная Iоанно-Златоустовская церковь 1733 г.

(Рис. 9).

Доложено отношенiе Архангельской дух. консисторiи отъ 22 августа 1907 г. съ просьбою разрѣшить: а) замѣнить старую деревянную крышу на церкви и бѣлое желѣзо на куполѣ чернымъ съ окраскою мѣдянкой, б) поправить отвалившуюся на потолкѣ штукатурку и живопись въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ штукатурка ранѣе исправлена и просто забѣлена, и в) увеличить окна перваго

Рис. 9. Березницкая Iоанно-Златоустовская церковь 1733 г.

свѣта въ самомъ храмѣ до $2^1/_2$ арш. съ сѣверной и южной сторонъ по одному окну, вновь прорубить рядомъ со старыми по одному же окну на тѣхъ же сторонахъ и такой же величины, а три окна въ алтарѣ съ восточной стороны увеличить до $1^1/_2$ арш. каждое.

Окна единогласно признаны заслуживающими сохраненія въ настоящемъ видѣ, такъ какъ расширеніе ихъ исказило бы архитектурный типъ постройки. По вопросу о покрытіи желѣзомъ старыхъ церквей высказано было мнѣніе, что нерѣдко такое покрытіе удивительно искажаетъ памятникъ, тѣмъ болѣе, что всегда оно производится небрежно и неискусно (Е. А. Сабанѣевъ), но что часто бываетъ практическая нужда въ такомъ покрытіи, какъ болѣе устойчивомъ въ пожарномъ отношеніи (М. П. Боткинъ). А. Н. Померанцевъ настаивалъ на необходимости указать, что желѣзная крыша должна быть исполнена безъ измѣненія старыхъ формъ покрытія.

Постановлено: расширенія оконъ не разрѣшать, покрытіе желѣзомъ разрѣшить, съ условіемъ сохраненія при этомъ старыхъ формъ крыши.

Рис. 10. Гостинопольская Троицкая церковь 1749 г.

VIII. С.-Петербургской губ., Новоладожскаго у., с. Гостинополье. Деревянная Троицкая церковь 1749 г.

(Рис. 10).

Доложены: 1) Отношеніе С.-Петербургской дух. консисторіи отъ 4 мая 1907 г. съ препровожденіемъ проекта переустройства церкви, пришедшей въ ветхость, и 2) заявленіе священника о. В. Каменскаго, что иконостасъ не потерпитъ измѣненій.

Постановлено: разрѣшить перестройку церкви по проекту, но потребовать: 1) чтобы предположенные наличники оконъ дачнаго характера были замѣнены болѣе скромными, или же простой обтяжкой ихъ, и 2) чтобы обшивка церкви досками была сдѣлана по образцу нынѣшней.

IX. Вятской губ., Слободскаго у., Климковскій заводъ. Елевская приписная деревянная церковь 1762 г.

(Рис. 11).

Доложено отношеніе Вятской дух. консисторіи отъ 11 іюня 1907 г. съ изложеніемъ ходатайства причта о разрѣшеніи разобрать эту церковь, за

Рис. 11. Елевская церковь 1762 г.

ветхостью. «Три нижніе вѣнца и углы съ с. и ю. сторонъ (?) совсѣмъ сгнили, а потолки валятся. На поддержаніе церкви нѣтъ средствъ. Въ историческомъ отношеніи она ничего изъ себя замѣчательнаго не представляетъ».

М. П. Боткинъ и Н. В. Покровскій высказались за желательность большей уступчивости житейскимъ требованіямъ при рѣшеніи вопросовъ о разборкѣ церквей, изъ опасенія вызвать общее озлобленіе противъ правительственныхъ органовъ, въ данномъ случаѣ противъ Имп. Археологической Коммиссіи. А. А. Спицынъ замѣтилъ, что, по его мнѣнію, именно съ озлобленіемъ массы и нѣтъ нужды считаться, что въ концѣ концовъ заинтересованныя лица убѣждаются не только въ законности, но и въ справедливости настояній Коммиссіи. П. П. Покрышкинъ указалъ, какъ полезна была рѣшительность въ дѣлѣ о сохраненіи стараго Велебицкаго храма Новгородской епархіи: въ настоящее время Велебицкій приходъ имѣетъ хорошую новую церковь, сохранивъ старую.

Постановлено: разрѣшить разборку Елевской церкви, въ виду ея малаго интереса, предложивъ дать какое-либо употребленіе стильной желѣзной рѣшеткѣ колокольни и выждавъ затребованные фотографическіе снимки съ внутренняго вида церкви.

X. Ломжинской губ., Остроленскаго у., посадъ Мышинецъ. Деревянный костелъ 1716 г.

(Рис. 12—14).

Доложены: 1) Просьба нѣсколькихъ обывателей посада отъ 20 октября 1906 г. о защитѣ кирпичной звонницы XVII в. при костелѣ, которую предположено сломать при устройствѣ новаго костела на мѣстѣ стараго.

2) Отзывъ Ломжинскаго губернатора отъ 11 января 1907 г. о томъ, что епископъ Плоцкой епархіи принялъ мѣры къ сохраненію звонницы, въ самомъ же костелѣ епископъ не признаетъ ни археологическаго, ни эстетическаго интереса и не считаетъ нужнымъ его сохранять, съ чѣмъ согласенъ и губернаторъ.

3) Протоколъ техническаго осмотра костела 7 марта 1907 г., въ присутствіи уѣзднаго инженеръ-архитектора, изъ котораго видно, что фундаментъ костела удовлетворителенъ, стѣны же, нижніе лежни, стойки и верхнія обвязки сильно сгнили. Вѣнцы стѣнъ по большей части представляютъ труху и стѣны поддерживаются единственно вертикальными схватками изъ двойныхъ деревянныхъ брусьевъ, устроенными 40 лѣтъ назадъ и нынѣ ненадежными; стропильныя ноги и потолочныя балки во внѣшнихъ гнѣздахъ сгнили. Желѣзная крыша

Рис. 12. Звонница XVII в. и деревянный костелъ 1716 г. въ посадѣ Мышинцѣ.

сплошь протекаетъ, отчего полъ на чердакѣ сгнилъ. Вообще зданіе не можетъ быть отремонтировано. Костелъ вмѣщаетъ до 1000 человѣкъ, а приходъ состоитъ изъ 14,000 душъ.

4) Заключеніе члена Археолог. Коммиссіи П. П. Покрышкина, осмотрѣвшаго костелъ въ началѣ мая 1907 г. «Соединеніе внѣшней простоты съ внутреннимъ богатымъ (хотя и запыленнымъ) убранствомъ въ костелѣ, общая группа деревянныхъ башенокъ и каменной звонницы безусловно производятъ художественное впечатлѣніе. Сѣрыя, голыя и громадныя для деревяннаго зданія стѣны костела съ ихъ обшивкою стояками служатъ красивымъ фономъ для пестрой толпы въ національныхъ костюмахъ, ежедневно собирающейся слушать слово Божіе. Нѣтъ никакой увѣренности въ томъ, что проектируемое новое

Рис. 13.

Рис. 14. Мышинецкій костелъ 1716 г.

зданіе по живописности не уступитъ нынѣшнему. Хотя зданіе сильно запущено, но ремонтъ его вполнѣ возможенъ».

Высказаны мнѣнія: что если приходъ такъ великъ, то, казалось бы, было бы удобно выдѣлить изъ него другой, и въ такомъ случаѣ настоящій костелъ могъ бы быть пригоденъ для второго прихода (Н. В. Султановъ и М. Т. Преображенскій); что костелъ представляетъ собою образецъ выродившагося готическаго искусства и интересенъ лишь главками (Н. В. Султановъ и Н. В. Покровскій); что костелъ столь невзраченъ въ архитектурномъ отношеніи, что разрѣшеніе на разборку его можетъ быть дано безъ всякихъ колебаній и условій (М. П. Боткинъ). А. А. Спицынъ и Б. В. Фармаковскій настаивали на томъ, что до рѣшенія вопроса о сломкѣ костела долженъ быть выслушанъ голосъ мѣстныхъ цѣнителей старины и затребованъ проектъ новаго костела, такъ какъ этотъ костелъ можетъ оказаться хуже настоящаго [1]). Н. В. Султановъ замѣ-

[1]) Въ Мышинецъ ѣздили по порученію „Общества охраненія древностей" въ Варшавѣ архитекторы В. Маркони и С. Шиллеръ и юристъ В. Повихровскій. По ихъ заключенію отъ 12 октября 1907 г., костелъ не представляетъ ничего достойнаго вниманія ни для художника, ни для историка. Хотя онъ не грозитъ обрушеніемъ, но ремонтъ его непроизводителенъ, такъ какъ костелъ малъ для прихода въ 15000 душъ; нѣтъ основаній препятствовать сломкѣ его.

тилъ, что имѣются уже разработанные талантливые проекты устройства костеловъ, разсчитанные на любое количество богомольцевъ. Онъ же настаивалъ на необходимости потребовать непремѣнно архитектурные чертежи, въ виду того, что фотографическіе снимки не даютъ размѣровъ и, кромѣ того, не прочны. А. Н. Померанцевъ добавилъ, что чертежи должны быть точны, иначе они не имѣютъ значенія. П. П. Покрышкинъ высказался категорически за сохраненіе памятника.

Постановлено: разрѣшить разборку Мышинецкаго костела, потребовавъ точные архитектурные чертежи всѣхъ частей зданія.

Засѣданіе 10 октября 1907 г.

I. Черниговской губ., Остерскаго у., с. Старогородка. «Божница» XI—XII в.

(Рис. 15—17, по промѣрамъ П. П. Покрышкина).

По заключенію П. П. Покрышкина, осмотрѣвшаго развалины въ концѣ мая 1907 г., склонъ горы, на которомъ онѣ стоятъ, болѣе не подмывается водою, такъ какъ нынѣ рѣка у подошвы горы запружена, и берегъ внизу, кромѣ того, защищенъ плетнемъ; постоянный уровень воды регулируется мельничною плотиною. Для укрѣпленія самихъ развалинъ необходимо: а) починить низы стѣнъ до фундамента, особенно въ сѣверномъ антѣ, б) залить цементомъ швы между кирпичемъ на верхушкахъ антовъ, в) защитить фрески устрой-

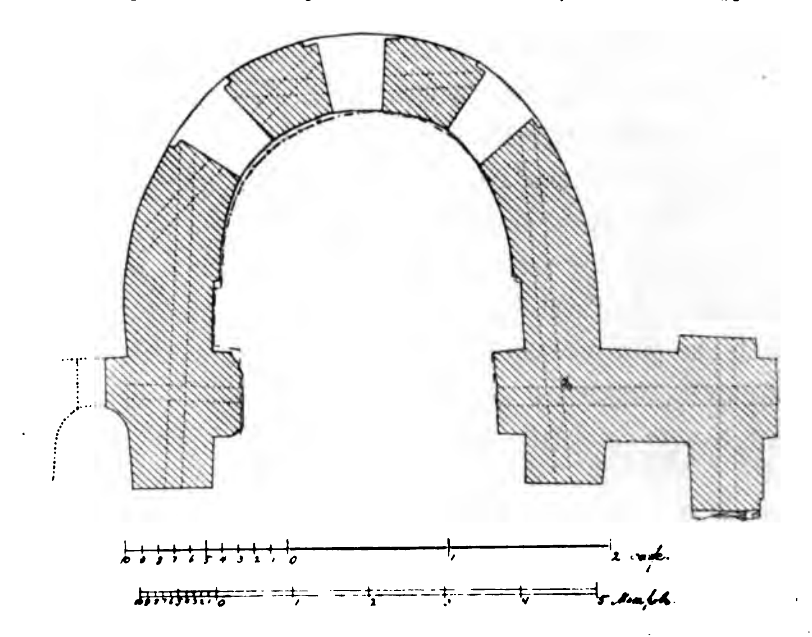


Рис. 15. Планъ развалинъ храма XI в. въ с. Старогородкѣ близъ г. Остра.

ствомъ рамъ и застекленіемъ алтарной арки, г) кругомъ развалинъ замостить полосу въ сажень шириною. Въ конхѣ штукатурка отстала и продырявлена, изображеній не осталось; на стѣнахъ фрески сохранились лучше (представлены

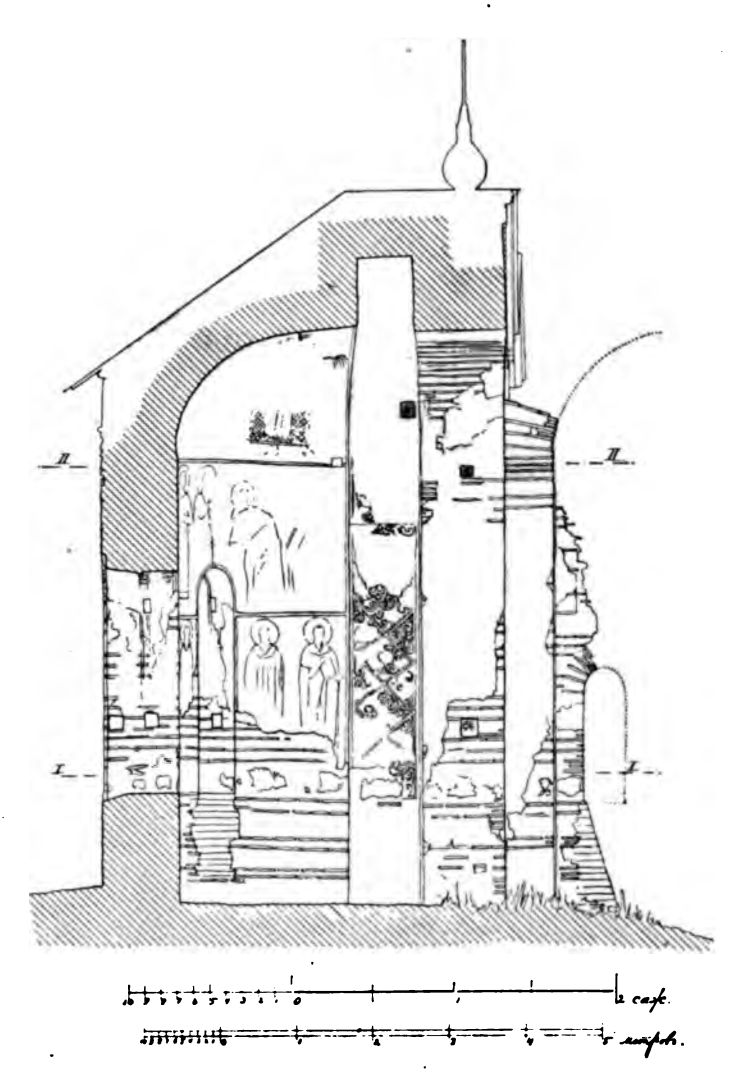


Рис. 16. Разрѣзъ Старогородскихъ развалинъ.

фотографическіе снимки). По кирпичамъ, кладкѣ и устройству арки постройка можетъ быть относима къ XI в.

На разсмотрѣніе собранія представленъ проектъ ремонта, составленный П. П. Покрышкинымъ.

Н. В. Султановъ и М. Т. Преображенскій считали дѣломъ первѣйшей необходимости побѣлить известью всю наружную поверхность развалинъ, такъ

II. Псковской губ., Порховскаго у., с. Шкнятино. Древняя каменная Введенская церковь (по преданію, XIV в.).

(Рис. 18—20).

Доложены: 1) Справка о томъ, что еще въ 1902 г. причтомъ церкви редставленъ былъ въ Имп. Археологическую Коммиссію проектъ расширенія икольскаго придѣла, не получившій одобренія.

2) Отношеніе Псковской дух. консисторіи отъ 7 марта 1907 г. съ ходаайствомъ о разрѣшеніи расширить сѣверный придѣлъ прикладомъ съ запада, азмѣромъ 8×8 арш., для чего въ стѣнѣ придѣла нужно пробить арку. Позднѣе оставленъ архитектурный проектъ расширенія церкви.

3) Заключеніе П. П. Покрышкина, осмотрѣвшаго храмъ въ іюнѣ 1907 г. Трудно опредѣлить время построенія Шкнятинской церкви безъ раскопокъ и тбивки штукатурки. Западная стѣна четверика по кирпичной кладкѣ можетъ ыть отнесена къ XIV—XVI в. (толщина кирпича 1¹/₈ вершка, швы ³/₈ в.). омкнутый кирпичный сводъ позднѣе стѣнъ, имѣетъ широкіе гурты, выступающіе

Рис. 18. Шкнятинская Введенская церковь. Видъ съ Ю.-В.

Рис. 19. Шкнятинская Введенская церковь. Часть южнаго фасада.

во внѣ по срединамъ лотковъ и въ общемъ составляющіе какъ бы огромную звѣздицу. Глава деревянная, позднѣйшая. Въ стѣнахъ много вертикальныхъ трещинъ, особенно ветхъ придѣлъ; сѣверная стѣна его въ срединѣ, отъ распора свода, дала замѣтный уклонъ. Придѣлъ древній, хотя можетъ быть и не современный храму. Полагаю: 1) что предположенная по проекту пробивка сѣверной стѣны четверика опасна для цѣлости зданія, безъ дорогихъ работъ по углубленію фундамента, 2) что помѣщеніе церкви даже и послѣ предположеннаго расширенія будетъ недостаточно, 3) что прикладъ съ запада сильно обезобразитъ храмъ. Главный храмъ теперь обставленъ оригинально и красиво: по всѣмъ стѣнамъ идетъ какъ бы ярусъ иконостаса изъ высокихъ и узкихъ иконъ; съ пробивкою арки на сѣверной стѣнѣ это убранство будетъ нарушено. По сосѣдству отъ Шкнятина, въ Велебицахъ, не такъ давно выстроенъ новый храмъ, а старый, приблизительно того же времени, какъ Шкнятинскій, сохраненъ. Шкнятинскій старый храмъ также можетъ еще служить, если не тревожить его пробивкою стѣнъ. Архіепископъ Новгородскій Гурій, лично осмотрѣвшій церковь, оцѣнилъ ея древность и внушилъ причту беречь ее».

Собраніе раздѣлилось въ сужденіи о важности Шкнятинской церкви въ архитектурномъ и художественномъ отношеніяхъ. Нѣкоторые члены совѣщанія

Рис. 20. Шкнятинская церковь. Видъ съ С.-З.

I. Померанцевъ и М. Т. Преобра- кій) находили, что церковь нельзя ать цѣннымъ памятникомъ ис- ва, которой было бы необходимо ельно сохранять, тѣмъ болѣе, и древность ея не доказана; что предполагаемомъ переустройствѣ существенное не утратится; столбы несутъ лишь куполъ; что остасный характеръ внутренняго иства, быть можетъ, можно со- ить и при пробивкѣ стѣны для что для красоты можно было бы разрѣшить пристроить придѣлъ рава. Члены собранія, стоявшіе храненіе церкви въ настоящемъ поддерживали положенія, вы- нныя въ запискѣ П. П. Покрышкина, указывая особенно на то, что при олагаемомъ переустройствѣ церковь всетаки не можетъ служить должнымъ омъ и потребуетъ новыхъ передѣлокъ, что переустройство будетъ стоить о, что памятникъ, какой бы старины онъ ни былъ, при этомъ пропадетъ, настояніе архіепископа Гурія, безъ сомнѣнія, достаточно авторитетно, что огичный примѣръ устройства Велебицкой церкви можетъ дать иное направ- намѣреніямъ причта и прихожанъ с. Шкнятина.

Постановлено всѣми голосами противъ двухъ: расширенія Шкня- кой церкви по представленному проекту не разрѣшать.

III. Г. Самаркандъ. Медрессе мирзы Улугъ-бека XV в.

Доложено отношеніе Военнаго губернатора Самаркандской обл. отъ ентября 1907 г. о томъ, что спеціальная комиссія, назначенная для осмотра янія самаркандскихъ мечетей, признала необходимость снять до верхняго каго изразцоваго пояса верхъ наклонившихся минаретовъ названнаго мед- , такъ какъ они, будучи слабо связаны съ зданіемъ, угрожаютъ паденіемъ. убернаторъ спрашиваетъ, не послѣдуетъ ли со стороны Археологической иссіи какихъ-либо иныхъ мѣръ къ предотвращенію паденія минеретовъ.

Постановлено (по мысли Н. В. Султанова): предложить связать реты съ зданіемъ горизонтальными желѣзными связями.

IV. Москва. Саввинская церковь, что на Саввинской улицѣ (построена въ 1592 г., возобновлена въ 1667 г. и перестроена въ XVIII в.) (Рис. 21).

Доложено отношеніе Хозяйственнаго Управленія при св. Синодѣ отъ 16 сентября 1907 г. съ препровожденіемъ проекта расширенія означенной церкви и устройства въ ней духового отопленія, который уже былъ утвержденъ Имп. Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Мотивъ къ расширенію храма — тѣснота его помѣщеній.

Храмъ единогласно признанъ весьма изящнымъ сооруженіемъ (особенно

Рис. 21. Московская Саввинская церковь.

западный фасадъ его съ колокольней), а проектъ расширенія—рѣшительно искажающимъ памятникъ и не достигающимъ цѣли.

Постановлено: проектъ духового отопленія разрѣшить, но съ условіемъ переноса трубы въ отдѣльное помѣщеніе или въ иное мѣсто храма, въ расширеніи же церкви отказать.

V. Гродненской губ., Бѣлостокскаго у., м. Супрасль. Благовѣщенскій храмъ Супрасльскаго монастыря (построенъ въ 1503—10 гг., роспись 1557 г.).

(Рис. 22).

Доложены: 1) Отношеніе настоятеля монастыря епископа Владиміра отъ 6 августа 1907 г. о необходимости широкаго ремонта храма, какъ въ самомъ зданіи, такъ и въ росписи, съ просьбою объ осмотрѣ храма спеціалистами и объ опредѣленіи суммы, потребной на ремонтъ. Строго-византійская стѣнопись храма, забѣленная до 1887 г., въ настоящее время отмыта, но «видъ поблекшихъ и попортившихся отъ сырости и времени ликовъ производитъ впечатлѣніе очень грустное». Низы стѣнъ до настоящей поры прикрыты грубою деревянною панелью. «Оставлять Домъ Божій въ небреженіи страшно».

2) Краткій докладъ члена Коммиссіи П. П. Покрышкина, осмотрѣвшаго храмъ въ августѣ 1907 г. и высказавшаго, что, по его мнѣнію, убранство алтаря, иконостасъ (отличной данцигской работы 1630 годовъ) и хоры слѣдовало бы сохранить, такъ какъ замѣна ихъ равноцѣнными по художественнымъ достоинствамъ была бы затруднительна уже потому, что стоила бы чрезвычайно дорого. Представлены фотографическіе снимки.

Храмъ возбудилъ къ себѣ большое вниманіе и вызвалъ обмѣнъ разнообразныхъ соображеній. Н. В. Султановъ высказалъ мнѣніе, что это осадный храмъ съ бойницами, доложенный вверху въ болѣе позднее время, что окна въ алтарѣ также растесаны позднѣе, что башенки въ древнее время имѣли машикули, а крыши на нихъ были коническія, сводъ же былъ, вѣроятно, крестовый, что мотивъ карниза повторяется въ швейцарской архитектурѣ. П. П. Покрышкинъ, ссылаясь на произведенныя имъ измѣренія и составляемые чертежи, призналъ башни лишь дозорными, а кирпичный верхъ всего храма и башенъ древнимъ. Фрески признаны замѣчательными; исполненіе ихъ приписано аѳонскимъ (по Н. В. Султанову), или-же южно-славянскимъ мастерамъ, съ явными слѣдами вліянія итальянской живописи. Отличная сохранность фресокъ возбудила вопросъ о недавнемъ подновленіи ихъ, что П. П. Покрышкинъ категорически отрицалъ, основываясь на своихъ наблюденіяхъ и на аналогіи съ сохранностью

Рис. 22. Благовѣщенскій храмъ Супрасльскаго монастыря.

иконописи въ древнихъ сербскихъ церквахъ. По замѣчанію его же, фрески отнюдь не кажутся мрачными. По вопросу объ отнятіи панелей высказано, что ихъ слѣдуетъ убрать, если только онѣ закрываютъ фрески (Н. В. Султановъ), что, напротивъ, можно было бы ихъ оставить, такъ какъ фрески въ общемъ нѣсколько холодны (А. П. Померанцевъ), что безъ панелей храмъ будетъ, можетъ быть, казаться голымъ (П. П. Покрышкинъ и др.), что въ случаѣ обнаруженія за панелями фресокъ, можно было бы устроить въ панеляхъ спеціальныя створки, которыя могли бы стоять открытыми и закрытыми (М. Т. Преображенскій). Обращено вниманіе на то, что западно-европейскихъ иконостасовъ имѣется значительное количество даже въ московскихъ храмахъ.

Постановлено: 1) разрѣшить немедленный ремонтъ храма, 2) признать, что замѣна уніатскихъ частей храма равноцѣнными въ художественномъ отношеніи восточно-православными стоила бы весьма значительныхъ средствъ, 3) просить П. П. Покрышкина произвести дальнѣйшее обслѣдованіе храма.

VI. Г. Ростовъ Яросл. г. Каменная соборная Богоявленская церковь Авраамієва монастыря, основанная въ 1553 г.

Доложено отношеніе Ярославской дух. консисторіи отъ 23 мая 1907 г. съ препровожденіемъ ходатайства о разрѣшеніи устроить въ куполѣ церкви стеклянное загражденіе и перемѣнить 4 колоды и рамы. Загражденіе (съ устройствомъ желѣзныхъ балокъ) проектируется ради сохраненія тепла въ храмѣ въ зимнее время и для предохраненія отъ холода изъ купола; на лѣтнее время его предположено вынимать.

Высказано мнѣніе, что стѣны купольнаго барабана послѣ удаленія загражденія будутъ потѣть. По мнѣнію М. Т. Преображенскаго, если стѣнки барабана тонки и промерзаютъ, то загражденіе будетъ полезно для сохранности всего купола, при условіи, что его станутъ убирать своевременно.

Постановлено: просить дополнительныхъ свѣдѣній о толщинѣ стѣнъ фонаря, о характерѣ и сохранности иконописи во всѣхъ куполахъ и проектъ устройства загражденія; перемѣну колодъ и рамъ разрѣшить.

VII. Новгородской губ. и у., с. Курицкое. Деревянная Богородицкая церковь 1596 г.

(Рис. 23).

Доложено отношеніе Новгородской дух. консисторіи отъ 8 августа 1907 г. съ заключеніемъ, что древняя Курицкая церковь не можетъ быть ремонтирована ни мѣстными, ни епархіальными средствами. Приходъ совершенно

Рис. 23. Курицкая Успенская церковь 1566 г.

отказывается отъ нея и проситъ Археологическую Коммиссiю или разрѣшить разобрать церковь, или принять ее въ свое вѣдѣнiе. По смѣтѣ архитектора Дьякова неотложный ремонтъ церкви исчисленъ въ 577 р., а капитальный— въ 1949 р.

Одни изъ членовъ собранiя предлагали разрѣшить разобрать колокольню, другiе не считали это возможнымъ въ виду того, что она какъ бы подчеркиваетъ древность церкви, даетъ ей историческiй фонъ.

Постановлено: просить архiепископа Новгородскаго Гурiя изыскать средства на ремонтъ Курицкой церкви, какъ памятника, цѣннаго въ археологическомъ и историческомъ отношенiяхъ.

VIII. Ярославскаго уѣзда, с. Богородское на Карабитовой горѣ. Каменная церковь во имя Казанской Божiей Матери. 1664—1684 гг.

Доложены: 1) Справка о томъ, что въ 1895 г. разрѣшено обратить въ теплое помѣщенiе трапезу церкви, и въ 1898 г.—устроить въ ней придѣлъ.

2) Отношенiе Ярославской дух. консисторiи отъ 29 сентября 1907 г.

ъ препровожденіемъ проекта отопленія храма тремя печами, изъ которыхъ дну предполагается поставить въ алтарѣ, а двѣ въ пролетахъ трапезной стѣны, езъ нарушенія цѣлости сводовъ, съ проведеніемъ дымоходовъ по потолку имняго храма.

Постановлено: проектъ отопленія разрѣшить, но указать, что печи лѣдуетъ поставить такъ, чтобы онѣ не закрывали пролетовъ и древней стѣнописи, если таковая имѣется.

IX. Владимірской губ., Переяславскаго у., с. Спасское. Деревянная Сергіевская церковь 1683 г.

Доложены: 1) Первоначальный проектъ переустройства храма, представленный въ духовную консисторію, по которому предполагалось замѣнить иконостасъ новымъ, перемѣнить старыя балки и полъ, стѣны и потолки обить тесомъ и окрасить, выходныя двери замѣнить окнами, Преображенскій придѣлъ соединить съ церковью аркой. Согласно заключенію мѣстнаго благочиннаго, иконостасъ нуждается въ переборкѣ и установкѣ вновь, иконопись сильно изветшала: нѣтъ ни одной иконы безъ поврежденія. Консисторія нашла возможнымъ разрѣшить лишь настилку пола и перемѣну балокъ. Имп. Археологическая Коммиссія, одобривъ распоряженіе консисторіи, просила представить фотографическіе снимки съ иконостаса и заключеніе спеціалиста-реставратора о возможности возстановить иконостасъ и поправить въ немъ иконопись.

2) Заключеніе иконописца Гурьянова, доставленное консисторіею при отношеніи отъ 20 сентября 1907 г., вмѣстѣ съ 4 фотографическими снимками. Иконостасъ окрашенъ сѣроватою краскою подъ мраморъ; его можно укрѣпить, ничуть не мѣняя древняго устройства. Иконы въ немъ и на царскихъ дверяхъ отличнаго новгородскаго письма XVI в. Мѣстная икона Спасителя и южная діаконская дверь XVII в.; на первой запись о сооруженіи ея въ 1683 г. стольникомъ Мих. Никит. Чемодановымъ, которому принадлежало с. Спасское. «Отъ времени и сырости иконы попортились и мѣстами облупились. Ихъ надо скорѣе поправить: укрѣпить отставшія и попорченныя мѣста, удалить плѣсень, копоть и черноту, старую олифу и лакъ, и послѣ того, гдѣ нужно, подправить личными красками».

Постановлено: проектъ подновленія иконостаса одобрить, за исполненіемъ его имѣть наблюденіе.

X. Г. Сызрань. Симбирской губ. Успенская церковь 1752 г.

Доложены: 1) Отношеніе Симбирской дух. консисторіи отъ 2 іюня 1907 г. съ ходатайствомъ о разрѣшеніи разобрать храмъ, какъ совершенно разрушенный пожаромъ.

2) Чертежи и фотографическіе снимки съ церкви, доставленные 5 сентября 1907 г.

По мнѣнію А. Н. Померанцева, церковь по фасаду, а особенно по плану заслуживала бы возстановленія, которое казалось бы возможнымъ, разъ богослуженіе въ церкви совершается и въ настоящее время.

Постановлено: просить доставить актъ подробнаго техническаго осмотра стѣнъ и фундамента церкви.

XI. Ярославской губ., Мышкинскаго у., с. Потапово. Каменная церковь 1757 г.

(Рис. 24).

Доложено отношеніе Ярославской архивной коммиссіи отъ 15 сентября 1907 г. съ ходатайствомъ о защитѣ названной церкви, которую предполо-

Рис. 24. Потаповская церковь, Ярославской губ., 1757 г.

жено разобрать для устройства ограды кругомъ новаго храма, между тѣмъ она «въ высокой степени оригинальна и интересна по своему стилю, весьма рѣдкому для Ярославской губ., и заслуживаетъ полнаго сохраненія». Въ этомъ смыслѣ комиссія уже дала заключеніе на запросъ дух. консисторіи. Комиссія проситъ настоять на приведеніи церкви въ соотвѣтствующій ея значенію видъ.

Потаповская церковь по своей оригинальности и красотѣ вызвала общее вниманіе и участіе.

Постановлено: признать церковь важнымъ памятникомъ старины и просить о непремѣнномъ и тщательномъ ея сохраненіи.

XII. Владимірской губ., Гороховецкаго у., с. Верхній Ландехъ. Деревянная кладбищенская церковь 1780 г.

(Рис. 25).

Доложено отношеніе Владимірской дух. консисторіи отъ 15 сентября 1907 г. съ изложеніемъ ходатайства крестьянъ нѣсколькихъ деревень прихода с. Верхній Ландехъ и крестьянъ одной деревни прихода с. Нижній Ландехъ о

Рис. 25. Верхне-Ландехская кладбищенская церковь 1780 г.

перенесеніи кладбищенской деревянной церкви перваго села въ д. Старилово, въ виду дальности разстоянія этихъ деревень отъ приходской церкви.

Обсуждался вопросъ, какъ можетъ отозваться переносъ церкви на ея сохранности. Было высказано мнѣніе, что церковь слѣдуетъ перенести именно ради ея сохранности, но послѣдовали возраженія, что церковь при переносѣ утратитъ весь характеръ старины, что она по размѣрамъ удобна лишь для кладбища, а не для прихода, и потому на новомъ мѣстѣ не продержится долго, что въ настоящемъ видѣ она заботливо охранена. Отмѣчена неясность, съ какими намѣреніями предположено перенести церковь, и согласенъ ли приходъ уступить ее.

Постановлено: перенесеніе церкви не разрѣшать до полученія дополнительныхъ свѣдѣній.

XIII. Калишской губ., Слупецкаго у., д. Лендъ. Каменный костелъ съ остатками монастыря XII в.

(Рис. 26).

Доложены: 1) Отношенія Департамента Иностр. Исповѣданій М. В. Д. отъ 16 ноября 1906 г. и отъ 20 іюня 1907 г. съ препровожденіемъ проекта ремонта костела, чертежей и плохихъ фотографическихъ снимковъ со стѣнописи. По проекту предположена починка крыши (уже разрѣшенная въ 1906 г.) и исправленіе стѣнописи.

2) Статья Лучкевича о древней капницѣ костела, изъ Sprawozdania Komisyi do bad. hist. sztuki w Polsce t. III, z. IV.

Постановлено: просить заключенія отъ Варшавскаго Общества охраненія древностей.

Рис. 26. Лендскій костелъ XVII в. съ остатками монастыря XII в.

XIV. Виленской губ., г. Троки. Гедиминовъ замокъ и зданіе доминиканскаго монастыря XVII в.

Доложены: 1) Заявленіе В. А. Шукевича отъ 28 апрѣля 1907 г. о томъ, что въ Трокахъ для полученія строительнаго матеріала разрушаются названныя строенія, «драгоцѣннѣйшіе памятники нашей древности».

2) Отзывъ Виленскаго губернатора отъ 22 мая 1907 г., въ коемъ доводится до свѣдѣнія Имп. Археолог. Коммиссіи, что разбирается одно изъ вполнѣ ветхихъ зданій упраздненнаго въ 1863 г. доминиканскаго монастыря, совершенно не пригодное для перестройки, и что разборка производится по порученію Трокскаго церковнаго попечительства, которому зданія эти принадлежатъ, и съ разрѣшенія Литовской дух. консисторіи отъ 6 апрѣля 1905 г. Губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе о неприкосновенности прилегающей къ разбираемому зданію древней стѣны. Объ изложенномъ губернаторъ уже сообщилъ Виленскому Обществу друзей наукъ, которое еще 10 апрѣля 1907 г. ходатайствовало о защитѣ будто бы разрушаемыхъ стѣнъ Трокскаго замка.

3) Справка о томъ, что отношеніемъ отъ 14 іюня с. г. Археологическая Коммиссія просила Виленскаго губернатора сдѣлать распоряженіе о пріостановкѣ разборки стѣнъ и доставленіи фотографическихъ снимковъ.

4) Четыре фотографическіе снимка съ разбираемыхъ стѣнъ, доставленные при отношеніи г. губернатора отъ 15 сентября.

Постановлено: а) разъяснить Литовской дух. консисторіи, что безъ вѣдома Имп. Археологической Коммиссіи нельзя было разрѣшать разборку зданій доминиканскаго монастыря, какъ памятника древности, б) признать разбираемое зданіе не имѣющимъ археологическаго значенія, в) просить отзыва В. А. Шукевича о томъ, не заслуживаютъ ли разбираемыя стѣны, по какимъ либо мѣстнымъ соображеніямъ, охраны.

XV. Г. Азовъ. Ворота бывшей турецкой крѣпости.

Доложено отношеніе Департамента Общихъ Дѣлъ М. В. Д. отъ 8 октября 1907 г. съ препровожденіемъ переписки по поводу ремонта воротъ, начавшейся въ 1876 г., и проекта укрѣпленія ихъ, представленнаго Азовскимъ городскимъ головою. Представлены чертежи, фотографическіе снимки и смѣта. Трещина, образовавшаяся въ сводѣ, объясняется проникaніемъ воды сверху. Сводъ предполагается прикрыть землею, для удержанія которой проектируется устроить опорныя стѣнки.

Постановлено: предложить убрать контрфорсы, укрѣпить фундаментъ, залить трещину, прикрыть ворота черепицей.

XVI. Г. Москва. Зданіе стараго Московскаго университета.

Оглашено устное заявленіе архитектора А. В. Щусева о томъ, что, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, предполагается переустройство зданія стараго университета.

Постановлено: запросить ректора Московскаго университета.

Засѣданіе 7 ноября 1907 г.

I. Владимірской губ. г. Юрьевъ. Георгіевскій соборъ 1152—1234 г.

Доложена брошюра протоіерея А. Знаменскаго «Георгіевскій соборъ въ г. Юрьевѣ. Реставрація и построеніе новаго соборнаго храма. 1906 г.», и просьба его, не найдетъ ли Археологическая Коммиссія возможности прійти на помощь построенію новаго храма, предпринятому въ видахъ реставраціи древняго Георгіевскаго собора. (Дѣло 1897 г. № 227).

Постановлено: отвѣтить, что просьба о. Знаменскаго оглашена между членами реставраціонныхъ засѣданій Императорской Археологической Коммиссіи.

II. Радомской губ. г. Сандоміръ. Костелъ св. Іакова 1200 г.
(Рис. 27 и 28).

Доложены: 1) Отношенія отъ 24 апрѣля и 26 октября 1907 г. Сандомірской епархіальной консисторіи съ препровожденіемъ проекта ремонта костела, погорѣвшаго въ 1905 г. Отремонтированы должны быть всѣ погорѣвшія части, подъ наблюденіемъ инженера Сиг. Сломинскаго и съ участіемъ Варшавскаго Общества охраны памятниковъ древности.

2) Статья Лучкевича о костелѣ въ «Sprawozdania Komm. do bad. hist. sztuki w Polsce», II, 27—52.

3) Заключеніе П. П. Покрышкина, осмотрѣвшаго костелъ въ маѣ 1907 г. «Сравненіе чертежей реставраціи Лучкевича съ моими фотографическими снимками и представленными изъ Сандоміра чертежами костела въ нынѣшнемъ видѣ достаточно выясняетъ позднія наслоенія. Въ XVII в. столбы усилены въ среднемъ нефѣ и устроены анты въ хорѣ спеціально для сооруженія сводовъ, которые почти на половину закрыли окна, вслѣдствіе чего вмѣсто прежнихъ высокихъ оконъ были сдѣланы овальныя, въ соотвѣтствіи со сводами, но безъ всякаго соотвѣтствія со старыми окнами, изъ коихъ многія сохранились, хотя и замурованы. Боковые нефы перекрыты сводами неодинаковой высоты (въ лѣвомъ нефѣ ниже, чѣмъ въ правомъ). Первоначально всѣ нефы

Рис. 27. Сандомірскій костелъ св. Іакова 1200 г.

і перекрыты деревянными стропилами, гнѣзда для которыхъ сохранились, тѣны не были оштукатурены, такъ какъ въ обнаженной кладкѣ наблю-ся тщательная раздѣлка и раскраска швовъ между кирпичами, въ аркахъ каждый кирпичъ раскрашенъ въ видѣ стрѣльчатой арочки. Размѣры кир-ı $1^{3}/_{4} \times 2^{1}/_{4} \times 6$ вершк., въ позднемъ же заборѣ попадаются кирпичи ычайно большіе и, несмотря на то, превосходно обожженные, размѣровъ $\times 8^{1}/_{8}$ вершк. (длина неизвѣстна). Древней стѣнописи нѣтъ. Подъ нѣйшею штукатуркою кое-гдѣ, и даже сна-и, открылась живопись XVIII в., невысокаго оинства. Предполагается лишь необходимый ре-тъ, къ разрѣшенію коего препятствій не вижу». дставлены исполненные г. Покрышкинымъ фо-афическіе снимки. (Дѣло 1907 г. № 51).

Рис. 28.

Выражено удовольствіе, что отличный Сандо-кій костелъ нуждается лишь въ ремонтѣ. Осо-юе вниманіе возбудило внутреннее убранство красотою и пропорціональностью частей (см. 28). Такъ какъ наружная роспись не обна-

ружена, то признано невозможнымъ судить объ ея достоинствахъ и недостаткахъ. По замѣчанію Е. А. Сабанѣева, произведенное въ древности переустройство частей стараго зданія иногда придаетъ ему своеобразную прелесть.

Постановлено: 1) предположенный ремонтъ разрѣшить, 2) просить не отбивать наружную штукатурку костела, на случай возможной въ будущемъ реставраціи находящейся здѣсь росписи.

III. Ярославской губ. Ростовскаго у. Борисоглѣбскій монастырь XVI в.

(Рис. 29 и 30).

Доложены: 1) Запросъ Археологической Коммиссіи въ августѣ 1905 г. о времени поздней пристройки для помѣщенія лѣстницы и сѣней между игуменскимъ корпусомъ и алтаремъ Благовѣщенской церкви, а также о томъ, съ чьего разрѣшенія она сдѣлана. Запросъ этотъ не былъ отправленъ въ виду болѣзни, а затѣмъ смерти игумена Ювеналія. Запросъ былъ вызванъ донесеніемъ П. П. Покрышкина, бывшаго въ монастырѣ для осмотра новой росписи, въ которомъ, между прочимъ, излагается: «Осмотрѣвъ зданія монастыря, я пришелъ къ печальному выводу, что въ недавнее время обстроены алтари Благовѣщенской церкви безобразною клѣткою для лѣстницы въ архимандричьи кельи, а дивныя монастырскія башни и стѣны обстраиваются грязными лавченками. Крайне желательно уничтоженіе этой лѣстницы, а равно и цѣлаго ряда торговыхъ лавокъ и кладовыхъ снаружи монастырскихъ стѣнъ».

2) Сообщеніе Ярославской дух. консисторіи отъ 24 октября 1906 г. о томъ,

Рис. 29. Борисоглѣбскій монастырь Ростовскаго у. XVI в.

что въ текущемъ году произведены, безъ разрѣшенія епархіальнаго начальства, передѣлки въ сѣверо-восточной башнѣ монастыря, именно: возстановлены прежнія двери, замѣненъ старый потолокъ новымъ, несгараемымъ, а внутри монастыря къ башнѣ сложена каменная пристройка для пекарни, помѣщавшейся до того въ самой башнѣ. При сообщеніи приложенъ чертежъ башни и объяснительная записка губернскаго инженера Кузьмина, въ которой указывается, что новыя передѣлки ничѣмъ не угрожаютъ прочности башни и не измѣняютъ ея вида; окна и двери въ башнѣ существуютъ болѣе 50 лѣтъ. При отношеніи отъ 9 ноября 1906 г. доставленъ фотографическій снимокъ пристройки къ башнѣ со стороны монастырскаго двора (рис. 30).

Рис. 30. Уголъ стѣны въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ съ пристройкою.

3) Увѣдомленіе Археологической Коммиссіи отъ 25 ноября 1906 г. о томъ, что новая пристройка, произведенная произвольно и обезображивающая башню, должна быть обязательно уничтожена и что для осмотра всѣхъ новыхъ пристроекъ монастыря прибудетъ академикъ архитектуры Е. А. Сабанѣевъ.

4) Записка Е. А. Сабанѣева о произведенномъ имъ лѣтомъ 1907 г. осмотрѣ новыхъ пристроекъ монастыря: «Новая каменная постройка съ пекарнею внутри ограды с.-в. башни сооружена весьма небрежно. Дымовая труба въ пересѣченіи потолка должной кирпичной раздѣлки не имѣетъ и въ виду ежедневной усиленной топки врядъ-ли можетъ быть признана безопасною въ пожарномъ отношеніи. Рядомъ съ пекарнею вдоль стѣны построены отхожія мѣста, одно каменное, другое деревянное, очевидно, недавняго устройства или ремонта. Этими мѣстами монастырь не пользуется, а они устроены для трактира, примыкающаго къ наружной стѣнѣ ограды. Затѣмъ идутъ далѣе всевозможныя пристройки, навѣсы, кладовыя и т. д.,

которыя не только заслоняютъ собою чудную стѣну ограды, но положительно обезображиваютъ весь внутренній видъ послѣдней. При этомъ долженъ замѣтить, что, по моему мнѣнію, многія изъ упомянутыхъ пристроекъ возведены недавно. Одна лишь сторона ограды (именно восточная) и половина южной еще не застроены и сохраняютъ свой прежній видъ. Не лучше обстоитъ дѣло съ лицевою стороною ограды. Самая богатая по своей обработкѣ сѣверная сторона, со своими удивительными башнями и входными вратами, застроена сплошь каменными рядами лавокъ и трактиромъ, а въ самыхъ вратахъ и рядомъ съ ними построены часовни, которыя своимъ безвкуснымъ и даже прямо антихудожественнымъ видомъ разрушаютъ все впечатлѣніе чуднаго зодчества XVII вѣка. Остальныя стороны ограды еще не застроены, но съ западной стороны стоило лишь поставить контрфорсы для поддержанія стѣны, какъ промежутокъ между ними уже быстро забранъ и обращенъ въ кладовыя для сдачи въ наймы, и рядомъ для той же цѣли пристроена, весьма недавно, деревянная клѣтушка. Съ восточной стороны, противъ кельи основателя монастыря, имѣется небольшая деревянная часовня, кстати сказать, весьма безвкусной архитектуры. На мой запросъ, зачѣмъ всѣ эти пристройки надѣланы и притомъ еще безъ надлежащаго разрѣшенія, настоятель монастыря игуменъ Антоній указалъ, что пекарня, а также другія недавнія постройки воздвигнуты не имъ, а его предшественникомъ, но что и онъ видитъ въ нихъ необходимость, такъ какъ монастырь весьма бѣденъ и принужденъ изыскивать средства для своего существованія. Мною также былъ осмотрѣнъ соборъ во имя свв. князей Бориса и Глѣба, въ которомъ воспроизведена настѣнная живопись. Новая живопись хотя и исполнена не безъ вкуса въ академическомъ стилѣ, но нельзя не признать, что она ничего общаго съ характеромъ иконостаса и съ постройкою собора не имѣетъ. Считаю долгомъ, сверхъ того, довести до свѣдѣнія Археологической Коммиссіи, что по западной стѣнѣ ограды появились вертикальныя трещины и часть стѣны получила наклонъ внаружу; для сохраненія ея надлежитъ принять своевременно мѣры. Въ заключеніе прихожу къ убѣжденію, что если Императорскою Археологическою Коммиссіею не будутъ приняты самыя рѣшительныя мѣры къ огражденію зданія монастыря отъ самовольныхъ построекъ, передѣлокъ и украшеній, то въ скоромъ времени будетъ утерянъ одинъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ древне-русскаго зодчества». (Дѣла 1900 г. № 49 и 1898 г. № 170).

Постановлено: 1) Признать всѣ новѣйшія пристройки кругомъ стѣнъ монастыря и внутри вредными для зданій, искажающими его красоту, недо-

пустимыми для его достоинства и противорѣчащими ст. 78, 92 и 108 Строит. Устава. 2) Потребовать чрезъ Св. Синодъ, въ первую очередь, удаленія въ возможно непродолжительный срокъ, не позднѣе лѣта 1908 г., изъ стѣнъ монастыря пекарни и слесарни, снесенія построекъ между наружными контрфорсами, уничтоженія навѣса для дровъ и переустройства отхожихъ мѣстъ. 3) Произвести слѣдствіе, въ случаѣ необходимости при посредствѣ св. Синода, о томъ, кто именно является виновнымъ въ допущеніи пристроекъ, оскорбляющихъ святыни монастыря и противныхъ Строительному Уставу. 4) Въ связи съ этимъ слѣдствіемъ своевременно возбудить предъ св. Синодомъ вопросъ о перенесеніи отъ стѣнъ монастыря на иное мѣсто всѣхъ позднѣйшихъ пристроекъ.

IV. Ярославской губ. г. Романовъ-Борисоглѣбскъ. Крестовоздвиженскій соборъ XVI вѣка.

Е. А. Сабанѣевъ доложилъ, что лѣтомъ настоящаго (1907) года онъ замѣтилъ совершенно новую небольшую каменную пристройку къ собору и посовѣтовалъ немедленно убрать ее, что церковнымъ старостой тотчасъ же было исполнено. (Дѣло 1899 г. № 206).

Постановлено: внести въ протоколъ засѣданія.

V. Ярославской губ. г. Романовъ-Борисоглѣбскъ. Каменный Воскресенскій соборъ 1652 г.

Заслушанъ докладъ Н. А. Сабанѣева: «Подъ моимъ наблюденіемъ была начата реставрація наружныхъ клеймъ собора и нѣкоторыхъ находящихся въ немъ иконъ. Реставрація передана мастеру Дикареву, извѣстному своимъ знаніемъ и опытностью въ этомъ дѣлѣ. Хотя ко 2-му октября, времени моего отъѣзда изъ Романова, вся реставрація не была кончена, тѣмъ не менѣе могу засвидѣтельствовать, что, судя по началу работы иконъ и окончанію нѣкоторыхъ наружныхъ клеймъ, дѣло реставраціи будетъ окончено вполнѣ удовлетворительно. Считаю долгомъ при семъ доложить, что при посѣщеніяхъ собора мною была усмотрѣна въ с.-з. его углѣ деревянная пристройка, служащая кладовою, затѣмъ съ той же стороны арки нижней открытой паперти грубо забраны досками, что обезображиваетъ общій видъ зданія, и наконецъ, въ с.-з. углу подъ папертью устроено помѣщеніе для сторожа, изъ котораго выведена дымовая труба въ стѣнѣ второго этажа паперти, что въ зимнее

время положительно разрушаетъ живопись внутри послѣдней. По моему мнѣнію, слѣдуетъ потребовать немедленнаго уничтоженія пристроенной деревянной кладовой, какъ незаконно произведенной, разобрать доски въ аркахъ нижней паперти, замѣнивъ ихъ, если въ томъ является потребность, рамами со стеклами, а помѣщеніе для сторожа въ зданіи собора уничтожить, предложивъ построить специальную сторожку въ сторонѣ у церковной ограды. На сдѣланныя мною въ этомъ смыслѣ предложенія причтъ собора, какъ мнѣ казалось, возраженій не имѣлъ».

Постановлено: потребовать исполненія перечисленныхъ въ докладѣ г. Сабанѣева указаній. (Дѣло 1906 г. № 77).

VI. Ярославской губ. Ростовскаго у., с. Погорѣлово. Каменная церковь 1682 г.

(Рис. 31).

Доложено заявленіе Е. А. Сабанѣева, что при церкви оказалась еще другая деревянная пристройка, которую также слѣдовало бы убрать. (Д. 1906 г. № 129).

Постановлено: потребовать, чтобы при ремонтѣ церкви была убрана и другая деревянная пристройка.

Рис. 31. Церковь с. Погорѣлова Ростовскаго у. 1682 г.

̓II. Ярославской губ. Угличскаго у. Дивногорская пустынь. Каменный храмъ 1694 г.

(Рис. 32 и 33).

Рис. 32. Церковь Дивногорской пустыни съ с.-в. стороны.

Заслушанъ нижеслѣдующій докладъ Е. А. Сабанѣева: «Живопись ь верхней церкви исполнена заново въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣ-я, весьма плоха и нехудожественна. Къ сожалѣнію, подъ слоемъ густо на-есенной краски нигдѣ не имѣется слѣдовъ прежней живописи, такъ что о акомъ-либо возстановленіи послѣдней не ожетъ быть и рѣчи. Въ виду бѣдности еркви и невозможности получить болѣе ли менѣе порядочную живопись, луч-имъ исходомъ было бы окрасить всѣ тѣны однимъ тономъ. Что касается до-атой надстройки надъ открытою папертью ь сѣверной стороны церкви, произведен-ой въ весьма недавнее время, то слѣдуетъ отребовать ея уничтоженія. При этомъ ыло бы желательно обязать причтъ испра-ить всѣ испорченныя мѣста и детали тѣны, въ которой были пробиты гнѣзда ія установки стропилъ сказанной над-

Рис. 33. Дивногорская пустынь.

стройки. Вслѣдствіе небрежности, съ которою произведена была надстройка, многія интересныя детали двери и оконъ сильно поломаны. Настоятелю церкви мною было объяснено, что предполагаемая имъ каменная надстройка надъ папертью для увеличенія площади верхней церкви врядъ-ли будетъ разрѣшена, такъ какъ этимъ видоизмѣнится первоначальный типъ церкви».

Церковь признана весьма интереснымъ памятникомъ старины, требующимъ заботливаго вниманія и охраны. Г. Сабанѣевъ находитъ ее «восхитительною».

Постановлено: 1) предоставить усмотрѣнію причта и старосты переписать настѣнныя изображенія, или же прикрыть ихъ краскою, 2) потребовать снятія деревянной пристройки съ сѣверной стороны, причемъ попорченныя ею мѣста просить замѣнить шаблоннымъ кирпичемъ, а верхъ каменной пристройки прикрыть асфальтомъ и снабдить выпусками сквозь парапетъ помощью глиняныхъ трубъ. (Дѣло 1906 г. № 106).

VIII. Воронежской губ. Валуйскаго у., с. Большія Липяги. Деревянная церковь 1699 г.

(Рис. 34).

Церковь построена первоначально въ г. Валуйкахъ, по преданію, на средства, пожалованныя Петромъ Великимъ, и по его рисунку. Въ 1862 г. она пріобрѣтена за 3000 руб. жителями с. Липягъ и, съ разрѣшенія св. Синода,

Рис. 34. Большія Липяги Валуйскаго у. Церковь 1699 г.

ренесена въ это село «безъ всякаго измѣненія плана», но при этомъ южный, зерный и западный придѣлы, за ветхостью лѣса, построены изъ новаго матела въ прежнемъ видѣ. Въ 1905 г. въ Археологическую Коммиссію былъ епровожденъ проектъ расширенія церкви съ пристройкою колокольни, котой, однако, не былъ одобренъ, какъ не соотвѣтствующій древнему устройству ама; Коммиссія препроводила свой эскизъ колокольни.

Доложено отношеніе Хозяйств. Управленія Св. Синода отъ 10 октяя 1907 г. съ препровожденіемъ новаго проекта. (Дѣло 1905 г. № 97).

Постановлено: 1) въ виду неясности представленнаго чертежа запроть чертежъ устройства хоръ въ существующей церкви и свѣдѣнія, для кой цѣли они служили; 2) проектъ устройства колокольни и трапезы утверть, съ условіемъ, чтобы обшивка ихъ досками исполнена была по образцу шивки церкви и чтобы широкія окна пристроекъ были замѣнены двойными кими.

К. Вологодской губ., Вельскаго у., с. Орловское. Деревянная Богоявленская церковь 1756 г.

(Рис. 35 и 36).

Доложены: 1) Отзывъ Вологодской дух. консисторіи отъ 13 октября

Рис. 35 и 36. Церковь въ с. Орловскомъ Вельскаго у. 1756 г.

1907 г., на запросъ Коммиссіи отъ 27 іюня того же года, вызванный заявленіемъ Д. В. Милѣева о предстоящей разборкѣ церкви. По отзыву, церковь стоитъ на подмываемомъ берегу р. Устьи, ветха и угрожаетъ паденіемъ, почему и предназначена къ уничтоженію. Иконостасъ и внутреннее убранство церкви вынесены во время пожара сосѣдней Николаевской церкви въ 1861 г., а трапеза уничтожена, съ разрѣшенія епархіальной власти, въ 1886 г.

2) Заявленіе Д. В. Милѣева, что срубъ церкви очень проченъ и что хотя берегъ рѣки близко, но пока онъ не угрожаетъ цѣлости зданія. (Дѣло 1904 г. № 150).

Постановлено: 1) признать церковь весьма интересною по превосходнымъ пропорціямъ, а наклонъ ея не имѣющимъ угрожающаго значенія, 2) просить причтъ и старосту принять мѣры противъ дальнѣйшей неправильной осадки церкви и отремонтировать ее для богослуженія.

X. С.-Петербургской губ. Петергофскаго у., пог. Медуши. Каменная церковь 1766 г.

Церковь построена графомъ Р. И. Воронцовымъ и Алекс. Ранцовымъ; сложена изъ плиты, куполъ деревянный, церковь о 4-хъ главахъ. Отношеніями отъ 30 октября 1906 г. и 12 января 1907 г. дух. консисторія препроводила ходатайство причта и старосты о разрѣшеніи снять, по причинѣ тѣсноты, 2 придѣльные алтаря, вмѣсто досчатаго устроить бревенчатый куполъ, перекрасить потолки и произвести нѣкоторыя иныя ремонтныя работы въ храмѣ; представлены были фотографическіе снимки и проектъ ремонта, который и былъ разрѣшенъ, съ условіемъ сохраненія прежнихъ формъ и старыхъ крестовъ.

Доложено отношеніе дух. консисторіи отъ 15 октября 1907 г. о томъ, что при разборкѣ куполовъ обнаружена порча потолочныхъ досокъ, балокъ, стропилъ и башмаковъ и что купола держались лишь покрывавшимъ ихъ желѣзомъ, вслѣдствіе чего ремонтъ церкви пришлось произвести болѣе широкій, чѣмъ предполагалось раньше.

Обращено вниманіе на изящество поздней колокольни. Г. И. Котовъ сдѣлалъ замѣчаніе, что изящество колоколенъ и башенъ въ концѣ концовъ сводится къ красотѣ ихъ силуэта. (Дѣло 1906 г. № 132).

Постановлено: увѣдомить, что произведенный въ церкви ремонтъ при удобномъ случаѣ будетъ, по порученію Археологической Коммиссіи, осмотрѣнъ спеціалистомъ.

XI. Владимірской губ. г. Переяславль. Крестовоздвиженская церковь 1785 г.

(Рис 37).

Причтъ и староста названной церкви обратились въ мѣстную дух. консисторію съ просьбою разрѣшить замѣну стараго иконостаса въ придѣлѣ св. ве-

Рис. 37. Иконостасъ Переяславской Крестовоздвиженской церкви.

ликомученицы Варвары новымъ. Консисторія, находя, что иконостасъ красивъ, оригиналенъ и довольно проченъ, отказала въ удовлетвореніи этого ходатайства и предложила убѣдить жертвователя употребить средства на позолоту стараго иконостаса, безъ малѣйшаго измѣненія его вида. Отношеніемъ отъ 25 октября

1907 г. консисторія увѣдомила Имп. Арх. Коммиссію, что, по донесенію причта, жертвователь настаиваетъ на исполненіи своего первоначальнаго намѣренія и скорбитъ, какъ скорбитъ и причтъ, опасаясь лишиться жертвы, которой ждали много лѣтъ. По увѣренію причта, позолота и краска на иконостасѣ совсѣмъ слиняли, царскія двери покоробились, иконы въ нихъ едва держатся и вообще онъ не гармонируетъ съ благолѣпіемъ всего храма. (Дѣло 1907 г. № 143).

Г. И. Котовъ нашелъ, что иконостасъ устроенъ въ провинціальномъ стилѣ Людовика XVI-го. Б. В. Фармаковскій сдѣлалъ замѣчаніе, что уничтожать памятникъ старины только на томъ основаніи, что имѣется пожертвованіе на устройство новаго иконостаса, не слѣдуетъ, такъ какъ нельзя же жертвовать памятниками древности за деньги. Доложено, что Владимірская дух. консисторія уже не въ первый разъ проявляетъ заботливое отношеніе къ памятникамъ мѣстной старины, во время охраняя ихъ отъ уничтоженія и искаженія.

Постановлено: 1) замѣны иконостаса новымъ не разрѣшать, 2) Владимірскую дух. консисторію благодарить за охрану памятниковъ церковной старины въ епархіи отъ искаженія.

XII. Вологодской губ. Сольвычегодскаго у., с. Пучуга. Деревянная Петропавловская церковь 1788 г.

(Рис. 38).

Отношеніемъ отъ 11 февраля 1899 г. Вологодская дух. консисторія препроводила проектъ перенесенія на иное мѣсто этой церкви, такъ какъ храму угрожаетъ подмывъ водою; при перенесеніи предположено нѣкоторое уменьшеніе размѣровъ трапезы въ виду того, что въ лѣсныхъ дачахъ уже не имѣется лѣса требуемой толщины. Постановленіемъ 17 февраля 1899 г. Археологическая Коммиссія разрѣшила перенести церковь, но безъ всякаго измѣненія ея вида и размѣровъ. Когда церковь была разобрана, то оказалось, что всѣ углы зданія попорчены, а болонь бревна сгнила отъ времени на толщину вершка. Отношеніемъ отъ 11 декабря 1905 г. причтъ и староста церкви просили разрѣшенія Коммиссіи снять болонь и укоротить трапезу на 1 саж., такъ какъ иначе пришлось бы употребить сростные вѣнцы. Основываясь на заключеніи Д. В. Милѣева, изучавшаго церковь на мѣстѣ, Коммиссія просьбу эту удовлетворила, съ условіемъ тщательнаго сохраненія всего внутренняго наряда церкви (двухъ рѣзныхъ колоннъ, очень интереснаго и рѣдкаго портала и скамей), какъ представляющаго особый интересъ. По заявленію г. Милѣева, мѣстный священникъ

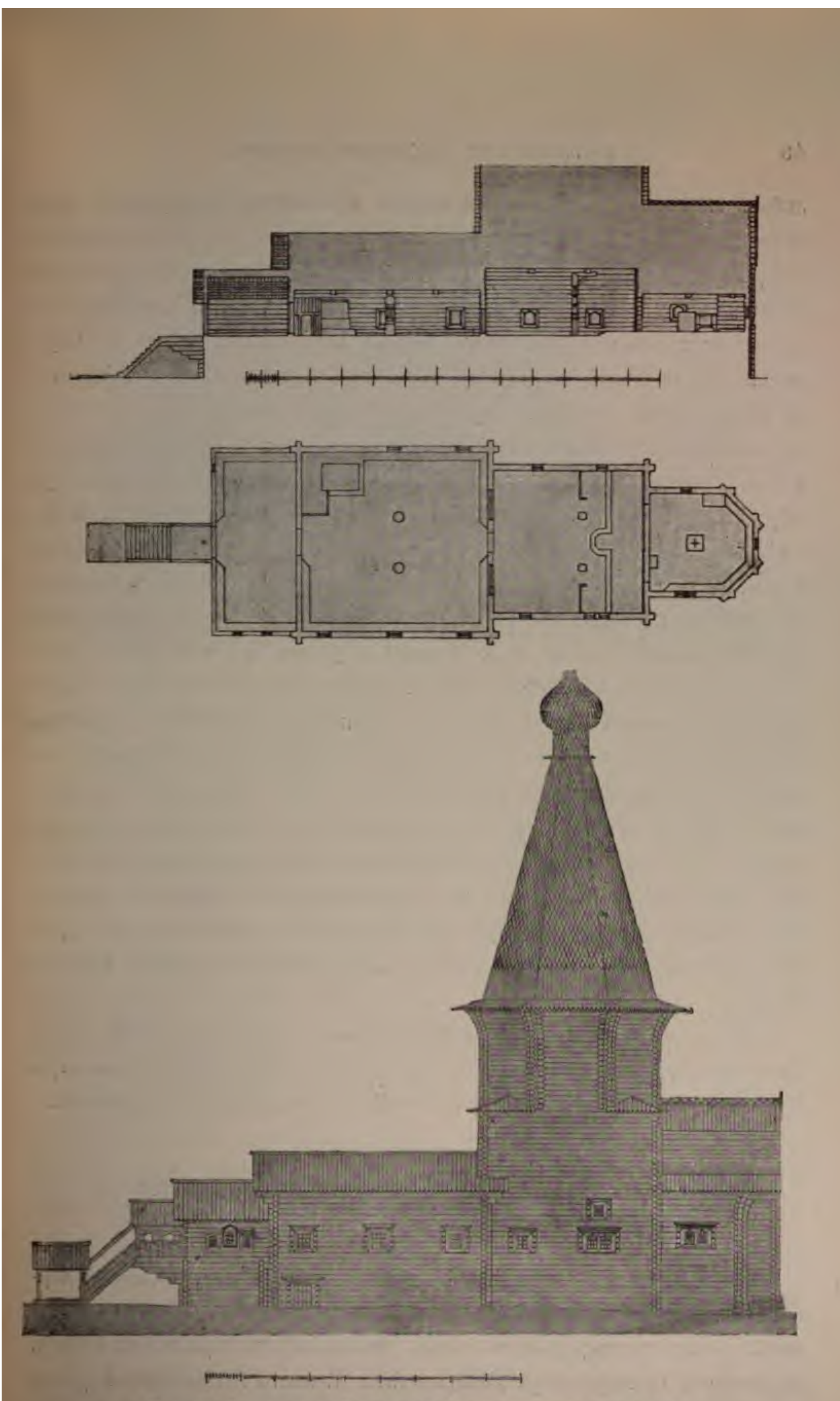


Рис. 38. Церковь с. Пучуги Сольвычегодскаго у., 1788 г.

любитъ старину, не допуститъ современнаго «благолѣпія» въ церковь и возстановитъ ея прежній чарующій видъ, хотя онъ же, по невѣдѣнію, нѣсколько попортилъ ее закупориваніемъ оконъ. 15 іюня 1906 г. Коммиссія имѣла возможность препроводить въ Пучугу для руководства при сборкѣ частей чертежи церкви, составленные г. Милѣевымъ, который видѣлъ самыя работы по перенесенію церкви и сообщилъ о нихъ слѣдующія свѣдѣнія: «Церковь собирается на новомъ мѣстѣ, дальше отъ берега, подмываемаго Двиной. Во время моего пребыванія въ Пучугѣ церковь была собрана до уровня потолка трапезной; такимъ образомъ оставался еще сборъ восьмерика и шатра. Я произвелъ обмѣръ собранной части церкви и все нашелъ согласнымъ съ моими обмѣрами. Измѣненія коснулись трапезной, именно уменьшенъ ея планъ на 1 саж. по длинѣ. Остальные размѣры сохранены въ точности съ прежними. Лѣсъ прежней церкви, по снятіи тонкаго слоя оболони, оказался вполнѣ крѣпкимъ и съ полнымъ успѣхомъ пошелъ вновь въ дѣло. Мѣстами допущены сростныя бревна, что, полагаю, особеннаго значенія не имѣетъ. Бревна выносной карнизной части восьмерика оказались въ полной сохранности и цѣликомъ пойдутъ на прежнее мѣсто. Весь срубъ ставится на кирпичномъ фундаментѣ. Общее впечатлѣніе отъ переборки заново этой святыни старины осталось у меня самое отрадное. Прежде всего, я видѣлъ у крестьянъ и строителей глубокій интересъ къ сохраненію всего въ прежнемъ видѣ и умѣлое пониманіе чертежей по моимъ обмѣрамъ и фотографическихъ снимковъ, согласно которымъ ведутся всѣ работы. Передо мной воскресала чарующая картина древняго строительства на Руси, когда строители дѣлали все «по угожеству, какъ надлежитъ». (Дѣло 1899 г. № 38).

Постановлено: сообщить чрезъ духовную консисторію причту и старостѣ благодарность за достойную всякихъ похвалъ добросовѣстность при переустройствѣ церкви и препроводить имъ копію съ заключенія Д. В. Милѣева.

XIII. Херсонской губ. г. Очаковъ. Соборъ 1788 г.

(Рис. 39).

Доложенъ отвѣтъ Духовнаго Управленія протопресвитера военнаго и морского духовенства отъ 23 октября 1907 г. на запросъ Имп. Археологич. Коммиссіи по поводу переустройства собора, что онъ отремонтированъ въ 1905 г. съ вѣдома о. протопресвитера распоряженіемъ Главнаго Инженернаго Управленія. Изъ донесеній настоятеля собора и начальника инженеровъ Очаковской

Рис. 39. Очаковскій военный соборъ до перестройки.

ѣпости видно, что церковь пришла въ такой неблагообразный видъ, что ала непригодною; деревянныя связи сгнили и стѣны треснули. Церковь пере-роена изъ мечети, къ которой пристроены были алтарь и притворъ, а мина-тъ обращенъ въ колокольню, которую по ветхости также нельзя было оста-ять. Въ 1906 г. построена новая колокольня на мѣстѣ притвора, разобранъ инаретъ, надстроена вся кладка кирпичемъ на аршинъ, а надъ срединой болѣе жени, пробиты новыя окна, задѣланы старыя, устроены 2 кирпичныя арки вмѣсто ывшихъ колоннъ съ балками, возведенъ новый куполъ на желѣзныхъ фермахъ ѣсто деревяннаго сруба, обшитаго досками подъ краску, замѣнены деревянные лы, устроены три главы, замѣненъ старый иконостасъ новымъ, уничтожены артины извѣстнаго художника Судковскаго, пришедшія въ жалкій видъ, и пр.

Выражено сожалѣніе, что работы Судковскаго закрашены; онѣ могли быть нтересны и изображеніями, и ландшафтами. Появленіе этихъ картинъ объяс-ено тѣмъ, что отецъ художника былъ настоятелемъ данной церкви. По ука-нію Б. В. Фармаковскаго, хорошо знающаго г. Очаковъ, передѣланная цер-овь была тамъ единственнымъ памятникомъ старины, которому нельзя было тказать въ своеобразной оригинальности и даже изяществѣ.

Постановлено: обратиться къ св. Синоду и къ Военному Министру ъ просьбами не отказать въ извѣщеніи о. протопресвитера и Главнаго Инже-ернаго Управленія о томъ, что церкви военнаго вѣдомства не исключаются ъ подчиненія Высочайшему повелѣнію отъ 11 марта 1889 г.

Засѣданіе 5 декабря 1907 г.

I. Смоленская стѣна, 1595—1602 г.

Доложены: 1) Запросъ Археологической Коммиссіи Смоленскому губернатору отъ 18 сентября 1907 г. о томъ, когда и съ чьего разрѣшенія разобраны части стѣны между Молоховскими воротами и башней Донцомъ и между Никольскими воротами и башней Евстафьевской.

2) Отвѣтъ Комиссіи по охранѣ Смоленской стѣны отъ 9 октября 1907 г., что разборка указанныхъ частей стѣны производится согласно смѣтѣ г. Маевскаго, утвержденной Техническо-Строительн. Комитетомъ М. В. Д. 19 ноября 1889 г. Для окончанія въ текущемъ году работы по исправленію частей между Троицкимъ проломомъ и церковью св. Тихона Задонскаго, самыхъ видныхъ, потребовалось до 50,000 кирпича, для полученія котораго и разобраны указанные Археологическою Коммиссіею участки. Комиссія добавляетъ, что въ цѣляхъ сохраненія стѣны на возможно большемъ протяженіи ею возбуждено ходатайство о разрѣшеніи употреблять на всѣ работы новый кирпичъ.

3) Отношеніе той же Комиссіи отъ 20 ноября 1907 г. съ просьбою командировать на ея засѣданія своихъ членовъ и съ ходатайствомъ о разрѣшеніи передать городу и земству въ пользованіе всѣ башни стѣны, какія эти учрежденія нашли бы для себя необходимыми. При отношеніи препровожденъ журналъ постановленій Комиссіи отъ 28 сентября 1907 г., намѣчающихъ рядъ новыхъ мѣръ къ охраненію стѣны. (Дѣло 1888 г. № 18).

А. А. Спицынъ, указавъ на то, что истекла большая половина смѣтнаго времени, назначеннаго на приведеніе Смоленскихъ стѣнъ въ должное состояніе, въ дѣйствительности же ремонтныя работы охватили лишь сравнительно небольшую часть ихъ, настаивалъ на необходимости коренного пересмотра вопроса о дальнѣйшей охранѣ этихъ стѣнъ и ихъ ремонтѣ.

Постановлено: имѣть сужденіе о передачѣ башенъ городу и земству и о дальнѣйшемъ планѣ работъ по охранѣ и ремонту стѣны по полученіи отъ Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д. ожидаемаго запроса и акта осмотра стѣны, произведеннаго 25—27 сентября 1907 г., по порученію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Н. В. Султановымъ.

II. Церковь св. Тихона Задонскаго въ Воскресенской башнѣ Смоленской стѣны.

Отношеніе Комиссіи по охранѣ Смоленской стѣны отъ 24 октября 1907 г. съ препровожденіемъ поступившаго къ ней ходатайства о разрѣшеніи за-

ны сломанной по ветхости кухни съ сѣнями при квартирѣ священника юю, по представленному проекту. Помѣщеніе священника находится въ кнемъ этажѣ башни, а церковь во второмъ. (Дѣло 1888 г. № 18).

Присланные чертежи признаны недостаточными и неточными. Замѣчено, башня, будучи заштукатурена при устройствѣ церкви, совершенно потеа древній видъ и, вслѣдствіе отваливающейся штукатурки, имѣетъ очень опрятную внѣшность.

Постановлено: 1) просимую пристройку разрѣшить, но проектъ фаа ея, представленный для одобренія, признать неудовлетворительнымъ, 2) для едѣленія характера пристройки просить доставить фотографическій снимокъ пни и точные планы обоихъ этажей ея съ лѣстницами.

III. Г. Холмогоры. Спасо-Преображенскій соборъ, 1685 г.

(Рис. 40).

Доложены: 1) Устныя заявленія Д. В. Милѣева и В. А. Плотникова опасной трещинѣ, появившейся на южной стѣнѣ церкви.

2) Справка. Окна церкви увеличены въ 1759 г., когда были передѣланы нѣкоторыя колонны въ иконостасѣ. Въ концѣ XVIII в. разобрана древняя ерть и замѣнена меньшею; тогда же, по перенесеніи каѳедры въ Архангельскъ, ыша была перекрыта тесомъ вгладь, при чемъ тесомъ же были задѣланы всѣ ухи между закомарами. Въ 1821 г. перекрытъ плоско алтарь, покрытый до

Рис. 40. Г. Холмогоры. Преображенскій соборъ 1685 г.

того тремя «кубами». Въ послѣдній разъ соборъ былъ капитально ремонтированъ на средства св. Синода въ 1883—1884 гг. Трещина образовалась въ 1899 г. и двигается сверху внизъ. (Н. А. Шабунинъ, о передѣлкахъ въ Холмогорскомъ соборѣ. *Зодчій* 1906 г., № 10). (Дѣло 1907 г. № 155).

А. Н. Померанцевъ сообщилъ, что онъ видѣлъ трещину въ соборѣ лѣтъ 6 тому назадъ, и тогда она не имѣла угрожающаго характера. По его мнѣнію, причина появленія трещины заключается въ порчѣ фундамента, слабѣющаго вслѣдствіе того, что къ церкви идетъ легкій наклонъ мѣстности, по которому вода скатывается къ храму и задерживается здѣсь; весьма многіе храмы нашего времени страдаютъ отъ неимѣнія откосовъ для ската стекающей къ нимъ воды: откосы должны быть не меньше сажени шириною и поларшина глубиною.

Постановлено: обратить вниманіе причта на необходимость опредѣлить дѣйствительныя причины образованія трещины и затѣмъ подвергнуть церковь должному ремонту.

IV. Архангельской губ. Онежскаго у. с. Подпорожье. Деревянная Троице-Богоявленская церковь 1725 г.

(Рис. 41).

Доложены: 1) Отношенія Архангельской дух. консисторіи отъ 13 января и 30 ноября 1907 г. съ препровожденіемъ ходатайства прихожанъ разрѣшить разобрать церковь, какъ ветхую и малопомѣстительную. «Ремонтировать церковь для нихъ обременительно и безцѣльно». При изслѣдованіи, произведенномъ мѣстнымъ благочиннымъ, причтомъ и прихожанами, оказалось, что вслѣдствіе непрочности фундамента стѣны церкви, сложенныя изъ толстыхъ бревенъ, неравномѣрно осѣли, и болѣе всѣхъ нижняя (южная ?) стѣна, значительную осадку которой крестьяне приписываютъ

Рис. 41. С. Подпорожье. Церковь 1725 г.

обвалу берега. Фундаментъ церкви непроченъ, потому что церковь основана на камняхъ, положенныхъ только подъ углы стѣнъ; камни, очевидно, были положены прямо поверхъ земли, а теперь, подъ давленіемъ толстыхъ стѣнъ, неравномѣрно осѣли, и нижнія бревна, ушедшія въ землю, подгнили. Если производить ремонтъ церкви, то нужно укрѣпить надлежащимъ образомъ фундаментъ и поднимать стѣны, чтобы ихъ выровнять. Отъ южной стѣны церкви до берега р. Онѣги 9 саж.; берегъ высокій, глинистый, слабый. Для укрѣпленія верхняго слоя этого берега нѣсколько лѣтъ тому назадъ были вырыты внѣ церковной ограды три водосточныя канавы, одна вдоль церкви и двѣ поперечныя, для спуска воды въ рѣку. Что берегъ рѣки оплываетъ, обваливается, это дѣйствительно замѣтно: въ одномъ мѣстѣ видны были слѣды отвалившейся земли, очевидно въ нынѣшнюю весну; насколько убыло берега напр. въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, трудно опредѣлить, такъ какъ никто за этимъ не наблюдалъ. Въ распоряженіи епархіальнаго начальства нѣтъ средствъ не только на ремонтъ церкви, но даже на командированіе спеціалиста для осмотра ея и составленія смѣты на ея ремонтъ.

2) Заявленіе В. А. Плотникова, что линія берега рѣки еще далека отъ церкви, что берегъ въ общемъ крѣпокъ, такъ какъ хорошо сохраняются пробитыя въ немъ ступени; подъ берегомъ имѣется отмель, предохраняющая его отъ размыва, теченіе рѣки медленное. Высóта берега не менѣе 10 саж.

3) Отношеніе Имп. Археологической Коммиссіи отъ 25 апрѣля 1907 г. въ духовную консисторію о томъ, что она отнюдь не можетъ согласиться на разборку церкви, въ виду ея высокихъ художественныхъ достоинствъ.—Въ приходѣ имѣется другая деревянная церковь, еще болѣе цѣнная въ художественномъ и археологическомъ отношеніяхъ, уже давно извѣстная по описанію В. В. Суслова («Памятники древн. русск. зодч.» VI, 14; фотографическіе снимки его въ библіотекѣ Академіи Художествъ №№ 86, 89 и 90). (Дѣло 1907 г. № 18).

Г. И. Котовъ замѣтилъ, что иногда и крѣпкіе глинистые берега осѣдаютъ, вслѣдствіе работы подземныхъ ключей. Церковь признана важною и требующею охраны.

Постановлено: увѣдомить консисторію, что церковь, видимо, не угрожаетъ паденіемъ, а берегъ быстрымъ размывомъ, что было-бы весьма желательно изыскать какія-либо мѣстныя средства для ея ремонта и что во всякомъ случаѣ ни ремонтъ, ни разборка церкви не могутъ быть разрѣшены безъ предварительнаго техническаго осмотра ея.

Рис. 43. Г. Архангельскъ. Успенская церковь 1744 г.

отчасти тонкими прослойками, отчасти же въ общей однообразной массѣ, въ увеличивающемся количествѣ по мѣрѣ углубленія; съ глубины 3½ саж. глину смѣнилъ илъ, мѣстами значительной плотности, мѣстами довольно слабый, съ присутствіемъ большого количества песку. Буреніе доведено было до глубины 6 саж. Актомъ той же комиссіи отъ 1 авг. 1907 г. признано, что загниваніе верхушекъ свай фундамента объясняется неравномѣрнымъ стояніемъ грунтовыхъ водъ и что возможно движеніе верхнихъ глиняныхъ напластованій по наклону слоевъ, обнаруженному буреніемъ. «Управленію работъ по улучшенію порта приходится принимать постоянныя мѣры противъ сползанія откосовъ береговой полосы р. Сѣверной Двины и нѣсколько предотвращать это движеніе верхнихъ пластовъ грунта забойкою сплошныхъ рядовъ свай подъ откосомъ». Принятіе мѣръ противъ движенія пластовъ грунта комиссіею признается недостаточнымъ, укрѣпленіе фундамента—дорогимъ. «Въ общемъ итогѣ эти работы сложны, дороги и даже небезопасны и могутъ быть оправданы лишь обоснованнымъ законнымъ желаніемъ запечатлѣть и увѣковѣчить настоящее наклонное положеніе колокольни, какъ строительное чудо». Комиссія предлагаетъ разгрузить колокольню снятіемъ

двухъ верхнихъ ея ярусовъ, «если она не представляетъ изъ себя археологической и архитектурной цѣнности». (Дѣло 1907 г. № 144).

Церковь по своей красотѣ, стройности и по оригинальному смѣшенію русскихъ и голландскихъ архитектурныхъ формъ признана заслуживающею непремѣннаго сохраненія. А. Н. Померанцевъ, видѣвшій церковь, сообщилъ, что колокольня ея въ натурѣ не производитъ впечатлѣнія падающей. Не могъ быть рѣшенъ вопросъ, какимъ образомъ верхній этажъ наклонившейся колокольни занимаетъ правильное вертикальное положеніе; онъ могъ быть переложенъ, но могъ быть сложенъ въ такомъ видѣ и первоначально. Нѣкоторые изъ присутствующихъ спеціалистовъ находили возможнымъ достигнуть выпрямленія колокольни, хотя и признавали эту операцію весьма трудною.

Постановлено: потребовать дальнѣйшихъ техническихъ изслѣдованій фундамента и почвы и точные и подробные архитектурные чертежи церкви, съ изслѣдованіемъ, когда именно сложенъ былъ куполъ колокольни,—при самомъ сооруженіи ея, или же позднѣе.

Рис. 44. С.-Петербургъ. Иконостасъ Троицкаго собора.

VI. С.-Петербургъ. Троицкій соборъ на Петербургской сторонѣ.

(См. стр. 11. Рис. 44).

Доложенъ проектъ устройства второго престола въ предѣлахъ существующаго алтаря, исправленный согласно замѣчаніямъ засѣданія 3 октября 1907 г.

Въ виду незначительнаго искаженія формъ стараго иконостаса, проектъ признанъ удовлетворительнымъ, но обращено вниманіе на отсутствіе въ иконостасѣ при этомъ проектѣ южныхъ дверей. При двухъ царскихъ вратахъ собственно должны бы быть три діаконскія двери.

Постановлено: увѣдомить духовную консисторію, что со стороны Археологической Коммиссіи не имѣется препятствій къ исполненію проекта Н. Ф. Романченка.

VII. Калужской губ. Перемышльскаго у. с. Слободка-Морени́щъ. Деревянная церковь 1761 г.

(Рис. 45).

Доложены: 1) Замѣтка въ Московскихъ Вѣдом. 1907 г. № 149, въ которой сообщается, что церковь ветха, сыра, тѣсна и грозитъ паденіемъ. Иконы и вещи отъ сырости подвергаются скорому гніенію. Начатъ постройкой новый каменный храмъ.

2) Метрика церкви, доставленная по требованію Коммиссіи при отношеніи Калужской дух. консисторіи отъ 7 ноября 1907 г., съ 3 фотографическими снимками. Церковь построена колл. сов. Ал. Андр. Сергѣевымъ, не отапливается, длиною 27 арш., вышиною 7 арш., ничего древняго и замѣчательнаго во внутреннемъ убранствѣ не заключаетъ. (Дѣло 1907 г. № 113).

Рис. 45. Церковь с. Морени́щъ.

Объяснено, что неотапливаніе церкви не имѣетъ вліянія на ея сырость; такія церкви бываютъ вообще суше, особенно если онѣ своевременно весною провѣтриваются при сухой погодѣ. Вредно

отсутствіе постоянной топки зимою, такъ какъ на промерзшія стѣны въ изобиліи осаждаются испаренія изъ подогрѣтаго влажнаго воздуха.—Г. И. Котовъ отмѣтилъ, что по его наблюденіямъ вопросы о разборкѣ старыхъ запасныхъ церквей разрѣшаются на мѣстѣ весьма прихотливо, въ зависимости отъ случайно составившагося взгляда причта, старосты или преосвященныхъ, особенно же послѣднихъ; но онъ никогда не слыхалъ выраженія неудовольствія отъ прихожанъ, что церковь оставлена въ цѣлости. Запасная церковь никогда совершенно безполезною не бываетъ.

Постановлено: запросить причтъ, въ какомъ состояніи находится церковь и какое предполагается дать ей назначеніе по устройствѣ новаго каменнаго храма.

VIII. Владимірской губ. Гороховецкаго у. с. Верхній Ландехъ Деревянная Петропавловская церковь, 1780 г.

(Рис. 25 на стр. 31).

Доложены: 1) Отношеніе Владимірской дух. консисторіи отъ 2 ноября 1907 г. о томъ, что церковь переносится съ согласія прихожанъ Ландеха, что на кладбищѣ имѣется другая церковь, каменная, въ которой и совершается богослуженіе, и что въ д. Стариловѣ образуется новый приходъ, въ количествѣ 425 душъ, со штатнымъ причтомъ. Для новаго прихода церковь достаточна по своимъ размѣрамъ; д. Старилово находится въ 12 в. отъ Ландеха, въ мѣстности, имѣющей и старообрядческое населеніе.

2) Метрика церкви, составленная въ 1887 г., по которой длина храма 23 арш., ширина 10 арш., алтарь, повидимому, пятистѣнный, подъ крышей имѣются карнизики изъ досокъ, мѣстами вырѣзанные полукружками. Церковь холодная; въ паперти позднѣйшія плохого мастерства картины на полотнѣ, писанныя Сав. Петр. Лаптевымъ.

Постановлено: 1) разборку и переносъ церкви разрѣшить, съ условіемъ сохраненія всѣхъ старыхъ формъ церкви и ея украшеній, 2) если въ церкви будетъ устроено отопленіе, то просить принять мѣры къ безопасности въ пожарномъ отношеніи.

IX. Симбирской губ. Курмышскаго у. с. Знаменское. Деревянная церковь 1791 г.

(Рис. 46—48).

Доложено отношеніе Симбирской дух. консисторіи отъ 28 ноября 1907 г. съ препровожденіемъ ходатайства о разрѣшеніи перестройки храма и съ приложеніемъ трехъ фотографическихъ снимковъ.

Признано, что силуэтъ церкви хорошъ и что рѣзьба иконостасовъ имѣетъ положительныя достоинства. (Дѣло 1907 г. № 149).

Рис. 46. Церковь с. Знаменскаго, 1791 г.

Рис. 47. Иконостасъ церкви с. Знаменскаго.

Рис. 48. Иконостасъ церкви с. Знаменскаго

Постановлено: запросить, чѣмъ вызывается необходимость перестройки и въ чемъ она будетъ состоять.

X. Волынской губ. Овручскаго у. с. Шеломки. Деревянная колокольня.

(Рис. 49).

Доложено отношеніе Археологической Коммиссіи къ архіепископу Волынскому Антонію отъ 18 сентября 1907 г. съ просьбою не отказать принять мѣры противъ искаженія колокольни, которую, по свѣдѣніямъ Коммиссіи, предположено обшить тесомъ.

Замѣчено, что навѣсы очень хорошо защищаютъ стѣны зданія и что это весьма цѣлесообразный и красивый пріемъ.

Постановлено: запросить причтъ церкви, какого рода ремонтъ предполагается произвести въ колокольнѣ.

Рис. 49. Колокольня въ с. Шеломкахъ.

XI. Москва. Зданіе стараго университета.

(См. стр. 34).

Доложено отношеніе Правленія Университета о томъ, что проектъ К. М. Быковскаго на переустройство стараго зданія университета подвергается пересмотру, при чемъ имѣется въ виду сохранить въ неприкосновенности внѣшній видъ зданія, ограничивъ наружныя архитектурныя работы ремонтомъ и реставраціей зданія.

Постановлено: выразить благодарность за успокоительное сообщеніе.

Изъ архива Императорской Археологической Коммиссіи.

Въ помѣщаемыхъ ниже извлеченіяхъ изъ архивныхъ дѣлъ Императорской Археологической Коммиссіи сочтено излишнимъ издавать полностью офиціальную переписку по вопросамъ реставраціи; издается лишь изложеніе хода рѣшенія этихъ вопросовъ. Въ то же время въ этихъ извлеченіяхъ тщательно сохраняется весь отразившійся въ дѣлопроизводствѣ матеріалъ историко-археологическаго, техническаго и бытового значенія. Всѣ важнѣйшіе акты печатаются полностью и текстъ по возможности сопровождается рисунками и чертежами. Издаваемый матеріалъ не выходитъ изъ предѣловъ архивныхъ документовъ и лишь въ немногихъ случаяхъ дополняется новыми справками и рисунками. Порядокъ для описанія памятниковъ избранъ хронологическій; иконостасы располагаются въ порядкѣ времени сооруженія самихъ церквей.

I. Владимірская губернія.

1. Г. Переяславль. Преображенскій соборъ, 1152—1157 г.

Въ 1885 г. причтъ и староста церкви возбудили въ Имп. Московскомъ Археологическомъ Обществѣ ходатайство о разрѣшеніи замѣнить существовавшій ветхій иконостасъ новымъ. Такъ какъ это дѣло затянулось и въ продолженіе трехъ лѣтъ не могло быть закончено, то причтъ и староста обратились въ Археологическую Коммиссію (отношеніемъ отъ 25 іюня 1889 г.) съ просьбою о разсмотрѣніи ихъ ходатайства и о командированіи какого-либо лица для составленія проекта реставраціи всего собора и ея осуществленія; просители выражали, кромѣ того, желаніе, чтобы было произведено разслѣдованіе могилы князя Дмитрія Александровича, сына Александра Невскаго. Коммиссія сочла себя обязанною препроводить изложенное ходатайство въ Московское Археологическое Общество съ просьбою увѣдомить, не признаетъ ли оно возможнымъ принять на себя его удовлетвореніе. Отношеніемъ отъ 27 іюля 1889 г. Общество отвѣтило, что оно не находитъ возможнымъ дать никакого заключенія по этому дѣлу: 1) потому, что

оно не прямо направлено старостой въ Общество, 2) потому, что важность предполагаемыхъ перестроекъ не допускаетъ той поспѣшности, которая желательна Коммиссіи (послѣдняя просила телеграммой ускорить отвѣтъ), 3) потому, что переписка Общества съ тѣмъ же причтомъ касательно иконостаса явно доказываетъ, что причтъ не желаетъ и не можетъ понять того, что желательно и необходимо для настоящаго возстановленія древняго собора въ его настоящей древней красѣ. Отношеніемъ отъ 21 іюля того-же года причтъ и староста усиленно просили, чтобы дѣло реставраціи собора считалось на сторонѣ Археологической Коммиссіи, и получили отъ 5 августа увѣдомленіе, что Коммиссія согласна исполнить это желаніе, но что выборъ компетентнаго лица для веденія реставраціи предоставляется ихъ усмотрѣнію; Коммиссія просила прислать на заключеніе ея уже готовый проектъ реставраціи. Выборъ причта и старосты остановился на В. В. Cуcловѣ, производившемъ въ это время реставраціонныя работы въ Переяславлѣ и принявшемъ участіе въ ихъ дѣлѣ. Составленный г. Сусловымъ проектъ (подписанъ 2 мая 1890 г.) 31 января 1891 г. былъ разсмотрѣнъ и утвержденъ въ реставраціонномъ засѣданіи Археологической Коммиссіи, при чемъ было выражено желаніе, чтобы весь храмъ внутри, если бы для того нашлись средства, былъ расписанъ изображеніями святыхъ, согласно со стилемъ и характеромъ реставрируемаго памятника, и чтобы вскрыты и разсмотрѣны были три находящіяся въ соборѣ могилы. Докладъ В. В. Суслова помѣщается здѣсь почти полностью.

«Преображенскій соборъ построенъ въ 1152 г. сыномъ Владиміра Мономаха, великимъ княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ. Планъ зданія состоитъ изъ квадратнаго помѣщенія съ четырьмя крестообразными столбами и изъ трехъабсиднаго алтаря. Фасады раздѣляются лопатками и увѣнчиваются полукруглыми закомарами, по которымъ идетъ и самое покрытіе храма, возстановленное въ недавнее время. Въ центрѣ зданія возвышается барабанъ съ куполомъ. Луковицеобразная глава устроена, очевидно, не одновременно съ самымъ соборомъ, такъ какъ въ первоначальный періодъ нашего зодчества главы имѣли видъ плоскихъ куполовъ. Все строеніе сложено изъ бѣлаго камня и обработано простыми формами. Орнаментальныя украшенія, имѣющія романскій характеръ, находятся только въ карнизахъ алтаря и барабана. Съ западной стороны къ памятнику примыкаетъ одноэтажная пристройка—паперть. Происхожденіе ея, судя по стилю обработки, относится къ очень позднему времени. Внутреннія стѣны храма были украшены фресковою живописью, но въ данное время замѣтны лишь остатки ея, и то только въ средней западной части (подъ хорами). Здѣсь

сохраняются нѣкоторые сюжеты изъ страшнаго суда и отрывки орнаментальныхъ украшеній. Существуетъ также незначительный остатокъ живописи въ нижней части главной абсиды, представляющій собою рядъ бѣлыхъ завѣсъ. Вся же остальная живопись уничтожена вмѣстѣ съ штукатуркою, вслѣдствіе чего обнаружилась здѣсь каменная кладка стѣнъ. Въ алтарѣ и на западной стѣнѣ собора существуютъ полуистертыя надписи, процарапанныя остріемъ въ штукатуркѣ и въ камнѣ. Въ алтарѣ надъ горнимъ мѣстомъ значится: «Въ лѣ... 6950 (1442).. ..снованъ бѣ Переясла.... храм... при бл.г. вѣрномъ .ели. князи Васильи Васильевич... на память стго...... мца Апрѣля въ 5 день». На стѣнѣ за юго-западнымъ столбомъ находятся слова: «Гди помози рабу своему Василью Семен... во всякомъ мѣстѣ и во всякой бѣдѣ Вла...... помол....» Надъ западнымъ дѣленіемъ храма возвышаются хоры, на которыя ведетъ винтовая деревянная лѣстница. Въ сѣверо-западной части хоръ находится арка, имѣвшая значеніе наружной двери, но нынѣ задѣланная. Дверь эта даетъ ясное указаніе, что къ храму когда-то прикасалась особая пристройка, черезъ которую и проходили на хоры, а затѣмъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, пристройка была уничтожена и лѣстница сдѣлана сквозь сводъ въ самой церкви. Къ восточнымъ столбамъ собора примыкаетъ пятиярусный иконостасъ, расположенный во всю ширину церкви. Построеніе его слѣдуетъ отнести къ прошлому столѣтію, такъ какъ въ детальныхъ формахъ отразился полный упадокъ русскаго зодчества и преобладающій характеръ итальянскаго ренесанса. Колонки, карнизы и др. части иконостаса, размѣщенныя крайне неправильно, выражаютъ собою случайный наборъ и указываютъ, что весь иконостасъ перенесенъ изъ другой церкви. Въ настоящее время онъ уже значительно изветшалъ и грозитъ паденіемъ, что, конечно, можетъ повліять на прочность самого зданія. Кромѣ упомянутыхъ видоизмѣненій памятника выяснились еще слѣдующія передѣлки: а) среднее окно главной абсиды увеличено вмѣстѣ съ откосами, б) окна малыхъ абсидъ также расширены, в) по сѣверному фасаду всѣ верхніе пролеты заложены, г) по южному фасаду заложено правое окно и расширено среднее, д) въ юго-западной части хоръ уменьшены арки, причемъ съ одной стороны сдѣлана дверь, а съ другой окно. Кромѣ того на хорахъ устроенъ особый деревянный полъ, балюстрада и увеличено среднее окно. Своды, барабанъ и куполъ храма, повидимому, довольно прочны. Поврежденія существуютъ только въ наружныхъ стѣнахъ, гдѣ оказались незначительныя трещины, трухлявость нѣкоторыхъ облицовочныхъ камней, вывѣтренность кромокъ зданія, перепрѣлость цоколя и другія мелкія поврежденія.

Для полнаго возстановленія Переяславскаго Преображенскаго собора требуется произвести слѣдующія работы: 1) Снять наносный слой земли, осмотрѣть часть фундамента и сдѣлать заново облицовку цоколя. 2) Замѣнить трухлявые, сопрѣвшіе и вывѣтрившіеся камни новыми, а также выровнять всѣ кромки угловъ, произвести расшивку щелей и очистить всѣ наружныя стѣны отъ періодическихъ окрасокъ. 3) Возстановить въ прежнемъ видѣ всѣ окна, показанныя на планѣ подъ буквами *а, б, в, ж, к*. 4) Сдѣлать разслѣдованіе чердачнаго помѣщенія и, если существующее покрытіе подтвердится всѣми данными, желѣзо замѣнить черепицей, какъ обычнымъ строительнымъ матеріаломъ X—XIII ст. Тоже относительно алтарнаго и купольнаго прикрытій. 5) Осмотрѣть чердачное помѣщеніе главы и замѣнить луковицеобразную форму ея посводнымъ покрытіемъ съ небольшимъ заостреніемъ. 6) Сломать позднѣйшую пристройку съ западной стороны храма. 7) Плитный кирпичный полъ внутри зданія, относящійся по свойству матеріала къ XVI—XVII ст., замѣнить мозаичнымъ, хотя бы самаго простого рисунка. 8) Разобрать существующій нынѣ ветхій пятиярусный иконостасъ и замѣнить его невысокимъ каменнымъ или мраморнымъ иконостасомъ (въ видѣ древнѣйшихъ преградъ). 9) Возстановить уцѣлѣвшія фрески въ западной части храма (подъ хорами). 10) Снять точные рисунки съ остатковъ фресковыхъ украшеній въ средней абсидѣ и сдѣлать оттиски сохранившихся прорѣзныхъ надписей. 11) Оштукатурить всѣ внутреннія стѣны и своды, гдѣ совершенно не сохранилось фресковой живописи. 12) Расписать храмъ исключительно орнаментальною живописью, такъ какъ подражаніе древнимъ иконописнымъ изображеніямъ, за отсутствіемъ данныхъ и старинной школы письма, не можетъ дать желаемаго результата. Къ орнаментальному убранству приводитъ также и недостатокъ средствъ, располагаемыхъ на реставрацію собора жителями города Переяславля. 13) Выбрать на хорахъ позднѣйшія закладки въ аркахъ *и* и *з*. Лѣстницу же и заложенную дверь слѣдуетъ оставить въ существующемъ видѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы дѣлать особую пристройку къ сѣверо-западной части хоръ, для проекта которой не имѣется ни данныхъ, ни существенныхъ потребностей. 14) Въ соотвѣтствіе стилю памятника слѣдуетъ устроить подъ куполомъ особое паникадило, имѣющее характеръ греческаго хороса. Такое паникадило, видимо, существовало въ Преображенскомъ соборѣ, такъ какъ до настоящаго времени сохраняются надъ центромъ подпружныхъ арокъ металлическія кольца, съ которыхъ, очевидно, шли цѣпи, поддерживавшія круглое кольцо паникадила. 15) Произвести раскопки около собора и опредѣлить по фундаментамъ, въ какихъ мѣстахъ существовали пристройки къ храму.

Кромѣ указанныхъ работъ, по желанію прихожанъ предполагается устроить ограду вокругъ собора, особые кіоты для четырехъ старинныхъ иконъ, находящихся въ существующемъ иконостасѣ, и новыя каменныя гробницы надъ почивающими князьями въ храмѣ.

Въ виду того, что производство реставраціонныхъ работъ будетъ вестись по мѣрѣ изысканія средствъ, въ настоящемъ году проектируются только нѣкоторыя работы, а именно: техническое возстановленіе храма, убранство внутреннихъ стѣнъ и устройство иконостаса. Для этой цѣли мною сдѣланъ общій проектъ росписи храма, главнѣйшія детали и рисунки иконостаса. Эти проекты хотя нисколько не нарушаютъ сохранившихся научныхъ и художественныхъ сторонъ памятника, тѣмъ не менѣе я считаю долгомъ сдѣлать нѣкоторыя краткія поясненія къ представляемымъ чертежамъ.

Не задаваясь проектированіемъ иконописныхъ сюжетовъ по вышеуказаннымъ причинамъ, я ограничился почти исключительно орнаментальною живописью. Характеръ этого рода убранства былъ изученъ мною по сохранившимся фрескамъ тѣхъ памятниковъ, которые по времени и стилю построенія наиболѣе отвѣчаютъ Переяславскому Преображенскому собору. Къ такой группѣ мною отнесены: церковь Спасо-Нередицкая близъ Новгорода, ц. св. Георгія въ Старой Ладогѣ, Владимірскіе Дмитріевскій и Успенскій соборы, частью Кіевскій Софійскій соборъ и, наконецъ, проектируемый къ реставраціи Преображенскій соборъ, въ которомъ сохранились различные мотивы орнаментаціи. Кромѣ того, принималась во вниманіе стѣнопись предыдущихъ и послѣдующихъ эпохъ, какъ русскихъ, такъ и армяно-грузинскихъ и греко-византійскихъ памятниковъ. Въ руководство при размѣщеніи тѣхъ или другихъ украшеній храма были приняты слѣдующія соображенія:

1) Въ греческихъ и русскихъ церквахъ X—XII ст., гдѣ вершины куполовъ не украшались иконописнымъ сюжетомъ, тамъ въ большинствѣ случаевъ изображались различныя монограммы Іисуса Христа. Подобныя украшенія сохранились на сводахъ въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ, которыя и служили матеріаломъ въ составленію рисунка № 1 (монограммы, окруженной орнаментомъ). На основаніи того, что въ древнихъ русскихъ памятникахъ апостолы, располагаемые обыкновенно въ пятахъ купола, иногда дѣлались бюстами въ кругахъ, въ видѣ сплошного пояса (напр., въ Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ), и мною проектированъ орнаментальный поясъ съ кругами, въ которыхъ чередуются монограммы, кресты и орнаменты.

2) По отношенію убранства оконъ наблюдаются во всѣхъ древнѣйшихъ

памятникахъ слѣдующіе общіе пріемы: откосы почти всегда украшались сплошнымъ орнаментомъ, ограниченнымъ по ребрамъ рамками преимущественно темнокоричневаго цвѣта. Орнаменты часто раскрашивались несимметрично и въ каждомъ окнѣ дѣлались различныхъ мотивовъ. Подобное разнообразіе служитъ вообще характерною чертою въ убранствѣ русскихъ, греко-византійскихъ и армяно-грузинскихъ храмовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда церкви украшались обильнымъ количествомъ иконописныхъ сюжетовъ, орнаментальное украшеніе оконъ выражалось только въ откосахъ, такъ какъ стѣны до самыхъ оконъ наполнялись картинами. Въ другихъ же случаяхъ, когда стѣнная иконопись была въ меньшемъ изобиліи (напр., во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ), кругомъ оконъ, а также дверей, арокъ и впадинъ дѣлались расписные наличники въ видѣ сплошного орнамента, ограничивающагося рамками. При составленіи проекта убранства Переяславскаго Преображенскаго собора, за отсутствіемъ иконописи, конечно, желательно было бы воспользоваться всею полнотою и характерностью древней орнаментальной росписи. Въ виду этого мною проектировано одновременно убранство откосовъ и наличниковъ въ различныхъ мотивахъ.

3) Поясокъ надъ подпружными арками вызванъ обычнымъ пріемомъ украшенія этой части во многихъ древнѣйшихъ церквахъ. Паруса, заполняемые обыкновенно изображеніями четырехъ евангелистовъ, замѣнены въ прилагаемомъ проектѣ четырьмя серафимами. Хотя этотъ пріемъ довольно рѣдко встрѣчается въ византійскихъ церквахъ, но подобныя же изображенія находимъ въ парусныхъ сводахъ Кіево-Софійскаго собора, откуда и заимствованъ характеръ ихъ для составленія мною проекта. Заплечики подпружныхъ арокъ украшены по образцу остатковъ фресковаго орнамента на одномъ изъ заплечиковъ юго-западнаго столба Переяславскаго Преображенскаго собора. Подпружныя арки, убираемыя въ старинныхъ храмахъ изображеніями отдѣльныхъ святыхъ въ продолговатыхъ и круглыхъ рамкахъ, въ прилагаемомъ проектѣ обработаны простыми каемками. Между ними могутъ быть размѣщены различныя надписи, соотвѣтствующія извѣстнымъ изображеніямъ (напр., вмѣсто Благовѣщенія можно написать слово Благовѣстителя).

4) Въ центрахъ подпружныхъ арокъ проектированы различныя монограммы Христа, какъ это видимъ во многихъ древнихъ русскихъ, греческихъ и армяно-грузинскихъ церквахъ.

5) Украшеніе нижнихъ частей подпружныхъ арокъ въ видѣ большихъ крестовъ заимствовано съ подобнаго же фресковаго изображенія, открытаго на

восточныхъ столбахъ Владимірскаго Успенскаго собора (позади мѣстныхъ образовъ нынѣ существующаго иконостаса).

6) Убранство сѣверной, восточной и южной стѣнъ храма состоитъ изъ поясныхъ изображеній ангеловъ, крестовъ, наличниковъ оконъ и дверей и цѣлаго ряда завѣсъ. Изображенія ангеловъ на сѣверной и южной сторонахъ соотвѣтствуютъ по мѣстоположенію подобнымъ же изображеніямъ, находящимся въ Спасо-Нередицкой церкви близъ Новгорода. Съ западной же стороны будетъ представленъ ангелъ Великаго Совѣта, какъ это находимъ во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ. Обработка оконъ, дверей и простѣнковъ исполнена на основаніи различныхъ мотивовъ убранства древнѣйшихъ храмовъ. Что касается завѣсъ или полотенецъ, расположенныхъ по всему низу собора, то этотъ мотивъ сохранился между остатками древней фресковой росписи проектируемаго къ реставраціи храма.

7) На коробовыхъ сводахъ представлены рамки (съ трехлопастнымъ очертаніемъ), соединенныя въ центрѣ свода кругами. Этотъ пріемъ встрѣчается на таковыхъ же сводахъ Владимірскаго Успенскаго собора и въ остаткахъ древней росписи Переяславскаго собора. Въ полукуполѣ средней алтарной абсиды проектировано изображеніе «Уготованія престола» съ символами и монограммами; по сторонамъ надпись «Престолъ твой Боже во вѣкъ вѣка», а внизу въ кругахъ А и Ѡ. Ниже пять полукупола идутъ орнаментированные пояски, между которыми представленъ крестъ и надписи: «Пріидите ядите... Пійте отъ нея...» и «Да молчитъ всякая плоть.....» [1]). Въ южной и сѣверной абсидахъ, помимо различныхъ орнаментовъ, предполагаются надписи: «Нынѣ силы небесныя...» и «Се жертва тайная...» (стихъ на преждеосвященные дары). Кромѣ указанныхъ надписей, въ убранство войдутъ и другія, содержаніе и мѣстоположеніе которыхъ, до извѣстной степени, можетъ соотвѣтствовать иконописнымъ сюжетамъ. Гладкіе фона центральной части храма (съ подпружными арками) будутъ расписаны голубою краскою, а остальные—свѣтлозеленою. Такое распредѣленіе цвѣтовъ находится во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ.

8) При составленіи проекта иконостаса я руководствовался изслѣдованіемъ г. Филимонова «О первоначальныхъ формахъ иконостасовъ въ русскихъ церквахъ», различными отрывочными свѣдѣніями и личными наблюденіями по памятникамъ. Въ силу извѣстныхъ данныхъ, проектированный мною иконостасъ

[1]) Можно ограничиться первыми двумя надписями, отвѣчающими древнему изображенію Евхаристіи.

помѣщается въ границахъ восточной подпружной арки; общая конструкція его составлена на основаніи различныхъ указаній древнихъ и позднѣйшихъ писателей. Вопросъ состоялъ только въ томъ, дѣлать ли иконостасъ въ видѣ арочекъ, или прямой. По моимъ наблюденіямъ, слѣдовало остановиться на послѣднемъ. Извѣстный матеріалъ по этому вопросу указываетъ, что первый характеръ былъ распространенъ преимущественно въ грузинско-армянской архитектурѣ, а второй на западѣ. Что касается греческихъ и первоначальныхъ русскихъ иконостасовъ, то скорѣе надо предположить, что наиболѣе распространенное устройство ихъ состояло изъ невысокой глухой преграды съ колонками, поддерживающими прямой карнизъ. Это мы видимъ въ церкви св. Никодима въ Аѳинахъ, въ ц. св. Николая въ Ватопедѣ на Аѳонской горѣ, въ древней подземной церкви въ Тепекерманѣ и въ другихъ церквахъ. Кромѣ того, при изслѣдованіи фрагментовъ древнихъ иконостасовъ въ Херсонисѣ, мною не найдено ни одного куска съ арочнымъ очертаніемъ. Наконецъ, во всѣхъ древнѣйшихъ сохранившихся русскихъ иконостасахъ замѣтно, что прототипомъ ихъ были именно прямые иконостасы. При детальной разработкѣ моего проекта я руководствовался снимками съ херсонисскихъ, аѳонскихъ и другихъ древнихъ мраморныхъ украшеній. Въ аркахъ передъ сѣверною и южною абсидами проектированы сквозныя двери съ мраморными тумбами; продолженіе иконостаса въ этихъ мѣстахъ въ старину дѣлалось, вѣроятно, рѣдко, такъ какъ священнодѣйствіе совершалось главнымъ образомъ въ средней абсидѣ. Легко предположить, что и въ Переяславскомъ соборѣ малыя абсиды оставались болѣе или менѣе открытыми, тѣмъ болѣе, что въ южной абсидѣ находится гробница одного изъ переяславскихъ князей. Помимо этихъ соображеній въ ограниченіи иконостаса играетъ роль недостатокъ средствъ и желаніе мѣстныхъ жителей поставить на виду новый саркофагъ надъ прахомъ покоющагося въ алтарѣ князя Димитрія Александровича, сына св. Александра Невскаго.

Рис. 50.

Въ юго-западномъ помѣщеніи храма находятся гробницы князей Ѳеодора Ростиславовича и Іоанна Димитріевича (вну-

ка Александра Невскаго), послѣдняго самостоятельнаго переяславскаго князя. Всѣ три гробницы сдѣланы изъ кирпича и по своей архитектурѣ относятся къ XVII ст. (рис. 50). Жители г. Переяславля испрашиваютъ дозволенія замѣнить эти простыя надгробія массивными каменными гробницами.

Составленіе проекта внѣшнихъ видоизмѣненій храма, а равно проектированіе кіотовъ, паникадила и гробницъ отложено мною до будущаго времени, такъ какъ эти работы, по недостатку средствъ, въ настоящемъ году произведены быть не могутъ.

На отношеніе Переяславскаго соборнаго причта, посланное въ Импер. Археологическую Коммиссію съ разъясненіями вопросовъ о реставраціи Преображенскаго собора, считаю долгомъ дать слѣдующій отзывъ. Существующій нынѣ пятиярусный иконостасъ, по своему позднѣйшему происхожденію, не представляетъ научнаго интереса и, такъ какъ онъ при этомъ изветшалъ на столько, что грозитъ паденіемъ, то онъ долженъ быть немедлено разобранъ. Устройство новаго иконостаса, какого бы ни было стиля, не нарушитъ сохранившихся формъ памятника. Въ виду же того, что иконостасъ предполагается сдѣлать въ стилѣ соотвѣтственномъ построенію храма, вопросъ получаетъ вполнѣ благопріятное рѣшеніе. Что касается штукатурки внутреннихъ стѣнъ и новой росписи храма, то также долженъ сказать, что съ исполненіемъ этихъ работъ не утратится никакихъ научныхъ и художественныхъ сторонъ памятника, а, напротивъ, получится цѣльный общій характеръ зданія. Остальные пункты предположенныхъ причтомъ работъ имѣютъ отвѣтъ въ началѣ изложеннаго доклада. Проектированіе тѣхъ работъ, которыя не были оффиціально заявлены причтомъ и которыя упомянуты въ моемъ докладѣ, вызвано частными переговорами и тѣмъ заявленіемъ, что причтъ охотно приметъ всѣ предложенія Коммиссіи, касающіяся полнаго возстановленія собора. Вопросъ о разслѣдованіи могилы князя Димитрія Александровича (сына Александра Невскаго) и двухъ другихъ гробницъ, конечно, всецѣло подлежитъ просвѣщенному взгляду Коммиссіи».

Докладомъ отъ 5 марта 1892 г. В. В. Сусловъ возбудилъ вопросъ о необходимости разборки трехъ каменныхъ надгробій и о сохраненіи уцѣлѣвшихъ древнихъ фресокъ. Важнѣйшая часть этого доклада здѣсь приводится:

«Древнѣйшій полъ собора находился ниже современнаго на 10 вершк. Повышеніе произведено черезъ посредство сплошной насыпи песку съ глиной и вызвано, вѣроятно, постепеннымъ наслоеніемъ земли вокругъ храма. Три кирпичныя гробницы, находившіяся въ соборѣ надъ прахомъ князей Перея-

славскихъ, стояли такимъ образомъ безъ фундамента (прямо на глинѣ) и сдѣланы, очевидно, при устройствѣ позднѣйшихъ половъ, что подтверждается и самой архитектурой ихъ, относящейся къ XVII—XVIII ст. Одна изъ гробницъ, находившаяся въ южной абсидѣ, по причинѣ крайней ветхости ея, развалилась сама собою при реставрацiонныхъ работахъ и оказалась пустою внутри. Прахъ же похороненнаго князя (по преданiю, Димитрiя Александровича) находится, вѣроятно, ниже древняго пола. Два другiя кирпичныя надгробiя, расположенныя въ юго-западномъ углу храма, также поставлены на насыпи и, очевидно, пустыя. Въ виду того, что они позднѣйшiя, крайне ветхiя, пустыя внутри и мѣшаютъ техническому возстановленiю стѣнъ собора, къ коимъ они примкнуты, необходимо слѣдуетъ разобрать ихъ, тѣмъ болѣе, что уровень пола будетъ дѣлаться на первоначальной глубинѣ. Съ надгробiй этихъ мною сняты фотографiи, сдѣланы обмѣры и чертежи».

Къ докладу приложенъ актъ вскрытiя древняго престола (при чемъ были найдены антиминсы 1626 и 1403 г.), снятiя иконостаса и пола:

«Послѣ уборки всѣхъ этихъ предметовъ, находившихся въ храмѣ, были сдѣланы развѣдки древняго пола. При этомъ ясно обнаружилось: а) существующее донынѣ сѣдалище въ средней абсидѣ алтаря значительно повышено противъ его древней высоты; б) подъ существующимъ нынѣ поломъ (плитнымъ) обнаружился кирпичный полъ. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на глубинѣ 10 вершк., оказались плиты изъ бѣлаго камня и частью древнiй кирпичный полъ. Подъ верхними двумя полами до древняго кирпичнаго пола шелъ сплошной слой песку. При выемкѣ его около стѣнъ собора найдены признаки штукатурки и окраски. Въ виду дальнѣйшаго изслѣдованiя половъ по всему храму и необходимости въ просушкѣ основанiя стѣнъ, къ коимъ прилегалъ песокъ и позднѣйшiе полы, производителемъ работъ было найдено необходимымъ снять сплошь позднѣйшiе полы и всю насыпь внутри собора. Три надгробiя въ храмѣ, какъ было указано въ пояснительной запискѣ къ проекту реставрацiи, сдѣланы изъ кирпича и несомнѣнно принадлежатъ XVII вѣку. При выемкѣ песку изъ южной абсиды, около надгробiя надъ прахомъ, по преданiю, князя Димитрiя Александровича было усмотрѣно, что саркофагъ сложенъ изъ кирпича, при чемъ надъ уровнемъ древняго пола уложена глина, а затѣмъ шло кирпичное основанiе. 28 мая 1891 года, во время выемки песку изъ храма, въ отсутствiе производителя работъ академика В. В. Суслова, по указанiямъ старосты Преображенскаго собора г. Ножевникова, рабочихъ и другихъ лицъ, случайно находившихся въ храмѣ, упо-

мянутое надгробіе, по причинѣ крайней его ветхости, развалилось, причемъ внутреннее пространство надгробія оказалось пустымъ. Этимъ подтверждается, что надгробіе—позднѣйшаго происхожденія, и если въ этомъ мѣстѣ былъ похороненъ князь Димитрій Александровичъ, то прахъ его покоится, вѣроятно, подъ древнимъ поломъ. Въ виду того, что ходъ начатыхъ работъ требовалъ окончательной разборки упавшаго надгробія, на другой день было приступлено къ выборкѣ его и возстановленію его вида въ рисункахъ. При окончательной выемкѣ песку обнаружился по уровню древняго пола около сѣверной стѣны каменный гробъ съ человѣческими костями. При осмотрѣ костяковъ и мусора въ гробу никакихъ предметовъ не найдено, и можно предполагать, что гробница эта подвергалась разоренію».

По ходатайству Коммиссіи, Имп. Академія Художествъ сочла возможнымъ командировать съ своей стороны особое лицо для осмотра фресокъ и надгробій собора, избравъ для этой цѣли Г. И. Котова. Одновременно получено было разрѣшеніе св. Синода на разслѣдованіе гробницъ, съ условіемъ, чтобы вмѣсто разобранныхъ надгробій поставлены были новыя, согласныя съ видомъ древнихъ. Г. И. Котовъ въ докладѣ своемъ Академіи Художествъ отъ 7 мая 1892 г. излагалъ слѣдующее: «Фрески найдены мною въ состояніи, описанномъ академикомъ Сусловымъ въ его заявленіи Имп. Археологической Коммиссіи, а именно: краски живописи мало сохранились, частью же совершенно исчезли, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не сохранился и рисунокъ; кромѣ сего слой штукатурки, на которой находится живопись, мѣстами отсталъ отъ каменной кладки. Въ виду такого состоянія фресокъ, реставрація ихъ представляется почти невозможной и во всякомъ случаѣ лишитъ ихъ значенія подлиннаго историческаго памятника живописи, а потому я полагалъ-бы, сдѣлавъ предварительно точныя копіи съ фресокъ, попытаться снять расписанную древнюю штукатурку со стѣнъ, съ принятіемъ всевозможныхъ мѣръ предосторожностей противъ ея разрушенія, и передать на храненіе къ какой-нибудь музей русскихъ древностей. Въ музеѣ эти фрески будутъ болѣе доступны для осмотра чѣмъ въ настоящемъ ихъ помѣщеніи, скудно освѣщенномъ, въ которомъ онѣ скоро утратятся, какъ отъ сырости, такъ и отъ копоти, если бы даже и были приняты мѣры къ укрѣпленію ихъ на стѣнахъ.

Относительно предполагаемой сломки кирпичныхъ надгробій, очень простой формы и стоящихъ на 10 в. выше древняго пола, вѣроятно, сдѣланныхъ въ XVII ст., полагалъ бы, что точно снятые съ нихъ чертежи вознаградятъ

эту потерю. Мѣста же гробницъ, находящіяся ниже уровня древняго пола могутъ быть обозначены особыми плитами».

Вслѣдъ затѣмъ В. В. Сусловъ увѣдомилъ частнымъ письмомъ барона В. Г. Тизенгаузена о томъ, что фрески снимаются отдѣльными пластами и укладываются въ ящики, что далѣе должна слѣдовать заливка ихъ съ обратной стороны и отклеиваніе холста и что ихъ можно было-бы передать въ Историческій музей, который можетъ взять на себя и расходы по приведенію ихъ въ должный видъ. Баронъ Тизенгаузенъ согласился съ этимъ предположеніемъ, но полагалъ, что музей откажется отъ расходовъ, что дѣйствительно и случилось. Въ офиціальномъ отношеніи отъ 11 ноября 1892 г. В. В. Сусловъ сѣтуетъ о судьбѣ фресокъ, не приведенныхъ въ надлежащій видъ за отсутствіемъ средствъ. Изъ нѣсколькихъ десятковъ ящиковъ залито было алебастромъ лишь до десяти. Ящики помѣщены въ холодномъ сараѣ, принадлежащемъ старостѣ, и не обезпечены отъ дальнѣйшаго разрушенія. Сообщается пріемъ снимания фресокъ со стѣнъ:

«Мнѣ посчастливилось снять всѣ остатки живописи подъ хорами собора. Достигалось это такимъ путемъ. Всѣ фрески заклеивались холстомъ, затѣмъ разбивались на небольшія части и при помощи разныхъ инструментовъ отдѣлялись отъ стѣны вмѣстѣ съ штукатуркой. По мѣрѣ отдѣленія частей фресокъ приставлялись соотвѣтствующихъ размѣровъ ящики. Пласты фресокъ укладывались на дно ящиковъ стороною, оклеенною холстомъ. Далѣе въ видѣ опыта внѣшнія стороны ихъ заливались алебастромъ. Появлявшаяся на поверхности фресокъ сырость отъ алебастра уничтожала сцѣпленіе клея и, обернувши залитый кусокъ фрески другою стороною, можно было снимать и самый холстъ. Живопись при этомъ нисколько не страдала. Такимъ образомъ фрески появлялись въ другомъ ящикѣ на прочномъ основаніи и совершенно открытыми».

Археологическая Коммиссія обратилась съ ходатайствомъ о сохраненіи остатковъ стѣнописи къ Оберъ-Прокурору св. Синода, который, отношеніемъ отъ 8 января 1893 г., отвѣтилъ, что къ ассигнованію какой-либо суммы не представляется никакой возможности. 19 іюня 1893 г. В. В. Сусловъ отказался отъ наблюденій за окончательными работами по возстановленію собора (впрочемъ несущественными), что вызвало неудовольствіе причта и старосты и послужило поводомъ къ оживленной перепискѣ чрезъ Археологическую Коммиссію, сохраняющейся въ ея архивѣ, но не имѣющей значенія для самаго дѣла реставраціи храма. Въ августѣ 1894 г. произведенныя въ соборѣ реставраціонныя работы были осмотрѣны, по порученію Археологической Коммиссіи, Г. И. Кото-

вымъ, который призналъ ихъ законченными удовлетворительно. Коммиссія пыталась убѣдить причтъ и старосту приступить къ заливкѣ фресокъ, для чего и выслана была инструкція (рекомендовалось залить ихъ гипсомъ съ клеемъ или же слоемъ цемента съ пескомъ), но крайне неудачно; отказъ былъ полученъ въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ, несмотря на всю несложность дѣла и ничтожные расходы. 4 декабря 1894 г. въ Коммиссіи было получено частное письмо товарища предсѣдателя Историческаго музея И. Е. Забѣлина о томъ, что музей не могъ послать на мѣсто техника по отсутствію на то средствъ, что являлось сомнѣніе, возможно ли надѣяться, что фрески будутъ доставлены въ музей въ удовлетворительномъ видѣ, и что, по его мнѣнію, фрески вовсе не слѣдовало бы снимать съ ихъ вѣкового мѣста. Коммиссіи оставалось обратиться къ мысли передать фрески во Владимірское древлехранилище братства св. Александра Невскаго, причемъ на расходы было ассигновано 50 р. Отъ Владимірскаго архіепископа былъ полученъ сперва отказъ отъ предложенія Коммиссіи, такъ какъ причтъ и староста снова высказали свое нежеланіе что-либо исполнить для этого дѣла, а въ музеѣ не предполагалось мѣста, но затѣмъ затребована была инструкція для заливки фресокъ и командированъ для доставленія ихъ въ музей В. Т. Георгіевскій, который, однако, нашелъ, что фрески эти (вѣроятно возобновленныя въ XVII в.) сняты были рабочими безъ руководства, мелкими кусками, сложены крайне неискусно и оказались въ совершенно разрушенномъ видѣ, такъ что не могутъ имѣть ни малѣйшей цѣны. Археологическая Коммиссія, отношеніемъ отъ 21 марта 1895 г., признала фрески не заслуживающими дальнѣйшаго сохраненія. (Дѣло 1889 г. № 68).

Чертежей проекта реставраціи Преображенскаго собора нѣтъ ни въ архивѣ Археологической Коммиссіи, ни въ архивѣ собора.

---

2. Г. Владиміръ. Успенскій соборъ 1161 г., Покровская церковь 1162 г. и Успенскій дѣвичій монастырь 1202 г.

Академикъ Ѳ. Г. Солнцевъ въ 1859 г. по Высочайшему повелѣнію осматривалъ церкви г. Владиміра и представилъ Министру Императорскаго Двора предположенія о необходимости ремонта перечисленныхъ церквей, вмѣстѣ съ 22 рисунками найденныхъ имъ достопримѣчательностей. По карандашной помѣткѣ на поляхъ бумаги видно, что исчисляемые имъ расходы на ремонтъ выражались въ суммѣ до 80,000 руб. Императоръ Александръ II повелѣлъ поручить руководить этимъ дѣломъ графу С. Г. Строганову, предсѣдателю Императорской Археологической Коммиссіи, который командировалъ во Владиміръ для составленія смѣтъ

архитектора І. С. Каминскаго, академика Солнцева, дѣлопроизводителя Коммиссіи Линевича и художника академика Васильева. Этою коммиссіею расходы на исправленіе живописи въ Успенскомъ монастырѣ были исчислены въ 6590 руб., а смѣта на ремонтъ Успенскаго собора—въ 73,000 руб. Сумма эта была уже назначена, но членъ Строительной конторы Министерства Двора Красовскій нашелъ, что Успенскій соборъ не нуждается въ очень дорогомъ ремонтѣ и что смѣта имѣетъ недостатки. Для разсмотрѣнія вновь вопроса о ремонтѣ собора былъ назначенъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ гр. Строганова, который увѣдомилъ Министра Двора, что, осмотрѣвъ лично соборъ, онъ нашелъ, что храмъ можетъ быть безъ вреда оставленъ въ настоящемъ видѣ. 30 декабря 1861 г. предположеніе о перестройкѣ Успенскаго собора Высочайше повелѣно было отмѣнить. Десять лѣтъ спустя, отношеніемъ отъ 8 декабря 1871 г., Владимірскій архіепископъ Антоній увѣдомилъ гр. Строганова, что онъ озабоченъ ремонтомъ Успенскаго собора, совершенно необходимымъ, и просилъ графа выслать ему для ознакомленія проектъ Каминскаго. Проектъ былъ высланъ съ объясненіемъ, что самое предположеніе о перестройкѣ собора было Высочайше отмѣнено. (Дѣло 1860 г. № 9).

---

3. Г. Владиміръ. Золотыя Ворота, 1164 г.

Владимірская архивная комиссія отношеніемъ отъ 6 іюля 1899 г. изложила ходатайство о разрѣшеніи ей реставрировать Ворота и просьбу оказать ей въ этомъ дѣлѣ денежную помощь. Въ декабрѣ того же года Археологическая Коммиссія отвѣтила, что ей было бы желательно имѣть планъ и снимки Воротъ, а также предположенія комиссіи, въ чемъ, по ея мнѣнію, должна состоять ихъ реставрація. Архивная коммиссія образовала особое совѣщаніе изъ мѣстныхъ техниковъ для изслѣдованія фундамента и кладки воротъ и для составленія плана, но результаты этихъ работъ остались Археологической Коммиссіи неизвѣстными. Въ началѣ 1904 г. архивной комиссіи, по ея ходатайству и съ одобренія Археологической Коммиссіи, передана была сумма (въ количествѣ 2344 руб.), собранная въ 1876 г. по губерніи для позолоты главы на Воротахъ червоннымъ золотомъ. Инціатива этого сбора, давшаго первоначально 1044 руб., принадлежала члену мѣстнаго статистическаго комитета Н. В. Боровецкому. Собранная сумма, по недостаточности, не была израсходована и сохранялась въ банкѣ для приращенія процентами. Въ 1898 г. глава была позолочена сусальнымъ золотомъ на средства старосты находящейся на Воротахъ церкви, Вострухина,. и

иныхъ жертвователей. Владимірская архивная комисcія въ упомянутомъ ходатайствѣ изложила мнѣніе, что до позолоты главы ее необходимо реставрировать. Капиталъ былъ переданъ комиссіи съ тѣмъ, чтобы проценты съ него употреблялись на поддержаніе въ исправномъ видѣ Золотыхъ Воротъ; въ случаѣ капитальнаго ремонта Воротъ капиталъ можетъ быть употребленъ на эту цѣль. (Дѣло 1899 г. № 165).

4. Г. Владиміръ. Димитріевскій соборъ.

Въ 1903 г. при работахъ учениковъ Высшаго Художественнаго училища въ соборѣ замѣчено было, что желѣзный обручъ, охватывающій основаніе купольнаго барабана, лопнулъ. Археологическая Коммиссія просила Владимірскаго губернатора сдѣлать распоряженіе о техническомъ изслѣдованіи поврежденія, которое и было исполнено губернскимъ инженеромъ Карабутовымъ, заявившимъ, что, по его мнѣнію, обручъ не могъ служить скрѣпленіемъ барабана и что на барабанѣ не замѣтно никакихъ новыхъ трещинъ; изломъ обруча старый и, скорѣе всего, когда-нибудь произведенъ кровельщиками или плотниками при починкѣ крыши. Г. Карабутовъ сообщилъ, что ему въ продолженіе 30 лѣтъ приходилось неоднократно осматривать Дмитріевскій соборъ при случайныхъ работахъ въ немъ, и онъ всегда видѣлъ однѣ и тѣ же трещины и щели: на четырехъ главныхъ аркахъ подъ среднимъ барабаномъ и мѣстами на наружныхъ стѣнахъ по бѣлому камню. Щели эти не увеличиваются и не имѣютъ размѣровъ угрожающаго значенія. Для укрѣпленія храма г. Карабутовъ проектируетъ: стянуть желѣзными связями среднюю часть церкви съ наружными стѣнами, какъ это имъ же исполнено при реставраціи Владимірскаго Успенскаго собора, и наружный обручъ у средняго барабана замѣнить новымъ. Расходы эти исчислены въ 2000 руб. Археологической Коммиссіи осталось лишь высказать искреннее пожеланіе, чтобы мѣстные ревнители старины или духовное вѣдомство оказали посильную помощь въ дѣлѣ реставраціи собора по предложенному г. Карабутовымъ проекту. (Дѣло 1903 г. № 243).

5. Георгіевскій соборъ въ Юрьевѣ-Польскомъ (XIII в.). Часовня близъ г. Переяславля (XVI в.). Соборъ Спаса въ Псковскомъ Мирожскомъ монастырѣ, 1156 г.

Въ 1886 г. фотографъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества И. Ф. Барщевскій представилъ Министру Императорскаго Двора записку о необ-

ходимости поддержки отъ разрушенія трехъ памятниковъ русской старины: часовни близъ г. Переяславля-Залѣсскаго, Георгіевскаго собора въ г. Юрьевѣ-Польскомъ и собора Спаса въ Псковскомъ Мирожскомъ монастырѣ. Записка препровождена была графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ въ Имп. Археологическую Коммиссію съ предложеніемъ обратить вниманіе подлежащихъ властей на желательность принятія возможныхъ мѣръ къ сохраненію этихъ сооруженій. Коммиссія, отношеніемъ отъ 1 декабря 1886 г., направила это дѣло на заключеніе Н. В. Султанова, давшаго слѣдующій отзывъ:

«Георгіевскій соборъ является однимъ изъ самыхъ любопытныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ великолѣпныхъ образчиковъ нашего церковно-строительства. Лѣтописи даютъ о немъ такой отзывъ: «Князь Святославъ Всеволодовичъ соверши церковь въ Юрьевѣ св. великомученика Георгія и украси ю паче иныхъ церквей, бѣ бо изовну около всея церкви по каменю рѣзаны святые чудны вельми, иже есть и до сего дни» (П. С. Л. VII, 188). Затѣмъ нашъ покойный археологъ Н. А. Артлебенъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ владиміро-суздальскаго зодчества, говоритъ о немъ-же слѣдующее: «Въ немъ нельзя не признать работы русскихъ мастеровъ, которые перевели на камень мотивы русской рѣзьбы по дереву. Вообще узорочья нижняго этажа Юрьевскаго собора представляютъ первообразъ тѣхъ украшеній, которыя впослѣдствіи у насъ назывались травами». Этихъ двухъ отзывовъ вполнѣ достаточно, чтобы выяснить научное и художественное значеніе Георгіевскаго собора.

Что же касается до реставраціи, то она, по моему мнѣнію, должна быть произведена крайне осторожно и заключаться только въ уничтоженіи новыхъ пристроекъ и расчисткѣ древней обронной работы. Но куполъ и алтарь, несмотря на свое позднѣйшее происхожденіе, не должны быть тронуты: во 1-хъ, потому что при перестройкѣ ихъ легко могутъ пострадать части дѣйствительно древнія, во 2-хъ, потому что при настоящемъ, сравнительно скромномъ развитіи нашей художественной археологіи, вновь возведенныя части, хотя безъ сомнѣнія болѣе подходящія къ стилю собора, могутъ оказаться въ будущемъ неудовлетворительными въ научномъ отношеніи, и, наконецъ, въ 3-хъ, потому что подобная перестройка повлечетъ за собою весьма значительныя затраты, а между тѣмъ нисколько не увеличитъ археологическаго значенія памятника, которое обусловливается только ея древними частями. Вся задача заключается, въ данномъ случаѣ, въ томъ, чтобы невредимо и неизмѣнно сохранить то, что намъ досталось въ наслѣдіе отъ нашей старины. Затѣмъ, независимо отъ всего предыдущаго, желательно было бы собрать въ

соборѣ тѣ части его изваяній, которыя при сломкѣ верхняго яруса были перенесены на другія зданія.

Второй изъ разсматриваемыхъ памятниковъ—Спасскій соборъ—также весьма любопытенъ: это одинъ изъ весьма немногихъ представителей «крестоваго» типа нашихъ древнихъ церквей. Къ несчастью, онъ такъ обезображенъ позднѣйшими пристройками, что его первоначальная форма почти совсѣмъ исчезла. Реставрація его должна заключаться въ сломкѣ позднѣйшихъ угловыхъ пристроекъ съ западной стороны; но колокольница, хотя и болѣе поздняя, чѣмъ соборъ, ни въ какомъ случаѣ не должна быть тронута, такъ какъ она весьма любопытна по своей формѣ и, кромѣ того, примыкая къ собору узкой стороной, нисколько не скрываетъ его общей формы. Необходимо затѣмъ придать луковичной главѣ болѣе древній силуэтъ и расчистить внутри древнія фрески.

Рис.51. Переяславская часовня XVI в., въ реставрированномъ видѣ.

Наконецъ послѣдній памятникъ—Переяславская часовня (рис. 51)—находится, сравнительно съ предыдущими, въ самомъ печальномъ положеніи: вся въ трещинахъ, она въ весьма близкомъ будущемъ должна разрушиться, а между тѣмъ это одинъ изъ немногихъ образчиковъ нашего кирпичнаго зодчества XVI вѣка. Ея печальное состояніе обусловливается тѣмъ, что она никому не принадлежитъ, а потому для полнаго спасенія ея необходимо не только исправить, но и приписать куда-нибудь. Самымъ подходящимъ для этого мѣстомъ является Переяславскій женскій Ѳеодоровскій монастырь, находящійся въ 3—4 верстахъ отъ часовни. Игуменія монастыря согласна, сколько мнѣ извѣстно, принять ее въ свое завѣдываніе. Реставрація должна заключаться въ томъ, чтобы расшить кирпичемъ на цементѣ всѣ трещины и покрыть желѣзомъ шатеръ. Эти мѣры безусловно необходимы, ибо въ настоящее время разрушеніе происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что въ трещины забирается вода, которая, замерзая, увеличивается въ объемѣ и тѣмъ раздробляетъ

кладку. Въ заключеніе считаю долгомъ присовокупить, что реставрація часовни просто необходима: еще годъ, два—и она перестанетъ существовать». Расходы на ремонтъ и реставрацію исчислены приблизительно въ 15—20 тысячъ рублей.

По предложенію Археологической Коммиссіи, при Имп. Академіи Художествъ организована была особая коммиссія по составленію проектовъ реставраціи и изысканію на нее денежныхъ средствъ, въ которую вошли: отъ Академіи художествъ проф. Д. И. Гриммъ и конференцъ-секретарь П. Ѳ. Исѣевъ, отъ св. Синода проф. И. В. Помяловскій и отъ Археологической Коммиссіи В. В. Сусловъ. Въ первомъ засѣданіи, состоявшемся 18 мая 1887 г., коммиссія постановила:

«I. Георгіевскій соборъ. 1) Разобрать съ сѣверной стороны соприкасающуюся къ старой стѣнѣ собора позднѣйшую пристройку паперти, такъ какъ она обезображиваетъ древнюю украшенную орнаментами сѣверную сторону входа въ храмъ; 2) сломать позднѣйшую одноэтажную пристройку къ собору съ юго-западной стороны, ибо послѣдняя закрываетъ все богатство отдѣлки южной стороны древней западной пристройки храма; 3) разобрать позднѣйшую колокольню съ западной стороны собора и, если потребуется, поставить ее вдали отъ церкви, такъ какъ въ настоящее время она, соприкасаясь къ древней западной пристройкѣ храма, совершенно закрываетъ ея наружныя украшенія и кромѣ того, по отзывамъ мѣстныхъ жителей, колокольня не представляетъ большихъ надеждъ на долговѣчность и, слѣдовательно, при паденіи можетъ повредить и разрушить зданіе церкви; 4) по отнятіи всѣхъ новыхъ пристроекъ къ собору, тщательнѣйшимъ образомъ очистить всѣ наружныя украшенія храма отъ слоевъ окрасокъ и штукатурки; 5) собрать части изваяній, которыя при перекладкѣ верхней части церкви были разбросаны и перенесены на другія зданія, если же это окажется затруднительнымъ, то сдѣлать съ нихъ гипсовыя формы; 6) разслѣдовать, не находится ли на внутреннихъ стѣнахъ церкви древней фресковой живописи или мозаикъ; 7) алтарь, верхнюю часть собора и главу оставить въ томъ видѣ, какъ существуютъ; 8) реставрація обронныхъ работъ (наружной рѣзьбы по камню) должна быть произведена по реставраціоннымъ рисункамъ, разсмотрѣннымъ и одобреннымъ коммиссіею; 9) по снятіи всѣхъ недавнихъ пристроекъ къ древнимъ стѣнамъ храма и расчисткѣ его отъ окрасокъ, снять детальныя фотографіи и сдѣлать въ подробныхъ рисункахъ реставрацію всего собора, причемъ уполномоченному для этого дѣла художнику доставить возможность разслѣдовать остатки Холмской церкви въ Галиціи, ибо она, судя по лѣтописямъ, весьма сходна съ

Юрьевскимъ соборомъ; 10) изданіе рисунковъ собора признается крайне важнымъ и полезнымъ, въ возможно подробномъ видѣ, ибо памятникъ этотъ имѣетъ громадный художественный интересъ; 11) отформовать нѣкоторыя изваянія собора для музея Академіи Художествъ.

II. По Спасскому собору Мирожскаго монастыря: 1) придать луковицеобразной главѣ собора болѣе древнюю форму; 2) снять позднѣйшія угловыя надстройки съ западной стороны храма, такъ какъ при производствѣ этихъ работъ подтвердятся научныя предположенія о существованіи въ Псковѣ особаго типа крестообразныхъ церквей и вмѣстѣ съ тѣмъ представится болѣе ясное понятіе о таковомъ типѣ нашихъ древнихъ церковныхъ построекъ; 3) проектъ реставраціи собора долженъ быть представленъ предварительно въ рисункахъ и подвергнуться обсужденію коммиссіи; 4) звонницу оставить до особаго обсужденія коммиссіи на томъ же мѣстѣ и въ такомъ же видѣ, какъ существуетъ; 5) расчистить на внутреннихъ стѣнахъ собора сохранившіяся старинныя фрески и, прежде чѣмъ приступить къ возобновленію ихъ, донести коммиссіи о состояніи ихъ, послѣ чего обсудить способы реставраціи ихъ.

III. По часовнѣ близъ Переяславля-Залѣсскаго: 1) въ виду ея крайней ветхости или могущаго тянуться до будущаго года дѣла реставраціи, необходимо наступающимъ же лѣтомъ сдѣлать надъ нею легкій деревянный шатеръ въ видѣ глухого футляра; 2) если по осмотрѣ часовни въ натурѣ окажется возможнымъ не разбирать ея, чтобы снова складывать, то стянуть корпусъ строенія существующими въ немъ связями, возобновить двойныя арочки съ подвѣсками, расшить кирпичами на цементѣ всѣ трещины и произвести другія мелкія поправки, оставляя часовню въ возможно древнемъ видѣ; 3) предложить Переяславскому Ѳеодоровскому женскому монастырю принять часовню подъ свое вѣдѣніе и просить возможнаго содѣйствія къ сохраненію ея».

«Имѣя въ виду предшествующій трудъ академика Суслова именно по изученію памятниковъ древняго русскаго зодчества», комиссія предложила произвести осмотръ памятниковъ и составленіе смѣтъ ремонта члену своему В. В. Суслову, представителю отъ Имп. Археологической Коммиссіи. Нужныя на поѣздку средства, въ количествѣ 1000 р., ассигнованы были совмѣстно Академіей и Коммиссіей. Въ засѣданіи Коммиссіи 18 апрѣля 1888 г. В. В. Сусловымъ были представлены проекты реставрацій, съ 20 чертежами и 34 фотографическими снимками. Объяснительная записка В. В. Суслова здѣсь пока не помѣщается, такъ какъ не имѣетъ значенія безъ чертежей, а ихъ въ архивѣ Археологической Коммиссіи не имѣется. Смѣта была исчислена въ слѣдующихъ сум-

махъ: на ремонтъ часовни близъ Никитскаго монастыря въ г. Переяславлѣ-Залѣсскомъ, признанный неотложнымъ, 5095 р., на ремонтъ часовни близъ Ѳеодоровскаго монастыря—8563 р., Мирожскаго собора—16,888 р., Георгіевскаго собора—9870 р., всего 40,418 р. Кромѣ того, предполагалось изыскать средства на изданіе рельефовъ Юрьевскаго собора и на постройку новаго придѣла въ немъ же—14706 р. По предложенію Археологической Коммиссіи, Имп. Академія Художествъ ходатайствовала чрезъ своего Августѣйшаго Президента предъ Государемъ Императоромъ о назначеніи на расходы по реставраціи 35,418 р., съ разсрочкою на 3 — 4 года. По всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ Императоръ Александръ III въ январѣ 1889 г. соизволилъ повелѣть отпустить въ число этой суммы на 1889 г. 10,000 р. По предложенію Археологической Коммиссіи, производство реставраціи возложено было на В. В. Суслова, а для руководства научною стороною дѣла составлена при Имп. Академіи Художествъ особая комиссія, въ составъ которой вошли отъ Археологической Коммиссіи графъ И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ, а отъ св. Синода И. В. Помяловскій. Археологическая Коммиссія затребовала также, для передачи въ Академію Художествъ, сумму въ количествѣ 5000 р., пожертвованную при содѣйствіи В. В. Суслова на реставрацію Мирожскаго собора іеромонахомъ Іоанномъ, но получила отвѣтъ, что сумма эта будетъ передана на мѣстѣ при производствѣ работъ. 7 іюня 1889 г. въ Коммиссіи получено отъ В. В. Суслова сообщеніе, что часовня Никитскаго монастыря разрушилась 21 мая; шатеръ ея упалъ по направленію наибольшей угловой трещины; стѣны отпали на шесть сторонъ. Настоятель Никитскаго монастыря сообщилъ о паденіи часовни Московскому Археологическому Обществу, сѣтуя, что обѣщаніе, данное ему на возстановленіе часовни отъ имени Археологической Коммиссіи В. В. Сусловымъ въ 1888 г., не было приведено въ исполненіе. Общество объ этомъ обращеніи не замедлило увѣдомить Коммиссію. На возстановленіе часовни при Ѳеодоровскомъ монастырѣ, на предварительныя работы по реставраціи Мирожскаго собора и иные расходы было употреблено въ 1889 г. 7361 р. Новыхъ суммъ на производство реставраціи изъ Государственнаго Казначейства отпущено не было. В. В. Сусловъ успѣлъ лишь поставить внутри собора лѣса, убрать иконостасъ, вынуть полы и отбить штукатурку какъ внутренней, такъ и наружной стороны. Чрезъ два года епархіальное начальство возбуждаетъ предъ Имп. Академіей Художествъ ходатайство о продолженіи работъ и получаетъ отвѣтъ, что цѣль состоящей при Академіи коммиссіи имѣетъ лишь научный характеръ и денежной стороны

дѣла она не вѣдаетъ; чтобъ совершенно устранить отъ себя матеріальное вмѣшательство въ дѣло реставраціи, Академія переслала преосвященному псковскому Гермогену остатки изъ имѣвшихся въ ея распоряженіи суммъ, въ количествѣ 1000 р. На эту сумму съ прибавленіемъ имѣвшихся уже 5000 р. и былъ въ 1892 г. произведенъ необходимѣйшій ремонтъ собора особою коммиссіею изъ священниковъ о. Павла Кустова, о. Петра Цвѣткова, о. Александра Королева и настоятеля іеромонаха Порфирія, по смѣтѣ и подъ наблюденіемъ архитектора Ф. П. Неструха; поправлена была крыша, задѣланы трещины и произведена штукатурка. Внутренній ремонтъ отложенъ, по неимѣнію чертежей храма. Археологическая Коммиссія отношеніемъ отъ 12 мая 1893 г. на имя преосвященнаго Гермогена просила о допущеніи В. В. Суслова къ снятію фресокъ собора, которыя предполагалось издать, и увѣдомляла, что если будетъ принято рѣшеніе продолжать реставрацію, то Коммиссія проситъ доставить ей проектъ ея на утвержденіе. Фрески рекомендовалось сохранить въ прежнемъ видѣ, закрывъ низы храма деревянными щитами. Такъ какъ лѣса собирались снять для приведенія храма въ удобный для богослуженія видъ, то Археологическая Коммиссія командировала для осмотра фресокъ проф. Н. В. Покровскаго, а для снятія калекъ съ изображеній—Ѳомина, который долженъ былъ исполнить работы подъ руководствомъ В. В. Суслова. По заявленію послѣдняго, работы Ѳомина исполнены не худо, но все же для повѣрки калекъ приглашенъ былъ еще художникъ А. П. Блазновъ. Калькированіе протянулось до половины октября 1893 г.; Коммиссіею на это дѣло израсходовано 745 р. Въ итогѣ работы признаны В. В. Сусловымъ произведенными весьма точно.

О положеніи Мирожскаго собора В. В. Сусловъ въ докладѣ отъ 26 октября 1893 г. заявилъ слѣдующее: «Въ то время, когда внѣшняя штукатурка храма была отбита мною для изысканія древнихъ формъ его, въ стѣнахъ обнаружилось множество разныхъ поврежденій и трещинъ. Когда же ближайшее распоряженіе работами и суммами было передано мѣстному духовному начальству, внѣшнія стѣны были снова заштукатурены. Были-ли при этомъ сдѣланы существенныя техническія исправленія стѣнъ, изъ дѣла мѣстной консисторіи не видно [1]). Переходя къ другимъ болѣе важнымъ поврежденіямъ храма, я долженъ засвидѣтельствовать слѣдующее. Облицовка западныхъ пилоновъ на уровнѣ древняго пола обветшала на столько, что устойчивость ихъ

[1]) Изъ наиболѣе опасныхъ поврежденій памятника была значительная трещина въ главной апсидѣ; она видимо не исправлена существеннымъ образомъ, такъ какъ требовала сквозной проборки стѣны, чего извнутри храма не замѣтно.

является довольно опасною. Поправка ихъ безъ бдительнаго присмотра техника можетъ повлечь за собою полное разрушеніе храма. Подъ шелыги главныхъ сводовъ неизвѣстно когда подведены деревянные брусья, что указываетъ на ихъ существенное нарушеніе. Остальные своды, а также нѣкоторыя изъ арокъ имѣютъ различныя трещины. Внутренняя облицовка стѣнъ на уровнѣ древняго пола перепрѣла. Затѣмъ, прибавляя къ этому отпучины и другія трещины самыхъ стѣнъ и поврежденія, образовавшіяся вслѣдствіе позднѣйшихъ расширеній оконъ, повышеній арокъ, измѣненія перемычекъ и проч., положительно приходится бояться за сколько-нибудь продолжительную устойчивость храма. Первые шаги мѣстнаго распоряженія работами еще болѣе усилили это опасеніе. Не говоря о томъ, были-ли существенно исправлены стѣны при внѣшней оштукатуркѣ храма, нельзя не осудить фактъ безобразнаго расширенія окна въ сѣверной апсидѣ. Въ отношеніи фресковой живописи я считаю долгомъ указать на то, что штукатурка съ фресками во многихъ мѣстахъ отстала отъ стѣнъ и перетрескалась. По низу же храма штукатурка перепрѣла и годъ отъ году осыпается. Вообще состояніе фресокъ также въ печальномъ видѣ, и безъ надлежащихъ предупредительныхъ мѣръ къ ихъ сохраненію мы потеряемъ весьма цѣнные иконографическіе документы [1]). Давать какія-либо предположенія о сохраненіи этого интереснѣйшаго памятника русской старины мнѣ становится теперь уже неудобнымъ, такъ какъ всѣ мои заботы о немъ оставались тщетны. Поэтому я считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Коммиссіи лишь о фактическомъ положеніи Мирожскаго храма въ настоящее время».

Археологическая Коммиссія, пользуясь тѣмъ, что кальки съ фресокъ Мирожскаго собора были представлены для осмотра Государя Императора на обычной ежегодной выставкѣ, устраиваемой въ ея помѣщеніи, отношеніемъ отъ 11 апрѣля 1894 г. возбудила вопросъ въ Имп. Академіи Художествъ о необходимости кончить реставрацію храма. Академія отправила во Псковъ для осмотра собора коммиссію изъ академиковъ: Г. И. Котова, М. Т. Преображенскаго и В. В. Суслова, которая 4 ноября 1895 г. составила слѣдующій актъ осмотра:

---

[1]) „При постановкѣ лѣсовъ въ храмѣ самыя нижнія части стѣнъ были защищены мною досками и мусоръ около нихъ не отгребался, такъ какъ въ основаніи стѣнъ штукатурка отваливалась, между тѣмъ на ней замѣчались признаки фресковой раскраски. Этими остатками я имѣлъ въ виду руководиться при реставраціи храма. Въ настоящее время многое уже утратилось, такъ какъ мое участіе въ судьбѣ собора исключилось съ 1889 года, интереса же къ этому другихъ лицъ не послѣдовало. Вообще соборъ за послѣдніе четыре года, оставаясь безъ всякаго присмотра и радѣнія къ его охраненію, обветшалъ еще болѣе, чѣмъ я нашелъ его въ 1888—1889 г."

«1) При обнаруженіи фундамента стѣнъ сѣвернаго фасада, около задѣланной двери, глубина его заложенія отъ поверхности земли опредѣлилась въ 2 арш. 8 вершковъ. Фундаментъ основанъ на скалистомъ берегу рѣки Великой, слои котораго обнаруживаются съ восточной стороны церкви; фундаментъ сложенъ изъ известковой бутовой плиты, на растворѣ съ примѣсью толченаго кирпича. Отъ продолжительнаго дѣйствія почвенной сырости и мороза, масса фундамента настолько потеряла свою прочность, что въ настоящее время разрушается отъ ударовъ обыкновенной желѣзной лопаты.

2) При обнаруженіи фундамента подъ сѣверо-западнымъ пилономъ оказалось, что онъ устроенъ столбомъ и основанъ на томъ же скалистомъ материкѣ. Кладка фундамента упомянутаго пилона и ея состояніе—вполнѣ тожественны съ ранѣе описаннымъ фундаментомъ сѣверной стѣны, причемъ, въ основаніи пилона, снаружи ряды его выкрошились.

3) При осмотрѣ фасадовъ, оштукатуренныхъ въ 1892 г., трещинъ на штукатуркѣ не замѣчено. Въ углахъ лопатокъ сѣвернаго и южнаго фасадовъ (обозначенныхъ буквою *а* на планѣ), на высотѣ, приблизительно соотвѣтствующей пятамъ внутреннихъ арокъ, опирающихся на наружныя стѣны, однако же обращаетъ на себя вниманіе незначительная отпученность штукатурки.

4) При осмотрѣ внутренности собора, какъ на стѣнахъ, такъ и на сводахъ и аркахъ, оказались многочисленныя трещины въ штукатуркѣ. Ширина этихъ трещинъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до $^1/_2$ в., причемъ трещины въ штукатуркѣ, повидимому, существуютъ уже давно и соотвѣтствуютъ трещинамъ въ кладкѣ; обнаружить кладку въ этихъ мѣстахъ было невозможно, по причинѣ сохраняющейся около трещинъ древней живописи. Въ шелыгахъ коробовыхъ сводовъ, смежныхъ съ главными подпружными арками, трещины закрыты досками, а потому опредѣлить состояніе ихъ было также трудно. Болѣе замѣтныя трещины нанесены на прилагаемыхъ при семъ чертежахъ (планъ, продольный и поперечный разрѣзы). Особое вниманіе обращаютъ на себя трещины надъ малыми арками въ западной части храма: надъ всѣми четырьмя арками онѣ идутъ въ одномъ направленіи, спускаясь приблизительно отъ пятъ главныхъ подпружныхъ арокъ наклонно внизъ, къ наружнымъ стѣнамъ. Малыя арки были переложены съ цѣлью увеличить высоту ихъ пролетовъ, вслѣдствіе поднятія уровня пола; при этой передѣлкѣ могли и появиться упоминаемыя трещины. Довольно однообразно располагаются и трещины надъ главными подпружными арками (южной и восточной):

эти трещины идутъ такъ же, какъ надъ сѣверной и западной арками, показанными на разрѣзахъ.

5) Во многихъ мѣстахъ, и преимущественно на сводахъ, при выстукиваніи по штукатуркѣ, звукъ указывалъ на то, что она отдѣлилась отъ стѣнъ.

На основаніи вышеизложенныхъ результатовъ осмотра, капитальный ремонтъ зданія представляется неизбѣжнымъ и касается главнымъ образомъ фундамента. При производствѣ ремонта слѣдуетъ также обратить особое вниманіе на подпружныя и другія арки, состояніе которыхъ, въ виду ихъ конструктивнаго значенія, внушаетъ нѣкоторое опасеніе; большею частію арки покрыты живописью и вполнѣ изслѣдовать ихъ, въ настоящее время, безъ особаго на то разрѣшенія, не представляется возможнымъ».

Коммиссія по реставраціямъ при Академіи художествъ 7 декабря 1895 г. постановила: «Для сохраненія собора коммиссія полагаетъ наиболѣе важнымъ укрѣпить фундаментъ и обезопасить его отъ дѣйствія воды, достигающей при разливѣ рѣкъ фундамента. Въ связи съ этимъ долженъ быть рѣшенъ вопросъ объ уровнѣ пола. Предпочтительно ограничиться реставраціей храма внутри, а снаружи оставить храмъ въ настоящемъ видѣ, измѣнивъ лишь нѣкоторые оконные пролеты. Штукатурку по возможности укрѣпить и трещины задѣлать тѣми способами, какіе выяснятся при производствѣ работъ. Деревянные хоры, нынѣ разобранные, бывшіе въ срединѣ западной части храма и перерѣзавшіе стѣнопись, не возобновлять. Новѣйшую деревянную крышу надъ звонницей замѣнить двумя фронтонами, согласно первоначальнымъ формамъ. Коммиссія полагаетъ просить г.г. архитекторовъ, принимающихъ участіе въ ея трудахъ, выяснить осуществленіе намѣченныхъ выше работъ и составить приблизительный расчетъ ихъ стоимости».

Академія Художествъ черезъ годъ, отношеніемъ отъ 25 ноября 1896 г., сообщила, что по ея заключенію стоимость предположенныхъ строительныхъ работъ въ соборѣ исчисляется въ 10,326 р., а весь ремонтъ обойдется не менѣе 40,000 р. Дальнѣйшее веденіе дѣла Академія всецѣло передала на усмотрѣніе Археологической Коммиссіи, которая немедля вошла къ Оберъ-Прокурору св. Синода съ представленіемъ дѣла на дальнѣйшее распоряженіе съ его стороны. К. П. Побѣдоносцевъ передалъ окончаніе реставраціи собора единолично въ распоряженіе М. П. Боткина, который и кончилъ это дѣло на оставшіяся въ распоряженіи монастыря суммы. На запросъ Археологической Коммиссіи, г. Оберъ-Прокуроръ сообщилъ, что такое рѣшеніе принято было имъ для ускоренія дѣла, такъ какъ иначе возстановленія храма пришлось бы

ждать цѣлые годы. Коммисеія сочла себя обязанною доложить о такомъ положеніи дѣла г. Министру Императорскаго Двора и получила отъ него увѣдомленіе, что, согласно извѣщенію г. Оберъ-Прокурора св. Синода, относительно реставраціи Новгородскаго Софійскаго и Мирожскаго соборовъ ему были преподаны особыя указанія въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ III. Къ осени 1902 г. ремонтъ храма былъ оконченъ. (Дѣла 1886 г. № 63 и 1897 г. № 227).

6. Переяславскаго у. с. Елизарово. Каменная Никитская церковь XVI в.

По донесенію священника о. И. Загорскаго, полученному лѣтомъ 1903 г., Никитскій храмъ, построенный въ XVI в. бояриномъ Басмановымъ, приходитъ въ упадокъ. Шатровый куполъ сталъ настолько слабъ кирпичемъ, что пропускаетъ течь. Деревянный сводъ-потолокъ, подкрѣпленный нѣсколькими тонкими желѣзными прутьями, грозитъ паденіемъ. Древнее устройство значительно потерпѣло отъ ремонта; такъ напр., уничтожены колонны, видоизмѣнены окна, въ куполѣ надпись съ именами какихъ-то воиновъ, съ завѣщаніемъ поминать ихъ, заштукатурена. Въ 1885 г. ветхость и тѣснота храма вынудили ходатайствовать о перестройкѣ его, но она не была разрѣшена археологическимъ обществомъ, вслѣдствіе чего была построена новая церковь, и приходъ принужденъ поддерживать двѣ церкви, на что у него не хватаетъ средствъ. Священникъ просилъ оказать содѣйствіе въ поддержаніи древней церкви. Археологическая Коммиссія потребовала фотографическіе снимки съ церкви, и съ тѣхъ поръ дѣло это не возобновлялось. (Дѣло 1903 г. № 169).

7 Г. Муромъ. Каменный Троицкій соборъ 1642 г.

Отношеніемъ отъ 17 сентября 1896 г. настоятельница Муромскаго Троицкаго женскаго монастыря игуменья Персида обратилась съ ходатайствомъ о разрѣшеніи расширить храмъ удлиненіемъ южной галлереи до алтаря и устройствомъ въ южной стѣнѣ широкой арки; сводъ галлереи, какъ сильно попорченный, предположено было перебрать, съ поднятіемъ до верха оконъ, а равно укрѣпить въ разныхъ частяхъ фундаментъ (рис. 52). 13 ноября Археологическая Коммиссія получила объясненіе отъ В. В. Суслова, осматривавшаго храмъ по приглашенію игуменьи. По его заключенію, соборъ, построенный въ XVII в., довольно изящной архитектуры. Въ концѣ XVIII в. онъ подвергся передѣлкамъ, а именно: были расшиты нѣкоторыя окна, разломана звонница, вмѣсто

арокъ въ галлереѣ сдѣланы окна, пробиты въ галлерею арочные проходы, пристроено крыльцо и расширены двери. Передѣлки эти, произведенныя не надлежащимъ образомъ, и пристройка къ сѣверной стѣнѣ новаго храма (въ 1886 г.) отразились на храмѣ неблагопріятно, такъ какъ на сводахъ и надъ окнами наблюдаются трещины. 28 января 1897 г. В. В. Сусловъ, по просьбѣ Археологической Коммиссіи, далъ свое заключеніе о проектѣ работъ, составленномъ г. Корицкимъ, въ которомъ изло-

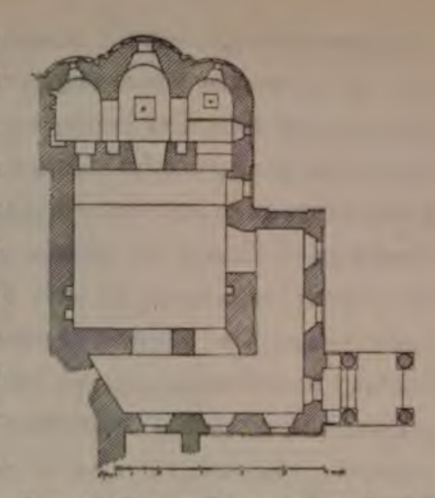


Рис. 52. Планъ Троицкаго собора.

Рис. 53. Часть фасада Троицкаго собора въ Муромскомъ женскомъ монастырѣ.

образецъ церковной архитектуры первой половины XVII в., заслуживающій, по своей сохранности и чистотѣ стиля, самого заботливаго охраненія, 2) что осуществленіе проектируемой пристройки сопряжено съ большими техническими затрудненіями и представляетъ опасность для прочности древняго зданія, 3) что проектъ пристройки представляется нецѣлесообразнымъ, такъ какъ со стороны ея не только не будетъ видно богослуженіе, но даже не будетъ и слышно его. (Дѣло 1894 г. № 101).

Изъ хранящейся въ архивѣ Коммиссіи метрики видно, что церковь строена въ 1644—1649 гг. «тщаніемъ и трудами» володимірцевъ гостиной сотни: Патрикѣя, Андрея и Григорья Денисовыхъ дѣтей Родіонова съ племянниками и съ посадскими людьми Вас. Аброс. Хмыловымъ и Сем. Ив. Сомовымъ «въ вѣчныя блага» (по надписи на западной стѣнѣ). Кирпичъ стѣнъ до 18 фунт. вѣсомъ. Въ куполѣ алтаря связи деревянныя. Предъ мѣстными иконами четыре древнія раскрашенныя свѣчи. Описаніе церкви см. въ Владим. Вѣдом. 1844 г. № 41 и у іером. Іоасафа въ его «Владим. и Суздальскихъ древностяхъ», 1857 г.

---

9. Г. Гороховецъ. Каменная Срѣтенская церковь, 1689 г.

По донесенію духовной консисторіи отъ 11 мая 1902 г., осыпается каменная лещадка съ главъ этой церкви. Такъ какъ поддержать старинную кровлю церкви въ настоящемъ устройствѣ представляется невозможнымъ въ виду того, что такая лещадка нынѣ не выдѣлывается, то излагается проектъ перекрыть среднюю главу желѣзомъ въ формѣ лещади, а освободившимися плитками поправить боковыя главки. Археологическая Коммиссія затребовала фотографическіе снимки и проектъ и получила въ отвѣтъ, что дѣло о ремонтѣ Срѣтенской церкви пріостановлено до изысканія средствъ. Церковь бесприходная, содержится отъ городской управы, а имѣвшійся въ виду жертвователь отказался отъ своего намѣренія дать необходимыя средства. (Дѣло 1902 г. № 105).

---

10. Юрьевскаго у. с. Билюково (приходъ с. Анькова). Деревянный храмъ 1700 г.

Въ 1903 г. Владимірскимъ епархіальнымъ начальствомъ разрѣшено было укрѣпить храмъ подведеніемъ каменнаго фундамента (рис. 54). Отношеніемъ отъ 16 мая 1906 г. духовная консисторія увѣдомила Археологическую Коммиссію, что глава на храмѣ обветшала и уклонилась въ сторону, что крыша протекаетъ, обветшала и обшивка церкви, вслѣдствіе чего причтъ и староста ходатайствуютъ о разрѣшеніи сдѣлать новую главу, крышу покрыть желѣ-

Рис. 54. Церковь с. Билюкова, Юрьевскаго у.

зомъ и обшить стѣны новымъ тесомъ. Отношеніемъ отъ 31 мая Коммиссія увѣдомила, что она проситъ ограничиться необходимою замѣною сгнившихъ частей крыши, главки и обшивки новыми деревянными же, сохранивъ древнія формы. Въ случаѣ необходимости замѣнить главку новою поставлено условіе доставить чертежи ея стропильныхъ дугъ и точные размѣры. (Дѣло 1906 г. № 76).

11. Г. Суздаль. Каменная Предтеченская церковь, 1734 г.

Отношеніемъ духовной консисторіи отъ 2 мая 1902 г. препровождено въ Имп. Археологическую Коммиссію ходатайство о разрѣшеніи перемѣнить въ церкви рамы и замѣнить каменную главку деревянной, такъ какъ, по свидѣтельству архитектора Н. Корицкаго, осмотрѣвшаго церковь, оказалось, что главка производитъ сильное давленіе на арку и частью на полуциркульный сводъ и уже образовала трещины (рис. 55). Позднѣе (26 января 1903 г.), по требованію Коммиссіи, доставлены фотографическіе снимки съ церкви и техническій чертежъ поврежденій. Отношеніемъ отъ 20 февраля просимое разрѣшеніе было дано. (Дѣло 1902 г. № 94).

Рис. 55. Суздальская Предтеченская церковь 1734 г.

Муромскаго у.
[М]олотицы. Успен-
[ская] церковь 1754 г.

Отношеніемъ духовной [кон]сторіи отъ 22 августа [...] г. препровожденъ [проек]тъ расширенія лѣваго [при]дела храма до границъ [колок]ольни, составленный [епарх]іальнымъ архитекторомъ [...]кимъ, съ приложеніемъ [фотогр]афическихъ снимковъ [(рис.] 56 и 57). По проекту [...]вается аркою и закры[...] почти лишенная укра[шеній] стѣна трапезы и низъ [...] фасада колокольни. [Испраши]мое разрѣшеніе дано [(отно]шеніемъ отъ 11 октября) [съ ус]ловіемъ, чтобы наблю[деніе] было поручено специа[листу], который долженъ при[нять] всѣ мѣры противъ [...]о наблюдаемыхъ вред[ныхъ] для стараго зданія [послѣ]дствій подобныхъ при[строекъ], и чтобы стѣны [новой] пристройки были выве[дены] не заподлицо со старыми, [а от]ступя немного внутрь. [...] 1906 г. № 113).

Рис. 56. Молотицкая церковь съ Ю.-В.

Рис. 57. Молотицкая церковь съ С.-З.

Рис. 54. Церковь с. Билюкова, Юрьевскаго у.

зомъ и обшить стѣны новымъ тесомъ. Отношеніемъ отъ 31 мая Коммиссія увѣдомила, что она проситъ ограничиться необходимою замѣною сгнившихъ частей крыши, главки и обшивки новыми деревянными же, сохранивъ древнія формы. Въ случаѣ необходимости замѣнить главку новою поставлено условіе доставить чертежи ея стропильныхъ дугъ и точные размѣры. (Дѣло 1906 г. № 76).

11. Г. Суздаль. Каменная Предтеченская церковь, 1734 г.

Отношеніемъ духовной консисторіи отъ 2 мая 1902 г. препровождено въ Имп. Археологическую Коммиссію ходатайство о разрѣшеніи перемѣнить въ церкви рамы и замѣнить каменную главку деревянной, такъ какъ, по свидѣтельству архитектора Н. Корицкаго, осмотрѣвшаго церковь, оказалось, что главка производитъ сильное давленіе на арку и частью на полуциркульный сводъ и уже образовала трещины (рис. 55). Позднѣе (26 января 1903 г.), по требованію Коммиссіи, доставлены фотографическіе снимки съ церкви и техническій чертежъ поврежденій. Отношеніемъ отъ 20 февраля просимое разрѣшеніе было дано. (Дѣло 1902 г. № 94).

Рис. 55. Суздальская Предтеченская церковь 1734 г.

Муромскаго у. Молотицы. Успен- церковь 1754 г.

Отношеніемъ духовной сторіи отъ 22 августа г. препровожденъ тъ расширенія лѣваго ла храма до границъ льни, составленный альнымъ архитекторомъ кимъ, съ приложеніемъ афическихъ снимковъ 56 и 57). По проекту вается аркою и закры- почти лишенная укра- стѣна трапезы и низъ фасада колокольни. мое разрѣшеніе дано ценіемъ отъ 11 октября) ловіемъ, чтобы наблю- было поручено специа- который долженъ при- всѣ мѣры противъ о наблюдаемыхъ вред- для стараго зданія ствій подобныхъ при- ъ, и чтобы стѣны пристройки были выве- не заподлицо со старыми, тупи немного внутрь. 1906 г. № 113).

Рис. 56. Молотицкая церковь съ Ю.-В.

Рис. 57. Молотицкая церковь съ С.-З.

13. Суздальскаго у. с. Янево. Каменная колокольня 1779 г.
(Древности. Труды Коммиссіи по сохраненію памятн., т. I, стр. 3, 22, 30, 43, 71).

Отношеніемъ отъ 6 марта 1906 г. духовная консисторія, излагая ходъ дѣла, запрашиваетъ Императорскую Археологическую Коммиссію о томъ, какъ она находитъ возможнымъ и разрѣшаетъ поступить съ угрожающею опасностью древнею колокольнею и церковью въ с. Яневѣ (неправильно относя ее къ 1721 г.). По этому вопросу уже было сношеніе Владимірскаго епархіальнаго начальства съ губернскимъ правленіемъ и Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ обществомъ, которому были препровождены и фотографическіе снимки. Въ результатѣ этихъ сношеній, въ февралѣ 1906 г. Владимірскимъ губернскимъ правленіемъ была командирована особая комиссія изъ техниковъ для осмотра поврежденій и заключенія о необходимыхъ мѣропріятіяхъ къ устраненію опасности отъ колокольни. Комиссія нашла, что причина образованія трещинъ— плохой фундаментъ, сложенный изъ крупнаго и средняго булыжника на сухо, безъ раствора, что образовавшіяся вслѣдствіе этого трещины въ колокольнѣ, трапезной и въ сводахъ значительны и расширяются на глазахъ, такъ какъ въ теченіе года онѣ стали сквозными. Въ виду этого комиссія постановила: признать колокольню и трапезную весьма ветхими и вполнѣ возможнымъ ихъ обрушеніе, распорядиться убрать колокола съ колокольни, прекратить богослуженіе въ церкви и сдѣлать соотвѣтственное огражденіе; капитальный ремонтъ колокольни и трапезной безъ разборки стѣнъ признанъ невозможнымъ. Строительное отдѣленіе губернскаго правленія, препроводивъ свое постановленіе въ духовную консисторію, просило ее сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія и затѣмъ по сношенію съ Императорскою Археологическою Коммиссіею (§ 78 уст. строит.) поступить согласно § 113 Уст. Строит. Копія протокола препровождена была для свѣдѣнія въ Имп. Московское Археологическое Общество. Археологическая Коммиссія съ своей стороны, не зная церкви, постановила просить необходимые фотографическіе снимки. Но еще прежде, до отсылки въ Коммиссію отношенія консисторіи, Московское Археологическое Общество затребовало отъ Строит. отдѣленія Владимірскаго губ. правленія дополнительный фотографическій снимокъ съ церкви, подробные чертежи существующей церкви и проектъ ея переустройства, о чемъ консисторія и увѣдомила Коммиссію отношеніемъ отъ 28 марта 1906 г. Требованіе это причтомъ и старостою исполнено не было, хотя и было предъявлено имъ консисторіею предписаніемъ отъ 10 апрѣля 1906 г. На запросъ Коммиссіи духовная консисторія отношеніемъ

отъ 16 ноября того же года сообщила слѣдующее: «Фотографическихъ снимковъ доставлено не было, а 7 мая общество крестьянъ с. Янева самовольно уронили колокольню до основанія. Послѣ того епархіальнымъ начальствомъ разрѣшено построить новую каменную колокольню въ с. Яневѣ по проекту, разсмотрѣнному Строительнымъ отдѣленіемъ губ. правленія 30 іюня. Предъ симъ было сношеніе съ Имп. Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Послѣднимъ данъ былъ отзывъ отъ 20 мая 1906 г., т. е. когда древняя колокольня была уже разрушена крестьянами безъ разрѣшенія,—что не встрѣчается препятствій къ утвержденію проекта новой колокольни, въ виду настоятельной необходимости допустить уничтоженіе древняго памятника. Въ отзывѣ выражено было желаніе, чтобы до сломки древней колокольни были сняты фотографіи, для представленія въ Общество, съ отдѣльныхъ детальныхъ ея частей. О самовольной сломкѣ крестьянами старинной колокольни въ с. Яневѣ и невозможности посему исполнить требованіе Археологическаго Общества о снятіи фотографій колокольни Обществу донесено изъ Духовной Консисторіи отъ 11 іюля 1906 г. Противъ виновныхъ въ сломкѣ древней колокольни возбуждено было дѣло». На запросъ Коммиссіи о результатахъ слѣдствія еще не получено отвѣта. (Дѣло 1906 г. № 37).

---

14. Г. Переяславль. Иконостасъ Троицкой церкви, сооруженный въ 1780 г.

Иконостасъ (рис. 58) сооруженъ былъ при Переяславскихъ владыкахъ; въ 1901 г. купчиха Гладкова пожертвовала на исправленіе иконостасовъ храма 10,000 р., и это обстоятельство подвергло старый иконостасъ опасности, такъ какъ явилась мысль замѣнить его совершенно новымъ. Узнавъ объ этомъ, Владимірская архивная комиссія заявила свой протестъ, и намѣреніе это временно было оставлено, пока не нашлись энергичные люди, давшіе дѣлу иной оборотъ. Владимірская духовная консисторія прислала указъ съ разрѣшеніемъ замѣнить иконостасъ новымъ. Но у церкви оказались мѣстные защитники. Они подняли тревогу въ печати («Свѣтъ» 1901 г. № 309), возбудили вопросъ въ св. Синодѣ чрезъ душеприказчицу г-жи Гладковой и, наконецъ, въ Археологической Коммиссіи. 30 ноября 1901 г. Коммиссія потребовала на разсмотрѣніе проектъ переустройства иконостаса и фотографическій снимокъ съ него. При отношеніи отъ 12 марта 1902 г., чрезъ 3½ мѣсяца, снимокъ былъ доставленъ, вмѣстѣ съ подробнымъ изложеніемъ хода дѣла, который представляется въ слѣдующемъ видѣ. Священникъ и староста церкви вошли съ просьбою

Рис. 58. Переяславль. Иконостасъ Троицкой церкви 1780 г.

о замѣнѣ иконостаса новымъ на томъ основаніи, что съ него было бы необходимо снять рѣзныя изображенія значительныхъ размѣровъ, «противныя религіозному чувству молящихся», а это должно совершенно исказить памятникъ и отнять у него достоинство древности. Вслѣдъ за симъ 18 прихожанъ вошли къ преосвященному съ прошеніемъ о томъ, что имъ крайне горестно разстаться съ старымъ иконостасомъ, какъ драгоцѣннымъ памятникомъ старины. 11 декабря 1901 г. было предписано доставить подробное описаніе иконостаса благочинному, который донесъ, что иконостасъ осмотрѣнъ имъ 21 января 1902 г. вмѣстѣ съ мастеромъ Постниковымъ, причемъ было найдено: 1) что позолота отъ времени потемнѣла и во многихъ мѣстахъ обтерлась, составныя части въ угловыхъ соединеніяхъ и связяхъ по мѣстамъ разошлись, карнизы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обломались, нѣкоторыя рамы у св. иконъ потрескались, 2) что рѣзьба, повидимому, была поправляема, и иконостасъ по золоту покрытъ спиртовымъ лакомъ, что верхняя часть иконостаса имѣетъ нѣкоторый уклонъ къ южной сторонѣ, 3) что отъ времени оконечности рукъ и ногъ у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ рѣзныхъ изображеній отпали и сдѣланы фигуры не художественно, что за прочность изображенія Воскресенія Господа ручаться нельзя, какъ и за прочность всѣхъ рѣзныхъ изображеній, и, напротивъ, можетъ являться даже опасность, такъ какъ всѣ ярусы иконостаса сдѣланы отдѣльно и не имѣютъ крѣпкой вязки, что паденія, можетъ быть, и бывали, въ виду того, что въ рѣзномъ изображеніи надъ сѣверною дверью поддѣлано и позолочено крыло. Оставить старый иконостасъ и только позолотить его крайне трудно и даже не безопасно, такъ какъ предварительно потребуется отпаривать старую позолоту, что неминуемо повлечетъ за собою расклейку большей части иконостаса и рѣзьбы, такъ что только для позолоты будетъ болѣе чѣмъ трудно опять его собрать, а рамы для иконъ нужно дѣлать совершенно новыя. Кромѣ того, по снятіи старой позолоты, предъ началомъ новой, необходимо снять нѣкоторый слой дерева со всего иконостаса, чтобы могла держаться новая политура, но тогда иконостасъ будетъ еще легче, и составныя части его трудно, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже невозможно будетъ собрать и укрѣпить. Что касается смысла завѣщанія г-жи Гладковой, то надо принять во вниманіе, что деньги завѣщаны на позолоту всѣхъ иконостасовъ Троицкой церкви, *слѣдовательно и будущаго*. «Но не желательно имѣть съ завѣщательницею тяжебное дѣло по этому поводу». Съ своей стороны преосвященный находитъ рѣзныя изображенія иконостаса неблагообразными и не согласными съ духомъ православной церкви. «Изображенія Спасителя и апостоловъ сдѣланы несимметрично — одна фигура

больше, другая меньше, и части тѣла не пропорціональны между собой. Въ фигурѣ молящагося Спасителя одна ручка короче, другая длиннѣе. По всему видно, что мастеръ, работавшій иконостасъ, былъ не только не художникъ, но и неискусный рѣзчикъ. Мѣстный священникъ доноситъ, что рѣзныя фигуры не удовлетворяютъ религіозному чувству молящихся. Можно сказать о нихъ даже больше, что при развивающейся въ Россіи штундѣ и другихъ раціоналистическихъ сектахъ, которыхъ не чужда и Владимірская епархія, такія фигуры могутъ со стороны сектантовъ служить охуленіемъ православныхъ храмовъ и пропаганды сектъ во вредъ православію». Далѣе слѣдуетъ ссылка на узаконенія 1722 г. и 1835 г. о запрещеніи отливныхъ и рѣзныхъ иконъ и указаніе, что храмы XVIII в. къ предметамъ древности не относятся. Несмотря на всѣ эти доводы, преосвященный все же склоняется къ мысли оставить прежній иконостасъ, въ виду сопротивленія душеприказчицы и ходатайства прихожанъ, «хотя и въ количествѣ 18 только человѣкъ». Императорская Археологическая Коммиссія увѣдомила преосвященнаго, что сохраненіе стараго иконостаса ею признано весьма желательнымъ. (Дѣло 1901 г. № 271).

---

15. Г. Переяславль. Срѣтенская церковь. Иконостасъ 1785 г.

Отношеніемъ отъ 6 іюня 1907 г. духовная консисторія препроводила ходатайство о замѣнѣ стараго иконостаса (рис. 59) церкви, построеннаго въ

Рис. 59. Переяславль. Срѣтенская церковь. Иконостасъ 1785 г.

1785 г., новымъ. Поводъ къ ходатайству—сильная ветхость иконостаса. Доставленъ былъ чертежъ иконостаса, а затѣмъ и фотографическій снимокъ съ него. 25 іюля Коммиссіею отправленъ отвѣтъ, что иконостасъ представляетъ собой хорошій образчикъ искусства начала XIX в. и долженъ быть исправленъ съ сохраненіемъ настоящаго вида. (Дѣло 1907 г. № 86).

---

16. Переяславскаго у. с. Скоблево. Иконостасъ 1792 г. Никольской церкви.

(Древности. Труды Коммиссіи по сохран. памятн. т. I, стр. 28, 29, 56, 81).

Прихожане с. Скоблева просьбою отъ 6 марта 1906 г. ходатайствовали о разрѣшеніи перемѣнить иконостасъ церкви, сооруженный въ 1792 г. дочерью полковника Нат. Алмазовой, своими плотниками и столярами по данному имъ рисунку. Приходъ, собравъ съ трудомъ средства на устройство мозаичнаго пола и на стѣнное письмо, желалъ бы соорудить и новый иконостасъ, такъ какъ настоящій не художественъ и лишенъ рѣзьбы. «Едиными устами и единымъ сердцемъ умоляемъ И. А. К. дать намъ разрѣшеніе и тѣмъ обрадовать насъ во славу Бога и въ честь угодника Его, святителя и чудотворца Николая». Приходъ испрашиваетъ разрѣшенія по требованію духовной консисторіи. Несмотря на всю убѣдительность просьбы и ходатайства А. А. Титова, Археологическая Коммиссія признала цѣлесообразнымъ не уничтожать иконостаса по его художественнымъ достоинствамъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ съ археологической точки зрѣнія она не находила препятствій къ замѣнѣ его инымъ. Еще прежде на замѣну стараго иконостаса новымъ не дало разрѣшенія Императорское Московское Археологическое Общество. (Дѣло 1906 г. № 34).

---

17. Суздальскаго у. с. Погостъ-Быковъ. Иконостасъ Знаменской церкви, 1794 г.

Церковь построена усердіемъ помѣщицы Варв. Алекс. Кашинцевой.

Отношеніемъ отъ 14 іюля 1905 г. духовная консисторія увѣдомила Археологическую Коммиссію, что ею отклонено ходатайство причта и старосты церкви о разрѣшеніи замѣнить старый иконостасъ 1794 г. (рис. 60) новымъ, но получено было новое прошеніе о томъ же съ изложеніемъ, что реставрировать иконостасъ нельзя, такъ какъ онъ отъ времени и старости наполовину сгнилъ, а наполовину пораженъ червоточиной. По полученіи фотографическаго снимка, въ засѣданіи 21 декабря разрѣшено замѣнить иконостасъ новымъ. (Дѣло 1905 г. № 125).

Рис. 60. Иконостасъ въ церкви с Погостъ-Быковъ, Суздальскаго у., 1794 г

18. Г. Переяславль. Усѣкновенская церковь. Иконоста 1797 г.

Отношеніемъ отъ 11 апрѣля 1907 г. духовная консисторія препровод ходатайство о разрѣшеніи замѣнить иконостасъ въ тепломъ придѣлѣ цер сооруженный въ 1797 г., но «пришедшій въ ветхость отъ давности врем и отсутствія ремонта», новымъ, что «является въ настоящее время существ ною необходимостью». Отношеніемъ отъ 12 мая Коммиссія увѣдомила, что не можетъ согласиться на уничтоженіе иконостаса въ виду его художеств ныхъ достоинствъ. (Дѣло 1907 г. № 42).

II. Ярославская губернія.

1. Г. Угличъ. Дворецъ царевича Димитрія. XV в.

Ярославскій губернаторъ генералъ-маіоръ А. Я. Фриде во всеподданн шемъ отчетѣ за 1887 г. упомянулъ о томъ, что, по его мысли, поднятъ просъ о возстановленіи дворца (рис. 61) въ прежнемъ видѣ, для чего со раются частныя пожертвованія. Императоръ Александръ III изволилъ сдѣл

Рис. 61. Угличскій дворецъ царевича Димитрія

здѣсь на отчетѣ отмѣтку: «Весьма желательно!» Отчетъ былъ затѣмъ внесенъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Комитетъ Министровъ. Императорская Археологическая Коммиссія получила отъ Кабинета Его Императорскаго Величества запросъ отъ 5 іюля 1888 г. о томъ, что ей извѣстно о дворцѣ. Сообщивъ имѣющіяся краткія свѣдѣнія, Коммиссія высказала Кабинету, что реставрацію дворца необходимо произвести возможно осмотрительнѣе, лишь послѣ тщательнаго изслѣдованія. Отношеніемъ отъ 22 іюля 1888 г. г.-м. Фриде обратился въ Коммиссію съ просьбою командировать для осмотра дворца спеціалиста-архитектора, при чемъ сообщилъ, что мысль о реставраціи у него явилась послѣ осмотра дворца, поразившаго его своимъ полуразрушеннымъ видомъ. Онъ убѣдилъ мѣстнаго уѣзднаго предводителя дворянства Я. С. Колмогорова и гражданъ принять участіе въ реставраціи и съ своей стороны открылъ сборъ пожертвованій въ губерніи. Отъ Археологической Коммиссіи былъ командированъ для осмотра дворца, составленія смѣты и наблюденія впослѣдствіи за реставраціей Н. В. Султановъ, высказавшій, что онъ принимаетъ это порученіе за особенную

честь. По письму отъ 20 октября 1888 г., итоги произведеннаго Н. В. Султановымъ осмотра свелись къ слѣдующимъ даннымъ:

1) «Дворецъ представляетъ собою квадратное въ планѣ, трехъэтажное зданіе, состоящее изъ подвала, подклѣта и верхняго жилья.

2) Длина каждой стороны квадрата около $5^1/_2$ саж., а высота всего зданія около 6 саж.

3) Подвальный этажъ, образующій два отдѣльныхъ помѣщенія, былъ нѣкогда покрытъ сводами; часть ихъ уцѣлѣла съ восточной стороны; онъ освѣщался окнами, часть которыхъ теперь заложена, а самый подвалъ заваленъ мусоромъ. Въ с.-в. углу его есть отверстіе въ родѣ ниши, засыпанное обломками кирпича; оно можетъ быть принято за начало того подземнаго хода къ Волгѣ, о существованіи котораго гласитъ мѣстное преданіе. Судя по окну, уцѣлѣвшему въ восточной стѣнѣ подвала, земля вокругъ дворца наросла по крайней мѣрѣ на $^3/_4$ аршина.

2) Въ подклѣтѣ, образующемъ въ настоящее время одну большую комнату, всѣ окна заложены. На южной и западной стѣнѣ замѣтны остатки поперечныхъ стѣнъ, которыя, повидимому, выломаны уже очень давно. Судя по копоти и по расположенію наружныхъ дымоходовъ, можно заключить, что здѣсь нѣкогда были печи. Покрытіе подклѣта было первоначально, вѣроятно, сводчатое, но оно замѣнено теперь легкимъ деревяннымъ потолкомъ.

3) Верхнее жилье все занято нынѣ одною большою комнатою, но сперва въ немъ, безъ сомнѣнія, были подраздѣленія, какъ это можно заключить изъ того, что окна его расположены на разныхъ уровняхъ. Стѣны верхняго жилья извнутри оштукатурены и очень плохо расписаны клеевыми красками при послѣднемъ возобновленіи во времена Императора Александра I. Всѣ попытки мои отыскать подъ новымъ расписаніемъ хотя какіе-нибудь слѣды древней стѣнописи оказались безуспѣшными. Покрытіе верхняго жилья было, вѣроятно, также сводчатое, но въ настоящее время представляетъ собою крайне уродливый новый деревянный потолокъ съ горизонтальной серединой и двумя боковыми скатами. Окна хотя и не заложены, но изнутри заставлены новыми стеклянными рамами, между тѣмъ какъ древнія слюдяныя оконницы кое-какъ приколочены снаружи.

4) Чердакъ покрытъ позднѣйшей желѣзной восьмискатной крышей, столь плохо прилаженной къ стѣнамъ, что въ оставшіеся широкіе промежутки свободно пролѣзаютъ голуби, покрывшіе весь чердакъ своимъ пометомъ.

5) Снаружи дворецъ весь изборожденъ вертикальными трещинами, образованіе которыхъ, повидимому, уже старались предупредить (хотя, впрочемъ, совершенно

безуспѣшно) закладываніемъ оконъ и дверей. Мѣстами кирпичъ очень сильно опрѣлъ, а самая кладка осыпается въ нѣкоторыхъ частяхъ, какъ, напр., въ верхнемъ с.-в. или нижнемъ ю.-в. углу. Западная стѣна въ верхнемъ этажѣ очень сильно выпучилась внаружу, при чемъ по бокамъ выпучившейся части образовались вертикальныя трещины; вверху надъ нею сложенъ позднѣйшій кирпичный щипецъ. На южномъ и сѣверномъ фасадѣ идетъ по верху превосходный поясъ изъ терракотты (рис. 62—64) съ такими же балясинками (рис. 65), изъ которыхъ многихъ недостаетъ. На восточномъ фасадѣ, примѣрно съ уровня пола верхняго жилья, тянется дымовая

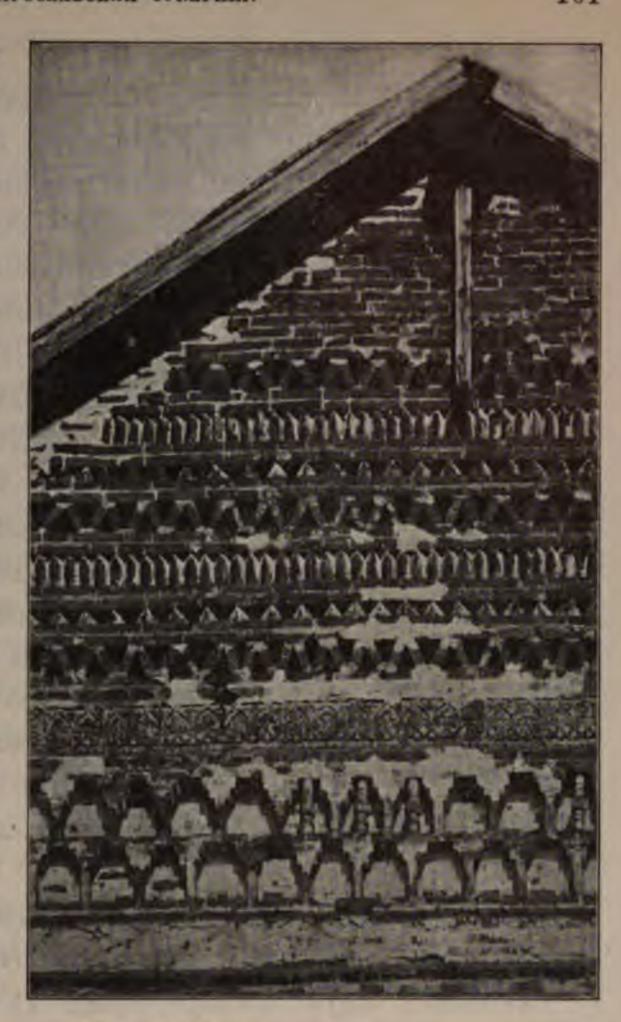


Рис. 62. Часть терракоттоваго пояса.

Рис. 63. Деталь терракоттоваго пояса (4-й поясъ снизу на рис. 62).

Рис. 64. Деталь щипца изнутри.

Рис. 65 (2/9). Балясина.

труба, срѣзанная по верху новой крышей. Съ сѣверной стороны придѣлано позднѣйшее каменное и очень некрасивое крыльцо, которое ведетъ во 2-й этажъ.

Таковы данныя, добытыя мною въ Угличѣ. Они прямо показываютъ на крайне печальное состояніе его дворца. Мусоръ, трещины, заложенныя окна, провалившіеся своды, выломанныя стѣны и безобразнѣйшія позднѣйшія передѣлки, — таковы признаки, характеризующіе внутренній и внѣшній видъ этого, едва-ли не древнѣйшаго, памятника русскаго гражданскаго зодчества.

Несмотря на то, что осмотръ дворца былъ произведенъ мною самымъ тщательнымъ образомъ, я полагаю, что добытыя мною при этомъ данныя слишкомъ недостаточны для разрѣшенія столь важнаго въ техническомъ и археологическомъ отношеніи вопроса, какъ возстановленіе подобной исторической святыни. Для наиболѣе правильнаго разрѣшенія этого вопроса необходимо, во 1-хъ, произвести самыя тщательныя раскопки внутри и снаружи дворца, а во 2-хъ, поставить хотя бы легкіе лѣса, съ которыхъ былъ бы возможенъ подробный осмотръ всѣхъ частей фасадовъ (какъ нижнихъ, такъ и верхнихъ).

Теперь-же, на основаніи только тѣхъ данныхъ, которыя я добылъ путемъ осмотра, я полагалъ бы необходимымъ произвести во дворцѣ слѣдующія работы:

1) Сломать новую каменную ограду. 2) Снять всю новую наносную землю до древняго уровня. 3) Подвести новый фундаментъ вмѣсто стараго, очевидное разрушеніе котораго вызвало появленіе трещинъ. 4) Открыть заложенныя окна и двери. 5) Поддѣлать кирпичемъ на цементѣ отвалившіяся части кладки и расшить также всѣ трещины. 6) Сложить вновь разрушенныя части подвальныхъ сводовъ. 7) Стянуть западную стѣну съ восточною желѣзными связями, дабы предупредить возможность дальнѣйшаго выпучиванія. 8) Поставить на мѣсто древнія слюдяныя оконницы. 9) Исправить крышу и закрыть чердакъ отъ голубей. 10) Возстановить полуразрушенную лѣстницу въ подвалъ. 11) Сломать новое уродливое крыльцо и замѣнить его другимъ, болѣе подходящимъ по формѣ и стилю. 12) Произвести вновь самыя полныя изысканія остатковъ древней стѣнописи и, если окажется (какъ я предполагаю), что вся штукатурка сдѣлана при послѣднемъ поновленіи въ началѣ текущаго столѣтія, то новую уродливую живопись уничтожить совершенно, а штукатурку сбить

въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ею скрыты начала поперечныхъ стѣнъ, дабы обнаружить древнее внутреннее подраздѣленіе верхняго жилья. 13) Новый уродливый потолокъ снять и замѣнить его болѣе подходящимъ деревяннымъ покрытіемъ. 14) Если найдутся средства, то въ подклѣтѣ поставить на старое мѣсто духовую печь, а верхній этажъ обратить въ музей мѣстныхъ древностей».

Вторичное изслѣдованіе, произведенное Н. В. Султановымъ 22—24 іюня 1889 г., съ раскопками и лѣсами, дало слѣдующіе результаты:

1) «Дворецъ представляетъ собою четырехъугольное трехъэтажное зданіе, оріентированное своими фасадами по сторонамъ свѣта.

2) Подвальный этажъ дворца, лежащій значительно ниже настоящаго уровня площади, состоитъ изъ двухъ отдѣленій, раздѣленныхъ глухою стѣною. Южное отдѣленіе его сохранилось довольно хорошо, покрыто уцѣлѣвшимъ вполнѣ кирпичнымъ цилиндрическимъ сводомъ и имѣетъ въ восточной стѣнѣ окно и печуру; въ ю.-з. углу его расположена полуразрушенная кирпичная лѣстница, которая ведетъ въ первый этажъ и имѣетъ нынѣ заложенную дверь. Сѣверное отдѣленіе сохранилось гораздо хуже: покрывающій его цилиндрическій сводъ провалился по срединѣ; сѣверная наружная стѣна облицована въ недавнее время изнутри кирпичемъ, но, вслѣдствіе осадки верхнихъ частей, облицовка эта отдѣлилась отъ старой кладки и сильно выпучилась по срединѣ. Надъ этой облицовкой, ближе къ с.-з. углу, замѣтны остатки заложенной въ недавнее время большой арки. Отдѣленіе это имѣетъ два окна: одно въ восточной, а другое въ западной стѣнѣ, и, кромѣ того, одну печуру близъ с.-з. угла и одну полуразрушенную впадину у с.-в. угла, уровень которой значительно ниже уровня подвальныхъ оконъ. Эта впадина, по указанію нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей, была началомъ тайника, выходившаго къ Волгѣ, но, къ сожалѣнію, раскопки, произведенныя противъ этой ниши снаружи, опровергли эти показанія, ибо никакого начала хода онѣ не обнаружили. Если же допустить то предположеніе, что ходъ былъ сдѣланъ въ толщѣ фундамента, то изслѣдованіе его возможно будетъ лишь при перестройкѣ дворца, когда стѣны послѣдняго будутъ подвѣшены и когда ломка нижнихъ частей окажется вполнѣ безопасной.

3) Раскопки, произведенныя около стѣнъ самого дворца, показали, что земля наросла около него по крайней мѣрѣ на 1 арш. 12 вершк., такъ что его подвальныя окна были, безъ сомнѣнія, первоначально снаружи. При этомъ, при одной изъ позднѣйшихъ перестроекъ, весь низъ дворца, вплоть до нынѣшняго уровня площади, былъ обложенъ громадными полевыми булыгами, что предста-

вляетъ собою, конечно, неудачную попытку воспрепятствовать сильной осадкѣ стѣнъ дворца, а вмѣстѣ съ нею и появленію вертикальныхъ трещинъ.

4) Траншея, вырытая вокругъ дворцовой ограды, показала, что къ дворцу не примыкали никакія каменныя зданія, потому что никакихъ фундаментовъ при этомъ найдено не было. Слѣдовательно, если къ дворцу и прилегали, то только деревянныя постройки. Эта же траншея показала, что вся мѣстность, прилегающая ко дворцу, представляетъ собою насыпной слой, ибо уровень материка въ траншеѣ видоизмѣняется отъ одного до трехъ аршинъ. При этихъ раскопкахъ, а равно и при расчисткѣ фундамента, было найдено нѣсколько незначительныхъ находокъ, которыя будутъ перечислены ниже.

5) Осмотръ 1-го этажа показалъ, что онъ имѣлъ подраздѣленіе внутренними каменными стѣнами, явные слѣды которыхъ замѣтны на всѣхъ трехъ наружныхъ стѣнахъ, кромѣ сѣверной; на основаніи этихъ остатковъ можно заключить, что 1-й этажъ подраздѣляется на три главныхъ помѣщенія. Въ настоящее время этажъ этотъ имѣетъ всего только одну входную дверь, прочія же три двери и пять оконъ заложены, вслѣдствіе чего онъ въ настоящее время почти совсѣмъ темный. Покрытъ онъ новымъ балочнымъ настиломъ. На южномъ концѣ восточной стѣны замѣтна сильная копоть, что и указываетъ на существованіе въ этомъ мѣстѣ печи; догадка эта подтверждается еще тѣмъ, что здѣсь же, немного ниже балочнаго настила, начинается древняя дымовая труба.

6) Верхній этажъ дворца представляетъ собою въ настоящее время одну общую комнату, но разный уровень оконъ несомнѣнно указываетъ на существованіе здѣсь перегородокъ. Сводчатое покрытіе его исчезло и замѣнено новымъ потолкомъ, имѣющимъ форму гробовой крышки. Входная дверь, находящаяся почти по срединѣ стѣны, выходитъ на наружное крыльцо. Вся палата внутри вновь оштукатурена и расписана весьма уродливой живописью клеевыми красками. Противъ двери на южной стѣнѣ ликъ Спаса Нерукотвореннаго, а въ прочихъ мѣстахъ изображенія разныхъ событій изъ Ветхаго и Новаго завѣта и жизни Димитрія царевича. Вверху подъ потолкомъ идетъ рядъ портретовъ русскихъ государей отъ Рюрика до Александра I. Изслѣдованіе стѣнъ показало, что никакихъ слѣдовъ древняго расписанія не сохранилось. Впрочемъ это подтверждается слѣдующей надписью, сдѣланной въ клеймѣ, подъ образомъ Спаса: «При державѣ Благочестивѣйшаго нашего Императора Александра I-го, съ позволенія Ярославскаго гражданскаго губернатора князя Михаила Николаевича Голицына, въ память неповиннаго страдальца святого Царевича Димитрія и въ прославленіе святого его имени, въ семъ домѣ возобновлены [illegible]

черты священнаго изображенія Спасителя Нерукотвореннаго образа. Протчее же вновь усердіемъ написано въ 1802 году, окончено сего же года ноября 10 дня». Отбитіе штукатурки въ верхнихъ частяхъ стѣны не обнаружило никакихъ слѣдовъ внутреннихъ подраздѣленій, за исключеніемъ трехъ гнѣздъ въ сѣверо-восточномъ углу, въ которыя могли входить обвязки перегородокъ. Это заставляетъ предполагать одно изъ двухъ: или подраздѣленія были деревянныя, или слѣды каменныхъ поперечныхъ стѣнъ были старательно уничтожены при неумѣлой поправкѣ 1802 года. Въ этомъ же этажѣ сохранились въ окнахъ нѣсколько слюдяныхъ рамъ, къ сожалѣнію, сильно попорченныхъ и видоизмѣненныхъ, на что указываетъ безпорядочное расположеніе желѣзнаго переплета.

8) Что же касается до всѣхъ четырехъ фасадовъ, то всѣ они имѣютъ одну общую черту, а именно множество вертикальныхъ трещинъ, которыя указываютъ на крайне плохое состояніе зданія, а затѣмъ каждый изъ нихъ отличается слѣдующими особенностями: а) западный фасадъ имѣетъ въ нижнемъ этажѣ одну открытую входную дверь и еще одну дверь и два окна, которыя въ настоящее время заложены; во 2-мъ этажѣ расположены 4 окна, изъ которыхъ сѣверное помѣщено выше другихъ; въ подвалѣ есть одно задѣланное окно, скрытое теперь землею. Надъ окнами 2-го этажа повѣшена икона св. царевича Димитрія. Щипецъ этого фасада новый, что доказывается: во 1-хъ кирпичемъ, во 2-хъ отсутствіемъ гончарныхъ поясовъ и балясинъ, украшающихъ прочіе фасады, и въ 3-хъ обрѣзомъ, который идетъ подъ нимъ по верху древней части стѣны. б) Южный фасадъ имѣетъ двѣ двери и одно окно, которыя теперь заложены, а вверху четыре открытыхъ окна на одномъ общемъ уровнѣ. Щипецъ его древній съ двумя великолѣпными гончарными поясами и гончарными же балясинками во впадинахъ карниза, изъ которыхъ уцѣлѣло десять штукъ. в) Восточный фасадъ имѣетъ внизу два заложенныхъ окна, а вверху два открытыхъ, расположенныхъ на разныхъ уровняхъ. Щипецъ древній, но поясовъ и балясинокъ не имѣетъ, ибо это былъ фасадъ задній; съ уровня балокъ до верху тянется дымовая труба. г) Въ подвальномъ этажѣ имѣются два вросшихъ въ землю окна, къ которымъ придѣланы позднѣйшіе кирпичные пріямки. д) Сѣверный фасадъ имѣетъ внизу задѣланную арку и вверху входную дверь, которая выходитъ на весьма уродливое новое каменное крыльцо съ деревянною лѣстницею. На уровнѣ пояса замѣтны гнѣзда, что даетъ возможность предполагать здѣсь существованіе древняго крыльца съ деревянной же галлереей. На уровнѣ балокъ, съ восточной стороны входной двери, видны начала двухъ, повидимому, дымовыхъ трубъ. е) Дворецъ покрытъ новой желѣз-

ной восьмискатной кровлей съ остатками конька и желѣзнымъ орломъ на шпилѣ по срединѣ.

При раскопкахъ и очисткѣ подвала были найдены нижеслѣдующіе предметы: старыя желѣзныя двери; кирпичъ съ желобками, высѣченными для подстава; желѣзный наконечникъ стрѣлы или копья, сильно заржавѣвшій; такая же дужка, повидимому, часть дверной петли; лезвіе небольшого ножа; обломокъ гончарной плитки изъ фриза; двѣ бѣлокаменныхъ серьги (оконныя подвѣски): обломокъ гончарнаго витого валика; обломокъ бѣлокаменной плиты; обломокъ костяного гребня».

Въ апрѣлѣ 1890 г. проектъ реставраціи, составленный Н. В. Султановымъ, переданъ былъ губернатору, и имъ, послѣ одобренія преосвященныхъ Ярославскаго (Іоанникія) и Угличскаго (Амфилохія), переслань въ Министерство В. Д., а отсюда, по разсмотрѣніи Техническо-Строительнымъ Комитетомъ, въ Археологическую Коммиссію (при отношеніи отъ 22 іюня 1890 г.). Сумма пожертвованій возросла къ этому времени до 6814 р. Губернаторъ весьма желалъ, чтобы работы были окончены къ 15-му мая 1891 г., т. е. ко дню 300-лѣтняго юбилея извѣстнаго историческаго событія. Проектъ былъ одобренъ и препровожденъ губернатору для исполненія. Замѣчанія на проектъ Н. В. Султанова со стороны Техническо-Строительнаго Комитета были слѣдующія:

«1) Въ первомъ этажѣ дворца, обращаемомъ въ музей, возобновить только среднюю стѣну и кирпичную перегородку, ограждающую лѣстницу, ведущую въ подвалъ. 2) Подвальный этажъ оставить безъ измѣненія, открывъ всѣ окна, какія существовали; возобновить въ немъ лѣстницу, сообщающую подвалъ съ первымъ этажемъ, и исправить поврежденный сводъ; входъ въ глухую часть подвала возобновить, какъ былъ, чрезъ наружную дверь. 3) Помѣщеніе для сторожа устроить въ другомъ мѣстѣ, и ни въ какомъ случаѣ не въ стѣнахъ дворца. 4) Хотя Н. В. Султановъ, на основаніи дневника Маскѣвича, приходитъ къ заключенію, что въ XVII в. уже были устраиваемы печи подъ землею, съ душниками, для нагрѣванія комнатъ, но можно съ увѣренностью сказать, что дворецъ въ Угличѣ былъ отопляемъ не калориферомъ, а обыкновенными печами, чему служитъ доказательствомъ, что осталось только два дыма. размѣрами соотвѣтствующіе для обыкновенныхъ печей; другія же печи безъ сомнѣнія, имѣли трубы надъ печами, какъ это прежде дѣлалось; если допустить, что въ каждомъ этажѣ было внутреннее распланированіе такое, какъ утверждаютъ Л. В. Даль и Н. В. Султановъ, то Комитетъ полагалъ-бы: при возобновленіи зданія дворца отопленія не дѣлать. Можно указать на

нѣсколько примѣровъ, что неотапливаемыя зданія лучше сохраняются, чѣмъ тѣ, которыя отапливаются, не говоря объ опасности отъ пожара, который скорѣе угрожаетъ зданіямъ съ отопленіемъ, чѣмъ тѣмъ, которыя не отапливаются. Если же будетъ признано нужнымъ зданіе отопить, то устроить въ подвалѣ калориферъ или же сдѣлать по одной печкѣ въ каждомъ этажѣ въ родѣ калориферовъ по наружному виду, въ стилѣ XVI вѣка. 5) Второй этажъ слѣдовало-бы покрыть непремѣнно сводомъ изъ пустотѣлаго кирпича, такъ какъ, по завѣренію Н. В. Султанова, стѣны непрочны, или изъ бетона, связавъ стѣны желѣзомъ, что не противорѣчило бы духу того времени, когда своды весьма усердно скрѣплялись желѣзомъ; проектируемые же своды деревянные оштукатуренные не будутъ соотвѣтствовать своему назначенію, да едва-ли таковые дѣлались въ XV вѣкѣ, да еще въ царскихъ дворцахъ,—когда извѣстно, что потолки въ царскихъ палатахъ покрывались почти исключительно стрѣльчатыми сводами или же накатомъ и украшались нерѣдко весьма тщательной деревянной обдѣлкой. 6) Проектируемую лѣстницу между 1-мъ и 2-мъ этажами не слѣдуетъ допускать, во-первыхъ, потому, что нѣтъ никакихъ признаковъ, что она была, а во-вторыхъ потому, что ходъ во 2-ой этажъ будетъ чрезъ наружное проектированное крыльцо. 7) Кровля желѣзная, какъ-бы ни была хорошо окрашена, едва-ли будетъ представляться цѣлесообразною во всѣхъ отношеніяхъ, ибо во время XV и XVI в. кровли были деревянныя или черепичныя, а на западѣ даже мѣдныя. Комитетъ полагалъ бы кровлю проектировать черепичную, по рисункамъ того времени, или мѣдную (по формѣ черепицы); такое устройство обезпечитъ сооруженіе на продолжительное время отъ ремонта и окраски. Вообще, при реставраціи дворца слѣдовало бы принять въ основаніе слѣдующее: а) дабы строго держаться тѣхъ данныхъ, которыя имѣются на мѣстѣ, не допуская никакихъ добавленій, основанныхъ на предположеніяхъ—какъ это могло быть, однимъ словомъ, строго держаться сказаннаго Н. В. Султановымъ, т. е. сохранить то, что есть, для будущихъ изслѣдованій, и б) работы при реставраціи дворца должны быть исполнены самымъ раціональнымъ образомъ, дабы въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ не требовали возобновленія и даже ремонта».

Еще до полученія проекта, въ Угличѣ была образована комиссія для производства реставраціи (подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ слѣдующихъ лицъ: Я. С. Колмогорова, преосв. Амфилохія, городского головы Жаренова, членовъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества И. А. Шлякова и А. А. Титова, священника о. П. Козьмодемьянскаго, губернскаго инженера А. М. До-

стоевскаго и губернскаго архитектора И. П. Мааса), по порученію которой наблюденіе за реставраціей возложено было на гг. Мааса и Шлякова. Вскорѣ эта комиссія убѣдилась въ желательности нѣкоторыхъ перемѣнъ въ представленномъ ей проектѣ. Но прежде приведемъ полностью объяснительную записку Н. В. Султанова къ его проекту.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ теченіе своего 400-лѣтняго существованія Угличскій дворецъ претерпѣлъ различныя видоизмѣненія и, конечно, въ силу естественнаго порядка вещей, въ разныя времена не сохранялъ одинъ и тотъ же видъ какъ внутри, такъ и снаружи. Слѣдовательно, прежде всего рождается вопросъ, въ какомъ видѣ желательно его возобновленіе: въ томъ ли, въ какомъ онъ былъ отстроенъ во 2-й половинѣ XV в. угличскимъ княземъ Андреемъ Васильевичемъ Большимъ, или въ томъ, въ которомъ онъ находился въ концѣ XVI в. при св. царевичѣ Димитріи.

Недолго нужно колебаться въ выборѣ послѣдняго, во 1-хъ потому, что, за исключеніемъ короткихъ и крайне отрывочныхъ лѣтописныхъ указаній, у насъ нѣтъ никакихъ другихъ археологическихъ данныхъ относительно устройства нашихъ домовъ и дворцовъ въ такую отдаленную эпоху, какъ XV в., между тѣмъ какъ для конца XVI в. этихъ данныхъ гораздо больше, а во 2-хъ, потому, что Угличскій дворецъ главнымъ образомъ дорогъ угличанамъ и всей православной Россіи по воспоминаніямъ о святомъ безвинномъ страстотерпцѣ.

Посмотримъ же теперь, какія мы имѣемъ данныя для возобновленія дворца въ подобномъ видѣ.

Всѣ историческія данныя, начиная съ роскошной жизни Угличскихъ князей [1]) и кончая многочисленной «царской услугой», прибывшей съ царевичемъ въ Угличъ [2]), свидѣтельствуютъ о томъ, что дворецъ въ своемъ первоначальномъ видѣ не могъ состоять изъ одной только каменной палаты, которая уцѣлѣла до нашего времени, и несомнѣнно имѣлъ пристройки. Киссель полагаетъ даже (стр. 373), что пристройки эти облѣпляли дворецъ со всѣхъ сторонъ и начинались тотчасъ подъ нижнимъ изразцовымъ поясомъ. Но этому предположенію прямо противорѣчатъ окна, находящіяся въ обоихъ этажахъ во всѣхъ стѣнахъ, кромѣ сѣверной; слѣдовательно, пристройки вплотную могли примыкать только съ сѣверной стороны. Вообще же вѣрнѣе предположить, что онѣ стояли поодаль и были соединены съ каменной частью «пере-

[1]) Киссель, Исторія г. Углича (Ярославль. 1844 г.), стр. 217.
[2]) Карамзинъ, т. X, гл. I.

ходами», какъ это мы часто встрѣчаемъ въ нашихъ древнихъ дворцахъ. Какія же это были пристройки?

Изъ приложеній видно, что онѣ были деревянныя, а значитъ, безслѣдно пропали для насъ, и объ возстановленіи ихъ нечего и думать. Остается, слѣдовательно, внутренность каменнаго зданія. Древнее раздѣленіе его подвала уцѣлѣло вполнѣ. Въ первомъ этажѣ замѣтны остатки поперечныхъ стѣнъ, и по нимъ еще можно, болѣе или менѣе, возстановить ихъ въ прежнемъ видѣ; этажъ этотъ былъ покрытъ балочнымъ настиломъ, потому что слѣдовъ пятъ сводовъ нигдѣ на стѣнахъ не видно. Что же касается до верхняго этажа, то перегородки, по свидѣтельству Свиньина, были вынуты при реставраціи 1802 г. и теперь никакихъ слѣдовъ отъ нихъ не имѣется. Помѣщеніе это, по преданію, было покрыто островерхими сводами, которые въ настоящее время безслѣдно замѣнены новымъ деревяннымъ потолкомъ. Слѣдовательно, въ самомъ дворцѣ мы не имѣемъ никакихъ точныхъ указаній относительно его прежнихъ подраздѣленій; то-же самое мы видимъ и въ лѣтописныхъ источникахъ. Значитъ, возстановить внутренность мы могли бы только съ помощію сравнительнаго метода, т. е. съ помощью тѣхъ данныхъ, которыя имѣются въ распоряженіи нашей археологической науки. Но такъ какъ подобная попытка была уже сдѣлана покойнымъ Л. В. Далемъ, то, прежде чѣмъ повторять ее, мы считаемъ нужнымъ остановиться на составленномъ имъ проектѣ реставраціи. Со свойственнымъ ему глубокимъ знаніемъ нашего древняго зодчества и народной жизни, покойный Л. В. Даль подобралъ и распредѣлилъ тѣ помѣщенія, которыя могли быть въ то время во дворцѣ, но, къ сожалѣнію, съ расположеніемъ введенныхъ имъ подраздѣленій довольно трудно согласиться. Подраздѣленія нижняго этажа сдѣланы имъ на основаніи существующихъ остатковъ стѣнъ, а слѣдовательно, ни размѣры, ни положеніе ихъ оспариваемо быть не можетъ; можно только возражать противъ ихъ назначенія; но за то средняя лѣстница, проектированная во второй этажъ, несомнѣнно, не могла существовать, во 1-хъ потому, что въ точкѣ x полъ второго этажа надъ нею проходитъ всего въ 2-хъ аршинахъ и, слѣдовательно, человѣкъ по ней свободно проходить не могъ; а во 2-хъ потому, что въ верхнемъ концѣ ея (по линіи z и y) ступени ея не имѣютъ справа боковой опорной стѣнки, а, значитъ, имъ держаться не на чемъ. Что же касается до 2-го этажа, то противъ проектированнаго Л. В. Далемъ подраздѣленія его говорятъ очень вѣскія данныя. Во-первыхъ, главная поперечная стѣна упирается въ тотъ простѣнокъ, на которомъ написанъ теперь ликъ Спаса Нерукотвореннаго, но образъ этотъ написанъ не

произвольно, а по чертамъ древняго изображенія, слѣдовательно, онъ существовалъ и въ древности, а тамъ, гдѣ былъ образъ, не могло быть стѣны. Во-вторыхъ, стѣны верхняго этажа, по проекту Л. В. Даля, не приходятся противъ стѣнъ нижняго этажа, вслѣдствіе чего онѣ могли стоять только на сводахъ; но никакихъ слѣдовъ сводовъ въ нижнемъ этажѣ не замѣтно; значитъ, и стѣнамъ держаться было не на чемъ, а въ такомъ случаѣ на этихъ мѣстахъ ихъ и быть не могло.

Итакъ, первая попытка возстановить внутреннія подраздѣленія дворца должна быть признана неудачною. Мы полагаемъ даже, что и всѣ дальнѣйшія попытки въ этомъ направленіи останутся также безуспѣшными въ смыслѣ исторической точности. Основная причина этого лежитъ въ томъ, что далеко не всѣ комнаты, входившія въ княжескій обиходъ, были расположены въ каменной части дворца, а, безъ сомнѣнія, находились также въ пристройкахъ, но какія изъ нихъ и въ какомъ количествѣ приходились на долю уцѣлѣвшей каменной постройки, мы не знаемъ.

Слѣдовательно, даже вооружившись сравнительнымъ методомъ и всѣми данными современной археологіи, мы можемъ только спроектировать внутренность въ характерѣ XVI в., но отнюдь не возстановить ее въ первоначальномъ видѣ, а это будетъ научная ложь, которая не можетъ быть допущена, потому что, вмѣсто пользы, она будетъ приносить вредъ.

Что же съ дворцомъ сдѣлать? Если его только просто отремонтировать и по прежнему предоставить самому себѣ, то это значитъ—обречь его на тѣ же превратности судьбы, которыя онъ испытывалъ до сихъ поръ, т. е. пройдетъ лѣтъ пятьдесятъ сто—и снова онъ, оставаясь безъ поддержки, приметъ прежній угрожающій видъ. Слѣдовательно, надо не только возобновить его, но и придать ему такое полезное назначеніе, благодаря которому онъ, помимо историческаго значенія, получилъ бы еще современное, жизненное значеніе, обезпечивающее ему чьи-либо постоянныя заботы.

Вотъ почему я полагаю, что самое лучшее было бы приспособить его подъ музей мѣстныхъ древностей, не искажая въ немъ ни въ чемъ остатковъ старины и сохранивъ ихъ такимъ образомъ для будущихъ изслѣдователей. Эта мысль моя была встрѣчена всеобщимъ сочувствіемъ какъ со стороны властей, такъ и со стороны общества. Быстрый ростъ нѣкоторыхъ нашихъ провинціальныхъ музеевъ, какъ напр., Тверского, Ростовскаго и бывшаго Новгородскаго, свидѣтельствуетъ о жизненности у насъ этого дѣла. Учрежденіе подобнаго музея въ Угличѣ тѣмъ болѣе кстати, что многія мѣстныя

древности, какъ это показали изслѣдованія, произведенныя мною совмѣстно съ г.г. предводителемъ дворянства и городскимъ головою, нуждаются въ охранѣ. Независимо отъ того, тогда же нѣсколько частныхъ лицъ изъявили готовность пожертвовать въ музей разные предметы древности, при чемъ первымъ жертвователемъ явился городской голова, а обязанности хранителя жертвуемыхъ вещей принялъ на себя предводитель дворянства.

Сообразно этому, проектъ возстановленія сдѣланъ мною соотвѣтственно будущему назначенію дворца. Начнемъ объясненіе проекта съ внутренности и затѣмъ уже перейдемъ къ наружному виду.

Подвалъ надо оставить въ его настоящемъ видѣ и только открыть задѣланныя окна и выровнять полъ; онъ долженъ быть всегда доступенъ, дабы всякій изслѣдователь могъ лично провѣрить легенды о пресловутомъ ходѣ къ Волгѣ. Въ южное отдѣленіе ведетъ въ настоящее время древняя кирпичная лѣстница, которую нужно только привести въ порядокъ; въ сѣверное отдѣленіе былъ нѣкогда входъ снаружи, на что указываютъ остатки теперь окончательно изуродованной арки. Открывать этотъ ходъ вовсе не желательно, принимая во вниманіе весеннее время, когда вода, при таяніи снѣга, можетъ легко хлынуть чрезъ эту дверь въ подвалъ и причинить не мало бѣдъ зданію, начиная съ сырости и кончая подмывомъ фундамента. Поэтому достаточно ограничиться въ этомъ мѣстѣ устройствомъ снаружи впадины, дабы показать, что здѣсь была дверь. Ходъ же въ подвалъ нужно устроить изнутри, сдѣлавъ деревянную лѣстницу въ сѣверо-западномъ углу, т. е. тамъ, гдѣ теперь провалился сводъ. Это мѣсто является единственно подходящимъ, потому что если и была нѣкогда лѣстница изнутри въ подвалъ, то именно здѣсь, такъ какъ, во 1-хъ, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ для нея нѣтъ отверстія въ сводѣ, а во 2-хъ, своду всего естественнѣе было провалиться именно тамъ, гдѣ уже въ немъ было оставлено отверстіе для лѣстницы.

Что касается перваго этажа, то слѣды поперечныхъ стѣнъ, замѣченные еще Л. В. Далемъ, не оставятъ никакого сомнѣнія относительно его древняго подраздѣленія, которое и воспроизведено на планѣ. Покрыть этотъ этажъ слѣдуетъ по древне-русскому пріему «матицами» съ «накатомъ», чисто выстроганными, и оставить ихъ не крашенными. Полъ исправить старый кирпичный. Такимъ образомъ нижнему этажу будетъ приданъ видъ, болѣе или менѣе подходящій къ первоначальному.

Распредѣленіе помѣщеній, принимая во вниманіе приспособленіе дворца подъ музей, должно быть такое:

1) Въ юго-западномъ углу—вестибюль или сѣни.

2) Въ юго-восточномъ углу—калориферъ или духовая печь.

3) Въ сѣверо-восточномъ—помѣщеніе для сторожа.

4) Въ сѣверо-западномъ—ходъ въ подвалъ.

Всѣ эти назначенія нисколько не искажаютъ древняго характера помѣщеній, за исключеніемъ духовой печи, которая на первый взглядъ можетъ показаться возмутительнѣйшей нелѣпостью. Но это такъ только, на первый взглядъ, а на самомъ дѣлѣ, какъ мы это сейчасъ увидимъ, нелѣпаго тутъ ничего нѣтъ.

И дѣйствительно, разъ дворецъ былъ помѣщеніе жилое, онъ несомнѣнно отапливался. Если онъ отапливался, то въ немъ должны сохраниться дымоходы въ стѣнахъ. И въ самомъ дѣлѣ, на восточной стѣнѣ его уцѣлѣла древняя наружная труба въ два дыма, изъ чего мы безспорно заключаемъ, что тутъ были двѣ печки; были ли еще во дворцѣ печи или нѣтъ, мы этого не знаемъ, потому что дымоходы могли быть въ среднихъ каменныхъ стѣнахъ, которыя до насъ не дошли. Да это для насъ и не важно. Для насъ важенъ фактъ, съ которымъ мы и должны считаться, что въ нашемъ распоряженіи имѣются для отопленія дворца лишь два дымохода, обусловливающіе только двѣ печи, ибо долбить древнія стѣны для проведенія новыхъ дымоходовъ является невозможнымъ, какъ въ техническомъ, такъ и въ археологическомъ отношеніи. Сильная копоть въ внутренней южной части восточной стѣны показываетъ, что здѣсь была въ древности печь, что и заставило Л. В. Даля предположить здѣсь «стряпушечью», т. е. кухню. Расположеніе двухъ дымоходовъ рядомъ несомнѣнно показываетъ, что здѣсь же неподалеку была другая печь. Но какія бы двѣ печи мы теперь ни поставили, двѣ ли нашихъ завѣтныхъ русскихъ, или двѣ изразчатыхъ, на подобіе печей XVII в., всетаки ихъ будетъ недостаточно для отопленія всего дворца; поэтому по проекту предположена одна русская для сторожа и другая духовая.

Теперь мы подходимъ къ самой существенной части вопроса: возможно ли допустить существованіе духоваго отопленія въ XVI вѣкѣ? Отвѣчаемъ: не только возможно, но даже и должно. И вотъ доказательство: полякъ Маскѣвичъ, жившій въ Кремлѣ «въ Московскую розруху», слѣдовательно, въ началѣ XVII вѣка, описывая кремлевскіе дворцы, говоритъ слѣдующее: «Есть (въ Кремлѣ) «каменный дворецъ, именуемый Золотою палатою, на стѣнахъ его находятся «изображенія..... окна въ два ряда....; печь устроена подъ землею, съ душни-

ками для нагрѣванія комнатъ»[1]). Итакъ, существованіе духовыхъ печей въ древности—фактъ несомнѣнный, а потому и устройство таковой въ Угличскомъ дворцѣ не противорѣчитъ научнымъ требованіямъ.

Чтобы покончить теперь съ нижнимъ этажемъ, намъ остается лишь рѣшить вопросъ о лѣстницѣ. Въ настоящее время мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, чтобъ въ древности была лѣстница изъ перваго этажа во второй, но здравый смыслъ заставляетъ предположить, что она была, ибо трудно себѣ представить, чтобы сообщеніе между двумя этажами могло производиться только черезъ открытую наружную лѣстницу и черезъ дворъ. Кромѣ того, подобная внутренняя лѣстница во второй этажъ необходима для музея.

Итакъ, и требованія археологическія, и требованія практическія сходятся и обусловливаютъ устройство лѣстницы. Но гдѣ же ее помѣстить? На томъ мѣстѣ, гдѣ она проектирована Л. В. Далемъ, она, какъ уже было указано, быть не могла. Слѣдовательно, ей должно быть отведено другое мѣсто, которое на проектѣ опредѣлено на основаніи слѣдующихъ соображеній: древнія лѣстницы наши дѣлались обыкновенно или «на стѣнахъ», или «на сводахъ», но никогда не дѣлались, по нынѣшнему образцу, «на косоурахъ». Первый способъ употреблялся преимущественно для внутреннихъ лѣстницъ, а второй для наружныхъ, причемъ внутреннія лѣстницы были обыкновенно очень узки, а наружныя сравнительно широки. Слѣдовательно, для нашей новой лѣстницы намъ надо имѣть двѣ параллельныхъ стѣны, въ очень недалекомъ другъ отъ друга разстояніи. Устроить это въ данномъ случаѣ очень просто: стоитъ только довести до пола второго этажа тонкую стѣнку существующей подвальной лѣстницы, и мы получимъ желаемую клѣтку. Подобное устройство ничѣмъ не противорѣчитъ древнему характеру зданія и вмѣстѣ съ тѣмъ почти не отнимаетъ мѣсто отъ верхняго музейнаго помѣщенія. Лѣстница эта должна быть каменная и обнесена наверху, во второмъ этажѣ, перилами въ видѣ каменной стѣнки съ квадратными впадинами или «ширинками».

Обратимся теперь къ верхнему этажу.

Возстановить его древнія подраздѣленія, какъ мы уже видѣли, невозможно, а значитъ самое лучшее—оставить его въ видѣ одной большой комнаты, которая наиболѣе подходитъ для устройства музея. Значитъ, весь вопросъ сводится только къ его покрытію, которое, конечно, было сводчатое. Для покрытія палатъ у насъ въ древности употреблялись почти исключительно своды сомкну-

[1]) Сказанія соврем. о Димитріи Самозванцѣ. Дневникъ Маскѣвича, стр. 56—57. Спб. 1859 г.

тые или крестовые; коробовыми преимущественно покрывались лѣстницы, сѣни и переходы. Если же мы присмотримся теперь къ примѣненію двухъ предыдущихъ формъ, то увидимъ, что первая примѣняется позже, а вторая раньше; такъ напр. Терема (XVII в.) покрыты сомкнутыми сводами, а Грановитая палата (конецъ XV в.)—крестовыми. Отсюда слѣдуетъ, что въ Угличскомъ дворцѣ, построенномъ въ XV в., правильнѣе примѣнить сводъ крестовый, нежели сомкнутый. Кромѣ этого предварительнаго соображенія, мы имѣемъ данныя въ самомъ дворцѣ, которыя говорятъ въ пользу крестоваго свода: возобновленный по древнимъ чертамъ Спасовъ ликъ изображенъ на стѣнѣ такъ высоко, что онъ былъ бы закрытъ пятами сомкнутаго свода, и только крестовый пройдетъ поверхъ его. Наконецъ, форма крестоваго свода—единственная, которая соотвѣтствуетъ преданію, утверждающему, что дворецъ былъ покрытъ «островерхими» сводами. Такъ какъ стѣны дворца, по своей нынѣшней ветхости, не могутъ выдержать распора настоящаго каменнаго свода, то его придется сдѣлать фальшивымъ деревяннымъ, оштукатурить снизу, для приданія каменнаго вида, и сдѣлать сверху смазку для тепла.

Что касается внутренняго расписанія, то мы, конечно, не имѣемъ теперь ни малѣйшей возможности возстановить его въ точности, а потому надо будетъ ограничиться только слѣдующимъ:

1) Отъ полу до оконъ сдѣлать темную панель, изобразивъ на ней, по древнему обычаю, полотенца.

2) Подъ окнами кругомъ всей палаты написать краткую лѣтопись дворца.

3) Стѣны и сводъ окрасить какимъ-либо легкимъ тономъ.

4) На южной стѣнѣ прописать вновь хорошею иконописью, пошибомъ XVI в., Спасовъ ликъ.

5) Въ оконныхъ амбразурахъ, по краямъ оконъ, двери и стѣнъ и по ребрамъ свода помѣстить неширокую полосу орнамента XVI в.

Полъ въ верхней палатѣ долженъ быть деревянный некрашенный, настланный «въ елку», а мебель должна состоять изъ полокъ, витринъ, столовъ, скамеекъ и креселъ, сдѣланныхъ по особымъ рисункамъ.

Возобновленіе фасада зданія слѣдуетъ начать съ того, что вокругъ дворца должна быть снята земля, мѣстами на аршинъ, а мѣстами на полтора, дабы открыть окна подвальнаго этажа, которыя были въ старину снаружи, а не подъ землею, затѣмъ открыть всѣ заложенные оконные и дверные пролеты и вставить въ нихъ оконницы, по образцу уцѣлѣвшихъ древнихъ, и желѣзныя двери, на подобіе древнихъ же, хранящихся въ нижнемъ этажѣ дворца, нако-

нецъ отчистить всю штукатурку, поддѣлать обвалившуюся кирпичную кладку и поставить вновь выкрошившіеся изразцы; новая безобразная рѣшетка, которая теперь окружаетъ дворецъ, должна быть сломана.

Все это исправленія, отрицать необходимость которыхъ нѣтъ никакой возможности. Но дальше мы уже входимъ въ область археологическихъ догадокъ, а потому каждую изъ нихъ должны подкрѣпить соотвѣтственными научными данными. Первое, что бросается въ глаза при осмотрѣ фасадовъ, это то, что щипецъ западной стѣны не имѣетъ ни поясовъ, ни балясинокъ. Но мы знаемъ, что онъ новый, и знаемъ даже, когда и при какихъ условіяхъ онъ сложенъ. А отсюда слѣдуетъ, что его надо возстановить въ его первоначальномъ видѣ, т. е. сдѣлать съ изразцовыми поясами, балясинами и такими же точно кирпичными узорами, какъ на другихъ.

Перейдемъ теперь къ вопросу о лѣстницѣ. Одного взгляда на существующую нынѣ достаточно, чтобы убѣдиться, что она новая и, слѣдовательно, подлежитъ сломкѣ. Всѣ данныя говорятъ въ пользу того, что древнее крыльцо было деревянное. Но здѣсь научныя требованія идутъ въ разрѣзъ съ практическими соображеніями, ибо сдѣлать деревянную лѣстницу — это значитъ поставить такую гнилушку, которую придется перестраивать чрезъ какихъ-нибудь пятнадцать-двадцать лѣтъ. Чтобы примирить эти противорѣчія, въ проектѣ избранъ средній путь: низъ крыльца со ступенями и верхней площадкой сдѣлать каменный, а верхъ его, т. е. галлерейка, перила и покрытіе предположены деревянными. И такое устройство даже вовсе не противно характеру древности, ибо, напр., въ Вознесенской церкви с. Коломенскаго подъ Москвой мы видимъ каменныя крыльца, крытыя не сводами, а деревяннымъ верхомъ. На формѣ крыльца также слѣдуетъ нѣсколько остановиться.

«Въ древнемъ быту, говоритъ И. Е. Забѣлинъ [1]), устройство крыльца не ограничивалось только тѣмъ значеніемъ, что это былъ необходимый входъ въ жилище. Оно вмѣстѣ съ тѣмъ представляло, такъ сказать, особое поприще, гдѣ неизмѣнно долженъ былъ происходить цѣлый особый порядокъ бытовыхъ отношеній. На немъ происходили встрѣчи и проводы гостей и, стало быть, показывался лицомъ тогдашній чинъ или этикетъ жизни; на немъ всегда появлялся, такъ сказать, казовой конецъ этой жизни. Вотъ причина, почему устройство крыльца выработалось въ особый типъ.

«Обыкновенно оно состояло изъ нѣсколькихъ ступенныхъ входовъ или

---

[1]) „Черты самобытности въ русскомъ зодчествѣ“. *Древняя и Новая Россія* 1878 г., стр. 197.

широкихъ лѣстницъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга рундуками или площадками, иначе сказать, отдыхами. Такъ какъ дорогому гостю по обычаю дѣлалось обыкновенно три встрѣчи, то въ общемъ порядкѣ и на крыльцѣ устраивалось три рундука. Сначала три ступени вели на нижній рундукъ или особый квадратный помостъ, стоявшій передъ хоромами на площади двора. Дальше ступени шли прямо на средній рундукъ, откуда лѣстница поворачивала подъ прямымъ угломъ или вправо, или влѣво, возлѣ стѣны зданія, и приводила на верхній рундукъ, находившійся на уровнѣ пола сѣней, передъ сѣнными дверями. Совокупность этихъ рундуковъ и лѣстницъ составляла крыльцо, которое, какъ независимая часть, всегда пристраивалось къ хоромамъ особо, крыломъ, и никогда не входило подъ общую кровлю даже съ сѣнями. При этомъ каждая доля крыльца покрывалась особою кровлею».

И дѣйствительно, какое бы мы ни взяли изъ древнихъ дошедшихъ до насъ крылецъ, всѣ они имѣютъ этотъ типъ. Такія крыльца, напр., мы видимъ на рисункахъ Олеарія, такого же типа было Красное Крыльцо, какъ это показываютъ намъ изображенія знаменитой книги «Объ избраніи на царство царя Михаила Ѳедоровича», наконецъ, таково же крыльцо Коломенскихъ хоромъ царя Алексѣя Михайловича. Слѣдовательно, мы съ весьма большой вѣроятностью можемъ заключить, что такое же крыльцо было въ древности и у Угличскаго дворца, сообразно чему оно и было проектируемо, при чемъ за образецъ для нижней части было принято крыльцо стариннаго дома Зеленщикова въ г. Чебоксарахъ, Казанской губерніи, рисунки котораго были опубликованы въ журналѣ «Зодчій» за 1886 г. архитекторомъ Б. К. Веселовскимъ, а за образецъ для верхней части были приняты древнія формы нашего деревяннаго зодчества, опубликованныя академикомъ Л. В. Далемъ и В. В. Сусловымъ въ томъ же журналѣ «Зодчій» за 1874, 1875, 1878, 1881, 1883 и 1885 гг.

Чтобы закончить поясненіе проекта, намъ остается только выяснить самый темный вопросъ о формѣ крыши. Л. В. Даль предполагаетъ для нея двоякую форму: или она была двускатная, или она была террасою. Но въ первомъ случаѣ надо предположить, что въ старину было только два щипца, между тѣмъ какъ на дворцѣ сохранилось три древнихъ щипца, а слѣдовательно, двускатной крыши быть не могло. Что-же касается террасы, то ея также нельзя допустить, и вотъ почему: во-первыхъ, въ такомъ случаѣ на дворцѣ является карнизъ въ пять съ половиною аршинъ высоты, который больше всего этажа, чего нигдѣ и никогда въ древне-русскомъ зодчествѣ не встрѣчается; во-вторыхъ, при этомъ получается такая громадная горизонтальная площадь (около 25 кв. саж.), которую

при нашемъ климатѣ даже и теперь очень трудно предохранить отъ течи. Нечего, значитъ, и говорить о XV в., когда техническіе пріемы были еще такъ слабы и когда въ лѣтописяхъ раздаются жалобы на то, что своды церковные текутъ въ яндовахъ (въ разжелобкахъ).

Итакъ, если ни одно изъ этихъ предположеній не можетъ быть принято, то какой же формы могла быть крыша? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, нужно сперва рѣшить другой: откуда были мастера, строившіе Угличскій дворецъ?

Ближайшими къ Угличу древне-русскими строительными центрами были Владиміръ и Москва. Но Владиміръ послѣ татаръ пострадалъ настолько, что въ немъ надолго замерла всякая строительная дѣятельность [1]). Москва же въ XV в. своихъ мастеровъ не имѣла и, какъ мы это знаемъ изъ многихъ примѣровъ, въ родѣ постройки Благовѣщенскаго собора, пользовалась мастерами новгородскими и псковскими. Нужда ея доходитъ въ этомъ отношеніи до того, что послѣ неудачной попытки извѣстныхъ Кривцова и Мышкина соорудить Успенскій соборъ, великому князю Ивану III-му пришлось выписать себѣ изъ-за границы знаменитаго Аристотеля Фіоравенти.

А отсюда ясно, что ни Москва, ни Владиміръ не могли дать Угличу каменныхъ мастеровъ и что они могли появиться въ немъ только изъ Великаго Новгорода, который продолжалъ развивать свое художество и въ XV в., будучи защищенъ отъ татаръ своими трясинами и болотами. Это предположеніе вполнѣ подтверждается сравненіемъ Угличскаго дворца съ Новгородскими постройками: это дословно однѣ и тѣ же детали. А если дворецъ былъ построенъ новгородскими мастерами, то они могли покрыть его своимъ излюбленнымъ покрытіемъ восьмискатною крышею, которою покрыто большинство ихъ церквей. Это предположеніе подтверждается слѣдующими соображеніями:

1) Только восьмискатною крышею можетъ быть объяснено существованіе на дворцѣ четырехъ щипцовъ, изъ которыхъ три несомнѣнно древніе.

2) Если бы вмѣсто этихъ щипцовъ существовали прямыя стѣны, то они никакъ бы не могли обвалиться съ такою правильностью, что на цѣлыхъ трехъ фасадахъ сохранились вполнѣ равныя и симметричныя части.

3) Если бы верхъ дворца не былъ въ древности подготовленъ подъ восьмискатную крышу, то купецъ Кожевниковъ, отремонтировавшій его въ 1802 году, никогда бы не вздумалъ примѣнять этой формы крыши, такъ какъ она совсѣмъ не примѣнялась въ господствовавшей у насъ тогда западно-евро-

---

[1]) Объ этомъ см. у Артлебена: Памятники зодчества древней Суздальской области, стр. 24 (Владиміръ. 1880 г.).

пейской архитектурѣ. Если же онъ сдѣлалъ крышу восьмискатную, то только потому, что иной къ уцѣлѣвшимъ верхнимъ частямъ нельзя было приладить [1]).

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній крыша эта проектирована снова восьмискатная.

Что же касается замѣчанія Л. В. Даля, что восьмискатная крыша «врѣзывается во всѣхъ четырехъ углахъ въ древній карнизъ», то это возраженіе само собою падаетъ, если принять во вниманіе, что карнизъ состоитъ только изъ двухъ поясовъ изразцовъ и двухъ рядовъ балясинокъ, которыхъ не касается крыша, а всѣ верхніе горизонтальные ряды кирпича ребромъ и зигзагомъ суть не что иное, какъ украшенія щипцовъ, которые новгородцы примѣняли даже въ томъ случаѣ, когда щипцы были съ арками.

Кровля покрыта желѣзомъ въ шахматъ. По коньку, по древнему обычаю, тянется «князекъ» съ «прапорцами» по концамъ, а по краямъ крыши—мѣдный вызолоченный подзоръ или кружево. Посрединѣ крыши, на шпилѣ, помѣщенъ двуглавый орелъ древняго характера. Если его не было при первоначальной постройкѣ дворца, то онъ, несомнѣнно, былъ водруженъ при переѣздѣ царевича Димитрія, или во время поправки при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Верхушка трубы надстроена и обработана по образцу древнихъ трубъ, уцѣлѣвшихъ въ теремѣ Ростовскаго кремля».

Мѣстная коммиссія постановила: 1) съемки земли вокругъ дворца не производить, изъ опасенія сырости и по невозможности сдѣлать выемку обширныхъ размѣровъ; 2) печи устроить во всѣхъ этажахъ, кромѣ подвальнаго, по слѣдамъ прежнихъ дымоходовъ; 3) сводъ въ верхнемъ этажѣ сложить изъ пустотѣлаго кирпича; 4) кровлю сдѣлать черепичную, отъ чего коммиссія, впрочемъ, отказалась вслѣдствіе протеста Н. В. Султанова, заявившаго, что въ древности черепицею покрывались лишь кирпичныя кладки, а не деревянныя стропила, и что идеалъ крыши есть крыша мѣдная; 5) покрытіе произвести въ полукоробку, какъ во многихъ ярославскихъ церквахъ, изъ соображеній экономическаго характера и въ разсчетѣ на большую прочность. Наконецъ, получивъ свѣдѣніе, что при снятіи земли на глубину 3 арш. на мѣстѣ предполагаемаго крыльца открытъ широкій входъ въ подвальное помѣщеніе (вслѣдствіе чего проектъ Н. В. Султанова долженъ былъ подвергнуться измѣненію), И. А. Шляковъ внесъ свой проектъ каменной лѣстницы со сплошной коробкой для нея и деревяннымъ верхомъ. Затѣмъ при работахъ замѣчено было: 1) что всѣ 4 щипца зданія оказались усѣченными, вслѣдствіе чего рѣ-

[1]) Это же подтверждается и ремонтомъ 1755 г.

шено было ихъ поднять на $^3/_4$ арш.; 2) что длина сѣвернаго фасада, гдѣ должна стоять лѣстница, оказалась значительно больше, чѣмъ указано на проектѣ; 3) что на западной стѣнѣ перваго этажа имѣются штрабы внутри комнатъ, а также слѣды лѣстницъ сюда изъ подвальнаго этажа съ нѣсколькими перекинутыми арками, изъ чего стало яснымъ, что лѣстница эта была покрыта въ первомъ этажѣ рундукомъ съ печурами, подобнымъ тѣмъ рундукамъ, какіе наблюдаются въ Іераршемъ Домѣ Ростовскаго кремля, а также и въ княжихъ теремахъ XV в. Проектъ крыльца, составленный И. А. Шляковымъ, былъ принятъ единогласно коммиссіей, нашедшей, что такое крыльцо болѣе подходитъ къ дворцу и наблюдается въ ярославскихъ постройкахъ XVI в. Постановлено было возстановить древній фризъ во всѣхъ его подробностяхъ, для чего верхъ крыльца нѣсколько понизить противъ первоначальнаго проекта, крышу лѣстницы покрыть дубовою чешуею. Проектъ И. А. Шлякова былъ разсмотрѣнъ въ реставраціонномъ засѣданіи Имп. Археологической Коммиссіи 25 января 1891 г., съ участіемъ губернатора А. Я. Фриде, при чемъ было постановлено: 1) возстановить вокругъ дворца дворикъ, съ надлежащею выемкою земли, если то дозволятъ мѣстныя условія; 2) отопленіе устроить посредствомъ калориферовъ, помѣщенныхъ въ нижнемъ этажѣ, подъ каменнымъ сводомъ; старыя печи и наружныя дымовыя трубы возстановить лишь въ видахъ сохраненія прежняго вида постройки; 3) сдѣлать подробное и тщательное изслѣдованіе стѣнъ для выясненія вопроса о томъ, не найдется ли на нихъ слѣдовъ пятъ внутренняго свода; если такіе слѣды окажутся, то возстановить своды каменные, при чемъ постараться опредѣлить, не было ли среди комнатъ столба, на который опирались своды; 4) просить г. губернатора приказать тщательно разслѣдовать границы прежнихъ фронтоновъ, чтобы убѣдиться въ томъ, былъ ли въ древности фронтонъ, или же крыша была покрыта прямо на карнизахъ; 5) взамѣнъ представленныхъ проектовъ крыльца построить висячее крыльцо, по примѣру существовавшихъ въ старину, такъ какъ проектированное каменное основаніе крыльца нарушаетъ общій характеръ зданія, и никакихъ слѣдовъ такого крыльца не найдено; при разработкѣ деталей деревянныхъ частей обратить вниманіе на сохранившіеся древніе образцы рѣзьбы; 6) подзоры желательно исполнить не рельефно, а болѣе близко къ древнимъ мотивамъ подобнаго рода украшеній; 7) желательно имѣть полное археологическое изслѣдованіе памятника до начала реставраціонныхъ работъ, для чего командировать академика В. В. Суслова (подавшаго мысль о деревянномъ висячемъ крыльцѣ).

Отношеніемъ отъ 14 февраля 1891 г. губернаторъ вновь настаивалъ на

принятіи проекта каменнаго крыльца, основываясь на многочисленныхъ примѣрахъ зданій въ Ростовско-Суздальской области, на иконахъ царевича и на томъ соображеніи, что такое крыльцо будетъ прочнѣе. По заключенію В. В. Суслова отъ 24 февраля 1891 г., предположенное имъ деревянное крыльцо дешевле и ближе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ фундамента для каменнаго крыльца не было обнаружено; впрочемъ, онъ находилъ, что разъ работы по устройству фундамента начаты, то можно ихъ продолжить, но крыльцо необходимо сложить по первому, а не по второму проекту.—Отношеніемъ отъ 9 марта 1891 г. губернаторъ еще разъ настаивалъ на возведеніи именно каменнаго крыльца, такъ какъ этого требуютъ жертвователи. По распоряженію Министра Внутр. Дѣлъ И. Н. Дурново отъ 23 марта 1891 г. (по Технич.-Строит. Комитету), крыльцо приказано сдѣлать каменное, по указаніямъ Археологической Коммиссіи, а для юбилейнаго празднованія устроить временное деревянное крыльцо.

5 апрѣля 1891 г. состоялся актъ дополнительнаго осмотра дворца, произведеннаго командированнымъ отъ Коммиссіи Н. В. Султановымъ и членами мѣстной коммиссіи, не исключая и И. Я. Шлякова. Осмотръ показалъ слѣдующее:

«А. *Сѣверная стѣна.* 1) Щипецъ древній, наложенъ только въ верхнемъ углу, который обвалился по шву. 2) Подъ нижнимъ рядомъ балясника видны три большихъ гнѣзда, которыя ясно указываютъ, что съ этой стороны существовало какое-то покрытіе. 3) По бокамъ дверной арки существуютъ два малыхъ гнѣзда, въ которыя входили балочки купола новаго крыльца 1802 г. 4) У нижнихъ угловъ двери ниже порога замѣтны четыре гнѣзда, изъ которыхъ два открыты, а другія два задѣланы; въ открытыя гнѣзда входили балочки площадки новаго крыльца, а задѣланныя гнѣзда служили, вѣроятно, для укрѣпленія балокъ древняго крыльца, галлереи или перехода, которые вели съ наружной двери. 5) У сѣверо-восточнаго угла на горизонтѣ балокъ 2-го этажа видно задѣланное отверстіе, примѣрно въ квадратный аршинъ, въ которомъ устроены два сквозныхъ внутрь наклонныхъ канала неизвѣстнаго назначенія. 6) У сѣверо-западнаго угла нѣсколько ниже горизонта пола второго этажа есть устье горизонтальнаго канала глубиною около 3 аршинъ, расположенное вдоль западной стѣны, каковой каналъ, по всей вѣроятности, есть мѣсто сгнившей древней дубовой связи. 7) Ближе къ сѣверо-западному углу, на разстояніи отъ него на 2 арш. 14 в. и на высотѣ 3 арш. 6 в. отъ земли имѣются два небольшихъ гнѣзда, въ которыхъ были задѣланы балочки новой лѣстницы 1802 г. 8) Низъ стѣны облицованъ въ настоящее время при работахъ коммиссіи кирпичемъ; въ ней открыта дверь въ подвалъ, выведена на старыхъ

мѣстахъ стѣнка лѣстницы, ведущей въ подвальный этажъ, и пробита подъ щипцомъ борозда для связи. 9) При устройствѣ новаго фундамента для предполагаемой лѣстницы не было найдено никакихъ слѣдовъ древняго фундамента.

Западная стѣна. 1) Щипецъ позднѣйшей постройки. 2) Стѣна выпучена по срединѣ по вертикальному направленію, при наибольшемъ выступѣ въ 4 вершка. 3) Гнѣздъ не замѣчено никакихъ. 4) Весь фасадъ покрытъ вертикальными трещинами. 5) При послѣднихъ работахъ, произведенныхъ коммиссіею, облицованъ весь низъ, облицовано подвальное окно, сдѣланъ къ нему пріямокъ глубиною 15 в. и пробита борозда подъ щипцомъ для новой связи.

Южная стѣна. 1) Щипецъ древній, немного подложенный по краямъ и наверху. 2) Гнѣздъ нѣтъ. 3) При послѣднихъ работахъ стѣна вновь облицована на высоту отъ 2 до 3 аршинъ и пробита подъ щипцомъ борозда для новой связи.

Восточная стѣна. 1) Щипецъ древній, обвалившійся слегка по краямъ и подложенный немного съ лѣвой стороны. 2) Труба дымовая древняя. 3) Снизу стѣна при послѣднихъ работахъ облицована на два аршина и пробита новая борозда для связи. По этимъ бороздамъ положены вокругъ всего дворца новыя желѣзныя связи, стянутыя винтами съ гайками. Всѣ древнія окна и двери, прежде заложенныя, теперь открыты.

Внутренность дворца. Сѣверное отдѣленіе подвала. 1) Древняго ничего не осталось, а при работахъ коммиссіи частью облицованы, частью подведены новыя стѣны. 2) Сдѣланъ новый сводъ по старому шаблону. 3) Открыта наружная дверь на сѣверный фасадъ, на вновь открытую лѣстницу. 4) Облицованы два окна и сдѣланы на старыхъ мѣстахъ четыре печурки по существовавшимъ образцамъ.—Южное отдѣленіе подвала. 1) Земля вынута на три аршина. 2) Кирпичная старая лѣстница исправлена и вновь закончена у правой входной двери западной стѣны, ниже горизонта земли на 12 вершковъ. 3) Стѣны частью перелицованы. 4) Открыто древнее окно въ восточной сторонѣ и сдѣланъ къ нему пріямокъ. 5) Сводъ и печуру найдено было возможнымъ сохранить старые.

Первый этажъ. Въ первомъ этажѣ возведена при работахъ коммиссіи на старомъ основаніи новая кирпичная стѣна на высоту 1 арш. 4 в., раздѣляющая его на два отдѣленія: сѣверное и южное.

Сѣверное отдѣленіе. а) Въ сѣверной стѣнѣ сдѣлана при послѣднихъ работахъ новая облицовка и выведена на старомъ мѣстѣ новая разгрузная арка. б) Балки въ гнѣздахъ подняты по три ряда кирпича при старыхъ поправкахъ.

в) Въ западной стѣнѣ облицовано окно. г) На сѣверной стѣнѣ подъ балками замѣтна новая подкладка въ 4 ряда кирпича, сдѣланная при прежнихъ поправкахъ.

Южное отдѣленіе. 1) При работахъ коммиссіи открыты и облицованы двѣ двери и три окна. 2) Надъ подвальной лѣстницей сдѣланъ новый кирпичный рундукъ съ печурой, не доконченный въ сѣверномъ концѣ. 3) Сѣверная стѣна перелицована мѣстами при прежнихъ поправкахъ; на ней замѣтна сильная копоть, которая вмѣстѣ съ существующей съ фасада трубой несомнѣнно указываетъ на существованіе здѣсь печи. 4) На южной сторонѣ имѣется начало древней поперечной стѣны, показанной на проектѣ Н. В. Султанова. Во всемъ нижнемъ этажѣ снятъ ветхій древній полъ, вымощенный прежде подовымъ кирпичемъ.

Верхній этажъ. 1) Во всемъ второмъ этажѣ, за исключеніемъ средины южной стѣны съ изображеніемъ Нерукотвореннаго Спаса, была сбита штукатурка, при чемъ оказалось, что никакихъ слѣдовъ сводовъ не уцѣлѣло; это объясняется тѣмъ, что стѣны изнутри были сплошь перелицованы при перестройкѣ, произведенной въ 1802 г.; новая же перелицовка стѣнъ доказывается, во 1-хъ, полною сохранностью ихъ поверхностей, а во 2-хъ, инымъ размѣромъ кирпича сравнительно со старой кладкой. 2) Никакихъ слѣдовъ средняго столба не найдено, да его и быть не могло, потому что онъ могъ бы стоять только на средней стѣнѣ, а толщина ея всего 2½ кирпича, что невѣроятно мало для стороны «древняго» квадратнаго столба.

Чердакъ. Южный щипецъ. а) На южномъ щипцѣ имѣются шесть гнѣздъ; изъ нихъ верхнія два, лежащія близъ краевъ щипца, въ настоящее время ничѣмъ не заполнены и предназначены были, вѣроятно, для концовъ толстыхъ прогоновъ, служившихъ основою системѣ древнихъ наслонныхъ стропилъ. б) По низу щипца идетъ обрѣзъ въ полкирпича. в) Съ нижнихъ угловъ щипца, касательно верхнимъ гнѣздамъ, замѣтны слѣды древнихъ наклонныхъ штрабъ, которые сходятся на верху и опредѣляютъ древній уклонъ крыши; показанный на первоначальномъ проектѣ Н. В. Султанова назначенъ вѣрно. г) Ниже обрѣза лежатъ два большихъ гнѣзда, занятыя новыми балками; гнѣзда эти, по нѣкоторымъ признакамъ, позднѣйшаго происхожденія и сдѣланы при послѣднемъ устройствѣ деревяннаго потолка, въ 1802 г. д) Два гнѣзда, лежащія близъ угловъ, находятся выше наклоннаго наката потолка и ничѣмъ въ настоящее время не заняты; назначеніе ихъ объяснить довольно трудно, ибо на противоположномъ сѣверномъ щипцѣ такихъ гнѣздъ нѣтъ.

Западный щипецъ весь новый, сложенный при предыдущихъ поправкахъ.

Сѣверный щипецъ. а) На этомъ щипцѣ замѣтны четыре гнѣзда, расположенныя симметрично съ гнѣздами южнаго щипца. б) Они имѣютъ одинаковое съ ними происхожденіе и назначеніе. в) Угловыхъ гнѣздъ въ соотвѣтствіе гнѣздамъ южнаго щипца не имѣется. г) Въ низу щипца имѣется обрѣзъ въ полкирпича.

Восточный щипецъ. а) На немъ имѣются три гнѣзда; они ничѣмъ не заняты и служили, вѣроятно, для концовъ наслонныхъ стропильныхъ ногъ. б) Внизу замѣтны надъ новымъ накатомъ слѣды горизонтальной разбутки свода.

На основаніи всего этого коммиссія находитъ, что подробное изслѣдованіе это вполнѣ подтвердило данныя первоначальнаго осмотра, а потому полагала бы съ своей стороны держаться при реставраціи данныхъ, на основаніи которыхъ составленъ первоначальный проектъ, а именно: 1) подъемъ щипцовъ сдѣлать согласно первому проекту, составленному Н. В. Султановымъ; 2) внутренность покрыть крестовымъ сводомъ, дабы передать распоръ исключительно на углы; при прочихъ же формахъ сводовъ нельзя надѣяться на западную стѣну, которую, въ случаѣ передачи на нее распора свода, пришлось бы вывести всю вновь съ уровня пола второго этажа, а это совершенно нежелательно въ археологическомомъ отношеніи. Производителемъ работъ И. П. Маасомъ было заявлено по этому поводу, что онъ беретъ на себя только устройство крестоваго свода; для всѣхъ прочихъ формъ сводовъ, по его убѣжденію, прочность стѣнъ совершенно недостаточна, а потому онъ и не находитъ возможнымъ принять на себя ихъ устройство. 3) Балки пола 2-го этажа опустить до стараго уровня; 4) вывести въ нижнемъ этажѣ поперечную стѣну въ южномъ отдѣленіи, согласно первому проекту Н. В. Султанова; 5) печь помѣстить не въ подвалѣ, а въ первомъ этажѣ, во 1-хъ, потому, что въ подвалѣ печей въ древности не было; во 2-хъ, потому, что для трубы нужно будетъ пробивать сводъ и вести въ первомъ этажѣ трубу боровомъ до древняго хайла, и въ 3-хъ потому, что, по свидѣтельству старожиловъ, сильная полая вода иногда окружала дворецъ, а слѣдовательно, она легко можетъ размыть печь въ случаѣ помѣщенія ея въ подвалѣ; 6) пристроить съ сѣверной стороны къ наружной двери деревянное крыльцо съ каменной лѣстницей и нижнею каменною частью (согласно первому проекту Н. В. Султанова) въ виду предписанія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 23 марта 1891 г. за № 481, а также въ виду того, что древнія гнѣзда указываютъ на существованіе здѣсь горизонтальной площадки съ верхнимъ покрытіемъ; 7) выемку земли до прежняго

горизонта не дѣлать, ибо, по свидѣтельству старожиловъ, вода въ апрѣлѣ 1857 и 1881 гг., а по свидѣтельству Кисселя (стр. 368) и въ 1719 и 1742 гг. покрывала Соборную площадь; а значитъ, при повтореніи подобныхъ случаевъ, она могла бы вслѣдствіе выемки залить подвалъ дворца».

Въ засѣданіи 15 апрѣля 1891 г. Археологическая Коммиссія постановила вернуться къ проекту Н. В. Султанова, съ приспособленіемъ дворца подъ музей.

Возстановленный дворецъ царевича Димитрія (рис. 66) торжественно освященъ былъ 8 іюня 1892 г., въ присутствіи великаго князя Сергія Александровича и его супруги (*Моск. Вѣдом.* 1892 г. № 153). (Дѣло 1888 г. № 41).

Рис. 66.

2. Г. Угличъ. Алексѣевская церковь 1522 г. въ Алексѣевскомъ монастырѣ.

Отношеніемъ Имп. Арх. Коммиссіи отъ 23 февраля 1904 г. разрѣшена пристройка лѣваго придѣла. Храмъ (рис. 67) построенъ Угличскимъ княземъ намѣстникомъ Ѳ. С. Колычевымъ (который въ 1550 г. и погребенъ здѣсь), но неоднократно былъ передѣлываемъ. Въ 1857 г. передѣлана вновь вся вну-

Рис. 67. Угличъ. Алексѣевская церковь.

тренность храма, въ 1895 и 1899 г. поновлены стѣнная роспись и иконостасъ. По отзыву Ярославской архивной коммиссіи отъ 9 декабря 1903 г., произведшей осмотръ церкви, въ ней никакихъ слѣдовъ древней архитектуры не найдено. Въ ризницѣ имѣется икона князя Ѳомы Угличскаго (Колычева), прежде мѣстно чтимаго. (Дѣло 1903 г. № 216).

---

3. Г. Ростовъ. Успенскій соборъ, XVI—XVII вв.

Въ 1905 г. разрѣшено въ соборѣ переложить печь, исправить рамы, промыть стѣны и купола, исправить штукатурку, промыть иконостасъ. Работы были произведены подъ наблюденіемъ священника о. Вас. Мансветова, А. А. Титова и И. А. Шлякова. (Дѣло 1905 г. № 118).

---

4. Ярославль. Власіевская церковь, 1603 г.

Въ 1826 г. переложены были, за ветхостью, трапеза и алтарь (рис. 68). Возобновленная снаружи и внутри купцомъ И. П. Оловянишниковымъ, церковь была вновь освящена въ 1833 г. Съ 1866 по 1872 г. богослуженіе не совершалось, вслѣдствіе трещины, открывшейся надъ однимъ изъ внутреннихъ столбовъ. Послѣ ремонта церковь была освящена и богослуженіе совершается по настоящее время. Отношеніемъ Имп. Арх. Коммиссіи отъ 9 августа 1905 г. разрѣшены исправленіе и позолота главъ церкви. (Дѣло 1905 г. № 119).

Рис. 68. Ярославль. Власіевская церковь, 1603 г.

5. Ярославль. Николо-Надѣинская церковь, 1620 г.

Отношеніемъ отъ 23 декабря 1903 г. Ярославская дух. консисторія препроводила ходатайство о разрѣшеніи ремонта иконостаса (рис. 69), исполненнаго, согласно преданію, по рисункамъ перваго русскаго актера Ф. Г. Волкова, и напрестольной сѣни 1630 г. Ремонтъ разрѣшенъ, подъ наблюденіемъ мѣстной ученой архивной коммисіи, которая увѣдомила, что на клиросѣ, за позднѣйшимъ крыломъ иконостаса, открыта древняя нетронутая роспись, въ остальныхъ мѣстахъ храма переписанная въ XIX ст. Въ апрѣлѣ 1904 г. Н. В. Султановъ сообщилъ Коммиссіи, что сѣнь разобрана и отдана въ реставрацію по частямъ. Коммиссія ошибочно направила соотвѣтственный запросъ въ духовную консисторію и, въ отношеніи отъ 21 мая 1905 г., получила

Рис. 69. Иконостасъ Николо-Надѣинской церкви.

отъ архивной коммиссіи напоминаніе, что наблюденіе поручено ей оффиціально, и вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельное изложеніе хода работъ. Такъ какъ оказалось, что сѣнь установлена недостаточно прочно, грубо закрѣплена желѣзными набойками, скобами и гвоздями и собрана неправильно, безъ вниманія къ древнимъ помѣтамъ, и такъ какъ алтарь тѣсенъ и не отопляется, а нѣкоторыя работы (напр., отчистка левкаса и поправка слюды) вовсе не могутъ быть произведены на мѣстѣ, то сѣнь была разобрана и реставрируется по частямъ. Ремонтъ состоитъ въ удаленіи левкаса (что достигается его разжиженіемъ и

чисткой деревянными палочками и щетинными кистями) и въ возстановленіи первоначальной раскраски масляными красками и позолоты и посеребренія по мардану. Приложенъ подробный актъ осмотра сѣни 3 ноября 1904 г., которымъ между прочимъ, установлено, что сѣнь реставрировалась лишь одинъ разъ. Реставрація сѣни одобрена членомъ Археологической Коммиссіи П. П. Покрышкинымъ, осмотрѣвшимъ ее въ іюнѣ 1905 г. Фотографическій снимокъ съ сѣни имѣется въ собраніи И. Ѳ. Барщевскаго. (Дѣло 1904 г. № 8).

---

6. Г. Ярославль. Спасо-Преображенскій монастырь. Богородская башня, 1623 г.

Преосвященный Ярославскій Іонаѳанъ въ 1895 г. предпринялъ переустройство запущенной Богородской башни (рис. 70), построенной, какъ предполагается, въ память пребыванія въ стѣнахъ монастыря въ 1613 г. царя Михаила Ѳедоровича. Въ нижнемъ этажѣ предположено было устройство часовни, а въ верхнемъ — помѣщеніе для Свято-Дмитріевскаго братства. Проектъ переустройства, составленный губернскимъ инженеромъ Шишкинымъ, былъ имъ лично представленъ Имп. Московскому Археологическому Обществу въ засѣданіи 22 дек. 1895 г., одобренъ съ нѣкоторыми замѣчаніями касательно устройства шатра, переправленъ, вновь представленъ и одобренъ Обществомъ. Отношеніемъ 23 февраля 1896 г. разрѣшеніе было дано съ условіемъ переустройства крыши по образцу шатра Варварскихъ воротъ въ Москвѣ; Общество было столь предупредительно, что препроводило даже фотографическій снимокъ съ этого шатра для руководства. Отношеніемъ отъ 23 мая 1896 г. св. Синодъ передалъ проектъ на утвержденіе Имп. Археологической Коммиссіи, которая, отношеніемъ отъ 14 іюня того же года, увѣдомила Оберъ-Прокурора св. Синода, что она одобряетъ распоряженіе Имп. Московскаго Археологическаго Общества объ устройствѣ на башнѣ шатра, подобнаго шатру Варварскихъ воротъ, но находитъ, что пропорціи шатра и устройство его оконъ въ проектѣ не отвѣчаютъ указанному образцу, равно какъ и рисунокъ черепицы; что, кромѣ того, шатеръ слишкомъ малъ на чертежѣ, а въ дѣйствительности будетъ

Рис. 70. Ярославль. Богородская башня, 1623 г.

закрываться зубцами стѣны; что нижнія половины стѣнъ и лопа- на фотографическомъ снимкѣ и чертежѣ отличаются; что украшенія ей и оконъ не соотвѣтствуютъ общей простотѣ постройки. Коммиссія ила представить ей новый проектъ переустройства съ чертежами всѣхъ полагаемыхъ измѣненій. Требованіе это вызвало сильное неудовольствіе священнаго, который представленіемъ отъ 5 августа 1896 г. донесъ Синоду, что Богородская башня и безъ предполагаемой реставраціи благо- а, что «большая зависимость какъ настоящаго дѣла, такъ и другихъ бныхъ, отъ нѣсколькихъ разнствующихъ техническихъ и археологиче- ъ воззрѣній неизмѣнно сопровождается усложненіемъ, промедленіемъ и иченіемъ расходовъ въ веденіи такихъ дѣлъ, нерѣдко отяготительными, лкивающими и техниковъ, и жертвователей на возобновленіе обветшав- ъ церковныхъ зданій»; что реставрація башни имъ откладывается на редѣленное время и что онъ предполагаетъ ограничиться обновленіемъ ренняго устройства ея съ устройствомъ двери и окна въ прежнихъ прое- ь. 20 сентября 1896 г. св. Синодомъ отзывъ этотъ препровожденъ былъ въ миссію съ просьбою увѣдомить, будетъ ли разрѣшено предполагаемое священнымъ Іонаѳаномъ переустройство. Отвѣтъ отъ Коммиссіи замедлился. мѣстныя ярославскія власти не могли ждать, и переустройство было испол- безъ всякаго разрѣшенія, въ чемъ Коммиссія убѣдилась, попросивъ Барщевскаго сдѣлать фотографическій снимокъ съ башни (рис. 70). еологическая Коммиссія, отношеніемъ отъ 21 декабря 1896 г., довела этомъ до свѣдѣнія Оберъ-Прокурора св. Синода и просила его сдѣлать улярное подтвержденіе по православному вѣдомству о неуклонномъ испол- и Высочайшаго повелѣнія 11 марта 1889 г., а также о заблаговремен- доставленіи въ Коммиссію какъ проектовъ, такъ и всѣхъ нужныхъ ментовъ къ нимъ. Соотвѣтственный циркуляръ г. Оберъ-Прокурора напеча- былъ въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» 1897 г., № 5. (Дѣло 1896 г. № 88).

Ростовскаго у. село Угодичи. Богоявленская церковь, 1620—1627 г.

По церковной лѣтописи, первая каменная церковь въ названномъ селѣ построена однимъ изъ потомковъ св. благовѣрнаго князя Ѳеодора Давидо- Ярославскаго, бояриномъ и думнымъ дьякомъ Томилою Луговскимъ, и щена Ростовскимъ митрополитомъ Варлаамомъ. Въ 1670—1673 г. при- ены три придѣла, въ 1678—1683 г. пристроена теплая каменная трапеза

Рис. 71. Церковь с. Угодичъ Ростовскаго у., 1620—27 г.

съ двумя придѣлами, въ 1792—1796 г. трапеза была распространена въ длину и построена была большая колокольня, существующая и понынѣ. Въ 1851—1857 гг. церковь (рис. 71) была вновь распространена и перестроена мѣстнымъ крестьяниномъ А. Я. Артыновымъ; именно, холодная церковь была расширена, трапезная удлинена, внутри украшена лѣпными карнизами, арабесками и мраморными столбами. Отношеніемъ 10 октября 1906 г. было разрѣшено чугунный полъ церкви, очень красивый, замѣнить плиточнымъ на бетонѣ. Прежнимъ поломъ предложено воспользоваться Ростовскому музею. (Дѣло 1905 г. № 135).

---

8. Г. Угличъ. Успенскій храмъ Алексѣевскаго монастыря. 1628 г.

Церковь (рис. 72), называемая «Дивною», построена келейнымъ старцемъ патріарха Филарета Мисаиломъ, строителемъ монастыря. Въ 1887 г. церковь обновлена вся внутри и окрашена краскою. Отношеніемъ отъ 5 ноября 1902 г. разрѣшено въ церкви перемѣнить полъ, балки котораго попортились,

Рис. 72. Успенская церковь Угличскаго Алексѣевскаго монастыря, 1628 г.

исправить и перезолотить рѣзьбу иконостаса (рис. 73) и перекрасить его тѣмъ же зеленымъ колеромъ, вставить въ окна новыя желѣзныя рѣшетки, перекрасить самый храмъ. Дополнительно было представлено ходатайство разрѣшить замѣну поздняго деревяннаго балкона церкви каменнымъ крыльцомъ съ парадною лѣстницею, по эскизу академика архитектуры М. Т. Преображенскаго. (Дѣло 1902 г. № 196).

Рис. 73. Иконостасъ Успенской церкви Угличскаго Алексѣевскаго монастыря.

Въ архивѣ Археологической Коммиссіи имѣется слѣдующая докладная записка объ этой церкви, представленная И. Ф. Барщевскимъ въ 1891 году г. Министру Императорскаго Двора. (Дѣло 1888 г. № 41).

«Церковь эта заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ историко-художественный памятникъ, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время его возможно реставрировать. До сихъ поръ на него не было обращено ничьего вниманія; причина этому лежитъ, вѣроятно, въ томъ, что вслѣдствіе передѣлокъ онъ совершенно утратилъ свой первоначальный видъ, и только при тщательномъ осмотрѣ можно видѣть, что это есть одинъ изъ прекрасныхъ памятниковъ зодчества.

Основаніемъ церкви служатъ два подвальные этажа, изъ которыхъ первый лежитъ ниже уровня земли. Надъ ними находится церковь съ очень высокою среднею частью и узкими, менѣе высокими, боковыми частями, оканчивающаяся сѣвернымъ и южнымъ алтарными абсидами. Алтарь отдѣленъ отъ средней части церкви стѣною, проходящею сквозь всѣ подвалы. Средняя высокая часть, какъ я полагаю (ибо видѣть этого нельзя, такъ какъ въ ней сдѣланъ деревянный потолокъ), имѣетъ сомкнутый сводъ и освѣщалась тремя окнами, находящимися подъ самымъ сводомъ. Далѣе, опираясь частію на этотъ же сводъ

и боковыя арки, возвышается шестигранникъ, оканчивающійся шатромъ, въ 16 арш. высотою. Изъ этого шатра въ западной и далѣе въ южной стѣнѣ идетъ узкая лѣстница. По сторонамъ этого шатра на восточныхъ углахъ его стоятъ менѣе высокіе шатры, въ 10 арш., также опирающіеся двумя сторонами на боковые своды. Къ западной сторонѣ церкви примыкаетъ двухъэтажное зданіе, своды котораго какъ перваго, такъ и второго этажа опираются на массивный, по срединѣ стоящій столбъ; полъ зала второго этажа на уровнѣ съ поломъ церкви; такимъ образомъ довольно большой, 30 кв. саж., залъ служитъ какъ бы продолженіемъ церкви. Залъ былъ покрытъ живописью, части которой до сихъ поръ сохранились подъ сводами, гдѣ находятся также и голосники. Насколько я могъ разсмотрѣть, эти остатки живописи заключаютъ въ себѣ сюжеты изъ священнаго писанія. Въ этотъ залъ былъ входъ снаружи сѣверной, а можетъ быть также и западной стороны, гдѣ до сихъ поръ осталась дверь и части желѣзныхъ связей, служившихъ для соединенія высокаго крыльца.

Въ настоящее время памятникъ этотъ находится въ такомъ положеніи: верхнія окна средней части церкви задѣланы и въ ней сдѣланъ деревянный потолокъ, окна въ церкви и алтарѣ увеличены, равно какъ въ верхней и нижней примыкающихъ къ ней палатахъ, гдѣ также сдѣланъ потолокъ и въ настоящее время находится архимандричій покой въ нѣсколько комнатъ, поставлены печи, проведены трубы, пробиты верхніе и нижніе своды для пропуска лѣстницъ, и къ довершенію всего въ среднемъ столбѣ, держащемъ на себѣ всю тяжесть сводовъ, пробиты широкіе проходы какъ вверху, такъ и внизу. Подъ настоящей желѣзной крышей уцѣлѣлъ каменный фронтонъ, дающій указаніе на первоначальное покрытіе».

---

9. Ярославль. Церковь св. Ильи Пророка, 1647 г.

Въ 1896 г. потомств. почетный гражданинъ И. А. Вахрамѣевъ предложилъ епархіальному начальству произвести на свой счетъ ремонтъ этого храма, именно: 1) задѣлать трещины въ сводахъ портика (галлереи?), 2) реставрировать стѣнопись на паперти, исполненную въ 1681 г. лучшими ярославскими и костромскими мастерами, 3) очистить отъ копоти живопись въ храмѣ, а въ куполахъ, какъ обветшавшую, возстановить, 4) освѣжить окраску иконостаса 1696 г. Реставрацію живописи долженъ былъ исполнить ростовскій живописецъ Лопаковъ, подъ наблюденіемъ самого И. А. Вахрамѣева, а также при участіи И. А. Шлякова. Проектъ реставраціи (рис. 74 и 75),

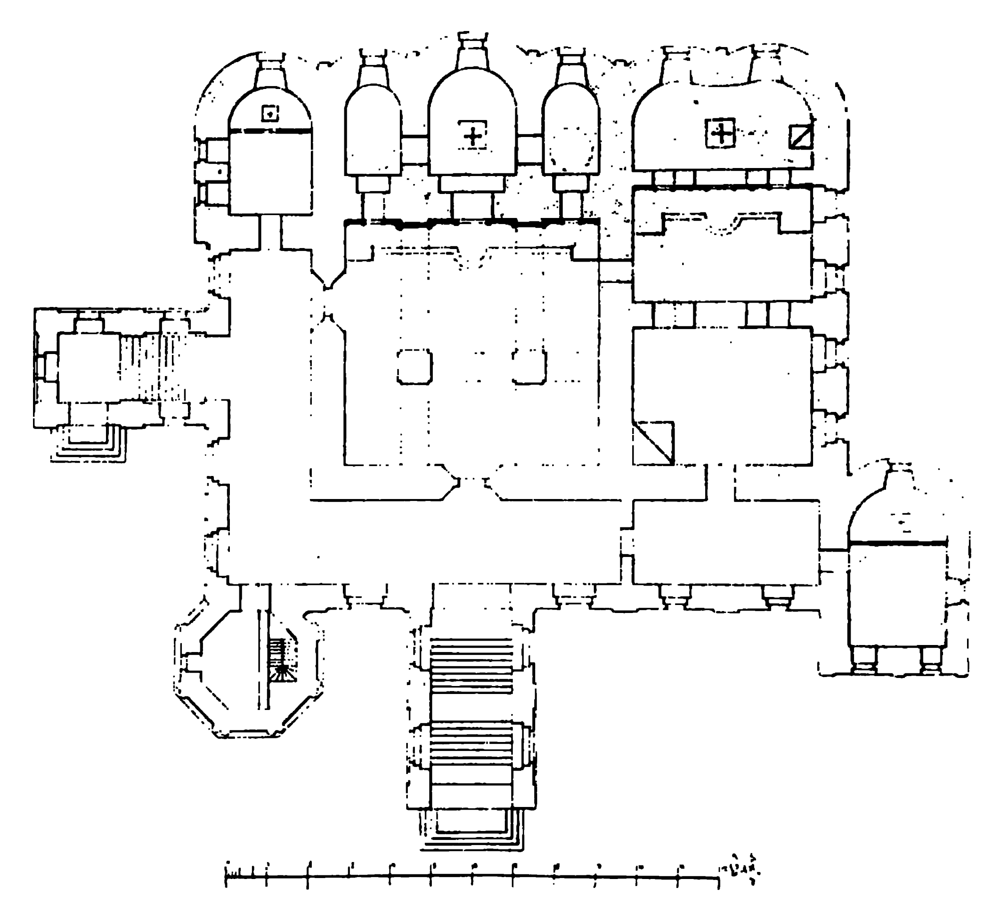


Рис. 74. Планъ церкви св. Ильи Пророка въ Ярославлѣ, 1647 г.

одобренный Имп. Московскимъ Археологическимъ обществомъ, чрезъ св. Синодъ поступилъ на заключеніе Археологической Коммиссіи, поручившей осмотрѣть церковь своему сочлену Н. В. Султанову. Согласно заключенію послѣдняго, проектъ былъ утвержденъ отношеніемъ отъ 9 мая 1898 г. (Дѣло 1896 г. № 208).

10. Г. Любимъ. Преображенскій соборъ 1647 г. въ Спасо-Геннадіевомъ монастырѣ.

Отношеніемъ отъ 17 ноября 1901 г. Ярославская дух. консисторія препроводила ходатайство о разрѣшеніи ремонта въ этой церкви. Предполагалось поновить живопись, исполненную въ 1822—1825 гг., окрасить иконостасъ, вмѣсто зеленаго, въ бѣлый цвѣтъ и сдѣлать надстройку надъ иконостасомъ въ 5 арш. вышиною. Управленіе монастыря отказалось доставить затребованный

Рис. 75. Церковь св. Ильи Пророка въ Ярославлѣ. Зап. фасадъ.

ографическій снимокъ, такъ какъ церковь уже заставлена была лѣсами,
бавивъ, что иконостасъ не можетъ представлять какой-либо древности, въ
у того, что былъ поставленъ почти заново вскорѣ послѣ пожара 1824 г.
указѣ консисторіи отъ 22 мая 1824 г. сказано, что разрѣшается исправить
ностасъ «порѣзкою 30 глухими колоннами съ капителями коринфскаго
дена и таковыми же царскими вратами»; по церковной лѣтописи, иконо-
съ въ 1824 г. «весьма повредился». Онъ былъ разобранъ въ 1827 г.
починенъ въ 1828 г. По заключенію П. П. Покрышкина, осмотрѣв-
о церковь 5 іюня 1902 г., стѣнопись расписывается живописцемъ А. А.
тюховымъ очень заботливо и аккуратно, но съ нарушеніемъ стиля, пред-
вляющаго несомнѣнный интересъ. Иконостасъ устроенъ въ стилѣ Empire и
рашенъ въ пріятный зеленоватый тонъ, на которомъ выдѣляются золоченыя
ированныя колонки, рамки, кіоты и изящныя украшенія. Поновленіе иконо
са разрѣшено, съ должными ограниченіями. (Дѣло 1901 г. № 266).

11. Ростовскаго у. Бѣлогостицкій монастырь. Холодный соборъ 1657—1658 г.

Въ 1903 г. было предположено устроить въ церкви три голландскія печи, чтобы обратить ее въ теплую, такъ какъ существующая теплая церковь крайне тѣсна (рис. 76 по фотогр. И. А. Шлякова). Археологическая Коммиссія затребовала чертежи и фотографическіе снимки съ церкви. Отношеніемъ дух. консисторіи отъ 19 сентября 1907 г. Коммиссія была увѣдомлена, что устройство печей не состоялось. (Дѣло 1903 г. № 185).

Рис. 76. Бѣлогостицкій монастырь.

12. Г. Романовъ-Борисоглѣбскъ. Крестовоздвиженскій соборъ 1658 г.

Въ 1892 г. Ярославскій губернаторъ поручилъ губернскому инженеру Шишкину произвести осмотръ поврежденій собора (рис. 77), обнаружившій въ разныхъ мѣстахъ церкви большія и малыя трещины и плохое состояніе фундамента, который сверху на 11 вершк. выложенъ изъ кирпича на растворѣ, а снизу на 16 вершк. дикаремъ съ засыпкою землею, безъ откосовъ; кирпичъ такъ пропрѣлъ, что свободно выбирался пригоршнями. Специальная комиссія по ремонту собора изыскала средства и въ августѣ 1899 г. составила проектъ исправленій, поставившій задачею: перебрать большую трещину и часть сводовъ, залить алебастромъ остальныя трещины, перестлать полы, опрѣвшій кирпичъ на стѣнахъ замѣнить желѣзнякомъ, перезолотить иконостасъ, прочистить всюду стѣнное письмо. Смѣта работъ разсчитана на 14,000 р. Отношеніемъ отъ 31 января 1900 г. проектъ былъ утвержденъ, съ просьбою возстановить на колокольнѣ столбъ, убранный для поднятія колокола и съ условіемъ, чтобы про-

Рис. 77. Романово-Борисоглѣбскій Крестовоздвиженскій соборъ. 1658 г.

чистка живописи была исполнена подъ наблюденіемъ И. А. Шлякова, который съ своей стороны заявилъ, что поручаемое наблюденіе онъ почтетъ принять для себя за долгъ, но просилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы работы по исправленію фресокъ не начинались до его осмотра и исполненія необходимыхъ фотографическихъ снимковъ. Средства на ремонтъ доставлены были мѣстнымъ уроженцемъ, московскимъ купцомъ В. Я. Герасимовымъ. Архитектурныя работы поручены были архитектору г. Окерблому, а живописныя—мастеру Тюлину; тѣ и другія начаты были съ 21 іюня 1900 г., послѣ осмотра собора гг. Шляковымъ и Окербломомъ. Отношеніемъ отъ 9 іюля И. А. Шляковъ заявилъ, что онъ слагаетъ съ себя обязанности наблюдателя за производимыми

работами по части живописи собора, такъ какъ не были исполнены его требованія о снятіи фотографическихъ снимковъ и, кромѣ того, вмѣсто промывки, производится исправленіе древней стѣнописи. Въ послѣдовавшей перепискѣ И. Я. Шляковъ настаивалъ на необходимости исполненія фотографическихъ снимковъ и калекъ съ реставрируемыхъ частей живописи и на требованіи, чтобы новая, только что сдѣланная роспись была снята, а дальнѣйшее исправленіе ея было поручено болѣе опытнымъ мастерамъ, напр. М. И. Дикареву или Н. Сафонову. Требованія эти Коммиссіею предъявлены причту собора чрезъ свят. Синодъ и были приняты къ исполненію; работы Тюлина были остановлены. 4 октября 1900 г. произведенныя работы были осмотрѣны И. А. Шляковымъ совмѣстно съ А. А. Титовымъ и было найдено, что всѣ архитектурныя работы произведены хорошо и надежно, съ укрѣпленіемъ фундамента, а исправленіе фресокъ не признано удовлетворительнымъ, по недостатку силъ въ мастерской Тюлина; иконы въ иконостасѣ оставались нетронутыми. Постановленіемъ Коммиссіи отъ 13 декабря 1900 г. дополнительный осмотръ храма былъ порученъ Н. В. Султанову. Новый староста собора М. П. Ильинскій, замѣнившій скончавшагося Новикова (который началъ дѣло реставраціи и успѣшно велъ его), въ частныхъ письмахъ настаивалъ на продолженіи работъ въ принятомъ прежде порядкѣ, въ виду того, что фрески уже переписаны въ давнее время и что новая живопись не будетъ хуже переписанной, что если кто виноватъ, то И. А. Шляковъ, не пріѣхавшій къ началу работъ и не давшій въ свое время указаній, что промедленіе и непріятности охлаждаютъ рвеніе благотворителя. Соборъ осмотрѣнъ былъ Н. В. Султановымъ, и затѣмъ въ засѣданіи Коммиссіи 27 марта 1901 г. надзоръ за исправленіемъ стѣнописи въ соборѣ порученъ былъ Е. А. Сабанѣеву, который, заявленіемъ отъ 28 ноября 1901 г., сообщилъ, что исправленіе живописныхъ изображеній въ храмѣ закончено. Исполнено оно было тѣмъ же мастеромъ Тюлинымъ. Стѣнная живопись алтаря была переписана въ 1814 г., въ 1821 г. реставрирована живопись въ куполѣ и на стѣнахъ (старовѣромъ Сазоновымъ), въ 1830-хъ гг. переписана стѣнопись на столбахъ, масляною краскою, въ 1864 г. возобновлены наружныя клейма и живопись крытой паперти, принадлежащая 1823 г. По заявленію Е. А. Сабанѣева, «согласно указаніямъ г. Шлякова и проф. Султанова, начатая неудачная реставрація живописи внутри собора была, по возможности, смыта и затѣмъ реставрація производилась почти безъ переписки. Послѣ промывки живописи задѣлывались лишь облупившіяся или попорченныя мѣста». И. А. Шляковъ въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ: «Съ своей стороны я не допустилъ бы реставраціи отдѣльныхъ иконъ и стѣно-

писи, увѣрившись въ моей жизни опытомъ, что какъ бы удачно ни было произведено реставрированіе древняго письма, всетаки оно не даетъ того особеннаго впечатлѣнія, какое оставлялъ прежде не тронутый никакимъ возстановленіемъ памятникъ древности. Если церковный староста и обѣщаетъ только промыть и заправить живопись въ мѣстахъ съ отвалившеюся штукатуркою, то кто можетъ поручиться, что живопись всетаки не будетъ такъ «заправлена», какъ въ Ярославлѣ въ церкви Благовѣщенія на Волгскомъ берегу и у Николы Мокраго, гдѣ стѣны просто записали сплошь красками, такъ что не осталось въ этихъ церквахъ ни малѣйшихъ слѣдовъ древняго превосходнаго письма». (Дѣло 1899 г. № 206).

13. Г. Ярославль. Предтеченская церковь, 1658—1665 г.

Отношеніемъ И. Арх. Комиссіи отъ 1 августа 1907 г. разрѣшено опустить полъ до стараго уровня (на 7 вершк. ниже) и перекрыть его метлахскою или харьковскою плитою, замѣнить чугунный полъ въ алтарѣ и придѣлѣ плиточнымъ, кіоты, стоящіе передъ столбами и устроенные въ 1848 г., удалить, вызолотить вновь иконостасъ. Желаніе причта и старосты понизить полъ и убрать кіоты вызывалось необходимостью увеличить внутренній объемъ воздуха въ храмѣ. (Дѣло 1907 г. № 98).

---

14. Г. Ярославль. Каменная Никитская церковь, 1670 г.

Отношеніемъ отъ 9 іюня 1899 г. Ярославская дух. консисторія препроводила ходатайство причта и прихожанъ этой церкви (рис. 78) о разрѣшеніи разобрать ее, уже обсуждавшееся мѣстною ученою архивною коммиссіею, которая установила, что церковь очень тѣсна и низка, такъ что нерѣдко свѣчи въ ней гаснутъ и не могутъ горѣть, стѣны ея необыкновенно сыры, своды и стѣны имѣютъ трещины отъ отсутствія желѣзныхъ связей, фундаментъ слабый, булыжный безъ продуховъ. По заключенію той же ком-

Рис. 78. Ярославская Никитская церковь, 1670 г.

работами по части живописи собора, такъ какъ не были исполнены его требованія о снятіи фотографическихъ снимковъ и, кромѣ того, вмѣсто промывки, производятся исправленіе древней стѣнописи. Въ послѣдовавшей перепискѣ И. Я. Шляковъ настаивалъ на необходимости исполненія фотографическихъ снимковъ и калекъ съ реставрируемыхъ частей живописи и на требованіи, чтобы новая, только что сдѣланная роспись была снята, а дальнѣйшее исправленіе ея было поручено болѣе опытнымъ мастерамъ, напр. М. И. Дикареву или Н. Сафонову. Требованія эти Коммиссіею предъявлены причту собора чрезъ свят. Синодъ и были приняты къ исполненію; работы Тюлина были остановлены. 4 октября 1900 г. произведенныя работы были осмотрѣны И. А. Шляковымъ совмѣстно съ А. А. Титовымъ и было найдено, что всѣ архитектурныя работы произведены хорошо и надежно, съ укрѣпленіемъ фундамента, а исправленіе фресокъ не признано удовлетворительнымъ, по недостатку силъ въ мастерской Тюлина; иконы въ иконостасѣ оставались нетронутыми. Постановленіемъ Коммиссіи отъ 13 декабря 1900 г. дополнительный осмотръ храма былъ порученъ Н. В. Султанову. Новый староста собора М. П. Ильинскій, замѣнившій скончавшагося Новикова (который началъ дѣло реставраціи и успѣшно велъ его), въ частныхъ письмахъ настаивалъ на продолженіи работъ въ принятомъ прежде порядкѣ, въ виду того, что фрески уже переписаны въ давнее время и что новая живопись не будетъ хуже переписанной, что если кто виноватъ, то И. А. Шляковъ, не пріѣхавшій къ началу работъ и не давшій въ свое время указаній, что промедленіе и непріятности охлаждаютъ рвеніе благотворителя. Соборъ осмотрѣнъ былъ Н. В. Султановымъ, и затѣмъ въ засѣданіи Коммиссіи 27 марта 1901 г. надзоръ за исправленіемъ стѣнописи въ соборѣ порученъ былъ Е. А. Сабанѣеву, который, заявленіемъ отъ 28 ноября 1901 г., сообщилъ, что исправленіе живописныхъ изображеній въ храмѣ закончено. Исполнено оно было тѣмъ же мастеромъ Тюлинымъ. Стѣнная живопись алтаря была переписана въ 1814 г., въ 1821 г. реставрирована живопись въ куполѣ и на стѣнахъ (старовѣромъ Сазоновымъ), въ 1830-хъ гг. переписана стѣнопись на столбахъ, масляною краскою, въ 1864 г. возобновлены наружныя клейма и живопись крытой паперти, принадлежащая 1823 г. По заявленію Е. А. Сабанѣева, «согласно указаніямъ г. Шлякова и проф. Султанова, начатая неудачная реставрація живописи внутри собора была, по возможности, смыта и затѣмъ реставрація производилась почти безъ переписки. Послѣ промывки живописи задѣлывались лишь облупившіяся или попорченныя мѣста». И. А. Шляковъ въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ: «Съ своей стороны я не допустилъ бы реставраціи отдѣльныхъ иконъ и стѣно-

писи, увѣрившись въ моей жизни опытомъ, что какъ бы удачно ни было произведено реставрированіе древняго письма, всетаки оно не даетъ того особеннаго впечатлѣнія, какое оставлялъ прежде не тронутый никакимъ возстановленіемъ памятникъ древности. Если церковный староста и обѣщаетъ только промыть и заправить живопись въ мѣстахъ съ отвалившеюся штукатуркою, то кто можетъ поручиться, что живопись всетаки не будетъ такъ «заправлена», какъ въ Ярославлѣ въ церкви Благовѣщенія на Волгскомъ берегу и у Николы Мокраго, гдѣ стѣны просто записали сплошь красками, такъ что не осталось въ этихъ церквахъ ни малѣйшихъ слѣдовъ древняго превосходнаго письма». (Дѣло 1899 г. № 206).

13. Г. Ярославль. Предтеченская церковь, 1658—1665 г.

Отношеніемъ И. Арх. Комиссіи отъ 1 августа 1907 г. разрѣшено опустить полъ до стараго уровня (на 7 вершк. ниже) и перекрыть его метлахскою или харьковскою плитою, замѣнить чугунный полъ въ алтарѣ и придѣлѣ плиточнымъ, кіоты, стоящіе передъ столбами и устроенные въ 1848 г., удалить, вызолотить вновь иконостасъ. Желаніе причта и старосты понизить полъ и убрать кіоты вызывалось необходимостью увеличить внутренній объемъ воздуха въ храмѣ. (Дѣло 1907 г. № 98).

14. Г. Ярославль. Каменная Никитская церковь, 1670 г.

Отношеніемъ отъ 9 іюня 1899 г. Ярославская дух. консисторія препроводила ходатайство причта и прихожанъ этой церкви (рис. 78) о разрѣшеніи разобрать ее, уже обсуждавшееся мѣстною ученою архивною коммиссіею, которая установила, что церковь очень тѣсна и низка, такъ что нерѣдко свѣчи въ ней гаснутъ и не могутъ горѣть, стѣны ея необыкновенно сыры, своды и стѣны имѣютъ трещины отъ отсутствія желѣзныхъ связей, фундаментъ слабый, булыжный безъ продуховъ. По заключенію той же ком-

Рис. 78. Ярославская Никитская церковь, 1670 г.

миссіи, церковь не имѣетъ никакого художественаго значенія и интересна лишь какъ образецъ «срубнаго» стиля, далеко не единственный. Имп. Арх. Коммиссія затребовала чертежи и фотографическіе снимки съ общаго вида церкви снаружи и внутри и снимки съ деталей орнамента. Въ засѣданіи 11 апрѣля 1900 г. разборка Никитской церкви была разрѣшена. (Дѣло 1899 г. № 136).

15. Г. Ярославль. Николо-Мельницкая церковь при Ярославской Большой Мануфактурѣ, 1672 г.

Отношеніемъ отъ 17 марта 1897 г. Мануфактура обратилась съ ходатайствомъ о разрѣшеніи разобрать Николо-Мельницкую церковь (рис. 79) для устройства бо̀льшей новой, совершенно необходимой по огромности прихода, состоящаго изъ рабочихъ фабрики. Археологическая Коммиссія, затребовавъ чертежи, фотографическій снимокъ и планъ мѣстности, просила Е. А. Сабанѣева посѣтить церковь и дать свое заключеніе, а затѣмъ съ тою же просьбою обратилась къ Н. В. Султанову. Е. А. Сабанѣевъ склоненъ былъ къ мысли

Рис. 79. Ярославль. Николо-Мельницкая церковь, 1672 г.

дать просимое разрѣшеніе, въ виду того, что храмъ, построенный на мѣстѣ другой церкви, поздней и передѣланной, оказался бы у самой фабричной стѣны. Н. В. Султановъ горячо возсталъ противъ предположенія мануфактуры, представивъ слѣдующее заявленіе: «При изученіи ярославской старины я осматривалъ и Николо-Мельницкую церковь. По моему мнѣнію, она представляетъ собою одинъ изъ интереснѣйшихъ памятниковъ нашей старины. Церковь эта, какъ видно изъ фотографіи и какъ свидѣтельствуетъ Е. А. Сабанѣевъ, относительно хорошо сохранилась и не можетъ быть причислена къ тѣмъ Ярославскимъ церквамъ, коихъ первоначальный типъ значительно искаженъ. Я же, съ своей стороны, могу прибавить, что храмъ этотъ, помимо своей прелестной и живописной архитектуры XVII вѣка, обладаетъ еще и многими другими драгоцѣнными особенностями. Когда я его осматривалъ (въ 1882 г.), то замѣтилъ въ немъ превосходный рѣзной иконостасъ XVII вѣка, очень интересную древнюю храмовую икону Николая Чудотворца, прекрасный орнаментъ древняго письма на паперти и наконецъ едва ли не единственныя уцѣлѣвшія во всемъ Ярославлѣ свѣтлыя двери со слюдою и свинцовыми горбыльками вмѣсто стеколъ. Наконецъ, книга «Большая Ярославская Мануфакрура» свидѣтельствуетъ (стр. 28), что «въ ризницѣ ея есть не мало интересныхъ грамотъ и рукописей, касающихся какъ прошлаго г. Ярославля, такъ равно и нѣкоторыхъ важныхъ событій». Итакъ, все говоритъ за то, что такой памятникъ надо не разрушать, а сохранять всѣми мѣрами.

Теперь посмотримъ, есть ли дѣйствительная надобность къ его уничтоженію. Правленіе Мануфактуры и г. Сабанѣевъ находятъ нужнымъ сломать Николо-Мельницкій храмъ по тѣснотѣ церковнаго двора, не допускающаго постройку новаго, болѣе обширнаго храма. Я полагаю съ своей стороны, что это не имѣетъ основанія. И въ самомъ дѣлѣ, что мы видимъ на церковномъ участкѣ? Мы видимъ большое земельное владѣніе, западная часть котораго показана на планѣ «подъ кладбищемъ.» На этомъ кладбищѣ стоятъ двѣ церкви: одна холодная, которую намѣреваются сломать, а другая теплая, расположенная почти у сѣверной границы. Слѣдовательно, которую бы изъ этихъ церквей ни сломать, новую церковь, во всякомъ случаѣ, придется строить на кладбищѣ; а значитъ, подобное возраженіе отпадаетъ само собою, да и, кромѣ того, построеніе новаго храма «на костяхъ» всегда благословляется и св. Синодомъ и епархіальною властью. Но мы уже видѣли, насколько интересна въ археологическомъ отношеніи холодная церковь. Что же касается до теплой, то, по свидѣтельству г. Сабанѣева, къ которому я присоединяюсь вполнѣ, она

«перестроена почти заново въ началѣ настоящаго столѣтія и не имѣетъ никакого интереса ни въ художественномъ, ни въ археологическомъ отношеніяхъ». Слѣдовательно, выборъ ясенъ: сломать нужно теплую церковь.

Но, быть можетъ, тогда-то именно и не хватитъ мѣста для новой церкви? Чтобы доказать противное, я начертилъ на освободившемся участкѣ периметры двухъ громадныхъ храмовъ Петербурга: Петропавловскаго и Александровскаго соборовъ. И что же оказывается? Съ восточной стороны до ограды остается восемь саженъ, по бокамъ, въ самыхъ узкихъ мѣстахъ, по семи саж., а съ западной стороны, гдѣ проходитъ Широкая улица, образуется площадь шириною 16 саж. Что же касается до возраженія, которое можетъ быть сдѣлано, что отъ сѣверной стороны до границы будетъ всего семь саж., то на это можно отвѣтить, что отъ сѣверной стороны существующей теплой церкви до границы всего четыре сажени, и это никому цѣлыхъ двѣсти лѣтъ не мѣшало.

Итакъ, при сломкѣ теплой церкви мѣста хватаетъ не только на новую церковь, но даже на Александровскій соборъ. А поэтому разрѣшить сломку

Рис. 80. Угличъ. Воскресенская церковь (1674—77 гг.) съ С.-В.

Николо-Мельницкой церкви, значитъ допустить актъ величайшаго и при томъ совершенно безцѣльнаго вандализма».

Въ реставраціонномъ засѣданіи Археологической Коммиссіи 1 ноября 1897 г. ходатайство Ярославской Мануфактуры было отклонено. (Дѣло 1897 г. № 46).

16. Г. Угличъ. Воскресенская церковь, 1674—1677 гг.

Церковь была устроена бывшимъ Воскресенскимъ монастыремъ при митрополитѣ Іонѣ Сысоевичѣ (рис. 80 и 81). Въ 1898 г. разрѣшено было произвести ремонтъ придѣла Смоленской Божіей Матери, съ переустройствомъ его въ теплый храмъ. Ремонтъ произведенъ былъ на средства купца М. А. Жаренова, подъ наблюденіемъ И. А. Шлякова. Слѣдовъ древней живописи на стѣнахъ церкви не обнаружено; клеймо на сводѣ церкви новое (1840 г.). Г. Шляковъ настоялъ на томъ, чтобы сохранившійся въ алтарѣ и на солеѣ кирпичный полъ не былъ замѣняемъ деревяннымъ; имъ же въ чердакахъ церкви найдены 2 отличныя паникадила XVIII в., которыя и были перенесены въ устраиваемый храмъ. (Дѣло 1898 г. № 28).

Въ 1905 г. было разрѣшено окрасить крыши церкви и поправить ея штукатурку, что взялъ на себя также М. А. Жареновъ. (Дѣло 1905 г. № 105).

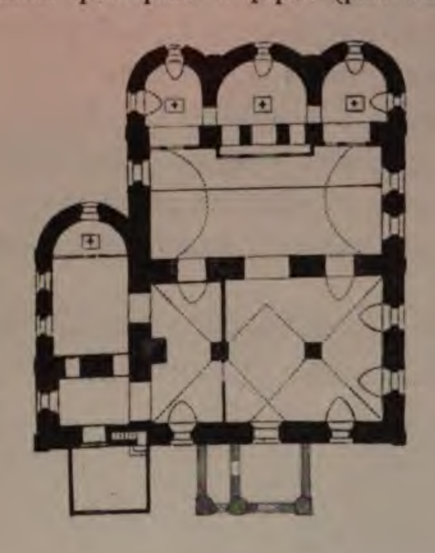
Рис. 81. Та же церковь съ С.-З.

На прилагаемыхъ рисункахъ храма литерой *a* обозначена церковь Воскресенія Христова, *в*—Смоленской Божіей Матери, *c*—Владимірской Божіей Матери, *g*—Знаменской Божіей Матери, *s*—звонница.

---

17. Рыбинскаго у. Бывая Александрова пустынь. Троицкая церковь, около 1678 г.

Отношеніемъ Имп. Арх. Коммиссіи отъ 23 января 1906 г. разрѣшено возстановленіе трехъ крестовъ и деревянныхъ главокъ на церкви, безъ измѣненія размѣровъ и формъ (рис. 82—85). При отношеніи по этому поводу



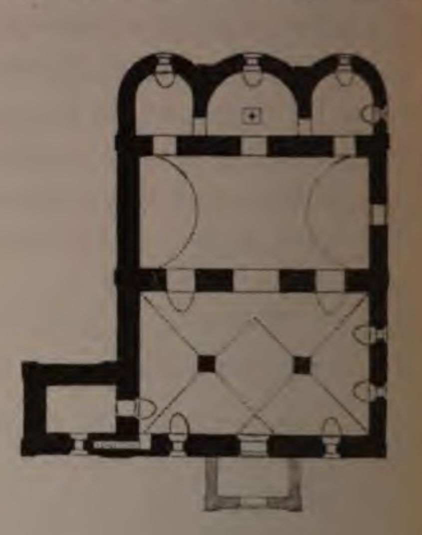


Рис. 82. Существующій планъ. Рис. 83. Реставрированный планъ.
Троицкая церковь Бывой Александровой пустыни Рыбинскаго у., около 1678 г.

Рис. 84. Троицкая церковь Бывой Александровой пустыни, около 1678 г.

Рис. 85. Проектъ реставраціи зап. фасада той же церкви.

дух. консисторіи отъ 23 августа 1904 г. представленъ былъ чертежъ предполагаемаго ремонта церкви, вызвавшій замѣчанія со стороны Археологической Коммиссіи и дальнѣйшую переписку. Коммиссія не считала возможнымъ одобрить нѣкоторыя измѣненія въ конструкціи храма, предположенныя проектомъ, и требовала спеціальнаго изслѣдованія его, архитектурнаго и техническаго. Причтъ церкви, съ своей стороны, разъяснилъ, что шпиль колокольни сооруженъ въ 1805 г., что проектируемый входъ на колокольню извнутри храма невозможенъ, такъ какъ на колокольню допускаются и сторонніе церкви лица, и что при монастырѣ колокольня имѣла именно современный видъ, какъ это доказывается существованіемъ на ней ложно-слуха для часовъ. Проектъ реставраціи церкви, по порученію Ярославской архивной комиссіи, составленъ былъ ея членомъ И. А. Тихоміровымъ, вложившимъ въ это дѣло много труда и вниманія. Изъ обширной объяснительной записки г. Тихомірова къ проекту извлекаемъ слѣдующія свѣдѣнія.

Время церкви опредѣляется сохраняющеюся при ней могильною плитою съ надписью о томъ, что въ 1678 г. скончался строитель церкви Василій Мотовиловъ. Храмъ представляетъ собою продолговатый и узкій прямоугольникъ (размѣровъ $20^1/_2$ арш.$\times 9^1/_2$ арш., высотой 16 арш. до кровли). Толщина стѣнъ $1^3/_4$ арш., въ $4^1/_2$ кирпича (котораго размѣръ $6^1/_2 \times 3^1/_4 \times 1^1/_2$ вершк., а вѣсъ 12 ф.). Сводъ «корытчатый»; до его замка отъ пола $16^1/_2$ арш. (отъ пола до земли около $^1/_2$ арш.). Вдоль крыши три глухіе каменные восьмигранные шатра, высотою до главъ около 5 арш.; главки деревянныя, позднѣйшей формы. Первоначально оконъ было всего 5, во второмъ свѣту, 3 на южной и 2 на западной стѣнахъ; окна эти задѣланы и замѣнены новыми. Храмъ соединялся съ трапезою тремя арками разной величины и, кромѣ того, особенною дверью въ южной стѣнѣ, съ настоятельскими кельями, нынѣ задѣланными. Алтарь не высокій ($5^3/_8$ арш.), о трехъ апсидахъ. Въ нихъ по окну съ восточной стороны и, кромѣ того, въ правой апсидѣ старое окно въ южной стѣнѣ, въ соотвѣтствіи съ которымъ позднѣе пробито окно и въ сѣверной апсидѣ. Алтарь нынѣ соединяется съ храмомъ тремя широкими пролетами, несомнѣнно вліяющими на прочность стѣны. Иконостасъ 1829 г., не замѣчательный. Въ 1878 г. въ алтарѣ найдены были слѣды древней росписи, именно на горнемъ мѣстѣ и въ откосѣ южнаго окна. Нынѣ вся церковь внутри выкрашена масляной краской. Трапеза низкая (той же вышины, какъ алтарь), нѣсколько длиннѣе, чѣмъ храмъ ($20^1/_2 \times 12^1/_2$ арш.), перекрыта двумя сомкнутыми сводами, опирающимися посрединѣ на 2 массивные четыреугольные столба. Высота отъ пола до замка свода

$5^1/_2$ арш. Всѣ четыре окна трапезы нынѣ передѣланы. Къ сѣверной стѣнѣ ея примыкаетъ небольшой придѣлъ XVIII в., для котораго устроены 2 широкіе пролома въ древней стѣнѣ, даже безъ арокъ. Крыша трапезы—позднѣйшая, трехскатная; поддерживается, кромѣ стропилъ, еще двумя высокими бревенчатыми срубами, стоящими надъ трапезными столбами. Колокольня состоитъ изъ четырехугольнаго основанія, древняго, вышиною $6^1/_2$—7 арш., и осмерика, имѣющаго въ вышину до 12 арш. Первоначально осмерикъ былъ ниже на цѣлый ярусъ, такъ что пролеты располагались непосредственно за вторымъ пояскомъ карнизовъ; задѣлка пролетовъ ясно видна какъ снаружи, такъ и внутри, гдѣ, кромѣ того, подъ поломъ нынѣшняго звона уцѣлѣли и пяты сводовъ, покрывавшихъ этотъ ярусъ подъ шатеръ. Ходъ на колокольню узкій, въ западной стѣнѣ, нынѣ снаружи, прежде изъ трапезы. Восточная стѣна ея въ нижнемъ ярусѣ выломана для увеличенія размѣровъ придѣла. Древній полъ былъ кирпичный, сохранившійся подъ престоломъ (теплаго придѣла); его замѣнилъ чугунный, остающійся также въ очень немногихъ мѣстахъ; нынѣ полъ всюду деревянный. Въ Ярославской губ. данный типъ представленъ лишь одною этою церковью.

Въ стѣнахъ церкви много трещинъ, образовавшихся, очевидно, вслѣдствіе недостаточной прочности фундамента, видимо, нигдѣ не проникающаго ниже глубины промерзанія почвы (2½ арш.); фундаментъ праваго придѣла имѣетъ всего $1^3/_4$ арш. глубины. Почва низкая и влажная, такъ какъ первая церковь, деревянная, по преданію, поставлена была, согласно особымъ знаменіямъ, на болотѣ. Въ церковной оградѣ имѣется прудъ въ 50 саж. въ окружности; колокольня имѣетъ наклонъ именно въ сторону этого пруда. Влажность мѣстности увеличивается густой травой и вѣтвистыми деревьями. Трещины появляются или расширяются, главнымъ образомъ, въ началѣ зимы и весною. Наиболѣе слабыя части церкви: алтари, особенно придѣльные, восточная стѣна четверика, южная стѣна, юго-западный уголъ трапезы и стѣны наружнаго придѣла. Трещины въ этихъ мѣстахъ появляются иногда сквозныя и настолько значительныя, что вызывали мѣстную перекладку стѣнъ. Такъ въ 40-хъ гг. XIX в. переложена была сѣверная стѣна внутренняго придѣла; можетъ быть, именно тогда снятъ и перекрывавшій внѣшній придѣлъ каменный сводъ, существованіе котораго здѣсь доказывается извѣстіемъ 1744 г. о томъ, что на этомъ придѣлѣ была каменная глава. Въ сводѣ трещины идутъ въ поперечномъ, а не въ продольномъ направленіи, что не опасно для его сохранности. Желѣзныхъ связей, повидимому, нигдѣ не было.

Проектъ реставраціи И. А. Тихомірова заключался въ полномъ возстано-

ніи древнихъ формъ храма, что должно содѣйствовать и его сохраненію. авки предполагалось выкрасить бѣлой краской и побѣлить, какъ и всю церь, колокольню понизить, крышу на трапезѣ понизить такъ, чтобы открыть а западной стѣны, полы возстановить кирпичные. Причтъ отказался отъ сли о реставраціи храма, по недостатку средствъ, а потомъ даже отъ предожевія вновь перекрыть крыши. (Дѣло 1904 г. № 197).

18. Г. Ярославль. Владимірская церковь, 1678 г.

Отношеніемъ отъ 1 іюня 1904 г. разрѣшено, согласно заключенію Яровской архивной кимиссіи, произвести ремонтъ холоднаго храма (рис. 86),

Рис. 86. Ярославль. Владимірская церковь, 1678 г.

нно: побѣлить стѣны церкви и колокольни, перекрасить крышу и покрыть товымъ желѣзомъ каменные шатры церкви и колокольни. По заявленію чта и старосты, кирпичъ на этихъ шатрахъ крошится отъ времени, вмѣсъ краскою. По словамъ Е. А. Сабанѣева (см. выше стр. 12), вызваннымъ, оятно, именно этою церковью, покрытія древнихъ каменныхъ шатровъ желомъ не могутъ быть допускаемы. (Дѣло 1904 г. № 140).

19. Г. Ростовъ. Благовѣщенская церковь, 1682 г.

Отношеніемъ отъ 8 ноября 1903 г. духовная консисторія препроводила атайство о разрѣшеніи промыть въ церкви стѣнную живопись, почистить ностасъ и произвести нѣкоторыя другія ремонтныя работы. Ремонтъ разрѣ-

шенъ подъ условіемъ наблюденія за нимъ Е. А. Сабанѣева и исполненія работъ однимъ изъ тѣхъ мастеровъ, которые имъ будутъ указаны. Отношеніемъ Имп. Арх. Коммиссіи отъ 1 мая 1904 г. разрѣшенъ также ремонтъ иконостаса верхняго храма, согласно заключенію А. А. Титова и И. А. Шлякова. Въ виду болѣзни Е. А. Сабанѣева, наблюденіе за всѣмъ ремонтомъ въ церкви возложено было на Ростовскій музей. (Дѣло 1903 г. № 258).

20. Г. Ярославль. Богоявленская церковь, 1682 г.

Отношеніемъ отъ 7 ноября 1901 г. разрѣшено: 1) расписать паперть, но иконописью, а не живописью, если только при изслѣдованіи не оказалось бы старой росписи, 2) устроить дубовыя стекольчатыя двери изъ паперти въ храмъ съ сохраненіемъ старыхъ желѣзныхъ, 3) оградить амвонъ мѣдною рѣшеткою по старымъ образцамъ, 4) перезолотить иконостасъ, 5) устроить полъ изъ метлахской плиты, въ косой шахматъ, изъ бѣлыхъ и сѣрыхъ плитокъ. Ходатайство передано было на заключеніе Н. В. Султанова. (Дѣло 1901 г. № 134).

---

21. Ростовскаго у. с. Марково. Деревянная церковь Іоанна Многострадальнаго, 1684 г.

Отношеніемъ отъ 12 іюня 1901 г. разрѣшенъ ремонтъ этой церкви, пострадавшей передъ тѣмъ отъ пожара. Изъ приложеннаго (не вполнѣ точнаго) чертежа церкви видно, что она небольшая и весьма простого устройства; алтарь съ прямыми углами. (Дѣло 1901 г. № 133).

22. Ярославскаго у., с. Богородское на Карабитовой горѣ. Каменная церковь во имя Казанской Божіей Матери, 1684 г.

Древній храмъ (рис. 87) обстроенъ новою трапезою, двумя круглыми помѣщеніями и портикомъ съ двумя колокольнями и колоннадой; колоннадой обставленъ и алтарь. Отношеніемъ отъ 15 ноября 1895 г. разрѣшено трапезную обратить въ теплый храмъ посредствомъ устройства двухъ печей, закладки двухъ пролетовъ и двухъ оконъ въ стѣнѣ, отдѣляющей трапезу отъ храма, и застекленія дверей. Проектъ уже получилъ разрѣшеніе отъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества. Коммиссіею разрѣшеніе было дано съ условіемъ не закладывать пролетовъ кирпичемъ, а лишь заставить ихъ двойными рамами и сохранить живопись на внутреннихъ стѣнахъ арокъ, если бы таковая оказалась. 9 февраля 1898 г. въ Коммиссію поступило ходатайство о разрѣшеніи

Рис. 87. Церковь с. Богородскаго на Карабитовой горѣ, 1684 г.

соорудить съ лѣвой стороны трапезы новый придѣлъ на средства С. М. Сакиной, къ чему также не оказалось препятствій. Иконостасъ придѣла спроектированъ стройный, простой и изящный. Размѣръ придѣла $4^1/_3 \times 5\frac{1}{2}$ саж. (Дѣло 1895 г. № 237, см. выше стр. 28).

---

23. Г. Ярославль. Косьмодемьянская церковь, 1686 г.

Ярославскій губернаторъ отношеніемъ отъ 26 апрѣля 1904 г. запросилъ Коммиссію, можетъ ли быть разрѣшено переустройство дома причта, примыкающаго къ церкви (рис. 88) и являющагося пристройкой тѣсной, холодной и сырой. Коммиссія увѣдомила, что новая пристройка еще болѣе исказитъ храмъ и что въ виду плохого состоянія старой желательно было бы удалить ее совсѣмъ, а домъ построить на дворѣ церкви по сѣверной его границѣ. (Дѣло 1904 г. № 95).

Рис. 88. Ярославль. Церковь свв. Косьмы и Даміана, 1686 г.

---

24. Г. Ярославль. Церковь св. Іоанна Предтечи въ Толчковѣ, 1671—1687 гг.

Своею реставраціею Толчковская церковь обязана вниманію б. министра финансовъ С. Ю. Витте, который въ 1894 г. посѣтилъ ее, оцѣнилъ ея важность и изъявилъ готовность содѣйствовать средствами для приведенія ея въ надлежащій видъ. Ярославскій губернаторъ А. Я. Фриде образовалъ спеціальную комиссію по реставраціи церкви, въ составѣ 5 членовъ: И. А. Шлякова, А. А. Титова, свящ. Успенскаго, церковнаго старосты Шапошникова и губернскаго инженера Шишкина. Составленіе проекта реставраціи принялъ на себя г. Шишкинъ, который немедля и принялся за дѣло, послѣ тщательнаго осмотра церкви, произведеннаго комиссіею въ полномъ составѣ. Изъ протоколовъ по осмотру церкви извлекаются слѣдующія подробности: 1) на чугунномъ полу церкви весною образуются прямо лужи, которыя, испаряясь, осаждаются влагою на стѣнахъ и сводахъ; полъ въ галлереяхъ сложенъ изъ обожженныхъ плитокъ, дающихъ много пыли; 2) въ стѣнахъ храма имѣлись многочисленныя трещины, главнымъ образомъ въ алтарѣ, ризницѣ, жертвенникѣ и придѣлахъ, размѣровъ до толщины пальца; въ сводахъ храма трещинъ нѣтъ, за исключеніемъ галлерей и выступовъ; нѣкоторыя изъ трещинъ—новаго происхожденія, такъ что еще не успѣли запылиться; 3) полъ въ алтарѣ замѣтно осѣлъ, такъ что правая сторона алтарной скамьи имѣетъ видъ какъ бы утопленной въ полъ; 4) кирпичи наружной облицовки храма превосходнаго качества, но и здѣсь имѣются попорченныя мѣста; 5) изъ желѣзныхъ связей три лопнули: одна въ сѣверной галлереѣ и двѣ внутри храма, именно отъ столбовъ къ иконостасной стѣнѣ; 6) фундаментъ, главная причина порчи храма, возведенъ изъ круглыхъ крупныхъ валуновъ безъ связи, не имѣетъ откосовъ и не доведенъ до материка (былъ обнаженъ уголъ у выступа западной галлереи); 7) крыша, погорѣвшая въ 1708 г., значительно поднята въ 1750 г. (имѣется надпись объ устройствѣ ея на подзорѣ съ южной стороны алтаря); 8) изъ вида Ярославля 1731 г. явствуетъ, что всѣ главы на церкви въ то время были одинаковыя, луковичныя. Позднѣе сдѣлано было болѣе подробное изслѣдованіе фундамента у южной стороны церкви, гдѣ имѣется наибольшее поврежденіе стѣны. При этомъ оказалось, что фундаментъ здѣсь имѣетъ глубину 5½ арш. и подошва его заложена въ материкѣ, состоящемъ изъ глины съ примѣсью песка и небольшого количества ила. Каждый рядъ булыжника засыпанъ кирпичнымъ щебнемъ, который мѣстами превратился въ глину. Откосовъ нѣтъ. На глубинѣ 2 арш. въ фундаментѣ имѣется выпускъ на 12 вершковъ. Установлено, что фунда-

ментъ входитъ въ грунтъ лишь на 2 арш., а выше идетъ насыпная земля. Вешнія воды иногда затопляютъ даже часть этого искусственнаго возвышенія. Фундаментъ у галлереи имѣлъ въ глубину всего $3^3/_4$ арш. и не доходилъ до материка. Дальнѣйшее изслѣдованіе фундамента прекращено изъ опасенія повредить зданіе. Въ крышѣ стропильныя ноги сдѣланы изъ полосового желѣза $^1/_2 \times 2^1/_2$ д., поставленнаго на ребро и задѣланнаго однимъ концомъ въ шейку главы, а другимъ въ лицевыя стѣны, при чемъ разстояніе между фермами равно 1 арш.; нижняя часть стропильной ноги подкрѣплена желѣзнымъ подкосомъ, упертымъ также въ лицевую стѣну. Всѣ стропильныя ноги подкрѣплены тремя желѣзными прогонами съ сѣченіемъ $1½ \times 1½$ д., которые подперты желѣзными упорипами того же сѣченія, такъ что каждая изъ нихъ упирается однимъ концомъ въ прогонъ, а другимъ въ своды. Въ чешуѣ главокъ и крышѣ замѣчены свищи.

Составленный г. Шишкинымъ проектъ реставраціи былъ одобренъ комиссіей, членъ которой И. А. Шляковъ, однако, не соглашался на покрытіе церкви по закомарамъ, которыхъ, по его мнѣнію, не существовало въ старину. Г. Шляковъ указывалъ, что на з. и в. стѣнахъ по 4, а на сѣверной и южной только по 2½ лопатки, что въ большинствѣ ярославскихъ церквей даннаго времени имѣются лопатки, заполненныя изображеніями, что точныхъ изслѣдованій чердака храма не произведено, что перекрытіе по полукружіямъ не украситъ, а исказитъ красоту сѣвернаго и южнаго фасадовъ, такъ какъ они будутъ частью прикрыты придѣлами. Г. Шляковъ полагалъ необходимымъ пригласить для осмотра чердачныхъ помѣщеній вполнѣ компетентныхъ лицъ. Мнѣніе свое г. Шляковъ высказалъ уже послѣ того, какъ проектъ былъ одобренъ къ исполненію Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Г. Шишкинъ, основываясь на 6 сдѣланныхъ имъ фотографическихъ снимкахъ чердачнаго помѣщенія, доказывалъ, что полукружья, карнизъ и задѣлка ендовы между кокошниками наблюдаются совершенно отчетливо, что задѣлка ендовы имѣетъ другую толщину, чѣмъ кокошники, что верхняя часть карниза на кокошникахъ была при передѣлкахъ сломана, что въ стѣнахъ, служащихъ задѣлкою ендовы, между кокошниками устроены окна на чердакъ, что своды при передѣлкѣ по кругамъ не будутъ затронуты. По наблюденіямъ г. Шишкина, крыша и верхняя часть стѣнъ церкви передѣлывались трижды: сперва кокошники сдѣланы выше, стропильныя ноги подняты до верхнихъ гнѣздъ, позднѣе карнизъ у большихъ кокошниковъ былъ снятъ, ендовы задѣланы и крыша передѣлана на четырескатную тесовую (гравюра 1731 г.), наконецъ, въ

9) Въ нижней части шеи средней главы, ниже существующей желѣзной крыши, замѣтны восемь выбитыхъ гнѣздъ, приблизительно на уровнѣ ряда разбитыхъ изразцовъ; а подъ ними ниже лежитъ второй рядъ оставленныхъ въ кладкѣ небольшихъ гнѣздъ (3³/₄ в.×2¹/₄ в.×3 вершка), приблизительно подъ первыми.

10) На нижнихъ частяхъ малыхъ главъ замѣтны, по направленію діагоналей, гнѣзда, лежащія нѣсколько ниже гнѣздъ средней главы.

11) Верхушки балясинокъ между кокошниками, повидимому, сбиты.

12) Около придѣловъ видны наверху слѣды крайнихъ закомаръ, причемъ кладка ихъ не имѣетъ перевязи съ верхомъ придѣловъ.

13) Всѣ окна 2-го яруса главнаго храма снаружи растесаны.

14) Стесаны также края щипцовъ всѣхъ трехъ крылецъ.

15) Внутри храма стесаны крайнія колонки и верхнія тяги архивольтовъ порталовъ галлереи.

16) Живопись внутри храма была найдена въ томъ состояніи, въ какомъ она описана въ протоколѣ отъ 21 іюня 1894 г.»

На основаніи произведеннаго осмотра церкви и дополнительныхъ данныхъ объ устройствѣ фундаментовъ [1]), доставленныхъ отъ Ярославскаго губернатора (отношеніемъ отъ 28 мая 1896 г.), Н. В. Султановъ и Г. И. Котовъ дали заключеніе, что для сохраненія древняго вида храма необходимо принять нижеслѣдующія мѣры:

«1) Такъ какъ при вышеупомянутомъ осмотрѣ не обнаружилось точныхъ данныхъ для возстановленія первоначальнаго покрытія церкви, на основаніи которыхъ можно было бы произвести неопровержимо обоснованную реставрацію, то слѣдовало бы оставить крышу въ существующемъ видѣ, равно какъ и среднюю главу, безъ измѣненія ея формы, весьма типичной для своего времени. 2) Нѣкоторыя упоминаемыя въ актѣ детали фасадовъ, пострадавшія отъ времени, а также сбитыя при передѣлкахъ, желательно возстановить въ ихъ первоначальномъ видѣ и возобновить живопись на щипцахъ крылецъ. 3) Стѣнное иконописное письмо внутри церкви и галлерей слѣдуетъ протереть хлѣбомъ; панель, окрашенную масляной краской, реставрировать въ древнемъ видѣ, а

[1]) По нимъ оказалось, что фундаментъ главнаго храма имѣетъ глубину 4 арш. 14¹/₂ вершк., покоится на очень плотномъ материкѣ, стоекъ и лежней не имѣетъ, грунтовой воды не обнаружено. Новый полъ оказался поднятымъ. Ниже чугунныхъ плитъ обнаруженъ слой желтаго песку въ 4 вершка, далѣе слѣдовалъ кирпичный полъ, одинаковый съ имѣющимся въ галлереяхъ, лежавшій на слоѣ бетона въ 2 в., ниже котораго шла кирпичная выстилка, устроенная на распорной стѣнкѣ изъ булыжника.

равно и порталы входныхъ дверей храма, 4) Иконостасъ желательно оставить въ существующемъ видѣ, такъ же какъ и киоты съ иконами около пилоновъ, повидимому, одновременные съ иконостасомъ, судя по стилю. 5) Въ виду ходатайства о замѣнѣ существующаго нынѣ чугуннаго пола, желательно новый полъ сдѣлать изъ каменныхъ плитъ. 6) Упоминаемый въ прилагаемыхъ къ дѣлу актахъ и смѣтахъ ремонтъ крышъ, главъ, оконныхъ рамъ и переплетовъ, дверей, желѣзныхъ связей и фундамента желательно произвести неотлагательно. При ремонтѣ фундамента также желательно сдѣлать подъ поломъ галлереи распорныя стѣнки, расположивъ ихъ поперекъ галлереи, противъ стѣнокъ фундамента (лежащихъ между пилонами и стѣнами храма), а также и противъ угловъ церкви по направленію ея наружныхъ стѣнъ. 7) Предполагаемая въ примѣчаніи къ § 17 смѣты промывка стараго фундамента «для осажденія на низъ глины» не можетъ дать ожидаемыхъ отъ нея результатовъ. Вообще же работы по укрѣпленію фундамента должны производиться, въ виду ихъ важности для сохранности зданія, согласно дальнѣйшему подробному изслѣдованію и съ крайней осмотрительностью. 8) Что касается до отопленія храма, устройство котораго предполагается духовенствомъ, то оно, конечно, можетъ только способствовать дальнѣйшему сохраненію его внутренняго убранства; но устроено оно должно быть такъ, чтобы вновь пробиваемые каналы и дымоходы не повредили прочности ветхихъ стѣнъ и не испортили стѣнописи и чтобы трубы не безобразили фасада храма».

При отношеніи отъ 22 сентября 1898 г. Ярославскій губернаторъ представилъ новый проектъ реставраціи церкви, составленный губернскимъ инженеромъ Еншемъ. Онъ былъ разсмотрѣнъ Коммиссіею въ реставраціонномъ засѣданіи 16 ноября 1898 г. и, кромѣ того, еще отдѣльно Г. И. Котовымъ и А. Н. Померанцевымъ. По этому проекту фундаменты придѣловъ предположено наполовину замѣнить новыми, углубивъ ихъ, а фундаменты самого зданія утолстить книзу бутовыми прикладками (безъ должной связи съ древнимъ бутомъ), отдѣлить алтарь отъ храма сплошною каменною стѣнкою, а также устроить центральное отопленіе. Археологическая Коммиссія потребовала стѣнки не возводить, а при устройствѣ отопленія принять различныя мѣры противъ порчи стѣнъ и живописи храма (предъ уничтоженіемъ части живописи снимать съ нея точныя копіи для возстановленія, отдушины устраивать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ живописныхъ или иныхъ украшеній, внутри галлереи обратить особое вниманіе на сохраненіе кирпичныхъ лавокъ, для чего душники, выпускающіе нагрѣтый воздухъ, устроить въ подоконникахъ, вытяжные душники у западной стѣны сдѣлать въ полу, котель-

ное помѣщеніе или трубу установить отдѣльно отъ церкви), полъ въ придѣлѣ оставить на прежнемъ уровнѣ, проектированный полъ изъ метлахскихъ плитъ замѣнить поломъ изъ каменныхъ плитъ. За совѣтомъ относительно укрѣпленія фундаментовъ рекомендовано обратиться оъ Техническо-Строительный Комитетъ М-ва В. Д., или же въ Комитетъ Хозяйственнаго Управленія при св. Синодѣ. По надлежащемъ исправленіи, проектъ г. Енша 4 августа 1900 г. былъ направленъ Ярославскимъ губернаторомъ въ Техническо - Строительный Комитетъ при М-вѣ В. Д., а по возвращеніи представленъ, 18 января 1901 г., г. министру финансовъ, послѣ чего, по заключенію Департамента Государственной Экономіи, былъ подробно обсужденъ съ финансовой стороны особою комиссіею, состоявшею изъ члена Техническо-Строительнаго Комитета при св. Синодѣ Павловскаго, священника церкви Успенскаго, составителя проекта и ревизора контрольной палаты Никольскаго. Комиссія эта, осмотрѣвъ храмъ 13 іюня 1902 г., нашла: 1) что образованіе трещинъ продолжается; 2) что причина ихъ—неправильная осадка фундаментовъ; 3) что фундаменты подъ галлереями и крыльцами должны быть переложены вновь на цементѣ, а при заливкѣ цементнымъ растворомъ пустотъ въ фундаментѣ церкви должны быть переложены выпучившіяся части; 4) что вытяжные каналы не могутъ быть устроены въ углахъ церкви (для нихъ предположено устроить форточки въ нижней части оконныхъ переплетовъ главнаго барабана, сдѣлавъ подходъ къ нимъ по крышѣ церкви); 5) что во избѣжаніе порчи живописи на стѣнахъ и куполахъ главнаго и боковыхъ барабановъ, отопленіе этихъ частей слѣдуетъ устроить при помощи паровыхъ трубъ. При Ярославскомъ строительномъ отдѣленіи составлена была новая смѣта по реставраціи храма, заключенная въ суммѣ 93,182 р. (изъ коихъ 12,595 р. назначены на отдѣльную пристройку для парового отопленія). Засимъ всѣ документы отправлены были въ св. Синодъ, откуда губернаторъ получилъ увѣдомленіе, что Государственный Совѣтъ Высочайше утвержденнымъ 3 марта 1903 г. мнѣніемъ положилъ отпустить на ремонтъ Толчковской церкви изъ государственнаго казначейства 64,080 р. (экономія въ 23,000 р. достигнута исключеніемъ расхода на цѣльную позолоту главы). Причтъ, церковный староста и прихожане постановили совершить благодарственное молебствіе и впредь каждый воскресный день послѣ литургіи совершать молебствіе св. Іоанну Предтечѣ о здравіи Его Императорскаго Величества и всего Царствующаго Дома (Прав. Вѣстн. 1903 г., № 149).

Образованъ былъ на мѣстѣ временный строительный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ вице-губернатора, составителя проекта,

настоятеля церкви, церковнаго старосты, младшаго инженера строительнаго отдѣленія и двухъ членовъ Ярославской архивной коммиссіи (И. А. Вахрамѣева и А. А. Никифорова). Къ работамъ по устройству фундаментовъ приступили въ маѣ 1903 г., при чемъ всѣ прежнія изслѣдованія ихъ оказались не вполнѣ точными, а именно: фундаменты подъ наружною галлереею и крыльцами доходятъ до грунта и имѣютъ глубину первые 5¼ арш., а вторые 4½ арш., при чемъ бутовая кладка расперта (разъѣхалась) лишь на глубину до 2 арш. Несмотря на то, что вся кладка фундаментовъ сдѣлана не на растворѣ и промежутки между камнями заполнены лишь глиною и землею, нижняя часть бута вполнѣ прочна. Первые ряды камней фундаментовъ подъ галлереею, крыльцами и алтаремъ во многихъ мѣстахъ заложены послѣдующими, которые на нихъ нависаютъ, чѣмъ и объясняется неточность первоначальныхъ изслѣдованій. Вслѣдствіе вновь обнаружившихся обстоятельствъ, рѣшено было верхнюю, выпученную, кладку фундаментовъ вынуть на глубину 2 арш. и замѣнить ее кирпичною на цементномъ растворѣ, нижнюю же только укрѣпить съ боковъ кирпичными откосами шириною внизу 0,50 саж. (снаружи) и 0,40 саж. (изнутри). Глубина фундаментовъ въ алтарной части немного болѣе 6 арш., при чемъ выпученною оказалась лишь верхняя часть бута на глубину 2 арш., которую и рѣшено замѣнить новою кирпичною кладкою, съ устройствомъ въ нижней части откосовъ. Рѣшено также: распорныя арки внутри галлереи сдѣлать изъ бетона, бетонные откосы у фундаментовъ самой церкви сдѣлать толщиною въ среднемъ не 0,18 саж., а 0,30 саж., такъ какъ это представлялось болѣе надежнымъ и удобнѣе было для трамбовки. Внутренній ремонтъ храма производился въ 1904 г., при чемъ рѣшено было устройство внутренняго отопленія храма отложить, такъ какъ въ немъ нѣтъ необходимости (у прихода есть особая зимняя церковь), а оставшуюся сумму употребить на позолоту главы, на что и было дано согласіе Археологической Коммиссіей. Назначенный отъ Коммиссіи ея представителемъ въ строительную комиссію Е. А. Сабанѣевъ не могъ принять участія въ ея засѣданіяхъ, вслѣдствіе серьезной болѣзни. 8 іюня 1905 г. производимыя въ храмѣ работы осматривалъ членъ Коммиссіи П. П. Покрышкинъ, по заключенію котораго ремонтъ и реставрація церкви произведены вполнѣ хорошо. Раздѣлка трещинъ исполнена столь удачно и даже изящно, что съ фасадовъ можетъ быть оставлена безъ покраски подъ существующую живописную орнаментацію. Очистка и исправленіе живописи производится прекрасно мастеромъ Дикаревымъ, работающимъ подъ наблюденіемъ И. А. Шлякова. Пользуясь устройствомъ лѣсовъ, Археологическая Коммиссія отправила

своего фотографа Чистякова для исполненія фотографическихъ снимковъ съ росписи церкви. Онъ сдѣлалъ 275 снимковъ съ нея, составившихъ значительный альбомъ. (Дѣло 1895 г. № 57).

25. Ростовскаго у. с. Богословское, что на р. Ишнѣ. Деревянная Іоанно-Богословская церковь, 1687 г.

Церковь (рис. 89—93) приписана къ Георгіевской церкви въ слоб. Юрьевской. Отношеніемъ отъ 8 ноября 1895 г. Имп. Арх. Коммиссія разрѣшила произвести слѣдующій ремонтъ этой превосходной церкви: перемѣнить тесовую обшивку, выпрямить сѣверную стѣну двумя или тремя парами брусьевъ, скрѣпленныхъ желѣзными болтами, перекрасить желѣзную крышу, позолотить кресты, окрасить обшивку масляною краской, сплотить полы. Работы исчислены въ суммѣ 900 р. Надзоръ за ремонтомъ принялъ на себя И. А. Шляковъ. Проектъ

Рис. 89. Церковь с. Богословскаго на Ишнѣ, 1687 г. Южный фасадъ. По снимку И. Ф. Барщевскаго.

же былъ на разсмотрѣніи Имп. Московскаго Археологическаго Общества. Археологическая Коммиссія предложила не красить внутреннія стѣны находящейся при церкви галлереи, наружныя стѣны выкрасить подъ цвѣтъ стараго дерева, а крышу—сѣрой краской. (Дѣло 1895 г. № 215).

---

8. Г. Ярославль. Пятницко - Вспольская каменная церковь 1689 г.

Отношеніемъ отъ 5 ноября 1902 г. разрѣшено обратить лѣтнюю церковь (рис. 94) въ теплую, съ устройствомъ трехъ печей (двухъ въ церкви и одной въ алтарѣ) и зимнихъ рамъ. Печи должны были заслонить часть настѣнныхъ изображеній 1844 г., фотографическіе снимки съ которыхъ были представлены. (Дѣло 1902 г. № 219).

Рис. 90. Сѣверный фасадъ той-же церкви. По снимку И. Ф. Барщевскаго.

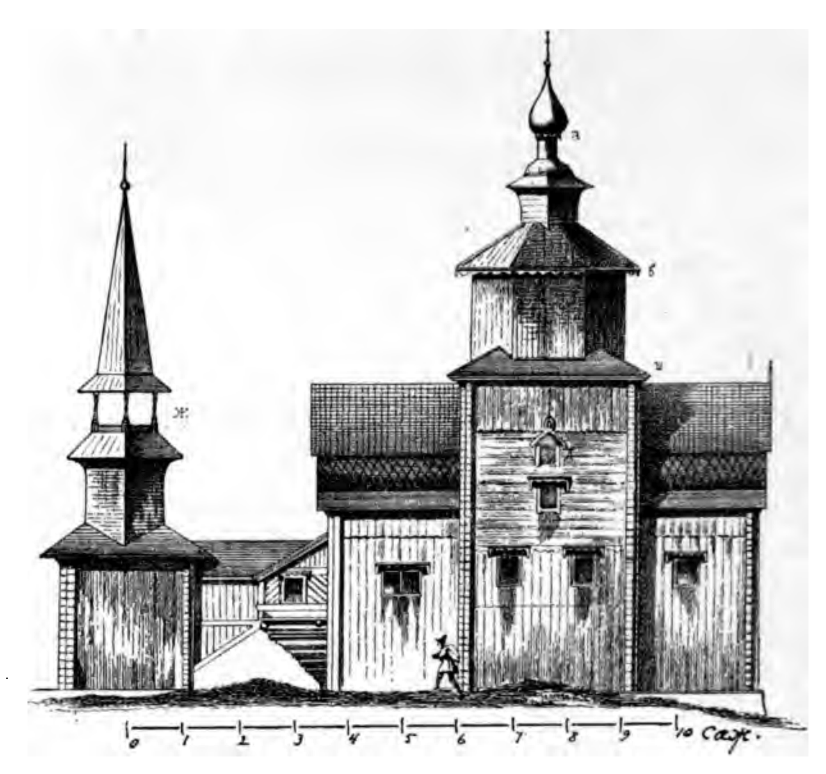


Рис. 91. Южный фасадъ церкви с. Богословскаго на Ишнѣ, по рисунку Л. В. Даля.

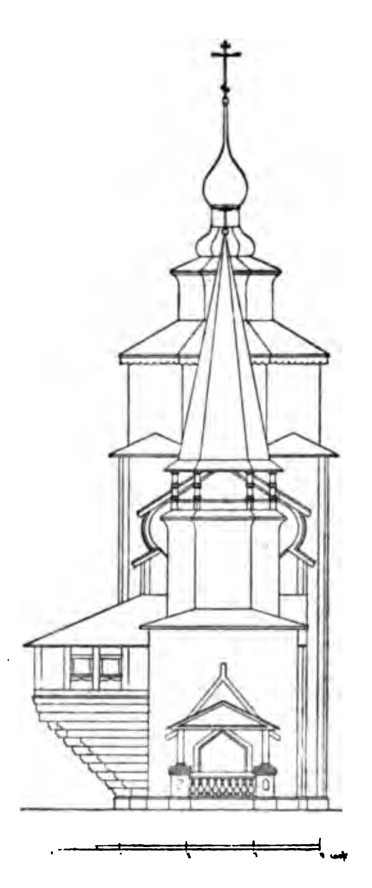


Рис. 92. Колокольня и крыльцо той-же церкви, по чертежу Павлинова.

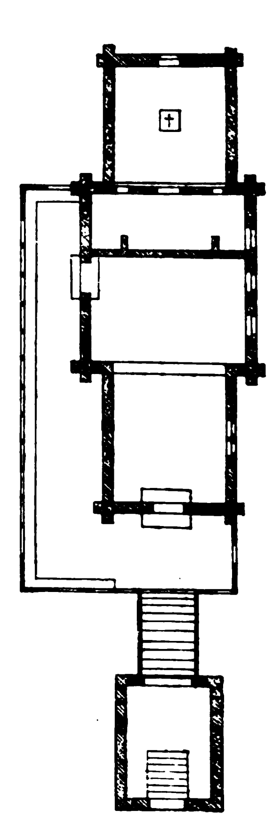


Рис. 93. Планъ той-же церкви.

Г. Ростовъ. Спасская, что на площади, церковь. 1690 г.

Церковь (рис. 95) обѣтная, без-
ходная, содержимая городомъ. Въ
5 г. западная часть храма обращена
а въ жилое помѣщеніе для причта,
чемъ къ ней пристроенъ былъ не-
шой каменный корпусъ, уничтожив-
крыльцо. Въ 1859 г. устроена была
колокольня, разобранная въ 1892 г. за
остью. Въ 1861 и 1868 гг. въ
ѣщеніяхъ, занимаемыхъ причтомъ,
оены были 2 придѣла. Древняя звон-
сохранилась, вниманіемъ архіепи-
а Нила. Въ 1894 г. былъ соста-
ъ проектъ устройства новой коло-
ни при церкви, съ переустройствомъ
няго храма, при чемъ старая звон-
должна была оставаться непри-

Рис. 94. Ярославль. Пятницко-Вспольская церковь, 1689 г.

овенною. Проектъ этотъ былъ разрѣшенъ Имп. Московскимъ Археологи-
имъ Обществомъ, но затѣмъ св. Синодомъ 3 сентября 1804 г. напра-
ъ былъ на заключеніе Археологической Коммиссіи. Товарищъ предсѣда-
Ростовскаго музея и членъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества
. Титовъ, возставашій противъ проекта въ городской думѣ и напечатавшій
ьи о церкви (Русскій Архивъ 1894 г., VI, и Историч. Вѣстн. 1894 г., X),
ставилъ въ Коммиссію ходатайство объ особенномъ вниманіи къ этому
ому памятнику старины и о принятіи мѣръ къ полной его реставраціи.
отря на записку составителя проекта переустройства церкви, губернскаго
енера г. Шишкина, доказывавшаго, что церковь тѣсна и не замѣчательна
художественномъ отношеніи, а равно не служитъ памятникомъ отечествен-
исторіи, Археологическая Коммиссія въ засѣданіи 23 ноября 1894 г.
ановила не разрѣшать перестройку зимняго храма, въ виду опасности,
рую представляла бы новая пристройка для стараго зданія, и въ виду
, что пристройка эта совершенно измѣнила бы древній видъ храма.
ю колокольню разрѣшено было поставить въ стилѣ конца XVII в., но
ще выражено желаніе, чтобы церковь была реставрирована въ прежнемъ

Рис. 95. Спасская ружная церковь въ г. Ростовѣ, 1690 г.

видѣ, какъ весьма любопытный образецъ церковной архитектуры XVII в
Проектъ новой колокольни Коммиссіи не былъ представленъ, но въ 1897 г
староста и прихожане церкви обратились съ прошеніемъ на Высочайшее им
о разрѣшеніи имъ построить новую колокольню на мѣстѣ старой, что не был
имъ запрещено и въ постановленіи Археологической Коммиссіи 1894 г. П
наведеннымъ справкамъ, до настоящей поры въ церкви никакихъ ремонтных
работъ не произведено и колокольня не пристроена. Колокола лежатъ под
навѣсомъ. (Дѣло 1894 г. № 145).

28. Г. Ярославль. Пятнице-Туговская церковь, 1691 г.

Отношеніемъ отъ 31 мая 1904 г. разрѣшено возобновить иконостас
1836 г. въ придѣлѣ Благовѣщенія. (Дѣло 1904 г. № 107).

29. Г. Ярославль. Николо-Рубленская церковь, 1695 г.

Отношеніемъ отъ 26 ноября 1904 г. разрѣшено перекрасить стѣны и ъ церкви, не касаясь стѣнописи. (Дѣло 1904 г. № 199).

. Угличъ. Покрово-Паисіевскаго монастыря Покровская и Богоявленская церкви.

Покровская церковь (рис. 96), роенная въ 1479 г., возобновлена 1751 и 1797 гг., а стѣнная живоь—въ 1860 г. Въ 1890 г. возоблена была живопись и обновленъ ностасъ. Богоявленская холодная ковь возобновлена въ 1835 г. Отноніемъ отъ 10 іюня 1905 г. разрѣно перекрасить крыши обѣихъ церк- и перебѣлить ихъ снаружи, а также овить живопись на стѣнныхъ клейъ, подъ наблюденіемъ Ярославской ной архивной комиссіи. (Дѣло 1905 г. 62).

Рис. 96. Г. Угличъ. Покровская церковь въ Паисіевскомъ монастырѣ.

. Г. Романовъ-Борисоглѣбскъ. Покровская церковь, XVII в.

Отношеніемъ отъ 18 февраля 1903 г. разрѣшена реставрація 20 древъ иконъ церкви (на средства И. А. Вахрамѣева), подъ наблюденіемъ Е. А. анѣева. Исправленія иконъ произведены М. И. Дикаревымъ. (Дѣло 1903 г. 16).

Отношеніемъ отъ 18 апрѣля 1903 г. духовная консисторія препроводила атайство о разрѣшеніи произвести слѣдующій ремонтъ въ храмѣ: въ виду азовавшейся трещины связать паперть съ церковью сквозными желѣзными зями, помощью гаекъ, перебрать фундаментъ подъ папертью, разобрать и замѣнить ою поперечную стѣну паперти, всѣ трещины перебрать, съ поправкою жииси въ попорченныхъ мѣстахъ. Стѣнопись въ паперти возобновлялась нѣлько разъ. Въ письмѣ отъ 7 мая 1903 г. Е. А. Сабанѣевъ доставилъ донительныя свѣдѣнія къ изложенному ходатайству. Церковь была сильно пе-

рестроена въ 15—20 годахъ XIX в. Цѣлѣе прочихъ частей храма крытая паперть, а особенно колокольня, которая по формѣ и красотѣ представляетъ собою единственный памятникъ этого рода не только въ г. Романовѣ, но и во всей губерніи, столь богатой церквами постройки второй половины XVII в. Желательно слѣдить не только за крупнымъ ремонтомъ этой колокольни, но и за самымъ мелкимъ. Паперть сохранила прежній расписной сводъ и двери, ведущія въ церковь. Трещина проходитъ чрезъ весь сводъ паперти и обѣ боковыя стѣны. Причина ея—плохой фундаментъ; если паперть еще не обрушилась, то лишь благодаря желѣзной связи, соединяющей двѣ длинныя стѣны. Перебрать необходимо не одну, а обѣ короткія стѣны. Ремонтъ былъ разрѣшенъ, а наблюденіе за нимъ возложено на Е. А. Сабанѣева, который 30 сентября 1903 г. увѣдомилъ Коммиссію, что всѣ необходимыя исправленія закончены. (Дѣло 1903 г. № 75).

32. Г. Ростовъ. Спасо-Іаковлевскій монастырь.

1) Отношеніемъ отъ 13 ноября 1898 г. разрѣшено произвести ремонтъ въ Зачатіевскомъ и Іаковлевскомъ храмахъ: удалить пыль со стѣнъ, промыть альфресковую живопись, промыть иконостасы и пр. По отзыву И. А. Шлякова, подъ наблюденіемъ котораго производились работы, превосходная стѣнопись Зачатіевской церкви, относящаяся ко времени митрополита Іоны III (XVII в.), значительно пострадала отъ новѣйшихъ поправокъ, произведенныхъ въ 1849 г., особенно же въ орнаментахъ. Но эти поправки, къ счастью, произведены были клеевыми слабыми красками, такъ что не стоило никакого труда снять ихъ губкою, намоченною въ водѣ. Работы произведены мастерскою иконописца В. В. Лопакова.

2) Димитріевскій храмъ, построенный въ 1795—1801 гг. графомъ Шереметевымъ. Отношеніемъ отъ 7 февраля 1900 г. консисторія препроводила ходатайство о разрѣшеніи капитальнаго ремонта храма въ виду его обветшанія. Было предположено: укрѣпить мѣстами фундаментъ, исправить вокругъ храма плитный цоколь, отставшій отъ стѣнъ, исправить сопрѣвшія части стѣнъ, сильно попортившіяся широкія площадки со ступенями у сѣверной и южной двери передѣлать на болѣе короткія ступени, съ устройствомъ боковыхъ стѣнокъ и бетонной площадки, исправить штукатурку, поправить капители колоннъ, исправить желѣзную крышу, побѣлить наружныя стѣны и перемѣнить существующій мастичный полъ на новый, изъ харьковской разноцвѣтной плиты. Ремонтъ былъ разрѣшенъ, но затребованы фотографическія

снимки съ портиковъ, для рѣшенія вопроса объ ихъ ремонтѣ. Вслѣдъ затѣмъ было получено отъ монастыря увѣдомленіе, что по экономическимъ соображеніямъ предположено лишь укрѣпить портики заливкою щелей и подкладкою кирпича.

3) Отношеніемъ отъ 22 сентября 1904 г. монастырю разрѣшено передать накопившіяся въ немъ старыя иконы въ комитетъ по снабженію бѣдныхъ церквей иконами и утварью при Московской Синодальной Конторѣ. Часть иконъ поступила въ Ростовскій музей, по его выбору.

4) Отношеніемъ отъ 7 сентября 1905 г. разрѣшено перемѣнить колоды и рамы въ Зачатіевской церкви.

5) Отношеніемъ отъ 12 сентября 1905 г., по полученіи фотографическихъ снимковъ и отзыва отъ И. А. Шлякова, разрѣшено въ соборѣ вынуть изъ находящагося въ алтарѣ иконостаса двѣ иконы XVIII в. южно-русскаго письма и замѣнить ихъ вышитыми изображеніями Святителей, передѣлать самый иконостасъ или рамы иконъ въ немъ, а также замѣнить чугунный полъ поломъ изъ метлахскихъ плитъ на шанцахъ изъ кирпича желѣзняка. Прежній полъ устроенъ былъ на землѣ и мусорѣ, всегда сырыхъ и холодныхъ, можетъ быть, вслѣдствіе близости къ озеру. Всѣхъ изображеній Святителей, богато вышитыхъ золотомъ и серебромъ на малиновомъ бархатѣ, шесть. Они устроены были граф. Орловой-Чесменской. Четыре изъ нихъ уже помѣщались во внутреннемъ алтарномъ иконостасѣ, но были задѣланы въ тяжелыя рамы, неудобныя для сушки и чистки. По заключенію И. А. Шлякова, перенесеніе на иное мѣсто двухъ шитыхъ иконъ весьма желательно, такъ какъ онѣ прикрывали собою старую альфресковую стѣнопись. (Дѣло 1898 г. № 248 и 1900 г. № 34).

Рис. 97. С. Никольское въ горахъ, Ростовскаго у. Церковь 1700 г.

33. Ростовскаго у. с. Никольское. Каменная церковь 1700 г.

Отношеніемъ отъ 18 февраля 1905 г. разрѣшено разобрать одну изъ главъ церкви (рис. 97 на стр. 165), для установки на ней упавшаго креста. Крестъ упалъ подъ напоромъ сильнаго вѣтра; столбъ, на которомъ онъ былъ утвержденъ, оказался переломленнымъ. (Дѣло 1904 г. № 130).

34. Г. Угличъ. Предтечевская церковь, 1701 г.

Рис. 98. Г. Угличъ. Церковь Іоанна Предтечи, 1701 г.

Въ 1905 г. причтъ и староста церкви (рис. 98; см. также снимки Барщевскаго № 1402—1404, «Памятники» Суслова VI, 8 и чертежи въ архитект. музеѣ И. Акад. Худ. № 220 и 242) ходатайствовали о разрѣшеніи переложить двѣ печи, при чемъ алтарный дымоходъ долженъ быть устроенъ такъ, чтобы печь топилась независимо отъ направленія вѣтра, устроить деревянныя двери въ холодномъ придѣлѣ, сверхъ существующихъ желѣзныхъ, поправить штукатурку и произвести окраску церкви снаружи. Духовная консисторія указомъ отъ 18 іюля 1905 г. потребовала представленія чертежей фасада церкви и плана устройства печей. Однако, по донесенію мѣстнаго благочиннаго, оказалось, что ко дню полученія указа (29 іюля) значительная часть ремонта была уже исполнена: печи выведены, дверь навѣшена, штукатурка и желѣзная крыша поправлены, и работы эти были показаны преосвященному еще 30 мая 1905 г. Вѣроятно,

ходатайство о разрѣшеніи ремонта направлено было уже послѣ исполненія его. 3 августа 1905 г. продолженіе ремонта было остановлено благочиннымъ. На запросъ Археологической Коммиссіи получены свѣдѣнія (при отношеніи консисторіи отъ 17 ноября 1906 г.), что печи были обыкновеннаго устройства и что церковь осталась некрашеною (предполагалось окрасить въ прежній, желтый цвѣтъ). Въ тепломъ придѣлѣ церкви въ 1840 г. былъ произведенъ крупный ремонтъ: расширены окна, выбрана арка, соединяющая трапезу съ церковью, убранъ потолокъ и открытъ сводъ, перенесенъ съ сѣверной стороны на западную входъ въ храмъ, устроены печи. (Дѣло 1906 г. № 114).

---

35. Г. Романовъ-Борисоглѣбскъ. Каменный домъ Дергаловыхъ, XVII или XVIII в.

Отношеніемъ отъ 3 ноября 1898 г. Ярославская ученая архивная коммиссія просила В. В. Суслова принять участіе въ судьбѣ этого дома (рис. 99), перешедшаго въ Романовскую льняную мануфактуру, которая сперва предполагала сломать его, но потомъ, по ходатайству комиссіи, оставила для приспособленія подъ квартиру рабочихъ, для чего предположено было сломать своды, въ предположеніи, что они опасны для цѣлости зданія и неудобны для жилого помѣщенія. По этому дѣлу Археологическая Коммиссія обратилась къ директору правленія мануфактуры Е. Е. Классену съ слѣдующимъ письмомъ: «Любители древне-русской старины уже давно съ грустью слѣдятъ за постепеннымъ обветшаніемъ дома Дергаловыхъ въ г. Романовѣ. Нынѣ, съ переходомъ этого дома въ дѣятельныя и просвѣщенныя руки, для него наступаетъ новая пора, такъ какъ новые владѣльцы его имѣютъ всѣ средства сберечь этотъ рѣдкій и любопытный памятникъ русскаго гражданскаго зодчества конца XVII или начала XVIII в. отъ дальнѣйшей порчи и по возможности привести его въ первоначальный видъ. Пользуясь столь благопріятнымъ моментомъ, Императ. Археологическая Коммиссія считаетъ своею обязанностью выразить надежду, что при предстоящемъ ремонтѣ бывшаго дома Дергаловыхъ, принадлежащаго нынѣ

Рис. 99. Г. Романовъ-Борисоглѣбскъ. Домъ Дергаловыхъ. (По фотогр. Д. В. Милѣева 1905 г.).

Товариществу Романовской льняной мануфактуры, будутъ удержаны всѣ его характерныя архитектурныя особенности въ устройствѣ крыши, внутреннихъ сводовъ, карнизовъ и т. д. Съ своей стороны Коммиссія просила извѣстнаго Вамъ архитектора Е. А. Сабанѣева не отказать Вамъ въ содѣйствіи по техническому осмотру бывшаго Дергаловскаго дома и въ ученомъ наблюденіи за его ремонтомъ». Письмомъ отъ 12 декабря 1898 года Е. Е. Классенъ засвидѣтельствовалъ свою готовность при ремонтѣ дома сохранить его характерныя архитектурныя особенности, насколько это окажется совмѣстимымъ съ его будущимъ назначеніемъ и не вызоветъ чрезмѣрныхъ затратъ. Вслѣдъ затѣмъ письмомъ отъ 27 января 1899 г. Ярославская архивная комиссія увѣдомила В. В. Суслова, что въ домѣ предположено выбрать своды, расширить окна, перекрыть крышу желѣзомъ; комиссія предполагала бы болѣе желательнымъ обратить домъ въ помѣщеніе лавки или конторы. Археологическая Коммиссія обратилась съ просьбою о содѣйствіи къ Е. А. Сабанѣеву, который въ октябрѣ 1901 г. сообщилъ Коммиссіи, что вопросъ о сохраненіи дома Дергаловыхъ находится въ благопріятномъ положеніи. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, домъ этотъ не подвергается никакому ремонту; онъ отведенъ подъ жилое помѣщеніе рабочихъ. (Дѣло 1898 г. № 257).

36. Г. Ярославль. Петропавловская, что на Волжскомъ берегу, церковь. 1701 г.

Отношеніемъ отъ 26 ноября 1904 г. разрѣшено перекрасить крышу и обѣлить стѣны церкви (рис. 100 и 101), подъ наблюденіемъ Ярославской ученой архивной коммиссіи. (Дѣло 1904 г. № 239).

Рис. 100. Ярославль. Петропавловская церковь на Волжскомъ берегу, 1701 г.

Рис. 101. Ярославль. Петропавловская церковь, 1701 г.

37. Рыбинскаго у. с. Васильевское. Храмъ 1717 г.

Отношеніемъ отъ 22 сентября 1904 г. разрѣшено произвести ремонтъ ;ркви, состоящій главнымъ образомъ въ промывкѣ стѣнной живописи и въ оправкѣ наружной штукатурки. Въ церкви имѣется очень недурный иконо- тасъ (рис. 102, 103—105). (Дѣло 1904 г. № 198).

Рис. 102. С. Васильевское Рыбинскаго у. Церковь 1717 г.

Рис. 105. Сѣверная дверь иконостаса въ церкви с. Васильевскаго.

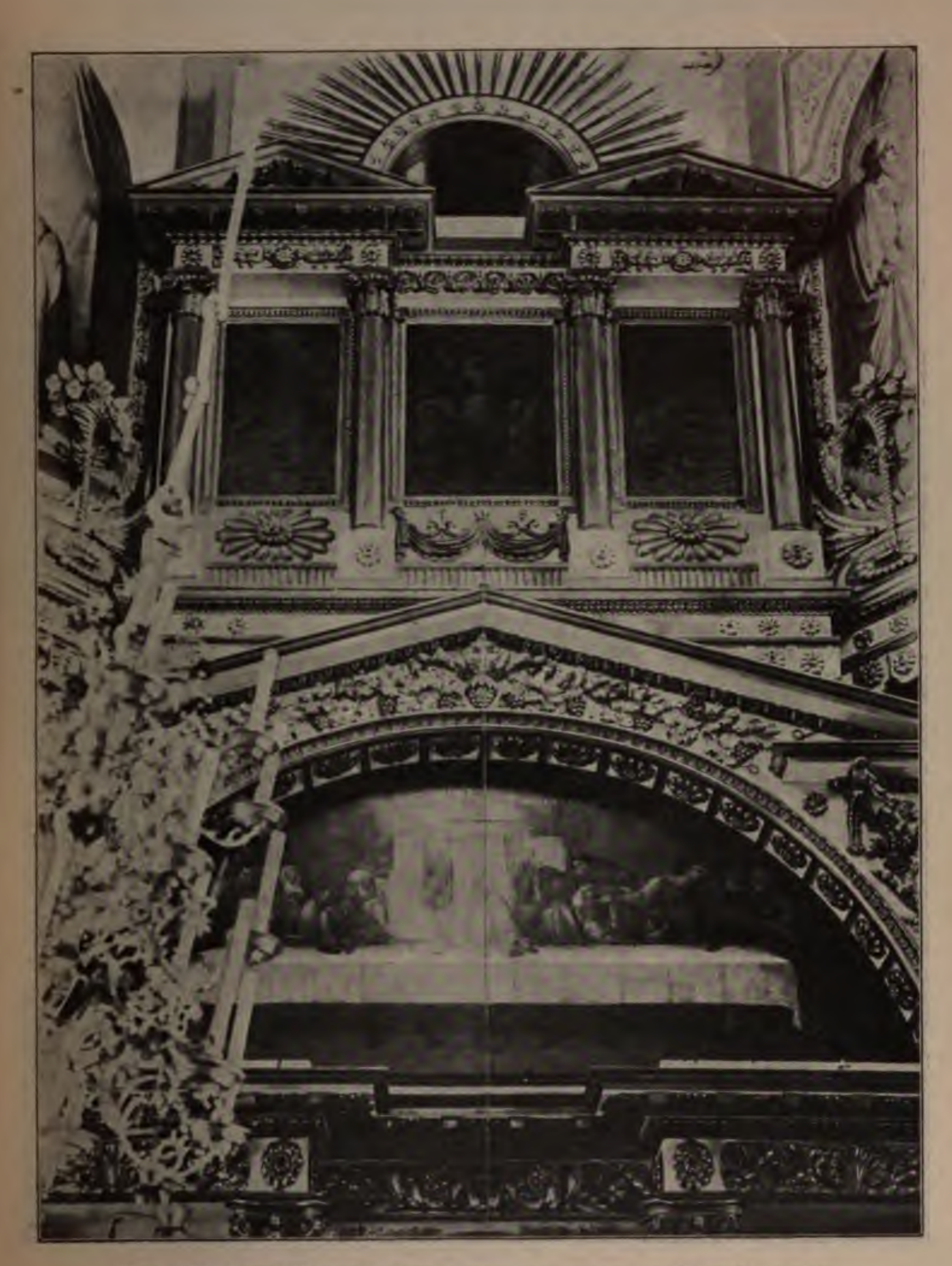


Рис. 103. Верхній ярусъ иконостаса въ церкви с. Васильевскаго.

Рис. 102. С. Васильевское Рыбинскаго у. Церковь 1717 г.

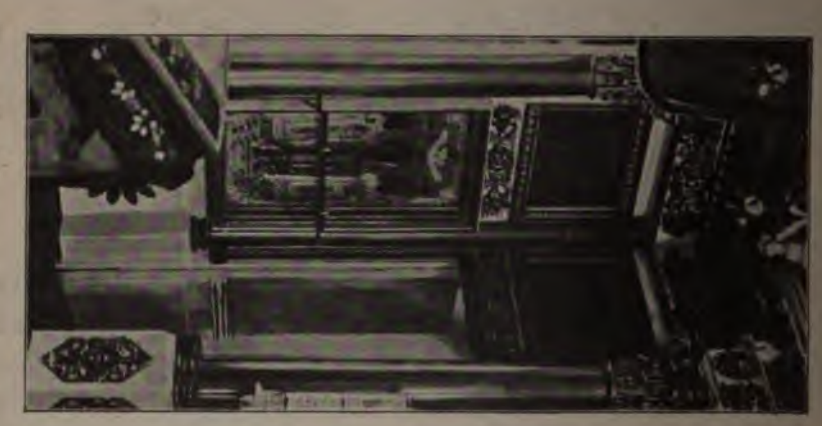


Рис. 105. Сѣверная дверь иконостаса въ церкви с. Васильевскаго.

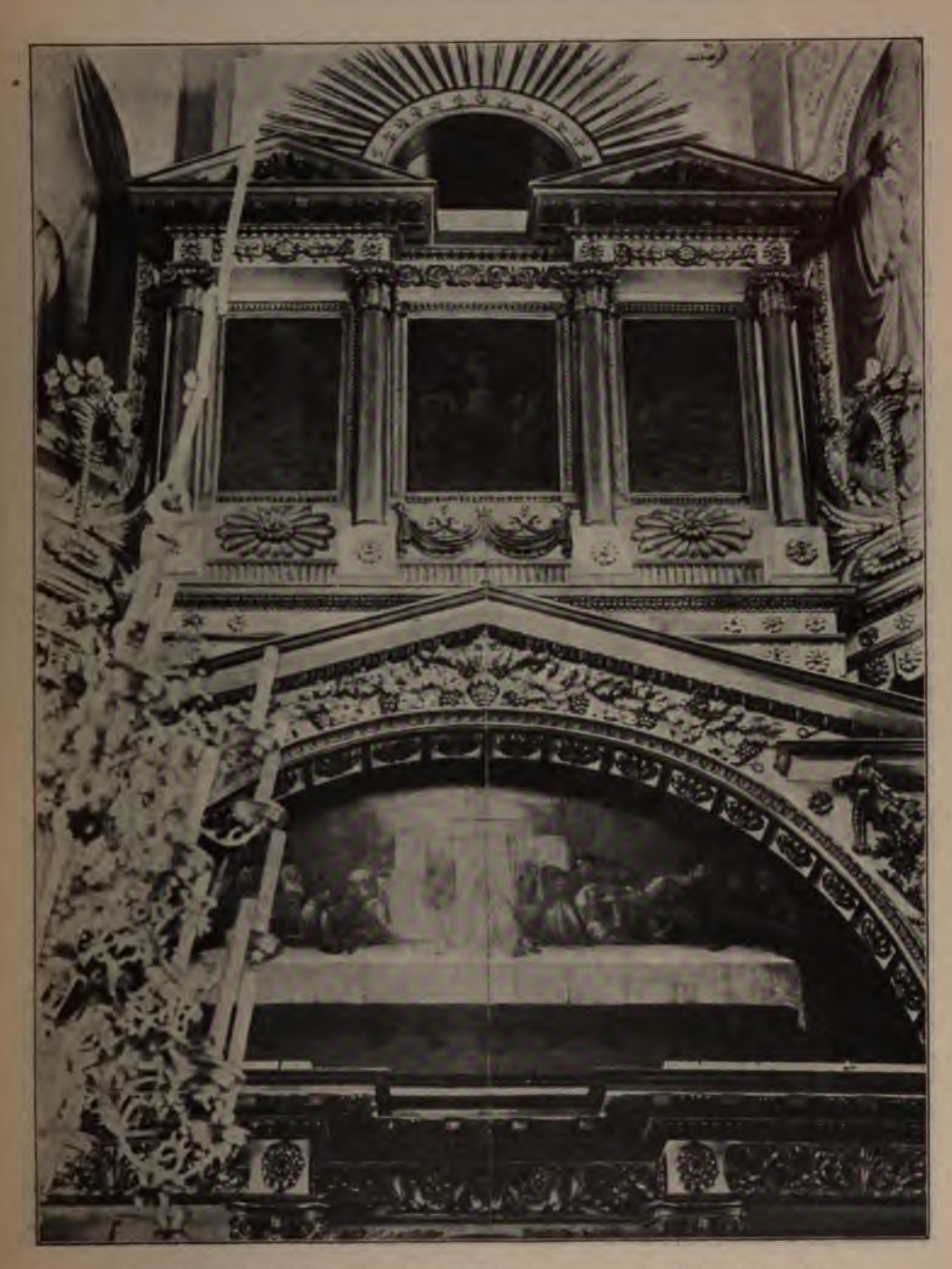


Рис. 103. Верхній ярусъ иконостаса въ церкви с. Васильевскаго.

Рис. 104. Иконостасъ церкви с. Васильевскаго.

38. Г. Рыбинскъ. Казанская каменная церковь, 1720 г.

Отношеніемъ отъ 22 февраля 1899 г. разрѣшено устроить съ правой стороны церкви придѣлъ во имя Введенія во храмъ Пресв. Богородицы. Церковь очень простого устройства, небольшая, весьма передѣланная и не представляющая интереса. (Дѣло 1899 г. № 32).

39. Мологскаго у. с. Новоселки. Деревянная церковь 1743 г.

Рис. 106. Церковь с. Новоселки Мологскаго у., 1743 г.

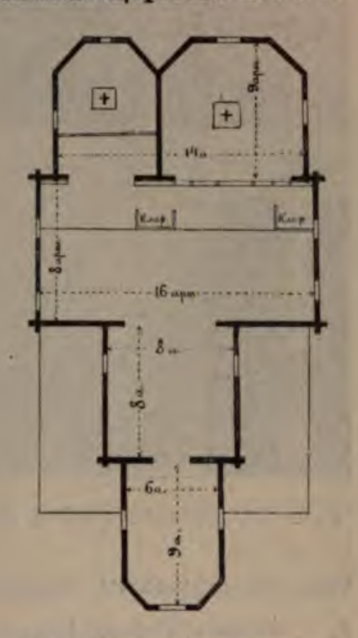


Рис. 107. Планъ той-же церкви.

Отношеніемъ духовной консисторіи отъ 22 февраля 1906 г. препровождено ходатайство о разрѣшеніи ремонта церкви (рис. 106 и 107). Предположено: подвести каменный фундаментъ, перекрыть желѣзомъ, увеличить размѣры оконъ и дверей, убрать новый корридоръ, устроенный кругомъ трапезы, и устроить вмѣсто него три крыльца, настлать новый полъ, стѣны поставить на войлокъ, устроить печи для обращенія храма въ теплый, Въ реставраціонномъ засѣданіи 3 мая 1906 г. ремонтъ этотъ былъ разрѣшенъ съ непремѣннымъ условіемъ сохраненія старыхъ формъ и представленія до начала ремонта необходимыхъ чертежей и фотографическихъ снимковъ большаго размѣра. Требованіе это не было исполнено. На запросъ Коммиссіи дух. консисторія отъ 8 декабря 1907 г. увѣдомила, что дѣло по ремонту еще не начиналось. (Дѣло 1906 г. № 33).

40. Пошехонскаго у. с. Григорово. Покровская церковь, 1779 г.

Рис. 108. Дверная арка въ церкви с. Григорова.

Ярославская ученая архивная комиссія довела до свѣдѣнія Имп. Археологической Коммиссіи, что дух. консисторія разрѣшила ремонтъ этой церкви безъ всякаго сношенія съ кѣмъ бы то ни было. На запросъ Коммиссіи отъ 24 іюля 1904 г. консисторія чрезъ мѣсяцъ, представляя 2 фотографическіе снимка и чертежи церкви, сообщила, что главнѣйшія работы уже сдѣланы и старая дверная арка изъ трапезы въ церковь (рис. 108) уничтожена, и заявила, что ремонтъ разрѣшенъ консисторіею на основаніи ст. 47 Уст. Дух. Конс., въ виду того, что церковь не относится къ числу древнихъ.

Археологическая Коммиссія въ виду этого случая, а также принимая во вниманіе, что на разсмотрѣніе ея вовсе не поступаютъ проекты ремонта церквей изъ ряда епархій, напр. Олонецкой и нѣкоторыхъ южныхъ, просила г. Оберъ-Прокурора св. Синода о новомъ напоминаніи по вѣдомству относительно неуклоннаго исполненія Высочайшаго повелѣнія отъ 11 марта 1889 г. Соотвѣтственный циркуляръ г. Оберъ-Прокурора напечатанъ въ № 7 «Церковныхъ Вѣдомостей» 1905 г. (Дѣло 1904 г. № 147).

41. Мологскаго у. с. Лацкое. Деревянная церковь, 1780 г.

Отношеніемъ отъ 31 августа 1907 г. разрѣшено покрыть желѣзомъ крышу церкви (рис. 109 на стр. 175), съ условіемъ, чтобы высота и форма ея не подвергались никакимъ измѣненіямъ. (Дѣло 1907 г. № 94).

42. Мологскаго у. с. Сутки. Деревянная церковь 1783 г.

Отношеніемъ отъ 27 января 1906 г. духовною консисторіею было пре-овождено ходатайство о разрѣшеніи разобрать ветхую колокольню и крыльцо ркви (рис. 110) съ обращеніемъ матеріала на ремонтъ мѣстныхъ школъ. По ключенію инженера В. Кузьмина, самая церковь находится въ удовлетвори-ьномъ состояніи, за исключеніемъ половъ въ трапезѣ, гдѣ столбы съ бал-ми нѣсколько погнили, по колокольня отклонилась отъ вертикали не менѣе ѣъ на 1 арш. и должна быть немедленно разобрана; иконостасъ исправенъ, внутренняя штукатурка мѣстами требуетъ ре-монта. 16 ноября 1906 г. дополнительно, по

с. 109. Церковь с. Лацкаго Мологскаго у., 1780 г.

Рис. 110. Церковь с. Сутки Мологскаго у., 1783 г.

бованію Коммиссіи, доставленъ былъ фотографическій снимокъ колокольни связи съ церковью. Разборка колокольни была разрѣшена.

Отношеніемъ отъ 28 мая 1907 г. препровождено ходатайство о разрѣшеніи ить штукатурку внутри церкви и замѣнить ее парусиной, окрашенной ма-ною краскою, перезолотить иконостасы и промыть иконы. На спеціальный росъ 6 іюля 1907 г. послѣдовалъ отвѣтъ Ярославской архивной комиссіи, , по ея мнѣнію, препятствій къ разрѣшенію ремонта не можетъ возникнуть. укатурка гладкая, безъ украшеній и росписи, сильно растрескалась и гро-ъ обвалами, особенно съ потолка. Иконостасъ позднѣйшій, безъ древнихъ нъ. По стилю церковь не характерна для ярославскихъ церквей, такъ какъ ь этотъ не мѣстный, а южно-русскій. Разрѣшая ремонтъ, отношеніемъ отъ іюля 1907 г., Коммиссія сдѣлала замѣчаніе, что очень многія сѣверныя кви XVIII в. носятъ слѣды южно-русскаго вліянія, которое такимъ обра-ъ можетъ считаться характернымъ и для сѣвера Россіи, и что такія церкви

должны быть сохраняемы наравнѣ съ прочими. Это замѣчаніе вызвало объясненіе со стороны И. А. Тихомірова, что онъ типичными признаетъ лишь сооруженія съ явно-мѣстными техническими и архитектурными пріемами, и что появленіе на сѣверѣ южно-русскихъ церквей характерно лишь какъ показаніе архитектурнаго безвременья, довольствовавшагося этими безвкусными и тяжелыми архитектурными формами. Отношеніемъ отъ 23 декабря 1906 г. просимый ремонтъ былъ разрѣшенъ. (Дѣло 1906 г. № 23).

43. Пошехонскаго у. с. Ломъ. Старая рака препод. Игнатія, Ломскаго чудотворца.

По случаю трехсотлѣтія со дня кончины преподобнаго Игнатія предположено было, въ апрѣлѣ 1892 г., поновить раку и образъ преподобнаго. Новая рака была поставлена въ 1895 г., а старую предписано сохранять въ архивѣ церкви съ подобающею тщательностью. По осмотру мѣстнаго благочиннаго оказалось, что сохранялись лишь двѣ стороны старой раки, обитыя латунью, а двухъ другихъ сторонъ, по заявленію бывшаго священника, никогда и не существовало. Духовная консисторія, сообщая объ этомъ Коммиссіи, просила ее о дальнѣйшихъ указаніяхъ по этому дѣлу. Причтъ церкви, за дальностью разстоянія села отъ города (68 в. отъ Пошехонья и 70 в. отъ Вологды), затруднился выслать затребованные отъ него фотографическіе снимки, отвѣтивъ потомъ на спеціальный запросъ Коммиссіи, что исполненіе снимковъ будетъ стоить не менѣе 35 р. Въ іюнѣ 1907 г. рака была осмотрѣна членомъ Коммиссіи П. П. Покрышкинымъ, нашедшимъ, что она не имѣетъ ни археологическаго, ни художественнаго интереса. За то имъ обнаружены были въ кладовой церкви нѣсколько хорошихъ древнихъ иконъ и мѣдное литое паникадильце, которыя Археологическая Коммиссія и просила передать въ Ярославскій музей. Въ церкви много прекрасныхъ старыхъ иконъ изъ прежняго монастыря и замѣчательныя царскія врата въ южномъ придѣлѣ. На колокольнѣ двухпудовый колоколъ съ надписью: «1716 вылитъ сей колоколъ въ Вологоцкой уѣздъ Спаса Игнатьевой пустыни, что на Лому, раденіемъ отца строителя Савватія на казенныя деньги. Вѣсу пудъ 34 ф.» (Дѣло 1906 г. № 150).

44. Ростовскаго у. с. Филимоново Горяиновыхъ.

Отношеніемъ отъ 24 іюня 1905 г. разрѣшено обновить икону Боголюбской Божіей Матери, отъ времени пришедшую въ ветхость. Икона эта почитается чудотворною. (Дѣло 1905 г. № 108). **А. С.**

УКАЗАТЕЛИ.

I. Указатель личныхъ и географическихъ именъ.

II. Указатель предметовъ.

III. Указатель рисунковъ.

(Цифры обозначаютъ номера рисунковъ).

Примѣчаніе къ стр. 93.

Справкою, полученною отъ Владимірской духовной консисторіи, выяснено, что по дѣлу о самовольной сломкѣ колокольни въ с. Яневѣ Суздальскаго у. были привлекаемы къ отвѣтственности, по § 29 устава о наказ., священникъ с. Янева Магницкій и старосты: сельскій Пучковъ и церковный Малаховъ. Приговоромъ земскаго начальника 2 участка Суздальскаго у. 16 августа 1906 г. всѣ эти лица оправданы. О намѣреніи крестьянъ сломать колокольню священникъ предупреждалъ какъ свое епархіальное начальство, такъ и мѣстнаго исправника.

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

ЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Выпускъ 27-й.

Съ 2 таблицами и 56 рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Ѳ. Киршбаума. Новоисаакіевская, 20.
1908.

Печатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Bulletin de la Commission Impériale Archéologique.

27-ème livraison.

Table des matières.

Pages.

Окуловскій кладъ Русскихъ денегъ.

Нижеописанныя 55 серебряныхъ денегъ изображены на прилагае-
ıхъ таблицахъ I и II.

1. Слѣды изображенія четвероногаго животнаго и круговой надписи,
ъ которой замѣтны буквы КН . . . . З.

Обр. Слѣды надписи среди линейнаго ободка; замѣтны буквы
КН и Н.

20 д. Подобная монета описана въ изд. Имп. Росс. Истор. Музея,
п. I, „Русскія монеты до 1547 г.", № 493, табл. VIII, рис. 352,
еди денегъ вел. кн. Василія Дмитріевича Московскаго.

2. Слѣды изображенія человѣка; видны руки съ мечемъ и сѣкирою
маленькая человѣческая голова передъ ними, обращенная вправо;
нейный ободокъ. Отъ круговой надписи сохранились буквы ѦЖ (отъ
эва: княжа).

Обр. Слѣды подражанія восточной надписи и тамга среди линей-
го ободка.

19 д. Подобная монета описана ibid., № 783, т. XIII, рис. 641,
эди денегъ князя Петра Дмитріевича Дмитровскаго.

3. Кентавръ (видна передняя часть) вправо, передъ нимъ тамга;
эдки линейный и изъ точекъ. Другая сторона деньги не отчеканилась
но; замѣтны слѣды ободковъ линейнаго и изъ точекъ.

18½ д. Описана ib., № 793, т. XIII, рис. 647, среди денегъ того
князя.

4. Плохо отчеканившееся поясное изображеніе человѣка впрямь.
еди линейныхъ ободковъ слѣды надписи КТ (?) . . . ЄТПЯ.

Обр. Слѣды вѣтки растенія, вѣроятно, хвоста фантастическаго
вотнаго и буква Ж (отъ слова: княжа?).

18½ д. Ср. ib., № 831, т. XIV, рис. 692 и № 831 , т. XVIII, рис. 831, гдѣ подобныя деньги описаны среди Ростовскихъ.

5. Птица, летящая влѣво.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

14 д. Часть деньги отломана. Ср. ib., № 843, т. XV, рис. 706, среди денегъ вел. князя Дмитрія Константиновича Суздальско-Нижегородскаго.

6. Бѣгущее вправо животное среди линейнаго ободка.

Обр. Слѣды подражанія восточной надписи.

18 д. Ср. ib., № 859, т. XV, рис. 725 и слѣд., гдѣ подобная деньга описана среди монетъ Василія Кирдяпы.

7. Плохо отчеканившееся изображеніе сидящаго человѣка съ мечемъ, влѣво, среди линейнаго ободка. Замѣтны слѣды буквъ круговой надписи.

Обр. Неясное изображеніе (тамги?) среди линейнаго четырехугольника.

17 д. Нѣсколько схожая деньга описана ib., № 910, т. XVII, рис. 792, принадлежащая, повидимому, князю Даніилу.

8. Слѣды поясного изображенія человѣка съ мечемъ и сѣкирою, вправо, среди линейнаго ободка. Слѣды буквъ круговой надписи.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

18 д. Ср. ib., № 985, т. XIX, рис. 888.

9. Слѣды какого-то изображенія среди линейнаго ободка. Въ круговой надписи буквы ЧА (отъ слова печать).

Обр. Человѣческая голова вправо; надъ нею подражаніе восточной надписи.

19 д. Типъ подобной деньги, повидимому, не изданъ.

10. Человѣческая голова вправо, передъ нею, бокомъ, надпись توقتمش —Токтамышъ [1]).

Обр. Подражаніе восточной надписи.

18 д. Подобная деньга, повидимому, не издана.

11. Животное вправо, передъ нимъ человѣкъ.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

17 д. См. ibid. № 988, т. XX, рис. 893 и 894.

---

[1]) Всѣ восточныя надписи на деньгахъ этого клада разобраны А. К. Марковымъ, которому приношу искреннюю благодарность.

12. Человѣкъ въ ростъ, влѣво, съ шапкою на головѣ, въ одной :ѣ держитъ сѣкиру или мечъ, въ другой кружокъ.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

17½ д. Подобная деньга, повидимому, не издана.

13. Два стоящіе лицомъ другъ къ другу человѣка, держащіе руками :дметъ, похожій на дерево; линейный ободокъ. Въ круговой надписи іѣтны буквы ВН (отъ словъ: Василій или великаго?).

Обр. Сѣтка и черточки.

18½ д. См. ibid. № 986, т. XIX, рис. 889 и слѣд.

14. Деньга, подобная предыдущей, но другого чекана. 16 д.

15. Изображенія, какъ на предыдущихъ деньгахъ, но надъ головою :овѣка дуга (шляпа?).

17 д. Ib., т. XIX, рис. 892.

16. Тоже, но другого чекана. 17½ д.

17. Всадникъ вправо среди линейнаго ободка; слѣды буквъ круго- і надписи.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

17 д. Ib., № 976, т. XIX, рис. 878.

18. Тоже, но другого чекана. 16 д.

19. Слѣды изображенія Кентавра и тамги подъ нимъ; ободки :ейный и изъ точекъ.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

18 д. Ib., № 920—921, т. XVII, рис. 810—812.

20. Тоже, но другого чекана. 17 д.

21. Тоже, но другого чекана. 19 д.

22. Птица вправо, съ приподнятыми крыльями и съ большими лапами.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

18½ д. Ib., № 998, т. XX, рис. 909.

23. Птица вправо.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

18½ д. Ib., № 1005, т. XX, рис. 916.

24. Птица среди линейнаго ободка; слѣды круговой надписи.

Обр. Изображеніе не отчеканилось или изгладилось.

18 д. Ib., № 1005.

25. Четвероногое животное съ обращенною назадъ головою, пры- щее вправо.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

19 д. Лицевая сторона сходна съ описанною Шубертомъ въ его „Описаніи Русскихъ монетъ и медалей“ (Спб. 1843 г.) подъ № 224 деньгою, изображенною въ его атласѣ на т. III, рис. 224. Авторъ относитъ деньгу къ Василію Дмитріевичу Московскому.

26. Бѣгущее вправо животное; линейный ободокъ. Въ круговой надписи видны буквы НА (отъ слова Василій?).

Обр. Подражаніе восточной надписи.

17 д. См. выше № 6.

27. Крылатое четвероногое вправо; линейный ободокъ. Слѣды круговой надписи.

Обр. Подражаніе восточной надписи и тамга.

19 д. Ib., № 967, т. XIX, рис. 863.

28. Изображеніе Кентавра среди линейнаго ободка.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

18 д. См. выше №№ 19—21, но другого чекана.

29. Среди линейнаго ободка слѣды, повидимому, подражанія восточной надписи. Подобные-же слѣды и въ полѣ монеты.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

17 д. Деньга подобнаго типа, но другого чекана, описана въ „Русскихъ монетахъ до 1547 г.“ № 1020, т. XXI, рис. 935.

30. Деньга, подобная предыдущей, но другого чекана. 17 д.

31. Имя хана جانى Джани (бекъ) среди линейнаго ободка.

Обр. Подражаніе восточной надписи. 18 д.

32. Подражаніе восточной надписи на обѣихъ сторонахъ деньги.

16 д. Ср. ib., № 1019, т. XXI, рис. 934.

33. Тоже. 17 д.

34. Тоже. 16 д.

35. Имя хана توقتمش Токтамышъ.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

18 д.

36—39. На четырехъ деньгахъ имя хана Токтамыша среди линейнаго круга.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

18½, 16½, 17 и 17 долей. Всѣ четыре чекана разные.

40—52. Тринадцать денегъ разныхъ чекановъ съ изображеніями на обѣихъ сторонахъ подражаній восточнымъ надписямъ.

19 д. (№ 40), 18 д. (№ 41), 17 д. (№№ 42 и 43), 18 д. (№№ 44 и 45), 16½ д. (№ 46), 18½ д. (№ 47), 17½ д. (№ 48), 20 д. (№ 49), 17 д. (№№ 50 и 51), 16 д. (№ 52).

53. Суннитскій символъ обратной стороны монетъ Узбека.

Обр. Надпись ضرب خوارزم чеканъ Ховарезма.

20½ д.

54. Слѣды надписи съ именемъ хана توقتمش Токтамышъ.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

17½ д.

55. Подражаніе восточной надписи на обѣихъ сторонахъ деньги. 20½ д.

Остальные, нижеописанные 16 экз. серебряныхъ денегъ Окуловскаго клада на таблицѣ не изображены.

56. Человѣкъ впрямь, подъ головою дуга (шляпа?), въ лѣвой рукѣ мечъ.

Обр. Крестообразная, съ кружками на концахъ, тамга, по сторонамъ ея черточки.

18 д. См. „Русскія монеты до 1547 г.“ № 983, т. XIX, рис. 886. Деньга сломана пополамъ.

57—59. Три деньги разныхъ чекановъ съ неясными изображеніями, повидимому, Кентавра среди ободковъ линейнаго и изъ точекъ.

Обр. Подражаніе восточной надписи.

17½ и двѣ по 18 д. Ср. ib., №№ 920—924.

60—71. Двѣнадцать денегъ плохой сохранности, повидимому, разныхъ чекановъ, съ изображеніями подражаній восточнымъ надписямъ.

Вѣсъ: 1 экз.=16 д., 1 экз.=16½ д., 2 экз.=по 17 д., 2 экз.=по 17½ д., 4 экз.=по 18 д., 1 экз.=19 д., 1 экз.=19½ д.

Описанный кладъ найденъ въ 1906 г. близъ с. Окулова, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губ., подъ Воскресенскими горами, гдѣ прежде, по преданію, былъ монастырь.

Кромѣ 71 экз. серебряныхъ денегъ, въ кладѣ находился маленькій, мѣрою 23 × 18 миллим., мѣдный четырехконечный крестъ-тѣльникъ и слитокъ мѣди, величиной и формой съ зерно боба.

Изъ описанныхъ 71 экз. восемь монетъ—№№ 1 по 7 и № 26 распредѣляются между слѣдующими князьями: одна в. к. Василія Дмитріевича Московскаго, по прежнему опредѣленію, хотя, по мѣсту находки, можетъ быть отнесена и Василію Кирдяпѣ, когда онъ былъ великимъ княземъ Нижегородскимъ (1387—1391); но этотъ вопросъ окончательно можетъ рѣшиться при дальнѣйшихъ находкахъ денегъ подобнаго типа въ Нижегородской губ. Двѣ деньги князя Петра Дмитровскаго; четыре Суздальско-Нижегородскихъ князей и одна (впрочемъ, предположительно) Ростовская. Всѣ остальныя относятся къ той категоріи Русскихъ денегъ удѣльно-вѣчевого періода, которая еще ждетъ точнаго опредѣленія.

Всякій, знакомый съ Русскими деньгами XIV и первой четверти XV столѣтія, знаетъ, какую трудность, иногда невозможность, представляетъ значительная часть ихъ для опредѣленія; многія не имѣютъ никакихъ надписей, или же имѣютъ такія лаконическія надписи: „печать великаго князя“, „печать княжа“; другія на обѣихъ сторонахъ имѣютъ подражанія восточнымъ легендамъ, безъ слѣда русской надписи, и т. д., такъ что опредѣлить мѣсто ихъ чекана, т. е. монетнаго двора (не говоря уже объ имени князя, при которомъ онѣ были чеканены), можно лишь путемъ топографическимъ, т. е. опредѣленіемъ мѣста находокъ денегъ одного типа въ одной и той-же мѣстности. Такимъ путемъ опредѣлены, между прочимъ, деньги князя Ивана Борисовича Кашинскаго [1]).

Деньги съ одними подражаніями восточнымъ надписямъ, безъ признака русскихъ, подобныя изображеннымъ почти на всей прилагаемой II таблицѣ, извѣстны въ нумизматической литературѣ: Френъ видѣлъ кладъ, найденный близъ Казани, состоявшій изъ 400 монетъ, изъ которыхъ едва четвертая часть состояла изъ оригинальныхъ татарскихъ монетъ, остальныя же были копіи съ татарскихъ, съ однѣми арабскими надписями, сдѣланными русскими денежниками [2]). Иверсенъ въ „Трудахъ VI Археолог. Съѣзда“ описываетъ кладъ серебряныхъ денегъ вѣсомъ 1 ф. 29 зол., найденный въ Княгининскомъ уѣздѣ Нижегородской губ., въ которомъ, въ числѣ монетъ Суздальско-Нижегородскихъ князей, составлявшихъ главную часть клада, были и русско-татарскія [3]). Обѣ находки, къ которымъ теперь надо присоединить нашъ Окуловскій

[1]) См. *Труды Московскаго Нумизматическаго Общества*, т. II, стр. 333—334.
[2]) См. Русскія монеты до 1547 г., стр. 85, примѣчаніе.
[3]) См. ib., стр. 194.

кладъ, сдѣланы на территоріи, которую занимало въ XIV — XV стол. (или граничило съ нею) великое княжество Суздальско-Нижегородское.

Такимъ образомъ, въ виду повторяющихся находокъ однородныхъ монетъ въ одной области, вопросъ о мѣстѣ чекана русскихъ денегъ, представляющихъ копіи съ татарскихъ, которыя не совсѣмъ точно называютъ русско-татарскими, рѣшается, по моему, въ положительномъ смыслѣ: онѣ чеканены въ великомъ княжествѣ Суздальско-Нижегородскомъ. Что эти деньги не татарскія и не копіи, сдѣланныя на татарскихъ монетныхъ дворахъ,—доказательствомъ могутъ служить ихъ внѣшніе признаки: продолговатая форма, такъ какъ онѣ чеканились на расплющенной проволокѣ и послѣ чеканки каждая монета отрубалась; мѣсто отруба, около узкаго конца, замѣтно почти на каждой деньгѣ. Татарскія же деньги всѣ круглыя, такъ какъ чеканились на заготовленныхъ ранѣе серебряныхъ кружкахъ [1]).

Искаженіе арабскихъ надписей на русскихъ деньгахъ происходило, безъ сомнѣнія, отъ незнанія русскими денежниками арабскаго языка. Подобныя же безграмотныя копіи надписей встрѣчаются и на джучидскихъ монетахъ, считаемыхъ нѣкоторыми собирателями за произведенія русскихъ чеканщиковъ, но которыя покойный баронъ В. Г. Тизенгаузенъ, несмотря на легкій вѣсъ нѣкоторыхъ, считалъ несомнѣнно чеканенными на золотоордынскихъ монетныхъ дворахъ [2]). Подобныя же джучидскія монеты съ искаженными надписями описаны А. К. Марковымъ въ его „Инвентарномъ каталогѣ мусульманскихъ монетъ Императорскаго Эрмитажа“, стр. 512 и сл., гдѣ авторъ называетъ ихъ „варварскими подражаніями“. Безъ сомнѣнія, это не „варварскія подражанія“, а обыкновенныя джучидскія монеты, что доказываетъ ихъ одинаковый вѣсъ съ монетами, имѣющими правильныя надписи, но только матрицы ихъ вырѣзаны неумѣлыми или даже совсѣмъ безграмотными рѣзчиками. Появленіе подобныхъ подражаній у Татаръ можно объяснить недостаткомъ искусныхъ рѣзчиковъ при огромномъ количествѣ выпускаемыхъ съ монетныхъ дворовъ монетъ; для скорѣйшаго изготовленія матрицъ брались въ помощь искуснымъ денежникамъ менѣе искусные.

---

[1]) Разница между русскими и татарскими деньгами, происшедшая отъ разныхъ техническихъ пріемовъ чеканки тѣхъ и другихъ, наглядно представлена на послѣдней XXI таблицѣ «Русскихъ монетъ до 1547 г.», рис. 957—958 и предыдущіе.

[2]) См. «Русскія монеты до 1547 г.», примѣчаніе къ №№ 1042—1043.

Шесть денегъ, описанныхъ здѣсь подъ №№ 35—39 и 54, указываютъ на ихъ подражаніе монетамъ Токтамыша; слѣдовательно, появленіе ихъ и, по всему вѣроятію, всѣхъ остальныхъ денегъ нашего клада съ подражаніями восточнымъ легендамъ, прототиповъ которыхъ возстановить не возможно, должно быть отнесено къ концу XIV или къ началу XV стол., т. е. ко времени послѣ Токтамыша, послѣднія монеты котораго чеканены въ 799 г. гиджры (1397 г.). Такимъ образомъ, попытку нѣкоторыхъ русскихъ нумизматовъ относить русскія подражанія татарскимъ монетамъ къ XIII вѣку можно считать неудачною [1]).

На сравнительно позднее происхожденіе нашихъ подражаній указываетъ уменьшенный вѣсъ ихъ отъ 16 до 19 д. (единичные экземпляры вѣсятъ 20 и 20½ д.) относительно другихъ русскихъ денегъ (кромѣ Рязанскихъ), напр. Дмитрія Донского, нѣкоторые экземпляры котораго вѣсятъ 24 доли, Дмитрія Константиновича—въ 22—23 доли [2]) и видѣнной мною въ коллекціи П. В. Зубова деньги съ надписью „печать великаго князя", вѣсомъ въ 25 долей. Деньги съ такими колебаніями вѣса, какъ 16—17 д. съ одной стороны и 24—25 д. съ другой, одновременно чеканены быть не могли. Повидимому, послѣ Дмитрія Донского, при Василіи Дмитріевичѣ Московскомъ, произошло какое-то измѣненіе въ вѣсѣ денегъ, который уменьшился до 7—8 долей въ деньгѣ.

Рѣшать вопросъ о вѣсѣ русскихъ денегъ XIV и начала XV стол. я пока не могу, такъ какъ необходимо изслѣдовать болѣе обширный матеріалъ, нежели какой я имѣю въ настоящее время, но позволю себѣ сдѣлать о вѣсѣ нѣсколько предположеній общаго характера на основаніи тѣхъ данныхъ, которыми располагаю.

Удѣльно-вѣчевая Русь, не имѣя собственной монеты до второй половины XIV вѣка, естественно должна была пользоваться чужеземною, что подтверждается многочисленными кладами арабскихъ, джучидскихъ, западно-европейскихъ и др. монетъ, находимыми по всей территоріи древней Руси. Въ данномъ случаѣ меня интересуютъ находки монетъ XIII—XIV стол., которыя выражаются въ многочисленныхъ кладахъ золотоордынскихъ монетъ. Подчиненіе Руси Татарамъ особенно отра-

[1]) См. ст. Чернева въ Annuaire de la Société française de numismatique. t. XII, p. 427.

[2]) Ср. Reichelsche Münzsammlung №№ 15, 18; Русскія монеты до 1547 г. №№ 844—845.

зилось на княжествахъ средней Россіи: Московскомъ, Суздальско-Нижегородскомъ, Рязанскомъ, имѣвшихъ соприкосновеніе съ Золотой Ордой болѣе, чѣмъ Новгородъ и Псковъ, которые не подверглись нашествію Татаръ. Имѣя частыя сношенія съ Татарами, Русь, конечно, должна была пользоваться ихъ монетами, такъ какъ не имѣла своихъ; другими словами, она подчинилась закону, по которому всякое государство, не имѣвшее ранѣе собственной монеты, принимаетъ монету той страны, съ которой наиболѣе связано торговыми сношеніями. Такъ было въ древности, при Грекахъ и Римлянахъ, то же мы должны видѣть и на Руси въ концѣ XIV вѣка, когда стали впервые послѣ нашествія Татаръ чеканить собственную монету.

Такимъ образомъ, заимствованіе нами монетной системы у Татаръ весьма вѣроятно, по крайней мѣрѣ относительно княжествъ Московскаго, Нижегородскаго и Рязанскаго; но разнообразіе вѣса монетъ первыхъ двухъ княжествъ (съ удѣлами) съ одной стороны и Рязанскаго съ другой вызываетъ нѣкоторое недоразумѣніе: у первыхъ двухъ, какъ я выше сказалъ, самые тяжелые экземпляры монетъ князей XIV стол. вѣсятъ 25 долей, въ Рязани въ то же время отъ 26 до 30 долей. Случайностью это быть не могло. Не предрѣшая вопроса, я позволю себѣ только высказать взглядъ на причины, вызвавшія такую разницу въ вѣсѣ: прежде всего необходимо установить, какой былъ вѣсъ татарской деньги въ интересующую насъ эпоху? Матеріалъ, собранный П. С. Савельевымъ въ его трудѣ „Монеты Джучидовъ, Джагатаидовъ“ и т. д., показываетъ, что въ эпоху Токтамыша вѣсъ татарскихъ денегъ на всѣхъ монетныхъ дворахъ его былъ не одинаковъ, а дѣлился на двѣ рѣзкія по вѣсу группы: монетные дворы Сарая, Новаго Сарая, Азака, Крыма, Новаго Крыма, Хаджи Тархана, Сарайчука, Харезма чеканили монеты одной системы, отъ 27 до 32 долей, дворы же Дербента, Шемахи, Шабрана, Баку—другой, болѣе тяжеловѣсной системы, отъ 38 до 45 долей. При преемникахъ Токтамыша—Шадибекѣ, Пуладъ-ханѣ, Тимуръ-ханѣ, Джеллаль-Эддинѣ и т. д. — вѣсъ денегъ, чеканенныхъ на монетныхъ дворахъ, находившихся на территоріи теперешней Европейской Россіи, судя по экземплярамъ, описаннымъ у Савельева, остается тотъ-же, что и при Токтамышѣ; исключеніемъ являются деньги, чеканенныя на Булгарскомъ монетномъ дворѣ, вѣсъ которыхъ рѣзко отличается отъ вѣса денегъ прочихъ монетныхъ дворовъ, если ихъ не считать *дробными*

частями, приблизительно половинною, обыкновенной золотоордынской монеты. Я перевѣшалъ значительное количество монетъ преемниковъ Токтамыша, чеканенныхъ въ Булгарѣ (изъ превосходнаго собранія П. В. Зубова), и получилась слѣдующая картина [1]: монеты Шадибека 805 г. гиджры (1403 г.) вѣсятъ 16¼, 17 д.; Пуладъ-хана 815 г. (1412 г.)—17, 17½ д., того же хана, но чеканенныя въ 815 году на монетномъ дворѣ въ Раджанѣ, по объясненію А. К. **Маркова**, въ Рязани [2],—15 и 16 д.; Джеллаль-Эддина 814 г. (1411 г.)—13¼, 15 и 16 д. и, наконецъ, Кибяка 817 г. (1414 г.)—13¼ д.

Приведенныя цифры вѣса денегъ булгарскаго чекана очень близки къ вѣсу денегъ нашихъ подражаній татарскимъ монетамъ, что и наводитъ меня на мысль о тѣсной связи системъ татарской, принятой у Волжскихъ Булгаръ въ началѣ XV ст., и русской.

Суздальско-Нижегородское княжество, монетнымъ дворамъ котораго я отношу русскія подражанія джучидскимъ монетамъ, по своему географическому положенію должно было имѣть наиболѣе тѣсныя торговыя сношенія съ Волжскими Булгарами, монеты которыхъ, безъ сомнѣнія, обращались среди русскаго населенія [3]. Со введеніемъ собственныхъ монетныхъ дворовъ русскіе князья, конечно, должны были чеканить такую монету, къ которой народъ наиболѣе привыкъ, т. е. похожую и по внѣшности и по вѣсу на татарскую. Этого вопроса коснулся проф. И. И. Кауфманъ въ своемъ изслѣдованіи „Русскій вѣсъ, его развитіе и происхожденіе въ связи съ исторіей русскихъ денежныхъ системъ съ древнѣйшаго времени" [4]. Авторъ признаетъ вліяніе татарской монетной системы на русскую и устанавливаетъ связь между тою и другою слѣдующими доводами: вѣсъ татарской деньги XIV вѣка = 32 дол. т. е. ⅓ золотника; вѣсъ денегъ Дмитрія Донскаго, на основаніи вѣсовъ, приводимыхъ въ каталогахъ, = 20, даже 21 доли. „Сопоставленіе этихъ чиселъ, говоритъ авторъ, наводитъ меня на мысль, что когда приступали къ чеканкѣ русской монеты, то рѣшено было изъ двухъ татарскихъ денегъ чеканить три русскія; т. е.

[1]) Всѣхъ вѣсовъ приводить не стану, возьму по году отъ каждаго хана.

[2]) Объ этомъ болѣе подробно см. ниже.

[3]) О торговлѣ съ Волжскими Булгарами см. Аристовъ, Промышленность древней Руси, стр. 190—197.

[4]) См. *Записки Нумизм. отд. Имп. Русск. Арх. О-ва*, т. I, вып. 1-й, стр. 128 и сл.

нормальный вѣсъ русской деньги установленъ въ $^{2}/_{3}$ вѣса татарской деньги, ибо двѣ трети 32 долей составляютъ $21^{1}/_{3}$ доли".

Приводимые доводы уважаемаго автора едва-ли могутъ быть убѣдительны. Принятый имъ средній вѣсъ татарской деньги времени Токтамыша, какъ это видно по Екатеринославскому и Тетюшскому кладамъ, легче 32 долей на 1 или $1^{1}/_{2}$ доли. Во всякомъ случаѣ вопросъ о вѣсѣ татарскихъ денегъ еще не изслѣдованъ и требуетъ спеціальной разработки. Затѣмъ вѣсъ денегъ Дмитрія Донского, выведенный авторомъ въ $21^{1}/_{3}$ доли, не сходится съ дѣйствительнымъ вѣсомъ полновѣсныхъ экземпляровъ, которые, какъ я выше сказалъ, имѣютъ 24—25 долей. Такимъ образомъ, несмотря на остроуміе доказательствъ, вопросъ по прежнему не доведенъ до конца.

Если мы можемъ доказать фактами, что русскія деньги въ 16, 17 долей могли быть вычеканены по образцу денегъ булгарскаго чекана начала XV ст., то какъ согласовать вѣсъ денегъ болѣе стараго чекана времени Донского и, вѣроятно, первыхъ лѣтъ княженія Василія Дмитріевича съ вѣсомъ современныхъ имъ татарскихъ денегъ? Цифры вѣса нашихъ денегъ въ 24—25 д. не встрѣчаются, за исключеніемъ единичныхъ экземпляровъ, среди монетъ Токтамыша, которыя всѣ тяжелѣе, и единственное объясненіе, которое я могъ бы допустить,—это существованіе денегъ соотвѣтствующаго вѣса въ 24—25 долей булгарскаго чекана времени Токтамыша, которыя намъ пока еще не извѣстны.

Окуловскій кладъ, по своему составу, можно назвать кладомъ нижегородскихъ денегъ, чеканенныхъ на монетномъ дворѣ Суздальско-Нижегородскаго княжества. Исключеніемъ являются монеты №№ 2 и 3 князя Петра Дмитріевича Дмитровскаго, т. е. изъ удѣла великаго князя Московскаго. Кромѣ князя Дмитровскаго, другой князь съ именемъ Петра не извѣстенъ, такъ что вѣрность опредѣленія монетъ этого князя внѣ сомнѣнія [1]).

Другая монета (№ 1) отнесена мною къ в. к. Василію Дмитріевичу Московскому (см. Русск. мон. до 1547 г., № 493) по внѣшнимъ признакамъ, т. е. по характеру рисунка буквъ, который болѣе свойственъ деньгамъ московскимъ, нежели нижегородскимъ. Конечно, эта деньга,

---

[1]) Въ *Зап. отд. Русск. и Слав. археологіи Имп. Русск. Арх. О.*, т. VII, вып. II, г. Павловъ-Сильванскій издалъ мѣстную грамоту XIV в. въ копіи XVIII в., въ которой упомянуты три князя Суздальско-Нижегородскаго княжества, въ числѣ ихъ Петръ Ивановичъ Березопольскій, до сихъ поръ не извѣстный ни по лѣтописямъ, ни по родословнымъ. Впрочемъ, подлинность оригинала этой мѣстной грамоты времени в. к. Дмитрія Константиновича нѣкоторыми учеными оспаривается.

частями, приблизительно половинною, обыкновенной золотоордынской монеты. Я перевѣшалъ значительное количество монетъ преемниковъ Токтамыша, чеканенныхъ въ Булгарѣ (изъ превосходнаго собранія П. В. Зубова), и получилась слѣдующая картина [1]: монеты Шадибека 805 г. гиджры (1403 г.) вѣсятъ 16½, 17 д.; Пуладъ-хана 815 г. (1412 г.)—17, 17½ д., того же хана, но чеканенныя въ 815 году на монетномъ дворѣ въ Раджанѣ, по объясненію А. К. Маркова, въ Рязани [2],—15 и 16 д.; Джеллаль-Эддина 814 г. (1411 г.)—13½, 15 и 16 д. и, наконецъ, Кибяка 817 г. (1414 г.)—13½ д.

Приведенныя цифры вѣса денегъ булгарскаго чекана очень близки къ вѣсу денегъ нашихъ подражаній татарскимъ монетамъ, что и наводитъ меня на мысль о тѣсной связи системъ татарской, принятой у Волжскихъ Булгаръ въ началѣ XV ст., и русской.

Суздальско-Нижегородское княжество, монетнымъ дворамъ котораго я отношу русскія подражанія джучидскимъ монетамъ, по своему географическому положенію должно было имѣть наиболѣе тѣсныя торговыя сношенія съ Волжскими Булгарами, монеты которыхъ, безъ сомнѣнія, обращались среди русскаго населенія [3]. Со введеніемъ собственныхъ монетныхъ дворовъ русскіе князья, конечно, должны были чеканить такую монету, къ которой народъ наиболѣе привыкъ, т. е. похожую и по внѣшности и по вѣсу на татарскую. Этого вопроса коснулся проф. И. И. Кауфманъ въ своемъ изслѣдованіи „Русскій вѣсъ, его развитіе и происхожденіе въ связи съ исторіей русскихъ денежныхъ системъ съ древнѣйшаго времени“ [4]. Авторъ признаетъ вліяніе татарской монетной системы на русскую и устанавливаетъ связь между тою и другою слѣдующими доводами: вѣсъ татарской деньги XIV вѣка = 32 дол. т. е. 1/3 золотника; вѣсъ денегъ Дмитрія Донскаго, на основаніи вѣсовъ, приводимыхъ въ каталогахъ, = 20, даже 21 доли. „Сопоставленіе этихъ чиселъ, говоритъ авторъ, наводитъ меня на мысль, что когда приступали къ чеканкѣ русской монеты, то рѣшено было изъ двухъ татарскихъ денегъ чеканить три русскія; т. е.

[1]) Всѣхъ вѣсовъ приводить не стану, возьму по году отъ каждаго хана.

[2]) Объ этомъ болѣе подробно см. ниже.

[3]) О торговлѣ съ Волжскими Булгарами см. Аристовъ, Промышленность древней Руси, стр. 190—197.

[4]) См. *Записки Нумизм. отд. Имп. Русск. Арх. О-ва*, т. I, вып. 1-й, стр. 128 и сл.

нормальный вѣсъ русской деньги установленъ въ $^2/_3$ вѣса татарской деньги, ибо двѣ трети 32 долей составляютъ $21^1/_3$ доли".

Приводимые доводы уважаемаго автора едва-ли могутъ быть убѣдительны. Принятый имъ средній вѣсъ татарской деньги времени Toктамыша, какъ это видно по Екатеринославскому и Тетюшскому кладамъ, легче 32 долей на 1 или $1^1/_2$ доли. Во всякомъ случаѣ вопросъ о вѣсѣ татарскихъ денегъ еще не изслѣдованъ и требуетъ спеціальной разработки. Затѣмъ вѣсъ денегъ Дмитрія Донского, выведенный авторомъ въ $21^1/_3$ доли, не сходится съ дѣйствительнымъ вѣсомъ полновѣсныхъ экземпляровъ, которые, какъ я выше сказалъ, имѣютъ 24—25 долей. Такимъ образомъ, несмотря на остроуміе доказательствъ, вопросъ по прежнему не доведенъ до конца.

Если мы можемъ доказать фактами, что русскія деньги въ 16, 17 долей могли быть вычеканены по образцу денегъ булгарскаго чекана начала XV ст., то какъ согласовать вѣсъ денегъ болѣе стараго чекана времени Донского и, вѣроятно, первыхъ лѣтъ княженія Василія Дмитріевича съ вѣсомъ современныхъ имъ татарскихъ денегъ? Цифры вѣса нашихъ денегъ въ 24—25 д. не встрѣчаются, за исключеніемъ единичныхъ экземпляровъ, среди монетъ Токтамыша, которыя всѣ тяжелѣе, и единственное объясненіе, которое я могъ бы допустить,—это существованіе денегъ соотвѣтствующаго вѣса въ 24—25 долей булгарскаго чекана времени Токтамыша, которыя намъ пока еще не извѣстны.

Окуловскій кладъ, по своему составу, можно назвать кладомъ нижегородскихъ денегъ, чеканенныхъ на монетномъ дворѣ Суздальско-Нижегородскаго княжества. Исключеніемъ являются монеты №№ 2 и 3 князя Петра Дмитріевича Дмитровскаго, т. е. изъ удѣла великаго князя Московскаго. Кромѣ князя Дмитровскаго, другой князь съ именемъ Петра не извѣстенъ, такъ что вѣрность опредѣленія монетъ этого князя внѣ сомнѣнія [1]).

Другая монета (№ 1) отнесена мною къ в. к. Василію Дмитріевичу Московскому (см. Русск. мон. до 1547 г., № 493) по внѣшнимъ признакамъ, т. е. по характеру рисунка буквъ, который болѣе свойственень деньгамъ московскимъ, нежели нижегородскимъ. Конечно, эта деньга,

---

[1]) Въ *Зап. отд. Русск. и Слав. археологіи Имп. Русск. Арх. О.*, т. VII, вып. II, г. Павловъ-Сильванскій издалъ мѣстную грамоту XIV в. въ копіи XVIII в., въ которой упомянуты три князя Суздальско-Нижегородскаго княжества, въ числѣ ихъ Петръ Ивановичъ Березопольскій, до сихъ поръ не извѣстный ни по лѣтописямъ, ни по родословнымъ. Впрочемъ, подлинность оригинала этой мѣстной грамоты времени в. к. Дмитрія Константиновича нѣкоторыми учеными оспаривается.

на основаніи ея находки въ Нижегородскомъ княжествѣ, можетъ принадлежать и Василію Кирдяпѣ, носившему великокняжескій титулъ, но, по моему наблюденію, стиль денегъ Кирдяпы иной, и я все-же остался бы при прежнемъ опредѣленіи, тѣмъ болѣе, что двѣ деньги князя Дмитровскаго указываютъ, что въ княжествѣ Нижегородскомъ были въ обращеніи деньги изъ Московскаго княжества.

Деньга № 4, по своей плохой сохранности, ничего не прибавляетъ для болѣе точнаго опредѣленія ея къ небольшой литературѣ о подобныхъ деньгахъ, приведенной въ „Русскихъ монетахъ до 1547 г.“, №№ 831 и 831[a], гдѣ онѣ отнесены предположительно къ Ростовскимъ.

Выше я коснулся вѣса Рязанскихъ денегъ, который рѣзко отличался отъ одновременныхъ денегъ Московскихъ и Нижегородскихъ.

Рязанскія деньги, чеканенныя, по моей классификаціи (см. Русскія монеты до 1547 г., стр. 73—80), до начала княженія Ивана Өедоровича[1]), вѣсятъ отъ 23 до 31 доли; начиная съ Ивана Өедоровича, средній вѣсъ Рязанскихъ денегъ равенъ приблизительно 21 долѣ[2]). Исключеніе представляетъ одна, впервые описанная Черепнинымъ въ *Трудахъ Рязанской Уч. Архивной Коммиссіи* т. XIX, стр. 168, слѣдующаго типа деньга, тогда же, по моей просьбѣ, присланная мнѣ покойнымъ ея владѣльцемъ:

Лиц. Слѣды трехстрочной надписи . . . | . . . ВН | . ВЯНЪ | среди линейнаго ободка.

Обр. Рязанская тамга. На полѣ монеты замѣтны слѣды арабской надписи и ободки линейный и бусовый.

Вѣсъ 25 долей.

Въ собраніи графа И. И. Толстого находится другой экземпляръ деньги этого типа съ болѣе полною надписью: . . . ЗЬЕ | ЯНВН | ВЯН..| Вѣсъ 26½ долей. Другихъ подобныхъ денегъ мнѣ не случалось встрѣчать. Деньга, описанная Черепнинымъ, отнесена къ Ивану Өедоровичу; этому

[1]) Годъ вокняженія Ивана Өедоровича точно не извѣстенъ; самый поздній годъ считаютъ 1427 (см. Экземплярскій, Вел. и уд. князья Сѣверной Руси, II, 596); покойный А. И. Черепнинъ означилъ годъ его вокняженія 1429, впрочемъ, безъ указанія источника, откуда имъ взятъ этотъ годъ (см. *Труды Ряз. Уч. Арх. Комм.* 1904 г., т. XIX, в. 2-й, стр. 168).

[2]) См. Н. И. Булычовъ. Тамбовскій кладъ Рязанскихъ денегъ, въ *Изв. И. Археолог. Комм.*, вып. 11 (1904 г.), стр. 3. Средній вѣсъ Тамбовскаго клада вычисленъ авторомъ въ 20,8 доли.

опредѣленію противорѣчитъ лишь тяжелый для монетъ Ивана Θедоровича вѣсъ, который, какъ мы видѣли, равнялся 21 долѣ или немного менѣе. Но въ первые года его княженія деньги могли имѣть вѣсъ денегъ предшествовавшаго княженія, или же возможно предположить, что надпись „князь великій Иванъ" относится не къ Ивану Θедоровичу, а къ Ивану Владиміровичу Пронскому, занимавшему нѣкоторое время Рязанскій столъ.

Свѣдѣнія о событіяхъ этого времени очень скудны. Лѣтописи [1]) разсказываютъ, что въ 1407 или 1408 г. князь Иванъ Владиміровичъ Пронскій пришелъ изъ Орды отъ Булатъ-Салтана (Пуладъ-ханъ) съ пожалованіемъ и честью на Русь и сѣлъ въ Пронскѣ и съ нимъ пришелъ посолъ царевъ. Въ 1408 г. онъ пошелъ съ Татарами на Рязань, гдѣ княжилъ въ то время Θедоръ Ольговичъ, согналъ Рязанскаго князя съ его стола и, какъ гласитъ Никоновская лѣтопись (XI, 203), „сяде на обѣихъ княженіяхъ на Рязанскомъ и на Пронскомъ". Θедоръ Ольговичъ, при помощи Московскаго великаго князя, пошелъ на Ивана Владиміровича, но оба они были разбиты княземъ Пронскимъ; однако-же вскорѣ помирились и каждый занялъ свой столъ. Взятіе княземъ Пронскимъ Рязани упоминается и въ Родословныхъ [2]), гдѣ Иванъ Владиміровичъ, какъ и въ лѣтописи, именуется великимъ княземъ. Владѣніе Рязанью было кратковременно, можетъ быть продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, но вполнѣ допустимо, что Иванъ Владиміровичъ успѣлъ отчеканить въ 1408 г. тотъ типъ монетъ съ надписью „князь великій Иванъ", который изданъ Черепнинымъ.

Дальнѣйшія событія въ Рязани покрыты мракомъ. Если справедливо предположеніе А. К. Маркова, что наименованіе монетнаго двора Раджанъ на легковѣсныхъ деньгахъ Пуладъ-хана 815 г. гиджры (= 1412 г.) [3]) означаетъ Рязань, то получается новый фактъ въ исторіи Рязанскаго княжества: въ его столицѣ въ 1412 г. властвуютъ Татары, которые тамъ устраиваютъ монетный дворъ.

Необходимо впрочемъ замѣтить, что столицею Рязанскаго княжества въ XIV—XV ст. былъ Переяславль, теперешній губернскій городъ

---

[1]) П. С. Р. Л. XI, 202—204 (Ник.); VII, 243—244; VIII, 82 (Воскр.); XV, 480 (Тверск.).

[2]) *Временникъ*, кн. X, стр. 33, 194 и 195: Въ лѣто 6916 (=1408), князь великій Иванъ Володимеровичь Дмитріевича Проньскаго, пришедъ съ Татары, подъ княземъ Θедоромъ Олговичемъ Рязань взялъ и сѣлъ на Рязани.

[3]) См. Савельевъ, Монеты Джучидовъ, стр. 326; Френъ, Recensio, p. 371 № 15.

Рязань, а древняя столица княжества — Рязань, была разорена въ XIII вѣкѣ Татарами; она лежала на Окѣ противъ теперешняго города Спасска; въ настоящее время тамъ с. Старая Рязань. На монетахъ мы встрѣчаемъ какъ наименованіе Переяславль на пулахъ, такъ и Рязань па серебряныхъ деньгахъ [1]). Но слово Рязань на монетахъ, какъ и въ лѣтописяхъ, могло относиться ко всей области, а не къ городу. Татары же могли монетный дворъ устроить близъ древней Рязани, давъ ему названіе Раджанъ.

Во время нашествія Едигея (въ 1408—9 гг.) Рязань была во власти Татаръ: „Вся бо земля плѣнена быть, начень отъ земли Рязанскія и до Галича и до Бѣлоозера", говоритъ лѣтописецъ (Воскр. VIII, 84), но, повидимому, вскорѣ освободилась, такъ какъ отъ 1411 г. (Ник. XI, 215) мы имѣемъ извѣстіе, что Татары приходили на Рязань изгономъ, но были прогнаны, а взятые плѣнные отняты.

Такимъ образомъ, если вѣсъ денегъ московскихъ и суздальсконижегородскихъ въ XIV и началѣ XV ст. приближался къ вѣсу татарскихъ денегъ булгарскаго чекана, то въ Рязанскомъ княжествѣ, за тотъ-же періодъ, обращались деньги, близкія по вѣсу съ татарскими, чеканенными на прочихъ золотоордынскихъ монетныхъ дворахъ, кромѣ кавказскихъ.

А. Орѣшниковъ.

Декабрь 1907 г.

[1]) См. Русскія монеты до 1547 г., №№ 443—446.

Эпиграфическія новости изъ южной Россіи.

(Находки 1907 года).

I. Херсонесскія надписи [1]).

Памяти К. К. Косцюшко-Валюжинича.

а. Надгробныя надписи.

1. Обломанный со всѣхъ сторонъ и разбитый на 2 части кусокъ [ра]раморной плиты, наибольшая уцѣл. выш. 0,085 м., наиб. шир. ',07, толщ. 0,025, съ рельефнымъ изображеніемъ, отъ котораго сохра-:ились только три сильно выпуклыя ножки отъ дельфики и налѣво отъ іея часть мужской ноги (ступня и часть икры). Подъ рельефомъ была ырѣзана надгробная надпись (выш. буквъ 0,015—0,02 м.), отъ кото-юй сохранились части четырехъ строкъ.

Найденъ у оборонительной стѣны. Фотографическій снимокъ (1/3) и іэстампажъ (№ 326).

[Ὁ δεῖνα Δ]ιονυσίου ζήσας ἔτη [. .
. . . . .]α ζήσασα ἔτη . . .
. . . . . ζήσας ἔτη κ'. Αὐ . . .
. . . . . ηδικησα . . . .

---

[1]) Всѣ издаваемыя здѣсь Херсонесскія надписи, за исключеніемъ №№ 27, 28 [и] 29, найдены при раскопкахъ К. К. Косцюшко-Валюжинича, нынѣ уже покойнаго († 14 декабря 1907 г.), и издаются по фотографическимъ снимкамъ или эстампа-[ж]амъ, присланнымъ имъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію съ по-[д]робными описаніями внѣшняго вида и величины камней и указаніями мѣстъ ихъ [н]аходки. Въ скобкахъ отмѣчаются №№ по общему списку эпиграфическихъ памят-иковъ, найденныхъ въ Херсонесѣ съ начала раскопокъ.

Обломокъ происходитъ, повидимому, отъ „семейнаго“ надгробнаго памятника, подъ которымъ были погребены мужъ, жена и 20-лѣтній сынъ. Число лѣтъ жизни жены не было проставлено на камнѣ. Послѣдняя строка не поддается возстановленію. По характеру письма надпись скорѣе всего можетъ быть отнесена ко II в. по Р. Хр.

---

2. Прекрасно сохранившееся мраморное надгробіе, сверху стесанное въ видѣ фронтона, выш. 0,38 м., шир. 0,27, толщ. 0,08—0,10 м. Въ узкой гладкой рамкѣ изображены рельефомъ бородатый мужчина и женщина, возлежащіе на ложѣ съ точеными ножками, съ чашечками или плодами въ лѣвой рукѣ; передъ ложемъ стоитъ трехногій столикъ, уставленный разными яствами, а слѣва отъ него—мальчикъ, держащій въ поднятой правой рукѣ, повидимому, небольшой сосудъ. Подъ рельефомъ старательно вырѣзана надпись римской эпохи (выс. буквъ 0,01—0,015 м.; послѣдняя строка мельче предыдущихъ).

Памятникъ вынутъ изъ стѣны зданія византійской эпохи у Карантинной бухты. Фотограф. снимокъ (¼) и эстампажъ (№ 312).

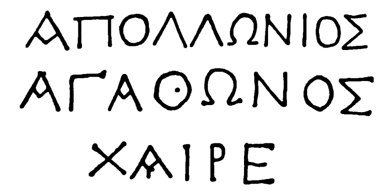
Σωτήριχος θεᾶς Παρθ-
ένου ζήσας ἔτη π' καὶ
ἡ σύμβιος αὐτοῦ Κόγχα
ζήσασα ἔτη . .

Памятникъ былъ поставленъ на могилѣ Сотириха, скончавшагося 80 лѣтъ отъ роду, и супруги его Конхи, число лѣтъ жизни которой на камнѣ

обозначено [1]). Слова „богини Дѣвы“, поставленныя послѣ имени
гириха въ род. падежѣ, обозначаютъ, безъ сомнѣнія, его принад-
кность къ числу служителей культа этой богини, но какую именно,
ределить нельзя: можно объяснить эти родит. падежи, какъ опредѣ-
ніе къ подразумѣваемому (или, быть можетъ, случайно пропущенному
опискѣ) существительному ἱερεύς [2]) или какъ gen. possessivi въ томъ
ıслѣ, что Сотирихъ былъ рабомъ при храмѣ богини (ἱερόδουλος).

3. Надгробная плита изъ желтаго известняка, украшенная сверху
онтономъ, средній и лѣвый углы котораго отбиты, равно какъ и
жняя часть плиты. Изломъ прошелъ какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ
ли изваяны двѣ большія розетки, такъ что обѣ онѣ пострадали отъ
лома. Вышина плиты 0,44 м., шир. 0,32, толщ. 0,15. Между фронто-
мъ и розетками старательно вырѣзана трехстрочная надпись ранней
иской эпохи (выш. буквъ 0,02 м.).

Найдена въ концѣ 1907 г. въ насыпи земляной гробницы, откры-
рабочими военно-инженернаго вѣдомства при рытьѣ рва впереди
іжайшей къ монастырю батареи. Факсимиле съ фотограф. снимка
337).



'Απολλώνιος
'Αγάθωνος·
χαῖρε.

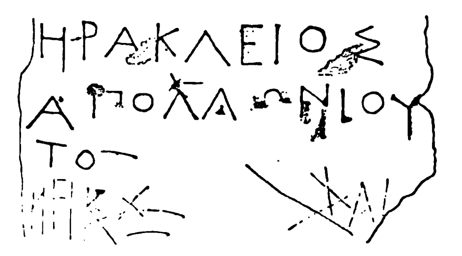
4. Плитка изъ мѣстнаго известняка выш. 0,39 м., шир. 0,28, толщ.
05 съ прямоугольнымъ углубленіемъ, служившимъ, вѣроятно, для
рѣпленія въ немъ головообразнаго памятника. Плитка была вы-
лена изъ болѣе древней надгробной плиты съ двухстрочною надписью,
ратeльно вырѣзанною на сторонѣ, противоположной углубленію; на
й же сторонѣ замѣтны слѣды стесаннаго фронтона.

---

[1]) Быть можетъ потому, что памятникъ былъ изготовленъ еще при жизни
хи, пожелавшей быть погребенною подъ однимъ памятникомъ съ мужемъ.

[2]) Существованіе въ Херсонесѣ жрецовъ Дѣвы засвидѣтельствовано, напр.,
писями IosPE. IV, 83 и 86.

Найдена на площади „Новаго города“. Снимокъ съ эстампажа (№ 323) въ 1/5.



'Ηράκλειος
'Απολλωνίου
τοῦ . . .

По характеру письма надпись скорѣе всего можетъ быть отнесена къ III в. до Р. Хр. Въ 3-й строкѣ, повидимому, предполагалось вырѣзать имя дѣда умершаго Ираклія, но оно почему-то осталось не вырѣзаннымъ.

---

5. Обломанный со всѣхъ сторонъ кусокъ плиты изъ бѣлаго мрамора, отполированной съ обѣихъ сторонъ, наиб. выш. 0,23 м., наиб. шир. 0,14, толщ. 0,03, съ частью шести строкъ надписи римской эпохи (выс. буквъ 0,02—0,022 м.).

Вынутъ изъ монастырской стѣны, сложенной въ 80-хъ годахъ XIX в. на поврежденныхъ участкахъ древней оборонительной стѣны. Снимокъ съ эстампажа (№ 315) въ 1/4.

[Παρμ]ενίων Χα[ρίτωνος?
ζήσ]ας ἔτη [. . .
Μαρ]κιανὸς 'Αλε[ξάνδρου?
τῷ] συνγεν(ε)ῖ τὸν [τύμβον?
ἀνέ]στησεν. Χ[αῖρε],
παροδ[ῖτα].

Имя и отчество усопшаго въ стр. 1-й возстановлены лишь примѣрно. Имя Μαρκιανός уже встрѣчалось въ Херсонесѣ (см. IosPE. I. 228=IV, p. 283). Что именно поставилъ Маркіанъ въ честь или память своего родственника, или, иначе говоря, какое слово (муж. рода) должно быть возстановлено въ концѣ стр. 4-й, опредѣленно сказать нельзя. Возстановленіе τύμβον мы предлагаемъ лишь примѣрно.

---

6. Вполнѣ сохранившаяся прямоугольная плита изъ мягкаго инкерманскаго известняка, сильно вывѣтрившагося, шир. 0,57 м., выш. 0,43, толщ. 0,24. На лицевой сторонѣ вырублено углубленіе въ видѣ прямоугольника шир. 0,49 м., выш. 0,28, глуб. 0,04. Лѣвая отъ зрителя половина этого углубленія имѣетъ еще сверху трехугольный вырубъ 0,25 × 0,14 × 0,06 м. Внутри этой половины была укрѣплена на извести найденная по близости въ разбитомъ видѣ (на 10 кусковъ) мраморная плита толщ. 0,02 м., обнесенная гладкой рамкой въ 0,015 м. шир., скошенной сверху въ видѣ фронтона [1]). Въ правой половинѣ описаннаго углубленія подобной плитки не оказалось, но постель изъ извести доказываетъ, что она когда-то была вставлена и въ этой половинѣ (по всей вѣроятности, она представляла собою надгробіе жены Скиѳа). Верхнюю часть мраморной плиты занимаетъ грубо исполненный въ слабо выпукломъ рельефѣ бюстъ мужчины en face съ коротко подстриженной круглой бородой, приглаженными усами и курчавыми волосами. Отъ разбитія плиты значительно пострадала лѣвая сторона лица у рта и глаза. Подъ бюстомъ старательно вырѣзана превосходно сохранившаяся надпись (выш. буквъ 0,02—0,023 м.).

Найдена въ насыпи по близости небольшой часовни у оборонительной стѣны. Фотограф. снимокъ (1/6) и эстампажъ (№ 325).

Σκύθας Θεαγένου, ζήσας ἔτη λε'.

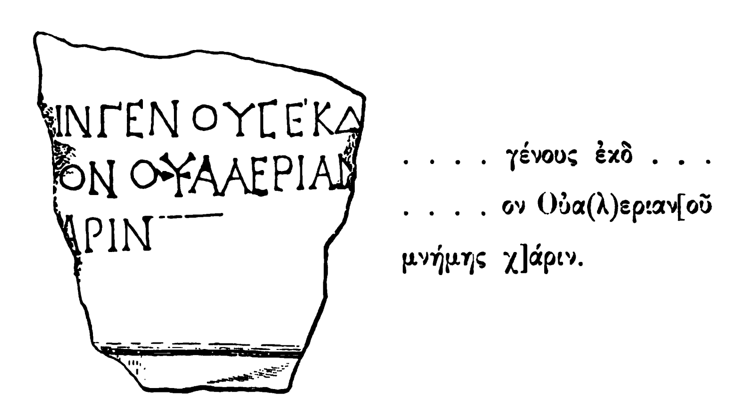
[1]) Найденные куски вновь вставлены въ каменную раму и мѣста недостающихъ осколковъ залиты цементомъ, какъ видно на снимкѣ.

Употребленіе племенныхъ названій (ἐθνικά) въ качествѣ личныхъ именъ въ греческихъ колоніяхъ нынѣшней южной Россіи общеизвѣстно [1]). Въ частности имя Σκύθας уже встрѣчалось въ херсонесскихъ надписяхъ (см. IosPE. IV, 80). Время жизни Скиѳа сына Ѳеагенова, судя по характеру письма надписи, относится по II в. по Р. Хр.

---

7. Обломокъ нижней части мраморнаго надгробія, наиб. выш. 0,17 м., наиб. шир. 0,13, наиб. толщ. 0,05, съ частью трехъ строкъ надписи римской эпохи (выш. буквъ 0,013—0,015 м.).

Вынутъ изъ монастырской стѣны, сложенной въ 80-хъ годахъ XIX в. на поврежденныхъ участкахъ древней оборонительной стѣны. Снимокъ съ эстампажа (№ 314) въ 1/3.



Возстановленіе 1-й строки затруднительно.

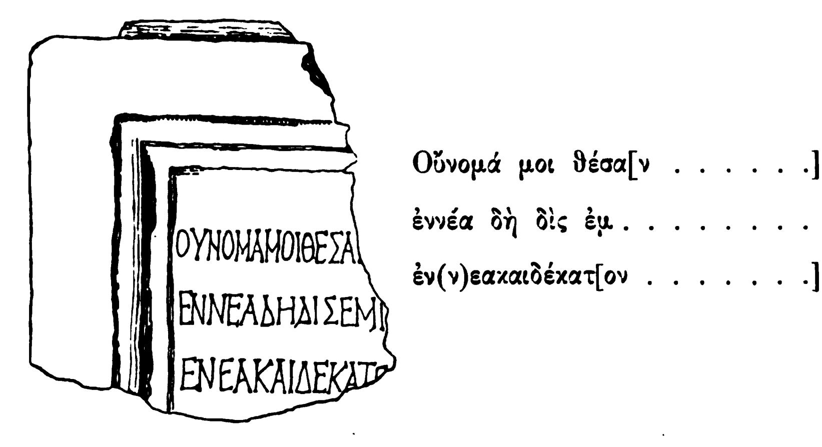
---

8. Обломокъ (верхній лѣвый уголъ передней стороны) большого саркофага изъ твердаго песчаника. Сверху сохранилась часть выступа для поддержанія крышки, а по краямъ данная сторона саркофага была обнесена карнизовидной рамой, шир. сверху и снизу 0,14 м., а по боковымъ сторонамъ—0,16. Размѣры обломка: наиб. дл. 0,44 м., наиб. выш. 0,42, толщ. 0,14. Отъ крупной греческой надписи, врѣзанной на отесанной, но не полированной и потому неровной поверхности, уцѣлѣло 39 узкихъ и высокихъ буквъ (выш. 0,03—0,035 м.), составляющихъ начала трехъ строкъ, вырѣзанныхъ на довольно большомъ разстояніи одна отъ другой.

Найденъ М. И. Скубетовымъ въ кладкѣ оборонительной стѣны у дома б. Бѣлозерова. Изъ кладки вынуто еще 10 обломковъ того же

[1]) Ср. объ этомъ нашу статью въ *Журн. М. Н. Пр.*, мартъ 1896 г., отд. кл. фил. стр. 115—127. *Мат. по арх. Россіи* № 23, стр. 64—75.

саркофага, но безъ надписи. Эстампажъ и фотограф. снимокъ (№ 316). Здѣсь представляется факсимиле съ эстампажа въ ⅛.



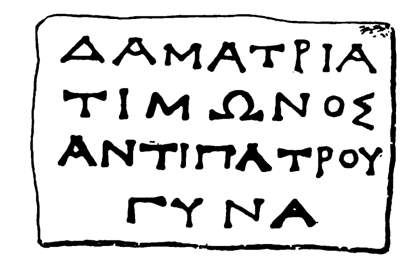
Οὔνομά μοι θέσα[ν . . . . . .]
ἐννέα δὴ δὶς ἐμ. . . . .
ἐν(ν)εακαιδέκατ[ον . . . .]

На камнѣ сохранилось начало стихотворной эпитафіи, написанной гексаметрами или дистихами и вырѣзанной на камнѣ такъ, что каждый стихъ занималъ отдѣльную строку. Къ сожалѣнію, отъ 3-хъ начальныхъ стиховъ сохранилось такъ мало, что возстановленіе ихъ невозможно. Видно только, что въ 1-мъ стихѣ было обозначено имя усопшаго, а во 2 и 3—количество лѣтъ его жизни. Надпись относится къ I—II в. по Р. Хр.

---

9. Мраморная прямоугольная плитка дл. 0,10 м., шир. 0,065, толщ. 0,02—0,04, съ хорошо сохранившеюся греческою надписью (выс. буквъ 0,005—0,008 м.). Плитка, подобно многимъ другимъ, найденнымъ раньше, безъ сомнѣнія, была вставлена въ надгробіе изъ известняка [1]).

Найдена внутри склепа у Карантинной бухты, куда провалилась, повидимому, вмѣстѣ съ землей и камнемъ при обвалѣ потолка. Снимокъ съ эстампажа (№ 303) въ ½.



Δαματρία
Τίμωνος,
Ἀντιπάτρου
γυνά.

Надпись скорѣе всего можетъ быть отнесена къ III в. до Р. Хр.

---

[1]) См. изображеніе такого надгробія, съ сохранившимся углубленіемъ для вставки мраморной плитки, въ *Изв. И. Арх. К.* в. 25, стр. 141.

10. Обломокъ мраморной стелы выш. и шир. 0,12 м., толщ. 0,06, съ правой стороны отбитый. Сохранившаяся часть надписи читается вполнѣ ясно (выш. буквъ 0,015 м.).

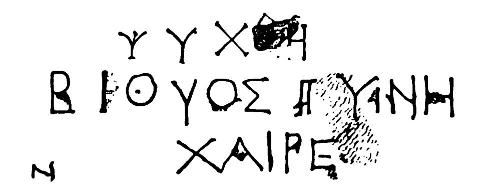
Найденъ въ концѣ 1907 г. близъ развалинъ часовни у монастырской ограды, на мѣстѣ послѣднихъ раскопокъ покойнаго К. К. Косцюшко-Валюжинича. Спимокъ съ эстампажа (1/3).

Κυρίχα Μυ . . . . . ,
γυνὰ δὲ Με . . . . . ,
χ[αῖρε].

Имя Κυρίχα не помѣчено въ словарѣ Папе-Бензелера и до сихъ поръ не встрѣчалось въ греческихъ надписяхъ южной Россіи. Надпись относится къ раннимъ римскимъ временамъ.

11. Верхняя часть надгробной плиты изъ желтоватаго пористаго известняка, сильно пострадавшая отъ вывѣтриванія, наиб. уцѣл. выш. 0,40 м., шир. 0,30—0,32, толщ. 0,17. Сверху украшена гладкимъ карнизомъ съ прямоугольнымъ углубленіемъ въ верхнемъ обрѣзѣ, гдѣ, быть можетъ, былъ укрѣпленъ рѣзной фронтонъ или анѳемій. Надпись сильно повреждена (выс. буквъ 0,018—0,028 м.).

Найдена тамъ же, гдѣ № 4. Фотограф. снимокъ и эстампажъ (№ 322). Снимокъ съ эстампажа въ 1/5.



Ψυχὴ
Βίθυος γυνή,
χαῖρε.

Надпись не древнѣе II в. до Р. Хр. Употребленіе нарицательнаго ψυχή въ смыслѣ имени собственнаго неоднократно встрѣчалось въ боспорскихъ надписяхъ (см. IosPE. II, 266, 267; IV, 266, 267). Имя Βίθυς извѣстно между прочимъ изъ IosPE. II, 290 (въ формѣ Βεῖθυς). Изъ того, что надпись сдѣлана не на дорическомъ діалектѣ, природномъ для Херсонесцевъ, не слѣдуетъ ли заключить, что Психа не была

рсонесской уроженкой? (Ср. IosPE. IV, 142: [Ἡ δεῖνα τοῦ δεῖνος] ͵ή Ταυρική).

12. Обломокъ (нижній правый уголъ) надгробной плитки изъ стаго бѣлаго мрамора, наиб. выш. и наиб. шир. 0,08 м., наиб. сохр. ıщ. 0,025. Сохранившаяся часть надписи вырѣзана старательно (выс. квъ 0,01 м.). Конецъ надписи былъ очень компактно вырѣзанъ на равидномъ выступѣ внизу. Снимокъ съ эстампажа (№ 328) въ ½.

[Ἡ δεῖνα
τοῦ δεῖνος
θυγάτηρ,
γυ]νὰ δ(ὲ)
[Ἀντ]ιγόνου,
[ἐτῶν .]δ', χαῖρ[ε].

Въ 1-й строкѣ послѣдняя буква ошибочно вырѣзана въ видѣ Σ ѣсто Ε. По характеру письма надпись можетъ быть отнесена скорѣе ͵го ко II в. до Р. Хр.

13. Средняя часть надгробнаго памятника изъ желтоватаго из- ͵тняка, наиб. уцѣл. выш. 0,30 м., шир. 0,39, толщ. 0,12, съ художественно исполненной рельефной перевязью въ видѣ шарфа со свѣвающимися завязанными концами и подобіемъ узкаго ремня между ми. Надъ перевязью сохранились остатки послѣдней строки древне- ͵ческой надписи ΓΥΙ. (отъ слова γυνή). Выс. буквъ 0,025 м.

Вынутъ изъ оборонительной стѣны у дома б. Бѣлозерова. Фотограф. ͵імокъ (№ 324) въ $^1/_9$.

14. Обломанный со всѣхъ сторонъ кусокъ мраморной плиты 0,17 м. ıб. уцѣл. шир., 0,11 наиб. выш. и 0,03 толщ., сверху полированный

снизу отесанный, съ остаткомъ крупной (выс. буквъ 0,03 м.) греческой надписи. Найденъ въ насыпи некрополя у крестнаго храма. Снимокъ съ эстампажа (№ 305) въ 2/6.

Принимая во вниманіе замѣчаніе г. Косцюшко-Валюжинича, что обломокъ происходитъ отъ плиты, „повидимому надгробной", можно думать, что въ стр. 1-й сохранилось слово ἐτῶν, за которымъ слѣдовало обозначеніе числа лѣтъ усопшаго, а во 2-й строкѣ—часть имени или отчества второго покойника.

---

15. Небольшой мраморный саркофагъ въ видѣ удлиненнаго прямоугольнаго ящика дл. 0,56 м., шир. 0,36, выш. 0,30. Былъ закрытъ толстой плитой изъ мѣстнаго известняка, положенной на слоѣ прочной извести. Внутри оказался остовъ младенца. На одной изъ продольныхъ сторонъ превосходно сохранилась тщательно вырѣзанная надпись (выс. буквъ 0,028 м.).

Найденъ у самаго шоссе, на глубинѣ 0,36 м. отъ поверхности земли. Фотограф. снимокъ (1/7) и эстампажъ (№ 304).

Ἦλις Ἠλίτα Ἀμαστ-
ριανὸς ἔθηκα τ[ὸ]ν
βωμὸν κὲ τὴν οσ-
τοθήκην ἐμαυτῷ
καὶ τῇ γυνεκί μου.

Небольшой размѣръ саркофага ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ былъ изготовленъ для помѣщенія праха и костей *сожженныхъ* труповъ, почему и названъ въ надписи ὀστοθήκη. Слово βωμός въ римскую эпоху очень часто встрѣчается (преимущественно въ М. Азіи) въ значеніи надгробнаго памятника [1]). Отсюда видно, что названный въ

[1]) Ср. Reisch у Pauly-Wissowa, R.-E. III, ст. 682, п. сл. βωμός.

писи Илій еще при жизни предопредѣлилъ способъ погребенія для
я и своей жены и позаботился какъ объ изготовленіи „костехрани-
ца“, такъ и объ увѣковѣченіи своей памяти посредствомъ βωμός.
нако, тотъ фактъ, что въ „костехранилищѣ“ оказался остовъ мла-
ца, свидѣтельствуетъ, что впослѣдствіи прахъ Илія и его жены былъ
рошенъ изъ гробнички и она послужила для новаго погребенія. Ха-
теръ письма надписи очень сходенъ съ надписью IosPE. IV, № 231,
осящеюся къ 14 году по Р. Хр. Поэтому и нашу надпись можно было-бы
тать не позднѣе I в. по Р. Хр., хотя послѣдовательно (въ трехъ
чаяхъ) проведенное написаніе дифтонга AI черезъ E (κὲ, γυνεκί)
рѣе заставляетъ думать о болѣе позднемъ времени.

б. Обломки неопредѣленнаго содержанія.

16. Почти прямоугольная мраморная плитка, выш. 0,29 м.,
р. 0,21—0,23, толщ. 0,02 м., вырѣзанная изъ большой плиты съ
нтономъ, контурно исполненнымъ посредствомъ трехъ углубленныхъ
тъ, первоначально приготовленной для помѣщенія на ней большого
умента. Вырѣзанная изъ нея въ позднѣйшее время плитка имѣла
дратную форму (0,29 × 0,29 м.), но еще позднѣе и отъ нея отко-
ъ съ правой стороны по всему протяженію узкій кусокъ (0,06—0,08 м.
рины). Послѣ вырѣзки квадратной плитки изъ большой плиты задняя
рона ея (противоположная надписи) была сглажена и украшена не-
жно вырѣзанной рамой изъ двойной углубленной полосы и посрединѣ
мя концентрическими углубленными же кругами (діам. 0,155 и 0,12 м.),
три которыхъ сохранилось въ центрѣ углубленіе для ножки циркуля
вѣ проходящія чрезъ центръ и пересѣкающіяся подъ прямымъ угломъ
іи діаметра. Въ такомъ видѣ плитка была, по всей вѣроятности,
ожена надписью внизъ въ половую вымостку базилики, сосѣдней съ
омъ б. Бѣлозерова, открытой въ 1907 г. Отъ надписи сохранилось
строкъ правой половины, причемъ въ каждой строкѣ, кромѣ 1-й, не-
таетъ справа нѣсколькихъ конечныхъ буквъ, пропавшихъ при отбитіи
неупомянутаго узкаго куска. Надпись вырѣзана очень старательно
орошо сохранилась; выш. буквъ 0,016 м., въ 14 случаяхъ встрѣча-
я лигатуры. Слѣдуетъ замѣтить затѣйливую форму буквы P въ
хъ случаяхъ въ 3-й строкѣ.

Найдена въ двухсаженной насыпи между оборонительной стѣной и домомъ б. Бѣлозерова. Фотограф. снимокъ (¼) и эстампажъ (№ 327).

[Ἀγαθᾶι] τύχαι.

. . . . ον ἵνα μὴ τὰς αὐτὰς αἰτίας σ...
. . . . ς οἱ πρὸ αὐτῶν πέρυσιν καὶ το...
. . . . προδηλῶσαι αὐτοῖς ὅρους ἐντὸς [τῆς
[πόλεως? . . . . τιθ]έμε[θ]α οὖν αὐτοῖς ἐξ αὐθεντείας το...
. . . . εμου μήδ' ἐμὴ οἰκία ἐνοχλεῖν βουλ..
. . . . ἐπὶ προφάσει μὲν ἐντὸς ἐνοικ[εῖν
. . . . εἰ βούλο[ιν]το...

Въ послѣдней строкѣ сохранились, къ сожалѣнію, только верхнія части буквъ, не дающія возможности возстановить ее съ полною достовѣрностью. Такъ какъ обрѣзъ лѣвой стороны прошелъ какъ разъ чрезъ вершину фронтона (см. снимокъ), то ясно, что слѣва пропала ровно половина строкъ, да, кромѣ того, по нѣскольку буквъ погибло справа. Вслѣдствіе потери столь значительной части текста возстановленіе его является весьма затруднительнымъ и содержаніе надписи — неяснымъ. Можно, однако, сказать съ полною увѣренностью, что на камнѣ сохранился отрывокъ письменнаго распоряженія какой-то высшей власти (императора или правителя провинціи?) объ установленіи въ городѣ границъ для поселенія, быть можетъ, Римскаго гарнизона [1]). Отсюда

[1]) Ср. IosPE. IV, № 81.

идно, что памятникъ былъ бы весьма важенъ для исторіи Херсонеса въ мператорскую эпоху, если бы сохранился не въ видѣ столь ничтожаго отрывка.

---

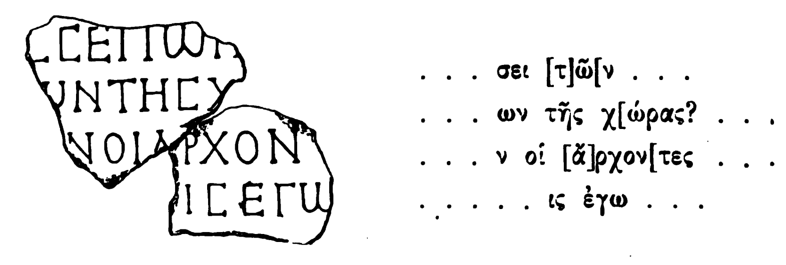
17. Обломанный со всѣхъ сторонъ кусокъ верхней части очень олстой мраморной плиты, наиб. выш. 0,13 м., наиб. шир. 0,10, олщ. 0,06, съ частью хорошо сохранившейся крупной надписи римской поохи (выс. буквъ 0,02 м.). Снимокъ съ эстампажа (№ 331) въ ¼.

Можно предположить, что мы имѣемъ предъ собою маленькій отрывокъ декрета, и читать: [Ἐπειδὴ . . . .]νος Θ[. . . .ν]αύκλη[ρος κτλ.

---

18. Обломанный со всѣхъ концовъ и разбитый на 2 части кусокъ раморной плиты, полированной съ обѣихъ сторонъ, наиб. дл. 0,10 м., аиб. шир. 0,085, толщ. 0,025, съ частью греческой надписи (выш. уквъ 0,012 м.). Нижняя строка, повидимому, была и первоначально ослѣднею.

Найденъ въ землѣ, наполнявшей небольшую часовню у стѣны близъ арантинной бухты. Снимокъ съ эстампажа (№ 319) въ ⅓.



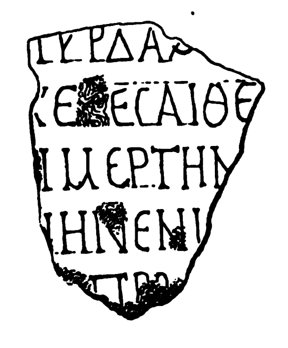
. . . σει [τ]ῶ[ν . . .
. . . ων τῆς χ[ώρας? . . .
. . . ν οἱ [ἄ]ρχον[τες . . .
. . . . . ις ἐγω . . .

Повидимому, отрывокъ декрета римской эпохи.

---

19. Обломанный со всѣхъ сторонъ кусокъ толстой мраморной литы, наиб. уцѣл. выш. 0,11 м., наиб. уцѣл. шир. 0,10, толщ. 0,06. Іа немъ сохранилась часть небрежно и неглубоко вырѣзанной надписи имской эпохи (выш. буквъ 0,015 м.).

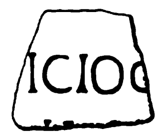
Найденъ при раскопкахъ городища у Карантинной бухты. Снимокъ съ эстампажа (№ 313) въ 1/3.



Содержаніе отрывка неясно. Хорошо читающееся прилагательное ἱμερτὴν въ стр. 3-й допускаетъ возможность предположенія, что надпись была стихотворная.

---

20. Обломанная съ трехъ сторонъ, кромѣ верхней, и полированная съ обѣихъ сторонъ мраморная плитка трапеціевидной формы, 0,075 × 0,06 м. и 0,015 м. толщины. Снимокъ съ эстампажа (№ 333) въ ½.



Какому памятнику принадлежалъ этотъ отрывокъ, догадаться трудно.

---

21. Обломокъ нижней части мраморной плиты дл. 0,11 м., выш. 0,08, толщ. 0,025, съ сохранившейся внизу гладкой рамкой въ 0,028 м. шир., подъ которою сохранились только двѣ буквы ΘΚ выш. 0,033 м. (повидимому послѣднія въ надписи) и направо отъ нихъ въ нѣкоторомъ разстояніи обычный въ надписяхъ римской эпохи листокъ. Эстампажъ (№ 320).

Буквы, повидимому, имѣютъ числовое значеніе (= 29) и обозначаютъ или количество лѣтъ жизни покойнаго, или десятки и единицы отъ числа года какого-либо событія.

в. Надписи христіанской эпохи.

22. Надгробный памятникъ въ видѣ креста изъ мѣстнаго известняка выш. 0,60 м., шир. вверху 0,25 м., внизу 0,30 м., толщ. вверху 0,12 м., внизу 0,18 м., съ выступомъ вверху выш. 0,08 м.,

быть можетъ для укрѣпленія каменнаго круга съ вырубленнымъ вглубь крестомъ, подобнаго памятнику, изданному въ *Изв. И. Арх. Комм.* в. 18, стр. 124, № 39. Надпись на крестѣ сильно повреждена (выш. буквъ 0,015—0,02 м.). Найденъ впереди входа въ одинъ изъ склеповъ у Карантинной бухты.

Фотограф. снимокъ [1]) и эстампажъ (№ 311).

Κύριε, ἀ[ν]άπαυσ[ον]
[τὸν] δοῦλόν Σου
[Ἀνα]στάσιο[ν]
. . . . ασι . η
. . . . ὅστις . . .
. . . . συ[νβ]ήου . . .

Къ сожалѣнію, надпись сохранилась такъ плохо, что послѣднія три строки почти не разбираются ни на эстампажѣ, ни на фотограф. снимкѣ.

---

23. Нижняя часть плиты изъ мягкаго желтоватаго известняка, наиб. выш. 0,22 м., шир. 0,44, толщ. 0,21, съ гладкой рамкой и небрежно вырѣзанной надписью византійской эпохи (выш. буквъ 0,013—0,025 м.), вырѣзанною между глубокими линейками.

Была употреблена въ качествѣ строительнаго матеріала въ кладку одной изъ усыпальницъ часовни, построенной внутри болѣе древняго храма базиличной формы, открытаго въ 1902 г. на высокой горѣ, справа отъ въѣзда въ монастырь (см. *Отч. И. Арх. Комм.* за 1902 г.,

[1]) Нижняя часть креста на снимкѣ не изображена. Рисунокъ сдѣланъ въ 1/5 величины оригинала.

стр. 16, рис. 9). Найдена въ кладкѣ въ 1907 году М. И. Скубетовымъ. Фотограф. снимокъ (1/5) и эстампажъ (№ 317).

Въ исправленной транскрипціи надпись читается такъ:

[Ἐνθάδε κατάκειται ὁ ἐν]
μακαρία τῇ μνήμῃ καὶ δοῦλο(ς)
τοῦ Θ(εο)ῦ [Κ]ανουπόλιος(?). Κε-
κοίμηται δὲ μηνὶ Ἰουλίου κθ',
ἔτο(υ)ς ,ςυκγ.

Переводъ. [Здѣсь лежитъ иже во] блаженной памяти рабъ Божій Кануполій [?]. Почилъ мѣсяца іюля 29-го, года 6423.

Въ чтеніи имени усопшаго мы не увѣрены. Поставленный въ надписи годъ отъ сотворенія міра соотвѣтствуетъ 915-му году по Р. Хр. Орѳографическія ошибки объясняются тогдашнимъ произношеніемъ.

---

24. Нижняя часть обломаннаго со всѣхъ сторонъ надгробнаго памятника, наиб. выш. 0,27 м., наиб. шир. 0,18, толщ. 0,88, съ остаткомъ надписи византійской эпохи (выш. буквъ 0,02—0,03 м.), обведенной углубленною рамкою.

Найдена въ незакрытой гробницѣ, вырубленной въ скалѣ, у Карантинной бухты. Снимокъ съ эстампажа (№ 310) въ 1/5.

Сохранившіяся буквы допускаютъ возстановленіе: Κυ[ρι]ακὸς Θ[εο]δ(ώ)ρο[υ].

25. Обломанная со всѣхъ сторонъ часть надгробнаго памятника изъ мѣстнаго известняка яйцеобразной формы, съ врѣзаннымъ вглубь крестомъ съ расширенными концами и небрежною надписью по сторонамъ перекрестій, начало которой попорчено. Сохранившійся кусокъ имѣетъ 0,20 м. наиб. шир., 0,23 м. наиб. выш. и 0,09 м. толщ., высота буквъ надписи—отъ 0,013 до 0,03 м.

Найденъ впереди входа въ одномъ изъ склеповъ у Карантинной бухты (№ 309). Снимокъ съ эстампажа (¼).

[Μν]εμῆον (?)
Λαζάρου.

---

26. Обломанный со всѣхъ сторонъ кусокъ толстой плиты изъ мѣстнаго известняка, выш. 0,125 м., шир. 0,08, толщ. 0,95. Надпись, вырѣзанная между глубокими линейками, сильно вывѣтрилась (выс. буквъ 0,008—0,01 м.). Найденъ въ насыпи некрополя у Карантинной бухты. Снимокъ въ эстампажа (№ 307) въ ⅓.

Въ стр. 1—2 можно читать δοῦλ[ος τοῦ Θ]εοῦ, а въ стр. 4-й—начало имени Θεόδ[ωρος]. Надпись, новидимому, надгробная.

---

27. Вполнѣ сохранившаяся, но сильно вывѣтрившаяся отъ времени плита изъ инкерманскаго камня, выш. 0,28 м., шир. 0,33, толщ. 0,12. Верхняя и боковыя стороны украшены рамкой, сверху и справа гладкой, въ видѣ полувалика, а слѣва украшенной зубчатымъ бордюромъ. Передняя поверхность плиты украшена крестомъ съ раздвоенными концами перекрестій, вырѣзаннымъ не по срединѣ, а немного ближе къ лѣвому краю. По сторонамъ верхняго перекрестія неглубоко нацарапаны два подобные же креста меньшихъ размѣровъ. Четверть поля плиты между лѣвымъ краемъ, вертикальнымъ перекрестьемъ и лѣвой половиной горизонтальнаго занята небрежно вырѣзанною надписью.

Плита найдена въ 1896 г. М. И. Скубетовымъ въ монастырской оградѣ (огибающей садъ со стороны морского берега), куда была заложена въ качествѣ строительнаго матеріала. Хранится въ Херсонесскомъ монастырскомъ музеѣ. Фотографич. снимокъ доставленъ въ 1907 г. Н. И. Рѣпниковымъ, а описаніе камня и эстампажъ — М. И. Скубетовымъ. Снимокъ съ фотографіи (1/5).

Κ(ύρι)ε βοήθ-
η τὸν δȣ-
λό(ν) ΣȢ Μη-
χαήλη.

Переводъ. Господи, помоги рабу Твоему Михаилу.

---

28. Верхняя часть надгробнаго памятника изъ инкерманскаго камня, обдѣланная въ видѣ круга на подставкѣ, выш. 0,33 м., шир. 0,25, толщ. 0,11, толщ. карниза 0,19 м. Въ кругѣ вырѣзанъ барельефный большой крестъ съ расширяющимися концами. Въ секторахъ между перекрестьями вырѣзана надпись такъ, что въ лѣвыхъ секторахъ по-

ставлено по двѣ буквы, а въ правыхъ по одной (выш. буквъ 0,017—0,055 м.). Подставка имѣетъ внизу хвостъ для вставки въ какой-либо постаментъ.

Найденъ въ 1904 г. при перекопкѣ планируемаго садика съ правой стороны отъ Владимірскаго собора. Хранится въ монастырскомъ музеѣ. Фотограф. снимокъ доставленъ въ 1907 г. Н. И. Рѣпниковымъ, а описаніе камня—М. И. Скубетовымъ. Снимокъ съ фотографіи въ 1/5.

Тѣ же слова φῶς, ζωή *(свѣтъ, жизнь)* читаются въ херсонесскихъ надписяхъ въ *Сборн. христ. надп. изъ ю. Россіи*, № 12 (ср. тамъ-же стр. 98) и *Изв. И. А. К.* в. 18, стр. 124 № 38.

---

29. Цѣликомъ сохранившійся параллелепипедъ изъ инкерманскаго камня, выш. 0,31 м., шир. 0,23, толщ. 0,22. На передней поверхности изваянъ рельефный „крестъ прозябшій“ старательной работы (къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ частяхъ попорченный), форму котораго см. на снимкѣ. Въ кружкахъ, заканчивающихъ собою перекрестья, вырѣзано по одной буквѣ: въ верхнемъ и лѣвомъ Ф, въ нижнемъ Х; правый кружокъ попорченъ, но нѣтъ сомнѣнія, что въ немъ была вырѣзана буква П. По обѣимъ сторонамъ верхняго перекрестья небрежно нацарапано нѣсколько буквъ, очень плохо видныхъ на снимкѣ и не дающихъ опредѣленнаго смысла.

Хранится въ монастырскомъ музеѣ (гдѣ и когда найденъ, неизвѣстно). Фотограф. снимокъ (въ 1/5) доставленъ Н. И. Рѣпниковымъ.

Три сохранившіяся въ кружкахъ буквы ΦΧΦ вмѣстѣ съ пропавшею Π составляютъ иниціалы извѣстной формулы: Φ(ῶς) Χ(ριστοῦ) φ(ωτίζει) π(άντας), т. е. „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“. Ср. о ней въ нашемъ Сборникѣ христ. надп. изъ южной Россіи прим. къ № 10.

30. Обломанный со всѣхъ сторонъ кусочекъ мраморной плиты, съ обѣихъ сторонъ отполированной, наиб. шир. 0,08 м., наиб. выш. 0,075. толщ. 0,04. Сохранившаяся часть надписи явственно читается на эстампажѣ (выс. буквъ 0,01—0,02 м.). Найденъ въ насыпи некрополя у крестнаго храма. Снимокъ съ эстампажа (№ 306) въ 1/3.

По характеру письма надпись очень сходна съ отрывкомъ, изданнымъ нами въ *Изв. П. Арх. Комм.* в. 3, стр. 30, № 14. По внѣшнимъ признакамъ обломки также очень сходны: оба происходятъ отъ мраморной плиты, съ обѣихъ сторонъ гладко отполированной, толщ. 0,04 м. Поэтому можно думать, что оба обломка принадлежатъ одному и тому же камню; но содержаніе надписи остается еще неяснымъ.

31. Обломокъ очень толстой мраморной плиты, наиб. выш. 0,15 м., наиб. шир. 0,18, толщ. 0,08, съ частью рельефнаго креста, на полированной поверхности котораго старательно врѣзана была красивая греческая надпись. Къ сожалѣнію, отъ нея сохранились только крестикъ съ немного расширенными концами въ пересѣченіи перекрестій большаго креста и подъ нимъ буквы ΤΙΑΝ (выш. 0,018 м.), врѣзанныя κιονηδόν на нижней части вертикальнаго перекрестья. Слѣва, въ разстояніи 0,07 м. отъ креста, врѣзана крупная (выш. 0,025 м.) буква А, которой съ правой стороны, безъ сомнѣнія, соотвѣтствовала не сохранившаяся омега. Символическое значеніе этихъ буквъ при изображеніяхъ креста общеизвѣстно [1]). Фотограф. снимокъ (¼) и эстампажъ (№ 321).

2. Надпись, найденная на о. Березани.

32. Мраморная плита неправильной формы, не обтесанная какъ слѣдуетъ по небрежности рѣзчика [2]). На ней цѣликомъ сохранилась надпись, вырѣзанная также небрежной и неувѣренной рукой, со многими лигатурами.

Плита найдена на о. Березани при раскопкахъ проф. Э. Р. фонъ-Штерна въ развалинахъ древняго поселенія, на глубинѣ около 1,25 м. отъ поверхности, подъ другою плитою изъ простого известняка, безъ надписи. Издается по фотограф. снимку, присланному Э. Р. фонъ-Штерномъ въ Имп. Археологическую Коммиссію.

(См. снимокъ и транскрипцію на стр. 36).

Мы имѣемъ предъ собою *второй* эпиграфическій памятникъ ольвійскихъ магистратовъ, найденный на Березани (см. *Изв.* в. 18, стр. 110, № 14). На камнѣ вырѣзана запись о посвященіи Ахиллу Понтарху благодарственнаго дара ольвійскими стратигами. По типу она

[1]) Ср. Ю. А. Кулаковскаго, Мат. по арх. Россіи № 6, стр. 18; нашъ *Сборн. христ. надп.* №№ 86, 87.

[2]) Размѣры плиты не указаны въ отчетѣ Э. Р. фонъ-Штерна.

отличается отъ извѣстныхъ уже записей такого рода [1]) только большею краткостью (опущеніемъ упоминанія, за что посвященъ даръ) и не пополняетъ никакими новыми данными наши свѣдѣнія о государствен-

'Αγαθῇ τύχῃ.
'Αχιλλεῖ Ποντάρχῃ στρατηγοὶ
οἱ περὶ Δανδάξαρθον
Δάδου· 'Ηρακλείδης 'Αρ-
τεμιδώρου, Ζήνων
Ζωτικοῦ, Δουάραγος
Πίδου, Διονύσι(ο)ς
'Αρθιεμμάνου, Σηνή-
κας Οὐζιά[γ]ου
χαριστ(ή)ριον.

номъ строѣ и религіозной жизни Ольвіи. Зато она представляетъ нѣкоторый интересъ для ольвійской ономатологіи, обогащая ее нѣсколькими новыми „варварскими" именами или варіантами къ извѣстнымъ прежде. Таковы имена: 'Αρθιέμμανος [2]), Δανδάξαρθος [3]), Δουάραγος, Οὐζίαγος, Πίδος [4]), Σηνήκας [5]).

Письмо надписи настолько сходно съ письмомъ ольвійскихъ надписей IosPE. I, 97¹ (ср. IV, стр. 171) и *Изв. И. А. К.* в. 10, стр. 4, № 3,

[1]) См. IosPE. I, 79, 80.

[2]) Быть можетъ, на основаніи этой формы слѣдуетъ измѣнить въ IosPE. I,52, чтеніе 'Αρθάμμ[ω]ν 'Οσπινμάζου въ 'Αρθάμμ[α]νος Πινμάζου, считая 'Αρθάμμανος и 'Αρθιέμμανος варіантами одного и того же имени.

[3]) Встрѣчались уже другія имена сложныя съ -ξαρθος: Καινάξαρθος и Κτηνέξαρθος въ Ольвіи (IosPE. I. 54 и IV, 17), 'Αλέξαρθος въ Фанагоріи (ibid. II, 363), Διδυμόξαρθος въ Танаидѣ (ibid. II, 427).

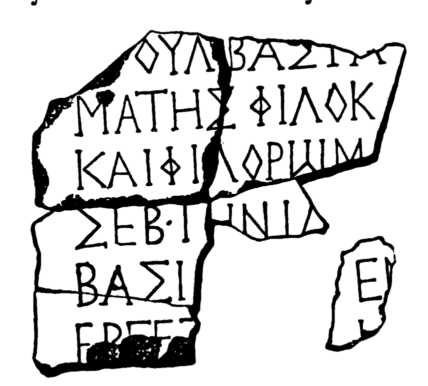
[4]) Ср. Πίδανος IosPE. I, 2 и *Изв. И. А. К.* в. 10, стр. 4, № 3; Πίδεις IosPE. I, 61, 69.

[5]) Это имя не слѣдуетъ отожествлять съ извѣстнымъ римскимъ cognomen Seneca, въ которомъ оба *e* краткіе и которое поэтому по-гречески пишется Σενέκας.

что допускаетъ возможность предположенія о вырѣзкѣ всѣхъ трехъ документовъ однимъ и тѣмъ же рѣзчикомъ, а слѣдовательно, и точнаго опредѣленія времени новой надписи, такъ какъ извѣстно, что № 97[1] относится къ царствованію Александра Севера (225—235 по Р. Х.).

3. Надпись, найденная въ Партенитѣ [1]).

33. При раскопкахъ, производившихся въ 1907 г. въ Партенитѣ Н. И. Рѣпниковымъ, въ насыпи мусора, покрывавшей развалины раскопанной имъ базилики, найдено 6 обломковъ мраморной плиты, съ обѣихъ сторонъ отполированной, толщ. 0,05 м., съ крупною и старательно вырѣзанною надписью римской эпохи. Пять обломковъ вполнѣ сходятся между собою, образуя цѣлый фрагментъ надписи (шир. 0,40 м., выс. 0,34, слѣва сохранился край), а шестой не можетъ быть приложенъ. Обломки, безъ сомнѣнія, были употреблены при постройкѣ базилики въ качествѣ строительнаго матеріала. Они привезены г. Рѣпниковымъ въ Имп. Археологическую Коммиссію. Здѣсь представляется факсимиле, исполненное Н. И. Сусловымъ по моимъ указаніямъ (въ $^1/_8$).



['Г.'I]ούλ(ιος) βασιλ[εὺς Σαυρο]-
μάτης φιλόκ[αισαρ]
καὶ φιλορώμ[αιος εὐ]-
σεβ(ὴς) τὴν ἰ[δίαν καὶ τῆς]
βασι[λείας εὐ]-
εργέτ[ιν?....

Шестой обломокъ, быть можетъ, сохранился отъ нижняго конца плиты и содержитъ въ себѣ начальныя буквы двухъ строкъ, заключавшихъ въ себѣ дату: 'Εν [τῷ . . . ἔτει] | μ[ηνὸς τοῦ δεῖνος].

Въ надписи читаются имя и титулъ одного изъ боспорскихъ царей, носившихъ имя Тиберія Юлія Савромата. По общему характеру письма мы скорѣе всего отнесли бы надпись ко времени Савромата I (93—123 г. по Р. Хр.). Она заключала въ себѣ запись о посвященіи, совер-

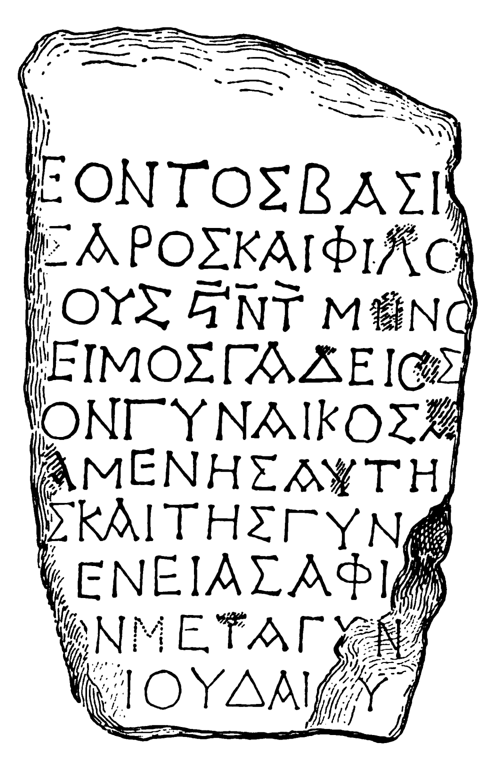
[1]) О Партенитѣ ср. нашъ Сборн. христ. надп., стр. 72 сл.

шеннымъ самимъ царемъ, повидимому, въ честь какой-то благодѣтельницы его самого и его царства, подъ которою скорѣе всего можно разумѣть римскую императрицу.

Камень съ надписью, по всей вѣроятности, въ позднѣйшія времена былъ перевезенъ въ Партенитъ въ качествѣ строительнаго матеріала изъ одного изъ городовъ, лежащихъ въ предѣлахъ Боспорскаго царства, напр. изъ Θеодосіи или Стараго Крыма. Хотя мы не знаемъ въ точности, гдѣ въ Римскія времена проходила западная граница Боспорскаго царства [1], но всетаки мало вѣроятно, чтобы мѣстность Партенита входила въ его предѣлы.

4. Надпись изъ Дузу-кале.

34. Обломокъ бѣломраморной плиты выш. 0,185 м., наиб. шир. 0,115 м., толщ. 0,055 м. Всѣ края обломаны, но вверху надъ первою строкою надписи сохранилось свободное пространство въ 0,04 м., свидѣтельствующее, что эта строка была и первоначально первою. Надпись, старательно вырѣзанная довольно мелкими буквами (выш. 0,01 м.), сильно стерлась отъ времени, но всетаки читается еще довольно ясно.



[Βασιλ]εύοντος βασι[λέως Κότυος φι-
λοκαί]σαρος καὶ φιλο[ρωμαίου εὐσε-
βοῦς, ἔτ]ους ςντ, μ[η]νὸ[ς ....
Φιλότ]ειμος Γάδειος [............
.....]ον γυναικὸς α[ὐτοῦ ....
.....]αμένης αὐτῇ ....
.....ς καὶ τῆς γυν[αικὸς ....
Καλλισθ]ενείας, ἀφί[ησι τὸν θρεπτὸν?
.....]ν μετὰ γυν[αικὸς αὐτοῦ .....
τὸ γένος] Ἰουδαί[ο]υ[ς?...

[1] Ср. ст. Ю. А. Кулаковскаго: Новыя данныя по исторіи Стараго Крыма въ *Зап. И. Р. А. Общ.* н. с. т. X, в. 3, стр. 1—14; IosPE. IV, къ № 194.

Камень найденъ въ имѣніи В. М. Безкровной въ мѣстности Дузукале близъ станицы Ново-Михайловской, въ недальнемъ разстояніи къ Ю.-В. отъ Джубги. Принесенъ г-жею Безкровною въ даръ И. Арх. Коммиссіи. Факсимиле съ подлинника, сдѣланное Н. И. Сусловымъ по моимъ указаніямъ, здѣсь представляется въ уменьшенномъ видѣ (въ ½).

Хотя надпись найдена вдали отъ главныхъ пунктовъ Боспорскаго царства на восточной сторонѣ Боспора—Фанагоріи, Ермонассы и Горгиппіи, но она несомнѣнно принадлежитъ подданному этого государства: это видно какъ изъ датировки именемъ царствующаго государя, такъ и изъ обозначенія года по боспорской эрѣ. Возможно, что камень перевезенъ въ данную мѣстность именно изъ Горгиппіи (Анапы), откуда намъ уже извѣстны надписи подобнаго содержанія (см. IosPE. II, 400 и 401).

356-й годъ боспорской эры, поставленный въ стр. 3-й, соотвѣтствуетъ 59-му году по Р. Хр. Въ этомъ году царемъ Боспорскимъ былъ Котисъ I (сынъ Аспурга), имя котораго и возстановлено нами въ стр. 1-й. Что онъ носилъ титулы φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος εὐσεβής,— это уже извѣстно изъ надписи IosPE. II, 32.

Сохранившаяся часть текста ставитъ внѣ сомнѣнія, что на камнѣ была сдѣлана запись объ отпущеніи на волю рабовъ, подобная извѣстнымъ уже записямъ изъ Пантикапея (IosPE. II, 52—54; IV, 204), Фанагоріи (ibid. II, 364) и Горгиппіи (ibid. 400, 401). Къ сожалѣнію, на камнѣ читаются столь незначительные остатки строкъ, что возстановленіе текста оказывается крайне затруднительнымъ.

Дополненія и поправки къ изданнымъ надписямъ.

IosPE. I, № 202. Камень съ надписью, изданною подъ этимъ №, доставленный въ числѣ нѣсколькихъ другихъ изъ Херсонеса въ Москву на политехническую выставку 1872 г. и послѣ выставки затерявшійся въ Москвѣ [1]), въ концѣ 1907 г. былъ найденъ въ складѣ древностей Имп. Московскаго Археологическаго Общества и переданъ въ Историческій музей. А. В. Орѣшниковъ съ своей обычной любезностью сообщилъ намъ описаніе камня, эстампажъ и два фотографическіе снимка, которые здѣсь воспроизводятся. Отъ мраморной плиты толщ. въ 0,105 м.,

[1]) См. IosPE. I, стр. 187, къ № 191, и IV, стр. 280—282.

на которой вырѣзана надпись, сохранился обломокъ выш. 0,275 м. и шириною 0,575. Изъ сравненія сохранившейся части надписи (см. рис. *а*) съ копіею Н. П. Кондакова, по которой надпись издана нами въ IosPE. l. c., явствуетъ, что съ правой стороны уже послѣ снятія этой копіи отбитъ кусокъ, на которомъ въ стр. 1 читались 5 буквъ, въ стр. 2 и 3—по 6 и въ стр. 4—три, а нижняя строка почти цѣликомъ стерлась. Въ позднѣйшія времена камень, быть можетъ, уже не въ цѣльномъ видѣ, былъ употребленъ въ качествѣ строительнаго матеріала, при чемъ на задней сторонѣ его былъ вырѣзанъ рельефный карнизъ (см. рис. *б*), а на передней выдолблено углубленіе (видное на рис. *а* слѣва въ видѣ темнаго пятна), въ которое былъ вставленъ для скрѣпы желѣзный стержень, залитый свинцомъ. По сообщенію А. В. Орѣшникова, „сильно окисшіе слѣды обоихъ металловъ еще замѣтны".

а

б

Для возстановленія надписи фотограф. снимокъ не даетъ ничего новаго и потому транскрипція ея здѣсь не воспроизводится. Отмѣтимъ только, что наше предположеніе объ опискѣ, допущенной въ копіи Н. П. Кондакова въ стр. 1 въ гл. οἰκοδόμησεν (О вмѣсто Ω въ началѣ

слова), оказывается невѣрнымъ, такъ какъ буква О ясно видна на камнѣ и, стало быть, эта глагольная форма самимъ авторомъ надписи или рѣзчикомъ была поставлена безъ приращенія. Относительно слова ΠΟΛΕΩΣ въ стр. 3-й по эстампажу и фотограф. снимку нельзя рѣшить навѣрное, была ли вырѣзана по ошибкѣ буква А вмѣсто Λ, или образовавшаяся на камнѣ щербинка случайно перечеркнула букву Λ такъ, что придала ей видъ А.

Извѣстія Имп. Арх. Коммиссіи, вып. 14, стр. 110, № 21. Имѣя въ виду надпись, изданную выше подъ № 23, мы полагаемъ теперь, что надпись на плитѣ № 21 была вырѣзана по обѣимъ сторонамъ нижней части креста и должна быть возстановлена слѣдующимъ образомъ:

Ἐκυμήθ[η ὁ ἐν μα]-
καρήα τῖ [μνήμῃ καὶ]
δοῦλος [τοῦ Θεοῦ...
. . . .

Далѣе слѣдовало имя усопшаго и указаніе времени его кончины.

Вып. 23, стр. 5, № 2. Чертежникъ при херсонесскихъ раскопкахъ М. И. Скубетовъ сообщилъ письмомъ, что камень съ этой надписью былъ замѣченъ *имъ* въ августѣ 1905 г. въ кладкѣ надводной части городской стѣны въ 0,18 м. надъ уровнемъ моря, откуда и былъ извлеченъ съ большимъ трудомъ послѣ разборки части стѣны, прикрывавшей мраморъ.

В. Латышевъ.

Воспорскія надписи, найденныя въ 1907 г.

1. Обломанная внизу и разбитая на двѣ части плита изъ твердаго мелкозернистаго известняка, выс. 1,47 м., шир. 0,59, толщ. 0,17—0,18. Вверху украшена рельефными карнизомъ и фронтономъ съ тремя акротеріями и шестью розетками, изъ коихъ двѣ изваяны между акротеріями, одна, въ видѣ гладкаго круглаго щитка, въ трехугольникѣ фронтона и три подъ фронтономъ. Въ углубленіи (0,48 × 0,45 м.) изображенъ en face стоящій юный воинъ, облокотившійся лѣвой рукой на колонку.

1. Σάιον ἡ σύνοδος
περὶ ἠρέαν Χαρίτωνα Μη-
νίου καὶ φιλάγαθον Ποθίσ-
κον Κο(σ)οῦ καὶ παραφιλάγα-
5. θον Διονύσιον Μύρμη-
κος καὶ τῶν λοιπῶν θιασι-
τῶν ἀνέθηκαν
μνήμης χάριν.

Онъ одѣтъ въ короткій хитонъ и плащъ, обутъ въ сапоги съ низкими голенищами. Лицо попорчено острымъ орудіемъ. У лѣваго бока виситъ широкій мечъ въ ножнахъ съ широкимъ концомъ, а на стѣнѣ впереди воина, на крючкѣ, имѣющемъ видъ согнутой стрѣлы, виситъ налучье съ лукомъ и сумкою, наполненною стрѣлами: изъ-за налучья видиѣтся

лый нижній конецъ ноженъ кинжала. На фонѣ рельефа замѣтны
ы синей краски. Непосредственно подъ рельефомъ вырѣзана по
йкамъ неглубокими, но крупными и четкими буквами (выш. 0,05 м.)
пись ѳіасотовъ римскаго времени. Въ началѣ предпослѣдней строки
ду первой и второй буквами оставленъ промежутокъ, потому что
дствіе изъяна въ камнѣ тутъ неудобно было вырѣзывать буквы.

Найдена 15 апрѣля на Глинищѣ, по 4-й Продольной улицѣ, во
ѣ мѣщанина Ѳ. Столбикова, д. № 15, надъ гробницей.

(См. снимокъ и транскрипцію на стр. 42).

Имена Χαρίτων, Μήνιος, Κοσοῦς и Διονύσιος встрѣчались уже въ
писяхъ пантикапейскихъ ѳіасотовъ (IosPE. II. 60, IV, 210 и *Изв.*
Арх. Комм., вып. 10, стр. 33, № 25; ср. IosPE. II. 365); имена
σκος и Σάϊος встрѣчаются въ Пантикапеѣ въ первый разъ. Послѣд-
имя приводитъ на память названіе племени Саевъ Протогеновскаго
ета (IosPE. I, 16).

Если считать неизданную до сихъ поръ золотую пластинку съ над-
ю ѳіасотовъ, найденную въ Керчи въ 1894 году и упомянутую во
примѣчаніи къ IosPE. IV, стр. 125 (Τὸ κοινὸν τῶν θιασιτῶν
οχνοῦσι Ἰούλιον Καλλισθένην παραφιλάγαθον διὰ βίου τειμῆς χάριν),
Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ найдено доселѣ двадцать пять
писей религіозныхъ обществъ: IosPE. II, 60—65; IV, 207—212, 469;
Имп. Арх. Комм. вып. 10, №№ 23—28; вып. 14, № 38 и *Записки*
Одесскаго Общ. ист. и древн., т. XXVI (1906), протоколъ 362 за-
нія, стр. 60—62, и т. XXVII (1907), прот. 366 зас., стр. 18. На
ваніи этого матеріала можно прибавить къ сдѣланнымъ прежде вы-
мъ еще два слѣдующіе: во-первыхъ, въ числѣ членовъ пантикапей-
ъ религіозныхъ обществъ не упоминается ни одна женщина (ана-
чное явленіе извѣстно изъ памятниковъ, имѣющихъ отношеніе къ
ту Миѳры: Fr. Cumont, Die Mysterien des Mithra, Leipz. 1903,
131); во-вторыхъ, боспорскіе ѳіасы состояли изъ воиновъ. Замѣча-
но то явленіе, что на памятникахъ боспорскихъ ѳіасотовъ, гдѣ были
сохранились рельефы, встрѣчаются изображенія только двухъ типовъ:
браженъ либо юный вооруженный пѣхотинецъ, опирающійся лѣвымъ
темъ на колонну (IosPE. II, 61, 62 и новый памятникъ; см. изобра-
ія первыхъ двухъ памятниковъ въ *Отчетѣ Имп. Арх. Коммиссіи* за
6 г., стр. 214), либо безбородый вооруженный всадникъ на спокойно

стоящемъ конѣ, обращенномъ вправо; иногда за всадникомъ слѣдуетъ конный слуга (IosPE. II, 60, 65, 365; IV, 208, 210; *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 10, № 27; *Зап. Одесскаго Общ.* XXVI, стр. 60—62). На эфебическій характеръ обществъ указываютъ, какъ было уже замѣчено относительно танаидскихъ ѳіасовъ И. В. Помяловскимъ (О танаитскихъ коллегіяхъ, стр. 27), также названія должностныхъ лицъ γυμνασιάρχης и νεανισκάρχης, встрѣчающіяся въ двухъ пантикапейскихъ надписяхъ (IosPE. IV, 210, 211).

Въ надписи интересно колебаніе между разными формами буквъ Ε и C.

2. Хорошо сохранившееся надгробіе изъ крупнозернистаго известняка, выш. 0,79 м., шир. 0,34—0,39, толщ. 0,11—0,14 (внизу плита шире и толще). Вверху украшено тремя рельефными фигурами, стоящими подъ аркою, опирающеюся на анты или пилястры; надъ вершиной арки изваяна маленькая розетка (діам. 0,025 м.), а оба верхнихъ угла плиты заполнены завитушками, какъ бы вырастающими изъ капителей колоннъ. Надъ аркою нѣтъ рельефнаго карниза. Рельефъ представляетъ три рядомъ стоящихъ фигуры: посрединѣ изображена женщина въ обычномъ одѣяніи, подающая правую руку мужчинѣ, который стоитъ влѣво отъ зрителя; справа помѣщена другая мужская фигура. Мужчина, стоящій влѣво, одѣтъ въ длинный подпоясанный хитонъ и въ длинный плащъ, свѣшивающійся съ плечъ почти до пятокъ; юноша, стоящій вправо, одѣтъ въ хитонъ и закутанъ въ иматій. Лица всѣхъ трехъ фигуръ сильно стерты. Подъ рельефомъ небрежно вырѣзаны четыре строки греческой надписи римскаго времени (выс. буквъ 0,02 м., б. Ο немного меньше); судя по сохранившимся кое-гдѣ остаткамъ стесанныхъ буквъ, а также по тому, что нижнія части обѣихъ колоннъ и кончики ногъ фигуръ стесаны, можно заключить, что на камнѣ была прежде вырѣзана другая надпись и что, стало быть, рельефъ первоначально изображалъ не Аполлонія съ его родными, а какую-то другую семью. Остатки прежней надписи до того ничтожны, что возстановить ее не представляется никакой возможности.

Найдено въ первыхъ числахъ декабря на Таманскомъ полуостровѣ, на берегу залива, извѣстнаго здѣсь подъ именемъ „Большой кутъ“ (часть Таманскаго залива), за хуторомъ Посполитаки и кордономъ по-

граничной стражи, близъ почтовой станціи Сѣнной, въ насыпи. Снимокъ съ эстампажа (1/4).

ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ ΑΓΑ
ΘΟΥ ΚΑΙ ΓΥΝΗ ΜΕΓΙ
ΣΤΗ ΚΑΙ ΥΙΟΣ ΧΡΗΣ
ΤΟΥΣ ΧΑΙΡΕ

Ἀπολλώνιος Ἀγα-
θοῦ καὶ γυνὴ Μεγί-
στη καὶ υἱὸς Χρησ-
τοῦς· χαῖρε.

Всѣ имена, кромѣ рѣдкаго Μεγίστη (Bechtel-Fick, Griech. Personennamen, 2-е изд., стр. 199), хорошо извѣстны изъ боспорскихъ надписей.

3. Обломанная внизу и разбитая на 8 частей стела изъ мягкаго известняка выс. 0,54 м., шир. 0,45, толщ. 0,15. Вверху украшена выдающимся впередъ карнизомъ (шир. 0,08 м.; форма карниза такая же, какъ на камнѣ, изданномъ въ *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 18, стр. 125, № 40), раскрашеннымъ бѣлой, синей и красной красками. Орнаментъ состоитъ изъ бѣлыхъововъ на красномъ фонѣ (ср. прилож. къ „Матеріаламъ по археологіи Россіи“, вып. 17, стр. 53, № 57), при чемъ два крайнихъ ова и средній выкрашены въ синій цвѣтъ. Подъ карнизомъ замѣтны слѣды бѣлой и красной красокъ; судя по нѣсколькимъ сохранившимся листьямъ, здѣсь была изображена гирлянда. Между этимъ орнаментомъ и красной горизонтальной чертой (шир. 0,01 м.), проведенной по всей ширинѣ камня на разстояніи 0,36 м. отъ карниза, тщательно вырѣзана неглубокими красивыми буквами (выс. 0,04 м.; высота буквъ О, Θ и Ω— 0,03 м.; разстояніе между строками — 0,045 м.) трехстрочная надпись IV в. до Р. Хр. Углубленія буквъ обильно закрашены красною краскою, вслѣдствіе чего надпись читается несравненно яснѣе на камнѣ, чѣмъ на эстампажѣ. Концы всѣхъ прямыхъ чертъ въ буквахъ надписи немного утолщены. Подъ нижней красной чертой замѣтны красные слѣды свѣшивающихся концовъ широкой повязки, связанной въ серединѣ узломъ.

Плита найдена 30 октября во дворѣ Т. Калинина на Эспланадной улицѣ, д. № 9, немного ниже того мѣста, гдѣ въ 1905 году было найдено надгробіе дѣтей Ксенодима (*Изв. Имп. Арх. Комм.* вып. 18, стр. 130 сл., № 47). Вновь найденный камень извлеченъ также изъ древней город-

ской стѣны, которая тянулась внизъ по сѣверному склону горы Митридата. Снимокъ съ эстампажа (1/8).

Τυαίης
[κ]αὶ Ἀκρωθὶς
Ἴξιος.

Изъ именъ надписи извѣстно только первое (IosPE. II. № 202); остальныя два — совершенно новыя. Ἀκρωθίς, очевидно, имя женское (ср. Ἀπατουρίς, Ἀρχελαΐς, Περιγενίς, Ψυχαρίς и др.).

---

4. Сверху и снизу обломанное надгробіе изъ мелкозернистаго известняка выш. отъ 0,39 м. (справа) до 0,59 (слѣва), шир. 0,67, толщ. 0,17. На памятникѣ сохранились остатки двухъ рельефныхъ изображеній, помѣщенныхъ одно надъ другимъ. Верхній рельефъ представляетъ четыре фигуры: съ лѣвой стороны, въ креслѣ съ точеными ножками и такою же спинкою сидитъ на двухъ подушкахъ, со скамеечкою подъ ногами, женщина въ длинномъ хитонѣ и въ иматіи, въ обычной „задумчивой" позѣ. Направо отъ нея, возлѣ кресла изваяны двѣ дѣвочки, обращенныя лицомъ къ зрителю: фигурка, стоящая въ лѣвомъ углу, держитъ въ рукахъ цилиндрическій сосудъ, а другая, немного меньше, изображена съ полотенцемъ, свѣшивающимся въ лѣваго плеча. Впереди женщины изваянъ всадникъ на спокойно стоящемъ конѣ, обращенномъ головою влѣво [1]. Голова женщины и вся верхняя часть всадника, вплоть до таліи, отбиты. На фигурахъ и на фонѣ рельефа сохранились кое-гдѣ остатки розовой, зеленой (на подушкахъ) и голубой красокъ. Отъ нижняго рельефа, фонъ котораго былъ выкрашенъ голубой краской, фигуры не уцѣлѣли. На полосѣ, раздѣляющей рельефы, тщательно вырѣзана по линейкамъ крупными буквами (выс. 0,04—0,05 м.) двухстрочная надпись ранняго римскаго времени.

[1]) Рельефъ весьма похожъ на нижнее изображеніе надгробія IosPE. IV, № 257; разница состоитъ въ томъ, что на новомъ надгробіи изображены въ лѣвомъ углу двѣ женскія фигурки и что у всадника нѣтъ палучья.

Найдено вмѣстѣ съ № 11 въ октябрѣ на участкѣ городской земли между Карантинною и 1-ю Аджимушкайскою улицами, подаренномъ Братской церкви, надъ гробницею. Снимокъ съ эстампажа (⅛).

Ψυχὴ γυνὴ Καλλισθ[ένου]
καὶ υἱὸς Γάστης, [χαίρετε].

Всѣ три имени уже извѣстны изъ боспорской эпиграфики; впервые встрѣчается форма им. п. Γάστης вмѣсто извѣстной изъ другихъ памятниковъ формы Γάστεις. Форма род. п. Γάστη уже извѣстна (см. *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 18, стр. 129, № 45).

---

5. Обломанная снизу плита изъ мелкозернистаго известняка выс. 0,98—1,12 м., шир. 0,48, толщ. 0,21. Вверху украшена рельефными карнизомъ и фронтономъ съ тремя акротеріями и тремя розетками. На плитѣ изваяны два рельефа. Подъ фронтономъ въ углубленіи (0,41 × 0,45 м.) изображенъ всадникъ на спокойно стоящемъ конѣ, обращенномъ вправо; у лѣваго бока всадника виситъ налучье съ лукомъ и мечемъ, привязаннымъ къ налучью; на правой ногѣ выше колѣна рельефно изображенъ кинжалъ съ рукояткою, снабженною на концѣ большимъ кольцомъ. Всадникъ сидитъ въ сѣдлѣ, отчасти закрытомъ длиннымъ плащемъ, ниспадающимъ складками съ плечъ; лѣвой рукой онъ держитъ поводья, а правой—кнутъ, отъ котораго сохранилась одна рукоятка. Фигура всадника сильно испорчена, голова и ноги лошади отбиты. Сзади изваяна часть другого всадника въ остроконечномъ шлемѣ. На рельефѣ сохранились обильные слѣды красокъ: вся лошадь перваго всадника покрыта черной краской, штаны его—синей, на хитонѣ виднѣются остатки розовой; фонъ рельефа и другой всадникъ выкрашены въ синій цвѣтъ. На разстояніи 0,10 м. сохранилась верхняя часть второго рельефа, изображающая трехъ спокойно стоящихъ лошадей съ поводьями, обращенныхъ вправо; на средней сидитъ всадникъ съ лукомъ въ горитѣ у лѣваго бока и съ кнутомъ въ правой рукѣ. На рукахъ всадника сохранились остатки синей краски, на хитонѣ его—розовой. На полоскѣ, раздѣляющей рельефы, тщательно вырѣзана по линейкамъ надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,025—0,03 м.).

ской стѣны, которая тянулась внизъ по сѣверному склону горы Митридата. Снимокъ съ эстампажа (1/8).

Τυαίης
[κ]αὶ Ἀχρωθὶς
Ἴξιος.

Изъ именъ надписи извѣстно только первое (IosPE. II. № 202): остальныя два — совершенно новыя. Ἀχρωθίς, очевидно, имя женское (ср. Ἀπατουρίς, Ἀρχελαΐς, Περιγενίς, Ψυχαρίς и др.).

---

4. Сверху и снизу обломанное надгробіе изъ мелкозернистаго известняка выш. отъ 0,39 м. (справа) до 0,59 (слѣва), шир. 0,67, толщ. 0,17. На памятникѣ сохранились остатки двухъ рельефныхъ изображеній, помѣщенныхъ одно надъ другимъ. Верхній рельефъ представляетъ четыре фигуры: съ лѣвой стороны, въ креслѣ съ точеными ножками и такою же спинкою сидитъ на двухъ подушкахъ, со скамеечкою подъ ногами, женщина въ длинномъ хитонѣ и въ иматіи, въ обычной „задумчивой“ позѣ. Направо отъ нея, возлѣ кресла изваяны двѣ дѣвочки, обращенныя лицомъ къ зрителю: фигурка, стоящая въ лѣвомъ углу, держитъ въ рукахъ цилиндрическій сосудъ, а другая, немного меньше, изображена съ полотенцемъ, свѣшивающимся въ лѣваго плеча. Впереди женщины изваянъ всадникъ на спокойно стоящемъ конѣ, обращенномъ головою влѣво [1]. Голова женщины и вся верхняя часть всадника, вплоть до таліи, отбиты. На фигурахъ и на фонѣ рельефа сохранились кое-гдѣ остатки розовой, зеленой (на подушкахъ) и голубой красокъ. Отъ нижняго рельефа, фонъ котораго былъ выкрашенъ голубой краской, фигуры не уцѣлѣли. На полосѣ, раздѣляющей рельефы, тщательно вырѣзана по линейкамъ крупными буквами (выс. 0,04—0,05 м.) двухстрочная надпись ранняго римскаго времени.

[1]) Рельефъ весьма похожъ на нижнее изображеніе надгробія IosPE. IV, № 257: разница состоитъ въ томъ, что на новомъ надгробіи изображены въ лѣвомъ углу двѣ женскія фигурки и что у всадника нѣтъ налучья.

Найдено вмѣстѣ съ № 11 въ октябрѣ на участкѣ городской земли между Карантинною и 1-ю Аджимушкайскою улицами, подаренномъ Братской церкви, надъ гробницею. Снимокъ съ эстампажа (⅙).

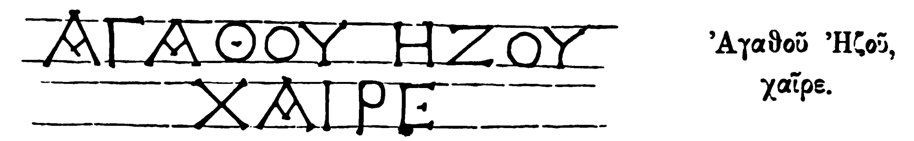
Ψυχὴ γυνὴ Καλλισθ[ένου]
καὶ υἱὸς Γάστης, [χαίρετε].

Всѣ три имени уже извѣстны изъ боспорской эпиграфики; впервые встрѣчается форма им. п. Γάστης вмѣсто извѣстной изъ другихъ памятниковъ формы Γάστεις. Форма род. п. Γάστη уже извѣстна (см. *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 18, стр. 129, № 45).

---

5. Обломанная снизу плита изъ мелкозернистаго известняка выс. 0,98—1,12 м., шир. 0,48, толщ. 0,21. Вверху украшена рельефными карнизомъ и фронтономъ съ тремя акротеріями и тремя розетками. На плитѣ изваяны два рельефа. Подъ фронтономъ въ углубленіи (0,41 × 0,45 м.) изображенъ всадникъ на спокойно стоящемъ конѣ, обращенномъ вправо; у лѣваго бока всадника виситъ налучье съ лукомъ и мечемъ, привязаннымъ къ налучью; на правой ногѣ выше колѣна рельефно изображенъ кинжалъ съ рукояткою, снабженною на концѣ большимъ кольцомъ. Всадникъ сидитъ въ сѣдлѣ, отчасти закрытомъ длиннымъ плащемъ, ниспадающимъ складками съ плечъ; лѣвой рукой онъ держитъ поводья, а правой—кнутъ, отъ котораго сохранилась одна рукоятка. Фигура всадника сильно испорчена, голова и ноги лошади отбиты. Сзади изваяна часть другого всадника въ остроконечномъ шлемѣ. На рельефѣ сохранились обильные слѣды красокъ: вся лошадь перваго всадника покрыта черной краской, штаны его—синей, на хитонѣ виднѣются остатки розовой; фонъ рельефа и другой всадникъ выкрашены въ синій цвѣтъ. На разстояніи 0,10 м. сохранилась верхняя часть второго рельефа, изображающая трехъ спокойно стоящихъ лошадей съ поводьями, обращенныхъ вправо; на средней сидитъ всадникъ съ лукомъ въ горитѣ у лѣваго бока и съ кнутомъ въ правой рукѣ. На рукахъ всадника сохранились остатки синей краски, на хитонѣ его—розовой. На полоскѣ, раздѣляющей рельефы, тщательно вырѣзана по линейкамъ надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,025—0,03 м.).

Найдена мною 16 мая при разслѣдованіи перваго база керченской городской скотобойни, надъ гробницей. Снимокъ съ эстампажа (1/5).



Ἀγαθοῦ Ἤζου,
χαῖρε.

Оба имени уже извѣстны въ боспорскихъ надписяхъ.

---

6. Сверху и снизу обломанное надгробіе изъ бѣлаго мрамора, выш. 0,50 м., шир. 0,325, толщ. 0,12. Украшено двумя рельефами, изваянными (одинъ надъ другимъ) въ углубленіяхъ разной ширины (верхнее имѣетъ въ ширину 0,21 м., нижнее 0,25). Отъ верхняго рельефа сохранилась нижняя часть мужской фигуры, одѣтой въ хитонъ и плащъ, съ опущенной правой рукой. Нижній изображаетъ воина въ хитонѣ, съ овальнымъ щитомъ на лѣвой рукѣ и съ мечемъ въ поднятой правой рукѣ. Лицо нападающаго воина, обращеннаго профилемъ влѣво, сильно стерто. На узкой полоскѣ (рис. 0,035 м.), раздѣляющей рельефы, тщательно вырѣзана надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,02 м.), читающаяся вполнѣ ясно.

Камень найденъ 24 марта при осмотрѣ пороговъ Покровской церкви въ Тамани, вмѣстѣ съ двумя другими древними мраморными плитами, на которыхъ надписей не оказалось. Снимокъ съ эстампажа (1/4).

ΒΟΘΥΛΙΩΝΙΑ ΧΑΙΡΕ

Такъ какъ надписи, помѣщаемыя между рельефами, составляютъ обыкновенно одно цѣлое (см. IosPE. II, № 192 и IV, №№ 300, 315), то нужно предположить, что сохранившаяся на памятникѣ строка и есть вся надпись; ее нужно, на мой взглядъ, читать слѣдующимъ образомъ:

Βοθύλι Ὠνία, χαῖρε.

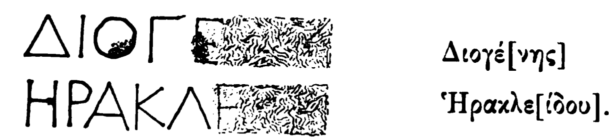
Имя Βοθύλιος надо считать за совершенно новое. Латинская форма звательнаго падежа извѣстна изъ надписей IosPE. II, 192 и IV, 250; ср. также надпись, нацарапанную на глиняномъ сосудѣ, представленномъ мною въ Имп. Археологическую Комиссію при рапортѣ отъ 30 ноября 1906 г. за № 134, VIII: Ὦ Γαυδέντι πιὼν ζήσεις. Слѣдуетъ замѣ-

тить однако, что въ этихъ трехъ надписяхъ имена латинскія, а въ новой надписи—не латинское. Имя Ὠνείας читается въ CIG. III, № 6406 („nomen Iudaicum esse monet Montfauconius“).

---

7. Сверху и снизу обломанная стела изъ крупнозернистаго известняка, безъ всякихъ украшеній, выш. 0,60—0,73 м., шир. 0,54, толщ. 0,18. Почти на серединѣ сохранившейся части плиты вырѣзана надпись очень крупными буквами (выс. 0,06 м.), въ углубленіяхъ которыхъ коегдѣ сохранились слѣды красной краски.

Плита вынута изъ порога конюшни во дворѣ Таманскаго станичнаго управленія, построенной лѣтъ 15 тому назадъ. Лѣвая часть надписи вполнѣ сохранилась, такъ какъ находилась ближе къ косяку дверей, а правая почти совершенно стерта копытами лошадей. Гдѣ была найдена плита, никто не могъ сказать мнѣ. Куплена 25 іюня у атамана Таманской станицы для Керченскаго музея. Снимокъ съ эстампажа (1/10).



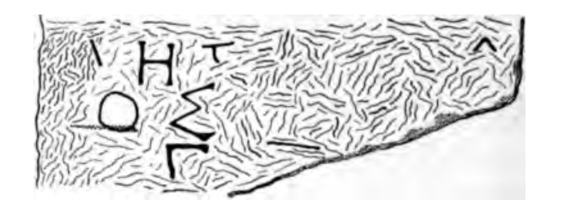
Διογέ[νης]
Ἡρακλε[ίδου].

Во 2-й строкѣ надписи, которая по характеру письма можетъ быть отнесена къ IV в. до Р. Хр., я предположительно возстановилъ имя Ἡρακλείδης, какъ самое обычное въ боспорской эпиграфикѣ, хотя здѣсь могло быть и какое-нибудь другое имя изъ числа производныхъ отъ Ἡρακλῆς, напр. Ἡρακλέ[ωνος].

---

8. Разбитая на двѣ части верхушка стелы изъ мягкаго известняка выш. 0,10—0,15 м., шир. 0,27, толщ. 0,06. На разстояніи 0,065 м. отъ верхняго края памятника, лишеннаго всякаго украшенія. сохранилось нѣсколько буквъ надписи IV в. до Р. Хр., испорченной острымъ орудіемъ. Высота буквъ 0,02 м.; углубленія ихъ закрашены красной краской.

Найдена 2 декабря во дворѣ Т. Калинина, на Эспланадной улицѣ, д. № 9, недалеко отъ того мѣста, гдѣ найдено надгробіе Тіэя (см. выше № 3). Снимокъ съ эстампажа (¼).



Μητ[ρό]δ[ο-
τ]ος Σ[ινω-
π]εύς.

Послѣ раскрашенной верхушки буквы Δ, стоящей на предпослѣднемъ мѣстѣ первой строки, могла помѣститься на камнѣ буква О, но ни въ какомъ случаѣ Ω, почему я и возстановилъ имя Μητρόδοτος, а не Μητρόδωρος [1]).

---

9. Обломанная снизу плита изъ плотнаго мелкозернистаго известняка, выс. 0,99 м., шир. 0,61, толщ. 0,23. Верхъ памятника былъ украшенъ, вѣроятно, фронтономъ или акротеріемъ, сдѣланнымъ изъ отдѣльнаго камня, на что указываютъ два четырехугольныя углубленія, вырѣзанныя въ верхнемъ обрѣзѣ плиты для вставки болтовъ. Плита украшена рельефомъ, помѣщеннымъ въ углубленіи (0,54 × 0,42 м.): справа изображена стоящая женщина въ длинныхъ хитонѣ и иматіи; лѣвая рука ея приподнята къ лицу, а правая касается колонки, помѣщенной въ правомъ углу рельефа. Справа отъ женщины стоитъ дѣвочка, держащая въ рукахъ, кажется, цилиндрическій сосудъ. Къ женскимъ фигурамъ слѣва отъ зрителя подъѣзжаютъ верхомъ два невооруженныхъ всадника въ короткихъ хитонахъ и длинныхъ плащахъ. Подъ лошадьми изображены двѣ совершенно одинаковыя собаки, бѣгущія тоже вправо. Лица всѣхъ четырехъ фигуръ сильно испорчены. На разстояніи 0,09 м. отъ рельефа вырѣзана хорошо сохранившаяся надпись римскаго времени (выс. буквъ 0,04 м.).

Найдена 23 марта на дачѣ А. Топузанова между деревней Аджимушкаемъ и берегомъ Азовскаго моря, у южной подошвы Темиръ-горы. Снимокъ съ фотографіи (1/13) и эстампажа (1/8).

---

[1]) Нѣкоторыя буквы, показанныя въ копіи и транскрипціи автора сохранившимися, на эстампажѣ, съ котораго сдѣланъ снимокъ, совершенно не видны. *Ред.*

ΠΑΙΡΦΑΝΗΣ ΜΟΙΡΑ
ΓΕΝΟΥ ΧΑΙΡΕ

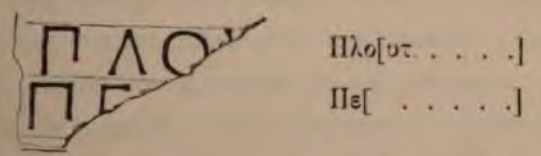
Παιρφάνης Μοιρα-
γένου· χαῖρε.

Въ имени Παιρφάνης, доселѣ не встрѣчавшемся, быть можетъ, пропущена по небрежности рѣзчика буква ι; ср. Παιρισάδης, Παιρίσαλος.

---

10. Верхній лѣвый уголъ надгробія изъ твердаго раковистаго известняка, выс. 0,21 м. (съ лѣвой стороны), шир. 0,31, толщ. 0,08. Вверху уцѣлѣла часть рельефнаго полукруглаго возвышенія, по которому можно судить, что вся ширина надгробія равнялась приблизительно 0,54 м. и что, слѣдовательно, строка надписи состояла изъ 9—12 буквъ. На обломкѣ сохранились три цѣлыя и три поврежденныя буквы (выш. 0,04 м.), тщательно вырѣзанныя по линейкамъ на разстояніи 0,065 м. отъ верхняго края надгробія.

Камень найденъ 6 марта на южномъ склонѣ Митридатовой горы въ насыпи. Снимокъ съ эстампажа (1/6).



Πλο[υτ. . . . .]
Πε[. . . . .]

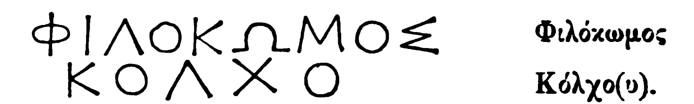
Въ боспорской надписи, изданной въ *Изв. Имп. Арх. Комм.* вып. 2, стр. 71, читаются имена Πλούταρχος и Πλουτέρως; въ Херсонесѣ найдена надпись IV в. до Р. Хр. съ именемъ Πέλανος (IosPE. IV, 111). Но такъ какъ есть и другія имена, начинающіяся съ слоговъ Πλοο и

Пε, то достовѣрное возстановленіе именъ въ нашей надписи не возможно.

---

11. Обломанная внизу стела изъ мелкозернистаго известняка выш. 0,84 м., шир. 0,39—0,42, толщ. 0,10—0,13. Сверху украшена изящнымъ анѳеміемъ, лѣвая сторона и верхъ котораго стесаны острымъ орудіемъ. На разстояніи 0,11 м. отъ карниза, отдѣляющаго анѳемій отъ стелы, тщательно вырѣзана красивыми буквами (выс. 0,03 м.) надпись IV в. до Р. Хр.

Найдена вмѣстѣ съ № 4. Снимокъ съ эстампажа ($^1/_6$).



Φιλόκωμος
Κόλχο(υ).

Имя Φιλόκωμος (Pape-Beuseler s. v.; Bechtel-Fick, стр. 278) и ἐθνικὸν «Κόλχος» въ качествѣ личнаго имени (Bechtel—Fick, стр. 336) еще не встрѣчались въ боспорскихъ надписяхъ.

---

12. Сверху и снизу обломанное надгробіе изъ твердаго известняка выс. 0,35—0,49 м., шир. 0,68, толщ. 0,20. Было украшено двумя рельефами, отъ которыхъ уцѣлѣли лишь незначительные остатки. Отъ верхняго сохранилась только нижняя часть женской фигуры, стоящей съ лѣвой стороны (отъ зрителя), и нижній конецъ ножки кресла, находившагося въ серединѣ; рельефъ былъ, по всей вѣроятности, похожъ на изображеніе, изданное въ IosPE. II, стр. 126. Нижній рельефъ представляетъ двухъ всадниковъ на спокойно стоящихъ коняхъ, обращенныхъ влѣво; первый всадникъ держитъ въ правой рукѣ длинное копье, поднятое вверхъ, у лѣваго бока его виситъ налучье съ лукомъ. Второй сидитъ на конѣ, который виденъ только до половины. Лица и туловища всадниковъ стесаны острымъ орудіемъ. Между рельефами вырѣзана крупными буквами (выш. 0,035—0,04 м.) надпись римскаго времени.

Куплено 18 мая у торговца древностями Головлева, по словамъ котораго найдено въ частномъ дворѣ на 3-й Митридатской улицѣ, д. № 1, въ насыпи. Снимокъ съ эстампажа ($^1/_8$).

Λαοδίκη, γυνὴ
Θεοφίλου, χαῖρε.

По составленіи описанія памятника я замѣтилъ, что это—то же надгробіе, которое въ 1852 г. видѣлъ П. В. Беккеръ у внѣшней стѣны прежняго музея древностей на горѣ Митридата (Пропилеи, т. III, стр. 355 = IosPE. II, № 241). Весьма вѣроятно, что надгробіе подверглось новой порчѣ (теперь на памятникѣ недостаетъ „сѣдалища съ ручками изъ сфинксовъ" и женской фигуры, стоявшей направо отъ зрителя; отъ женской фигуры съ урною въ рукахъ сохранилась только нижняя часть) и было сброшено съ площадки, окружающей прежній музей, въ то время, когда, по свидѣтельству Russel'я (Macpherson, Antiquities of Kertch, стр. 41), Керченскій музей древностей подвергся разгрому со стороны союзныхъ непріятельскихъ войскъ, завладѣвшихъ въ 1855 году Керчью. Теперь камень найденъ въ верхнемъ слоѣ насыпи на уклонѣ горы, куда онъ тогда былъ сброшенъ [1]). Въ описаніе Беккера вкрались нѣкоторыя неточности: средняя фигура верхняго рельефа не могла изображать „богато одѣтаго мужчину". Во-первыхъ, на боспорскихъ надгробіяхъ въ такой позѣ изображаются только женщины (см. напр. IosPE. II, 72, 214, 219, 220 и мн. др.); во-вторыхъ, женская фигура съ урною въ рукахъ встрѣчается, какъ было уже замѣчено въ *Изв. Имп. Арх. Ком.* вып. 18, стр. 128, № 44, только на надгробіяхъ женщинъ; въ-третьихъ надпись, вырѣзанная подъ рельефомъ, ясно указываетъ на то, что центральной фигурой изображенія была Лаодика, жена Θеофила. Беккеръ не замѣтилъ также копья въ правой рукѣ перваго всадника.

В. Шкорпилъ.

---

13. Къ надписямъ, изданнымъ В. В. Шкорпиломъ, присоединяемъ маленькій фрагментъ надписи на обломочкѣ мраморной плиты, эстампажъ котораго любезно присланъ намъ А. В. Орѣшниковымъ съ сообщеніемъ, что обломочекъ происходитъ изъ Керчи и хранился въ коллекціи Великаго Князя Сергія Александровича, послѣ кончины ко-

[1]) Третья Митридатская улица тянется по восточному склону Митридатовой горы, подъ площадкой прежняго музея древностей.

тораго передань въ составѣ коллекціи въ Имп. Россійскій Историческій музей. Наиб. выш. и шир. обломка 0,07 м. Снимокъ съ эстампажа (1/3).

Судя по буквамъ, читающимся въ стр. 2 и 3, можно думать, что обломочекъ сохранился отъ декрета о проксеніи, такъ какъ эти буквы удобно входятъ въ слѣдующее примѣрное возстановленіе: [... εἴσπλουν καὶ ἔκ]πλουν [καὶ πολέμου καὶ εἰρήνης ἀσυλεὶ καὶ ἀσπον]δε(ὶ) α[ὐτῶι καὶ ἐκγόνοις κτλ.].

По характеру письма обломокъ съ полною вѣроятностью можетъ быть отнесенъ къ IV вѣку до Р. Хр. Отрывки трехъ декретовъ о проксеніи, относящіеся къ этому же вѣку и найденные въ Пантикапеѣ, изданы нами въ IosPE. II, №№ 1—3.

В. Л.

Новыя латинскія надписи съ Юга Россіи.

Херсонесъ.

1. Плита изъ бѣлаго мрамора съ сѣрыми жилами, выш. 0,97 м., . 0,52, толщ. 0,26. Сверху украшена фронтономъ, вершина кото- либо не была окончена, либо стесана позднѣе. Въ трехугольникѣ ітона изваяна розетка съ 4 лепестками. Подъ фронтономъ изсѣчено бленіе, выш. въ 0,21 м., въ которомъ довольно грубо изваяны два 'а бородатыхъ мужчинъ, каждый на прямоугольномъ постаментѣ. а повернуты фасомъ и сильно сбиты. Между бюстами сбитый же неотдѣланный на поверхности ящикъ съ высокой спинкой или ,ющейся крышкой или дномъ. Всю остальную часть плиты зани- ъ латинская надпись, старательно вырѣзанная крупными буквами і. буквъ въ первыхъ четырехъ строкахъ 0,04 м., въ остальныхъ 0,035 м.). Лѣвая сторона плиты отъ средины углубленія съ бюстами до низа отпилена, вслѣдствіе чего пропали начальныя буквы всѣхъ строкъ надписи, кромѣ первой и послѣдней. Найдена наша плита заложенною въ фундаментѣ стѣны въ 7 метрахъ отъ угла башни около скотнаго двора со стороны моря. Она, вѣроятно, притащена была при постройкѣ этой части стѣны изъ сосѣдняго некрополя; не исключена и возможность того, что самая стѣна выстроена была на части древняго некрополя; стѣна эта, какъ извѣстно, окружала часть города, занятую римскимъ гарнизономъ. Фотографическій снимокъ (№ 335) и эстампажъ.

D(is) m(anibus) | [. C]incio T. lib(erto) | [Ba]sili vix(it) | [ann(is)] XXII et | [. V]edio P. lib(erto) | [Th]repto medi [co] interf(ecto) a Taur(is) | [. Cin]cius Epicte[tus] | (col]l[i]berto et amico

Для оправданія моихъ дополненій позволю себѣ сказать слѣдующее. Въ первыхъ семи строкахъ, гдѣ, какъ сказано выше, буквы имѣютъ болѣе крупные размѣры, пропало слѣва не болѣе двухъ буквъ въ каждой строкѣ, что даетъ возможность съ точностью установить имена двухъ умершихъ отпущенниковъ. Въ третьей строкѣ я дополнилъ [Ba]sili—единственное извѣстное мнѣ cognomen, оканчивающееся на—silis [1]), въ шестой [Th]repto — одно изъ рѣдкихъ греческихъ cognomina, кончающихся на —reptus. Что мы имѣемъ дѣло съ греками, показываетъ ихъ принадлежность къ сословію отпущенниковъ и греческое cognomen ихъ друга — Цинція Эпиктета. Дополненіе греческихъ cognomina оправдывается и тѣмъ, что изображены два бородатыхъ человѣка. Римляне въ то время, къ которому, по всей вѣроятности, относится надпись, были бы изображены бритыми.

Разъ установлено, что въ первыхъ строкахъ надписи пропало не болѣе какъ по двѣ буквы въ началѣ каждой строки, то дополненіе medi[c]o въ 6-ой и 7-ой строкахъ дѣлается несомнѣннымъ. Подтверждается это дополненіе и изображеннымъ между двумя бюстами ящикомъ съ открытой крышкой: это, очевидно, loculus врача, гдѣ хранились его инструменты и лѣкарства [2]).

Передъ нами такимъ образомъ надпись, поставленная отпущенникомъ какого-то римлянина Цинція двумъ отпущенникамъ же — одному Цинцію, другому Ведію; послѣдній, можетъ быть, опредѣляется Цинціемъ Эпиктетомъ какъ его другъ, первый какъ соотпущенникъ. На послѣднемъ однако настаивать не буду, такъ какъ выраженіе colliberto et amico—стереотипное. Важнѣе то, что Ведій и Цинцій—римскіе отпущенники и что одинъ изъ нихъ врачъ. Мы имѣемъ дѣло, вѣроятно, съ членами familia римскаго состоятельнаго человѣка, въ составѣ которой находился и домашній врачъ [3]).

---

[1]) См. CIL. VI 27849 Longinio Basili liberto.. C. Longinius Celer, ср. Plin. n. h. I, ind. 6; VI, 182; Thes. linguae latinae s. v. Basilis.

[2]) См. Thédénat у Daremberg et Saglio, Dict d. ant. s. v. loculus (IIIB, 1294); ср. ibid. p. 1685 (s. v. medicus).

[3]) Иначе трудно себѣ объяснить присутствіе въ греческомъ городѣ въ сравнительно раннее время двухъ отпущенниковъ одного и того же лица, имѣвшихъ право римскаго гражданства. Къ челяди болѣе состоятельныхъ римлянъ, не говоря уже о высшей аристократіи, принадлежалъ непремѣнно и врачъ: см., напр., CIL. VI, 5197; Dessau 1514 челядь диспенсатора (казначея) провинціи Галліи; среди врачей императорскихъ, какъ и среди врачей вообще, всегда было немало отпущенниковъ: ср. надписи римскихъ врачей, сопоставленныя у Dessau, Inscr. lat. sel. III, 7786 (и примѣчаніе къ ней)—7817; ср. S. Reinach у Daremberg et Saglio, Dict. d. ant., s. v. medicus (IIIB, 1672).

Особенный интересъ возбуждаетъ то, что этотъ врачъ былъ убитъ Таврами. Само собою напрашивается объясненіе, что убійство это было не дѣломъ случая, а что врачъ сопровождалъ своего патрона—римскаго офицера во время экспедиціи противъ этихъ безпокойныхъ сосѣдей Херсонеса.

Интересно было бы теперь знать, какая экспедиція имѣется въ виду, и нѣтъ ли возможности связать наше надгробіе съ какимъ-нибудь извѣстнымъ событіемъ изъ исторіи Херсонеса [1]).

Для этого прежде всего желательно было бы знать время надписи. Содержаніе ея никакихъ указаній не даетъ. Нѣкоторыя заключенія позволило бы сдѣлать нахожденіе камня съ надписью въ фундаментѣ стѣны. Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно, къ какой эпохѣ принадлежитъ часть стѣны, подъ которой лежалъ камень, т. е. имѣемъ ли мы дѣло со стѣной римскаго времени, или ея передѣлкой византійской эпохи. Постараюсь выяснить это при ближайшемъ посѣщеніи Херсонеса. Нѣкоторое указаніе даетъ, впрочемъ, форма буквъ тщательно вырѣзанной надписи. Форма D, O, C и другихъ буквъ по аналогіи съ датированными надписями Рима и провинцій не позволяетъ идти ниже эпохи Флавіевъ и позволяетъ, можетъ быть, датировать надпись приблизительно эпохой Нерона. Тѣ же формы буквъ даетъ и одна еще не опубликованная надпись изъ Ай-Тодора, принадлежащая, по всей вѣроятности, эпохѣ Клавдія.

Если мои наблюденія надъ формой буквъ правильны, то само собою напрашивается пріуроченіе убійства Таврами нашего врача къ событіямъ, стоявшимъ въ связи съ извѣстнымъ походомъ Плавція Сильвана. Въ надписи этого генерала Неронова времени (CIL. XIV, 3608; Dessau 986) говорится слѣдующее: Scytharum quoque rege(m) a Cherronensi quae est ultra Borustenen opsidione summoto. Весьма вѣроятнымъ кажется мнѣ, что подъ Скиѳами разумѣются Тавры нашей надписи. Обо всемъ этомъ, однако, я буду говорить въ ближайшемъ будущемъ въ „Извѣстіяхъ“ въ связи съ публикаціей надписей, найденныхъ въ послѣдніе два года на Ай-Тодорѣ.

---

[1]) Смерть отъ руки варваровъ упоминается въ латинскихъ надписяхъ довольно часто; въ указателяхъ CIL. такія упоминанія сопоставляются подъ рубрикой mortes singulares; ср. рядъ надписей у Dessau, Inscr. lat. sel., III, 8499 слл. (смерть при нашествіи Баваровъ въ Африкѣ въ IV в. Dessau 8500; Кастабоковъ во Ѳракіи ibid. 8501 при М. Авреліи; Дацисковъ въ сѣв. Италіи ibid. 8502). Особенно характерны CIL. V, 3372; Dessau 850: d [m] | Papiri[o] Marcelli[no] | patri incom[pa]rabili decept[o] | a Daciscis in bello | proelio Papiri[us] Marcellus | b. m. и CIL. III, 11045: [i]nt[e]r fecto a barbaris, ср. 4880—4850, 5234.

2. Вполнѣ сохранившаяся плита изъ мягкаго ноздреватаго известняка съ рельефною рамкою сверху и по бокамъ. Верхъ украшенъ грубымъ орнаментомъ линій, сходящихся по двѣ подъ острымъ угломъ. Внизу плита вырѣзана для вставки въ постаментъ. Вышина плиты 0,95 м., шир. 0,31, толщ. 0,17. Надпись изъ 9 строкъ вырѣзана небрежно и нѣсколько пострадала отъ вывѣтриванія камня. Буквы приближаются къ курсиву. Вышина ихъ 0,038—0,042 м. (въ предпослѣдней строкѣ 0,026). Найдена поверхъ черепицъ, покрывавшихъ вырубленную въ скалѣ гробницу съ сожженнымъ остовомъ у Карантинной бухты. Фотографическій снимокъ и эстампажъ (№ 308). Снимокъ съ эстампажа въ 1/7.

I · O · M
M · ANTO
NIVS · VA
LENS · MIL
COH · II
LVCENSIV
VIXIT · ANN
XXV · MIL · ANNV
H · F · C

I(ovi) O(ptimo) M(aximo). | M. Anto|nius Va|lens mil(es) | coh. II | Lucensiu(m | vixit ann(is) | XXV mil(itavit) ann(is) V. | H(eredes) f(aciendum) c(urarunt) [1].

Надпись интересна во-первыхъ тѣмъ, что въ ней мы находимъ новое упоминаніе солдата не легіоннаго, а вспомогательной когорты, находившагося въ гарнизонѣ въ Херсонесѣ. Къ когортѣ I Cilicum (CIL. III, 13751b) присоединяется теперь еще cohors II Lucensium [2]. Любопытно при этомъ, что обѣ эти когорты составляли приблизительно одновременно

[1]) Или *h(eres)- -c(uravit)*.

[2]) H. Van de Weerd. Etude historique sur trois légions romaines du Bas-Danube. Louvain, 1907, стр. 291 сл. въ таблицѣ, сводящей данныя объ оккупаціи Нижней Мёзіи римскими войсками, называетъ еще cohors Cypria и coh. Thracum, стоявшія, какъ извѣстно, въ Пантикапеѣ.

части мэзійскаго войска. О пребываніи первой киликійской когорты въ Мэзіи около 134 г. я говорилъ въ другомъ мѣстѣ; отмѣчу, что и вторая когорта Lucensium стояла въ Мэзіи приблизительно въ то же время. Упоминается она въ двухъ дипломахъ 105 и 114 г.г. (Dipl. XXXIII и XXXVIII) и въ одной надписи, къ сожалѣнію не датированной, изъ Malka Brestnica (м. б. мѣсто ея постоянной стоянки, CIL. III, 14424); въ 199 г. мы застаемъ ее уже во Ѳракіи (CIL. III, 7418=12337) около Dubnica, гдѣ она продолжаетъ пребывать и въ 217—218 гг. (см. CIL. III, 12338 и 12339). Ея постоянный лагерь упоминается, вѣроятно, и въ Скаптопаренскомъ декретѣ (CIL. III, 12336).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Херсонесѣ стояли ея солдаты тогда, когда она составляла часть войскъ Мэзіи, такъ какъ несомнѣнно, что войска Мэзіи, а не Ѳракіи, поставляли херсонесскій гарнизонъ.

Пребываніе солдатъ обѣихъ когортъ въ Херсонесѣ относится такимъ образомъ ко II в. послѣ Р. Хр. Врядъ-ли мы можемъ предположить хотя бы временное пребываніе въ стѣнахъ Херсонеса цѣлой когорты; скорѣе надо думать, что херсонесскій отрядъ состоялъ отчасти изъ солдатъ легіонныхъ, отчасти изъ солдатъ вспомогательныхъ отрядовъ, стоявшихъ въ Мэзіи. Обѣ эти категоріи войскъ, можетъ быть, въ видѣ ряда отдѣльныхъ отрядовъ составляли гарнизонъ Херсонеса и выдѣляли мелкіе отряды-посты, защищавшіе Крымское побережье, напр., гарнизонъ крѣпости на Ай-Тодорѣ [1]).

Подобныя явленія извѣстны намъ во всѣхъ провинціяхъ, гдѣ необходимо было защищать отъ сосѣдей болѣе или менѣе длинную границу. Отнюдь не имѣя намѣренія дать полное изслѣдованіе вопроса о составѣ вексилляцій римскаго войска, я позволю себѣ, однако, для подтвержденія своей точки зрѣнія, указать на нѣсколько характерныхъ фактовъ [2]).

Выдѣляю, прежде всего, какъ не характерные для нашей цѣли, комбинированные отряды, назначавшіеся для принятія участія въ большой войнѣ или походѣ, въ составъ которыхъ входили, конечно, въ зависимости отъ условій военныхъ дѣйствій, времени и мѣста, самые разно-

[1]) Во главѣ всѣхъ vexillationes юга Россіи стоялъ, какъ извѣстно, трибунъ, во главѣ херсонесскаго гарнизона—центуріонъ, во главѣ отдѣльныхъ постовъ, какъ показываютъ найденныя въ недавнее время на Ай-Тодорѣ надписи,—бенефиціарій. См. мою статью о римскихъ гарнизонахъ на югѣ Россіи. *Ж. М. Н. Пр.* 1900 г. Мартъ, стр. 146 сл.

[2]) Объ этомъ вопросѣ см. Marquardt-Domaszewski, Staatsverwaltung II, 463 слл. Матеріалъ со времени этой трактовки сильно возросъ.

образные роды войскъ изъ близкихъ и далекихъ къ мѣсту военныхъ дѣйствій стоянокъ (см. Marquardt-Domaszewski l. l., 465, 1—3)[1]).

Ближе стоятъ, по характеру своему, комбинированные отряды изъ войскъ одного военнаго округа, откомандированные для цѣлей какого-нибудь крупнаго военнаго сооруженія: постройки дороги, лагеря, работы въ рудникахъ и т. п. Къ примѣрамъ, приведеннымъ Марквардтомъ, можно присоединить немало другихъ. Особенно характерны данныя о составѣ отрядовъ, работавшихъ въ каменоломняхъ Нижней Германіи, расположенныхъ около нынѣшняго Броля см. CIL. XIII, стр. 489 (I в. по Р. Хр.). Здѣсь передъ нами и легіонные солдаты семи легіоновъ, и алы, и рядъ когортъ, и, наконецъ, солдаты флота. Всѣ одновременно находившіеся въ каменоломняхъ отряды составляли, однако, одно цѣлое и находились подъ одной командой, хотя каждый имѣлъ, вѣроятно, и своего спеціальнаго командира, см. CIL. XIII, 7715: [I. O. M. e]t Her[culi] или [(culi) Sax(ano)], затѣмъ перечисленіе ряда войсковыхъ частей и далѣе: q(uae) s(ub) Q. Acut(io) su(nt) cu(ra) M. I(ulii) Cossuti > l(egionis) VI vic(tricis) p(iae) f(idelis), ср. 7716.

Тѣ же цѣли, вѣроятно, имѣли и отряды, стоявшіе въ Испаніи въ castrum S. Christophori (см. CIL. II, 2551—2557 и Hübner-Mommsen ibid. p. 335 сл., Hübner p. 906). Хотя надписи извѣстны только въ плохихъ копіяхъ, но ясно, что во II в. здѣсь стоялъ составной отрядъ изъ солдатъ legio VII Gemina, двухъ когортъ и одной алы. На хозяйственное назначеніе отряда указываетъ упоминаніе въ надписяхъ рядомъ съ центуріонами и прокураторовъ, ср. также CIL. III, 14396 a-f и 14387 k (чтеніе въ указателѣ p. 2657). Въ Египтѣ, кромѣ упомянутаго Домашевскимъ (l. l. 464,6) составного отряда, стоявшаго въ каменоломняхъ горъ Береники, составной отрядъ изъ солдатъ alae Vocontiorum и двухъ когортъ стоялъ, можетъ быть для цѣлей надзора, какъ гарнизонъ, и въ Ptolemais Hermiu (Меншіэ) въ эпоху Домиціана (CIL. III, 12066—12070).

Несомнѣнно, что нерѣдко такой же составной характеръ изъ войскъ легіонныхъ и вспомогательныхъ имѣли и тѣ вексилляціи, которыя составляли постоянный гарнизонъ какой-нибудь болѣе крупной пограничной крѣпости. Примѣровъ этому можно привести немало. Въ той же провинціи Мэзіи, къ которой принадлежалъ и Херсонесъ, мы имѣемъ аналогичный херсонесскому гарнизонъ въ нын. Драшна (около Voleni de

[1]) Ср. CIL. III. 10471—10473.

munte). Здѣсь, судя по штемпелямъ на кирпичахъ (CIL. III, 12530), одно время стоялъ отрядъ, состоявшій изъ солдатъ легіоновъ: I Италійскаго, V Македонскаго и XI Клавдіева и солдатъ Комагенской когорты [1]).

Особенно хорошо извѣстны намъ составы постовъ и военныхъ станцій въ Африкѣ. Одной изъ крупныхъ станцій, охранявшихъ границу, была извѣстная statio Vazaivitana въ Нумидіи, засвидѣтельствованная съ I в. по Хр. многочисленными найденными тамъ надписями. Изъ нихъ мы узнаемъ, что смѣнявшіеся отъ времени до временя солдаты, составлявшіе мѣстный гарнизонъ (см. CIL. VIII, 17626 и 17634, гдѣ бенефиціаріи-командиры станціи упоминаютъ объ окончаніи ими службы въ данномъ мѣстѣ—expleta statione), принадлежали кромѣ III-го Августовскаго легіона къ 7-ой Лузитанской когортѣ, къ какой-то когортѣ Испанцевъ, къ Флавіевой алѣ, къ какому-то кавалерійскому отряду (см. Cagnat, L'armée romaine d'Afrique, 580). Не можетъ быть сомнѣнія, что легіонные солдаты и солдаты вспомогательныхъ отрядовъ стояли здѣсь одновременно. То-же несомнѣнно и для Маскулитанскаго поста (Cagnat, l.l., 581 сл.), и для поста въ нын. Мена (Cagnat, l.l., 588 ср. 590), и для поста въ нын. Msad (Cagnat, l.l., 593), и для многихъ другихъ. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы сдѣлать несомнѣннымъ, что и въ Херсонесѣ стояли одновременно, смѣняясь отъ времени до времени, солдаты какъ I Италійскаго легіона, XI Клавдіева и V Македонскаго [2]), такъ и различныхъ вспомогательныхъ отрядовъ, входившихъ въ составъ Мэзійской арміи.

Интересъ нашей надписи, однако, этимъ не ограничивается. Въ ней поражаетъ насъ то, что въ заголовкѣ этой надгробной надписи стоитъ посвященіе I(ovi) O(ptimo) M(aximo) вмѣсто обычнаго въ надгробныхъ надписяхъ упоминанія di Manes. Объяснить это ошибкой рѣз-

[1]) См. примѣчаніе издателей, ср. *Arch.-ep. Mitth. aus Oesterreich* XIII, 129, 47; Cichorius у Pauly-Wissowa, R. E., IV, 270; неправильно— Filow, Die Legionen der Provinz Moesien, 14,2. Объ этой крѣпости ср. также H. van de Weerd, Etude historique sur trois légions, 48 сл., ср. CIL. III, 14433 и 11365—вексилляціи двухъ легіоновъ, м. б., однако, временныя въ Brigetio, и въ Кадикёѣ, и vexillatio двухъ легіоновъ V Македонскаго и XI Клавдіева въ Палестинѣ CIL. III, 141552—послѣдняя, однако, несомнѣнно не постоянный гарнизонъ.

[2]) Такого же взгляда, исправляя мою неправильную точку зрѣнія, держится и Beuchel, De legione Romanorum I Italica, Lips. 1903, 91; онъ, конечно, единственно правильный. Къ обоимъ легіонамъ I Италійскому и XI Клавдіеву надо присоединить теперь также и V Македонскій, см. Латышевъ I. P. IV, 121. Не понимаю, откуда вычиталъ van de Weerd въ моей статьѣ мое яко бы предположеніе, что до II вѣка гарнизоны юга Россіи состояли только изъ вспомогательныхъ войскъ. Я утверждалъ какъ разъ обратное. См. Van de Weerd, op. c., 50 сл.

чика трудно, смѣшать эти двѣ формулы врядъ-ли могъ бы даже самый невѣжественный мастеръ. Между тѣмъ нашъ мастеръ надпись, правда несложную, все же, не въ примѣръ другимъ своимъ коллегамъ, вырѣзалъ вполнѣ правильно. Считать, такимъ образомъ, ошибкой наше посвященіе нѣтъ никакого основанія.

Объясненіе даетъ намъ аналогичный матеріалъ. Естественнѣе всего искать этого объясненія въ тѣхъ греко-римскихъ памятникахъ, гдѣ надгробный памятникъ посвящается Манамъ и Генію (Dessau Inscr. lat. sel. 8049—8052), Манамъ и Юнонѣ (Dessau, 8053—8058) умершихъ. Дальнѣйшее развитіе тѣхъ же идей ведетъ къ посвященію надгробія женщинъ такимъ богинямъ, какъ Fortuna, Spes, Venus (Dessau, 8063[a—c]) и Діана (Dessau, 8064—8066[a—b], ср. 8067—8070) и даже къ идентификаціи усопшей съ упомянутыми богинями (см. особ. Dessau, 8063[c])[1]). Такая идентификація, правда, рѣже, но наблюдается и въ мужскихъ надгробіяхъ (см. мѣсто изъ Апулея, metam. 8,7: imagines defuncti, quas ad habitum dei Liberi formaverat, adfixo servitio divinis percolens honoribus и другіе примѣры, приведенные Schröder'омъ l.l., 63). Но въ нашемъ случаѣ предполагать идентификацію нашего скромнаго солдата съ высшимъ богомъ оффиціальнаго римскаго Пантеона мало вѣроятно.

Объясненіе нашему явленію даютъ другія надписи. Въ Испаніи имѣется особая категорія надгробныхъ надписей, гдѣ камень ставится in honorem et memoriam покойника и посвящается при этомъ кому-нибудь изъ боговъ или богинь. Посвященія мы имѣемъ: I(ovi) o(ptimo) M(aximo) (CIL. II, 8), Apollini Augusto (ibid. 6181), Marti (22.5026). Neptuno Augusto (4087), Serapi Pantheo (46) и ряду богинь: Isidi, Iunoni, Lunae, Minervae, Pietati, Veneri, часто съ прибавленіемъ эпитета Augustae [2]). Подобная формула надгробныхъ надписей обычна въ Галліи, болѣе рѣдка въ другихъ мѣстахъ, но вездѣ безъ посвященія богамъ и богинямъ [3]).

Обратимъ вниманіе на то, что нашъ солдатъ какъ разъ принадлежитъ къ вспомогательной когортѣ, состоявшей изъ испанцевъ, и намъ

---

[1]) См. объ этомъ Schröder, Studien zu den Grabdenkmälern der römischen Kaiserzeit. *Bonner Jahrbücher*, 108, 61 сл.

[2]) Ссылки на надписи см. въ указателѣ къ CIL. II, Suppl. p. 1202. Ср. Cagnat. Cours d'épigraphie latine, 254 (мѣсто, любезно указанное мнѣ проф. Н. Н. Холодняком ъ).

[3]) Ср. объ этомъ Schröder l.l. 62, гдѣ онъ однако не отдѣляетъ этого явленія отъ вышеприведенныхъ греко-римскихъ представленій.

станетъ ясно, что мы наталкиваемся здѣсь на мѣстное испанское явленіе, стоящее въ связи съ религіоными воззрѣніями кельтиберскаго населенія Испаніи.

Не мѣсто въ комментаріи къ надписи разбирать вопросъ о связи отмѣченнаго явленія съ другими данными о религіозныхъ воззрѣніяхъ Испаніи. Несомнѣнно одно, что своихъ покойниковъ и ихъ могилы испанцы ставили подъ покровительство верховныхъ боговъ своего Пантеона, среди которыхъ имѣется только одинъ богъ, связанный до нѣкоторой степени съ загробною жизнью—Сераписъ. Важно отмѣтить и пониманіе памятника, какъ коммеморативнаго и почетнаго, а не какъ спеціально надгробнаго. Этимъ, думается мнѣ, объясняется и посвященіе надгробія нашего солдата наиболѣе близкому ему, какъ солдату, богу—Юпитеру.

Достаточно извѣстно, что Юпитера Лучшаго, Величайшаго—оффиціальнаго бога оффиціальнаго Рима—болѣе всего почитали въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ Римъ былъ представленъ главнымъ образомъ римскимъ войскомъ [1]). Посвященія ему находятъ главнымъ образомъ въ лагеряхъ, станціяхъ и постахъ, гдѣ стояли римскія войска (Toutain, l.l., 200). Изъ 497 посвященій, гдѣ дается указаніе на положеніе дедиканта, по счету Toutain 314 исходятъ отъ военныхъ различнаго ранга (Toutain l.l., 205). Ясно, что римскія войска, стоявшія на чужбинѣ, въ отдаленныхъ провинціяхъ, выдѣляли себя изъ остального населенія своей религіозной близостью къ римскому по преимуществу, оффиціально римскому богу, и притомъ, чѣмъ менѣе была развита культурная, муниципальная жизнь данной провинціи, тѣмъ болѣе ставить себя подъ покровительство Юпитера было какъ бы привилегіей этихъ военныхъ господъ и охранителей провинціи. Римскія войска въ провинціи были частью римскаго imperium, частью оффиціальнаго господствующаго Рима, и естественно, что и ихъ devotio въ силу usus'a направлена была главнымъ образомъ въ оффиціальныхъ посвященіяхъ по адресу бога, заботившагося о римскомъ imperium, символа этого imperium.

Вспомнимъ, что оффиціальное почитаніе Юпитера было столько же привилегіей легіонеровъ, сколько и вспомогательныхъ войскъ [2]).

---

[1]) См. Toutain, Les cultes païens dans l'empire romain. Paris 1907 (Bibl. de l'école de Hautes Etudes, XX), 199.

[2]) Domaszewski. Die Religion des römischen Heeres. *Westd. Zeitschrift* XIV 27 сл.

Но, конечно, для погребавшихъ нашего испанца его компатріотовъ римскій оффиціальный богъ былъ ихъ богомъ въ новой оффиціальной одеждѣ; для Юпитера Лучшаго, Величайшаго обычнаго въ такихъ случаяхъ эпитета къ имени бога—Augustus—не требовалось.

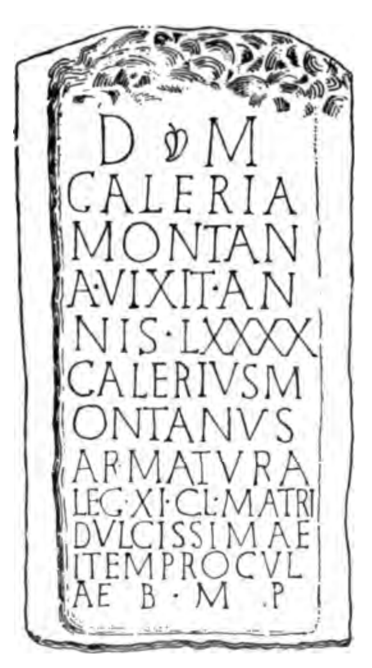
---

3. Обломанный со всѣхъ концовъ кусокъ мраморной плиты, отполированной съ обѣихъ сторонъ, наиб. шир. 0,085 м., наиб. выш. 0,055 толщ. 0,02. Сохранившіяся буквы въ 0,03 м. выш. читаются очень ясно Снимокъ съ эстампажа (№ 318) въ 1/6.

. . . *ir* . . . .
. . . . *vix(it) a[nnis* . . .

Ольвія.

4. Плита изъ мѣстнаго мягкаго камня. Найдена въ 1907 г. при раскопкахъ ольвійскаго некрополя въ сѣверной части городской территорі (раскопъ III, см. планъ, который будетъ приложенъ къ отчету Б. В. Фармаковскаго) въ склепѣ № 13, гдѣ она служила закладомъ входа въ гробницу. Прислонена была плита ко входу буквами внутрь въ вертикальномъ положеніи и оказалась разбитою на два куска. Края плит около площади надписи приподняты не обдѣланы, выглажена только середин на которой и вырѣзана надпись изъ 1 строкъ. Высота плиты 0,66 м., ширина 0,3 толщ. 0,115. Высота буквъ въ 1-й стро 0,105 м., въ остальныхъ отъ 0,09 до 0,055



Надъ и подъ DM проведены прям линіи, въ остальныхъ строкахъ линеекъ видно. Буквы вырѣзаны очень тщательно читаются совершенно ясно. Снимокъ съ фотографіи (1/16).

D(is) m(anibus) | Galeria | Montan|a vix an | nis LXXXX | Galerius Montanus | armatura | leg(ionis) XI Cl(audiae) matri | dulcissimae | item Procul ae b(ene) m(erenti) p(osuit

Итакъ Галерій Монтанъ, солдатъ арматуры (см. ниже) XI-го Клав-
ѣ легіона, похоронилъ подъ этой плитой мать свою Галерію Монтану
ıѣстѣ съ нею какую-то Прокулу, очевидно, также принадлежавшую
:оставу его familia.

Интересъ нашей надписи заключается въ томъ, что она впервые
:дѣленно называетъ намъ солдата изъ ольвійскаго гарнизона съ ука-
емъ той войсковой части, къ которой онъ принадлежалъ. Уже изъ
'ихъ находокъ знали мы, что въ Ольвіи въ III в. и, вѣроятно, раньше
лъ римскій гарнизонъ (см. мои замѣчанія къ двумъ найденнымъ въ
зіи латинскимъ надписямъ въ *Изв. Имп. Арх. Комм.* в. 10, стр. 5 сл.
1 сл.): двухъ солдатъ этого гарнизона называетъ надпись въ честь
ипповъ 248 г. по Р. Хр. (*Изв.* l.l., стр. 5, n. 4); возможно, что ветера-
ı были нѣкоторые изъ жившихъ въ Ольвіи римскихъ гражданъ (ibid.,
ı 8).

Африканская надпись (CIL. VIII, 619), называющая командира
ъ войскъ, стоявшихъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря, не оста-
а сомнѣнія въ томъ, что и Ольвія входила въ число занятыхъ рим-
ıи гарнизонами городовъ, и заставляла думать, что ея vexillatio
ояла изъ тѣхъ же элементовъ, что и херсонесская. Точныя, однако,
ıыя доставила намъ только разбираемая здѣсь надпись.

Въ виду этого значенія нашей надписи особенно важно опредѣ-
, къ какому времени она принадлежитъ. Въ гробницѣ, закладомъ
рой служила плита, найдены были три гроба съ тремя скеле-
ı. Въ рукахъ одного изъ этихъ скелетовъ найдено было 10 монетъ.
еты эти оказались принадлежащими: одна—Каракаллѣ (Cohen [1]) III,
483—216 г.), одна—Элагабалу (Cohen III, 526 n. 91—221 г.), двѣ—
:ру Александру (одна—Cohen, IV, 23, 172—230 г., другая точнѣе
ıпредѣлима), одна—Гордіану (Cohen IV, 137, 109—241 г.), одна—
иппу Младшему (Cohen IV, 219, 20 — 245 г.), одна — Отациліи
ıen IV, 207, 9 или 10), одна—Децію (Cohen IV, 234, 16) и, нако-
ь, одна—Валеріану Старшему (Cohen IV, 327,121) [2]). Находка мо-
ı и сама по себѣ чрезвычайно любопытна: она доказываетъ, что хо-
е мнѣніе о разрушеніи Ольвіи въ самомъ началѣ готскаго движенія

[1]) Цитирую Cohen'a по первому изданію, бывшему у меня подъ рукой при
дѣленіи монетъ.

[2]) Одна стертая монета принадлежитъ, вѣроятно, Септимію Северу.

несомнѣнно несостоятельно [1]). Взятіе Ольвіи готами, если и не становится сомнительнымъ, то во всякомъ случаѣ должно быть отнесено ко второй половинѣ III в. Не случайно то, что крупные набѣги борановъ, готовъ, геруловъ и др. начинаются только со времени крупныхъ неудачъ Валеріана. Возможно, какъ я указывалъ и раньше, что Ольвія и вообще разрушена не была, а продолжала жить и послѣ захвата ея варварами.

Для вопроса о времени нашей надписи находка монетъ важна постольку, поскольку она не позволяетъ думать о времени болѣе позднемъ, чѣмъ конецъ II в. до Р. Хр. [2]). Ко второму вѣку позволяетъ отнести ее и форма буквъ надписи и тщательность ихъ вырѣзки. Другой terminus даетъ упоминаніе XI Клавдіева легіона. Одиннадцатый легіонъ перешелъ на стоянку въ Мэзію, а слѣдовательно началъ поставлять солдатъ для южно-римскихъ гарнизоновъ только при Траянѣ или Адріанѣ [3]). Нашъ солдатъ такимъ образомъ не могъ появиться въ Ольвіи раньше средины II в. Весьма вѣроятно, какъ я предположилъ еще раньше, что и вообще гарнизонъ появился въ Ольвіи не раньше извѣстнаго похода Антонина Пія, косвеннымъ подтвержденіемъ чему можетъ служить и наша надпись [4]). Любопытно въ надписи и то, что она рисуетъ намъ жизнь солдатъ въ отдаленныхъ гарнизонахъ. То, что Галерій Монтанъ ставитъ памятникъ своей старушкѣ-матери, заставляетъ думать, либо что онъ былъ родомъ изъ Ольвіи (въ это время легіоны набирались сплошь въ провинціяхъ), либо что онъ взялъ съ собою въ отдаленную стоянку, пользуясь своею принадлежностью къ principales, свою старушку-мать и, вѣроятно, всю свою семью. И то, и другое въ одинаковой мѣрѣ иллюстрируетъ какъ долговременность пребыванія солдатъ въ извѣстныхъ пунктахъ, такъ и ихъ связь со стоянкой, гдѣ они жили и до Септимія Севера совсѣмъ по домашнему.

Разбираемая надпись даетъ новый примѣръ солдата, принадлежавшаго къ категоріи тѣхъ, которыхъ положеніе обозначается указа-

---

[1]) См. *Извѣстія*, в. 23, стр. 4, ср. 10, стр. 6.

[2]) Нужно было время для того, чтобы возможно было взять камень съ гробницы и употребить его для другой цѣли.

[3]) См. B. Filow, Die Legionen der Provinz Moesien, 65 (высказывается за время Траяна) и H. van de Weerd, Etude historique sur trois légions romaines du Bas-Danube, стр. 400 (высказывается за время Адріана).

[4]) Ср. *Ж. М. Н. Пр.* 1900, мартъ, о. кл. фил. с. 144 сл.

мъ на ихъ принадлежность къ armatura. Роль и назначеніе этихъ
датъ въ жизни легіона и преторіанскихъ когортъ до сихъ поръ точно
опредѣлены, но нѣкоторыя данныя позволяютъ думать, что передъ
и—солдаты, прошедшіе или проходившіе особый курсъ воинской выучки,
сетъ быть для того, чтобы изъ обыкновенныхъ рядовыхъ перейти къ
ѣе высокимъ степенямъ. Такое заключеніе позволяетъ сдѣлать возста-
ленная Домашевскимъ (Pauly-Wissowa RE. II, 1178) надпись CIL.
, 3736: [ev]oc(atus) Aug(usti) exercit(ator) [ar]maturar(um), ср. VI, 2699
объясненіе, данное слову armatura Лидомъ (de mag. I, 46: ὁπλομελέτῃ).
о солдаты armatura, обучаясь сами, обучали и другихъ, вполнѣ воз-
жно, но во главѣ обученія солдатъ стояли, какъ извѣстно, особые
mpidoctores [1]).

М. Ростовцевъ.

[1]) Объ armatura, кромѣ указанной статьи Домашевскаго, см. его же Die
ligion des römischen Heeres, 32 сл. и Cagnat, Les deux camps de la légion III
guste à Lamabèse (*Mémoires de l'Académie*, XXXVIII, 39, 10). Древнѣйшее свидѣтель-
во объ armatura принадлежитъ времени Домиціана: CIL. XIII, 6895; Dessau, 2362, ср.
L. XIII, 6999. Часто упоминается collegium и schola armaturarum, см. Dessau
63=CIL. III, 10435 (211—222 p. Chr.); CIL. XIII, 8330, ср. Cagnat l.l. и Dessau 5902;
L. X 3344, особенно часто послѣдняя въ послѣ-Діоклетіановское время, см. Dessau,
33 и приведенныя имъ указанія Notitia dignitatum. Инструкторами въ легіонныхъ
матурахъ были воспитанники преторіанской арматуры.

Три свинцовыя пластинки съ надписями изъ Ольвіи.

Въ коллекціи П. А. Маврогордато въ Одессѣ имѣются, между прочимъ, три свинцовыя пластинки съ греческими надписями, найденныя въ трехъ смежныхъ гробищахъ въ Ольвіи, къ сѣверу отъ большого кургана со склепомъ, открытымъ въ 1902—1903 годахъ Б. В. Фармаковскимъ [1]), около теперешней телеграфной станціи. Занимаясь въ настоящее время весьма затруднительнымъ чтеніемъ надписи на свинцовой пластинкѣ, найденной мною въ 1906 году въ Керчи (разобранная часть этой надписи издана въ Archäologischer Anzeiger 1907, II, ст. 127 сл.), и стараясь собрать, по возможности, весь до сихъ поръ извѣстный матеріалъ такого рода, найденный въ южной Россіи [2]), я обратился къ П. А. Маврогордато съ просьбой разрѣшить мнѣ издать его пластинки съ надписями. Г. Маврогордато съ обычною любезностью прислалъ мнѣ дощечки и разрѣшилъ издать ихъ въ „Извѣстіяхъ Имп. Арх. Ком-

---

[1]) См. *Изв. И. Арх. Комм.*, в. 13.

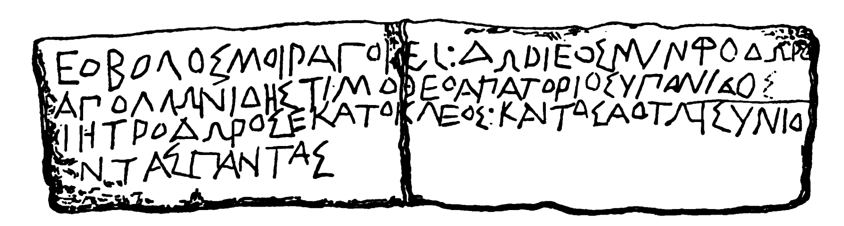
[2]) О табличкахъ, найденныхъ на югѣ Россіи до 1899 года, трактуетъ статья Е. М. Придика: «Греческія заклятія и амулеты изъ южной Россіи» (*Ж. М. Нар. Просв.*, декабрь 1899, отд. класс. фил., стр. 115 сл.). Съ того времени сдѣлалось извѣстнымъ только частное письмо на свинцовой дощечкѣ, изданное В. В. Латышевымъ въ *Извѣстіяхъ Имп. Арх. Комм.*, вып. 10, стр. 10 сл. (ср. также вып. 14, стр. 138 сл.). Мнѣ кажется страннымъ, что R. Wünsch (Defixionum tabellae. Berolini 1897, стр. XVIII, прим. 1) и Aug. Audollent (Defixionum tabellae. Lutetiae Parisiorum 1904, стр. 142 и 144. №№ 90 и 92) неправильно указали мѣста находки двухъ дощечекъ, найденныхъ въ Керчи. Мнѣ хорошо извѣстно, что дощечка № 90 была найдена въ Керчи и куплена въ 1898 или 1899 году А. В. Новиковымъ у торговца древностями Е. Запорожскаго.

сіи“, за что я считаю своимъ долгомъ принести ему и здѣсь искрен-
о благодарность [1]).

Всѣ три пластинки имѣютъ форму четырехугольниковъ, верхняя и
:няя стороны которыхъ длиннѣе боковыхъ. На самой большой пла-
ікѣ (№ III) вырѣзано частное письмо, прочія двѣ содержатъ списки
клинаемыхъ лицъ [2]).

I.

Свинцовая пластинка выш. 0,03, шир. 0,135 м., сломанная, вѣро-
о, при развертываніи или чисткѣ на двѣ части; на ней вырѣзаны
полныя строки и приблизительно одна треть четвертой. Слѣдовъ
гвоздей нѣтъ. Надпись сохранилась прекрасно и читается безъ вся-
къ затрудненій. Послѣ второго и десятаго именъ поставлены двоеточія.
нимокъ исполненъ въ $^3/_4$].



Εὔβο(υ)λος Μοιραγόρεω : Δωριεὸς Νυνφοδώρο(υ),
Ἀπολλωνίδης Τιμοθέο(υ), Ἀπατο(ύ)ριος Ὑπάνιδος,
Μητρόδωρος Ἑκατοκλέος : καὶ το(ὺ)ς αὐτῶι συνιό-
ντας πάντας.

Эта надпись, представляющая собою весьма интересный образчикъ
ическаго нарѣчія, отличается отъ подобныхъ аттическихъ заклятій
ъ, что въ ней къ именамъ проклинаемыхъ прибавлены имена отцовъ,
нѣтъ на дощечкахъ, находимыхъ въ Аттикѣ. Соединеніе винитель-
о падежа съ предшествующими собственными именами, поставлен-
ги въ именительномъ падежѣ, напоминаетъ аттическія заклятія, из-
ныя въ упомянутыхъ сборникахъ Вюнша (№№ 37—39) и Одоллана

[1]) [Впослѣдствіи г. Маврогордато, чрезъ посредство автора этой статьи, съ
ньшею любезностью предоставилъ издаваемыя здѣсь пластинки въ полное распо-
ніе Имп. Археологической Коммиссіи. *Ред.*].

[2]) [Тексты надписей представляются въ факсимиле, которыя исполнилъ съ по-
нниковъ Н. Е. Макаренко. *Ред.*].

(№№ 60—63); интересную параллель мы видимъ также въ сборникѣ Вюнша въ №№ 42, 44 и 57, гдѣ послѣ ряда собственныхъ именъ, стоящихъ въ имен. падежѣ, слѣдуютъ формулы: καταδίδημι τούτους ἅπαντας, τούτους πάντας καταδῶ и пр. Слова надписи καὶ τοὺς αὐτῷ (судя по двоеточіямъ, подъ αὐτῷ подразумѣвается Еввулъ, сынъ Мирагора) συνιόντας πάντας равняются по смыслу выраженіямъ: καὶ τοὺς συμπράττοντας, καὶ τοὺς μετὰ τοῦ δεῖνος πάντας и пр., извѣстнымъ изъ аттическихъ наговоровъ. Изъ личнымъ именъ, вырѣзанныхъ на дощечкѣ, встрѣчаются впервые па ольвійскихъ памятникахъ: Εὔβουλος, Μοιραγόρης, Δωριεός [1]. Ἀπολλωνίδης и Ἑκατοκλῆς; вмѣсто формы Ὑπάνιος, извѣстной изъ IosPE. I, 78, на пластинкѣ ясно читается Ὑπάνιδος.

II.

Свинцовая пластинка выш. 0,06—0,075, шир. 0,095 м. Всѣ четыре угла были когда-то загнуты къ серединѣ той стороны, на которой вырѣзаны письмена, затѣмъ пластинка была сложена вдвое и по краямъ короткихъ сторонъ пробита тремя гвоздями. Верхняя часть лицевой стороны пластинки покрыта шестью строками прекрасно сохранившейся надписи, содержащей одни имена проклинаемыхъ противниковъ. Подъ серединой первой строки и между четвертой и пятой виднѣются линейки, по которымъ были вырѣзаны буквы надписи. [Снимокъ въ натур. величину см. на стр. 71].

Πόσις, Εὔπολις, Φαίδιμος, Ποσειδώνιος,
Βάκχιος, Νεύπολις [2]), Θαρσῆς, Ἀθήναιος, Ἀπολ-
λόδωρος, Λεοντίσκος, Ποσειδώνιος, Νευμή-
νιος, Προμηθίων, Δημόπολις, Διονύσιος,
5 Νεστορίων, Κοκκίων, Ναννᾶς, Διονύσιος,
Θρασύβουλος, Δωριεύς, Πόλλις.

---

[1]) [По нашему мнѣнію слѣдуетъ читать не Δωρί(θ)εος, какъ читаетъ авторъ. Δωριεός = Δωριεύς. Ср. ниже № 2.— В. Латышевъ].

[2]) [Вѣрнѣе, кажется, читать: Βακχίων, Εὔπολις. В. Л.]

Послѣ долгихъ усилій мнѣ удалось прочитать на пластинкѣ слѣдующее письмо.

1 ΣΠΕΡΣΕΗΜΕΙΣΟΥΓΕΙΝΩΣΚΟΜΕ
ΝΟΥΤΩΣΕΥΠΟ▒ΙΣΚΑΙΔΙΟΝΥΣΙΟΣ
ΜΑΚΑΡΕΥΣΑΡΙ▒ΤΟΚΡΑΤΗΣ
ΚΑΔΗΜΟΠΟΛΙΣ▒ΩΜΑΙΟΣ
5 ΗΡΑΓΟΡΗΣΕΠΙ▒ΙΝΟΝΠΡΑΓΜΑΠΑΡΑ
ΓΕΙΝΟΝΤΑΙΚ▒ΙΛΕΠΤΙΝΑΣ
ΕΠΙΚΡΑΤΗΣΕΣΤΙΑΙΟΣ
ΕΠΟΤΙΠΡΑΓΜΑ▒ΑΡΕΙΝΟΝΤΑΙΕΠΟΤΙ
ΝΑΜΑΡΤΥΡΙΩΝ▒ΤΟΙΝΩΗΣΑΝ
10 Ω ΕΗΜΕΙΣΣΕ▒ΝΔΕΜΟΙΑΥΤΟΥΣ
ΚΑΤΑΣΧΗΣΚΑΙΜ▒ΛΑΒΗΣΕΠΩΔΕΣΕ
ΤΕΙΜΗΣΩΚΑΙΣ▒ΑΡΙΣΤΟΝΔ▒Ι
▒ΟΝΠΑΡΑΣΚΕ▒ *vacat*

1. [῞Ω]σπέρ σὲ ἡμεῖς οὐ γεινώσκομε-
ν οὔτ' ὡς Εὔπο[λ]ις καὶ Διονύσιος,
Μακαρεύς, 'Αρι[σ]τοκράτης
κα(ὶ) Δημόπολις, [Κ]ωμαῖος (или [῾Ρ]ωμαῖος),
5. ῾Ηραγόρης ἐπὶ [κα]ινὸν πρᾶγμα παρα-
γείνονται κ[α]ὶ Λεπτίνας,

'Επικράτης, 'Εστι[α]ῖος
ἐπ' ὅτι πρᾶγμα [π]αρ(αγ)είνονται, ἐπ' ὅ(ν)τι-
να μαρτυρίην ο[ὗ]τοι (ἐ)ν(ό)ησαν,
10. ὧ[δ]ε ἡμεῖς σὲ (sc. ἱκετεύομεν), [ἵ]να ἐμοὶ αὐτοὺς
κατάσχῃς καὶ μ[ετα]λάβῃς· ἐπ' ᾧδε σὲ
τειμήσω καὶ σ[οὶ] ἄριστον δῶ(ρ)-
ρον παρασκε[υάσω] [1]).

Содержаніе этого анонимнаго письма [2]) не вполнѣ ясно; кажется, звѣстный намъ ольвіецъ, боясь неблагопріятныхъ для него показаній ечисленныхъ въ письмѣ лицъ, обращается къ судьѣ съ просьбой допустить ихъ въ судъ или остановить ихъ, за что и предлагаетъ дать тку.

Въ первой строкѣ въ словѣ γινώσκομεν сначала было написано A, ѣмъ было переправлено въ Ω. Въ концѣ предпослѣдней строки написаны неясныя буквы, вслѣдствіе чего мое чтеніе δῶρον едвали можно считать вильнымъ; мнѣ кажется, что я вижу слово δίφ|ρον, но я не вполнѣ ренъ въ этомъ. Въ 10-й строкѣ, если мое чтеніе вѣрно, надо доба-ъ ἱκετεύομεν или другой подобный глаголъ и примириться съ рѣдкой струкціей съ ἵνα (ср. Dem. de corona § 155: πρεσβεῦσαι πρὸς Φίλιπ-τὸν Μακεδόνα καὶ ἀξιοῦν, ἵνα βοηθήσῃ; въ заклятіяхъ болѣе поздняго скаго времени часто встрѣчается выраженіе ἐξορκίζω, ἵνα κτλ.: R. ünsch, Sethianische Verfluchungstafeln aus Rom; Audollent въ ук. . стр. 198 сл).

Изъ перечисленныхъ въ письмѣ именъ большая часть встрѣчается Ольвіи въ первый разъ: Εὔπολις (ср. № II), Μακαρεύς, Δημόπολις, Κω-ος (Bechtel-Fick, стр. 182), Ἡραγόρης и Λεπτίνας.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о времени, къ которому дуетъ отнести эти три надписи. По характеру письма самою древнею

[1]) [Въ стр. 2-й не лучше ли читать οὕτως? Возстановленіе 2-й части документа, тр. 8-й, намъ кажется сомнительнымъ. Не найдя вполнѣ удовлетворительнаго становленія для строкъ 8, 9 и половины 10-й, мы предложили бы послѣднюю часть писи, со 2-й половины стр. 10-й, читать такъ: 'Ε[ὰ]ν δέ μοι αὐτοὺς κ[ατ]άσχῃ[ς] καὶ αλ]άβῃς, ἐπ' ᾧδε σὲ τειμήσω καί σ[οι] ἄριστ[ον δῶ]ρον παρασκε[υάσω]. В. Л.]

[2]) О рѣдкости употребленія свинца въ качествѣ матеріала для письмъ см. за-аніе В. В. Латышева въ *Изв. Имп. Арх. Коммиссіи*, вып. 10, стр. 11 и 12.

нужно считать надпись № I: въ ней буквы M N П Σ Φ и Ω имѣютъ форму, указывающую на IV в. до Р. Хр.; къ этому времени подходятъ также типичные іонизмы, орѳографія (ο=ου) и два раза поставленное двоеточіе. Вторымъ по времени является, на нашъ взглядъ, письмо (№ III): съ одной стороны колебаніе между формами буквы Σ и C, а съ другой начертаніе словъ γειν͂ώσκομεν, παραγείνονται и τειμήσω (Meisterhans, § 15) наводятъ на мысль, что письмо было составлено въ I в. до Р. Хр. Къ этому же столѣтію относится и надпись № II. Можно даже съ увѣренностью высказать мнѣніе, что обѣ эти надписи относятся къ 1-й половинѣ I вѣка до Р. Хр.: почти полное отсутствіе варварскихъ именъ (изъ 27 именъ только одно Ναννᾶς взято изъ чужого языка) ясно доказываетъ, что надписи были вырѣзаны до разоренія Ольвіи гетами, т. е. въ то время, когда въ эту греческую колонію не нахлынула еще масса варваровъ, упомянутыхъ Діономъ въ Борисѳенской рѣчи (or. XXXVI, p. 48: σφόδρα ταπεινὰ τὰ πράγματα κατέστη τῶν ταύτῃ Ἑλλήνων... καὶ τῶν πλείστων βαρβάρων εἰς αὐτὰς συρρυέντων [1]).

Керчь, 12 ноября 1907 г.

В. Шкорпилъ.

---

[1]) В. В. Латышевъ, Scythica et Caucasica. I, стр. 172. Ср. его же Изслѣдованія объ исторіи и госуд. строѣ г. Ольвіи, гл. V. Новыя данныя о Бурвистѣ, виновникѣ ольвійскаго погрома, заключаетъ въ себѣ Діонисопольскій декретъ, изданный В. В. Латышевымъ въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* Мартъ 1896 = G. Dittenberger, Sylloge I³, № 342.

Ольвійскіе культы.

По статьѣ G. M. Hirst: „The cults of Olbia“ въ „The Journal of Hellenic studies“. London.

[Названная статья представляетъ достаточно полный сводъ литературныхъ, эпиграфическихъ и нумизматическихъ данныхъ о религіозной жизни Ольвіополитовъ, еще не имѣющійся въ русской литературѣ. Поэтому редакція «Извѣстій», имѣя въ виду, что «Journal of Hellenic Studies» сравнительно мало распространенъ въ русскихъ библіотекахъ, признала желательнымъ дать русскимъ читателямъ, интересующимся судьбами древней Ольвіи, переводъ этой статьи. Сравнительно съ англійскимъ оригиналомъ, въ переводъ внесены слѣдующія измѣненія и дополненія: 1) помѣщенные въ статьѣ рисунки нѣкоторыхъ ольвійскихъ монетъ по экономическимъ соображеніямъ исключены и замѣнены указаніями на соотвѣтствующіе рисунки въ извѣстномъ каталогѣ П. О. Бурачкова; 2) указаны въ подлежащихъ мѣстахъ статьи на русскомъ языкѣ, относящіяся къ Ольвійскимъ культамъ, и 3) эпиграфическія данныя, приводимыя авторомъ, пополнены указаніями на надписи, открытыя въ Ольвіи въ послѣдніе годы, послѣ появленія въ свѣтъ англійскаго оригинала статьи, и изданныя въ разныхъ выпускахъ «Извѣстій». Всѣ эти дополненія и поправки, внесенныя В. В. Латышевымъ, отмѣчены прямыми скобками. *Ред.*].

Часть I [1]).

Въ предлагаемомъ изслѣдованіи авторъ поставилъ задачею свести въ одно цѣлое всѣ дошедшія до насъ, хотя бы и отрывочныя, но достовѣрныя свѣдѣнія, которыя могли бы нѣсколько освѣтить вопросъ о культахъ Ольвіи,—колоніи, основанной Милетянами при устьѣ Борисѳена около 647 г. до Р. Х. [2]). Но предварительно слѣдуетъ указать вкратцѣ,

---

1) The J. H. S. Vol. XXII (1902), p. 245.

2) По Евсевію (Hieron.). Ср. Busolt, Gr. Gesch., т. II², стр. 483, прим. 4. Holm (History of Greece, англ. перев., т. I, стр. 296) говоритъ: «Даты основанія восточныхъ колоній (Милета) требуютъ новѣйшихъ изслѣдованій». Всетаки вышеуказанную дату можно считать приблизительно правильною. См. Страб. VII, 306.

почему Ольвія имѣетъ право на изслѣдованіе, спеціально ей посвященное. Всѣ вообще греческія поселенія на сѣверномъ берегу Чернаго моря должны были имѣть много характерныхъ чертъ, которыя отличали ихъ отъ греческихъ колоній, основанныхъ въ иныхъ мѣстахъ, но Ольвія, которую можно разсматривать, какъ типичный во многихъ отношеніяхъ городъ данной мѣстности, кромѣ того, несомнѣнно имѣла и свой особый, индивидуальный характеръ. Собственно говоря, Ольвія не была самымъ сѣвернымъ изъ греческихъ поселеній, такъ какъ таковымъ является Танаидъ, при устьѣ рѣки того же имени; но Ольвія настолько превысила эту послѣднюю колонію по своему значенію, что по справедливости должна быть разсматриваема, какъ наиболѣе сѣверный пунктъ, гдѣ греческая цивилизація достигла высокаго развитія. Что въ Ольвіи была высокая культура, это ясно видно изъ повѣствованія Геродота, а также и изъ другихъ источниковъ, которыми мы располагаемъ. Разумѣется, греческая цивилизація подъ сѣвернымъ небомъ должна была носить совершенно иной характеръ, чѣмъ на Средиземномъ морѣ. Не можемъ ли мы, несмотря на длинный рядъ вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ той эпохи, выяснить, въ чемъ именно заключалось указанное различіе, и составить себѣ столь же ясное представленіе о гражданахъ Ольвіи, какъ и объ обитателяхъ греческаго Архипелага или Сициліи? По всѣмъ вѣроятностямъ, это—идеалъ, котораго мы не достигнемъ, но все же задача является слишкомъ заманчивой, чтобы отказаться отъ попытокъ ея рѣшенія. Теорія Белоха [3]), что истинно греческая колонизація была невозможна въ мѣстности, гдѣ маслина и виноградъ либо вовсе не существовали, либо произрастали только въ защищенныхъ мѣстахъ, и что только горькая нужда или жажда наживы могла заставить Грековъ удаляться такъ далеко отъ ихъ южной родины, безусловно не выдерживаетъ критики, по крайней мѣрѣ въ той крайней формѣ, въ какой онъ ее устанавливаетъ. Правда, Геродотъ упоминаетъ о крайней суровости мѣстной зимы (IV, 28), но съ другой стороны онъ съ увлеченіемъ повѣствуетъ о красотѣ и плодородіи Борисѳена и его бассейна (IV, 53). Отъ Геродота, конечно, мы имѣемъ описаніе скорѣе матеріальнаго значенія, чѣмъ художественныхъ красотъ рѣки; поэтому, чтобы иллюстрировать красоту, а также коммерческое значеніе Борисѳена,

---

[1]) Gr. Geschichte, I. 194, 5.

мы приведемъ отрывокъ изъ описанія современнаго путешественника: „Послѣ того, какъ теченіе рѣки (Днѣпра, т. е. Борисѳена) достигаетъ ширины почти въ одну лигу, она развѣтвляется на множество протоковъ, которые извиваются среди лѣсовъ изъ дуба, ольхи, тополя и осины; могучій ростъ этихъ деревьевъ доказываетъ богатство дѣвственной почвы, на которой они растутъ. Группы островковъ, причудливо разсѣкающихъ поверхность водъ, отличаются тою меланхоличной красотой, тѣмъ примитивнымъ характеромъ, который можно встрѣтить только въ обширныхъ пустыняхъ, гдѣ человѣкъ еще не оставилъ слѣдовъ своего пребыванія“ [1]).

Послѣдняя фраза невольно заставляетъ вспомнить Тысячу Островковъ (the Thousand Islands), а затѣмъ Квебекъ и иныя канадскія поселенія, расположенныя еще сѣвернѣе, гдѣ столь много французовъ проводятъ свою жизнь и дѣлаются основателями колоніальныхъ фамилій. Если даже французы, нерасположеніе которыхъ къ колонизаціи общеизвѣстно, могли устраиваться въ Квебекѣ, то, конечно, нельзя считать невозможнымъ, чтобы Милетяне и иные Греки обосновывались въ Ольвіи, которая, хотя и находится почти на одной широтѣ съ Квебекомъ, но имѣетъ болѣе мягкій климатъ (ср. „лѣса изъ дуба и тополя“ съ малорослыми деревьями и кустами въ низовьяхъ рѣки Св. Лаврентія). При этомъ до Ольвіи можно было доѣхать каботажнымъ плаваніемъ, а не нужно было совершать путешествія черезъ открытый Атлантическій океанъ. Затѣмъ слѣдуетъ принять въ расчетъ и ту отвагу, которая являлась характерной чертой Грековъ и благодаря которой самое несходство „новыхъ мѣстъ“ съ отдаленной родиной являлось дополненіемъ къ привлекательности ихъ. Конечно, типичный аѳинянинъ врядъ-ли сталъ бы съ удовольствіемъ жить въ Ольвіи, подобно тому, какъ настоящій парижанинъ—въ Квебекѣ, но вѣдь не всѣ же Греки отличались аѳинскими вкусами. Дальнѣйшее утвержденіе Белоха объ отсталости городовъ сѣвернаго побережья Понта Евксинскаго въ искусствахъ и литературѣ также требуетъ нѣкотораго измѣненія. Геродотово описаніе (IV, 72) дворца Скила въ Ольвіи, окруженнаго сфинксами и грифами изъ бѣлаго мрамора, отнюдь не указываетъ на равнодушіе къ скульптурѣ; такое же значеніе имѣетъ находка среди развалинъ

[1]) Путешествіе г-жи de Hell, приводимое Rawlinson'омъ къ Герод. IV, 53.

Ольвіи пьедестала, который могъ принадлежать статуѣ работы Праксителя [1]).

Слѣдуетъ также обратить вниманіе на указаніе Ксенофонта объ отправкѣ книгъ на греческихъ корабляхъ къ сѣвернымъ берегамъ Понта Евксинскаго [2]). Если говорить о состояніи искусствъ во всей этой странѣ вообще, то будетъ достаточно указать на открытія, сдѣланныя въ могилахъ Керчи, на мѣстѣ древняго Пантикапея, и на замѣчательно красивыя серіи монетъ, чеканенныхъ этимъ городомъ.

Вышесказаннымъ можно ограничиться для выясненія, что Ольвія была греческимъ городомъ съ вполнѣ опредѣленными характерными чертами, которыя даютъ ей полное право служить предметомъ разносторонняго изученія. Предлагаемое изслѣдованіе ограничивается культами Ольвіи, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и приступаемъ.

Матеріалы, которыми мы располагаемъ для изученія культовъ Ольвіи, могутъ быть подраздѣлены на слѣдующія 4 категоріи: 1) надписи, 2) монеты, 3) произведенія искусства и т. д., которыя были открыты при раскопкахъ въ мѣстности древней Ольвіи или въ ея округѣ, и 4) свѣдѣнія изъ литературныхъ источниковъ. Однако, всѣ эти матеріалы, будучи, сравнительно, весьма обильными для позднѣйшаго періода исторіи Ольвіи, т. е. послѣ разрушенія города гетами, около 65—60 г. до Р. Х., и послѣдующаго его возстановленія, наоборотъ, очень скудны для болѣе ранней эпохи, именно когда знаніе культовъ имѣло бы громадное значеніе для изученія греческой религіи вообще и характера ея въ различныхъ колоніяхъ—въ частности.

Первый вопросъ, который слѣдуетъ разобрать, это—была ли связь, а если была, то какая, между религіями первыхъ ольвійскихъ колонистовъ и ихъ сосѣдей Скиѳовъ. Были ли усвоены божества и легенды Сарматіи для нуждъ греческой гражданской религіи съ самаго начала, или же Греки покинули Милетъ подъ особымъ покровительствомъ Аполлона и продолжали чтить главнѣйше боговъ родного города, принявъ

---

[1]) Latyschew, Inscr. ant. orae sept. Ponti Eux., I, 145. Loewy, Inschr. Gr. Bildhauer, 76a, p. 383, приводитъ эту надпись изъ сборника Латышева и одобряетъ его идентификацію. Онъ указываетъ, что Плиній (N. H. XXXVI, 22) упоминаетъ объ Эротѣ Праксителя, находившемся въ Паріонѣ на Пропонтидѣ. Письмена этой надписи относятся къ IV-му вѣку до Р. Х.—Ср. у Латышева, IV, 82, мраморный пьедесталъ изъ Херсонеса съ надписью Πολυκράτης ἐπόησε, съ примѣчаніемъ издателя.

[2]) Ксенофонтъ, Анаб., VII, 5, 14.

ь эклектизмомъ, присущимъ греческой религіи, въ свой городъ боговъ ѣхъ государствъ, съ которыми они имѣли частыя сношенія? Всякая опытка разрѣшенія этой задачи должна быть основана на детальномъ зученіи отдѣльныхъ культовъ, поскольку то позволяютъ дошедшія до асъ извѣстія о нихъ; но одинъ изъ культовъ настолько важенъ для ашего изслѣдованія, что мы уже здѣсь попытаемся выяснить его происхожденіе.

Культъ Ахилла Понтарха былъ стариннымъ и широко распрограненнымъ по всему сѣверному побережью Понта Евксинскаго. стровъ Левка былъ главнымъ святилищемъ этого культа, но и въ львіи ему принадлежало выдающееся мѣсто. Мы имѣемъ свидѣтеля ществованія этого культа на Евксинѣ въ концѣ седьмого или началѣ естого вѣка до Р. Х. въ лицѣ Алкея [1]): Ἀχίλλευ ὃ γᾶς Σκυθίκας μέδεις. ультъ Ахилла на Левкѣ былъ хорошо извѣстенъ Пиндару: ἐν δ' Εὐξείνῳ ελάγει φαενναν Ἀχιλεὺς νᾶσον (ἔχει) [2]).

Каково же было происхожденіе этой ранней локализаціи Ахилла ı Черномъ морѣ?

Келеръ [3]) полагаетъ, что ранніе милетскіе колонисты нашли уже ультъ Ахилла прочно установившимся среди туземцевъ своего новаго течества и переняли его отъ нихъ. Довольно трудно найти свидѣльства, которыя могли бы быть приведены въ подтвержденіе этой оріи, и, наоборотъ, много есть фактовъ, которые опровергаютъ ее.

Прежде всего, Геродотъ говоритъ (IV, 59), что единственными божествами, которыхъ почитаютъ Скиѳы, являются во-первыхъ Гестія, воорыхъ Зевсъ и Земля, затѣмъ Аполлонъ и Афродита Уранія и, наонецъ, Гераклъ и Арей.

Конечно, Геродотъ не преминулъ бы назвать Ахилла, если бы онъ влялся объектомъ выдающагося культа, въ особенности, когда онъ упоинаетъ о Гераклѣ. Тотъ фактъ, что онъ не говоритъ о культѣ Ахилла Ольвіи, разумѣется не равноцѣненъ доказательству. Къ несчастію для асъ, онъ не описываетъ греческихъ колоній на Понтѣ Евксинскомъ, къ какъ онъ вполнѣ могъ предполагать, что онѣ были уже хорошо

[1]) Bergk, Lyrici Gr., 48. B.; приводится у Eustath., ad Dionys. Per., 306.

[2]) Nem. IV, 49.

[3]) Mémoires sur les îles et la course consacrées à Achille dans le Pont Euxin. Pétersb. 1827 (*Mém. de l'Ac. Imp. des sciences*, ser. V, vol. X).

извѣстны его читателямъ; но за то онъ даетъ весьма полное описаніе нравовъ и обычаевъ Скиѳовъ и притомъ такое, которое считаютъ вообще вполнѣ точнымъ по существу. Мы обязаны очаровательной небольшой картинкой Ольвіи, которую оставилъ намъ Геродотъ (IV, 78, 79), исключительно связи ея съ судьбой скиѳскаго царя Скила, и упоминанія о культахъ ея, несмотря на всю ихъ цѣнность, являются совершенно случайными.

Затѣмъ, неужели можно повѣрить, чтобы Скиѳы и иныя варварскія племена сѣвернаго побережья Понта Евксинскаго были хорошо знакомы съ подвигами Ахилла или пожелали его обожествить? Подобная теорія совершенно не гармонировала бы со всѣмъ тѣмъ, что намъ извѣстно о характерѣ и религіи этихъ народовъ. Даже если предположить, что Скиѳы обожествили своего туземнаго героя, котораго Греки впослѣдствіи отождествили съ Ахилломъ (предположеніе врядъ-ли допустимое, такъ какъ исторія Ахилла была особенно замѣчательна), то и это предположеніе не могло бы содѣйствовать утвержденію теоріи Келера: вѣдь почему бы Греки тотчасъ усвоили этотъ культъ, еслибы они въ своихъ умахъ уже не установили тѣсной связи между Ахилломъ и Чернымъ моремъ? Необходимо помнить, что здѣсь мы не имѣемъ дѣла съ немедленнымъ почти смѣшеніемъ греческихъ колонистовъ и туземцевъ, подобно тому, какъ это произошло въ Великой Греціи; изъ свидѣтельства Геродота, писавшаго почти 150 лѣтъ спустя послѣ основанія Ольвіи, мы видимъ, насколько чужды еще были для Грековъ скиѳскіе обычаи. Другое указаніе на чувство племенного различія мы встрѣчаемъ на рисункахъ вазъ, найденныхъ на сѣверномъ побережьѣ [1]). Здѣсь попадаются Скиѳы (если мы должны ихъ такъ называть) чисто русскаго типа, занятые укрощеніемъ коней, или же находящіеся въ обществѣ грифовъ, которыми воображеніе Грековъ населяло сѣверныя степи. Соединеніе этихъ изображеній съ чисто греческими фигурами миѳологическихъ сценъ на этихъ вазахъ свидѣтельствуетъ, повидимому, о полнѣйшемъ расовомъ различіи.

Тотъ фактъ, что Геродотъ упоминаетъ о женитьбѣ Скила на гречанкѣ изъ Ольвіи, также подтверждаетъ этотъ взглядъ: вѣдь если бы случаи подобныхъ браковъ были обычны, то не стоило бы упоминать о нихъ.

[1]) Stephani, Compte rendu de la comm. archéolog. (passim): Antiquités du Bosph. Cimm., pl. 45, 46 (ваза Ксенофанта).

Насколько намъ извѣстно, милетскій поэтъ Арктинъ является древнѣйшимъ греческимъ авторомъ, который въ своей поэмѣ „Эѳіоида“ устанавливаетъ посмертное мѣстопребываніе Ахилла на островѣ Левкѣ. Нынѣ Арктина относятъ обыкновенно къ VIII вѣку до Р. Х., т. е. къ болѣе ранней эпохѣ, чѣмъ даты принятыя для основанія милетскихъ колоній на Черномъ морѣ. Принимая на время даже эти даты, мы, тѣмъ не менѣе, можемъ предположить, что въ концѣ VIII вѣка до Р. Х. милетскіе выходцы уже пытали свое счастье на Евксинѣ, гдѣ, при почти полномъ отсутствіи острововъ, Левка особенно рельефно запечатлѣлась въ благодарной памяти греческаго моряка и заняла выдающееся мѣсто въ его морскихъ разсказахъ. Здѣсь былъ готовый матеріалъ для Арктина, точно такъ же, какъ болѣе 2400 лѣтъ спустя „вѣчно безпокойныя Бермуды“, изъ какого-либо матросскаго разсказа, дали Шекспиру матеріалъ для новаго произведенія [1]). Но намъ нѣтъ необходимости строить даже эти предположенія: если Милетяне начали уже предпринимать путешествія на востокъ, то милетскій поэтъ весьма естественно могъ помѣстить мѣстопребываніе Ахилла на мало извѣстномъ Евксинѣ. Острова Блаженныхъ и Элизіумъ являлись терминами съ измѣняющимся уже смысломъ [2]) Для поэта-патріота, который, быть можетъ, ясно сознавалъ, что распространеніе его родного государства должно было произойти въ восточномъ направленіи, было вполнѣ естественно помѣстить Блаженный островъ на восточномъ морѣ и такимъ образомъ отдать колонизацію своего города подъ покровительство охраняющаго это море божества. Имя Λευκή скорѣе намекаетъ на миѳологическій разсказъ; позднѣйшіе путешественники объясняли его скопленіемъ стай морскихъ птицъ на берегахъ его, но врядъ ли можно считать такое объясненіе названія острова достаточно удовлетворительнымъ, между тѣмъ какъ, если островъ Левка былъ уже извѣстенъ въ исторіи, то отождествленіе его съ островомъ, расположеннымъ противъ устья Истра, явилось почти неизбѣжнымъ, такъ какъ на Черномъ морѣ нѣтъ другихъ острововъ.

Однако, нельзя утверждать съ достовѣрностью, что Арктинъ жилъ такъ рано (въ восьмомъ вѣкѣ до Р. Х.). Если же можетъ быть установлено, что онъ жилъ позднѣе, то восточное направленіе его разсказа

[1]) Драма «Буря», изданная впервые въ 1623 г.
[2]) Pauly-Wissowa, Real-Encycl., I, p. 240.

легко объяснить. Гольмъ [1]) относитъ основаніе Синопы къ восьмому вѣку, повидимому, слѣдуя утвержденію Евсевія, что Трапезунтъ, колонія Синопы, былъ основанъ въ Олимп. 6,1 (756 до Р. Х.). По мнѣнію Белоха [2]), эта дата слишкомъ ранняя: онъ даетъ для основанія Синопы 630-й годъ до Р. Х. Во всякомъ случаѣ начало милетскихъ предпріятій на Евксинѣ можно считать, почти достовѣрно, современнымъ Арктину. Д. В. Менро [3]) считаетъ тотъ фактъ, что милетскій поэтъ первый указываетъ на Левку, какъ на мѣстопребываніе Ахилла, показателемъ той выдающейся роли, которую игралъ Милетъ въ дѣлѣ распространенія греческихъ религіозныхъ вѣрованій въ области Чернаго моря. Выборъ Левки помогаетъ „соединить Эфіопиду съ тѣмъ временемъ, когда іоническіе торговые города, изъ которыхъ Милетъ былъ главнымъ, начали усваивать религіозные обычаи, возникшіе послѣ временъ Гомера, въ честь національныхъ героевъ“. Велькеръ [4]) держится той же точки зрѣнія и цитируетъ Bernhardy (II, 153): апоѳеозъ героя на Левкѣ обнаруживаетъ милетскаго поэта.

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на значеніе придаваемой Ахиллу на Левкѣ подруги, извѣстной подъ разными именами: Медеи, Ифигеніи и Елены [5]). Послѣднее, повидимому, является въ позднѣйшихъ разсказахъ и здѣсь не имѣетъ значенія; этотъ миѳъ долженъ былъ возникнуть въ ту эпоху, когда начали уже критиковать разсказы Гомера и когда почувствовали необходимость посмертнаго соединенія благороднѣйшаго героя и прекраснѣйшей женщины, хотя они и были разъединены въ земной жизни. Древнѣйшимъ разсказомъ, повидимому, былъ тотъ, по которому супругой Ахилла дѣлается Медея, согласно схоліасту къ Аполлонію Родосскому, Arg. IV, 814: ὅτι δὲ Ἀχιλλεὺς εἰς τὸ Ἠλύσιον πεδίον παραγενόμενος ἔγημε Μήδειαν πρῶτος Ἴβυκος εἴρηκε· μεθ' ὃν Σιμωνίδης.

Ивика обыкновенно относятъ приблизительно къ 560 г. до Р. Х. Необходимо замѣтить, что здѣсь въ качествѣ мѣстопребыванія героя упоминается Элизіумъ, а не Левка, такъ что, если мы не предполо-

[1]) Greek Hist. (англ. перев.), I, гл. XXI.

[2]) Gr. Gesch. I, гл. VI, стр. 193, прим. 2. Busolt, Gr. Gesch., II², стр. 482. Страб. XII, 516.

[3]) *Journal of Hellenic Studies* (1884). vol. 5, p. 16.

[4]) Welcker, der Ep. Cyclus. II, p. 221.

[5]) [По вопросу о бракѣ Ахилла на о. Левкѣ ср. статью графа И. И. Толстого (мл.) въ *Журн. М. Н. Пр.*, іюнь 1908 г.].

о Ахиллова часть Элизіума уже помѣщалась на Левкѣ, то мы
иъ очень настаивать на нашемъ аргументѣ; но развѣ не пред-
ь особой заманчивости предположеніе, что Ахиллъ и Медея
ставлены рядомъ, какъ полубоги, въ представленіи Грековъ
тѣсно связанные съ Евксиномъ? Къ тому времени колони-
ь Понтѣ Евксинскомъ уже продолжалась почти сто лѣтъ,
ь являлся ея богомъ - покровителемъ. Родина Медеи и золотое
къ предполагали, находились по направленію къ дальнему
такъ что по мѣрѣ того, какъ постепенно раскрывалось Черное
ы объ Аргонавтахъ неизбѣжно относились къ его берегамъ,
ъ въ этомъ направленіи нѣтъ никакого другого моря [1]). Исто-
нія Арго хорошо извѣстна была уже автору Одиссеи:

οἴη δὴ κείνη γε παρέπλω ποντοπόρος νηῦς
Ἀργὼ πᾶσι μέλουσα, παρ' Αἰήταο πλέουσα [2]).

та, что здѣсь направленіе западное, если только можно гово-
ществованіи востока и запада въ миѳическомъ царствѣ.
дставляется болѣе затруднительнымъ опредѣлить дату того раз-
которому Ахиллъ на Левкѣ соединяется съ Ифигеніей,—наи-
дходящей для него невѣстой съ современной точки зрѣнія. Раз-
лъ обработанъ Ликофрономъ, но столь поздній авторъ не имѣ-
ного значенія для нашего изслѣдованія. Повидимому, „Кипріи"
ительно 776 до Р. Х.) являются источникомъ того разсказа, по
Артемида увлекла Ифигенію въ Тавриду, оставивъ вмѣсто нея
твоприношенія въ Авлидѣ лань (Proclus, περὶ τῶν Κυπρίων, p.
Gaisford, Hephaest.: Ἄρτεμις δὲ αὐτὴν ἐξαρπάσασα εἰς Ταύρους
ει καὶ ἀθάνατον ποιεῖ· ἔλαφον δὲ ἀντὶ τῆς κόρης παρίστησι τῷ βωμῷ).
объ этой замѣнѣ былъ либо неизвѣстенъ Эсхилу [3]), Софоклу [4]) и
[5]), либо былъ игнорированъ ими; быть можетъ, на него смо-
акъ на недозволенную версію миѳа, широкому распростране-
раго положилъ начало Еврипидъ [6]), понявшій всю его драма-
цѣнность. Но мы не имѣемъ доказательствъ того, что разсказъ
тной женитьбѣ Ахилла на Ифигеніи и о пребываніи ихъ на

и. Holm, I, p. 117. [2]) Hom. Odyss. XII, 69, 70.
 gam. 1390. [4]) Electra, 531. [5]) Pyth., XI, 22.
ринимая, что послѣдняя часть «Ифигеніи въ Авлидѣ» принадлежитъ рукѣ

Левкѣ былъ извѣстенъ Еврипиду, если только не разсматривать слова Ахилла обращенныя къ Ифигеніи —

Ἀγαμέμνονος παῖ, μακάριόν μέ τις θεῶν
ἔμελλε θήσειν, εἰ τύχοιμι σῶν γάμων [1])

— какъ примѣръ драматической ироніи, причемъ окончательное исполненіе его желанія было извѣстно всѣмъ зрителямъ. Это толкованіе, вѣроятно, покажется искусственнымъ, натянутымъ, но связь между Ахилломъ и Ифигеніей столь естественна, что трудно предположить, чтобы мысль эта не была уже усвоена Греками въ ту эпоху [2]).

Къ разбору ольвійскаго культа Ахилла мы обратимся позднѣе и разсмотримъ его настолько подробно, насколько позволяютъ имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы. Предварительно мы старались показать правдоподобность того, что миѳическая связь Ахилла съ Евксиномъ—чисто греческаго происхожденія и можетъ быть прослѣжена съ значительной долей вѣроятія до Милета, до самаго ранняго періода милетскихъ предпріятій на Черномъ морѣ, и что она ничѣмъ не была обязана варварскимъ обитателямъ морского побережья.

Повидимому, теорія относительно независимости ольвійской религіи отъ идей, заимствованныхъ у Скиѳовъ, была развита Геродотомъ [3]). Онъ говоритъ, что Скиѳы не имѣли ни алтарей, ни изображеній своихъ боговъ, за исключеніемъ Арея. Болѣе того, такъ какъ „алтарь" Арея былъ устроенъ просто изъ хвороста, а его „изображеніемъ" (τὸ ἄγαλμα) служилъ старинный мечъ, то врядъ-ли является необходимость дѣлать упомянутое исключеніе и для Арея. Трудно представить себѣ, чтобы религія подобнаго рода могла оказать замѣтное вліяніе на культы чистокровныхъ Грековъ, каковыми являются раннія ольвійскіе колонисты.

Быть можетъ, уже выяснилось, что мы стремимся представить Ольвію, какъ чисто греческій городъ, подвергшійся ничтожному вліянію со стороны варварскихъ обитателей страны и обязанный тѣми иноземными элементами, которые встрѣчаются въ его религіи, скорѣе своимъ торговымъ сношеніямъ съ азіатскими городами, чѣмъ своимъ сосѣдямъ на европейскомъ материкѣ. Однако, есть два обстоятельства, которыя здѣсь слѣдуетъ принять въ расчетъ. Во-первыхъ, у Геродота имѣется

[1]) Iphig. in Aul., 1405.
[2]) См. Wilamowitz, *Hermes*, XVIII (1883), стр. 250.
[3]) Геродотъ IV, 59—62 (см. выше).

упоминаніе (IV, 17) объ Ἕλληνες Σκύθαι, которыхъ онъ помѣщаетъ въ области, лежащей внутрь страны отъ Ольвіи. Во-вторыхъ, декретъ въ честь Протогена [1]) упоминаетъ о Μιξέλληνες, которые въ числѣ 1500 перебѣжали къ непріятелю. Относительно перваго мѣста, повидимому, является наилучшимъ предположеніе Штейна (ad loc.), что Ἕλληνες Σκύθαι были Скиѳы, усвоившіе греческіе обычаи благодаря своей торговлѣ съ греческимъ коммерческимъ городомъ. Замѣтимъ, что Геродотъ вполнѣ опредѣленно помѣщаетъ ихъ внѣ города, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, и что онъ совершенно не упоминаетъ о какихъ-либо смѣшанныхъ элементахъ въ предѣлахъ самого города. Диттенбергеръ въ своей замѣткѣ по поводу Μιξέλληνες декрета Протогена [2]) полагаетъ, что и здѣсь, и у Геродота разумѣется смѣшанная раса. Конечно, „Микселлины“ должны быть приняты за таковую (иначе врядъ-ли имѣло бы смыслъ самое ихъ названіе); при томъ дата декрета Протогена, вѣроятно, по крайней мѣрѣ на 200 лѣтъ позднѣе, чѣмъ посѣщеніе Ольвіи Геродотомъ, и тогда городъ уже быстро приходилъ въ упадокъ. Но даже въ декретѣ они описываются, какъ τὴν παρώρειαν οἰκοῦντες, и ничто не заставляетъ насъ предполагать, что они находились внутри города или принимали участіе въ его управленіи. Имена, встрѣчающіяся въ надписяхъ,— чисто греческія до самаго времени разрушенія города Гетами. Интересно замѣтить здѣсь, что Діонъ Хрисостомъ въ 36-й рѣчи, описавъ плачевное состояніе Грековъ послѣ разрушенія ихъ городовъ Гетами, приписываетъ возстановленіе Ольвіи ея прежними гражданами предложенію Скиѳовъ, которые весьма сильно ощутили потерю рынка для своихъ продуктовъ. Послѣ взятія города купцы не пріѣзжали болѣе въ Ольвію, ἅτε οὐκ ἔχοντες ὁμοφώνους τοὺς ὑποδεχομένους οὐδὲ αὐτῶν Σκυθῶν ἀξιούντων οὐδὲ ἐπισταμένων ἐμπόριον αὐτῶν κατασκευάσθαι τὸν Ἑλληνικὸν τρόπον. Это указываеть, что греческій языкъ и греческіе обычаи не распространились среди окрестныхъ племенъ, и косвенно подкрѣпляетъ обратное предположеніе, а именно, что ольвійскіе Греки врядъ-ли находились подъ большимъ вліяніемъ своихъ сосѣдей Скиѳовъ. Правдоподобнымъ является предположеніе, что отношенія между Греками и варварами были похожи на отношенія Англичанъ къ туземцамъ въ ранніе дни колонизаціи Индіи, когда еще не существовало настоящей территоріаль-

[1]) Latyschew, IosPE. I, 16 B. [2]) Sylloge², 226.

ной юрисдикціи, и когда Англичане находились въ нѣкоторой зависимости отъ ближайшаго туземнаго князя. Скиѳскіе землепашцы, οἳ οὐκ ἐπὶ σιτήσι σπείρουσι τὸν σῖτον, ἀλλ' ἐπὶ πρήσι [1]), привозили свой хлѣбъ для продажи въ Ольвію совершенно такъ же, какъ индусскій крестьянинъ приносилъ свой рисъ или индиго въ факторіи Остъ-индской компаніи.

Итакъ, въ настоящемъ изслѣдованіи мы будемъ разсматривать Ольвію, какъ наиболѣе сѣверный аванпостъ греческой цивилизаціи и религіи.

Аполлонъ[2]).

„Ex diis insignis Apollo προστάτης“ — Boeckh, C. I. G. II, p. 87. Согласно этому утвержденію Boeckh'а, которое, повидимому, оправдывается дошедшими до насъ свидѣтельствами, Аполлону должно принадлежать первое мѣсто при разсмотрѣніи культовъ Ольвіи. Правда, что серіи посвятительныхъ надписей Аполлону Простату, изданныя Латышевымъ (см. ниже), относятся къ болѣе поздней эпохѣ города (ни одна изъ нихъ не древнѣе II или III вѣка по Р. Х.), но имѣются двѣ другія надписи съ именемъ Аполлона гораздо болѣе ранняго періода[3]). Одна изъ нихъ (IosPE. I, 93) относится къ IV вѣку до Р. Х. и представляетъ собою отрывокъ, который Латышевымъ дополненъ слѣдующимъ образомъ:

. . . κήϊος 'Ο[λβιοπολίτης (?)
'Απ]όλλωνι 'Ι[ητρῶι ?]

Повидимому, не можетъ быть сомнѣнія, что здѣсь мы имѣемъ имя Аполлона; но является ли „'Ιητρός“ именно тѣмъ эпитетомъ, который слѣдуетъ дополнить, — объ этомъ можно только предполагать; впрочемъ, онъ встрѣчается въ пантикапейскихъ надписяхъ IV вѣка до Р. Х. и въ одной фанагорійской III вѣка до Р. Х.[4]).

Другая древняя ольвійская надпись, относящаяся къ Аполлону, представляетъ посвященіе Аполлону Дельфинію III вѣка до Р. Х. (IosPE. I, 106)[5]).

---

[1]) Геродотъ, IV, 17.

[2]) [Детальному разбору данныхъ о культѣ Аполлона на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря посвящены двѣ статьи графа И. И. Толстого (мл.): 1) Культъ Аполлона на Воспорѣ и въ Ольвіи, *Журн. М. Н. Пр.* за январь 1904 г., 2) Врачъ и Дельфиній въ *Изв. И. Арх. Комм.*, в. 14 (1905), стр. 44—53].

[3]) Также отрывочная надпись, приведенная Латышевымъ (I, 19) и отнесенная имъ ко II вѣку до Р. Х., которая, повидимому, содержитъ имя Аполлона.

[4]) IosPE. II, 6, 10, 15, 348.

[5]) [Ср. надпись на киликѣ, изданную гр. И. И. Толстымъ во второй изъ указанныхъ статей: 'Ιητρο(ῦ) Δελφινίο(υ) ξυνή].

Монеты также ясно указываютъ на важность культа Аполлона въ Ольвiи. Начиная съ IV вѣка до Р. Х., мы имѣемъ экземпляры монетъ съ изображенiемъ его головы, вѣроятно, въ большемъ количествѣ, чѣмъ съ изображенiями какого-либо другого божества. Напримѣръ, Берлинская коллекцiя, содержащая 146 ольвiйскихъ монетъ, имѣетъ среди нихъ болѣе 30 экземпляровъ съ изображенiями Аполлона.

Происхожденiе спецiальнаго культа Аполлона въ Ольвiи можетъ бытъ прослѣжено до Милета, гдѣ Аполлонъ считался главнымъ богомъ, а также и естественнымъ патрономъ многочисленныхъ высланныхъ Милетомъ колонiй. Этотъ культъ своей устойчивостью въ Ольвiи, возможно, былъ обязанъ связи Аполлона съ миѳомъ объ Иперборeяхъ и тому чувству, что онъ былъ подходящимъ богомъ-покровителемъ для наиболѣе сѣверной греческой колонiи. Въ нижеслѣдующемъ, при болѣе детальномъ изслѣдованiи культа Аполлона въ Ольвiи, будутъ разобраны оба вышеуказанныя положенiя, какъ о происхожденiи культа изъ Милета, такъ и объ отношенiи Аполлона къ сѣверу.

Желанiе имѣть возможно болѣе раннiя извѣстiя объ ольвiйскомъ культѣ Аполлона Простата придаетъ показанiямъ нѣкоторыхъ ольвiйскихъ монетъ I вѣка по Р. Х. особую цѣнность. Когда на этихъ ольвiйскихъ императорскихъ монетахъ намъ встрѣчается изображенiе Аполлона, носящее ясный характеръ архаической статуи, мы имѣемъ полное право считать его по крайней мѣрѣ вѣроятнымъ доказательствомъ существованiя древняго культа. Одна изъ такихъ монетъ описана въ каталогѣ Берлинскаго музея [1]).

Лиц. стор.	Об. стор.
ΟΛΒΙΟΠΟ.... Голова юноши, вправо; вѣроятно Аполлонъ. Æ. 5.	CATYΔ..... Обнаженный стоящiй Аполлонъ en face, повидимому, съ модiусомъ или corona muralis; ваза въ правой рукѣ, большой лукъ со стрѣлой — въ лѣвой [2]).

[1]) Beschreibung der antiken Münzen, Berlin, 1888, vol. 1, № 124 въ серiи ольвiйскихъ монетъ.

[2]) [Сходная монета описана у Бурачкова («Общiй каталогъ монетъ эллинскихъ колонiй на сѣв. берегу Чернаго моря»). Табл. VIII, 178, стр. 73].

Подобная же монета изъ Московской коллекціи приводится В. Pick'омъ. Оборотная сторона ея описана слѣдующимъ образомъ [1]):

ΔΑΔΟCCATY. Обнаженный стоящій Аполлонъ en face, съ калаѳомъ; въ протянутой правой рукѣ его предметъ круглой формы, а въ лѣвой — лукъ и стрѣла.

Прежде всего на этихъ двухъ монетахъ возбуждаетъ исключительный интересъ присутствіе калаѳа [2]) на головѣ бога, изъ чего ясно видно, что здѣсь онъ изображенъ въ качествѣ гражданскаго божества. Совершенно невѣроятно, чтобы граверъ монетнаго штемпеля добавилъ этотъ необычный аттрибутъ, если бы онъ не копировалъ съ хорошо извѣстной статуи, одною изъ отличительныхъ чертъ которой и являлся калаѳъ; при отсутствіи этого отличія рисунокъ монеты не могъ бы быть признанъ за репродукцію этой статуи. Уже одно присутствіе калаѳа Pick считаетъ признакомъ, достаточно указывающимъ на большую древность оригинала; болѣе того, онъ признаетъ, что фигура на монетахъ отличается ясно выраженной архаичностью, и полагаетъ, что она имѣетъ тѣсное сходство съ архаической статуэткой Аполлона изъ Наксоса [3]), но принимаетъ для нея болѣе древнюю дату, чѣмъ для статуэтки, вслѣдствіе присутствія калаѳа. Именно, онъ относитъ фигуру къ началу или, въ крайнемъ случаѣ, къ срединѣ VI вѣка до Р. Х., т. е. къ первому столѣтію существованія города. Во всякомъ случаѣ Pick безусловно признаетъ ее болѣе древнею, чѣмъ Дидимейскаго Аполлона Канаха въ Милетѣ. Для круглаго предмета въ правой рукѣ Pick допускаетъ объясненіе либо гранатоваго яблока, либо коробки для мази, т. е. того-же аттрибута, который мы имѣемъ у статуэтки изъ Наксоса; далѣе въ виду того, что на монетахъ въ лѣвой рукѣ фигуры изображенъ лукъ, Pick полагаетъ, что онъ долженъ былъ также находиться въ лѣвой рукѣ статуэтки, въ особенности потому, что надпись на ней заключаетъ въ себѣ эпитетъ ἑκηβόλος. Тотъ фактъ, что на древнѣйшихъ ольвійскихъ монетахъ встрѣчаются изображенія только головы Аполлона, разумѣется, не имѣетъ отношенія къ вопросу о древности статуи, изо-

[1]) Thrakische Münzbilder. *Jahrbuch d. Deutschen Arch. Instit.* XIII (1898), Pl. X. 31.

[2]) Благодаря любезности Dr. H. Dressel'я изъ Берлинскаго музея, автору удалось получить оттиски монеты № 124 (такъ же, какъ и иныхъ упоминаемыхъ ниже монетъ). На оттискѣ еще яснѣе видно, чѣмъ на рисункѣ Pick'a, что головной уборъ есть безъ сомнѣнія калаѳъ.

[3]) См. Roscher's Lexikon. I[1], 452.

аженной на этихъ императорскихъ монетахъ, такъ какъ въ наилучй періодъ искусства граверы штемпелей никогда не имѣли обыкновея просто имитировать статуи на своихъ монетныхъ рисункахъ [1]).

Нужно сказать, что Pick только намекаетъ на возможность отождствленія монетнаго изображенія съ Аполлономъ Простатомъ; но, если і согласимся съ его заключеніями относительно архаическаго характра оригинала для монетнаго рисунка, то увидимъ, что такое отождевленіе сдѣлается почти неизбѣжнымъ. Разумѣется, довольно трудно ъяснить сохраненіе статуи при разореніи Ольвіи Гетами, но вѣдь намъ звѣстно, сколь велико было это разореніе; кромѣ того, если сущевовала дѣйствительно культовая статуя Аполлона Простата, то, конеч), должно было существовать много копій ея въ видѣ статуэтокъ. Эти єслѣднія, конечно, могли быть легко спасены отъ истребленія, и одна іъ нихъ могла послужить оригиналомъ для гравера штемпеля, при чемъ ного калаѳа было вполнѣ достаточно, чтобы указать на отношеніе къ атуѣ.

Серіи посвятительныхъ надписей Аполлону Простату, изданныхъ тышевымъ [2]), отнесены имъ ко II и III вѣкамъ по Р. X., т. е. къ ременамъ болѣе позднимъ, чѣмъ даты, опредѣленныя Pick'омъ для вы-указанныхъ монетъ. Всѣ эти приношенія дѣлались стратегами, и, я по числу сохранившихся надписей, можно предполагать, что дары иносились ежегодно. Для иллюстраціи обычной заключительной форы ихъ можно привести слѣдующія конечныя строки надписи № 50: ѳηκαν φιέλην ἀργυρᾶν ὑπὲρ τῆς πόλεως εὐσταθίας καὶ τῆς ἑαυτῶν ὑγείας.

Среди иныхъ предметовъ, принесенныхъ въ даръ, встрѣчаются золоожерелье, серебряная Ника, золотая Ника на серебряномъ пьедеѣ, [золотой поясъ, треножникъ, статуя мальчика] и т. под. По над-і № 58 стратеги, вмѣсто принесенія обычныхъ даровъ, отремонтили крышу и стѣну храма Аполлона: ἐπεσκεύασαν τοῦ Ἀπόλλωνος οῦ τήν τε ὀροφὴν [κ]αὶ [κ]ύκλωθεν τὰ ἐνλεί[π]οντα [κ]αινίσαντες ὑπὲρ πόλεως [κ]αὶ τῆς ἑαυτῶν ὑγεί[α]ς. Подъ этой надписью помѣщена рамма, обращенная къ Аполлону, какъ τοξότης Φοῖβος, повидимому, воспоминаніе какой-то побѣды. Подобнымъ образомъ и № 61 упоми-

[1]) P. Gardner, Types of Greek coins, p. 68 sqq.

[2]) IosPE. I. 50—74; IV. 15—16. [*Изв. И. Арх. Комм.* в. 10, стр. 4, № 3 и стр. 17, 9, 10; вып. 18, стр. 101 сл., №№ 4—12; вып. 23, стр. 30, №№ 5, 6].

наетъ о ремонтѣ храма: ἀνέθηκαν Νείκην χρύ[σ]εον ὑπὲρ τῆς πόλεως καὶ τῆ[ς] ἑαυτῶν ὑγεία[ς]. Ἐπὶ τοῖς αὐτοῖς ἐπεσκευάσ[θησαν] αἱ στοαὶ τοῦ ναοῦ ἐ[κ] το[ῦ δη]μοσίου πόρου [1]).

Эти надписи заставляютъ отбросить всякія сомнѣнія въ томъ, что Аполлонъ Προστάτης былъ городскимъ божествомъ Ольвіи въ позднѣйшій періодъ; далѣе, вслѣдствіе устойчивости греческихъ государственныхъ культовъ, а также на основаніи вышеприведенныхъ показаній монетъ, становится вполнѣ основательнымъ предположеніе, что древнѣйшіе колонисты принесли съ собою изъ Милета этотъ культь, какъ особенно подходящій для людей, намѣревавшихся основать городъ на невѣдомой землѣ. Въ самомъ дѣлѣ, эпитеть Προστάτης однороденъ по смыслу съ эпитетомъ Ἀγυιεύς, присвоеннымъ Аполлону, какъ покровителю тѣхъ, кто входитъ въ домъ и выходитъ изъ него. Въ этомъ смыслѣ Аполлона изображали въ видѣ конической каменной глыбы, установленной передъ дверью дома [2]). На одной монетѣ [3]) мы видимъ Аполлона, лѣвымъ локтемъ опирающагося на колонну. Повидимому, не будетъ слишкомъ рискованнымъ предположить, что ранніе колонисты Ольвіи привезли съ собою небольшую колонну подобнаго вида, игравшую роль изображенія Аполлона и бывшую религіознымъ символомъ до тѣхъ поръ, пока не была сооружена статуя, послужившая, по предположенію Pick'а, оригиналомъ для стоящей фигуры на монетномъ рисункѣ [4]). Исихій объясняетъ слово προστατήριος существовавшимъ обычаемъ ставить статую (или колонну) Аполлона передъ дверью дома: ὅτι πρὸ τῶν θυρῶν ἵδρυται. Во всякомъ случаѣ, независимо отъ того, вѣренъ ли такой взглядъ на происхожденіе этого слова или нѣтъ, несомнѣнно эпитеты Ἀγυιεύς и Προστάτης имѣютъ, въ сущности, одинаковый

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что титулъ Аполлона Иѳипора, изъ другихъ источниковъ неизвѣстный, возникъ изъ послѣднихъ двухъ словъ этой надписи. Boeckh. C. I. G. 2072, читалъ послѣднія восемь буквъ надписи, какъ ΙΘΥΠΟΡΟΥ. Латышевъ, въ своемъ комментаріи къ этой надписи, указываетъ, что посвященіе относится къ Аполлону Простату, и добавляетъ: «Iam igitur valere iubeamus necesse est Apollinem illum Ithyporum, qui Koehlero duce in omnes libros et commentationes de Olbia scriptas irrepsit».

[2]) О камняхъ какъ изображеніяхъ божествъ см. замѣтку Frazer'а къ Павс. X. 16, 3; въ частности для Аполлона ср. Аристоф. Осы, 875. Эти изображенія нерѣдко встрѣчаются на монетахъ, напр. монета Амбракіи: Head, Hist. Num., p 270. fig. 181; монета Мегаръ: Imhoof-Blumer и Gardner, Num. Comm. on Paus., *J. H. S.* VI (1885), p. 55. Также Evans, Myc. Tree and Pillar Cult. *J. H. S.* XXI (1901), I, p. 183. fig. 49.

[3]) № 135 по Берлинскому каталогу.

[4]) См. P. Gardner, Countries and Cities in anc. Art., *J. H. S.* IX (1888), p. 51.

характеръ. Достаточно вспомнить слова Дельфійскаго оракула, приводимыя Демосѳеномъ (Mid. 531): περὶ ὑγιείας θύειν καὶ εὔχεσθαι Διὶ ὑπάτῳ, Ἡρακλεῖ, Ἀπόλλωνι προστατηρίῳ· περὶ τύχας ἀγαθᾶς Ἀπόλλωνι ἀ γ υ ι ε ῖ, Λατοῖ, Ἀρτέμιδι, καὶ κατ' ἀγυιὰς κρατῆρας ἱστάμεν [1]). Затѣмъ, въ словахъ оракула Додонскаго, приводимыхъ въ томъ-же мѣстѣ, встрѣчается слѣдующее выраженіе: Ἀπόλλωνι ἀποτροπαίῳ βοῦν θῦσαι. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на сходство выраженій „περὶ ὑγιείας" въ словахъ оракула и „ὑπὲρ τῆς ἑαυτῶν ὑγυείας" въ вышеприведенныхъ посвятительныхъ надписяхъ стратеговъ Аполлону Простату.

Эпитетъ Προστάτης встрѣчается у Софокла (Trach. 209):

ἐν δὲ
κοινὸς ἀρσένων ἴτω
κλαγγὰ τὸν εὐφαρέτραν
Ἀπόλλω προστάταν.

Въ „Электрѣ", ст. 637, Клитемнестра называетъ Аполлона: Φοῖβε Προστατήριε; это имя придается также Артемидѣ у Эсхила (Septem, 449): προστατηρίας Ἀρτέμιδος εὐνοίαισι. Павсаній (I, 44, 2) упоминаетъ о храмѣ Аполлона съ этимъ эпитетомъ въ Мегарахъ (ср. имя Προστασία, придаваемое Деметрѣ Павсаніемъ, II, 11, 3). Въ Аѳинахъ передъ засѣданіями народнаго собранія чествовались жертвоприношеніями Аполлонъ Προστατήριος и Артемида βουλαία [2]). Замѣтимъ также, что въ одной надписи изъ Херсонеса [3]) имѣется упоминаніе объ Артемидѣ: ἁ διὰ παντὸς Χερσονασιτᾶν προστατοῦσα Παρθένος. Можно привести еще слова Preller-Robert'a [4]): „Nicht selten ist Apollon Agyieus aber auch ein Symbol der städtischen Ansiedlung". Мы можемъ принять, что именно таковымъ былъ Аполлонъ Προστάτης въ Ольвіи; далѣе, мы можемъ считать грубое изображеніе бога съ калаѳомъ на вышеуказанной монетѣ единственнымъ дошедшимъ до насъ изображеніемъ его, какъ божества-покровителя Ольвіи.

Отрывокъ древней надписи, которая могла относиться къ Аполлону Ἰητρός, былъ уже приведенъ выше. Нельзя считать за достовѣрное, что

---

[1]) Одинъ аттическій памятникъ, приведенный Welcker'омъ (Gr. Götterlehre, vol. I, p. 493), соединяетъ эти эпитеты: C. I. G. 465.

[2]) C. I. A., II. 390, 392, 408, 417, 431, 432, 459. [3]) IosPE. I. 185.

[4]) Gr. Myth. I, p. 276 sq.

такой культъ существовалъ въ Ольвіи; однако, существованіе его весьма вѣроятно, такъ какъ мы имѣемъ надписи изъ Пантикапея и Фанагоріи (указанныя выше), гдѣ Аполлону придается этотъ эпитетъ [1]). Имя Ἀπόλλων Ἰατρός встрѣчено на двухъ монетахъ, одна изъ которыхъ описана von Sallet'омъ [2]), а другая описана Ламбросомъ [3]) и издана Пикомъ [4]). Эти монеты ранѣе были относимы къ Малой Азіи, но Пикъ полагаетъ, что онѣ происходятъ изъ Аполлоніи на Черномъ морѣ, наравнѣ съ нѣкоторыми другими приводимыми имъ монетами [5]). Нынѣ такое пріуроченіе принято всѣми нумизматами. Монета von Sallet'a имѣетъ на лицевой сторонѣ голову Аполлона въ лавровомъ вѣнкѣ. Обратная сторона описана слѣдующимъ образомъ: „Стоящій обнаженный Аполлонъ, en face, смотрящій влѣво; правая рука опирается на длинную вѣтвь; въ опущенной лѣвой — лукъ и стрѣла".

Монета, изданная Ламбросомъ, сходна въ вышеописанной, но имѣетъ полную надпись. Пикъ сообщаетъ, что по составу металла эти двѣ монеты тождественны съ монетами изъ Месембріи. Другія три монеты, съ которыми онъ сравниваетъ эти двѣ, и которыя, по его мнѣнію, несомнѣнно относятся къ Аполлоніи, имѣютъ на лицевой сторонѣ изображеніе якоря, а на обратной — стоящую фигуру Аполлона.

Обратная сторона одной изъ этихъ монетъ, относимой Пикомъ къ первой половинѣ II вѣка до Р. Х., описана слѣдующимъ образомъ: „Стоящій обнаженный Аполлонъ, en face; въ протянутой правой рукѣ сукъ; въ опущенной лѣвой лукъ и двѣ стрѣлы; правая рука, можетъ быть, опирается на колонну".

Извѣстно, что Лукуллъ, разграбивъ Аполлонію въ 72 г. до Р. Х., увезъ оттуда колоссальную статую Аполлона, работы Каламида, и поставилъ ее въ Римѣ [6]). Неизвѣстны монеты, принадлежащія несомнѣнно Аполлоніи, съ этимъ типомъ Аполлона, хотя на императорскихъ монетахъ нерѣдко встрѣчается изображеніе храма съ помѣщенной внутри его культовой статуей стоящаго обнаженнаго Аполлона. Въ виду того, что три монеты съ изображеніемъ якоря относятся къ первой половинѣ II вѣка до Р. Х., и что архаическій типъ Аполлона не могъ принад-

[1]) См. статью Wernicke въ Pauly-Wissowa, Real-Encycl. I, p. 54 [и гр. И. И. Толстого въ *Изв. И. Арх. Комм.* в. 14].

[2]) *Zeitschr. für Num.* 5. 108. [3]) *Bull. de corr. Hell.* 2, 508, 2.

[4]) *Jahrbuch* l. cit. Pl. X. 29, 30. [5]) L. cit. Pl. X. 26—28.

[6]) Страб. 7, 6, 1; Плиній, N. H. 34, 39; Аппіанъ, Illyr. 30.

лежать этому періоду, Пикъ полагаетъ, что эта фигура, по всей вѣроятности, изображаетъ колоссальную статую Каламида. Существованіе въ Аполлоніи культа Аполлона Ἰητρός было недавно доказано надписью ранняго римскаго періода[1]: κτίσας τὴν πόλιν μετὰ τὴν ἔκπτωσιν Ἀπόλλωνι Ἰητρ[ῷ]. Лавровая вѣтвь разсматривается, какъ аттрибутъ Аполлона Ἰητρός, хотя этого нельзя доказать съ достовѣрностью; однако, этотъ аттрибутъ имѣется на всѣхъ пяти вышеописанныхъ монетахъ, а въ Пантикапеѣ, на монетахъ котораго не встрѣчается изображеніе бога во весь ростъ, найденъ рельефъ, на которомъ Аполлонъ изображенъ съ длинной лавровой вѣтвью[2]. Этотъ рельефъ отнесенъ Reinach'омъ къ эпохѣ Каламида; онъ имѣетъ значеніе потому, что эпитетъ Ἰητρός встрѣчается въ Пантикапеѣ чаще, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ мѣстахъ.

Однако, возвратимся къ Ольвіи. Монета № 135 по Берлинскому каталогу, уже упомянутая нами выше, имѣетъ слѣдующій рисунокъ на лицевой сторонѣ: „Стоящій Аполлонъ, en face, смотрящій влѣво; въ правой рукѣ вѣтвь (?), лѣвая опирается на колонну". На обратной сторонѣ изображена лира[3]). Такая-же или очень сходная монета приводится Пикомъ[4]). Съ достаточной степенью вѣроятія можно заключить, что предметъ въ правой рукѣ — не что иное, какъ вѣтвь, судя по манерѣ ея держанія рукою; что касается до колонны, то она, повидимому, является аттрибутомъ Аполлона Προστάτης или Ἀγυιεύς; подобное смѣшеніе аттрибутовъ встрѣчается нерѣдко.

Конечно, мы не можемъ считать существованіе въ Ольвіи культа Аполлона Ἰητρός вполнѣ доказаннымъ исключительно на основаніи сомнительнаго показанія одной монеты и одного фрагмента надписи; но, несмотря на сомнительность этихъ указаній, все-же слѣдуетъ принимать ихъ въ расчетъ, имѣя въ виду господство этого культа на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря.

Имя Аполлона Дельфинія встрѣчается въ надписи, изданной Латышевымъ (I, 106) и отнесенной имъ къ III вѣку до Р. Х.: Ἀγρότας καὶ Ποσίδεος οἱ ἀδελφοὶ τὸν πατέρα Διονύσιον [Ἀπ]όλλωνι Δελφινίωι ἱερησάμενον.

---

[1]) Dumont, Mél. d'arch., p. 459, p. 111, d. 7.
[2]) Monuments et mémoires, Fond. Piot, tome 2, 57—59, Pl. VII.
[3]) [Ср. у Бурачкова l. cit., табл. VIII, 180, стр. 73; разница въ монограммѣ архонтскаго званія].
[4]) Die antiken Münzen Nord-Griechenlands. I. 1, Pl. XI, 20.

Эта надпись представляетъ собою единственное вполнѣ опредѣленное указаніе на культъ Аполлона Дельфинія въ Ольвіи [1]). Изображеніе рыбы (значеніе его будетъ разобрано нами ниже при разсмотрѣніи культа Деметры) встрѣчается очень часто на ольвійскихъ монетахъ въ качествѣ рисунка обратной стороны; однако, при этомъ на лицевой сторонѣ монетъ часто изображены иныя божества, а не Аполлонъ; въ виду того, что обыкновенно изображается, кромѣ рыбы, стоящій на ней и клюющій ее орелъ, довольно трудно принять это изображеніе за символъ Аполлона Дельфинія. Однако, на нѣкоторыхъ монетахъ у Пика [2]), а также на монетѣ № 73 Берлинской коллекціи изображеніе рыбы встрѣчается само по себѣ, при чемъ на лицевой сторонѣ изображенъ Аполлонъ, и въ этихъ случаяхъ рыба могла быть аттрибутомъ бога въ этой его роли, хотя болѣе вѣроятнымъ является коммерческое объясненіе.

Дѣло въ томъ, что культъ этотъ былъ широко распространенъ. Страбонъ (IV, 179), повѣствуя о культѣ Аполлона Дельфинія въ Массиліи, говоритъ: „τοῦτο μὲν κοινὸν Ἰώνων ἁπάντων“; также Плутархъ (de soll. anim. 984 A) говоритъ: καὶ μὴν Ἀρτέμιδός γε Δικτύννης Δελφινίου τε Ἀπόλλωνος ἱερὰ καὶ βωμοὶ παρὰ πολλοῖς Ἑλλήνων εἰσίν. Этотъ эпитетъ встрѣчается во многихъ надписяхъ; мы укажемъ здѣсь на двѣ изъ нихъ, относящіяся, подобно ольвійской, къ III вѣку до Р. Х. и происходящія изъ Кносса на Критѣ (C. I. G. 2554 и Cauer, Del. 121). На Эгинѣ, Критѣ и Ѳерѣ [3]) одинъ мѣсяцъ, повидимому, соотвѣтствовавшій аттическому Анѳестеріону, назывался Дельфиніемъ.

Аполлонъ Дельфиній былъ богомъ, посылавшимъ благопріятную погоду моряку; въ этой роли онъ, по всей вѣроятности, служилъ объектомъ особаго культа въ Ольвіи, богатство и процвѣтаніе которой зависѣло отъ морской торговли. Этотъ эпитетъ Аполлона можно сравнить съ эпитетомъ его Ἐπιβατήριος, въ честь котораго существовалъ храмъ въ Тризенѣ [4]), и съ эпитетомъ его-же Ἐμβάσιος, которому Аргонавты, по свидѣтельству Аполл. Род. I, 402, воздвигли алтарь.

Относительно существованія въ Ольвіи представленій о грифахъ, существахъ, тѣсно связанныхъ съ культомъ Аполлона, мы имѣемъ извѣстія гораздо болѣе раннія, чѣмъ свидѣтельства вышеупомянутыхъ монетъ

---

[1]) [Ср. надпись на киликѣ, упомянутую выше, стр. 86, прим. 5].
[2]) Pick, l. cit. Pl. IX, 17, 18. [3]) Schol. Pind. Nem. V, 81.
[4]) Paus. II, 32, 2.

надписей. Именно, еще Геродотъ, описывая дворецъ Скила въ Оль-
(IV, 79), говоритъ: τὴν πέριξ λευκοῦ λίθου σφίγγες τε καὶ γρῦπες ἕστα-
Грифы постоянно встрѣчаются въ живописи на вазахъ, найден-
ь въ области сѣвернаго Евксина; наиболѣе интереснымъ въ этомъ
ошеніи предметомъ является вышеупомянутая общеизвѣстная ваза
юфанта, на которой туловище грифовъ выкрашено въ синій цвѣтъ,
га и часть крыльевъ позолочены. Эта ваза была найдена около
тикапея въ 1836 г. [1]). Хорошо извѣстны грифы пантикапей-
съ монетъ. A. J. Evans [2]) прослѣживаетъ связь между грифами и
мъ солнца до египетскаго солнечнаго круга. Онъ указываетъ на микен-
цилиндры и геммы, на которыхъ встрѣчаются изображенія пары
фовъ, въ качествѣ геральдическихъ опоръ для священной колонны
ественнаго пирамидальнаго камня, который, какъ мы видѣли, до
няго времени неизмѣнно оставался эмблемой Аполлона въ его роли
иεύς.

Древнѣйшее упоминаніе о грифахъ было у Гесіода, по показанію
іаста на Aesch. Prom. 803: (οἱ γρῦπες) περὶ ὧν Ἡσίοδος πρῶτος ἐτε-
ύσατο; однако, намъ неизвѣстно, въ какомъ именно сочиненіи Гесіодъ
рилъ о нихъ. Такъ какъ этотъ же авторъ писалъ объ Ипербо-
ахъ, то возможно, что уже въ столь раннюю пору было предположе-
о существованіи грифовъ по направленію къ сѣверу. Далѣе, мы
емъ о поэмѣ Аристея Проконнесскаго (начало VI вѣка до Р. Х. ?),
одаря Геродоту (IV. 13—15), у котораго есть одно мѣсто, имѣющее
шое значеніе въ этомъ отношеніи: τὰ ἔπεα ταῦτα τὰ νῦν ὑπ' Ἑλλη-
Ἀριμάσπεα καλέεται. По свидѣтельству Свиды, „Аримаспея" была
а, написанная гексаметромъ, въ трехъ книгахъ. Dürrbach [3]) гово-
ь, что извѣстіе объ Аримаспахъ вѣроятно принадлежитъ скиѳскому
, и что у Аристея, повидимому, явилась идея о тождествѣ извѣст-
ь уже въ Греціи грифовъ со сказочными животными, у которыхъ, по
лѣ, Аримаспы воровали золото.

Но если мы вмѣстѣ съ Эвансомъ прослѣдимъ до самыхъ ран-
ь эпохъ соотношеніе между грифами и богомъ солнца, то, конечно,
ны будемъ объяснить локализацію грифовъ въ области сѣвернаго

[1]) Ant. du Bosph. Cimm., Pl. 45, 46.
[2]) Myc. Tree and Pillar Cult. J. *H. S.* 1901. Vol. XI, part. 1.
[3]) У Daremberg-Saglio, s. v. Gryphon.

Евксина существованіемъ миѳа объ Аполлонѣ и Иперборееяхъ, о которомъ мы будемъ еще говорить. Въ настоящее время вообще миѳамъ о солнцѣ не придаютъ довѣрія, но врядъ-ли можно объяснить какимъ-либо инымъ образомъ существовавшую съ незапамятныхъ временъ связь Аполлона и Иперборееевъ (δᾶμον Ὑπερβορέων... Ἀπόλλωνος θεράποντα[1]). Смутные разсказы о странѣ, гдѣ въ теченіе части года солнце никогда не заходитъ, должны были проникнуть въ Элладу еще въ очень древнюю эпоху; при этомъ грифами, хорошо извѣстными въ качествѣ спутниковъ Аполлона, по изображающимъ его произведеніямъ искусства, населена была, по представленіямъ Грековъ, именно эта страна чудесъ. Затѣмъ появился Аристей, — Марко Поло древности; мы вполнѣ можемъ вѣрить, что онъ дѣйствительно посѣтилъ описываемыя имъ страны. Но грифы имѣли уже здѣсь свое мѣстопребываніе, и Аристей не могъ бы изгнать ихъ, даже если бы онъ захотѣлъ пожертвовать этой столь художественной чертой поэмы. Повидимому, онъ рѣшилъ изложить разсказъ въ той формѣ, которая впредь была принята, какъ узаконенная версія. (Слѣдуетъ обратить вниманіе на соотношеніе Аристея и Аполлона, указанное Геродотомъ въ разсказѣ о появленіи Аристея въ Метапонтѣ и о приказаніи его жителямъ воздвигнуть алтарь Аполлону и статую ему самому). Съ того времени миѳъ о грифахъ и Аримаспахъ пріобрѣлъ удивительную обаятельность. Уже отъ Эсхила до насъ дошли слѣдующія строки (Prom. 803 сл.):

> ὀξυστόμους γὰρ Ζηνὸς ἀκραγεῖς κύνας
> γρῦπας φύλαξαι, τόν τε μουνῶπα στρατὸν
> Ἀριμασπὸν ἱπποβάμον', οἳ χρυσόρρυτον
> οἰκοῦσιν ἀμφὶ νᾶμα Πλούτωνος πόρον.

Мильтонъ („Потер. рай", II, 948) вдохновляется тѣмъ же миѳомъ:

> „As when a gryphon through the wilderness
> With winged course o'er hill or movry dale
> Pursues the Arimaspian, who by stealth
> Has from his wakeful custody purloined
> The guarded gold".

Памятники, на которыхъ имѣются иллюстраціи этихъ легендъ о грифахъ и Аримаспахъ, относятся къ эпохѣ не древнѣе V вѣка до Р. Х.,

[1]) Пиндаръ, Olymp. III, 17.

но, какъ мы уже видѣли, въ продолженіе многихъ столѣтій грифы являлись въ искусствѣ мотивомъ, заимствованнымъ съ Востока. По аттическимъ тетрадрахмамъ мы знаемъ, что по бокамъ статуи Аполлона въ Дельфійскомъ храмѣ были расположены грифы [1]).

Ктесій, отожествляя грифовъ съ индійскими золотороющими муравьями, упомянутыми Геродотомъ (III, 102), даетъ весьма точное ихъ описаніе: „γρῦπες, ὄρνεα τετράποδα, μέγεθος ὅσον λύκος, σκέλη καὶ ὄνυχες οἷάπερ λέων, τὰ ἐν τῷ ἄλλῳ σώματι μέλανα, ἐρυθρὰ δὲ τὰ ἐν τῷ στήθει“ [2]). Павсаній (VIII, 2, 7) добавляетъ еще штрихъ къ ихъ описанію: „ἤδη δὲ καὶ ἄλλα ἤκουσα, τοῖς γρυψὶ στίγματα ὁποῖα καὶ τοῖς παρδάλεσιν εἶναι“.

Со временъ микенскихъ печатей въ качествѣ спутниковъ грифовъ встрѣчаются сфинксы, несомнѣнно также восточнаго происхожденія. Они находились въ связи съ культомъ какъ Діониса, такъ и Аполлона; возможно, что они стояли вокругъ дворца Скила въ Ольвіи, какъ созданія изъ вакхическаго цикла, согласно тому, что Геродотъ повѣствуетъ о посвященіи Скила въ вакхическія мистеріи, бывшемъ впослѣдствіи причиною его смерти.

О тѣсной связи Аполлона и Иперборееевъ, берущей свое начало, повидимому, въ самыхъ отдаленныхъ эпохахъ древности, не оставившихъ намъ никакихъ историческихъ свидѣтельствъ, мы можемъ только упомянуть. Совершенно оставить ее безъ вниманія нельзя, если есть основанія для сдѣланнаго уже заключенія, что устойчивость культа Аполлона въ Ольвіи была отчасти обязана чувству особой пригодности сѣвернаго бога въ качествѣ божества для наиболѣе къ сѣверу расположеннаго греческаго государства, чувству, которое художники по мѣрѣ силъ старались увѣковѣчить. Въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что среди произведеній искусства, найденныхъ въ этой мѣстности, постоянно встрѣчаются изображенія грифовъ. Безъ сомнѣнія, во времена самой сѣдой древности Греки кое-что знали о странахъ дальняго сѣвера; первыя литературныя указанія въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ въ Одиссеѣ (X, 84—86):

ἔνθα κ' ἄϋπνος ἀνὴρ δοιοὺς ἐξήρατο μισθούς,
τὸν μὲν βουκολέων, τὸν δ' ἄργυφα μῆλα νομεύων·
ἐγγὺς γὰρ νυκτός τε καὶ ἤματός εἰσι κέλευθοι.

---

[1]) Furtwängler, *Arch. Zeit.* 1882, p. 332. [2]) Ктесій, Indica, 12, ed. Bähr.

Сообщенiе Геродота (IV, 33—35) о жертвоприношенiяхъ, посылавшихся Ипербореями на Делосъ, особенно интересно въ этомъ отношенiи, такъ какъ Делосъ съ древнихъ временъ былъ центромъ iоническаго культа Аполлона и такъ какъ здѣсь мы имѣемъ доказательство очень древнихъ сношенiй между сѣверомъ и Эгейскимъ моремъ. Путь этихъ сношенiй, по описанiю Геродота, долженъ быть внимательно замѣченъ. Проф. Ridgeway говоритъ [1]): „Во дни древности единственной дорогой изъ Грецiи въ верхнюю Европу была та, которая, начинаясь отъ Додоны, шла черезъ Эпиръ къ верхней части Адрiатическаго моря“. Изъ этого слѣдуетъ, что Черное море, повидимому, было неизвѣстно Грекамъ до той поры, когда Милетъ началъ колонизацiю его береговъ. Нельзя-ли вывести изъ этой связи между „проѣзжей артерiей“, какъ дорогу эту называетъ проф. Ridgeway, и служенiемъ Аполлону, что именно въ этой связи слѣдуетъ искать источникъ или, по крайней мѣрѣ, древнiй и замѣтный факторъ, подъ влiянiемъ котораго Аполлону были присвоены функцiи бога путешествiй и дорогъ? Обратимъ вниманiе также на существованiе недалеко отъ Додоны, на Адрiатикѣ, города Аполлонiи, служившаго, быть можетъ, станцiей на пути Иперборееевъ. Первымъ поэтомъ, повѣствовавшимъ объ Иперборея хъ, по Геродоту и Павсанiю (VIII, 21, 3), былъ Оленъ. Геродотъ говоритъ: οὗτος δὲ ὁ Ὠλὴν καὶ τοὺς ἄλλους τοὺς παλαιοὺς ὕμνους ἐποίησε ἐκ Λυκίης ἐλθὼν, τοὺς ἀειδομένους ἐν Δήλῳ. Здѣсь мы видимъ, что въ тѣсное общенiе съ Делосомъ и сѣверомъ введена также Ликiя, одна изъ мѣстностей, съ древнихъ временъ связанныхъ съ культомъ Аполлона. Павсанiй цитируетъ слова гимна: Ὠλήν θ᾽ ὃς γένετο πρῶτος Φοίβοιο προφάτας (X, 5, 7). Олена мы можемъ сравнить съ Аристеемъ, который также, повидимому, является одновременно поэтомъ, путешественникомъ и жрецомъ Аполлона. Снова обратимъ вниманiе на связь между „путешествiемъ“ и культомъ Аполлона Ἀρχηγέτης [2]), являющуюся выдающейся чертой позднѣе, въ работѣ Дельфiйскаго оракула при развитiи колонизацiи.

Алкей [3]) говоритъ о томъ, что лебеди доставили новорожденнаго Аполлона въ землю Иперборееевъ. Лебеди были въ числѣ существъ, введен-

---

[1]) Early Age of Greece, I, p. 368.

[2]) См. у Pauly-Wissova sub v. II[1], p. 44 свѣдѣнiя о культахъ Аполлона съ этимъ эпитетомъ.

[3]) Приводимый Имерiемъ. См. Bergk, P. L. G. III, p. 146.

ныхъ въ культъ Аполлона[1]). Выше было уже указано на упоминаніе Пиндара объ Иперборeяхъ, какъ „служителяхъ Аполлона“; кромѣ того, въ Pyth. IV, 5 имѣется указаніе на временное, періодическое пребываніе бога на сѣверѣ: οὐκ ἀποδάμου Ἀπόλλωνος τυχόντος.

Позднѣйшихъ поэтовъ нѣтъ надобности цитировать. Все, чего мы хотѣли здѣсь достигнуть, сводится къ слѣдующему: 1) указать вѣроятность того, что съ теченіемъ времени культъ Аполлона въ Ольвіи усиливался и укрѣплялся, и 2) постепенно сдѣлать очевидной, по даннымъ литературы и искусства, древнюю связь этого культа съ окрестными землями.

Деметра.

Разсмотрѣніе культа Деметры должно слѣдовать непосредственно за разборомъ культовъ Аполлона, такъ какъ есть основанія считать Деметру особой богиней города. Изображенія головы ея часто встрѣчаются на монетахъ; повидимому, принявъ во вниманіе колосья ячменя на „corona muralis“, слѣдуетъ отождествить съ Деметрою типъ Τύχη, существовавшій въ Ольвіи. По поводу видимо совмѣстнаго существованія въ Ольвіи двухъ гражданскихъ божествъ, Аполлона и Деметры, слѣдуетъ вспомнить положеніе Аѳины и Посидона-Эрехѳея въ Аѳинахъ. Тотъ фактъ, что изображенія Аполлона и Деметры встрѣчаются на ольвійскихъ монетахъ, имѣющихъ одинаковый рисунокъ обратной стороны, заставляетъ признавать вѣроятность бывшей въ Ольвіи ассоціаціи этихъ божествъ, подобной аѳинской. Однако, по всей вѣроятности, Аполлонъ занималъ господствующее положеніе, какъ уже достаточно показываетъ его эпитетъ Προστάτης. Кромѣ того, не лишенъ значенія и тотъ фактъ, что, между тѣмъ какъ многія изъ найденныхъ ольвійскихъ надписей имѣютъ отношеніе къ Аполлону, ни на одной изъ нихъ не встрѣчено имя Деметры[2]), и изъ всей области сѣвернаго Евксина это имя встрѣ-

---

[1]) Ср. Cic. Tusc. I. 30, 37 (цитата изъ Платона, Phaedo, 85. B): „Itaque commemorat ut cygni, qui non sine causa Apollini dicati sint, sed quod ab eo divinationem habere videantur, qua providentes quid in morte boni sit cum cantu et voluptate moriantur, sic omnibus bonis et doctis esse faciendum“.—См. также Preller-Robert, Gr. Myth. I[4], p. 243.

[2]) [В. В. Латышевъ предположительно возстановляетъ имя Деметры въ ольвійской надписи, найденной въ 1904 г. и изданной имъ въ *Изв. И. Арх. Комм.*, в. 14 стр. 98, № 4].

: вполнѣ соотвѣтствуетъ истинѣ. Берлинскій каталогъ даетъ только ну золотую монету изъ Ольвіи (исключая новую монету Фарзоя, 146) съ изображеніемъ головы Деметры [1]). Изъ описанныхъ семи ребряныхъ монетъ (№№ 31—37) только на двухъ мы видимъ голову гини (включая № 37, съ головой Деметры - Τύχη).

Въ каталогѣ Британскаго музея описана только одна серебряная нета (№ 1) съ изображеніемъ Деметры. Von Sallet, описывая № 31 Берлинскому каталогу, говоритъ, что № 1 Британскаго музея являся экземпляромъ монеты того-же чекана, изготовленнымъ изъ низкообнаго серебра, и указываетъ, что очень хорошій экземпляръ изданъ Zeitsch. f. Num. X, Taf. III. На немъ рисунокъ головы многимъ кравѣе, чѣмъ на экземплярѣ Британскаго музея. Кене, описавшій око 160 ольвійскихъ монетъ, даетъ только 9 монетъ съ головой Демеы, въ томъ числѣ три серебряныя и шесть мѣдныхъ [2]). Пикъ въ рвомъ томѣ своего труда, многократно нами упоминавшемся, даетъ ть таблицъ ольвійскихъ монетъ, на которыхъ, вѣроятно, приведены имѣры каждаго извѣстнаго типа; но, къ сожалѣнію, опись этихъ таицъ еще не издана, такъ что мы не знаемъ числа существующихъ экземяровъ каждаго типа монетъ и не можемъ пользоваться помощью издаля при рѣшеніи затруднительныхъ вопросовъ объ идентификаціи. На табщахъ Пика помѣщено 108 монетъ, изъ которыхъ только на 17 можно достовѣрностью признать изображенія Деметры. Среди этихъ монетъ ѣются двѣ золотыя (единственныя золотыя монеты, имѣющіяся въ колкціи, если не считать трехъ очень позднихъ) и четыре серебряныя; ѣ остальныя — мѣдныя. Такимъ образомъ, утвержденіе Head'а могло ть выражено имъ болѣе рѣзко относительно золотыхъ монетъ, на которыхъ ображеніе Деметры въ раннюю эпоху, повидимому, было единственнымъ помъ; что же касается серебряныхъ монетъ, то здѣсь мнѣніе Head'а ждается въ поправкѣ. Равнымъ образомъ слѣдуетъ добавить, что голова метры нерѣдко встрѣчается на мѣдныхъ монетахъ.

Прежде чѣмъ разсматривать различные типы изображеній Деметры, трѣчающихся на монетахъ, мы полагаемъ, будетъ нелишнимъ выяснить аченіе пшеничнаго колоса, представляющаго рисунокъ обратной сто-

---

[1]) № 30, табл. II, 18. Похожа на экземпляръ Pick'а, табл. IX. 18, но не одинава съ нимъ.

[2]) Musée du Prince Kotschoubey, I, p. 64, 65.

роны на многихъ монетахъ, и пшеничнаго зерна, встрѣчающагося на нѣкоторыхъ (пшеничный колосъ встрѣчается также въ качествѣ клейма). Эти эмблемы часто встрѣчаются съ изображеніемъ рыбы (если ему придать этотъ общій, хотя и не научный терминъ), такъ что разсматривать ихъ слѣдуетъ совмѣстно. Если рисунокъ рыбы представляетъ намъ осетра или стерлядь, рыбъ, столь распространенныхъ въ рѣкахъ южной Россіи, то вполнѣ правильно будетъ признать это изображеніе коммерческой эмблемой; къ этой-же категоріи можно отнести и пшеничный колосъ. Если же рыба представляетъ собою дельфина, то врядъ-ли возможно допустить коммерческое значеніе. Lenormant [1]) признаетъ ее за стерлядь („type de la monette saisissant le poisson sterlet") и говоритъ, что рисунокъ имитируетъ монеты Синопы. Дѣйствительно, при разсмотрѣніи синопскихъ монетъ, относящихся къ 415 г. до Р. Х. [2]), бросается въ глаза близкое сходство ихъ съ типомъ ольвійскихъ монетъ. По всей вѣроятности указанныя синопскія монеты древнѣе ольвійскихъ, такъ что рисунокъ послѣднихъ могъ быть заимствованъ изъ Синопы. Въ свое время, когда рѣчь будетъ итти о Геліосѣ, мы укажемъ другой допустимый примѣръ ольвійской монеты съ изображеніемъ, заимствованнымъ изъ Синопы.

Въ каталогѣ Британскаго музея оба эти типа описаны, какъ изображенія дельфиновъ. Несомнѣнно, нѣкоторые типы ольвійскихъ монетъ дѣйствительно имѣютъ изображенія дельфиновъ, напр., типъ обратной стороны экземпляра Пика (Pl. IX. 24), имѣющаго на лицевой сторонѣ, по всей вѣроятности, изображеніе Посидона. Однако, существуютъ монеты и другого типа, напр. у Пика (Pl. IX. 3), гдѣ длинное рыло, положеніе глазъ и прямизна рыбы указываютъ скорѣе на стерлядь, чѣмъ на дельфина. Вообще, будетъ благоразумно признавать дельфина въ тѣхъ изображеніяхъ, гдѣ рыба изогнута, въ особенности въ виду того, что спинной плавникъ, находящійся у дельфина около головы и представляющій характерную черту его, а не осетра, очень ясно изображенъ на большинствѣ ольвійскихъ монетъ этого типа [3]). Быть можетъ, въ

---

[1]) La monnaie dans l'antiquité, I, p. 158.

[2]) B. M. Cat. Pontus, p. 95 sq., Pl. XXI, XXII.

[3]) Если спинной плавникъ является дѣйствительно характерной чертой, то этотъ фактъ можетъ помочь рѣшенію вопроса объ ольвійскихъ монетахъ, имѣющихъ форму рыбы, въ пользу объясненія G. F. Hill'я, что онѣ представляютъ собою выродившееся изображеніе свинокъ бронзы, такъ какъ вообще свинки металла иногда назывались δελφῖς (ср. французское saumon. Handbook of Gr. and Rom. Coins, p. 3). Особенно замѣтной характеристикой этихъ рыбообразныхъ монетъ является спинной плавникъ сейчасъ-же за головой рыбы.

настоящее время даже невозможно рѣшить, какую именно рыбу граверы ольвійскихъ штемпелей хотѣли изобразить. Мы полагаемъ, не будетъ слишкомъ рискованно заключить, что общая форма монетнаго типа, а именно, морской орелъ на рыбѣ, была заимствована изъ Синопы, и что мысль автора типа колебалась между аллегорическимъ дельфиномъ и чисто коммерческимъ осетромъ. При помощи такой гипотезы можно объяснить значительную разницу въ типахъ этихъ рыбоподобныхъ существъ. Да и трудно отрицать правдоподобность коммерческаго объясненія, разъ мы на одной и той-же монетѣ находимъ хлѣбный колосъ или зерно и изображеніе рыбы и затѣмъ вспомнимъ, что въ числѣ главныхъ предметовъ экспорта Ольвіи были зерно и сушеная рыба [1]). Дельфинъ не являлся наиболѣе очевидной эмблемой Аполлона; равнымъ образомъ не существуетъ увѣренности и въ томъ, чтобы именно дельфинъ былъ избранъ въ дополненіе къ пшеничному колосу, когда имѣлось въ виду представить Аполлона и Деметру вмѣстѣ, какъ гражданскія божества [2]). Лицевая сторона этихъ монетъ имѣетъ изображенія иногда Аполлона, иногда Деметры.

Обратимся теперь къ самымъ монетамъ. На золотой монетѣ, данной Пикомъ на табл. IX. 1 вслѣдъ за мѣдными, изображенными на табл. VIII, мы не можемъ съ достаточной ясностью усмотрѣть пшеничныхъ колосьевъ въ волосахъ богини, но это происходитъ отъ того, что монета выбита неровно и на ней осталось слишкомъ мало мѣста у макушки головы, гдѣ именно могли бы быть изображены колосья. На обратной сторонѣ изображены орелъ и рыба; надъ орломъ виднѣется пшеничный колосъ. Относительно монетъ № 2 (сер.) и № 3 (мѣдн.) мы можемъ съ большею достовѣрностью заключить, что здѣсь мы имѣемъ изображенія Деметры, такъ какъ на обѣихъ ясно видны въ волосахъ, надъ лбомъ, два пшеничныхъ колоса. Обѣ эти монеты, а также №№ 4, 5, 6, имѣющія

---

[1]) Замѣтимъ, что von Sallet признаетъ голову рыбы, изображенную вмѣстѣ съ хлѣбнымъ зерномъ на обратной сторонѣ № 83-го по Берл. каталогу, за голову осетра. На лицевой сторонѣ монеты имѣется голова Аполлона; монета исполнена въ очень хорошемъ стилѣ и одинакова съ монетой Pick'a, табл. IX, 14.

[2]) Тунцы на алтарѣ изъ Кизика, описанные Hasluck'омъ (*J. H. S.* XXII, 1902, p. 128), были признаны за таковыхъ на мѣстѣ крестьянами. Было бы интересно знать, отождествитъ-ли южно-русскій крестьянинъ ольвійское изображеніе рыбы съ осетромъ? Рыба на монетахъ Pick'a, табл. IX, 3 и 22, совершенно не похожа на типичнаго дельфина, изображеннаго, напр., на монетахъ Тарента (см. Gardner, Types of Greek Coins, Pl. I. 22, etc.).

изображеніе Деметры на лицевой сторонѣ, на обратной имѣютъ изображеніе орла на рыбѣ въ различныхъ видахъ. Относительно этихъ монетъ Von Sallet говоритъ въ Берлинскомъ каталогѣ подъ № 38: „Головы на монетахъ съ этимъ рисункомъ обратной стороны иногда безусловно принадлежатъ Деметрѣ въ легкомъ вѣнкѣ, иногда — Аполлону, увѣнчанному лаврами (можетъ быть). Различить ихъ затруднительно вслѣдствіе неаккуратной работы". Головы №№ 7 и 8 возбуждаютъ большія сомнѣнія. Слѣдующая монета, на которой ясно изображена Деметра,—это № 15. На обратной сторонѣ она имѣетъ рыбу, такъ же, какъ и слѣдующіе №№ 17, 18 и 19. На № 16 мы видимъ какъ рыбу, такъ и пшеничный колосъ.

Голова монеты № 30 очень сходна съ нѣкоторыми головами изъ тѣхъ, которыя безусловно принадлежатъ Деметрѣ, но здѣсь рисунокъ обратной стороны изображаетъ лукъ въ футлярѣ и топоръ. На табл. X приведены монеты также съ орломъ и рыбой на обратной сторонѣ; изъ нихъ №№ 12 и 13, повидимому, имѣютъ изображеніе Деметры. Остальныя монеты имѣютъ болѣе сомнительныя изображенія.

Затѣмъ идетъ рядъ монетъ, имѣющихъ на лицевой сторонѣ женскую голову въ башенной коронѣ, а на обратной — колѣнопреклоненнаго лучника [1]). Ячменныя колосья на монетѣ № 16, повидимому, дѣлаютъ отождествленіе Деметры - Τύχη несомнѣннымъ, хотя намъ не извѣстенъ другой примѣръ coronae muralis на головѣ Деметры. Обыкновенно corona muralis составляетъ принадлежность Кибелы и часто — Афродиты [2]) и Анаитисъ [3]). Артемида изображена въ ней на позднихъ императорскихъ монетахъ Геразы въ сирійскомъ Декаполѣ [4]) и Херсонеса [5]). Британскій музей обладаетъ однимъ экземпляромъ изъ подобныхъ ольвійскихъ монетъ (№ 17), описаніе котораго гласитъ слѣдующее: „Голова (богини) города, влѣво, въ corona muralis и въ ожерельѣ". Головы Τύχη города, или богини города, представ—

---

[1]) Pick, Pl. X, 1—4. Монета табл. X. 1 соотвѣтствуетъ № 119 по Берлинскому каталогу. [У Бурачкова изображены сходныя монеты: табл. VII, 152, 154]. Не выражается ли въ выборѣ стрѣлка для рисунка обратной стороны мѣстное чувство, подобно выбору лука и бердыша для Борисѳенской серіи?

[2]) Особенно на Кипрѣ, см. Farnell, Gr. Cults. II, p. 704.

[3]) Напр. на монетахъ Амастріи въ Пафлагоніи, начала третьяго вѣка до Р. Х. См. B. M. Cat. (Pontus).

[4]) Farnell, Gr. Cults, II, p. 585.

[5]) Von Sallet говоритъ при описаніи монеты № 4 Берл. кат., табл. I. 6: «Здѣсь Артемида, какъ богиня города, повидимому, имѣетъ сходство съ Τύχη, подобно, вѣроятно, Деметрѣ на мѣдныхъ монетахъ Ольвіи (съ лучникомъ на обор. сторонѣ).»

ютъ собою слишкомъ обычное явленіе на монетахъ, чтобы встрѣти-
зь надобность въ иллюстраціи, но случай отождествленія ея съ Де-
трой, повидимому, единиченъ. Замѣтимъ, что монета, изданная Пи-
іъ (табл. XI, 1), съ женской головой въ башенномъ уборѣ на лице-
сторонѣ, на обратной имѣетъ изображеніе орла (на рыбѣ?), весьма
дное съ рисункомъ монетъ, имѣющихъ несомнѣнно Деметру на лице-
сторонѣ [1]). Послѣдняя ольвійская монета изъ экземпляровъ Пика,
именно, серебряная монета царя Инисмея, имѣетъ голову Τύχη также
іа обратной сторонѣ.

Число и разнообразіе этихъ монетъ свидѣтельствуетъ о важномъ
ченіи Деметры въ Ольвіи, уступающемъ только Аполлону; этого,
очемъ, и слѣдовало ожидать, если вспомнимъ, что главной статьей
говли въ Ольвіи былъ экспортъ зерна.

Кибела.

Теперь мы обратимся къ разсмотрѣнію культа Кибелы, не потому,
имѣемъ основаніе считать его особо важнымъ въ Ольвіи, а
ько по той причинѣ, что мы уже дважды упоминали объ этой боги-
при разборѣ культа Деметры. Латышевъ даетъ только одну над-
ь, относящуюся къ этому культу въ Ольвіи, принадлежащую римско-
времени [2]):

[Ἡ δεῖνα....]ωντος τοῦ Διονυσίου
[θυγά]τηρ, Σωκρατίδου γυνή.
[Σωκρ]ατίδης Φιλίνου τὴν ἑαυτοῦ γυναῖκα
Μητρὶ θεῶν ἱερησαμένην.

ѣется пантикапейская надпись еще III вѣка до Р. Х. [3]), которую
можемъ цитировать здѣсь въ доказательство существованія въ этой
асти культа Великой Матери уже въ болѣе древнія времена:
ιλεύοντος Παιρισάδου τοῦ Σπαρτόκου Ἑστιαία Μηνοδώρου θυγάτηρ ἱερωμένη
θηκεν Μητρὶ Φρυγίαι.

---

[1]) Слѣдуетъ различать два типа coronae muralis: 1) типъ, принадлежащій изобра-
ію Τύχη, и 2) типъ съ покрываломъ, болѣе тяжелый, относящійся къ Кибелѣ.
по этому вопросу De Koehne (o. cit. p. 68). Онъ относитъ эти ольвійскія монеты
250—200 г. до Р. Х., т. е. къ тому времени, когда олицетвореніе Τύχη города
лалось общераспространеннымъ явленіемъ среди греческаго міра.

[2]) IosPE. I, 107. [3]) Ibid. II, 17.

Затѣмъ вышеупомянутое чтеніе „Μητρός“ вмѣсто „Δήμητρος“ (у Герод. IV. 53), въ случаѣ его правильности, конечно, послужило бы доказательствомъ еще большей древности этого культа. Вѣдь ни одна изъ ольвійскихъ надписей, содержащихъ наименованіе какихъ-либо божествъ, не можетъ по древности своей быть сравниваема съ посѣщеніемъ Ольвіи Геродотомъ, такъ что онъ является для насъ наиболѣе древнимъ авторитетомъ относительно всего того, что касается культовъ города.

Пикъ [1]) даетъ одну монету съ изображеніемъ головы Кибелы. Повидимому, монета эта крайне рѣдка, такъ какъ подобнаго экземпляра въ Берлинской коллекціи не имѣется, а Кёне [2]) описываетъ только одинъ, во всей вѣроятности тождественный съ экземпляромъ Пика:

Лиц. ст.	Обр. ст.
Голова, покрытая покрываломъ, спадающимъ назадъ; на головѣ corona muralis; сзади головы, въ видѣ контрмарки, вѣтвь.	ΟΛΒΙΟ — ΠΟΛΙ Тимпанъ. Æ. 2½.

Во всякомъ случаѣ, изображеніе Кибелы является часто встрѣчающимся типомъ на монетахъ императорскаго періода изъ области сѣвернаго Евксина. У Пика приведены (табл. XVIII) многочисленные экземпляры, на которыхъ имѣются полныя изображенія богини; особенно интересенъ № 14, — монета изъ Истра, гдѣ очень отчетливо изображены львы подъ ея трономъ. Кёне [3]) упоминаетъ о находкѣ въ Пантикапеѣ колоссальной сидячей статуи Кибелы, которой весьма точно соотвѣтствуетъ изображеніе на монетѣ; поэтому почти навѣрное можно заключить, что монетный рисунокъ является копіей со статуи. Аѳинская статуя Матери боговъ, произведеніе Фидія [4]), повидимому, не имѣла украшенія въ видѣ corona muralis. Арріанъ [5]) не упоминаетъ о послѣдней среди прочихъ аттрибутовъ; затѣмъ, ея нѣтъ на многочисленныхъ аттическихъ обѣтныхъ рельефахъ, для которыхъ эта статуя должна была послужить оригиналомъ [6]). Культъ Кибелы въ различныхъ

[1]) Pl. X. № 35. [Монета описана также у Бурачкова, l. cit. табл. VII. 151. стр. 68. Бурачковъ относитъ эту монету къ типу Деметры].

[2]) L. cit. p. 66. [3]) L. cit. p. 67.

[4]) Фидію приписывается она Павсаніемъ (I. 3, 5) и Арріаномъ; по Плинію (N. H. 36, 17), авторомъ былъ Агоракритъ. Богиня представлена съ кимваломъ въ рукѣ и со львами подъ трономъ.

[5]) Peripl., p. 9. [6]) Stephani. Heracl. p. 67.

Затѣмъ вышеупомянутое чтеніе „Μητρός“ вмѣсто „Δήμητρος“ (у Герод. IV. 53), въ случаѣ его правильности, конечно, послужило бы доказательствомъ еще большей древности этого культа. Вѣдь ни одна изъ ольвійскихъ надписей, содержащихъ наименованіе какихъ-либо божествъ, не можетъ по древности своей быть сравниваема съ посѣщеніемъ Ольвіи Геродотомъ, такъ что онъ является для насъ наиболѣе древнимъ авторитетомъ относительно всего того, что касается культовъ города.

Пикъ [1]) даетъ одну монету съ изображеніемъ головы Кибелы. Повидимому, монета эта крайне рѣдка, такъ какъ подобнаго экземпляра въ Берлинской коллекціи не имѣется, а Кёне [2]) описываетъ только одинъ, во всей вѣроятности тождественный съ экземпляромъ Пика:

Лиц. ст.	Обр. ст.
Голова, покрытая покрываломъ, спадающимъ назадъ; на головѣ corona muralis; сзади головы, въ видѣ контрмарки, вѣтвь.	ΟΛΒΙΟ — ΠΟΛΙ Тимпанъ. Æ. 2½.

Во всякомъ случаѣ, изображеніе Кибелы является часто встрѣчающимся типомъ на монетахъ императорскаго періода изъ области сѣвернаго Евксина. У Пика приведены (табл. XVIII) многочисленные экземпляры, на которыхъ имѣются полныя изображенія богини; особенно интересенъ № 14, — монета изъ Истра, гдѣ очень отчетливо изображены львы подъ ея трономъ. Кёне [3]) упоминаетъ о находкѣ въ Пантикапеѣ колоссальной сидячей статуи Кибелы, которой весьма точно соотвѣтствуетъ изображеніе на монетѣ; поэтому почти навѣрное можно заключить, что монетный рисунокъ является копіей со статуи. Аѳинская статуя Матери боговъ, произведеніе Фидія [4]), повидимому, не имѣла украшенія въ видѣ corona muralis. Арріанъ [5]) не упоминаетъ о послѣдней среди прочихъ аттрибутовъ; затѣмъ, ея нѣтъ на многочисленныхъ аттическихъ обѣтныхъ рельефахъ, для которыхъ эта статуя должна была послужить оригиналомъ [6]). Культъ Кибелы въ различныхъ

[1]) Pl. X. № 35. [Монета описана также у Бурачкова, l. cit. табл. VII, 151. стр. 68. Бурачковъ относитъ эту монету къ типу Деметры].

[2]) L. cit. p. 66. [3]) L. cit. p. 67.

[4]) Фидію приписывается она Павсаніемъ (I. 3, 5) и Арріаномъ; по Плинію (N. H. 36, 17), авторомъ былъ Агоракритъ. Богиня представлена съ кимваломъ въ рукѣ и со львами подъ трономъ.

[5]) Peripl., p. 9. [6]) Stephani, Heracl. p. 67.

Павсаній не даетъ указаній, что храмъ Конона въ Пиреѣ былъ посвященъ Афродитѣ Εὔπλοια, но одна надпись [1]), открытая въ Пиреѣ, дѣлаетъ возможнымъ такое предположеніе. (Вообще для эпитета „Εὔπλοια“ мы не имѣемъ ни одного эпиграфическаго указанія, которое относилось бы къ столь ранней эпохѣ, какъ время Конона). Надпись эта читается слѣдующимъ образомъ:

Ἀργεῖος Ἀργείου Τρικο[ρύσιος]
στρατηγήσας ἐπὶ τὸμ Πειρα[ιᾶ]
Ἀφροδίτει Εὐπλοίαι τ[ύχῃ ἀγαθῇ?]
ἀνέθηκεν.

Упоминаемый здѣсь Аргей былъ архонтомъ въ 97—96 гг. до Р. Х. [2]). Кромѣ этой надписи и вышеприведенной ольвійской, намъ извѣстны только двѣ надписи, въ которыхъ встрѣчается этотъ эпитетъ Афродиты. Одна изъ нихъ [3]), происходящая изъ Эгеи въ Киликіи и относящаяся къ I вѣку до Р. Х., представляетъ собою совмѣстное посвященіе Афродитѣ Εὔπλοια и Посидону Ἀσφάλειος. Другая надпись изъ Миласъ [4]), по всей вѣроятности, болѣе поздней эпохи; она относится къ ἱερεὺς Ἀφροδίτης Εὐπλοίας. Однако, нѣкоторые аналогичные эпитеты извѣстны изъ надписей; напр., одна надпись III вѣка до Р. Х. изъ Тризена [5]) даетъ имя τᾶς Ἀφροδίτας τᾶς ἐμ Βάσσαις, а на другой надписи римскаго періода изъ Пантикапея [6]) мы находимъ стоящія рядомъ имена Афродиты Ναυαρχίς и Посидона Σωσίνεος [7]).

Слово ΕΥΠΛΟΙ найдено на геммѣ, на которой изображенъ Эротъ, плывущій на дельфинѣ [8]). Извѣстна также надпись на лампѣ, имѣющей

---

1) C. I. A. II³, 1206.

2) Слѣдуетъ отмѣтить странную ошибку Farnell'я (Gr. Cults. II, p. 733), который относитъ эту надпись къ концу IV вѣка до Р. Х.

3) C. I. G. 4443.

4) Μουσ. καὶ βιβλιοθ. Σμύρνης 1875, p. 50; B. C. H. V (1880), 108; XII (1888), 30.

5) Collitz, Dial.-Inschr. 3364 b.

6) IosPE. II, 25.

7) Относительно этой связи съ Посидономъ ср. Paus. VII, 24, 2: πρὸς θαλάσσῃ Ἀφροδίτης ἱερὸν ἐν Αἰγίῳ καὶ μετ' αὐτὸ Ποσειδῶνος, а также «Compte rendu» 1881, 134—5, 1877, 246 sq. и Атласъ, табл. V, № 1, гдѣ Афродита изображена на вазѣ съ дельфиномъ. C. I. G. 7390 даетъ надпись на чернофигурной вазѣ, гдѣ Посидонъ изображенъ въ повозкѣ вмѣстѣ съ женщиной: «Ἀφροδίτης, Ποσειδῶνος. Πυθοκλῆς καλός».

8) C. I. G. 7309; къ этому комментарій Boeckh'a: «pertinuit ad navigationem in pelago amoris».

ку судна [1]): „Εὔπλοια λαβέ με τὸν Ἡλιοσέραπιν" [2]). Welcker [3]) цитируетъ eidewin'a и одобряетъ его исправленіе Архилоха [4]):

πολλὰ δ' εὐπλοκάμου Εὐπλοίης ἁλὸς
ἐν πελάγεσσιν θεσσάμενοι γλυκερὸν νόστον.

Болѣе детальное разсмотрѣніе культа Афродиты Εὔπλοια было бы ь не умѣстно. См. объ этомъ Farnell, vol. II, p. 636, 689 sq.

Афродита Ἀπάτουρος.

Такъ какъ надпись, посвященная Афродитѣ Εὔπλοια, относится къ е позднему времени, мы должны также обратить вниманіе на иси изъ другихъ мѣстностей сѣвернаго Евксина, имѣющія отношекъ культу Афродиты.

Древнѣйшая надпись изъ Сарматіи [5]), относящаяся къ V вѣку до Х., представляетъ собою посвященіе Афродитѣ Ἀπάτουρος; найдена около р. Кубани. Позднѣйшая фанагорійская надпись [6]) заключаетъ себѣ посвященіе Афродитѣ Ἀπατουριάς. Къ этому-же культу относя двѣ пантикапейскія надписи. Первая изъ нихъ, быть можетъ, ка до Р. Х. [7]), содержитъ слова: „ἀνέθηκ[αν τὴν στή]λη[ν] Ἀφροδ[ε]ίτῃ ρανίᾳ Ἀπατούρ]ου μεδεούσῃι".

Объ Ἀπάτουρον упоминаетъ Страбонъ (XI p. 495): „Ἔστι δὲ καὶ ῇ Φαναγορίᾳ τῆς Ἀφροδίτης ἱερὸν ἐπίσημον τῆς Ἀπατούρου". Подобные еприведеннымъ эпитеты имѣются и въ другой пантикапейской надпи [8]), относящейся къ римскому періоду. Мы считаемъ полезнымъ вести также одну надпись изъ Фанагоріи [9]), IV вѣка до Р. Х.: ιαρχος Σχύθεω ἀνέθηκεν Ἀφροδίτ[ηι] Οὐρανίηι Ἀπατούρο(υ) μεδεούσηι οντος Λεύκωνος Βοσπόρ[ο](υ) καὶ Θεοδοσίης.

Относительно этого проявленія характера Афродиты см. Preller-bert'a [10]), который, повидимому опираясь на эту надпись, утверждаетъ,

---

1) C. I. G. 8514.
2) Не будетъ-ли кстати, имѣя въ виду, что Посидей былъ родомъ съ о. Родоса, тить, что на этой лампѣ изображенъ солнечный дискъ? «In extrema navicula t radiatum Solis, quale esse solet in nummis Rhodiorum» (Boeckh.).
3) Gr. Götterlehre, II, p. 706. 4) *Zeitschr. f. d. Alterth.* 1845. S. 166.
5) C. I. G. 2133. IosPE. II, 469. 6) Ibid. II, 352.
7) IosPE. II, 19. 8) Ibid. II, 28.
9) Ibid. II, 347. Другая надпись — въ IosPE. IV, 418 (IV-ый вѣкъ до Р. Х.).
10) Gr. Myth. I, p. 378.

что въ Фанагоріи не отличали Афродиту 'Απάτουρος отъ Афродиты Οὐρανία, и обращаетъ вниманіе на господство культа Афродиты по берегамъ Чернаго моря, какъ племенной богини [1]). Слѣдуетъ замѣтить, что въ Херсонесѣ Таврическомъ найдено много изображеній Афродиты, преимущественно терракоттовыхъ, объ одномъ изъ которыхъ мы въ своемъ мѣстѣ упомянемъ. Farnell [2]) разсматриваетъ этотъ утонченный культъ богини-покровительницы семейной жизни, какъ имѣющій естественный греческій характеръ развитія. Не видимъ-ли мы въ этомъ мнѣніи Farnell'я еще одного дополнительнаго доказательства чисто греческаго характера колоній, расположенныхъ на берегахъ сѣвернаго Евксина? Добавимъ еще, что въ іоническомъ календарѣ одинъ изъ мѣсяцевъ назывался 'Απατουρεών [3]).

Что-же касается свидѣтельствъ объ интересующемъ насъ культѣ въ произведеніяхъ скульптуры, то, повидимому, мы должны согласиться съ Farnell'емъ. Онъ справедливо говоритъ (стр. 705), что мы не имѣемъ несомнѣннаго скульптурнаго изображенія Афродиты, какъ богини племени или гражданской общины, если не признать подлиннымъ рельефъ съ надписью Θεο Απατουρο, упомянутый нами выше. Этотъ рельефъ изображаетъ Афродиту съ Эротомъ и Ареемъ; стиль его находится въ совершенной дисгармоніи съ датой надписи... Скульпторъ не нашелъ иного способа изобразить Афродиту богиней племени, какъ только добавивъ фигуру Арея—для идеи брака и фигуру Эрота—для идеи любви; не будь надписи, никто не могъ бы признать здѣсь богиню 'Απατούρη. Стефани [4]) принимаетъ одинъ терракоттовый рельефъ за изображеніе Афродиты 'Απάτουρος, но, повидимому, это произошло вслѣдствіе того, что онъ считаетъ „'Απάτουρος" и „Πάνδημος" эпитетами равнозначущими. По его описанію, на рельефѣ изображена богиня, одѣтая въ хитонъ и гиматій и покрытая покрываломъ; она сидитъ на козлѣ, быстро бѣгущемъ въ правую сторону отъ зрителя; внизу рѣзвится пара козлятъ, что указываетъ на Афродиту, какъ богиню производительной силы. Присутствіе находяща-

---

[1]) Слово 'Απάτουρος произошло, конечно, отъ іоническаго праздничества 'Απατούρια.

[2]) Gr. Cults, II, p. 656 sq

[3]) См. Pauly-Wissowa и. сл. «Apaturon», I. p. 2680. Одинъ изъ ольвійскихъ мѣсяцевъ также носилъ это названіе. См. IosPE. I, 28.

[4]) Compte rendu 1859, p. 126. Атл., табл. IV, № 1. Farnell, Gr. Cults, II. p. 686, прим.

:я за богиней Эрота и летящаго впереди голубя доказываетъ, › изображенная здѣсь богиня—несомнѣнно Афродита, представленная, словамъ Стефани, въ ея роли „Ἀπάτουρος“ или „Πάνδημος“. Въ ѓгомъ мѣстѣ [1]) онъ считаетъ вазовое изображеніе Афродиты на козлѣ ›азомъ Афродиты Ἀπάτουρος и приводитъ для сравненія хорошо из:тную статую Скопаса. Но, въ виду того, что, по нашему мнѣнію, ıтеты „Ἀπάτουρος“ и „Πάνδημος“ совершенно различны, разсмотрѣніе сь указанныхъ типовъ Афродиты мы считаемъ излишнимъ.

Замѣтимъ, что имя Ἀπατούριος часто встрѣчается, какъ собствен-, въ надписяхъ изъ области сѣвернаго Евксипа; между прочимъ оно ѣется въ одной ольвійской надписи, относящейся къ V вѣку до Р. Х., ой изъ двухъ надписей, извѣстныхъ отъ столь древняго времени [2]).

Афродита Οὐρανία.

Мы должны упомянуть еще объ одномъ эпитетѣ Афродиты—›ανία, встрѣчающемся въ трехъ фанагорійскихъ надписяхъ IV вѣка Р. Х. [3]) и въ двухъ позднѣйшихъ пантикапейскихъ [4]). Во всѣхъ хъ надписяхъ, за исключеніемъ одной (II, 347), эпитетъ Οὐρανία ɥиненъ съ Ἀπάτουρος. Здѣсь можно вспомнить Геродота, который ›ритъ (IV, 59), что Афродита Уранія была однимъ изъ божествъ, мыхъ Скиѳами, и была извѣстна у нихъ подъ именемъ Артимы. Впрочемъ, если справедливо наше предположеніе, что скиѳ- религіозные или какіе-либо иные обычаи оказывали лишь весьма начительное вліяніе на Ольвію въ древнѣйшій періодъ ея существоія, то свидѣтельство Геродота не имѣетъ особаго значенія. Farll [5]) говоритъ: „Наиболѣе яснымъ признакомъ восточной богини въ ческой общинѣ является эпитетъ Οὐρανία“. Далѣе, приводя въ примѣръ нтикапей, какъ милетскую колонію, онъ обращаетъ вниманіе на то, о, судя по находкамъ, культъ этой богини былъ особенно распроранень въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя имѣли сношенія съ Азіей. Кёне [6]) кже приписываетъ происхожденіе культа Геліоса въ Ольвіи ея свяъ съ Синопою. Подобнымъ-же образомъ, конечно, могъ быть введенъ культъ Афродиты Ураніи.

---

[1]) Compte rendu 1871, табл. V, № 3 и стр. 138, 184.
[2]) IosPE. IV, 28a. [3]) Ibid. II, 343, 347; IV, 418. [4]) Ibid. II, 19, 28.
[5]) Gr. Cults, II, p. 629. [6]) Mus. du P. K. I, 59.

Взвѣшивая всѣ данныя за существованіе въ Ольвіи культа Афродиты, мы должны признать, что прямыхъ доказательствъ въ пользу его существованія мы не имѣемъ, за исключеніемъ одной позднѣйшей надписи съ именемъ Афродиты Εὔπλοια. Но, тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ основаніе предполагать, что культъ Афродиты имѣлъ нѣкоторое значеніе и въ Ольвіи, такъ какъ намъ извѣстно, что почитаніе Афродиты Ἀπάτουρος вообще господствовало въ области сѣвернаго Евксина. Кромѣ того, въ пользу нашего предположенія свидѣтельствуетъ большое количество найденныхъ въ этой области, а особенно въ Херсонесѣ Таврическомъ, изображеній Афродиты.

Артемида.

Извѣстія относительно культа Артемиды въ Ольвіи обратны тѣмъ, которыя мы разсмотрѣли для культа Афродиты: извѣстія о культѣ Артемиды мы можемъ черпать изъ монетъ, а не изъ надписей [1]). Этотъ типъ ольвійскихъ монетъ сравнительно болѣе рѣдокъ. Въ Британскомъ музеѣ имѣется экземпляръ (№ 16), на лицевой сторонѣ котораго изображена голова Артемиды, а на обратной — колчанъ съ ремнемъ. Повидимому, эта монета сходна съ той, которая приведена Пикомъ [2]). Три монеты даны въ Берлинскомъ каталогѣ (№№ 128—130); онѣ похожи на вышеуказанную. Кёне [3]) описываетъ 6 монетъ, но изъ нихъ четыре признавались иногда монетами типа Деметры; здѣсь на обратной сторонѣ изображенъ дельфинъ или морской орелъ или тотъ и другой вмѣстѣ, такъ что нѣтъ основанія признавать изображеніе головы на лицевой сторонѣ принадлежащимъ Артемидѣ.

Прежде чѣмъ обратиться къ изученію тѣхъ литературныхъ источниковъ, которые касаются культа Артемиды на сѣверномъ Евксинѣ, мы считаемъ полезнымъ указать на надписи, сюда относящіяся. Изъ Фанагоріи мы имѣемъ одну надпись IV вѣка до Р. Х. [4]), начинающуюся словами: Ξενοκλείδης Πόσιος ἀνέθηκε τὸν ναὸν Ἀρτέμιδι Ἀγροτέραι. Съ этимъ можно сравнить одну фанагорійскую-же серебряную мо-

---

[1]) [Въ 1903 г. въ Ольвіи найдена надпись, заключающая въ себѣ прямое свидѣтельство о культѣ Артемиды въ этомъ городѣ. См. *Извѣстія И. Арх. Комм.* в. 10, стр. 7 сл., № 4].

[2]) Die Antiken Münzen Nord-Griechenlands, I, 1. Табл. X, № 6.

[3]) L. cit. pp. 62, 63. [4]) IosPE. II, 344.

у I вѣка до Р. Х., на обратной сторонѣ которой изображена голова
ιτεμις Ἀγροτέρα[1]). Въ Пантикапеѣ найдена надпись IV вѣка до Р. Х.
юсвященіи Артемидѣ Ἐφεσείῃ; она интересна тѣмъ, что лишній разъ
зываетъ на связь Пантикапея съ Азіей[2]). Затѣмъ извѣстна надпись
іскаго періода изъ Танаида, начинающаяся словами: θεᾷ Ἀρτέμιδι
εούσῃ[3]).

Большій интересъ, пожалуй, представляютъ двѣ надписи изъ Херреса[4]), гдѣ, какъ мы видѣли, Артемида почиталась какъ богиня-по-
вительница города и изображалась на монетахъ въ corona muralis[5]).
рвая изъ этихъ надписей, относящаяся къ III или II вѣку до Р. Х.,
агментарна, но содержитъ слова „τῆς Παρθένου“[6]). Вторая надпись,
едставляющая собою весьма длинный декретъ въ честь Діофанта
нопскаго, полководца Миѳрадата Евпатора, содержитъ (l. 24) слова:
διὰ παντὸς Χερσονασιτᾶν προστατοῦσα Παρθένος“, которыя мы уже при-
или для сравненія съ эпитетомъ Аполлона Προστάτης. Далѣе въ
ретѣ мы встрѣчаемъ упоминаніе о праздникѣ Παρθένεια въ честь
темиды (l. 48 sq.):

„Δεδόχθαι ταῖ βουλαῖ καὶ τῶι δάμωι στεφανῶσαι Διόφαντον Ἀσκλαπιο-
ιου χρυσέωι στεφάνωι Παρθενείοις ἐν ταῖ πομπαῖ.... σταθῆμεν δὲ αὐτοῦ
εἰκόνα χαλκέαν ἔνοπλον ἐν ταῖ ἀκροπόλει παρὰ τὸν τᾶς Παρθένου βωμὸν
τὸν τᾶς Χερσονάσου“.

Еще одна надпись изъ Херсонеса, относящаяся, вѣроятно, къ
) г. до Р. Х.[7]), содержитъ формулу присяги, дававшейся молодыми
жданами: „Ὀμνύω Δία, Γᾶν, Ἅλιον, Παρθένον, θεοὺς Ὀλυμπίους καὶ
υμπίας“.

Такимъ образомъ, даже не прибѣгая къ помощи литературныхъ
ѣстій, мы уже имѣемъ ясныя доказательства выдающагося значенія
ьта Артемиды въ Херсонесѣ[8]).

---

[1]) Катал. Брит. муз., Понтъ, стр. 3, табл. I. 6.

[2]) IosPE. II, 11. Dittenberger, Syll.², № 326; см. также Павс., 4, 31, 8: Ἐφε-
δὲ Ἄρτεμιν πόλεις τε νομίζουσιν αἱ πᾶσαι καὶ ἄνδρες ἰδίᾳ θεῶν μάλιστα ἄγουσιν ἐν τιμῇ.

[3]) IosPE. II, 421. [4]) Ibid. I, 184, 185.

[5]) См. Берлинскій катал., отд. Херсонеса; особенно см. табл. I, 6.

[6]) [О возстановленіи этой надписи см. IosPE. IV, стр. 277].

[7]) Приводится Farnell'емъ, Gr. Cults, II. 567, изъ «*Revue des Etudes Grecques*»
, p. 338. [См. IosPE. IV, 79. Документъ датированъ авторомъ невѣрно: онъ не
днѣе начала III в. до Р. Хр.].

[8]) [За послѣдніе годы число найденныхъ въ Херсонесѣ надписей съ упомина-
іемъ богини Παρθένος значительно увеличилось].

Исторія легендарной связи Артемиды съ Херсонесомъ Таврическимъ представляетъ много затрудненій. Прежде всего вспомнимъ Геродота; онъ говоритъ (IV, 103), что Тавры приносили лицъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, въ жертву Дѣвѣ, и продолжаетъ: τὴν δὲ δαίμονα ταύτην τῇ θύουσι λέγουσι αὐτοὶ Ταῦροι Ἰφιγένειαν τὴν Ἀγαμέμνονος εἶναι. Къ этому Stein замѣчаетъ: „αὐτοὶ Ταῦροι, nicht die Hellenen".

Farnell[1]) полагаетъ, что культъ Артемиды Таврической въ Аттикѣ былъ первобытнымъ и что во всякомъ случаѣ онъ не могъ перейти первоначально съ Чернаго моря, такъ какъ культъ Бравронскій указываетъ на очень ранній періодъ, между тѣмъ, какъ Крымъ открылся для греческой колонизаціи уже въ сравнительно позднюю эпоху. Повидимому, культъ Артемиды Таврической находился въ связи съ очень примитивнымъ типомъ кумира и съ неясной легендой о кровопролитіи, и Farnell предполагаетъ, что когда чрезъ древнѣйшихъ крымскихъ колонистовъ распространились разсказы о жестокихъ религіозныхъ обрядахъ въ честь туземной богини, то произошло отождествленіе вслѣдствіе созвучія между названіемъ полуострова и названіемъ культа въ Бравронѣ (вѣроятно, Ταυροπόλος). Далѣе, онъ считаетъ, что имя Ифигеніи было мѣстнымъ именемъ Артемиды, и цитируетъ Павсанія[2]): Ἀρτέμιδος ἐπίκλησιν Ἰφιγενείας ἐστὶν ἱερόν; ср. также Исихія п. сл. Ἰφιγένεια· ἡ Ἄρτεμις.

Однако, замѣчается нѣкоторое несоотвѣтствіе между этимъ взглядомъ и тѣмъ, который тотъ-же Farnell проводитъ на первыхъ страницахъ II тома, а именно, что культъ Артемиды можетъ быть прослѣженъ въ древности до доисторическаго періода и что онъ открытъ во всѣхъ главнѣйшихъ мѣстахъ греческихъ доисторическихъ поселеній; отсюда, а также по нѣкоторымъ примитивнымъ чертамъ культа, онъ заключаетъ, что культъ этотъ былъ „первобытнымъ наслѣдіемъ греческой націи". Затѣмъ онъ говоритъ объ его диффузіи при посредствѣ различныхъ токовъ греческой колонизаціи и указываетъ, что „онъ утвердился въ очень раннее еще время . . . въ Херсонесѣ Таврическомъ". По указанію проф. Ridgeway[3]), слѣды микенской культуры были найдены по берегамъ южной Россіи. Имѣя это въ виду, не можемъ-ли мы сдѣлать правдоподобное заключеніе, что варварская богиня Крыма была

---

[1]) Gr. Cults II. 452, 3. [2]) II. 35, 1.
[3]) Early Age of Greece, vol. I. p. 182.

ямымъ потомкомъ Артемиды, почитавшейся жителями той-же области времена микенской эпохи, и что Бравронская Артемида была потомкъ той-же богини, но въ самой Греціи? Такимъ путемъ мы могли бы ьяснить причину сходства между этими культами. Съ теченіемъ времи должно было сказаться вліяніе литературы, возникшей на почвѣ эа объ Ифигеніи; при этомъ культъ потерялъ отчасти свой примиэный характеръ, и Артемида оказалась главной богиней Херсонеса. ъ мы уже упоминали выше, говоря о культѣ Аполлона въ Ольвіи и нческой его связи съ сѣверомъ. Несомнѣнно ольвійскій культъ ракла подобнымъ-же образомъ подвергся воздѣйствію со стороны литературы.

Изъ вышесказаннаго мы можемъ вывести заключеніе объ извѣстмъ значеніи культа Артемиды въ Ольвіи; хотя прямыхъ тому докательствъ, за исключеніемъ немногихъ приведенныхъ монетъ, мы не ѣемъ [1]), но все же надо полагать, что Артемида имѣла свою долю чета въ городѣ, богомъ покровителемъ котораго былъ Аполлонъ.

Аѳина.

Изъ прочихъ богинь мы остановимся только на культѣ Аѳины, ъ какъ извѣстій о культѣ въ Ольвіи остальныхъ богинь, кромѣ ырехъ вышеуказанныхъ, мы не имѣемъ; при этомъ замѣтимъ, культъ Аѳины не имѣетъ связи съ культами этихъ четырехъ инь, тогда какъ эти послѣднія имѣютъ нѣчто общее между ою. Въ ольвійскихъ надписяхъ совершенно не встрѣчаются упоминія объ Аѳинѣ. Изъ всей области сѣвернаго Евксина съ именемъ ея ѣстны только двѣ надписи, а именно, посвященіе Аѳинѣ Σωτείρᾳ ь Херсонеса, IV вѣка до Р. Х. [2]), и посвященіе Аѳинѣ Линдійской ь Неаполя [3]). Однако, эта послѣдняя надпись имѣетъ нѣкоторое отноніе къ Ольвіи, такъ какъ лицомъ, посвятившимъ ее, былъ Посидей, ъ Посидея, по нашему мнѣнію тотъ-же самый, который посвятилъ Ольвіи надпись Афродитѣ Εὐπλοία.

За то изображенія Аѳины и Горгоны представляютъ весьма чный типъ на ольвійскихъ монетахъ. Весьма вѣроятно, что проис-

[1]) [Ср. надпись, указанную на стр 112, прим. 1].
[2]) IosPE. IV, 82. [3]) Ibid. I, 243.

хожденіе изображенія Аѳины было скорѣе коммерческаго характера, чѣмъ религіознаго, въ виду того, что Ольвія вела торговлю преимущественно съ Аѳинами, при чемъ аѳинскія монеты должны были быть хорошо извѣстны въ Ольвіи, какъ, впрочемъ, и во всемъ греческомъ мірѣ. Дѣйствительно, вполнѣ возможно, что отсутствіемъ древнѣйшихъ монетъ изъ Ольвіи мы обязаны обращенію тамъ аѳинской монеты и (вѣроятно, немного позднѣе) кизикскихъ статеровъ въ качествѣ законной ходячей монеты. Что-же касается до большихъ, отлитыхъ изъ бронзы, монетъ, на которыхъ мы вскорѣ остановимъ вниманіе читателя, то онѣ должны были служить мелкой размѣнной монетой для внутренняго обращенія [1]).

Мы имѣемъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній относительно обращавшейся въ Ольвіи монеты въ одной надписи, изданной Латышевымъ [2]). Надпись эта, относящаяся къ началу IV вѣка до Р. Х., представляетъ собою декретъ ольвійскихъ гражданъ, изданный съ цѣлью регулированія продажи золота и серебра. Послѣ постановленія о свободномъ впредь ввозѣ и вывозѣ „χρυσίον ἐπίσημον ἢ ἀργύριον ἐπίσημον“, декретъ далѣе установляетъ слѣдующее: πωλεῖν δὲ καὶ ὠνεῖσθαι πάντα πρὸς τὸ νόμισμα τὸ τῆς πόλεως, πρὸς τὸν χαλκὸν καὶ τὸ ἀργύριον τὸ Ὀλβιοπολιτικόν.

Отсюда ясно, что Ольвія въ эту эпоху не имѣла своей золотой монеты (повидимому, вскорѣ послѣ того были выпущены въ обращеніе и золотыя монеты, такъ какъ другая надпись [3]) говоритъ о 1000 золотыхъ монетъ); изъ этого мѣста можно также вывести заключеніе, что мѣдная монета обращалась въ большемъ количествѣ, чѣмъ серебряная, такъ какъ она упомянута на первомъ мѣстѣ, а не въ порядкѣ цѣнности, какъ было сказано въ началѣ декрета по отношенію къ золоту и серебру.

Нѣсколько далѣе тотъ-же декретъ опредѣляетъ: τὸ δὲ χρυσίον πωλεῖν καὶ ὠνεῖσθαι τὸν μὲν στατῆρα τὸν Κυζικηνὸν ἑνδεκάτου ἡμιστατήρου καὶ μήτε ἀξιώτερον μήτε τιμιώτερον. τὸ δ' ἄλλο χρυσίον τὸ ἐπίσημον ἅπαν καὶ ἀργύριον τὸ ἐπίσημον πωλεῖν καὶ ὠνεῖσθαι ὡς ἂν ἀλλήλους πείθωσι.

На основаніи спеціальнаго упоминанія о статерахъ Кизика мы могли бы заключить, что въ эту эпоху они были наиболѣе распростра-

---

[1]) Ср. Lenormant, La monnaie dans l'antiquité, vol. I, p. 157.

[2]) IosPE, I. 11.

[3]) IosPE. I, 12. Нѣтъ необходимости считать эти монеты безусловно ольвійскими: онѣ могли быть изъ Пантикапея или Кизика.

и въ Ольвіи монетами. Но сношенія между Ольвіей и Аѳинами
:обенно дѣятельны въ болѣе древній періодъ, еще до Пелопон-
войны, и торговля поднялась до наибольшей высоты, вѣроятно,
:у Геродота, такъ что весьма возможно, что въ древнѣйшее время
нной монетной системой въ Ольвіи была аѳинская. Однимъ изъ
ɜе часто встрѣчающихся на ольвійскихъ монетахъ клеймъ
я голова Аѳины. По этому поводу проф. Percy Gardner вы-
(частнымъ образомъ) слѣдующее интересное соображеніе:
о часто выставляется на монетѣ, чтобы показать, что она имѣетъ
ое обращеніе въ какой-либо мѣстности за предѣлами того мѣста,
іета была чеканена. Не значитъ-ли это, что монета прошла че-
ıкую-либо аѳинскую факторію"?
) вообще относительно коммерческой исторіи сѣвернаго Евксина
замѣтить, что въ этой научной области чувствуется нѣкоторый не-
къ въ свѣдѣніяхъ, дать которыя могъ бы намъ столь компетентный
ъ. Но онъ, повѣствуя такъ много о торговлѣ во дни сѣдой древности,
:е время очень мало говоритъ объ Ольвіи и о греческихъ коло-
этой области и почти не упоминаетъ о торговлѣ на сѣверномъ
ѣ, за исключеніемъ одного мѣста (IV, 17), гдѣ онъ говоритъ о Ски-
οἳ οὐκ ἐπὶ σιτήσι σπείρουσι τὸν σῖτον ἀλλ' ἐπὶ πρήσι".
ı всякомъ случаѣ, большинство нумизматовъ согласно опредѣ-
мѣсто для большихъ отлитыхъ изъ бронзы монетъ среди древ-
ъ ольвійскихъ монетъ [1]). На лицевой сторонѣ одной изъ меньшихъ
ѣру подобныхъ монетъ [2]) изображена голова Аѳины весьма архаи-
о характера. Относительно изображенной на нѣкоторыхъ другихъ
:ъ этого типа головы Горгоны будетъ упомянуто ниже.
ı каталогѣ Британскаго музея нѣтъ ни одной монеты съ голо-
ины; въ Берлинской коллекціи имѣется только одна такая мо-
: 133), повидимому, болѣе поздняго времени, хотя нужно замѣ-
го вслѣдствіе очень скупого указанія датъ въ каталогѣ, во всѣхъ
ь отношеніяхъ великолѣпномъ, нерѣдко бываетъ затруднительно
ить въ точности тотъ періодъ, къ которому издатель относитъ
монету.

Кене относитъ ихъ къ началу V вѣка или даже къ болѣе ранней эпохѣ.
Pick, табл. VIII, 1.

Изображеніе Горгоны, встрѣчающееся на ольвійскихъ монетахъ, даетъ поводъ къ вопросамъ значительной трудности по отношенію какъ къ типу, такъ и къ божеству, съ которымъ это изображеніе находится въ связи. Разсказъ о томъ, что Аѳина собственноручно умертвила Медузу, не очень древняго происхожденія; Гесіодъ не упоминаетъ о немъ; Еврипидъ, повидимому, былъ первымъ литературнымъ авторитетомъ для этого миѳа [1]). Farnell считаетъ первоначальной причиной его участіе Аѳины къ Персею. Furtwängler (въ словарѣ Roscher'а) устанавливаетъ, что изображеніе Аѳины съ Горгонейономъ не встрѣчено на памятникахъ ранѣе VII вѣка, и полагаетъ, что не имѣется литературнаго извѣстія болѣе древняго, чѣмъ вышеприведенное, о томъ, что Аѳина носила Горгонейонъ въ видѣ эмблемы или употребляла его какъ орудіе ужаса [2]). Разумѣется, дата ассоціаціи Аѳины съ Горгоной достаточно уже древняя, чтобы мы имѣли право разсматривать изображеніе Горгоны на ольвійскихъ монетахъ какъ эмблему Аѳины; но существуетъ и иной взглядъ, согласно которому Горгонейонъ имѣетъ связь съ Аполлономъ. Homolle [3]) въ своей статьѣ по поводу изображенія Горгоны, найденнаго на пьедесталѣ одной статуи на Делосѣ, которое онъ считаетъ простымъ „ἀποτρόπαιον“, высказываетъ мнѣніе о существованіи тѣсной связи между Аполлономъ и Горгоной, цитируя Гомера (Иліада XV, 229, 308, относительно употребленія Аполлономъ эгиды) и Макробія (I, 17, 67). Послѣдній авторъ, описывая статую Аполлона въ Іераполѣ, говоритъ: „Summisque ab humeris Gorgoneum velamentum redimitum anguibus tegit scapulas“. Homolle замѣчаетъ, что изображеніе Горгоны встрѣчается на монетахъ совмѣстно съ эмблемами Аполлона, и приводитъ, въ качествѣ примѣра, изображеніе дельфина на ольвійскихъ монетахъ. Но такое заключеніе намъ кажется не убѣдительнымъ, такъ какъ изображенія дельфина или вообще рыбъ, какъ мы видѣли выше, встрѣчаются на ольвійскихъ монетахъ не только вмѣстѣ съ Аполлономъ, но и съ иными божествами; напр., такія изображенія есть на монетахъ, на лицевой сторонѣ которыхъ помѣщена голова Деметры. Вопросъ этотъ, по всей вѣроятности, не можетъ быть разрѣ-

---

[1]) Ion. 987 sq.

[2]) Онъ смотритъ на два упоминанія о Горгонейонѣ въ Иліадѣ (XI, 35 и V, 741), какъ на позднѣйшія вставки.

[3]) *Bull. de corr. Hell.* XII (1888), 471, Pl. XII.

шенъ теперь, но тотъ фактъ, что единственными типами большихъ бронзовыхъ ольвійскихъ монетъ являются изображенія Аѳины и Горгоны (включая также великолѣпную голову на позднѣйшей изъ этихъ монетъ), долженъ имѣть нѣкоторое значеніе; на основаніи этого мы вполнѣ можемъ ассоціировать изображеніе Горгоны на этихъ монетахъ скорѣе съ Аѳиной, чѣмъ съ Аполлономъ. Если мы были въ правѣ настаивать на значеніи аѳинскаго вліянія при установленіи изображенія Аѳины въ качествѣ ольвійскаго монетнаго типа, то вышесказанное можетъ служить дополнительнымъ подтвержденіемъ нашего заключенія.

Разсмотрѣніе монетнаго типа съ изображеніемъ Горгоны представляетъ нѣкоторыя трудности. По всей вѣроятности, онъ заимствованъ съ Востока около конца VIII или начала VII вѣка до Р. Х.; древнѣйшій извѣстный экземпляръ представляетъ собою плитка изъ Камира, относящаяся къ VII вѣку [1]). Всѣ древнѣйшія изображенія Горгоны имѣли отвратительный видъ, изъ котораго, путемъ постепеннаго перехода, выработался со временемъ великолѣпный типъ.

Цѣлый рядъ бронзовыхъ монетъ, открытыхъ на аѳинскомъ акрополѣ, можетъ иллюстрировать эти постепенныя измѣненія; начало монетъ средняго типа въ Аѳинахъ относится ко времени ранѣе 480 г. до Р. Х. [2]). Въ области-же Чернаго моря этотъ типъ извѣстенъ ранѣе 450 г. до Р. Х.; здѣсь онъ открытъ въ долинѣ р. Кубани [3]). Во второй половинѣ V вѣка онъ сдѣлался общераспространеннымъ [4]). Замѣтимъ здѣсь, что типъ Горгоны, подобный вышеуказанному кубанскому, найденъ также въ Крыму; онъ принадлежитъ времени ближе къ IV столѣтію [5]). Золотыя „Горгоны" были найдены въ Керчи въ могилахъ V вѣка. Наиболѣе совершенный типъ головы Горгоны появляется уже въ V вѣкѣ, но обычнымъ онъ дѣлается лишь въ IV столѣтіи; сперва появляется спокойный стиль, а затѣмъ—патетическій [6]).

Несмотря, однако, на несомнѣнную эволюцію болѣе привлекательнаго типа Горгоны, авторъ не считаетъ возможнымъ признать велико-

---

[1]) Daremberg-Saglio, fig. 3633.

[2]) Ibid., fig. 3639. [3]) Compte rendu 1877, Pl. 1 и стр. 7.

[4]) См. J. H. S. XIII (1892), p. 236, fig. 4; p. 238, fig. 10; (здѣсь fig. 4 отнесена къ VI вѣку).

[5]) Antiq. du Bosph. Cimm. Pl. XXI. 12, etc.

[6]) Экземпляръ съ изображеніемъ прекрасной головы, безъ крыльевъ, приводится въ «Compte rendu» 1876, pl. III, 28, p. 147

лову на монетѣ, описанной Пикомъ [1]), за голову Горгоны. ѣ на эту монету авторъ встрѣтилъ поддержку со стороны су Gardner'а. Онъ указываетъ (въ частномъ письмѣ), что стаетъ крыла, но не даетъ опредѣленія для этого типа, хотя гаетъ типъ нимфы(?). Это предположеніе стоитъ того, чтобы ѣсколько остановиться. Всякій, кто видѣлъ различныя головы face, изображенныя въ трудѣ проф. Гарднера „Types of s", не можетъ не признать сходства ихъ съ головой, изобра- интересующей насъ большой ольвійской монетѣ. Для срав- емъ сперва на сиракузскую монету [2]) съ головой Аревусы, ожника Кимона, затѣмъ обратимъ вниманіе на нимфъ, изо- ъ на монетахъ Лариссы [3]) и Кизика [4]). Безъ сомнѣнія, тихъ изображеній съ изображеніемъ головы на ольвійской статочно близко для того, чтобы оправдать соблазнительное еніе ея съ головой нимфы [5]) и избѣгнуть опредѣленія ея, Горгоны. Приводимъ здѣсь описаніе подобнаго-же экземпляра нскаго каталога, № 2:

Лиц. стор.	Обр. стор.
і голова en face, съ раз- ся волосами, въ оже- шариковъ, хорошаго Æ. 17¼.	ОΛΒΙΗ [6]). Орелъ на дельфинѣ; голова слѣва повернута вправо; крылья распростерты. Внизу Г или похожая буква [7]).

имъ къ этому, что von Sallet въ Берлинскомъ каталогѣ г.) описываетъ этотъ типъ только какъ „женскую голову", ь раньше, при описаніи этой монеты [8]), онъ называлъ ее образцомъ очень рѣдкихъ большихъ литыхъ ольвійскихъ медальоновъ съ изображеніями женской головы (Горгоны?)

---

it. Pl. VIII, 4. Она дана въ Берлинскомъ каталогѣ, p. 19. Коллекція музея, со времени напечатанія каталога ольвійскихъ монетъ, обогатинимъ экземпляромъ. [2]) Types of Greek coins. Pl. VI, 22.

. Pl. VII, 35. [4]) Ibid. Pl. X, 46.

осительно обширнаго класса монетъ съ изображеніями головъ нимфъ Gardner, l. cit.. p. 154.

дуетъ обратить вниманіе на эту форму названія города.

e (p. 35, № 6) описываетъ подобную монету слѣдующимъ образомъ: «Tête 'un style plus moderne et avec une belle expression».

schr. f. Num. 1887, p. 5.

и орла, изящнаго стиля". Мы въ правѣ заключить изъ этого, что von Sallet при изданіи каталога отказался отъ своего прежняго сомнительнаго опредѣленія. Описаніе этой монеты помѣщено между описаніями монетъ № 1 (у Пика № 3) и № 3 (у Пика № 2). Эти двѣ монеты описаны слѣдующимъ образомъ:

Лиц. стор.	Обр. стор.
№ 1. Изображеніе Горгоны en face, архаическаго стиля, съ высунутымъ языкомъ [1]).	АРІХ съ орломъ, съ распростертыми крыльями вправо, стоящимъ на дельфинѣ. Æ. 17½.
№ 3. Изображеніе Горгоны en face, архаическаго стиля, съ высунутымъ языкомъ.	АРІХ, въ свободныхъ мѣстахъ между четырьмя спицами колеса.

(№№ 4—12 представляютъ собою монеты меньшихъ размѣровъ, болѣе или менѣе сходныхъ типовъ).

Если такое расположеніе основано на хронологіи, хотя это весьма сомнительно, въ виду указаннаго уже недостатка датъ въ каталогѣ, то, конечно, отождествленіе этого типа съ Горгоной становится невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, мало вѣроятнымъ. Врядъ-ли можно думать, чтобы монеты съ изображеніемъ головъ, столь отличныхъ другъ отъ друга типовъ, могли быть въ обращеніи въ одномъ и томъ-же городѣ въ одно и то-же время и относиться, притомъ, къ одному и тому-же божеству. Въ Берлинскомъ каталогѣ имѣется описаніе монеты (№ 13), которая не встрѣчается у Пика:

Лиц. стор.	Обр. стор.
Изображеніе Горгоны, безъ высунутаго языка, стариннаго стиля.	ОΛІ. Орелъ съ поднятыми крыльями, на дельфинѣ, влѣво. Æ. 11.

Монета № 14 сходна съ этой.

Всѣ вышеприведенныя монеты отлиты изъ бронзы и имѣютъ большіе размѣры. Въ Берлинскомъ каталогѣ подъ № 36 дано описаніе еще одной серебряной монеты, скорѣе позднѣйшаго періода:

Лиц. стор.	Обр. стор.
Голова Горгоны en face, повидимому, безъ высунутаго языка [2]).	ОΛΒΙΟ, надъ дельфиномъ влѣво. Внизу: КРІ Æ. 2.

[1]) [См. подобную монету у Бурачкова, табл. I. № 3, стр. 38].
[2]) Не есть-ли это та-же монета, которая дана у Пика, табл. X, 10?

Кёне [1]) относитъ эту монету къ началу III вѣка, что не отли-
этся особенно отъ той даты, которую можно было бы опредѣлить по
сту этой монеты въ Берлинскомъ каталогѣ. Не говоритъ-ли это
же противъ того, чтобы признавать великолѣпную голову на брон-
ой монетѣ, относящейся почти несомнѣнно къ болѣе раннему вре-
ти, за голову Горгоны?

Зевсъ.

Теперь приступимъ къ разсмотрѣнію культа Зевса. На первомъ
тѣ въ числѣ ольвійскихъ культовъ необходимо было поставить
ьтъ Аполлона. Слѣдующее мѣсто по справедливости должно было
надлежать Деметрѣ, послѣ которой вполнѣ естественно было обра-
ься къ остальнымъ богинямъ, по ихъ тѣсной связи. Слѣдующаго
мѣста никто не можетъ оспаривать у Зевса. Относительно общихъ
ѣчаній по поводу отсутствія на памятникахъ Зевса отличительныхъ
игіозныхъ аттрибутовъ (такъ какъ культъ его былъ преимущественно
инскимъ, а не мѣстнымъ), мы сошлемся на Farnell'я [2]). Такимъ
азомъ мы не можемъ ожидать встрѣтить въ Ольвіи для Зевса эпи-
ы такого спеціальнаго интереса, какъ для нѣкоторыхъ другихъ
овъ, хотя здѣсь какъ разъ имѣется одно замѣчательное исключеніе
видѣ Зевса Ὄλβιος.

Первой ольвійской надписью, гдѣ встрѣчается имя Зевса, является
ретъ [3]), которымъ жалуются 1000 золотыхъ монетъ и статуя Кал-
ику, сыну Евксена. Декретъ этотъ, отнесенный Латышевымъ къ
вѣку до Р. Х., оканчивается словами: Ὁ δῆμος Διὶ Σωτῆρι. Имя
са-Спасителя встрѣчается еще въ двухъ ольвійскихъ надписяхъ, изъ
хъ одна [4]) относится уже ко II вѣку по Р. Х., а отъ другой [5]) сохранился
нь отрывокъ. Первая изъ этихъ надписей содержитъ посвященіе Зевсу-
асителю отъ частнаго лица: Εὐχαριστήριον ὑπὲρ εἰρήνης καὶ σωτηρίας τῆς
.εως. Съ этою надписью можно сравнить одну надпись изъ Херсонеса [6]),
вѣка по Р. Х., въ которой говорится, что лицо съ несохранившимся
енемъ τὸ τεῖχος οἰκοδόμησεν ἐκ τῶν ἰδίων Διὶ Σωτῆρι ὑπὲρ ἑαυτοῦ
τῆς πόλεως εὐσταθείας [7]).

[1]) L. cit., p. 42, № 3. [2]) Gr. Cults, I. p. 121, 61. [3]) IosPE. I, 12.
[4]) IosPE. I, 91. [5]) Ibid. I, 92. [6]) Ibid. I, 202. [7]) [Ср. выше стр. 40].

Извѣстна также одна пантикапейская надпись [1]) съ именами Ζεὺς Σωτήρ и Ἥρα Σώτειρα [2]); надпись относится къ императорскому періоду, и посвященіе сдѣлано ὑπὲρ βασιλέως Τειράνου νείκης [3]).

Найдена одна фрагментарная надпись III вѣка до Р. Х. съ именемъ Зевса Ἐλευθέριος [4]); это—хорошо извѣстный эпитетъ Зевса, хотя онъ и не встрѣченъ ни въ какомъ иномъ мѣстѣ изъ области Понта Евксинскаго.

Эпитетъ Зевса „Βασιλεύς" встрѣчается въ одной надписи, изданной Латышевымъ [5]) и отнесенной имъ къ III вѣку до Р. Х.:

[Ὁ δῆμος] Εὐρησίβιον Δημητρίου Διὶ Βασιλεῖ
[ἀρετῆς] ἕνεκεν καὶ εὐνοίας τῆς εἰς αὐτόν [6]).

Зевсу Поліарху была посвящена одна башня, по свидѣтельству надписи, изданной Латышевымъ [7]) и отнесенной имъ ко II вѣку по Р. Х. Farnell [8]) говоритъ о третьемъ вѣкѣ до Р. Х., но не объясняетъ причинъ такого опредѣленія. Какого-либо иного примѣра для этого эпитета онъ не приводитъ; сходный съ этимъ эпитетъ Зевса „Πολιεύς" встрѣчается во многихъ мѣстахъ, а особенно въ Аѳинахъ. Этотъ культъ выражалъ собою союзъ государства.

Однако, наиболѣе интереснымъ для нашего изслѣдованія эпитетомъ Зевса является Ὄλβιος, встрѣчающіся въ одной надписи, изданной Латышевымъ [9]) и отнесенной имъ къ царствованію Септимія Севера, 193—211 по Р. Х. Она представляетъ собою декретъ въ честь Каллисѳена, въ которомъ между прочимъ говорится: ἱερεὺς δὲ γενόμενος τοῦ προεστῶτος τῆς πόλεως ἡμῶν θεοῦ Διὸς Ὀλβίου.

Остановимся на довольно любопытныхъ разсужденіяхъ Farnell'я относительно послѣдняго эпитета. Онъ говоритъ [10]): „Зевсъ былъ не только охранителемъ царскаго достоинства, но также и покровителемъ семейной собственности, и былъ почитаемъ какъ Зевсъ Κτήσιος.... Этотъ культъ былъ, главнымъ образомъ, аттическимъ; мы находимъ подобные-же культы Зевса Πλούσιος въ Спартѣ (Paus. III, 19, 7) и Зевса

---

[1]) Ibid. II, 29.

[2]) Ср. посвященіе Аѳинѣ Σώτειρα изъ Херсонеса, IV вѣка до Р. Х., IosPE. IV, 82.

[3]) Farnell не приводитъ въ своемъ географическомъ указателѣ ни одной изъ упомянутымъ здѣсь надписей. [4]) IosPE. IV, 458. [5]) Ibid. I, 105.

[6]) Для другихъ свѣдѣній о культѣ Зевса Βασιλεύς'а см. Pauly-Wissowa. Real-Encycl. III, p. 82 и особенно статью Greenwell'я, *J. H. S.*, vol. II, p. 78.

[7]) IosPE. I. 101. [8]) Gr. Cults, p. 161.

[9]) IosPE. I, 21. [10]) Gr. Cults, I, p. 55.

βιος въ Киликіи". Въ подтвержденіе послѣдняго онъ цитируетъ над-
ь, относящуюся ко времени около 200 г. до Р. X. и изданную Hicks'омъ[1]):
Ὀλβίῳ ἱερεὺς Τεῦκρος Ταρκυάριος. Но, повидимому, самъ Hicks
ясняетъ эпитетъ въ томъ смыслѣ, что онъ относится къ „царямъ"
бы и носитъ скорѣе мѣстный, чѣмъ описательный характеръ.

Farnell приводитъ еще одно извѣстіе, а именно надпись C. I. G.
7, представляющую декретъ изъ ѳракійскаго Херсонеса: „Κάλλιστος
ρ τοῦ υἱοῦ Ἀλεξάνδρου Διὶ Ὀλβίῳ εὐχαριστήριον". Boeckh замѣчаетъ
этой надписи: „Ζεὺς ὄλβιος non notus". Въ послѣдней изъ упомя-
ыхъ надписей было бы вполнѣ естественно разсматривать ὄλβιος,
ъ описательный эпитетъ, и сравнить его съ κτήσιος; но, несо-
нно, и въ Ольбѣ, и въ Ольвіи онъ былъ первоначально мѣстнымъ
тетомъ, при чемъ въ значеніи его заключалась игра словъ. Preller-
ert[2]), комментируя надпись Латышева (I. 24), говоритъ: „Ζεὺς Ὄλβιος
ъ, повидимому, городскимъ богомъ Ольвіи". Врядъ-ли это заключе-
правильно въ обычномъ смыслѣ этого термина: вѣдь мы уже видѣли,
Аполлонъ былъ настоящимъ городскимъ божествомъ Ольвіи.
этому правильнѣе было бы сказать: „Ὄλβιος, имя Зевса, подъ кото-
мъ онъ былъ почитаемъ въ Ольвіи"[3]).

Кромѣ вышеприведенныхъ эпитетовъ Зевса, на ольвійскихъ над-
яхъ иныхъ не встрѣчается, но мы можемъ привести одну надпись
Неаполя[4]): Διὶ Ἀταβυρίωι Ποσίδεος Ποσιδέου χαριστήριον. Этотъ
сидей, безъ сомнѣнія, то-же лицо, отъ котораго до насъ дошло по-
щеніе Афродитѣ Εὔπλοια въ Ольвіи. На Родосѣ была гора Атабиръ,
οὗ ὁ Ζεὺς Ἀταβύριος (Steph. Byz.). Аѳина, вмѣстѣ съ Зевсомъ Ата-
іемъ, была чтима въ Агригентѣ[5]). Preller-Robert[6]) цитируетъ
ндара, Ol. VII. 87: „Ζεῦ πάτερ νώτοισιν Ἀταβυρίου μεδέων".

Ольвійскія монеты, для которыхъ изображеніе Зевса служитъ ти-
мъ, не отличаются особою многочисленностью и не представляютъ

---

[1]) *J. H. S.* 1891, p. 226. [2]) Gr. Myth. I². 867.

[3]) См. Brit. Mus. Cat. of Coins, Ликаонія, p. 1 VI, замѣтка: «Ὄλβιος, хорошо
ѣстный эпитетъ Зевса, можетъ означать: 1) бога благоденствія, 2) бога Ольбы
, въ нашемъ случаѣ, Ольвіи). Абстрактная идея благоденствія представлена кон-
но въ видѣ бога Зевса Ὄλβιος». Монеты изъ Ольбы съ трономъ и перунами Зевса
ος относятся, вѣроятно, къ концу перваго вѣка до Р. X. и началу слѣдующаго
а.

[4]) IosPE. I, 242. [5]) Welcker, Gr. G. II, 282; Polyb. XI, 27. [6]) Gr. Myth.
36.

большого интереса. Первая изъ такихъ монетъ, приводимыхъ Пикомъ, изображена у него на табл. XI, № 3, и, повидимому, тожественна съ описанною въ Берлинскомъ каталогѣ подъ № 125. На лицевой сторонѣ ея изображена увѣнчанная лаврами голова Зевса; на обратной—скипетръ, нижній конецъ котораго представляетъ собою копье, а верхній имѣетъ видъ лиліи (или лотоса?).

Этотъ типъ обратной стороны у Кёне [1]) нѣсколько странно описанъ, какъ „flèche, pointe en bas“: на монетѣ Пика этотъ предметъ имѣетъ весьма отдаленное сходство со стрѣлой. Затѣмъ Кёне говоритъ, что на монетѣ представленъ, по всей вѣроятности, Зевсъ-Сотеръ, но не приводитъ соображеній въ пользу такого отождествленія. Монеты Берлинскаго каталога №№ 126 и 127 — подобны; на основаніи мѣста ихъ какъ въ каталогѣ, такъ и у Пика, нужно думать, что онѣ относятся къ болѣе позднему времени. Слѣдующая приводимая Пикомъ монета [2]) имѣетъ на лицевой сторонѣ очень изящную голову Зевса, а на обратной—орла съ распростертыми крыльями; оба изображенія исполнены сравнительно очень выпуклой работой. Монета № 5 сходна, но не одинакова съ № 63 по Берлинскому каталогу; разница между ними въ томъ, что монета Берлинскаго каталога имѣетъ на щекѣ Зевса клеймо въ видѣ кадуцея. На обратной сторонѣ—изображеніе орла. Монета № 6 имѣетъ кадуцей на лбу головы Зевса. У Кёне имѣются описанія нѣсколькихъ императорскихъ монетъ съ изображеніями возсѣдающаго Зевса [3]), тогда какъ Пикъ на своихъ таблицахъ помѣстилъ только одну [4]). На лицевой сторонѣ изображена сидящая фигура, держащая скипетръ, а на обратной—стоящая фигура Фортуны съ рогомъ изобилія и рулемъ. Вѣроятно, присутствіе скипетра заставляетъ Кёне признать въ сидящей фигурѣ Зевса; въ Берлинскомъ каталогѣ (№ 134) она отождествлена съ Аполлономъ [5]).

Гермесъ.

Займемся теперь культомъ Гермеса. Извѣстія о немъ даютъ какъ надписи, такъ и монеты ольвійскія. Вообще нерѣдки случаи сов-

[1]) L. cit., p. 59. [2]) Pl. XI, 4.

[3]) De Koehne, l. cit., p. 58. [4]) Табл. XI, 22.

[5]) Если признать правильнымъ отождествленіе фигуры съ Зевсомъ, то не представится-ли возможнымъ, принявъ во вниманіе рисунокъ обратной стороны, счесть эту фигуру за изображеніе Ζεὺς Ὄλβιος?

:тнаго почитанія Аполлона и Гермеса, какъ братской четы, при чемъ оллонъ считался глашатаемъ и пророкомъ Зевса, а Гермесъ олицерялъ его распростертую десницу; таковыми считались ихъ роли, да изображенія ихъ помѣщались рядомъ на улицахъ и передъ дверьми овъ,—Аполлона, какъ 'Αγυιεύς, а Гермеса какъ 'Ενόδιος [1]). Уже въ у этого мы можемъ ожидать свидѣтельствъ о культѣ Гермеса въ віи, гдѣ Аполлонъ занималъ столь почетное положеніе. Гермесъ ъ богомъ ремеслъ, рынковъ и торговли какъ на сушѣ, такъ и на ѣ; поэтому на рыночной площади каждаго значительнаго города одилась статуя Гермеса 'Αγοραῖος. Въ качествѣ рыночнаго бога онъ минается и въ двухъ ольвійскихъ надписяхъ (см. ниже).

Древнѣйшая ольвійская надпись съ именемъ Гермеса относится третьему вѣку до Р. Х. [2]); начинается она слѣдующими словами:

[Νικόδρο]μος Διονυσίου [γυμνασ]ιαρχήσας
[τὸν υἱ]ὸν (?) Διονύσιον 'Ερμ[ῆι] καὶ 'Ηρακλεῖ.

Повидимому, эта надпись представляетъ собою посвященіе Гермесу ѣго роли ἀγώνιος [3]).

Гермесъ 'Αγοραῖος былъ богомъ, которому ольвійскіе агораномы ршали приношенія. Двѣ изъ подобныхъ посвятительныхъ надписей ли до насъ [4]). Надъ первой изъ нихъ имѣется рѣзьба, которую ышевъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Super titulo Fortunae incisa est. infra manu admodum rudi Mercurii protome, dextra supium tenentis, sinistra caduceum, utrimque foliola, e quibus id, l ad dextram spectanti est, caput humanum in medio incisum habet". іведемъ также окончаніе самой надписи; послѣ именъ агораномовъ ıется: 'Ερμῇ 'Αγοραίωι ἀνέθηκαν Νείκην ἀργυρέαν ὑπὲρ τῆς πόλεως αθίας καὶ τῆς ἑαυτῶν ὑγείας.

Вторая надпись отличается только именами архонта и агораноь. Обѣ надписи принадлежатъ очень позднему періоду [5]).

---

[1]) Preller-Robert, Gr. Myth. I², 385.

[2]) IosPE. IV. 459. [3]) Относительно другихъ мѣстъ, гдѣ встрѣчаются вмѣ- Гермесъ и Гераклъ, см. Preller-Robert, I, p. 415, n. 4.

[4]) IosPE. I. 75. 76.

[5]) [Въ 1902 г. найдена въ Ольвіи еще одна надпись, относящаяся къ разсмааемому культу. Она представляетъ собою написанное по латыни посвященіе Мерю алтаря двумя солдатами въ 248 г. по Р. Хр. См. *Изв. И. Арх. К.* в. 10, стр. 6,

У Пика [1]) описаны двѣ монеты съ изображеніемъ Гермеса; въ Берлинской коллекціи нѣтъ ни одной подобной монеты. На лицевой сторонѣ обѣихъ монетъ Пика изображена голова Гермеса въ петасѣ; типы головы на этихъ монетахъ совершенно различны. Монета № 32 отчеканена весьма неудовлетворительно: если представить себѣ эту монету раздѣленною на четверти, то окажется, что голова почти вся помѣщается въ лѣвой нижней четверти кружка; петасъ здѣсь гораздо болѣе плоскій и болѣе отчетливый, чѣмъ на монетѣ № 33. На этой послѣдней, кромѣ того, выбито клеймо въ видѣ вѣтки, помѣщенное за головою. На обратной сторонѣ обѣихъ монетъ изображенъ кадуцей.

Упомянемъ еще объ одной монетѣ, описанной Пикомъ [2]), а именно, о монетѣ скиѳскаго царя Инисмея; на обратной сторонѣ ея изображена женская голова въ corona muralis (Τύχη Ольвіи). Кёне [3]) отождествляетъ изображенную на лицевой сторонѣ ея бородатую голову съ Гермесомъ, но мы не видимъ здѣсь никакихъ характерныхъ для Гермеса признаковъ, такъ что болѣе правдоподобно признать въ этомъ изображеніи портретъ Инисмея. Кёне относитъ монету къ эпохѣ реставраціи Ольвіи, т. е. ко времени между 60 г. до Р. Х. и 193 г. по Р. Х.

Посидонъ.

Строго говоря, едва-ли возможно рѣшить въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о культѣ Посидона въ Ольвіи, такъ какъ ни въ одной надписи не встрѣчено его имя, а изображенія его на монетахъ весьма сомнительны. Однако, извѣстна одна интересная надпись изъ Пантикапея [4]), которую Πανταλέων ναύαρχος посвящаетъ Ποσιδῶνι Σωσινέ[ω]ι καὶ Ἀφροδίτηι Ναυαρχίδι. Относительно этой надписи Латышевъ замѣчаетъ: „Dei et deae epitheta, quae in titulo leguntur, primum hic videntur innotuisse“. Объ этомъ соединеніи Посидона съ Афродитой мы упоминали уже выше, при разсмотрѣніи культа Афродиты Εὐπλοίᾳ.

Кёне [5]) даетъ двѣ монеты, на которыхъ, по его мнѣнію, изображенъ Посидонъ. Первую (№ 43) онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: Лиц. стор. Голова Посидона.—Обр. стор. Сѣкира, налучье и колчанъ.

[1]) Табл. X, 32, 33. См. также De Koehne, l. cit. I, p. 66.
[2]) Табл. XII, 9. [3]) L. cit. I, 71.
[4]) IosPE. II. 25. [5]) L. cit., p. 44, 45.

При этомъ Кёне допускаетъ возможность отождествленія головы съ всомъ. Но присутствіе сѣкиры и лука въ чехлѣ на обратной сторонѣ лаетъ болѣе правдоподобнымъ отождествленіе съ Борисѳеномъ [1].

Вторая монета Кёне (№ 44), вѣроятно, одинакова съ монетой бл. IX, 24 у Пика. Кёне даетъ слѣдующее ея описаніе:

Лиц. стор.	Обр. стор.
лова Посидона, влѣво.	ΟΛΒΙ. Дельфинъ влѣво, внизу ΦΟ.

Если-бы не изображеніе дельфина на обратной сторонѣ, то вполнѣ зможно было бы признать въ рисункѣ лицевой стороны изображеніе чного бога [2], такъ какъ лобъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ должны были бы мѣститься рога, сохранился не ясно. Но такъ какъ серія монетъ съ ображеніемъ Борисѳена имѣетъ для рисунка обратной стороны изоженія сѣкиры и лука въ чехлѣ, то можно согласиться съ опредѣіемъ Кёне. Вообще надо полагать, что культъ Посидона имѣлъ которое значеніе въ Ольвіи, во-первыхъ потому, что Ольвія была морскимъ городомъ, и во-вторыхъ потому, что въ Іоніи культъ Посиа занималъ главное мѣсто [3].

Діонисъ.

Діонису также должно быть удѣлено мѣсто среди тѣхъ божествъ, ьтъ которыхъ существовалъ въ Ольвіи, такъ какъ мы имѣемъ у родота [4]) извѣстія о празднованіи здѣсь его мистерій, послужившихъ ичиною смерти скиѳскаго царя Скила.

Извѣстна также надпись, упоминающая о Діонисіяхъ въ Ольвіи; —упомянутый выше декретъ въ честь Каллиника [5]), заканчивающійся вами: τὸν δὲ στέφανον ἀναγορευθῆναι τοῖς Διονυσίοις ἐν τῶι θεάτρωι. ышевъ относитъ этотъ декретъ къ IV вѣку до Р. X.

---

1) Эта монета, повидимому, тождественна съ изображенной у Пика на табл. 2.

2) На такое опредѣленіе имѣется намекъ въ Берлинскомъ каталогѣ, № 66.

3) Среди прочихъ извѣстій укажемъ на Herod. I. 148; Paus. VII, 24, 5 (замѣтrazer'a); *Mitth. d. Arch. Inst.* 10 (1885), p. 32; *Bull. de corr. Hell.* 13 (1889), p. 279.

4) Herod. IV. 78, 79. Это мѣсто имѣетъ важное значеніе по многимъ причи, такъ какъ оно служитъ иллюстраціей высокаго уровня греческой цивилизаціи львіи и повѣствуетъ о впечатлѣніи, произведенномъ ею на скиѳскаго царя. linson (ad loc.) говоритъ: «Милетскіе колонисты, повидимому, перенесли въ ію культъ фригійскаго Бакха (Сабазія). Вслѣдствіе того и сама Ольвія носила аніе «Σαβία» или «Σαυία» (Peripl. P. Eux., p. 151)». Это объясненіе намъ кажется ма неправдоподобнымъ. [Ср. о немъ В. В. Латышева «Изслѣд. о госуд. строѣ віи», Спб. 1887, стр. 35 сл.].

5) IosPE. I, 12.

изображеніе на монетѣ, данной Пикомъ [1]), но не указанной въ Берлинскомъ каталогѣ; однако, изображенная здѣсь стоящая фигура съ копьемъ скорѣе похожа на Арея, а не на Ахилла, и имѣетъ видъ копіи съ какой-либо архаической статуи. На обратной сторонѣ этой монеты изображенъ кадуцей. Всѣ эти монеты относятся къ позднему періоду.

Геліосъ.

О культѣ Геліоса въ Ольвіи мы имѣемъ нѣсколько очень интересныхъ нумизматическихъ данныхъ. Монета № 114 [2]) по Берлинскому каталогу описана слѣдующимъ образомъ:

Лиц. стор.	Обр. стор.
Голова Геліоса впрямь, съ лучами. Æ. 5.	ΟΛ надъ передними частями двухъ коней, соединенныхъ спинами.

Эта монета описана также у Пика [3]); она относится къ сравнительно ранней эпохѣ. Von Sallet замѣчаетъ, что эти монеты обнаруживаютъ слѣды возникновенія въ Ольвіи новаго монетнаго типа. Описанія этихъ монетъ имѣются и у Кёне [4]); онъ добавляетъ, что онѣ представляютъ единственное свидѣтельство о существованіи въ Ольвіи культа Геліоса [5]). Кёне предполагаетъ, что этотъ культъ былъ принесенъ въ Ольвію изъ Синопы, такъ какъ на одной синопской монетѣ [6]) изображена голова Геліоса, а на другой [7]) извѣстно клеймо въ видѣ головы съ надписью ΣΙΝΩΠ[ΕΩΝ] между лучей. Болѣе правдоподобно было бы предположеніе, что культъ Геліоса занесенъ изъ Родоса [8]), бывшаго отчизною этого культа. Въ качествѣ нагляднаго примѣра близкихъ отношеній между обоими государствами въ сравнительно позднее время мы можемъ указать еще разъ на надпись Посидея. Затѣмъ мы имѣемъ доказательство коммерческихъ сношеній между Родосомъ и Ольвіей въ томъ фактѣ, что въ мѣстности близъ послѣдняго города найдено множество амфорныхъ ручекъ съ клеймами, свидѣтельствующими о происхожденіи

---

[1]) Табл. XI, 21. [2]) Монеты №№ 115 и 116 сходны съ № 114.

[3]) Табл. IX, 31. [4]) L. cit., p. 58, 59.

[5]) Въ Берлинскомъ каталогѣ описана одна монета (№ 32) съ изображеніемъ Геракла на обратной сторонѣ, «выше головы котораго выбито небольшое круглое клеймо въ видѣ юной головы Геліоса съ лучами».

[6]) Mionnet. Suppl. IV, p. 574, 131.

[7]) British Museum Catalogue. Pontus, табл. XXII, 15 (время: около 290—250 г.г. до Р. Хр.).

[8]) Однако, возможно допустить усвоеніе Ольвіей типа обратной стороны монетъ, а именно орла, стоящаго на рыбѣ, изъ Синопы; см. выше культъ Деметры.

ихъ съ о. Родоса [1]); но особенно настаивать на этомъ аргументѣ мы не въ правѣ, такъ какъ подобныя ручки извѣстны почти изъ всѣхъ мѣстъ греческаго міра.

Ольвійскихъ надписей съ именемъ Геліоса мы не знаемъ, но имѣется одна надпись изъ Пантикапея [2]), поздняго періода, и одна изъ Горгиппіи [3]), 41 г. по Р. Х. Обѣ онѣ относятся къ освобожденію рабовъ. Въ обѣихъ встрѣчается одна и та-же формула: ὑπὸ Δία, Γῆν, Ἥλιον. По поводу этой формулы Латышевъ [4]) приводитъ для сравненія одну надпись изъ Θерма въ Этоліи [5]), которая также имѣетъ отношеніе къ освобожденію раба.

Діоскуры.

Head [6]) говоритъ, что культъ Діоскуровъ былъ очень распространенъ вообще по берегамъ Евксина. Въ частности, мы имѣемъ два извѣстія о существованіи этого культа въ Ольвіи. Первое даетъ мраморная плитка съ фрагментарной надписью III или II вѣка до Р. Х. [7]). Выше надписи видны двѣ шапки Діоскуровъ, половина звѣзды и, повидимому, слѣды второй половины. Затѣмъ, у Пика (табл. X. 31) дано описаніе одного монетнаго типа, два экземпляра котораго имѣются также въ Берлинскомъ каталогѣ (№№ 67, 68). На обратной сторонѣ этой монеты изображенъ дельфинъ между шапками Діоскуровъ и сверху большая звѣзда. По объясненію Кёне [8]), дельфинъ здѣсь помѣщенъ въ качествѣ символа связи Діоскуровъ съ моремъ, какъ покровителей моряковъ. Кёне даетъ также нѣсколько пантикапейскихъ монетъ съ символами Діоскуровъ; затѣмъ они встрѣчаются очень нерѣдко на монетахъ Тананда и Діоскуріады въ Колхидѣ. На основаніи хорошо извѣстной связи Діоскуровъ съ мореплаваніемъ вполнѣ естественно встрѣтить культъ Діоскуровъ и въ Ольвіи. Достаточное подтвержденіе этого заключенія мы видимъ въ вышеупомянутой мраморной плиткѣ и монетѣ.

Кабиры.

Въ виду тѣсной связи между Діоскурами и Кабирами мы считаемъ умѣстнымъ разсмотрѣть культъ послѣднихъ вслѣдъ за культомъ

[1]) Büchsenschütz, Besitz und Erwerb, p. 422—4. См. Inscr. Gr. Insul. Maris Aeg. I, p. 175 (добавленіе о родосскихъ амфорныхъ ручкахъ), а также см. статью Becker'a (Mélanges Gréco-Rom. vol. I, p. 416).

[2]) IosPE. II, 54. [3]) Ibid. II, 400. [4]) Ibid. I, 98.

[5]) Dittenberger, Syll. II², 837. [6]) Historia Numorum, p. 235 (Истръ).

[7]) IosPE. I, 18. C. I. G. II, add. p. 1000. № 2083b. [8]) L. cit. p. 57.

ровъ. Въ 1897 году была найдена очень интересная надпись,
;ая отношеніе къ культу Кабировъ въ Ольвіи [1]). Она высѣчена
десталѣ изъ бѣлаго мрамора; Латышевъ относитъ ее ко II вѣку
X. Она гласитъ слѣдующее:

Εὐβίοτος Ἀρίστωνος.
Ἐπικράτης Νικηράτου
τὸν θεῖον
θεοῖς τοῖς ἐν Σαμοθράκη[ι]
ἱερησάμενον.

ь виду того, что эта надпись содержитъ въ себѣ единственное
аніе о культѣ Кабировъ не только въ Ольвіи, но, повидимому,
сей области сѣвернаго Евксина, она имѣетъ особо важное зна-
Извѣстно [2]), что культъ Кабировъ существовалъ въ Милетѣ,
ю, въ храмѣ Дидимейскаго Аполлона; поэтому вполнѣ возможно,
тъ культъ перешелъ въ Ольвію изъ ея митрополіи. Возможно и
предположеніе, а именно, что культъ перешелъ непосредственно
юоѳраки: на это прямо намекаетъ формула надписи (θεοῖς τοῖς ἐν
άκηι). Мы уже видѣли, что въ Ольвіи существовали культы
ы, Гермеса, Діониса и, по всей вѣроятности, также Діоскуровъ;
;у того, что эти божества связаны были съ самоѳракійскимъ
іъ, весьма понятно, что въ Ольвіи долженъ былъ существовать
гъ Кабировъ.

Асклепій.

существованіи культа Асклепія въ Ольвіи мы имѣемъ два
я. Одно изъ нихъ имѣетъ второстепенное значеніе; именно, оно
вляетъ случайное упоминаніе въ декретѣ Протогена [3]) о πύργος
ρίου, на основаніи чего можно предположить, что неподалеку
ся храмъ Асклепія, отъ котораго получила свое названіе и башня.
свидѣтельство болѣе важно; это—найденный въ Ольвіи и упо-

IosPE. IV, 27. [Надпись приведена здѣсь по чтенію, исправленному В. В.
іевымъ въ *Изв. И. Арх. К.* в. 10, стр. 9]. [2]) C. I. G. 2882.
IosPE. I. 16, B. 46.

минаемый у Кёне [1]) барельефъ. Mr. Rouse [2]) гадательно опредѣляетъ, что сидящая фигура на этомъ рельефѣ представляетъ Ахилла. Но при изслѣдованіи оказывается, что такое опредѣленіе не допустимо; на стѣнѣ помѣщено изображеніе человѣческаго торса [3]), повидимому, посвященнаго въ качествѣ приношенія по обѣту. Этотъ фактъ говоритъ рѣшительно въ пользу предположенія, что сюжетомъ для рельефа послужилъ Асклепій. Уваровъ считаетъ этотъ рельефъ наиболѣе важнымъ памятникомъ подобнаго рода изъ найденныхъ въ Ольвіи. На основаніи указанныхъ двухъ фактовъ можно заключить, что и Асклепій имѣлъ свое мѣсто среди божествъ ольвійскаго пантеона, чего и слѣдовало ожидать, даже безъ прямыхъ свидѣтельствъ, уже вслѣдствіе тѣсной связи Асклепія съ Аполлономъ.

Въ области Евксина найдены двѣ надписи, относящіяся къ Асклепію. Одна изъ нихъ—херсонесская [4]), относящаяся къ римской эпохѣ; въ ней указывается, что копія декрета должна быть поставлена ἐν τῶι ἱερῶι τοῦ Ἀσκλαπιοῦ. Другую надпись, происходящую изъ Пантикапея [5]), приводимъ цѣликомъ: Θεῷ Ἀσκληπιῷ σωτ[ῆρι] καὶ εὐεργέτῃ τὴν τ[ράπε]ζαν ἀνέστησε Στρ[ατόδη]μος Μενεστράτου.

Ахиллъ Понтархъ.

Во введеніи мы подвергли уже обсужденію вопросъ о томъ, былъ ли ольвійскій культъ Ахилла Понтарха греческаго, или скиѳскаго происхожденія; теперь намъ остается разсмотрѣть эпиграфическій и иной матеріалъ, касающійся этого культа въ Ольвіи. Литературнымъ источникомъ въ этомъ отношеніи является Діонъ Хрисостомъ [6]); онъ говоритъ: „τοῦτον (т. е. Ахилла) μὲν γὰρ ὑπερφυῶς τιμῶσι, καὶ νεὼν τὸν μὲν ἐν τῇ νήσῳ τῇ Ἀχιλλέως καλουμένῃ ἵδρυνται, τὸν δὲ ἐν τῇ πόλει, ὥστε οὐδὲ ἀκούειν ὑπὲρ οὐδενὸς ἄλλου θέλουσιν ἢ Ὁμήρου. καὶ τἆλλα οὐκέτι σαφῶς ἑλληνίζοντες διὰ τὸ ἐν μέσοις οἰκεῖν τοῖς βαρβάροις, ὅμως τήν γε Ἰλιάδα ὀλίγου δεῖν πάντες ἴσασιν ἀπὸ στόματος“. Не выяснено, подразумѣваетъ ли здѣсь Діонъ подъ именемъ „острова Ахилла“ Левку, или Бере-

---

[1]) L. cit. p. 7. Рельефъ изданъ гр. Уваровымъ въ „Recherches sur les antiquités de la Russie méridionale“, 120, табл. 13.

[2]) „Greek votive Offerings“, p. 20. Mr. Rouse здѣсь слѣдуетъ автору статьи „Герои“ у Roscher'a (I, 2571), относящему изображеніе на рельефѣ къ Ахиллу.

[3]) См. Rouse, l. cit. p. 210-212, относительно обычая посвящать изображеніе больного мѣста: «Глаза, посвящаемые по обѣту . . . составляютъ $^2/_3$ всего количества посвященій. Затѣмъ слѣдуетъ торсъ».

[4]) IosPE. I. 189. [5]) Ibid. II, 30. [6]) Orat. XXXVI, 439. M.

ъ, небольшой островъ при устьѣ Борисѳена. По мнѣнію Escher'а [1]) и ischer'а [2]), здѣсь подразумѣвается Березань [3]); въ общемъ такое предпо-женіе болѣе вѣроятно. Конечно, и на островѣ Левкѣ существовалъ храмъ. звніе писатели, какъ и современные, постоянно смѣшивали Левку и)езань какъ между собою, такъ и съ „δρόμος Ἀχιλλέως". Этотъ хилловъ бѣгъ" представляетъ собою узкую полосу земли къ югу отъ ьвіи и устья Борисѳена, западная оконечность которой омывается)емъ, а восточная находится въ заливѣ; съ материкомъ коса соеди-этся по серединѣ узкимъ перешейкомъ. Всѣ упомянутыя мѣста были вящены Ахиллу Понтарху. По извѣстіямъ столь поздняго автора, къ Діонъ, конечно, нельзя съ достовѣрностью опредѣлить древность ьта Ахилла, но можно всетаки заключить, что культъ подобнаго ченія былъ установленъ въ болѣе древнія времена. Изъ цитирован-къ нами выше строкъ Алкея мы знаемъ, что уже съ самыхъ древ-къ временъ Ахиллъ былъ почитаемъ въ качествѣ бога-покровителя ерна го Евксина. Изъ древнѣйшихъ ольвійскихъ надписей, правда, не знаемъ ни одной, которая бы имѣла отношеніе къ Ахиллу. Одна пись, весьма важная въ данномъ отношеніи, отнесена Латышевымъ началу перваго вѣка до Р. Х. [4]); она несомнѣнно относится къ эпохѣ разрушенія города, происшедшаго приблизительно за 150 лѣтъ до ѣщенія его Діономъ. Эта надпись представляетъ собою декретъ въ ть Нпкерата, сына Папія, защитившаго гражданъ отъ непріятелей: ретомъ опредѣлено, чтобы онъ былъ погребенъ на общественный тъ. Здѣсь читаются слѣдующія слова: ἐν τῶι ἀγῶνι τἀχιλλεῖ κατὰ πυθόχρηστον τῆς ἱπποδρομίας.

Это—древнѣйшая надпись, относящаяся къ Ахиллу, изъ самой ьвіи; но за то извѣстна одна надпись, гораздо болѣе древняя, изъ стности, лежащей рядомъ съ Ольвіей. Именно, при устьѣ Борисѳена Іпанида находится „роща Гекаты", представляющая песчаную косу, орою оканчивается полуостровъ, нынѣ носящій названіе Кинбурн-го. Въ нѣкоторомъ разстояніи къ западу отъ этого мѣста рыбаки 1885 году вытащили изъ моря жертвенникъ съ надписью: Ἀχιλλεῖ

[1]) У Pauly-Wissowa, Real-Encyclop. п. сл. Achilles.

[2]) Въ лексиконѣ Roscher'а п. сл. Achilles.

[3]) Таковъ и взглядъ Kœhler'а, но по мнѣнію Латышева, здѣсь разу-тся Левка (op. cit. I, p. 167). Замѣтимъ, что Латышевъ сомнѣвается въ достовѣр-:и указанія происхожденія надписи C. I. G. 2, 2076 (=IosPE. I, 77), которую Flei-:r приводитъ, какъ найденную на Березани.

[4]) IosPE. I, 17.

τὸμ βωμὸν καὶ τὸ κέδρον [1]). Латышевъ относитъ эту надпись къ IV или, по крайней мѣрѣ, къ III вѣку до Р. Х. Она представляетъ особый интересъ и значеніе, такъ какъ указываетъ намъ, что культъ Ахилла на сѣверномъ Евксинѣ былъ даже болѣе распространенъ, чѣмъ можно было предполагать [2]).

Слѣдуетъ полагать, что въ указанной мѣстности существовалъ если не храмъ, то, по крайней мѣрѣ, алтарь, посвященный Ахиллу. Здѣсь культъ его былъ распространенъ, по всей вѣроятности, среди рыбаковъ, такъ какъ мы не имѣемъ данныхъ предполагать, что коса эта была заселена. Въ виду того, что жертвенникъ былъ найденъ въ морѣ, довольно далеко отъ берега, слѣдуетъ думать, что песчаная коса перемѣнила свое положеніе со временъ древности.

Отъ той же эпохи или даже нѣсколько болѣе ранней (IV вѣкъ до Р. Х.) до насъ дошла надпись съ острова Левки [3]), представляющая собою посвященіе Ахиллу отъ неизвѣстнаго ольвійскаго гражданина:

[Ὁ δεῖνα Δη]μοστράτο(υ) Ἀχιλλεῖ
[Λευκ]ῆς μεδέοντι Ὀλβιοπολίτ[ης].

Эту надпись можно считать равносильной прямому доказательству существованія культа Ахилла въ самой Ольвіи уже въ сравнительно раннюю эпоху [4]). На томъ же островѣ былъ найденъ важный декретъ ольвійскихъ гражданъ въ честь неизвѣстнаго лица, повидимому, обитателя острова [5]); Латышевъ относитъ его къ концу IV или началу III вѣка до Р. Х. Въ Ольвіи найденъ отрывокъ почетнаго декрета [6]) того же времени; по мнѣнію Латышева, эта надпись, подобно предыдущей, относится къ какому-либо обитателю Левки [7]). Но, по свидѣтельствамъ древнихъ авторовъ, островъ былъ необитаемъ и морякамъ запрещалось ночевать на немъ [8]), изъ чего можно заключить, что лица, упомянутыя въ приведенныхъ надписяхъ, были жрецами или попечителями храма Ахилла на Левкѣ. Если упоминаемый Діономъ островъ есть дѣйстви-

---

1) IosPE. IV, 63.

2) См. также отрывокъ надписи изъ Неаполя, второго вѣка до Р. Х., представлявшей, повидимому, посвященіе Ахиллу (IosPE. IV, 192).

3) IosPE. I, 172.

4) Относительно формы ср. посвященіе Посидея Ἀχιλλεῖ νήσου [μεδέοντι] изъ Неаполя. IosPE, I, 244.

5) IosPE. I, 171. 6) IosPE. I, 13.

7) [Такого мнѣнія я не высказывалъ. *В. Л.*].

8) Scyl. Peripl. 68; Arrian. Per. 32; Anon. Peripl. 66; Amm. Marc. XXII. 8, 35; Max. Tyr. diss. XX. 7.; Philostr. Heroic. 20, 35.

тельно Левка, то можно заключить, что попеченіе о храмѣ на этомъ островѣ лежало на обязанности ольвійскихъ гражданъ.

Цѣлый рядъ посвятительныхъ надписей, изданныхъ Латышевымъ [1]) и относящихся, вѣроятно, ко II или III столѣтію по Р. Х., говоритъ въ пользу того, что культъ Ахилла имѣлъ важное значеніе и въ позднѣйшій періодъ исторіи города. По мнѣнію Латышева, всѣ эти надписи, хотя нѣкоторыя изъ нихъ были найдены не на самомъ мѣстѣ древней Ольвіи [2]), безусловно происходятъ изъ нея, такъ какъ онѣ сходны по формѣ съ несомнѣнно ольвійскими надписями и такъ какъ почти всѣ встрѣчающіяся въ нихъ имена попадаются и въ другихъ ольвійскихъ надписяхъ. Нѣкоторые авторы полагали, что эта серія надписей принадлежитъ городу Одессу, но онъ былъ слишкомъ незначителенъ, чтобы имѣть пять архонтовъ и шесть стратеговъ или чтобы надписи его упоминали о состязаніяхъ. Интересно отмѣтить нѣкоторую разницу между надписями о посвященіяхъ Ахиллу и надписями о посвященіяхъ Аполлону Простату, относящимися къ той же эпохѣ: въ этихъ послѣднихъ всегда называется предметъ, приносимый въ даръ, тогда какъ въ надписяхъ о посвященіяхъ Ахиллу, имѣется лишь общее упоминаніе о χαριστήριον. Исключеніе представляютъ только надписи №№ 77 и 81; въ первой изъ нихъ выпущено даже слово χαριστήριον, а во второй указано, что предметъ дара составлялъ στέφανος (принесенный жрецомъ). Въ видѣ примѣра подобныхъ надписей приведемъ № 79: Ἀγαθῇ τύχῃ. Ἀχιλλεῖ Ποντάρχῃ οἱ περὶ Καλλισθένην Σατύρου στρατηγοί· Μηνόδωρος Ποντικοῦ, Νάβαζος Νουμηνίου, Ἀχιλλεὺς Συν(τ)ρόφου, Βάδαγος Ἰεζδράδου, Λάδαγος Κουζαίου ὑπὲρ τῆς πόλεως εὐσταθίας καὶ τῆς ἑαυτῶν ὑγείας χαριστήριον.

Надпись № 82 интересна тѣмъ, что представляетъ собою посвященіе Ἀχιλλεῖ Ποντάρχῃ καὶ Θέτιδι; культъ Ахилла, Өетиды и Нереидъ, какъ извѣстно, существовалъ въ іонійскомъ городѣ Эриөрахъ [3]).

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что имя Ахилла очень часто встрѣчается въ Ольвіи [въ качествѣ личнаго имени для людей]; цѣлую дюжину примѣровъ можно найти въ надписяхъ, изданныхъ Латышевымъ.

---

[1]) IosPE. I, 77—83; IV, 17—19. [*Изв. И. Арх. К.* в. 10, стр. 3, № 2; вып. 18, стр. 110, 14; выше, стр. 35, № 32; двѣ послѣднія найдены на о. Березани].

[2]) По поводу разбросанности камней Ольвіи Латышевъ ссылается на Уварова (Rech. p. 32). Надпись IV, 18 найдена среди развалинъ Ольвіи.

[3]) Dittenberger, Syll [2].. 600; Michel, Recueil, 839, B. 2, 27.

Вопросъ о томъ, имѣемъ ли мы какія-либо нумизматическія извѣстія объ ольвійскомъ культѣ Ахилла, остается еще не рѣшеннымъ. Кёне [1]) даетъ три монеты, которыя, по его мнѣнію, имѣютъ изображеніе Ахилла. Но, какъ мы уже видѣли, на двухъ изъ нихъ можно признать съ большей долей вѣроятія изображенія Арея. Что касается третьей, то возможно, что на ней изображенъ Ахиллъ. По виду эта монета сходна, но не тождественна съ монетой, описанной Пикомъ [2]). Обратная сторона ея описана у Кёне слѣдующимъ образомъ:

„ΟΛΒΙΟΠΟΛΕΙΤΩΝ. Homme nu, tourné à gauche, posant le pied droit sur une élevation et tenant dans la droite un objet indistinct. Devant lui une meta. Dans le champ Γ“.

Если изображенный на монетѣ предметъ дѣйствительно представляетъ собою „мету“, то заключеніе о томъ, что на монетѣ изображенъ Ахиллъ, является вполнѣ основательнымъ; изъ всѣхъ извѣстныхъ ольвійскихъ монетъ эта монета оказывается единственною съ изображеніемъ Ахилла.

Гераклъ.

Голова Геракла нерѣдко фигурируетъ въ качествѣ типа на ольвійскихъ монетахъ. Уже на основаніи связи Геракла съ сѣверомъ, хорошо извѣстной изъ Пиндара (Olymp. III), мы могли надѣяться встрѣтить въ Ольвіи особый культъ Геракла. Вспомнимъ также одно мѣсто у Геродота, гдѣ онъ повѣствуетъ, по разсказамъ обитавшихъ по берегамъ Понта Грековъ, что Гераклъ, послѣ похищенія имъ стадъ Геріона, пройдя черезъ Скиѳію, прибылъ ἐς τὴν Ὑλαίην καλεομένην γῆν [3]) (ср. у Пиндара: „τόθι δένδρεα θάμβαινε σταθείς“).

Далѣе Геродотъ сообщаетъ [4]), что въ Эксампеѣ, мѣстности, лежавшей неподалеку отъ Ольвіи, показывали слѣдъ ноги Геракла; но этотъ „слѣдъ ноги“ не имѣетъ какого-либо особеннаго значенія, такъ какъ, повидимому, по всѣмъ землямъ греческаго міра считались принадлежащими Гераклу предметы, подобные тѣмъ, которые въ Англіи обыкновенно считаются собственностью діавола, напр. „чортовы стрѣлы“, „дьяволовъ кубокъ“ и т. д. Культъ Геракла вообще былъ столь общераспространеннымъ, что врядъ-ли мы можемъ предполагать спеціально-мѣстное значеніе его въ Ольвіи; но все же надо признать, что здѣсь Гераклъ былъ особенно

[1]) L. cit. I, p. 84, 85, 88. [2]) Табл. XII, 2. [3]) Herod. IV, 8, 9. [4]) Herod. IV, 82.

подходящимъ объектомъ для культа, если принять во вниманіе легендарную связь его съ сѣверомъ.

Переходя къ эпиграфическимъ извѣстіямъ объ ольвійскомъ культѣ Геракла, нужно замѣтить, что они довольно любопытны. Латышевъ [1]) издалъ одну надпись, вырѣзанную на камнѣ, весьма сходномъ съ аѳинскими надгробными камнями IV вѣка до Р. Х.; матеріаломъ для этой плиты послужилъ, повидимому, аттическій мраморъ. На этомъ основаніи сдѣлано заключеніе, что плита была привезена изъ Аѳинъ въ Ольвію для погребальныхъ цѣлей, но здѣсь, по тѣмъ или инымъ причинамъ, была употреблена не для надгробнаго памятника, а для посвященія. Надпись весьма плохо сохранилась; очевидно, она была нарочно испорчена еще въ древности. Латышевъ возстановляетъ ее слѣдующимъ образомъ: [Κλεόμβροτος Πανταχλέους ἀνέθ]ηκε τ[ὸν πύργον] Ἡ[ρ]α[κλε]ῖ [καὶ] τῶιδήμ[ωι].

Затѣмъ слѣдуетъ эпиграмма изъ шести строкъ; изъ нихъ мы приведемъ первыя двѣ:

Ἡράκ[λ]εε[ς], σοὶ [τ]όνδε Κλεόμβροτος εἷσ[α]τ[ο π]ύρ[γο]ν
καὶ δήμωι ποταμ[οῦ τ]οῦδε [πα]ρ' ἠϊ[όνα].

Мы встрѣтили уже примѣръ постройки башни частными лицами въ декретѣ Протогена [2]). Выше мы указали надпись [3]), въ которой совмѣстно упоминаются Гермесъ и Гераклъ. Любопытно, что и на этой надписи видны слѣды преднамѣренной порчи, изъ чего Латышевъ заключаетъ, что въ извѣстную эпоху культъ Геракла былъ въ Ольвіи упраздненъ и имя его стерто съ памятниковъ.

Имя Геракла встрѣчается также въ надписяхъ изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ сѣвернаго Евксина [4]). Одна пантикапейская надпись [5]), 216 г. по Р. Х., начинается слѣдующимъ образомъ: Τὸν ἀφ' Ἡρακλέους καὶ Εὐμόλπου τοῦ Ποσειδῶνος καὶ ἀπὸ προγόνων βασιλέων βασιλέα Τιβέριον Ἰούλιον Ῥησκούποριν...

Эта легендарная генеалогія можетъ объяснить намъ причину, по которой на монетахъ царей Боспорскихъ встрѣчаются различныя эмблемы Посидона и Геракла [6]).

---

[1]) IosPE. I, 99. Замѣтимъ, что на оборотной сторонѣ плиты помѣщена надпись гораздо болѣе поздней эпохи, изданная въ IosPE. I, 67.

[2]) IosPE. I, 16. [3]) Ibid. IV, 459.

[4]) Изъ Никиты, вѣроятно 3-го в. до Р. Х., ibid. I, 245; изъ Пантикапея, 4-го в. до Р. Х., ibid. II, 24; изъ Фанагоріи, 2-го в. до Р. Х., ibid. II, 350.

[5]) Ibid. II, 41. Имѣются также двѣ подобныя надписи изъ Фанагоріи, II, 358, 361.

[6]) Съ этимъ небезполезно сравнить пантикапейское посвященіе Διὶ Γενάρχηι (ibid. IV, 200).

Относительно нумизматическихъ извѣстій о культѣ Геракла въ Ольвіи замѣтимъ прежде всего, что 8 монетъ съ изображеніемъ головы его описаны у Кёне, 7 представлены на таблицахъ Пика и 3 даны въ Берлинскомъ каталогѣ, тогда какъ въ Британскомъ музеѣ подобныхъ монетъ не имѣется вовсе. Экземпляры Пика подраздѣляются на двѣ категоріи, рѣзко отличающіяся одна отъ другой. Изъ этихъ монетъ три [1]) имѣютъ изображеніе юной головы Геракла въ львиной шкурѣ; типы монетъ различны, но всѣ они вполнѣ хорошаго стиля; на всѣхъ монетахъ представлена безбородая голова вправо, а на обратной сторонѣ—палица. Первые два экземпляра Пика изготовлены изъ серебра и сходны съ № 32 по Берлинскому каталогу; третья монета Пика, сходная съ №№ 117 и 118 по Берлинскому каталогу,—мѣдная. Монета № 117 описана слѣдующимъ образомъ:

Лиц. ст.	Обр. ст.
Юная голова Геракла въ львиной шкурѣ, вправо. Два неясныхъ круглыхъ клейма.	ΟΛΒΙΟ, надъ положенной горизонтально палицей. Внизу ΕΙΡΗΒΑ [2]). (Æ. 5.).

Von Sallet полагаетъ, что буквы ΒΑ на обратной сторонѣ монеты представляютъ сокращеніе слова βασιλεύς; это слово могло или составлять титулъ жреца, или же относиться къ скиѳскимъ царямъ. Послѣднее предположеніе болѣе правдоподобно, такъ какъ изъ послѣдней цитированной пантикапейской надписи можно заключить, что не только Боспорскіе, но и иные скиѳскіе цари могли претендовать на происхожденіе отъ Геракла.

На четырехъ остальныхъ монетахъ Пика [3]) изображенія головы по стилю совершенно отличаются отъ предыдущихъ; типы обратной стороны этихъ монетъ различны. Всѣ эти монеты серебряныя; изображенія головы на лицевой сторонѣ ихъ исполнены грубо и тяжело, обращены влѣво и болѣе или менѣе сходны между собою. На обратной сторонѣ этихъ монетъ имѣются слѣдующія изображенія:

№ 21 — вертикально поставленная палица, окруженная вѣнкомъ изъ колосьевъ.

№ 22—вѣнокъ.

№ 23—вертикально расположенный лукъ въ коритѣ.

---

[1]) Табл. X, 18—20. Ср. Берлинскій каталогъ, 32, 117, 118.

[2]) Буквы ΡΗ изображены вязью.

[3]) Табл. X, 21—25. Ср. De Kœhne, l. cit., p. 48, № 54.

весьма естественнымъ олицетвореніе ихъ. Весьма нерѣдко онѣ изображаются на монетахъ олицетворенными подъ видомъ быка. Быть можетъ, изображеніе выступающаго быка, встрѣченное на лицевой сторонѣ одной ольвійской монеты, также можно принять за олицетвореніе рѣчного бога" [1])? Врядъ ли можно согласиться съ такимъ взглядомъ, если принять во вниманіе другія монеты типа Борисѳена; монета эта, повидимому, очень поздней эпохи. Затѣмъ извѣстна одна монета императорскаго періода съ изображеніемъ быка на обратной сторонѣ [2]). Указанныя выше монеты относятся къ другому типу: „человѣческое лицо съ всклокоченной бородой, со лбомъ, рогами и ушами быка" [3]). На ольвійскихъ монетахъ встрѣчаются изображенія только головы бога.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ типовъ монетъ съ Борисѳеномъ. Въ каталогахъ Берлинскаго и Британскаго музеевъ они различаются только по монограммамъ на обратной сторонѣ, но слѣдуетъ отмѣтить, что и самыя изображенія рѣчныхъ боговъ на лицевой сторонѣ ихъ сильно различаются по своимъ типамъ.

Монета, изображенная у Пика, табл. IX, 26 [4]), не имѣетъ скиѳскаго типа; повидимому, при гравировкѣ формы этой монеты, художникъ старался по возможности ближе воспроизвести очертанія головы быка; въ общемъ это изображеніе представляетъ голову быка, слегка очеловѣченную. Въ особенности характерны для быка лобъ съ короткими рогами и борода. Можно думать, что въ данномъ случаѣ граверъ копировалъ рисунокъ съ какой-либо иной монеты; во всякомъ случаѣ, этотъ типъ не представляетъ ничего чисто-мѣстнаго.

На монетѣ Пика, табл. IX, 27 [5]), изображеніе головы приближается къ скиѳскому типу, но все-же лобъ и короткіе рога остаются характерно бычачьими. Уши быка менѣе отчетливы, чѣмъ на предыдущей монетѣ. Волосы попрежнему принадлежатъ условному типу рѣчного бога и кажутся мокрыми.

---

[1]) Pick, табл. XI, 23; Берлинскій каталогъ, 132; De Kœhne, l. cit., p. 84, объясняетъ этотъ типъ, какъ указаніе на богатства Ольвіи, состоявшія преимущественно изъ стадъ. [2]) Pick., табл. XII, 3.

[3]) Проф. Jebb, къ «βούπρῳρος», Софоклъ, Trach. 13. Ахелой въ такомъ видѣ изображенъ на архаической монетѣ изъ Метапонта въ Луканіи у Millingen, Anc. Coins of Greek Cities and Kings, Pl. I, 21. Монета, описанная Head'омъ, Hist. Num., p. 63, не тождественна съ этою. [У Бурачкова см. подобный типъ головы на табл. IX, 219]. [4]) Коллекція Imhoof-Blumer'a.

[5]) Только лицевая сторона; обозначенная же подъ № 27 обратная сторона относится къ монетѣ изъ коллекціи Imhoof-Blumer'a, разсматриваемой нами ниже. Въ Британскомъ музеѣ имѣется одинъ подобный экземпляръ, № 10, изображенный на стр. 12 (Каталогъ «Ѳракія»).

Далѣе, въ коллекціи Imhoof-Blumer'a имѣется монета, на лицевой сторонѣ которой изображеніе головы довольно любопытно. Оно имѣетъ характеръ уже вполнѣ человѣческой головы, за исключеніемъ отличительныхъ для рѣчного бога короткихъ роговъ на лбу; вполнѣ отчетливо видны человѣческія уши. Вообще типъ этой монеты болѣе условенъ и менѣе похожъ на скиѳскій, чѣмъ типъ двухъ слѣдующихъ монетъ. Странно, что Пикъ не далъ описанія этой монеты, хотя типъ ея ясно отличается отъ типа остальныхъ монетъ.

Наиболѣе типичная скиѳская голова изображена на монетѣ, подобной экземпляру Пика, табл. IX, 28 [1]), и находящейся въ Берлинской коллекціи (но не въ каталогѣ). Изображеніе головы отчеканено не въ центрѣ кружка, такъ что для роговъ не осталось мѣста, хотя, безъ сомнѣнія, они были выгравированы на монетной формѣ; во всемъ остальномъ голова—вполнѣ человѣческая, по характеру скиѳская, того типа, изъ котораго произошли хорошо извѣстныя изображенія головы Пана на монетахъ Пантикапея. Скиѳы, изображенные на упомянутой выше вазѣ Ксенофанта, принадлежатъ къ тому же общему типу; для сравненія вспомнимъ изображенія раненыхъ скиѳовъ на одномъ очень интересномъ предметѣ изъ южной Россіи [2]). Фигура, изображенная на лѣвой сторонѣ этого предмета, имѣетъ по профилю весьма большое сходство съ головой, изображенной на второй изъ только-что перечисленныхъ монетъ.

Далѣе, извѣстна еще одна монета [3]) съ явственно-скиѳскими чертами изображенной на ней головы; здѣсь явственно замѣтны и рога; волоса болѣе похожи на волоса условнаго рѣчного бога. Типомъ обратной стороны всѣхъ этихъ монетъ служитъ изображеніе сѣкиры и лука въ коритѣ [4]), такъ что скиѳскій рѣчной богъ представленъ на монетахъ со скиѳскимъ же оружіемъ и типъ обѣихъ сторонъ отличается чисто-мѣстнымъ характеромъ [5]). Въ этомъ заключается особый

---

[1]) [См. подобныя монеты у Бурачкова, табл. IX, №№ 221, 222; здѣсь рога ясно видны]. [2]) Compte rendu, 1864, p. 142.

[3]) Берлинскій каталогъ, № 93. Съ нею имѣетъ нѣкоторое, не очень близкое, сходство монета, описанная Пикомъ, табл. IX, № 29.

[4]) Повидимому, къ этой-же серіи монетъ слѣдуетъ отнести монету Пика (табл. IX, 32), вслѣдствіе одинаковости типа обратной стороны ихъ (какъ упомянуто выше Кёне приписываетъ ее Посидону). Типъ головы, изображенной на этой монетѣ, отличается отъ описанныхъ здѣсь; голова очень большая, почти заполняющая весь монетный кружокъ, при чемъ рога на лбу не видны. [См. Бурачковъ I. cit. табл. IX, 214—223).

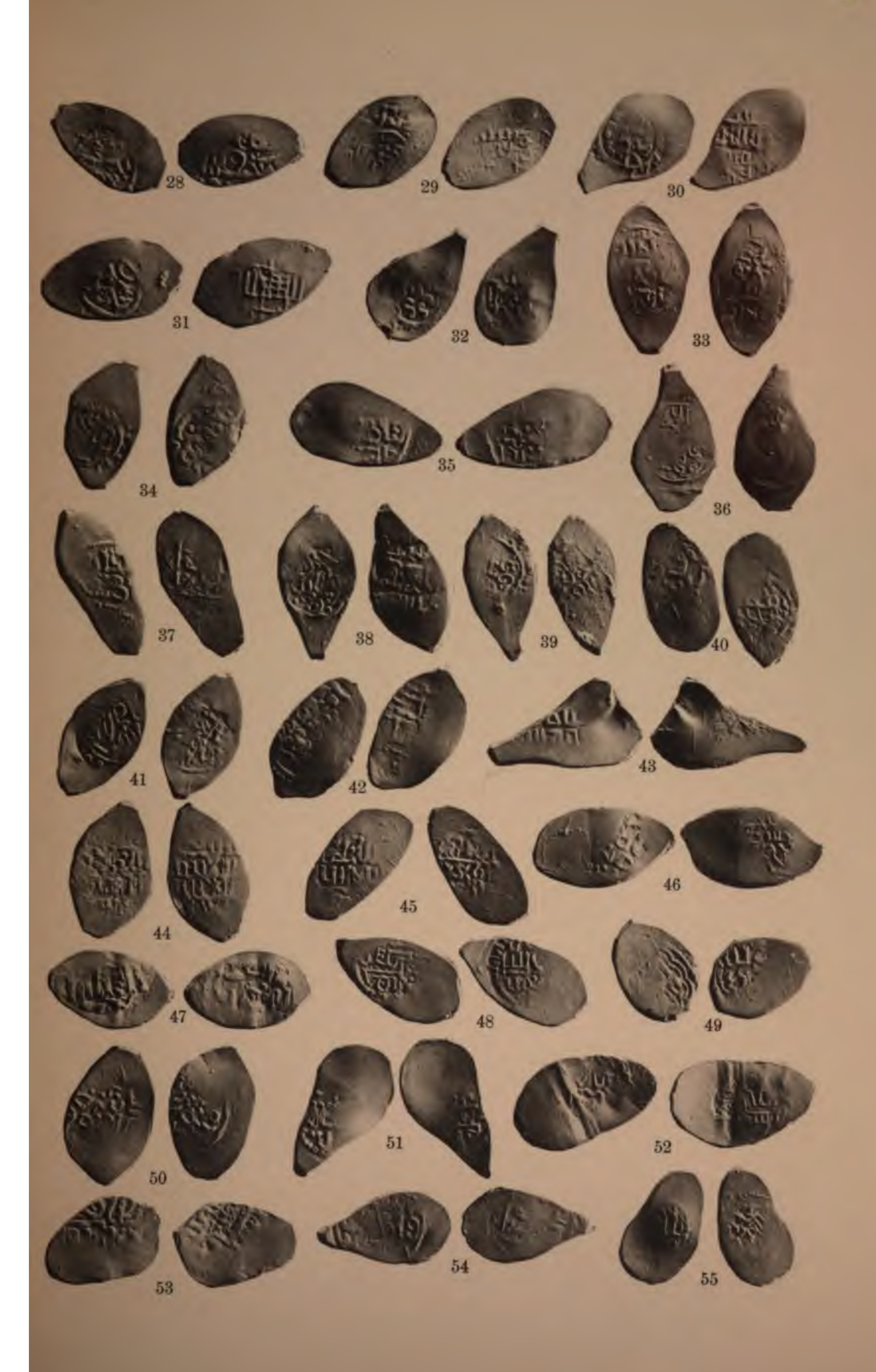
[5]) Одна ольвійская надпись, найденная въ 1900 г. (IosPE. IV, 460), IV вѣка Р. Х., касается состязаній въ стрѣльбѣ изъ лука, происходившихъ въ Ольвіи. Повидимому, эти состязанія заимствованы у Скиѳовъ, такъ какъ, насколько извѣстно, Греки въ другихъ мѣстахъ ими не занимались.

интересъ, представляемый описанною серіею монетъ; по нимъ, а также на основаніи изображеній Скиѳовъ на вазахъ, мы видимъ, что въ Ольвіи существовали художники, которые, вмѣсто того, чтобы увѣковѣчивать только условные типы, изображали также тѣхъ людей, среди которыхъ они жили. Какъ мы утверждали уже выше, появленіе этихъ скиѳскихъ головъ среди другихъ, чисто греческихъ по типу, указываетъ на расовое чувство художника; это, въ свою очередь, заставляетъ думать, что Ольвія оставалась чисто греческимъ городомъ, по крайней мѣрѣ, въ болѣе раннюю и (въ то же время) болѣе счастливую эпоху. Согласно опредѣленію каталога Британскаго музея, эти монеты относятся къ эпохѣ до Александра Великаго; Кёне полагаетъ, что онѣ относятся къ періоду, обнимающему промежутокъ времени болѣе одного столѣтія. Когда же возникло смѣшанное греко-скиѳское населеніе, то, вполнѣ естественно, вышеуказанный скиѳскій типъ перестали воспроизводить на монетахъ. Однако, можно думать, что и позднѣе Борисѳенъ подъ тѣмъ или инымъ видомъ продолжалъ служить типомъ для монетъ, если принять въ расчетъ, въ какой сильной степени процвѣтаніе города зависѣло отъ рѣки. Напомнимъ, кстати, что однимъ изъ названій Ольвіи и, повидимому, древнѣйшимъ, было—„Борисѳенъ". Геродотъ въ своемъ повѣствованіи о Скилѣ (IV, 18) называетъ городъ этимъ именемъ, а жителей его—Борисѳенитами, замѣчая при этомъ, что сами жители предпочитали называться Ольвіополитами. Собственно имя „Ольвія" у Геродота не встрѣчается.

Изъ вышеприведенныхъ фактовъ ясно обрисовывается чисто греческій характеръ ольвійской религіи; мы не нашли слѣдовъ культа какого-либо исключительно мѣстнаго бога, кромѣ культа Борисѳена. Но въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло только съ кажущимся исключеніемъ изъ общаго правила, такъ какъ изображеніе бога сосѣдней рѣки постоянно встрѣчается на монетахъ греческихъ государствъ. Мѣстный колоритъ представленъ на монетахъ только скиѳскими стрѣлами и лукомъ, а также, вѣроятно, осетромъ; прочіе типы нельзя признать, въ какомъ бы ни было смыслѣ, отличительными.

Перевелъ съ англійскаго **П. Латышевъ**.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27


28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55

DK30
A32
24-27

	DATE DUE		

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305